

На орбитах памяти

***Об основателях
и создателях
уральского
ядерного центра***

Снежинск
Издательство РФЯЦ – ВНИИТФ
2009

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6
Н12

Авторы-составители: В. И. Никитин, Г. В. Казаченкова

Н12 **На орбитах памяти** / авт.-сост. В. И. Никитин, Г. В. Казаченкова. — Снежинск: Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2009. — 744 с., ил.

ISBN 978-5-902278-35-1

Издание представляет собой сборник очерков о жизни и деятельности сотрудников РФЯЦ — ВНИИТФ, принимавших непосредственное участие в реализации отечественного атомного проекта. Они внесли значимый и во многом определяющий вклад в становление и развитие ядерного центра на Урале. Заслуги их отмечены высокими наградами Родины и благодарной памятью близких, друзей, коллег, учеников-последователей. Книга рассчитана на широкий круг читателей: ветераны вспомнят дела минувших дней, молодежь узнает, кем и как создавался ядерный щит страны.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6

Ответственный редактор	Г. В. Казаченкова
Корректор	Н. И. Потеряхина
Компьютерная верстка	И. Е. Ядринцева
Компьютерная подготовка иллюстраций	Т. Б. Пряхина
Компьютерная подготовка обложки	Е. Ю. Толочёк

Подписано в печать 20.08.2009. Бумага ВХИ. Формат 70×100/16.

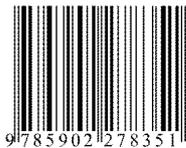
Гарнитура LiteraturnayaС. Печать офсетная.

Усл. п. л. 59,99. Тираж 300 экз. Заказ № 181.

Оригинал-макет подготовлен Издательством РФЯЦ — ВНИИТФ.
456770, г. Снежинск Челябинской обл., ул. Васильева, 13, РФЯЦ — ВНИИТФ;
тел.: (351-46) 5-23-50

Отпечатано в АНО «Уральский центр академического обслуживания».
620219, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

ISBN 978-5-902278-35-1

© РФЯЦ — ВНИИТФ, 2009

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник очерков посвящен людям, которые сыграли решающую роль в создании и развитии нашего института: Федерального ядерного центра – ВНИИТФ им. академ. Е. И. Забабахина. Все успехи и достижения института обязаны их самоотверженному труду, их талантам, их знаниям.

Это очень разные люди, разными были их пути в науку, в производство, по местам их рождения можно изучать географию Советского Союза, но у них много общего. Каждый был высочайшим профессионалом в своей области, и работа была главным содержанием их жизни. Этим, столь непохожих, людей объединяет в высшей степени ответственное отношение к работе, понимание её важности для обороноспособности страны. Практически все они либо прошли дорогами войны, либо вытерпели полуголодные военные годы в тылу.

Их родители, в большинстве простые труженики, сумели передать им достойное отношение к жизни, к работе, к людям. Для большинства героев очерков характерно доверие, заботливое отношение к товарищам и подчиненным, скромность. Никто из них не страдал стремлением к роскоши, к обогащению. Это они определяли тот стиль, тот моральный климат, который был характерен для нашего института.

Подавляющее большинство предстает перед нами заботливыми семьянинами, любящими отцами и дедами.

Разнообразны их увлечения, но любовь к природе, к Уральскому краю, ставшему для них родным, отмечается во всех очерках. Среди них не было «сухих технарей», многие были любителями и знатоками литературы, поэзии, искусства.

К сожалению, большинство прожило до обидного мало: сказались трудное детство, лишения и тяготы военных лет, напряженная, самоотверженная, часто опасная работа (а также недостаточная забота о здоровье, отсутствие полноценного отдыха).

Но как много им удалось сделать! Их трудами была создана новая область оборонной техники; ядерные заряды, ядерные боеприпасы, разработанные ими вместе с соратниками и сотрудниками, до сих пор составляют основу обороноспособности нашей страны. С теперешних позиций сроки выполнения труднейших работ, их объем выглядят невероятными, но эти люди умели работать!

В большей или в меньшей степени я знал всех этих людей, видел их в работе, а многих и вне служебной обстановки. Мне было очень интересно читать эти очерки, отмечать знакомые черты, а часто узнавать и новые подробности, детали биографий, особенности характера.

Очень хотелось бы, чтобы будущие читатели почувствовали любовь, с которой написана эта книга, прониклись бы уважением и благодарностью к замечательным людям – её героям.

Своим созданием сборник обязан многим бывшим и нынешним сотрудникам института – авторам очерков, а в особенности, его составителям и редакторам В. И. Никитину и Г. В. Казаченковой.

*Е. Н. Аврорин,
почетный научный руководитель РФЯЦ – ВНИИТФ,
действительный член Российской академии наук*

Андрусенко Борис Александрович

09.06.1937–02.01.2008

Специалист в области электрификации промышленных предприятий, разработчик приборов, приборных комплексов и методик измерений для отработки новой техники; кандидат технических наук (1986), лауреат премии Правительства РФ (1996); член КПСС с 1981 г.

- 1955 — студент электромашиностроительного факультета Харьковского политехнического института им. В. И. Ленина.
- 1960 — инженер-электрик научно-экспериментального сектора 10 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1966 — старший инженер отдела 121 научно-испытательного отделения 12, там же.
- 1972 — начальник группы отдела 121 НИО-12, там же.
- 1978 — заместитель начальника отдела 124 НИО-12, там же.
- 1987 — первый заместитель начальника НИО-12, там же.
- 1988 — заместитель главного конструктора ВНИИТФ — начальник НИО-12, там же.
- 2002 — пенсионер.

Награжден орденом «Дружбы» (2002); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За трудовую доблесть» (1981), «Ветеран труда СССР» (1986); нагрудными знаками: «50 лет атомной отрасли» (1997), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999). Его имя занесено в Книгу Почета г. Снежинска.

Андрусенко Борис Александрович родился 9 июня 1937 года на Украине в селе Корчаковка Хотеньского района Сумской области Украинской ССР. Семья и по тем временам была не маленькой: пятеро детей — Анна, Мария, Павел, Константин и Борис — самый младший. Отец, Александр Степанович, умер рано — в 1956 году. Он прошел всю войну. В 1941-м попал в плен, но в этом же году бежал и потом воевал, оставаясь в рядах Советской Армии до сентября 1945 года, за воинскую доблесть был неоднократно награжден. После войны работал бухгалтером-счетоводом. Может быть, поэтому двое старших, Павел и Мария, пошли по отцовским стопам — стали бухгалтерами. Константин выбрал служение Отечеству в качестве офицера Советской Армии. Борису же судьба уготовила стезю непростую и ответственную.

В 1945 году он пошел в школу, которую окончил с золотой медалью. Юношеской энергии хватало не только на отличную учебу. Вступив в комсомол в 1952 году, Борис Андрусенко неоднократно избирался секретарем комсомольского бюро. Став после окончания школы в 1955 году студентом Харьковского политехнического института им. В. И. Ленина, он с таким же успехом осваивал специальность «электрификация промышленных предприятий».

В 1956 году в составе студенческой комсомольской бригады Борис Андрусенко участвовал в уборке целинного урожая в Казахстане, в Кокчетавской области, за что был отмечен почетной грамотой и нагрудным значком институтского комитета комсомола.

После блестящей защиты дипломного проекта 10 июня 1960 года ему была присвоена квалификация инженера-электромеханика и выдан диплом с отличием. По распределению, которое Борис Александрович получил еще в середине пятого курса от представителей Министерства среднего машиностроения, он был направлен в Челябинск-70 (Снежинск) в НИИ-1011. При вербовке была обещана интересная работа по специальности (это обстоятельство ставилось тогда на первое место!) и немного повышенная (процентов на 30–40) зарплата, в том числе и за счет районного коэффициента.

Борису Александровичу очень повезло с первым местом работы. Он был определен инженером-электриком в научно-экспериментальный сектор 10, возглавляемый доктором технических наук Борисом Константиновичем Шембелем — учеником и соратником академика Н. Н. Семёнова. Сектор занимался разработкой уникального линейного ускорителя и был на особом счету у тогдашнего научного руководителя института Кирилла Ивановича Щёлкина, поскольку заветной мечтой его было создание крупного многопрофильного уральского научного центра на базе молодого ядерно-оружейного, который только набирал силу, доказывал свою состоятельность. Во время работы в секторе 10 Борису Александровичу пришлось заниматься интереснейшими научно-техническими направлениями: сначала автоматикой ускорителя ионов ПТ-500, а затем сверхсильными магнитными полями для удержания плазмы. В характеристике от декабря 1962 года, подписанной Б. К. Шембелем, отмечалось, что за время работы

Андрусенко Борис Александрович

в секторе (с августа 1960 года) «тов. Андрусенко показал себя грамотным, трудолюбивым, инициативным инженером, успешно справляющимся с поручаемой ему работой. Активно участвует в общественной жизни сектора, является профоргом службы электротехники и редактором стенгазеты».

После чрезвычайно раннего ухода К. И. Щёлкина на пенсию (всего-то в 49 лет!) сектор 10, к сожалению, был расформирован, многие сотрудники сектора и его уникальные физические установки стали достоянием нескольких НИИ Москвы, Подмосковья и Новосибирска. Но за время работы в этом секторе Борис Александрович приобрел большой практический опыт. Он неустанно повышал уровень теоретических знаний, являясь техническим информатором отдела, занимаясь на курсах английского языка, на философском факультете ВУМЛ, а позднее — на курсах повышения квалификации в ЦИПКе и при МИФИ-6. Параллельно с основной производственной деятельностью он преподавал в вечернем институте — ныне Снежинская государственная физико-техническая академия.

Дальнейшая профессиональная деятельность Б. А. Андрусенко была связана с научно-испытательным сектором (позже отделением) 12 в КБ-1. В коллективе КБ, возглавляемом замечательным руководителем и удивительным человеком Борисом Васильевичем Литвиновым, царил атмосфера взаимоуважения, участия и творческих дерзаний. Испытательным сектором в этот период руководили талантливые организаторы, люди, беззаветно преданные делу укрепления обороноспособности нашей страны — сначала Владислав Антонович Верниковский (позднее главный конструктор ВНИИТФ), затем Евгений Иванович Парфёнов (полковник, заместитель главного конструктора ВНИИТФ). Всё это определенным образом повлияло на формирование Андрусенко-руководителя. Карьерный рост от инженера до первого заместителя начальника испытательного сектора свидетельствует о его способности глубоко проникать в сущность вопроса, об умении творчески подходить к решению производственных и научных задач. Обладая высокой работоспособностью и настойчивостью, он умел всякое начатое дело довести до логического завершения. Требовательный прежде всего к себе, с подчиненными он был неизменно вежлив, корректен, отзывчив. По мнению руководства сектора, «тов. Андрусенко — хороший организатор, тактичный воспитатель, умелый руководитель».

6 За время работы в испытательном секторе Борису Александровичу довелось заниматься несколькими тематическими направлениями: системами автоматизации подрыва, специальной радиотелеметрической системой, технологиями обезвреживания аварийных спецбоеприпасов, вопросами организации и инженерно-технического обеспечения натуральных полигонных испытаний ядерных зарядов. Под его руководством и при его непосредственном участии разработан ряд блоков, применяемых при работах во внешних экспедициях, в которые он неоднократно выезжал в качестве ответственного за методику измерений.

Андрусенко Борис Александрович

В 1986 году Б. А. Андрусенко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, получил звание старшего научного сотрудника и в январе 1987 года был назначен первым заместителем начальника сектора Е. И. Парфёнова.

Уже через год Борис Александрович принял от Евгения Ивановича бразды правления большим и разнопрофильным коллективом, каковым в то время являлся испытательный сектор. В его состав входили специалисты по электронике, радиотехнике, конструкторы, специалисты по горному делу, хозяйственники, режимные работники. А в 1988 году Борис Александрович был назначен заместителем главного конструктора по испытаниям ядерных зарядов — начальником отделения 12 РФЯЦ — ВНИИТФ.

В этом же году Борис Александрович принял непосредственное участие в Совместном эксперименте по контролю мощности ядерных испытаний на Невадском и Семипалатинском полигонах, который позволил выработать меры контроля за соблюдением советско-американского Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия.

Б. А. Андрусенко крайний справа

Б. А. Андрусенко возглавлял делегацию советских специалистов во время первого проведения контрольных процедур в отношении американского ядерного испытания «Хойя» в 1991 году на Невадском полигоне.

В качестве руководителя работ в 1995 году он обеспечил сложные технические операции по вскрытию и уничтожению ядерного взрывного устройства в штольне 108К на Семипалатинском полигоне.

Под непосредственным руководством Б. А. Андрусенко в период с октября 1995 по февраль 1996 года в суровых условиях арктической зимы на Центральном полигоне Российской Федерации были успешно проведены первые в отрасли

Андрусенко Борис Александрович

три неядерно-взрывных эксперимента РФЯЦ — ВНИИТФ, необходимые для подтверждения надежности, безопасности и работоспособности ядерного потенциала России в условиях действия Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Как руководитель эксперимента Б. А. Андрусенко внес значительный вклад в возрождение деятельности Центрального полигона России после многолетнего вынужденного моратория. В 1997 и 1999 годах Борис Александрович назначался ответственным по институту за подготовку к проведению неядерно-взрывных экспериментов. Во многом благодаря его профессионализму, компетентности, организаторским способностям были получены необходимые результаты.

Дальние и продолжительные командировки не тяготили Бориса Александровича. Напротив, они в какой-то степени компенсировали его любовь к путешествиям. Он всегда увлекался географией и исторической литературой. Когда у него появился автомобиль, вместе со своей семьей он путешествовал по Кавказу, Крыму, Прибалтике и, конечно, по ставшему родным Уралу.

В 1981 году семья Андрусенко обзавелась земельным участком под сад. Борису Александровичу очень нравилось заниматься строительством. Надо сказать, что и в этом деле он преуспел: за небольшой промежуток времени был построен бревенчатый домик с мансардой и хозяйственные постройки.

Всякое дело спорилось в его руках: дома он мог починить любую бытовую технику, с удовольствием занимался ремонтом автомобиля в гараже — всё у него получалось, и было чему у него поучиться.

В 2002 году, после ухода на заслуженный отдых, Борис Александрович переехал в город своей мечты — Санкт-Петербург, где к тому же после окончания институтов остались его дети. Андрусенко «заболел» северной столицей в начале 1970-х годов, когда с семьей путешествовал на своем первом автомобиле по стране. Борис Александрович досконально изучил все исторические места Санкт-Петербурга и с большим удовольствием выступал в роли гида, когда встречался с сотрудниками ВНИИТФ, приехавшими в город на Неве в командировку. Слушать его обстоятельные рассказы о петербургских достопримечательностях можно было часами.

Борис Александрович искренне радовался, встречая земляков-снеженцев, приглашал в гости, интересовался институтскими делами, особенно происходящими в 12-м отделении, КБ-1, расспрашивал про городские новости. Значимым тогда событием для города были выборы мэра, и Борис Александрович просил привезти ему городские газеты, агитационные листки. Его волновало всё, что происходило в Снежинске.

8 В 2004 году Борис Александрович провожал нас, группу сотрудников института, после очередной командировки в Питер с Ладожского вокзала. Подошел «Демидовский» поезд Санкт-Петербург — Екатеринбург. Мы стояли на перроне, а у Бориса Александровича блеснула слеза. Не забуду его слова: «Много бы

я отдал, чтобы сесть с вами в это купе, вернуться в Снежинск, повидаться со всеми, кто мне очень дорог».

В 2005 году на 50-летие РФЯЦ – ВНИИТФ в качестве почетных гостей в г. Снежинск были приглашены Е. И. Парфёнов и Б. А. Андрусенко. Состоялась очень теплая встреча сотрудников отделения с бывшими руководителями. Всем было что вспомнить, рассказать. В каждой рабочей комнате ветераны задавали вопросы, живо интересовались и делами производственными, и чисто человеческими заботами. Ведь всё это было так знакомо и близко!..

Но закончились торжественные мероприятия, наступали трудовые будни. Борис Александрович вернулся в Питер, и уже навсегда...

Б. Т. Черноволок

Из воспоминаний

С Борисом Александровичем Андрусенко я проработал 35 лет – всё время его работы в НИО-12. Было много совместных дел, памятных событий – это и поездки на полигоны (Семипалатинский, Новоземельский, Донгуз), участие в мирных работах, в совместном эксперименте с американцами на Семипалатинском полигоне и пр. С ним было приятно работать. Но и трудно... Он ценил четкость во всём, требовал от исполнителей аккуратности в оформлении любых документов. А уж какой он был знаток русского языка! С ним бесполезно было спорить – он всегда оказывался прав.

Вспоминается первая мирная работа нашего института – тушение газового фонтана на месторождении Памук в Узбекистане. 1968 год. Борис Александрович совсем недавно перешел в сектор 12 и занимался разработкой и эксплуатацией аппаратуры автоматики подрыва, осваивал новую для себя технику. Относительно автоматики подрыва эксплуатация промышленного заряда представляла определенные трудности. Заряд должен был сохранить работоспособность на глубине 2,5 километра под землей, где температура была более 100 °С. В решении этой задачи принимал участие и Андрусенко. Работа была успешно завершена, и лучшей наградой для него, новичка, стало успешное задействование промышленного заряда, когда огромный огненный факел через несколько минут стал уменьшаться в размерах и погас.

В настоящее время действует мораторий на проведение ядерных испытаний. Однако единственный в России Новоземельский полигон продолжает работать, на нём проводятся неядерно-взрывные эксперименты (НВЭ). Трудно переоценить роль Бориса Александровича в возобновлении работы Центрального полигона. Сначала обоснование необходимости проведения НВЭ, выступления на научно-технических совещаниях. Затем разработка под его руководством взрывозащитной камеры и аппаратуры с функциями как классической автоматики

Андрусенко Борис Александрович

подрыва, так и управления испытанием в целом. Всё это было реализовано благодаря опыту и знаниям, собственной убежденности и умению убеждать, инициативе и настойчивости Бориса Александровича. И только потом была первая экспедиция, которую возглавлял Б. А. Андрусенко и которая блестяще подтвердила надежность, безопасность и работоспособность наших зарядов.

В. А. Блюм

Осенью 1966 года в группе отдела 121, где я, выпускник радиофака УПИ, работал уже около двух лет, появился новый сотрудник — старший инженер Борис Александрович Андрусенко. Высокий, стройный, симпатичный молодой человек (ему было 29 лет), он сразу вызвал симпатию окружающих. За предыдущие шесть лет работы в секторе 10 он уже приобрел серьезный опыт, однако в нашей тематике — разработка аппаратуры автоматики подрыва ЯЗ в натурных испытаниях на полигонах МО — ему пришлось разбираться с нуля, что он и начал делать со всей присущей ему серьезностью и целеустремленностью. Он быстро вошел в курс дела и подключился к нашим разработкам, в частности устройств подрыва двух и трех ЯЗ в одной штольне. Результатом этих разработок стали начавшиеся в декабре 1966 года и регулярно проводившиеся в дальнейшем групповые испытания ядерных зарядов.

Будучи человеком общительным, компанейским, Борис Александрович легко влился в наш коллектив. Уже в 1967 году мы группой отметили его 30-летие. Он принимал живейшее участие во всех коллективных мероприятиях отдела, таких как вылазки на природу, «Веселые старты», гремевшие на весь город новогодние вечера сектора 12 в «Темпе» (ныне «Ритм»), отдельский хоккейный тотализатор, приуроченный к мировым чемпионатам 1969–1975 гг., осенние сельхозработы в совхозе «Береговой».

В 1972 году новый начальник сектора Е. И. Парфёнов осуществил масштабную реорганизацию отдела 121, в результате которой Б. А. Андрусенко возглавил нашу группу, а мне по наследству досталась его должность старшего инженера. В 1974 году отдел начал разработку нового аппаратурного комплекса — системы группового подрыва РСГП001, которую некоторые шутники прозвали «ЕресьГП». Каламбур заключался в том, что последние буквы совпадали с инициалами Г. П. Ломинского. Система должна была обеспечить подрыв до десяти ЯЗ, испытываемых в одном опыте с одновременностью в микро- и миллисекундном диапазонах. В основу разработки была положена только что появившаяся тогда микроэлементная база, широко использовались прогрессивные конструкторские и эргономические решения. И хотя в разработке участвовал почти весь 121-й отдел, основные узлы системы разрабатывались группой под руководством Б. А. Андрусенко.

В 1978 году разработка системы была завершена, был подготовлен её первый заводской образец, и в сентябре этого же года состоялось его первое применение

на Новоземельском полигоне в опыте РГО72, где одновременно были испытаны семь ЯЗ.

Когда началась работа по подготовке протокола к международному Договору об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (ДОПИЯО), Б. А. Андрусенко был уже заместителем главного конструктора и начальником НИО-12. Он принял активнейшее участие во всех основных этапах этой работы: разработке процедур контроля, подготовке и проведении в США и СССР совместного эксперимента по контролю (СЭК, 1988 год), подготовке и проведении трех контрольных процедур на Невадском полигоне.

Осенью 1989 года ВНИИТФ провел последнее натурное ядерное испытание. В 1996 году был подписан Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), и контрольная деятельность оказалась не востребовавшей. Начавшиеся в стране перемены к середине 1990-х годов привели ядерную отрасль на грань краха. Главная заслуга Б. А. Андрусенко в том, что в этих сложнейших условиях ему удалось не только сохранить костяк испытательного отделения, но и возродить испытательную деятельность на почти разрушенном Центральном полигоне Российской Федерации (Новая Земля) в виде неядерно-взрывных экспериментов (НВЭ), продолжающихся до сих пор в рамках разрешенной ДВЗЯИ ядерной деятельности.

В 2002 году Б. А. Андрусенко завершил 42-летнюю работу во ВНИИТФ. Дело, которому он посвятил всю свою жизнь, продолжается.

В. А. Андреев

Мысленно я постепенно перебираю все те события, которые произошли за последние два десятка лет. Начинаю с марта 1987 года, когда впервые познакомился с Борисом Александровичем, и завершаю пронзительно холодным январским днем 2008 года, когда я проводил его в последний путь на Южное кладбище Санкт-Петербурга. Уверен, что в эти годы из всех сотрудников НИО-12 я был наиболее близок к нему. Провел с ним столько времени — в его кабинете, в дорогах на полигоны, в обыденной полигонной жизни — как никто другой. Потому считаю, что имею полное право высказать собственную точку зрения в отношении своего начальника, наставника и учителя, коллеги и единомышленника, тем более что в настоящее время, к сожалению, такое встречается достаточно редко. Именно ему, в большей степени, я обязан всем тем, чего достиг в своей жизни.

Неудивительно, но до нашего знакомства и последующего плотного взаимодействия мы практически не пересекались. Только когда Б. А. Андрусенко был назначен первым заместителем начальника НИО-12, сложилось наше тесное сотрудничество при подготовке и проведении натуральных испытаний на внешних полигонах. Вновь назначенный руководитель в силу своего характера, ответственности очень быстро разобрался во всех нюансах испытательной деятельности, освоил и смог правильно применять на практике громадный объем знаний и информации,

ранее ему не знакомых. Вся последующая деятельность Бориса Александровича была тесно связана с самыми крупными событиями в жизни института за последние двадцать лет, в которых он принял самое активное участие и как руководитель работ, и как непосредственный их исполнитель. Попытаюсь последовательно и в хронологическом порядке рассказать об этом.

Летом 1987 года на Новой Земле был проведен значимый для нашего института эксперимент. В ходе его были проверены и откалиброваны те методики, результаты которых позволили ВНИИТФ опередить всех конкурентов и первым в отрасли начать сотрудничество с американскими лабораториями в подготовке и проведении Совместного эксперимента по контролю (СЭК) на Невадском и Семипалатинском полигонах. Б. А. Андрусенко был назначен первым заместителем председателя Государственной комиссии. Это позволило ему пройти полный цикл полигонных работ, что, по моему мнению, окончательно сформировало его как руководителя.

Структура СЭК достаточно проста: ознакомительные визиты на полигоны (январь—февраль 1988 года), деятельность по разработке и согласованию Соглашения по СЭК (Женева, март—май 1988 года), практическая деятельность по подготовке и проведению экспериментов на полигонах (апрель—сентябрь 1988 года) и двухсторонние консультации по итогам СЭК (Женева, сентябрь—октябрь 1988 года). Одной из центральных фигур во всем цикле работ по подготовке и реализации перечисленных событий был Б. А. Андрусенко. В ознакомительных визитах на полигоны в числе трех представителей института, вместе с В. А. Симоненко и Н. П. Волошиным, его как специалиста по подготовке натуральных испытаний включили в состав правительственной делегации в формате двадцать на двадцать представителей от каждой из сторон.

Борис Александрович блестяще справился с поставленными задачами, обеспечив и представив полную информацию по технологии наших испытаний, которая наряду с информацией теоретиков и экспериментаторов в последующем стала принципиальной составляющей будущего Соглашения по СЭК. Результаты ознакомительных визитов Борис Александрович успешно использовал в Женеве при подготовке текста Соглашения по СЭК и соответствующих приложений.

Следующий значимый этап — подготовка и проведение СЭК на Семипалатинском полигоне. Тогда превалировал главный принцип — самое трудное должен сделать самый мудрый, именно поэтому с учетом имеющегося опыта, налаженных связей и глубокого понимания специфики двухсторонних отношений Борис Александрович был откомандирован руководством института на наш полигон с целью безусловного обеспечения положений Соглашения, в разработке которых он принял самое непосредственное участие.

12

Выскажу свое мнение в отношении наиболее спорного вопроса — «кто есть кто» в вопросах обеспечения контроля трех американских испытаний 1991—1993 года («Хойя», «Джанкш» и «Гринуотер»). Первым и последним был именно наш институт, и заслуга принадлежит всему творческому коллективу.

Но главную роль играли те, кто был первым, кто от начала до конца прошел и пережил сложные и длительные процедуры разработки предложений, их обсуждения, согласования и принятия всех тех решений, которые впоследствии определили общий формат контрольной деятельности, прежде всего в самой трудной ее части — организации совместных работ и порядка взаимодействия. В этом отношении роль Бориса Александровича была определяющей.

Поясню. На первый взгляд при подготовке переговоров всё кажется однозначным, но главный вопрос — с чего начать, как трактовать положения договора и как применить эти положения к суровой действительности двухсторонних отношений? Вот эпизод, который полностью иллюстрирует такую ситуацию. Первое заседание координационной группы в отношении контроля методом инспекции на местах американского испытания «Хойя» (февраль—март 1991 года). Напротив нашей «семерки» (Б. А. Андрусенко, О. Н. Шубин, В. Г. Смирнов и четверо представителей трех министерств) — тридцать пять американских специалистов, часть которых хорошо знакома по СЭК, а большинство незнакомы и выполняют непонятные функции. После соблюдения дипломатического этикета, вступительных речей и представления основных членов делегаций возникает стрессовая пауза — а что делать дальше? Борис Александрович предвидел подобную ситуацию и, «взяв быка за рога», первым представил и передал наши предложения по формату и содержанию основного документа, регламентирующего контрольную деятельность, — скоординированного графика и приложений к нему. Американская сторона взяла трехчасовой тайм-аут, после чего заявила, что наши предложения полностью приняты и согласованы. Этот факт свидетельствует о том, что тщательная предварительная подготовка любого события более всего способствует его успеху. В последующем все другие координационные группы всегда использовали этот формат, наполняя его специфическими особенностями используемого метода контрольной деятельности.

Работами на Невадском полигоне по контролю следующих американских испытаний руководили другие специалисты, но весь цикл их организации и подготовки осуществлял Борис Александрович. И именно поэтому, когда в 1993 году сложилась критическая ситуация, руководство Минатома и института вновь обратилось к нему. Речь идет об испытании под условным наименованием «Прилив», проведение которого было запланировано на Центральном полигоне (Новая Земля). Главной особенностью этого испытания стала технология его проведения — впервые был заявлен эксперимент в горизонтальной постановке с использованием в качестве штольни горной выработки. Это наряду со всем известной спецификой нашего арктического полигона повлекло за собой необходимость разработки и согласования огромного объема дополнительных технических, методических и организационных решений. Достаточно упомянуть, что скоординированный график контрольной деятельности в отношении испытания «Прилив» с приложениями составил 350 страниц убористого текста. И основная заслуга в разработке, согласовании и принятии данного документа принадлежит Борису Александровичу как

Андрусенко Борис Александрович

назначенному представителю стороны, проводящей испытание, и центральной фигуре двухсторонних переговоров.

Эта деятельность была продолжена Борисом Александровичем при подготовке и проведении ознакомительного визита американских специалистов на Новую Землю, когда в первый и, я надеюсь, в последний раз нога чужеземца вступила на священную для любого российского испытателя территорию. К нашему глубочайшему сожалению, испытание «Прилив» так и не было проведено, но уникальный опыт подготовки этого эксперимента был на следующий год использован при реализации следующего важнейшего события в жизни института — уничтожения ядерного устройства на бывшем Семипалатинском испытательном полигоне (СИП).

В широком спектре деятельности Бориса Александровича не хватало только такой работы! Ядерное устройство, заложенное в конце 1980-х годов в штольне 108К и полностью подготовленное к испытаниям, было настоящей «занозой» для нашего Министерства, так как в 1991 году Казахстан объявил суверенитет и подтвердил свой статус государства, не обладающего ядерным оружием. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда ядерный заряд, принадлежащий одному государству, находился на территории другого. С учетом беспрецедентной активности «зеленых» движений в отношении СИП необходимо было принимать срочные меры по ликвидации этого заряда. И вновь пригодился опыт Бориса Александровича как дипломата и технического специалиста. Благодаря его живой мысли и нестандартным подходам было найдено и реализовано в условиях жесточайшей разрухи, царившей на бывшем СИП, единственно правильное решение. За эту работу Борис Александрович был удостоен премии Правительства РФ в области науки и техники.

Кульминацией и, как позднее выяснилось, заключительным аккордом всей деятельности Бориса Александровича я считаю факт его непосредственного руководства процессом возобновления жизнедеятельности Центрального полигона Российской Федерации (ЦП РФ) после длительного моратория и вынужденного бездействия. Более того, однозначно, что именно Б. А. Андрусенко является одним из отцов-прародителей всех технологий неядерно-взрывных экспериментов, проводимых в настоящее время институтом на ЦП РФ, результатами которых можно, прежде всего, гордиться, а не только отчитываться.

Что же касается чисто человеческих качеств Бориса Александровича, его отношение к нам, его внимание, забота о нас, коллегах, друзьях и единомышленниках, остались в нашей памяти. И пусть память о нём будет неподвластна времени.

В. Г. Смирнов

Б. А. Андрусенко пришел в отдел 124 на должность заместителя начальника в 1978 году вместо Д. М. Беляева. Отдел занимался исследованиями прочности конструкций ЯЗ при динамическом нагружении в составе носителя, в том числе

конструкций ЯЗ для ЯБП к штатным минометно-артиллерийским системам (с этим были связаны прочностные стрельбовые испытания на полигонах страны). Борису Александровичу пришлось осваивать (и надо сказать, с большим и скорым успехом) новое для него направление, включающее различные виды испытаний ядерных зарядов, проводимых на внешних полигонах, разработку для них измерительных средств, создание методик и комплекса дистанционной разборки изделий, содержащих в своем составе ВВ, и многое другое.

Во всех работах Борис Александрович принимал активнейшее участие. В результате к 1985 году специалистами отдела было испытано и разобрано после испытаний более тысячи макетов изделий, создан целый класс ядерного оружия для артиллерийских систем, удовлетворяющих требованиям заказчика.

Борису Александровичу не раз приходилось выезжать на полигоны. В качестве технического руководителя он принимал участие:

- в натурных испытаниях артиллерийских ЯЗ, где применялась разработанная отделом методика контроля взведения;
- в опыте «Морская вода» на Новоземельском полигоне, где нужно было провести контроль проникновения воды в изделие при погружении и длительном нахождении его на глубине, а также измерение избыточного давления;
- в испытаниях на Ладоге, когда изучалось ударное воздействие подводной волны;
- в мирных опытах на Астраханском газовом месторождении.

Отдел 124 и до прихода Бориса Александровича успешно решал поставленные перед ним задачи, а появление Б. А. Андрусенко с его великолепными организаторскими способностями, профессиональной грамотностью, высочайшей ответственностью за порученное дело придало коллективу еще больше сил и энергии, что позволило успешно завершить испытания по артиллерийской тематике и перейти к разработке и созданию безопасных технологий разборки ЯЗ, подвергшихся аварийным воздействиям. Кроме того, Борис Александрович внес большой вклад в совершенствование испытательной базы отдела.

Требовательный к себе и подчиненным, он тем не менее придерживался демократического стиля руководства. В повседневной работе пользовался методами разъяснения и убеждения. Его авторитет среди сотрудников был безусловным. Обладая уравновешенным, общительным и доброжелательным характером, Борис Александрович был активен в общественной деятельности. Скромный (даже диссертационную работу свою писал после работы вечерами), достаточно самокритичный, он прислушивался и к критике со стороны, старался устранить подмеченные недостатки...

Десять лет, когда он был в прямом моем подчинении, и более десяти лет, когда я напрямую подчинялся ему, оставили у меня очень хорошие воспоминания. С ним было легко работать и приятно общаться.

В. Д. Калинин

Андрусенко Борис Александрович

Борис Александрович Андрусенко — инженер, специалист, руководитель. В период его работы начальником сектора и заместителем главного конструктора я бы выделил три основных направления, успех которых во многом был обеспечен его активной деятельностью, его непосредственным участием. Во-первых, подготовка и проведение Совместного эксперимента СССР и США по контролю за непревышением мощности испытываемых ядерных зарядов на Невадском и Семипалатинском полигонах. Во-вторых, уничтожение ядерного заряда, заложенного на Семипалатинском полигоне и оказавшегося после распада СССР на территории сопредельного государства — Казахстана. В-третьих, подготовка и проведение неядерно-взрывных опытов с полигонными макетами на Новоземельском полигоне.

Во всех этих работах особенно ярко проявились все его способности: знания и опыт испытателя, мудрость руководителя, мужество первопроходца. Обаяние, коммуникабельность, деликатность, отзывчивость помогли Борису Александровичу обрести сторонников, единомышленников, достичь взаимопонимания на любом уровне. Чуткое, внимательное отношение к сотрудникам сектора было неизменно как в условиях постоянного места работы, так и на испытательных полигонах. Устройство быта, обеспечение необходимых условий для проведения работ, полноценный досуг были всегда предметом его заботы. Но в вопросах дисциплины и качества выполняемых работ Б. А. Андрусенко был строг, требователен, принципиален. Всё это вызывало большое уважение к нему, на этом вырос его авторитет.

Подводя итог четырнадцатилетней деятельности Бориса Александровича в должности начальника сектора 12 и заместителя главного конструктора, среди прочих заслуг следует отметить не менее выдающуюся. С прекращением ядерных испытаний сектор оказался в очень трудном положении. Работа практически отсутствовала, а тут еще и перестроечная неразбериха с обвальным ростом цен при невыплачиваемой зарплате... И в этой сложнейшей обстановке Б. А. Андрусенко сумел сохранить и кадровый состав испытателей, и техническое оснащение, сумел сберечь сектор для его основного назначения — научно-испытательной деятельности.

Н. Н. Капустин

Вот уже и о Борисе Александровиче Андрусенко приходится писать в прошедшем времени. Печально...

16 А как хорошо всё начиналось. В 1966 году появились в отделе автоматики под-
рыва специзделий (отдел 121) сектора 12 два молодых красивых человека: Борис Тимофеевич Рыбин и Борис Александрович Андрусенко из расформированного сектора 10, которым руководил Б. К. Шембель.

Б. Т. Рыбин был определен в схемную группу, а Б. А. Андрусенко — в нашу исследовательскую. Впоследствии они же и возглавили эти группы. Отдел был

практически весь молодой, возглавлял его Александр Аркадьевич Соколов, человек очень энергичный и молодой душой. Борис Андрусенко сразу включился в разработку новой системы автоматики подрыва специзделий, которая продолжалась более 10 лет, так как проводилась на разных принципах и претерпела несколько модификаций. Работали мы с энтузиазмом, часто и вечерами.

С Борисом Андрусенко на протяжении шести лет (до ухода его из отдела 121 в 1978 году) я сидела в одной комнате бок о бок, мы вместе разрабатывали систему группового подрыва. Итогом работы Бориса Александровича в нашем отделе стала его защита в 1986 году кандидатской диссертации именно по этой теме. За всё время совместной работы с ним не помню ни одного случая, чтобы он сорвался, вспылал. Отношения у него со всеми были равные и доброжелательные.

Отдел 121 по численности был большой, а по сути — активный и заводной. Очень много проводили мероприятий вне служебной деятельности: «Веселые старты», совхозные работы, которые можно вспоминать как яркие мероприятия с костром, песнями; после совхозных работ — «сентябрины» — отмечали дни рождения сотрудников, родившихся в сентябре. А концерты ансамбля «Веселые ребята» под руководством нашего друга и коллеги Вадима Андреева мы не пропускали никогда, считая их частицей нашей жизни.

Борис Александрович был активным участником всех мероприятий. В отделе было много женщин, он очень уважительно и заботливо относился к ним.

У меня лично установились очень дружеские отношения с Борисом, которые сохранились до конца его жизни. Близко познакомилась я с его женой Ольгой Филипповной, на глазах выросли дети — Света и Максим.

Семья для Бори была всем: он трепетно относился к жене и дочке, очень гордился сыном, безумно любил внуков, ради которых ушел на пенсию и переехал жить в Санкт-Петербург.

Жизнь так распорядилась, что и я уже не работала в НИО-12, и Борис Александрович стал заместителем главного конструктора — начальником НИО-12, но теплые дружеские отношения остались на всю жизнь. Он мог запросто прийти ко мне в рабочую комнату и попросить совета по волнующему его вопросу или просто рассказать о своих рабочих или домашних делах. Все те почти шесть лет, что Борис Александрович прожил в Санкт-Петербурге, связь с ним и его семьей не прерывалась, мы постоянно перезванивались. Борис Александрович, человек очень внимательный и обязательный, не забывал поздравить со всеми праздниками и днями рождения, всегда просил передать приветы пофамильно нашим бывшим коллегам.

Узнав про его болезнь, мы, близкие друзья, очень переживали и, как могли, поддерживали Ольгу Филипповну.

Я рада, что в моей жизни был такой верный и надежный друг — Борис Александрович Андрусенко, и очень жаль, что жизнь его оборвалась так рано.

Г. Н. Дьяконова

Артамонов Юрий Николаевич

29.10.1919–20.09.1995

Инженер-строитель; участник, инвалид Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1943 г.; депутат городского Совета депутатов трудящихся, член исполкома (1959–1987); персональный пенсионер республиканского значения (1988).

- 1937 — студент Инженерно-строительного института им. Чкалова, г. Горький.
- 1941 — призван в ряды Советской Армии.
- 1941 — слушатель Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева, лейтенант (с апреля 1942 г.), г. Фрунзе.
- 1942 — командир саперного взвода 479-го отдельного саперного батальона 338-й стрелковой дивизии 49-й армии Западного и 3-го Белорусского фронтов.
- 1944 — старший адъютант 479-го отдельного саперного батальона 338-й стрелковой дивизии 5-й и 39-й армий 3-го Белорусского и Забайкальского фронтов, капитан (с июня 1944 г.).
- 1946 — студент Инженерно-строительного института им. Чкалова, г. Горький.
- 1948 — прораб, инженер, старший инженер ПТО, исполняющий обязанности главного инженера, начальник ПТО предприятия п/я 325, г. Ленинабад Таджикской ССР.
- 1952 — начальник ПТО предприятия п/я 29, г. Ангрен Ташкентской обл.
- 1953 — инженер-майор внутренней службы.
- 1954 — демобилизован.
- 1955 — главный инженер УКСа НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — исполняющий обязанности заместителя директора, заместитель директора по капитальному строительству — начальник ОКСа, там же.

Награжден орденами: Отечественной войны I степени (1945), Отечественной войны II степени (1944, 1945, 1985), Красной Звезды (1944), Трудового Красного Знамени (1962), Октябрьской Революции (1971); медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За победу над Японией» (1945), «За взятие Кенигсберга» (1945), «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1984) и др.; нагрудными знаками: «Отличник военного строительства» (1958), «Отличник гражданской обороны» (1982), «50 лет атомной отрасли» (1995, вручен посмертно). Его имя занесено в Книгу Почета ВНИИП (1974), в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

О таких людях, каким был Юрий Николаевич Артамонов, не хотелось бы говорить «биографическими» штампами, поскольку человеком он был необыкновенным.

Родился Юрий Николаевич 29 октября 1919 года в деревне Мало-Угоры Мантуровского района Костромской области, где его отец, Николай Иванович, работал начальником почтово-телеграфной конторы. Мать, Вера Михайловна, не работала: в семье было шестеро детей и забот у нее было более чем достаточно. Оставив деревню, Артамоновы некоторое время жили в г. Мантурово, а в 1926 году переехали в г. Кострому. Здесь Юрий Николаевич в 1927 году пошел в школу, окончив которую в 1937-м, поступил в Горьковский инженерно-строительный институт им. В. П. Чкалова (ныне Нижегородская архитектурно-строительная академия).

Суровое испытание, настигшее нашу страну в 1941 году, не могло не отразиться на дальнейшей судьбе студента, окончившего четвертый курс. В августе 1941 года по комсомольскому набору он был мобилизован. Прошел ускоренный курс в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева, получив специальность сапера и звание лейтенанта. В ноябре 1942 года он был направлен на Западный фронт в 49-ю действующую армию, 338-ю стрелковую дивизию, 479-й отдельный саперный батальон, в котором и прослужил до окончания войны в качестве командира саперного взвода.

По окончании войны с Германией воинская часть, с которой Юрий Николаевич прошел долгий путь освободителя до Кенигсберга, была переброшена на Дальний Восток — в Забайкальский военный округ. Сражаясь против империалистической Японии, он дошел до Порт-Артура. Закончил войну Юрий Николаевич Артамонов в звании капитана, с боевыми наградами и с благодарностью (в составе части) от Верховного Главнокомандующего «За прорыв Маньчжуро-Джанайл-Нурского и Холун-Аржанского укрепленных районов японцев, форсирование горного

Артамонов Юрий Николаевич

хребта Большой Хинган, прохождение безводных степей Монголии и освобождение Маньчжурии».

В октябре 1946 года — демобилизация, и сапер-фронтовик Артамонов — снова на студенческой скамье. С 1948 года, получив диплом с отличием, молодой инженер-строитель был направлен в Управление строительства № 325 МВД СССР. В тяжелейших климатических условиях он работал на военных строительных объектах Ленинабада и Ангрена прорабом, инженером ПТО, начальником ПТО и даже исполняющим обязанности главного инженера стройрайона.

В июле 1955 года по решению Управления руководящих кадров Министерства среднего машиностроения Ю. Н. Артамонов в порядке перевода со строительного комбината прибыл на строительную площадку НИИ-1011 и был назначен главным инженером управления капитального строительства.

То, как создавался наш город в таежной глуши, в каких условиях строились первые объекты, прокладывались первые трассы дорог и инженерных сетей, — не только в воспоминаниях ветеранов предприятия и жителей города. Нас и сейчас окружают производственные здания и жилые кварталы, построенные десятки лет назад.

Ответственность и значимость управления капитального строительства в такой период трудно переоценить, особенно в тех условиях, когда были установлены очень сжатые сроки для организации института. В данном случае строительство были вынуждены начать до завершения разработки и утверждения комплексного проекта института и города.

Ю. Н. Артамонов (сидит второй слева) с сослуживцами, 1946 г.

От координации работы всех участников строительного процесса зависел общий результат. Непозволительно было ошибиться в принятии проектных решений, в своевременном обеспечении строителей проектной документацией и финансированием, согласованности работ подрядных организаций, оперативном принятии необходимых технических решений и многом другом, что всегда сопровождает это нелегкое, но поистине захватывающее дело.

Здесь очень значимую роль играют личные качества руководителя. Юрий Николаевич Артамонов был весьма требователен к себе и к своим подчиненным. Кроме того, что очень важно, был справедлив и уважителен по отношению к другим. Имел всегда обоснованную и убедительную позицию при решении многочисленных вопросов с проектировщиками и строителями.

Юрия Николаевича всегда отличала очень высокая ответственность и организованность, исключительная память и прекрасное знание проектной документации, осведомленность в состоянии дел и проблем на строительных площадках.

Он был очень внимателен к молодым специалистам, но одновременно и требователен, что помогало быстро осваиваться в работе, с ответственностью и любовью относиться к своему делу.

В феврале 1960 года Юрий Николаевич стал заместителем директора НИИ-1011 по капитальному строительству и одновременно начальником отдела капитального строительства, в который был реорганизован УКС. В этом же году в ЦК КПСС было направлено письмо, в котором сообщалось о том, что «за пять лет существования института на территории, занятой ранее лесами, построены производственные здания общей площадью 85 тысяч квадратных метров, а также математический корпус, в котором работают две современные электронно-вычислительные машины (М-20 и «Стрела»). На территории института созданы два крупных специализированных завода. Построен город с населением 20 тысяч человек и жилой площадью около 100 тысяч квадратных метров».

За этими строками огромный напряженный труд сотрудников института, проектировщиков, вольнонаемных и военных строителей. Эти результаты были бы невозможны без таких людей, как Юрий Николаевич Артамонов, для которого строительство нашего института и города были не только любимым делом, но и делом всей жизни.

Все последующие периоды становления и развития института Юрий Николаевич сохранял активную жизненную позицию, преданность делу, глубокую порядочность, умение анализировать и принимать ответственные решения, искреннее внимание к людям. Он с большой теплотой и любовью относился к своей семье, в которой всегда находил заботу и понимание.

Жизнь Юрия Николаевича Артамонова — это яркая страница в истории нашего института, жизнь человека, беззаветно служившего интересам Родины.

Е. Р. Сковпень

Из воспоминаний

Естественно, что я Юрия Николаевича знаю лучше, чем кто бы то ни был. Ведь прожито бок о бок почти 48 лет. Совершенно искренне могу сказать: он был верным и любящим мужем, отменным отцом, великолепным дедом, интеллигентным и добрым человеком, любил компании и друзей, хотя в работе был требователен одинаково ко всем, и к друзьям, и к близким. По себе знаю.

Еще задолго до встречи с ним, только поступив в институт, в разговоре со старшекурсниками я услышала о том, как здорово в институте до войны работала комсомольская организация, секретарем комитета которой был студент-отличник, сталинский стипендиат Юра Артамонов. Встретились же мы только на пятом курсе, когда он вернулся в институт после войны, скоро подружились, вместе занимались, готовились к экзаменам. Сдав зимнюю, последнюю в нашей учебе сессию, мы зарегистрировали наш брак. Свадьбы никакой не было. Съездили для знакомства к моей маме, а потом — к его родителям.

Семья Артамоновых была не совсем обычной, со своим укладом, традициями. Глава семьи, Николай Иванович, был единственным работником и кормильцем. Человеком он был по тем временам грамотным, острым на язык. В доме имелась хорошая библиотека, которую он собирал всю жизнь. Вся семья была читающей, возможно, во многом благодаря этому, дети прекрасно учились, получили высшее образование. По характеру Николай Иванович был строгим и требовательным. Весь уклад в доме и распорядок дня были определены его занятостью. Это немало дисциплинировало всех домочадцев, особенно детей. Их в семье было шестеро: трое сыновей и три дочери, поэтому матери, Вере Михайловне, пришлось посвящать себя ведению домашнего хозяйства и воспитанию Артамоновых-младших. Живостью и проказами отличался старший из сыновей — Михаил. Юра, младший из братьев, был его противоположностью: ни учебой, ни поведением не огорчал, хлопот не доставлял, — словом, был образцово-показательным ребенком.

Из заведенных в доме порядков особенно запомнилось, что к завтраку, обеду и ужину, которые проходили в самой большой комнате (на кухне только готовили и мыли посуду), за столом, покрытым цветной скатертью, собиралась вся семья. Между обедом и ужином, когда отец возвращался с работы, обязательно был чай. Стол для этого накрывали непременно белой скатертью.

Но вернусь к рассказу о Юре. В 1940 году за успехи в учебе и активную общественную работу ему дали путевку в санаторий. А в 1941-м... Сдана сессия, впереди каникулы и отдых у родных в Костроме...

22 Услышав сообщение о начале войны, Юра вернулся в Горький, пришел в райком комсомола и был направлен на ускоренный курс Военно-инженерной академии. Получив специальность сапера, в звании лейтенанта начал свой боевой путь под Москвой, около г. Юхнова, и дошел до Кенигсберга. Принимал участие в его штурме. От этой операции остались очень тяжелые воспоминания, о последнем бое он говорил, что это была страшная мясорубка. Ночью его разбудили крики

и стрельба — победа! Отметить такое важное событие было нечем, кто-то предложил слить весь наличный одеколон, но Юра это зелье выпить не смог. День Победы, 9 мая, на всю нашу совместную жизнь остался главным праздником.

Потом Юра принимал участие в войне с Японией, пройдя пешком по пескам Монголии до Порт-Артура. А вообще, вспоминать о войне он не любил, слишком тяжелы были эти воспоминания.

Демобилизовавшись в конце 1946 года, Юра восстановился в институте на пятый курс, правда, пришлось сдать зачет по немецкому языку и курсовой проект по каменным конструкциям. И вот уже назначены дни и время защиты дипломных проектов. Юра как лучший студент и фронтовик получил почетное право защищаться первым.

Направление на работу у нас уже было — в Среднюю Азию. Мы приехали в Ленинабад (Таджикистан). Начальник управления строительства Штефан Петр Тихонович определил нас на работу в стройрайон № 5, располагавшийся в 100 км от Ленинабада и в 12 км от районного городка Пап Наманганской области. До места ехали в кузове грузовой машины. Дорог никаких, просто наезженная по песку колея. Увиденное повергло нас в шок. Две строительные площадки — производственная и жилая, обнесенные ограждением из колючей проволоки, вышки для часовых, так как основная рабочая сила — заключенные; десяток финских домиков; медпункт с единственным врачом по всем болезням; крошечный магазин, приютившийся в бараке, именуемом гостиницей. На самом видном месте стоял клуб — большой деревянный сарай со скамейками.

Все домики были заняты, в гостинице не оказалось места для меня, поэтому нам поставили две кровати прямо на улице под окнами гостиницы. Так мы и жили какое-то время. Из посуды — только привезенные с собой две кружки, ложки да Юрин армейский котелок. Об удобствах не говорю. Самой большой проблемой было утром умыться. Воду привозили автомобильной цистерной и выливали в так называемые хаузы (что-то вроде маленького бассейна из бетона). Там часто купались дети, и надо было успеть набрать воды, пока она оставалась чистой, при этом приходилось выстоять немалую очередь.

Когда в горзоне закончилось строительство одноэтажного двухкомнатного коттеджа, мы получили комнату — 14 квадратных метров. В этой комнате 20 февраля 1949 года родился наш сын Виктор. Больницы еще не было, и в этот ответственный момент мне помогала соседка, оказавшаяся опытной акушеркой. С наступлением жары пришла малярия. Малыш остался без материнского молока. Детское питание было большой проблемой. Состояние больного ребенка с каждым днем ухудшалось. Пришлось отвезти его в Горький к маме, которая ради внука оставила работу. Приезжая к ним в течение трех лет в отпуск, мы заново

знакомились с сыном. И все-таки жизнь налаживалась, однако было одно огромное «НО» — постоянный контакт с заключенными, а ведь среди них были и убийцы... На работе у Юры произошли два серьезных случая. Один раз на него вылили ведро горячего

битума. Спасла плотная рубашка, надутая ветром. Второй случай произошел на площадке, где только начались земляные работы. На такие работы выводили «буровцев» (БУР — барак усиленного режима) — опасных преступников, осужденных на 25 лет. Тогда существовала система зачетов: при выработке 121% дневной нормы заключенному день считался за два, при 151% — день за три, поэтому каждый из них хотел сократить срок. Но далеко не все старались хорошо работать, всячески ухищрялись, вплоть до угроз, чтобы прораб «правильно» закрыл наряд. Так вот, с вышки солдат увидел, как к Юре в прорабку вошел заключенный с киркой и доложил начальнику конвоя. Увидев вооруженного охранника, «буровец» ретировался.

Трудности нашей жизни в Средней Азии усугублял местный климат: мы устали от летнего зноя, пыльных бурь, зимней слякоти. К тому же нас начала донимать малярия, особенно Юра. Врач даже опасался за его жизнь. В конце концов мы переехали в другой стройрайон в высокогорной местности, где не было опасности заболеть малярией. Называлось это местечко в 80 км от Ленинабада Адрасман. Здесь в 1950 году Юра был впервые избран депутатом поселкового совета и членом бюро парторганизации, поэтому работы, как производственной, так и общественной, ему хватало с лихвой.

Через некоторое время нас перевели в Ленинабад, в аппарат управления строительства. Жили в городке, который позже назвали Чкаловск, а тогда это был просто соцгород. Кроме новой интересной работы мы нашли здесь замечательный коллектив. Досуг можно было проводить в спортивных секциях или занимаясь художественной самодеятельностью.

Строители, как правило, народ кочевой: построил, сдал и на новое место. Вот и мы из Таджикистана перебрались в Узбекистан, где в 12 км от г. Ангрена в горном районе было открыто рудное месторождение. Строительные работы здесь только начинались, поэтому жить пришлось в Ангрене — имели одну комнату в бараке. Мы с Юрой ждали пополнения, поэтому, получив декретный отпуск, я уехала к маме и сыну, который всё это время жил у нее. Родилась дочь, назвали Танюшей. Юра получил новое жилье — двухкомнатный коттедж с печным отоплением и холодной водой. Вопрос воссоединения семьи был решен однозначно: и дети, и мама едут вместе с нами в Ангрэн.

В Узбекистане мы прожили три года. Наша жизнь была интересной, разнообразной. Все пошло на работу, даже мама. Я успевала заниматься художественной самодеятельностью, Юра неоднократно возглавлял парторганизацию, был членом бюро и, как всегда, к своим общественным обязанностям относился серьезно и ответственно. Появилось много друзей, вот только к жару мы так и не привыкли.

Неожиданно из управления руководящих кадров министерства мы получили предложение переехать на Урал. Согласились с радостью. Сначала приехали с Юрой вдвоем, но после сообщения, что сын едва не погиб от солнечного удара, срочно организовали переезд всей семьи. Вначале поселились на 21-й площадке,

а 28 апреля 1958 года переехали в город. Сын уже пошел в школу, дочь — в детский сад, а мы окунулись в работу. Коллектив, которым руководил Юра, был дружным. Часто выезжали на базы отдыха, отмечали праздники, юбилеи. И всегда вместе с коллективом был Юра.

Еще на 21-й площадке появился у нас дома телевизор. Всего один канал, но это было событие! По вечерам посмотреть интересную передачу, фильм к нам приходили знакомые, друзья. Была у нас и лодка с мотором. Юра очень любил рыбалку, особенно летнюю, за что его в шутку называли рыбак-аристократ. Еще Юра любил собирать грибы. Когда в 1960 году мы приобрели машину, походы за грибами стали поездками и часто на большие расстояния. Вообще, Юра не любил отдыхать пассивно. Даже на пляже, когда всей семьей проводили отпуск на юге, не мог лежать долго и увлекал нас на разные экскурсии: мы побывали на озере Рица, на мысе Пицунда, объехали практически всё Черноморское побережье.

Трудным выдался для нас 1970 год. У Юры случился тяжелый инфаркт, оставивший на его сердце три рубца. После шестимесячного курса лечения ему пришлось заново учиться ходить. И только еще через полгода (был оформлен отпуск без содержания), получив инвалидность третьей группы, Юра вышел на работу. Ему был установлен сокращенный рабочий день, но такого не получилось: работал он по-прежнему много, домой возвращался в 9—10 часов вечера. Летом 1972 года инвалидность сняли.

Шли годы. Дети выросли. Виктор, окончив школу, поступил на физический факультет Ленинградского государственного университета, Татьяна — в Свердловский юридический институт. Оба осуществили свою мечту, успешно окончили вузы.

Витю, получившего на военной кафедре ЛГУ звание лейтенанта и военную специальность, призвали в армию. Два года отслужил он в автомобильном батальоне в Бурятском городке Кяхта. Служба подходила к концу. Был взят билет на самолет. Мы ждали сына к 20 февраля — его дню рождения, но... 16 февраля 1975 года в автомобильной аварии он получил травму, не совместимую с жизнью. 14 марта его не стало. Можно ли найти слова, чтобы передать, какой трагедией стала для нас гибель сына? Говорят, время лечит. Нет, мы жили с постоянной болью в сердце. Прошло уже более 30 лет, а боль жива. Я очень боялась за Юру. Болезни буквально стали преследовать нас. Сердечные приступы у Юры стали регулярными. От мыслей о сыне отвлекала только напряженная работа, которая отнюдь не укрепляла его здоровья.

В конце января 1987 года муж в тяжелейшем состоянии снова оказался на больничной койке. Его жизнь спасали доктора, вызванные из Челябинска. Приступив к работе после длительного лечения, он понял, что это ему не по силам. 15 октября 1987 года Юра стал пенсионером. Жизнь стала спокойнее, он окреп. Мы несколько раз выезжали с ним навестить родственников и друзей.

Всё произошло неожиданно и страшно. Оказавшись в больнице с очередным приступом, Юра стал поправляться и уже готовился к выписке. Вечером, когда мы навестили его, улыбался нам, а утром 20 сентября 1995 года его не стало.

Артамонов Юрий Николаевич

Да, рядом со мной дочь, есть замечательные внуки, а теперь и очаровательный правнук, но навсегда ушел человек, который постоянно был рядом почти полвека, мог помочь, успокоить, защитить, развеселить, если я загрущу.

Всё, больше не могу, слишком больно.

О. С. Артамонова

В академии (Военно-инженерная академия им. Куйбышева. — *Ред.*) появился мой однокурсник Юра Артамонов, секретарь институтского комитета комсомола, сменивший меня на этом общественном посту. Он был на год моложе, пришел в институт сразу после школы, был круглым отличником — помимо лекций посещал факультативы, учился с увлечением.

Юра приехал в Горький из Костромы и жил в институтском общежитии, располагавшемся в районе ярмарки, что было не так близко от института — приходилось ездить на трамвае. В общежитии Юра был участником всех студенческих компаний. Ребята к нему тянулись в силу его доброго характера и готовности помочь в учебе. И всё-то ему удавалось как-то легко, казалось, без натуги: и учеба, и общественная работа. Но за всем этим был умно организованный труд и нерушимый принцип: делу — время, потехе — час.

Учился Юра от души и отдыхать умел от души. За годы институтской учебы он внешне вроде бы и не повзрослел: всё та же мальчишеская ухмылка на приятном моложавом лице, щек которого бритва если и касалась, то скорее не по необходимости, а отдавая дань возрасту. И только живые умные глаза, неторопливая взвешенная речь указывали, что его мальчишеское обличье, чему способствовали небольшой рост и худощавая фигура, обманчиво.

Мне пришлось видеть, как он долбил киркой грунт, когда мы рыли окопы под Москвой. Недостаток физических сил у него восполнялся силой духа. Он был физически слабее нас, но прерывать для отдыха работу чаще стремились мы, чем он.

Окончив академию и получив звание лейтенантов, мы разъехались по разным фронтам, а встретились после войны на юбилейной встрече курса (нашего основного, довоенного). И встречались мы на таких мероприятиях каждые пять лет, поддерживая связь регулярной перепиской, а когда в отпуск он приехал в Кострому к родителям, то навестил и меня в Иванове. После его кончины связь не прервалась, продолжалась с его женой Олей, которая за годы знакомства тоже стала нам другом.

И. С. Сирота

26

Юрий Николаевич всегда отличался потрясающей работоспособностью. Про таких говорят: трудоголик. У него была машина, но он ей не занимался, даже не водил, садового участка, при ажиотажном увлечении садоводством и огородничеством, он не имел, весь без остатка отдавшись работе. Свет в его кабинете горел до 9—10 часов вечера каждый день.

Артамонов Юрий Николаевич

Скрупулезно, с немецкой педантичностью, он фиксировал в специально заведенной тетради все документы, делал ключевые выписки ровным, четким, легко читаемым почерком. Просматривая любой проект, аккуратно выписывал основные данные.

Очень принципиальный, Юрий Николаевич мог проявить жесткость — за беспорядок мог отчитать. Его побаивались, но с производственными вопросами к нему обращались в любое время, знали — поможет, подскажет, научит, рассудит. Хватало ему настойчивости и решительности «выбить» то, чего не достает. Мог отказать. На его отказы порой обижались, а он просто умел считать, планировать.

И еще. Несмотря на должность, авторитет, он был удивительно скромным: не выставлял напоказ свое фронтовое прошлое, ордена надевал только в особых случаях. Без преувеличения можно сказать, что город и горожане многим обязаны этому человеку. Если бы не он, мы бы чего-то не досчитались, не достроили.

Ю. Д. Байнов

С Юрием Николаевичем Артамоновым я познакомилась в 1975 году, придя на работу в ОКС секретарем. Пришла робкая, несмелая, так как прежняя секретарь при передаче дел охарактеризовала Юрия Николаевича как человека строгого. Но в процессе работы с ним я поняла, что его строгость и требовательность всегда справедливы. Было у Юрия Николаевича еще такое ценное качество: он умел доверять исполнителю. Дав указание, не досаждал излишним контролем, но, если требовалось, всегда был готов помочь.

Юрий Николаевич был всегда с коллективом. На различных мероприятиях — юбилеях, вечерах, выездах на базу отдыха он не выделялся среди нас, веселился вместе со всеми.

Слева направо: Ю. Н. Артамонов, Г. П. Ломинский, Б. И. Беляев. 9 мая 1985 г.

Артамонов Юрий Николаевич

Человек душевный, он проявлял большую заботу о сотрудниках. К нему шли с любым вопросом — по работе, по семейным делам, он всегда находил правильное решение.

С Юрием Николаевичем я проработала 11 лет, до его ухода на пенсию. Такого душевного, отзывчивого, внимательного, заботливого и в то же время требовательного руководителя я до встречи с ним не знала. Я очень благодарна судьбе, что в жизни мне встретился такой человек.

М. И. Мещерякова

С Юрием Николаевичем Артамоновым мне посчастливилось проработать около 15 лет. В первые же месяцы работы под его руководством я был очень удивлен той заботой и участием, с которыми он отнесся к моим житейским проблемам. Дело в том, что моя семья — жена, ребенок и родители жены и остались в Челябинске, где я раньше жил и работал. Родители не были указаны в моей анкете, поэтому разрешения на их въезд на территорию закрытого города не было получено. Остаться в комнате, где мы проживали, они не могли, так как не имели челябинской прописки, а другого жилья у них не было. Передо мной встал вопрос об увольнении и отъезде из города. Я обратился к Юрию Николаевичу. Внимательно выслушав, он посоветовал изложить все обстоятельства в заявлении на имя директора института. Он сам сходил к директору с моим заявлением, и проблема была решена. Более того, при содействии Юрия Николаевича мне предложили двухкомнатную квартиру. Причем, когда я согласился с условием дальнейшего расширения жилой площади, Юрий Николаевич, понимая, что расширение жилплощади осуществить будет значительно сложнее, посоветовал немного подождать, так как к сдаче готовился новый дом. Так, благодаря заботе и активному участию Юрия Николаевича, я стал обладателем жилья, о каком и не мечтал. На протяжении многих лет я неоднократно видел его заботливое и активное участие в решении проблем других сотрудников. Юрий Николаевич не был равнодушным человеком, всегда был готов помочь людям. К нему не надо было записываться на прием и ожидать приемных дней и часов.

За многие годы совместной работы я ни разу не слышал, чтобы Юрий Николаевич повысил голос, тем более, чтобы кого-то оскорбил. Этот очень и очень мягкий в общении человек в то же время оставался требовательным и принципиальным.

Год 1969-й. 29 октября — День рождения комсомола и день рождения Юрия Николаевича. Ему исполнилось 50 лет. Поздравить юбиляра собрались представители подразделений института и организаций города. Красный уголок управления института не смог вместить всех желающих, люди стояли в проходах и коридоре. Много было слов благодарности, поздравительных адресов, подарков в знак признания заслуг Юрия Николаевича в деле развития института и города. Сам юбиляр был настолько растроган, что не смог сдержать скупых мужских

слез. Сентиментальность оказалась не чужда человеку, прошедшему суровую школу войны.

В 1960-е и 1970-е годы в ОКСе работали в основном люди молодые. Довольно часто мы всем коллективом выезжали на выходные или праздничные дни на базы отдыха «Озерки», «Зеленый мыс», «Березки» или в пионерский лагерь «Орленок», а накануне праздников в конце рабочего дня собирались для торжественного поздравления с чаепитием. И во главе этих мероприятий всегда стоял Юрий Николаевич, несмотря на солидную разницу в возрасте с большинством сотрудников ОКСа. Шутки, песни, смех, танцы, рыбалка были обязательными в той неформальной обстановке. Во всем Юрий Николаевич принимал самое активное участие, и посторонний человек никогда не отличил бы его от рядового сотрудника.

Доброжелательность в общении, готовность помочь были его главными жизненными принципами. Вспоминаю о своем руководителе всегда с большой благодарностью.

А. М. Чиндяев

Артамонов Юрий Николаевич в период существования УКСа исполнял обязанности главного инженера, потом начальника ОКСа (должность главного инженера была упразднена и его обязанности перешли к начальнику ОКСа. — *Авт.*). А в 1960 году, в связи с кончиной К. А. Каргина, Юрий Николаевич был назначен заместителем директора института по капитальному строительству. На этой должности он проработал до ухода на пенсию.

Это был очень компетентный, грамотный специалист, эрудированный человек с большим жизненным опытом. Все технические вопросы и руководство отделом замыкались на нём. Участник многих принципиальных решений по проектированию, он владел в совершенстве всем объемом проектной документации. К. А. Каргин на совещания по строительным вопросам ездил с Юрием Николаевичем, которого в ОКСе, да и строители часто называли «ходячая энциклопедия».

Бывали такие курьезные случаи: подает куратор на подпись письмо в проектную организацию об отсутствии документации. Артамонов открывает свою книгу учета и называет инвентарный номер этой документации в нашем техническом архиве — к смущению и удивлению автора письма.

У Юрия Николаевича был такой стиль работы, что знание ситуации и аккуратность во всем были феноменальны. Он очень тщательно и серьезно готовил документы независимо от инстанции, откуда пришел запрос и куда пойдет ответ. Отправляя на исполнение своим подчиненным полученные письма, он записывал исполнителя и срок исполнения. Всё всегда проверялось.

Юрий Николаевич систематизировал всю проектную документацию, поступившую до августа 1955 года, и потом вел постоянный учет поступающих документов и важнейших директивных указаний из 5-го Главного управления

и Министерства. Две его книги по 600—650 страниц знали все, и они сохранились до сих пор. Они помогали быстро найти требуемый документ. Вот только сомневаюсь, что их продолжают пополнять. Для этого надо быть пунктуальным и аккуратным, не жалеть времени и оставаться на работе до 9—10 часов вечера, как это систематически делал Юрий Николаевич. Работал он очень много, и нагрузки у него были колоссальными.

Кроме руководства отделами он готовил технические задания на проектирование; в планировке города, разработке перспективного генплана города и планировке отдельных кварталов есть большая доля труда Юрия Николаевича. Были сложности с генпланом центральной части города, ибо уже были построены кинотеатр «Космос», ДК «Октябрь», здание горсовета, часть улицы Свердлова. Пришлось ехать Артамонову в Ленинград. Вернулся довольный, все его замечания и предложения были приняты. В проектировании города, особенно в пределах 1—12 кварталов, его можно считать соавтором.

С руководством в Главке у Юрия Николаевича были хорошие отношения, особенно с Владимиром Александровичем Гримбергом, который к тому же был его однокурсником и близким другом. Да и с другими работниками Главка он находил общий язык, в чем ему помогали воспитанность, деликатность, интеллигентность. В последние годы работы Юрия Николаевича у него сложились хорошие отношения с Аркадием Александровичем Колеговым и Эдуардом Аветисовичем Амбарцумовым, которые очень много помогали при утверждении проектов в Главке и Министерстве.

Когда приезжал кто-либо из Главка, устраивались объезды площадок совместно с руководством СМУ-10. Пользуясь ситуацией, Юрий Николаевич высказывал свои тревоги и замечания к строителям по освоению средств, срыву ввода в эксплуатацию того или иного объекта. Качество работ было его постоянной заботой. На объекты он выезжал часто и потом приглашал кураторов для беседы, высказывал свои претензии, заключая разговор словами: «Делайте выводы».

В работе Ю. Н. Артамонов действовал в строгом соответствии с законодательством по строительству, директивами и указаниями руководящих организаций. Если подразделения института обращались с просьбой о каких-либо изменениях в проекте или строительстве здания, не предусмотренного генеральной сметой, он говорил: «Надо согласовать, утвердить и получить разрешение, а потом требовать». Такие просьбы об изменении проекта случались, как правило, перед вводом объекта в эксплуатацию и усложняли работу. Но при острой необходимости и при утверждении директором просьбы удовлетворялись.

30 Юрий Николаевич всегда был в курсе всего, что происходило на строительных объектах, и как мы, кураторы, работаем. Требовал, чтобы переписка велась грамотно, вопрос излагался ясно. Ни один документ в Главк или Министерство не уходил без его визы, а иногда и редакции.

Не оставлял Юрий Николаевич без внимания отделы — проектный и оборудования. По его указанию отдел оборудования ввел на каждый объект комплек-

товочные ведомости, чтобы был настоящий учет. По его распоряжению каждый отдел начал составлять планы работ, которые он рассматривал и утверждал.

Проводили мы его на пенсию в октябре 1987 года в возрасте 68 лет.

В. И. Круглов

Все больше времени проходит с того дня, когда с нами не стало самого главного человека в нашей большой семье — отца, дедушки, но ощущение его сопричастности к нашей жизни остается и сейчас.

ПАПА, а иначе мы с братом не называли его, научил нас ценить и понимать юмор, так необходимый в нашей повседневной жизни. Помню, как меня, маленькую, он сажал к себе на колени и, развернув популярный в то время журнал «Крокодил», рассказывал о картинках в нём, объясняя «изюминку» сюжета. Он помогал мне постичь глубину замысла авторов фильмов, в том числе и комедийных. Возможно, это в дальнейшем и привело меня к написанию шуток и веселых поздравлений в стихах, не говоря уже о моментах, когда юмор попросту выручал в сложных жизненных ситуациях, помогал не «сложить крылья».

Несмотря на то, что на протяжении длительного времени папа был руководителем довольно высокого ранга, он никогда не допускал начальственных ноток в общении с нами, детьми, не давил на нас, не заставлял подчиняться волевым требованиям, позволяя самостоятельно думать и принимать решения, особенно, если они касались выбора профессии или жизненного пути. Он умел слушать, уважал наше мнение и позицию. Папа знал наших с братом друзей, радушно общался с ними, когда не был занят.

Не будучи спортсменом, на протяжении многих лет он регулярно посещал бассейн, занимался в группе здоровья, старался поддерживать хорошую физическую форму. Не удивительно, что и я всю сознательную жизнь регулярно посещаю бассейн. Трое моих сыновей, получив первые навыки от деда, занимались плаванием в спортивной школе...

После смерти брата папа не ожесточился, не очерствел. Скорее, наоборот: нереализованный ресурс доброй заботы, сердечной теплоты, любви он перенес на нас — своих близких. И дедушкой, «дедулей», как ласково называли его внуки, он стал просто уникальным. К каждому из них он находил свой подход и соответствующие слова. Никаких нравоучений, занудливых бесед, тем более давления. Свою жизненную позицию, жизненный опыт, мнения по самым различным вопросам он передавал внукам ненавязчиво, как бы между прочим. И вряд ли мои выросшие теперь дети когда-нибудь забудут рыбалки с дедом на заре, азартные партии за шахматной доской, прогулки и дружеские беседы. Папа мог бы гордиться своими внуками: они выросли грамотными, целеустремленными и добрыми людьми, получили прекрасное образование и уверенно идут по жизни. Убеждена, что в этом и заслуга их деда — Юрия Николаевича Артамонова.

Т. Ю. Ефимова (Артамонова)

Бибикин Михаил Александрович

12.01.1914–07.03.1980

Инженер-конструктор, разработчик ядерного оружия, младший научный сотрудник (1964); лауреат Государственной премии СССР (1971); труженик тыла в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; член ВКП(б) с 1943 г.

- 1931 – студент Нижегородского индустриального института.
- 1937 – инженер-конструктор на Коломенском машиностроительном заводе, с декабря курсант 1-й Московской артшколы МВО.
- 1938 – командир взвода (Гроденовский укрепрайон, 1-я Особая Краснознаменная Дальневосточная армия).
- 1939 – инженер-конструктор, старший инженер-конструктор, руководитель сектора, начальник конструкторского отдела на заводе № 92 Наркомата вооружения СССР, г. Горький.
- 1944 – старший инженер-конструктор завода «Большевик» Наркомата вооружения СССР, г. Ленинград.
- 1948 – слушатель Ленинградской школы по подготовке руководящего оперативного состава МГБ СССР.
- 1949 – заместитель начальника отдела Управления МГБ по Полтавской области УССР.
- 1952 – старший инженер-конструктор, руководитель группы, начальник отдела, заместитель начальника сектора КБ-11, г. Саров.
- 1956 – начальник отдела 92 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 – заместитель начальника сектора 9, там же.
- 1961 – заместитель начальника сектора 7 – начальник отдела 72, там же.
- 1965 – начальник сектора 7, там же.
- 1970 – исполняющий обязанности, а с 1971 г. заместитель главного конструктора – начальник сектора 7, там же.
- 1979 – пенсионер.

Награжден орденами: Ленина (1975), Трудового Красного Знамени (1969), Красной Звезды (1944); медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1979) и другими юбилейными медалями. Его имя занесено в городскую «Ленинскую книгу трудовой доблести» (1970) и в Книгу Почета г. Снежинска (1967).

Создание отечественной атомной промышленности, обеспечение ядерного паритета с США, укрепление оборонной мощи России — результат самоотверженного труда тысяч ученых, инженеров, рабочих. Уральский ядерный центр стоит в ряду крупнейших научных организаций по созданию ядерного оружия. Его работы стали огромным вкладом в решение первостепенной задачи — создания ядерного щита России. Сегодняшние успехи — результат титанических усилий многих людей, положивших свои жизни на алтарь Отечества. Биографии первопроходцев-ядерщиков различны: кто-то прошел большую академическую школу, у многих была за плечами суровая школа войны, а кто-то пришел в атомную отрасль из села...

Вот и Михаил Александрович Бибикин, замечательный конструктор-«бомбодел», родился, согласно записи в метрике, в деревне. Произошло это 12 января 1914 года. Правда, жили тогда молодожены Бибикины Александр Иванович и Зинаида Захаровна в Нижнем Новгороде, в крошечной комнатенке. С появлением сына-первенца решили перебраться поближе к родственникам в деревню Бурцево Богородского уезда Нижегородской губернии. Там и зарегистрировали рождение Миши.

Местная земля особым плодородием не отличалась, и прожить только сельским хозяйством было трудно. Поэтому отец, как и многие мужчины деревни, пошел «на отход» — в 1915 году устроился на завод «Сормово» рабочим мартеновского цеха, а с 1930 года встал сталеваром к мартеновской печи. Мастером был отменным. В книге «История Красного Сормова», выпущенной к 120-летию завода издательством «Мысль» (М., 1969), говорится: «В первую военную зиму в Сормове была организована школа фабрично-заводского обучения № 15. Мастерами в школу пришли потомственные сормовичи И. П. Ананьев, С. И. Камышев, Е. П. Курдюков, С. Н. Князев, А. И. Бибикин и другие. Они готовили для завода сталеваров, литейщиков, сварщиков, токарей. Под руководством А. И. Бибикина ученики школы самостоятельно обслуживали мартеновскую печь, работали первыми и вторыми подручными сталеваров».

Всю рабочую неделю отец жил на съемной квартире в городе и только на выходные да по праздникам приезжал в деревню к семье, где ждали его уже четыре сына и две дочери. (Наследников было бы больше, но двое умерли

в младенчестве.) Дети любили, когда приезжал отец. Был он человеком добрым, мягкосердечным, а уж возьмет в руки гармонь, что бывало нечасто, заиграет «Сор-мача» с частушками да приговорками, — настоящий праздник в доме.

Уедет отец — кончится праздник, и все заботы по дому, по хозяйству справляет мать. Голубоглазая, маленького росточку, она обладала сильным, волевым характером. К любому домашнему делу была способна, на полевых работах всегда оказывалась в передовых, за что свекр уважительно ставил ее в пример тем, кто работал неумело, с прохладцей. Он говорил: «Вот она одна и работница, а вы все — «алякиши» (неумехи)!»

Зинаида Захаровна не имела образования, но понимала его значимость, поэтому и к детям была строга, особенно в учебе. Сказалось в этом влияние её матери, которая имела отношение к семейству купца Башкирова Емельяна Яковлевича, которому была, кажется, сводной сестрой. Старшая из дочерей, названная в честь матери Зинаидой, окончила Горьковский сельскохозяйственный институт, сначала работала в Управлении сельского хозяйства Великолужской области, затем лаборантом в сельхозинституте. Софья стала учителем начальных классов в Сормовском РОНО, сын Николай трудился сначала слесарем на Горьковском автозаводе, позднее шофером в совхозе «Буревестник» Богородского района.

Трагически сложилась судьба Александра — второго сына. Работать он пошел в четырнадцать лет за отцом на Сормовский завод, слесарил. В 1937 году был призван в Красную Армию, воевал в Финскую, прошел всю Отечественную войну. Когда отгремели уже победные залпы, в дом Библикиных пришла похоронка: Александр Александрович Библикин погиб в марте 1945 года.

Тяжелый, напряженнейший труд, тяготы военного времени подкосили здоровье и знатного сталевара. В 1949 году «Красное Сормово» отмечало 100-летний юбилей, но Александр Иванович Библикин не принял участия в торжествах. В 1948 году он умер.

Самый младший из его сыновей, Анатолий, отслужив в армии, приехал на Урал, в Снежинск, поступил на работу в НИИ-1011, где уже трудился Михаил Александрович, здесь же, в Снежинске, окончил МИФИ-6. Так помимо родственных уз братьев связало общее дело — главное дело их жизни.

Михаил Александрович, инженер-механик по специальности «паровозостроение», окончил Горьковский индустриальный институт им. А. А. Жданова в феврале 1937 года и в апреле приступил к работе в должности инженера-конструктора на машиностроительном заводе в Коломне Московской области. Однако уже в декабре месяце он был призван на срочную службу в Красную Армию, поэтому нов

ый 1938 год он встретил командиром взвода укрепрайона на Дальнем Востоке. С апреля 1939 года, по окончании срочной службы, продолжилась его конструкторская карьера. Сначала инженер-конструктор, затем старший инженер-конструктор, руководитель сектора и, наконец, начальник конструкторского отдела в знаменитом КБ В. Г. Грабина на артиллерийском заводе № 92

в г. Горьком. Об участии М. А. Библикина в разработке артиллерийских систем, внесших весомый вклад в разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне, вспоминает в своих мемуарах «Оружие победы» В. Г. Грабина (Москва: Политиздат, 1989). В тот период в КБ разрабатывалась новая противотанковая пушка, которой присвоили заводской индекс ЗИС-2. Она должна была иметь небольшие размеры, минимальный вес, легкий ход, выдерживать скорость передвижения, равную скорости автомобиля-тягача. А главное, для эффективной работы пушка должна была обладать высокой скорострельностью и кучностью боя. Согласно расчетам, ЗИС-2 должна была пробивать броню толщиной 100 миллиметров с дистанции 500 метров, а броню толщиной 90 миллиметров — с дистанции 1000 метров. Первый выстрел нового орудия должен был прозвучать в октябре 1940 года.

В. Г. Грабин пишет: «Решение баллистической задачи и конструктивно-технологическую разработку ствола поручили молодому конструктору М. А. Библикину.

Он закончил индустриальный институт, специальной подготовки не имел, но за время работы у нас в КБ показал себя хорошо. На его счету уже было два ствола, осуществленные «в металле». И хотя для решения комплекса задач по стволу ЗИС-2 этого было маловато, всё же работу поручили Библикину, учитывая, что ему помогали Мещанинов и Муравьев, которые создавали все стволы для наших пушек, а их к тому времени появилось уже немало.

Определив наивыгоднейший вариант баллистического решения, Библикин приступил к проектированию ствола и подготовил материал для заказа на проектирование и изготовление гильзы и снаряда. Кроме того, он составил эскизы на трубу, кожух, казенник. Эскизы были спущены в цех для изготовления поковок...

...ЗИС-2 сама по себе была совершенной артиллерийской системой. Но мало того: не прошло и двух-трех месяцев после первого выстрела противотанковой пушки ЗИС-2, как на её базе была создана новая артиллерийская система, которая приковала внимание и заставила заговорить о себе военно-артиллерийскую и инженерно-конструкторскую общественность всей страны, а позже и всего мира».

С горьковским периодом в жизни Михаила Александровича связаны два очень важных события: в 1940 году он женился на Зинаиде Филипповне Черёмухиной, работавшей в том же КБ конструктором, и в этом же году родился сын Владимир, а спустя 11 лет, но уже в Полтаве появилась дочь Ирина.

В 1944 году М. А. Библикин был переведен на Ленинградский завод «Большевик», где продолжал заниматься конструированием артсистем. За трудовые успехи на оборонных предприятиях в годы Великой Отечественной войны он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

По решению ЦК КПСС в январе 1948 года Михаил Александрович Библикин был направлен в Ленинградскую школу подготовки руководящего оперативного состава МГБ СССР, после окончания которой работал заместителем начальника

Полтавского областного управления МГБ УССР. Такой неожиданный поворот в судьбе уже сложившегося конструктора был связан с тем, что якобы повсеместно на производствах участились технические диверсии, и Министерство госбезопасности организовало специальный набор слушателей с высшим образованием. В этой ситуации Михаил Александрович добросовестно исполнил свой гражданский долг, хотя особого интереса новая работа у него не вызывала. Придя в школу МГБ в звании лейтенанта, за девять месяцев обучения он вырос до капитана. Четыре с лишним года было отдано оперативной работе, и всё-таки желание вернуться к конструкторскому делу, в котором Михаил Александрович, несомненно, был профессионалом высокого класса, не оставляло его.

В 1952 году приказом по МГБ СССР он был переведен в КБ-11, подведомственное Министерству среднего машиностроения. Здесь М. А. Библикин получил возможность применить свои знания и опыт в совершенно новом направлении — разработке ядерного оружия. Сначала он работал старшим инженером. В характеристике от 1952 года, подписанной начальником 43-го отдела КБ-11 В. Ф. Гречишниковым, будущим заместителем главного конструктора по разработке ядерных боеприпасов НИИ-1011, сказано: «...Тов. Библикин М. А. является квалифицированным инженером-конструктором с большим производственным опытом. За время работы в отделе 43 зарекомендовал себя зрелым конструктором, способным к самостоятельной разработке отдельных конструкций...» В последующие четыре года служебный рост Михаила Александровича был сродни взлету: руководитель группы, заместитель начальника отдела, заместитель начальника сектора № 11.

Перевод в 1956 году в новый научно-исследовательский институт № 1011, начавший свою деятельность в стенах КБ-11, открыл перед М. А. Библикиным новые горизонты. Большой практический опыт, эрудиция и запас знаний позволили ему сразу же включиться в работу в должности начальника отдела в испытательно-эксплуатационном секторе 9. Уже в 1959 году он — заместитель начальника этого сектора. Через два года М. А. Библикин возглавил отдел 72, разрабатывающий боевые части ракет ПРО и ПВО, одновременно он был назначен заместителем начальника конструкторского сектора 7, обеспечивающего разработку СБЧ для ВВС, ВМФ, РВСН и артиллерии. С 1965 по 1979 год, до ухода на заслуженный отдых, Михаил Александрович руководил сектором 7, одновременно с 1970 года являясь заместителем главного конструктора института.

36 Несмотря на должность и лауреатское звание, присужденное ему за разработку и освоение в производстве новых образцов авиационных приборов и отразившее заслуги Михаила Александровича как большого мастера, он усердно работал над повышением своего профессионального уровня. В 1970 году он окончил курсы повышения квалификации при Московском филиале ЦИПК по единой системе конструкторской документации, в 1972 году — курсы по управлению научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. Полученные знания Михаил Александрович умело использовал в практике.

Для стиля работы М. А. Бибикина всегда были характерны инициатива, настойчивость, целеустремленность, исполнительность, умение творчески подходить к решению сложных технических и конструкторских проблем. Под его руководством и при непосредственном участии были решены многие вопросы создания сложнейших изделий, воплощен ряд оригинальных конструкторских решений, направленных на обеспечение высокой прочности и надежности конструкций при минимальном их весе. Это способствовало достижению высоких технических и эксплуатационных характеристик изделий. Большой творческий вклад Михаил Александрович внес в разработку высокотехнологичных конструкций, что в значительной степени позволяло осваивать изготовление изделий в серийном производстве в кратчайшие сроки.

Отдавая много сил и энергии организации трудовой деятельности большого коллектива ученых, инженерно-технических работников, служащих и рабочих, он постоянно находился в гуще общественно-политической жизни КБ и сектора. Ему было присуще доброжелательное отношение к подчиненным, но вместе с тем он оставался требовательным начальником, твердо стоящим на страже государственных интересов и дисциплины. Являясь незаурядным конструктором, Михаил Александрович много внимания уделял молодежи, воспитывая знающих, думающих профессионалов, высококлассных специалистов.

По большому счету, работе Михаил Александрович отдал себя целиком и безраздельно. Она стала для него и трудным, но любимым делом, и увлекательнейшим хобби. Даже заслуженный пенсионный отдых для него продлился лишь девять месяцев. Получив приказ об освобождении от должности в связи с уходом на пенсию 30 марта 1979 года, 17 декабря того же года М. А. Бибикин вновь приступил к работе в должности старшего инженера-конструктора в родном секторе. К великому сожалению, 7 марта 1980 года сердце конструктора-«бомбодела» перестало биться.

*По материалам личного дела М. А. Бибикина
и рассказу А. А. Бибикина*

Из воспоминаний

С Михаилом Александровичем я познакомилась заочно в 1954 году — осенью я приехала к мужу, Феликсу Федоровичу Желобанову, в Саров, где уже год он работал в КБ-11. Меня определили в сектор экспериментальной физики к Давиденко. О работе в то время не принято было говорить, мы и не говорили. Но однажды Феликс Федорович поделился со мной впечатлением, которое производили работающие с ним старшие товарищи: очень доброжелательные, внимательные. Хотя и сами они недавно работали на объекте, но уже могли кое-каким опытом поделиться с молодежью. Особенно его тронуло отношение Михаила Александровича Бибикина: «Понимаешь, он и до Сарова занимался артсистемами, а тут

Бибкин Михаил Александрович

попал прямо в десятку. И опыт весьма пригодился, и с нами не ленится делиться тем, что знает и умеет. Очень приятно работать с ним в одной теме...»

А с января 1956 года я начала работать уже в НИИ-1011 — на новом предприятии, которое должно было перебазироваться на Урал. Через некоторое время Михаила Александровича назначили начальником нашего 92-го отдела. Среднего роста, всегда спокойный, доброжелательный, он хорошо разбирался в людях и как-то сразу пришелся ко двору. Я не помню случая, чтобы Михаил Александрович на кого-то повысил голос или отчитал прилюдно. И пошутит вовремя, и замечание при необходимости сделает очень тактично. С ним работалось легко и спокойно.

В 1961 году при очередной реструктуризации — создании КБ-1 и КБ-2 — наш 92-й отдел перекинули в 7-й сектор КБ-2. М. А. Бибкин стал сначала заместителем начальника сектора 7, а некоторое время спустя — начальником сектора. Он по-прежнему оставался самим собой — внимательным, доброжелательным, чутким и очень порядочным человеком.

И что интересно, если в КБ-11 в 1955 году прекратили разработку спецснарядов, то наш институт достиг в этой области значительных результатов. И Михаил Александрович, будучи опытным конструктором именно артсистем, внес в это дело существенный вклад.

Сотрудники сектора относились к М. А. Бибкину с большим уважением не только за чисто человеческие качества, но и за огромный опыт в работе, высокий профессионализм.

Мне в жизни всегда везло на хороших людей. Одним из них был Михаил Александрович...

Л. А. Желобанова

Умел Михаил Александрович прямо, открыто, обстоятельно высказать свое мнение. Это качество, с одной стороны, вызывало уважение окружающих, с другой же — делало его в определенных обстоятельствах «неудобным». Порой оно становилось причиной неожиданных поворотов в судьбе. Но, несмотря ни на какие перипетии, он оставался верен своим убеждениям, своей гражданской позиции.

А. Н. Щербина

38 Михаил Александрович был заметно старше моих ровесников, поэтому с него брали пример. И было с чего. Он из того поколения, которое к работе и к жизни относилось более ответственно. Да и служба в органах наложила отпечаток.

В работе он проявлял особый патриотизм — всегда защищал разработки своего подразделения, отстаивал интересы своего коллектива с такой горячностью, что порой страдала объективность, хотя в целом его принципиальность была известна. Хорошо зная работу и КБ-1, и КБ-2, в спорных вопросах, напористо

Библикин Михаил Александрович

доказывая свою правоту, он старался найти чужие ошибки, обвинить кого-то. Конечно, не голословно, а опираясь на свои знания и опыт.

Его отношение к жизни... Как-то возвращались из командировки, ребята купили цветы: кто — жене, кто — подруге. По этому поводу он, не шутя, сказал: «Надо знать, что для супруги лучший подарок — ваше возвращение». Это, видимо, еще с войны осталось. А купить цветы — это слишком легко.

Человек своего времени, убежденный в правоте советской идеологии, сегодня, когда в возрождении духовности церковь стала играть значительную роль, молиться бы он не пошел.

Серьезный, сдержанный, требовательный, он и детей воспитал в строгости, не избаловав. Они знают, что такое труд, дисциплина. Сумел Михаил Александрович передать им свой стиль работы, в основе которого — вдумчивость, добросовестность, усердие.

П. И. Коблов

Биктимиров Рамиль Сабирович

01.02.1930–20.03.1995

Младший научный сотрудник (1961); кандидат химических наук (1962); старший научный сотрудник (1966); автор (соавтор) двадцати изобретений; член КПСС с 1959 г., секретарь партийной организации сектора 5 (1964).

- 1948 – студент химического факультета Казанского государственного университета им. Ульянова-Ленина.
- 1951 – студент химического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова.
- 1953 – старший лаборант, младший научный сотрудник Лаборатории «Б», г. Касли Челябинской области п/я 33/6.
- 1955 – инженер Государственного завода № 1, заведующий научно-технической библиотекой НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1957 – инженер, старший инженер (1961), старший научный сотрудник (1963) химической лаборатории НИО-5, там же.
- 1970 – старший научный сотрудник лаборатории фототехнических и обрабатываемых пленок научно-исследовательского отдела Казанского научно-исследовательского технологического и проектного института химико-фотографической промышленности (КазНИИтехфотопроект), г. Казань.
- 1972 – исполняющий обязанности, а с 1973 г. руководитель отдела полимерных продуктов и физико-механических исследований, член ученого совета, там же.
- 1974 – руководитель лаборатории физико-механических свойств кинофотоматериалов, там же.
- 1975 – руководитель научно-исследовательского отдела по разработке черно-белых фотоматериалов, там же.

- 1981 — заведующий научно-исследовательским отделением по разработке фотоматериалов для медицины и промышленной радиологии, там же.
- 1988 — заведующий лабораторией полиэтилентерефталатной основы и полимерных пленок, там же.

Награжден медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1948), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1985).

Семья главного бухгалтера кустанайской конторы «Заготскот» Сабира Юсуповича Биктимирова была многодетной: две дочери, три сына. Жить бы да радоваться, но грянули грозные сороковые...

Младшие дети не помнят отца. Он погиб под Старой Руссой в 1942-м. Сабире Сайдахметовне, матери, одной пришлось поднимать пятерых. Старшая Рая сразу же бросила школу, пошла работать, чтобы помочь матери прокормить семью. Рагим поступил в школу ФЗУ. Надо было поскорей получить рабочую профессию. Трое младших учились в школе.

Надо ли говорить, какие это были годы? Сабира Сайдахметовна — малограмотная женщина, — несмотря на все трудности, говорила соседям: «Детей учить буду, надо их до ума довести».

Не жалея себя, работала целыми днями, иногда прихватывала и ночные часы. Только бы прокормить ребят. Были минуты, когда казалось, не выдержит Сабира, да и какими вырастит она детей, если целыми днями они одни? Находились люди, которые советовали: «Отдай хоть двоих в детдом, не справишься тебе с парнями, хулиганами станут».

«Нет, — задумчиво говорила мать. — Дети у меня умные, работающие. А может, мой Сабиржан еще вернется...»

Вот как вспоминает то лихое время Рамиль: «Для моих сверстников Великая Отечественная война началась, когда мы только что закончили третий класс, и было нам тогда по одиннадцать лет. Я хорошо помню первые дни войны, когда мой родной Кустанай, небольшой городок в Северном Казахстане, как и все города нашей страны, за один день буквально преобразился, посуровел. В каждый дом вошла война, вошла со своими тревогами за судьбу страны, за судьбу ушедших на фронт мужей, братьев и сестер, за судьбу оставшихся детей. Тяжкие испытания не обошли и нашу семью. Мать пошла работать уборщицей, старшая сестра стала почтальоном (десятый класс потом закончила экстерном), а старший брат после семи классов пошел работать на завод. Они делали всё возможное и даже

невозможное, чтобы мы продолжали учиться, как просил отец перед отъездом на фронт.

И мы учились. Трудно было, очень трудно: не хватало обуви (часто в школу ходили босиком), одежды, питания. В этих условиях наши учителя проявляли и требовательность, и внимание к каждому школьнику. Каждое утро они с тревогой и болью смотрели на своих учеников. Нередки были случаи, когда кто-нибудь на уроке падал в обморок или приходил со слезами (значит, дома получили похоронку).

Но время шло, и мы выросли. Каждые фронтовые сутки уносили десятки тысяч жизней. Военные и производственные мобилизации для пополнения армии и рабочей силы в промышленности значительно сократили трудовые резервы деревни. Стране нужен был хлеб — хлеб для солдат, которые били врага, хлеб для рабочего класса, который ковал для них оружие. Поэтому во время войны дети не только учились, но, как никогда раньше, участвовали и в проведении сельскохозяйственных работ на колхозных и совхозных полях. Они встали рядом с матерями и сестрами, с пожилыми колхозниками на место ушедших на фронт отцов и братьев.

В летние каникулы мы выезжали в районы для оказания помощи колхозам и совхозам в прополке, в заготовке кормов, в уборке урожая, пасли скот. При уборке урожая собирали каждый колосок, каждую картофелину (лопатами дважды перекапывали картофельное поле). Когда начинался учебный год, нередко приходилось совмещать учебу с работой: трудились на элеваторах, на железнодорожных станциях, заготавливали в лесу дрова и т. д. Работали и учителя, и дети. И, несмотря на огромные трудности военного времени, отсеив в классах практически не было, большинство успешно закончило десятилетку.

Учителя и ученики с честью выдержали испытания суровых военных лет. Группа учителей и школьников была награждена правительственными наградами. Медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» нам вручали вместе с аттестатами зрелости.

42 Учащиеся помогали стране всем, чем могли, приближая День Победы. И этот долгожданный день настал. Как я встретил его? Рано утром пришел в школу, а уборщица и говорит, что сегодня учиться не будем — война кончилась, а сама всё плачет и плачет... Мы побежали домой. А город уже весь кипит, кругом много народу, все танцуют, поют, играет гармонь, на площади идет митинг. Когда я пришел домой, то застал мать в слезах, плакали младшие сестренка и братишка. Самому тоже стало не по себе. В таком состоянии я маму видел за всю войну в третий раз. В первый раз, когда она лежала на рельсах с руками, протянутыми вслед уходящему поезду, который увозил отца на фронт. Во второй раз, когда получили похоронную и умер самый младший братишка (он был шестым ребенком и прожил всего несколько месяцев), и в третий раз — в День Победы, когда к общей радости прибавилось и семейное горе — гибель отца, родственников.

Вскоре стали возвращаться фронтовики. И каждое утро мать рано вставала, ставила самовар, накрывала на стол любимую скатерть отца, одевалась по-праздничному и садилась на улице на скамейку, а нам говорила: «Идите, дети, на вокзал встречать отца». Мы тоже стали как-то верить, что отец должен, не может не вернуться домой, и, встречая поезд, долго не уходили с вокзала, пока не выйдет из вагона последний пассажир и не опустеет перрон. Домой возвращаться всегда было тяжело — знали, что там сидит и ждет нас мама. И так продолжалось еще долго...» (из заметки «В лихую годину» в стенгазету «Фотохимик» к 40-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, КазНИИтехфотопроект, 1985 г.).

Выросли дети и, как мечтал солдат Сабиржан Биктимиров, отдавший жизнь за Родину, стали хорошими людьми, знающими специалистами. Самая старшая, Рая, кандидат экономических наук, возглавляла кафедру Казахского института народного хозяйства. Растим, столяр высшего класса, работал на Кустанайской мебельной фабрике. Младшие, Роза и Рафаил, окончили институты, работали на руководящих должностях. А что же Рамиль?..

О нём рассказывает его жена, Люция Гашимовна Биктимирова:

«Жизнь делает иногда удивительные зигзаги, и невозможно предвидеть, что ждет тебя на каждом из них. Летом 1956 года в трудовой книжке Рамиля Сабировича Биктимирова появилась запись: «Переведен заведующим технической библиотекой». Как раз в это самое лето мы поженились. Так, совершенно причудливым образом наша личная жизнь переплелась с этим, казалось бы, заурядным событием.

Дело в том, что мы оба химики: я — органик, он — радиохимик. Мы вместе учились в Казанском университете с 1948 по 1951 год, а потом наших мальчиков постановлением правительства перевели на спецотделение химфака Московского государственного университета, после окончания которого направили на Урал. Как потом выяснилось, в Лабораторию «Б» для радиохимических работ под руководством крупного отечественного ученого-химика Сергея Александровича Вознесенского. В то время там, в поселке Сокол, другой столп науки — видный ученый-генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в сотрудничестве с С. А. Вознесенским и другими известными репрессированными учеными, отечественными и иностранными, проводил радиобиологические исследования.

Когда в 1955 году начал создаваться новый институт — уральский двойник Арзамаса-16, Лабораторию «Б» расформировали и часть работников отправили в «Сороковку» (так в народе называли тогда Челябинск-40, ныне известный как комбинат «Маяк»). Другую часть специалистов оставили для работы на новом предприятии.

Рамилю Сабировичу поручили временно работу по формированию научной библиотеки. Профессионалов-библиотекарей тогда еще там не было, а без такого центра научно-технической информации, как библиотека, вновь создающийся крупный исследовательский институт не мог бы нормально функционировать.

Биктимиров Рамиль Сабирович

Университетское образование, как известно, дает не только глубокие знания, но и умение работать с литературой. Это позволяет выпускнику университета практически представлять себе объем необходимой информации в фонде библиотеки и номенклатуру изданий, способных обеспечить научно-исследовательские работы по тематике института. Конечно, какая-то библиотечная база осталась от Лаборатории «Б», но тематика предприятия не только существенно изменилась, но и значительно расширилась. Теперь в ней были представлены и физика, и химия, и математика, и газодинамика, и материаловедение, и многие другие направления научной и инженерной мысли.

Вот и ездил в течение двух лет по стране, по её ведущим библиотекам Р. С. Биктимиров – «первый директор» научной библиотеки, так он в шутку себя называл, подбирая, а часто и забирая с собой нужные книги, монографии, журналы. С присущей ему ответственностью он буквально «впрягся» в эту непростую, хотя, на первый взгляд, и несложную, и понятную работу. С рюкзаком и даже просто с мешком, начиненным всем этим тяжелейшим добром, он заезжал обычно на обратном пути ко мне, молодой жене, в Казань (я еще тогда училась в аспирантуре и переехала на Урал только в январе 1957 года). И надо было видеть, каким счастьем светилось его лицо. Он улыбался своей добрейшей улыбкой и от радости нашей встречи, и от удовлетворения своими приобретениями для библиотеки института.

Молодые специалисты Лаборатории «Б». Лето 1953 г.
Р. С. Биктимиров в 1-м ряду 3-й слева

География его поездок была весьма широкой: Москва — прежде всего «Ленинка» и МГУ; Ленинград — «Салтыковка» и ЛГУ; Киев, Харьков, Горький, Свердловск, Новосибирск и др. С правительственным документом, дающим ему право набирать необходимую литературу, он приходил в крупнейшие библиотеки страны. Конечно, не всё было под силу унести с собой, можно было многое просто заказать, чтобы прислали по почте. Но надежнее было всё-таки лично договориться и отобрать нужные издания, а кое-что, наиболее ценное, он старался взять с собой. Такой уж он был человек, не изнеженный комфортом, привыкший самостоятельно преодолевать трудности жизни, не жалевший себя при выполнении доверенной ему работы. Так нас воспитывали с детства: прежде всего «надо», а потом «хочу» и даже «могу».

В 1957 году Рамиль Сабирович вернулся к своей основной профессии радиохимика в отдел М. В. Дмитриева. А библиотеку приняла профессионал библиотечного дела Нина Вуколовна Милованова.

Производственно-политические характеристики из личного дела Р. С. Биктимирова рассказывают, что он был «способным специалистом, имеющим склонность к научно-исследовательской работе», что к порученному делу относился добросовестно, был дисциплинирован, морально устойчив, систематически работал над повышением своего профессионального уровня. Он активно участвовал в общественной работе, пользовался авторитетом среди товарищей.

Строки из партийно-служебной характеристики (была и такая) дополняют портрет: «...Отличительными чертами тов. Биктимирова являются: очень большая трудоспособность, настойчивость, скромность и требовательность к себе. <...> 4 февраля 1954 года утвержден в аспирантуру без отрыва от производства».

В представлении от 28.11.1963 года на перевод Рамиля Сабировича на должность старшего научного сотрудника Ю. А. Зысин отмечает: «...Работая в химической лаборатории, тов. Биктимиров Р. С. показал себя хорошим экспериментатором, знающим свое дело специалистом. В 1961 году ему присвоено звание младшего научного сотрудника. В июне 1962 года он защитил кандидатскую диссертацию. Присвоена ученая степень кандидата химических наук. Является соавтором семи печатных работ, пяти отчетов и одного изобретения. <...> В октябре 1963 года присвоено звание ударника коммунистического труда и быта».

Скупость и формализм официальных фраз порой вызывают досаду. И все-таки они позволяют увидеть основные, наиболее значимые черты характера, увидеть личность. Работа в оборонной промышленности, успешная защита диссертации, большая общественная и партийная работа в течение многих лет сформировали, отточили характер Рамиля Сабировича, привнеся в него очень многое от широкого понимания слова «комиссар».

В 1970 году Р. С. Биктимиров с семьей переехал в Казань в связи с избранием по конкурсу на должность старшего научного сотрудника Казанского научно-исследовательского технологического и проектного института химико-фотографической промышленности. Пришлось с азвом постигать тонкости технологий

Р. С. Биктимиров в рабочем кабинете. КазНИИтехфотопроект

кинофотоматериалов. Доказательством успешного освоения нового дела стало создание Биктимировым его первой собственной пленки «ОЧ–45».

Громадное трудолюбие, целеустремленность, высокая самодисциплина, корректность, умение организовать работу и принять ответственность на себя — эти качества стали постоянными атрибутами его как личности.

Биктимирова Люция Гашимовна, жена, рассказывает: «В Казани Рамиль получил возможность проявить себя не только как грамотный специалист, но и как руководитель и организатор. А человеческих качеств самой высокой пробы у него всегда было достаточно. И это всегда было самым большим богатством нашей семьи. Так что отношение к нему было самое уважительное и руководства, и коллег, и рабочих опытного завода. Он пользовался большим авторитетом у своих иногородних и зарубежных коллег и заказчиков. В нашем домашнем архиве осталось очень много грамот, свидетельств, поздравлений, подтверждающих это».

Проработав почти 25 лет в КазНИИтехфотопроекте, он длительное время возглавлял коллективы научно-исследовательских отделов и лабораторий, в том числе самый крупный отдел, состоявший из пяти лабораторий (всего около 200 человек), в течение многих лет был членом ученого совета института. Совершенствование физико-механических свойств кинофотоматериалов, разработка новых рентгенографических материалов, совершенствование полимерной пленочной основы — вот широкий круг его научных и производственных

интересов. На его счету более 100 публикаций, более 10 авторских свидетельств и 1 патент на изобретение. Творческий потенциал Рамиля Сабировича Биктимирова реализован им сполна.

*По материалам статьи И. Щербинина «Материнская гордость»
(газета «Ленинский путь», 1966, 25 января, г. Кустанай)
и семейным архивам Биктимировых*

Из воспоминаний

Человек слова, человек чести, Рамиль Сабирович вместе с тем был веселым, добрым, очень участливым. Отдел, которым руководила его жена Люция Гашимовна и в котором работала я, считал родным и активнейшим образом участвовал во всех наших мероприятиях. Не раз всем коллективом мы отмечали праздники у Биктимировых. Радушные хозяева тепло принимали гостей. Люция, обладательница колоратурного сопрано, пела, аккомпанируя себе на аккордеоне, Рамиль, душа компании, не давал стихнуть шуткам, смеху.

Как-то он пошел провожать нас и уговорил спеть для Люции прощальную песню. Мы спели что-то громкое, задорное у нее под окном в ночной тишине спящей улицы...

На следующий день Рамиль, как нашаливший школьник, жаловался: «От мамочки так досталось!..»

Таким он и был — серьезный ученый и мальчишка-проказник «в одном флаконе».

А. И. Студеникина

Каким я помню Рамиля Сабировича? Прежде всего, я его помню просто Рамилем, молодым, энергичным, как говорят, с огоньком. Он был редактором нашей стенгазеты «Сигнал». Всякий раз, когда готовился к выпуску очередной номер, подробно обсуждалось содержание статей, иллюстрации, что нередко приводило к спорам. Как-то я предложила для оформления номера использовать репродукцию с изображением полуобнаженной женщины. Редактор не согласился, следуя бытовавшим тогда нормам. Не принято было в таких газетах показывать голое тело. Разгорелся спор: Рамиль, проявляя принципиальность, боролся за целомудрие газеты, а я защищала красоту. И красота победила!

Рамиль всегда имел свое мнение, но он умел слушать и слышать других. Он не стеснялся изменить свою позицию, согласиться с оппонентом и признать свою неправоту.

Л. Д. Арадушкина

Биктимиров Рамиль Сабирович

С Рамилем Биктимировым я познакомился в Казанском государственном университете в 1948 году на первом курсе химфака. Очень серьезный златокудрый паренек, он приехал учиться в Казань из Кустаная. Его отец погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Мать в одиночку поднимала пятерых детей. Рамиль жил на одну стипендию, одет был очень скромно.

Учился он упорно и успешно, поэтому в 1951 году после третьего курса с группой наиболее способных студентов его приказом по университету перевели учиться на четвертый курс химфака Московского государственного университета. Жили мы в общежитии на Стромынке, учились в старом здании МГУ на Моховой. Материальное положение в Москве было гораздо лучше, чем в Казани, так как стипендия была значительно выше. Рамиль учился на отлично, закончил МГУ в 1953 году с красным дипломом.

Он был находчивым парнем. Помню, в марте 1953 года Москва прощалась со Сталиным. В те дни мы не могли попасть в университет, так как район Охотного Ряда и Моховой был оцеплен милицией, никого не пропускали. Проститься со Сталиным хотелось и нам, но попасть в Колонный зал Дома союзов было очень трудно. Так вот Рамиль не растерялся и, пристроившись к церковной делегации, прошел с ней в Колонный зал.

После окончания учебы в августе 1953 года нас направили на Урал работать в Лабораторию «Б». В том году приехало много молодых специалистов из Москвы, Ленинграда и Горького. В клубе «Химик» поселка Сокол часто выступал молодежный хор и струнный квартет. Рамиль играл в этом квартете на мандолине.

В Лаборатории «Б» Рамиль работал под руководством профессора С. А. Вознесенского и директора лаборатории Г. А. Середы. После ликвидации Лаборатории «Б» в 1955 году на площадке 21 разместился экспериментально-физический сектор нового института. Сектор возглавил В. Ю. Гаврилов. Многих сотрудников Лаборатории «Б» перевели работать в Челябинск-40. Рамиль остался в физическом секторе, ему было поручено подобрать и обеспечить специальной научно-технической литературой библиотеку на площадке 21. Он успешно справился с этим заданием и был удостоен благодарности руководства.

С 1958 по 1970 год Рамиль работал в радиохимической лаборатории сектора 5, где занимался разработкой методик анализа и самим анализом фильтровых и грунтовых проб, поступающих с Семипалатинского полигона. В этот период он защитил кандидатскую диссертацию в Уральском политехническом институте. Научным руководителем его работы был профессор С. А. Вознесенский.

48 Рамиль был прекрасным семьянином. Со своей будущей женой Люцией Салиховой он познакомился в Казани, они учились вместе на одном курсе химфака КГУ, вместе вырастили дочь и сына. Рамиль очень любил своих домочадцев. Он был хлебосольным хозяином, на праздники и дни рождения приглашал друзей и готовил для них настоящий татарский бишбармак.

Умный, компанейский, надежный друг — таким мы его и помним.

А. Д. Акамсин

Бородулин Александр Васильевич

18.08.1921–26.08.1984

Один из создателей научно-исследовательского испытательного комплекса РФЯЦ – ВНИИТФ, организатор лабораторно-конструкторских испытаний спецзарядов и спецбоеприпасов; участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1945 года, член городского комитета КПСС (1967–1984) и его бюро (1978–1983); лауреат Ленинской премии (1963).

- 1940 – по окончании авиационного техникума (г. Рыбинск) конструктор авиационного завода, г. Казань.
- 1942 – боец 9-й воздушно-десантной армии.
- 1946 – инженер-конструктор авиационного завода, г. Казань.
- 1950 – студент вечернего отделения Казанского авиационного института.
- 1952 – инженер-конструктор КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 – начальник отдела и заместитель начальника сектора НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1956 – окончил вечернее отделение МИФИ, г. Арзамас-16.
- 1966 – начальник сектора ВНИИП, г. Челябинск-50.
- 1973 – заместитель главного конструктора, начальник научно-исследовательского испытательного комплекса, там же.

Награжден орденами: Красной Звезды (1944), «Знак Почета» (1954), Трудового Красного Знамени (1956, 1962), Октябрьской Революции (1971), Ленина (1976); медалями. Почетный гражданин г. Снежинска (1982). Его имя занесено в Книгу трудовой славы города (1963).

Бородулин Александр Васильевич

Саша родился в деревне Бор-Бельский Бежецкого р-на Калининской (Тверской) области в семье потомственных крестьян Василия Ефимовича и Екатерины Борисовны Бородулиных. Семья была большая — семеро детей (Саша был вторым) да еще бабушка с дедом, жили трудно. Рано умер старший брат Сергей, и Саше достались все его «привилегии»: быть первым помощником в любой крестьянской работе, в домашних делах — за хозяина, для младших — главной нянькой и воспитателем. Всё умел, всё удавалось, со всем справлялся.

В 1929 году поступил в Плотниковскую (по названию районного центра Плотники) неполную среднюю школу, по окончании которой в 1936 году стал учащимся авиационного техникума в г. Рыбинске. На Казанском авиационном заводе (ранее № 27, 16, а в народе — «шарашка»), куда был распределен в 1940 году, началась трудовая карьера молодого специалиста-конструктора по моторостроению в отделе ОКБ, где сидел весь цвет будущей послевоенной ракетной науки и техники страны. В период работы в «шарашке» он понял, что надо учиться дальше, но началась война.

«Почти два года он писал заявления с просьбой отправить его на фронт. Наконец, в 1942 году, был призван и направлен в формируемую 9-ю воздушно-десантную армию. Прошел всю подготовку перед прыжками с парашютом, но так и не совершил ни одного. Их часть в срочном порядке зимой на автомашинах была направлена на Ленинградский фронт — закрыть участок, где была окружена армия генерала Власова. Про те первые дни войны он говорил, что, видимо, благодаря какому-то чуду остался жив» (из воспоминаний А. Н. Щербины). Уйдя на фронт добровольцем, Александр прошел солдатский путь от Старой Руссы до Вены. В 1943 году был ранен.

Наступающий 1944 год подарил молодому бойцу приятное знакомство с милой девушкой Танечкой, оказавшейся землячкой из соседнего районного центра — Вышнего Волочка. Романтическая встреча в Вене получила свое логическое продолжение — в 1947 году уже в Казани Татьяна и Александр расписались, а в 1948-м появился на свет первенец Сергей.

Вернувшись в 1946 году на родной завод к мирной профессии, фронтовик с боевыми наградами не забыл своего желания продолжить учебу. Только теперь оно стало еще осознаннее, целеустремленнее. В 1949 году молодой коммунист Бородулин оканчивает вечерний университет марксизма-ленинизма при Казанском горкоме ВКП(б), в 1950 году становится студентом вечернего отделения Казанского авиационного института.

50 Он успешен в работе, активен в общественной жизни: три года (1949–1952) он бессменный редактор отдельской газеты. Не случайно поэтому Татарский обком ВКП(б), исполняя решение ЦК ВКП(б) от 02.04.1952 года, направил его на работу в хозяйство Александрова (КБ-11) в качестве техника-конструктора, очень быстро достигшего уровня инженера. Чтобы продолжить учебу, пришлось перевестись из Казанского авиационного на вечернее отделение Московского инженерно-физического института в г. Арзамасе-16.

За кульманом в годы войны (1944–1945 гг.)

К моменту создания уральского ядерного центра (НИИ-1011) Александр был уже достаточно опытным специалистом. Поэтому в июне 1955 года в новом НИИ появился начальник отдела и заместитель начальника сектора Бородулин Александр Васильевич, получивший диплом о высшем образовании в 1956 году.

Уральский период стал наиболее плодотворным в жизни и деятельности этого незаурядного человека. Работая исключительно на руководящих должностях, в 1973 году он становится заместителем главного конструктора, начальником НИИК. Под его руководством и при личном творческом участии были выполнены важные конструкторские, научно-исследовательские и экспериментальные работы по техническому развитию испытательного комплекса, освоению машин, оборудования и измерительных средств специального назначения. Заслуги его по достоинству оценены государством.

*По материалам личного дела А. В. Бородулина
и воспоминаниям Т. М. Бородулиной*

Из воспоминаний

Конец 60-х, 70-е, 80-е годы XX века — период бурного развития экспериментальной базы наземных испытаний ядерных боеприпасов, застройки и благоустройства площадки 8. Осваивать новую территорию среди лесного массива вначале приступил сектор 15, а потом — 16, они и стали родоначальниками будущего научно-испытательного комплекса. В него влились также отделы 48 и 87. Первым руководителем объединенных сил испытателей, исследователей, конструкторов стал Бородулин Александр Васильевич.

Конечно, главное детище и гордость в целостной системе наземных испытаний ядерных боеприпасов — это экспериментальная база, методология наземной, лабораторно-конструкторской отработки и кадры — специалисты, профессионалы своего, порой весьма опасного дела.

С другой стороны, почти полная автономия нового объединения потребовала организации всех малых и больших служб жизнеобеспечения. Иногда этот персонал мы незаслуженно называли вспомогательным. Но большому беспокойному хозяйству площадки для выполнения основных задач испытаний без этой категории работников не обойтись. Кто осмелится сказать, что не у дел окажутся токари, фрезеровщики, слесари, сантехники, столяры, экономисты, плановики, диспетчеры, уборщицы помещений, работники делопроизводства и т. д. Формировать соответствующие службы было трудно, так как на страже стояли ограничения всевозможных циркуляров. Немало инстанций и чиновников были готовы по любому поводу и без повода ставить «палки в колеса» при создании организационно-хозяйственного механизма нового подразделения. Разумеется, при возведении испытательных сооружений, стендов, установок приходилось в неменьшей степени преодолевать различные препоны. Возникающие научно-технические проблемы требовалось выносить на самый высокий уровень вплоть до главного управления и министерства.

Неспешность, обстоятельность, взвешенность, житейская мудрость, техническая и конструкторская интуиция — эти качества характера Александра Васильевича имели решающее значение в достижении желаемых результатов.

Проектные работы всех крупных объектов площадки в те годы выполнял Ленинградский государственный проектный институт и его филиалы. Другое название этого учреждения ГИКП — Государственный институт комплексного проектирования. Но в среде строителей и проектировщиков его чаще именовали коротко Ленгипроект (ныне ВНИИПиЭТ). Курировал проектную документацию и строительство наш ОКС.

52 Вспоминается командировка совместно с А. В. Бородулиным в Красноярск-26 (ныне г. Железногорск). Там находился, видимо, и по сию пору живет и здравствует сибирский филиал Ленгипроекта. Здесь следует сделать небольшое отступление.

Мягко говоря, Александр Васильевич не питал уважения к командировкам и другим лицам воли к разъездам не давал, считая коэффициент полезного

действия вояжей крайне низким. Он был недалек от истины и сам почти не отвлекался от повседневных, текущих дел подразделения. Но если выезжал, значит, особая нужда в том была.

В чем же заключалась необходимость данной поездки?

Как известно, первым объектом, с которым сектор 16 входил в состав НИИК, было здание, предназначенное, главным образом, для размещения необходимого оборудования. Приказом № 063 от 06.03.1972 года министра МСМ Е. П. Славского была утверждена сводная смета строительства 1-й очереди объектов НИИК ВНИИП в сумме 8676,4 тыс. руб. В состав 1-й очереди входило и это здание. Техническое задание на проектирование было направлено в Ленгипроект еще от имени КБ-2. По каким-то причинам ТЗ ленинградцы перепоручили своему сибирскому отделению и некоторое время держали нас в неведении. Это было за два-три года до ожидаемого перебазирования сектора 16 на площадку 8. Однако заранее было понятно, что производственных площадей недостаточно и для размещения всего персонала нужны дополнительные помещения. Александру Васильевичу удалось убедить руководство института в необходимости возведения дополнительного здания. Выбирая наиболее рациональный путь решения этой проблемы, Г. П. Ломинский предложил построить здание по типу заводоуправления, что уже стояло на площадке 9. Выгода была очевидной: полный комплект проектной документации имелся в наличии, строители должны были принять заказ, как родное, освоенное дело, кооперация на поставку строительных частей и блоков налажена.

Но эти предложения последовали потом, позднее технических решений, принятых по основному зданию.

Вначале предполагалось сектор 16, если и не весь, то значительную часть его персонала, разместить в основном здании. Доказать, что это помещение должно принять в свое лоно больше двух сотен специалистов, не имеющих никакого отношения к тепловым и климатическим испытаниям, казалось, практически невозможно. Тем не менее Александр Васильевич с полной уверенностью в успехе содействовал осуществлению этой задачи.

Вот такие соображения и события стали прелюдией к командировке.

Была зима, февраль. Самолетом прибыли в Красноярск. Нас встретили, доставили в закрытый город, поселили в уютной ведомственной гостинице. Цель поездки была предварительно обозначена, поэтому после знакомства с руководством филиала, ведущими специалистами проекта сразу приступили к делу. Вопросы привязки здания к местности, подключения его к действующей сети коммуникаций при сохранении работы функционирующих объектов на период строительства, размещение оборудования и климатических термобарокамер, расчеты энергопотребления, планировка основного и вспомогательного технологического пространства и площадей и другие технико-экономические показатели не вызвали особых эмоций и споров. Но вот подошли к вопросу о размещении людей...

Ясно, что для подсчета одной смены обслуживающего персонала, а только он имел непосредственное отношение к данному тепловому комплексу, достаточно

пальцев одной руки. Для проектировщиков все остальные люди — неизвестно кто и неясно для чего. Поэтому на наш первоначальный запрос о двухэтажном пристрое к зданию незамедлительно последовала их реакция — категорически нет. Как известно, кроме обеспечения прямых требований строительных СНиП и других норм, экономичность проекта, незатратность последующего строительства — первостепенная цель проектировщика. За этим следуют премии, поощрения, продвижение по служебной лестнице.

Александр Васильевич использовал, кажется, всё обаяние своей «мужицкой правды», чтобы доказать, что нам позарез нужно перемещать большой коллектив людей с площадки 9 на 8-ю и другого места, кроме нового здания, нет.

Красноярцы «дрогнули», но стояли на своем. И все-таки за решением и советом, дабы не получить «шишек», обратились по телефону к своим шефам в Ленинграде.

В то время обязанности директора там исполнял В. М. Седов, а главным инженером был А. Н. Матвеев. Последний вышел с нами на связь. Он хорошо знал Александра Васильевича по другим стройкам в городе и институте как человека делового, не бросающего слов на ветер, который без крайней необходимости не потребует лишнего, понимающего заботы и проблемы коллег-конструкторов проектной фирмы. Их прямой разговор привел к компромиссу: пристрою быть, но одноэтажному. Так у основного здания «выросли крылья», которые служили и служат на благо НИИК, хотя полномасштабная потребность в них с вводом в эксплуатацию дополнительного здания отпала. В практике возведения строений строго технологического назначения подобное встретишь нечасто.

После решения столь неординарного дела, да еще и с согласия вышестоящей инстанции наше общение с красноярцами утратило напряженную официальность. Будучи весьма любознательным человеком, Александр Васильевич сразу повел разговор о городе и его жителях. Спросил, где надо побывать, что посмотреть, чтобы понять не только «соль» местной жизни, но и кое-что, как он выразился, «взять на заметку у сибирских аборигенов». Оставшиеся дни были посвящены знакомству с городом и его ближайшими окрестностями.

Красноярцы похвастали состоянием общепита в городе и рекомендовали отдохнуть в кафе с романтическим названием «Бригантина», а заодно и полюбоваться его внутренним убранством. С него и начали. Интерьер кафе действительно выглядел необычно: овал зала, его отделка, настоящие паруса имитировали то ли каравеллу, то ли средневековый бриг. Возникла иллюзия, что мы находимся в кают-компании парусника по приглашению гостеприимного капитана. Александр Васильевич то причмокивал, то прищелкивал, явно восхищаясь оригинальностью обстановки.

Удивляться мы начали прямо с парадного крыльца. Две милovidные девушки встретили нас чуть ли не на ступеньках, приняли зимнюю амуницию, провели в зал, усадили за столик с таким расчетом, чтобы обзор всего помещения был наилучшим. Предложили меню. Александр Васильевич спросил, есть ли в самом

сердце Сибири фирменная водка и можно ли ее считать достойной уральских дегустаторов. Девушки дружно кивнули в знак согласия — есть, мол, и достойна! Потом перед нами появился штоф с прозрачной жидкостью. Что там было — неизвестно, но слова одной из них, как сейчас помню: «Вот вам «Огни Востока», угощайтесь!» Мы быстро захмелели. «Огни» оказались весьма «пьяными»... Ласкала слух слегка приглушенная приятная музыка. Эти же девушки, они же официантки, пригласили нас на танец. Это явно не входило в наш вечерний регламент, однако пришлось вальсировать — долг вежливости обязывал.

Складывалось впечатление, что кто-то позвонил и попросил встретить нас по первому разряду, как важных персон. Позже выяснилось, ничего подобного и в помине не было. А всё это «кино» проходило согласно принятому в кафе этикету. Ларчик открывался просто: мы были новыми клиентами и явились без дам, а обслуживали нас в соответствии с установленными правилами.

Итог столь экзотического открытия (в период развитого социализма в СССР!) Александр Васильевич сформулировал примерно так: «Скажу директору, пусть гонцов в Сибирь шлет за опытом».

Особо хочу заметить: никогда не видел А. В. Бородулина в состоянии сильного опьянения, какая бы «горилка» перед ним ни стояла. Он всегда оставался трезв в суждениях, не терял контроля над собой и окружающей обстановкой, пользовался авторитетом и уважением, как интересный собеседник или как тамада в компании любого масштаба.

Наша похвала «Бригантине» была лестной для красноярцев. Цель была достигнута. Они попали, что называется, в точку, и было видно, что испытывают гордость за свой город и его быт.

Следующим мероприятием стала экскурсия на Братскую ГЭС. Мы с радостью воспользовались возможностью своими глазами увидеть крупнейшую в то время гидроэлектростанцию в СССР, да и в мире тоже. Ведь и на сей день по мощности ее превзошла, кажется, только одна ГЭС — Саяно-Шушенская. Свои услуги любезно предложил начальник архитектурного отдела филиала Е. С. Кузнецов. На его «Волге» ГАЗ-21 рано утром двинулись в путь. Еще на подъезде, за несколько километров до станции услышали раскатистый гул падающей воды. Сравнительно узкое русло Ангары, крутые берега, покрытые лесом, усиливали эффект далеко разносимого эха.

Громадье, которое открылось нашему взору по прибытии, ошеломило! Братская ГЭС — высоконапорное гидротехническое сооружение. Станция достраивалась. Два гидрогенератора были еще в стадии монтажа. Остальные успешно трудились, и вся их мощь фактически поглощалась Ачинским алюминиевым комбинатом. Строительство плотины, как известно, потребовала значительно больших затрат времени, чем было установлено проектом. Скала левого створа, если смотреть на плотину со стороны машинного зала станции, дала трещину от гигантского напора воды. Трещину долго армировали и заливали бетоном.

О напоре можно судить по водопадам. Их высота от уровня пола машинного зала составляет 125 м. Следовательно, верхняя кромка плотины, точнее, поверхность воды искусственного водохранилища должна быть где-то на уровне 150 м по отношению к естественному руслу реки. Бетонная плотина Братской ГЭС — вторая в мире по объему водохранилища.

Первое, что мы ощутили, войдя в машинный зал гидростанции, это гул и всеохватывающую вибрацию. Пол под ногами дрожал, как осиновый лист. Мы понимали толк в вибрации, знали ее коварство, поэтому наш вердикт был однозначным, — станция в недалеком будущем развалится! Седовласый, а точнее, с белой как лунь шевелюрой, главный инженер был нам гидом. Он улыбнулся по-отечески и успокоил. Срок службы станции рассчитан на сотни лет (до 700) с учетом сейсмичности зоны ее расположения. А ее долговечность определяется совсем тривиальным параметром — заиливанием искусственного моря, что раскинулось перед плотинной.

Нас подвели к месту монтажа одного из гидрогенераторов. Далеко внизу мы увидели сверкающие лопасти турбины. От уровня пола они находились на глубине порядка 40 м. Таким образом, турбина испытывала напор падающего столба воды суммарной высотой 165 м. Подъемником нас доставили на плотину. С высоты птичьего полета здание станции казалось игрушкой. Водоводы, как гигантские змеи, опускались к его основанию. А за станцией вода бурлила и кипела. Сумасшедший водоворот из-под основания станции вырывал, метал, бросал валы и фонтаны. На протяжении трехсот километров вниз по течению река теперь не замерзает в самые лютые морозы.

С другой стороны плотины было море, покрытое льдом. Перед нами расстилась белоснежная равнина. Дух захватывало от величия природы и творения рук человеческих!

Прощались с сибиряками в небольшой компании за скромным ужином. Александр Васильевич был в центре внимания участников. Умело поддерживал разговор, проявлял неподдельный интерес к работе филиала, значению и влиянию его на архитектурно-строительный облик города. Расспрашивал о планах на будущее, много шутил.

Вообще, на разные случаи жизни Александр Васильевич имел в запасе шутку, а если требовали обстоятельства, то пускал в дело крепкое, ядреное словцо.

Многое из его высказываний не подлежит печати. Дар вести живую, доходчивую беседу, употребляя своеобразный арсенал своего лексикона, он успешно использовал в решении хозяйственных и технических проблем.

56 Твердый тон — самый верный тон; власть твердая, а меры мягкие — вот основные принципы, которые он использовал при управлении большим коллективом. Положение руководителя обязывало касаться различных сторон личной жизни сотрудников. Не потому, что хотелось ворошить «чужое белье», а ради желания помочь людям: дебоширу сохранить семью, холостяку-пьянице критически оценить свои поступки, взглянуть на себя со стороны. Суровой расправы Александр

Васильевич не допускал. Человечность, благородное стремление поправить оступившегося были в основе его бесед с глазу на глаз. Свою миссию он считал выполненной, если удавалась победа над дурными поступками. После этого искренне радовался, что ценный работник остался во благо подразделению. Не терпел в людях лени, чванства, верхоглядства, ему претило очковтирательство. И на этот счет его приговор или взбучка были особенно внушительны.

Шекспир сказал: «Шутка может быть предвестником правды». Правда, которую Александр Васильевич порой в шутливой форме или откровенно и прямолинейно доносил до слушателя, его меткие замечания, как правило, достигали желаемой цели. Простые слова глубоко западали в души, как нечто подобное народному фольклору. Не случайно были и сейчас есть коллеги по работе, которые пытаются, и не безуспешно, подражать интонации, колориту его голоса, имитировать манеру говорить, жестикуляцию и образную речь.

Е. А. Горячев

Жизнь Александра Васильевича состояла не только из одной работы, которой, надо заметить, он отдавался полностью. Была в его характере еще одна важная сторона, позволявшая ему оставаться порядочным, честным человеком и уважаемым руководителем. Это — любовь к природе. Природа помогала Александру Васильевичу находить силы после напряженной работы, заряжала новой энергией.

Он очень любил свой сад. Александр Васильевич и Татьяна Матвеевна часто с гордостью демонстрировали знакомым результаты упорного садоводческого труда: цветы, яблоки с любимого дерева, лиственницу, пихту, можжевельник, специально привезенные из леса и выращенные в саду Александра Васильевича.

Любил он походить с корзинкой по лесу. Александр Васильевич считался в нашем городе одним из первых грибников (пальму первенства отдавали супруге Е. И. Забабахина). Редко кто обладал его умением находить белые грибы там, «где не ступала нога человека».

Одно заветное местечко было у него в районе озера Иткуль, на поляне, где росли две старые березы. В хорошие времена нам удавалось находить на ней от трех до десяти белых грибов. Теперь березы давно срублены на дрова, на поляне нет больше грибов, ушел из жизни Александр Васильевич...

Почти двадцать лет мы, тесной дружеской компанией, вместе со своими семьями, проводили лето на реке Уфе, наслаждаясь прелестями башкирской природы. В то время дороги были очень плохие, и надо было затратить не менее трех часов, чтобы добраться до места, а там... Нас ждали чистые реки с хариусами, голавлями, подустами, щуками и другой самой разнообразной рыбой.

Однажды ранним утром, когда все еще спали, раздался торжествующий крик нашего «индейца» (так мы в шутку называли Александра Васильевича), прокатившийся эхом по всей окрестности. Оказывается, Александр Васильевич

Бородулин Александр Васильевич

встал пораньше, проверил закидушки и обнаружил, что поймал хариуса, едва ли не самого большого за всё время наших поездок.

Вспоминаются многие наши приключения: как однажды у нас украли рыбацкие снасти, как один тракторист, обещая вытащить застрявшую машину на проезжую часть, выманил у нас все деньги; как в гостях у бабая Калиулина мы угощались свежей бараниной, гусем с домашней лапшой и пили чай с душистым башкирским медом. Александр Васильевич любил рыбалку, любил собирать грибы, но не терпел охоту. «Зачем убивать животных? Они ведь тоже хотят жить», — часто говорил он.

Очень нравилось ему, как организована жизнь у пчел. И на площадке у нас появились ульи, а вместе с ними — обилие цветов. Чего греха таить, многим было не по душе это увлечение Александра Васильевича, но у тех, кто пытался ему навредить, ничего не вышло, ульи всё равно остались на территории НИИКа.

Надо сказать, что НИИК, возглавляемый Александром Васильевичем, четыре года подряд занимал первые места в городских соревнованиях по благоустройству и охране природы на площадке и прилегающих территориях, в городских микрорайонах («нашим» был в ту пору 12-й, угол ул. Щёлкина — Новая). Сотрудники НИИКа и его подразделений ежегодно отмечались благодарностями руководства РФЯЦ — ВНИИТФ, ОЗК-24, совхоза «Береговой», горкома КПСС и горисполкома за большую работу при оказании помощи в уборке урожая, строительных работах

Болельщики лыжного марафона. А. В. Бородулин в центре

на территории пионерского лагеря «Орлёнок», лесоустроительных мероприятиях... Александр Васильевич очень гордился этим.

Любил он свою машину, которая всего была чистой, ухоженной; любил русскую баню и при случае посещал ее с удовольствием.

Обожал внуков, которые часто приезжали к нему на лето из Москвы.

В коллективе НИИКа он считал необходимым время от времени устраивать для сотрудников праздничные и юбилейные вечера с обязательным концертом. Александр Васильевич с удовольствием пел военные песни, потому что был участником войны. И наши вечера проходили без всяких там ЧП.

Он уважал и ценил, прежде всего, честных и добросовестных сотрудников (таким же был и он сам). Александр Васильевич не признавал руководителей-любителей постоянно устраивать «выволочки» и проработки своим подчиненным. «А за что его ругать, если он ничего не делает?» — так иной раз в шутку говорил он о каком-нибудь радивом работнике.

В последние годы он сильно болел, сильно уставал на работе. Тревожила его обстановка, сложившаяся за последнее время в городе, институте, партии, членом которой он оставался до конца дней. Угнетало равнодушие и непонимание некоторых коллег по работе. Беспокоило варварское отношение к природе — необоснованное уничтожение леса, безответственное загрязнение Синары и других, прилегающих к городу озер...

Вот таким он и был — Александр Васильевич Бородулин, руководитель НИИКа, человек, чья фамилия наряду со многими выдающимися именами вписана в историю Снежинска и нашего института.

Ю. К. Гузанов

Лето 1974 года.

Нахожусь в «Радуге» — книжном магазине. Просматриваю новые поступления нотной литературы, в основном для шестиструнной гитары. Вдруг слышу за спиной знакомый голос:

— Вась, а ты слышал новую песню «На всю оставшуюся жизнь»?

Поворачиваюсь:

— Да нет, Александр Васильевич. Пока не довелось. А что хорошая песня?

— Достоянейшая! Мне она очень понравилась!

Запал в душу мне этот короткий диалог. Решил: обязательно эту песню найду, запишу, выучу, а при удобном случае даже ее исполню. Тогда я не представлял, когда это произойдет.

То, что Александр Васильевич Бородулин был неравнодушен к хорошим песням, особенно к песням фронтовых и послевоенных лет, я был наслышан и ранее. Но когда в 1970 году я пришел в НИИК (в то время это был 15-й сектор), в том я убедился воочию и навсегда, как говорится, на всю оставшуюся жизнь.

Ни один знаменательный праздник нашего государства, ни один юбилей в НИИКе не проходил без достойного торжества и, конечно, без активного

Бородулин Александр Васильевич

участия в нем Александра Васильевича. По сути он был инициатором и вдохновителем всех проводимых мероприятий. А потому в этих, прямо скажем, благодатных условиях, как само собой разумеющееся, сформировался своеобразный вокально-инструментальный ансамбль (ВИА, так именовали в то время подобные коллективы). Своеобразие этого ансамбля заключалось в том, что, работая оперативно, его участники практически не прибегали к предварительным, изнурительным репетициям, поскольку на память знали десятки популярных песен разных эпох. Костяком этого ансамбля были Леонид Иванович Кривошеин (аккордеон), Герман Александрович Пономарёв (баян), Василий Михайлович Иванов (гитара). Постоянными певцами, солистами и запевалами в компаниях были Станислав Романович Шаго и Александр Григорьевич Матишов. Были случаи, когда выступал в качестве солиста и будущий начальник НИИКа Александр Федорович Васильев. Все они обладали довольно сильными и красивыми голосами. Их песенный репертуар был неисчерпаем. Александру Васильевичу порой было достаточно лишь намекнуть на грядущее событие, как соответствующая программа компоновалась, подрабатывалась и тут же предлагалась для одобрения. По ходу мероприятия, естественно, менялась, корректировалась, поскольку просьбы и заявки на исполнение той или иной песни шли не только от организаторов торжества, но и от многих приглашенных гостей. И почти традиционной кульминацией становился момент, когда на весь зал, покрывая праздничный шум, вдруг раздавался звонкий, неповторимый голос Александра Васильевича: «Леня, а ну давай-ка “Софьюшку”!» Леонид Иванович реагировал мгновенно. Виртуозно, страстно, самозабвенно аккомпанируя сам себе на аккордеоне, он исполнял эту веселую, полюбившуюся всем песню с женским именем. Александр Васильевич благодарно улыбался, глаза его искрились от удовольствия.

Так было и тогда. Тосты, песни, тихие разговоры, шутки... Прошел час, другой. Пора было уходить... «Сейчас или никогда», — не покидала меня мысль.

— Дорогой Александр Васильевич, позвольте мне на прощанье исполнить песню, которая вам понравилась в свое время, это было десять лет назад.

И я её спел под собственный гитарный аккомпанемент... Мешали слезы, комок в горле... Боялся забыть слова, но... я допел её до конца. Когда закончил, аплодисментов не было. Тихо прозвучали слова Александра Васильевича: «Спасибо, Вася...»

В своем воспоминании я затронул лишь одну из граней этой незаурядной личности — любовь, равнодушие к хорошей песне, к её исполнителям и к людям вообще.

60 Многими вопросами, делами ведал, занимался и успешно их решал Александр Васильевич. Это был умный, добрый, порою жесткий, справедливый, досужий до всего, исключительной исполнительности человек и руководитель. Таким он останется в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

В. М. Иванов

До перехода в НИИК в создаваемую службу лабораторно-конструкторской отработки зарядов в качестве заместителя начальника с перспективой на должность начальника подразделения Александр Васильевич мне был известен как авторитетный конструктор из команды П. А. Есина. Когда в 1972 году было принято решение объединить в одном подразделении ЛКО зарядов и БЧ, встал вопрос о передаче части состава отдела 87, связанной с экспериментальной отработкой изделий на действие факторов ПРО, из КБ-2 в НИИК. Мне, как начальнику относительно большого по составу отдела (три лаборатории и 80 сотрудников), потребовалось сделать нелегкий выбор: НИИК или КБ-2. В результате — НИИК, отдел 157.

Александр Васильевич поначалу был настроен на минимум работ. Однако в ходе нашей беседы он понял, что речь идет не только об ЛКО, а также об участии в облучательных физических опытах. После некоторых сомнений и слов, что в институте уже все работы поделены, он согласился принять в НИИК тематику, связанную с ФО.

Летом 1974 года службы отдела 157 переехали с 9-й площадки на 8-ю. В хозяйстве отдела в то время уже было порядка пяти автомашин, передвижных ремонтно-технических баз (ПРТБ), в кузовах которых силами сотрудников отдела была смонтирована измерительная аппаратура различных методик. Освоили мы также три универсальных автомобильных прицепа, в которых разместили как аппаратуру, так и бытовые отсеки. Во время экспедиций в Приозерск и на Семипалатинский полигон Александр Васильевич по достоинству оценил это приобретение.

С первых дней работы в НИИКе я обратил внимание, что Бородулин очень внимательно читает документы, подготавливаемые в нашем отделе. По существу, для него это были совершенно новые работы, некая смесь из анализа поведения автоматики при воздействии дестабилизирующих факторов плюс обоснование объема контроля и выбора измерительных средств, работоспособность которых должна была быть гарантирована. Однажды он признался, что тратит много времени на ознакомление с нашими документами. В дальнейшем это принесло свои плоды. Он стал легко ориентироваться в наших проблемах и активно поддерживал новые разработки измерительных методик и средств.

Характерный пример. Александр Васильевич до поездки на полигоны никак не хотел обращаться к директору за выделением командируемым сотрудникам такого дефицита, как тушенка, чай, кофе. Но однажды, на высоком совещании с участием заместителя министра он учинил такую критику организации экспедиций, что Борис Васильевич Литвинов сказал, как хорошо, что он направил Бородулина руководителем одной из работ на полигон.

Еще один эпизод из той экспедиции. Среди прибывшей на полигон техники, которую комплектовал завод, мы не обнаружили ящиков с подвесками для изделий. Сообщили срочно о недостатке, заводчане начали искать пропажу. А времени на исполнение операции оставалось не более трех суток, чтобы не выйти из графика.

После короткого обсуждения ситуации, Александр Васильевич принял решение изготовить самые простые подвески здесь на полигоне. Он сел на камушках на телогрейку у фургона и очень быстро от руки нарисовал конструкцию, которую можно выполнить из подручных средств в кратчайший срок.

В. З. Нечай одобрил решение. Анатолий Ильич Ульянов — высококлассный умелец и неизменный товарищ Александра Васильевича по рыбалке — был отправлен к монтажникам, чтобы узнать, что можно сделать на их участке. Я договорился с руководством монтажников о срочной помощи, естественно за «валюту» — спирт. Но, к счастью, на следующий день злополучные подвески доставили на полигон военно-транспортным самолетом. Как это удалось организовать Г. П. Ломинскому — осталось тайной.

В феврале 1982 года состоялась последняя командировка Александра Васильевича — на тяжелый авианесущий крейсер (ТАКР) «Новороссийск». В то время новейший корабль проходил сдаточные испытания на рейде Севастополя, а группа наших специалистов проводила измерения действия электромагнитных полей на чувствительные элементы автоматики изделий.

Командировка оказалась достаточно тяжелой. На Урале было около минус тридцати, а в Севастополе — промозглая погода, штормило и было около нуля градусов по Цельсию. Только на третий день главный сдатчик корабля от Николаевского завода рискнул на буксире вместе с нами и несколькими другими командированными подойти к корме огромного корабля. Поднимались мы на одну из нижних палуб «Новороссийска» по одному с самого носа буксира. Нос буксира поднимался и опускался относительно уровня палубы приблизительно на метр — полтора. Когда нос буксира при движении вверх сравнивался с уровнем палубы, это было на высоте примерно двенадцати метров над морем, надо было решительно шагнуть вперед. В этот момент два дюжих матроса в спасательных жилетах подхватывали очередное «тело» и ставили на палубу «Новороссийска». Балансирование с портфелем в руке при переходе на борт ТАКР для нас сугубо «сухопутных» лиц явилось серьезной эмоциональной и физической встряской.

К вечеру Александр Васильевич почувствовал себя неважно, поднялась температура, и он два дня не выходил из каюты. Мы ему приносили еду, а я переживал, что «вотравил» его в эту поездку. На третий день он почувствовал себя гораздо лучше и попросил главного сдатчика по возможности организовать экскурсию по службам корабля от ходовой рубки до хранилищ оружия, двигательной установки, боевого информационного центра, места размещения самолетов и вертолетов. Бородулин, видимо, чем-то очень приглянулся главному, и тот взял на себя роль экскурсовода. А я удивлялся выносливости и любознательности Александра Васильевича. Нас даже пригласили остаться на борту на неделю, чтобы выйти на контрольные стрельбы на морской полигон. Но Александр Васильевич поблагодарил и отказался, не захотел запрашивать разрешения на продление командировки, да и билеты на обратный путь у нас уже были. Когда после выгрузки с «Новороссийска» на маленький буксир по веревочному штурмтрапу, а затем с буксира на причал

Угольной пристани в Севастополе мы почувствовали под ногами земную твердь, Александр Васильевич сказал, что поездка для него была очень интересной, но физически он устал: «Видимо, такие поездки уже не для меня».

Ему шел 61-й год.

А. Н. Щербина

Познакомились мы с Александром Васильевичем Бородулиным в 1953 году в КБ-11 (Арзамас-16), когда меня перевели в конструкторский сектор, в отдел, занимающийся прочностной обработкой изделий.

В сборочном зале, где проводилась подготовка изделий к испытаниям, ко мне подошел приятной наружности человек и спросил: «Чем ты занимаешься?» Я ответил: «Готовлю аппаратуру к испытаниям». Был задан второй вопрос: «Не можешь ли ты подробнее объяснить?» Тогда я спросил его, кто он такой?.. Вот так произошло наше знакомство. Надо сказать, что сразу он мне не понравился, напористый, резкий, уж слишком активный. Однако, как показало время, первое впечатление оказалось обманчивым.

Больше я узнал его, когда нас, несколько человек, в 1955 году перевели на новое предприятие (НИИ-1011, первоначально бытовавший в стенах КБ-11) и когда пришлось переезжать в 1958 году на Урал. Бородулин был назначен ответственным за погрузку и сопровождение эшелона к месту назначения. И то и другое предполагало немало трудностей: пришлось грузить даже фортепьяно (!), которое никак не хотело втискиваться в вагон. Выручило умелое руководство Александра Васильевича. Кроме того, в его обязанности входило обеспечение точного соблюдения графика следования эшелона, поэтому, когда случались задержки в пути, именно он вел переговоры с начальниками станций. Организация питания тоже лежала на его плечах. А уж когда начались роды у женщины (Сутягиной), ехавшей в эшелоне, ему пришлось организовать и возглавить «службу родовспоможения». Теперь-то я точно могу сказать, что все перипетии нашего путешествия мы благополучно преодолели во многом благодаря именно А. В. Бородулину, активному, напористому, при необходимости резкому.

В начале 1961 года на базе отдела № 67 были созданы четыре самостоятельных отдела, курирование которых было поручено заместителю начальника сектора по научной части А. В. Бородулину. Мне в это время довелось с ним побывать в командировке в Москве. Мы полетели в главк для заключения договора на поставку вибростенда. С нами вместе по этому же вопросу полетел П. Я. Усиков. Как только мы добрались до Москвы, П. Я. Усиков предложил поселиться в гостинице ЦК КПСС, А. В. Бородулин же уговаривал поехать в гостиницу, которая находилась на набережной Горького — там были забронированы места. В конце концов было принято предложение Усикова.

Роскошный гостиничный номер, в который нас поместили, трудно описать — это были настоящие хоромы. Ужинать отправились в ресторан «Арагви», тут

Бородулин Александр Васильевич

команду взял на себя А. В. Бородулин — сделал заказ по своему усмотрению. За столом мы долго беседовали. Александр Васильевич рассказывал, как попал на фронт, как был ранен и вообще о трудностях фронтовой жизни. Беседа тянулась до закрытия ресторана. Александр Васильевич стал расплачиваться, но у официанта не оказалось сдачи, он ушел, чтобы разменять деньги. Мы вышли из ресторана и направились в гостиницу. Только в номере вспомнили, что так и не получили сдачу. Сумма была огорчительная, но Александр Васильевич успокоил нас нетленной житейской мудростью: «Потеряешь — в два раза больше найдешь». Командировка закончилась удачно, и в результате мы получили вибростенд. Я еще больше убедился в организаторских способностях Александра Васильевича.

Работая в непосредственном подчинении у Бородулина, я многому у него научился. Все встречи, которые проходили в официальной и неофициальной обстановке, где обсуждались не только производственные вопросы, но и бытовые, Александр Васильевич заканчивал какой-нибудь поучительной историей. Мы, сотрудники, уважая его мудрость, даже называли его «дед». Однажды он рассказал, как его научили хорошо выполнять чертежи без ошибок в ОКБ В. П. Глушко. «Ошибки в чертежах и графику исправляли толстым жирным карандашом, было очень обидно, зато выработались хорошие навыки в конструкторской работе.» И действительно, А. В. Бородулин был замечательным конструктором!

Мне много приходилось с ним спорить по разным вопросам. Например, когда я приходил к Александру Васильевичу с ежегодной сводной заявкой на оборудование и приборы для подразделения, он обычно встречал меня такими словами: «Опять народные деньги транжирите, колхозники и сейчас живут плохо». Приходилось обосновывать, почему включено в заявку то или иное оборудование, доказывать необходимость его приобретения. Даже в самых горячих спорах он был немногословен, но выражал мысли точно и доходчиво, никогда не повышал голос, всегда старался докопаться до сути.

Под непосредственным руководством Александра Васильевича проделана большая работа по созданию и техническому развитию научно-испытательного комплекса, созданию специальных испытательных машин, измерительных средств, позволяющих производить прочностную и климатическую обработку новых образцов техники. Ряд установок созданных и смонтированных под его руководством, использовались также для обработки новых образцов техники смежных организаций. Посмотреть организацию производства в НИИКе приезжали руководители различных рангов.

64 Он много внимания уделял молодежи. Совет молодых специалистов, организованный в НИИКе работал под его постоянным контролем. Был составлен план работы, организована учеба молодых специалистов. По его рекомендации лекции читали начальники отделов. Большое внимание он уделял и росту научных кадров. За время его руководства в НИИКе защищены две докторские и тринадцать

Бородулин Александр Васильевич

кандидатских диссертаций. В настоящее время многие, тогда молодые специалисты, стали руководителями производства.

Все подразделения в то время занимались шефской работой, благоустройством города. НИИКу достался 12-й микрорайон. Александр Васильевич собрал актив, объяснил задачи. Появился план работ. За короткое время внутри квартала были разбиты дорожки и установлены фонари. Не остались без внимания детский сад и комната для работы с подростками. Вечерами выходили дежурить: смотрели за порядком в подшефном квартале. Была даже организована оперативная комната — тогда ее называли штаб.

Для Александра Васильевича не было мелочей ни в производственной, ни в общественной деятельности. Обладая высокой работоспособностью, он на всё находил время: и на большое и на малое. Это был настоящий русский мужик — умный, сильный, надежный, с ним можно было идти в разведку.

А. М. Ульянов

Бронников Николай Васильевич

26.12.1919–24.11.2005

Конструктор, разработчик ядерных зарядов, младший научный сотрудник (1962), лауреат Сталинской (1953) и Ленинской (1963) премий; член ВКП(б) с 1948 г.

- 1938 – студент Куйбышевского индустриального института им. В. В. Куйбышева.
- 1943 – мастер, затем бригадир, технолог, инженер-технолог завода № 76, г. Серов Свердловской области.
- 1946 – старший мастер, затем контрольный мастер отдела технического контроля Средневолжского станкостроительного завода, г. Куйбышев.
- 1948 – инженер-конструктор отдела главного конструктора, там же.
- 1951 – инженер-конструктор, затем старший инженер в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1954 – руководитель конструкторской группы, там же.
- 1955 – начальник конструкторско-компоновочного отдела термоядерных зарядов в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1961 – заместитель начальника конструкторского сектора, там же.
- 1970 – исполняющий обязанности, затем начальник сектора по разработке термоядерных зарядов, там же.
- 1983 – пенсионер республиканского значения.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1956), Октябрьской Революции (1975); медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1983). Его имя занесено в «Книгу трудовой славы города» (1963) и в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Всё дальше в прошлое уходят большие и малые события создания и становления нашего института. Достоянием истории становятся имена и дела людей, чьим трудом, творческой мыслью, целеустремленностью и энергией решались сложнейшие научно-технические проблемы. Ученые, инженеры, рабочие — люди разных профессий и судеб, они прожили насыщенную свершениями жизнь, по заслугам увенчанную наградами. Николай Васильевич Бронников из их числа.

Он родился 26 декабря 1919 года в г. Самаре, там же в 1938 году, окончив среднюю школу № 1, поступил в Куйбышевский (в 1935 году Самара была переименована в г. Куйбышев) индустриальный институт. Освоив специальность «металлорежущие станки», дипломированный инженер-механик Бронников в январе 1943 года начал свой трудовой путь мастером на оборонном заводе № 76 в г. Серове Свердловской области. В августе этого же года он был назначен бригадиром, а в октябре — технологом. Три суровых военных года работы на оборонном предприятии сделали из молодого специалиста опытного производственника.

В 1946 году инженер-технолог Н. В. Бронников вернулся в родной город. На Средневолжском станкостроительном заводе он был назначен сначала старшим мастером, через год — мастером ОТК, а еще через полтора года в группе наладок специальных станков и текущего обслуживания производства началась его карьера инженера-конструктора.

В этой ипостаси в 1951 году Николай Васильевич был направлен в город Арзамас-16 в КБ-11, где его ожидала совершенно новая работа — проектирование ядерных зарядов. Пришлось учиться, приобретать знания и опыт в специфической отрасли техники прямо в процессе работы. В этой ситуации он проявил себя, как записано в характеристике от 29 августа 1953 года, «знающим, опытным и трудолюбивым инженером, способным самостоятельно и инициативно решать узловые вопросы конструкций, его работы отличаются тщательной продуманностью и оригинальностью». Вскоре Н. В. Бронников возглавил конструкторскую группу.

С Арзамасом-16 у Николая Васильевича связаны лучшие воспоминания молодости, там он встретил свою любовь, которую пронес через всю жизнь, создал семью. Его жена, Мария Павловна, разделяла с ним все успехи, беды и трудности. Здесь же, в Арзамасе-16, в 1955 году он возглавил конструкторский отдел нового НИИ, созданного на базе КБ-11. Молодость, романтика тех лет, воспоминания о годах, проведенных в Свердловской области, открывающаяся перспектива профессионального роста — всё это лишь способствовало его возвращению на Урал. В 1958 году с женой и маленьким сыном Н. В. Бронников переехал в строящийся на берегу красивого озера Синара город Челябинск-50.

Продолжая начатое дело на новом месте, Николай Васильевич старался сохранить традиции и принципы, созданные основоположниками отрасли в Арзамасе: исключительное чувство ответственности, творческий, как мы теперь говорим, командный (коллективный) дух в работе. А работать приходилось очень интенсивно. Связь теоретик — конструктор — рабочий-станочник короткая и безотказная,

Бронников Николай Васильевич

работающая в двух направлениях, как от теории к практике, так и наоборот, не оставляла времени на раскачку. Несмотря на это, в коллективе царил демократичная, доброжелательная обстановка. Особенно трепетно Николай Васильевич относился к молодым специалистам, вникая в их нужды, помогая словом и делом, передавая им свой опыт. Добрый, внимательный, отзывчивый, в работе Николай Васильевич был принципиальным и решительным, но никогда и никого «не распекал» за допущенные ошибки публично. Сам будучи автором нескольких изобретений, он опекал и наставлял молодых начинающих изобретателей, заботился об их профессиональном росте, направляя на курсы повышения квалификации. Он воспитал плеяду молодых талантливых учёных — конструкторов, разработчиков ядерных зарядов, многие из которых выросли в крупных специалистах.

В 1960-е — 1970-е годы ядерный оружейный комплекс СССР развивался очень динамично. Советской Армии требовалось оружие с новыми качествами, поэтому непрерывно повышалась удельная (на единицу массы) мощность боеприпасов, выдвигались новые и новые требования по условиям боевого применения (ударопрочность, стойкость к повышенным и пониженным температурам, быстродействие и т. п.), увеличивались сроки гарантии, повышались требования безопасности при производстве и эксплуатации. В этих условиях были необходимы неординарные конструктивные решения. Их рождению во многом способствовала творческая, товарищеская обстановка, которую смог создать и поддерживать в коллективе Николай Васильевич Бронников. Под его руководством и с его личным участием были созданы конструкции многих образцов ядерных и термоядерных зарядов, успешно прошедших натурные полигонные испытания и переданных на вооружение в различные рода войск Вооруженных сил СССР.

О личных качествах Н. В. Бронникова в производственной характеристике от 1974 года, подписанной главным конструктором Б. В. Литвиновым и другими руководителями, сказано: «...обладает высокой квалификацией в области разработки конструкций высшей категории сложности по профилю подразделения. Имеет надлежащий профессиональный опыт и осведомленность в области избранной деятельности. Обладает стремлением к повышению квалификации с пониманием задач, стоящих перед подразделением. Дисциплинирован. Трудолюбив, настойчив и честен в отстаивании своих взглядов и принципов, проявляет озабоченность о престиже своего подразделения. Интенсивность труда и степень использования личного времени, инициативность и творческая активность достаточно высокие. Как руководитель умеет заставлять работать себя и других. Прилежен. В своих силах уверен. Проявляет должный интерес и изобретательность в работе. Обладает достаточной способностью перспективно и самостоятельно мыслить, принимать здравые решения».

В работах по использованию ядерных взрывных устройств мирного назначения роль ВНИИТФ является приоритетной. В работы этого направления Николай Васильевич внес немалый вклад: конструкции «мирных» зарядов так же

создавались под его руководством. Чистые, то есть оставляющие минимальный радиационный фон, ядерные взрывы давали большой экономический эффект. Они применялись в геологической сейсморазведке, для дробления рудных тел, создания котлованов водохранилищ, при тушении пожаров на нефтяных и газовых промыслах. Не исключено, что в будущем люди вернуться к ядерно-взрывным технологиям, и наработки прошлых лет несомненно найдут свое применение.

Добрую память оставил Николай Васильевич в сердцах тех, кто пришел на предприятие в 1970-е годы, в самый расцвет социалистического соревнования. Что бы сейчас не говорили о том времени, но были тогда моменты и хорошего товарищества, и общения на равных. Все мероприятия организовывались с яркой фантазией и энтузиазмом. Так, ежегодно проводились хоккейные и футбольные турниры «Пиво-Соки» двух одноименных секторских команд. Николай Васильевич играл, конечно, за «Пиво». Играл по-мальчишески азартно, увлеченно, хотя был тогда уже начальником ведущего отделения КБ. Частенько команда «Соки» уходила после игры «побитой». И тогда Бронников, искрясь смешинками своих добрых карих глаз, говорил: «Ничего, ребята, станете «Пивом», отыграетесь!»...

А поездки в совхоз на уборку урожая, где все, от молодых специалистов до больших руководителей, становились равными тружениками, борцами за урожай. И там не на словах, а на деле проявлялся демократизм общения и равенства в работе. Сколько интересного и поучительного несло это общение! Тогда мы узнали, что Николай Васильевич — знаток и большой любитель природы, отчаянный грибник. Его сыроежки, уложенные веселым разноцветьем в баночки, необычайно вкусны, и все мы с удовольствием поглощали их у костра в обеденный перерыв. Тогда же Николай Васильевич очень много рассказывал о городе, каким он был, как благоустраивали и озеленяли его на коммунистических субботниках... Это было время, когда мы узнавали наших руководителей не в казенной обстановке, не в помпезности кабинетов, а в простых житейских ситуациях.

В памяти людей Николай Васильевич навсегда остался красивым и душевным человеком, настоящим профессионалом, гордостью нашего института, примерным семьянином, оптимистом, весельчаком и ценителем жизни во всех ее проявлениях. Как у любого человека, у него, конечно, были недостатки, но они растворились во времени, а хорошее осталось, чтобы согреть сердца людей, чьи судьбы соприкоснулись с его судьбой.

Бронников Николай Васильевич умер и похоронен в Снежинске в 2005 году. Здесь живут его дети, внуки, правнуки и... он сам — как гражданин, чье имя навечно занесено в городскую почетную книгу «Заслуженные ветераны города».

С. В. Чечёткина

Из воспоминаний

Молодым специалистом я пришел в отдел 61, первым начальником которого был Н. В. Бронников. В то время он уже занимал должность заместителя начальника сектора. Николай Васильевич был у нас частым гостем. Нередко с его участием у какого-нибудь кульмана возникало стихийное совещание, обсуждались возможные варианты конструктивных решений, возникали новые схемы, которые потом прорабатывались более подробно и обсуждались повторно. Это была та прекрасная обучающая среда, та школа, какой нигде больше, ни на каких курсах нельзя было найти. Она способствовала нашему становлению и росту как специалистов.

Много позже, когда я уже был старшим инженером, нам была поставлена задача: разработать механическую систему переключения энерговыделения. К этому времени уже существовал эскизный проект заряда, но, как известно, от эскизного проекта до серийной конструкции, порой, «дистанция огромного размера». В этом проекте не был учтен очень важный организационный момент. Принятая схема прохождения предполагала появление пиротехнического устройства уже при сборке узла с открытыми делящимися материалами, что категорически не допускается по условиям техники безопасности. При сохранении физической схемы заряда мы перебрали более десятка вариантов привода системы: от использования экзотических металлов с памятью и пирофьюзов до часовых механизмов. Неоднократно собирались для обсуждения у Николая Васильевича (тогда мы работали уже в секторе 10, начальником которого был он), но конца этому процессу не было видно. Как-то он пригласил меня одного и говорит: «Вот я тут подумал: в стрелковом оружии, практически во всём, используются пружины сжатия, и ведь они работают безотказно. Может, зря мы лезем в дебри, усложняем себе жизнь, заварились окончательно. Посмотри, вот схема, тут чистая механика и пружина, как в автомате Калашникова. Может, из этого что-то получится?» Он дал мне листок с нарисованной от руки схемой.

Не могу сказать, что другие варианты моментально были отвергнуты, но мы поверили в его идею, и она дожила до реализации. Кинематическая схема, конечно, изменилась, но основная идея осталась. В серийное производство была передана простая, поддающаяся расчетам и сплошному контролю при изготовлении, дешёвая конструкция. Николай Васильевич, конструктор по призванию, не мог остаться в стороне от острой и интересной конструкторской проблемы, он спустился с высоты своего административного положения и, как равный равному, специалист специалисту, предложил свою помощь. Он сделал это ненавязчиво, очень деликатно, и в этой деликатности, может быть, главная его черта.

Бронников Николай Васильевич

Н. В. Бронников неизменно был уважителен при общении с собеседником, независимо от его должности. Я не помню случая, чтобы Николай Васильевич повысил голос. Если, бывало, всплывали какие-то ошибки, упущения в работе, он шуткой старался разрядить тягостную обстановку. Николай Васильевич поддерживал сотрудников перед вышестоящим начальником, «вызывая огонь на себя». Так, например, он защитил меня перед П. А. Есиным за допущенную мною ошибку в чертеже. «Наказывайте меня, ведь я тоже подписывал этот чертеж!» — сказал тогда Николай Васильевич. Он старался, чтобы сотрудники работали не за страх, а за совесть, чтобы проявляли инициативу и самостоятельность при принятии решений.

Николай Васильевич не был кабинетным работником. Он нередко посещал рабочие места конструкторов, участвовал в творческом процессе создания конструкций. При этом никогда не навязывал своего мнения, а только советовал, опираясь на свой богатый опыт. Короче говоря, Н. В. Бронников был для сотрудников, как родной отец и даже больше, чем отец: родной отец может быть иногда строг, а Николая Васильевича я никогда не видел строгим. Он всегда был доброжелательным, готовым прийти на помощь, поддержать в случае необходимости.

С. В. Крылов

Бунатян Армен Айкович

18.01.1918–11.10.1978

Видный организатор, один из создателей и руководитель математического отделения РФЯЦ – ВНИИТФ; участник Великой Отечественной войны; доктор технических наук (1971) – степень присуждена без защиты диссертации за личное участие в решении прикладных задач и работу по созданию математического отделения, равного по масштабам целому институту; лауреат Ленинской премии (1963).

- 1936 – студент физико-математического факультета Московского педагогического института им. Карла Либкнехта.
- 1940 – аспирант (заочно) этого института, преподаватель и завуч педагогического училища в селе Калинино (Армянская ССР).
- 1941 – служба в системе укрепрайонов Закавказского военного округа.
- 1946 – младший научный сотрудник Математического института им. Стеклова АН СССР, г. Москва.
- 1948 – младший научный сотрудник Института точной механики и вычислительной техники АН СССР, там же.
- 1951 – младший научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1953 – начальник отдела, там же.
- 1955 – заместитель начальника математического отделения НИИ–1011, г. Снежинск.
- 1957 – начальник отдела производственного счета, там же.
- 1958 – начальник математического отделения, там же.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1954), Ленина (1962), Октябрьской Революции (1971); медалями.

Ушел из жизни Бунатян —
Нарушен ход житейских буден.
В сердцах зарделись сотни ран...
Как боль резка! Как час сей труден!

Ушел из жизни Бунатян,
Как всадник, на скаку сраженный,
Не вынув ногу из стремян,
В борьбу, в людей и в жизнь влюбленный!

Ушел из жизни Бунатян,
Оставив щедро нам в наследство —
Всем поколениям секторян —
Свое вселюбящее сердце.

Ушел из жизни Бунатян...

Н. Н. Онищук

Он родился 18 января 1918 года в городе Владикавказе (Северная Осетия) в армянской семье. Отец его был торговым служащим, мать вела домашнее хозяйство и воспитывала двоих детей. Вскоре семья Бунатяна переехала в Мытищи Московской области, где Армен Бунатян окончил среднюю школу, регулярно занимаясь в математическом кружке при Академии наук СССР. Он успешно выступал в межшкольных олимпиадах, проводимых Математическим институтом МГУ. Сохранился отзыв о Бунатяне директора Математического института А. Н. Колмогорова: «Очень способный математик, к тому же до крайности увлечен наукой... Мнение основано не только на удаче при решении задач олимпиады, что могло быть случайностью, но и на более основательном знакомстве с т. Бунатяном».

Один из руководителей математического кружка И. М. Гельфанд в письменном отзыве тоже называет юного Бунатяна одним из наиболее сильных кружковцев, «обладающим очень хорошими способностями к абстрактному мышлению». Он рекомендует принять одаренного юношу в число студентов механико-математического факультета университета.

Сейчас кажется курьезом причина, по которой абитуриент Бунатян не смог успешно сдать вступительные экзамены в университет. Оказывается, он был не в ладах с русским языком, не умел достаточно четко формулировать свои мысли. Отсюда и несколько посредственных оценок: русский язык, физика.

Руководители кружка пишут отзывы, хлопчут, но тщетно, и Бунатян становится студентом Московского педагогического института им. Карла Либкнехта. Обучаясь там, он находит время для активной общественной работы. Сохранилась газета за 1938 год, из которой видно, что Бунатян занимался организацией математических олимпиад в школах Мытищ. В начале 1940 года профессор Новиков дает Бунатяну характеристику как одному из наиболее одаренных студентов

4-го курса: «Работая в семинаре по теории функций действительного переменного, он находится на той ступени, когда надо начинать научную работу. Уровень его знаний значительно превышает требования программы института. Можно сказать с уверенностью, что из него выйдет весьма ценный научный работник. Он является бесспорным кандидатом в аспирантуру».

Но Бунатян в 1940 году женился, ожидалось рождение дочери. Были, видимо, и другие причины, по которым в аспирантуру пришлось поступить заочно. Летом 1940 года молодой специалист А. А. Бунатян едет работать преподавателем и завучем педучилища в село Калинино Армянской ССР.

Весной 1941 года он получил вызов на сдачу экзаменов кандидатского минимума при НИИ математики МГУ. Сразу же по окончании учебного года в педучилище Армен Айкович направился в Москву, но доехал он только до Ростова — началась война.

В годы войны А. А. Бунатян — в частях Закавказского военного округа. Он был командиром взвода, заместителем командира роты, помощником начальника штаба части. Награжден несколькими медалями. Все годы войны находился на службе в системе укрепрайонов. Непосредственно в боях не участвовал, поэтому не любил, когда его причисляли к участникам Великой Отечественной войны. Тех же, кого он считал подлинными ветеранами войны — героев боев, Армен Айкович глубоко и искренне уважал. В дни юбилеев Великой Победы он умел находить для них самые проникновенные, теплые, благодарные слова. И все присутствующие на торжестве сердцем присоединялись к этим словам.

После демобилизации из рядов Советской Армии Бунатян в 1946–1948 гг. работает младшим научным сотрудником в математическом институте АН СССР, потом в Институте точной механики. В декабре 1951 года он переходит на работу в Министерство среднего машиностроения и едет в Арзамас-16 (ныне г. Саров) на работу в КБ-11. Вот выписка из его трудовой книжки:

«25 декабря 1951 г. — младший научный сотрудник,

1 февраля 1953 г. — начальник отдела,

22 апреля 1955 г. — откомандирован в соответствии с приказом министра на предприятие п/я 0215 в порядке перевода».

А. А. Бунатян по праву может считаться одним из основателей ВНИИТФ и нашего города. Он участвовал в выборе площадки для города. 22 апреля 1955 года в числе первых сотрудников был назначен заместителем начальника математического сектора института, а в начале сентября с первым эшелонном он приехал на Урал, который стал для него второй родиной. Со свойственной ему страстью он стал горячим патриотом Урала, города и института.

Вначале Бунатян возглавил небольшой коллектив математиков, приехавших с ним. Затем, когда из Москвы приехали математики, набранные в разных университетах страны, и специалисты электронщики, определилась структура математического сектора. Были созданы четыре отдела: теоретический (начальник отдела Н. Н. Яненко), производственного счета (начальник А. А. Бунатян), отдел

программирования (начальник Ю. И. Морозов) и технический отдел — машины и мастерские (начальник В. А. Дорофеев). С первых дней Бунатяном была четко определена главная цель отдела — обеспечение расчетами разработок института.

В 1958 году А. А. Бунатян был назначен начальником математического сектора ВНИИП и проработал в этой должности 20 лет.

Эпоха решения крупных народнохозяйственных и оборонных задач, требующих участия больших творческих коллективов, породила новый тип руководителя — ученого-организатора. Армен Айкович Бунатян — яркий пример руководителя такого типа. Он принимал непосредственное участие в математическом обеспечении разработок института, смело брался за решение сложных задач, которые не имели еще теоретического обоснования и, обладая большой научной интуицией, доводил их до численных результатов.

Его заслугой является правильный выбор технической политики, определившей успешную работу сектора, — непрерывное наращивание вычислительной мощности на базе самых современных ЭВМ. Институт получал всегда один из первых образцов всех новых ЭВМ. Бунатян поддержал предложение В. А. Дорофеева взять курс на самостоятельный монтаж и наладку полученной институтом отечественной ЭВМ «Стрела», не прибегая к помощи разработчиков этой машины. Коллектив успешно справился с этой задачей, и с тех пор стало традицией не только наладивать своими силами все новые поступающие ЭВМ, но и одновременно проводить их совершенствование, улучшая счетные показатели. В результате был создан один из самых квалифицированных и работоспособных коллективов специалистов-электронщиков.

Еще на заре развития программирования в секторе А. А. Бунатян поддержал предложение Ю. И. Морозова о создании программирующей системы с использованием клавишного устройства (ПСКУ) — первой отечественной системы символического программирования, появление и использование которой на многие годы определило линию развития автоматизации программирования в секторе.

Трудно переоценить поддержку А. А. Бунатяном идеи В. Ф. Тюрина о создании собственной операционной системы (ОС) для БЭСМ-6. При обсуждениях проекта этой системы А. А. Бунатян ориентировал разработчиков на обеспечение практических задач сектора и максимальное использование вычислительного оборудования, а позднее всячески помогал реализации системы. Как известно, созданная в секторе операционная система ДИСПАК именно своей практичностью завоевала широкое признание в стране и была принята заводом в качестве серийной, поставляемой вместе с аппаратурой БЭСМ-6.

Не будучи специалистом по вычислительной технике, Армен Айкович прекрасно ориентировался в перспективных направлениях ее развития. Он приветствовал инициативу Ю. Н. Мазурина по созданию многомашинного вычислительного комплекса БЭСМ-6 на базе общей дисковой памяти и использовал все организационные возможности для скорейшего ввода комплекса в строй. Одним из первых в стране этот комплекс заработал в режиме деления времени, что

позволило принципиально по-новому организовать взаимодействие человека с ЭВМ и ввести прогрессивную технологию создания программ и проведения расчетов. Фактически это было зарождение распараллеливания расчетов, хотя технические возможности ЭВМ тех лет еще не позволяли в полной мере претворить эту идею в жизнь.

Вот как вспоминает об организации работы в секторе, возглавляемом А. А. Бунатяном, начальник отдела НИО-З А. Ф. Котов:

«Я приехал в Челябинск-50 в марте 1961 года после окончания МИФИ и сразу попал в очень бурную жизнь математического сектора. Меня просто поразило уровень организации ВЦ. У меня было с чем сравнивать: диплом я делал в ВЦ ЦАГИ. В то время этот институт был очень солидным. Но то, что я увидел в секторе 3, вызывало восхищение. Сравнить организацию работы в ВЦ ЦАГИ и в секторе 3 — то же самое, что сравнивать первобытнообщинный строй с капитализмом. Поскольку меня работа сильно увлекла, я быстро изучил все устройства М-20 и через год стал начальником смены. Мне часто приходилось бывать на оперативках, проводимых А. А. Бунатяном. Вот где можно было учиться, как руководить коллективом, как быстро распутывать сложные организационные ситуации! У меня был друг физик-теоретик Володя Кибардин. Он говорил, что Армен Айкович был 31-м теоретиком (физиков-теоретиков было в это время 30 человек). Бунатян знал, кому из теоретиков надо считать задачи сегодня, кому завтра, а кто может и подождать. Машинного времени всегда не хватало, и Армен Айкович был прекрасным дирижером. На оперативках разбор ночного счета он начинал с «красных» задач (это задачи, которые в ночном счете подчеркивались красным карандашом и должны были быть сосчитаны). На оперативках Армен Айкович всегда говорил спокойно, не повышая тона, мог пожуричь, мог и похвалить, одарив тебя улыбкой».

Под влиянием Бунатяна сложился характерный для института стиль работы математиков: всемерное обеспечение потребности расчетов на основе высокоэффективных и экономичных алгоритмов и программ, тесная связь с другими подразделениями, в первую очередь с теоретиками, использование достижений, полученных в других организациях, и внедрение собственных достижений. Поощрялась передача программ, разработанных в секторе, в заинтересованные организации.

Будучи тонким психологом, А. А. Бунатян умел мобилизовать коллектив на быстрое выполнение конкретной задачи, поставленной теоретиками. Он мог добиться буквально у каждого сотрудника ощущения, что именно от его личной работы зависит результат общего дела, с полуслова понимал, что нужно человеку

в любом вопросе — от производственных дел до бытовых неурядиц. По ходатайству ученого совета института, в порядке редкого исключения ВАК СССР присудила А. А. Бунатяну степень доктора технических наук без защиты диссертации, минуя кандидатскую степень и экзамены. Научный руководитель института академик Е. И. Забабахин так прокомментировал этот факт:

«Научные заслуги Бунатяна состоят как в личном участии в решении прикладных задач, так и, главным образом, в многолетней работе по созданию математического сектора. Острая необходимость такой работы нам очевидна, она требует больших усилий и таланта, но, к сожалению, считается недиссертабельной. Бунатян делал не то, что могло украсить список его трудов, а занимался задачами, диктуемыми практикой, обычно срочными и сложными и всегда ответственными. Своего личного участия в них он обычно не выделял. Род его деятельности стал типичным для эпохи больших творческих коллективов и все больше ценится как важный вклад в научные достижения. Именно поэтому ходатайство ученого совета института поддержали как представители науки (академики Ю. Б. Харитон и А. Н. Тихонов, член-корреспондент А. Н. Бабаев, кандидат физико-математических наук Н. А. Дмитриев), так и ответственные руководители отрасли (заместители министра В. И. Алфёров, А. Д. Захаренков и Л. Г. Мезенцев)».

Общавшиеся с Арменом Айковичем постоянно ощущали его равнодушие ко всему, что происходит вокруг. В любое время и с любым вопросом можно было прийти к нему, зная, что он не откажет и не испугается дать совет по самому сложному делу. И совет этот будет мудрым и безупречно нравственным. Он всегда предложит помощь и поможет, чего бы ему это не стоило. Известна была его принципиальность, сочетающая умение критиковать резко, остро, с уважением к критикуемому. Эти качества его проявлялись, в частности, в тех позициях, которые он отстаивал на пленумах, на бюро горкома (членом которого он был много лет подряд), в выступлениях на партийных собраниях. Его отличали умение видеть суть проблемы и стремление решать возникающие вопросы, а не выдвигать их перед другими.

Ему, как никому другому, подходит определение: **ЧЕЛОВЕК АКТИВНЕЙШЕЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ.**

Вот как вспоминает о Бунатяне Ю. И. Вантрусев: «Оглядываясь назад, вспоминая разговоры, иногда слишком «горячие», и казня себя за неуместную эту горячность, начинаешь понимать, что Армен Айкович всю жизнь был учителем. Не только по образованию. Он был учителем по сути своей. Отсюда — убедительность доводов, умение находить самые нужные слова. Он не любил командовать. Некоторым это не нравилось. Но это тоже шло от призвания учителя: постараться убедить неверующих, прийти к единодушию, не прибегая, если можно, к голосованию.

Он не любил «острых углов» и всегда старался их сгладить. Могло показаться (и казалось поначалу), что он хитрит, уходит от решения вопроса. Но и здесь преобладал в нём учитель: за противоположными мнениями всегда стоят живые люди, которых надо беречь, это первейшая заповедь врача и учителя. Но, оберегая и воспитывая других, настоящий учитель подчас забывает о себе. Приходится поражаться тому самообладанию, с каким Армен Айкович переносил мучительный недуг. И просто стеснялся «понапрасну» тревожить врачей. Если же дело

Бунатян Армен Айкович

касались интересов других людей, то он не боялся выступить смело и резко, взять на себя всю ответственность, не думая о покое».

Воспоминания сотрудников о работе под руководством А. А. Бунатяна касаются самых разных сторон его личности и говорят о многогранности интересов этого человека. В. Е. Неуважаев так характеризует Бунатяна: «Армен Айкович всегда был в курсе всех событий. К нему не нужно было идти на доклад. Он приходил и интересовался делами сам. Армен Айкович высоко ценил в каждом из нас, своих сотрудников, прежде всего человека, его индивидуальность. Когда я, будучи начинающим руководителем, с молодым задором ринулся исполнять указания начальства, он немного попридержал меня и вежливо напомнил, что у нас не казарма, где командуют, а институт, где, прежде всего, заинтересовывают людей работой. Выступление Армена Айковича на секторском философском семинаре всегда было событием. Тема подбиралась загодя и тщательно. Его работа над докладом — целое научное исследование. Когда он говорил об экономике, политике, то всегда конкретно, с анализом, с цифрами и фактами. Последний доклад был сделан им по сельскому хозяйству и явился серьезной научной работой».

Л. П. Феокистов в юбилейном выпуске газеты «Стрела», посвященной 50-летию образования СССР, так охарактеризовал Бунатяна как человека и организатора: «Среди видных деятелей третьего сектора особое место принадлежит А. А. Бунатяну. Высказанное положение вряд ли требует математически строгого доказательства, т. к. научная и общественная деятельность Армена Айковича достаточно широко известна, отмечена правительственными наградами, присвоением ученой степени доктора наук и звания лауреата Ленинской премии. Судьба

А. А. Бунатян (слева), Е. П. Вахрамеева, В. А. Аврорина, семья Сучковых

Бунатяна как ученого и организатора тесно переплелась со становлением сектора, начиная с первых дней и до настоящего времени, когда сектор превратился в могучий коллектив, вооруженный первоклассной техникой. Рожденный под яркими лучами кавказского солнца, он затем потерял связь с землей предков, укоренился в самом центре России, но сохранил в себе лучшие национальные черты своего народа: широту натуры, доброту и восточное гостеприимство. Вконец обрусевший, он вряд ли извлечет из глубины воспоминаний своего детства с десяток армянских слов, по-русски говорит чисто, очень ясно, с огоньком, остроумно и искренне. Армен Айкович объехал на своей машине всю Россию, знает ее лучше многих из нас, однако тайно болеет за «Арарат», маскируясь для чего-то под болельщика «Спартак». Портрет Бунатяна был бы неполным, если бы мы не затронули еще один деликатный вопрос. Управлять сектором, в котором несколько сот человек, трудно, но когда среди них большая часть — женщины, — это уже труд героический. В такой ситуации успех возможен лишь для человека, наделенного от природы мудрым, любовным и опoэтизированным отношением к женщине. В этом также усматривается проявление национальных черт характера. Ну что ж, и женщины, как говорится, платят ему той же монетой».

В. И. Легоньков, вспоминая работу под руководством А. А. Бунатяна, отдает ему дань как мудрому руководителю: «Мы были молоды, энергичны, полны надежд и очень неопытны и в работе, и в жизни, когда в начале 1957 года приехали на Урал. И судьба приготовила нам большой подарок в лице Армена Айковича Бунатяна. Он был для нас старшим товарищем и учителем, руководителем и другом. К Армену Айковичу мы шли, чтобы поделиться своими горестями и радостями, за советом и за помощью, и всегда Армен Айкович щедро дарил нам часть самого себя, заражал нас своим огромным жизнелюбием, светлым и радостным отношением к жизни, делился с нами своей большой жизненной мудростью. Более двадцати лет мы работали под руководством Армена Айковича и рядом с ним. За это время сделано много, очень много. И в каждом большом или малом деле — влияние Бунатяна, опыт Бунатяна, энергия Бунатяна, стиль Бунатяна».

Армен Айкович остался в памяти сотрудников института не только как крупный ученый-организатор, но и как Гражданин, Патриот, Коммунист. Именно в силу этого он был для окружающих большим авторитетом в делах не только научно-производственных.

Э. С. Куропатенко, Н. А. Павлова, Ю. Я. Погодин

Из воспоминаний

Впервые я увидела А. А. Бунатяна глубокой осенью 1956 года в Москве, где мы, группа математиков, набранная Н. Н. Яненко, проходили стажировку. Нам читали лекции по газодинамике (Н. Н. Яненко), программированию (Ю. И. Морозов)

и приближенным вычислениям (А. И. Жуков). Одновременно мы осваивали работу на ЭВМ «Стрела».

В день приезда Армена Айковича всех нас, яненковцев, собрали в актовом зале ОПМ (Отделения прикладной математики Математического института им. Стеклова). Бунатян рассказал нам о строящемся городе, о поселке, где мы будем на первых порах жить, о ходе наладки нашей уральской «Стрелы». Запомнилось и описание им картин тамошней природы: сосновые леса, многочисленные озера.

В следующие свои наезды в Москву Армен Айкович не забывал зайти в комнату № 17 главного здания ОПМ, где мы в основном размещались, чтобы сообщить нам, как движутся дела со строительством жилья и наладкой машины в недостроенном здании 125.

Первыми, уже в январе 1957 года, отправили на Урал семейных. Затем, по мере ввода в строй жилых домов и готовности программ, адаптированных для уральской «Стрелы», небольшими группами уезжали из Москвы остальные сотрудники. Мы отправились на Урал в предпоследней группе вчетвером: Р. Н. Ермолова (тогда Пятовская), Т. А. Козодой (Кагарманова), Н. А. Павлова (Воронина) и я, М. И. Афанасьева (Кандобарова). Конечно, в ожидании отъезда на Урал мы не сидели на чемоданах, а отлаживали программы, часто в ночное время, так как из-за дефицита машинного времени в ОПМ приходилось арендовать машинное время в других вычислительных центрах: МГУ, «Стекловке».

Прибыв 18 марта 1957 года в контору Либанова (Пионерский поселок в Свердловске), мы узнали, что на наш объект идет грузовая машина «коломбина» (с полуоткрытым кузовом). Уговорили сопровождавшего груз и водителя, одолжили в «конторе» валенки и тулупы, так как дни стояли хотя и солнечные, но морозные.

Нас привезли на 21-ю площадку, разместили в гостинице. На следующий день, благодаря распорядительности Армена Айковича, прошли все оформления — от медсанчасти и отдела кадров до спецчасти — и к вечеру со всем своим скарбом (в основном, книгами) были уже в общежитии по ул. Строителей, 3, которое стало нам родным домом на ближайшие два года. Мы ежегодно отмечаем 18 марта как день нашего приезда на Урал.

Вспоминается очень яркий эпизод: на банкете по случаю первой годовщины пуска «Стрелы» в столовой жилпоселка № 2 Армен Айкович танцевал лезгинку, взяв в зубы столовый нож. Все мы, зрители, были очарованы мастерством и юмором танцора.

80 Первые годы наша «Стрела» работала не очень стабильно, сервис тоже не был налажен. Приходилось проверять результаты машинного счета ручным способом — на электрических арифмометрах «Мерседес». Как правило, особенно на срочных задачах, инженер-математик дежурил ночью, сверяя результаты в узловых моментах. Если обнаруживались ошибки в расчете, непременно докладывали Бунатяну. Однажды девушка-лаборант, которой поручили проверку,

доложила, что со счетом всё в порядке, а на самом деле не выполнила проверки. Обман раскрылся, и по распоряжению Бунатяна лаборантка была немедленно уволена. Армен Айкович нам показал, как быстро, буквально несколькими точками на графике, можно удостовериться, что счет идет нормально.

В августе 1959 года истекли положенные три года, которые каждый выпускник вуза должен был отработать по распределению. Некоторые воспользовались этим и уехали из города. Те из нас, кто не хотел покидать ставший родным Урал, написали заявления о предоставлении нам жилья — по отдельной комнате. Сочинили шаблон, каждая своим почерком переписала, и пошли с этими листочками к Бунатяну. Он пригласил нас сесть, прочел все заявления и предложил гениальный ход: выдать нам ордера на две двухкомнатные квартиры, в которых мы тогда проживали по пятеро в каждой квартире. Мы так и поступили. Постепенно квартиры пустели — наши девушки выходили замуж. Некоторое время спустя в квартире № 9 по улице Ленина, 3 мы остались вдвоем с подругой. И тут нас руководство ЖЭК начало усиленно упрашивать переехать в крупноблочную однокомнатную квартиру. Мы не согласились, и нас решили взять измором. В ответ на наши многочисленные жалобы в отношении отопления и сантехники пришли мастера, вскрыли пол по периметру всей квартиры и исчезли на всё лето. Вернувшись осенью из отпусков, мы застали всё ту же картину. В ответ на наши жалобы — тот же ультиматум. Мы подумали-подумали и обратились за помощью к Бунатяну. Он при нас набрал номер и, выслушав объяснения невидимого собеседника, сказал ему: «У нас нема дураков». Необычное в устах Армена Айковича слово «нема» так поразило меня, что я это запомнила. Сразу нашлась свежотремонтированная квартира в соседнем подъезде на четвертом этаже, куда мы и переехали.

Поистине отцовскую заботу и внимание Бунатяна к нашим производственным и общественным делам, к нашим личным проблемам мы ощущали постоянно. Когда мою семью постигло безмерное горе (весть о гибели моего мужа пришла к дежурному по объекту), Армен Айкович продумал, как сообщить мне об этом. С утра, придя на работу, я некоторое время не могла найти нужных мне по работе руководителей и сотрудников, изумлялась: «Куда это все подевались?» Потом пришла Инна Семеновна Минаева и пригласила меня к Бунатяну. Мне подумалось, что, наверное, что-либо неправильно сосчитали («запороли»). Я недавно вышла из отпуска, а перед этим руководила счетом. Войдя в кабинет, увидела необычное собрание хорошо знакомых мне людей. Меня усадили в кресло, и Армен Айкович стал говорить о необычайно сложной погоде на Памире, что нет связи с туристской группой, в которой шел мой муж Лев. Случилось какое-то несчастье, но толком еще ничего неизвестно. Я, понятно, очень заволновалась, меня успокоили, и Армен Айкович отвез меня домой. Посмотрел, как мы живем, поговорил с детьми, осторожно подводя к мысли о трагическом исходе...

В 1977 году наше секторское отделение общества книголюбов организовало в ДК «Октябрь» вечер сатиры и юмора. Успех был огромный и мы несколько раз повторяли представление. На один из этих вечеров я привела своих подростков

Бунатян Армен Айкович

сыновей-школьников. Там была выставка литературы по теме вечера. Мои мальчишки с интересом разглядывали книги, обменивались мнениями. Армен Айкович наблюдал за ними, а потом подошел ко мне и сказал, что я могу гордиться своими сыновьями.

Внезапная смерть Армена Айковича стала для секторян большой потерей. Он много сделал для роста наших научных кадров, для развития современного, оснащенного самой передовой вычислительной техникой подразделения. И никогда не переставал заботиться о людях, об условиях их жизни, их досуге. Он участвовал в качестве главного судьи на многих секторских соревнованиях: лыжных, легкоатлетических и наших традиционных «Борьба за огонь и воду». Он был активным болельщиком и на спортивных, и на КВНовских состязаниях.

Забывая о других, он, как и все отзывчивые люди, часто забывал о себе, о своей личной жизни, которая была совсем не гладкой. Да и жить ему пришлось «в те годы дальние, глухие», когда любое отклонение от генеральной линии каралось. Нет, не расстрелом, а гораздо более изощренным издевательством, когда какой-нибудь партийный чинуша мог отчитывать заслуженного человека, участника войны, как мальчишку. Всё это оставляло зарубки на его больном сердце.

Спасибо Валентине Сергеевне Бунатян, которая окружила Армена Айковича своим теплом и заботой в последние годы его жизни.

Мы помним нашего Бунатяна и вслед за хорошим русским поэтом Жуковским повторяем:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говорим с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностью: «Были».

24 января 2001 года в Музее истории Снежинска состоялся вечер, посвященный воспоминаниям о А. А. Бунатяне. Память людей, знавших его, работавших с ним, еще раз оживила образ талантливого ученого и организатора науки, обаятельного, веселого и остроумного человека большой мудрости и щедрого сердца.

М. И. Афанасьева

Когда я познакомился с Бунатяном, он был еще черноволос и молод. Он дал мне первое рабочее поручение: «Слава, нужно подготовить помещение для ячеек машины “Стрела”». Но поскольку помещение было единственное (корпус, где ютились 1, 3 и 5-й сектора), то нам под ячейки выделили актовый зал. Там мы и разместились. Таким было первое поручение.

15 июля 1956 года я приехал на 21-ю площадку. В марте 1957 года мы уже запустили «Стрелу». А дальше пошла ее эксплуатация. Она шла вручную, от «авоста» до «авоста». Нас, электронщиков, тогда называли машинниками, а программистов и вычислителей — математиками. Была «дежурка» — машина газик, которая

привозила математиков по вызову на работу в любое время суток, отрывая от молодого здорового сна. И они приезжали, считали, ждали результатов счета.

Вот эпизод из тех времен. Кто-то заметил, а может, сам Бунатян кому-то сказал, что его маленький кабинетик всегда не заперт и в ящике стола всегда лежит открытая пачка «Казбека». И многие пользовались этим, потому что смены у машинников были длинными, ночные — даже по четырнадцать часов. Это уже потом появилась служба эксплуатации и т. п.

Каким был Армен Айкович? Возможно, были редкие случаи, когда он резко реагировал на ситуацию. А мне он вспоминается негромким, нена начальственным. И это не мешало ему управлять большим коллективом. И еще он любил работать с исполнителями напрямую, минуя посредников. Даже тогда, когда развилась структура, появились руководители групп и другие промежуточные звенья, он вызывал к себе математиков-исполнителей, разбирался с ними в выдачах. Приглашал машинников, беседовал, выслушивал их предложения по разработкам. Особенно это касалось разработок по увеличению ресурсов памяти ЭВМ. Если приходишь к нему по делу, то можно войти без предварительной записи, минуя секретаршу. Поговоришь с ним и уверен, что интерес и поддержка твоей работе обеспечены, что они будут всесторонними.

И еще. Он не забывал вовремя поблагодарить, сказать доброе слово. Хотя те, кому предназначались эти разработки, считали твои успехи само собой разумеющимися. А он не забывал.

Интересно и его отношение к общественной работе. Во-первых, он всегда, постоянно занимался ею сам, был членом бюро горкома партии и партбюро подразделения, выступал с докладами на политсеминарах. Осталось печальное воспоминание, что во вторник он выступил на семинаре перед комсомольцами, а на завтра, в среду, умер. Он считал, что общественная работа — это школа управления, школа работы с людьми. Были случаи, когда ему рекомендовали кого-то: «толковый мужик, можно сделать руководителем лаборатории; только вот не хочет заниматься общественной работой». Бунатян чаще всего от таких отказывался: «Может не надо, он нам такого наворочает...»

Не буду произносить эпитетов, лучше приведу несколько эпизодов. Однажды его пытались выдвинуть на какую-то премию прямо на заседании НТС, который он же и возглавлял. Не помню, какие конкретные слова он произнес, но сводились они к тому, что подобное недопустимо. Когда ему исполнилось 50 лет, он как-то стерпел, что машинники заставили ЭВМ БЭСМ-6 говорить, петь, играть музыку в его честь, показывать картинки. Мы его пригласили, показали все, — ему понравилось. Но торжественных заседаний он не допустил. Сидел весь день в своем кабинете. Только по окончании работы к нему собрались все, кто сумел поместиться в кабинете. Забабахин произнес теплые, добрые, приветственные слова. А на свое 60-летие Армен Айкович уехал в Москву, оставив заявление в партбюро, что каких-то особых чествований хотел избежать. Вот такая была у этого человека привлекательная черта — скромность.

Вообще, он был очень приятен в общении — и на работе, и в быту. Не помню случая, чтобы он «бушевал», хотя это вполне могло бы быть при его темпераменте. Он слишком уважал людей.

Когда в начале 1970-х стали поговаривать о компьютеризации подразделений, то есть автоматизации с применением вычислительной техники, Бунатян вникал во все эти вопросы, оказывал поддержку по существу. Тогда Б. И. Беляев писал ему и часто сам заходил. И никогда Бунатян не сказал, что это, мол, не мое дело. Я — математик.

С. А. Козодой

Пожалуй, я знаю Бунатяна дольше всех здесь присутствующих. Попробую пересказать ситуацию, в которой произошла наша первая встреча. На Казанском вокзале мы погрузились в поезд. Было нас четверо из Ленинградского университета. Со мной ехали Сергей Иванович Соколов, Даниленко и Весовщикова. И вдруг они меня будят утром часов в 5 или 6: «Выходи! Приехали!» Я выхожу. Смотрю. С каждой стороны путей по два ряда колючей проволоки, а между ними солдаты с собаками. Боже мой! Куда мы попали?!

Солдаты нас проверили и пропустили, — пропуска были заказаны. В Сарове тогда еще не было вокзала. Выгрузили мы вещи и стоим на перроне. Идет мимо какая-то бабушка. Когда мы у нее спросили: «Кинотеатр или что-нибудь в этом духе у вас есть?», она буркнула в ответ: «Поживете — узнаете», — и пошла своей дорогой.

Привезли нас в пионерлагерь в 25 км от города. Лес, никого нет. Оказалось, что завтра в город придется идти пешком. Так и ходили по этой дороге. Понятно, что я пришла в первый день на работу с намерением настаивать на отъезде домой. Меня приняли Е. И. Забабахин и Ю. Б. Зельдович. Потом отправили по инстанциям. И вот прихожу я к Бунатяну. Только собралась говорить, что не хочу здесь оставаться, тем более что меня прочат в математический сектор, а я — газодинамик. Но Армен Айкович не стал говорить о работе. Спросил о моей общественной работе, о друзьях в Ленинграде. И мы с ним побеседовали полчаса или больше. И у меня понемногу закралось сомнение: «Может, стоит поработать?» Бунатян повел меня на мое рабочее место. Математики тогда работали бригадами. Там был инженер и в его подчинении вычислители, люди постарше нас. Они считали на «Мерседесах» и «Рейнметаллах». Когда мы вошли, там был скандал на производственной почве. Бунатян меня тут же попросил выйти и подождать. Когда все уладилось, он привел меня в свой кабинет и сказал незабываемые слова: «Вскоре вы будете руководить бригадой, поэтому учтите, — если ругаются (а не спорят!) начальник и подчиненный, то всегда виноват начальник. И потом. Хоть вы и закончили университет, но должны прислушиваться к мнению людей, которые давно занимаются этой работой, и относиться к своим подчиненным с большим уважением». Эти его слова я запомнила навсегда, и они мне часто помогали.

Хочу вспомнить, как я делала свое первое задание. Я была газодинамиком, механиком, поэтому не имела понятия о вычислительной математике. И вдруг поступает задание, причем от Игоря Евгеньевича Тамма. А мне говорили, что он всегда ставит жесткие сроки и требует их соблюдать. Тамм сразу же уехал в Москву, а ко вторнику, дню его возвращения, расчет должен быть готов. Я к тому времени уже овладела счетом на машинке. Над сложным интегралом я просидела два дня и две ночи (субботу и воскресенье). Я раскладывала подынтегральную функцию в ряды и проделывала это дважды, чтобы не наврать. А в понедельник меня позвал Бунатян: «Давайте посмотрим, поговорим, как будем считать». Я гордо показала ему целую стопу бумаги. «А как вы делали?» Я ему рассказала. Он не перебивал, а, выслушав, усмехнулся: «Все правильно, хорошо, но можно было сделать немного проще». Он дал мне учебник Бизековича по приближенным вычислениям. Я познакомилась с формулой Симпсона, с формулой трапеций. И через день все сделала, уложились в срок. Так он сумел мне подсказать, ничем не показав, какая же я еще глупая.

Скажу о его отношении к общественной работе. Тогда в моде была шефская работа, туда он меня и направил. Я была еще в комсомоле, а он — секретарь партбюро (именно в качестве партийного секретаря он и беседовал со мной в день моего прибытия на работу). На мне был бытовой сектор. Бунатян очень тактично мне помогал. Комиссия наша по вечерам контролировала женское общежитие, — боролись с аморалкой. При нашем появлении парни прыгали из окон. Армен Айкович скоро понял, как мне, совсем молодой, тяжело вести подобные проверки, и вызволил меня из этой бытовой комиссии.

Именно Бунатян уговорил меня ехать на Урал, это мог сделать только он. О переезде заговорили в первых числах апреля. А 4 апреля я родила дочь. Бунатян сумел внушить мне, что маленький ребенок — не помеха для переезда. Декретный отпуск тогда был очень короткий, отпуска за свой счет не давали. Так Бунатян помог мне найти няню и разрешил в течение двух месяцев работать по полдня. И всё это время мы готовили материалы для перебазирования расчетных работ.

Бунатян съездил на Урал. Вернулся потрясенный красотой здешних мест. Весело рассказывал о произошедшем курьезе. Его принимали, как какого-нибудь министра. Он удивлялся, а потом узнал, что в это же время ждали приезда заместителя министра со сходной фамилией — Бурназян.

Когда мы приехали сюда, Бунатян остался центром притяжения. У многих тогда появились семьи, дети. Первый Новый год (1956) мы встречали в доме Бунатяна — и семейные, и холостые. А потом пошли в клуб «Химик», где собралась вся 21-я площадка. Бунатян понимал, как мы все скучаем по Сарову, поэтому и собрал нас вместе.

Армен Айкович всегда всё понимал. Как-то я ошиблась и очень расстроилась. Так он меня не укорял, а утешал, что это бывает со всеми. Только лжи он не прощал. Расскажу еще одну историю, которая могла произойти только с Бунатыном. Тогда мы получили первые награды, заработанные еще на саровской земле, когда

нашим начальником был Армен Айкович. А его в списке награжденных не оказалось. Ведь всё делалось по его указаниям и с его участием. Возмущенные такой несправедливостью, мы с Людой Старковой (потом Дмитриевой) пошли к директору предприятия Д. Е. Васильеву. Директор ответил нам, что уже поздно и что вряд ли найдется другой начальник, за которого в подобной ситуации пошли бы хлопотать подчиненные. «Боже мой, как я завидую тебе, Армен, что у тебя такие женщины».

Л. П. Строчева

Я вот сейчас сообразил, что был знаком с Бунатяном ровно столько лет, сколько его уже нет с нами: 1955—1978-й и 1978—2001-й. В Приволжске (Сарове) я его почти не знал, только виделась, а здесь познакомились по-настоящему, очень плотно и разносторонне: и на работе, и дома, и на отдыхе. Редко такое случается, чтобы человек был очень хорош в любой ситуации. Я часто вспоминаю даже не дни, а ночи, проведенные на работе. Часто бывало, что задача решалась итерационным методом, то есть требовала периодического вмешательства. И в перерывах велись очень интересные разговоры на самые разнообразные темы: и политика, и жизнь вообще. А рассказывал он очень здорово, мыслей у него было много, и слушать его было интересно. Поэтому эти ночи так запомнились.

Помимо своей основной математической работы, он много делал как теоретик. Очень многие вещи он глубоко понимал, что-то предлагал, всегда вносил ощутимый вклад в конструкцию изделий. И его Ленинская премия была признанием, в том числе, и этих заслуг.

А вообще, чаще запоминались экстремальные ситуации, в них он интересно проявлялся. У него даже теория была, что авралы время от времени необходимы. На полигоне в острые моменты он быстро становился центром, вокруг которого крутилось очень многое.

Истории, которые происходили с его участием на отдыхе, можно рассказывать бесконечно. Самое сильное впечатление производило его отношение к людям, причем к самым разным, умение общаться с ними. Мы легко привыкаем к своему кругу, и когда жизнь сталкивает с «простыми» людьми или с большими начальниками, то не всегда можем взять нужный тон. А он это умел очень здорово. Помню разговор со сторожем Ильменского заповедника. Сторож был в подпитии, был к нам враждебно настроен. Забабахин пытался сломить его сопротивление, срочно прицепив свою Звезду Героя. Но все напрасно, — нас не хотят пустить на территорию. А пошел Бунатян, — через десять минут они со сторожем стали лучшими друзьями. И взял он сторожа на совершенно элементарный прием: «Ты ведь мужик хороший. Гадость сделать может всякий, а ты попробуй разок сделать хорошее дело». Потом этот сторож приносил нам молоко, рыбу... Подобных случаев было много. Но однажды и у Бунатяна случился прокол в Закарпатье. Ехали мы на машине Бунатяна, оба с женами. И захотелось нам поесть молодой кукурузы.

Кругом кукурузные поля, а кукурузу нигде не продают. Зашли мы в один дом, просим хозяйку продать. А она нам: «Своих свиней кормить нечем». У них тогда был обострен национализм. И Бунатян принял решение — воровать. Ушел в кукурузное поле как бы по нужде, а по выходе его карманы топорщились от початков. Отовсюду торчали листья — и из куртки, и из брюк. Встретили мы его дружным хохотом.

Всегда было интересно наблюдать Бунатяна со стороны, не будучи вовлеченным в происходящее. Потому что, когда сам с ним споришь, — тебе не до того. А уж всякие вечеринки, встречи у него — это было всегда интересно. Он любил собирать у себя людей. Поджаривая шашлык, он учил меня: «Самое вкусное — то, что остается, всякие обрезки мяса, шкварки. Их поджарить — вот это вкусно!»

Очень редко от него можно было услышать плохое о каком-либо человеке. Хвалить, наоборот, никогда не забывал — ни в глаза, ни заочно. Правда, дураков он не любил.

Как красиво он жил! Красиво работал, красиво отдыхал, красиво водил машину, красиво угощал гостей. Как любил он жизнь, как любил Урал, который стал ему родным...

Е. Н. Аврорин

Надо сказать, что Бунатян был Человек с большой буквы. Впервые я с ним столкнулся в Приволжье, когда начались разговоры о переселении на Урал, неведомо куда. Жена моя работала у Авраменко, Бунатян был начальником отдела. Жена сказала мне, что многие собираются на новый объект, куда-то на Средний Урал, но неясно куда конкретно...

Сам я родом из Каслей, в Воздвиженке работал мой дед. На Соколе я в детстве рыбу ловил. И в Нижнем Тагиле у меня родня есть. Я и говорю жене: «Квартиры у нас все равно нет, ты молодой специалист. А я как раз закончил свое дело — пустил машино-счетную станцию». Так я ее убедил ехать. В ответ на уговоры Бунатяна она поставила условие — трудоустройство мужа на новом объекте. И Бунатян пригласил меня на беседу. Поскольку я был тогда начальником МСС, он предложил мне должность старшего инженера. И нас оформили в поездку. Другими словами, не попали бы мы на Урал, если бы не Бунатян.

Эшелон сформировали в августе, вагонов этак пять пассажирских и несколько товарных — для вещей. Бунатян, Забабахин и Шумаев были самыми «пожилыми» по возрасту. И почему-то Бунатян верховодил всем, все хозяйственные вопросы взял на себя. Был нам как отец родной. К тому времени он уже побывал на Урале. Добирались эшелонам больше недели, останавливаясь лишь на разъездах или в чистом поле. И все заботы о питании, питье, движении эшелона — все это было на Бунатяне. Когда мы прибыли в Маук, я понял, что вернулся на свою родину. Эшелон довез нас до Каслей. Оттуда машинами перебрасывали на 21-ю площадку. И опять всем распорядился Бунатян. Меня поселили со Строцевыми в бывшем

домике Вознесенского. Сразу же поставил в рабочие комнаты «Мерседесы». Через два дня лаборантки уже начали вести расчеты на них — в две смены.

Вскоре мы с женой поехали в командировку в Москву. На Урале Бунатян вручил мне «секретную» книжку «БЭСМ-1» об ЭВМ конструкции академика Лебедева. Но, когда я прибыл в Москву, оказалось, что в серию пошла совсем другая машина — «Стрела», поэтому на заводе счетно-аналитических машин я изучал уже «Стрелу», а жена в Математическом институте им. Стеклова — систему программирования новой машины.

Еще один эпизод, связанный с Бунатяном. Начальником политотдела тогда был Н. Г. Палкин, парторгом — Миша Чуразов. И почти все коммунисты были физики-теоретики, т. е. меня не знали. А у меня истекал кандидатский стаж для вступления в партию. Тогда Бунатян, хоть и не знал меня на протяжении положенного годовичного срока, взял на себя ответственность и рекомендовал меня в члены КПСС.

Н. Н. Онищук

Я скажу о партийности Бунатяна. Что меня поразило, когда я его достаточно хорошо узнал. Наши отношения сложились таковыми, что предполагали взаимную откровенность. Он не скрывал своих взглядов на тогдашнюю жизнь. Это был конец эпохи Хрущёва. Тогда общество уже «бурлило», особенно молодежь. Я, помню, захожу к Армену Айковичу в кабинет, а он — бледный, взволнованный. Оказывается, кто-то из молодых теоретиков был у него только что и, как тогда было модно, ругал Хрущёва. После его ухода Бунатян, еле сдерживая негодование, сказал буквально следующее: «Ему хорошо говорить — он беспартийный. Но я-то — коммунист — несу ответственность за всё это». Ответственность за все происходящее в стране — это было не показное, это было свойство природы. Я называю его государственным человеком, который мыслил масштабами государства и мира.

Вместе с тем он был человеком поразительной скромности. Вот вам маленький эпизод. Поехали мы с ним как-то в Касли. Он зашел в радиотехнический отдел магазина и приобрел множество разных мелких деталей — сопротивлений и т. п., которых навалом было в секторе. В связи с этим вспоминается товарищеский суд над одним из наших коллег. Тогда в секторе только-только появились транзисторы, и этот человек был задержан на рынке в Свердловске при продаже этого дефицита. Я на суде спросил: «Как ты мог это взять?» А он удивился: «Ты, что ли, никогда ничего не брал?» Я был поражен. В том то и дело, что все мы, соратники Бунатяна, свято относились к социалистической собственности, — так были воспитаны.

Бунатян был не только руководителем сектора. В нем навсегда остался настоящий партийный секретарь, относящийся к своему партийному долгу искренне и честно. И это помогало ему руководить коллективом.

Хочу добавить, что Бунатян был очень смелым человеком. Многим помнится, как он открыто выступил против культа Брежнева. Единственный в городе! Он сделал это не только по собственной инициативе, но и по поручению коммунистов сектора. Наше партсобрание, учитывая брожение в коллективе, приняло решение — на каком-либо высоком уровне высказать сложившееся у нас мнение. Его выступление по тем временам было поступком! Уходя с того партсобрания, он сказал мне, парторгу: «Я выступлю сам. Тебя заклюют, а меня не смогут». Как потом выяснилось, и его можно было «заклевать»...

Я вскоре после этого был в командировке в Москве, в министерстве. Там всё бурлило: «Что, вам всех больше надо?» А ему действительно было нужно больше всех. Такого склада был человек.

Еще один момент следует отметить. Армен Айкович много читал — и не столько публицистику, сколько справочники — цифры. Он умел чувствовать числа. У него дома было много статистических справочников по экономике. Мне по долгу службы (как парторгу) приходилось просить его выступать на семинарах. Последний семинар он провел незадолго до смерти. Долго оставались его записи на доске в семинарской комнате — цифры по сельскому хозяйству, графики. Никто не стирал с доски целый месяц. Тот доклад он сделал блестяще!

И еще — что многие годы тяготит меня. Было у нас когда-то давно очень горячее партийное собрание математиков по поводу несправедливости, допущенной в оплате труда руководителей. Возмутились все начальники отделов, и Бунатян, по сути, остался один, ему пришлось защищаться. Мне как парторгу, наверное, надлежало по-человечески занять его сторону, поддержать. А я искал истину... Страсти так накалились, что после собрания я попал в больницу со стенокардией. А через пару дней здесь же оказался Бунатян с инфарктом. Я понял, что так нельзя. Не столько сам осознал, сколько помогла Г. В. Зырянова, врач. Во время обхода она сказала, что мы не умеем беречь друг друга. Нужно бороться с недостатками, а людей надо беречь.

На мой взгляд, мы Бунатяна так до конца и не poznали. Это был кристальной чистоты человек. Он этого никогда не выпячивал, не подчеркивал. Он прятал чувства за шуткой. Внешне это могло выглядеть как кавказская хитрость. Известен анекдотический случай, когда кто-то из женщин назвал его хитрым человеком. В ответ он засмеялся: «Я не хитрый, а умный». И это была правда.

Ю. И. Вантрусев

Бунатян всё же был человеком, а все люди грешны. Не надо делать из него чуть ли не святого. Сейчас бы он, наблюдая за нами со стороны, мог посмеяться над нами.

Я был заместителем Бунатяна и младше его на шесть лет. Мы с ним были одними из самых старших по возрасту в секторе, понимали друг друга хорошо. С Любой он разошелся, я тоже был холостой. На этом и сошлись. Вечерами

сидели, он великолепно жарил мясо в огромной утятнице. Сидели, пили вино, играли в шахматы и говорили — о многом и напрямую. Говорили о том, о чем тогда говорили только под одеялом: что не всё хорошо в стране, что не всё ладно с политикой партии. Очень откровенно говорили. Когда произошло это его известное выступление на городской партконференции о формализме материалов журнала «Коммунист», на него все так страшно навалились... Думаю, что Бунатян жил бы еще долго, если бы не этот случай. После конференции он не спал всю ночь. Утром пригласил меня, показывает листок, на котором записал то, что сказал там, что думает. Спрашивает совета, куда это послать. Я отвечаю: «Ты старше, умней, тебе лучше знать, куда. Может, в обком?» И тут я вспомнил историю, связанную с обкомом, когда на наших глазах топтали прекрасного человека — Бориса Потапкина.¹ Это было у нас на партсобрании, а мы сидели, смотрели и молчали. Этого я никогда не забуду.

Бунатян очень переживал после своего выступления. Я помню реакцию других директоров, руководителей. Я тогда был в командировке в Москве. В гостинице меня пригласили в один из номеров. Фамилий я называть не хочу. Сидели, пили, говорили. Заговорили об этом. Все удивлялись, а один спрашивает: «Это Бунатян так выпендривается, что ли?» Я ответил: «Он никогда не выпендривается. Это у него от души идет». Все эти разговоры как-то доносились до Бунатяна, травмировали его. Я думаю, что только сторонним людям казалось, что все треволнения уложились в неделю. На самом деле это оставило след на его здоровье, тревожило до конца дней.

М. С. Старостин

¹ В «деле Потапкина» поработал обком комсомола. Вся «вина» Потапкина заключалась в отказе работать членом горкома комсомола, куда его избрали заочно. Мотивировки у него было две. Во-первых, никогда никем не приходилось руководить. Во-вторых, в текущем 1958 году ему должно было исполниться 28 лет — возраст, в котором согласно возрастному цензу из комсомола выбывают автоматически.

Борис Потапкин был вызван на бюро обкома ВЛКСМ, куда его сопровождал бывший однокурсник Ю. Вантусов. В итоге Борис был, кажется, исключен из комсомола в Челябинске, хотя наше собрание разделилось во мнениях. К счастью у нас царили независимые нравы, и Потапкин не был с позором уволен с предприятия (*Прим.* Н. А. Павловой).

Васильев Александр Федорович

07.04.1939–23.06.2002

Специалист в области испытаний образцов ядерных зарядов и ядерных боеприпасов; кандидат технических наук (1978); старший научный сотрудник (1979); организатор ряда направлений в конверсионной деятельности РФЯЦ – ВНИИТФ; имеет (в соавторстве) 22 авторских свидетельства на изобретения и 4 патента Российской Федерации.

- 1955 – выпускник Новоладожской средней школы.
- 1958 – окончил Ленинградский техникум холодильной промышленности и направлен на работу на предприятие п/я 28, г. Рыбинск-14 Ярославской области.
- 1958 – откомандирован на Урал в распоряжение начальника предприятия п/я 0215 сначала в отдел главного механика, затем переведен в отдел 67 сектора 6 на должность техника по холодильным машинам, г. Снежинск
- 1960 – старший техник сначала в секторе 6, а затем в секторе 15, одновременно студент вечернего отделения МИФИ, там же
- 1965 – инженер отдела статических испытаний сектора 15, там же.
- 1966 – старший инженер, там же.
- 1973 – начальник группы, там же.
- 1979 – начальник лаборатории, там же.
- 1986 – начальник отдела, там же.
- 1988 – начальник научно-исследовательского испытательного комплекса ВНИИП.
- 1992 – заместитель главного конструктора, там же.

Васильев Александр Федорович

Награжден орденами «Знак Почета» (1981), Дружбы (1996); медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970); присвоено звание «Заслуженный ветеран города» (1982); имеет более 50 поощрений различного ранга за высокие производственные показатели, активную общественную работу, изобретательство и выполнение спецзаданий.

В начале 70-х годов XX столетия горожане впервые услышали «Песню о нашем городе» (слова В. Лаушкина, музыка В. Иванова), ставшую визитной карточкой и позывными Снежинска:

Где дороги кончаются,
Где тропинки бегут,
Там, где сосны качаются
По колено в снегу...

Её первым исполнителем стал Александр Федорович Васильев — заместитель главного конструктора института — начальник научно-исследовательского испытательного комплекса, а тогда еще просто молодой специалист.

Он родился в пос. Павлово Мгинского р-на Ленинградской области. Выходец из рабочей семьи, выпускник Ленинградского техникума холодильной промышленности, А. Ф. Васильев начал свою трудовую деятельность на предприятии п/я 0215 в ноябре 1958 года в должности техника по холодильным машинам. Желание учиться и получить высшее образование привело его на вечернее отделение № 6 Московского инженерно-физического института. Успешно окончив его в 1965 году по специальности «динамика и прочность машин», он стал инженером отдела статических испытаний.

Из представления: «Васильев А. Ф. имеет необходимые знания и практический опыт, являлся ответственным исполнителем по одной из тем института. Умело руководит техниками и лаборантами, принимает активное участие в общественной и спортивной жизни подразделения».

В 1966 году А. Ф. Васильев переведен на должность старшего инженера, при этом было отмечено, что он является ответственным исполнителем работ по нескольким темам института, одновременно выполняя обязанности секретаря ВЛКСМ сектора и члена комитета ВЛКСМ конструкторского бюро (КБ-1) института.

92

В ноябре 1973 года Александр Федорович был назначен начальником группы отдела статических испытаний.

Из характеристики: «Васильев А. Ф. при выполнении работ отличается энергичностью и инициативой, добросовестным и грамотным подходом к порученному делу. Своим отношением к работе и умением ладить с людьми завоевал авторитет

в отделе и подразделении. Выдвигался на доску почета КБ-1». К этому можно добавить, что ему в полной мере было присуще чувство товарищества — никогда никого не оставит в беде. Владелец великолепного голоса, он был запевалой в дружеской компании. И вообще, умел он и повеселиться, и поработать от души.

В июле 1978 года А. Ф. Васильев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, а в 1979 году ему присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, он назначен начальником лаборатории и избран членом городского комитета КПСС.

Высокий профессионализм, организаторские способности, неиссякаемая энергия и удивительная работоспособность, масштабность мышления, активная жизненная позиция, способность брать ответственность на себя, внимательность и требовательность к подчиненным снискали ему авторитет среди сотрудников подразделения и института. В 1986 году А. Ф. Васильев был избран на должность начальника отдела, в 1988 году — начальником научно-исследовательского испытательного комплекса, а в 1992 году назначен и заместителем главного конструктора института.

Александр Федорович осуществлял научно-техническое руководство лабораторно-конструкторской отработкой ЯЗ и ЯБП, проводимой в испытательном подразделении института. Наибольший личный вклад он внес в развитие методик испытаний и экспериментальной базы отдела статических, гидростатических и инерционных испытаний специзделий военной техники, методик исследования характеристик взрывчатых и делящихся материалов в условиях статических,

А. Ф. Васильев (в центре) с группой испытателей НИИК. 2000 г.

квазистатических и виброударных нагрузок. Он — один из участников разработки ряда установок для испытаний узлов специзделий на комплексное воздействие облучения, высокого давления и механического удара (работа представлялась на соискание Государственной премии СССР в 1995 году).

В 1990-х годах наметилась тенденция к снижению количества разработок оборонной тематики института, и все чаще стала обсуждаться необходимость поиска работ народнохозяйственной тематики. Организаторский талант, целеустремленность А. Ф. Васильев ярко проявил и в развитии конверсионного направления в НИИКе и в институте.

Наличие в подразделении квалифицированных кадров, хорошей испытательной базы давало надежду найти работу «по специальности», такую, например, как разработка оборудования и систем измерения, испытания и аттестация продукции машиностроительной промышленности, участие в исследованиях и обработке конструкций с целью доведения их качества до высокого уровня. Александр Федорович прилагал много сил и энергии для создания на базе НИИКа аккредитованного Государственного испытательного центра. И добился этого!

Среди многочисленных конверсионных тем, в которых он принимал непосредственное участие как руководитель и участник, внесший большой вклад, можно выделить следующие:

- разработка и изготовление медицинского инструмента и оборудования;
- расширение номенклатуры продукции, выпускаемой инструментальными заводами России (штангенинструмент с электронной системой отсчета);
- разработка, изготовление и метрологическая аттестация автоматизированных систем для взвешивания и учета, для контроля и регулирования температурных режимов в установках для термообработки мясопродукции комбината «Свердловскмясоагропром» г. Екатеринбурга;
- техника для российского птицепрома, в частности создание яйцесортировочных машин;
- утилизация артиллерийских снарядов, создание установок для выплавления и гранулирования тротила (ВГТ) из боеприпасов.

Наибольшее развитие получили две последние темы, актуальность их несомненна.

Первые же опыты эксплуатации яйцесортировочных машин с электронной системой взвешивания и производительностью 9000 шт./ч дали замечательные результаты. Наряду с облегчением и улучшением условий труда птичниц повысилось качество контроля яиц и сортировки их по категориям. К достоинствам машины относится наличие электронного струйного маркирователя для маркировки яиц бесконтактным способом и микроконтроллера, обеспечивающего правильность функционирования машины. Успех на рынке продукции для отечественного птицепрома (к 1995 году было реализовано более ста машин!) окрылил разработчиков. Вскоре появилась машина с производительностью 18 000 шт./ч. Изготовленные в НИИКе машины установлены на многих птицефабриках

Челябинской, Ленинградской, Пермской, Московской, Ивановской, Пензенской, Вологодской, Костромской, Ростовской, Волгоградской, Нижегородской, Иркутской областей, в Приморском крае. На них ежедневно сортируется не по одному миллиону яиц. Прозорливости А. Ф. Васильева можно только позавидовать: перспективность выбранного им направления очевидна. Потенциал идей, запитанный творческим азартом Александра Федоровича, не исчерпан до сих пор. Сегодня в НИИКе ведется разработка новой яйцесортировочной машины с производительностью 27 000 шт./ч.

Создание установок для выплавления и гранулирования тротила из артиллерийских снарядов (установки ВГТ защищены патентами РФ) позволяет частично решить проблему промышленной утилизации обычных боеприпасов. Общегосударственное значение этой проблемы обусловлено переменами в области военного строительства, необходимостью выполнения международных договорных обязательств по ограничению стратегических, наступательных и обычных видов вооружений. С помощью установок ВГТ народному хозяйству возвращаются для повторного использования взрывчатые материалы, стальной лом и лом цветных металлов снятых с вооружения и выведенных из боевого состава Вооруженных Сил Российской Федерации морально и технически устаревших вооружений, военной техники, изъятых из хранения взрывопожароопасных боеприпасов, способных причинить тяжелый экологический и экономический ущерб.

А. Ф. Васильев во всех делах и увлечениях не хотел себя ограничивать, да и не мог в силу своего неумного характера, а большая загруженность, стремление во всем принять участие, пропустить события и явления через себя не пощадил его сердце...

23 июня 2002 года сердце Александра Федоровича Васильева перестало биться.

Г. Ф. Свалов

Из воспоминаний

Если говорить об Александре Федоровиче как о руководителе, то прежде всего должно отметить его умение воспитывать, растить специалистов. Хороший инженер, он стал замечательным наставником для лаборантов отдела, не считаясь с собственным временем, лично готовил их к сдаче на разряд.

Будучи начальником группы, начальником отдела, сам ездил в вузы набирать выпускников. Поставив молодому специалисту конкретную производственную задачу, не устранился в ожидании результата, обязательно участвовал в обсуждении возникающих вопросов, передавал свои знания и опыт.

Александр Федорович сам любил учиться и других заставлял. Ряд руководителей отделов защитили диссертации буквально под его давлением (А. А. Шахов, В. П. Кравченко), неоднократно он был руководителем кандидатских работ.

Он являлся организатором и бессменным участником научно-технических конференций как в отделе, в НИИКе, так и в отрасли. В отделе в иные годы подготавливали до четырнадцати докладов под научным и техническим руководством А. Ф. Васильева.

Став начальником НИИКа, Александр Федорович совершил беспрецедентный для нашего института шаг. Предупредив заранее (за год), он попросил своих заместителей по исполнению 61 года написать заявления о переводе с руководящей должности. Конечно, не всем это понравилось, да и самому Васильеву такое решение принесло массу переживаний. Но, как говорится, цель оправдывает средства. В НИИКе «к власти» пришли молодые, растущие, думающие руководители.

Александра Федоровича нет в живых без малого пять лет, а в руководстве НИИКа: начальник — 48 лет, заместитель по испытаниям — 44 года, заместитель по измерениям — 45 лет, главный инженер — 45 лет. НИИК в настоящий момент — одно из лучших подразделений, по мнению руководства института.

НИИК исторически, с момента своего зарождения всегда имел большой пакет технических заданий от главных конструкторов, а также от других подразделений института на проведение исследований и испытаний, и, как следствие, проблемы занятости сотрудников руководителя НИИКа не знали.

В период «безвременья» 1990-х годов, и в особенности их начала, на фоне практически отсутствующего финансирования гособоронзаказа, объем работ НИИКа сократился, сотрудники не имели достаточной занятости.

Александр Федорович, понимая опасность отсутствия работы, что неизменно приводит к утрате специалистами профессионализма, снижению уровня технологической и трудовой дисциплины, к пренебрежению требованиями техники безопасности, принял решение о поиске работ на других предприятиях России, которые могут быть выполнены силами сотрудников НИИКа с учетом их квалификации. За предложениями Васильев обратился ко всему своему коллективу.

Многие сотрудники (коллектив насчитывал более 700 человек) активно откликнулись. Спектр предложенных работ оказался очень широким и пестрым — от создания тепличных хозяйств и выращивания овощей, разработки и изготовления инструмента и механизмов для обработки земли (надо отметить, в тот период времени практически не было человека, который не занимался бы «землепашеством») до разработки новых технологий и пионерских средств измерений. Предложения исчислялись сотнями.

В этот период деятельности НИИКа широко раскрылся организаторский талант Александра Федоровича. Это был период неповторимого творческого подъема, как самого руководителя, так и всего коллектива.

96 В период с 1991 по 1998 год практически ежедневно проходили технические совещания, на которых обсуждались варианты разработок, возникающие проблемы, принимались технические решения. Автором многих решений, воплощенных в жизнь, был А. Ф. Васильев.

Чтобы представить объем и напряженность работы НИИКа в тот период времени, необходимо сказать, что наряду с безусловным выполнением всех плановых заданий по экспериментальной отработке изделий основной тематики института в установленные сроки и с требуемым качеством, проводились договорные работы, количество которых одновременно доходило до трех десятков. Всего за период 1991–2002 гг. было заключено и выполнено 294 договора.

В это же время Александр Федорович отдал много сил и энергии созданию на базе НИИКа аккредитованного Государственного испытательного центра. Для успешного ведения работ по всему спектру деятельности А. Ф. Васильеву необходимо было вести колоссальное количество телефонных разговоров с заказчиками, участвовать в технической и организационной переписке, лично встречаться с руководителями предприятий и организаций, бывать в многочисленных командировках.

При личных встречах руководители многотысячных предприятий заказчиков всегда радушно встречали и с вниманием выслушивали Александра Федоровича, отдавая должное его научно-технической подготовке, умению четко, последовательно вести диалог, его общей эрудиции и всепобеждающему обаянию.

К 1991 году из более чем двух десятков направлений (тем) конверсионных инициативных работ Александр Федорович совместно с ведущими специалистами выбрал пять, в решении которых был достигнут наиболее значимый инженерно-технический и экономический результат:

- утилизация артиллерийских снарядов;
- техника для птицепрома – машины для сортировки куриных яиц и запасные части к ним;
- сварка взрывом;
- разработка методики вибрационной диагностики силовых трансформаторов;
- проведение испытаний по подтверждению соответствия требованиям МАГАТЭ транспортно-упаковочных комплектов для транспортировки отработавшего топлива атомных электростанций и деталей из делящихся материалов.

Особо следует сказать о судьбоносном для сотрудников НИИКа и всего института решении А. Ф. Васильева создать на базе НИИКа научно-технический центр «Эксперимент – ВНИИТФ», учредителем которого выступил РФЯЦ – ВНИИТФ. При этом необходимо вспомнить директора института В. З. Нечая, мудро и решительно поддержавшего эту идею.

Создание НТЦ позволило заключать договора с заказчиками на проведение работ по цене в 2–3 раза ниже стоимости аналогичных работ, выполняемых теми же сотрудниками, но по договору, где юридическим исполнителем являлся РФЯЦ – ВНИИТФ. Ведь договор через НТЦ «Эксперимент – ВНИИТФ» не был обременен неподъемными для заказчика затратами по накладным расходам института. Главным результатом создания НТЦ стала возможность в период 1990-х годов, когда вместо заработной платы производились редкие выплаты,

размер которых большинству сотрудников не позволял прокормить семью, выплачивать «живые» рубли специалистам, выполнявшим работы по договорам, заключенным НТЦ «Эксперимент — ВНИИТФ». Это, в конце концов, позволило сохранить коллектив НИИКа и повысить его научно-технический потенциал.

Если говорить об Александре Федоровиче как о человеке, то я в первую очередь сказал бы о его сильно развитом чувстве товарищества. Это было, пожалуй, преобладающее свойство его характера. Он всегда был готов прийти на помощь, выручить. Как-то расстаемся у подъезда, время к полуночи. Он передает привет Марии Григорьевне (моей жене). Говорю: «Она через час прилетит в Челябинск». В ответ: «Ты что, женщину оставишь ночь коротать в аэропорту?» Разворачивается и говорит: «Иди за мной». Ведет в гараж, заводит машину, едем в Челябинск, встречаем. Жена удивлена и обрадована. Доволен и Васильев.

Общаться с ним было легко — не обременял своими проблемами и своим положением, не был мелочным как в отношениях, так и в материальном плане. Дом всегда гостеприимный, стол богатый, обстановка теплого участия. Немалая роль в этом принадлежит жене Александра Федоровича Татьяне Михайловне.

Отличался Васильев отчаянной решительностью. Уже после перенесенного инфаркта был такой случай. Предновогодний вечер, идем во дворе дома, нас четыре пары. Вдруг из темного угла двора доносится пронзительный женский крик. Васильев резко разворачивается и идет в том направлении. Мужчина бьет женщину. На требование прекратить — бранный, с угрозами ответ. Александр Федорович ловким движением сбивает воинствующего с ног и добивается обещания, что больше подобное не повторится.

Однажды едем из командировки, середина 1990-х годов — везде и во всем беспорядок, неразбериха. Садимся в Кольцово в автобус. Последний рейс. Мест нет. Александр Федорович чувствовал себя отвратительно, глотал таблетки. Выехали из Кольцово, в автобусе очень шумно, с бесконечным матом, с полным пренебрежением и вызовом к окружающим «разговаривают» пять-шесть молодых мужчин. Всем изрядно надоело, но молчат. Александр Федорович не выдерживает, вступает в дискуссию и, не взирая на угрозы, заставляет молодчиков утихомириться.

Кроме всего прочего, Александр Федорович очень любил движение, физкультуру, спорт. Азартный, напористый. Как-то мы с ним поспорили. Предмет спора — кто более прыгуч: волейболист (он) или тяжелоатлет (я)? Место спора — производственное помещение. Мерительный «инструмент» — светильник, плафон которого нужно в прыжке достать головой. Прыгали, как мальчишки, забыв о возрасте, не смущаясь служебным положением...

98 А волейболист он был отменный — капитан команды «Старт» в турнирах администрации института. До последних дней жизни был подтянут, обладал красивым телосложением, и, не взирая на постоянные проблемы с сердечно-сосудистой системой, не прекращал заниматься охотой, рыбалкой, практически ежегодно путешествовал на машине, легко откликался на предложения, связанные с выходом на природу — характер!!!

Александр Федорович обладал красивым голосом, великолепно пел. Знал много песен, романсов, арий, помнил все слова. В ленинградском ресторане мне довелось быть свидетелем его «дуэли» с главным инженером Ленинградского инструментального завода — они по очереди пели арии из опер, кто больше. Наша взяла!

Мог вести любое застолье, как «мужичник», так и торжественные вечера. Он просто не мог находиться в стороне от главного действия. Хорошо «держал удар» спиртного, всегда был в форме, весел, активен, — это привлекало к нему людей.

А. Г. Матишов

Будучи начальником отдела статических испытаний, А. Ф. Васильев постоянно нацеливал сотрудников, особенно молодых, на поиск новых технических решений задач, стоящих перед отделом. В практику статических испытаний внедрялись новые методики, максимально приближающие условия испытаний к условиям эксплуатации. Он требовал досконального анализа состояния испытываемых конструкций, понимания их поведения под действием прикладываемых нагрузок, и сам стремился до конца понять происходящие процессы. Один из ярких примеров тому.

В середине 1980-х годов мне, ведущему специалисту по испытаниям квазистатическими нагрузками, было поручено смоделировать устройство, позволяющее нагружать конструкцию или деталь усилиями, время действия которых составляло бы 20–30 мс. Первые же эксперименты показали, что такое устройство и такой характер нагрузок на объект исследований могут быть реализованы практически.

На основе моделирования была разработана установка для квазистатического нагружения. После ее изготовления первые же пуски поставили множество вопросов, которые необходимо было решить, прежде чем внедрять установку и методику в практику испытаний. Работали, не считаясь со временем. Под руководством А. Ф. Васильева и при его непосредственном участии поставленные задачи были решены. Он, стремясь понять особенности установки, сам со слесарным инструментом в руках, по локоть в масле множество раз проводил ее сборку и регулировку, выбирал режимы нагружений. Благодаря предпринятым усилиям, его дотошности, профессиональному чутью, установка в короткое время была подготовлена к работе и стала инструментом для проведения испытаний по новой методике.

А. Н. Фамбулов

В ноябре 1999 года Александр Федорович Васильев и я выехали в город Гиссен (Германия) по приглашению фирмы «Вейсс», которая является одной из ведущих в мире по разработке, производству и сервисному обслуживанию

Васильев Александр Федорович

многофункциональных термобарокамер. Мы прибыли на завод, чтобы проверить работоспособность и принять четыре единицы оборудования, ознакомиться с КД и программным обеспечением управления, а также посмотреть само производство и возможности фирмы для дальнейшего сотрудничества. Прибыв в первой половине дня на место, мы по просьбе Александра Федоровича, после обеда были приняты начальником отдела по маркетингу (второе руководящее лицо фирмы), с которым наметили план совместных действий. По разрешенным для посещения цехам нас сопровождала милостивая, обаятельная немка — ведущий инженер по маркетингу. Тестирование приобретаемого нами оборудования происходило по программам, выбранным и установленным Александром Федоровичем. Эти тестовые программы под именем «Доктор Васильев» находятся в памяти двух климатермокамер до сих пор. Термокамеру EFU-500 немцам пришлось защищать с покрасневшими лицами, так как они не смогли дать ясных ответов на поставленные нами вопросы. Потом переводчик сказал (с ним поделились немецкие специалисты), что такие большие по объему и серьезные проверки им еще никто не устраивал и они это обязательно включают в практику.

В последующие наши приезды в Германию немецкие коллеги всегда интересовались Александром Федоровичем, передавали ему приветы и очень приглашали приехать доктора Васильева. Всем нам было ясно, что он произвел на немцев большое впечатление как опытный специалист и толковый руководитель, как очень энергичный деловой и обаятельный человек.

В. В. Федорин

В 1958 году рабочие и инженерные службы сформировавшегося первоначально в Арзамасе-16 нового НИИ переехали на свое постоянное место жительства и работы на Урале. Здесь уже кипела работа по благоустройству жилья и рабочих мест, но коллективы были скомплектованы не полностью, не хватало рабочих рук. Вскоре на предприятие стали прибывать молодые специалисты из разных мест нашей страны.

Находясь в командировке в Свердловске, в гостинице нашего предприятия в Пионерском поселке (сейчас это Пионерский район), я увидел молодых людей, очень симпатичных. Каким образом у нас завязался разговор, не помню, видимо, общая тема — НИИ-1011 — определила наш обоюдный интерес друг к другу. Это были молодые специалисты Татьяна и Александр Васильевы. В разговоре я посоветовал им, чтобы, когда будут в отделе кадров, попросили направить их работать в сектор 6. В то время в испытательном отделе сектора не было специалистов по холодильным установкам, а они окончили техникум именно по этой специальности.

С небольшими трудностями, при содействии Павла Алексеевича Есина (начальника сектора 6) их направили в этот сектор, Сашу — в группу В. А. Берниковского, которая занималась тепловыми испытаниями, а Таню — в конструкторскую

группу. Хотя заявку на этих специалистов сделал завод, кислородная станция, и Александр Федорович некоторое время там работал.

Помню, привезли из Арзамаса-16 передвижную холодильную установку, но она была в нерабочем состоянии, вот Саше и поручили разобраться с повреждением. Он практически только приступил к работе, это было его «боевое» крещение. В то время меня из группы измеренцев временно направили проверить измерительную часть и систему автоматике, и я видел, как Саша за короткое время справился со своей задачей. Было приятно посмотреть на этого красивого, хорошо сложенного парня, он заражал окружающих своей деловитостью. Чувствовалось, что в группе появился знающий и хорошо образованный специалист.

С первых дней работы он, несмотря на молодость, показал свою независимость и самостоятельность, способность решать поставленные перед ним задачи. И в дальнейшем, продвигаясь по служебной лестнице, он оставался таким.

Мне были очень приятны эти два человека, Таня и Саша, и мы сдружились с ними. При поступлении на вечернее отделение МИФИ мы вместе готовились к сдаче экзаменов. Они жили в маленькой комнатке, хоть было тесновато, но уютно. Отрадно было видеть их отношение друг к другу. Это была прекрасная пара, в которой один дополнял другого. Любовь к Тане Саша пронес через всю жизнь. Он был любящим отцом и дедом. Вместе с Таней он сумел создать настоящую семью, дружную, способную противостоять житейским невзгодам.

Саша был устремленным человеком, неутомимым в познании новых направлений в своей работе. При его непосредственном участии были разработаны и пущены в эксплуатацию инерционные установки. Здесь он показал себя как организатор и руководитель. За какую бы работу он ни брался, всё доводил до логического конца.

Он любил природу, исколесил все леса в округе, был заядлым охотником.

Ни минуты, ни дня он не давал покоя ни себе, ни окружающим его людям. У него был решительный и твердый характер. Он много отдавал сил не только производственным вопросам, но и общественной жизни. Весь маленький городок в то время, впрочем, как и теперь, был равнодушен к соревнованиям команд КВН в эрудиции. Александр Федорович принимал активное участие и был одним из застрельщиков этих игр. Когда собиралась компания, он был заводилой, хорошо пел, его было приятно слушать. Песня о нашем городе, спетая им в клубе, звучит по радио и по сей день.

Александра Федоровича назначили начальником НИИКа в трудные для института времена. Не платили зарплату, в магазинах не хватало продуктов. Вот тогда его организаторские способности проявились еще ярче. Он создал штаб по рассмотрению работ конверсионных направлений. В частности, под его руководством и при его непосредственном участии были развернуты работы по созданию яйцесортировочных машин для птицефабрик. За работу в то время платили натурой или, как называли тогда, бартером (в нашем случае — курами и яйцами). Это позволило улучшить материальное положение работников НИИКа.

Васильев Александр Федорович

За чтобы ни брался Александр Федорович — за научную или общественную работу, за производственные дела, — во всем чувствовалась его эрудиция и знание поставленного вопроса.

Александр Федорович прошел трудовой путь от техника до начальника научно-исследовательского испытательного комплекса — заместителя главного конструктора. Мы часто встречались с ним, даже когда я вышел на пенсию, поддерживали друг друга дружескими советами. Для меня он был и остался Сашей.

А. М. Ульянов

Отец Александра Федоровича, Федор Васильевич, прошел финскую войну, Великую Отечественную, участвовал в боях с империалистической Японией. На своей полutorке ездил по «Дороге жизни» через Ладогу. Был неоднократно отмечен боевыми наградами. В мирной жизни так и работал сначала шофером, потом начальником гаража на судоремонтном заводе в Новой Ладоге.

Мама, Мария Андреевна, образования не имела, но обладала необыкновенной врожденной внутренней культурой. Во время войны поселок, где она оставалась с малышом на руках, был оккупирован немцами. Досталось лиха, — выстояла, и сына сберегла, и мужа дождалась.

Саша был единственным ребенком в семье. Может быть, поэтому и достались ему в полной мере отцовская решительность, твердость и материнская отзывчивость, участливость. Уверенный и благополучный внешне, в душе он всю жизнь оставался очень ранимым.

У него было очень развито чувство товарищества. В послевоенные годы всем жилось трудно. Но дети всегда остаются детьми, а тем более мальчишки — беспокойный народ. Саша не был пай-мальчиком, во всех шалостях с друзьями участвовал, бывало и стенка на стенку... Но в пору больших сезонных работ: заготовки дров, посадки и уборки картошки, сенокоса — ребята дружно, всей ватагой поочередно помогали своим семьям. Сегодня — у одних, завтра — у других... Вот оттуда, из послевоенного детства, Саша вынес умение трудиться без оглядки, не чураться никакой работы.

Еще в школе Саша начал петь. Пел всё — и народные песни, и популярные, потом уже и романсы, и арии из опер. Ни один школьный концерт не обходился без его участия. После экзамена в 10-м классе, когда Саша получил четверку по математике, учитель математики (Саша всегда вспоминал о нем особенно тепло) сказал: «Ты всё пел — это дело, но... поздно вато спохватился. Вполне мог бы и лучше». Саша всегда говорил, что ему повезло с учителями, — они научили его учиться. И он учился всегда и везде. Много читал. Даже когда мы уже были женаты и окончили институт, вечерами любили почитать: я — художественную литературу, а Саша — учебники по прочности. Поэтому он всегда был уверен в своих знаниях. То, что он помнил, было наверняка, надежно, навсегда. А любимой была книга «Три мушкетера». Я думаю, это объясняет его в какой-то степе-

ни мушкетерский характер, отчаянный и благородный. Был такой случай. Стучит в дверь расстроенная соседка: дверь захлопнулась, а ключи в квартире остались. Саша тут же принял решение, достойное героев Дюма: перемахнул с балкона на балкон. А жили мы, надо сказать, на четвертом этаже. Балконная дверь, к счастью, оказалась открытой, но, к несчастью, в квартире сторожил хозяйское добро большущий дог... Нашего д'Артаньяна спасло лишь то, что пес был привязан.

Познакомились мы с Сашей в техникуме, куда оба поступили, не пройдя по конкурсу в институт. Поженились в апреле 1958 года, после окончания техникума. Было нам по 19 лет. Хотелось остаться в Ленинграде, но, так как у Саши не было прописки, обоих направили в Рыбинск на ремонтно-механический завод, расположенный на одном из волжских островов. Там работали бывшие заключенные из политических и уголовников. У меня начальником отдела был бывший политзаключенный, а начальником группы — осужденный по уголовной статье, перевоспитанный политическими. Саша работал слесарем 7-го разряда. Сначала жили в бараке, а месяца через три получили комнату. Через полгода переехали на Урал.

В ноябре 1958 года прибыли на 21-ю площадку. Сашу поселили в мужском общежитии, меня — в женском. В феврале 1959 переехали в город в общежитие «Чайка», теперь на разные этажи. В апреле дали комнату в двухкомнатной квартире в доме № 2 по улице 40 лет Октября. В соседней комнате жили мать с сыном-школьником. Мальчишка был, что называется, трудным подростком, и Саша принял большое участие в его воспитании, даже ходил в школу к директору (Палкину). Он (Саша) умел общаться с детьми как со взрослыми, и сам увлекался, как ребенок.

В 1959 году мы вместе поступили в МИФИ, вместе окончили. На пятом курсе в феврале 1964 года родилась дочка Евгения. Теперь она работает психологом в школе № 127.

Как только Саша приступил к работе в нашем институте, ему сразу поручили восстановить холодильную установку, привезенную из Арзамаса-16. Конечно, волновался — и работа сложная, и руководить коллективом пришлось впервые, но справился. А когда на 3-й площадке случилась критическая ситуация, по четверо суток не появлялся дома. Я бутерброды ему передавала. Работы он не боялся. И в отдел

А. Ф. Васильев с внучкой Юлией

Васильев Александр Федорович

статических испытаний пошел, потому что ему там казалось сложнее, интереснее постановка эксперимента.

Он умел ладить с людьми, не боялся обострить отношения с начальством. Определив цель, он шел к ней, не делая ставки на чью-то помощь. Даже после инфаркта восстановился самостоятельно.

У него было много увлечений: охотник-рыболов, спортсмен-волейболист, путешественник — по России на машине. Умел и очень любил петь, а вот музыкальными инструментами не владел, «играл» только ладошками на обратной стороне гитары. В любой компании становился заводилой. На Кавказе его принимали за своего. Он всегда был готов прийти на помощь, и люди, порой совсем незнакомые, будто чувствовали это, обращались, несмотря на его внешнюю сдержанность. А как легко он мог разрядить обстановку! Как-то дочь, будучи студенткой, приехала на каникулы. Стоит на пороге в слезах — по дороге украли сумку. С КВНовской веселостью и находчивостью воскликнул: «Женя, ну ты же всегда мечтала попутешествовать налегке!» Писал стихи, мог до полуночи беседовать с дочерью.

Таким он был.

Т. М. Васильева

Васильев Дмитрий Ефимович

10(23).11.1902—08.03.1961

Организатор производства, руководитель промышленных и научно-производственных предприятий; инженер-полковник (1945); лауреат Сталинской премии 2-й степени (1953); член ВКП(б) с 1927 г.; депутат Верховного Совета РСФСР (1947—1952); избирался членом бюро ГК КПСС и депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

- 1918 — подручный слесаря, член большевицкой группы завода.
- 1919 — монтер колонны телеграфной связи, г. Кунгур.
- 1920 — работник почтово-телеграфной конторы в Суксуне.
- 1925 — политпросветорганизатор Суксунского р-на, затем заместитель заведующего Уральским областным отделом народного образования.
- 1931—1936 — студент механического факультета Уральского машиностроительного (с 1934 — индустриального, с 1948 — политехнического) института.
- 1933 — продолжая учебу на вечернем отделении, начал работать на Уральском заводе тяжелого машиностроения (начальник отдела кадров, отдела заказов, планово-производственного отдела, начальник производства — заместитель главного инженера).
- 1945 — главный инженер танкового завода, г. Омск.
- 1946 — директор завода, там же.
- 1947 — возглавил создание завода по производству ядерных зарядов, боеприпасов и специальных материалов на комбинате «Электрохимприбор», г. Свердловск-45 (ныне г. Лесной).
- 1955 — директор НИИ-1011, г. Снежинск.

Васильев Дмитрий Ефимович

Награжден орденами: Ленина (1942, 1944, 1953), Трудового Красного Знамени (1943), Отечественной войны II степени (1945). Имя его занесено в Книгу трудовой славы г. Снежинска (1973). Его именем названы одна из вершин Памира в верховьях ледника Федченко (1968), улицы в г. Снежинске и в г. Лесном, средняя школа № 76 (г. Лесной). В 1999 в РФЯЦ – ВНИИТФ учреждена премия им. Д. Е. Васильева, которая вручается лучшим работникам, внесшим наибольший вклад в организацию производства, за выполнение наиболее важных производственно-технических задач. 23 ноября 2002 в Снежинске установлен памятник Д. Е. Васильеву. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Дмитрий Ефимович Васильев родился 10 (23) ноября 1902 года в поселке Суксун Пермской губернии в крестьянской семье.

Пермская губерния в ту пору занимала обширную территорию, расположенную по обе стороны Уральского хребта — «Каменного пояса» земли русской.

Суксун — старинное уральское поселение. В 1792 году Акинфий Демидов — сын Никиты Демидова, основателя знаменитого рода горнозаводчиков, построил здесь завод, купив у башкир земли с лесами и другими угодьями. Завод выплавлял чугун и медь, вырабатывал поделочное железо. Впоследствии запасы руд истощились, хозяйство расстроилось, и завод стал небольшим металлообрабатывающим предприятием. Многие мастеровые люди, чтобы не покидать обжитые места, занялись кустарным промыслом. Суксунские медные изделия: подсвечники, посуда и особенно самовары — пользовались хорошей репутацией и хорошим сбытом.

В Суксуне прошли детские и юношеские годы Мити Васильева. Отец работал почтовым ямщиком на знаменитом Сибирском тракте, мать была домохозяйкой. Вместе со своими сверстниками юный Митя рыбачил, бегал купаться, ходил в лес по грибы и ягоды, а когда подрос — на охоту.

С детских лет он полюбил Урал с его плавным спокойным рисунком гор, с его веселыми березовыми колками, липовыми рощами, густым ельником, с извилистыми студеными речками и голубыми жемчужинами многочисленных озер. Верность Уралу Дмитрий Ефимович пронес через всю свою жизнь. И позднее, уже будучи крупным руководителем, он фактически сбежал от повышения в должности и не переехал в Москву. Он отлично знал всё уральское — природу, быт, культуру, историю края.

106 Старый Суксун... В центре неприметного горнозаводского поселения пруд, напоминающий озеро. Несколько солидных зданий — церковь, заводские строения, лавки, дома богатых суксунцев. Но стоит немного отойти от центра, как откроется другая картина: небольшие домишки лепятся по склонам глубокой долины реки Суксунки, а от нее разбегаются в разные стороны обычные деревенские улицы.

Рубленые избы, поседевшие от времени, рябь заборов, небольшие огороды, куры и другая живность на пыльных улицах.

Детские забавы и увлечения у Мити рано отошли на второй план. Когда ему шел одиннадцатый год, умер отец и все заботы о семье легли на плечи матери. Не до мальчишеских игр — надо всерьез помогать по хозяйству.

За многие годы на горнозаводском Урале сложился свой уклад жизни. И не только у взрослых, но и у подростков. Главными людьми в заводском поселении всегда были мастеровые и работные люди. Они плавил металл, готовили из него дельные вещи, добывали руду в шахтах. С самых юных лет подростки уважали такой труд, старались приобщиться к нему, устраиваясь работать на заводе.

В своей книге «Памятные узелки» уральский писатель Евгений Пермяк пишет: «Мальчишьи руки, известное дело, самые хваткие. Особенно по нашим местам мальчата рукастыми растут. Другой еще толком ходить не научился, а уж с топором, с молотком дружбу сводит. Отсюда и пошли в уральских местах отчаянной славы мастера. Уклад жизни такой. По рукам голову ценят. Иной кузнец чернее сажи, страшнее пугала, а его ненаглядным зовут, красавцем кличут. А всё от того, что трудовой народ красоту не в одежде ищет, а в сути всех сутей — в деле».

Нелегкое трудовое детство закалило характер уральского паренька Мити Васильева, воспитало в нём на всю жизнь самое серьезное, почти фанатичное отношение к труду.

Митина мама была простой русской женщиной... Всё богатство своей души она отдала сыну и всегда, в трудностях и радостях, была рядом с ним. Митя её очень любил. Она умерла в 1953 году... День её смерти совпал с днём рождения сына. С тех пор Дмитрий Ефимович перестал отмечать свой день рождения.

Таким чертам своего характера, как человечность, чуткость, искренность, скромность Дмитрий Ефимович в первую очередь обязан своей матери. Эти качества были характерны для него в юношеские годы. Сохранил Дмитрий Ефимович их и тогда, когда занимал высокие руководящие посты...

В поселке была школа и, несмотря на нелегкое семейное положение, мама решила сделать своего Митю грамотным. Он пошел учиться и в 1914 году окончил «суксунские университеты». Из свидетельства, выданного Красноуфимским училищным советом: «Сим удостоверяется, что Васильев Дмитрий Ефимович, сын крестьянина Суксунской волости и завода... при отличном поведении окончил курс учения в 5-м отделении Суксунского 2-классного училища...» В аттестате зрелости указаны все науки, которым обучали тогда простых уральских мальчишек: чистописание, церковнославянское и русское чтение, арифметика и закон божий. Итак, в училище он научился читать, писать и считать, но главной школой для молодого Дмитрия была жизнь.

Размеренную, устоявшуюся многими годами жизнь провинциального Суксуна разбудил 1917 год. Не узнать тихий поселок — столько событий, столько новостей! Свержение царя, падение Временного правительства, Декрет о земле,

образование ревкома, митинги, сходки, пылкие речи молодых, надежды на лучшее будущее...

В 1918 году шестнадцатилетний паренек Дмитрий Васильев начинает трудовую деятельность на Суксунском механическом заводе. Первая рабочая профессия — слесарь! В наш век электроники, атома и космоса вряд ли кого можно удивить этой специальностью. Но не так было в те далекие годы.

Павел Бажов в своей книге «Уральские были» пишет: «Попасть в механическую или столярную было трудно, да и не всякому удавалось здесь выучиться. Стать хорошим токарем, слесарем, модельщиком можно было только при условии, если кто-нибудь из старших внимательно следит за работой начинающего и дает ему указания. Эта особенность выучки давала возможность попадать в механическую или столярную лишь тем ребятам, у которых там имелся какой-нибудь близкий человек: отец, старший брат. В силу этого, профессии слесарей, токарей, краснодеревщиков считались привилегией немногих заводских семейств».

Митя рано лишился отца. Не было у него и старших братьев. Трудолюбивый, сметливый юноша сам пробил путь к серьезной профессии.

В это же время начинается и политическая деятельность Дмитрия Васильева в группе большевиков завода. В том же 1918 году на Урал приходит гражданская война. Колчаковцы, используя преимущество в численности и снаряжении, захватывают Урал. Начинается белый террор. Скрываясь от преследования, Дмитрий переезжает в Кунгур.

Летом 1919 года Красная Армия освобождает Урал от белогвардейцев. Дмитрий возвращается в родной поселок. Механический завод закрывается: нет сырья, не хватает рабочих рук, разруха... Дмитрий Васильев устраивается работать в местную почтово-телеграфную контору и начинает заниматься самообразованием. Круг его интересов обширен. На его столе политическая, научная, техническая и художественная литература, журналы и газеты. В 1921 году Дмитрий вступает в комсомол. Среди поселковой молодежи он авторитет во всех вопросах.

Вот что рассказала жительница Суксуна Л. М. Киприянова, знавшая Дмитрия Васильева в те годы: «Молодость прошла у нас вместе — я с Митей была в одной комсомольской ячейке. Душой всех начинаний был именно он, задорный, веселый парень».

А годы были трудными: разруха, голод. Люди к новому еще не привыкли. Попы пугали муками ада. Большинство населения было очень религиозным. Молодежь боялась вступить в комсомол.

108 Наша ячейка была небольшой — 20–25 человек. Но ребята были дружными и старались порученное коммунистами дело выполнять на совесть. Одной из основных была задача оторвать молодежь от старого, повести за собой. Собирались мы часто, почти каждый вечер. У всех были друзья среди несоюзной молодежи. Мы старались приводить их на наши посиделки и вовлекать в общий разговор. Обсуждали прочитанное в газетах и книгах, общими усилиями пытались

разобраться в задачах новой власти, партии, комсомола. Трудность была и в том, что мы сами мало знали. Поэтому учились сообща, помогая друг другу.

Создавали физкультурные кружки, выпускали живую сатирическую газету, учились военному делу, участвовали в работе драматического коллектива. А руководителем и режиссером нашего самодеятельного театра был Митя Васильев. Он же играл и главные роли. Спектакли давали регулярно, два раза в неделю — в четверг и в воскресенье. И какие спектакли! «Бедность не порок», «На дне», «Лес»... Часто ездили с подготовленными пьесами по деревням района. Перед началом спектаклей выступали с докладами на темы дня.

Вели антирелигиозную пропаганду, устраивая диспуты на тему «Есть ли бог?». Народу собиралось человек 300—400. На эти диспуты приходили и служители церкви, и мы спорили с ними до хрипоты.

Митя любил выступать перед слушателями. Всегда долго готовился к таким встречам. Он очень много читал. Всегда аккуратный во всём, упорный в работе и учебе, располагающий к себе, доброжелательный и внимательный к людям... Таким он остался в моей памяти».

В 1925 году в жизни Дмитрия Васильева произошли большие перемены — его выдвинули на культурно-просветительную работу и назначили райполитпросветорганизатором в Суксуне.

Справка из Большой Советской энциклопедии (3-е издание, 1973 год):

«Культурно-просветительная работа — система мероприятий, содействующих коммунистическому воспитанию и политическому просвещению трудящихся, подъему их культурного уровня, развитию творческих способностей, организации досуга...

В 1920 году в системе Наркомпроса РСФСР был создан Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), объединяющий функции партийного и государственного руководства этой отраслью. Цель — создание многообразной сети культурно-просветительных учреждений».

Деловые качества, высокая культура, большой опыт комсомольской и общественной работы не остались незамеченными. В 1928 году Васильев переводится в Кунгур и возглавляет окружной политпросвет. А в 1931-м новый шаг — его переводят в Свердловск в Уралполитпросвет и он назначается заведующим массовым сектором Уральского округа.

В 1931 году начался новый, уралмашевский, период жизни Дмитрия Васильева.

В июне 1927 года Совет Труда и Оборона СССР принимает постановление о строительстве в Свердловске мощного завода тяжелого машиностроения. Оно было начато в 1928 году. Большое внимание уделялось воспитанию технической интеллигенции и подготовке специалистов из числа молодых людей, вышедших из рабочих и крестьян.

В 1930 году в Уральском индустриальном институте (Уральском политехническом институте им. С. М. Кирова) была специально выделена группа механического факультета, в которой шла подготовка будущих инженеров Уралмашзавода.

Среди студентов этой группы был и Дмитрий Васильев. Он пришел в институт в 1931 году, когда ему было уже двадцать девять лет. Производственная практика стала для студентов самой настоящей работой — начался монтаж оборудования в цехах завода. Учебу пришлось совмещать с ответственной работой.

Постоянная тяга к знаниям, к образованию — одна из черт характера Дмитрия Ефимовича Васильева. После окончания Уральского политехнического института ему не раз приходилось браться за новые дела, и он никогда не стеснялся учиться. У него была поговорка — «человек не ученый, что топор неточеный».

В июле 1933 года состоялся официальный пуск завода. К началу Великой Отечественной войны Уралмаш выпускал свыше восьмидесяти типов оборудования для металлургических заводов и для предприятий горно-рудной промышленности. Среди них: прокатные станы, оборудование доменных печей, тяжелые прессы, нефтебуровые установки, крупные дробилки и т. д.

На Уралмаше Д. Е. Васильев работает инженером, механиком, технологом. В 1937 году он назначается начальником производственного отдела.

1935—1938 гг. — время молодости завода, его коллектива, время пафоса созидания, первых успехов, время новоселий и устройства быта. Объявляется «Зеленый заем», и на деньги, вырученные от реализации облигаций, возникают цветущие скверы и улицы уралмашевского поселка. Создается подсобное хозяйство, строятся фабрика-кухня и Дворец культуры.

В эти годы Дмитрий Ефимович создает свою семью. Дочь Васильевых родилась в 1939 году. Родители назвали её Долорес. Тогда наша страна находилась под впечатлением героической борьбы испанских республиканцев против фашизма и итало-германской интервенции. Имя дочери было выбрано в честь Долорес Ибаррури. Она была одним из организаторов Народного фронта и активным участником коммунистического движения.

На Уралмаше судьба свела Дмитрия Ефимовича с очень многими интересными, незаурядными людьми — с видными организаторами производства, с талантливыми инженерами, с рабочими-умельцами. Эти встречи, иногда мимолетные, иногда длившиеся многие годы, обогатили Васильева, многому научили.

На пуск Уралмаша приезжает нарком тяжелой промышленности легендарный Серго Орджоникидзе. Впоследствии его имя будет присвоено заводу.

Колоритным руководителем был управляющий Уралмашстроем Александр Петрович Банников. Он увлекательно и просто рассказывал о будущем завода. Банников везде был своим — так его принимали в рабочей среде. Он не только увлекал, но и сам был беспредельно увлечен будущим заводом. Личность А. П. Банникова оказала на Дмитрия Ефимовича — будущего организатора промышленности — большое влияние.

В 1939 году директором Уралмаша назначается Борис Глебович Музруков. Человек деловой, волевой и обаятельный. В суровые военные годы Васильев и Музруков работали в самом тесном контакте. Впоследствии оба стали организаторами и создателями новой военной техники.

Пришел грозный 1941 год. Немецко-фашистские войска вероломно напали на Советский Союз. Необходимо было в самые кратчайшие сроки перестроить работу страны на военный лад. «Всё для фронта, всё для победы!» — призыв, который стал главным лозунгом тыла.

Правительство принимает меры по расширению производства вооружения. На первый план выдвигается танковая проблема. Главные производители танков находились в городах, достижимых вражеской авиацией — в Харькове и Ленинграде. Надежно удаленными являлись заводы в Сталинграде и Челябинске. Но на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ) дело с выпуском танков затягивалось.

На четвертый день войны нарком танковой промышленности В. А. Малышев (в будущем министр среднего машиностроения) приезжает в Свердловск и подробно знакомится с Уралмашем. Может ли завод производить бронекорпуса для танков? Этот вопрос удивил и озадачил заводчан. Ведь Уралмаш рассчитан на единичное, в лучшем случае на мелкосерийное производство.

29 июля 1941 года завод получил правительственное задание: наладить выпуск корпусов тяжелых танков КВ. Срок первой партии — август. Это было самое тяжелое для заводчан время. Несмотря на все усилия, производство отставало от графика. Но сентябрь стал переломным месяцем — завод выполнил задание. А затем каждые 5–10 дней выпуск бронекорпусов постоянно увеличивался. В боях под Москвой в декабре 1941 года приняли участие новые КВ, прибывшие с Урала.

В 1942 году на Уралмаше за 40 дней был освоен выпуск корпусов для танка Т-34. План II квартала завод перевыполнил на 35 корпусов. Для производства бронекорпусов Т-34 была пущена, параллельно с действующей старой, новая линия с самостоятельной технологией.

В июне за образцовое выполнение заданий правительства Уралмаш награждается орденом Трудового Красного Знамени. Орденами и медалями были награждены и 150 уралмашевцев. Среди награжденных орденом Ленина и Дмитрий Ефимович Васильев. В те годы он работал начальником производства.

Уралмаш получает новые правительственные задания: освоить выпуск танка Т-34 целиком и наладить производство артиллерийской самоходной установки СУ-122. И вновь сроки минимальны — осень 1942 года.

Задачи казались невыполнимыми. Но руководители завода уже обрели опыт. Их действия и распоряжения отличались уверенностью и точностью. Заметно улучшилась работа заводских служб.

Сборка Т-34 и СУ-122 велась на главном конвейере. Директор завода поставил конкретную задачу: сдавать боевые машины с первого предъявления. По несколько раз в сутки обходили конвейер Музруков и Васильев. Сборщики помнят их лаконичные, оперативные и точные распоряжения. Задания правительства были выполнены в срок: 21 сентября первые Т-34 были собраны целиком в уралмашевских цехах, а в октябре на испытательный полигон вышли СУ-122.

Васильев Дмитрий Ефимович

Уралмашевские Т-34 и СУ-122 приняли участие в Сталинградском сражении и в прорыве блокады Ленинграда. За успешное выполнение этого задания Дмитрий Ефимович Васильев награждается орденом Трудового Красного Знамени.

В 1943 году Уралмаш осваивает массовое производство Т-34 — лучшего танка второй мировой войны. А в 1944 году за выполнение задания правительства по организации производства танков Т-34 и самоходных установок СУ-122 Д. Е. Васильев награждается вторым орденом Ленина. В этом же году его назначают заместителем главного инженера.

В 1945 году разгромом германского фашизма и японского милитаризма окончилась вторая мировая война. За весомый вклад в победу советского народа Уралмашу были вручены боевые ордена Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. Дмитрий Ефимович был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени с присвоением воинского звания инженер-полковник.

Васильев пришел на Уралмаш студентом-практикантом в годы первой пятилетки. Вместе с заводом он прошел славный, нелегкий трудовой путь. Вместе с ним он рос — Уралмаш стал гигантом тяжелого машиностроения, отцом заводов, кузницей боевого оружия.

Дмитрий Ефимович закончил работать на заводе заместителем главного инженера, проявив себя талантливым руководителем, опытным производственным, инженером-организатором промышленности. Уралец по рождению, он достойно поддержал славу уральской школы командиров производства.

В 1945—1947 гг. Д. Е. Васильев работает главным инженером, а затем и директором военного завода в г. Омске. Эти годы были единственными в его жизни, когда он покидал свой родной Урал.

В 1948 году Дмитрий Ефимович возвращается на уральскую землю и получает назначение на работу в совершенно новую для него, да и для многих, область науки и техники.

В 1945 году, сбросив над японскими городами Нагасаки и Хиросима атомные бомбы, американские политики бросили вызов всему миру, и в первую очередь Советскому Союзу — Соединенные Штаты Америки имеют самое мощное атомное оружие, обеспечивающее США стратегическое преимущество.

Против занесенного меча необходимо было выковать, и без промедления, надежный атомный щит. Для этого следовало в предельно сжатые сроки решить множество самых различных проблем — научных, технических, организационных.

112 Одна из них — строительство новых объектов, представляющих собой комплекс «завод — город» или «НИИ — завод — город». Наладить на них серийное производство абсолютно новой продукции, обеспечив необходимые научные и исследовательские работы.

Решением правительства Дмитрий Ефимович Васильев направляется на строительство нового объекта на Урале. В те годы среди занимавших руководящие посты в решении атомной проблемы были А. П. Завенягин, Е. П. Славский,

Б. Г. Музруков, Н. Л. Духов. Все они прошли уральскую школу командиров производства.

Местом для нового объекта стал берег обширного Нижне-Туринского пруда. Еще в XVIII веке на этом месте был построен металлургический завод. Места живописные, окруженные таежными лесами, украшением которых является зеленый исполин кедр. На западе синеют лесистые увалы, над ними возвышается гора Качканар, известная своими запасами руды. Места раздольные: ягодные, грибные, можно поохотиться и порыбачить...

Д. Е. Васильев начинал строить город с первых домов. Руководство строительством было для него делом новым. Но не в его уральском характере пасовать перед трудностями. Проработавший с ним почти два года А. Я. Мальский вспоминал: «Дмитрий Ефимович не только начальник. Он товарищ по работе, причем хорошо знающий, кому можно полностью доверять, а кого надо контролировать и почаще подстегивать... С ним было очень легко работать... Он умел ладить со строителями, понимал их и сам разбирался в строительстве».

Забота о рабочем человеке всегда была неотъемлемой чертой характера Дмитрия Ефимовича. Он считал, что те, кто трудятся на производстве, должны иметь благоустроенное жилье. Для них в современном городе должны быть воздвигнуты культурные и спортивные сооружения. И вот, в центре молодого города строится Дворец культуры «Современник». Рассказывают, что Васильев гордился выговором за перерасход на асфальтирование городских улиц: выговор забудут — асфальт останется.

С 1948 года Д. Е. Васильев — директор вновь построенного завода «Электрхимприбор». Дмитрий Ефимович никогда не был только администратором. Он всегда старался вникнуть во все тонкости возглавляемого производства, хорошо разбирался в технике и в той области электрофизики, которой занимался. Уверенно ориентировался в новых задачах.

В июне 1948 года завод выдал первую продукцию. Было налажено её серийное производство. Успешно велись и научные исследования.

В 1954 году за заслуги в укреплении обороноспособности страны Дмитрий Ефимович награждается орденом Ленина. В этом же году он становится лауреатом Государственной премии 2-й степени.

Правительство принимает решение о строительстве и организации нового НИИ-1011. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1955 года директором будущего объекта назначается Д. Е. Васильев. Цель нового предприятия — разработка новейших образцов военной техники.

В высшем руководстве страны уже знали Васильева как опытного организатора и руководителя производства. Решение атомной проблемы потребовало самого тесного синтеза организаторской и научной работы.

Научным руководителем нового НИИ назначается Кирилл Иванович Щёлкин — ученый, внесший огромный вклад в создание атомного оружия. Д. Е. Васильев и К. И. Щёлкин — сильные руководители. Они разного стиля, разной школы.

И в первые годы совместной работы в их деловых отношениях возникли определенные трудности. Но позднее оба поняли, что каждый делает свое дело, делает то, что другой сделать не сможет.

Из воспоминаний Евгения Ивановича Забабахина: «Я не хочу сказать о том, что отношения между Щёлкиным и Васильевым были тесными. Но у меня, в моем восприятии, они остались вместе крупнейшими государственными людьми, с огромным талантом организаторов и размахом. В этом они были едины. Хотя в отношениях между ними были не только розы».

Строительство нового НИИ началось в первые летние дни 1955 года. От соседей из Челябинска-40 (ныне г. Озёрск) потекли колонны со строительной техникой, материалами, рабочей силой. Заревели бульдозеры, загрохотали отбойные молотки... Строительство велось широким фронтом. Поднималось всё разом — железные и шоссейные дороги, линии электропередачи, промышленные площадки, жильё. Как правило, при возведении подобных объектов (Арзамас-16, Челябинск-65) использовался труд заключенных. Эта стройка стала исключением, — даже лагерь для заключенных не создавался. Ударный отряд строителей базы НИИ-1011 и города в первые годы составили военные строители.

Плацдармом, с которого начался НИИ, был поселок Сунгуль, получивший название Сокол (21-я площадка). Полуостров, на котором был поселок, омывался водами двух красивейших озер — Силача и Сунгуля. В первые годы в этом поселке размещались управление института и некоторые его научные и производственные подразделения. Здесь жил и Дмитрий Ефимович. Коттедж, половину которого он занимал, находился на берегу озера и утопал в тени зарослей. Вместе с Дмитрием Ефимовичем жила его дальняя родственница, тетя Нюра. Пожилая, очень добрая женщина. Она занималась хозяйством, в котором были еще две живые души: кот и охотничья собака Ветка. Часто в погожие дни они втроем выходили на пирс, чтобы встретить хозяина, возвращавшегося с рыбалки.

Множество самых разнообразных задач пришлось решать Дмитрию Ефимовичу в первые годы строительства и организации института. Его можно было увидеть на всех строительных площадках. И не только в поселке Сокол, но и на основном строительстве промышленной и городской зоны на берегу озера Синара. Приходилось утрясать все неурядицы, часто разъезжать, где-то что-то добывать и пробивать, заниматься кадровыми и бытовыми вопросами. И постоянно учиться, вникать в новые для себя дела.

Для Васильева не было второстепенных дел. Среди первых его приказов по предприятию есть приказы об организации телефонной связи, об упорядочении работы бани, об охране ценных пород рыб на озерах Иткуль и Синара, о мерах по сохранности леса на стройплощадках.

Тыл новостройки — построенный на десятилетия жилой поселок № 2. По тем временам он был достаточно благоустроенным. В нем были больница, клуб, магазин, столовая, спортивная площадка. Чувствовалась забота Д. Е. Васильева о людях.

Д. Е. Васильев

В 1956 году на промышленной площадке № 9 был сдан в эксплуатацию математический корпус (первая очередь), в котором начались монтаж и наладка электронно-вычислительной машины «Стрела». Здесь всё было ново и молодо — специалисты, область науки, в которой предстояло работать, техника, обеспечивающая возможность производить невиданные (для того времени) по масштабам расчеты. 27 апреля 1957 года на ЭВМ была рассчитана первая задача.

1 сентября 1957 года в строящемся городе открылись двери школы. Здание школы № 124 — первое, сданное в эксплуатацию на территории соцгорода.

Вскоре стали заселяться жилые дома на улице 40 лет Октября. Один за другим сдавались промышленные объекты, бытовые, культурные и спортивные сооружения.

В 1958 году начали свою производственную деятельность цеха заводов № 1 и 2. В строй действующих вступила испытательная площадка.

Город рос, приобретая благоустроенные черты. Открылся большой гастроном, столовая «Заря», первые зрители пришли в кинотеатр «Космос», открыли двери детсад и ясли, на спортивных площадках стадиона «Комсомолец» закипели жаркие сражения.

Васильев Дмитрий Ефимович

Свою административную и производственную деятельность Дмитрий Ефимович постоянно сочетал с большой общественной и политической работой. И это сочетание было естественным. Будучи членом партии с 1927 года, Д. Е. Васильев принимал активное участие в работе горисполкома, горкома КПСС и горкома ВЛКСМ. Во всей многогранной деятельности Дмитрия Ефимовича поражала широта взглядов и государственный подход к решению вопросов — больших и малых. Среди жителей города он пользовался большим доверием и авторитетом. Ведь не часто можно встретить людей высокого положения и такой душевной щедрости.

Много дел и забот у директора института. Но у него всегда находилось время на общение с молодежью. Он был в курсе молодежных дел и проблем. В трудное время развития физкультуры и спорта в городе Дмитрий Ефимович сам возглавил спортивный совет предприятия. Совещания совета проходили в его кабинете.

Но Васильев мог быть и иным. Особенно, когда чей-то проступок выходил за рамки элементарной этики поведения на работе или в быту. Жесткое решение «уволить в течение суток» применялось редко. В такие моменты он не столько был зол, сколько огорчен: встречается же еще такое...

В свободное время Дмитрий Ефимович много читал, — у него была большая библиотека. Любил охоту и рыбалку, катался на коньках, был верным футбольным болельщиком. Эрудированный, любящий простое человеческое общение, умел живо и интересно рассказывать.

В 1957 году Дмитрий Ефимович впервые тяжело заболел. Но сравнительно быстро поправился. И вновь он у руля предприятия, неутомимый, энергичный, деловой...

Однако напряженные суровые годы Великой Отечественной и не менее трудные послевоенные (о передышке не приходилось мечтать) сказались: 8 марта 1961 года Дмитрия Ефимовича Васильева не стало. Проводить в последний путь уважаемого человека и первого директора института пришли тысячи горожан. Площадь перед кинотеатром «Космос» была забита до отказа. Трудно было поверить в то, что такое количество людей живет в еще молодом городе.

Вскоре одна из центральных улиц города — улица Мира, по предложению горожан была переименована в улицу Д. Е. Васильева. На одном из жилых домов её и на здании управления предприятия были установлены мемориальные доски. В центре Памира возвышается белоснежная вершина (6200 метров над уровнем моря) — пик Д. Е. Васильева. Так называли её альпинисты города, первыми поднявшиеся на неё. Федерация альпинизма СССР утвердила это название.

Все, знавшие Дмитрия Ефимовича, с уважением и теплотой хранят яркие впечатления о его деятельности и добрую память о большом человеке с горячим сердцем. Имя Д. Е. Васильева навсегда останется в истории города.

Из воспоминаний

Впервые я встретился с Дмитрием Ефимовичем совершенно неожиданно. В первых числах марта 1955 года к нам, в поселок Сунгуль (позднее Сокол), прибыла большая государственная комиссия. Нас, трех водителей с легковыми автомобилями, выделили в её распоряжение.

Маршрут следования был дан к дому лесника на берегу озера Силач, а от него по просеке на север. Тронулись эскортом из четырех машин — присоединился ГАЗ-69 из Челябинска-40 (ныне г. Озёрск). Просека была узкой, много камней, болота... Продвигались с трудом. Спасал мерзлый грунт. Просека вывела нас на берег озера, которое мы до этого и не знали. Подъехали к пятистенному дому. Рядом с ним — пожарная вышка. Кто был помоложе и посмелее, добрались до верхней смотровой площадки и оттуда любовались природой.

Проехав чуть дальше и облюбовав место с видом на противоположный берег, мы остановились. На капоте моей машины члены комиссии разложили карту, обступили её плотным кольцом, и начались оживленные разговоры.

Сидя в машине, я наблюдал за происходящим. Мое внимание привлек человек высокого роста в рыжей мохнатой шапке и в меховом полупальто. Уловив мой пристальный взгляд, человек поманил меня. Я вышел из машины и подошел к нему. Он одной рукой обнял меня за плечи и повел к кромке берега озера. По-петровски вскинув вторую руку в сторону противоположного берега, он сказал: «Здесь, Леня, будет город заложен!» Как громом я был поражен его словами. Как незнакомец узнал, что меня зовут Леня? И откуда он знает, что в лесу будет построен город? Видя мою растерянность, он улыбаясь пошел к группе своих товарищей. Эта комиссия и дала «добро» на строительство нашего города. А мне поручили возить нового директора Дмитрия Ефимовича Васильева.

Первая подача автомашины «хозяину» была связана с моими многими переживаниями, так как мне не приходилось возить «больших людей». Спешно опросив старых водителей, я получил от них совет: начальство любит быструю езду!

Подъехав на ЗИМе к Дмитрию Ефимовичу и поздоровавшись как со старым знакомым, я взял с места в карьер. Дмитрий Ефимович, чувствуя неладное, повернулся в мою сторону... А я стал выкладываться, как только был способен. Бездорожье, поток транспорта с материалами для строительства города не давали развить большую скорость. Находясь под пристальным взглядом директора, я от волнения покрылся потом. И вдруг слышу спокойный голос Дмитрия Ефимовича: «Леня, ты куда торопишься?» Я ответил: «Никуда». — «Ну и я не спешу. Ездить надо так, чтобы испытывать удовольствие, а не страх. Ты гонишь машину, а в себе не уверен. И я волнуюсь: не уверен в тебе!» Это было для меня первым уроком.

Однажды, возвращаясь из районного центра, мы увидели, как на четвертом километре в попутном направлении шли два пешехода — взрослый мужчина и мальчик. Погода была ненастная: осенний дождь со снегом, на дороге распутица. Зная, что Дмитрий Ефимович не отнесется к путникам безразлично, я стал

беспокоиться. И вот слышу: «Подвезем». Я стал упрашивать Дмитрия Ефимовича не делать этого, так как через два километра нам сворачивать на нашу дорогу, а этим людям надо идти дальше. К тому же, на сиденьях машины белые крахмальные чехлы... «Постираешь», — сказал Дмитрий Ефимович и приказал остановиться. У меня оставалась последняя надежда на то, что эти люди, открыв дверь машины, увидят белые чехлы и откажутся садиться. К моему ужасу, первым в машину юркнул мальчик, за ним, кряхтя, сел старик, оставляя на белых чехлах абстрактные картины забрызганным грязью плащом.

Глядя на мое волнение, Дмитрий Ефимович понимающе улыбался. Попутчики были дедом и внуком. Дед для Дмитрия Ефимовича оказался приятным собеседником.

Незаметно проехали до нашего поворота. Я остановился. Дмитрий Ефимович прервал разговор с пассажиром и сказал мне: «Прямо». А это значило, что пассажиров нужно довести до села за 18 км. Думаю, что этому старику и его внуку на всю жизнь запомнился большой начальник, который распорядился довести их по плохой дороге и в непогоду, за немалые километры до их села.

На нашей городской партийной конференции были избраны на областную партийную конференцию восемь коммунистов: Д. Е. Васильев, Н. В. Салтыков, Е. И. Забабахин, Г. А. Карлыханов, Е. М. Голиков, Ю. А. Зысин, П. А. Есин и я — водитель, сочетая, так сказать, полезное с приятным.

В пути Дмитрий Ефимович напомнил мне, что до начала регистрации делегатов областной партийной конференции осталось 50 км расстояния и 50 минут времени. Моя задача состояла в том, чтобы уложиться в эти расчеты.

Но никто из пассажиров не знал, что через 11 километров у моей машины будет пробег 100 000 км. В такой ситуации водитель должен совершить шоферский обряд. Последние километры быстро таяли, на спидометре приближалась стотысячная отметка. Я разволновался, не зная, как отреагируют пассажиры на шоферский ритуал.

На спидометре появились нули, я резко остановил машину, чем прервал спокойную беседу моих спутников. Дмитрий Ефимович спросил: «Что случилось?» Я все объяснил, показывая на спидометр. «А в чем этот обряд заключается?» — вновь поинтересовался Дмитрий Ефимович. Я ответил, что должен сделать три круга вокруг машины. «Ну и бегай!» — благословил он меня.

Я вылез из машины, погладил рукой крыло автомобиля и с теплым чувством благодарности к машине, которая не подвела меня ни разу, побежал первый круг. Перед дверцей, где сидел Дмитрий Ефимович, я вынужден был остановиться, так как она открылась и из машины вышел Дмитрий Ефимович. Я думал, что меня сейчас вернут в машину и прикажут ехать дальше. Но Дмитрий Ефимович, повернувшись к сидящим, сказал: «А вы что сидите?»

Сразу раскрылись все двери, и образовалось кольцо бегущих вокруг машины руководителей. Я и сегодня вспоминаю этот случай с улыбкой. Жаль только, что в то время на дороге никого кроме нас не было...

Как-то во время подготовки к встрече Нового года молодежь поселка, чтобы украсить клуб зелеными гирляндами, вышла с топорами рубить сосновые ветки. Не заходя в глубь леса, так как там было много снега, молодые ребята стали рубить ветки сосен, стоявших вдоль дороги, оставляя деревья голыми. Проезжавший мимо Дмитрий Ефимович, увидев варварскую порубку, пришел в такой гнев, в такое возбужденное состояние, в каком я его до этого не видел. Он тотчас прервал это глумление над природой и отчитал молодежь за бездумное отношение к лесу и к природной красоте... А потом наказал и лесника.

Я благодарю судьбу, которая подарила мне пятилетнее и близкое общение с настоящим человеком, Человеком с большой буквы. Это общение оставило в моей жизни неизгладимый след.

Приветлив, внимателен, вежлив, общителен, принципиален — таким остался в моей памяти Дмитрий Ефимович. Он никогда не спешил, но повсюду успевал. Не считал унижением зайти в прачечную, пройти по этажам строящегося здания, осмотреть очистные сооружения. В общении с простыми людьми находил удовлетворение, многих он знал, его знали все. И у каждого человека, после встреч и бесед с ним, оставалось чувство уверенности в том, что его-то Дмитрий Ефимович знает хорошо. Если он говорил «да», то своего решения не менял. Если говорил «нет», то вторично можно было и не обращаться. Он был хозяином своего слова.

Умел увлечь слушателей своим рассказом. Его выступления на собраниях и конференциях присутствующие ждали с большим нетерпением. Бывало и так, что после его выступления последующие ораторы отказывались от своего слова, чтобы не повторяться.

За проступки взыскания накладывал сполна, будь то начальник или хорошо знакомый. Снисхождения не допускал.

Общение с Дмитрием Ефимовичем дало мне многое: я по иному стал относиться к людям, научился общению с ними, у меня изменилось отношение к вещам, я начал разбираться в жизненных ситуациях и событиях. Но главное — Дмитрий Ефимович научил меня любить, уважать и ценить природу.

Время никогда не сотрет из нашей памяти имя этого замечательного, честного и преданного своему делу человека. Светлую память Дмитрий Ефимович заслужил своим трудом и горячей любовью к родному Уралу.

Л. П. Комиссаров

Дмитрий Ефимович был обаятельным и скромным человеком. Его часто можно было встретить на объектах строительства. Он постоянно интересовался нашими делами...

Особую заботу Дмитрий Ефимович проявлял о близлежащих населенных пунктах — деревушках, в которых не было даже электричества. По его указанию мы в 1957 году проложили кратчайшую трассу под линию электропередачи к деревне Ключи...

Васильев Дмитрий Ефимович

В ближнем отделении совхоза «Береговой» Дмитрий Ефимович возглавил «народную» стройку арочного тепличного хозяйства. И вскоре в магазинах нашего города появились зеленый лук и свежие огурцы. Мечтал Дмитрий Ефимович и о постройке пруда для рыбного хозяйства...

Строительству города Дмитрий Ефимович отдал частицу своего сердца. Сердца, влюбленного в Урал и в наш прекрасный город...

Е. А. Орда

Мне не раз приходилось встречаться с Дмитрием Ефимовичем по различным вопросам. Могу со всей откровенностью сказать, что это был обаятельнейший, честнейший, отзывчивый и, в то же время, очень требовательный человек.

Ю. М. Токарев

Первый директор предприятия Д. Е. Васильев был Человеком с большой буквы. Он был доступен каждому живущему в то время у нас человеку. Доброту и скромность, человечность его отношения мы постоянно чувствовали на себе. Не было дня, чтобы Дмитрий Ефимович не заглянул в цех, где полным ходом шла подготовка к выпуску продукции, которую от нас ждали.

Е. В. Домбровская

В первые годы деятельности завода работали столько, сколько было нужно. Работали и в воскресные дни, и в ночные смены...

Помню случай, когда Дмитрий Ефимович приехал в цех часа в три ночи. Спросил, давно ли мы обедали. Ответили, что еще днем, часов в одиннадцать. Васильев позвонил кому-то по телефону и попросил накормить людей. Затем он посадил нас в машину и привез в город, в столовую...

Нас уже ждали... Накормили простым, но таким желанным ужином. А точнее, ранним завтраком, так как часы показывали уже четыре часа утра...

Н. Л. Немков

Осенью 1957 года меня избрали секретарем комсомольской организации цеха 106. В те годы секретарей комсомольских организаций приглашали на расширенные совещания руководителей института. Нам, комсомольцам, на этих совещаниях вопросов не задавали. И мы недоумевали, зачем нас вообще приглашают.

Но сегодня, спустя много лет, понимаешь, что Дмитрий Ефимович давал нам, молодым, практические уроки коллегиального решения вопросов, деловых взаимоотношений, организации и проведения подобных совещаний... Дмитрий

Ефимович был уверен в том, что в скором времени многим из нас придется решать сложные производственные задачи, и преподанная нам наука не пропадет даром...

Дмитрий Ефимович очень любил кататься на коньках и часто приходил на каток, который всем миром мы заливали на стадионе 21-й площадки.

Однажды вызывает меня начальник цеха А. А. Соколов и говорит: «Знаешь что, Коля, завтра Дмитрий Ефимович и Кирилл Иванович собираются на каток, а столько снегу навалило. Не могли бы вы с ребятами подготовить лед к завтрашнему вечеру?» Я с энтузиазмом ответил: «Постараемся!»

Собрал я ребят-комсомольцев и объяснил им ситуацию. Вечером, после работы, все дружно вышли на расчистку катка. Механизмов тогда никаких не было, всё делалось вручную. А снегу навалило столько, что убрать его врукопашную за один вечер просто не было никакой возможности. Тогда мы решили расчистить и залить только беговую дорожку вокруг поля. И получилось даже очень здорово: широкая, примерно метров пять, дорожка опоясала стадион, по её бокам — высокие, выше человеческого роста, валы белого пушистого снега...

На другой день вся наша молодежь пришла на стадион — покататься на коньках любили многие. Часов в девять вечера я со своими ребятами сидел в раздевалке. Вдруг открылась дверь, и с клубами морозного воздуха, с шутками и в приподнятом настроении в раздевалку вошли две габаритные фигуры с беговыми коньками в руках. Это были Дмитрий Ефимович Васильев и Кирилл Иванович Щёлкин...

Уходили они с катка очень довольные. А мы были довольны еще больше... Дмитрия Ефимовича все очень любили... Именно любили, как могут любить сына своего умного, сильного, доброго и очень справедливого отца...

Н. С. Матвеев

Очень хорошо помню Дмитрия Ефимовича — требовательного руководителя, внимательного и отзывчивого человека...

Однажды теплым летним днем я возвращался из Свердловска на своей машине. Проехал аэродром, выбрался на бетонку и покатил в сторону 21-й площадки. Вижу, впереди в попутном направлении идет высокий мужчина. Догнал, остановился и узнал Дмитрия Ефимовича. Пригласил доехать вместе. А он поблагодарил и отказался, объяснив, что сейчас должна вернуться его машина. Он отправил её в сторону города, чтобы подвезти женщину с двумя маленькими детьми. Дмитрий Ефимович ехал домой, на 21-ю площадку, а женщина шла с малышами ему навстречу...

Васильев был частым гостем в цехах завода. Кроме производственных вопросов он интересовался жизнью людей, их думами, нуждами и заботами. Надо отдать должное личному обаянию Дмитрия Ефимовича, тому такту, который он проявлял в разговорах с людьми. И они тянулись к нему... Вокруг него всегда царил дух благожелательной непринужденности. Он никогда не отгораживался

Васильев Дмитрий Ефимович

от людей стеной официальности, ни словом, ни видом не подчеркивал разницы в служебном положении между собой и теми, с кем приходилось общаться. Не допускал он и панибратства и заигрывания с рабочими... Он разговаривал с ними как равный с равными... И люди платили ему искренним уважением и любовью.

Б. В. Постников

«Хозяйка Медной горы» по мотивам сказов Бажова... Эту изящную фарфоровую статуэтку я получила из рук Дмитрия Ефимовича Васильева на торжественном собрании, посвященном Международному женскому дню, в тот памятный вечер 7 марта 1961 года, который стал последним в его жизни. Поздравляли женщин с праздником, а некоторым вручали подарки за успехи в труде и активную общественную работу. Это была первая награда в моей трудовой жизни. И я храню её как драгоценную реликвию, напоминающую мне об Урале, о людях, с которыми там работала, о Дмитрии Ефимовиче Васильеве — человеке большого сердца и ума.

Бывают руководители, которые держат дистанцию с подчиненными, и это вызывает какую-то отчужденность или безразличие. А от Дмитрия Ефимовича веяло строгой доброжелательностью, и было в его облике что-то величественное и в то же время отеческое, хозяйское. Верилось, что в трудную минуту спасет, поможет, поймет. Так уж случилось, что в первые месяцы работы в институте в середине 1957 года мне пришлось обратиться к нему с неожиданно возникшими серьезными житейскими проблемами, от решения которых зависело не только продолжать ли мне работать там, но и моя семейная жизнь. И как это важно, когда молодому специалисту, еще ничем себя не проявившему в деле, доступен столь высокий руководитель, несмотря на его бесконечную занятость важными проблемами. Внимание к людям — это ли не самое драгоценное качество, присущее человеку, которому доверено возглавлять огромный коллектив для выполнения большой государственной задачи.

Теперь за давностью лет не хочется вспоминать о неких бюрократических препонах той поры, с которыми я столкнулась тогда. Благодарная память навсегда сохранила светлый образ Дмитрия Ефимовича Васильева, сыгравшего судьбоносную роль в моей жизни.

122 В дальнейшем мне не раз приходилось встречаться с Дмитрием Ефимовичем в разных ситуациях. Во-первых, потому что мы, как и он, жили на 21-й площадке, которая сама по себе объединяла всех, кто там проживал: и старожилов, и молодежь, приехавшую на работу, и ученых, и руководителей. Кстати, Дмитрий Ефимович жил на берегу озера в скромном деревянном коттедже. Сравнивая этот дом с нынешними чиновничьими коттеджами-дворцами, невольно думаешь о том, как справедливы были слова патриотической песни тех времен: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Разве можно забыть тот огромный энтузиазм

и приоритет дела перед личными благами и комфортом у людей тех лет?! А у нас на Урале такой настрой был смыслом жизни всех, кто был у истоков нынешнего РФЯЦ — ВНИИТФ: и генералов, и рядовых, и начальников, и подчиненных. И Дмитрий Ефимович был во главе этой уральской научной ядерной эпопеи.

Вспоминаю, как, будучи еще членом парткома института, а позднее членом бюро горкома, невольно наблюдала на заседаниях за Дмитрием Ефимовичем.

Проблем всегда было много. Предприятие, как теперь принято говорить, было градообразующим, а всё еще только начиналось. И поэтому вопросы, связанные со строительством зданий, дорог, объектов инфраструктуры, организацией системы образования, здравоохранения, социально-культурной сферы и многие другие, обсуждались, если мне не изменяет память, иногда даже на совместных заседаниях парткома института и горкома КПСС. Первым секретарем ГК был тогда Николай Владимирович Салтыков, секретарем парткома — Григорий Андреевич Карлыханов.

И вот сидит этакий лев (его колоритная фигура в моем молодом воображении вызывала такие ассоциации), как будто дремлет, прикрыв тяжелые веки... Думаешь: «Неужели спит?» Какое кощунственное заблуждение!.. Обсуждения нередко принимали бурный характер, не всегда приходили к согласию, слишком непростые задачи ставила жизнь... И вдруг наступала тишина. Медленно из-за стола поднимался Дмитрий Ефимович — этакая глыба, человек с непререкаемым авторитетом и бесконечно уважаемый всеми, и, опираясь на свою компетентность и ответственность, начинал разматывать клубок, раскладывая по полочкам задачи и направления: кому куда идти и кто за что должен отвечать. Его речь была всегда конкретной, образной, интересной. Такое невозможно забыть! Для меня эти заседания были школой деловых взаимоотношений, школой творческого подхода к любому делу, школой жизни в коллективе.

А чего стоят, например, такие эпизоды, о которых мне рассказывали очевидцы. На железнодорожной станции, что недалеко от въезда в город, жила семья (или семьи?) с малолетними детьми, которые играя иногда выбегали на автодорогу. И если в это время проезжал Дмитрий Ефимович, он непременно останавливался, чтобы угостить детей сладостями, которые на всякий случай всегда держал в машине...

В его ЗИЛе и мне иногда доводилось возвращаться домой на 21-ю площадку. Это случалось после заседаний бюро горкома партии, которые обычно заканчивались поздно вечером. Не помню, чтобы мы о чём-то с ним беседовали в дороге, наверное, уставшие после длинного трудового дня, в основном молча дремали. Но сам факт такой возможности быстрого и комфортного возвращения домой, особенно зимой, конечно, вызывал чувство признательности за внимание...

У меня перед глазами небольшой буклет о скульптурном портрете Дмитрия Ефимовича Васильева. Теперь этот памятник уже установлен на пересечении улицы Васильева и бульвара Циолковского. Я подтверждаю девиз, провозглашенный в буклете: «Люди — главная забота его жизни!» И пусть этот действительно

Васильев Дмитрий Ефимович

легендарный человек, первый директор института, градостроитель, навсегда останется в благодарной памяти снежинцев.

А «Хозяйка Медной горы» навсегда поселилась в моем доме, напоминая о тех далеких, добрых, интересных временах.

Л. Г. Биктимирова

В начале апреля 1960 года пятнадцать выпускников Бежецкого машиностроительного техникума держали путь из Москвы на восток.

В Свердловске группу встретили довольно приветливо, но отправили дальше: в загадочное «хозяйство Васильева».

Жили мы в живописном поселке Сокол. Это недалеко от города Касли, куда мы и отправлялись на танцы. А все спортивные состязания проходили на местном стадионе.

И хотя Дмитрий Ефимович Васильев жил тоже в нашем поселке, видеть его воочию нам поначалу удавалось только на трибуне этого стадиона. Человек с внушительной фигурой был виден с любого конца футбольного поля. А болельщиком он был заядлым...

Нечасто можно встретить людей высокого положения с такой душевной щедростью, которой обладал Дмитрий Ефимович. Целые легенды ходили об этом человеке, и каждая из них носила в себе немалую долю правды.

Однажды один из приезжих, семейный человек, очень долго оформлялся в отделе кадров и к моменту ввоза семьи оказался без денежных средств. Ему посоветовали пойти на прием к директору. Васильев без особых рассуждений достал деньги и предложил посетителю: «Возьмите на первый случай, а завтра получите аванс».

Нас порой поражала простота, не соответствующая его рангу. Были случаи, когда, догоняя пешеходов, он останавливал машину, чтобы подвезти их.

Используя его человеческие качества в своих «корыстных» целях, мы ухитрялись испрашивать разрешение и выходными днями путешествовали по озерам на его лодке.

Предприятие развивалось. Город рос. Мы перебрались в более благоустроенное общежитие. Под лозунгом ударных комсомольскихстроек возникли клуб «Темп» (ныне «Ритм»), стадион «Комсомолец», появились многообещающие перспективные планы... Повсюду чувствовалась ЕГО энергия, ЕГО взгляд в будущее.

124 И, конечно же, каждый житель города, который хотя бы раз сталкивался с делами этого человека, был потрясен известием о его смерти. Это случилось 8 марта 1961 года. Гроб с телом самого уважаемого человека был установлен в кинотеатре «Космос», и к нему непрерывным потоком всё шли и шли люди.

В скорбном молчании под звуки траурного марша молодой город провожал своего директора в последний путь. У поворота на кладбище тело Д. Е. Васильева

было уложено в цинковый гроб и отправлено в Москву. Таково было желание его родственников...

Память... Только она способна отдать должное светлomu прошлому. Только она хранит верность и утверждает навечно дань большому человеку от благодарных потомков.

Г. А. Шлейтанов

С Дмитрием Ефимовичем мне довелось впервые встретиться в июне 1955 года в управлении кадров нашего министерства, где мне были устроены «смотрины». Решался вопрос о моем назначении на работу в институт.

Я пришел за 10–15 минут до назначенного времени встречи, а Дмитрий Ефимович — в точно назначенное время. После трех-четырёх вопросов, заданных Дмитрием Ефимовичем, он дал «добро» на мое назначение.

Дмитрий Ефимович сразу произвел на меня очень хорошее впечатление — точен, опрятен, симпатичен. Фигура могучая, черты лица крупные, улыбка приятная. Позже, работая в институте и встречаясь с ним ежедневно, я понял, что он очень трудолюбив, деловит, своему делу не просто служит, а безгранично предан. Строг и очень справедлив, интересный собеседник и рассказчик.

Круг интересов Дмитрия Ефимовича был очень широк. Он обладал глубокими знаниями в технике, строительном деле, архитектуре, музыке и литературе. Он знал и любил природу, многое делал, чтобы сохранить лес, озера, диких птиц и животных.

Когда приступили к массовому строительству жилья, Дмитрий Ефимович распорядился об охране лесного массива вдоль озера, на берегу которого вырос наш город. И даже потребовал сохранять деревья внутри кварталов. Он говорил начальнику строительства Н. М. Иванову, что за каждое загубленное дерево будет очень строгий спрос. Иванов отдал распоряжение, и лес был огорожен легкой изгородью, а доступ туда строителям запрещен. В наши дни сохраненный лесной массив стал городским парком.

Вспоминается много добрых больших и малых дел Дмитрия Ефимовича...

У дороги Касли — Тюбук Дмитрий Ефимович обнаружил родник вкусной чистой питьевой воды. Вернувшись к себе, он вызвал ответственного работника административно-хозяйственного отдела и приказал установить у родника скамейку, а на подставку поставить кружку, чтобы люди могли посидеть, отдохнуть и попить водички.

На вопрос хозяйственника: «А если кружку уведут?» — Дмитрий Ефимович ответил: «Отвезешь вторую, а если потребуется, и третью».

Зима 1955–1956 гг. была очень снежной и морозной. Дорога Челябинск — Свердловск после её очистки от снега была по существу траншеей, обрамленной снежными валами высотой более метра. Машине, человеку и зверю, попавшим на эту дорогу-траншею, выбраться из нее можно было только в местах пересечения

автотрассы с дорогами-ответвлениями, ведущими в другие населенные пункты. Дмитрий Ефимович любил управлять автомобилем и частенько при дальних поездках садился за руль служебной машины, а водитель — рядом в качестве пассажира.

Однажды, возвращаясь из Челябинского обкома партии в довольно позднее время, Дмитрий Ефимович сел за руль и с включенными фарами, как всегда на хорошей скорости, повел машину. И вдруг в свет фар попал бегущий заяц. Дмитрий Ефимович немедленно сбросил скорость, чтобы не настигнуть и не задавить его. Довольно долго мы ехали за зайцем в надежде, что тот сумеет вырваться и уйдет от нашего вынужденного преследования. Но время шло, спидометр отсчитывал километры, заяц бежал впереди, а Дмитрий Ефимович спокойно вел машину. И только тогда, когда заяц прыгнул куда-то в сторону, машина увеличила скорость.

Однажды Дмитрий Ефимович позвонил мне и попросил найти начальника проектного отдела А. Е. Россинского и вместе с ним зайти к нему.

Когда мы пришли в кабинет, Дмитрий Ефимович, не теряя времени, сказал, что в журнале «Техника — молодежи» есть рисунок и описание 25-метрового плавательного бассейна, и нужно решить вопрос, как построить в нашем городе такой бассейн при отсутствии проектной документации, финансирования и, главное, в условиях действующего запрета на строительство подобных объектов. И тут же предложил свой план действий.

По этому плану предусматривалось создание оргкомитета по строительству бассейна на общественных началах. Председателем комитета решено было избрать научного руководителя предприятия Кирилла Ивановича Щёлкина, а меня и Россинского — членами комитета. Россинскому было поручено по рисунку и описанию выпустить рабочие чертежи, а мне — поднять комсомольцев на земляные работы в неурочное время. Щёлкин должен был сыграть решающую роль в преодолении запрета строить бассейн: в те годы действовало постановление правительства, запрещающее строительство административных зданий, спортивных и зрелищных сооружений.

Деньги отпускались только на строительство жилья, школ, детских и медицинских учреждений, производственных помещений. Запрет этот — отголосок не так давно закончившейся Великой Отечественной войны.

Было выбрано место, сделана привязка к местности и геодезическая разбивка здания плавательного бассейна. Началась дружная работа по рытью котлована. Но земляные работы, производившиеся вручную, довольно скоро были приостановлены, так как под небольшим слоем земли оказалась скальная порода, взять которую можно было только техникой. Наши радужные планы становились нереальными. Положение спас Кирилл Иванович Щёлкин. Отправившись в Москву по своим основным делам и будучи известным правительству, он добился не только разрешения на строительство бассейна, но и включил его в титул с дополнительным целевым финансированием.

Дмитрий Ефимович, проявив инициативу по строительству бассейна, хорошо знал, кому поручить столь сложное дело.

Так появился в нашем городе плавательный бассейн «Урал», первый в городах нашей системы и один из первых на Урале.

П. Я. Усиков

Дела, которые оставил Дмитрий Ефимович, как свет далекой звезды. Звезда уже погасла, а свет от нее мы получаем до сих пор. В общении с такими большими людьми человек становится духовно богаче. И если бы на нашем пути побольше встречалось таких крупных руководителей, то наша с вами жизнь была бы интереснее и содержательнее...

А. Л. Коптелов

Дмитрий Ефимович не был кабинетным директором. Его можно было видеть на всех участках огромного строящегося и работающего объекта. Он находил время побеседовать и с рабочим, и с инженером, и с начальником сектора. Всегда был готов дать дельный совет...

Он был нетерпим к ленивым и неисполнительным работникам, но искренне верил в то, что каждый мог быть хорошим. И его наказания за оплошности были скорее доброжелательными...

Дмитрий Ефимович был уважаем и любим всеми жителями города и всеми сотрудниками института. Подвести его в чем-то было величайшим грехом для каждого.

Он был очень талантливым оратором. На собраниях, митингах, в беседах его слушали с величайшим вниманием и восхищением. До каждого доходили его мысли и слова, подкрепленные мудрыми народными изречениями. Особенно часто он использовал китайские, так как был большим знатоком китайского фольклора...

Дмитрий Ефимович очень любил природу и эту любовь прививал всем. Мечтал сделать наш город цветущим садом. Он первым выходил с лопатой в руках на посадку деревьев и кустарников на наших улицах и бульварах. За ним тянулись все — и стар и мал. И сейчас, спустя много лет, мы с полным правом можем гордиться нашим красивым, зеленым, ухоженным городом...

Прекрасная производственная база, высококвалифицированный научный, конструкторский, производственный коллектив, гвардия крупных и опытных руководителей института — всё это воплощенные мечты и результаты неутомимой деятельности первого директора Дмитрия Ефимовича Васильева.

В. И. Жучихин

Дмитрий Ефимович Васильев — незаурядный человек с уральской душой. И я бы назвала его отцом нашего города. Он любил наш город, мечтал о его

будущем. И много сделал для того, чтобы город стал таким, каким мы видим его сегодня.

Во второй половине пятидесятых годов, когда город только начинался, Дмитрий Ефимович уже мечтал о плавательном бассейне, музыкальной школе, Дворце культуры. В те годы это казалось странным, так как мы частенько сидели без электричества, без тепла — жались к плитам на кухне, которые топились дровами. За водой бегали к озеру с чайниками и бидончиками. За катушкой ниток приходилось ходить в магазин жилпоселка № 2 — автобусного движения еще не было. И вот в этих условиях Дмитрий Ефимович мечтал о комфорте, хороших условиях быта. Всё это казалось нереальным. Но его мечты не были маниловскими. Дмитрий Ефимович умел быстро воплощать свои замыслы в реальность. И сегодня мы видим, что город стал современным, уютным и красивым. О таком городе мечтал наш первый директор института Дмитрий Ефимович Васильев.

Он был неординарным человеком: человеком большой души, богато одаренным, с разными интересами, эрудитом в широком круге вопросов.

Как руководитель предприятия Дмитрий Ефимович был доброжелателен и внимателен к людям, в том числе и к самым незаметным труженикам. Помню эпизод тех времен, когда администрация имела право отказывать работнику в его просьбе об увольнении. Дмитрий Ефимович лично рассматривал такие заявления в присутствии заявителя и начальника соответствующего подразделения.

Рассматривалось заявление одного паренька из нашего отдела, недавно принятого на работу, выпускника ПТУ. Он просил уволить с предприятия, так как ему трудно и тоскливо без матери в нашем городе. Я отказала ему, считая такие мотивы несерьезными.

Войдя в кабинет директора, пареньек остановился и, переминаясь с ноги на ногу, начал бессвязно лепетать о том, что он скучает без мамы и хочет жить вместе с ней в своем родном Нижнем Тагиле. А потом из его глаз потекли слезы... Задумавшись на несколько секунд и еще раз взглянув на паренька, Дмитрий Ефимович коротко и твердо сказал: «Отпустим».

Этот случай стал для меня большим жизненным уроком. Я поняла, что законы законами, но если ты можешь сделать для кого-то добро, то его нужно делать. Я была удивлена и обрадована таким участием большого руководителя к заботам и чувствам еще «зеленого» юнца.

Хочется рассказать и еще об одной черте Дмитрия Ефимовича. В своей деятельности он был истинным энтузиастом и умел заражать собственной увлеченностью окружающих. Загораясь какой-нибудь идеей, он доносил её до собеседника с поразительным красноречием. Слушать его всегда было большим удовольствием. Выступал он без каких-либо шпаргалок. Это был оратор милостью божьей.

Помню, мне три вечера подряд пришлось участвовать в совещаниях городского масштаба по вопросам совершенно разного характера. Одно из них было посвящено воспитанию молодежи, второе — освоению новой техники, а третье —

итогах очередного пленума ЦК КПСС. Я с интересом наблюдала за Дмитрием Ефимовичем: он оживленно перешептывался с соседями в президиуме совещания. Потом в какой-то момент брал слово для выступления. Все три его выступления, посвященные таким разным вопросам, были блестящими как по форме, так и по содержанию. Каждое выступление давало полный анализ вопроса и пути его решения.

У меня каждый раз после выступления Дмитрия Ефимовича появлялась решимость сделать всё возможное и невозможное, но любой ценой выполнить поставленную задачу. Уметь так зажигать слушателей — редкий дар. Этим даром Дмитрий Ефимович был наделен в полной мере.

Е. А. Феоктистова

Для Васильева была характерна острая реакция на всё новое, стремление поддержать его. Это проявлялось во всем, мы постоянно чувствовали это. Совершенно неожиданно для себя, я обнаружил его горячую заинтересованность в установке электронно-вычислительных машин, глубокое понимание их роли...

Характерна была для Васильева и непрерывная мысль о деле. Его можно было тревожить по поводу работы в любое время, в любой обстановке. Он и не думал, что это может быть иначе... Мог сам позвонить в два часа ночи и сказать, что сейчас он читает журнал «Техника — молодежи». И что в этом номере журнала есть интересная идея, которую желательно использовать и в нашем институте... Это не было бесцеремонностью. Такие поступки диктовались поглощающей увлеченностью делом.

Дмитрий Ефимович очень верил в людей, в возможности института. Он искренне считал, что наши специалисты могут решить любую сложную задачу...

Мог он высказаться и весьма жестко. Как-то на конференции (когда у нас не было вычислительных машин и нам нечего было пускать) сказал: «Сейчас Бунатян лежит бревном на пути развития института...» Мы долго помнили эту обидную фразу директора. Но сказанное им было правдой... А потом был пуск машины, и Дмитрий Ефимович радовался больше всех...

И еще об одном качестве Д. Е. Васильева. Когда было нужно взять ответственность на себя, он её брал для пользы дела, иногда и с превышением законов... Его заветом было: «Если ты старше по должности, то бери ответственность на себя, а не дели ее с подчиненными».

Дмитрий Ефимович был удивительно заботливым и внимательным к людям... Я безмерно удивился, когда однажды мне принесли очень интересовавшую меня книгу. Оказалось, что Дмитрий Ефимович, будучи в командировке, купил эту книгу для меня... Он был яркой неповторимой индивидуальностью...

А. А. Бунатян

Васильев Дмитрий Ефимович

Мои самые лучшие воспоминания связаны с именем Дмитрия Ефимовича Васильева. Кирилл Иванович Щёлкин был очень занят научными вопросами и часто бывал в разъездах... А Дмитрий Ефимович, как только бывал на 9-й площадке, обязательно встречался с нами. Он очень любил 3-й сектор. Хотя, может быть, это только нам казалось... Ведь любой другой руководитель в институте мог бы утверждать то же самое...

Сердце Дмитрия Ефимовича было щедрым... В самых тяжелых условиях на его лице светилась доброжелательная улыбка... Он был очень умным человеком с особенностью чисто русского свойства: зажечь людей энтузиазмом и неподдельной радостью. И делал это очень естественно, не фальшивил...

Н. Н. Яненко

Дмитрий Ефимович проработал с нами недолго, всего 6 лет. Но сделал очень много, и это определило на долгие годы вперед судьбу института и города... Многие его уже не помнят, так как просто не знали его. А помнить о нем необходимо. Этот человек стоит того, чтобы о нем помнили...

До создания нашего института мы не были с ним знакомы. Но позднее много общались по делам, в домашней обстановке, в общем увлечении охотой, в совместных поездках.

Он был высок, нетороплив, уже немолод, с запоминающимся добрым лицом...

В 1955 году Васильев был назначен директором нашего института, построить который еще только предстояло. Новое дело было трудным, но оно ему пришлось по душе, хотя он сам удивлялся тому, что оно поручено ему, а не кому-нибудь помоложе. Но для создания института нужен был человек с большим и разносторонним опытом. А этот опыт у Дмитрия Ефимовича был: крупная руководящая должность на танковом заводе во время войны, директорство на одном из строившихся после войны заводов нашей отрасли. Создание новых предприятий стало для него как бы его специальностью...

В коллективе института Дмитрия Ефимовича выделял не столько возраст, сколько опыт. Если каждый из нас ясно видел только часть дела, то он должен был видеть всё: проблемы строительства, задачи и трудности заводов, отсутствие торговых складов, развитие подшефного совхоза и многое другое...

Его умение перешагнуть формальности и взять ответственность на себя отлично служили на пользу дела. Имея опыт работы на серийном заводе, он высоко ценил отлаженность и ритмичность производства. Но в нашем институте это пока не получалось, так как частые изменения в разработках, нужные науке, были неудобными и трудными для производства. Эта ситуация обсуждалась на каждом совещании или активе. В этом новом для него деле он быстро и точно определил свою позицию: в опытном производстве изменения неизбежны, но они должны быть мотивированы и вноситься ответственно. По-моему, на эту тему ничего лучшего не сказано до сих пор...

Д. Е. Васильев глубоко вникал в производство. Он стремился чаще бывать на рабочих местах, на стройке, в цехах, избегал длительных командировок...

Дмитрий Ефимович был замечательным собеседником и всегда рассказывал что-нибудь интересное. Например, он рассказал о том, как к нему, директору строящегося в послевоенные годы завода, обратились два старателя с просьбой выделить им экскаватор. Техника понадобилась для осушения болотца и поиска металла. Сделка предполагалась законной. Но Дмитрий Ефимович узнал, что это месторождение уже известно, и там ведутся плановые разработки по добыче платины. А старатели просто мошенничали, стараясь опередить промышленную разработку. И, конечно, сделка не состоялась...

Рассказывал Дмитрий Ефимович и о старом Урале, о котором много читал. Он вообще много читал... О крепостных порядках на Кыштымском заводе, где обычным наказанием за упущения была смерть... И об обнаруженных человеческих скелетах в Кыштымском пруду... О судебном деле, которое было начато по этому поводу да так и закончилось ничем... Про пруд у Вишневых гор, в плотину которого был зарыт крепостной Пимен...

Дмитрий Ефимович всегда был доброжелательным и доступным. Людей, приходивших к нему с претензиями, он часто обезоруживал тем, что признавал их правоту...

Он не был научным работником, но за недолгие годы сделал для института очень многое, определившее всю дальнейшую жизнь научного учреждения... Он запомнился людям как личность, совместившая в себе черты крупного руководителя с простой человеческой душевностью.

Е. И. Забабахин

Я не припомню ни одного человека, который пользовался бы такой всеобщей любовью и признательностью у людей самого разного возраста, самых разных специальностей, начиная от научных руководителей и инженеров, кончая учащимися и домохозяйками.

В чем была столь притягательная сила Дмитрия Ефимовича? Прежде всего, в его необычайно высокой образованности, широте взглядов, государственном подходе к решению всех вопросов — больших и малых... и в постоянной тяге к самообразованию, к учебе.

Дело, которое мы здесь начинали, было новым. И Дмитрий Ефимович не стеснялся учиться у нас, молодых, в те годы... Интересовался практически всем, чем мы, физики, занимались. Он учился для того, чтобы потом нам же помогать, нас же учить.

Мне очень жаль, что сегодня нет с нами Дмитрия Ефимовича. Он бы радовался тому, что институт, которому он отдал все свои силы и жизнь, удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина...

Л. П. Феоктистов

Васильев Дмитрий Ефимович

«Друзья! Вы взяли на себя сложнейшее, но в то же время в высшей степени благородное обязательство — вступить в борьбу за звание города коммунистического труда и быта... Мы, Васильева А. А., Васильева Д. Д. и Васильева А. Г., вносим в общественный фонд коммунистического строительства вашего города:

1. Новую машину «Волга» с двумя запасными колесами¹.
2. Лодку деревянную с мотором.
3. Большой резной дубовый буфет.
4. Рижский письменный стол.
5. Рижский шкаф.
6. Рыболовные и охотничьи принадлежности и к ним новое пневматическое ружье иностранной марки.
7. Библиотеку охотника и рыбака.
8. Техническую литературу (основная библиотека передана на родину Д. Е. Васильева в г. Суксун Молотовской области).

Всё перечисленное не только может быть полностью использовано на благо вашего города, но и должно способствовать воспитанию в человеке чувства бережливости и ответственности за общественное имущество...»

*Ю. М. Плахов
(из письма А. А. Васильевой (жены), 25 сентября 1961 г.)*

¹ Автомашина распоряжением заместителя председателя исполкома горсовета от 23 октября 1961 года передана на баланс п/я 150 для скорой помощи в медсанчасти 21-й площадки.

Верниковский Владислав Антонович

23.11.1928–23.02.2001

Инженер-механик, участник создания ядерного оружия; автор нескольких изобретений; лауреат Государственной премии СССР (1974). Член Снежинского ГК КПСС и его бюро (1963–1988), депутат и член исполкома городского Совета народных депутатов (1977–1982), член президиума объединенного завкома профсоюзов (1977–1980). Почетный гражданин г. Снежинска (1982).

- 1946 – слушатель Новосибирского института военных инженеров транспорта.
- 1947 – студент Сибирского лесотехнического института, г. Красноярск.
- 1948 – студент Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова.
- 1952 – инженер-конструктор, инженер-исследователь, начальник лаборатории Свердловского турбомоторного завода им. К. Е. Ворошилова.
- 1956 – старший инженер, руководитель группы в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 – начальник отдела, там же.
- 1961 – секретарь парткома КБ (выборная должность в распоряжении ГК КПСС), там же.
- 1963 – начальник сектора ВНИИП, там же.
- 1969 – заместитель главного конструктора по внешним испытаниям, там же.
- 1971 – главный инженер – первый заместитель директора ВНИИП, там же.
- 1981 – главный конструктор ВНИИП, там же.
- 1992 – инженер 1-й категории, там же.

Верниковский Владислав Антонович

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1966), Ленина (1974), Октябрьской Революции (1981); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), им. академика В. Н. Челомея (1989), «300 лет Российскому флоту» (1996), медалью (1995) и почетной премией (1999) им. академика В. П. Макеева за большой вклад в создание стратегических ядерных сил морского базирования; знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1998). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Владислав Антонович Верниковский родился в семье военнослужащего, в сибирском городе Красноярске, где и прошло его детство. Жизнь военных, как известно, не отличается оседлостью. Вот и Верниковским довелось покочевать по стране. После окончания школы в 1946 году Владислав поступил в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Через год ему пришлось перевестись в Сибирский лесотехнический институт Красноярска. Затем семья переехала в г. Горький, где учеба студента продолжилась в политехническом институте им. А. А. Жданова. В 1951 году дипломированный специалист был направлен на работу в СКБ Свердловского турбомоторного завода. Начав трудиться инженером-конструктором, пройдя ступень инженера-исследователя, он стал начальником лаборатории. Этот отрезок трудовой биографии уложился в пять лет.

В апреле 1956 года по решению обкома КПСС Владислав Антонович был переведен на работу в НИИ-1011. В то время большинство основных подразделений созданного в 1955 году НИИ-1011 располагались в Арзамасе-16.

В 1958 году в составе сотрудников сектора 6 он прибыл на Урал, где уже строился город и формировался новый НИИ. Здесь Владислав Антонович работал сначала начальником группы по тепловым испытаниям, а с 1962 года — начальником отдела. Некоторое время был секретарем парткома КБ-1. В 1963 году был назначен начальником сектора 12, с последующим (1964) совмещением обязанностей заместителя главного конструктора по внешним испытаниям.

Вспоминает начальник отдела НИО-12 Н. Н. Капустин: «Начало работы Владислава Антоновича в секторе 12 совпало со сложным периодом формирования сектора как отделения внешних испытаний, когда осуществлялся переход на проведение подземных ядерных испытаний. Необходимо отметить, что проведение ядерных испытаний в подземных условиях потребовало разработки совершенно новой, значительно более сложной технологии, в отличие от воздушных испытаний. Требовалось также создание специализированных структур для разработки этой технологии и её аппаратного обеспечения: автоматики подрыва заряда, приборов для контроля работы автоматики подрыва заряда и измерений физических параметров заряда.

Сложность работы Владислава Антоновича как руководителя заключалась, во-первых, в том, что наряду с подбором специалистов их необходимо было переучивать для выполнения сугубо специфических задач. Во-вторых, период становления сектора как испытательной единицы (к 1965 году в секторе уже было шесть отделов) совпал с интенсивным проведением подземных испытаний, так что учиться специалистам сектора пришлось, в основном, в «боевой» обстановке. Поэтому Верниковский постарался создать костяк отделов из специалистов, уже имеющих опыт в проведении воздушных испытаний, и опытных работников с квалификацией взрывников, а также из разработчиков электронной аппаратуры с хорошими практическими навыками.

Непосредственное руководство сектором Верниковскому приходилось сочетать с частыми выездами на ядерные испытания в качестве их руководителя. На председателя государственной комиссии совместным приказом министров обороны и среднего машиностроения возлагалась персональная ответственность за подготовку и проведение подземных ядерных испытаний на Семипалатинском или Новоземельском полигонах.

Надо сказать, что Владиславу Антоновичу и самому пришлось осваивать специальность испытателя. Дело в том, что испытатель, как и минер, не должен допустить ошибки, ведь она может стать, как говорится, последней. Малейшая оплошность, особенно специалистов по подготовке заряда к его подрыву, могла оказаться причиной аварии и свести на нет труд многотысячного коллектива института. Очень высокие требования предъявлялись к безусловному выполнению правил техники безопасности при работе с ядерными зарядами.

Кроме обучения сотрудников сектора, Верниковскому пришлось также помогать осваивать специфику подземных ядерных испытаний командирам воинских частей и сотрудникам испытательных полигонов. Исключительная доброжелательность, контактность, техническая грамотность и эрудиция помогали ему в этом. За всё время его руководства подземными ядерными испытаниями не возникло ни одного конфликта как внутри экспедиций нашего института, так и между экспедициями организаций-соисполнителей сотрудничающих министерств.

Высокую ответственность Владислава Антоновича доказывает присущий ему принцип: во время особо опасных операций лично присутствовать непосредственно на месте их проведения и осуществлять контроль за ходом операции.

Во время экспедиций на полигоны, как правило, он как руководитель испытаний проводил у себя в номере гостиницы совещания руководителей отдельных групп и служб. После решения производственных вопросов сотрудники долго не выходили из его комнаты: обсуждали международные события, просто разговаривали, шутили. Это помогало, хоть ненадолго, отвлечься от тяжести возложенной на каждого ответственности.

В октябре 1969 года при неблагоприятной радиационной обстановке после проведения опыта на Новоземельском полигоне группа участников экспедиции подверглась значительному облучению. Владислав Антонович оказался в их

числе. В течение месяца он находился в 6-й клинике г. Москвы. Вполне возможно, что резкое ухудшение здоровья в последние годы его жизни и было следствием этого облучения».

После перевода В. А. Верниковского на должность главного инженера института его большой опыт руководства сложными ядерными испытаниями был востребован при проведении мирных ядерных взрывов. Так, в 1971 году он в качестве председателя Государственной комиссии возглавил проведение опыта «Сапфир» в Оренбургской области по созданию подземной полости в соляном массиве для хранения газоконденсата, а в 1972 году — проведение опыта «Днепр» в Мурманской области по отработке технологии дробления руды».

О следующем периоде в трудовой деятельности Владислава Антоновича рассказывает помощник главного конструктора В. И. Степанов:

«В октябре 1981 года приказом министра среднего машиностроения Владислав Антонович был назначен главным конструктором ВНИИП по разработке ядерных боеприпасов. В этот момент в разработке находилось наибольшее за все годы количество ЯБП, многие из них были в завершающей стадии испытаний. Работы проводились очень интенсивно и в период с 1981 по 1989 г. были завершены по пятнадцати темам. Деятельность конструкторского бюро с численностью сотрудников около двух тысяч, множество направлений конструкторской, исследовательской, испытательной и научной работы были для него новыми, несмотря на большой производственный и руководящий опыт. От вновь назначенного главного конструктора потребовалось немало усилий и настойчивости, чтобы освоить тематику, изучить людей, наладить личные контакты со смежными организациями и войсковыми частями».

Продолжает начальник отдела перспективных разработок КБ-2, ученый секретарь НТС-2 института Л. М. Захаренко:

«В этот период акценты всё в большей мере смещались в сторону обеспечения качественных показателей разработок. Особое значение приобрели работы по повышению безопасности ядерных боеприпасов, которые начали разворачиваться в отрасли задолго до аварии на Чернобыльской АЭС. И здесь новый для КБ человек, не обремененный грузом прошлых решений, оказался как нельзя кстати для непредвзятого анализа проблем и критической переоценки, ранее принимавшихся схемно-конструкторских и организационных мер. Вопрос этот особенно обострился после испытаний двух авиабомб на воздействие пожара, в одной из которых обнаружился недостаточный запас надежности сохранения исходного состояния системы предохранения, исключающей взведение автоматики ЯБП в аварийных ситуациях. Учитывая, что вопрос находился на контроле в главке и на его решение был отведен всего один год, Владислав Антонович предпринял необычный шаг: мобилизовал для генерации предложений не только схемников и прибористов отделения 8, которым по штату положено заниматься такого рода проблемами, но и всех, кто потенциально мог оказаться полезным. В результате умело организованной работы появилось множество идей, достаточное для выбора лучшей из

числа технически реализуемых в заданные сроки. Однако вместо одного варианта, предложенного 8-м отделением, очевидного для всех, кроме нового главного, Верниковский запустил в работу еще один, предложенный отделом перспективных исследований, входившим в состав расчетно-теоретического отделения 14, не имевшим опыта приборных разработок. И что же получилось? — Прав оказался главный конструктор. Когда устройство самообезвреживания автоматики по первому варианту стало «валиться» на испытаниях (и это продолжалось, несмотря на все принимавшиеся меры), второй вариант остался единственно приемлемым. Это техническое решение и его последующие модификации позволили повысить ядерную взрывобезопасность около тридцати разнотипных боеприпасов, в том числе разработки ВНИИЭФ и ВНИИА.

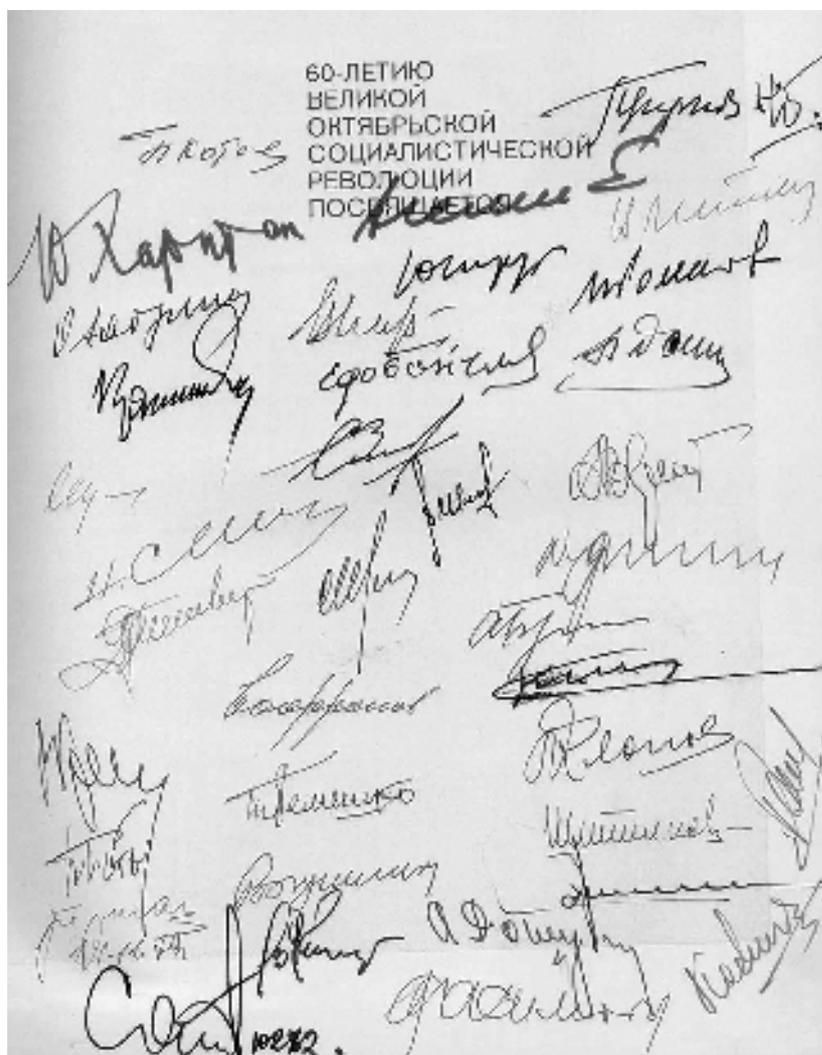
Второй пример принятия ответственного решения вопреки мнению большинства (в том числе одного из своих наиболее авторитетных замов) — согласие на применение так называемого манчестерского кода в цепях информационного взаимодействия системы автоматики (СА) с системами управления (СУ) вновь разрабатываемых боеголовок морских ракет. Это предложение было выдвинуто КБМ В. П. Макеева и НПОА Н. А. Семихатова. Новый код (намного более помехоустойчивый и информативный, с существенно меньшим количеством проводов между СА и СУ) имел только один недостаток — он был новый, с неизвестной сложностью его реализации на практике (требовалось применение новой элементной базы). Всполашились не только в КБ-2 ВНИИП, но и схемники ВНИИЭФ, справедливо увидевшие опасность «дурного» подражания со стороны других ракетчиков — РВСНовских, с которыми они имели дело. Тем не менее на межведомственном совещании во ВНИИП, состоявшемся в 1985 году, морская кооперация подтвердила свой курс на новый код, несмотря на все предостережения представителей ВНИИЭФ, принимавших участие в бурных дебатах. Важнейшее значение при этом имело взаимопонимание, достигнутое В. А. Верниковским с главными конструкторами Н. З. Трemasовым (НИИИС, г. Горький) и А. А. Бришом (ВНИИА, г. Москва) в части понадобившегося уточнения требований к аппаратуре их разработки — бортовому блоку обмена информацией и наземной контрольно-измерительной аппаратуре соответственно. Все это происходило на стадии аванпроектных работ по ракетному комплексу «Барк». Когда же дело дошло до ОКР с жесткими сроками завершения разработки, которые тогда не принято было нарушать, ситуация обострилась. К ее разрешению подключилась и «тяжелая артиллерия» главка (Г. А. Цырков, Б. В. Любовин, Л. Ф. Клопов) и, конечно же, испытанные бойцы — оппоненты из ВНИИЭФ, закаленные в безуспешной борьбе против двоичного кода, принятого ВНИИП за полтора десятилетия до описываемых событий. В конечном итоге победила позиция нашего института, изначально занятая его главным конструктором В. А. Верниковским.

Немало было и других аналогичных случаев, столь же положительно характеризующих Владислава Антоновича. Постепенно его авторитет и уверенность в себе настолько выросли, что однажды он весьма резко и недвусмысленно

Верниковский Владислав Антонович

заявил: «Решения по такого рода вопросам должны приниматься в моем кабинете и нигде больше! Прошу это запомнить всех присутствующих». Это была реакция на чье-то сообщение, что по обсуждавшемуся вопросу решение уже, мол, было принято в отсутствие главного, когда он был в командировке. Вопрос был несрочный. И почти все присутствовавшие приняли заявление Верниковского с полным пониманием и одобрением.

Потом пошла «перестройка» с её «новым мышлением», забрезжила конверсия, договорные начала в постановке и финансировании работ... Все это для

Автографы видных деятелей ядерно-оружейного комплекса СССР, собранные В. А. Верниковским в 1978–1982 гг.

человека, привыкшего к директивным методам управления и искренне верившего в их созидательную силу (во всяком случае, применительно к оборонным отраслям промышленности), было, по-видимому, не по нутру. Появилось чувство неудовлетворенности, неуверенности и, возможно, усталости. Пришло время смены поколений. И Владислав Антонович, пробыв у руля КБ-2 около восьми лет (два президентских срока!), перешел в отдел управления персоналом, где занимался вопросами по связям с общественностью и работой с ветеранами ВНИИТФ».

В КБ-2 В. А. Верниковского помнят не только по работе, но и как жизнерадостного, обаятельного человека с разносторонними интересами. Он очень любил живопись, редкие книги, поделки уральских мастеров из камня, дерева, стекла, не пропускал постановки приезжих театральных коллективов и концерты художественной самодеятельности, часто вместе с друзьями ездил в свердловские театры, в филармонию. Владислав Антонович был доброжелательным, хлебосольным. Удивляла его эрудиция, с ним было интересно разговаривать на любую тему: касалось ли это непосредственно работы, искусства или вообще жизни. У Ю. И. Вантурсова хранится книга из библиотеки Владислава Антоновича «Атомная наука и техника в СССР», на развороте обложки которой собраны автографы людей, чьи судьбы тесно связаны с созданием ядерного щита нашей страны: Ю. Б. Харитона, Е. П. Славского, Е. А. Бойчука, Г. А. Цыrkова...

Владислав Антонович страстно любил автопутешествия, объездил все доступные уголки Урала. Особенно его восхищали такие замечательные места, как Тальков камень в Свердловской области, пещеры Кунгура, горячие источники неподалеку от Тюмени.

Владислав Антонович высоко ценил дружбу и добрые товарищеские отношения.

Л. М. Захаренко, Т. Ф. Бровкина

Из воспоминаний

Немало времени мне довелось провести, общаясь с Владиславом Антоновичем Верниковским в процессе поездок по стране на автомобилях. Чаще всего наша группа состояла из трех экипажей — моя семья, Ульяновы и Верниковский.

В начале 1970-х годов мы немало поколесили по Уралу, и в этих краткосрочных, три—четыре дня, поездках с Владиславом Антоновичем была и его мама, Федосья Титовна. Потом и целые отпуска стали проводить на машинах.

Мы побывали в Пушкинских местах, в Белоруссии, Украине, Грузии, проехали по Черноморскому побережью до Новороссийска. Во всех — и кратких, и длительных, поездках Владислав был нашим вдохновителем и организатором.

Он никогда не афишировал своей подготовки к путешествию, но потом становилось понятно, что он немало времени затратил, работая с литературой. Маршрут

был распisan по дням с выбором предполагаемых мест для ночевок, отмечались расположенные по трассе памятники старины, Великой Отечественной войны и прочие уникальные объекты, о которых он потом, как экскурсовод, подробно нам рассказывал. Конечно, не упускалась возможность посетить и музеи.

Владислав Антонович был большим любителем туристских и авторских песен. Благодаря ему, мы побывали на Ильменском фестивале авторской песни, на слете туристов Урала на реке Решётке под Свердловском.

Любитель экзотики, Владислав Антонович однажды срочно, как по тревоге, организовал поездку в район Багаряка. Оказалось, ему позвонил А. А. Бунатян и сообщил, что там ведутся раскопки шерстистого носорога. Носорога не оказалось, — Бунатян пошутил, но зато мы осмотрели пещеру в отвесном берегу Синары, сохранившую следы жизнедеятельности древнего человека, пообщались с ребятами из Свердловска, проводившими раскопки.

Мы осматривали открытый карьер в Пласте, беседовали с рабочими мраморного карьера в Коелге, были на шахте в Еманжелинске, в Кунгурской пещере — всё это по инициативе и по планам, составленным Владиславом Антоновичем.

В те годы на кемпинги не рассчитывали, и мы старались быть максимально автономными. Поэтому трудно сказать, чего не было в багажнике «Волги» Верниковского. Он старался предусмотреть всё, включая возможность измерения температуры воды в водоемах на остановках. Для этого он возил с собой термометр на шпагате для забрасывания в воду. У него был принцип — любая взятая в поездку вещь должна хоть одну минуту отработать.

Когда мы кочевали по Уралу с Федосьей Титовной, было трогательно наблюдать, как Владислав, словно заботливая няня, хлопчет вокруг нее, ограниченной в движениях, при устройстве на ночлег, при различных перемещениях и в прочих ситуациях. Трудно было сдерживать улыбку, слушая беззловонную перепалку матери с сыном.

Такие вот некоторые штрихи к портрету Владислава Антоновича Верниковского.

А. С. Красавин

В далеком 1954 году после окончания МВТУ им. Н. Э. Баумана я был направлен на работу в г. Свердловск в конструкторское бюро турбомоторного завода. Там и произошло наше знакомство с Владиславом, работавшим на этом же заводе в другом, специальном конструкторском бюро. В то время Владислав Антонович жил на Эльмаше вдвоем со своей мамой. Наше общение в основном проходило в молодежных коллективных туристских походах на близлежащие озера и базы отдыха. С тех пор наша дружба с Владиславом не прекращалась. Мы доверяли друг другу, и не было таких ситуаций, когда бы мы не делились своими мыслями и проблемами. У Владислава было много друзей, но с каждым из них у него была своя ниша общих интересов.

Дела на работе у Владислава и у меня шли успешно, однако в молодости всегда хочется большего, чем есть. Поэтому, после длительных раздумий мы с ним дали согласие на предложение представителя Свердловского обкома КПСС работать в новой, как нам обещали, интересной области науки и техники, очень нужной стране.

В апреле 1956 года с группой специалистов из различных предприятий уральского региона, куда входили В. А. Верниковский, О. Н. Тиханэ (будущий главный конструктор ВНИИТФ), Б. И. Беляев (будущий главный инженер ВНИИТФ) и я, по решению обкома КПСС были переведены на работу в НИИ-1011. В то время большинство основных подразделений созданного в 1955 году НИИ-1011 располагались в Арзамасе-16. Здесь, в недрах КБ-11, расположенного на территории бывшего мужского монастыря, и формировался научно-исследовательский институт, называемый тогда новым объектом, п/я 0215 или НИИ-1011.

В 1958 году новый НИИ перебазировался на постоянное место своего пребывания — на почти безлюдную лесную территорию на берегу озера Синара с видом на живописный массив Вишневых гор. Здесь, в новорожденном городе, известном теперь как Снежинск, продолжилась трудовая деятельность Владислава Антоновича. Сюда же приехала его мать Федосья Титовна, пенсионерка, коммунистка старой закалки, по натуре строгая, бескомпромиссная в вопросах идеологии и морали. Эти черты характера передались и ее сыну. Она ушла из жизни в 1988 году. Кроме матери у Владислава Антоновича из близких родственников была еще только двоюродная сестра, проживавшая в г. Красноярске. Вероятно, от отца, кадрового военного, достались сыну твердость, чувство ответственности при выполнении работы и настойчивый характер.

Всё это пригодилось Верниковскому в его работе вначале в качестве непосредственного исполнителя, начальника группы по тепловым испытаниям, а затем руководителя больших коллективов. Надо сказать, что профиль его работы имел мало общего со специальностью, полученной им в вузе. Его работоспособность и исключительная любознательность помогали ему быстро осваивать любое новое дело.

Уже в 1959 году В. А. Верниковский стал начальником отдела, а с 1963 по 1971 г. — начальником сектора 12, занимающимся испытаниями ядерных зарядов на внешних полигонах — Семипалатинском и Новоземельском. Принимал активное участие в воздушных, наземных и подземных испытаниях, в том числе по применению ядерных взрывов в мирных целях. Эта работа была не только ответственна и интересна, но и небезопасна. Был случай аварийной ситуации, в результате которой здоровью участников испытаний был нанесен значительный ущерб. Владислав Антонович оказался в их числе. Особенность его как руководителя состояла в доброжелательной поддержке всяких начинаний подчиненных, приводящих к повышению производительности труда или к внедрению новых прогрессивных технологий.

В. А. Верниковский (слева) и А. С. Стоцкий

В 1961 году Верниковский был избран секретарем парткома крупной партийной организации КБ-1. На этот ответственный пост выдвигались люди широкого кругозора, с государственным видением внутренних и международных проблем страны. Ведь партийные организации в то время ведали не только партийными и политическими вопросами. Они имели влияние на ход выполнения научно-технических задач ВНИИТФ. На партийно-технических активах принимались важные решения, касающиеся всех вопросов жизнедеятельности института и его сотрудников.

Вне работы, на досуге, в отпусках Владислав Антонович был таким же активным, деятельным, как и в работе. У него была масса увлечений. Он — великий, читающий книголюб, собравший огромную библиотеку. Как вспоминает

его близкий товарищ В. В. Чепин, Верниковский намеревался передать свои книги городской библиотеке, для чего были изготовлены эскизы экслибрисов, но этому не дано было осуществиться. Большой ценитель классики, он с удовольствием слушал и эстрадную музыку. Стены его квартиры украшали картины местных художников, с кем он дружески постоянно общался. Заядлый путешественник, на автомобиле (в компании с друзьями) он объездил Россию вдоль и поперек. Коллекционер холодного оружия, он кропотливо неустанно драил до блеска клинки, сабли, развешанные в его квартире на стенном ковре. Двери его квартиры всегда были открыты друзьям и коллегам, а в праздничные дни у Владислава Антоновича всегда были дружеские застолья, велись беседы и споры по искусству, литературе, живописи.

142 Что же касается его человеческих качеств, — он был исключительно честен, строг к себе, внимателен к своим товарищам и подчиненным, щепетилен в вопросах морали. Для многих его решений и поступков характерен поистине государственный подход. В подтверждение сказанного приведу одну любопытную историю, неизвестную широкой публике. (Давность событий позволяет рассказать об этом.) Сотрудник ВНИИТФ, доктор наук Игорь Васильевич Санин в 1975 году

находился на лечении в клинике талантливого хирурга Илизарова в г. Кургане, известного изобретениями и созданием качественно новых технологий в хирургии в части сращения костных тканей, их роста. Илизаровский подход противоречил официальным тогдашним представлениям в мировой медицинской практике. Московские чиновники от медицины не признавали Илизарова и его методов, несмотря на то, что его практика давала удивительные результаты. Не хватало научного объяснения биологического механизма и доказательства возможности наращивания костной ткани. Санин в процессе активного излечения предложил Илизарову для доказательства использовать меченые атомы, внедренные в область сращиваемых костных тканей пациента.

Игорь Васильевич неофициально обратился к Владиславу Антоновичу, бывшему тогда главным инженером ВНИИТФ, с просьбой организовать техническую помощь в оснащении необходимой аппаратурой Илизаровской клиники и обучении медицинского персонала. По указанию Верниковского и при его прямом участии юридически незаконная безвозмездная передача оборудования была произведена. Более того, на заводе ВНИИТФ были изготовлены титановые кольца и прочий крепеж, необходимые для проведения высокотехнологичной операции. Впоследствии главный инженер имел «неприятности» за проявленную инициативу.

Упорство характера Верниковского проявлялось везде, в том числе и в туристических автомобильных походах. Помнится его поездка в г. Тобольск, участниками которой был В. В. Чепин и я, по трудно проходимым дорогам в распутицу, когда все его товарищи, ехавшие в своих машинах, отказались от последнего этапа маршрута, и только один экипаж Верниковского преодолел трудности и добрался до Тобольска. Как не ознакомиться с историческим городом – родиной Д. И. Менделеева, художника В. Г. Перова, композитора А. А. Алябьева! Здесь жил и творил П. П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Среди тамошних достопримечательностей могильные плиты декабристов Кюхельбекера, Фонвизина, деревянный драматический театр, потрясающий своей архитектурой. Наконец, это город, ставший местом пленения последнего Российского императора.

В последние годы своей жизни Владислав Антонович обратился к вере. Было ощущение, что он был давно готов к этому переходу от материалистической идеологии к духовной. Объяснить этот феномен не берусь, могу только предположить... Работая с большим количеством документов, Владислав Антонович умел сразу схватывать суть. Так произошло, вероятно, и с теми религиозными книгами, которые ему попадались. Он принял крещение, исповедовался, бывая в храмах северной столицы.

Месяца за два до кончины Владислав обратился с просьбой к моей жене, Галине Иосифовне. Он хотел собороваться. Все положенные таинства у него дома совершил отец Евгений Осипов. Всё это стало свидетельством очень серьезного и уважительного отношения Владислава Антоновича к вере, к религии.

Подведу итог моим воспоминаниям.

На протяжении всей деятельности во ВНИИТФ Владислав Антонович боролся и настойчиво преодолевал субъективные и объективные препятствия, мешавшие выполнять возложенные на него задачи. Тяжело было друзьям видеть гладиатора, пораженного неумолимой болезнью, преждевременно уносившей жизнь их товарища, коллеги. Бесценные плоды его деятельности не пропали даром, они послужили укреплению Отечества, преданным гражданином которого был Владислав Антонович Верниковский.

В. М. Правдин

Я знал Владислава Антоновича с 1956 года, еще с Арзамаса-16. Отношения, сложившиеся у нас по работе и вне производства, позволяют мне сказать, что мы были друзьями. Как-то, будучи начальником сектора внешних испытаний, он вызвал меня к себе в кабинет (я тогда был начальником отдела в этом секторе) и за что-то отчитал со всей строгостью. Я, обиженный его резкостью, спросил: «Это ты мне? Как же ты можешь так?» (Я имел в виду наши товарищеские отношения.) Владислав Антонович, уже успокоившись, ответил, что основные претензии у него всегда в первую очередь к друзьям. «А с кого же еще спросить? Ты — друг, ты все поймешь правильно, так что терпи!» Удивительный он был человек — предельно честный и обязательный, сдержанный и решительный, требовательный руководитель и великолепный организатор. Мы, друзья, называли его предводителем. Ох, и поколесили мы по стране на машинах! И все по его инициативе.

Восхищение вызывали его эрудиция и постоянное стремление к познанию. Помнится наша совместная экскурсия на теплоходе «Татария» на Соловецкие острова, когда он, как опытный экскурсовод, рассказывал нам историю Соловков, полную героики и трагизма. От него мы узнали о посещении островов Петром I, о поклонном кресте, у которого тот молился. Очень интересно Владислав рассказывал о Соловецком монастыре. И вообще, он много и в подробностях знал о православной церкви, о церковных обрядах. В поездках не упускал возможности посетить церкви, со знанием дела рассказывал об устройстве храмов, об укладе церковной жизни, об иконах и их особенностях. Не раз возникала мысль, — откуда он всё это знает? Оказалось, что один из родственников Федосьи Титовны был настоятелем церкви, отсюда, видимо, и происходили такие глубокие познания духовной жизни. Вера никогда не выставлялась Верниковским напоказ, но в душе он был истинно православным человеком всегда. Может быть, поэтому он оставался тактичным в любой ситуации и никогда не «судачил» по-обывательски о других, ревностно оберегал свое личное «пространство» от любопытствующих, но был открыт с друзьями, всегда готовый прийти на помощь.

А. М. Ульянов

Верниковский Владислав Антонович

Один из друзей Владислава Антоновича, Юрий Иванович Вантрусов, кандидат технических наук, начальник отдела НИО-3, посвятил ему стихотворение:

Ну что, старик? Уходит век,
Он был по праву нашим веком.
А до мечты — подай парсек,
Да не измеришь и парсеком.

А впрочем, надо ль унывать?
Мечта — чем дальше, тем дороже.
И нам приятно сознавать,
Что были мы в парсеках тоже

От прожигавших жизнь дотла
И не мечтавших жить иначе.
У нас всегда была метла,
В руках решительных тем паче.

И выметали мы легко
Всю мелочь, грязь и пошлость жизни.
Была свобода далеко,
Но близко — заповедь Отчизны.

Нас всех сюда в себе везли
Обыкновенные вагоны,
Но был совсем особый лик
У тех, что шли на полигоны.

Там строй — не то чтобы иной,
И жизнь — не то чтобы иная,
Там вся Отчизна за спиной,
А жизнь — по-новому земная.

Там гнулась вмиг земная ось,
И шар вбирал в себя рентгены,
Там изменялась вкривь и вкось
Судьба парней обыкновенных...

1999 г.

Вовченко Дмитрий Филиппович

07.11.1921– 31.03.1971

Инженер радиосвязи, специалист в области разработки ядерных боеприпасов; автор четырех изобретений; лауреат Государственной премии СССР (1967); участник Великой Отечественной войны; депутат городского Совета депутатов трудящихся (1969), член Снежинского горкома КПСС (1962–1965).

- 1939 — студент Одесского индустриального института, в этом же году был призван в Красную Армию.
- 1940 — по окончании школы младших авиационных специалистов механик авиавооружения в 10-й авиабазе ВВС Краснознаменного Балтийского флота.
- 1946 — директор семилетней школы в родном селе Межиричка.
- 1952 — по окончании Одесского электротехнического института связи инженер, старший инженер КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — руководитель группы НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1956 — начальник отдела, там же.
- 1961 — начальник сектора, там же.
- 1964 — заместитель главного конструктора и начальник сектора, там же.
- 1968 — первый заместитель главного конструктора ВНИИП, там же.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1962); медалями: «За боевые заслуги» (1942), «За оборону Ленинграда» (1945) и др. Его имя занесено в Книгу почета города (1967).

Дмитрий Филиппович Вовченко родился в многодетной семье в с. Межиричка Голованевского р-на ныне Одесской области (Украина). Судьба одарила его большими способностями. Любознательный и сметливый, он с детства любил мастерить. Еще учась в школе, сам конструировал и собирал радиоприемники, фотоаппараты... В 1939 году он, с отличием окончив среднюю школу, легко поступил в Одесский индустриальный институт. Однако сложная предвоенная обстановка в стране не позволила ему продолжить учебу.

В ноябре 1939 года Дмитрий был призван в Красную Армию, где, окончив в августе 1940 года школу младших авиационных специалистов, служил по сентябрь 1946 года механиком авиационного вооружения в 10-й авиабазе ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Авиационные специалисты (в авиации их еще называли «технарями») выполняли не самую престижную, по сравнению с летным составом, работу по ремонту и подготовке самолетов к вылетам на боевые задания. Но от их умения, трудоспособности и добросовестного отношения к делу зависела судьба экипажей, их уверенность в надежности прошедшей через руки авиаспециалистов техники. Эта полученная в суровые военные годы наука стала его главным стержнем и в мирное время, когда он пополнял ряды первых участников работ по созданию ядерного щита нашего Отечества.

Начало войны застало Дмитрия Филипповича на арендованном у Финляндии полуострове Ханко. Как известно, войска на этом полуострове подвергались ожесточенным обстрелам и атакам. Защитники были эвакуированы по морю с большими потерями. Позднее Дмитрий Филиппович принимал участие в обороне Ленинграда. Памятью о том легендарном времени стали боевые награды.

Вернувшись с войны в сентябре 1946 года, Дмитрий Филиппович был назначен директором той школы, в которой когда-то учился сам. В 1947 году он продолжил высшее образование теперь уже в Одесском электротехническом институте, который закончил с отличием в 1952 году. При распределении он был направлен в хозяйство А. М. Хмельцова, иначе говоря, в КБ-11, где по май 1955 года работал в отделе разработки контрольной аппаратуры, которым руководил Ю. В. Миронин — будущий первый заместитель главного конструктора.

В 1955 году, когда был образован НИИ-1011, Д. Ф. Вовченко был включен в штат института в должности руководителя группы. С этого времени он активно, со знанием дела проводит работы по созданию и использованию радиотелеметрической аппаратуры, инициирует разработку тестерной аппаратуры специального контроля, изучение и применение датчиковой аппаратуры, включая самописцы. Вкраткосрочкудается разработать бортовую наземную приемо-регистрирующую телеметрическую аппаратуру, организовать ее освоение и наиболее оптимальное применение в разрабатываемых изделиях. Широкое использование телеметрических систем общего применения было свойственно только нашему институту и это во многом благодаря энергии Дмитрия Филипповича, сумевшего увидеть перспективность применения такой аппаратуры, доказать необходимость ее использования. В числе первых потребителей НИИ-1011 приобрел новую для того

времени телеметрическую аппаратуру РТС-6, применение которой при испытаниях спецавиабомб позволяло отслеживать последовательность работы всех приборов системы автоматики в реальном масштабе времени. Полученный опыт позволил квалифицированно использовать телеметрические системы и в других классах ЯБП.

Актуальные задачи дальнейшего совершенствования телеметрии потребовали организации в конце 1956 года специального отдела, который по праву возглавил Д. Ф. Вовченко. Позже в этом отделе была создана малогабаритная бортовая аппаратура с электронным коммутатором, применение которого было новинкой для того времени.

Практический опыт первых испытаний наших изделий и перспективы значительного увеличения объема летной отработки разрабатываемых ЯБП показали необходимость существенного изменения структуры испытательного подразделения, что и было выполнено по инициативе и при непосредственном участии Д. Ф. Вовченко в 1961 году, когда он стал начальником сектора 9 в КБ-2. Если большинство отделений при реорганизации КБ-2 сохраняли свою основу, то для сектора 9 Дмитрием Филипповичем была предложена принципиально новая структура. Это обусловило формирование нового коллектива, способного решать две главные задачи. Во-первых, проводить летные испытания (примерно на десяти полигонах МО) всей номенклатуры разрабатываемых в институте ЯБП, в том числе для баллистических ракет подводных лодок, межконтинентальных баллистических ракет, всех родов авиации и для артиллерии. Во-вторых, создавать и совершенствовать системы телеметрических комплектаций ЯБП, отличающихся специфическими проблемами летной отработки специзделий именно нашего института.

В отношениях с подчиненными для Дмитрия Филипповича характерна безупречная справедливость. Каждый знал, что его труд будет достойно оценен, а дельные предложения, особенно новые, будут поддержаны с необходимыми для их реализации организационными мерами. Сочетание проводимой Д. Ф. Вовченко технической политики с максимальной заботой о каждом сотруднике позволило новому коллективу за короткое время показать свою работоспособность и творческую зрелость.

В 1960–1970-х годах подготовка изделий всегда проводилась в ночное время. Дмитрий Филиппович непременно был в цехе. Уходил последним. Приходил вновь первым, и начинался разбор ошибок. Новые идеи продумывал тщательно, только после этого давал указания по каждому вопросу.

148 В 1964 году Д. Ф. Вовченко назначается начальником сектора 8. Он быстро осваивает специфику работ по приборной тематике, умело проводит назревшие организационные мероприятия. Совмещая эту ответственную должность с одновременно выполняемыми функциями заместителя, а затем (с 1968 года) и первого заместителя главного конструктора, фактически замкнул на себя руководство всеми работами, которые потребовались для практического воплощения

в реальные конструкции научно-технического задела, созданного еще при его предшественнике А. С. Стоцком.

В системе автоматики боевых частей для ракетных комплексов ВМФ и РВСН были внедрены разработанные в КБ устройства инерционного типа, организована разработка ставших известными в отрасли термодатчиков, постоянно использовавшихся в дальнейшем на изделиях упомянутых классов.

На особом контроле Вовченко держал вопросы качества экспериментальной отработки новых приборов. Окончательная доводка создаваемых систем автоматики проводилась в процессе государственных испытаний, в которых он непосредственно принимал участие в качестве заместителя председателя госкомиссий.

Дмитрий Филиппович много внимания уделял также вопросам дальнейшей оптимизации работы КБ за счет улучшения организационной структуры и более рационального распределения кадрового состава между подразделениями КБ-2. К концу 1970 года его предложения, одобренные руководством института и главным конструктором, были проведены в жизнь. В рамках предложенной Д. Ф. Вовченко структуры КБ-2 работало около 20 лет.

Планировалось, что при переводе Л. Ф. Клопова, занимавшего должность главного конструктора ВНИИП, в 5-е ГУ МСМ главным станет Д. Ф. Вовченко. Однако судьба неожиданно распорядилась по-иному.

О. М. Журавлев, который был преемником Вовченко на посту начальника сектора 9, вспоминает: «В 1956 году, когда я прибыл из Москвы на наше предприятие, еще до встречи с руководителем подразделения состоялся первый ознакомительный, но весьма обстоятельный разговор с парторгом сектора 9 Д. Ф. Вовченко — по его инициативе, что, естественно, приятно удивило меня. Последний разговор с Дмитрием Филипповичем состоялся у меня в больнице 30 марта 1971 года. Мы говорили о многом, в том числе о необходимости повышения физической активности для укрепления сердечно-сосудистой системы. Он был бодр, чувствовалось, что он преисполнен стремлением работать. На следующий день произошло непоправимое — Дмитрий Филиппович скончался».

В тот день, когда он должен был выписаться из больницы и появиться на работе, в его кабинете было собрано заседание межведомственной комиссии, принимавшей на госиспытания очередную разработку института. Но вместо него в кабинете появился ведущий инженер Э. В. Алексеев, принесший скорбную весть о внезапной кончине Д. Ф. Вовченко, буквально потрясшую всех.

Вспоминает начальник отдела 146 О. И. Чудесников: «Моя первая встреча с Дмитрием Филипповичем произошла в начале 1956 года, когда я, совсем молодой специалист, пришел к нему согласовывать схему измерения физических параметров при летных испытаниях изделия Н202, той самой «супербомбы». Меня встретил человек невысокого роста, несколько грузноватый, темноволосый, темноглазый и очень экспрессивный. Первый разговор у нас не получился: помешали, видимо, его экспрессивность и моя амбициозность. Вернувшись от Дмитрия Филипповича, я доложил начальнику сектора И. В. Богословскому, что обсуждение

шло некорректно и поэтому я к Дмитрию Филипповичу больше не пойду. Игорь Владимирович убедил меня в том, что в любом случае дело страдать не должно, и, видимо, поговорил и с Дмитрием Филипповичем. Когда я пришел к Вовченко повторно, состоялся деловой разговор, причем в очень корректной форме, без всяких выпадов и пикировки. Дмитрий Филиппович с пятой, наверное, фразы перешел на «ты». Я, хоть и был намного моложе, для самоутверждения тоже стал говорить ему «ты». Но мои амбиции оказались напрасными, Дмитрий Филиппович и не помышлял на них наступать, с помощью такой формы обращения он просто налаживал деловой контакт с собеседником. И надо сказать, что с того дня и до самой его кончины, все 15 лет, наши отношения были взаимно уважительными и доверительными.

А взаимодействовать, работать совместно в течение этих 15 лет довелось много. И в ходе проектной разработки авиабомб, которые были одним из основных тематических направлений института, и особенно в ходе их летных испытаний, которыми Дмитрий Филиппович в большинстве случаев руководил. В процессе полигонных испытаний идет проверка конструкторских решений, оцениваются тактико-технические характеристики авиабомбы. В испытаниях участвуют и военные специалисты, служащие полигона, обеспечивая проведение заводских испытаний и накапливая информацию для зачетных, государственных, по итогам которых принимается решение о передаче авиабомбы в серийное производство и на вооружение. Конечно, при испытаниях обнаруживаются проектные ошибки и недостатки разного рода — на то и испытания, а предусмотреть все умозрительно в процессе проектирования практически невозможно. Предвидя это, Дмитрий Филиппович включал в комиссию по проведению испытаний и в испытательную бригаду, помимо испытателей, еще и ответственных разработчиков, чтобы все необходимые решения по исправлению можно было принимать не по донесениям, а на основании увиденного своими глазами, при этом оперативно. Это и для дела было полезно и опытом обогащало неоценимо. Если выявленный недостаток был следствием халатности, небрежности, то у Дмитрия Филипповича, случалось, проявлялся его южный темперамент: он мог шумно отчитать виновного, не стесняясь в выражениях. Но, надо признать, этим инцидент всегда и исчерпывался — заслуженный «разнос» обиды не вызывал, а злопамятным Дмитрий Филиппович не был. Тут же следовало конструктивное указание, что и как надо сделать для исправления.

150 Иное дело, когда выявлялась ошибка или недоработка технического решения, совершенно не очевидная в процессе проектирования. В таких случаях шума и нагоняев не было. Дмитрий Филиппович собирал причастных к обнаруженному, и начинался поиск наилучшего выхода из положения. При этом Дмитрий Филиппович говорил: «Надо найти решение, которое устранит выявленный недостаток и не внесет новый». В особо сложных случаях, когда требовались значительные доработки, корректирующее решение подвергалось сначала автономной проверке и только после этого вводилось в конструкцию.

На полигоне принято работать с «утра и до конца», то есть пока работа не будет выполнена. Случалось работать и сутки напролет, чтобы не сорвать установленные сроки испытаний. Дмитрий Филиппович к такому порядку не принуждал, он такой порядок организовывал, увлекая всех личным примером.

Сам он придерживался принципа «пообещал — сделай, во что бы то ни стало», очень ценил приверженность этому принципу в других, воспитывал ее. А когда работа выполнена, можно и отдохнуть хорошенько, организовать выезд на море или в город, на базар, или просто пообедать в ресторане. При этом культивировалась коллективная форма отдыха, чтобы никто нигде не потерялся.

В общении Дмитрий Филиппович был прост. Вечерами в полигонной гостинице, если не был занят обдумыванием предстоящих дел, ходил «в гости» побеседовать, поиграть в преферанс или домино.

Этап испытаний заканчивался разработкой акта, в котором отмечались достоинства и недостатки объекта испытаний, замечания и предложения по устранению недостатков и рекомендации по улучшению тактико-технических характеристик. Критиками выступали, естественно, представители заказчика, специалисты полигона. При этом часть замечаний была неоспорима и принималась без возражений, но были и неприемлемые замечания, не соответствовавшие требованиям ТЗ на разработку авиабомбы, и рекомендации, не поддающиеся технической реализации или не представляющиеся целесообразными. Вокруг замечаний и рекомендаций этой категории шли жаркие дискуссии, в ходе которых каждая сторона отстаивала свою правоту, случалось, переходя даже с литературного русского на «деловой диалект». Как ни удивительно, но в таких дискуссиях темпераментный Дмитрий Филиппович проявлял больше выдержки и рассудительности, чем многие из спорщиков, стремясь при этом не к любому компромиссу и не к защите пресловутой чести мундира, а к оптимальному в техническом отношении решению. А собственно, чему тут удивляться — на то он и был руководителем.

Когда подписанием акта заканчивался этап испытаний, тем более госиспытания, в гостинице традиционно устраивался банкет, в котором участвовали независимо от ранга все испытатели — и институтские, и военные. Недавние оппоненты дружно сидели за одним столом, находя здесь полнейшее взаимопонимание, что, однако, абсолютно не исключало повторения столь же бурных дискуссий при составлении следующего акта. Все воспринимали это как должное, уважая своих оппонентов за взыскательность и принципиальность и, конечно, за компетентность.

Вспоминаются такие детали. Когда в ресторане обедали компанией, с официантом расплачивался Дмитрий Филиппович, считая себя старшим, а уж потом мы, конечно, возвращали ему нашу долю.

Когда бригада во главе с Дмитрием Филипповичем возвращалась с испытаний домой, Дмитрий Филиппович договаривался с командованием полигона об обеспечении отъезда. Нам давали автобус для поездки на базар (все-таки возвращались из Крыма на Урал) и в Керченский аэропорт. Или даже так: автобус на базар

и самолет до Симферополя. А если назревали проблемы с билетами до Свердловска, то заказывался и пакет билетов на всю бригаду».

Вспоминает О. П. Романов: «После перевода в НИИ-1011 меня направили в испытательный сектор 9, которым руководил Л. Ф. Клопов. При распределении нам был задан вопрос: «Кем хотите быть: конструкторами или испытателями?» Мы с А. С. Дубковым ответили: «Испытателями». Так нас определили в испытательный отдел. Д. Ф. Вовченко — очень энергичный, разносторонний специалист, был начальником группы. Под его руководством небольшой коллектив занимался разработкой различной контрольной аппаратуры.

В конце 1956 года группа телеметрического направления была преобразована в отдел, во главе которого стал Дмитрий Филиппович, начальником группы — Л. А. Рачинский. В состав этого отдела вошла и группа контрольных схем: А. К. Конников, Б. К. Абакулов, М. Д. Замараев, А. С. Дубков, а также специалисты по обработке измерительной информации В. В. Дубкова, А. М. Кононов, А. Т. Худяков. Группа занималась эксплуатацией радиотелеметрической системы РТС-6, разработанной в КБ Губенко. Впервые в СССР данная система была испытана нашим предприятием совместно с разработчиками РТС на изделии Н202.

Хочется отметить, что Д. Ф. Вовченко, хотя и был довольно крутым и требовательным по работе, будь то разработка приборов или проведение испытаний, но оставался справедливым и отходчивым. Даже если он кого-то и наказывал словесно, то всегда затем подходил к провинившемуся и извинялся за резкость.

Немного о Д. Ф. Вовченко как о человеке и воспитателе своего коллектива. В трудные моменты он всегда помогал каждому сотруднику отдела в вопросах по улучшению жилищных условий, по устройству детей в детские сады, ясли и т. д.

Вспоминается такая ситуация. Мы, сотрудники его отдела, прибыли на новое место работы, в Челябинск-50, вместе со всем сектором в августе 1958 года. При решении жилищного вопроса нам, холостякам, предложили расселиться в общежитии по одному человеку к ребятам, прибывшим на объект раньше после окончания ГПТУ. Мы не согласились. Неоднократно обращались к директору предприятия с просьбой выделить нам отдельную комнату или квартиру. Каждый раз — отказ из-за отсутствия возможностей. Тогда мы, семь человек, разместились на берегу озера Синара на «Петушке». Две недели жили под открытым небом. Однажды, гуляя с семьей, нас увидел Дмитрий Филиппович. Он, конечно, удивился нашему «временному жилью», а узнав, в чем дело, озадачился... Каково же было наше удивление, когда через день нам выделили двухкомнатную квартиру, обеспечили кроватями и постельными принадлежностями! И так было всегда, когда кто-нибудь обращался к нему по любому вопросу, он сразу приходил на помощь.

Большое трудолюбие, поиск новых решений в ответственных работах, участие в государственных комиссиях по отработке и проведению испытаний, его человеческие качества принесли ему уважение и в других организациях, связанных с нашим предприятием совместными работами».

Вспоминает В. А. Гопаца: «Дмитрий Филиппович был обязательным человеком. Тем более, если он пообещал!.. Год 1965-й. Заседание профкома сектора 9. Вопрос серьезный: распределение квартир. Естественно, счастливыхчиков определили накануне у начальника сектора, но требовалось оформить протокол — официально. Предположительно, квартиру должны были выделить А. А. Мигунову, начальнику отдела материально-технического обеспечения полигонных испытаний (будущему заместителю директора по общим вопросам), секретарю парткома сектора. Но на профкоме большинство проголосовало за другую кандидатуру. Дмитрий Филиппович резко поднялся с места и со словами: «Мнение профкома расходится с мнением администрации? Закройте профком! Завтра в восемь у меня в кабинете», — быстро покинул заседание. Назавтра утром профком продолжил свою работу у Дмитрия Филипповича, и квартиру Анатолий Александрович получил по всей справедливости — за свой труд и общественную активность».

Дмитрий Филиппович был требователен к себе и подчиненным, но в то же самое время многие могут вспомнить о его поистине отеческой заботе. Вспоминает сотрудник КБ-2 В. А. Тренин: «У меня серьезно заболела нога. Мне было тогда 27 лет, я занимался спортом. Врачи приговорили меня к ампутации. Это была трагедия. Я стал отказываться от операции. Об этом узнал Дмитрий Филиппович Вовченко и стал настойчиво добиваться, чтобы меня направили на обследование в шестую клинику в Москве. Я поехал. Там меня дополнительно обследовали. Страшный диагноз не подтвердился. По возвращении домой я пошел к Дмитрию Филипповичу поблагодарить его за участие. А он, увидев, что я цел и невредим, обнял меня, и у него потекли слезы...»

Ответственную работу на посту начальника сектора и заместителя главного конструктора Дмитрий Филиппович совмещал с активной общественно-политической деятельностью. Он избирался членом парткома КБ, членом городского комитета КПСС, депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

Дмитрий Филиппович неоднократно получал благодарности министра, 5-го Главка, директора института. Он автор четырех изобретений. Память о нём достойно увековечена не только его делами, но и учениками, воплотившими его идеи в разработках института.

Л. М. Захаренко, Т. Ф. Бровкина

Из воспоминаний

Он ушел из жизни внезапно. На взлете. В расцвете сил.

А случилось это так. Находился в больнице. К концу лечения чувствовал себя отлично. В день выписки собирался ехать на работу — накопилось много дел. И в этот же день его не стало.

До этого времени Дмитрий Филиппович Вовченко уже два года был первым заместителем главного конструктора КБ-2.

Был ли случайным его стремительный взлет? Были ли случайны любовь и уважение к нему? Случайности здесь не было. Был талант, помноженный на трудолюбие, целеустремленность и преданность своему делу.

Родился он 7 ноября 1921 года в небольшом украинском селе Межиричка в 280 км от Черного моря и недалеко от города Умань. Там широкие степные просторы перемежаются с перелесками. К селу примыкает большой лес с вековыми деревьями. Благодатная природа, здоровый климат... Это там, рядышком, князь Потопский в честь любимой жены Софии создал дендропарк — необычный, всемирно известный, и назван он был Софиевским.

У родителей Дмитрия Филипповича было четверо детей: два сына, две дочки. В семье уважали старших, любили, но не баловали младших. Крепки были родственные узы: каждый чувствовал свою защищенность, каждый знал свое дело и место. Младшие дети, как правило, пасли скот. Не избежал этой участи и маленький Дима. Вряд ли старшие, посылая младших ходить за скотиной, задумывались над тем, что давали им возможность самостоятельно познавать природу, учиться мечтать. Всё это в какой-то мере способствовало развитию творческого, образного мышления у Димы. Именно в раннем детстве у него проявились способности. В школе учился на отлично. Любил что-то мастерить из радиодеталей (до сих пор на чердаке родительского дома лежат собранные им радиоприемники и другая аппаратура). Еще учась в школе, сконструировал и сделал своими руками фотоаппарат. Он был самым грамотным в округе и, будучи школьником, работал на железнодорожной станции Голованевск. Ежедневно за ним приезжали на бричке, везли на работу и каждый вечер привозили назад на той же бричке. Вот какой почет! Учтите, что это было село и все знали друг друга.

По окончании школы в 1939 году поступил в институт. Но учиться не пришлось. Призвали в армию. Служил механиком авиаворужения на арендованном у Финляндии полуострове Ханко. Там и застала его война. Военскую часть непрерывно бомбили, она несла большие потери в технике, гибли люди. Позднее была эвакуация по морю под Ленинград, где Дмитрий Филиппович продолжал службу.

Что такое быть механиком авиаворужения, военные знают: это каждодневный изнурительный, кропотливый труд по подготовке боевых самолетов и вооружения к вылету и к боевым действиям. От качества работы механиков зависела жизнь летчика и возможность выполнить боевое задание. Подготовленные Дмитрием Филипповичем самолеты бомбили немцев и в то же время охраняли «Дорогу» жизни на Ладожском озере. И не здесь ли он впервые задумался над усовершенствованием оружия?..

В воинских частях, стоявших под блокадным Ленинградом и оборонявших город, родилось такое движение: брать на свой паек и кормить голодающие

семьи ленинградцев. Дмитрий Филиппович тоже содержал такую семью (глава семьи — Мария Николаевна Волкова). С этой семьей он дружил до самой своей смерти, а его родственники дружат до сих пор — уже и не дети, а внуки. До недавнего времени ездили друг к другу в гости.

За время войны родные не получили от него ни одного письма. Не знали, жив ли. Поэтому его сестра Анна Филипповна решила погадать о нем у цыганки. А та ей сказала, что жив, что скоро вернется и долго еще будет помогать им. И как оправдались ее слова! После возвращения с войны и до конца дней своих он помогал им: и сестрам, и брату, и племянникам.

Вернулся домой Дмитрий Филиппович в сентябре 1946 года. Стал директором той школы, которую окончил в 1939 году. Одновременно готовился к поступлению в институт.

В сентябре 1947 года поступил в Одесский электротехнический институт связи. Учился отлично. Был бессменным старостой группы, одновременно ряд семестров — парторгом группы, членом факультетского бюро. Везде успевал, со всем справлялся. Окончил институт в 1952 году, получив диплом с отличием. Руководство института дало ему отличную характеристику: «Может быть использован на руководящей инженерно-технической работе». В дальнейшем он всей своей жизнью доказал справедливость этой оценки.

Работать его направили в «почтовый ящик». Адреса он не знал. Родные забеспокоились: не за границу ли посылают? Поэтому Дмитрий Филиппович договорился с родными, что в первом письме к ним нарисует звездочку, если будет жить и работать в СССР. Письмо родные получили со звездочкой, потому что работал их Дима в Арзамасе-16.

С первых дней Дмитрий Филиппович проявлял недюжинные способности исследователя и организатора производства. Так, будучи еще молодым специалистом, был назначен руководителем группы. Его даже представили к награде в 1954 году — к ордену «Знак Почета». Но где-то в верхах решили, что слишком молод, и орден тогда он не получил.

В эти же годы к нему пришла большая любовь, и он вступил в брак с Зоей Михайловной Фокиной. А в 1955 году родился у них сын Евгений. Дмитрий Филиппович безумно любил сына, отдавал ему все свое свободное время. Зоя Михайловна — замечательная женщина, все, кто соприкасался с нею по работе или в семейном общении, отзываются о ней очень хорошо. Сейчас она и сын живут в Москве (это ее родина). Сын работает преподавателем в МИФИ, защитил диссертацию. Растут два внука: старший, Дмитрий, — весь в деда Диму, и по уму, и по характеру, а младший, Евгений, — в прадеда по линии жены, кубанского казака Евгения, любит что-то мастерить, работать с молотком и вообще боевой парень.

В нашем институте Дмитрий Филиппович начал работать с 1955 года в должности руководителя группы сектора 9. Глубоко и всесторонне знал тематику КБ-2, потому что по очереди возглавлял сектора 9 и 8.

Вовченко Дмитрий Филиппович

Деятельность его была разнообразной — от совершенствования радиотелеметрической аппаратуры до совершенствования структуры подразделения и организации труда (это были как бы начальные попытки внедрить научную организацию труда). Все, за что он брался, продумывал тщательно, его идеи имели логическую завершенность. Обладая уникальными способностями определять перспективные технические направления, он умел подобрать соответствующих специалистов для выполнения той или иной работы. Не чины уважал Дмитрий Филиппович, он уважал людей. Чрезмерно эмоциональный, но доброжелательный; требовательный, но справедливый, он знал о своих подчиненных всё. Помогал всем и во всём.

Хочется отметить еще одну грань натуры Дмитрия Филипповича. Завез он в наш город вместе со своим племянником Валентином Ковальчуком и его друга, Толю Мельничука. Вот что он рассказал: «У меня умер отец. Мать растила одна пятерых детей. Я был самым старшим. Жили крайне бедно. И Дмитрий Филиппович завез меня сюда, чтобы я имел возможность помогать своей семье. Ведь для него сделать доброе дело было своего рода эликсиром». Толя и Валентин приехали в наш город сразу после окончания средней школы, поэтому Дмитрий Филиппович контролировал каждый их шаг и, в сущности, был им вторым отцом. Когда Анатолий поехал первый раз домой в отпуск, Дмитрий Филиппович поинтересовался, купил ли он подарки матери и другим родным. Очень рассердился, когда два приятеля, Толя и Валик, без его ведома поехали домой в гости на праздники. Он считал, что деньги, потраченные на поездку, надо было отправить родным. Благодаря Дмитрию Филипповичу ребята пошли учиться и окончили: Анатолий — институт, а Валентин — техникум. Мальчики не подвели его, хорошо работали, завели семьи, вырастили детей. Сейчас Валентин Иванович Ковальчук — начальник отдела в КБ-2, а Анатолий Дорофеевич Мельничук 25 лет работал в институте, затем ушел в бизнес.

Всё близко к сердцу принимал Дмитрий Филиппович, был требователен к себе и подчиненным. Некоторые нерадивые работники не очень любили утверждать у него научные отчеты по той причине, что он дотошно изучал их и много задавал вопросов, а если было необходимо, то делал поправки.

Скончался Дмитрий Филиппович Вовченко 31 марта 1971 года, не дожив до своего пятидесятилетия всего несколько месяцев. Хоронил его весь город — так тяжела была утрата.

*По материалам статьи Э. В. Каюровой
(«Наша газета», 1998, 26 марта)*

Воробьёв Сергей Степанович

25.09.1923—08.03.1988

Инженер-конструктор, разработчик ядерных зарядов; кандидат технических наук (1969); лауреат Ленинской премии СССР (1963), член ВКП(б) с 1948.

- 1942 — студент Ташкентского авиационного института, чернорабочий на заводе Ташсельмаш, лаборант на кафедре института.
- 1945 — студент Куйбышевского авиационного института.
- 1946 — инженер-конструктор ОКБ завода имени П. И. Баранова, г. Омск.
- 1948 — инженер-конструктор, старший инженер, начальник конструкторской группы СКБ завода имени М. В. Фрунзе, г. Куйбышев.
- 1951 — инженер-конструктор, старший инженер, начальник конструкторской группы КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — начальник отдела в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1965 — заместитель начальника сектора, там же.
- 1970 — заместитель главного конструктора ВНИИП — начальник серийно-конструкторского отдела (подразделения), там же.
- 1987 — пенсионер.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1954, 1956, 1978), медалями; удостоен звания «Изобретатель СССР» (1984). Его имя занесено в Книгу трудовой славы города (1963), в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Сергей Степанович Воробьев — ученый, конструктор, разработчик ядерных зарядов, один из создателей отечественной школы ядерного зарядостроения, родился 25 сентября 1923 года в городе Кагане Бухарской области Узбекской ССР в семье военнослужащего. Среднюю школу окончил в 1941 году в г. Ташкенте. С 1942 года после смерти матери жил один, учился в Ташкентском авиационном институте, работал чернорабочим на заводе Ташсельмаш, затем лаборантом на кафедре института. В 1945 году был переведен в Куйбышевский авиационный институт, по окончании которого в 1946 году работал в г. Омске на заводе имени П. И. Баранова инженером-конструктором в ОКБ. В марте 1948 года был принят в члены ВКП(б). В том же году переехал в г. Куйбышев (ныне Самара), поступил на работу в СКБ завода имени М. В. Фрунзе инженером-конструктором, вскоре был назначен старшим инженером, а затем и начальником конструкторской группы.

В 1951 году решением Куйбышевского обкома партии С. С. Воробьев был откомандирован на ядерный объект — КБ-11 (ныне РФЯЦ — ВНИИЭФ), где снова прошел путь от инженера-конструктора до начальника конструкторской группы. В мае 1955 года переведен начальником конструкторского отдела подразделения по разработке ядерных зарядов (сектор 6) вновь образованного на Урале ядерного объекта НИИ-1011 (ныне РФЯЦ — ВНИИТФ).

В 1965 году Сергей Степанович был назначен заместителем начальника сектора 6 по опытно-конструкторской разработке ядерных зарядов. Основательная теоретическая подготовка, большой практический опыт конструкторской работы в сочетании с хорошими организаторскими способностями выдвинули С. С. Воробьева в ряды высококвалифицированных конструкторов института. Он внес большой личный вклад в разработку оригинальных составных частей ЯЗ из спецматериалов, в обеспечение требуемого уровня надежности и безопасности ядерного оружия на всех этапах жизненного цикла. Неоднократно Сергей Степанович принимал участие в проведении ядерных испытаний. На его счету четыре изобретения. Он является автором и соавтором более ста научных работ.

В 1969 году С. С. Воробьев по конструкциям, выполненным в КБ-11 и НИИ-1011, успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

В 1960-х годах существенно возросло число разработанных КБ-1 НИИ-1011 и переданных в серийное производство и эксплуатацию ядерных зарядов для оснащения ядерными боеприпасами различных видов (родов) войск Вооруженных Сил СССР. Военно-Морским Флотом СССР осуществлялось боевое дежурство надводных кораблей и подводных лодок с ядерным оружием на борту. Разработка, отработка и передача новых, более совершенных конструкций ядерных зарядов в серийное производство и эксплуатацию осуществлялись всё более ускоряющимися темпами для обеспечения паритета по ядерным вооружениям с США. Сложившейся действительностью была вызвана необходимость создания в КБ-1 специального конструкторского отдела по авторскому сопровождению серийного производства ядерных зарядов и эксплуатации ядерного оружия,

то есть для осуществления авторского и гарантийного надзора за техническим состоянием ЯЗ.

Такой отдел в составе сектора 6 (отдел 67) был создан в 1965 году. Первым его начальником и организатором был П. А. Есин, до этого занимавший пост первого заместителя главного конструктора — начальника сектора 6. И хотя П. А. Есин руководил отделом всего около года, отдел своими работами оправдал себя и вскоре явно потребовалось значительное повышение статуса его руководителя. Тем более что в КБ-11 уже функционировало серийно-конструкторское подразделение под руководством заместителя главного конструктора С. Г. Кравченко.

В 1970 году С. С. Воробьев был назначен заместителем главного конструктора — начальником серийно-конструкторского отдела КБ-1. Назначение состоялось в г. Москве в центральном аппарате Министерства среднего машиностроения СССР по согласованию с военно-промышленной комиссией при ЦК КПСС.

С этого времени и до выхода на пенсию в 1987 году С. С. Воробьев проработал в КБ-1 бессменным руководителем серийно-конструкторского отдела и подразделения, основным назначением которого является обеспечение сохранности технических характеристик ядерных зарядов, разработанных институтом, в процессе их серийного производства и эксплуатации через осуществление авторского и гарантийного надзора.

Своим богатейшим опытом конструкторской работы С. С. Воробьев щедро делился с подчиненными ему сотрудниками, развивал и поддерживал их творческую инициативу, в результате чего был создан работоспособный творческий коллектив серийно-конструкторского подразделения КБ-1.

При активном участии С. С. Воробьева и под его руководством формировалась и постоянно проводилась техническая политика института в серийном производстве и в организациях по эксплуатации ЯЗ, были организованы и укреплены постоянные деловые связи института со всеми серийными предприятиями нашей отрасли промышленности и организациями МО.

Высокое качество, надежность и безопасность изготавливаемых серийным производством ЯЗ стали результатом кропотливой работы сотрудников серийно-конструкторских отделов по анализу предложений производства по корректировке требований конструкторской документации, по проверке технологической дисциплины на предприятиях-изготовителях, по статистической обработке результатов испытаний в процессе производства сборочных единиц и деталей ЯЗ на соответствие требованиям конструкторской документации. Основные результаты этой работы регулярно обобщаются в отчетах по качеству серийных ЯЗ и конструкторской документации на них.

С. С. Воробьев всегда уделял особое внимание вопросам стандартизации в нашей отрасли промышленности. При непосредственном участии сотрудников серийно-конструкторских отделов и отдела стандартизации были разработаны

и внедрены в производство основные стандарты отрасли, действующие и в настоящее время.

С момента образования серийно-конструкторского отдела перед ним была поставлена задача организации и проведения работ по расширению установленной конструкторской и эксплуатационной документации температурно-временных условий и увеличению гарантийных сроков эксплуатации ЯЗ. Введенные в 1960-х годах ограничения по этим показателям не устраивали всё возрастающие потребности заказчика.

В результате комплекса проведенных работ по техническим заданиям серийно-конструкторских отделов было экспериментально подтверждено, что ЯЗ боезапаса обладают существенными запасами по температурно-временным условиям эксплуатации. Научно обоснованные с учетом статистических материалов существенно расширенные температурно-временные условия и гарантийные сроки перестали быть ограничивающими факторами эксплуатации ЯБП. Кроме того, были уточнены методики ускоренных испытаний ЯЗ при лабораторно-конструкторской отработке их перед передачей в серийное производство и эксплуатацию, а также при подтверждении и продлении сроков эксплуатации ЯЗ боезапаса.

С ростом числа ядерных вооружений росло количество и сложность задач, которые приходилось решать С. С. Воробьеву в процессе руководства подразделением. Увеличение численности персонала, обслуживающего ЯБП, количества перевозок ЯЗ в составе ЯБП, количества ЯБП, выдаваемых на боевое дежурство и снимаемых с него, повышало, соответственно, вероятность возникновения нештатных (аварийных) ситуаций.

В 1970-х годах серийно-конструкторским отделом было организовано и начато проведение исследований ЯЗ на их стойкость к возможным аварийным воздействиям на всех этапах их жизненного цикла (при пожарах, падениях, авариях транспортных средств, затоплениях и др.). В обобщающих отчетах были обоснованы критерии стойкости ЯЗ к аварийным воздействиям. Совместно с ВНИИЭФ были разработаны и внедрены в конструкторскую документацию отраслевые руководства по классификации возможных аварий в процессе производства ЯЗ, по ликвидации последствий аварий ЯЗ. В конструкторскую документацию серийных ЯЗ нашей разработки были введены критерии оценки состояния ЯЗ после аварийных воздействий.

160 В серийно-конструкторском подразделении КБ-1 был разработан безопасный способ обращения с ЯЗ, подвергшимися аварийным воздействиям, позволяющий произвести обезвреживание (разделение делящихся материалов и деталей из взрывчатых составов) аварийных ЯЗ как автономных, так и в составе ЯБП.

В дальнейшем серийно-конструкторским подразделением была разработана и включена в состав документации на серийные ЯЗ конструкторская документация по обращению с конкретными ЯЗ, подвергшимися аварийным воздействиям, обеспечивающая безопасность проведения этих работ.

Наиболее эффективной работа серийно-конструкторского подразделения КБ-1 была в период подчинения его заместителю главного конструктора С. С. Воробьёву. Именно тогда было обеспечено действенное проведение технической политики института в серийном производстве и эксплуатации ЯЗ.

С. С. Воробьёва хорошо знали и уважали на всех серийных предприятиях отрасли и в организациях МО. В течение всей своей деятельности в ранге заместителя главного конструктора он являлся активным членом межведомственной комиссии по эксплуатации ЯБП, которая работала под председательством представителя Министерства обороны РФ.

В институте Сергей Степанович всегда имел безоговорочную техническую поддержку со стороны главного конструктора ВНИИТФ Бориса Васильевича Литвинова, ныне академика РАН, заместителя научного руководителя института. С. С. Воробьёв неоднократно назначался руководителем государственных натуральных испытаний ЯЗ и ЯЗУ. Однажды, когда одно из испытаний ЯЗ боезапаса завершилось неудачей, серийному подразделению была поручена разработка конструкторской документации составной части ЯЗ для повторных испытаний. Их успешное завершение подтвердило высокую надежность ЯЗ боезапаса сухопутных войск МО СССР.

Оценкой заслуг С. С. Воробьёва стали государственные награды, среди которых три ордена Трудового Красного Знамени. В 1963 году ему присвоено высокое звание лауреата Ленинской премии СССР.

Общительный, дружелюбный, интеллигентный человек, Сергей Степанович был и отличным семьянином, вырастив и воспитав дочь и двоих сыновей. Он любил отдохнуть в дружеской компании, мог развеселить хорошей шуткой, подхватить песню, поддержать бодрое настроение. Принимая активное участие в общественной работе, он того же требовал и от подчиненных ему сотрудников. Авторитет его среди сотрудников института был заслуженным.

Л. А. Дёмкин

Из воспоминаний

В отдел 64, которым руководил Сергей Степанович, я пришел в августе 1960 года. Его помощниками были начальники групп А. И. Баламутин и В. В. Каллала.

Благодаря теоретической подготовке, опыту конструкторских работ и хорошим организаторским способностям Сергей Степанович уже в 1965 году был назначен заместителем начальника сектора 6 по опытно-конструкторским работам.

Под его руководством я проработал всего несколько лет. Но я до сих пор помню тезис Сергея Степановича, определяющий суть конструкторского дела: «Конструктор не только должен “нарисовать” деталь, но также подумать, как ее

Воробьёв Сергей Степанович

закрепить на станке и обработать, как представителю ОТК проконтролировать заданные в чертеже размеры и годную деталь предъявить заказчику». Этим требованиям мы следовали и в отделе 65.

А. А. Исупов

С Сергеем Степановичем Воробьёвым я начал работать в качестве молодого специалиста в серийно-конструкторском отделе, которым он руководил. Вопросов к разработчику ядерных зарядов от серийных предприятий во все времена было много, а тот период особенно много, так как в 70-е годы на серийных предприятиях шло изготовление ЯЗ в большом количестве.

С. С. Воробьёв, работая в качестве заместителя главного конструктора по серийному производству, внимательно рассматривал материалы, подготавливаемые сотрудниками и, имея большой опыт, оперативно принимал взвешенные решения. Этому он учил и нас — молодых специалистов.

А. В. Дедик

Особенность ядерных зарядов состоит в наличии в их составе радиоактивных, токсичных и взрывчатых материалов, примыкающих друг к другу и способных создавать при неправильном обращении или авариях опасность радиоактивного заражения значительных территорий. Это делает необходимым проведение всех работ с ЯЗ, его узлами и материалами в строгом соответствии с конструкторской документацией (КД) вплоть до разборки ЯЗ после эксплуатации, включая консервацию материалов и регламентацию последующих работ с ними. Тем самым подчеркивается, что в КД должны быть предусмотрены все технические и организационные требования, выполнение которых делает обращение с ЯЗ безопасным.

Сложная и ответственная задача конструктора — определить эти требования и однозначно их изложить в конструкторской и эксплуатационной документации.

В первоначальный период испытательная база в НИИ-1011 для отработки образцов заряда была довольно слабой. Между тем в условиях дефицита информации о свойствах делящихся и специальных материалов ЯЗ необходимо было срочно принимать конструктивные решения, назначать условия эксплуатации, гарантийные сроки годности и т. п.

Приходилось рисковать — жизнь торопила. Нужно отдать должное первым руководителям сектора 6 и отделов. Ошибок было мало и они, как правило, исправлялись в процессе подготовки к серийному производству.

162

Два примера непредвиденных проблем, которые необходимо было срочно решить отделу, возглавляемому С. С. Воробьёвым:

1. Согласно техническим условиям детали в процессе эксплуатации могли менять свои геометрические размеры до 0,35%. Фактически через 2 года было зафиксировано (при контрольных осмотрах) до 0,9%, что привело к уменьшению

сборочного усилия в узле практически до нуля. Дополнительные работы показали, что запасы, заложенные за счет конструктивных решений, достаточны (подтверждено выпуском НТЖ).

2. Детали из Усть-Каменогорского материала в процессе эксплуатации, из-за попадания на их поверхности «влаги» способны были менять шероховатость с образованием острых выступающих частей (питтинг-процесс), что было опасно, т. к. контактирующая деталь изготавливалась из взрывчатого материала. Изделия прошли натурные ядерные испытания. Принимается решение — загерметизировать узел (сборку) в тонкостенные металлические оболочки с выпуском НТЖ. Всё это было сделано оперативно до начала серийного изготовления. Работы были проведены непосредственно на серийном заводе. Немалая заслуга в решении вышеуказанных вопросов принадлежит С. С. Воробьеву.

В своей работе Сергей Степанович полагался на опыт, полученный на заводах Омска и Самары, в КБ-11 (ВНИИЭФ) и, конечно, на собственные знания и интуицию.

Сергей Степанович прививал исполнителям чувство высокой ответственности за качество разрабатываемых конструкций, требовал глубины и основательности их проработки. Он не был строгим начальником, но делал всё, чтобы «атмосфера» в отделе и надежность конструкций была на требуемом уровне.

Сергей Степанович приучал своих подчиненных к самостоятельности в принятии технических решений, доверяя их решение своим помощникам — ведущим специалистам на серийных предприятиях и отраслевых комиссиях по материалам.

Следует отметить и еще одну черту характера Сергея Степановича — это брать дополнительные работы, зачастую не свойственные прямому назначению отдела. Он напоминал бульдозер, который всё «гребет» в отдел, а не от отдела. На протяжении многих лет в отделе занимались разработкой документации на работы, связанные с подземными ядерными испытаниями.

За тридцать с лишним лет работы (с 1955 по 1987 г.) в КБ-1 С. С. Воробьев внес большой вклад в разработку ЯЗ, предложил ряд конструкторских решений, которые до сих пор используются в современных изделиях, находящихся на вооружении.

А. И. Баламутин

Сергей Степанович обладал очень хорошей памятью на технические подробности. Это могут подтвердить многие работники, которым посчастливилось с ним работать. Вот небольшая иллюстрация из моей практики.

В 1975 году планировалось проведение первых опытов на Ладоге по исследованию пожаробезопасности зарядов. Мне, молодому инженеру отдела 67, было поручено подобрать образец заряда для сжигания, отвечающий определенным условиям, в том числе по отсутствию радиоактивных материалов. Перерыв горы

Воробьев Сергей Степанович

документации, я подобрал такой образец и довольный пришел доложить Сергею Степановичу. Он всё посмотрел, внимательно меня выслушал, а потом говорит: «Ты хорошо всё проверил? Насколько я помню, в этом макете винты крепления керна урановые, стальные не проходили по прочности». Я скрупулезно проверял все до единой детали, а на крепежные не обратил внимания. К моему сожалению, с одной стороны, и к счастью, с другой (это послужило мне уроком на всю жизнь), Сергей Степанович оказался прав, хотя к тому моменту он уже много лет работал заместителем главного конструктора, а документацию того макета видел более десятка лет назад.

Сергей Степанович был очень внимательным руководителем.

С 1 апреля 1980 года я решил провести курс лечебного голодания. Настроил себя дней на двадцать. При этом я ходил на работу. На двенадцатый день голодания Сергей Степанович спрашивает меня: не болею ли я, т. к. изменился цвет лица и последние дни я худею на глазах. Я сказал, что у меня всё в порядке. Про голодание я умолчал. На следующий день он вызвал меня и очень серьезно продолжил разговор на ту же тему. Оказывается, он опросил нескольких сотрудников, которые рассказали про моё голодание. В этот раз он прочитал мне целую лекцию о том, что этого нельзя делать самостоятельно, а только в условиях клиники, под наблюдением врачей. Я сказал, что делаю всё строго по методичке для медперсонала. Но он был настойчив: «Ты подумай, какому риску ты себя подвергаешь, или ты идешь в больницу, или прекращаешь эту самодеятельность. Иначе я тебя отстраню от работы. Ты всё-таки подумай о своем здоровье». Я пообещал ему, что прекращу голодание. На выходе из кабинета слышу уже шуточный голос: «Скоро Ленинский субботник, куда я тебя могу направить? Поставишь окна мыть, так тебя ветром сдует!» Я в тон ему ответил: «Сергей Степанович, вы меня окончательно убедили». Так что через тринадцать дней голодание я прекратил.

Н. И. Иснюк

Гаврилов Виктор Юлианович

03.03.1918—22.09.1973

Видный участник советского атомного проекта, физик, инженер-майор, кандидат физико-математических наук (1958); лауреат Сталинской премии 1-й и 2-й степени (1951, 1953); участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1944.

- 1935 — окончил школу (9 классов), по июнь 1936 работал технологом в цехе трикотажных машин завода им. Макса Гельца, г. Ленинград.
- 1936 — студент механико-математического факультета Ленинградского государственного университета.
- 1941 — доброволец народного ополчения, слушатель Ленинградской инженерно-авиационной академии им. Жданова. По окончании академии — преподаватель кафедры теоретической механики, там же.
- 1947 — научный сотрудник, затем начальник отдела КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1953 — заместитель начальника, начальник отдела МСМ, г. Москва.
- 1955 — начальник физического сектора — заместитель научного руководителя НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 — начальник отдела радиологической биологии (РБО), созданного в Институте атомной энергии, впоследствии выросшего в самостоятельный Институт молекулярной генетики, г. Москва.
- 1964 — начальник С-55 (РБО), там же.
- 1972 — руководитель лаборатории во Всесоюзном институте генетики и селекции промышленных микроорганизмов, созданного на базе одного из подразделений РБО.

Гаврилов Виктор Юлианович

Награжден орденами: Ленина (1956), Трудового Красного Знамени (1951); медалью «За боевые заслуги» (1953).

Виктор Юлианович Гаврилов родился в Петрограде (ныне Санкт-Петербург) в семье горного инженера Гусарского Юлиана Юлиановича, дворянина. Детство запомнилось тяжелым и голодным. Он рано остался без отца, который, выйдя однажды из дома, бесследно пропал, что нередко случалось в смутное и тревожное время 1919 года. Его мать, Гаврилова Евгения Федоровна, из мещанского сословия, учащаяся Бестужевских курсов, осталась с грудным ребенком на руках без каких-либо средств к существованию и без специальности. Их материальное положение несколько улучшилось, когда молодая женщина, окончив курсы стенографии, была принята преподавателем на эти же курсы (позже она стала банковской служащей).

С 14 лет, школьником, Виктор Юлианович в летние каникулы систематически устраивался на временную работу, — как мог старался помочь матери. Несмотря на житейские трудности, учеба давалась легко. Витя хорошо окончил школу, затем — с отличием механико-математический факультет Ленинградского государственного университета, получив специальность астрофизика. Шел 1941 год...

В самом начале войны Виктор Юлианович вместе с одноклассницей и будущей женой Верой Андреевной Клейнман записались добровольцами в народное ополчение. Однако их дороги временно разошлись. Вера с ополчением попала на фронт, прошла дорогами войны до победного мая. Виктора призвали в армию и направили на учебу в Ленинградскую инженерно-авиационную академию им. А. А. Жданова. Вместе с академией он эвакуировался в город Йошкар-Ола, где после её окончания преподавал на кафедре теоретической механики до возвращения академии в Ленинград.

В 1947 году по рекомендации Юрия Ароновича Зысина, знавшего Гаврилова с детства и учившегося с ним в одной школе, Виктор Юлианович был направлен на работу на вновь создаваемый объект — КБ-11 (г. Арзамас-16) в теоретический отдел. В течение короткого периода он возглавлял группу экспериментаторов на установке ФКБН, а затем был переведен на работу в Министерство среднего машиностроения.

После принятия правительством СССР решения о создании нового объекта на Урале, ставшего сегодня Российским федеральным ядерным центром — ВНИИТФ, Виктор Юлианович был привлечен к решению этой задачи в качестве начальника физического сектора, приказ о создании которого подписал начальник 5-го ГУ Н. И. Павлов 7 мая 1955 года. Тогда же было утверждено штатное расписание сектора. Гаврилов принял активнейшее участие в формировании коллективов физиков-теоретиков и физиков-экспериментаторов для подразделений нового НИИ.

Виктор Юлианович переехал на Урал. Он стал первым начальником физического сектора и заместителем научного руководителя НИИ-1011. В далеком 1955-м на его плечи легли многочисленные заботы: подбор и комплектование кадрами одного из первых подразделений института, подготовка производственных и жилых помещений для работы и жизни специалистов, решение многих производственных и хозяйственных вопросов организационного периода.

Костяк сектора составили сотрудники, перешедшие в новый НИИ из КБ-11 и Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна Московской области). С каждым принимаемым на работу в физический сектор Виктор Юлианович беседовал лично. Среди них были молодые, но уже внесшие определенный вклад в становление и развитие атомной отрасли, М. В. Дмитриев, Л. Б. Порецкий, И. С. Погребов, А. С. Ганеев, А. И. Сауков, Ю. Ф. Тутуров и другие. Виктор Юлианович, будучи эрудитом и хорошим организатором, понимал, что специалисты сектора собраны из разных мест и раньше занимались различными научно-техническими вопросами, а поэтому знания их весьма «разношерстны». Чтобы создать своеобразную стартовую площадку для работ нового направления, он прочел для ведущих сотрудников сектора целый цикл лекций по прикладным вопросам ядерной физики. Такие систематизированные знания оченьгодились молодым физикам-ядерщикам.

Стоит отметить, руководство Министерства неоднократно направляло Виктора Юлиановича в Китай, где он читал свои замечательные лекции по нейтронной и ядерной физике для китайских специалистов.

По инициативе В. Ю. Гаврилова были организованы пять основных отделов сектора, которые проводили необходимые исследования, обеспечивая тематические работы НИИ-1011. Отдел ядерно-физических исследований возглавил Л. Б. Порецкий, отдел радиоэлектронной аппаратуры — исполняющий обязанности начальника отдела Б. А. Дьячков, которого через год сменил Б. А. Предеин, радиохимический отдел — М. В. Дмитриев, отдел ускорительных установок — В. И. Петров, начальником конструкторского отдела стал С. В. Хлебцев.

Особую трудность представляло собой то обстоятельство, что от Лаборатории «Б», расформированной при создании нового НИИ, остались старые и непригодные для работы сектора помещения: основной корпус, небольшие производственные здания, виварий и ингалятор. Рабочих рук для их ремонта не хватало. Виктор Юлианович предложил отремонтировать и благоустроить

В. Ю. Гаврилов в звании капитана

помещения своими силами. Его предложение поддержали. Создали бригады плотников, штукатуров, маляров, и к началу сентября 1955 года все помещения были приведены в порядок.

Экспериментальная база физического сектора, необходимая для изучения процессов, происходящих при ядерном взрыве, и для моделирования этих процессов в лабораторных условиях, состояла, в основном, из установок и приборов, привезенных из Арзамаса-16 и Дубны. Необходимо было их смонтировать и запустить в работу. В то время предприятия и институты страны не изготавливали установок и приборов, необходимых для проводившихся в институте физических исследований, ввиду их специфичности и уникальности. Поэтому основной задачей физического сектора в те годы были разработка и создание собственными силами ядерно-физических установок и приборов, необходимых как для регистрации параметров ядерного взрыва при ядерных испытаниях, так и для моделирования излучения ядерного взрыва, изучения взаимодействия гамма-, нейтронного и рентгеновского излучений с материалами, входящими в конструкцию ядерных боеприпасов и других средств вооружений и военной техники.

Одним из главных инструментов, использовавшихся на первом этапе разработки ядерных зарядов, была установка ФКБН — физический котел на быстрых нейтронах. С её помощью определялась критичность разрабатываемых систем, уточнялись нейтронно-физические константы ядерных и конструкционных материалов. За основу установки был взят ФКБН, созданный в Арзамасе-16 в 1955 году, но его конструкция была существенно усовершенствована сотрудниками конструкторского отдела физического сектора. Под руководством Виктора Юлиановича Гаврилова приступили к созданию и запуску установки ФКБН для определения критических масс конструкций, содержащих делящиеся материалы, а также к освоению существовавших и разработке новых радиохимических методик выделения осколков деления из атмосферных осадков после ядерного взрыва и абсолютного определения их активности. Механический стенд, пульт управления, большинство приборов системы управления и защиты были изготовлены силами небольшой механической мастерской и коллективами отделов Л. Б. Порецкого и Б. А. Предеина. Отделу ускорительных установок предстояло создать мощные генераторы с энергией нейтронов 14 МэВ. Все эти задачи были успешно решены к концу 1958 года. И личный вклад В. Ю. Гаврилова в их выполнение трудно переоценить.

168 Для размещения ФКБН весной 1955 года по техническому заданию В. Ю. Гаврилова было начато проектирование, а затем и строительство небольшого здания в трех километрах от жилого поселка Сунгуль в районе, называемом Платонихой. В 1957 году это здание с залом, пультовой и несколькими лабораторными комнатами было построено. Уже в марте 1958 года на ФКБН были выполнены первые критмассовые эксперименты, а в сентябре этого же года В. Ю. Гаврилов покинул физический сектор.

Очень обаятельный, общительный, отзывчивый, Виктор Юлианович интересовался и вникал во все вопросы, касавшиеся жизни сектора, знал, кажется,

каждого сотрудника. Никто не уходил от него, не получив обстоятельного ответа, дельного совета. За непродолжительный период в три с небольшим года он создал сильный коллектив физиков-экспериментаторов, радиохимиков, инженеров, техников и рабочих, способный решать сложнейшие задачи. На этом фундаменте впоследствии вырос мощный научный коллектив, внесший весомый вклад в совершенствование термоядерного оружия.

В 1957 году, в связи с открытием наследственного вещества ДНК, в Институте атомной энергии в Москве проходил семинар, на котором было отмечено тяжелое положение нашей науки в вопросах генетики. По предложению Игоря Евгеньевича Тамма и Игоря Васильевича Курчатова было решено создать «под крылышком» физиков-атомщиков отдел радиологической биологии для изучения вопросов генетики на молекулярном уровне. Начальником этого отдела в 1959 году стал Виктор Юлианович Гаврилов, который увлекся новым направлением в науке — молекулярной биологией, еще будучи начальником физического сектора НИИ-1011. Впоследствии, сменив ряд названий, отдел развился в самостоятельную научную организацию. Сегодня это всемирно известный Институт молекулярной генетики РАН. Его работы высоко оцениваются не только в нашей стране, но и за рубежом.

В становлении института генетики и направлений его деятельности Виктор Юлианович сыграл выдающуюся роль. С большой энергией он взялся за порученное ему дело — создание одного из первых двух центров молекулярно-биологических исследований в СССР. Он был искренне увлечен идеей построения физической картины биологических процессов, видел огромные перспективы этой области науки и считал свою задачу делом государственной важности. За сравнительно короткое время он сумел привлечь к работе в отделе (будущем институте) ученых разных специальностей: уцелевших от гонений генетиков, биологов, микробиологов, биофизиков, физиков, химиков широкого профиля... Сумел сплотить этот разнородный коллектив и направить его на решение острых вопросов и основных задач генетики.

Велика заслуга Виктора Юлиановича и в создании материальной базы отдела. В исключительно короткое время (всего за два — три года!) были спроектированы и построены здания и экспериментальные мастерские будущего института; проведено оснащение самой передовой, по тому времени, аппаратурой; налажено производство нестандартного оборудования и счетчиков излучений; организовано производство меченых биологических препаратов...

Институт решал и важные народнохозяйственные задачи. Так, в годы повального увлечения кукурузой, значительное количество скота, особенно поросят, погибало от недостатка лизина — одной из незаменимых аминокислот, почти полностью отсутствующего в кукурузе. В институте был разработан микробиологический способ получения лизина, а затем организовано его промышленное производство в Молдавии для всей страны. Решение этой задачи во многом связано с организаторским талантом Виктора Юлиановича.

Гаврилов Виктор Юлианович

Умер Виктор Юлианович 22 сентября 1973 года в Москве в результате тяжелого приступа стенокардии. В памяти сотрудников Института молекулярной генетики остался образ человека, очень много сделавшего для его становления и развития. Его основной заботой была слаженная работа всего коллектива, в которой он видел и свой успех. Заложенные им основные направления работы радиобиологического отдела ИАЭ живут до сих пор. «Острокритическая натура», как о нём отзывался А. Д. Сахаров, он прекрасно умел преодолевать многочисленные бюрократические препятствия и привлекал к себе людей всех возрастов. Ученый, истинный патриот, человек бесконечно трудолюбивый и исполненный чувства долга.

И. С. Погребов, Н. Н. Неводничий

Из воспоминаний

Очень мне нравился другой сотрудник — Виктор Юлианович Гаврилов. <...> Судьба его очень не простая. Как я слышал, он сын какого-то немецкого то ли профессора, то ли промышленника, приезжавшего в Россию еще во время гражданской войны, и русской женщины, работавшей тогда в гостинице, которая одна воспитала его в трудных условиях. Мать была глубоко верующей, отношение В. Ю. к религии тоже не было однозначно атеистическим, большего я не знаю. Гаврилов сумел окончить университет, работал у астрофизика Лебединского в Ленинграде, откуда Зельдович перетянул его на объект. Работал В. Ю. с немецкой педантичностью, но, как многие, любил потрепаться на общие темы. С Зельдовичем они не сработались, вскоре после моего приезда на объект он перешел на работу экспериментатором, руководил небольшим отделом. Через несколько лет в его отделе произошла авария на установке, носившей оригинальное название ФИКОБЫН (физический котел на быстрых нейтронах). Это была довольно своеобразная установка, состоявшая в основном из двух половинок атомного заряда, разделенных прокладками (дистанционными кольцами). Она служила для измерения ядерных свойств разных материалов. В центре заряда в специальной полости помещались нейтронный источник и исследуемое вещество. Подбирая толщину прокладок, можно было добиться значительного усиления в результате цепной реакции выходящего наружу нейтронного потока. Я рассказываю здесь об этом, так как не вижу в этих подробностях ничего секретного, и в то же время — в них яркий колорит нашей работы. В первую, «героическую» эпоху все манипуляции с прокладками производил немолодой уже сотрудник по фамилии Ширшов, пользуясь ручной лебедкой без какой бы то ни было автоматики, все обходилось при этом без каких-либо неприятностей. Но он любил приложиться к бутылке. Однажды большое начальство (кажется, Ванников) застало его за этим занятием около заряда; Ширшова тут же изгнали из отдела. Со временем ФИКОБЫН

оброс инструкциями, аварийной автоматикой — в таком виде он и попал в руки Гаврилова.

Мерой подкритичности (отличия состояния системы от «нижнего» критического состояния, при переходе через которое возникает цепная реакция с участием запаздывающих нейтронов) является величина, обратно пропорциональная коэффициенту умножения нейтронов от источника в центре заряда.

Для единиц этой величины Д. А. Франк-Каменецкий, первый занимавшийся теорией ФИКОБЫНа, ввел забавное название «ширши» — в честь Ширшова.

Гаврилов тоже активно участвовал в этих расчетах, теперь же он имел дело с ширшами в натуре («подай прокладку в 5 ширшей» и т. п.). Авария произошла оттого, что один из сотрудников нарушил чередование прокладок и система перешла через нижнее критическое состояние. (Если бы было перейдено «верхнее», т. е. критическое без учета запаздывающих нейтронов, было бы много хуже, но такая опасность практически исключена.) Аналогичная авария описана в известной американской повести Декстера Мастерса¹, в которой рассказывается о гибели от нейтронного облучения молодого сотрудника Лос-Аламосской лаборатории в 1945 году, произошедшей, по-видимому, при проверке подкритичности одного из первых американских ядерных зарядов (судя по повести, тогда в США действовали еще более отчаянно, чем у нас во времена Ширшова). У Гаврилова обошлось без человеческих жертв, но материальные потери и всеобщий испуг были велики. Виктору Юлиановичу пришлось уйти с объекта в Министерство...

<...> В конце 1950-х годов он сделал новый резкий поворот — перешел на работу в области молекулярной биологии; в то время Курчатов организовал в своем институте лабораторию, в противовес официальному лысенкоизму (только независимое положение Курчатова позволило ему сделать это). Работа Гаврилова и взаимоотношения с биологами на этом новом поприще складывались трудно. В это время я вновь сблизился с Виктором. Мы часто беседовали, когда я приезжал в Москву. Одной из любимых «общих» тем было будущее человечества (он говорил, что благодарит судьбу, что не родился в XXI веке). Из этих разговоров, быть может, я в особенности включил в круг своих мыслей экологические, демографические и другие глобальные проблемы.

У него с женой не было детей, и в конце 1950-х годов они усыновили 10-летнего мальчика Ваню. В трудные дни болезни и смерти Клары Виктор Юлианович был одним из тех, кто оказал мне наибольшую поддержку. Сам он умер (от болезни сердца) в начале 1970-х годов; я узнал об этом через несколько месяцев после его смерти, и мне до сих пор грустно, что я не был на его похоронах.

*А. Д. Сахаров
(Воспоминания: в 2 т. М.: Права человека, 1996)*

¹ Dexter Masters “The Accident” (1955).

Голоиков Евгений Медфодьевич

15.02.1920–29.03.2002

Экономист — организатор советской торговли; участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1949; член горкома КПСС г. Челябинск-50 (1958–1961); депутат городского Совета депутатов трудящихся г. Челябинска-50 (1959–1961); персональный пенсионер республиканского значения (1982).

- 1936 — по окончании школы ученик продавца, продавец универмага, г. Сочи.
- 1937 — заместитель директора сочинского магазина «Всё для подарков», с осени этого же года студент Ленинградского техникума советской торговли.
- 1940 — товаровед универмага Сочинского торго.
- 1940 — служба в рядах ВМФ СССР на Черноморском флоте, Кавказ, г. Одесса, Севастополь.
- 1946 — старший товаровед, заместитель начальника ОРСа — начальник торгово-заготовительного отдела общепита завода № 497, г. Севастополь.
- 1948 — заместитель начальника ЦКБ-56 по общим вопросам — начальник материального отдела, там же.
- 1950 — заместитель директора, директор (с 1951) Севастопольского отделения Крымкурортторга.
- 1952 — слушатель Высшей торговой школы Министерства торговли СССР, по окончании — экономист — организатор советской торговли, г. Москва.
- 1955 — заместитель директора НИИ-1011 по рабочему снабжению — начальник ОРСа, г. Снежинск.
- 1962 — заместитель директора п/я 0908 по рабочему снабжению — начальник ОРСа, г. Сухуми.

- 1969 — заместитель директора Института физики высоких энергий по рабочему снабжению — начальник ОРСа, г. Протвино Московской обл.
- 1982 — начальник административно-хозяйственного отдела ИФВЭ, там же.
- 1988 — пенсионер.

Награжден орденами: Красной Звезды (1945), «Знак Почета» (1971); медалями: «За отвагу» (1943), «За оборону Севастополя» (1943), «За оборону Одессы» (1943), «За оборону Кавказа» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «За трудовую доблесть» (1962), многими юбилейными медалями, нагрудным знаком «Отличник советской торговли» (1966).

Из автобиографии:

«Я, Голиков Евгений Мефодьевич, родился 15 февраля 1920 года в г. Краснодаре в семье военнослужащего (отец был командиром кавалерийского полка в дивизии тов. Жлобы).

С 1927 по 1936 год учился в школе. В 1936 году пошел работать в Сочинский торг в универмаг учеником продавца, затем работал продавцом и в 1937 году был выдвинут на должность заместителя директора магазина «Всё для подарков». Осенью этого же года выехал на учебу в г. Ленинград. По окончании учебы был направлен на работу в г. Сочи товароведом промышленных товаров в универмаг.

В октябре 1940 года был призван на военную службу в Черноморский флот. Участник Великой Отечественной войны с первых дней по 9 мая 1945 года. Во время войны был шесть раз ранен, в том числе трижды — тяжело. Участник исторического Парада Победы в г. Москве 24 июня 1945 года.

В 1937 году вступил в ряды Ленинского комсомола, с 1945-го — кандидат в КПСС, с 1949-го — член КПСС...

<...> Работал семь лет на Урале, затем семь лет заместителем директора Сухумского физико-технического института по рабочему снабжению, с августа 1969 года переведен заместителем директора Института физики высоких энергий».

Скупые строки с информацией по установленной форме вместили в себя большую и труднейшую часть жизни человека, на плечи которого лег еще и груз ответственности, напряженной работы в период становления строгорежимного уральского объекта, его служб.

Евгений Мефодьевич Голиков — первый начальник отдела рабочего снабжения (ОРС) НИИ-1011. Он приехал в город, который только начинал строиться,

в августе 1955 года после окончания в Москве Высших торговых курсов, приравненных к институту, и получения диплома экономиста.

Лето было в самом разгаре. Сосновый бор, нежные березы и синяя гладь озер сразу же пришлось по душе коренному жителю юга. Хотя удивить Евгения Мефодьевича живописной природой было трудно, так как приехал он на Урал с экзотического Кавказа.

Природа природой, а перед выпускником курсов — необъятный объем работы. Новостройка! И этим, пожалуй, всё сказано...

Люди прибывали в будущий город ежедневно, и их, в первую очередь, нужно было кормить и одевать, организовывать для них трехразовое горячее питание и обеспечивать товарами первой необходимости. Тем более что многие специалисты нового НИИ приезжали с семьями.

Свою деятельность Евгений Мефодьевич начал с осмотра того, что осталось от хозяйства бывшей Лаборатории «Б» на площадке 21 (поселок Сокол): четыре торговые точки и так называемая столовая в деревянном бараке. Людей всего семнадцать человек и ни одного со специальным образованием. Правда, были практики — временно исполняющий обязанности инспектора по кадрам и экономиста Андрей Федорович Вахонин и заведующий маленьким магазинчиком Сергей Николаевич Пильщиков со своей женой Александрой Дмитриевной. Руководство института выделило Е. М. Голикову небольшой домик, в котором было две комнаты. В одной он жил, а вторая стала рабочим кабинетом и штабом, где собирался весь личный состав ОРСа.

Евгений Мефодьевич был необыкновенно деятельным, энергичным, целеустремленным и, что немаловажно, всегда жизнерадостным человеком. Он не мог жить без людей, и они к нему тянулись. Уже к началу 1956 года в его отделе насчитывалось девяносто пять человек. Он воспитывал своих сослуживцев личным примером, не ждал, когда кто-то за него подумает и сделает.

Вспоминает Сергей Николаевич Пильщиков (1986 год):

«Надо было как-то ехать в соседний город за яблоками и картофелем. Голиков взял машину и поехал. Получил товар, привез и еще сам помогал разгружать».

С Е. М. Голиковым работали без всяких графиков с 7 утра до 12 ночи. Единственная столовая в свободные вечера превращалась в ресторан, где можно было отдохнуть. Заводилой, тамадой и режиссером таких встреч был Евгений Мефодьевич.

Спокойное и ровное отношение к людям помогли ему сплотить вокруг себя коллектив единомышленников. А влюбленность в свое дело, умноженная на инициативу и желание сделать это дело как можно лучше, позволили уже к концу 1956 года добиться заметных результатов. Практически за год был сформирован самостоятельный отдел рабочего снабжения со своим расчетным счетом в Госбанке, построены временные склады для продовольственных товаров общей площадью 1400 кв. метров, началось строительство первой очереди хлебозавода, в жилпоселке № 2 открылся первый магазин.

Эти успехи радовали и вдохновляли весь коллектив отдела рабочего снабжения. Но трудностей и проблем не уменьшалось. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся документы.

Выдержка из приказа заместителя министра среднего машиностроения А. Чурина, датированного 20 октября 1958 года:

«В НИИ-1011 значительно увеличился численный состав. В то же время ОРС НИИ-1011 не имеет необходимой материально-технической базы (складов, холодильника, овощехранилища, хлебозавода, недостаточно магазинов), в силу чего создались исключительно тяжелые условия в работе по организации нормального снабжения рабочих и служащих.

В результате отсутствия холодильной и складской площади ОРС лишен возможности создать переходящие запасы продовольственных товаров, фруктов, овощей и заложить мясо по госрезерву, что в ряде случаев приводит к перебоям в торговле этими товарами.

В соцгороде заселено уже несколько кварталов, однако ни одного магазина не сдано ОРСу в эксплуатацию.

Продажа продовольственных товаров производится в сыром подвале, а промышленными товарами торгуют в автоприцепах.

Несмотря на это, строительство объектов ОРСа идет крайне медленно. Склад с холодильными камерами, овощехранилище, хлебозавод, магазин в соцгороде по срокам должны были быть сданы в эксплуатацию в III–IV кварталах 1958 года, однако на сегодня готовность этих объектов составляет 50–65% и по темпам строительства к закладке мяса, овощей и фруктов они закончены не будут, что может привести к серьезным осложнениям в организации снабжения населения предприятия в зимний и весенне-летний периоды 1959 года...»

Время шло, город рос, расширялась и торговая сеть. Требовалась большая оперативность в решении многих вопросов. Но, несмотря на всё более разрастающееся хозяйство, Евгений Мефодьевич в течение дня успевал побывать всюду. Некоторые удивлялись: «И откуда у него только время берется?!» Решить проблему времени удавалось не всем и не всегда, а Голикову — удавалось.

Рассказывает бывший продавец, а позднее бухгалтер ОРСа Зоя Степановна Куклинская (1986 год): «Работали мы с утра и до ночи. Но работали с удовольствием!»

Иногда вечером бегали на танцы, а Евгений Мефодьевич обязательно заходил и с шуткой требовал, чтобы мы хорошо веселились и отдыхали, но завтра на работу не проспали. Он был очень прост в общении».

А забот, дел, планов — «громадьё»! Возникла острая необходимость в строительстве стационарных складов для промышленных и продовольственных товаров, и они были построены. Уже работала в городе столовая «Заря» — нужно было думать об оснащении её электрическим оборудованием, так как чугунные плиты и дрова никого не устраивали. Поступавшие из подшефного совхоза продукты сельского хозяйства необходимо было сохранять свежими, прежде чем

они попадут на стол жителям города. Значит, срочно нужно овощехранилище. Оно тоже было построено емкостью 1120 тонн. Об этом можно было не писать, если бы во всех этих работах не принимали участие работники ОРСа во главе с Евгением Мефодьевичем. Сколько отработано на бесконечных субботниках!

С открытием новых предприятий ОРСа стал ощущаться дефицит кадров. Подбор и расстановка кадров требовали особого внимания. Е. М. Голиков лично участвовал в их подборе и при назначении нового работника на должность учитывал его наклонности и возможности. Новые кадры подбирались в Москве, Ленинграде, Донецке, близлежащих городах. И почти всегда в таких поездках участвовал и Евгений Мефодьевич. Лично он пригласил Ю. Т. Алёхина на должность директора «Гастронома», разглядев в нём незаурядные организаторские и коммерческие способности. Позднее, с 1977 по 1981 год, Юрий Тимофеевич Алёхин возглавлял отдел рабочего снабжения. Е. М. Голиков хорошо понимал, что успех дела во многом зависит от отношения к людям и материально-технической базы ОРСа. Он умел идти к цели и добиваться намеченного. Но не в одиночку, не волевым личным напором, а вместе со всеми, с коллективом и при поддержке руководства института.

Раиса Васильевна Долгаева, прибывшая вместе с мужем из Арзамаса-16 на 21-ю площадку с первым эшелонном в 1955 году и сразу же приступившая к работе в ОРСе, вспоминает, что Евгений Мефодьевич так любил свою профессию, что невольно заражал всех своим неутомимым трудом, иногда даже сам становился к прилавку и обслуживал посетителей. В то же время он постоянно ощущал поддержку своего, хотя и небольшого, но сплоченного коллектива, понимавшего, что трудности во всяком новом большом деле неизбежны, что со временем условия работы и повседневного быта будут обязательно изменяться к лучшему.

При Е. М. Голикове, которому пришлось всё начинать буквально на пустом месте, коллектив ОРСа вырос с семнадцати до девятисот тридцати трех сотрудников, торговая сеть — с четырех до двадцати пяти магазинов, товарооборот — с 370 тысяч до 42,8 миллионов рублей. Была введена в эксплуатацию первая линия хлебозавода, в столовых организовано диетическое питание, осуществлен централизованный завоз продуктов в магазины. Уже в 1961 году в столовой № 5 работала первая бригада, которой было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда». Но самым, пожалуй, главным итогом деятельности Е. М. Голикова было то, что отдел рабочего снабжения стал достаточно крупным предприятием, способным решать многие задачи по обеспечению населения промышленными и продовольственными товарами.

176 О первопроходцах часто говорят: им посчастливилось начинать! Это трудное счастье они несут в себе, ибо обладают таким душевным настроем, который рождает желание всегда быть на переднем крае, быть там, где они нужнее всего. К таким первопроходцам можно смело отнести и Евгения Мефодьевича Голикова.

К сожалению, сведений о жизни первого начальника ОРСа НИИ-1011 после 1962 года удалось найти до обидного мало. Источником информации стала лишь

копия личного дела № 8425/2675, любезно предоставленная отделом кадров Института физики высоких энергий.

В 1966 году Е. М. Голиков был награжден нагрудным знаком «Отличник советской торговли». В 1972 он повышал свою квалификацию с отрывом от производства на курсах при Ленинградском институте советской торговли им. Ф. Энгельса по специальности «экономика общественного питания». Дважды учился и сдавал экзамены в Университете марксизма-ленинизма (1952, 1972).

Из партийно-производственной характеристики на заместителя директора ИФВЭ по рабочему снабжению — начальника ОРСа: «...За время работы начальником ОРСа ИФВЭ, с августа 1969 года, Е. М. Голиков зарекомендовал себя хорошо знающим торговое дело, внимательным по отношению к подчиненным и сотрудникам. В работе энергичен и инициативен. Пользуется авторитетом в коллективе.

Под его руководством значительно расширена и освоена торговая площадь, улучшен ассортимент продовольственных и промышленных товаров, введены новые прогрессивные формы торговли, много внимания уделяет культуре обслуживания населения.

План товарооборота ОРСом систематически выполняется. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования системы ГлавУРСа ОРСу ИФВЭ дважды присуждалась третья премия. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина коллектив ОРСа награжден Почетной юбилейной грамотой Министерства и ЦК профсоюза, а среди предприятий института ОРС за первое место награждался переходящим Красным знаменем и Почетной грамотой».

Решением комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР от 25 февраля 1982 года Голикову Евгению Мефодьевичу установлена персональная пенсия республиканского значения в размере 125 рублей в месяц пожизненно.

*И. В. Большева,
использованы материалы Музея истории г. Снежинска*

Из воспоминаний

Планы работы и штатное расписание мы разрабатывали сами и утверждали их на партийном собрании...

Вместе с Е. М. Голиковым ездили в близлежащие населенные пункты и комплектовались кадрами...

М. В. Токарева 177

Мне запомнился Е. М. Голиков улыбчивым, всегда подтянутым, хорошо одетым. Как это при его нагрузке ему удавалось — не знаю. Совещания или заседания

Голиков Евгений Мефодьевич

проводил редко. Больше решал вопросы на рабочих местах. Каждую субботу он ездил в совхоз вместе с директором предприятия Дмитрием Ефимовичем Васильевым...

Евгений Мефодьевич народную копейку считал так же, как и собственную в кармане. Был прижимист, считая излишней роскошью новую мебель для работников управления. Но для улучшения условий труда рабочих ОРСа средств не жалел.

К 1960 году уже был сформирован весь аппарат управления. Е. М. Голиков всегда нас воспитывал личным примером и никогда не наказывал. Ни при каких обстоятельствах не повышал голоса на подчиненного...

Т. Л. Гольцова

Голиков был прекрасным оратором. Выступал без шпаргалок и тезисов, речь его была очень эмоциональной и грамотной. Он много читал, и все новшества внедрял в работу наших предприятий торговли.

А. М. Забелина

А какой ассортимент товаров у нас был! В магазинах не переводилась свежая рыба, колбас было шестнадцать-семнадцать наименований, от промышленных товаров ломились полки... И всё это благодаря начальнику ОРСа, его умению работать.

Да и начальником я его назвать не могу. Он был хорошим старшим товарищем и талантливым руководителем...

С. Н. Пильщиков

В 1960 году меня, молодого специалиста (мне не было еще и двадцати четырех лет), назначили директором городского пионерского лагеря, который нужно было организовать на площадке 21 в здании «казармы». Это был первый большой — на двести пятьдесят детей — пионерлагерь. До сих пор вспоминаю, какое огромное внимание оказывали этой проблеме руководители всех рангов и институтского, и городского уровня. Когда лагерь вступил в строй, не было недели, чтобы его не посетил кто-то из руководителей. Забота о детях была общей заботой. Постоянное внимание к нуждам пионерского лагеря проявлял и начальник ОРСа Евгений Мефодьевич Голиков. Порой дело доходило до анекдотических ситуаций. Однажды приехал Евгений Мефодьевич и радостно сообщил, что он достал для пионерлагеря маслины. На мой недоуменный вопрос: «А для чего это?» (тогда я на самом деле не знал, что это такое) — он ответил, что это прекрасная «закуска» к коньяку. Мы долго смеялись — ведь в лагере пионеры!.. А если серьезно, без шуток, — снабжение пионерского лагеря было организовано на высшем уровне.

В. И. Никитин

Голоиков Николай Андреевич

16(29).01.1916–20.01.1998

Инженер-механик,
организатор производства;
член ВКП(б) с 1944 г.;
почетный гражданин Снежинска (1997).

- 1932 – препаратор Московского физико-химического института им. Карпова.
- 1933 – чертежник-копировщик на паровозоремонтном заводе и одновременно учащийся рабфака, г. Улан-Удэ.
- 1935 – студент Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта (специальность «вагонное хозяйство»).
- 1941 – механик цеха на Свердловском заводе транспортного машиностроения им. Воеводина.
- 1942 – начальник цеха, руководитель (с 1947) технологической группы цехов Уральского завода тяжелого машиностроения, г. Свердловск.
- 1947 – старший инженер-механик, затем начальник цеха Уральского электрохимического комбината, г. Свердловск-44 (ныне Новоуральск).
- 1950 – начальник производства завода «Двигатель», г. Таллин.
- 1951 – начальник отдела, заместитель директора завода по общим вопросам, там же.
- 1957 – заместитель директора предприятия п/я 17, Златоуст-20 (ныне г. Трехгорный).
- 1961 – директор опытного завода предприятия п/я 150, г. Челябинск-70.
- 1965 – заместитель директора предприятия п/я 150 по материально-техническому снабжению, финансированию и общим вопросам, там же.

Голиков Николай Андреевич

- 1978—1979 — заместитель главного врача
по административно-хозяйственной части Московской
клинической больницы № 6.
- 1981—1987 — председатель плановой комиссии исполкома Снежинского
городского Совета народных депутатов, заместитель
председателя горисполкома.

Награжден орденами: Красной Звезды (1943), «Знак Почета» (1954), Трудового Красного Знамени (1962), Октябрьской Революции (1975); медалями: «За трудовое отличие» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1975); нагрудным знаком «Отличник физкультуры и спорта», юбилейным знаком ЦК ВЛКСМ. Его имя занесено в городскую Ленинскую книгу трудовой доблести (1970), Книгу Почета Снежинска (1982). Избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся Златоуста-20 (1959—1961), Челябинска-50 (1967—1977), член горкома КПСС (1961—1967) и исполкома горсовета г. Челябинска-70 (1967—1977).

Николай Андреевич Голиков родился 16 (29) января 1916 года в Москве в семье служащих. Трудовой путь начал в 16 лет препаратором физико-химического института им. Л. Я. Карпова АН СССР. В 1933 году, работая чертежником-копировщиком на паровозоремонтном заводе (где, кстати, трудился и его отец) в г. Улан-Удэ, окончил рабфак и поступил в Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

Дипломированный специалист по распределению был направлен механиком цеха на Свердловский завод транспортного машиностроения им. Воеводина. Шел 1941 год. В тяжелейших условиях начала войны пришлось заниматься приемом и монтажом оборудования и техники эвакуированных из западных районов страны предприятий, в том числе Московского танкового завода № 37. Было где проявить молодому механику инициативу, находчивость и настойчивость для обеспечения бесперебойности работ.

180

В 1942 году Николай Голиков был переведен на Уральский завод тяжелого машиностроения (позже завод № 50 им. Я. М. Свердлова Министерства транспортного машиностроения), где работал сначала механиком, а в 1947 году стал руководить технологической группой цехов. За четкую организацию производства,

выполнение правительственных заданий по выпуску боевой техники для фронта Н. А. Голиков был награжден в 1943 году орденом Красной Звезды, а в 1945-м — медалью «За трудовое отличие». После окончания Великой Отечественной войны на Н. А. Голикова было возложено руководство группой специалистов по реконструкции завода при его переходе на выпуск продукции мирного времени.

В декабре 1947 года по рекомендации Свердловского областного комитета КПСС Николай Андреевич был направлен в Свердловск-44 (ныне Новоуральск) на Уральский электрохимический комбинат инженером-механиком. В сентябре 1948 года он возглавил цех, где проделал технически сложную и ответственную работу по становлению и пуску в эксплуатацию одного из важнейших объектов Министерства среднего машиностроения.

В ноябре 1950 года Н. А. Голиков по решению руководства Министерства был направлен в Таллин на вновь организуемый завод «Двигатель» в качестве начальника производства, а в марте 1953-го он стал заместителем директора этого завода по общим вопросам. Особой заслугой его в этот период стала большая работа по организации производства, построению четкой системы планирования и контроля за выполнением специальных заданий по обеспечению технологическим оборудованием и оснасткой головных предприятий Министерства, за что он неоднократно поощрялся, а в 1954 году был награжден орденом «Знак Почета».

В ноябре 1957 года последовало новое назначение — на должность заместителя директора приборостроительного завода в г. Златоуст-20 (ныне г. Трёхгорный).

Спустя четыре года, по рекомендации Челябинского обкома КПСС Н. А. Голиков согласно приказу министра возглавил в качестве директора 1-й Государственный опытный завод НИИ-1011 (г. Челябинск-70). К этому моменту завод № 1 оказался в сложном положении: руководство института признало результаты производственно-хозяйственной деятельности заводчан неудовлетворительными. Был освобожден от должности Л. А. Соколов, работавший директором завода после П. Ф. Чистякова. Г. П. Ломинский предлагал на эту должность С. Г. Солдуна — начальника спеццеха Ленинградского завода «Большевик». Е. И. Забабахин явно симпатизировал Н. А. Голикову, прошедшему серьезную школу уральских машиностроителей, к своим сорока пяти годам накопившему богатейший жизненный и производственный опыт в суровых условиях военного времени, на ответственных постах в мирные дни.

Высокий, стройный, всегда безупречно одетый, он невольно обращал на себя внимание окружающих. Интеллигент московской формации не в первом поколении, Николай Андреевич был исключительно тактичным, порядочным, добрым человеком, обладал ироничным характером, сильной волей. Это определило его жизненную позицию и позволило ни разу не прогнуться ни под А. П. Коптеловым, главным инженером предприятия, ни под В. И. Алфёровым, заместителем министра. Их попытка сломить Николая Андреевича в период формирования новой команды Г. П. Ломинским, после его назначения директором института и прихода

А. П. Коптелова главным инженером, сразу вставшим в оппозицию директору, закончилась не снятием Н. А. Голикова с поста директора завода, а переводом его на должность заместителя директора института по материально-техническому снабжению, финансированию и общим вопросам.

Обладая незаурядными способностями организатора производства, хозяйственного руководителя, Николай Андреевич четко видел главные задачи по развитию завода, формированию коллектива. Ему удалось создать команду единомышленников, хотя заводчане поначалу восприняли назначение нового директора несколько настороженно, некоторые считали его высокомерным, недоступным, свысока смотрящим на людей.

Первое крупное и перспективное мероприятие, реализованное по инициативе Николая Андреевича, — создание заготовительного цеха для централизованного обеспечения цехов завода заготовками и материалами — показало, что в новом директоре сочетаются исполнительность и требовательность. Николай Андреевич работал увлеченно, заражал своим примером других, заставляя верить в положительный результат затраченных усилий.

Цех был организован в короткий срок. Создание цеха заставило заводчан поверить новому директору, а всех руководителей функциональных служб объединило в сильную, сплоченную команду. И эта команда во главе с директором завода начала настойчивую и последовательную работу по развитию и совершенствованию завода во всех направлениях.

Для улучшения планирования были созданы при ПДО группы оперативного руководства производством по двум тематическим направлениям, назначены ответственные за оперативное руководство производством на правах заместителей начальника ПДО. Стали разрабатываться планы-графики со сроками обеспечения материалами и технической оснасткой.

Отдел главного технолога широко развернул работу по реконструкции цехов и участков, перепланировке производственных площадей. Для улучшения условий труда предусматривалось расширение бытовок, раздевалок, гардеробов, устройство душевых, красных уголков и т. д.

Получило дальнейшее развитие КБ ОГТ, что позволило осуществлять проектирование пресс-форм для крупных заготовок из полиэтилена, пенопласта и резины. Модернизировалось оборудование. Были запущены первые станки с программным управлением. Расширялся парк металлорежущего, кузнечно-прессового, термического, подъемно-транспортного оборудования. Совершенствовалась подготовка производства. Особое внимание уделялось разработке прогрессивных технологий. Так, была внедрена новая технология облицовки кожухов, освоены профильная шлифовка, гибка деталей на цинковых штампах, получен новый сплав АЛ19. Начался новый виток развития нормативно-технической базы. Было разработано более тридцати инструкций по изготовлению деталей.

Организовалась служба новой техники. Вступил в строй новый механосборочный цех, в структуру которого вошел цех гальванический.

Для повышения качества изготовления продукции была создана система БИП — система бездефектного изготовления продукции. Проводились дни качества, когда на основе анализа производственных результатов обсуждались возможности улучшения качества продукции, пути сокращения брака. Проводились месячники качества. Рабочие работали под лозунгом «Рабочая совесть — лучший контролер!». Передовым рабочим присваивалось звание «Отличник качества» и вручалось личное клеймо. При внедрении системы БИП за качество стали отвечать все.

Отдел организации труда и заработной платы разрабатывал технически обоснованные нормы времени (ТОН), которые широко стали применяться на заводе наряду с прогрессивными премиальными системами оплаты труда. В цехах стали разрабатывать годовые комплексные планы организационно-технических мероприятий, выполнение которых способствовало решению производственных задач.

В цехах были созданы комиссии по культуре производства. С большим энтузиазмом заводчане взялись за благоустройство территории завода, посадку деревьев.

Дальнейшее развитие получило социалистическое соревнование. Зародилось движение «За коммунистическое отношение к труду». В эти годы более 30% заводчан было присвоено звание «Ударник коммунистического труда». Всё это способствовало стабильному выполнению плана по всем показателям: объему, заданной номенклатуре, срокам. А главное, обеспечивалось хорошее качество изделий.

Для решения кадровой проблемы в 1963 году в городе открылось профессиональное техническое училище № 80. Считая училище цехом № 1, завод взял над ним шефство. При училище были организованы курсы повышения квалификации рабочих.

Не на последнем месте среди прочих вопросов была воспитательная работа. С нарушителями трудовой дисциплины и общественного порядка разбирались в первичных трудовых коллективах. Работали товарищеские суды. Николай Андреевич сам проявлял отеческую заботу о молодежи и считал, что в процессе воспитания должны участвовать все. Воспитывать молодежь, по его выражению, необходимо «хором», направляя её в нужное русло. Как опытный психолог, в каждой конкретной ситуации он умел определить, кто нарушитель случайный, а кто злостный. Зачастую Николаю Андреевичу достаточно было взять с провинившегося слово о недопущении нарушений впредь, и, как правило, его не подводили.

Заводская администрация во главе с директором поддерживала тесные контакты с парткомом, профкомом, комитетом комсомола завода, благодаря чему внепроизводственная жизнь заводчан была насыщенной замечательными мероприятиями.

В те годы большой популярностью пользовался заводской Праздник труда. Построившись на центральной городской площади в колонны, участники праздника — заводчане приходили целыми семьями, с детьми — шли на стадион

им. Ю. А. Гагарина, где проводились спортивные соревнования, веселые старты. Апофеозом праздника было публичное сожжение чучела пьяницы.

Спортсмены завода объединились в ДСО «Авангард» и почти во всех видах спорта им не было в городе равных. Для развития спорта на заводе Николай Андреевич организовал строительство стадиона «Комсомолец». За несколько субботников были построены баскетбольная, гандбольная, городошная, две волейбольные площадки и футбольное поле. Проводились соревнования среди цехов завода по игровым видам спорта. Николая Андреевича часто можно было встретить на трибунах среди азартных болельщиков.

В круг директорских забот вошло и художественное творчество заводчан. До восьми часов длились смотры художественной самодеятельности цеховых коллективов. Обладая широким кругозором и эрудицией, способностью понимать и ценить юмор, Николай Андреевич неоднократно становился председателем КВНовского жюри, с увлечением наблюдал интеллектуальное состязание молодежных команд.

По просьбе трудящихся Николай Андреевич организовал строительство пешеходной дорожки между городом и 9-й площадкой. Теперь её называют дорожкой Голикова.

После назначения Николая Андреевича на должность заместителя директора предприятия по материально-техническому снабжению, финансированию и общим вопросам его задачи приобрели иной вес и масштаб. Теперь во многом лично от него зависело успешное претворение в жизнь научных и конструкторских разработок всего института. Он приложил много усилий к улучшению технико-экономических показателей работы предприятия, внедрению механизации, научной организации труда, повышению четкости работы вспомогательных служб, в том числе автомобильного и железнодорожного транспорта.

Н. А. Голиков уделял большое внимание и оказывал практическую помощь развитию городского хозяйства, жилищно-бытовым и детским учреждениям. Его особой заботой оставалось местное профессионально-техническое училище. Он во многом содействовал организации трудового воспитания учащихся общеобразовательных школ, много внимания уделял пионерскому лагерю «Орлёнок», обеспечивая его готовность к летнему сезону.

Николай Андреевич постоянно занимался вопросами сельскохозяйственного производства, оказывая большую практическую помощь совхозу предприятия и сельскому хозяйству области.

Основной заслугой Николая Андреевича Голикова в период деятельности в должности заместителя директора института является его вклад в обеспечение выполнения многих правительственных заданий по разработке и созданию опытных образцов новых видов техники, отличающихся экономичностью, более высокими тактико-техническими характеристиками, за что в феврале 1975 года он был награжден орденом Октябрьской Революции.

Уйдя на заслуженный отдых в 1978 году, Николай Андреевич вновь в строю — заместитель главного врача по административно-хозяйственной части Московской клинической больницы № 6.

С 1981 по 1987 год Н. А. Голиков работал заместителем председателя исполкома городского Совета народных депутатов в Челябинске-70. Он всегда активно участвовал в общественной жизни института и города. Неоднократно избирался членом горкома партии, депутатом и членом исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

Активный общественник, неравнодушный человек, он очень болезненно переносил перемены, начавшиеся с приходом к власти М. С. Горбачева, считая, что «гайдары, поповы, афанасьевы, бурбулисы, чубайсы продали страну». Часто перечитывал «Бесы» Ф. И. Достоевского, где описывается время перемен в государстве, и считал Ф. И. Достоевского нашим современником.

До последнего дня жизни Н. А. Голиков работал в Совете ветеранов города, возглавляя комиссию по экологии, занимаясь патриотическим воспитанием молодежи, оставаясь человеком долга.

И. А. Ступичев

Из воспоминаний

Если говорить о многолетних отношениях Евгения Ивановича и Николая Андреевича, то нельзя не отметить такой удивительный момент. Дело в том, что они были друзьями еще с самого детства. Со времени жизни в подмосковном поселке Баковка. А потом судьба и общая работа снова свели их вместе уже в нашем городе. Я тоже помню его по Баковке, но он был постарше, юношей — для меня совсем «взрослым», а мне было лет десять тогда. Запомнился случай, когда я попала в гости к родителям Николая Андреевича, и там находился актер, сыгравший в популярном фильме «Дети капитана Гранта». Он был негром, и его внешность произвела на нас, детей, сильнейшее впечатление. Вообще, следует сказать, что родители Евгения Ивановича и Николая Андреевича, также как их дети, поддерживали хорошие дружеские отношения.

Во время войны Евгений Иванович и Николай Андреевич, как и многие, потеряли друг друга из вида. И вот, много позже, когда мы с Евгением Ивановичем были уже женаты и отдыхали на юге, произошла случайная встреча. Прямо на улице мы столкнулись с Николаем Андреевичем и его женой, Валентиной Яковлевной. Встреча, кстати, была не только удивительной, но и несколько напряженной. Дело в том, что Николай Андреевич, также как Евгений Иванович, работал в «почтовом ящике». И вот стоят старые друзья, радуются, а обсуждают только погоду. Один не говорит, где живет и чем занимается, другой тоже. Такие были времена. Расстались всё же с намерением писать друг другу. Но уже через

короткое время произошла вторая случайная встреча. Евгений Иванович, поехав по делам в Москву в наше министерство, опять встретил там Николая Андреевича. С удивлением спрашивает:

- Ты что тут делаешь?
- Устраиваюсь на работу.
- А куда?
- В Челябинск-67 (одно из названий нынешнего Снежинска).

Удивление Евгения Ивановича удвоилось.

Через некоторое время после приезда Николая Андреевича в наш город, мы совершили совместную с ним поездку на Кавказ, в Джайлык, где жили в горнолыжном лагере и катались на лыжах. Несмотря на то, что деревянные домики имели печки и инструкторы выдали нам пуховики, все равно было холодновато. В результате Николай Андреевич простыл и заболел. И мы, забрав его из больницы, отвезли в Москву. Тогда детская дружба Евгения Ивановича и Николая Андреевича окончательно восстановилась.

Николай Андреевич был остроумным человеком. Он отличался каким-то мягким юмором, который никогда не задевал человека. И, конечно, всегда был готов помочь. После смерти Евгения Ивановича, они вместе с Валентиной Яковлевной часто приходили ко мне. Время было психологически тяжелое — начало перестройки. Просто моральная поддержка была важна.

Евгений Иванович назвал младшего нашего сына, Колю, в честь своего детского друга Николая Андреевича (старшего, Игоря, тоже по имени другого друга — Игоря Куренкова). Очень хорошая память осталась о Николае Андреевиче Голикове.

В. М. Забабахина

Жизнь Николая Андреевича с 1961 года до ухода в мир иной прошла на наших глазах, а вот что и как было до того, нам известно мало. Хотя бывали минуты, когда приоткрывалось это прошлое.

Как-то случилось так, что по пути на Семипалатинский полигон осенью по причине непогоды просидели мы с Николаем Андреевичем сутки в Кольцово, и он рассказывал мне о своей жизни и работе в Свердловске в годы войны.

186 Молодым специалистом встретил войну Николай Андреевич на знаменитом «полтиннике», так называли завод транспортного машиностроения имени Воеводина. Был сначала механиком цеха, а пройдя всю тяжесть «аварийной» работы по приему оборудования с эвакуированных с запада заводов, его транспортировке, монтажу и запуску в строй в цехе танковых коробок скоростей, вскоре принял этот цех под свое руководство.

Продукция цеха была ключевая и ответственная. Комплектовались ею танки, выпускаемые Уралмашем и частично челябинским Танкоградом. Цех все годы войны находился на острие программы производства танков. Напряжение колос-

сальное — ни выходных, ни ночей. И для меня было поразительно, как Николай Андреевич, будучи 25-летним молодым специалистом, не только взвалил на себя такую ответственность, но и с честью выстоял, выдержал этот первый производственный экзамен.

Результат — официальное признание заслуг награждением правительственными орденами и, что не менее важно, признание Николая Андреевича достойным учеником свердловской, уральской школы машиностроителей, неофициальной, но очень уважаемой школы.

Я говорю это ответственно по той причине, что сам прошел эту школу, правда, в другие времена, но очень схожие с теми, военными.

Удивительные были времена — редкие в жизни страны, когда абсолютно совпадал нравственный, общечеловеческий долг нашего народа с позицией государства, с его лозунгами, указаниями, приказами. Вероятно, потому, несмотря на страшные лишения в годы войны и послевоенного лихолетья, мы помним эти годы как самые светлые и честные.

Именно тогда Николай Андреевич сформировался и как специалист, и как личность:

- научился верить в людей и доверять им;
- научился поворачиваться к народу солнечной стороной своей души;
- понял, что пафос — инструмент вранья и неуверенности;
- научился быть при сильной воле и убежденности уступчивым;
- научился делать трудные дела без «звериной серьезности»;
- научился, наконец, быть хорошим человеком не только в хорошие времена, но и в плохие, и в очень плохие оставаться хорошим человеком — честным и доброжелательным.

И вот с этим житейским багажом, с репутацией прекрасного специалиста понесло Николая Андреевича по жизни сначала на строящийся Уральский электрохимический комбинат (Свердловск-44), а затем в Эстонию, в Таллин на завод «Двигатель» — старейший российский завод «Русский дизель», завод с устоявшимися традициями.

Именно там, в «маленькой Европе», а так воспринималась Прибалтика в те годы, приобрел Николай Андреевич черты и облик светского человека — внешнюю изысканность, аристократическую манеру одеваться и держаться.

И на «Двигателе» проявил себя Николай Андреевич талантливым инженером и надежным организатором производства, снискав уважение коллег и память на долгие годы.

И снова на Урал. О своей жизни и работе на приборостроительном заводе в Златоусте-36 он как-то не распространялся.

Звездным часом Николая Андреевича был, конечно, период его работы директором завода № 1 нашего предприятия.

Успех дела, по большому счету личный успех, ощущение выполненного долга обеспечивается двумя обстоятельствами: с одной стороны, твоими способностями,

мерой твоего таланта, твоей готовностью решить дело; с другой стороны, востребованностью твоих способностей, твоего таланта, твоей готовности — вот здесь и сейчас.

Что касается первой стороны, то совершенно очевидно, что Николай Андреевич был полностью готов к руководству заводским коллективом. Что же до второй стороны, то дело обстояло так.

В начале 1960-х годов как-то всё не ладилось на нашем предприятии. Разброд и шатание, особенно в производстве и на заводе. Производственные планы часто не выполнялись. Задачи, которые ставило руководство предприятия перед производством, воспринимались как нереальные. Принципиальных оснований для такой ситуации вообще-то не было. Объективно было всё — и производственные мощности, и хорошие грамотные специалисты.

Не было главного — ЛИДЕРА. Это руководством предприятия понималось, и принимались меры, чтобы закрыть эту брешь.

Георгий Павлович Ломинский делал ставку на С. Г. Солдуна — начальника спеццеха Ленинградского завода «Большевик». Евгений Иванович Забабахин считал, что производство уверенно может потянуть Н. А. Голиков, которого он хорошо знал. Кончилось дело тем, что Николай Андреевич был назначен директором завода, а С. Г. Солдун — главным инженером завода.

Мы, заводчане, восприняли эти назначения с большим пониманием и надеждой, и наши надежды оправдались. На алтарь успеха Николай Андреевич положил весь свой опыт организатора машиностроительного дела и всё обаяние своей натуры. Ему достаточно быстро удалось сбить команду единомышленников — непрременных участников выработки управляющих решений как в области технического развития завода, организации производства, так и в жизни заводчан. Проблемы обсуждались неформально вечерами в обстановке свободной дискуссии и, что характерно, очень демократично — Николай Андреевич никогда ни на кого не давил своим авторитетом. Одним словом, ему удалось создать на заводе творческую обстановку — обстановку работы с большим духовным подъемом.

И дело пошло. Завод бурно наращивал свои мощности и объемы производств. Работать на Государственном заводе № 1 стало престижно. Более того, нам, заводчанам, было понятно, куда стремиться, а стремились мы к вершинам, ясно определенным во многом благодаря опыту, таланту Николая Андреевича и в немалой степени его нравственным миром.

Но кадровая чехарда в высших сферах нашего руководства, к сожалению, продолжалась. После неоднократных просьб оставил свой пост директор предприятия Б. Н. Леденёв. Вместо него был назначен Георгий Павлович Ломинский — и это было замечательное решение. Но вот назначение на пост главного инженера предприятия Анатолия Логиновича Коптелова (главного инженера серийного завода из Свердловска-45, и успешного главного инженера) в научно-производственный комплекс, каким является наш институт, было, на мой взгляд, ошибкой, тем более что Анатолий Логинович по натуре был человеком резким и бескомпромиссным.

Начались конфликты, от чего нас всегда бог миловал, между Георгием Павловичем и А. Л. Коптеловым. А далее, как в классике: паны дерутся — летят ключья с голов холопов.

Одним из первых был освобожден Николай Андреевич. Хорошо, что у Георгия Павловича хватило твердости настоять на назначении Николая Андреевича заместителем директора предприятия по общим вопросам и тем самым вывести его из подчинения главному инженеру.

Конечно, и на новом месте Николай Андреевич прекрасно работал. Сфера деятельности обширнейшая, но размытая: снабжение, социалка, транспорт, сельское хозяйство и многое другое, но всё это — обеспечивающие направления, на которых если и были успехи, то они воспринимались как должное.

Надо сказать, что и Георгий Павлович в своей работе уделял большое внимание тем же направлениям, которые были подведомственны Николаю Андреевичу. Это обстоятельство создавало почву для некоторой неудовлетворенности. И хотя внешне всё было пристойно, но всё-таки, когда Николай Андреевич попросил отставку, Георгий Павлович без лишних разговоров ее принял. И напрасно.

Случилось это в 1978 году.

Потом была еще большая жизнь и блестящая работа в горисполкоме. Но это уже другая история.

Б. И. Беляев

Николая Андреевича я знал с момента назначения на должность директора первого завода до последних дней его жизни. Его деятельность в нашем городе можно разделить на три важных периода.

Первый период связан с работой в должности директора Государственного завода № 1. (Тогда он назначил меня заместителем, а затем начальником цеха 103.)

До назначения на завод директором Н. А. Голикова, а главным инженером С. Г. Солдуна завод зачастую не справлялся с производственными заданиями. Завод лихорадило. Практикой были ежемесячные авралы по выпуску изделий.

С приходом на завод двух опытных производственников обстановка заметно стала улучшаться. На заводе были произведены некоторые структурные изменения, осваивались новейшие технологические процессы, внедрялось четкое планирование с увязкой работы всех цехов и отделов завода.

Завод стал справляться с производственными задачами и даже завоевывать первые места в городском социалистическом соревновании. Такое знаковое событие произошло впервые с приходом Николая Андреевича. До этого коллектив нашего завода на праздничных демонстрациях ходил всегда за заводом № 2. За сравнительно короткое время Николай Андреевич завоевал всеобщее уважение заводчан.

Голиков Николай Андреевич

Руководство института ставило перед заводом всё более сложные, трудно выполнимые задачи. Требовали составлять сетевые графики по выпуску не только изделий, но и по отдельным узлам. И только благодаря большому опыту и мудрости директора завода задания выполнялись без излишней нервозности. Николай Андреевич умел спокойно и логично убедить своих коллег в правильности поставленной задачи и намеченных путей ее выполнения.

Решение руководства института об освобождении Н. А. Голикова от директорской должности заводчанами было воспринято как несправедливое и оскорбительное.

Николай Андреевич тяжело переживал расставание с любимившимся ему коллективом. На посту заместителя директора института по МТС, финансированию и общим вопросам он поддерживал самые тесные контакты с заводчанами.

Второй период составили годы работы Николая Андреевича в должности заместителя директора института, когда его контакты с профсоюзной организацией по так называемым общим вопросам были особенно тесными.

ОЗК-24 в те добрые времена оказывал существенное влияние на многие социальные направления жизни горожан. Это — культура, спорт, организация отдыха детворы и взрослого населения города, а также жилье, дошкольные учреждения, ОРС, медицина, совхоз, садоводческие товарищества и многое другое.

Слева направо: П. Я. Усиков, Р. Кукарский, Н. А. Голиков

Все перечисленные направления в той или иной степени входили в круг обязанностей Николая Андреевича.

В то время все сотрудники ДК «Октябрь», клубов города и совхоза, Горспортсовета и пионерского лагеря находились в штате ОЗК-24. Материальная же база была в ведении института. Николай Андреевич уделял много внимания поддержанию в достойном виде нашего главного культурного центра — ДК «Октябрь». При нём была приобретена новая мебель, современное оборудование и музыкальные инструменты.

В те годы велось строительство второй очереди загородного пионерского лагеря. Строительство велось на средства профсоюза. Для ускорения строительства был создан городской штаб. Заместителем председателя штаба являлся Н. А. Голиков. Задача перед штабом стояла непростая — завершить строительство к началу оздоровительного сезона, да так, чтобы наш лагерь был лучшим в Уральском регионе.

Для достижения такой цели к строительству лагеря на общественных началах привлекли все структурные подразделения института и все производственные коллективы города. Перед каждым коллективом ставилась конкретная задача. Коллектив КБ-1 отвечал за центральную аллею, КБ-2 — за центральную трибуну, сектор 5 — за аллею Дружбы народов, завод № 1 — за гору Сказов и т. д. На заседание штаба шефствующие коллективы представляли эскизы, макеты для утверждения, и только после этого приступали к работам.

С помощью Николая Андреевича во многом удалось улучшить проект, особенно в части оборудования. Так, в актовом зале скамейки заменили креслами, в спальнях корпусов панцирные кровати — деревянными. На кухне было установлено новое современное оборудование.

К началу оздоровительного сезона лагерь был готов. Общими стараниями его удалось сделать действительно лучшим во всем Уральском регионе.

По инициативе Николая Андреевича был организован отдых нашей детворы в Таджикистане, а дети из г. Чкаловска стали гостями нашего города.

При активном участии, а зачастую по инициативе Н. А. Голикова строились и оснащались необходимым оборудованием такие спортивные объекты, как стрелковый тир, хоккейный корт, спортивные залы-ангары в совхозе и около Дворца пионеров, новая капитальная футбольная трибуна с подтрибунными помещениями.

Особой заслугой Николая Андреевича стала резиновая беговая дорожка на стадионе им. Гагарина.

В 70-х годах XX века многие крупные стадионы областных центров только мечтали обзавестись такими беговыми дорожками. Покрытие для них выпускалось на подмосковном Чеховском заводе резинотехнических изделий и распределялось строго по утвержденному списку.

Николай Андреевич совместно с Э. А. Косаревым (в то время председателем Горспортсовета) выяснили, что у чеховцев есть проблемы с изготовлением

пресс-форм. Тогда Николай Андреевич договорился с нашими заводчанами. Те изготовили пресс-формы, в обмен на которые из Чехова пришли два вагона резиновой плитки, которая служит и в настоящее время.

Немалую роль сыграл Н. А. Голиков и при строительстве профилактория института, создании садоводческих товариществ, организации шефства производственных коллективов над всеми дошкольными учреждениями. Уход Николая Андреевича на персональную республиканскую пенсию и переезд его в пос. Селятино явились серьезной потерей как для института, так и для ОЗК-24.

Третий из названных периодов — возвращение Николая Андреевича на Урал. Уезжая в Селятино, он не стал окончательно порывать с нашим городом. В квартире осталась прописанная жена Валентина Яковлевна. Он не продал ни сад, ни гараж. Самое главное, что у него осталось в нашем городе, это его добрые друзья, по которым он скучал. Сдерживающим моментом его возвращения в какой-то мере был вопрос, где ему придется трудиться. Пенсионная бездеятельность, невостребованность были не для него. Опыт, знания, работоспособность, энергия требовали своего применения.

Во время пребывания Г. П. Ломинского в отпуске в Москве Николай Андреевич обратился к нему по этому поводу. Георгий Павлович предложил Голикову должность директора институтского музея. Николай Андреевич предложение принял.

В те дни я находился в Москве в командировке. Вечером заехал на квартиру к Ломинским. От них узнал о возвращении Николая Андреевича. Новость, конечно, обрадовала, и я стал убеждать Георгия Павловича «отдать» Голикова на службу в исполком на должность председателя плановой комиссии и заместителя председателя исполкома. Такое пополнение, с одной стороны, усилило бы «исполнительную команду», с другой — укрепило бы связи с институтом. После определенных колебаний Георгий Павлович согласился при одном условии — если мне удастся уговорить Николая Андреевича.

Голикова долго убеждать не пришлось, и он, к большому удовольствию всех членов исполкома, согласился войти в нашу команду.

С приходом Николая Андреевича в исполком многие сложные вопросы стали решаться быстрее, масштабнее и качественнее. Так, было организовано шефство производственных коллективов над всеми школами и микрорайонами города, что позволило привлечь внимание производственных коллективов к проблемам учебных заведений. Значительно улучшилось содержание внутриквартальных территорий: во дворах стали строиться спортивные площадки, малые архитектурные объекты и, что особенно важно, поддерживался порядок, о котором сейчас можно только мечтать.

Была осуществлена передача жилищного фонда от предприятия городу. Удалось «вытащить» из подвальных помещений обслуживающий персонал ЖЭКов, построить для них новые производственные здания, а в целом для ЖКУ построить новую производственную базу.

Голиков Николай Андреевич

При его участии создавалось городское автотранспортное предприятие, была построена городская АЗС. Проведена реконструкция ДОКа.

Заметен вклад Н. А. Голикова в развитие других направлений городского хозяйства. Город по объему услуг на душу населения с 7-го места среди десяти городов МСМ поднялся до 2-го. В областном социалистическом соревновании в честь памятных исторических дат были завоеваны все памятные Красные знамена.

Николай Андреевич принимал самое активное участие в разработке пятилетних планов развития города. Велика была его роль при защите городского титула в Минфине, а также в отраслевых министерствах. К его аргументам всегда прислушивались, и это позволяло получать городу дополнительное финансирование.

Во время командировок в Москву по защите титула или в другие города по обмену опытом работы я всегда жил в гостинице в одном номере с ним. Он был очень интересным собеседником. От него я узнал, что род Голиковых глубоко уходит корнями в историю России. Его предки в немалых чинах честно служили Отечеству.

У Николая Андреевича не было детей, о чем он очень сожалел. Но он активно занимался воспитанием своего племянника — Андрея Николаевича. В роду Голиковых повелось давать старшему сыну имя дедушки. Сам Николай Андреевич свое имя-отчество носил в седьмом поколении, и уже при нём рос восьмой Николай Андреевич.

Почти в каждую командировку в Москву, при каком бы напряженном графике работ не приходилось трудиться, Николай Андреевич — большой поклонник театра — непременно становился инициатором театральных вечеров: нам порой удавалось побывать не в одном театре.

Николай Андреевич всегда отличался прекрасными человеческими качествами, высоким интеллектом, ответственностью за порученное дело, организаторскими способностями. Это был спокойный и выдержанный человек, ровный в общении с людьми любого ранга, умеющий внимательно выслушать и дать добрый совет.

Встретить такого человека на своем жизненном пути — великое счастье. Мне в жизни повезло...

Е. А. Дедов

Гречишников Владимир Федорович

27.06.1917–15.08.1958

Инженер-конструктор авиационных и танковых двигателей, разработчик образцов ядерного оружия; кандидат технических наук (1956); лауреат Ленинской (1958) и Сталинских (1951, 1953) премий; Герой Социалистического Труда (1953).

- 1934 – студент Московского ордена Трудового Красного Знамени механико-машиностроительного института им. Баумана (Высшее техническое училище им. Баумана).
- 1939 – инженер-конструктор, старший инженер-конструктор Центрального научно-исследовательского института авиационного машиностроения им. Баранова, г. Москва.
- 1940 – руководитель конструкторской группы Кировского завода, г. Ленинград.
- 1941 – руководитель конструкторской группы завода № 76, г. Свердловск.
- 1945 – заместитель главного конструктора завода № 76, там же.
- 1947 – старший инженер-конструктор, руководитель группы, заместитель начальника отдела, исполняющий обязанности начальника сектора КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 – заместитель главного конструктора по разработке ядерных боеприпасов НИИ-1011, г. Снежинск.

Награжден орденами Красной Звезды (1945), Ленина (1949, 1953); медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945). Его имя занесено в Книгу трудовой славы города (1962). Именем В. Ф. Гречишникова названа улица в г. Снежинске.

Годы всё дальше отодвигают от нас события, связанные с развитием и становлением нашей отрасли промышленности, время создания первых изделий специального назначения. Первые изделия... В те далекие годы никто отчетливо и ясно не представлял себе, как их надо делать.

Одним из первых, находившихся на острие решения поставленной проблемы и принимавших самое активное участие в создании конструкций этих изделий, был Владимир Федорович Гречишников. Он прожил короткую, но яркую жизнь. Сделал свой весьма заметный вклад в развитие новой техники. Оставил в сердцах людей добрую память о себе.

Владимир Федорович родился 27 июня 1917 года в г. Уфе. Отец его, Федор Сидорович, был лесничим, а мать, Ксения Владимировна, — учительницей. О том, как еще в детские и юношеские годы закладывались трудовые навыки и формировались взгляды и интересы будущего конструктора, рассказывали его родители и сестры. Их воспоминания записала Наталья Леонидовна Розальева — жена В. Ф. Гречишникова.

«Годы были тяжелые, голодные. В детстве Володя вместе со своими сестрами Ольгой и Мариамной старались помогать родителям. Летом трудились в огороде, который был большим подспорьем для семьи. С самого раннего детства было твердо усвоено, что всё надо делать только хорошо, а для этого необходимо много и терпеливо трудиться.

Сестры и брат очень любили друг друга. Володя проявлял о них мужскую заботу, не давая в обиду мальчишкам. Он выращивал замечательные цветы для своих сестричек. Эта любовь и теплота отношений сохранились на всю жизнь.

По вечерам родители устраивали для детей увлекательные чтения. И дети в один вечер могли побывать в далекой стране, познакомиться с её жителями, природой, животным и растительным миром.

В школьные годы Володя увлекался математикой и физикой. Очень любил решать сложные задачи. Много читал. Он рос добрым, трудолюбивым и волевым мальчиком. У него всегда было много друзей. В свободное от занятий и домашней работы время дети с увлечением отдавались подвижным играм — лапте, пряткам, горелкам, традиционным казакам-разбойникам.

Окрестности Уфы очень красивы. Берега извилистой реки Белой местами покрыты густой растительностью. Во время цветения всё это дышит удивительным ароматом, благоухает. В летние каникулы дети много времени проводили на реке: купались, делали заплывы на дальность, соревновались в гребле.

Когда Володя заканчивал 8-й класс, заболел и ушел на пенсию по инвалидности его отец. Материальное положение семьи ухудшилось. Владимир поступил на рабфак. За один год, без отрыва от работы, он освоил программу 9-го и 10-го классов.

Отцу Володи, как бывшему работнику лесничества, предлагали для сына путевку в Ленинградскую лесную академию с правом на получение стипендии. Но Володя отказался от льготной путевки. Его призвание — техника. И он поступил

в Московский ордена Трудового Красного Знамени механико-машиностроительный институт (ныне Московское высшее техническое училище) им. Баумана на факультет «Двигатели внутреннего сгорания». Правда, как сын служащего он первое время стипендию не получал. Но Володя подрабатывал вечерами, как это делали многие студенты.

В институте Володя учился отлично. Он освоил технику быстрого чтения и черчения. Это очень помогало ему в учебе и позволяло экономить драгоценное время. Позднее за отличные успехи в учебе Володя стал получать стипендию.

Он много читал технической литературы, был лучшим студентом на кафедре. Его курсовыми работами студенты пользовались как образцами... Кроме технической литературы Володя читал книги и по медицине. Мечтал получить второе образование — медицинское, как и его сестры. Очень любил музыку...»

Уже в институте Владимир Гречишников проявил склонность к неординарному мышлению. Он удивил членов государственной комиссии своим дипломным проектом, в котором предложил использовать для изготовления коленчатого вала самолетного двигателя не традиционную сталь, а алюминий! Институт В. Гречишников окончил с отличием в 1939 году и начал работать в Московском НИИ авиадвигателестроения им. Баранова.

Перед войной В. Ф. Гречишников работал конструктором на Кировском заводе в Ленинграде, а в годы войны под руководством главного конструктора тяжелых танков Николая Леонидовича Духова — в Свердловске, на заводе № 76 Танкопрома. Занимался разработкой двигателей для танков. О том, насколько успешной была его работа в годы войны, свидетельствует орден Красной Звезды, которым Владимир Федорович был награжден в 1945 году.

В нашу отрасль В. Ф. Гречишников пришел еще молодым, но уже опытным конструктором. Острый, изобретательный ум, конструкторский талант, глубокие знания и приобретенный опыт, помноженные на огромное желание как можно скорее войти в курс дел и работать с полной отдачей, позволили ему довольно быстро освоиться в новой области техники. Заряд его молодости, энергии, энтузиазма был таким, что временные неудачи только вдохновляли его на новые поиски. Каждое его техническое решение было, по сути своей, изобретением. Владимир Федорович обладал редкой способностью: не упуская из виду отдельные элементы, видеть и чувствовать конструкцию в целом.

196 Об этом трудном и очень интересном периоде жизни не только Владимира Федоровича, но и многих сотрудников вновь созданного НИИ-1011, рассказал Виктор Иванович Жучихин: «Всё создавалось тогда впервые, без аналогов и опыта, в кратчайшие сроки... При разработке изделий во главу угла ставилась их работоспособность. А это часто достигалось усложнением конструкции. И лишь после экспериментальной проверки изделие «доводили», делая его более технологичным. Шли по пути от сложного к простому.

Были и неудачи, но они не только не расслабляли Владимира Федоровича, а, наоборот, пробуждали в нем какую-то невероятную силу, уверенность

в выходе из трудного положения. Не позволял он унывать и своим соратникам. Прежде чем начать обсуждение причин неудачи, старался подбодрить их шуткой».

В. Ф. Гречишников не только умел находить смелые технические решения и достойно преодолевать трудности и неудачи, но и мог решительно отказаться от результатов большой проделанной работы, если ясно видел более перспективное решение проблемы.

Из воспоминаний Евгения Ивановича Забабахина: «Владимир Федорович был, как говорится, легким на подъем. Закончив большую работу, он мог ошарашить нас неожиданным предложением всё изменить и сделать сначала. Иногда это желание выливалось в серьезную и трудную работу, которую и делал он сам».

Такая же черта характера была и у главного конструктора космических кораблей С. П. Королева. Об этом говорят воспоминания его соратников... И, видимо, это не случайное совпадение. В. Ф. Гречишников и С. П. Королев объединяют, прежде всего, конструкторский талант, деловые и человеческие качества. И, конечно, способность решать сложнейшие задачи в самых трудных условиях.

За большие заслуги в науке и технике В. Ф. Гречишникову в 1956 году была присвоена ученая степень кандидата технических наук без защиты диссертации. В отзыве члена-корреспондента АН СССР К. И. Щёлкина о деятельности В. Ф. Гречишникова говорилось и о том, что в результате активной и плодотворной работы Владимир Федорович стал одним из ведущих специалистов в области новой техники. Очень ярко проявился у В. Ф. Гречишникова талант организатора и наставника. Он обладал способностью создавать вокруг себя атмосферу не только деловитости, но и оптимизма.

В начале 1950-х годов он возглавил довольно большой коллектив конструкторов, пришедших из промышленности с опытом работы, и выпускников вузов. И для каждого Владимир Федорович находил то направление работы, которое было по душе конструктору.

О первой встрече с В. Ф. Гречишниковым рассказал выпускник Московского института химического машиностроения (МИХМ) Ю. М. Кожевников: «Смущенный и оробевший, я вошел в скромный по интерьеру кабинет. Из-за стола поднялся человек среднего роста и возраста, с темными вьющимися волосами и густыми бровями. Хорошо подогнанный по его изящной фигуре элегантный костюм, очки в толстой оправе, теплый взгляд умных глаз, добрая улыбка — всё это выдавало в нём типичного интеллигента. В то время я занимался гимнастикой, греблей, но его крепкое рукопожатие меня поразило... Пригласив сесть, он поинтересовался моими жилищными условиями и впечатлениями о месте работы. Меня удивила его осведомленность моими институтскими делами. Стало ясно, что встрече предшествовало подробное знакомство с моей характеристикой в личном деле.

После беседы в непринужденной и доверительной обстановке, я покинул кабинет с дерзновенными планами в голове и неудержимым желанием быть максимально полезным».

В отделе, который возглавлял В. Ф. Гречишников, работали и срабатывались между собой специалисты разного профиля: авиастроители, кораблестроители, станкостроители, вагоностроители, танкостроители и даже строители сельхозмашин. Использование коллективного опыта конструкторов разных специализаций было одним из мудрых организационных решений руководителя отдела.

Приходившие вновь сотрудники не были готовы к выполнению специфической по характеру работы — в вузах этому не учили. И в этой ситуации Владимир Федорович проявлял себя чутким и внимательным наставником.

Из воспоминаний Х. А. Валеева: «Как-то Владимир Федорович проходил мимо меня и взглянул на кульман, на котором был прикреплен чертеж детали, похожей на большой пустотелый болт. Глядя на чертеж, он заметил: «А нельзя ли эту деталь сделать сварной, чтобы не перегонять металл в стружку?» Я ответил, что можно. А потом долго удивлялся, как это я сам не догадался о таком решении?»

Владимир Федорович постоянно обращал внимание сотрудников на технологичность изделий, так как от этого зависят сроки изготовления, экономичность, а порой — надежность всей конструкции. Однажды он прочел целую лекцию о рациональной конструкции сварных кожухов.

Владимир Федорович был частым гостем у заводских технологов и обсуждал с ними вопросы технологичности изделий. Бывая в цехах, любил потрогать и поддержать в руках изготовленные детали, принимал участие в сборочных операциях.

В. Ф. Гречишников умел доверять молодым инженерам трудные и ответственные работы. Инженер-конструктор Ю. К. Чернышев вспоминал такой случай: «Владимир Федорович направил меня в командировку на один из заводов Урала на целых полгода. Мне нужно было на месте принимать решения при сдаче продукции, изготовленной по еще неотработанной конструкторской документации.

Такое неординарное решение руководителя позволило сократить сроки поставки комплектующих изделий, оказать большую помощь производству и приобрести мне ценный опыт».

Как наставник В. Ф. Гречишников проявлял настоящий педагогический такт. Как-то он дал инженеру-конструктору Н. Г. Шинкаренко (Захаровой) отчет по разработке изделия и сказал: «Посмотрите, нет ли ошибок». В действительности он хотел, чтобы сотрудница узнала больше об изделии, в разработке которого она принимала участие.

Молодой в те годы инженер-конструктор Ф. П. Еремеев рассказывал, как Владимир Федорович подсказал ему однажды конструкторское решение, которое у него никак не «вытанцовывалось», хотя было проработано много вариантов. Но все они были сложными. Владимир Федорович подошел к чертежу, посмотрел и сказал: «Мудрецы мудрили, а подошел простой мужик и по-сермяжному сказал: “Надо вот так!” Пусть я буду этим сермяжным мужиком», — и предложил свой вариант, более простой. Речь Владимира Федоровича была образной. Он пересыпал её присказками, цитатами из книг, житейскими примерами. Всё это подчеркивало основную мысль, делая её более наглядной и убедительной.

Как-то Ю. Н. Емелев (в то время еще молодой специалист) принес Владимиру Федоровичу на подпись ответ на довольно «мутное» письмо, смысл которого было трудно понять. Тот почитал-почитал и сказал: «Это как у Чехова: понять нельзя, а ответить можно!»

Владимир Федорович был очень эрудированным человеком. Техническую литературу он читал как художественную. Регулярно просматривал техническую периодику, был в курсе новинок в технике. Своими знаниями он охотно и щедро делился с сотрудниками, стараясь развить у них смекалку, он давал им решать конструкторские и расчетные задачи, не забывая потом поинтересоваться результатом. И если задачу сразу не удавалось решить, то над ней приходилось изрядно попотеть... Это сразу чувствовал и оценивал Владимир Федорович.

Из воспоминаний специалиста по тепловым расчетам Ю. М. Кожевникова: «Иногда Владимир Федорович устраивал «мозговую атаку». На таком импровизированном конкурсе идей он знакомил сотрудников с проблемой... Принимались любые предложения по её решению — от простых до экзотических. Как камертон, В. Ф. Гречишников задавал нужный настрой этому штурму.

На правах равноправного участника, сев за кульман, он бросался в «атаку», не обращая внимания на чин, авторитет и компетенцию. Став строгим арбитром при анализе, он рассматривал все предложенные варианты, сдобривая комментарии веселой шуткой.

Рациональная и перспективная идея принималась для детальной проработки. Это позволяло решать трудные задачи в более короткое время».

Из воспоминаний конструктора О. Н. Арефичевой: «Желая проверить убежденность конструктора в выбранном решении, Владимир Федорович иногда делал «затравку». Он с хитринкой в глазах, спрятанных за стеклами очков, начинал критиковать и разносить в пух и прах начерченную конструкцию, предлагая несколько своих решений. Но если конструктор убежденно и аргументировано отстаивал свой вариант, то маститый оппонент, уже не скрывая улыбки, радовался за него».

Для В. Ф. Гречишникова наставничество не было обузой. Он был очень общителен. Беседы с сотрудниками были для него насущной потребностью.

Уже занимая пост заместителя главного конструктора, Владимир Федорович продолжал посещать рабочие места конструкторов и расчетчиков, интересуясь их работой и подбрасывая им идеи, которых у него всегда было много. Бывая один, он обдумывал очередную проблему, которая его занимала. В такие минуты он полностью отрешался от внешнего мира.

Конечно, не все идеи Гречишникова находили воплощение. Но они будоражили мысль, прививая вкус к нестандартному мышлению. Предлагая конструктору свой вариант решения, Владимир Федорович пользовался исключительно логикой и убеждением, а не данной ему властью. Диалог всегда велся на равных — специалиста со специалистом. Владимир Федорович умел внимательно выслушивать мнение любого сотрудника, даже если стаж его работы был очень небольшим.

Гречишников Владимир Федорович

Своими деловыми и человеческими качествами, всей своей кипучей деятельностью Владимир Федорович был примером для подражания. Он умел отстаивать свою точку зрения. Но если убеждался, что не прав, то не боялся в этом признаться. Говорил всегда откровенно, независимо от ранга собеседника. Мог поспорить и спорил, даже с министром.

В. Ф. Гречишников был аккуратен и воспитывал это качество у сотрудников. Как-то ему принесли на утверждение извещение об изменении конструкторской документации на нескольких листах, заполненных эскизами и текстом. Все это было выполнено четко и аккуратно. Владимиру Федоровичу так понравилось, что он попросил сделать для него второй экземпляр извещения для того, чтобы использовать его в качестве образца.

Не терпел нерях. Как от физической боли морщился, когда видел на чертежах отпечатки пальцев. Но и не признавал «чистых» листов ватмана, над которыми «не работали» — на которых не было видно следов резинки.

В. Ф. Гречишников очень ценил рабочее время сотрудников. Уходя из своего кабинета, он обязательно оставлял на дверях записку: буду во столько-то. И всегда старался прийти к указанному времени.

На производственных собраниях выступал не с общими призывами, а с разбором недостатков, не забывая при этом отметить положительные качества конкретных работников. Если становилось известно, что В. Ф. Гречишников будет выступать на профсоюзном собрании, то можно было не вывешивать объявления — стопроцентная явка была обеспечена!

Владимир Федорович был интеллигентен и вежлив. Он не считал зазорным первым поздороваться с сотрудником. Но мог и «отчистить», если кем-то был недоволен или этого требовало дело. Свое отношение к сотруднику он выражал лаконично, точно и образно, с помощью меткого слова или хлесткого сравнения. Это было гораздо эффективнее строгих разносов и нудных нотаций.

Из воспоминаний конструктора В. И. Михайлина: «Однажды зашла речь об ошибках. Услышав расхожую фразу «не ошибается тот, кто ничего не делает», Владимир Федорович моментально парировал: «А так обычно говорит тот, кто часто ошибается!» И защитнику ошибок пришлось прикусить язык».

Впрочем, В. Ф. Гречишников мог простить допущенный по неопытности просчет или признанную ошибку. Но всегда пресекал любую попытку утаить допущенный промах. Но к крайним мерам административного воздействия прибегал очень редко. Сотрудники хорошо понимали, что работать без энтузиазма, с прохладцей, небрежно — недопустимо и преступно.

200 Владимир Федорович уважал предприимчивость, широкий взгляд на вещи, хозяйское отношение к делу. Часто приводил в пример Остапа Бендера, считая полезными его энергию и смекалку. А равнодушие и пассивность не любил.

Гречишников всё делал быстро: говорил, двигался, работал. Вопросы решал моментально, буквально на ходу. Не любил тугодумов и пустых споров, основанных на амбициях.

Владимир Федорович был скуп на похвалы. Но когда это случалось, то всегда это было радостным событием. После успешных испытаний он лично поздравлял рукопожатием каждого, причастного к этой работе. Он был инициатором повышения в должности отличившихся, что часто становилось приятной неожиданностью.

Из воспоминаний Н. В. Бронникова: «В начале 1950-х годов надо было налаживать связи со смежниками. Как-то за один год у меня было 14 командировок! Они порядком надоели. Но если случалась поездка с Владимиром Федоровичем, то скучать не приходилось. Он был интересным собеседником, с ним можно было говорить обо всем, начиная со сложных философских проблем и кончая сугубо житейскими вопросами.

Диапазон интересов у Владимира Федоровича был очень широк. Он любил и ценил искусство. Бывая в Москве, непременно водил меня в театр оперетты, «Ромэн», Малый...

Проявлял и гурманские интересы, посещая рестораны «Пекин», «Прага»... Не упускал случая попробовать экзотическое блюдо типа трепангов.

Не был мелочен. В театре или ресторане он обычно расплачивался один, несмотря на возражения компаньонов. В нём удивительно сочетались очень серьезное отношение к делу с мальчишеской непосредственностью в быту. Как-то в командировке он купил для сына духовое ружье и организовал в номере гостиницы импровизированный тир. Во Владимире Федоровиче всё было удивительно человечно.

Говорят, у каждого есть свои недостатки. У него их не было... И всё-таки был! Один! Он не следил за своим здоровьем, к врачам не обращался, много курил...»

Рассказывает О. Н. Арефичева, хорошо знавшая Владимира Федоровича не только по работе, но и в неофициальной обстановке: «Была ли это прогулка в лес или путешествие на лодке по озеру, семейное торжество или праздник — всюду Владимир Федорович подвижен, жизнелюбив, остроумен. С ним всегда было интересно. Он большой любитель хорошей шутки, розыгрыша, разного рода мистификаций, переодеваний в новогоднюю ночь. Очень любил танцевать, особенно вальс. Делал это легко, красиво. Любил музыку, в том числе и классическую... Обожал Первый концерт П. И. Чайковского.

В любой компании Владимир Федорович становился ее душой. Своей веселостью, остроумием и простотой создавал хорошее настроение».

А вот что рассказал Ю. М. Кожевников: «Живой и общительный характер Владимира Федоровича выплескивался через край в часы отдыха. Интересный и остроумный рассказчик, Гречишников был кумиром шумных компаний. С лихим задором играл в футбол, волейбол и, не боясь подорвать свой авторитет, «резался» в преферанс. Нет! Святошей он не был!»

Сидя на берегу малюсенькой речушки (когда Владимир Федорович еще работал в КБ-11 в Арзамасе-16), он мечтал о предстоящем переезде на Урал. Вернувшись из командировки из будущего Челябинска-50, он восторженно рассказывал

Гречишников Владимир Федорович

о первозданной дикой природе Урала, о богатстве минералов, о бажовских местах, об огромном озере, на берегу которого строится город...

Владимир Федорович очень любил природу. Приехав на Урал, купил моторную лодку и кучу удочек. И, как только позволяло время, отправлялся вместе с семьей на рыбалку или просто на прогулку по озеру.

Он принимал самое активное участие в благоустройстве и озеленении тогда еще молодого города. Сажал деревья и кустарники на улице 40 лет Октября. К сожалению, поэтическим миром уральской природы ему довелось насладиться до обидного мало.

Владимир Федорович Гречишников к решению любых проблем подходил очень заинтересованно и по-государственному, с позиции гражданина и патриота нашего института и города. Не жалея сил и времени, добивался скорейшего ввода в строй новых цехов производства. Но у него не было особых прав администратора. Был только собственный авторитет.

14 августа 1958 года на городском партийно-хозяйственном активе Владимир Федорович выступал с критикой руководителей, виновных в срыве сроков ввода новых промышленных зданий. Он очень волновался. Друзья заметили в нём какие-то перемены, отсутствие обычного задора... Сбивалось дыхание, неоднократно его рука касалась левой стороны груди... Ему оставалось жить совсем немного.

Собрание было бурным и закончилось за полночь. На пороге своей квартиры Владимир Федорович почувствовал себя совсем плохо. Вызвали скорую помощь, но было уже поздно. В ночь с 14 на 15 августа 1958 года на сорок втором году жизни Владимир Федорович Гречишников скончался.

Он слишком расточительно распоряжался своим здоровьем. Никто не помнит случая, когда он отсутствовал бы на работе по болезни. Отдыхал ли он на курортах? Всегда ли использовал обеденный перерыв по назначению? На эти вопросы ответов нет...

В июле 1958 года он собирался в отпуск, но дела... Семья уехала без него. Владимир Федорович собирался приехать позднее, но этому плану не суждено было осуществиться.

Владимир Федорович верил в то, что он проживет долго, поскольку уже дважды был между жизнью и смертью. Это было в детстве. Первый раз — когда провалился под лед, катаясь на коньках на речке. Второй — когда тяжело болел оспой, но жизнь победила. Он считал себя вполне здоровым. На сердце не жаловался и к врачам по этому поводу не обращался.

Владимир Федорович ушел из жизни в самом расцвете творческих сил и уникального таланта конструктора, руководителя и воспитателя.

С. В. Крылов, Ю. К. Чернышев

Из воспоминаний

На стене дома № 9/1, что на пересечении улицы 40 лет Октября и бульвара Циолковского, белеет мемориальная доска, свидетельствующая о том, что с 30 апреля по 15 августа 1958 года здесь жил В. Ф. Гречишников. Есть в городе и улица, названная именем этого человека.

В августе 1955 года после окончания МИХМа я прибыл на место назначения вместе с группой молодых специалистов. Мы знали, что это наше временное пристанище, и наши будущие трудовые успехи будут связаны с Уралом, где ведется строительство. После непродолжительного оформления я был направлен в сектор 6.

Как в студенческие годы, так и в первое время работы мне приходилось в расчетах пользоваться переводным справочником (до выхода отечественного многотомника «Справочник машиностроителя»). Я поражаюсь феноменальной памяти Владимира Федоровича, который мог точно назвать константы многих используемых конструкционных материалов на память.

Первый выпущенный мной технический отчет я рассматривал как экзамен на зрелость, инженерную грамотность и способность к самостоятельной работе. Находясь еще под впечатлением недавнего дипломного проектирования, точно и скрупулезно изложил в отчете все теоретические предпосылки и каждый шаг вычислений. К моему огорчению (а я ведь так старался!), со стороны Владимира Федоровича отчет был подвергнут суровой критике. Без длинных проповедей и нудных нравоучений он указал на совершенно недопустимый в техническом отчете менторский тон излагаемого материала, ненужные подробности и объяснения, присущие скорее экзаменационным работам.

Разумеется, мне было предложено с учетом всех замечаний отчет переделать, существенно сократив объем. Очевидно, желая разрядить тягостную для меня атмосферу, он подошел, похлопал меня по плечу и сказал, что даже у хорошей хозяйки первый блин почти всегда бывает комом. Эти слова, дружеское расположение, как некий эликсир, придали бодрости, вселили уверенность и спокойствие, пробудили вкус к активному труду. Сами же замечания и справедливые упреки стали в дальнейшем для меня путеводной нитью, помогавшей находить выход из лабиринтов сложных расчетов.

*По материалам статьи Ю. М. Кожевникова
(«Наша газета», 1991, июнь)*

При переводе в секретный отдел нашего института из КБ-11 (Арзамас-16) мне был поручен участок входящей документации. Одной из моих обязанностей было ознакомление первого заместителя главного конструктора с поступившей почтой. Какими мотивами руководствовались мои начальники, поручая именно мне эту ответственную задачу, в то время было загадкой. Но позднее я понял:

требовались усердие, обязательность и абсолютная аккуратность. Качества, которые высоко ценил Владимир Федорович...

В двадцатых числах сентября 1956 года, уезжая в очередную командировку, мой начальник поручил мне и еще одному инспектору подобрать кандидатуру секретаря-машинистки для Владимира Федоровича. Через несколько дней, с чувством выполненного долга и уверенные в правильном выборе, мы пришли доложить Гречишникову о результатах, наивно полагаясь на непогрешимость своих стараний.

Но с первых же обращенных к нам слов мы почувствовали некоторую неуверенность и не смогли дать ответы на поставленные вопросы. За исключением одного — кандидат в секретари имела среднее образование и умела печатать на машинке.

А Владимир Федорович задавал нам вопросы: возраст, состав семьи, сколько детей, каковы её склонности, чем увлекается, что читает? Может ли стенографировать и фотографировать? Кто её муж и где работает? Материальное положение? Знакома ли с работой секретаря? После этих вопросов от нашего благодушного настроения не осталось и следа...

В одном из коттеджей поселка ИТР (в Арзамасе-16) первый этаж занимала семья Гречишниковых. А на втором этаже вместе со своей престарелой матерью проживал уже немолодой, хорошо воспитанный и порядочный человек. Он был одним из первых строителей Уралмашзавода.

В 1946 году по рекомендации генерала П. М. Зернова этот товарищ был переведен с Уралмаша на вновь создаваемое предприятие. Здесь он и работал начальником секретного отдела в административном корпусе — здании, в котором размещалось руководство КБ-11.

В 1953 году его как опытного специалиста перевели на завод на ту же должность начальника секретного отдела. Работая на заводе, он показал себя с самой лучшей стороны. Но однажды, будучи убежденным в своей правоте, он высказал принципиальное несогласие с мнением одного из руководителей вышестоящей инстанции...

А когда он в 1956 году изъявил желание перейти на работу во вновь создаваемое предприятие НИИ-1011, чтобы вернуться на свой любимый Урал, ему припомнили случай с «принципиальным несогласием» и отказали в переводе. Тогда этот уважаемый человек обратился за помощью к Владимиру Федоровичу, который знал его не только как соседа, но и как надежного работника и порядочного человека. В тот же день Владимир Федорович позвонил в Москву заместителю министра генерал-майору Зернову и рассказал ему о допущенной несправедливости.

Спустя некоторое время, я сообщил Владимиру Федоровичу о том, что наш общий знакомый переехал на Урал и уже приступил к работе. Владимир Федорович улыбнулся и, немного подумав, сказал: «Знаете, Коля! Мне в такие минуты

Гречишников Владимир Федорович

вспоминаются слова великого Шекспира: «Грехи людей мы режем на металле, их доблести мы чертим на воде».

Владимир Федорович Гречишников был добрым, душевным и обаятельным человеком, взыскательным и требовательным к себе и окружающим его коллегам, молодым специалистам. Высоко ценил искренность и трудолюбие. Его жизнь была наполнена глубоким смыслом созидания, неустанным научным поиском, обостренным вниманием ко всему происходящему.

Н. Д. Пырегов

Владимир Федорович был замечательным отцом. Он много уделял внимания воспитанию сына Андрея. Очень любил его, придумывал и устраивал увлекательные игры, а самое главное — был сыну не только отцом, но и большим другом.

Уже 11 лет (воспоминания написаны в 1969 году), как нет отца, но мы вместе с Андреем всегда помним его, думаем и говорим о нём с большой любовью, нежностью и гордостью. Он был настоящим Человеком: целеустремленным, интересным, искренним, отзывчивым и простым. Он всегда был рад думающему человеку, спорящему, отстаивающему свое мнение... Он очень уважал людей, которые, не считаясь с авторитетами, мотивированно доказывали свою правоту.

Жизнь Владимира Федоровича оборвалась в расцвете лет, очень неожиданно и обидно.

Н. Л. Розальева

...В марте 1955 года В. Ф. Гречишников назначается заместителем главного конструктора специального проектного института (НИИ-1011). Став крупным руководителем, организатором проектно-конструкторских разработок... в создании опытных образцов ядерного оружия, Владимир Федорович не оставил личной конструкторской и расчетной работы.

Под его непосредственным руководством и при его личном творческом участии была проведена огромная проектно-конструкторская и расчетно-экспериментальная работа по анализу и исследованию разрабатываемых конструкций зарядов, поиску их наивыгоднейших параметров, нахождению их оптимального соотношения, определению рациональной компоновки в структуре всего боевого комплекса. Особое внимание им уделялось... созданию унифицированных образцов, пригодных для использования в различных носителях.

В. Ф. Гречишников работал с огромной самоотдачей, вникал во все детали работ, искал более совершенные конструкторские решения, лично разрабатывал первые расчетные методики и приемы конструкторских работ.

Сложившиеся при нём традиции и стремления живут и по сей день в многообразных делах конструкторов — разработчиков оружия...

Ю. К. Чернышев

(из справки о вкладе В. Ф. Гречишникова в развитие отрасли, 1988, апрель)

Гречишников Владимир Федорович

Как конструктор Владимир Федорович быстро завоевал авторитет среди физиков-теоретиков.

Вот что рассказывал академик А. Д. Сахаров: «Гречишников В. Ф. очень памятен, с ним не раз приходилось принимать ответственные решения. Он часто нас тормозил. Иногда категорично отметал предлагаемое физиками, если это противоречило его представлениям конструктора. А по основному изделию он не раз предлагал дельное. Если В. Ф. Гречишников ставил перед нами какой-то вопрос, то я понимал, что решить его необходимо именно так, как он ставился. Конечно, многое забыто, но яркую личность конструктора память сохранила!..»

А вот вспоминает главный конструктор автоматики А. А. Бриш: «Однажды на совещании у министра меня распекали за низкие эксплуатационные качества приборной техники. Многие поддакивали. Гречишников молчал, а после совещания подошел ко мне и с большой заботой о деле стал спрашивать, чем бы он мог помочь. Меня, признаться, приятно удивила такая его деловая заинтересованность в общем успехе (в противовес привычному угодливому поддакиванию начальству)».

*С. Крылов, Ю. Чернышев
(по материалам статьи «Его сохранила память».
«Наша газета», 1991, июль)*

Молодые жители нашего города не застали в живых В. Ф. Гречишникова и знают о нём только по рассказам старших...

У тех, кто знал его лично, память о нем жива... он был человеком необычайно живым, у него была счастливая способность формировать вокруг себя атмосферу не только деловитости, но и бодрости и оптимизма.

Работа в его руках была не шаблонной, он любил остроумные решения, искал их, тонко чувствовал настоящее мастерство и не терпел нерях. Выслушав однажды оправдания о том, что чертеж получился грязным из-за сложности, он предложил на спор вычертить его без пятнышка, да еще вытерев предварительно руки масляной тряпкой. «Всё дело в умении и желании», — сказал он. Пары не состоялось, так как никто не сомневался, что сделать это он действительно сможет.

В другой раз, увидев, как кто-то разбирает автомобиль и складывал чистые детали прямо на песок, сделал гримасу, как от физической боли. Это было смешно и так выразительно, что, допуская подобную неряшливость, я до сих пор опасливо оглядываюсь по сторонам...

За те несколько лет, которые он проработал с нами, он не только много сделал как специалист, но и помог сформировать хорошие трудовые традиции, среди которых главнейшая — беззаветное отношение к труду.

Е. И. Забабахин

Дмитриев Михаил Васильевич

12.03.1918—18.01.1962

Военный инженер-химик,
один из первых участников
атомного проекта СССР;
лауреат Сталинских премий 2-й степени
(1951), 3-й степени (1953); кандидат
технических наук (1958).

- 1941 — выпускник Военной академии химической защиты им. К. Е. Ворошилова, в июле того же года был призван в армию.
- 1946 — демобилизован и направлен в КБ-11 сотрудником лаборатории по разработке и изготовлению нейтронных запалов для атомных бомб.
- 1955 — заведующий радиохимической лабораторией физического сектора НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 — заведующий вновь созданной лабораторией, там же.

Награжден орденами: Ленина (1949), Трудового Красного Знамени (1954), Красной Звезды; медалями, в том числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Это рассказ об удивительном человеке, жившем в нашем городе, работавшем в подразделениях, где разрабатывались нейтронные запалы для атомных бомб, о Михаиле Васильевиче Дмитриеве.

...В детской комнате трое: Саша, Дина и маленький Вася. В соседней комнате шумно — там гости. Дети любят, когда к родителям приходят гости, это так хорошо! Вдруг в комнате взрослых взрыв смеха. И из всех голосов выделяется

заливистый, звонкий, как колокольчик, смех их мамы. Кто-то из гостей рассказал что-то смешное. Может, папа? Он умеет рассказывать смешные истории...

Трое счастливых детей. Отличная семья. Мама с ними строга, папа мягче. Видимо, потому что он очень занят на работе и домой приходит поздно. Недолгое общение с детьми не позволяет быть жестким и строгим. Быть с детьми для него счастье. Счастье играть с ними, беседовать.

Сам он вырос в большой семье. И семья у него была удивительная. Отец Михаила Васильевича в 1906 году окончил Московское техническое училище (с 1917-го МВТУ им. Баумана). Преподавал в Рыбинском техническом училище, а затем стал его директором. Мать была учительницей. В семье Дмитриевых было шестеро мальчиков и две девочки. Михаил родился в Рыбинске Ярославской области 12 марта 1918 года. Но мама рано ушла из жизни — в 1924 году.

Из Рыбинска семья переехала в Москву. Учился Михаил Васильевич в опытно-показательной школе имени Радищева при Наркомпросе. Был отличником. Особенно любил химию. С раннего детства проявлял качества, так необходимые химику, был аккуратен, терпелив, внимателен, делал всё тщательно. Он знал, что будет химиком.

А еще он любил девочку с редким именем Изида — она сидела с ним за одной партой. Такая веселая, остроумная, подвижная! Она была как бы его противоположностью. Но объединяло их многое: оба любили читать книги, серьезно относились к жизни и к учебе. У них всегда находились интересные темы для разговора... И оба были красивы яркой, запоминающейся красотой.

Школу окончили в 1936 году. Михаил Васильевич — на одни пятерки. В 1937-м поженились. И не ошиблись — всю жизнь были счастливы друг с другом.

В то время Изида Юрьевна училась в Московском энергетическом институте, а Михаил Васильевич, окончив первый курс Московского института химического машиностроения, перешел на инженерный факультет Академии химической защиты им. Ворошилова, которую окончил в 1941 году по специальности «аналитическая химия».

На нашу страну напали фашисты, началась война. Четверо его братьев ушли на фронт. И начались потери. В живых остался младший брат, тот, что служил на подводной лодке на севере. Позже, окончив географический факультет МГУ, он работал там преподавателем.

Михаил Васильевич окончил академию в первые дни войны, ускоренным методом. Диплом получил без защиты дипломного проекта. Летом 1941 года был направлен на фронт. До конца войны служил офицером. Домой приезжал в краткосрочные командировки.

Первый сын Дмитриевых Саша родился в апреле 1942 года. Как зовут сына, Михаил Васильевич узнал через восемь месяцев, а увидел его первый раз в декабре 1944 года. И дочь Дина тоже родилась без него.

А войну он начал в Крыму в самые тяжкие дни 1941 года в составе 8-й огнемётной роты 51-й армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской операции

(25 декабря 1941 г. — 2 января 1942 г.). Три раза отбивали у немцев Керчь, три раза отступали по пояс в ледяной воде. Михаил Васильевич делал всё, чтобы сберечь солдат, многое брал на себя. И солдаты его любили. В последнюю переправу его спасли матросы, посадив к себе в лодку. Затем Сталинград, а потом города Новороссийск, Керчь, Севастополь, Евпатория, Одесса, которые довелось освобождать. Воевал в Польше, Венгрии, Германии, Чехословакии. В Праге население засыпало их цветами. Там и встретил конец войны. Боевые заслуги Михаила Васильевича отмечены орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией...».

Он говорил, что ему везло на войне — ничего страшнее ранения и тяжелой контузии с ним не случилось. Вернулся невредимым, руки-ноги целы. Но зарубки на сердце остались. И никогда не заживали. Он усвоил, что нет ничего страшнее, безнравственнее войны. Он осознал каждой своей клеточкой, что война — это всеобщее безумие. И поэтому трудился, не жалея ни сил, ни здоровья, для того, чтобы войны больше не было.

Сразу после демобилизации, 6 ноября 1946 года, Дмитриева направляют работать в Арзамас-16, в лабораторию, которая занималась разработкой и изготовлением нейтронных запалов для атомных бомб. Работал с радием, извлекая из него полоний. Работа была чрезвычайно опасной для здоровья и абсолютно новой для всех. Свойства этих веществ и радиохимию он начал изучать по учебникам Кюри. И так — в сочетании с практикой — познавал новую для него науку.

Михаил Васильевич был химиком-аналитиком. Им разработан и подготовлен нейтронный запал для первой атомной бомбы, испытанной 29 августа 1949 года. За эту работу Дмитриев получил орден Ленина, а также личную благодарность от Сталина. В том же году стал лауреатом Сталинской премии. Впоследствии он станет лауреатом еще одной Сталинской премии, а в 1954 году будет награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вот каким помнит Дмитриева работавшая с ним в одной лаборатории Сталина Ефимовна Санина: «Он прошел войну. Выглядел молодо. Был красивый мужчина. В нём ощущались сила и здоровье. Казалось, его здоровья хватит на сто лет». И далее: «Работать с ним было одно удовольствие, хотя работа была трудная, вредная. Он не боялся этой работы, и мы тоже работали совершенно спокойно. Правда, прежде чем приступить к работе, мы надевали мужское белье, носки, калоши, халаты, голову закутывали марлей. А Михаил Васильевич никогда не переодевался и говорил: «Химик никогда не должен ничего пролить, ничего разбить». И действительно, он работал красиво, аккуратно. У него были совершенно изумительные руки. Он талантливо работал руками, и у него была светлая голова». Сталина Ефимовна подчеркнула, что самое вредное, самое опасное он делал сам — берег сотрудинок.

Супруги Воиновы, работавшие с Дмитриевым в КБ-11, пишут: «Специалистам известно, что точность лабораторных опытов с нейтронами зависит от мощности и габаритов нейтронного источника — чем выше мощность и меньше размер, тем

лучше. Михаил Васильевич решил удовлетворить желание нейтронщиков — разработал технологию и изготовил миниатюрный источник большой мощности. Непостижимо, как он ухитрился решить эту сложную задачу на заре развития нашей ядерной техники! Это было в начале 1950-х, и потребовалось более 30 лет, чтобы техника оказалась способной превзойти достижение Михаила Васильевича.

Его редкий талант и способности оборвала ранняя смерть — однажды ему не повезло, а с радиоактивностью шутки плохи. Частицу этого знания, добытого своим личным опытом, он принес на алтарь науки».

А случилось, по словам Виктора Ивановича Жучихина и Игоря Сергеевича Погребова, вот что. В золотой корпус запаляли полониевый порошок. Оказалось, что паяли не тем материалом. Подвесили на нити к держателю, а не поместили в «холодильник». Под действием альфа-излучения продукта оболочка разогрелась до высокой температуры, её стык расплавился и высокоактивный продукт высыпался.

Михаил Васильевич вывел из помещения всех сотрудников и, опасаясь возможной потери дорогостоящего продукта, начал аккуратно собирать его щеточкой. Какое-то количество высокоактивного вещества попало в его организм и отложилось в почках. Михаил Васильевич тяжело заболел. Благодаря усилиям врачей и своему могучему организму, он встал на ноги, но почки так и остались больными. И этот случай послужил причиной его преждевременной кончины в 1962 году.

Это сейчас, с высоты накопленных знаний и опыта, мы говорим, что не тем металлом проводилась пайка корпуса, что не поместили вовремя в «холодильник». А тогда, в начале 1950-х, могли предвидеть беду? Нет, видимо, не могли...

Наука движется вперед не только силами великих умов, но и определенной смелостью. Многие несчастные случаи происходят от незнания. Тем более что «в то время всё зависело от «надо», от энтузиазма и от незнания последствий этих излучений», — вспоминает Леонид Петрович Гавриловский, недавний руководитель отдела ядерной безопасности ВНИИТФ. А Александр Иванович Сидоров, отвечавший за технику безопасности в нашем институте, сказал: «Они сгорали на работе в прямом смысле этого слова».

Так, был в лаборатории Дмитриева лаборант Ярытик, мастер «золотые руки». Однажды делал пайку детали из радиоактивного металла в контейнере из плексигласа. Что-то не получалось. Он вынул деталь из защитного контейнера, спаял и поместил её обратно. В результате получил смертельную дозу облучения и вечером того же дня умер. Был там Леня Крылов, могучий парень, «батя», как его звали сотрудники. Сильный, здоровый, крепкий — тоже рано ушел из жизни. Незабвенной памяти Сергей Иванович Абакумов — весельчак и русский богатырь, бывший работник КБ-11, приехавший в наш город, имевший дело с радиоактивными веществами, он тоже безвременно ушел из жизни.

Несчастный случай, произошедший с Михаилом Васильевичем, стал определенным рубежом в его жизни. Внешне Дмитриев оставался прежним, а внутри его подтачивала серьезная болезнь. На работе был, как прежде, жизнерадостным, веселым, умеющим пошутить. Так же давал дельный совет, помогал решить сложную проблему.

Семья была для него надежным тылом. Изида Юрьевна вспоминает: «Михаил Васильевич любил читать книги. Страсть к чтению была у него еще с детства, его отец имел большую библиотеку. Так, например, журнал «Нива» отец всю жизнь выписывал. В семье отца Михаила Васильевича хорошо знали русскую литературу. Нашу домашнюю библиотеку формировала я, и он поощрял это.

До середины 1950-х годов мы жили в полном смысле за колючей проволокой. Нас всех никуда не выпускали, только в служебную командировку. И когда у Михаила Васильевича в 1952 году умер отец, его не пустили даже на похороны. Он очень тяжело переживал это, ведь он так любил своего отца! О работе Михаила Васильевича я ничего не знала и даже не подозревала, что он работал в таких вредных условиях». А потом Изида Юрьевна вдруг добавила: «Он был очень мудрый человек, он в 40 лет был мудр, а я осознала это только в 60».

6 сентября 1955 года Михаил Васильевич Дмитриев с семьей переехал из Сарова в наш город.

«Он был назначен заведующим радиохимической лабораторией физического сектора, и перед ним стояла задача укомплектовать лабораторию специалистами-радиохимиками и физиками, наладив в институте определение мощности ядерных взрывов с помощью методов радиохимии, — рассказывает Игорь Сергеевич Погребов. — Наиболее «грязные» операции выполнялись мужчинами под непосредственным руководством Михаила Васильевича.

Через несколько лет, когда сложился коллектив и радиохимический метод был многократно опробован, Михаил Васильевич возглавил новую лабораторию, созданную в физическом секторе при его участии. Новый коллектив разрабатывал и изготавливал уникальные узлы для ядерных зарядов. Верными помощниками Михаила Васильевича были Николай Иванович Соков, поистине мастер «золотые руки», и Анатолий Михайлович Зудихин».

Михаила Васильевича с большой теплотой вспоминает его старший сын Александр: «У него была такая черта, как самоотверженность. Никогда не прощал халтуры, говорил: «Если делать, так делать хорошо, или уж не делать вообще». Любил пошутить надо мной, а я обижался. Вообще взрослые дяди часто шутили над нами, детьми. Так, если мы спрашивали отца, кем он работает, отвечал — фальшивомонетчиком. А друг отца говорил: «Делаем сенокосилки. Когда коса найдет на камень, так бух-бух». И мы верили...»

Восторженно говорит о Михаиле Васильевиче его дочь Дина: «Отец учил меня: «Ищи в людях хорошее». Дома была очень спокойная обстановка. Он мог быть взрывным, но всё же в основе у него — хорошее воспитание. Учил меня наблюдательности. Если что-то потеряю, всегда находил и меня учил находить

потерянные в доме вещи. Не разбивал посуду, резко не ставил на стол чашку. У него была очень мягкая походка. Не слышно было, когда шел, тихо спал. Его отличали собранность, мягкость, требовательность к себе.

Он был химиком от бога, и мне привил любовь к этой науке. Умел объяснять химию. Я сама химик, но в детстве хотела быть врачом. И отец тоже говорил: «Если бы я не был химиком, то был бы врачом». И действительно, у него были великолепные руки. Однажды я занозила палец, а он так вытащил занозу, что я даже не почувствовала.

Он любил играть с нами в детские игры. Учил играть в шахматы, в шашки, был очень молчалив, но «сухарем» не был. Любил гостей, у него было много друзей.

Он был очень скромен. Я порою не знала всей глубины его знаний. А он знал наизусть содержание опер, произведения Гоголя и вообще русскую литературу. У него была хорошая долговременная память, например, он помнил все правила русского языка. Возле дома мы с отцом сажали и выращивали цветы: лилии, гвоздики. От природы ему дано было крепкое здоровье. Но после аварии он чувствовал, что будет жить мало. Свое здоровье оценивал объективно. Его смерть была для нас катастрофой. Такое поле! Такая защита отца! И ее не стало!»

12 ноября 1958 года Михаилу Васильевичу была присуждена ученая степень кандидата технических наук — без защиты диссертации, по совокупности научных работ...

...И еще один эпизод. Он сыграл роковую роль в ухудшении здоровья и безвременной гибели Михаила Васильевича. В КБ-11 произошла авария, и на ее расследование министерское начальство послало Дмитриева, как наиболее опытного и способного разобраться в случившемся. Ему не следовало ехать. Это осознавал и он сам. Но сказал: «Не подставлять же молодых!» И поехал.

Из Арзамаса-16 вернулся тяжело больным. Его направили в Московскую ведомственную клинику («шестерку»). А надо было — в специализированную. Но сделали это только после активного вмешательства Ю. Б. Харитона. Оказалось, поздно. В клинике он пролежал несколько месяцев, был подключен к искусственной почке. Медперсонал успел его полюбить. И когда Михаил Васильевич умер, и его выносили из больницы, на крыльцо вышли все сотрудники клиники и плакали...

Рассказывает Л. Ф. Неводничая: «В наш город он приехал уже больной. У него было плохо с печенью и почками. Но как больной он не причинял врачам много беспокойства. И даже наоборот — не любил лечиться». А может быть, он понимал, что лечиться уже бесполезно? Ни сотрудники, ни родственники до конца не осознавали всей глубины его болезни, потому что он не любил жаловаться на плохое самочувствие, вел себя, как все здоровые люди, ничем не показывая, как ему плохо...

Хоронили Михаила Васильевича в городе. Младших детей, Дину и Васю, на похороны не взяли — мама боялась, что это будет для них тяжелой травмой.

Осталась вдова с тремя детьми на руках. А им назначили обычную пенсию. Не хотели признавать, что умер Дмитриев от профзаболевания. Опять вмешал-

ся Ю. Б. Харитон, активное участие в судьбе семьи принял и Г. П. Ломинский. И только после этого врачи дали заключение о действительной причине смерти Михаила Васильевича.

Он работал в нашем институте всего семь лет, но почему же до сих пор память о нём отзывается в сердце болью? Супруги Воиновы свои воспоминания о Михаиле Васильевиче завершили такими словами: «Образ замечательного человека остался неувыдаемым — он, как человек из легенды, хотя поведать об этом не просто».

Да, не просто. Много рассказала о своем незабвенном супруге вдова его, Изида Юрьевна, но в самые сокровенные тайники своей памяти она никого не пускает.

Э. В. Каюрова

*(по материалам статьи «Жизнь яркая и короткая».
«Наша газета», 2000, 5 апреля)*

Из воспоминаний

Однажды во время короткого перерыва в работе в одной из комнат отдела зашел разговор о детях. У нас иногда случались такие, своего рода «разгрузочные», минуты. Михаил Васильевич, если заставлял нас в такие моменты, обычно подключался к разговору. Любил пошутить о себе, о своих детях, интересовался жизнью своих подопечных. Так, буквально за несколько минут мы успевали пообщаться с нашим руководителем как бы в неформальной обстановке, доверяя друг другу наболевшее или что-нибудь интересное из жизни.

В тот раз Михаил Васильевич с какой-то трогательной озабоченностью любящего отца рассказал нам о своем младшем сынишке Васе, который учился тогда в одном из начальных классов. Они с женой, Изидой Юрьевной, преподавателем физики, никак не могли отучить его говорить неправду. Сын был, по словам отца, такой фантазер, что сам придумывал истории, обычно «оправдательные», и так в них верил, что категорически отстаивал свою правоту. Ничего подобного не было со старшими детьми — сыном и дочерью... Мне тогда ещё пришла в голову мысль, что младший пошел в отца, который, будучи человеком творческим, влюбленным в свою науку, и сам любил пофантазировать. С Михаилом Васильевичем было очень интересно работать. Мне почему-то казалось, что у него в «зачаке» всегда есть что-нибудь новенькое, «хитренькое», оригинальные задумки, которыми он готов поделиться и попробовать их испытать. Вместе с нами он проводил интересные, необычные, как бы нестандартные, иногда (как выяснилось потом), довольно рискованные эксперименты.

Помнится такой случай. Чтобы освободить исследуемую смесь изотопов от полимерной основы, на которую после полигонных испытаний изделия осела

радиоактивная пыль, решили попробовать сжечь этот полимер в атмосфере чистого кислорода в раскаленной кварцевой реторте. Собрали установку по всем правилам... Мы с лаборанткой Симой Лазаревой стояли у вытяжного шкафа, где проходил этот опыт, а Михаил Васильевич вышагивал по комнате взад-вперед и думал... И только додумался он до того, что «пожалуй, сейчас рванет», как нашу стеклянную конструкцию разнесло в песок по всей комнате. Хлопок был такой, что мы с Симой оглохли на несколько дней... Насколько чище и быстрее удалось бы подготовить исходный раствор для предстоящего разделения и очистки изотопов, если бы такой метод можно было реально осуществить! Не то что длительное и трудоемкое, да и опасное, растворение (сжигание) органики в концентрированных кислотах. Но опыт показал, что практическая реализация задуманного способа в наших условиях невыполнима.

Или другой пример, когда в радиохимических работах использовали методику вакуумной перегонки, обычно применявшуюся в органической химии, но совсем несвойственную радиохимии.

Работать с Михаилом Васильевичем было не только интересно, но и поучительно. Он увлекал своей творческой выдумкой, инициативой; и успехи и неудачи анализировались, при этом последние, что очень важно, неизменно смягчались юмором и желанием удержать общий деловой настрой и интерес к работе. Не дать пасть духом...

Кстати, о юморе. Как-то по случаю семейного торжества мы с мужем пригласили коллег к себе в гости. Михаил Васильевич тоже был с нами. На праздничном столе в качестве острой приправы был свежеприготовленный хрен. Он оказался на редкость крепким и буквально вышибал слезы из глаз. Михаил Васильевич пошутил: «Как это вам удалось его так разозлить?» и еще что-то в этом роде. Все смеялись, было легко и весело.

Атмосфера в коллективе была дружелюбной, хотя график работы был напряженным. Часто сроки поджимали. Но Михаил Васильевич никогда не раздражался, даже когда не всё получалось. Потрясающая выдержка и доверительное отношение к сотрудникам всех рангов вызывали к нему общее почтение и желание не подвести руководителя. Валя Глазырина была тогда еще совсем молодой лаборанткой. А недавно в письме она написала мне о нём: «Это был очень тактичный и добрый человек. Он спокойно мог сделать замечание с объяснением, почему он не согласен. Благодаря ему, мне дали в те времена 5-й разряд. Это был самый высокий разряд для лаборанта. Я ему очень благодарна».

214 Михаил Васильевич Дмитриев, человек заслуженный, опытный специалист-химик, участник Великой Отечественной войны, стал первым начальником в моей трудовой жизни. И я с особой теплотой и благодарностью вспоминаю годы работы с ним. Написав «с ним», а не «под его руководством», как это было в действительности, я подумала о том, что Михаилу Васильевичу было свойственно удивительное, драгоценное качество — сотрудничать со своими подчиненными, а не командовать ими. И в этом, я думаю, великая мудрость руководителя.

Особенно важно это для молодых специалистов. Ведь всякая работа интересна при творческом подходе к ней. И если вышестоящий авторитет не довлеет над тобой, а уважительно рассматривает и твое, возможно, не всегда обоснованное и правильное мнение, деликатно направляя его в нужное русло, ты невольно испытываешь чувство признательности и желание хорошо выполнить работу.

...Те годы вспоминаю как самые удивительные в своей жизни и по среде обитания, и по необычности профессиональных задач, которыми встретил меня Урал в январе 1957 года. Научным руководителем вновь создававшегося института (тогда еще п/я 0215) был Кирилл Иванович Щёлкин, а начальником 5-го (физического) сектора был Виктор Юлианович Гаврилов. Единственным химическим подразделением в тот период была радиохимическая лаборатория, которой руководил М. В. Дмитриев. Он любезно принял меня как химика с университетским образованием, способного освоить и новую для себя область химии. В те времена радиохимия как предмет преподавания в учебных заведениях была засекречена, её изучали только на спецотделениях некоторых вузов страны. Так, мой муж, Биктимиров Рамиль Сабирович, вместе с другими выпускниками такого отделения химфака Московского госуниверситета в 1953 году приехал на Урал на работу в Лабораторию «Б», радиохимическим направлением которой руководил один из крупнейших русских ученых Сергей Александрович Вознесенский (в то время репрессированный). Пишу об этом потому, что часть сотрудников, работавших под его руководством, потом перешла работать к Михаилу Васильевичу. И, думаю, в этом ему (М. В. Дмитриеву) повезло. Ведь и молодые специалисты, и средний персонал, и лаборанты, прошедшие школу С. А. Вознесенского, были классными работниками, асами своего дела, хорошо владеющими приемами работы с радиоактивными веществами, методами выделения и очистки изотопов, использовавшихся для радиобиологических исследований известного ученого-генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского. Думаю, что такой опыт и высокая компетентность персонала значительно облегчали понимание и выполнение новых задач.

Хотелось бы назвать хотя бы некоторых из тех, кто тогда работал в отделе. Это В. С. Безденежных (после М. В. Дмитриева он принял руководство отделом), Г. В. Безденежных, Н. А. Новосёлов, В. В. Кесарев, С. А. Шилов, В. Ф. Попова, Р. С. Биктимиров, И. М. Ермилов и другие, а среди техников и лаборантов — Л. А. Кузовкина, В. А. Суханова, Н. Ф. Шахматова, Т. В. Ласькова и другие.

Сам МихВас (так иногда за глаза его называли «старые» сотрудники) был увлечен своей наукой и старался заразить ею новичков, вроде меня. Как-то ненавязчиво и заинтересованно просветил он меня в азах радиохимии, которой мне предстояло заняться. Он считал, что радиохимия — это увлекательнейшее новейшее направление в химической науке, что я только здесь смогу по-настоящему научиться уникальным методикам радиохимического разделения, очистки и идентификации изотопов практически всех элементов периодической системы Д. И. Менделеева. И этой редкой возможностью следует воспользоваться,

Дмитриев Михаил Васильевич

советовал он, чтобы пополнить багаж знаний, который пригодится, где бы мне ни пришлось работать в будущем. И словно чувствовал (или знал?)...

Когда в 1961 году в институте стал создаваться технологический сектор 11 и в его составе научно-исследовательский отдел для изучения химии и технологии материалов, применяемых в изделиях, именно Михаил Васильевич порекомендовал меня туда, считая, что в более близкой мне по образованию области органической и полимерной химии я смогу принести больше пользы общему делу. Вскоре я стала одним из ведущих сотрудников этого отдела, а потом и возглавила его.

Жаль, что самоотверженная работа с опасными радиоактивными материалами подорвала здоровье Михаила Васильевича, и он рано ушел из жизни. Но в истории атомной отрасли страны остались его дела, за которые он был неоднократно награжден высокими правительственными наградами. Живы еще люди, которые знали его и донесли до сего дня память о нём как о человеке незаурядном, талантливом, мужественном, мудром. Выросли и стали специалистами дети, которых он очень любил.

А в моей биографии Михаил Васильевич Дмитриев остался первым руководителем, наставником, с которого начался мой трудовой путь, Человеком, чье жизненное кредо я бы кратко сформулировала так: труд и честь превыше всего.

Л. Г. Биктимирова

Дорофеев Вениамин Арсеньевич

07.11.1923–27.03.1980

Инженер-электрик по электромеханическим приборам, специалист в области внедрения, эксплуатации и модернизации электронно-вычислительных машин; участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1943 г.

- 1940 – студент Московского энергетического института.
- 1941 – призван в ряды Красной Армии и направлен в штурманское училище, затем переведен в Харьковское артиллерийское училище, г. Фергана.
- 1942 – командир батареи 264-го отдельного истребительного противотанкового артдивизиона, затем начальник штаба дивизиона.
- 1943 – гвардии старший лейтенант, затем гвардии капитан 1330-го истребительного противотанкового артполка.
- 1944 – демобилизован из рядов Советской Армии.
- 1945 – студент МЭИ, совмещает учебу с работой: комендант общежития, начальник отдела кадров завода «Точмех», настройщик 7-го разряда, г. Москва.
- 1951 – старший техник СКБ-245, там же.
- 1952 – по окончании МЭИ инженер-электрик по электромеханическим приборам, там же.
- 1955 – начальник отдела математического сектора НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 – начальник отдела – заместитель начальника сектора, там же.
- 1960 – главный инженер ВЦ Объединенного института ядерных исследований, г. Дубна.
- 1963 – главный инженер завода «Комета», г. Ульяновск.

Дорофеев Вениамин Арсеньевич

1966 — доцент кафедры радиоэлектроники политехнического института, там же.

1970 — начальник Главного вычислительного центра Министерства сельского хозяйства СССР, г. Москва.

Награжден орденами: Ленина (1944), Отечественной войны 1-й степени (1944), «Знак Почета» (1954); медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

Когда писались эти строки, Вениамин Арсеньевич Дорофеев мог бы быть почтенным пенсионером, гуляющим с внучкой по аллеям парка Сокольники... Заслуженный человек, ветеран войны и труда, кавалер орденов, инвалид Великой Отечественной...

Однако всем, кто близко знал Вениамина Арсеньевича, такое продолжение его биографии вряд ли покажется приемлемым. Гораздо естественнее представить его во главе какого-либо нового, очень нужного стране дела, которое он начинает «с первого колышка». Ведь он был первопроходцем по духу и по характеру. Он любил новизну и долго не задерживался на одном месте после того, как созданное им дело входило в колею обыденности.

Это был очень энергичный, увлекающийся и влюбленный в свою работу человек. И в этой своей любви он был очень раним и вместе с тем бескомпромиссен. Неравнодушный, горячо болеющий за дело человек, он бывал вспыльчив и с одинаковой легкостью наживал как сподвижников, так и противников. Он умел заражать окружающих своим энтузиазмом, пробуждая в каждом творца, умельца, изобретателя. Судьба этого человека во многом необычна и вместе с тем очень типична для людей его поколения.

Очень мало дожило до Победы его ровесников, юношей 1923 года рождения, вступивших в войну восемнадцатилетними. А он вернулся... без ноги, но никогда не причислял себя к инвалидам и не делал себе на это скидки ни в чём. Он был среди тех, кто сразу же после Победы сели на студенческую скамью, жадно наверстывая потерянные годы, упрямо штурмуя науку. Из них, недавних боевых офицеров, быстро получились командиры производства, умеющие брать на себя ответственность, принимать решения.

218 Именно такого типа руководителем стал Вениамин Арсеньевич Дорофеев. Его профессионализм, высокая требовательность к себе и подчиненным всегда сочетались с добрым, заботливым отношением к людям, к их нуждам и запросам. И люди любили его за широту души. Ведь не случайно отыскал Дорофеева и вел с ним переписку через много лет после войны его фронтовой ординарец. Он вспоминал в письмах, как командир делился с бойцами батареи своим офицерским

пайком. Бывший солдат писал слова признательности Вениамину Арсеньевичу за то, что в их молодые годы не был наказан командиром, когда в холодную пору потерял его теплую шинель.

Дорофеев был любим друзьями-однокурсниками. Когда его не стало, почтить память товарища собралась вся бывшая студенческая группа.

В повседневной жизни, в семейном кругу это был очень деятельный, веселый, неугомонный человек. Он много путешествовал на машине с женой и двумя дочерьми. В 1950-е годы часто ходил на лыжах. Любил на досуге мастерить... Новую квартиру в Сокольниках, после возвращения в Москву, начал обставлять самодельной мебелью. На Урале, где Дорофеев проработал всего пять лет, он оставил верных друзей, учеников, последователей. В преддверии празднования 15-летия со дня пуска в эксплуатацию электронно-вычислительной машины «Стрела», Вениамину Арсеньевичу было отправлено поздравление. Он ответил простым, прочувствованным посланием. В марте 1972 года он писал: «Знаю, что из малого детища силами ветеранов и вновь пришедших сотрудников вырос мощнейший центр, равных которому не так уж много найдется. Рад вашим успехам и, если говорить честно, немного завидую и скучаю. Слишком большая доля души осталась у вас...»

А вскоре представилась возможность побывать в городе и увидеть вычислительный центр собственными глазами. Дорофеев был почетным гостем на праздновании 20-летнего юбилея ВНИИП летом 1975 года. Тогда удалось записать на пленку его рассказ о годах работы на нашем предприятии. Этот рассказ характеризует Дорофеева как человека широкого кругозора, умеющего тонко наблюдать и оценивать природу, людей, происходящие события. Он очень тепло отзывался о первых руководителях института, своих старших товарищах, «умудренных жизнью и опытом, но с вечным комсомольским задором...»

Его воспоминания о героическом труде «стрелистов», об условиях, в которых приходилось работать первым машинникам, служат прекрасным дополнением к тем скудным сведениям, которые сохранились в архиве института о годах работы В. А. Дорофеева на Урале.

Освещают уральский период его деятельности и несколько публикаций в стенной газете «Стрела», подготовленных Ю. И. Вантросовым, А. Д. Шалфеевым и М. С. Старостиным. Остальные этапы жизни Вениамина Арсеньевича удалось восстановить по служебным характеристикам с мест его работы. Эти документы сохранились в семейном архиве.

Из бесед с членами семьи и людьми, близко знавшими Дорофеева, по сохранившимся документам и материалам о нём, опубликованным в стенной печати, и написан этот рассказ, рассказ о незаурядном человеке.

Вениамин Арсеньевич Дорофеев родился 7 ноября 1923 года в Яминском районе Алтайского края, в коммуне имени 8 Марта, в семье сельских учителей. Вениамин был вторым ребенком в семье. Мать умерла, когда он был еще совсем маленьким. Пока отец вел уроки, мальчик и его сестренки подолгу были предоставлены

Дорофеев Вениамин Арсеньевич

самим себе. Единственная классная комната школы помещалась на втором этаже небольшого здания, как раз над квартирой учителя. Веня часто через люк в потолке незаметно для отца пробирался в класс (к великой радости школьников). Благодаря этому, мальчик рано обучился грамоте и пристрастился к чтению. В неполных шесть лет, осенью 1929 года, он уже сел за парту.

Вскоре семья переселилась с Алтая сначала на Северный Кавказ, в станцию Менгрельскую, потом в Москву. Здесь прошли лучшие детские и юношеские годы Вениамина Арсеньевича, здесь он в 1938 году стал комсомольцем, здесь обрел верных друзей. В Москве Дорофееву было суждено прожить большую часть жизни. Еще в детстве этот город так вошел в душу Вениамина Арсеньевича, что именно Москву, Сокольники, он всегда считал своей родиной.

В 1940 году, после окончания средней школы № 376, Вениамин становится студентом Московского энергетического института (МЭИ). Обучаясь на электрофизическом факультете, он много времени уделяет спорту, с которым был дружен с детства. Успехи Дорофеева на футбольном поле были так значительны, что его приглашали в сборную Москвы, а с началом Великой Отечественной войны даже предлагали бронь.

Но юноша увлекался техникой больше, чем футболом. Как и многие его сверстники той довоенной поры, он мастерил фотоаппарат, детекторный радиоприемник, вечно что-то изобретал, паял, колдовал над схемами устройств и приборов. За светлую голову и веселый нрав его любили товарищи-студенты.

Война круто изменила жизнь будущего инженера. В сентябре 1941 года его призвали в ряды Красной Армии и направили в штурманское училище, но вскоре вместе со всем набором курсантов перевели в Харьковское артиллерийское училище противотанковой артиллерии, которое размещалось тогда в Фергане.

В мае 1942 года он выпускается из училища и до декабря 1944 года служит в действующей армии на различных офицерских должностях: сначала командиром батареи 264-го отдельного истребительного противотанкового артдивизиона 342-й стрелковой дивизии 61-й армии Брянского фронта, затем начальником штаба дивизиона. В июле 1942 года лейтенант Дорофеев как отличившийся в боях был принят кандидатом в члены партии, а в октябре 1943 года стал членом ВКП(б). С июля 1943 года он воюет в составе 1330-го истребительного противотанкового артполка — резерва Главного командования — сначала в звании гвардии старшего лейтенанта, а затем гвардии капитана.

220 В боевых условиях, в сложной обстановке боя молодой офицер отличался большой личной храбростью и решительностью. В бою под Оршей отважился проскочить на машине через мост, который считался заминированным. После такой «разведки» войска были проведены по мосту, а отважного офицера командование представило к присвоению высокого звания Героя Советского Союза. Правда, представление не утвердили, но в марте 1944 года в центральных газетах был опубликован приказ о награждении гвардии капитана В. А. Дорофеева орденом Ленина.

Следующая боевая награда — орден Отечественной войны 1-й степени — украсила грудь молодого офицера в декабре 1944 года. Бои шли уже на территории Чехословакии. В этих боях командир батареи Дорофеев получил тяжелое ранение в ногу, приведшее к ампутации левой голени. После излечения Вениамин Арсеньевич был демобилизован. Ему в то время шел 22-й год.

Вениамин возвращается в Москву, к сестрам. Приходит живым с войны и его отец, который считался пропавшим без вести. Дорофеев-старший, доброволец народного ополчения, попал в плен, но сумел бежать и закончил войну бойцом партизанского отряда.

Страна праздновала Победу. Началась мирная жизнь. Бывший гвардии капитан опять становится первокурсником МЭИ. Но война вскоре напомнила о себе. Открылась рана — учебу пришлось прервать на целых восемь месяцев и пройти через повторную ампутацию.

Однако молодость и оптимизм помогли победить недуги, жизнь брала свое. В 1946 году бывший фронтовик женился, его обступили семейные заботы, которых прибавилось с рождением в 1949 году дочери. Приходилось совмещать учебу с работой. Работа комендантом общежития позволила получить отдельную комнатку. Потом Дорофеев перешел на должность начальника отдела кадров завода «Точ-мех», затем в течение года на том же заводе работал настройщиком 7-го разряда.

В ноябре 1951 года, будучи дипломником МЭИ, он начал работать в СКБ-245 старшим техником. В июне 1952 года В. А. Дорофеев получил диплом с отличием и специальность инженера-электрика по электромеханическим приборам.

В СКБ молодой специалист стремительно поднимается по служебной лестнице: инженер, старший инженер, ведущий инженер. И все это менее чем за три года!

В Московском СКБ-245 в то время разрабатывались первые в нашей стране электронно-вычислительные машины «Стрела» (модели М-1, М-2 и другие), а позднее — машина М-20. Еще дипломником Вениамин Арсеньевич многое познал в области счетно-решающей техники. И, работая в СКБ, принимал самое активное участие в разработке и наладке устройств машины модели М-1. В связи с успешной сдачей этой машины в 1954 году, В. А. Дорофеев был награжден орденом «Знак Почета».

В августе 1955 года, когда продолжалось формирование руководящего состава нашего предприятия, Дорофеев получил предложение возглавить машинный отдел математического сектора. С 29 ноября 1955 года по 25 июля 1960 года он был начальником 31-го (потом 33-го) отдела, а с июля 1958 года совмещал должность начальника отдела с должностью заместителя начальника сектора.

Имя Дорофеева для ВНИИП, и особенно для работников 3-го сектора, связано, прежде всего, со «Стрелой» — ламповой ЭВМ первого поколения. Её быстрое действие было всего две тысячи операций в секунду, объем оперативной памяти 2047 слов. Это была первая вычислительная машина не только на Урале, но и во всей восточной части страны. Налаживали её очень молодые специалисты,

только что окончившие институты. В основном это были выпускники МЭИ и МИФИ 1956 года. Для работы их отбирал В. А. Дорофеев вместе с первым начальником математического сектора Н. Н. Яненко.

Дорофеев был на десяток лет старше большинства своих инженеров, для которых его авторитет был непререкаем. И дело не только в разнице лет. Он имел опыт работы с ЭВМ, он был талантливым инженером-изобретателем, обладал огромной трудоспособностью. Всё это создавало в нем несокрушимую уверенность, что взятая им на себя чрезвычайно сложная задача будет выполнена и предприятие получит работающую ЭВМ к сроку.

Из воспоминаний Ю. И. Вантрусова, молодого в ту пору инженера: «Наблюдая за ним, взъерошенным, с папиросой и паяльником, я поражался, с какой легкостью он меняет схемы, даже не заглядывая в описание. И при этом охотно отвечает на вопросы... Он обладал дьявольской работоспособностью. Глядя на него, и все остальные работали «до победы», не считаясь со временем суток».

Машина была сдана досрочно. И работала сверх технических возможностей. На её освоении и модернизации выросли замечательные кадры специалистов машинных отделов, которые позднее стали руководителями различных рангов: М. С. Старостин, А. Д. Шалфеев, Л. Я. Павликов, С. А. Козодой, А. К. Бакланов, В. М. Фомченков и многие другие.

Сектору не хватало вычислительной мощности. И умельцы во главе с Дорофеевым повышают производительность «Стрелы» в полтора раза, т. е. до трех тысяч операций в секунду. Модернизация коснулась и надежности ЭВМ. По техническим условиям гарантировалась наработка на отказ шесть часов — это средний интервал времени между двумя сбоями. Дорофеевцы довели наработку до двадцати часов. Значительно превышен был и другой показатель стабильности работы ЭВМ: среднее полезное машинное время в сутки достигло шестнадцати часов, вместо десяти—двенадцати часов по техническим условиям. Выполнение этих работ позволило начальнику сектора А. А. Бунатяну в июле 1958 года дать высокую оценку деловым качествам В. А. Дорофеева: «Не только талантливый инженер, но и умелый руководитель коллектива... Сложившийся самостоятельный и инициативный работник. Своей принципиальностью и преданностью делу т. Дорофеев заслужил уважение в коллективе объекта».

222 Когда возможности модернизации «Стрелы» исчерпались, группа энтузиастов во главе с Дорофеевым начала разработку собственной оригинальной машины, так называемой «Новой Стрелы». Но эта идея не нашла поддержки, научно-технический совет ВНИИП посчитал продолжение разработок нецелесообразным. После этого решения НТС Дорофеев подал директору предприятия Д. Е. Васильеву заявление об уходе. Формальным поводом послужило несогласие Дорофеева с оценкой положения дел в подчиненной ему лаборатории 332, занимающейся машиной М-20.

Несмотря на непродолжительность работы Дорофеева в математическом секторе, он сумел за пять лет заложить прочный фундамент в деле оснащения

вычислительной техникой всего нашего предприятия. Этот фундамент — смелость, решимость, умение брать на себя ответственность за наладку новых машин, постоянное стремление к их совершенствованию, преданность делу и энтузиазм. Без преувеличения можно говорить о «школе Дорофеева». Это он положил начало традиции непрерывной модернизации ЭВМ в процессе их эксплуатации, многочисленных непрекращающихся технических разработок, ведущихся в секторе и поныне.

С 1960 года Вениамин Арсеньевич работает в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ) в качестве главного инженера ВЦ. Здесь под его руководством проводятся пусконаладочные работы по сдаче в эксплуатацию первой из крупных вычислительных машин в ОИЯИ — цифровой машины «Киев». Одновременно проводится модернизация машины, расширяющая её логические возможности и позволяющая эффективней использовать ее для задач института.

Следующий этап жизни В. А. Дорофеева — его работа в г. Ульяновске: в начале главным инженером на заводе «Комета» (1963–1966 гг.). В апреле 1966 года В. А. Дорофеев был принят по конкурсу исполняющим обязанности доцента кафедры радиоэлектроники Ульяновского политехнического института. Работая в течение четырех лет на этой кафедре, Вениамин Арсеньевич подготовил и прочел курсы «Теоретические основы математических машин дискретного действия» и «Элементы устройств дискретного действия».

В 1970 году Вениамин Арсеньевич возвратился в родную Москву с тем, чтобы уже никогда её не покидать. Оставшиеся десять лет жизни он отдал созданию и становлению возглавляемого им Главного вычислительного центра (ГВЦ) Министерства сельского хозяйства СССР.

Далеко вперед ушла отечественная вычислительная техника. Сейчас смешными «старыми черепахами» кажутся первые ламповые ЭВМ. Но без них немислим весь технический прогресс второй половины XX века. Поэтому никогда не должны быть забыты имена свидетелей и участников первых, самых трудных шагов становления и развития вычислительной техники в СССР. И среди этих пионеров достойное место всегда будет принадлежать Вениамину Арсеньевичу Дорофееву.

Н. А. Павлова

Из воспоминаний

Дорофеев Вениамин Арсеньевич — первый начальник отдела вычислительных машин. Воевал, имел боевое ранение — ходил с протезом, однако любил ездить лихо на машине. Это была просто страсть!

Дорофеев был одним из разработчиков первой отечественной ЭВМ «Стрела». Наше предприятие получило машину № 7. Выделена она была в начале 1956 года.

Тогда же набирали из выпускников вузов (в основном из Москвы) состав для запуска ЭВМ и ее эксплуатации. Поставке ЭВМ предшествовала стажировка кадров на заводе-изготовителе.

Я зачислен в штат предприятия 16 апреля 1956 года, до 14 июня был на стажировке в Москве, затем Вениамин Арсеньевич направил меня на предприятие (в Сунгуль, города еще не было) делать стенды для проверки ячеек ЭВМ. Я обратился к начальнику физического сектора Виктору Юлиановичу Гаврилову с рядом просьб — где разместить стенды, из чего их делать? Приятно вспомнить, что «аксакал» Гаврилов встретил меня, молодого специалиста, приветливо, душевно, сказал: «Вы делаете нужное дело», — помог узлами, деталями, выделил для размещения стендов актовый зал в здании, где работали физики.

Осенью 1956 года стали поступать контейнеры со стойками «Стрелы». Их размещали в недостроенном здании математического сектора. Тогда мы и познакомились с В. А. Дорофеевым. Вот так и выглядел коллектив отдела — руководитель, прошедший войну, известный разработчик «Стрелы», и выпускники вузов, в основном мальчишки, которые на стажировке смотрели на стойки ЭВМ, слушали лекции, читали описания.

Правда, набирали в вузах лучших, с красными дипломами, но без Дорофеева, «чувствовавшего» «Стрелу» во всех деталях, им пришлось бы туго, а срок пуска был назначен — начало 1957 года. Тогда это был рекордный срок!

Вот тут проявились весьма интересные черты характера Дорофеева. Он был и настойчивый, и волевой, и требовательный, но при этом никак не показывал, что он на голову выше нас в знании ЭВМ. Манера обращения с подчиненными — всегда выдержан, голос не повышал, ко всем обращался на Вы и по имени-отчеству. Был приветливый, улыбчивый.

Мы ездили с 21-й площадки (города еще не было) на работу автобусом — один рейс утром, один — вечером. Бывало, и опаздывали к автобусу. И вот однажды он пришел на остановку и молча ждал, когда все соберутся... Потом опозданий не было.

Работал много, сам искал неисправности, сам сидел за пультом, — бывало и ночью. Когда «Стрела» была запущена в работу, он приезжал в любое время при возникновении «непонятных» отказов. И остальные сотрудники понимали — надо! — и, глядя на него, работали до упора.

Первоначально начальниками смен были инженеры, потом — техники, а инженеров перевели в «кураторы» смен. Появились «силы» для разработок, и снова прорезалась душа разработчика: Дорофеев поддерживал и инициировал исследования, направленные на повышение надежности и быстродействия единственной тогда на предприятии ЭВМ. А в начале 1960-х годов Вениамин Арсеньевич поставил задачу — создать новую ЭВМ у нас. Первое время ему удавалось направлять специалистов к разработчикам для изучения их опыта, но потом эти работы остановили. Однако его усилия по разработкам пригодились позже. Так, уже на другой ЭВМ — М-20 — была увеличена в шестнадцать раз емкость внешнего

запоминающего устройства на магнитных барабанах, что резко изменило возможности машины.

Настрой на разработки, полученный от Дорофеева, пригодился и при совершенствовании других ЭВМ (например, БЭСМ-6), которые приобретались предприятием.

Вениамин Арсеньевич умер в Москве. Я и В. Н. Огибин (тогда начальник 3-го отделения) были на похоронах. При прощании В. Н. Огибин сказал нужные и очень правильные слова о роли В. А. Дорофеева в работах нашего института.

С. А. Козодой

До поступления на предприятие п/я 0215 В. А. Дорофеев работал в СКБ-245 Московского завода САМ, который занимался разработкой ЭВМ «Стрела». Перед Дорофеевым была поставлена задача — создание на «новом объекте» вычислительного центра, начиная с нуля: с набора специалистов, их обучения, получения вычислительной техники, ее наладки и т. д.

В 1956 году В. А. Дорофеевым было создано три группы:

1. Группа «Стрелы». Задача: изучение, освоение и наладка устройств «Стрелы» в Москве на заводе САМ, монтаж и наладка «Стрелы» на месте установки. Руководитель — В. А. Дорофеев.

2. Группа М-20. Задача та же: освоение машины и наладка устройств в Москве. Руководитель — И. Д. Алексеев.

3. Группа «Урала». Задача: освоение и частичная наладка машины в Пензе. Руководитель — Н. Н. Онищук.

В 1955 году началось строительство здания ВЦ на 9-й площадке, и к январю 1956 года был готов для монтажа машинный зал «Стрелы» (машзал 1) и часть цокольного этажа для установки энергооборудования и холодильных установок.

В этот период (до января 1957 года) происходит прием и размещение на 21-й площадке людей (семейных и одиночек), формирование коллективов, организация будущих производственных участков. Велась работа по изучению технической документации и подготовке к наладке «Стрелы». Технический персонал размещался в актовом зале основного корпуса на 21-й площадке.

Монтаж и наладка ЭВМ проводились тогда силами разработчиков ЭВМ. Наша машина, последняя в заводской серии ЭВМ, была сверхплановой, и сроков ввода ее в эксплуатацию завод не давал. Дорофееву при активной поддержке Д. Е. Васильева удалось убедить министерское руководство в целесообразности наладки машины своими силами. И, действительно, машина была налажена, и 26 марта 1957 года был подписан акт сдачи ее в эксплуатацию. Наладка была проведена за четыре месяца вместо двенадцати по нормам разработчиков. Изучение машины происходило во время ее наладки. Единственным инженером, имевшим опыт работы с электронными схемами и имеющим представление об ЭВМ, был В. А. Дорофеев.

И во время, и сразу же после наладки проводились работы по увеличению надежности, быстродействия и улучшению технических характеристик машины. Была заложена традиция научного творческого подхода к задачам доработки вычислительной техники в процессе ее эксплуатации. Без такого подхода машины этих поколений просто не работали бы.

Вениамин Арсеньевич ставил задачи, разрабатывал варианты, помогал в организации работ. Помимо знаний и опыта, он обладал технической смелостью, был нацелен на решение любых самых сложных технических задач, умел подобрать соответствующие кадры.

За время эксплуатации «Стрелы» по 1963 год машинное время увеличилось с 10 до 19 часов в сутки (беспрецедентно для ламповых машин!), быстродействие возросло в 1,5 раза. Эксплуатация машины в последние годы проводилась силами трех техников.

После «Стрелы» с ноября 1957 года по сентябрь 1959 года основной работой для машинников была наладка М-20. Тогда же возникла идея создания барабанов большой емкости на М-20 у нас и на ЭВМ «Восток» в вычислительном центре ИПМ АН СССР. В. А. Дорофеев и А. Н. Мямлин (начальник ВЦ ИПМ) были инициаторами и большими сторонниками этой идеи и верили в реальность ее осуществления. У нас эта работа была успешно завершена в 1965 году. Ее результаты использовались для удвоения емкости НМБ на БЭСМ-6 и в серийном производстве НМБ БЭСМ-6 на Московском заводе САМ.

Помимо этого были начаты и завершены в различные сроки работы по техническому обеспечению автоматизации программирования на «Стреле» и на М-20, по выводу из ЭВМ графической информации, по повышению надежности и улучшению параметров М-20. Эти работы позволили приступить к разработке и реализации на М-20 двумерных методик счета.

Тогда же, в 1958 году, возникла идея создания «Новой Стрелы» (по аналогии с «Востоком» в ИПМ), специализированной для решения задач, стоящих перед институтом, и была начата разработка архитектуры и отдельных блоков этой машины. Однако на НТС предприятия эта работа поддержки не получила, и В. А. Дорофеев принял решение о переезде в г. Дубну в ОИЯИ, куда его давно приглашали на должность начальника ВЦ. Ряд специалистов машинников и математиков перешли в другие подразделения предприятия, на преподавательскую работу в МИФИ-6 или уехали из города.

Таким образом, к моменту отъезда, то есть к концу 1960 года, В. А. Дорофеевым была создана основа производственно-технической базы мощного, хорошо оснащенного математического подразделения предприятия, имеющего на вооружении современные ЭВМ, отлаженную систему их эксплуатации и квалифицированные кадры.

М. С. Старостин, Л. Я. Павликов

Дубицкий Валентин Викентьевич

11(24).04.1906—27.01.1964

Инженер-полковник (1951),
специалист в области
производства ядерных
боеприпасов; член ВКП(б) с 1927 г.

- 1920 — учащийся Петроградской советской единой трудовой школы № 176.
- 1923 — учащийся текстильного техникума, г. Петроград.
- 1926 — помощник мастера на текстильной фабрике им. А. И. Желябова, г. Ленинград.
- 1928 — призван в Красную Армию.
- 1929 — помощник мастера на прядильно-ткацкой фабрике «Рабочий», г. Ленинград.
- 1932 — призван в армию повторно (служил по 1956 год).
- 1939 — окончил Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского по специальности «боевые припасы», направлен представителем заказчика на один из заводов г. Перми.
- 1949 — начальник отдела, начальник технической инспекции по контролю за качеством и комплектацией продукции, директор завода, заместитель начальника КБ-11 по серийному производству, г. Арзамас-16.
- 1957 — вновь директор завода («Авангард»), там же.
- 1958 — первый заместитель директора — главный инженер в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1961 — с апреля по октябрь временно исполнял обязанности директора НИИ-1011, затем был откомандирован в Государственный союзный проектный институт (Ленгипрострой) на должность заместителя начальника отдела, г. Ленинград.

Дубицкий Валентин Викентьевич

Награжден орденами: Ленина (четырежды — 1951, 1954, 1956, дата не установлена), Красной Звезды (1942), Красного Знамени (1946), Отечественной войны 1-й степени; медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), многими юбилейными медалями.

Стремительно летят годы, десятилетия... Уходят из жизни люди, а память о многих из них свежа, как вчерашний день.

Местом начала моей трудовой деятельности после семилетней службы в армии стал завод, директором которого был полковник Валентин Викентьевич Дубицкий. Это было в Арзамасе-16 более 50 лет тому назад, а кажется — только вчера...

Валентин Викентьевич родился в Санкт-Петербурге 11 апреля (24 апреля) 1906 года в семье рабочих. Его отец, Викентий Викентьевич Дубицкий, работал чемоданщиком на фабрике дорожных вещей, а мать, Елизавета Яковлевна Дубицкая, — вышивальщицей на тюлевой фабрике. В семье Дубицких было шесть сыновей.

Когда Валентину исполнилось 8 лет, он поступил в городское начальное училище, а после его окончания — в городское четырехклассное. После революции эти два училища были преобразованы в единую трудовую школу. В 1923 году Валентин был принят в текстильный техникум, учебу в котором он окончил весной 1926 года. Молодого специалиста направили на фабрику имени А. И. Желябова, где он начал работать в должности помощника мастера. На фабрике в 1927 году Валентин Дубицкий был принят в ряды коммунистической партии — ВКП(б).

Осенью 1928 года В. Дубицкого призвали в Красную Армию для службы в артиллерийском полку. После демобилизации он вернулся в Ленинград и поступил на прядильно-ткацкую фабрику «Рабочий» в качестве помощника мастера. Здесь, как говорится, он встретил свою судьбу — в 1931 году женился на Беловой Клавдии Сергеевне, подарившей ему в этом же году дочь Евгению, а в 1937 — сына Владимира.

В. В. Дубицкий очень хотел стать военным, поступить в военную академию, поэтому в 1932 году вновь пошел служить в армию, а в 1934-м его направили на учебу в артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского. Вся дальнейшая жизнь В. В. Дубицкого была связана с вооруженными силами страны. Уже в академии у Валентина Викентьевича проявился особый интерес к инженерным вопросам артиллерии. Он окончил академию с отличием и в звании младшего офицера был направлен представителем заказчика на один из военных заводов на Урале.

В городе Перми и застала война семью Дубицких. В первые, самые трудные годы войны Валентин Викентьевич всецело отдал себя, свои знания и опыт выпуску боевой техники. В то суровое время он очень редко видел свою семью... Его труд, энтузиазм, энергия и организаторские способности вскоре были замечены

руководством, и Валентин Викентьевич не только был повышен в должности, но и представлен к правительственной награде. В начале 1942 года В. В. Дубицкий был награжден орденом Красной Звезды. Для молодого капитана это был первый орден.

Из воспоминаний дочери В. В. Дубицкого Евгении Валентиновны Моссаковской (1983 год): «...Потом папа за свою работу и внесенный им вклад в укрепление обороноспособности нашей страны был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени и многими другими орденами и медалями. Но первый орден остался в его памяти на всю жизнь. Даже по прошествии многих лет, когда волосы на его голове заметно посеребрились, каждый раз, когда папе следовало быть на каких-либо торжествах или встречах, он, надевая военный костюм с полковничьими погонами и наградами, неизменно дотрагивался рукой до первого ордена и говорил: «Это моя первая и самая дорогая награда».

В 1942 году из блокадного Ленинграда в Пермь были эвакуированы оставшиеся в живых после страшной голодной зимы двенадцать человек близких родственников и знакомых. Всем им нашлось место в маленькой квартире семьи Валентина Викентьевича. Всех поддержали, все поправились, пошли работать и учиться, а вот отец, Викентий Викентьевич Дубицкий, не дожил, навсегда остался в осажденном городе.

Из воспоминаний Евгении Валентиновны Моссаковской: «Когда мама сослуживица потеряла карточки на продукты, отец первым сказал, что ей надо помочь. Кто помнит войну, тот знает, что значит потерять карточки. И мама отдала свои... Об этом я узнала в 1975 году в Ленинграде, в день похорон своей матери, от женщины, которой мои родители помогли».

После окончания Великой Отечественной войны В. В. Дубицкого переводят районным инженером на один из заводов в Сибири, а через три года в Арзамас-16. Сначала он занимал в КБ-11 различные руководящие посты, а затем был назначен директором завода.

Трехгодичная деятельность Валентина Викентьевича на посту директора завода была отмечена орденом Ленина. И это заслуженно, потому что я хорошо знаю, как он трудился, не считаясь со временем, не щадя здоровья. В те годы усиленно велось строительство производственных и хозяйственных корпусов. Объем работы директора завода был огромным. И всюду Валентин Викентьевич успевал. Его видели и на стройке, и в цехах завода, и в конструкторских подразделениях института.

Особую щепетильность В. В. Дубицкий проявлял в вопросах соблюдения режима секретности. При очередном посещении цехов завода он, как правило, звонил начальнику первого отдела и просил выделить ему инспектора. В те годы я занимался вопросами режима и зачастую сопровождал Валентина Викентьевича.

Мне довелось работать со многими военными людьми различного ранга, большинство которых воспитано в духе высокой революционной бдительности. Это качество было присуще и Валентину Викентьевичу Дубицкому.

Помню, его почему-то заинтересовала заводская свалка металлолома. По его личному указанию мне и Георгию Филипповичу Гладилину, заместителю начальника одного из цехов, было поручено тщательно осмотреть место складирования металлолома. Была ли это игра случая, судить не берусь, но вскоре Георгий Филиппович среди множества различных бракованных деталей обнаружил непросмотровую и очень важную деталь. Затем последовала разработка необходимых мероприятий, и был издан приказ по заводу, который явился основой для проведения профилактической работы среди трудящихся завода и некоторой перестройки в учете и хранении продукции. Одним из наиболее важных, как показало время, факторов этой перестройки было то, что Валентин Викентьевич предложил организовать в цехах завода изоляторы брака. Это нововведение оказалось очень полезным и использовалось многие десятилетия.

Бдительность — это обостренное чувство ответственности. И не только в вопросах режима секретности. Это чувство Валентин Викентьевич не терял с годами, а наоборот — оно у него носило возрастающий характер. В марте 1958 года, когда Валентин Викентьевич прибыл на Урал уже в качестве первого заместителя директора института, он прежде всего зашел в кабинет начальника первого отдела П. Я. Усикова и попросил его коротко доложить о состоянии режима секретности на предприятии.

В 1955-м — начале 1956 года мне приходилось неоднократно выполнять поручения директора завода В. В. Дубицкого. Так, в июле 1955 года Валентин Викентьевич позвонил моему начальнику и сказал, что для доставки важного документа в Москву нужен человек из нашего отдела. Начальник назвал мою фамилию. Валентин Викентьевич знал меня по работе в первом отделе уже достаточно долгое время и дал свое «добро», предупредив о том, что сам проверит исполнение. Получив пакет, я вышел из здания и сел в ожидавшую машину с двумя вооруженными сопровождающими. Когда прибыли на аэродром, я увидел Валентина Викентьевича рядом с человеком крепкого телосложения, но чуть ниже ростом. Валентин Викентьевич кивком головы позвал меня, и я услышал: «Борис Глебович, разрешите вам представить Пырегова, старшего инспектора первого отдела, которому поручена доставка корреспонденции». Борис Глебович — а это был Музруков, которого я видел впервые, — подавая мне руку, подчеркнул важность данного поручения. Я ответил, что хорошо это понимаю и задание выполняю...

Через два часа мы приземлились во Внуково, а еще через час я сдал корреспонденцию в ГУ министерства и тем же самолетом вернулся домой. На следующее утро я пошел доложить Дубицкому о выполненном задании. Но только открыл дверь в его кабинет, как услышал: «Нам сразу же позвонили. Спасибо!»

Конечно, тогда я не мог предположить, что спустя три года, уже здесь на Урале мне снова придется выполнять не менее важные поручения по личному указанию Валентина Викентьевича Дубицкого.

Валентин Викентьевич был исключительно добросовестным, отзывчивым и скромным человеком. Он был истинным патриотом своей Родины, верным

другом и товарищем. Через всю жизнь прошла его дружба с двумя товарищами-сокурсниками по артиллерийской академии. Очень теплые отношения были у него и с Борисом Николаевичем Леденёвым, и с Кириллом Ивановичем Щёлкиным. Книга «Физика микромира», написанная Кириллом Ивановичем, подарена Валентину Викентьевичу с надписью: «Дорогому дяде Вале. К. Щёлкин. 17.05.63». Сейчас эта книга — бесценный дар трижды Героя Социалистического Труда члена-корреспондента АН СССР К. И. Щёлкина — как дорогая реликвия хранится в семье Евгении Валентиновны Моссаковской (Дубицкой).

Валентин Викентьевич проработал на нашем предприятии всего три года: с 10 апреля 1958 года по 25 ноября 1958 года в должности заместителя директора, а с 26 ноября 1958 года по 3 апреля 1961 года — главным инженером и первым заместителем директора НИИ. Но и за это непродолжительное время он внес весомый вклад в развитие и становление предприятия в самый сложный организационный период его деятельности.

В последующие годы Валентин Викентьевич работал в Ленинграде. Он был полон сил и энергии, но изношенное сердце солдата остановилось преждевременно. 27 января 1964 года вечером, читая газету, Валентин Викентьевич скоропостижно скончался. Ему было всего 57 лет.

Н. Д. Пырегов

Из воспоминаний

Валентин Викентьевич Дубицкий. Это первый заводской директор, с которым мне пришлось лично познакомиться. Это он напутствовал меня как молодого специалиста. Запомнился он мне в военной полковничьей форме. Подтянутый, вежливый, корректный, немного суховатый в общении. Коренной ленинградец, В. В. Дубицкий приехал на объект в октябре 1949 года. Теперь очень мало заводчан помнят о нём, а для молодого поколения он — «величина» неизвестная. Но роль этого человека в становлении серийного производства ядерного оружия, несомненно, значительна. В. В. Дубицкого, как я полагаю, нужно отнести к основным создателям нашего завода. На долю его директорства (декабрь 1952 г. — октябрь 1955 г.) выпал период формирования коллектива руководителей ведущих подразделений серийного производства, освоения первых серийных изделий, организации приемки и сдачи спецпродукции.

Через пять месяцев после приезда на объект В. В. Дубицкий был назначен в марте 1950 года начальником технической инспекции по контролю за качеством и комплектацией продукции. Затем, после образования сектора эксплуатации в октябре 1952 года, он становится его начальником. А с декабря того же года приказом ПГУ он утверждается директором завода.

Дубицкий Валентин Викентьевич

Несмотря на свою внешнюю сдержанность, Валентин Викентьевич был очень близок к коллективу. Он прекрасно знал всех работавших на заводе, многих рабочих называл по имени и отчеству.

Вспоминаю такой эпизод личных контактов с В. В. Дубицким.

Осенью 1957 года председатель нашего завкома уехал на курсы профработников в Москву и меня временно оставили вместо него. Звонок директора: «Поедем посмотрим, как идет строительство домов на Колхозной».

В то время строилось жилье, так называемым, «хозспособом». Завод выделял строительные материалы, а строили сами будущие жильцы, те, у которых подошла очередь на получение квартир. Руководили ходом этой «народной» стройки специалисты-заводчане из ремонтно-строительного цеха.

Несколько лет спустя мне много пришлось заниматься строительными вопросами — жилье, дороги, промышленные здания, объекты социально-культурного назначения, реконструкция цехов и участков. И навсегда я запомнил тот первый урок организации этого дела, который мне преподавал В. В. Дубицкий. Он подробно объяснил порядок проектирования, составления и утверждения планов строительства и многие другие практические вопросы. Тогда я впервые узнал, что такое «титул» и что означает «внетитульное» строительство. Ввел он меня и в технологию строительства жилья.

В. В. Дубицкий умел мыслить широко. При нём на заводе было начато строительство большого инструментального цеха, ввод в действие которого позволил значительно совершеннее и компактнее разместить целый ряд производств завода.

Так сложилось, что директорствовать Валентину Викентьевичу пришлось дважды. В 1955 году он был назначен первым заместителем начальника объекта по серии, но продолжал еще в течение трех месяцев возглавлять завод. «Ноша» даже для такого «работяги», как В. В. Дубицкий, оказалась слишком тяжелой. Поэтому в октябре 1955 года директором завода был назначен начальник электромонтажного цеха Михаил Агеевич Григорьев. Такая расстановка сил сохранялась до 1957 года. Этот год стал знаменательным для завода, да, наверное, и для всего серийного ядерно-оружейного производства в целом. Приказом министра отрасли № 0294 от 25 мая наш завод был выделен из КБ-11 в самостоятельное предприятие. Дело шло к дальнейшему его расширению и развитию. В. В. Дубицкий снова назначается его директором. Однако процесс наращивания мощностей «серии» захватил не только наш завод. Параллельно стали создаваться аналогичные предприятия в других районах страны. В частности, на Урале. Вот туда в апреле 1958 года и был направлен В. В. Дубицкий — на «новый объект», как тогда называли ВНИИТФ.

Есин Павел Алексеевич

08(21).07.1911–05.01.1969

Конструктор, разработчик ядерных зарядов; кандидат технических наук (1958); лауреат Ленинской (1963) и Сталинской 2-й степени премий (1951, 1953); участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1939 г.

- 1926 – ученик слесаря школы ФЗО, г. Выкса Нижегородской области.
- 1929 – слесарь Мордовщиковского судомостового завода, Нижегородская область.
- 1931 – учащийся рабфака, г. Выкса.
- 1933 – студент МВТУ им. Баумана.
- 1936 – переведен в Ленинградский военно-механический институт.
- 1939 – инженер-конструктор Ижорского завода, г. Колпино Ленинградской области; затем специалист по вооружению завода № 189, г. Ленинград.
- 1941 – призван в ряды Красной Армии: слушатель военно-политического училища Ленинградского фронта, г. Ленинград.
- 1942 – комиссар отдельной роты 281-й стрелковой дивизии 54-й армии Волховского фронта, затем оперуполномоченный ОКР «Смерш», старший лейтенант 29-го гвардейского минометного полка.
- 1946 – после демобилизации (в феврале) начальник цеха опытного завода механизации энергохозяйства (г. Ленинград); с сентября инженер-конструктор, затем старший инженер-конструктор, руководитель группы, заместитель начальника отдела КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 – начальник сектора НИИ-1011, затем заместитель главного конструктора, первый заместитель главного конструктора, начальник отдела, г. Снежинск.

Награжден орденами: Ленина (1962), Красной Звезды, тремя орденами Трудового Красного Знамени; медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Павел Алексеевич Есин — ученый, замечательный конструктор, разработчик ядерных зарядов — родился в поселке Липня Кулебакского уезда Нижегородской губернии в рабоче-крестьянской семье. Его отец работал грузчиком и одновременно занимался сельским хозяйством. Павел рано приобщился к нелегкому крестьянскому труду, познал истинную цену хлебу, однако хлеборобом не стал — его влекла к себе техника. Окончив шестилетку, учился в ФЗУ в г. Выксе, затем работал слесарем на судомостовом заводе в рабочем поселке Мордовщик Нижегородской области.

Накопив некоторый производственный опыт, молодой рабочий решил продолжить учебу. Два года рабфака в г. Выксе, и он — студент МВТУ им. Баумана, откуда был переведен в Ленинградский военно-механический институт, по окончании которого получил квалификацию инженера-механика по специальности «башенные установки». В январе 1939 года стал членом ВКП(б). С февраля по июль того же года инженер-конструктор П. А. Есин работал на Ижорском заводе в г. Колпино, а затем — на военном заводе им. С. Орджоникидзе в г. Ленинграде специалистом по вооружению.

Грянула Великая Отечественная... Уже в ноябре 1941 года П. А. Есин был призван в действующую армию. После краткосрочных курсов военно-политического училища (1941–1942 гг.) он — комиссар 281-й стрелковой дивизии, затем оперуполномоченный отдела контрразведки «Смерш» 29-го гвардейского минометного полка. За время войны участвовал в боях на Волховском, Ленинградском и Украинском фронтах, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В конце войны чуть было не произошел крутой поворот в жизни П. А. Есина: ему, в ту пору молодому офицеру, предложили заманчивую должность коменданта Кишинева, но, побыв с год исполняющим обязанности, он понял, что эта «райская» жизнь не для него. «Я почувствовал, что не спиться там невозможно», — признался Павел Алексеевич И. С. Путникову, с которым он был в экспедиции по ликвидации аварии на газовом месторождении в 1968 году.

В феврале 1946 года П. А. Есин демобилизовался и до сентября работал начальником цеха опытного завода по механизации энергохозяйства в Ленинграде. А в сентябре произошло событие, определившее его дальнейшую судьбу: он был переведен на ядерный объект — КБ-11 в г. Арзамасе-16, где прошел путь от инженера-конструктора до начальника отдела.

Вот некоторые выдержки из служебных характеристик П. А. Есина того периода:

— «...настойчив, принципиален при решении производственных и технических вопросов...» (подписал главный конструктор Н. Л. Духов, 26.02.1951);

— «...накопив большой опыт и знания в одном из новых специфических и важных направлений работы объекта, стал видным специалистом. Отличается умением передавать свой опыт молодым специалистам...» (подписал начальник отдела В. Ф. Гречишников, 16.03.1953).

В апреле 1955 года П. А. Есин был назначен начальником конструкторского подразделения (сектора 6) вновь образованного на Урале предприятия — НИИ-1011. Здесь П. А. Есин продолжал трудиться не менее успешно. Конструкторское лидерство его было общепризнанным. Он много сделал для запуска разработок в серийное производство и приложил много сил в создание коллектива конструкторов, занимающихся разработкой ядерного заряда. Ему принадлежала ведущая роль в разработке технической документации, выработке технически обоснованных требований к изготовлению зарядов, а также в повышении технологичности конструкций.

Большая работа была проведена П. А. Есиным по установке зарядов в различные носители. Он большое внимание уделял состоянию расчетных работ по прочности, термостойкости, всегда подходил к проблемам расчетчиков заинтересованно, стремился до конца выяснить итог расчетов и использовать его для совершенствования конструкций.

Особое внимание П. А. Есин уделял надежности конструкции зарядов. Так, инженер-конструктор В. Я. Гречко вспоминал, как Павел Алексеевич требовал «контрить» крепежные детали вязальной проволокой (там, где это возможно), вместо применения пружинных шайб. А ведущий инженер В. И. Гаврин привел крылатое выражение П. А. Есина: «Болт диаметром меньше 10 мм — это не болт». Будучи человеком физически крепким, Павел Алексеевич легко срывал резьбу у болтов диаметром 8 мм.

В 1958 году П. А. Есин стал кандидатом технических наук, ученая степень ему была присуждена без защиты диссертации.

Главный конструктор уральского НИИ Б. В. Литвинов так оценивал деятельность П. А. Есина в служебной характеристике от ноября 1961 года:

«За время работы лично он сам и руководимый им коллектив разработали ряд специальных изделий, в разработку которых он внес немало ценных предложений. Под его руководством были проведены компоновочные работы, разработка рабочей документации, проведены расчетные и экспериментальные работы, а также оказана большая техническая помощь заводам в изготовлении, сборке и подготовке изделий к испытаниям».

Велика заслуга П. А. Есина и в формировании коллектива разработчиков ядерных зарядов. Задача эта была непростая, учитывая, что таких специалистов учебные заведения страны не готовили — всему приходилось учиться в процессе самой работы, приобретая знания и опыт в специфической отрасли техники.

Плодотворная деятельность П. А. Есина по разработке ядерных зарядов была достойно оценена: помимо указанных ранее почетных званий и высоких должностей он был награжден орденом Ленина и тремя орденами Трудового Красного Знамени.

Инженер-конструктор, замечательный специалист Н. Г. Захарова в исторической справке о научно-конструкторском секторе 6 написала:

«П. А. Есин воспитывал у исполнителей чувство высокой ответственности за качество разрабатываемых конструкций; требовал глубины и основательности их проработки, точности расчетов. Был требователен к организованности сотрудников и их исполнительской дисциплине. Приучал специалистов к самостоятельности в принятии технических решений.

Был строг к упущениям и просчетам, но не забывал отблагодарить и поощрить за качественную работу и оригинальное конструкторское решение. Проявлял постоянное внимание и участие к нуждам и заботам подчиненных».

Вспоминаются две встречи с П. А. Есиным.

Первая произошла при устройстве на работу. Состоялась короткая беседа. Узнав, что я окончил институт с отличием, он назначил мне оклад 1400 руб. (обычно молодому специалисту назначали оклад 1300 руб.). П. А. Есин сказал, что эту прибавку надо оправдать. Я, разумеется, обещал стараться...

Вторая встреча оказалась для меня конфузной. Принес я на утверждение П. А. Есину справочную схему заряда для главка. На схеме было приведено много параметров. И что удивительно: Павел Алексеевич довольно быстро обнаружил ошибку на схеме, — так хорошо он знал параметры заряда. «На ковер» был вызван начальник отдела Н. В. Бронников. Николай Васильевич (никогда этого не забуду!) вызвал «огонь» на себя, сказав: «Наказывайте меня, ведь я тоже подписал чертеж». В тот раз П. А. Есин никого наказывать не стал, ограничившись лишь строгим внушением.

Главный специалист (бывший начальник отдела) А. И. Баламутин вспоминает, что работы в ту пору было очень много, зачастую она была срочной. Не редкостью были вызовы сотрудников из отпуска. Порой приходилось жертвовать отдыхом не только на южном берегу Синары, но, случалось, и на побережье Черного моря... Так, А. И. Баламутин однажды летом во время планового отпуска уехал с семьей отдыхать на юг. И вдруг буквально на пляж поступает от имени П. А. Есина срочный вызов на работу. Между тем билеты на обратный путь куплены заранее. Приобрести же новые билеты на ближайшие дни — это проблема в сезон отпусков. А до конца отпуска осталась всего-то неделя. Подумал-подумал Анатолий Иванович и решил на свой страх и риск отгулять отпуск полностью. А вернувшись на работу, он имел жесткий разговор с П. А. Есиным, который обещал «влепить строгача» за то, что Анатолий Иванович не явился по первому сигналу. Пошумел-пошумел Павел Алексеевич, но наказывать не стал — смягчился...

В своей книге «Конструктор ядерного оружия Гречишников Владимир Федорович» Ю. К. Чернышев, бывший начальник отдела, приводит пример, когда его,

в ту пору молодого специалиста, командировали на довольно длительное время на серийный завод для оказания технической помощи при освоении кожухов зарядов. Со своей задачей Юрий Кириллович справился успешно: с завода на наше предприятие пришло благодарственное письмо, получив которое П. А. Есин ограничился резолюцией: «Вся ли КД откорректирована?». «А где же поощрение?» — с обидой пишет Ю. К. Чернышев.

Справедливости ради следует сказать, что П. А. Есин был скуп на похвалу, считая, по всей вероятности, что если человек честно, добросовестно делает свое дело, то это в порядке вещей, и распространяться по этому поводу не имеет смысла. Поэтому отсутствие нареканий со стороны Павла Алексеевича уже можно было считать поощрением...

Ф. Ф. Желобанов, бывший заместитель главного конструктора, характеризовал П. А. Есина как грамотного специалиста, энергичного, требовательного руководителя, отмечая некоторый его консерватизм: «Новые идеи по конструированию зарядов Павел Алексеевич воспринимал с изрядной долей скептицизма», — об этом Феликс Федорович докладывал на совещании.

Р. И. Борковский, бывший начальник отдела прочности (ныне пенсионер), вспоминает с добрым чувством о П. А. Есине как о знающем, опытном специалисте, общительном человеке. Павел Алексеевич старался вникнуть во всё, что касалось зарядов: компоновку, расчеты, изготовление, испытания. Он не был кабинетным работником, часто бывал на заводе, на испытательной площадке.

Роберт Иосифович отмечает, что П. А. Есин был очень честолюбив: когда на совещании представитель министерства В. И. Алфёров критиковал коллектив КБ-1 за ошибки и упущения, выступил Павел Алексеевич. Он горячо защищал конструкторов, расчетчиков, испытателей. Возможно, это эмоциональное выступление сыграло с ним злую шутку: в 1965 году произошли кадровые перестановки в КБ-1, но больше всех пострадал П. А. Есин. Он был освобожден от должности первого заместителя главного конструктора и начальника сектора 6.

В 1965 году П. А. Есин возглавил вновь организованный в секторе 6 отдел. Бывший начальник группы этого отдела И. С. Путников вспоминает:

«С 1965 года в институте был придан официальный статус направлению по разработке ядерных зарядных устройств мирного назначения: был создан специализированный отдел.

Разработка промышленных ядерных зарядов планировалась по двум направлениям:

— «чистые» заряды для проведения взрывов на выброс: вскрышные работы для добычи полезных ископаемых открытым способом, создание плотин и водоемов, дробление руд и др.;

— заряды для камуфлетных взрывов: ликвидация аварий на нефтегазовых месторождениях, создание подземных емкостей для хранения сжиженных газов или захоронения вредных отходов производств, сейсмозондирование земной коры (разведка полезных ископаемых) и др.

Начало деятельности отдела было чрезвычайно напряженным. Пока разрабатывались программы и проекты с использованием ядерных взрывов, наподобие американского «Плаушера», жизнь ставила экстренные задачи.

Так, например, предстояла ликвидация аварии на Памукском месторождении, которое находилось в геотермальной зоне.

Работы отдела фактически начинались с чистого листа: отсутствовали аналогии, технические требования отличались от требований, предъявляемых к боевым зарядам и, как следствие, отсутствовали исследовательская и экспериментальная базы. А между тем аварийная скважина выбрасывала в сутки недельную потребность в газе г. Ленинграда. Начался аврал».

В таких условиях П. А. Есин возглавил юный отдел. Первый комплект чертежей, принесенный ему на проверку, он буквально исследовал два дня. Возвращая чертежи без замечаний, произнес: «Береженого бог бережет». По всей вероятности, это означало, что теперь он доверяет молодым инженерам. И действительно, в дальнейшем он полностью переключился на организационные моменты, которых было чрезвычайно много. В этот период проявился его характер и талант руководителя, о чем мы знали только понаслышке. Его настойчивостью, кругозором и опытом были решены ключевые проблемы разработки и изготовления «чудо-изделия». Проблемы возникали на протяжении всей разработки, и роль П. А. Есина в их решении неоценима.

Работы, связанные с ликвидацией аварии на Памуке, были последними в жизни Павла Алексеевича, на долгие годы определившего лицо нового отдела и суть нового направления. Психологические травмы, напряженность последних лет пагубно повлияли на его здоровье. Он ушел из жизни на 58-м году — 5 января 1969 года в г. Снежинске.

Жизнь П. А. Есина была богата событиями, крутыми поворотами, были взлеты и падения... Но самое главное — это то, что Павел Алексеевич всегда оставался верен себе: старался честно выполнять долг, проявляя исключительную настойчивость и работоспособность в достижении цели. Он был строгим, взыскательным руководителем, но прежде всего он был строг к самому себе. Конечно, и у него были недостатки, которые отмечают в своих воспоминаниях сотрудники, но положительных качеств было, безусловно, гораздо больше. Без преувеличения можно сказать — это была цельная натура, сильная личность.

С. В. Крылов

Павел Алексеевич Есин всячески поощрял инициативу и тем более никогда не мешал созданию нового. Если он видел, что новое техническое решение повышает эффективность, надежность изделия или представляет собой оптимальное

решение поставленной задачи, он всегда одобрительно относился к таким нововведениям. В этом я убедился на собственном опыте. Следует особо отметить его дальновидность в организации отдела по разработке артиллерийских ядерных зарядов. В то время вообще ставилась под сомнение возможность создания ядерных зарядов малых габаритов, да еще обладающих сверхвысокой прочностью!

Служебную записку П. А. Есина об организации нового отдела поддержал К. И. Щёлкин. После чего появился приказ директора института Д. Е. Васильева от 01.04.60 г. о создании отдела и моем назначении на должность начальника. Мы с Павлом Алексеевичем несколько раз выезжали в управление кадрами министерства для заказа целевым назначением выпускников МВТУ им. Баумана для нового отдела.

П. А. Есин не ошибся: организованным по его инициативе научно-конструкторским отделом были разработаны и переданы на вооружение в составе артиллерийских выстрелов ядерные заряды с рекордно высокой прочностью и рекордно малыми размерами. Тем самым был обеспечен паритет с США в области ядерной артиллерии сухопутных войск.

В. Д. Кирюшкин

У Павла Алексеевича Есина работа была на первом, втором и третьем местах одновременно, то есть работа — это всё! Такое же отношение к работе воспитывал он и у сотрудников. Болея за качество проводимых работ, он очень тщательно проверял КД и строго спрашивал за ошибки и упущения, причем иногда «с запасом», — наказание зачастую было неадекватно проступку. Крут был Есин, но отходчив. Долго зла не помнил.

Павел Алексеевич для меня был не только руководителем производственной деятельности, но и научным руководителем при написании кандидатской диссертации. Так случилось (неожиданно для нас обоих), что при понижении в должности (это наказание тоже имело очень большой «запас») П. А. Есин стал моим подчиненным. При работе в новых условиях у нас сохранились нормальные деловые отношения благодаря положительным качествам Павла Алексеевича.

П. И. Коблов

Павел Алексеевич Есин отличался тем, что крепко держал в голове цифры, которые расчетчики называли по прочности зарядов или по их тепловому состоянию. И горе тому, кто в спешке или по невнимательности допускал ошибку. Поэтому, прежде чем доложить Павлу Алексеевичу результаты своих расчетов, каждый расчетчик тщательно их проверял.

В. В. Никифоров

Есин Павел Алексеевич

Руководство проектированием спецзарядов в КБ-1 в 1961–1965 гг. осуществлялось П. А. Есиным, который фактически являлся самым опытным конструктором КБ-1 и был, по сути дела, законодателем всех разработок.

Кроме большого опыта, Павел Алексеевич обладал огромной силой воли, доходившей порой до упрямства, что, с одной стороны, являлось положительным фактором, так как способствовало поддержанию на высоком уровне исполнительской и технологической дисциплины, а с другой стороны, имело и негативные последствия: сковывало инициативу, приводило порой к принятию неоптимальных решений.

В. И. Жучихин

Павел Алексеевич Есин — это Конструктор с большой буквы! В своей работе он полагался в основном на свой богатый опыт. В то время экспериментальная база по испытанию образцов зарядов была довольно слабой, а средства по расчету — весьма примитивны. Между тем в условиях дефицита информации о свойствах специфических материалов и параметрах (прочностных, тепловых) зарядов необходимо было срочно принимать конструктивные решения, назначать условия эксплуатации, гарантийные сроки годности и т. п. Приходилось рисковать — жизнь торопила. Случались и неудачи... Это было неизбежно.

А. И. Баламутин

Желобанов Феликс Федорович

26.06.1927–13.05.2004

Конструктор, разработчик ядерных зарядов для ядерно-оружейного комплекса и ядерных взрывных устройств для промышленного использования при проведении вскрышных камуфлетных взрывов; лауреат Ленинской премии (1966); член ВКП(б) с 1951 г.

- 1942 — наладчик револьверных станков и штампов в карбюраторном цехе завода Урал — ЗИС, г. Шадринск Курганской обл.
- 1943 — токарь 4-го разряда на заводе № 30 МАП, г. Москва.
- 1946 — токарь 6-го разряда на заводе № 118 МАП, там же.
- 1948 — студент Московского станкоинструментального института.
- 1953 — инженер-конструктор КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — инженер-конструктор, затем старший инженер-конструктор в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1956 — руководитель конструкторской группы, там же.
- 1961 — заместитель начальника отдела, там же.
- 1963 — начальник отдела, там же.
- 1969 — заместитель начальника научно-конструкторского сектора 6, там же.
- 1975 — заместитель главного конструктора первого тематического направления — начальник научно-конструкторского отделения № 6, там же.
- 1991 — пенсионер.

Награжден орденами: «Знак Почета» (1962), Ленина (1979), Трудового Красного Знамени (1985); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1984), «За доблестный труд в Великой Отечественной

Желобанов Феликс Федорович

войне 1941—1945 гг.» (1995), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1995), «50 лет атомной энергетики СССР» (1998); знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (2004). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Феликс Федорович Желобанов — талантливый конструктор, разработчик ядерных зарядов для ядерного оружейного комплекса и ядерных взрывных устройств для народно-хозяйственного использования: создания водохранилищ, подземных емкостей, сейсмозондирования земной коры, интенсификации добычи нефти и газа, дробления руды, перекрытия скважин газовых аварийных фонтанов.

Феликс Федорович родился 26 июня 1927 года в Москве в роддоме № 1 на Арбате. Роддом и сегодня скромненько уютится среди выросших за последние годы новых современных зданий. Феликс с удовольствием подчеркивал свое рождение именно в роддоме № 1, именно на Арбате: коренной москвич! Мама Феликса, Александра Семеновна, была родом из богатой купеческой семьи, в революцию ушла в юности, вступила в партию РСДРП. Несколько лет работала в Подмосковье книгоношей. Пристрастилась сама к книгам. Потом работала в библиотеках, потом был Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения), где она стала правой рукой Н. К. Крупской и секретарем партийной организации Наркомпроса. Отец Феликса, Федор Иванович, был чекистом. Он погиб в 1933 году на Дальнем Востоке при ликвидации одной из многочисленных банд. Александра Семеновна растила Феликса одна. Всегда в работе, всегда в партийных делах. Частенько Феликс заглядывал к ней на работу: уж очень широкие там были перила у лестниц, так лихо можно было прокатиться. Однажды чуть не сбил с ног саму Н. К. Крупскую.

Когда грянул страшный 1941-й, он еще учился в школе. Вместе с другими московскими школьниками осенью работал на строительстве оборонных сооружений под Москвой.

В декабре 1941 года — эвакуация: Желобановы оказались в г. Шадринске Курганской области. Здесь, окончив 7 классов, Феликс начал свою трудовую деятельность наладчиком револьверных станков, а потом и штампов в карбюраторном цехе завода Урал — ЗИС. Вернувшись в Москву в 1943 году, он продолжал работать, только теперь уже токарем 4-го разряда на заводе № 30 Министерства авиационной промышленности. Некоторое время (1945—1946 гг.) Феликс учился в техникуме, но из-за тяжелого материального положения вынужден был вернуться к станку: с сентября 1946 года по февраль 1948 года работал токарем 6-го разряда на заводе № 118 МАП.

1948 год. Сдав экстерном экзамены за среднюю школу, Феликс Желобанов стал студентом Московского станкоинструментального института им. И. В. Ста-

лина, который окончил с отличием в 1953 году. Все студенческие годы ему удалось сочетать успешную учебу с активной общественной работой в комитете ВЛКСМ института. В 1951 году он был принят в ряды ВКП(б).

После окончания института Феликс Федорович был направлен в КБ-11 и принят на работу инженером-конструктором ядерных зарядов, а в 1955 году его перевели во вновь образованный НИИ-1011. Из Арзамаса-16 на Урал он переехал вместе с семьей в 1958 году.

С уральским ядерным центром связана практически вся трудовая биография Феликса Федоровича. Возглавив в 1956 году конструкторскую группу, он реализовал свой потенциал вдумчивого умелого руководителя, работая последовательно в должностях заместителя начальника отдела, начальника отдела, заместителя начальника научно-конструкторского сектора 6. А с 1975 года до ухода на пенсию в 1991 году, в течение 16 лет, Ф. Ф. Желобанов — заместитель главного конструктора по разработке ядерных зарядов — начальник научно-конструкторского отделения № 6.

Правительство СССР ставило перед институтом новые и всё более сложные задачи в области разработки ядерного оружия. Работа шла напряженная, ответственная. В качестве конструктора ядерных зарядов Феликс Федорович всегда находился в авангарде. Теоретическую схему заряда надо было воплотить в реальную конструкцию, испытать её, провести опытную отработку, передать в серийное производство, обеспечить авторское сопровождение ЯЗ в течение всего жизненного цикла. Вот слова главного конструктора Б. В. Литвинова: «До сих пор удивляюсь, с какой отдачей и результативностью работали сотрудники конструкторских отделов нашего КБ-1. За короткие промежутки времени, отводимые на выпуск новой конструкторской документации, делалось невероятно много и с высоким качеством» (из книги «Конструктор от Бога», Снежинск, 2008).

Феликс Федорович проявил себя замечательным высокопрофессиональным конструктором и организатором работ коллектива по созданию ядерных зарядов, их серийному освоению и оснащению ими комплексов ядерного оружия нашей страны.

За рабочим столом, 1968 г.

При личном участии Феликса Федоровича и под его руководством созданы изделия с повышенными удельными и прочностными характеристиками; температуростойкие и ударопрочные ЯЗ; ЯЗ с малым «осколочным» действием; ЯЗ весьма малых габаритов и масс, в том числе для артиллерийско-минометных боеприпасов; первичный ЯЗ для особо малого боевого блока; ядерные взрывные устройства для народнохозяйственных нужд.

Им внесен существенный вклад в процесс отработки ЯЗ и их составных частей, включая узлы и детали из активных делящихся материалов и термопластических взрывчатых веществ, а также в процесс расширения эксплуатационных свойств зарядов в составе различных боеприпасов ядерного оружия.

Ф. Ф. Желобанов девятнадцать раз назначался ответственным руководителем испытаний ЯЗ на внешних полигонах МО и мирных взрывов промышленных изделий народно-хозяйственного назначения на территории СССР.

Из воспоминаний Б. В. Литвинова: «В 1963 году институт и создатели ядерных зарядов встретились с новой и очень трудной задачей: надо было — опять же в очень сжатые сроки — освоить проведение ядерных взрывов под землей. И освоили! И не только освоили, но и открыли несколько новых направлений создания принципиально новых ядерных зарядов. В эту работу свою посильную лепту внес и Феликс Федорович Желобанов» (из книги «Конструктор от Бога», Снежинск, 2008).

За разработку новых оригинальных конструкций ЯЗ и освоение их в серийном производстве Феликс Федорович по заслугам был удостоен многих государственных наград. В его трудовую книжку внесено множество благодарностей от предприятия и руководства отрасли.

Он автор более сорока научных статей и шести изобретений. В 1962 году ему было присвоено звание младшего научного сотрудника.

В Московском станкоинструментальном институте Феликс Федорович познакомился со своей будущей женой Лениной, в 1951 году они поженились. В любви и согласии они прожили всю жизнь, отметив в 2001 году золотую свадьбу. Две дочери, четверо внуков — и здесь он выполнил свои обязанности перед Родиной.

Феликс Федорович вел активный образ жизни. Его неоднократно избирали в партийные и профсоюзные органы. Заядлый рыболов, он любил бардовские песни и ездил на концерты знаменитых бардов в Свердловск, Челябинск, на Ильмены. Любил рисовать, писал стихи, поздравляя друзей со знаменательными датами. Его золотые руки могли и лодку соорудить, и дом построить, да и мебель сделать в этот дом.

Вместе с женой, а когда подросли дети, то и всей семьей они на автомобилях объездили всю страну. В 1976 году чета Желобановых выполнила норму кандидатов в мастера спорта, участвуя в походах по сложнейшим маршрутам.

Желобанов Феликс Федорович

Потом пришло новое увлечение — минералогия, а точнее поиски камней-самоцветов. Феликс Федорович вместе с женой собрал прекрасную коллекцию минералов с самых разных уголков страны.

После выхода на пенсию Феликс Федорович всерьез занялся садоводством и огородничеством и добился хороших результатов. Не будем забывать, что это были тяжелые 1990-е годы.

Феликс Федорович был человеком эрудированным, общительным, бескорыстным. С ним было приятно и интересно беседовать на любую тему, работать, ходить в походы, ловить рыбу, колесить по просторам нашей Родины.

Б. Н. Семёнов

Из воспоминаний

(из книги «Конструктор от Бога», Снежинск, 2008)

Конструктор от Бога, он внес выдающийся вклад в разработку многих образцов ядерного оружия, до сих пор составляющих основу ядерного арсенала России.

За годы работы в институте он стал прекрасным организатором, заботливым и требовательным руководителем.

Он необычайно красиво работал: его конструкторские решения были неожиданными и эффективными.

Стремление к завершенности, элегантности проявлялось у Феликса Федоровича во всём, что бы он ни делал, даже его записная книжка была образцом, недостижимым для большинства людей: так аккуратно она была разграфлена в виде цветных таблиц, так дотошно систематизирована. Не скрою, я пытался ему подражать, но дальше первой странички мне продвинуться не удалось.

Е. Н. Аврорин

Школа «Ф. Ф.»: работать с полной отдачей, не ждать вдохновения свыше, быть всегда в поиске нового, не бояться быть нестандартным, углублять ежедневно, ежечасно свои знания.

И. М. Каменских

В нём поражало нечасто встречающееся сочетание профессионализма, высочайшей ответственности за порученное дело и трудолюбия с превосходным чувством юмора и, порой, веселой бесшабашностью и умением организовать приятный незабываемый отдых.

Н. П. Волошин

Желобанов Феликс Федорович

На полигоне при ежедневных контактах особенно симпатичной была такая черта его характера — доступность и открытость для всех участников экспедиции и по любым вопросам. Четко обозначалось, что для него, как руководителя, нет мелочей в работе, о которых бы он мог не знать: он должен знать абсолютно всё. Он скрупулезно требовал и лично проверял: наличие полного комплекта оснастки для сборочных работ, наличие специальной одежды и средств защиты для всех участников экспедиции, наличие всей технологической документации, всех инструкций по технике безопасности, радиационной и ядерной безопасности, регистрационных журналов. Проверял, все ли участники экспедиции позавтракали перед выездом в сборочное сооружение.

Л. П. Гавриловский

В делах семейных и увлечениях он был неотделим от своей «половинки» — Ленины. Было между ними такое взаимопонимание и единомыслие, что мы воспринимали их не иначе как нечто цельное — «Желобановы».

С. М. Ермаков

Феликса Федоровича отличало умение в конструктивном проведении совещаний, я бы сказал, в стиле Е. И. Забабахина: четкая постановка вопроса, немногословное обсуждение, определенность выводов по дальнейшей деятельности.

С. Н. Наумов

С первых дней нашего знакомства о Феликсе Федоровиче у меня сложилось и навсегда осталось впечатление, как о человеке без малейших признаков напускной важности, зазнайства и высокомерия, человеке внимательном и отзывчивом, готовом практически всегда принять, выслушать, тактично поправить, помочь или дать полезный совет.

Н. В. Новоторцев

Он обладал даром особой власти. И его власть заключалась не в должности, не в общественном положении даже, а в личном обаянии, в чувстве доброй расположенности к окружающим его людям.

А. А. Рябов

Необходимо отметить еще одну черту Феликса Федоровича как руководителя — способность организовать работу коллектива из разработчиков различных направлений для выполнения срочного задания.

Б. Н. Сирота

Желобанов Феликс Федорович

В период, когда сектором 6 руководил Ф. Ф. Желобанов, в подразделении активно работало не менее 30 изобретателей. Имелся стенд, на котором были представлены фотографии всех изобретателей и перечислены номера их авторских свидетельств. В секторе периодически организовывались экскурсии на передовые производственные комплексы Урала: Уралмаш, Уралхиммаш, ЧТЗ, Северский трубный завод, Коркинский разрез и др.

С. В. Стребков

Очень пусто стало в саду без приветливого соседа, увлеченного садовода, очень доброго и порядочного человека — Феликса Федоровича Желобанова. Я благодарна, что в жизни мне повезло встретить его, такого чудесного и отзывчивого. В нашем городе очень много ученых-атомщиков, в честь которых названы улицы. Мне бы хотелось, чтобы на доме, где жил Феликс Федорович, была установлена мемориальная доска с его барельефом. Думаю, многие бы ему поклонились и положили цветы. Пусть память о нём всегда живет в сердцах снежинцев.

Л. П. Перминова

Жуков Анатолий Иванович

26.04.1923—13.12.1992

Ученый-математик, связавший свою деятельность с разработками ядерного оружия, популяризатор науки; кандидат физико-математических наук (1964), старший научный сотрудник по специальности «дифференциальные уравнения и математическая физика» (1981); лауреат Ленинской (1966) и Сталинских (1951, 1953) премий; участник Великой Отечественной войны.

- 1940 — студент механико-математического факультета МГУ.
- 1941 — курсант Московского пехотного училища.
- 1942 — лейтенант действующей армии.
- 1943 — комиссован по ранению, вновь студент МГУ.
- 1949 — сотрудник расчетного бюро Отделения прикладной математики (теперь ИПМ им. М. В. Келдыша) Математического института им. Стеклова АН СССР.
- 1959 — начальник отдела, затем заместитель начальника математического отделения по научным вопросам НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1967 — старший научный сотрудник, там же.
- 1989 — пенсионер.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1951, 1954, 1956), Отечественной войны 2-й степени (1985); медалью «За отвагу» (1980) и другими медалями.

На решение атомной проблемы, а конкретнее, для достижения паритета между нашей страной и США в области создания ядерного оружия отечественным ученым были отпущены правительством предельно короткие сроки. А ведь для выполнения поставленной задачи стране требовалось создать новую отрасль промышленности с новыми специализированными научными учреждениями, мощной экспериментальной и технической базой. В решении атомной проблемы вместе с известными миру учеными участвовала и талантливая молодежь.

Многие годы открытая научная печать обходила молчанием вопросы, касающиеся создания атомного оружия, как в области физики, химии, так и в области математики и вычислительной техники.

Роль математического моделирования и расчетов при создании ядерного оружия исключительно велика. В первые послевоенные годы высшие учебные заведения страны еще не готовили специалистов по вычислительной прикладной математике. И работы по конструированию отечественной вычислительной техники находились в зачаточном состоянии. До 1948 года все необходимые расчеты по заданиям физиков-атомщиков выполнялись в Математическом институте им. В. А. Стеклова (МИАН) в Москве, в его Ленинградском отделении (ЛОМИ), в Институте теоретической геофизики и в Институте физпроблем в Москве. В МИАНе впоследствии было создано Отделение прикладной математики (ОПМ) — ныне Институт прикладной математики РАН, носящий имя его основателя М. В. Келдыша. До появления ЭВМ расчеты проводились «вручную» на настольных машинах типа «Мерседес».

В 1948 году во ВНИИЭФ была образована первая математическая группа. Со временем все большее и большее число расчетов переходит во ВНИИЭФ, а с 1955 года и во ВНИИТФ. Первая ЭВМ во ВНИИЭФ появилась в 1957 году, в ОПМ — значительно раньше, и первые методики и программы для решения задач на ЭВМ были созданы в ОПМ. Часть математиков и специалистов по вычислительной технике ВНИИЭФ и ВНИИТФ проходила стажировку и обучение в Москве.

В ОПМ, в отделе К. А. Семендяева, работал тогда молодой ученый А. И. Жуков, вклад которого в развитие вычислительной математики огромен. Еще в 1949—1950 гг. вместе с К. А. Семендяевым и И. М. Гельфандом Анатолий Иванович разработал метод характеристик, широко использовавшийся при расчетах газодинамических задач и опубликованный им в 1960 году в «Трудах МИАН». На основе этого метода и программ для ЭВМ «Стрела» он обучил стажирующихся математиков численному решению одномерных задач газовой динамики. Это можно считать началом «машинной» эры в деятельности математиков трех институтов.

А. И. Жуков родился 26 апреля 1923 года в поселке Богословский Владимирской области. В 1940 году поступил в Московский университет на механико-математический факультет. Война прервала учебу. А. И. Жуков воевал, был тяжело ранен, долго лечился в госпитале. Был награжден самой главной медалью — «За отвагу» и орденом Отечественной войны 2-й степени. После излечения

вернулся в университет. В 1949 году окончил его и был направлен на работу в Математический институт Академии Наук СССР. В 1953 году был переведен в только что образованное Отделение прикладной математики Математического института АН СССР – сегодня это Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша, а с 1959 года работал в математическом отделении НИИ-1011.

В Математическом институте, а затем в отделе К. А. Семендяева в ОПМ А. И. Жуков активно участвовал в работах по расчетно-теоретическому обеспечению разработки ядерного оружия. За успешное выполнение работ Анатолий Иванович в 1951 году, а затем и в 1953 году был награжден Сталинскими премиями 1-й и 2-й степени. 1950-е годы – годы бурного развития разных областей физики и математики, в этот период происходит становление вычислительной математики. В печати, на семинарах идут жаркие споры между физиками и лириками (вопрос безоговорочно решается в пользу физиков), «чистыми» математиками и «прикладными» проявляется огромный интерес к философским вопросам естествознания, к кибернетике и генетике. На лекциях по теории обобщенных функций (читал Г. Е. Шилов) в МГУ сидели рядом со студентами маститые ученые. Во всем А. И. Жуков принимал активное участие. Круг его интересов чрезвычайно широк. Об этом говорят его научные труды.

Первые две научные работы были опубликованы в 1950 году в «Математическом сборнике» и относились к теории неассоциативных алгебр. Основной результат первой работы состоит в доказательстве теоремы о свободных разложениях алгебр с конечным числом образующих. Эта теорема является аналогом теоремы И. А. Грушко о базисах свободного произведения групп. Она дает ответ на вопрос, поставленный тремя годами раньше А. Г. Курошем. Во второй работе рассматривается одна из основных проблем, связанных с определяющими соотношениями свободных алгебр, – проблема тождества многочленов от образующих. А. И. Жуков решает эту проблему (строит алгоритм) для важного частного случая алгебр, заданных конечным числом определяющих соотношений.

Уже в этих первых работах ясно видны основные принципы научной деятельности, которым Анатолий Иванович следовал всю жизнь:

- находиться на переднем крае исследований, смело браться за трудные вопросы и успешно решать их;
- точно и лаконично формулировать математические проблемы;
- разбивать найденные пути решения на ряд более мелких и простых для понимания этапов.

Для А. И. Жукова были характерны безупречная логика доказательств, умелое владение словом, ясное и изящное изложение мыслей.

250 В 1951 году в издательстве «Иностранная литература» вышла книга Милна «Численный анализ» в переводе с английского А. И. Жукова (под редакцией К. А. Семендяева). Эта книга сыграла большую роль в подготовке научных кадров.

В 1954, 1956 годах вышли две работы А. И. Жукова, посвященные аналитическим решениям уравнений гидродинамики (в «Докладах АН СССР»

и «Акустическом журнале»). В первой работе для системы уравнений, описывающей стационарное осесимметричное движение сжимаемой жидкости, построено семейство точных решений, содержащее произвольную функциональную зависимость от функции тока. Во второй работе, выполненной совместно с Я. М. Каждном, проведено исследование задачи об импульсном нагружении покоящегося холодного идеального газа. Получено аналитическое решение в случае двухатомного газа, сделана более точная оценка показателя автомодельности в решении В. Б. Адамского и Я. Б. Зельдовича. Проведены теоретические и численные исследования случая импульса конечной продолжительности, подтверждена гипотеза Я. Б. Зельдовича о выходе решения этой задачи на автомодельный режим.

В 1957, 1959, 1960 годах в журналах «Успехи математических наук», «Вычислительная математика» и «Доклады АН СССР» вышли три работы А. И. Жукова, относящиеся к теории разностных схем.

Прекрасно владея теорией обобщенных функций и слабых решений дифференциальных уравнений, А. И. Жуков смог по-новому посмотреть на классические основные понятия теории разностных схем — аппроксимацию, устойчивость, сходимости. Он показал, что теорема эквивалентности Лакса относится только к банаховым пространствам, а в более общих топологических пространствах — в пространствах обобщенных функций — аппроксимация эквивалентна сходимости. Основной областью приложения этих результатов, как считал сам Анатолий Иванович, являются некорректные задачи. Для них он разработал оригинальную процедуру регуляризации, которую назвал сглаживанием.

Очень ярким результатом, полученным А. И. Жуковым при исследовании сходимости в теории разностных методов, является предельная теорема для разностных операторов. Он показал, что если рассматривать решение разностной задачи Коши для параболического или гиперболического уравнения как результат действия некоторого оператора на точное решение, то в пространстве распределений для него справедлива предельная теорема, аналогичная предельной теореме теории вероятностей. Она позволяет ответить на ряд важных для вычислительной практики вопросов. Например, на вопросы:

- о наличии или отсутствии осцилляции в разностном решении;
- о скорости роста ширины зоны «размазывания» разрыва в зависимости от выбранной аппроксимации дифференциального уравнения.

В 1960 году в «Трудах Математического института им. В. А. Стеклова» отдельной книгой вышла работа А. И. Жукова «Применение метода характеристик к численному решению одномерных задач газовой динамики». Она явилась итогом работы над расчетно-теоретическим обеспечением ядерной проблемы. Метод характеристик был первым численным методом расчета нестационарных одномерных задач газовой динамики, а на начальном этапе создания ядерного оружия и единственным средством численного моделирования газодинамической стадии работы зарядов. Сложнейшие газодинамические расчеты проводились на счетных машинах «Мерседес» (с грохотом двигались каретки) бригадами ручного счета.

К моменту выхода книги в литературе было дано только простейшее описание метода. А. И. Жуков дает его полное описание. Тщательно прорабатывается весь комплекс вопросов, которые возникают при практическом решении задач. Наряду с теоретическими основами метода излагаются все тонкости его применения, связанные с расчетом разрывов, различными уравнениями состояния, граничными условиями. Обсуждаются вопросы организации вычислений на настольных машинах и принципы программирования на первой ЭВМ «Стрела». Книга содержит ясное, доходчивое и одновременно строгое изложение газовой динамики. Она широко использовалась специалистами в те годы, а в 1962 году вышла на китайском языке. Прошло много лет, появилось много работ, освещающих те же вопросы, но и сейчас книга А. И. Жукова является настольной у многих специалистов.

В 1951 году в издательстве «Физматгиз» вышла книга А. И. Жукова «Введение в теорию относительности». Она явилась результатом серьезного увлечения Анатолия Ивановича философскими вопросами естествознания. В ОПМ в конце 1950-х годов регулярно проходил интереснейший семинар под руководством А. А. Ляпунова с участием математиков, физиков, философов и представителей еще находившихся под запретом генетики и кибернетики. В широком ряду тем, горячо обсуждавшихся на семинаре, была и теория относительности. А единственной доступной книгой по этому вопросу в то время была книга Л. Л. Ландау и Ю. Б. Румера, которая очень сжато знакомила со специальной теорией относительности. Насколько своевременным было появление книги А. И. Жукова, ясно из отзыва на ее рукопись:

«Книга А. И. Жукова вполне ликвидирует пробел в отечественной научно-популярной литературе по этому вопросу. Значительно более полная, она охватывает кроме специальной и общую теорию относительности, а также излагает основы неевклидовой геометрии. Написанная математически более строго, она перебрасывает мостик от «школьного» понимания теории относительности к систематическому её изучению в вузе. Существенным достоинством книги является, при всей простоте, именно логическая стройность и строгость изложения материала без всяких скидок на ложную «популярность», современность материала».

И сегодня, благодаря логической стройности и доступности изложения материала, живому языку и историческим экскурсам, эта книга остается увлекательным введением в теорию относительности. Жаль, что ее не переиздавали.

В этот же период А. И. Жуков, как он сам рассказывал, провел ревизию всех своих знаний: расширил и углубил полученные в университете, изучил новые разделы математики, последние достижения (обобщенные функции, интегральную геометрию и др.) и всё систематизировал. Всю жизнь он регулярно следил за научной литературой, был энциклопедически образованным математиком высочайшей культуры.

В 1959 году Анатолий Иванович Жуков начал работать в НИИ-1011. Неоценим его вклад в становление и развитие математического отделения института. И здесь поражает широта его научных интересов, многоплановость деятельности.

В отделении нет человека, который бы вел такую громадную педагогическую работу, как А. И. Жуков. Он обладал редким педагогическим даром. Лекции и доклады А. И. Жукова всегда собирали большую аудиторию, поражали новизной подходов, простотой и красотой изложения, доставляли эстетическое наслаждение. Первые лекции для сотрудников отделения А. И. Жуков прочел еще в ОПМ в 1956 году. Для многих ведущих специалистов отделения А. И. Жуков был учителем, который стоял у истоков их становления как математиков. В отделении А. И. Жуков читал лекции по численным методам, по теории относительности, читал лекции и вел семинары по теории упругости, по Алголу. Когда к работе в отделении приступило большое количество молодых специалистов, Анатолий Иванович прочел превосходный курс лекций «Разностные методы математической физики», изданный в отделении на правах рукописи. Этот курс не потерял своей актуальности и сейчас. А о мастерстве изложения материала можно судить по высказыванию одного из читателей: «Простой, ясный, лаконичный, правильный русский язык. Вместе с читателем автор неторопливо, без лишней суеты идет от простого к сложному, фиксирует внимание, где это необходимо, на ключевых моментах излагаемого материала, иллюстрирует их со вкусом подобранными примерами. Ему непостижимым образом удается сделать читателя своим товарищем, создать у него ощущение сопричастности в плетении тонкого кружева математической теории, когда одно понятие легко и непринужденно следует из другого, и нет ничего избыточного, и каждое необходимо для достижения конечной цели, имя которой красота!»

Анатолий Иванович Жуков несколько лет руководил научным семинаром отделения. Участие его в работе семинаров, конференций, в работе комиссии по приему кандидатских экзаменов (он был ее председателем), в научно-техническом совете отделения и в ученом совете института, членом которых он был, сразу ощущалось и поднимало научный уровень всех обсуждений.

А. И. Жуков был инициатором ряда направлений, которые и сейчас развиваются в отделении. Он первым заинтересовался численным моделированием упругопластических сред. В отделе, которым он руководил, проводился семинар по теории упругости. Под руководством А. И. Жукова и А. Н. Коновалова разрабатывалась двумерная программа расчета упругопластических течений. По предложению Анатолия Ивановича начались серьезные работы по методу «частиц в ячейке». По его инициативе из ИПМ была взята программа Б-12, позволяющая рассчитывать двумерные гидродинамические течения методом С. К. Годунова. Позднее реализующая эту методику программа Б-31 на БЭСМ-6 стала первой производственной программой для расчета двумерных течений. Тесные связи с отделом ИПМ — родоначальником методики (ныне это отдел А. В. Забродина) сохраняются и до сих пор. А. И. Жуков прекрасно разбирался во всех тонкостях схемы С. К. Годунова. В 1980 (в соавторстве с А. С. Жариковым) и в 1986 годах вышли две его работы, явившиеся результатом исследований, направленных на создание таких разностных схем, которые сохраняли бы сильные стороны метода С. К. Годунова, но вместе с тем были бы лишены его недостатков.

Анатолием Ивановичем Жуковым выполнены работы по теоретическому исследованию и обоснованию методов расчета электрических цепей, проведены теоретические исследования и обоснования методов решения некорректных задач восстановления форм записи импульсов и фотографических изображений, получаемых в эксперименте. Он предложил следующий подход для решения некорректных задач — преобразование Фурье (т. е. переход в частотную область), фильтрация шума, а затем — обратное преобразование Фурье. Для решения задачи по цифровой обработке фотографических изображений была разработана программа, реализующая этот подход. Последующая эксплуатация показала очень высокие ее качества. Программа такого класса была фактически первой в СССР. Эти исследования А. И. Жуковым изложены в депонированных статьях.

В 1966 году А. И. Жукову была присуждена Ленинская премия. У Анатолия Ивановича много заслуженных наград. Но он был очень скромным человеком, его не интересовали посты, степени, награды. Он был пленен поэзией математики. Любил и хорошо знал музыку, живопись, литературу. Знал наизусть произведения многих поэтов. Был глубоко интеллигентным человеком с твердыми жизненными принципами, человеком слова.

А. И. Жуков проводил научные исследования до последних дней своей жизни. В 1992 году в издательстве «Наука» вышла его книга «Метод Фурье в вычислительной математике».

В вычислительной математике преобразование Фурье (или интеграл Фурье) играет значительную роль. С одной стороны, оно является мощным инструментом исследования, например, устойчивости разностных схем или качества интерполяционных формул, а с другой стороны, само входит в численные процедуры, например, сглаживания табличных данных и фильтрации шума, решения интегральных уравнений типа свертки. Всеми этими вопросами в разной степени А. И. Жуков занимался около 20 последних лет своей научной деятельности и в каждый из них внес свой вклад, очертил свои подходы, изложенные в книге.

Например, Анатолий Иванович предлагает интерполяцию рассматривать не как алгоритм, а как средство аппроксимации в целом функции, определенной на всей числовой прямой, и применять для анализа интерполяционных формул новую технологию, основанную на методе Фурье. В качестве приложения он исследует формулу трапеций и показывает, что на всей действительной оси формула трапеций является не только наиболее простой, но и наиболее точной, тем самым делая понятным этот ранее подмеченный на практике парадоксальный факт.

254 При рассмотрении проблемы сглаживания данных и построения оптимальных фильтров Анатолий Иванович не только строит свой алгоритм, но и с неумолимой логикой доказывает, что без преобразования Фурье получить эффективные практические алгоритмы крайне сложно.

Для некорректных задач, пожалуй, наиболее сложных в математической физике, А. И. Жуков предлагает проверенный им на практике метод решения уравнений с операторами типа свертки, к которым метод Фурье особенно подходит.

Основные этапы этого метода — переход в частотную область, фильтрация шума, а затем обратное преобразование.

Теория разностных схем, конечно, не могла остаться за рамками этой книги. Анатолий Иванович всегда считал, что метод Фурье позволяет наиболее ярко осветить такое явление, как неустойчивость разностной схемы. Эти же вопросы рассматриваются и в других монографиях, но Анатолий Иванович излагает свой взгляд на них. Элегантно подобранные примеры, свой стиль подачи материала, своя трактовка некоторых понятий. Например, выражение «устойчивость разностного уравнения» он считал не очень удачным и предлагал говорить о корректности задачи Коши в данной конкретной постановке.

Для анализа разностного решения А. И. Жуков использует технику преобразования Фурье, примененного к первому дифференциальному приближению. Он был первым из ученых, кто применил метод первого дифференциального приближения при исследовании свойств решений разностных уравнений. Было это более 30 лет назад. С тех пор этот метод был развит и получил всеобщее признание. Сначала Анатолий Иванович показывает эффективность своего подхода на простом модельном уравнении переноса. Затем переходит к разностной схеме для эволюционного оператора общего вида. Вводит оператор, который в некотором смысле является мерой отклонения разностного решения от точного, и получает предельную теорему для асимптотического поведения его степени. На основании этой теоремы он устанавливает связь между разностным решением и первым дифференциальным приближением. В заключение Анатолий Иванович приводит поучительный пример, который показывает, что уравнение дифференциального приближения далеко не полностью отражает свойства разностного уравнения.

В последней книге А. И. Жуков еще и еще раз демонстрирует свое удивительное качество — ясное и краткое, но не популярное, а строгое изложение на простых примерах самых сложных понятий.

В своих работах Анатолий Иванович всегда умел соединить «высокую» науку и «грубую» практику. В отличие от многих научных книг, которые написаны или для ученых-теоретиков, или для инженеров-практиков, последняя книга А. И. Жукова, как и другие его работы, полезна и актуальна и для ученого, и для инженера с точки зрения приложения теории к повседневной вычислительной работе.

Анатолий Иванович над книгой работал долго, тщательно шлифуя, доводя до совершенства. Рассказывая по мере готовности главы на семинаре в отделе, просил знакомиться с рукописью и делать замечания. Одним из его девизов был девиз «Прекрасное не терпит суеты». У него нет ни одной поспешной работы, которая нуждалась хотя бы в какой-то доработке.

И последняя книга А. И. Жукова превосходна. Он совсем немного не дождался её выхода. 13 декабря 1992 года Анатолий Иванович Жуков — математик, научные труды и книги которого широко известны в нашей стране и за рубежом, ученый, который всю жизнь работал над проблемами, связанными с разработкой

Жуков Анатолий Иванович

ядерного оружия, — скончался, но и сегодня научные идеи Анатолия Ивановича, его мысли продолжают работать.

Светлая память об Анатолии Ивановиче Жукове живет и будет жить в наших сердцах.

Н. Н. Анучина, Е. Н. Аврорин

Из воспоминаний

«Впервые я увидел А. И. Жукова в ОПМ на стажировке, это был август 1956 года. К тому времени Анатолий Иванович был уже заслуженным, уважаемым человеком, имел две медали лауреата Сталинской премии и два ордена Трудового Красного Знамени. Нам, группе Н. Н. Яненко, он очень понравился. Чувствовалось, что он любит и знает предмет, лекции читал очень хорошо.

Я с Анатолием Ивановичем общался немного. Но он сыграл в моей жизни довольно большую роль. Когда мы приехали в Москву, мне дали проверять задание на программирование — расчет двумерной газодинамики методом Годунова. Я был третьим, проверяющим эти формулы. После окончания стажировки мы приехали сюда, на Урал. Как-то в 1959 году меня вызвал А. А. Бунатян, у него присутствовал Жуков. Мне предложили поехать в командировку в Москву уже за готовой программой по тому, проверяемому мной ранее в Москве, заданию. Я понял, что подключаюсь к этой работе по предложению А. И. Жукова. Именно ему принадлежала идея взять и освоить эту программу, которой я в дальнейшем занимался всю жизнь. Конечно, программа за это время сильно изменилась: новая версия, новая методика Забродина. Расчеты, за проведение которых я получил Государственную премию СССР, велись по этой программе.

Мы с Анатолием Ивановичем всегда находили общий язык. Я его очень уважал, Анатолий Иванович был очень талантлив. Он написал несколько книг. В 1960 году был такой случай. Мы уже здесь работали, и вдруг из министерства приходит его книга «Метод характеристик» на китайском языке. В СССР эта книга была издана в Математическом институте им. Стеклова и сыграла большую роль в проведении вычислений. Когда не было ЭВМ, всё считалось на клавишных машинках. Метод характеристик экономичен и легко проверяем. Поэтому в Китае так высоко оценили книгу Жукова и перевели её.

256 Анатолий Иванович был человеком с большим чувством собственного достоинства. Когда ему предложили написать кандидатскую диссертацию, а он к этому времени был уже автором нескольких книг, он отказался. Пришлось нашему НТС ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией о присвоении Жукову кандидатской степени по совокупности работ — в виде исключения.

Случилось так, что вскоре после присуждения ему Ленинской премии я с ним поехал в командировку в ОПМ на семинар. В то время не публиковались сведения

о присуждении таких премий сотрудникам нашего министерства. Многие в ОПМ были удивлены известием о его лауреатстве, многие обрадованы. В ОПМ его попросили выйти на сцену и поздравили. Он был рад такой реакции старых друзей, которых очень уважал.

Анатолий Иванович родился в 1923 году, т. е. ему было всего 18 лет, когда началась война. Младшим лейтенантом, после окончания краткосрочных курсов, он попал на Северо-Западный фронт, где шли очень тяжелые бои. Может быть, благодаря тяжелому ранению, он остался жив. После фронта продолжил учебу в МГУ.

Он не вспоминал о войне, я, во всяком случае, ни разу не слышал. Наверное, это было слишком тяжело.

Попытаюсь объяснить, почему Анатолий Иванович написал книгу по специальной теории относительности. Когда начали заниматься ядерной энергией, появились формулы, при которых масса превращается в световую энергию, что противоречило философии, которая у нас была принята. Именно это побудило Жукова написать книгу. Он хотел доказать, что это не идеология, не идеализм, а такова природа явления. Книга была не по его профессии. Он был математиком-вычислителем, газодинамиком. Но он посчитал своим долгом написать на эту тему.

К Жукову очень многие приходили за советом, причем не только по его специальности, а, например, по электронике. Ему очень доверяли, потому и ходили на консультации.

А. С. Жариков

Мое отношение к Анатолию Ивановичу Жукову особое. Я бы сказала — заповедное. На многое там как бы наложено табу: нет никакого стремления к отношениям более коротким, дружеским, никакого панибратства. Есть чистая, высоко звучащая нота удивления и преклонения перед этим человеком, которого я осмеливалась называть Учителем...

Сейчас, когда прошло уже много лет со дня его кончины, я не могу не понимать, что образ его всегда идеализировался мною, но «позолота» идеализации не осыпается и теперь. Я по-прежнему вижу в нем только замечательные и удивительные черты — те, о которых так много читала в книгах и которые так редко встречала в жизни. Благородство. Одухотворенность. Большое человеческое обаяние. Талант ученого и талант рассказчика. Доброта и желание помочь людям. Уважение к человеку, патологическая неспособность унижить подчиненного. Он был романтиком и умел зачаровывать везде: в разговоре о, казалось бы, сухой математической концепции и в обсуждении новой литературной публикации. Он не был равнодушным человеком, он все пропускал через себя и очень живо на все откликался.

В памяти яркими островками выделяются воспоминания, связанные с Анатолием Ивановичем.

Вот я, дипломница, направлена в отдел программирования, но так получается, что в первые дни до меня никому особенно нет дела, а соседка по комнате — жена Жукова, она-то и предлагает мне пока помочь Анатолию Ивановичу в работе. Решено: я знакомлюсь с проблемой, над которой работает Жуков, причем происходит это во время доклада, с которым он выступает на секторской конференции... Кто ни разу не слышал его выступлений, его докладов, тому трудно объяснить, что это такое. Я, во всяком случае, в своей жизни не встречала более блистательного лектора, разве что могу сравнить Жукова с Юрием Лотманом по силе воздействия на слушателя, по силе завораживания. Но Лотман был литературоведом, а вот чтобы математик мог так загипнотизировать слушателей! Проблема новая для тебя, но в изложении Жукова всё понятно: всё рассчитано на неискушенных, всё комментируется, да так просто, что доска, исписанная изящными формулами, не испугает даже человека, далекого от математики! Слушатель захвачен, как в самом первоклассном детективе: нарисована логическая загадка-проблема и на твоих глазах разбираются, отвергаются и вновь вырисовываются пути её разгадки... Восторг, испытанный мною на том первом докладе в 1971 году, до сих пор живет во мне, теперь уже разбавленный грустью о невозможности повторения...

Вот мы с Татьяной Уваровой сидим в маленьком, узком кабинете Анатолия Ивановича за его письменным столом, а сам он, худощавый и необычайно прямой, стоит у своей знаменитой доски... Доска — лучшая в секторе. Буквы ложатся на нее, как на бумагу, прекрасно видны, а написанные изумительным Жуковским почерком, смотрятся просто красиво! О почерке его стоит сказать особо. Я до сих пор храню все, даже самые незначительные бумаги, написанные Жуковым. Потрясающая аккуратность, ни одной помарки, всё писалось всегда «набело», без черновиков. Это ему удавалось еще и потому, что и думал он «набело», умел во всем разглядеть самую суть и понятно её преподнести. Что касается работы, в его речи вообще никогда лишних слов не было. Каждое слово было на своем месте, и выбросить его было просто нельзя — менялась суть.

Помню, как я показывала Анатолию Ивановичу черновики дипломной работы. Первое: он никогда не ругал. Даже критикой его слова было трудно назвать. Он, соглашаясь со мной, просто делал некоторые добавления («можно сказать еще так...»), не настаивал на исправлении текста, но я каждый раз сломя голову бежала к себе, чтобы записать слова Жукова. И пока они все, одно за другим, с первой попытки или с пятой, не вставали на свои места — были Жуковские «можно сказать еще так...», потому что сказать не так означало просто сказать неправильно или неточно. А точность он любил во всем и сам всегда оставался образцом удивительной точности.

Но я отвлеклась. Итак, Жуков стоит у доски, а мы в упоении несколько часов слушаем его лекцию, мини-доклад — я даже не знаю, как назвать те Жуковские занятия с нами. Были и упоение, и восторг, и обида от сознания того, что слушателями были мы одни, а как много людей могли бы получить и удовольствие, и пользу, окажись они тогда рядом с нами!

Под руководством Анатолия Ивановича Жукова я участвовала в работах по математическому решению увеличения мощности магнитных барабанов, минимизации специальной целевой функции. Последней нашей общей работой была коррекция фотографических изображений. Этим заинтересовали Анатолия Ивановича исследователи-экспериментаторы. Работа захватила Жукова, как он говорил впоследствии, подобных программ тогда в СССР еще не было, во всяком случае, в нашем ведомстве и в открытых НИИ. В то время непросто представлялся сам процесс оцифровывания снимков. У нас такой аппаратуры тогда еще не было, мы ездили за этим в Москву, в Арзамас-16. Процесс коррекции изображений не был полностью автоматизирован, в нём существенным представлялся аналитический этап, на котором в полном объеме были задействованы интуиция, опыт и знания Анатолия Ивановича. Помню, когда были получены первые результаты, окрыленный Жуков тут же стал посетителем двух кабинетов: Е. И. Забабахина и А. А. Бунатяна. Меня он взял с собой, и более радостным я его никогда не видела. Он очень уважал Евгения Ивановича и Армена Айковича, и они были, в свою очередь, теми немногими руководителями, которые, несмотря ни на что, всегда ценили Жукова, прощали ему его слабости и не чинили ему никаких препятствий в работе. К числу слабостей относились его антиборцовские качества. Борцом он (на моей памяти) никогда не был, его мало интересовали карьера, чины и звания. Конечно, когда о нём высоко отзывались, ему было приятно, но он никогда этого не добивался и, если не находил понимания, просто отходил в сторону. Что касается его потенциала, его знаний, то не я первая скажу: это был настоящий ученый, человек отнюдь не с узкой специализацией, а с огромной широтой научных интересов и знаний. Я думаю, что равного ему среди математиков нашего института после отъезда Н. Н. Яненко не было, и нет до сих пор. Обидно, что такой потенциал не нашел в нашем институте должного применения. Всегда с горечью вспоминаю его слова перед скоропалительным уходом на пенсию, когда у него что-то не сложилось с руководством: «Вот, Ниночка, отправляюсь на свалку истории». И его грустные-грустные добрые глаза...

Куда-куда, а вот в историю, в историю нашего города по крайней мере, этот человек действительно вошел. Вошел образцом бескорыстного служения науке, образцом порядочности, благородства и уважительного отношения к людям. Я его помню и люблю, как любила при жизни. Годы работы с ним вспоминаю как самые светлые, когда я чувствовала себя на равных с умнейшим человеком, который ни единым намеком никогда не унижил моего человеческого достоинства. Когда я каждую высоко оцененную им свою удачу воспринимала как то, ради чего стоит жить и работать.

Жучихин Виктор Иванович

31.08.1921–20.02.2008

Специалист в области прикладной газодинамики, разработки и испытаний ядерных зарядов и боеприпасов, применений ядерных взрывов в промышленных целях; кандидат технических наук (1955), старший научный сотрудник по специальности «газовая динамика» (1960), лауреат Сталинских премий (1949, 1951, 1953), почетный гражданин г. Снежинска (1999). Участник обороны Москвы в Великой Отечественной войне; член ВКП(б) с 1950 г.

- 1939 — студент Московского высшего технического училища им. Баумана.
- 1941 — мастер цеха завода № 530, с октября рядовой роты связи полка особого назначения 3-й дивизии действующей армии (под Москвой), в декабре ранен, отправлен в госпиталь в г. Ижевск.
- 1942 — студент МВТУ им. Баумана.
- 1947 — инженер, научный сотрудник, заместитель начальника отдела в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — начальник лаборатории 43 сектора 4 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — начальник сектора 4, там же.
- 1961 — заместитель главного конструктора — начальник сектора 4, там же.
- 1963 — заместитель главного конструктора КБ-2, там же.
- 1965 — заместитель главного конструктора КБ-1, там же.
- 1969 — первый заместитель главного конструктора в Конструкторском бюро автотранспортного оборудования, г. Мытищи-7 Московской обл.

1982 — персональный пенсионер республиканского значения.
1986 — старший научный сотрудник отдела 40 сектора 4 ВНИИП,
г. Снежинск.
1993 — пенсионер.

Награжден орденами: Ленина (1949, 1961), Октябрьской Революции (1971), Трудового Красного Знамени (1953); многими медалями, почетной грамотой Собрания депутатов города Снежинска (2006), нагрудным знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999). Его имя внесено в Книгу трудовой славы г. Снежинска (1962).

«Фамилия Жучихин — уникальна. Если кому-то где-то удастся встретить человека с такой фамилией, знайте, что это мой родственник. И глубоких корней в истории эта фамилия не имеет. Начало она берет с 1863 года, первым носителем её был мой прадед Маркел Григорьевич.

Получил прадед эту фамилию при жаловании вольной грамоты после Манифеста царя Александра II об отмене крепостного права. Получил от графа Люторецкого — владельца небольшого поместья и нескольких деревень, разбросанных вокруг него.

Будучи крепостным, как и его предки, Маркел Григорьевич значился под фамилией Титов. За свою хитроумность, смекалистость, за уникальные организаторские способности в любых делах, за умение выйти с достоинством из любых сложных, затруднительных ситуаций, а также за огромный рост и невероятную силу носил кличку Жучила...

...При выдаче «вольных грамот» граф Люторецкий многим крестьянам менял их наследные фамилии на клички, которыми те «награждались» в своей крестьянской среде за какие-нибудь отличительные стороны в характере, внешнем виде, поведении в быту и так далее.

Так произошло и с моим прадедом. Кличка Жучила для узаконения её в фамилию как-то не соответствовала русскому языку — это скорее что-то белорусское. Жучиха — тоже не звучит, а вот Жучихин — вполне по-русски. На том и остановился граф», — так начинается автобиографическая повесть Виктора Ивановича Жучихина «Моя родословная. История моего детства» (Снежинск, Издательство РФЯЦ — ВНИИТФ, 2001).

Родился Виктор Иванович 31 августа 1921 года на хуторе Люторецкое Чеховского района Московской области. Его отец, Жучихин Иван Иванович, после демобилизации из рядов Красной Армии с 1921 по 1941 год работал модельером-закройщиком на обувной фабрике в Москве. В 1942 году погиб в бою

Жучихин Виктор Иванович

с немецко-фашистскими захватчиками. Мать, Жучихина Мария Васильевна, до выхода на пенсию работала в сельском хозяйстве. Её не стало в 1970 году.

Детство Виктор Иванович провел у бабушки в деревне. После двух лет сельской школы, в 1931 году, он переехал в Москву, где в 1939 году успешно окончил среднюю школу № 36 Фрунзенского РОНО. В этом же году стал студентом факультета «Боеприпасы» МВТУ им. Н. Э. Баумана.

С началом Великой Отечественной войны Виктор Жучихин был направлен на оборонный завод наладчиком автоматических металлообрабатывающих станков, а через месяц назначен мастером. Но после эвакуации завода в сентябре 1941 года ушел добровольцем на фронт. Служил связным-мотоциклистом в роте связи полка особого назначения 3-й Московской дивизии, оборонявшей подступы к Москве. 7 декабря, на второй день наступления наших войск, рядовой Жучихин получил серьезное ранение, месяц лечился в московской больнице, а затем с эвакогоспиталем был переведен на долечивание в г. Ижевск. Сюда же было эвакуировано МВТУ, поэтому Виктор Иванович, демобилизованный по инвалидности, с сентября 1942 года продолжил учебу.

После успешной защиты дипломного проекта, 1 апреля 1947 года В. И. Жучихин начал трудовую деятельность в КБ-11, в отделе натуральных испытаний, которым руководил К. И. Щёлкин. Первые три месяца молодой специалист в группе под началом А. Д. Захаренкова занимался разработкой смесей взрывчатых веществ, необходимых для изготовления узлов заряда для первой атомной бомбы, отработкой технологии изготовления деталей из этих смесей, газодинамическими исследованиями их детонации. Уже с июля 1947 года В. И. Жучихин работал самостоятельно. В его подчинении появились инженер и техник. В течение полутора лет группа Жучихина провела в полном объеме исследования газодинамических характеристик заряда первой отечественной атомной бомбы, позволившие определить её работоспособность и ожидаемую мощность взрыва.

В феврале 1949 года группе была поручена разработка схемы дистанционного подрыва ядерного заряда и конструкций узлов этой схемы. При подготовке испытания первой советской атомной бомбы на Семипалатинском полигоне под руководством В. И. Жучихина и при его непосредственном участии система подрыва была смонтирована и испытана на месте. 29 августа 1949 года все системы сработали отлично, эксперимент прошел успешно.

Трудовые заслуги Виктора Ивановича в период работы в КБ-11 получили высокую правительственную оценку: он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, трижды удостоен звания лауреата Сталинской премии.

262 Во вновь создаваемый НИИ-1011 В. И. Жучихин был переведен 5 июня 1955 года на должность начальника лаборатории, а 7 октября он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по спецтеematике. В 34 года Виктор Иванович стал одним из ведущих специалистов в области газодинамической отработки и натуральных испытаний ядерных зарядов. Классный специалист, талантливый руководитель, он обладал целым рядом и личных

достоинств. Такие качества, как смелость и мужество особенно ярко проявились при проведении наземного взрыва в сентябре 1957 года на Новоземельском испытательном полигоне.

Объектом испытаний была физическая установка ФО-3. Вся подготовительная работа выполнялась в соответствии с установленным регламентом. Но случилось непредвиденное — после подачи команды на подрыв взрыва не последовало. Для выяснения причин сложившейся ситуации, а главное — для отключения заряда от системы управления подрывом и расснаряжения капсюлей-детонаторов потребовалось срочное десантирование специалистов на площадку подрыва. Группа из четырех человек — В. Жучихин, Ю. Коленов, В. Ковалёв, И. Симанков, — возглавляемая Жучихиным, отправилась в путь в неведомое. Чувствуя недоброе, экипаж вертолета приземлил боевую машину в полутора километрах от испытательной площадки, хотя можно было бы и ближе. Ведь, если бы изделие вдруг сработало, это расстояние не спасло бы.

Смельчаки обошли площадку подрыва. Изгородь по всему периметру не имела никаких повреждений. Замок и пломба на воротах — в целости и сохранности. Открыли ворота, подошли к подрывному пункту, где располагалась приемная аппаратура. Дверь заперта, печать цела. В. И. Жучихин первым осторожно вошел внутрь и отключил рубильник, соединяющий декодирующее устройство с аппаратурой подрыва заряда. После этого вошли остальные. К их удивлению, обе радиостанции работали — горели все сигнальные лампочки, звенели звонки, подтверждая получение сигналов с командного пункта. Но дальше радиостанции сигналы почему-то не пошли. Причину неудачи нашли быстро — перегорел предохранитель на приемнике сигнала с КП. Но таких приемников было два, и на втором предохранитель оказался в полном порядке.

Проводная связь подрывного пункта с командным отсутствовала, а радиосвязью открытым текстом пользоваться было запрещено, поскольку совсем недалеко стояли американские корабли. Поэтому все решения о дальнейших действиях принимал В. И. Жучихин. Обесточив и закрыв на замок подрывной пункт с приемной и декодирующей аппаратурой, он вместе с Ю. Н. Коленовым выполнил расснаряжение заряда. Как и положено, по четко отлаженным и усвоенным пунктам инструкции вскрыли установку, отключили разъемы проводов высоковольтного генератора, а далее вынули капсюли-детонаторы из розеток разводки на заряде и заменили их на «закоротки».

По окончании этой операции В. И. Жучихин отправил вертолет с В. Ковалёвым и И. Симанковым на командный пункт, попросив проверить предохранители и там, а сам вместе с Ю. Н. Коленовым остался на площадке. Оказалось, что на резервном передатчике командного пункта во время передачи сигнала на подрыв бомбы предохранитель тоже вышел из строя. Поэтому и вторую электроцепь замкнуть не удалось.

Было решено кроме замены предохранителей на двух линиях проложить к бомбе третью — резервную цепь. Но работу отложили на сутки из-за отсутствия

необходимого оборудования. Аппаратура была доставлена спецрейсом из Москвы и Ленинграда. На следующий день эта же группа опять отправилась к бомбе. Им снова предстояло ее вскрыть, завести на нее третью цепь электропроводки, установить еще один приемник радиосигнала, согласовать его работу с остальной аппаратурой автоматики.

В назначенное время взрыв был произведен. Эксперимент завершился успешно. Что касается риска быть взорванными — он был. Ведь принимающие радиостанции были на взводе и включены в систему декодирования и подрыва. Любой случайный сигнал мог привести к трагедии, поскольку код радиосигнала был довольно примитивным. Но обо всем этом тогда Виктор Иванович не думал.

За всю многолетнюю практику испытаний ядерных зарядов это был единственный случай, когда после отказа пришлось работать с зарядом, снаряженным капсулями-детонаторами и подключенным к работающей системе управления взрывом, способной выдать сигнал на подрыв при механическом воздействии или электромагнитной наводке.

Эти работы были связаны с большим риском для жизни, так как состояние ступеней предохранения физической установки с ядерным зарядом было неясным. Но установить причину отказа дистанционным способом было невозможно.

С 1960 года, уже имея ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «газовая динамика», Виктор Иванович стал начальником газодинамического сектора, включающего восемь отделов и экспериментальную базу. Его деятельность в этот период была связана с разработкой систем дистанционного управления и телеметрических систем регистрации быстропротекающих физических процессов, а также с созданием подвижных измерительных комплексов, применяемых для отработки изделий как на внутренних полигонах, так и на полигонах МО. Разработанные тогда методы и аппаратура для газодинамических испытаний позволили повысить надежность систем управления и регистрации, значительно сократить время на подготовку экспериментов, повысив их качество, сократить обслуживающий персонал, тем самым удешевить сам эксперимент и ускорить разработку новой техники.

С 1961 по 1963 год Виктор Иванович совмещал должности начальника сектора и заместителя главного конструктора, а затем был назначен заместителем главного конструктора по вопросам натуральных испытаний новейших образцов специальной техники. Он руководил подготовкой всех испытаний и в большинстве из них был руководителем по их проведению. В период с 1967 по 1969 год участвовал в разработке ядерного заряда, не имеющего аналогов в мире, предназначенного для ликвидации аварийного газового фонтана на месторождении Памук.

В ноябре 1969 года В. И. Жучихин как крупный специалист в области проектирования и экспериментальной отработки специальной техники был направлен в КБ автотранспортного оборудования в г. Мытищи на должность первого заместителя главного конструктора. Здесь он организовал и возглавил новое направление в деятельности конструкторского бюро — практическое использование

ядерных взрывов в решении народнохозяйственных проблем. За короткий период времени был создан и обучен необходимый коллектив специалистов, разработано и изготовлено уникальное технологическое оборудование, что позволило в последующие годы выполнить большой объем специальных работ, давших солидный экономический эффект при решении ряда задач, связанных с энергетической базой народного хозяйства СССР. В течение тринадцати лет возглавляемый им коллектив при его непосредственном участии и руководстве решил ряд вопросов практического использования новых достижений науки и техники при изучении глубинного строения земной коры, интенсификации добычи нефти и газа из малопродуктивных пластов. За эти годы было проведено около 80 мирных подземных взрывов, в том числе для тушения аварийных газовых фонтанов, создания подземных резервуаров для хранения вредных химических отходов, сейсмического зондирования земной коры, сооружения водоканалов и т. д. Совместно с конструкторскими бюро отрасли В. И. Жучихин принимал активное участие в совершенствовании образцов современной техники народнохозяйственного назначения.

В сентябре 1982 года Виктор Иванович Жучихин стал персональным пенсионером республиканского значения. В январе 1986 года он вернулся в г. Снежинск и с февраля вновь стал сотрудником ВНИИТФ — старшим научным сотрудником. Он вновь получил возможность проводить научные исследования в рамках новой сложной темы согласно им же разработанной программе. С присущей ему основательностью он организовал сбор, изучение и анализ информации по теме проводимых исследований. По его инициативе стали проводиться технические семинары по методическим вопросам, на которых Виктор Иванович охотно делился своими знаниями и богатым опытом с молодыми сотрудниками. Он вновь активно, как и прежде, когда неоднократно избирался членом партбюро, парткома, городского комитета КПСС, когда был секретарем партбюро и членом президиума ОЗК-24, окупился в общественную жизнь коллектива, в работу партийной организации.

Богатый жизненный опыт и профессиональные знания, глубокая убежденность в необходимости дела, которому посвятил свою жизнь, позволили Виктору Ивановичу взяться за написание истории становления и развития деятельности института по разработке ядерных боезарядов и проведению газодинамических исследований. В результате появилось несколько фундаментальных статей по истории ВНИИТФ, Снежинска, воспоминания о К. И. Щёлкине, книги: «Первая атомная. Записки инженера-исследователя. Русские сенсации» (М.: ИздАТ, 1993) и «Вторая атомная. Записки инженера-исследователя» (на правах рукописи, Саров: РФЯЦ — ВНИИЭФ, 1999).

Ему было что вспомнить, что рассказать, ему — одному из первопроходцев нелегкого пути познания и созидания сложнейшей отрасли — атомной. Были успехи и неудачи, радости и огорчения, вынужденные перемены, заслуженный почет и уважение. И всегда рядом с ним была жена, Анна Васильевна, хранившая семейный очаг Жучихиных с 1945 года, сумевшая стать и надежным другом, и соратником, участвуя в создании технологии изготовления из взрывчатки элементов

Жучихин Виктор Иванович

заряда для первой атомной. Сын Юрий, как и отец, работает в РФЯЦ – ВНИИТФ, одна из дочерей, Ирина, живет в г. Обнинске, работает на заводе «Сигнал», другая, Ольга, сотрудник КБ АТО в г. Мытищи.

Земной путь Виктора Ивановича Жучихина завершился 20 февраля 2008 года. Незадолго до этого, в 2007 году, Издательством РФЯЦ – ВНИИТФ была выпущена в свет его книга «Подземные ядерные взрывы в мирных целях: мемуары» – последний труд специалиста, проработавшего в области ядерной физики более 40 лет.

*По материалам личного дела В. И. Жучихина
и статьи Д. Литовкина «Чертова дюжина капитан-лейтенанта Ковалёва»
(газета «Известия», 2004, 13 сентября)*

Из воспоминаний

Апрель 1961 года. Я, молодой специалист, после окончания Ленинградского политехнического института по распределению приехала в таинственный город, где мне предстояло жить, работать, привыкать к новым местам. Была растерянность, некоторый страх.

Вышла на работу – вокруг очень много молодых умных специалистов, очень доброжелательных. Сразу же стало как-то спокойнее. Вдруг телефонный звонок, и меня пригласили в кабинет начальника подразделения Виктора Ивановича Жучихина. Эту встречу я запомнила на всю жизнь. Когда я вошла в кабинет, ко мне навстречу вышел очень приветливый человек и начал расспрашивать о моих впечатлениях от города и людей, природы Урала, как устроилась, какие планы... Беседа длилась минут тридцать, и я почувствовала, что оказалась членом коллектива отдела, сектора. Не верилось, что со мной так просто разговаривал известный ученый, трижды лауреат Сталинской премии, очень занятой человек. Все страхи и сомнения остались позади. Так я стала верным сотрудником 4-го подразделения до ухода на пенсию.

Очень нравились и помогали в работе частые семинары для ИТР, где доклады-вали специалисты о текущих работах, успехах и неудачах, проблемы обсуждались всеми, находились решения. Это было так интересно, а я, как молодой специалист, очень быстро познакомилась с кругом задач, которые решались в секторе и, конечно, с коллективом сектора.

Через небольшое время и передо мной были поставлены определенные задачи, и я по-настоящему стала сотрудником подразделения. И в дальнейшем Виктор Иванович при встрече со мной, особенно первое время, останавливался на минутку и обязательно интересовался, как идут дела.

Жучихин Виктор Иванович

В моей памяти Виктор Иванович сохранился как образец настоящего руководителя, который умел тактично и вовремя поддержать морально молодых специалистов. Я горжусь тем, что мне довелось поработать под его руководством.

И. Л. Силкина

Виктор Иванович Жучихин никогда не работал в отделении 12, но был с ним тесно связан с того момента, когда был назначен заместителем главного конструктора по испытаниям.

Надо отдать должное Виктору Ивановичу — он быстро включился в обсуждение испытательных установок. Используя свой богатейший опыт испытателя, он давал неожиданные, но очень интересные советы. Виктор Иванович вникал во все мелочи и подписывал чертежи только после того, как получал ответы на все свои вопросы.

Однажды я был вместе с ним в командировке на Семипалатинском полигоне. Дело было перед его отъездом в Мытищи, в КБ АТО. Виктор Иванович пригласил всех желающих на экскурсию на испытательное поле первого взрыва. Это было его прощание с «двойкой». Бункеры для членов госкомиссии, башни методики «огненного шара», остатки военной техники, эпицентр взрыва... И неторопливый рассказ непосредственного участника этих событий. А рассказчик он был отменный!

А потом Виктор Иванович стал начальником испытательного комплекса КБ АТО. Формирование нового подразделения, поездки по всей стране на мирные опыты. Это были работы по сейсмозондированию земной коры, интенсификации нефтяных месторождений, тушение газовых фонтанов, создание полостей и многое другое. Были мы с ним в Астрахани, Стерлитамаке, Узбекистане, Якутии. И везде — четкая организация работ и мудрость большого руководителя.

Таким и останется в моей памяти Виктор Иванович Жучихин — участник создания первой бомбы, испытатель, летописец тех событий.

В. А. Блюм

Мое знакомство с Виктором Ивановичем Жучихиным произошло в конце февраля 1956 года в Арзамасе-16, куда я приехал из Ленинграда. До этого времени я работал в Ленинградском отделении Математического института им. Стеклова АН СССР, в группе профессора Георгия Ивановича Петрашеня в должности младшего научного сотрудника. Группа занималась изучением законов распространения сейсмических волн. Жена работала в Государственном оптическом институте у члена-корреспондента Тудоровского. У нас было трое детишек, которые часто болели, а оклады маловаты. В ЛОМИ появился представитель МСМ Георгий Александрович Цырков, будущий начальник Главка МСМ, который приглашал на интересную работу с хорошими условиями и климатом. И хотя нам уже дали жилье в Ленинграде, мы решили поехать, тем более что оно бронировалось.

На новом месте меня принял сначала заместитель директора Ломинский Георгий Павлович. Он спросил, чем я занимался в ленинградском институте. Мои объяснения ему ни о чём не говорили, но, когда он услышал слово «взрыв», обрадовался, облегченно вздохнул и направил меня в 4-й сектор.

У начальника сектора Александра Дмитриевича Захаренкова, будущего заместителя министра МСМ, в кабинете сидел еще один человек с характерной славянской мужицкой наружностью, как оказалось, мой будущий непосредственный начальник отдела — Виктор Иванович Жучихин.

Разговор с Захаренковым велся очень доброжелательный, я ему, видимо, понравился. Он тут же предложил мне должность старшего инженера с окладом более, чем мой прежний, в два с лишним раза. По ходу беседы В. И. Жучихин вставлял реплики, которые мне казались неуместными и не нравились. Так я высказал суждение, что мне желательно получать столько, чтобы я мог содержать семью, жену и троих детей, и спокойно работать. Жучихину это не понравилось: «Партия и правительство определяют, кому и сколько положено», — сказал он. Еще одно неудовольствие Виктора Ивановича я вызвал тем, что не согласился быть экспериментатором. Я твердо заявил, что по образованию я физик-теоретик. Захаренков со мной согласился и добавил, что в отделе Виктора Ивановича работы для теоретика более чем достаточно. Таким образом, судьба моя была решена на долгие годы работы по теории действия ядерного взрыва в воздухе, воде и под землей.

Виктор Иванович тщательно проинструктировал меня о правилах работы в отделе, что привело меня в некоторое уныние, т. к. они мне показались драконовскими. Но в дальнейшем я к ним привык.

Я с удовольствием взялся за интересную работу. В это время произошел небольшой инцидент между мной и Виктором Ивановичем, ярко показавший одну из главных черт моего начальника. Размещались мы семь человек в одной большой комнате. Наши рабочие столы стояли так, что мы постоянно были под бдительным оком начальника. При этом взгляд его был показательно строгим. Однако строгость эта была несколько нарочитой. Было видно, что человек он добродушный, но обязан для порядка изображать строго начальника.

Вскоре мы привыкли к такой обстановке и почти не замечали дискомфорта. Лишь одно обстоятельство доставляло нам неприятность: Виктор Иванович был заядлым курильщиком. Мы же все шестеро были некурящими и страдали от дыма, однако терпели. Первым не выдержал я. Набравшись смелости, я сказал, что не могу работать в табачном дыму, и что по правилам курить в рабочей комнате не положено. Виктор Иванович удивленно взглянул на меня и, несколько смутившись, погасив папиросу, вышел из комнаты. В комнате воцарилась напряженная тишина. Все ждали, что-то теперь будет. По опыту мы знали, что уважающий себя начальник не простит такой наглости со стороны подчиненного. Однако мы ошиблись. Виктор Иванович перестал курить в рабочей комнате. Правда иногда, увлекшись работой, он механическим движением доставал папиросу и закуривал, но встретив мой напоминаящий взгляд, спохватывался: «Ах, Николай Иванович,

извините» и выходил из комнаты курить в коридор. Никаких репрессий в мой адрес не последовало! Напротив, мою удачную работу он отметил первой в моей жизни премией — 2000 рублей, что в то время было внушительной суммой. Постепенно у нас сложились очень хорошие деловые отношения. Впоследствии он вообще бросил курить. Может быть, отчасти из-за моей агитации.

Когда создавался новый объект на Урале, наши семьи переехали туда, в будущий Челябинск-70, современный Снежинск.

Постепенно наши отношения становились всё более дружественными. Так, например, Виктор Иванович частенько приглашал меня на рыбалку. Благо нас окружали прекрасные рыбные озера и речки. У него была легковая машина, он купил её по праву лауреата Сталинской премии за участие в разработке первой атомной бомбы в СССР. Я же был «безлошадным». Весной мы ездили ловить ельца на речки Маук и Исток. Зимой рыбачили на озерах Иткуль и Синара.

Как у всех азартных рыболовов-любителей, у каждого из нас имелись секреты в технике ловли, в снастях, приманке, делиться которыми не было принято. Имелся такой «секрет» и у Виктора Ивановича. По долгу службы он часто бывал в командировках в Москве, откуда привез радужную леску. По мнению «специалистов» рыба не боится такой лески из-за фрагментарной окраски и чаще клюет.

Однажды мы отправились весной на подледную рыбалку на озеро Синара. Расположились против мыса Петушок. Когда стали готовить удочки, я увидел у Виктора Ивановича необыкновенную леску, и выразил удивление и восхищение, неявно намекая, что и я не отказался бы от такого чуда. Он сделал вид, что моего намека не понимает.

Однако рыба предпочла мою бесцветную леску. Если Виктор Иванович поймал десятка полтора чебачков, то я еще выудил двух сегов хорошего веса (около двух килограммов каждый!). Это, несомненно, была большая удача. Даже один маленький сиг становился рыбацкой сенсацией и обычно всю неделю обсуждался в перерывах на работе. А тут сразу два сига! Глядя на мои успехи, Виктор Иванович нервничал, и, наверно, по этой причине дела у него шли плохо. Начали собираться домой и складывать улов. Я — в приподнятом настроении, а он — в расстроенном. Я, не торопясь, собираю мелочь в рыбацкий ящик, кладу сверху сига, а другого протягиваю ему. Он посмотрел на меня взглядом рыбака, закаленного неудачами, но сига взял.

По дороге домой мы живо обсуждали перипетии рыбалки, намечали программу действий на следующий выходной. Перед расставанием на берегу Виктор Иванович остановился, вынул из кармана катушку с радужной леской и молча подал её мне...

С Виктором Ивановичем я участвовал в трех экспедициях. Первая для меня была в конце лета 1961 года на воздушные испытания изделия нашего института на Семипалатинский полигон. Вторая — в 1967 году на первое подземное испытание на том же полигоне. Третья экспедиция — по ликвидации аварийного газового фонтана на Памукском газовом месторождении в Узбекской ССР в 1968 году.

Поскольку я занимался теоретическими оценками параметров ударной волны, светового излучения и радиоактивного загрязнения при воздушном ядерном взрыве, а также сейсмическим эффектом подземного взрыва, то на полигоне знакомился с результатами регистрации указанных факторов полигонными службами и знакомился на местности с последствиями взрыва. По вечерам, после знойного пыльного дня все участники работ собирались вместе. В багажнике своего джипа Виктор Иванович привозил арбузы, выращиваемые на полях с целью изучения влияния радиоактивных выпадений на сельхозкультуры, и мы с удовольствием их ели. Таких сладких арбузов мне больше никогда есть не приходилось.

Виктор Иванович раньше всех вставал, отправлялся на рабочие площадки, где готовились к испытаниям изделия, и позже всех возвращался в гостиницу, где мы жили. Работал он с полной отдачей сил. Натянув суровую маску на лицо, он частенько распекал за неаккуратность или упущение кого-нибудь из подчиненных, но делал это, не унижая его достоинства. Работать с ним было легко. Он одинаково просто держался как с подчиненными, так и с вышестоящим начальством. Никогда не угнетал своих сотрудников и не заискивал перед высоким начальством. Он в совершенстве знал устройство испытываемых зарядов, методы контроля и регистрации их работы. Его отличала исключительная аккуратность в работе, выработанная в процессе экспериментов со взрывчатыми веществами. Известно, что взрывник ошибается лишь один раз. За всю долгую и опасную работу с ВВ и ядерными зарядами Виктор Иванович не допустил ни одной серьезной ошибки...

Будучи от природы добрым, не злопамятным и отзывчивым человеком, он оставил светлую память в моей душе.

Н. И. Шишкин

Виктора Ивановича Жучихина и его семью я знаю со времени нашего проживания в городе Арзамасе-16, с 1956 года.

18 марта 1958 года мы вместе переехали в будущий Снежинск. Этим же эшелоном приехали семьи: Захаренковых, Цыrkовых, Ломинских, Лебедевых, Антоновичей и многих других. По выходу из автобуса, все получили ключи от новеньких квартир в доме № 8 зарождавшейся улицы 40 лет Октября. Рядом в ожидании детворы стояла школа № 124, а дом № 9 строили круглые сутки, в ночное время освещающая строительную площадку прожекторами.

Едва успев поселиться, все активно начали обустривать прилегавшую к дому территорию. Приехали-то романтики, оставившие обжитые места в Москве и Ленинграде, так как приглашали на объект окончивших престижные вузы страны.

Энергично с шутками сажали яблони, американскую липу, кусты смородины, цветы. При посадке лип Виктор Орлов всех смешил: «Сажаем липу, да еще американскую!» Будущие крупные начальники возили на своих дорогих машинах землю, поднимали её на балконы с помощью разных подручных средств и делали цветники. Посадочный материал привозили из командировок, с выставки ВДНХ, с юга.

У меня было трое малых детей, а детских учреждений ещё не построили, поэтому я не работала на производстве. Меня дружно выбрали сначала старшей по подъезду, а затем по дому, и мне пришлось «управлять» всей этой «компанией». Очень активной была Гаряева Мария. Помогал ЖЭК, особенно Ожогина Тамара. Вскоре дом утопал в цветах и зелени и заслужил звание «Дом образцового порядка».

Равнодушных не было. Семья Жучихиных не отставала от других. Помню сценку. Виктор Иванович с женой Анной Васильевной сидят на балконе. Он в отличном настроении. Переговариваемся с ним, и вот он предложил мне семена то ли кипариса то ли пальмы, привезенные им с юга. Анна почему-то возражала. Но это только подзадоривало Виктора Ивановича. Он бросил несколько шишек мне с балкона, весело смеясь. Я посадила их к какому-то цветку. Семена очень долго не всходили, но спустя полгода, когда я о них забыла, к моему удивлению, взошли. Выросли очаровательные растения, которые в последствии я подарила нашей школе.

В компании Виктор Иванович был веселым и озорным, как мальчишка. Вспоминаются некоторые бытовые сцены из неофициального общения. Тогда я сделала для себя вывод, что Виктор Иванович нежно любит свою жену Анюту, которой до последнего вздоха был предан. Любил он и всю свою семью, но был справедливо требователен к детям. Удивлялся и гордился дочкой Ириной, которая внезапно уехала на стройку в Туву.

Он никогда не присваивал себе чужих трудов, постоянно поднимал престиж молодых специалистов. Так, однажды мой муж, приехавший из командировки, смеясь рассказал, как Виктор Иванович представлял его: «Наш теоретик, Шишкин Николай Иванович».

Это был образец цельного чистого и надежного человека. Настоящего мужчины. Мой муж всегда восхищался демократизмом, справедливостью, незлопаметностью, бескорыстием и смелостью Виктора Ивановича. Это был лучший начальник мужа за всё время работы (стаж мужа около 50 лет), что, в конечном счете, благотворно отражалось на настроении и здоровье нашей большой семьи...

Незадолго до смерти Виктора Ивановича позвонила Анна Васильевна и пригласила нас к себе, сказав, что тот хочет подарить Николаю Ивановичу книгу: «Подземные ядерные взрывы в мирных целях». Мы, конечно, обрадовались, потому что она нужна мужу для дальнейшей работы. Собирались уже её где-нибудь купить. А у Жучихиных после этого подарка остался один-единственный экземпляр этой книги.

Беседовали мы с Виктором Ивановичем долго. Было интересно и очень полезно. Подписывать книгу пришлось Анне Васильевне. Виктор Иванович сказал, что надпись надо сделать для нас двоих от их семьи. Это было неожиданно и очень дорого для меня.

Так и запомнился мне Виктор Иванович, нарядный, довольный своим решением, оптимист при всех недугах, которые приобрел из-за многократных облучений на полигонах.

Жучихин Виктор Иванович

Позже, читая книгу, я пришла в восторг. Совершенно не ожидала, что книга написана так талантливо, прекрасным русским языком. К тому же Виктор Иванович обладал прекрасной памятью. Мне очень понравились его смелые бескомпромиссные высказывания. Так, например, у него болела душа о том, что при добыче полезных ископаемых сопутствующие богатства уничтожались, да, по-моему, и сейчас это варварство продолжается из-за несовершенства технологий. Я успела высказать свое мнение о книге автору, порадовав его, и я счастлива этим...

Когда неожиданно не стало Виктора Ивановича, я поняла, что моя жизнь соприкоснулась с жизнью интересного, умного, разносторонне одаренного человека, отдавшего здоровье и жизнь Отечеству.

Г. А. Шишкина

Забабихин Евгений Иванович

16.01.1917–27.12.1984

Специалист в области газодинамики, теории взрыва и ударных волн; генерал-лейтенант-инженер ВВС (1977); кандидат физико-математических наук (1949); доктор физико-математических наук (1953); член-корреспондент АН СССР (отделение физико-математических наук, 1958); академик АН СССР (отделение общей физики, 1968); Герой Социалистического Труда (1953); лауреат Ленинской (1958) и Сталинских (1949, 1951, 1953) премий; депутат Верховного Совета СССР (1947–1952); делегат XXIII, XXIV, XXV съездов КПСС; почетный гражданин г. Снежинска (1967).

- 1931 — выпускник школы-семилетки, г. Москва.
- 1932 — учащийся машиностроительного техникума при заводе «Шарикоподшипник», г. Москва.
- 1936 — наладчик, мастер, технолог автоматного цеха на этом же заводе.
- 1938 — студент МГУ.
- 1941 — командир комсомольского строительного взвода на строительстве укреплений, г. Рославль Смоленской области; с сентября слушатель Военно-воздушной академии им. Жуковского, г. Москва.
- 1944 — адъюнкт ВВИА им. Жуковского, там же.
- 1947 — преподаватель кафедры баллистики ВВИА им. Жуковского, в то же время младший научный сотрудник Института химической физики АН СССР (по совместительству), там же.
- 1948 — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.

Забабахин Евгений Иванович

1955 — начальник теоретического сектора и заместитель научного руководителя НИИ-1011, г. Снежинск.

1960 — научный руководитель, там же.

Награжден орденами: Ленина (1949, 1953, 1966, 1975, 1981), Трудового Красного Знамени (1951, 1956), Октябрьской Революции (1971); медалями: «В память 800-летия Москвы» (1947), «За боевые заслуги» (1953), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За безупречную службу» II и I степени (1959, 1962), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран Вооруженных Сил СССР» (1984), золотой медалью АН СССР им. академика Келдыша (1984), юбилейными медалями Вооруженных Сил СССР. Награжден дипломом Почета Челябинского обкома КПСС (1976). В его честь традиционная Международная конференция по физике высоких плотностей энергии, впервые проведенная в 1987 году как мемориальная, носит название «Забабахинские научные чтения». В 1998 году РФЯЦ — ВНИИТФ учреждена премия имени академика Е. И. Забабахина для молодых ученых за лучшую работу. Его имя присвоено Российскому федеральному ядерному центру — ВНИИ технической физики (1999). Одна из улиц Снежинска носит имя Евгения Ивановича.

Среди ученых нашей страны, внесших наибольший вклад в теорию ядерного взрыва и создание ядерного оружия, Евгений Иванович Забабахин занимает особое место. После ухода К. И. Щёлкина в 1960 году он был назначен научным руководителем уральского ядерного центра. Как и многие, Е. И. Забабахин прибыл на Урал в первом эшелоне из Арзамаса-16. К тому времени это был уже известный ученый, чьи идеи и расчеты легли в основу первой оригинальной советской атомной бомбы, испытанной в 1951 году.

Евгений Иванович родился в Москве, в простой русской семье 16 января 1917 года. Детство его проходило в трудные годы: гражданская война, послевоенная разруха, первые годы восстановления измученной войнами страны. В школьные годы он, как и многие ребята, зачитывался научно-популярными книжками. Но уже тогда проявилась важная черта его характера — стремление полученные знания довести до практического применения. Вместе с другом из линз отцовских очков он собирает фотоаппарат и делает первые снимки.

В 1936 году Евгений Иванович окончил машиностроительный техникум при московском заводе «Шарикоподшипник», по окончании которого работал на этом же заводе мастером-наладчиком, затем технологом. В 1938 году он поступил на

физический факультет Московского государственного университета. После третьего курса занятия прервала война.

Летом 1941 года он вместе с другими студентами уже строил укрепления на дальних подступах к Москве, в районе г. Рославль Смоленской области. А потом его мобилизовали и зачислили в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского.

По окончании обучения в 1944 году Е. И. Забабахин был зачислен в адъюнктуру. Для подготовки кандидатской диссертации под руководством профессора Д. А. Вентцеля он самостоятельно выбрал тему «Исследование процессов в сходящейся ударной волне». Готовая несекретная диссертация была послана на отзыв в Институт химической физики, где попала в руки Я. Б. Зельдовичу и работникам режимного отдела. Диссертация и ее автор понравились Зельдовичу. Но еще больше заинтересовались работой соискателя в режимном отделе. Как рассказывал потом Е. А. Негин, учившийся тогда вместе с Забабахиным, режимщики устроили тотальную проверку всех их рукописей. Диссертация была засекречена, а ее автор, и Негин вместе с ним, были направлены в Арзамас-16. Так, не совсем обычным путем, попал Евгений Иванович в КБ-11 — первый российский ядерный центр.

Оказавшись после защиты кандидатской диссертации в 1947 году в группе Я. Б. Зельдовича в Институте химической физики в Москве, а с весны 1948 — в КБ-11, Е. И. Забабахин активно включился в теоретические работы по созданию первого советского ядерного заряда. После успешного испытания заряда в 1949 году он был награжден орденом Ленина и удостоен звания лауреата Сталинской премии II степени. Его теоретические исследования легли в основу разработки полностью оригинального отечественного заряда, испытанного в 1951 году. За эти работы он был повторно удостоен звания лауреата Сталинской премии I степени и награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1953 году за улучшение физической схемы ядерных зарядов, которая была успешно проверена в испытаниях, он удостоен звания Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской премии I степени и награжден золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина. В этом же году по инициативе академика И. В. Курчатова ему была предоставлена возможность защитить докторскую диссертацию по докладу.

В 1955 году Евгений Иванович был направлен в качестве заместителя научного руководителя и начальника теоретического отделения во вновь создаваемый НИИ-1011. Решая вопросы формирования и научно-технического обеспечения программ работ нового центра, он внес существенный вклад в успехи его первой испытательной сессии. Результатом этих испытаний было принятие на вооружение Советской Армии первого термоядерного заряда в 1957 году.

В 1958 году Е. И. Забабахин стал лауреатом Ленинской премии и членом-корреспондентом АН СССР. Под его руководством осуществлялась большая программа использования возможностей ядерных взрывов для фундаментальных исследований. В результате были получены данные по свойствам веществ

и процессов при экстремальных условиях, недоступных для лабораторных экспериментов. Достижения этих лет были отмечены орденами Ленина (1966, 1975, 1981), Октябрьской Революции (1971) и Трудового Красного Знамени (1956). Глубокое понимание тенденций развития ядерного оружия позволило Евгению Ивановичу своевременно сконцентрировать усилия центра на разработке малогабаритных стратегических ядерных зарядов, специализированных ядерных боеприпасов для различных систем вооружений. Главным результатом многолетней деятельности в качестве научного руководителя явилось то, что большая часть ядерных боеприпасов, переданных на вооружение Советской Армии, была разработана уральским ядерно-оружейным центром.

В 1968 году Е. И. Забабахин был избран действительным членом АН СССР.

В течение всей своей научной деятельности, несмотря на большую занятость в оборонных и промышленных (мирные взрывы) программах, Евгений Иванович оставался верным своим научным увлечениям в области кумулятивных явлений. В последние годы своей жизни он (вместе с сыном И. Е. Забабахиным) подвел итоги этих исследований в монографии «Явления неограниченной кумуляции» (М.: Наука, 1988). За эти работы в 1984 году он был награжден одной из самых высоких наград Академии наук — золотой медалью им. М. В. Келдыша.

Будучи сам крупным ученым, он умел ценить чужие идеи, помогать их развитию и воплощению. Важным результатом его научной деятельности стало создание на Урале научной школы по физике высоких плотностей энергии. Он был замечательным педагогом. Самые сложные результаты он мог быстро и наглядно представить в виде графиков и таблиц. Мысли свои излагал ясно и четко, великолепно владел русским языком. Курс лекций, которые читал Е. И. Забабахин, посещали не только теоретики, но и экспериментаторы. Конспекты лекций были систематизированы в виде пособия, которое долгие годы служило научным введением в газодинамику сжимаемых сред для многих поколений исследователей в обоих ядерно-оружейных центрах. В любом коллективе он держался просто и с достоинством, и все как-то сразу понимали, рядом с каким незаурядным человеком они находятся.

Евгений Иванович был научным руководителем ВНИИТФ почти четверть века. И основные успехи института связаны с его именем. Главной задачей института была разработка ядерных зарядов для нашей армии. Но уже в 1960-е годы в качестве конверсионного направления работ ядерно-оружейного центра генерал Забабахин видел создание специализированных зарядов для мирного использования. Он был одним из самых активных сторонников создания таких зарядов, сам скрупулезно следил за оптимизацией их параметров. Уникально высокие специализированные характеристики этих разработок не имеют мировых аналогов. Во ВНИИТФ эти разработки велись по нескольким направлениям: заряды для взрывов на выброс — для строительства каналов, создания водохранилищ и гаваней и заряды для камуфлетных взрывов — для тушения аварийных фонтанов, интенсификации нефтяных месторождений, глубинного сейсмического зондиро-

вания земной коры и многого другого. Он искренне радовался результатам практического применения наших зарядов, пожалуй, даже больше, чем успехам в военных разработках. И его старший сын, Игорь, придя в институт и проработав несколько лет над военными зарядами, переключился, с благословения Евгения Ивановича, на разработку мирных зарядов. Он успел создать два очень интересных и перспективных заряда для камуфлетных взрывов.

В 1984 году Игорь уехал на испытание новой схемы самого малогабаритного заряда для мирных взрывов. Схема была довольно сложная, потребовала длительной газодинамической отработки и многих сложных расчетов. Вероятность отказа была весьма велика. Евгений Иванович не дожидаясь одного дня, чтобы порадоваться новому важному успеху, не успел узнать результаты этого опыта, который он так ждал.

С годами всё чаще давало знать о себе сердце. Но до последнего дня сохранял он ясность мысли, не подводила и память: он хорошо помнил все особенности испытанных и разрабатываемых изделий.

В последний день работы он сам сделал необходимые оценки для ответа на запрос из министерства, вывел формулу для одного из процессов, с которым раньше не имел дела.

Жизнь его оборвалась на лету. Таким он и остался в нашей памяти.

Но продолжает жить институт, носящий ныне его имя. И каждые три года в Снежинске собираются на Забабахинские научные чтения ученые из разных стран. И продолжают работу его ученики. Они хорошо помнят слова Учителя, которыми открывается книга их воспоминаний о нём: «Для того, чтобы дела у нас шли хорошо, надо каждому на своем месте честно делать то, что ему положено».

*По материалам доклада А. П. Васильева и Л. П. Феоктистова
на конференции HISAP-99*

Из воспоминаний

В рассказе о таком человеке, как Е. И. Забабахин, не обойтись без громких слов. Такие слова, как «замечательный», «исключительный», неизбежно будут повторяться, поскольку человек он был действительно незаурядный во многих своих проявлениях: и научных, и деловых, и человеческих. У него были замечательные научные способности, редкий педагогический дар, поразительная личная скромность. Эти редкие черты проявились во многих сторонах его деятельности.

Проявились они весьма рано, видимо, еще в юности, поскольку биография Евгения Ивановича далеко не обычная. Начало его трудовой деятельности — работа мастером на Первом ГПЗ (Государственном подшипниковом заводе). Интерес к производству, к работе с металлом Забабахин сохранил на всю жизнь. У него дома была хорошая мастерская, там был станочек, все необходимые инструменты,

Забабахин Евгений Иванович

он сам с удовольствием в свободное время этим занимался и детей учил работать. В последние годы Евгений Иванович увлекся изготовлением художественных поделок из капа — березового нароста, часто у него получались необыкновенно красивые вещи.

Затем был крутой поворот в биографии. От практической деятельности в технике, промышленности Забабахин вдруг перешел к науке. Видимо, тяга к науке у него была с молодости. И Евгений Иванович поступил в лучший по тем временам вуз — МГУ, на физический факультет. Когда он окончил три курса университета, началась война, его призвали в армию и направили учиться в Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского. Здесь опять проявилась его незаурядность: Евгений Иванович сумел, наряду с учебой в академии (это была нелегкая учеба, особенно во время войны), учиться и в университете. Он одновременно получил диплом об окончании ВВА и сдал полный курс экзаменов на физическом факультете МГУ.

Дальше его биография сделала еще один поворот. Забабахин был оставлен в адъюнктуре (военный аналог аспирантуры), закончил диссертацию в срок. И эта диссертация оказалась настолько интересной, с таким широким практическим применением, что на нее обратил внимание Я. Б. Зельдович — один из руководителей работ по созданию советской атомной бомбы. Он сразу оценил диссертацию Евгения Ивановича и привлек его к этой важнейшей проблеме. После окончания адъюнктуры Забабахин был направлен на работу в Арзамас-16, в институт, который теперь называется ВНИИЭФ. Тогда в этом институте только разворачивались работы по конструированию, расчетам и экспериментальной отработке первых отечественных ядерных зарядов.

Е. И. Забабахин был одним из пионеров нашей отрасли, одним из создателей ее, на его идеях основаны многие научные и технические направления разработки ядерного оружия. Как известно, при первом ядерном взрыве в СССР был использован ядерный заряд, скопированный с американского по материалам, полученным от Клауса Фукса. Но уже во втором испытании в атомном заряде были использованы идеи младшего научного сотрудника Е. И. Забабахина.

Трудовая деятельность Евгения Ивановича и дальше развивалась не по обычным канонам: за несколько лет он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя научного руководителя такого крупнейшего научного коллектива, как ВНИИЭФ. Им были созданы научные основы конструирования ядерных зарядов, методы их расчетов. Он активно участвовал в постановке лабораторных экспериментов и обработке их результатов. Забабахиним были предложены многие конструктивные решения, которые применялись практически во всех разработках ВНИИЭФ в те годы.

Когда создавался наш институт, Евгений Иванович был назначен заместителем научного руководителя Кирилла Ивановича Щёлкина и с первым эшелонem приехал на Урал. В 1960 году он был назначен научным руководителем института после того, как К. И. Щёлкин по болезни ушел с этой должности. На мой взгляд,

Забабахин был идеальным научным руководителем: у него были глубокие собственные научные разработки, которые определяли многие направления деятельности института; у него была научная эрудиция и объективность, достаточная для того, чтобы оценить предложения других, поддержать их и развивать в виде новых направлений; у него был совершенно редкостный педагогический дар, который он использовал не только для обучения молодых специалистов, но и для воспитания всех окружающих его сотрудников, начальников секторов, своих заместителей.

Главным в этом педагогическом даре было умение представить все результаты, которые он хотел донести до слушателей, в чрезвычайно наглядном виде так, что они быстро и глубоко могли разобраться в очень сложных вопросах. В нашем институте часто вспоминают о таблицах, графиках Забабахина, — и действительно, Евгений Иванович придавал большое значение представлению результатов в виде графиков, таблиц, которые он аккуратно и четко рисовал на доске и приучал к этому всех остальных.

Для него было очень характерно то, что при оценке очередной работы, особенно работы, которая только начиналась, Забабахин требовал и добивался сам чрезвычайно точного адреса, то есть ставил вопрос: зачем делается эта работа? какой может быть получен практический результат и сколько эта работа будет стоить? Аргументы типа «это будет иметь большое научное значение» на него как-то не производили впечатления.

Помимо чрезвычайной ответственной научно-организационной деятельности Е. И. Забабахин занимался в течение всей своей жизни собственным научным творчеством.

Круг проблем, изученных Евгением Ивановичем, очень широк. Он включает в себя ряд гидродинамических и электромагнитных явлений, вопросы протекания фазовых превращений в динамических процессах, задачи обтекания тел, теоретические вопросы получения экстремальных состояний вещества в динамических процессах и в статических условиях, процессы схождения ударных волн и схлопывания пузырьков. И хотя публикации работ Забабахина немногочисленны (около двух десятков), фактически каждая из них посвящена оригинальной проблеме, новому классу явлений или освещает принципиальные вопросы, не затронутые другими исследованиями.

Е. И. Забабахин удачно сочетал глубину теоретических разработок и практическую направленность работ, стремился к экспериментальной проверке теоретических результатов, находил изящные способы постановки таких опытов, добивался использования выявленных эффектов в новых технических устройствах, в важных практических вопросах. Всему этому способствовали знания и навыки, полученные на производстве и в молодые годы. Он был очень наблюдательным человеком и умел видеть в простых, привычных для всех явлениях глубокий смысл.

Необходимо сказать и о его человеческих качествах. Они были тоже исключительные: полное отсутствие саморекламы, скромность во всём: в поведении, манерах, в стиле публичных выступлений, даже в одежде. Евгений Иванович

Забабахин Евгений Иванович

не любил выделяться, но в то же время знал себе цену, понимал свое значение, и иногда это проявлялось несколько неожиданно. Я вспоминаю, как мы ездили на экскурсию по горно-заводскому району Урала. Когда мы приезжали, его никто не представлял, не знали, что за люди такие приехали. И вот на Чебаркульском металлургическом заводе к нам отнеслись поначалу «спустя рукава», небрежно отвечали на вопросы, а рассказывал специалист очень хороший, главный инженер завода, потом мы с ним поближе познакомились. У него была очень интересная реакция на вопросы Забабахина. Я с удовольствием наблюдал за этим со стороны: на первый вопрос Евгения Ивановича он ответил не оборачиваясь, через плечо. Второй вопрос показался ему интересней, и он повернулся вполоборота. И вот так вопрос за вопросом, потом какие-то дельные замечания, и кончилось это тем, что главный инженер буквально влюбился в Забабахина. Он взял его под руку и все остальное время экскурсии ходил только с ним, что-то увлеченно ему рассказывал и просто не мог от него отойти.

Е. И. Забабахин вел себя одинаково со всеми людьми. Он оставался самим собой в общении и с молодым специалистом, и с высоким руководителем. Даже, пожалуй, по отношению к молодому специалисту он был более предупредителен, боялся ранить его самолюбие. При докладе министру обороны, когда тот приехал в наш институт, Евгений Иванович был такой же, как всегда: у него была маленькая бумажка, в которую он, не стесняясь, заглядывал, но, конечно, не читал свое сообщение, а говорил.

У него был очень высокий научный авторитет, причем не только на нашем предприятии, не только в нашей отрасли. Этот научный авторитет чувствовался и в других учреждениях, например, в Академии наук. Евгений Иванович очень

Справа налево: В. А. Аврорина, Е. Н. Аврорин, Е. И. Забабахин на праздновании 25-летия города. 1982 г.

редко обращался с какими-нибудь просьбами, но если уж обращался, то его имя всегда действовало очень сильно.

Почти половину своей жизни Е. И. Забабахин провел на Урале и очень любил его. В молодости он увлекался охотой, потом стал ярким противником «убийства зверей ради забавы». Свое ружье Забабахин демонстративно привел в негодность и больше охотой не занимался. Очень любил природу, с удовольствием ездил на машине путешествовать по Уралу, всегда брал с собой детей, приглашал своих сотрудников. Когда позволяло здоровье, он организовывал восхождения на горы. Бывали неожиданные увлечения. Вот, например, Евгений Иванович решил попробовать намыть золото. Ездил на какой-то ручей, несколько мешков земли там набрал, потом ее промывал, и у него действительно в пробирке было несколько крупинок золота. Такие увлечения у Забабахина сохранились на всю жизнь. Когда стало трудно ходить по горам, он стал с удовольствием собирать грибы, такие прогулки ему были необходимы.

Евгений Иванович был широко образованным человеком, глубоко знающим не только науку, но и литературу, музыку, живопись. В искусстве у него были свои пристрастия, далеко не всегда совпадавшие с общепринятыми. Так, он не смог принять кинофильм «Белорусский вокзал», пользовавшийся большим успехом.

Жизнь Евгения Ивановича оборвалась внезапно. В последний день своей жизни он заканчивал подготовку к печати монографии о явлениях кумуляции, обсуждал со своими сотрудниками итоги работы за год и планы на будущее.

Влияние Е. И. Забабахина до сих пор ощущается в нашем институте, часто можно услышать ссылки на его мнения, на его методы работы. В наше трудное время очень не хватает его научного и человеческого авторитета, его умения найти неожиданный подход к сложным проблемам, его способности находить и развивать в людях их лучшие качества.

Е. Н. Аврорин

В марте 1954 года я был направлен на работу в Арзамас-16. Там, в секторе Я. Б. Зельдовича, я впервые встретился с Забабахиным и стал работать в его отделе. Тогда Евгений Иванович носил военную форму, был в чине подполковника. Поскольку с тем делом, которым нам довелось заниматься, в институтах не знакомили, то вначале пришлось многому учиться. Мои руководители помогли мне в этом, особенно Евгений Иванович. Одна из форм обучения состояла в решении разных задач, придумывать которые Е. И. Забабахин и Я. Б. Зельдович были большие мастера. Такая традиция (обучение новичков на задачах) сохранялась и в последующие годы, когда мы приехали на Урал. Через 2 месяца после приезда в Арзамас-16 я слег в больницу с аппендицитом. Евгений Иванович сразу навестил меня, принес пакет с апельсинами, периодически справлялся о моем здоровье у врача. В общем, в первые же месяцы после знакомства я понял, что Евгений Иванович не только очень внимательный и доброжелательный наставник, но

и по-настоящему добрый человек. Доброта — это качество, которым он обладал сам и которое очень ценил в людях.

В первые годы после переезда на Урал Е. И. Забабахин занимал должность начальника одного из двух секторов, где работали физики-теоретики. Вначале сектор состоял из трех человек. Были еще М. Н. Нечаев (начальник отдела) и я — единственный рядовой научный сотрудник. Позднее наш сектор, конечно, пополнился другими физиками, но Евгений Иванович следил за тем, чтобы руководимый им коллектив не был раздут: не брал сотрудника, если для него не было конкретной работы. Моё общение с Забабахиным в течение всего времени работы под его руководством было достаточно тесным, особенно в ранний период, когда мы занимались одним конкретным делом, писали совместные отчеты, ездили на полигон.

Евгения Ивановича как руководителя отличали следующие качества:

- умение выбрать небольшое число важных направлений и сосредоточить на них внимание;
- стремление не тратить средства института и материальные ресурсы там, где мала надежда на получение значительного эффекта (это касалось и теоретических исследований, не требующих больших материальных затрат);
- требование от сотрудников четкого понимания задач и четкой постановки при их решении;
- забота о здоровом моральном климате в возглавляемом им коллективе.

Иногда, когда это касалось принципиальных вопросов, Евгений Иванович был достаточно жестким человеком, но по мелочам не спорил. В тех редких случаях, когда оказывались правы сторонники другого, а не избранного им пути, не упорствовал, а радовался научным достижениям. Приведу пример. Перед нами стояла задача лабораторного моделирования крупных взрывов с выбросом грунта. Ее решение Евгений Иванович вначале видел в способе, где требовалось искусственно увеличить ускорение силы тяжести. Для этого Ю. А. Кучеренко была разработана специальная установка (потом она пригодилась для других исследований). Наилучшие же результаты были получены на более простом пути, предложенном мной и осуществленном И. М. Блиновым, в который Евгений Иванович не очень верил. Однако Забабахин высоко оценил нашу работу, как только она стала давать положительные результаты.

Аналогично он поступал и тогда, когда решение учебной (заданной им) задачи оказывалось не совсем таким, каким он его предполагал. С другой стороны, Евгений Иванович был особенно нетерпим к людям, которые, бывало, приезжали для решения научно-технического спора уже с готовым мнением, отстаивали его, не пытаясь установить истину.

Став научным руководителем большого института, Евгений Иванович находил время, чтобы, как и раньше, индивидуально вести исследования по некоторым научным вопросам, заниматься педагогической деятельностью. Незадолго до смерти он прочитал курс лекций аспирантам. В течение всего времени Забаба-

хин возглавлял одну из комиссий по приему кандидатских экзаменов. Принимая экзамены, он использовал эти часы для разъяснения отдельных физических эффектов экзаменуемым. Будучи доброжелательным экзаменатором, терпеливо отвечал на свой вопрос сам, когда выяснялось, что экзаменуемый слаб или не так понял вопрос.

Евгений Иванович был редкий человек. И то, что мне довелось учиться у него, долгие годы сотрудничать и общаться с ним, — большая удача, даже счастье. Но это понимаешь уже потом.

Ю. С. Вахрамеев

Хочется поделиться своими впечатлениями от встреч и общения с Евгением Ивановичем, связанных, в основном, с работой института. Многие неоднократно замечали, что от высказанных раз мысли, оценки, предложения Евгений Иванович практически никогда не отказывался. О чем говорит это качество? Вероятно, о глубочайшей продуманности, взвешенности мнения, убежденности в правильности оценки, аргументированности предложения. И действительно, предпринимавшиеся иногда, в том числе и мной, попытки добиться изменения отношения Евгения Ивановича к уже обсужденному вопросу не приводили к желаемому результату. Оппоненту приходилось признавать слабость своей позиции и беспочвенность претензий.

Очень характерной для Евгения Ивановича была черта научной скромности, выразившаяся, в частности, в его нелюбви к эпитетам. Ему много раз приходилось читать и утверждать различные отчеты, и при этом он всегда безжалостно настаивал на изъятии из текста таких слов, как «очень успешно», «наиболее полно», «впервые», «весьма широкая (программа)» и так далее. «Писать надо о результатах, а уже они пусть говорят сами за себя», — вот его основной подход к выпускаемым отчетным документам. Так он говорил в беседе со мной и при рассмотрении последнего сводного отчета (из числа им утвержденных) буквально за две недели до своей кончины.

Выразительной и постоянной была его гражданская позиция в принципиальных оценках нецелесообразности тех или иных работ. К целому ряду предлагаемых нашему институту тем у Евгения Ивановича было стойкое и обоснованное негативное отношение. И никакие «обходные маневры» не могли заставить его изменить своим убеждениям и включить такие работы в план предприятия. Кое о чем сейчас приходится сожалеть. Но в то время не находилось дальновидных оппонентов. На Евгения Ивановича никогда не влияли приводимые как аргумент в споре слова: «А у других делается вот так». Он требовал аргументов по существу, а не по аналогиям или прецедентам. Мне не раз приходилось отстаивать интересы постановки каких-либо измерений, но мои ссылки на то, что для таких же измерений наши коллеги из ВНИИЭФ используют в 3–5 раз больше кабелей,

никогда не производили на Евгения Ивановича желаемого впечатления. «Так, как у них, не означает — правильно!» — отвечал он.

Очень привлекательной являлась еще одна черта Евгения Ивановича, как пытливого и любознательного ученого, — его заинтересованность в общенаучных вопросах. Он довольно часто задавал на семинарах и в личных беседах интересные и для специалистов, и для школьников задачки и вопросы. Например: почему облака имеют форму; приведите пример интересных фазовых превращений; почему при выключении газовой конфорки над стоявшей на ней сковородкой быстро образуется облако пара; не происходит ли сепарация тяжеловодородной воды при обмерзании стенок рыбацких лунок в связи с тем, что температура замерзания D_2O на несколько градусов выше, чем у H_2O ; и т. д. и т. п.

Нетрудно видеть, что вопросы академика были не академическими, но тем не менее интересными и часто замысловатыми...

Общение с таким человеком обогащает, и впечатление от него остается в памяти и в сердце навсегда.

Н. П. Волошин

Много лет тому назад, когда мы были еще юнцами 12—13 лет, и потом, когда мы мужали, стали студентами, инженерами, он был таким же скромным, даже застенчивым, очень честным, остроумным, хорошим товарищем и добрым другом.

Выделялся ли он среди сверстников? Да. Это ощущалось в его уверенности в том, что он знал, а часто он знал больше других и знал точнее, глубже. Женя много читал и охотно делился новинками в самых разнообразных областях знаний и жизни, смело давал оценки и делал выводы. Иногда мы полушутя, но с большой долей признания говорили: «Ишь, Ев-Гений...»

Как всякий молодой человек, он любил помечтать, пофантазировать, но как-то по-своему, очень реалистично. Например, он мечтал о портативном снаряжении, легкой, теплой и удобной одежде, пищевых концентратах и рациональном неналедающем питании или сверхпрочном и легком инструменте.

Эти идеи возникали, когда мы с сожалением оценивали наши скудные возможности при подготовке к многодневным походам по Подмосковию в летние каникулы (Голицыно, Звенигород, Хотьково, Яхрома и др.).

Женя был остроумен, любил и понимал шутку, был веселым и жизнерадостным юношей. Таким, в общем-то, мы знали его и взрослым. Одновременно он был очень добр и мягок к людям.

284 Жили мы по соседству на Вокзальной улице дачного поселка Баковка, что в 20 верстах от Москвы (так раньше называлась и станция по Белорусской железной дороге — «20-я верста»). Наши интересы, игры, увлечения были в духе того трудного и насыщенного времени — конца 1920-х и начала 1930-х годов. У меня не отложилось в памяти, как Забабахин учился, так как школы (москов-

ские) мы посещали разные. Оценками не хвастались, их было всего две: «уд» и «неуд». Последней практически не встречалось.

В то время уделялось много внимания профобразованию. Начинали создаваться ФЗУ — фабрично-заводские училища. В школах производились профтехотборы с целью определения способности и склонности к тем или иным профессиям. Были обследования медицинские, производственно-технические, игровые, задачки-головоломки, различные тесты — некоторые сейчас кажутся примитивными. А о заключениях и рекомендациях и говорить нечего. Во мне, например, были обнаружены способности кинооператора, а Жене Забабахину (как это не раз бывало с крупными учеными) было не рекомендовано продолжать образование в связи с ограниченностью способностей и склонностью к ремеслам (сапожник, портной, плотник). Что же, частично «прогноз» оправдался. Поделки Евгения Ивановича украшают домашние интерьеры семьи и многих его друзей. Любовь к ручному труду, умение пользоваться инструментом и техникой в сочетании с тонким пониманием механики еще раз говорят о его незаурядности и широте интересов.

После окончания школы (в 1932 году) мы с Женей пытались поступить в техникум при одном из московских авиазаводов, но получили отказ, так как отцы наши были служащими.

В авиацию тянул Женя, уже тогда он очень интересовался самолетами, знал всё о только начинавшемся отечественном воздухоплавании. В московском небе, кроме самолетов, часто можно было увидеть воздушные шары, «колбасы» и даже дирижабль. Любовь к авиации, самолетам он пронес через всю жизнь, как впрочем, и к технике вообще, особенно к механике. Он любил точность и тонко понимал механизмы, технологию, инструмент.

Техническим творчеством в те годы заставляла заниматься не только любознательность, но и сама жизнь: техника, электричество настойчиво входили в экономику и быт страны. Были популярны уроки труда в школьных мастерских, мы

Е. И. Забабахин

бывали на экскурсиях на московских предприятиях, у каждой школы были шефы — заводы, мастерские.

Интересно, что у школы, в которой учился Е. Забабахин, был шефом завод «Авиаприбор» — ныне родственное нам предприятие. Помню, с каким восторгом Женя отзывался обо всём, что он там видел и что делал сам. Однажды он принес никелированные чертежные инструменты: циркуль, рейсфедер, балеринку из набора готовален, которые как ширпотреб выпускал завод. Это было поощрение за работу в гальваническом отделении, тогда дело новое и вызывавшее у нас огромный интерес. Занимались мы разными поделками. Небезуспешной оказалась идея сделать фотоаппарат. Конечно, он был громоздкий, с мехами из дерматина, объективом из очковых линз — примитив. Кое-что, например фотопластинки и некоторые химреактивы, можно было купить. Если вспомнить, что первый отечественный фотоаппарат «Фотокор I» появился где-то в середине 1930-х годов, можно понять наш восторг от первых снимков, которых, к сожалению, сохранилось немного.

Ограниченность возможностей и материальные трудности тех лет не оставили неприятного осадка. С улыбкой вспоминается «контрабанда» керосина из Москвы в замаскированных бидонах под лавкой вагона пригородного поезда. А колка дров, другие домашние и совсем не легкие дела, думается, сыграли только положительную роль.

В памяти остались светлые дни летних каникул, рыбалка и купание в местных прудах и речке Сетунь. Конечно, соревнования в нырянии и плавании. Чудесная природа Подмосковья и летом и зимой доставляла нам много радостей. Игры, в большинстве своем со спортивным уклоном, организовывались самостоятельно. В поселке были спортивные площадки. Инвентарь: мячи, ракетки и прочее, — чаще был самодельным. Помню, одно время мы увлекались земляным хоккеем. Не представляю, откуда мы его взяли, массово он не популяризовался. Тогда были в моде футбол, теннис, волейбол. Каких клюшек мы только не делали! И тут изобретательней других был Забабахин.

Желанным временем была зима. Рельеф Баковки изобилует оврагами, на склонах которых устраивались самые невероятные трамплины, устоять после которых на лыжах при тогдашнем оснащении было не так-то просто. Женя был очень хорошим лыжником, любил этот спорт, имел уже студентом первый разряд.

Были мы и охотниками, правда, не столько добытчиками, сколько любителями побродить по лесам и лугам, познакомиться с новыми местами, посмотреть на жизнь природы, родного края.

286 Постоянными нашими спутниками были верные дворняжки, которых было не по одной в каждом дворе. Эти интересы к познанию природы, любовь к животным прошли через всю жизнь Евгения Ивановича. Привили они вместе с Верой Михайловной эту любовь и детям, научили их уважать и беречь, как мы теперь говорим, окружающую среду. Можно сказать, что страстью Забабахина было поко-

рять горные вершины, большие и малые. В молодости он бывал в походах по Кавказу. Отлично знал и любил Урал, на многие горы которого не раз поднимался.

Поднялся он и на самую трудную вершину жизни — вершину большого человеческого уважения. И достиг он ее не из тщеславия или корысти, а по зову сердца, большой любви к Родине, своему народу.

Н. А. Голиков

Вспоминается случай, когда на завершающем этапе воздушных испытаний (до вступления в силу запрещения этих испытаний оставалось двое суток) произошло событие, которое поставило на грань срыва последнее испытание заряда в воздухе в нашей стране. У транспортного самолета, доставившего бомбу с зарядом (весом около 25 тонн, которую в шутку называли Царь-бомбой) на аэродром, в процессе разгрузки произошло разрушение днища фюзеляжа. Бомба с высоты примерно одного метра упала на бетонное покрытие стоянки самолета. Нужно было срочно принимать все меры для подготовки бомбы к испытаниям 24 декабря 1962 года. Для выполнения этой работы был привлечен весь состав испытателей, конструкторов и теоретиков, находящихся на полигоне. В этот момент особо проявились черты характера Евгения Ивановича — это трудолюбие, находчивость и смелость. Он выполнял широкий спектр работ — от поиска болтов и гаек до проведения срочных прикидочных расчетов о предполагаемой мощности заряда с учетом непредвиденного падения бомбы на бетон.

Руководитель испытаний Н. Павлов заметил мне: «Зачем же академик Забабихин занимается поиском болтов?» Я ответил ему, что такой уж у него характер. Какая радость появилась на лице Евгения Ивановича при получении в ходе этого испытания заряда расчетного значения мощности!

Л. Ф. Клопов

Наши конструкции создавались в острой конкурентной борьбе со специалистами ВНИИЭФ. Но никогда в этой борьбе Евгений Иванович не использовал ни свое положение, ни свой авторитет, чтобы «протолкнуть» наши работы в ущерб работам ВНИИЭФ. Узнав, что в очередной раз наши оппоненты обратились к министру или в ЦК КПСС с указанием на рискованность наших предложений или разработок, Евгений Иванович не опускался до полемики такого уровня и мне не советовал реагировать в форме ответных писем. При этом он никогда не уклонялся от открытых дискуссий, требуя при этом не общих качественных доказательств, а результатов численных или экспериментальных исследований для доказательств критики. Если он видел, что конкурентная конструкция лучше нашей по показателям, выявленным в опытах, он говорил, что доказывать свою правоту нужно делами, а не словами. Евгений Иванович не любил многословия, красивых фраз, общих рассуждений. Он часто говаривал, что всякая истина конкретна.

Евгений Иванович тщательно готовился к любому выступлению, будь то выступление перед школьниками или перед учеными. При этом он не писал обширных докладов. Он набрасывал на четвертушке листа из школьной тетрадки очень краткие тезисы своего выступления и, говоря, он изредка заглядывал в эту маленькую шпаргалочку. Его речь была правильной, без всяких «сорных» слов и междометий. Чтобы донести до слушателей смысл и содержание излагаемого материала, Евгений Иванович умело пользовался иллюстрациями, которые нередко изображал по ходу изложения. Он считал, что заранее заготовленные плакаты и таблицы отвлекают внимание от слов и поэтому должны появляться в нужном месте и лучше всего — из-под мела докладчика.

Его отношение к выражению своих мыслей распространялось и на литературу. Он говорил, что не смог дочитать до конца «Войну и мир» Толстого: «Как можно несколько мыслей расписывать так долго, на таком количестве листов», — говорил Евгений Иванович. За емкость и насыщенность стиха он любил поэзию Твардовского, особенно его поэмы «Василий Теркин» и «За далью даль». Восхищался брошюрой Корнея Ивановича Чуковского «За русское слово», которую не просто прочел, а восхищенно выражал с ней солидарность и советовал всем нам проштудировать ее и применять на практике, вытравливая из наших научных отчетов прилипчивый «канцеляризм». Так Евгений Иванович продолжал, возможно, и не отдавая себе в том отчета, традицию русской научной литературы: излагать свои мысли ясно, избегая двусмысленных или жаргонных выражений, четко формулировать исходные посылки, допущения и ограничения, придерживаться строгости при доказательствах. Поэтому так значимы и ценны его статьи и книги по кумуляции и основам газодинамики. Не случайно они были и остаются лучшими из всех опубликованных по этим вопросам.

При всей занятости своими прямыми обязанностями научного руководителя нашего института Евгений Иванович находил время на поездки по Уралу, на рукоделие, на занятия с детьми. Когда ему позволяло здоровье, он забирался в такую глухомань, что потом сам удивлялся, как ему удалось там проехать. Он всегда намечал цель поездки и, нигде не останавливаясь, стремился добраться туда с наименьшими затратами времени. Это совсем не совпадало с моим стилем поездок — останавливаться по дороге в интересных местах, — и поэтому после двух-трех поездок я больше с Евгением Ивановичем не ездил. Страстный охотник, он одним из первых в городе прекратил охоту, видя, как быстро пустеют уральские леса. Болезненно переживал лесные пожары, хищнические порубки, как, впрочем, и всё, что наносило вред природе и людям.

288 Евгений Иванович был великий рукодел. Он виртуозно работал на настольном токарном станке. Резал из свилей и капов причудливые вазы, поражающие выдумкой и отделкой. Он любил преодоление трудностей: это как бы утверждало его, показывало ему самому, на что он способен. Это качество присуще сильным и цельным личностям, а таким, несомненно, был Евгений Иванович Забабахин.

Он был очень человечный, любил людей. Но это была любовь не вообще и проявлялась она не в разглагольствованиях на эту тему, а в конкретных делах. Разъезжая по глухим уральским местам, он отыскал за горой Вишневой жилище инвалида войны и помогал ему продуктами, деньгами, добился для него повышенной пенсии. Десятки людей обращались к Евгению Ивановичу за помощью, и он всегда делал все, что было в его силах. Мало кто знает, сколько стоили ему здоровья доказательства необходимости присвоения без защиты ученой степени доктора наук Армену Айковичу Бунатяну. При активной поддержке Евгения Ивановича удалось защитить докторскую диссертацию московскому математику Якову Марковичу Каждану. Евгений Иванович не только выступил на защите с призывом поддержать присуждение степени, но послал Валентина Федоровича Куропатенко на заседание ВАК для отстаивания решения нашего ученого совета. Тем не менее, оказывая внимание и поддержку многим людям, он не был из тех, кто смотрел на мир и людей через розовые очки.

Будучи сам трезвенником, он с безразличием относился к алкоголикам, считая их не больными людьми, а людьми безвольными, распущенными.

За годы совместной работы и тесного общения было много всяких событий, и всегда Евгений Иванович старался найти правильный тон, правильное решение, быть честным и принципиальным. Я не скажу, что он всегда поступал правильно, но он искренне стремился к правильному решению, остро переживал, видя, что ошибся. Будучи, несомненно, первым лицом в институте, он не подчеркивал это. Наоборот, он старался быть в тени, когда дело не касалось непосредственно его работы, его ответственности.

Я часто задаю себе вопрос: как бы Евгений Иванович поступал сейчас, в нашей бредовой действительности, решая возникающие проблемы? Конечно, он бы поступал с присущей ему принципиальностью. Я знаю, что по-прежнему честность и открытость составляли бы основу его действий. Но я знаю и то, что Евгению Ивановичу было бы мучительно больно от всего того, что происходит сейчас вокруг и внутри нас.

Б. В. Литвинов

Хотелось бы рассказать об одном интересном факте из нашей жизни в поселке Сокол, который раскрывает глубокую душевную красоту Евгения Ивановича.

Мне выпал случай приобрести легковую автомашину «Победа». В те далекие времена она стоила не так дорого, но для молодого специалиста такая покупка была несколько обременительна. Денег на покупку не хватало. Как раз в таких случаях на помощь приходил Евгений Иванович. У него в кабинете в определенном месте лежали личные деньги. Эти деньги предназначались для его молодых сотрудников, которые по каким-либо причинам иногда нуждались в них. Я воспользовался такой возможностью и взял некоторую сумму. Сообщил об этом своей жене, она очень обрадовалась, но была глубоко поражена методом

одалживания денег и очень беспокоилась о том, что я не в присутствии Евгения Ивановича взял деньги и не сообщил ему о времени возвращения. Трудно было представить, что как раз всего этого не требовалось: сам взял – сам положил! В пору нашей молодости мы глубоко не вникали в положение вещей, хотя отлично понимали, что это редкий случай, что это не обыденность, это исключение! Это нами оценивалось по достоинству. Мы видели в этом человеческую доброту и отзывчивость на чужие трудности. Но сейчас, когда стали старше и мудрее и многое узнали о жизни, мы в этом увидели нечто большое и глубокое. А именно то, что не было необходимости лично просить об одолжении. Это говорило о многом. Он щадил самолюбие человека просящего. Не все люди умеют просить. Он просто делал добро, отдавая и не оглядываясь. Его не беспокоило, вернут или нет ему долги, он был счастлив, что мог помочь человеку. Неудивительно, что к деньгам он относился по-философски. Гениальный Шота Руставели сказал (перевод Н. Заболоцкого):

Щедрость – слава государей и премудрости основа,
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого,
Что припрячешь – то погубишь, что раздашь – вернется снова.

Д. Г. Ломинадзе

С Евгением Ивановичем Забабахиным впервые я встретился весной 1965 года на заседании НТС института, где в числе других заслушивался и мой доклад. В дальнейшем мне довелось принимать участие в подготовке ряда документов, которые подписывал или утверждал Е. И. Забабахин.

Идеология и содержание документов в большинстве своем предварительно обсуждались с Евгением Ивановичем. Как правило, результаты сложных опытов детально рассматривались у научного руководителя, а подготовленные материалы сводных отчетов корректировались им. Свои замечания Евгений Иванович вносил в текст остро отточенным карандашом или тонким пером четким мелким почерком. Иногда он предупреждал, что сделанные им от руки исправления следует оставить, не перепечатывая лист. Видимо, таким образом Евгений Иванович хотел заострить внимание на своей позиции тех, кому предназначался документ.

О манере поведения в отношении к молодежи. Несколько раз Евгений Иванович приглашал меня в свой кабинет и начинал разговор словами: «Я хочу узнать ваше мнение...» или «Я хочу посоветоваться с вами...». Для 30-летнего младшего сотрудника-исследователя это было большой честью, доверием и большой школой.

290

Евгения Ивановича было трудно убедить, гораздо сложнее переубедить, но если такое происходило, его поддержка была решающей. После одного обсуждения в кабинете Евгения Ивановича (с участием Л. Ф. Клопова и Д. Ф. Вовченко) летом 1968 года, я вышел с фактически сформулированной для себя темой кандидатской диссертации.

На всю жизнь в памяти останется апрельский день 1982 года, когда я оказался в больнице незадолго до защиты докторской диссертации. Евгений Иванович нашел время и возможность прийти ко мне и сказать именно те слова поддержки, которые мог сказать только он. Это не эпизод, я неоднократно был свидетелем его доброго отношения и участия в заботах и делах многих.

Он умел поздравить с удачей, с завершением сложного опыта, с наградой, с утверждением защиты в ВАК или просто спросить о здоровье так, что чувствовалась его глубокая искренность.

А. Н. Щербина

Я убежден, что Забабахин любил семью, любил детей. Он был поглощен работой, но изредка откидывался на спинку стула и произносил с веселой и нежной улыбкой: «Знаете, что вчера сказал мой старший, Игорь? Следил за голубями и вдруг говорит: “Голуби наклюкались пшена и улетели”». В следующий раз он с такой же нежностью рассказывал о другой веселой проделке троих своих ребятшек.

Вечерами сотрудники нередко задерживались поиграть в настольный теннис — тут же, в нашей рабочей комнате. Евгений Иванович очень любил эту игру, но никогда не задерживался, спешил домой. А вот возле своего коттеджа он соорудил стол для игры в пинг-понг и вечерами играл с детьми и приятелями. Несколько раз я замечал на улице, как, встретившись с каким-либо ребенком, Евгений Иванович ласково с ним заговаривал и обязательно находил в кармане конфету, чтобы угостить маленького прохожего.

В. П. Феодоритов

Работая во ВНИИП, я пережил двух научных руководителей — Кирилла Ивановича Щёлкина и Евгения Ивановича Забабахина. И всегда поражался, как эти два совершенно разных человека, ученых, блестяще справлялись со своими функциями руководителей.

К. И. Щёлкин — исключительно сильный организатор, имел многочисленные связи внутри и вне «объекта», тяготел к конструкторам, газодинамикам, испытателям, он меньше занимался нами, теоретиками и математиками, полагая, очевидно, что мы справимся без него.

Е. И. Забабахин, наоборот, считал своим первейшим долгом взаимодействовать с теоретиками, имея кабинет в нашем здании, оставался до конца жизни ученым в классическом смысле слова.

Евгений Иванович хорошо рисовал, мыслил образно, очень толково объяснял. Перед большой аудиторией никогда не импровизировал, свои общественные выступления, заранее тщательно подготовленные, всегда строил содержательно, без общих фраз. Речь его отличалась хорошим литературным стилем. На всякие неожиданные приглашения выступить (на собраниях, партактивах) неизменно и нервно отвечал: «Если хотите, чтобы я говорил, предупреждайте заранее».

Несмотря на то, что время учебы Е. И. Забабахина в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского пришлось на годы войны, уровень знаний был очень высок, особенно в области прикладной газодинамики. Евгений Иванович, не раз вспоминая это время, рассказывал, как он тщательно записывал лекции (учебников почти не было), дома их аккуратно переписывал, дополнял сведениями из других источников. Наверное, со времени учебы в академии сохранил Евгений Иванович любовь к самолетам, вертолетам (его дом всегда украшали искусно сделанные ветряки).

Особое пристрастие он испытывал ко всякого рода явлениям, которые сопровождаются высокой концентрацией энергии в ограниченной области пространства за короткое время. Насколько помнится, именно эти изыскания, выраженные в кандидатской диссертации Е. И. Забабахина и попавшие на глаза Я. Б. Зельдовичу, послужили первопричиной, по которой будущий академик оказался в закрытом колючей проволокой Арзамасе-16.

Когда Ю. Б. Харитон вспоминал, что уже в 1951 году у нас была испытана атомная бомба, которая в несколько раз легче и вдвое мощнее первой, то в перечислении создателей ведущее место, несомненно, отводил Евгению Ивановичу.

Любовь к кумулятивным явлениям не помешала ему сформулировать общий философский принцип, согласно которому природа не допускает бесконечностей. Математические особенности в этом смысле — фикция, всегда найдутся такие физические причины, которые эту особенность размоют, сведут бесконечность к некоторому конечному пределу. Глубокие размышления Е. И. Забабахина на тему кумуляции выразились в ряде статей и книге, за что он был удостоен академической премии им. М. В. Келдыша. Они же имели и практические приложения; об одних мы вскользь упомянули, другой пример следует далее.

Военный характер нашей деятельности накладывал свой отпечаток тревоги: то ли мы делаем? Я не раз слышал от Евгения Ивановича слова, а однажды во всеуслышание он произнес их в виде тоста и свято верил в их правдивость: «Потому не было третьей мировой войны, что есть мы».

Вместе с тем, и это мы все видели, Евгений Иванович всегда проявлял огромный интерес к промышленному использованию ядерных взрывов и к тем конструкциям, которые несли бы в себе минимальную радиоактивность. Он хотел подарить миру конструкцию, которая вообще не имела бы осколочной радиоактивности, а термоядерное разгорание осуществлялось бы с помощью взрывчатых веществ последовательно от горячего центра в его знаменитом «слоеном пироге».

Как знать, может, мечта его и осуществится, и вряд ли это особенно удивит нас, тех, кто хорошо чувствовал глубину идей Е. И. Забабахина. Глубоко порядочный, честный, интеллигентный, Евгений Иванович, однако, мог проявить жесткость, твердость характера, когда это было надо. В этой связи я хотел бы подробно остановиться на одном эпизоде, тем более, что его толкование в «Воспоминаниях» А. Д. Сахарова неточно.

Евгений Иванович давно знал А. Д. Сахарова: они приехали в Арзамас-16 примерно в одно и то же время и очень хорошо друг к другу относились. Тогда (1948—1949 гг.) в городе было мало народу, это очень сближало людей.

А. Д. Сахаров приезжал к нам на Урал единственный раз и уехал глубоко разочарованным, что было вызвано особыми обстоятельствами.

Где-то в конце 1950-х годов в КБ-11 затеяли по инициативе Андрея Дмитриевича делать супербольшую бомбу. Ни один человек толком не понимал, зачем она нужна. Но она очень нравилась министерскому начальству и, главное, самому Н. С. Хрущёву. Видимо, торжествовал принцип — дальше всех, быстрее всех, больше всех, «впереди планеты всей». Многочисленные совещания на самом высоком уровне, непрерывные запросы от ЦК КПСС, высочайшее внимание, оказанное КБ-11, не могли оставить нас равнодушными. И мы решили войти в тему, но с двумя оговорками. Во-первых, свое изделие — существенно меньшее по размеру, но все же из разряда больших — мы делали с жесткой привязкой к носителю (ракете), во-вторых, внесли существенные поправки в явно переусложненную конструкцию КБ-11.

Ничего не говоря, потихоньку, мы разворачивали свою работу, о которой весной 1962 года неожиданно для всех доложили на научно-техническом совете министерства. Отчетливо помнится такой диалог с Андреем Дмитриевичем, который, ссылаясь на Б. Н. Козлова, заявил, что «они тоже думали о таком варианте». На вопрос: «Что же вы так не делали?» — он ответил: «Считайте это моей ошибкой».

К осени 1962 года наш заряд был готов к испытанию, но, как оказалось, в КБ-11 параллельно, но вслед за нами и по нашей схеме готовился свой заряд — «близнец». Возникла в самом деле нелепая ситуация, полная бессмыслица. Вот тогда-то, в сыкатную осень, в босоножках и галошах к нам в Челябинск-70 приехал Андрей Дмитриевич — уговаривать нас отменить испытание, хотя наша бомба была уже на полигоне (или на пути к нему). Андрей Дмитриевич вел переговоры с Евгением Ивановичем Забабахиным в присутствии еще нескольких человек. Тогда Е. И. Забабахин ему сказал: «Андрей Дмитриевич, если вы считаете, что не нужно двух испытаний, то почему не отменяете свое — ведь у нас всё уже сделано, это наше предложение», — и реплика Андрея Дмитриевича: «Но это наша тема». Очень недовольные друг другом, лидеры расстались. Мне кажется, что свою неприязнь к «восточному конкуренту» А. Д. Сахаров сохранил надолго. После нашего испытания он продолжал борьбу за отмену собственного, но безуспешно. Оба испытания в пределах точности измерений дали одинаковый результат. Несколько больший вес (на несколько процентов) нашего заряда фактически возник случайно при окончательной увязке с носителем, буквально за месяц до испытания, и эффективно не мог использоваться.

Неудача, которая постигла Андрея Дмитриевича, боровшегося за сокращение испытаний, несомненно, в дальнейшем отразилась на его общем настроении, но это — не наша тема.

Несколько штрихов к портрету Евгения Ивановича. Помнится, в первые годы жизни в Арзамасе-16 я, городской житель, увидел в лесу живую белку. Обрадованный редкой удачей, я бросился к охотнику Е. И. Забабахину за ружьем. Он в ответ на просьбу не сказал мне «дурак», а печально произнес: «Вы что же, хотите ее изрешетить?» Страстный любитель природы, животных, Евгений Иванович уже в Челябинске-70 вместе с семьей повадился на заимку недалеко от производственной площадки, подкармливать лося. Однажды показать «чудо» они повезли мою жену. Та основательно подготовилась, набрала целую корзину еды. Только она приблизилась к лосю, мирно «разговаривавшему» с Евгением Ивановичем, как почувствовала молниеносный удар по корзине и где-то рядом со своим носом — движение копыта. «Еще бы чуть-чуть», — часто потом рассказывала жена. Вера Михайловна, жена Евгения Ивановича, так своеобразно утешала мою Александру Ивановну: «Лось почему-то не любит женщин, то ли по виду, то ли по голосу».

В доме у Забабахиных всегда жили одна-две собаки, они лизали, кусали своего хозяина, спали на его кровати, пропадали и возвращались. Хозяин умилялся, глядя на них, носил их на руках и тоже с ними «лизался». В какое-то время по Уралу распространился ящур, со всеми вытекающими отсюда медицинскими строгостями. На глаза моей жене попались какие-то официальные бланки на этот счет. Воспользовавшись ими, мы накануне дня розыгрышей, темной ночью, не забыв поставив дату «1 апреля», развесили по всему коттеджному поселку объявление с приглашением сделать прививки всем собакам в ветлечебнице с 12 до 14 часов. И потянулась вереница. А на следующий день — отповедь Евгения Ивановича на работе: «Дураки, идиоты, хоть бы животных пожалели!» До сих пор, хотя Евгения Ивановича нет в живых, моя Шура предупреждает: «Никому не говори».

Евгений Иванович привык к Уралу и полюбил его, объездил каждый уголок, особенно в последние годы жизни, когда врачи запретили ему выезжать на далекие расстояния (включая Москву). Любил показывать и рассказывать, но ехать за ним на машине было целое мучение. Как человек военный и дисциплинированный, он продвигался согласно знакам дорожного движения, со скоростью ровно 60 км/час, притом независимо от того, по асфальту (тоска) или в лесу на колдобинах (поди догони).

Единожды, что составляет для меня предмет особой гордости, я обратил Евгения Ивановича в золотопромышленника. В окрестностях Вишневогорска, на заброшенных выработках, где добывали ранее редкие металлы, умные люди нам объяснили, что в земле наверняка имеется повышенное содержание тяжелых элементов, включая золото. Оснастившись соответствующим образом, мы с семьей собрали окрестную землю, привезли на лесной ручей и стали мыть золото. Удивительное ощущение — до последнего момента, когда вроде бы и земли-то почти не осталось и ты думаешь: «Опять мимо», — на дне вдруг начинают сверкать мелкие золотистые крупинки. С огромным трудом мы намыли таким путем около четверти пробырки золотых крупинок. Я не стерпел и рассказал о своих достиже-

ниях Евгению Ивановичу. Нужно было видеть, с каким воодушевлением он взялся за дело: отобрал у нас причиндалы — совок, решето и тому подобное, собрал всю нашу землю в мешки, отвез к себе домой и днями напролет в озере, не отвлекаясь ни на какие служебные дела, мыл золото. До тех пор, пока А. А. Бунатян не объяснил нам, «старателям», что мы совершаем преступление, так как золото государственное и подлежит регистрации и сдаче в Каслях.

Удивителен дом Забабахиных, без всяких украшательств и роскоши. В переднем углу, на самом видном месте — горные лыжи разных фасонов и размеров; на стене — отметины карандашом — Евгений Иванович ведет точный учет белым грибам, которые собирает Вера Михайловна (когда я поинтересовался, оказалось в тот сезон 2500). Кстати сказать, сколько мы ни подстраивались к Вере Михайловне, ничего не получалось — идем вроде по одним местам, у нее — 30—40 боровичков, у нас — ноль.

Очень гостеприимный дом: всегда с пирогами, на масленицу с горой блинов и тому подобное. Евгений Иванович никогда не пил хмельного, другим не препятствовал, но как только начинался пьяный разговор, потихоньку исчезал, ему становилось тоскливо и неинтересно. По части гостеприимства конкурировать с Забабахиными было невозможно. На памяти только один случай, когда мы, своей семьей, что-то смогли им противопоставить.

На Сахалине у нас живут родственники. И вот в один прекрасный день мы получаем от них посылку, с невероятным количеством красной икры. Что делать? Объявляем сабантуй, приходите, дескать, дорогие сослуживцы, с ложками, икру будем есть. Евгений Иванович не поленился, на своем деревообрабатывающем станочке наделал много ложек (всякого рода поделки Евгений Иванович очень любил), раздал участникам. Теперь вообразите толпу, которая поднимается по лестнице, гремит, что есть духу, ложками и скандирует: «Икры, икры!»

На работе Евгений Иванович был всегда точен, аккуратен, с трудом переносил наши развлечения — потасовки, футбол в коридоре, дурацкие игры (кто дальше толкнет стул ногами) — и облегченно вздыхал, когда обеденный перерыв заканчивался и наступала, как ему казалось, деловая обстановка. Он искренне не понимал того, кто собирался в отпуск: «Зачем вам отпуск, разве здесь плохо?» Только один раз он нарушил железный распорядок — во время Олимпийских игр. С виноватой улыбкой он среди бела дня вдруг предложил: «Поехали домой, телек посмотрим». Сам неплохой спортсмен, скалолаз и лыжник (весьма высокого разряда), как видим — болельщик, он своих детей приучал ко всем новейшим видам спорта: водным и горным лыжам (меня цеплял к машине и катал осторожно на лыжах, к катеру — на водных лыжах), виндсерфингу, дельтапланеризму.

Яркий образ интеллигентного человека: умного, делового, деликатного, честного — Евгения Ивановича Забабахина — всегда останется в памяти и будет служить примером для подражания.

Л. П. Феоктистов

Захаренков Александр Дмитриевич

18.02.1921–25.03.1989

Специалист в области прикладной газодинамики, разработчик ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, видный организатор работы больших коллективов ученых, конструкторов, производственников; кандидат технических наук (1955), доктор технических наук (1965); лауреат Сталинских (1951, 1953), Ленинской (1967), Государственной (1984) премий СССР; Герой Социалистического Труда (1961); почетный гражданин г. Снежинска (1982); член КПСС с 1953 г.; персональный пенсионер союзного значения (1988).

- 1938 — студент Московского института химического машиностроения.
- 1942 — научный сотрудник, инженер, младший научный сотрудник НИИ-6, г. Москва.
- 1946 — младший научный сотрудник, заведующий лабораторией в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — начальник сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — заместитель главного конструктора, главный конструктор, там же.
- 1967 — заместитель министра МСМ, г. Москва.
- 1986 — член правительственной комиссии и участник ликвидации последствий ядерной катастрофы на Чернобыльской АЭС.
- 1988 — освобожден от занимаемой должности по состоянию здоровья.

Захаренков Александр Дмитриевич

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1949, 1953, 1966), Ленина (1956, 1961), Октябрьской Революции (1978); медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946). Избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся (1959). В 1998 г. РФЯЦ – ВНИИТФ учреждена премия им. А. Д. Захаренкова, которой ежегодно награждаются молодые сотрудники института за лучшие конструкторские работы.

Один из выдающихся руководителей ядерно-оружейного комплекса страны, Захаренков Александр Дмитриевич, родился в г. Смоленске в семье рабочих 18 февраля 1921 года. Окончив Московский институт химического машиностроения по специальности «инженер-механик», начал трудовую деятельность в 1942 году в качестве научного сотрудника НИИ-6 Наркомата боеприпасов. В апреле 1946 года А. Д. Захаренков был переведен в КБ-11, став одним из первых его сотрудников. Здесь он занимался газодинамической отработкой первых образцов ядерных зарядов. К этому времени Александр Дмитриевич был уже сложившимся ученым, умеющим решать сложные экспериментальные задачи. Возглавляемая им группа изучала ударную сжимаемость конструкционных материалов под действием взрыва химических веществ. За время работы на объекте он выполнил ряд серьезных исследований, за что был дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени и дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии.

В апреле 1955 года А. Д. Захаренков был откомандирован в НИИ-1011 и назначен первым начальником экспериментального газодинамического сектора вновь создаваемого на Южном Урале научно-исследовательского института. Примечательно, что в числе немногочисленных участников первого совещания по вопросам организации нового объекта, состоявшегося в июле 1954 года в КБ-11 под руководством министра МСМ В. А. Малышева и академика И. В. Курчатова, был и А. Д. Захаренков (вместе с К. И. Щёлкиным и Е. И. Забабахиным). Он же с Г. П. Ломинским вошел и в рабочую группу К. И. Щёлкина и Д. Е. Васильева по подготовке соответствующего постановления правительства. В этом же году Александр Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию.

После образования в августе 1960 года в составе института двух конструкторских бюро: ядерных зарядов (КБ-1) и ядерных боеприпасов (КБ-2) – А. Д. Захаренков, работавший с апреля этого года заместителем главного конструктора, стал первым в истории института главным конструктором ядерных боеприпасов. В этот период становления КБ-2 главным направлением его деятельности стала разработка новых классов ЯБП. В приказе министра МСМ от 5 апреля 1955 года (принятой даты основания института) основной задачей НИИ-1011 была определена «разработка атомных и водородных бомб... и спецзарядов

для различных видов атомного и водородного оружия...». Во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов тематика института значительно расширилась, появились новые работы: по созданию ядерных боевых частей для морских ракет Р-13 и Р-21 и оперативно-тактической ракеты Р-17 («Скад») КБ В. П. Макеева; для зенитных управляемых ракет и знаменитой противоракеты для обороны Москвы А-350 КБ А. В. Потопалова и П. Д. Грушина; для первой межконтинентальной баллистической ракеты серии УР-100 КБ В. Н. Челомея. В 1965 году начались проектно-конструкторские проработки первых вариантов ЯБЧ для оснащения находящихся на вооружении сухопутных войск минометно-артиллерийских систем. Одновременно велись и начатые раньше других работы по бомбовой тематике.

В эти годы А. Д. Захаренков особое внимание уделял установлению личных контактов со смежниками — разработчиками носителей ЯБП, серийными предприятиями, управлениями заказчика и институтами МО, полигонами. Постепенно складывалась организационная система выполнения совместных работ со взаимодействием руководителей и специалистов всех уровней — от главных (генеральных) конструкторов до непосредственных исполнителей.

О новизне, объеме и сложности задач, успешно решенных коллективом КБ-2 во главе с А. Д. Захаренковым, свидетельствует его положительная во всех отношениях характеристика, сохранившаяся в личном деле: «...Тов. Захаренков А. Д. является зрелым научным работником, умеющим самостоятельно решать сложные научные задачи. Им лично и под его руководством был выполнен большой объем сложных и ответственных исследований и конструкторских работ, за успешное проведение которых он был награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени (дважды). В 1951 и 1953 годах удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. В 1961 году указом Президиума Верховного Совета СССР т. Захаренкову А. Д. за успешное выполнение специальных заданий правительства было присуждено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой звезды [медали] «Серп и Молот»... В мае 1965 года защитил диссертацию на ученую степень доктора технических наук. Звание младшего научного сотрудника присвоено в 1946 году, старшего научного сотрудника — в 1960 году. Тов. Захаренков А. Д. обладает большим опытом научно-исследовательской работы и является хорошим организатором...» Эта характеристика подписана директором института Г. П. Ломинским 14 июня 1965 года.

298 В апреле 1965 года Александра Дмитриевича назначают главным конструктором института по разработке ядерных зарядов, а в 1967-м — заместителем министра среднего машиностроения. Под его продолжавшимся более 20 лет руководством развитие ядерно-оружейной отрасли достигло уровня, обеспечившего установление и поддержание паритета с США по стратегическим вооружениям.

Не менее важным стал вклад А. Д. Захаренкова в достижение неоднократно нарушаемого американской стороной баланса ядерных сил тактического и оперативно-тактического назначения в Европе — по тем временам наиболее

взрывоопасном районе мира, где по линии непосредственного соприкосновения противостояли две «вооруженные до зубов» группировки войск — НАТО и ОВД (Организация Варшавского договора). Ключевую роль в этой ситуации сыграл ВНИИТФ (тогдашний ВНИИП), разработавший практически весь набор тактических ядерных боеприпасов, не уступающих американским аналогам (завезенным из-за океана в умопомрачительном количестве — 7000 единиц) — снарядам, минам, авиабомбам, боевым частям ракет «малого радиуса действия». К сожалению, в мемуарно-исторической литературе этот подвиг ядерно-оружейного центра на Урале пока не нашел достойного отражения.

Кроме основных обязанностей, А. Д. Захаренков длительное время руководил работами по автоматизации управления производством: на предприятиях по его инициативе и указаниям широко внедрялись ЭВМ, создавались крупные вычислительные центры в НИИ и КБ. Александр Дмитриевич руководил технологической секцией НТС-2 министерства, специализированным ученым советом по защите диссертаций работниками серийных предприятий. В 1986 году он участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в мае—июне 1986 года был членом правительственной комиссии.

В 1988 году А. Д. Захаренков по состоянию здоровья был освобожден от занимаемой должности.

Л. М. Захаренко

Из воспоминаний

Разбирая бумаги давних лет, я нашел заметку, написанную мною много лет тому назад для стенной газеты «Прогресс» КБ-1 нашего института. Недаром говорят, что стенная газета реагирует на события почти мгновенно. Заметка об Александре Дмитриевиче Захаренкове, посвященная его кончине 25 марта 1989 года, появилась в конце марта. Написанная по горячим следам, она выразила, как мне казалось в то время, нашу горечь и боль от этой утраты. В короткую заметку стенной газеты трудно втиснуть такую глыбу, как Захаренков. И не в том дело, что это был Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, заместитель министра, а в том, что это был большой и добросовестный труженик, какие бы посты он не занимал. Сейчас об этом можно и нужно написать больше, и есть возможность писать о нём, ссылаясь на достоверные документы, которые теперь стали открытыми.

Для меня знакомство с Захаренковым началось летом 1952 года, то есть с года, с которого началась моя трудовая деятельность. Я знал, что в то время он был начальником отдела исследования симметрии газодинамического сектора в КБ-11 (ВНИИЭФ). Знал я тогда об Александре Дмитриевиче Захаренкове, или «Митриче», как фамильярно, но за глаза, называли его уже тогда, со слов

моего друга Виктора Константиновича Орлова, попавшего в отдел к Захаренкову на диплом...

Когда были опубликованы закрытые для широкого ознакомления документы, стало возможным познакомить читателей с историей организации КБ-11. Одним из первых документов о комплектовании кадрами КБ-11 было письмо директора П. М. Зернова от 24 декабря 1946 года о направлении в его распоряжение восьми сотрудников из НИИ-6 Министерства сельскохозяйственного машиностроения (МСХМ). Заканчивается это письмо просьбой: «Тов. Захаренкова необходимо направить в наше распоряжение немедленно. Остальных в сроки, которые будут указаны дополнительно». Отсюда можно отсчитывать годы жизни и работы Александра Дмитриевича Захаренкова в системе нашей отрасли...

В 1955 году Щёлкин предложил Захаренкову возглавить газодинамический сектор нового института. В числе первых из приглашенных ехать работать на новом месте были Орлов и Ратников. Их смело можно причислить к золотому фонду РФЯЦ — ВНИИТФ им. Е. И. Забабахина. Думаю, что отчасти к этому приложил свою творческую руку А. Д. Захаренков.

Во времена моей жизни и работы в Сарове, а затем в НИИ-1011, где сначала я был главным конструктором, а потом — первым заместителем Захаренкова, у меня никогда с ним не возникало проблем. Работалось мне под его началом неплохо, но наши отношения при этом не выходили за рамки служебных. Я не увлекался, как он, купанием в озере от снега до снега, сидением до одурения в парной в компании верных приверженцев его причуд или массовыми выездами на рыбалку. При этом я не могу не отдать ему должное в умении спланировать людей... Он недолго проработал с нами, но сжился и оценил высокие возможности КБ-1 нашего института.

Придя на работу в Министерство, Захаренков не стал занудой и верхоглядом, не превратился в чиновника высокого ранга, короче, не изменился в плохую сторону. Между тем, когда он стал заместителем министра среднего машиностроения, у него существенно увеличилось число обязанностей, выросла и его ответственность за обеспеченность выполнения правительственных заданий. Работая с подчиненными ему людьми, он стал более внимательным и мудрым. Вместе с тем он остался требовательным к соблюдению сроков выполнения работ, всегда требовал сокращения этих сроков, словно боялся не успеть сделать заданную работу досрочно. Как-то я сказал ему о том, что эта его требовательность излишня, мы же знаем о сроках окончания работ, и они находятся под постоянным контролем. На это он мне ответил, что всегда есть много непредвиденных обстоятельств, которые могут возникнуть, так как в нашей работе много нового. Это новое может явиться причиной задержек и отсрочек, и тогда потребуется время на устранение последствий потерянного времени. Где его взять? Только выполнение освоенных работ в заданные и даже в сокращенные сроки дает нам резерв времени для решения неожиданных загадок, возникающих при решении таких задач.

Одним из многих дел Александра Дмитриевича, когда он стал заместителем министра, было создание технологической секции № 6 научно-технического совета № 2 МСМ, руководившего разработкой и эксплуатацией ядерного оружия. Не помню, кто высказал предложение об организации такой секции, но это была великолепная идея. Эта секция, руководимая Александром Дмитриевичем Захаренковым, объединила директоров серийных заводов, главных инженеров, главных технологов, главных конструкторов институтов, разрабатывающих изделия. По существу, работа в этой секции была направлена на создание атмосферы доверия и взаимопонимания между людьми, представлявшими разные стороны процесса создания изделий, между людьми, наделенными большими полномочиями и большой ответственностью, между людьми с очень разными характерами и судьбами. Я думаю, что не надо убеждать, сколь это было не просто, но Захаренкову удалось добиться и не только, и не столько принуждением, сколько убеждением и личным примером.

Заседания секции проходили на разных предприятиях, посвящались разным компонентам изделий и разным изделиям, различным технологиям, рассматривались и научные, и технические, и организационные вопросы, происходил обмен опытом, устанавливались прямые связи. Серийщики стали теперь лучше понимать разработчиков, а разработчики стали лучше знать возможности производства, его людей, его перспективы. Сколько терпения и мудрости было проявлено Александром Дмитриевичем в этой великой организующей работе. Следствием ее было ускорение внедрения новых разработок в производство, и это в то время, которое теперь модно стало называть застойным.

Когда я узнал о его болезни, мне трудно было в это поверить. Всегда окруженный людьми, всегда находивший дело и при работе, и на отдыхе. Когда болезнь подкралась к нему, он сам не мог поверить. С недоумением он говорил об этом. Он всегда считал себя здоровым. Он выглядел таким, и врачи обнаружили его недуг поздно.

В нашем последнем разговоре с Александром Дмитриевичем, состоявшемся по телефону за полгода до его смерти, я пытался его ободрить, внушить, что болезни приходят и уходят. Так будет и с ним. Мы коснулись в нашем разговоре темы застойности и застоя. Он с горечью и с болезненным недоумением сказал: «Вот сейчас то и дело слышишь о застое, о времени застоя, о деятелях застоя. Может, кто и стоял, но мы не стояли. Нам есть, что показать в обеспечение мира на Земле.

Б. В. Литвинов

Первые контакты мои в НИИ-1011 (ныне РФЯЦ – ВНИИТФ) были с главным конструктором КБ-2 А. Д. Захаренковым. Радиодатчики он не любил и старался их в изделия не ставить, ссылаясь формально на то, что радиопрозрачные наконечники ослабляют корпус изделия... Потом мы придумали конструкцию АФУ

Захаренков Александр Дмитриевич

(антенно-фидерное устройство), которая подпирала оболочку радиопрозрачного наконечника... Явно он, насколько я помню, против РД в моем присутствии не говорил, но...

Имел большой авторитет среди своих подчиненных. Спортсмен. Хоккеист. Рассказывал мне (это было позже), что два раза играл в команде мастеров «Спартак». В первой же игре ему попали клюшкой по носу — страшная боль, играть в этом матче не смог, но его взяли в Ленинград на следующую игру и опять кто-то задел его по незажившему носу — на этом игра в хоккей в большой команде закончилась.

Интересный случай рассказывал Лев Нахгальцев (Главный инженер НИИИС. — *Примеч. ред.*). В футбольном матче между командами завода и научных секторов в Сарове Лев, игравший за завод, прыгнул, принимая мяч на голову, — пусто, смотрит, а это Захаренков смахнул его рукой с головы Льва себе под ноги (судья смотрел не туда). Мужик был с хитринкой, и не только в спорте. Страстно любил баню, о чем ходили легенды. Потом Алфёров назначил его главным в КБ-1, затем он стал заместителем министра вместо Алфёрова.

Именно в этой должности я был знаком с ним дольше всего. Государственный человек, как все мы, бесконечно преданный нашему делу... Много сил Александр Дмитриевич отдал организации оптимального взаимодействия разработчиков и серийщиков. Однажды у него на совещании по разбору наших дел с пензенским заводом долго говорил о пользе сетевых графиков по освоению в серии новых приборов. И когда он закончил, я начал: «А теперь по существу...». Захаренков всплился: «Так что — я полчаса говорил не по существу?!»

Н. З. Тремасов

(из книги «Назначение отменяется, позвоните по телефону...». Н. Новгород, 2000)

Впервые я встретился с Александром Дмитриевичем (сотрудники между собой его называли А. Д.) в 1956 году, когда кто-то из моего начальства взял меня, тогда еще молодого специалиста, с собой в газодинамический сектор для согласования размещения блока автоматики в проектируемом изделии. А. Д. располагал к себе неторопливым спокойным разговором и внушительной внешностью. Более тесная совместная работа началась после назначения его главным конструктором института по тематике КБ-2. Мое первоначальное впечатление о нём подтвердилось, открылись и другие его качества: трудолюбие, требовательность, человеческая доброта и забота о подчиненных. Он был хозяином в КБ, учителем, физруком, снабженцем, всё его интересовало, всегда к нему можно было обратиться — поможет. Тематические диспетчерские совещания А. Д. проводил с участием всех разработчиков, исполнителей и при обсуждении вопросов конструирования всегда спрашивал мнение разработчика, а уж потом начальства, если это было нужно. Привлечение исполнителей к обсуждению вопросов на самом высоком уровне было очень полезным и расширяло кругозор, тем более что коллектив конструкторов в то время

в основном был молодым и опыта было маловато. Приходилось работать вечерами, в выходные дни, и никто никогда не отказывался, понимая, что так надо.

Это потом появился порядок «доступа к телу» главных руководителей только должностных лиц (от начальников отделов и выше). (Этот порядок ввел Д. Ф. Вовченко: начальники отделов обязаны были лично приносить на утверждение отчеты и давать все необходимые пояснения, нести полную ответственность за содержание и оформление документов, выпускаемых их сотрудниками.)

При А. Д. был разработан, испытан и сдан в эксплуатацию ряд изделий, за создание которых сотрудники отмечались наградами, премиями.

А. Д. говорил, что при разработке конструкции нет мелочей, и заставлял тщательнейшим образом обрабатывать отдельные узлы (в этом ему пригодился опыт газодинамика). Сколько мы проводили различных отстрелов, прочностных и вибрационных испытаний — это непостижимо! Но зато, если испытания прошли успешно, можно было спать спокойно.

Будучи уже заместителем министра, он поручил нашему отделу проектирование корпуса для изделия, разработанного другим институтом. По его мнению, там не смогли бы выполнить эту работу, поэтому конструкцию и методику испытаний разработали мы. А. Д. заставил провести испытания изделия целиком по нашей методике: пусть, мол, учатся, как нужно обрабатывать изделия.

При нём в институте очень высоко ценились конструкторы. Было заведено: КД — это документ, который нужно чтить и уважать. Заводчане это понимали, и попытки «сыграть» на трудностях производства были пресечены. К сожалению, в последнее время наблюдается постоянное стремление заводчан снизить требования конструкторской документации...

Мне вспоминается случай, характеризующий А. Д. как руководителя. На одном из заседаний технологической секции НТС-2 МСМ выступил Колчин (начальник отдела 6-го Главка) с претензиями к нам, разработчикам изделий, в том, что при изготовлении продукции производственникам часто приходится осваивать новые технологии, приобретать новое оборудование. Он настоятельно советовал ориентироваться на то оборудование, которое имеется. А. Д. решительно его прервал: «Сказанное Колчиным надо немедленно забыть».

И еще, что очень запомнилось. Кроме основной работы А. Д. увлекался спортом, играл в футбол, хоккей, ввел в КБ обязательную производственную «захарядку». Летним утром перед работой многих во главе с ним можно было видеть на стадионе «Комсомолец», зимой — в спортзале школы 125. При нём особенно модной стала баня. Он всегда следил за внешним видом сотрудников, некоторым доставалось за ходьбу в босоножках без носков или за неопрятный внешний вид. Мне тоже однажды было сделано замечание за то, что я пришел на работу в спортивной куртке: было сказано, что его кабинет не спортзал.

Я думаю, что все, кто работал с А. Д. и честно относился к делу, с благодарностью вспоминают время работы с Александром Дмитриевичем Захаренковым.

Ю. А. Задворнов

Захаренков Александр Дмитриевич

...Возглавив КБ-2, А. Д. Захаренков не скрывал пробелов в своем производственном опыте. Но и в положении «свадебного генерала» не намеревался пребывать, поэтому с удвоенной энергией взялся за изучение незнакомых ему вопросов и за углубленное познание тех из них, с которыми ему раньше приходилось встречаться лишь вскользь. Он не жалел ни времени, ни здоровья и мог часами расспрашивать специалиста любого ранга по незнакомой для него проблеме. Александр Дмитриевич не допускал подмены знаний амбициями и подчеркиванием своего высокого положения. Ему было свойственно в ярко выраженной форме чувство здравого смысла, которое нередко в условиях неопределенности и дефицита информации играло роль спасательной «нити Ариадны». Он внес существенный вклад в организацию работ не только на уровне института, но и на межотраслевом уровне, установив хорошие деловые контакты с генеральными конструкторами В. П. Макеевым и В. Н. Челомеем...

...Тесное сотрудничество двух главных конструкторов — А. Д. Захаренкова и В. П. Макеева, основанное на взаимном уважении, началось, как ни странно, со взаимных обвинений. Причиной тому послужило проявление дефекта в головной части, находящейся уже на вооружении военно-морского флота (ВМФ) в составе баллистической ракеты Р-13. Дефект касался технологии теплозащитного покрытия (ТЗП). Специальное КБ В. П. Макеева (СКБ-385) устранило неисправность таким образом, что появился дефект в работе автоматики боевой части, за которую отвечало уже КБ-2 нашего института. Мы вправе были предъявить претензии к партнерам, поскольку меры по устранению дефекта ТЗП не были с нами согласованы. Положение сложилось тревожное, так как при контрольных пусках ракет стали наблюдаться случаи преждевременного срабатывания автоматики.

Как полагается в таких случаях, была создана межведомственная комиссия для выяснения и устранения неполадок, и специалисты КБ-2 и СКБ-385 стали готовить соответствующие материалы. На основе подготовленных документов главные конструкторы А. Д. Захаренков и В. П. Макеев вступили в поединок на заседании комиссии. Обменявшись «тяжелыми ударами», они поняли непродуктивность таких действий, после чего уединились и быстро пришли к конструктивному решению, не дожидаясь выводов комиссии. Дефект был устранен, спасена честь обоих КБ, а оба главных конструктора только выиграли в глазах окружающих, укрепив одновременно уважительные деловые отношения свои и коллективов КБ друг с другом...

В. Д. Потеряев

(из книги «Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска». Екатеринбург, 1997)

Мое деловое сотрудничество с А. Д. Захаренковым началось с момента, когда он был назначен главным конструктором НИИ-1011 по разработке ЯБП. Газодинамик по специальности, он знал всё о зарядах, а с особенностями

ми проектно-конструкторских работ по созданию ЯБП знаком не был. Поэтому в первые несколько месяцев держался, я бы сказал, осторожно, решительных действий не предпринимал, входил в курс дела.

Занимался он этим чрезвычайно усердно и обстоятельно, засиживался вечерами, изучая материалы — проектно-конструкторскую документацию и отчеты по ведущим разработкам, нормативные документы. В этот период, вспоминается, он нередко вызывал к себе исполнителей документов и, не стесняясь, расспрашивал о том, что казалось ему недостаточно ясным.

Высокий рост, могучее телосложение, крупные руки (он часто держал их на столе, на бумагах), крупные черты лица, пронизательный взгляд, низкий, с небольшой хрипотцой голос, размеренная речь, точные фразы, выразительные интонации — весь облик Александра Дмитриевича выражал уверенность, невозмутимость, уравновешенность. Хвалил он, улыбаясь, выговаривал, хмуря брови, но всё это — ровным голосом, не повышая тона.

Месяца через три А. Д. приступил к решительному руководству. Это почувствовалось сразу. Его задания были предельно четкими, сроки исполнения конкретными, а требовательность в части качества исполнения и сроков — очень высокой. Материалы, представляющиеся ему на рассмотрение и утверждение, он прочитывал очень внимательно.

И дисциплину ввел строжайшую, обязательную для всех. Всё должно было делаться своевременно, точно и добросовестно, чисто и аккуратно. А к обнаруживающимся ошибкам относился двояко. Если ошибка была следствием недосмотра, то, естественно, делал внушение, а если она была следствием неизведанности дела, то побуждал вдуматься глубже, старался навести на правильное решение.

А. Д. очень остро чувствовал течение времени и четко планировал порядок действий. Однажды имел место такой эпизод. В назначенное время началось совещание. А один из приглашенных — заместитель начальника сектора 8 В. С. Чефранов явился с некоторой задержкой, которую объяснил необходимостью подготовить для подписи телеграмму. На это Александр Дмитриевич отреагировал неожиданно: «Выйдите, напечатайте у секретаря приказ об объявлении вам выговора за недисциплинированность и заходите. Приказ я подпишу сразу, а телеграмму — после совещания».

Как-то я, узнав у секретаря, что Захаренков один в кабинете, вошел к нему и, еще не отойдя от двери, сказал, что у меня готов для представления технический отчет. «Ну, и что же, — сказал А. Д. недовольным тоном, — я должен бросить свое дело и заняться вашим отчетом?» «Нет, — отвечаю, — я только сообщаю о готовности и прошу назначить время, когда его представить». «А, это другое дело, — сказал совсем другим тоном Александр Дмитриевич и, посмотрев в свой блокнотик, добавил, — будьте на месте в начале четвертого, я позвоню». И точно, в начале четвертого раздался звонок, А. Д. пригласил к себе. Взяв отчет, пролистал его, оценивая объем, написал расписку и предупредил: «Примерно в начале шестого я позвоню». И на этот раз телефон зазвонил, как было обещано.

Был такой случай. В институте работала межведомственная комиссия по рассмотрению одного эскизного проекта. Её заседание, как часто водилось, затянулось до позднего вечера. Вдруг в комнату, где шло заседание, заглянул начальник сектора 7 Н. В. Колесников. Вызвав меня в коридор, сказал: «Пошли к Главному, он зовет». Входим в кабинет, там, кроме А. Д., сидит начальник отдела, в котором разрабатывались системы контактных датчиков, А. П. Жуков. А. Д. жестом указывает мне на стул и говорит: «Поступило сообщение с одной из баз хранения ЯБП, что при контрольной проверке одного из боеприпасов обнаружены отказы части контактных датчиков. Чем это грозит?» Я отвечаю, что вследствие такого отказа возможно несрабатывание боеприпаса при некоторых режимах его применения... «А что, если её, эту часть контактных датчиков, отключить до выполнения необходимого ремонта? Возможно ли это конструктивно и как скажется на боеспособности, как конкретно ограничит допустимые режимы применения ЯБП?» — спрашивает Захаренков. А. П. Жуков отвечает, что конструктивно это сделать можно, причем прямо на местах хранения, не возвращая ЯБП на завод. А я объясняю, какие при этом возникают ограничения режимов применения. А. Д. требует подтвердить это документально. По нашим отчетам, которые приносят, несмотря на довольно поздний час, показываем конкретно, что и как.

А. Д. говорит мне: «Пишите проект соответствующего “Решения...”, учите его наизусть и звоните жене, пусть готовит свежую рубашку не мешкая, полетим в Москву».

В аэропорту А. Д. по своему удостоверению Героя Социалистического Труда «выбивает» три билета на ближайший рейс — пора-то летняя, свободных билетов не бывает. Ранним утром мы (А. Д., я и Жуков) оказываемся в Москве. Несмотря на напряженность ситуации, Александр Дмитриевич предлагает позавтракать, что оказывается весьма кстати: ведь поужинать накануне нам не удалось.

В министерстве А. Д. докладывает заместителю министра П. М. Зернову о происшествии и предлагаемых мерах. Зернов задает несколько уточняющих вопросов, с предложениями соглашается и тут же по «кремлевке» звонит заместителю 12-го ГУ МО генералу Никольскому: «Могу я по неотложному делу пригласить вас приехать ко мне?» — и в двух словах объясняет, в чем дело. Никольский соглашается приехать немедленно.

Мне поручается воспроизвести проект «Решения...» и напечатать его за подписями Захаренкова, Зернова, Никольского и главнокомандующего ВВС Главного маршала авиации Жигарева...

306 Тем временем приезжает генерал Никольский, входит в кабинет, здоровается со всеми, а с Зерновым — особенно дружески. Тот кратко вводит в курс дела. Выслушав затем доклады Захаренкова и мой, он соглашается с тем, что ограничения режимов боевого применения незначительны и что на период устранения повреждения с их появлением можно примириться. П. М. Зернов тут же созванивается с главкомом ВВС и поручает А. Д. везти «Решение...», утвержденное им

и генералом Никольским, в штаб ВВС. А. Д. уезжает, а мы с Жуковым остаемся в министерстве, ждем его возвращения. И вот, наконец, уже вечером А. Д. возвращается в МСМ с «Решением...», утвержденным всеми инстанциями и, стало быть, вступившим в силу. Дело сделано.

Сдав документ в первый отдел, возвращаемся в гостиницу. И тут стало видно по лицу А. Д., что у него отлегло от сердца. Если с самого прошлого вечера у него был очень озабоченный вид, то теперь он улыбался с явным выражением облегчения. И стало мне понятно, как тяжела «шапка Мономаха».

Вспоминается эпизод, имевший место на авиационном полигоне при испытании одной из авиабомб на взрывобезопасность. Суть этого испытания состояла в том, что бомбу сбрасывали с некоторой высоты на бетонную площадку, чтобы убедиться, что бомба при этом не взрывается. А в техническом описании авиабомбы указано, что бомба взрывоопасна при несоблюдении правил обращения с ней, в частности, при падении. Представители «заказчика», т. е. военная часть комиссии, руководившей испытаниями, хотела иметь в техническом описании запись противоположного содержания, т. е. что бомба при падении на бетон (имелось в виду — при срыве её с бомбодержателя, с высоты около 5 метров) безопасна.

К возражениям разработчиков эта военная часть комиссии прислушиваться не хотела, дожидались приезда А. Д., а когда он прилетел на полигон и появился в комиссии, очень активно напали на него с этим вопросом.

Помнится, день был летний, жаркий, А. Д. сидел за столом в белой рубашке с короткими рукавами, положив руки на стол перед собой. Спокойно, даже улыбаясь, выслушал заявления военных и так же спокойно, не меняя выражения лица, ответил примерно так: «Мы постарались сделать бомбу безопасной при правильном обращении с ней и даже при некоторых нарушениях наших правил. Положительный результат испытания на взрывобезопасность при падении говорит о том, что при случайном падении бомба не взрывается, но это не значит, что с ней можно обращаться, как с поленом, бросать её как попало и куда попало. Иногда стреляет и незаряженное ружье. А взрывчатое вещество требует деликатного обращения, поэтому в техническом описании эта запись останется». И шуточно пояснил примером: «Вот как, например, если бы кто-нибудь из вас упал с третьего этажа и, к счастью, остался цел, то ведь из этого факта никто не сделал бы вывода, что это во всех случаях абсолютно безопасно». Председатель комиссии как-то сокрушенно покачал головой и промолвил: «Н-н-да, возразить нечего».

Когда я в 1969 году готовился к защите диссертации, А. Д. — уже в ранге заместителя министра — согласился быть моим оппонентом. Защита шла благополучно, но вдруг мужчина, вошедший в зал вместе с Захаренковым и сидевший рядом с ним, (тогда я не знал, что это был новый секретарь горкома КПСС В. Д. Тарасов) спросил: «А что в этой работе нового?» Я от неожиданности опешил, возникла тишина, и в этой тишине прозвучал голос Захаренкова: «А здесь

Захаренков Александр Дмитриевич

всё новое и всё важное». После этой реплики никаких вопросов больше не было. Положительное решение ученого совета нашего института было единогласным.

О. И. Чудесников

Разработка первого снаряда с ядерным зарядом для меня началась в 1965 году. Ни один отдел не соглашался вести конструкторские работы по составным частям системы автоматики, работающей в условиях физических факторов и механических нагрузок, соответствующих выстрелу из восьмидюймовой гаубицы.

Александр Дмитриевич Захаренков понимал, что есть некий психологический барьер и требуется проведение огромного объема предварительных научно-исследовательских работ. Но времени для этого не было. Проектирование надо было начинать немедленно.

Вызвав к себе В. С. Чефранова, он достал из сейфа папку и спросил, узнает ли он её? Чефранов ответил, что это его диссертация, на которую он ждет скорейшего отзыва. А. Д. заявил, что отзыв будет только в том случае, если через две недели у него на столе будут лежать ТЗ на все приборы системы автоматики.

Пробежали дни этих двух бурных недель. В результате ударной работы были написаны проекты ТЗ на все приборы для всех вариантов, а диссертация В. С. Чефранова получила положительный отзыв. Вскоре он успешно защитился.

Из этого примера следует, что Александр Дмитриевич, при необходимости, не стеснялся применять и нестандартные, но полезные для дела методы организации работ..

Представляет интерес и один из немногих (если не единственный) случаев, когда с мнением А. Д. Захаренкова не согласилось вышестоящее начальство. Было это во время его работы главным конструктором в КБ-1.

К нам на предприятие впервые приехал генеральный конструктор выстрела В. С. Кренин — небольшого роста, плотный мужчина с бритой головой. Кончилось совещание в КБ-2. Перешли в КБ-1. Сидят за столом по разные стороны две команды. Во главе одной — В. С. Кренин, во главе другой — еще более мощный, крупный, главный конструктор-разработчик ЯЗ А. Д. Захаренков. В. С. Кренин требует показать ему как генеральному конструктору всё, в том числе и устройство ЯЗ. А. Д. Захаренков говорит, что устройство ЯЗ он никогда не увидит. Зависает тишина... Так проходит несколько минут. Затем В. С. Кренин требует дать ему доступ к «вертушке» спецсвязи. Несколько минут говорит и молча садится за стол. Минут через восемь звонок из Москвы от заместителя министра МСМ. Выслушав, А. Д. побагровел и приказал принести необходимый чертеж. Затем сухо распрощались, и команда Кренина убыла в Москву. Потом выяснилось, у Кренина еще со времен войны были хорошие связи в ЦК партии. Всесильная партия через нашего заместителя министра выдала управляющий импульс...

Ю. Ф. Титаренко

...Потрясающую, уникальную рабочую атмосферу на Урале создавал Александр Дмитриевич Захаренков — в ту пору главный конструктор института по разработке ядерных боеприпасов.

Попробую рассказать о том, чем в основном отличался Александр Дмитриевич от других руководителей, а мне есть с кем сравнивать: я работал с пятью главными конструкторами.

За 15 минут до начала рабочего дня в кабинете Александра Дмитриевича собирались все, кому надо было встретиться в этот день по какому-либо вопросу с Главным. Обычно было около 15 человек — от начальника сектора до инженера. А. Д. подвигал к себе перекидной календарь, брал ручку и каждый, начиная с младшего по должности, коротко докладывал по существу вопроса. Александр Дмитриевич делал короткую отметку в календаре и отвечал: «Иди, работай, я тебя вызову». Человек спокойно работал, уверенный, что звонок секретаря, на ответственной должности которого работала Клавдия Александровна Климакова, последует обязательно. Я не знаю других случаев, когда любой сотрудник мог бы попасть в кабинет главного конструктора и решить вопрос, не теряя лишней минуты своего рабочего времени.

Главной фигурой в создании изделия Александр Дмитриевич считал конструктора. Всех молодых конструкторов он брал под личную опеку, несмотря на то, что с нами много и плодотворно работали наши непосредственные начальники. В моем случае это был Леонид Дмитриевич Ивановский. У А. Д. для этого была целая система. Непосредственным исполнителем письма, касающегося изделия, должен был быть конструктор. Он требовал, чтобы с письмом к нему приходил только конструктор изделия, и только один. Причем письмо должно было быть полностью оформленным для подписи со всеми визами. Никаких предварительных обсуждений с ним текста письма или чтения черновика письма он не допускал. Читая письмо, Главный задавал самые неожиданные вопросы, связанные с существом затрагиваемого в письме вопроса и, если конструктор не мог ответить, подписав письмо, звонил одному из завизировавших письмо начальников, пеняя ему, что тот плохо подготовил исполнителя для похода к Главному. Очень нехорошо чувствовал себя после этого исполнитель, хотя, казалось бы, к нему претензий никто не предъявлял. Такая организация работы с Александром Дмитриевичем заставляла молодого специалиста трудиться в поте лица и стараться знать не только то, что непосредственно связано с конструкцией изделия.

Александр Дмитриевич периодически при случае задавал молодым конструкторам «стратегические» вопросы, связанные с изделием, и отвечать «не знаю» никому не хотелось. Несколько раз я был свидетелем, как, отправляя в командировку на фирму разработчика носителя опытного специалиста, Александр Дмитриевич говорил: «Возьми с собой такого-то, познакомь со всеми, в следующий раз пошлем его одного». Впоследствии молодой специалист убеждался, что личные контакты со специалистами фирмы-смежника существенно облегчали выполнение командировочного задания.

Но самые незабываемые, интересные и крайне полезные для последующей работы конструктора знания и впечатления я получал «из первых рук», присутствуя на совещаниях у Александра Дмитриевича при обсуждении принципиальной электрической схемы ядерного боеприпаса. Выбор именно этой схемы определял безопасность изделия и надежность его работы при боевом применении. Подготовка к совещанию всегда проходила по такому сценарию. Готовились независимые друг от друга две команды из разных отделов. Одна команда состояла из сотрудников схемного отдела, который был создан специально для этой работы. Это был их хлеб. Конкурировали с ними три сильных специалиста — «свободных художника» из отдела, который занимался другими задачами. Конкурирующие стороны постоянно имели свободный доступ к работе друг друга. Все присутствующие на совещании могли задавать и задавали докладчику любые вопросы, причем Александр Дмитриевич задавал всегда свои вопросы последним. Начинал доклад всегда представитель схемного отдела. Он подробно описывал, к каким командам носителя, в каком месте траектории его полета есть возможность «привязаться». Приводил подробный анализ преимуществ и недостатков этих команд для надежности работы на траектории нашего изделия и его безопасности. Словом, подробно и аргументировано доказывал преимущества выбранной его отделом принципиальной электрической схемы. Выступающий после него конкурент камня на камне не оставлял от предложенной схемы. Предлагал свою схему и тоже, подробно аргументируя, доказывал ее преимущества. На наших глазах разворачивалась битва мысли, интеллекта, глубоких профессиональных знаний, по ходу которой буквально рождались остроумные, наиболее взвешенные и оригинальные решения. В ходе обсуждения мнения конкурентов начинали сближаться. Уважение вызывала глубина профессиональных знаний участников «битвы», позволяющая обойти множество «подводных камней» и создать электрическую схему изделия максимально надежной и безопасной. По окончании дискуссии Александр Дмитриевич спрашивал каждого участника, начиная с младших по должности, какая, по его мнению, схема должна быть принята. В заключение выносил свой «приговор». Обычно процентов на 80–85 принималась схема головного отдела с включением в нее наиболее интересных предложений «свободных художников». Конструктор испытывал чувство причастности к созданию совершенного изделия, ощущал ясный смысл своей работы, был подготовлен и стремился при создании конструкции, используя полученные знания, включить весь свой творческий потенциал.

310 Осознанию личной причастности молодежи к общему делу способствовала и возможность для каждого желающего сотрудника КБ-2 ежедневно в шесть часов утра участвовать вместе с руководством, включая Александра Дмитриевича, в зарядке на берегу озера. Зарядка оканчивалась 20-минутным футболом. Играли очень азартно, с силовыми приемами. Никто никому не уступал, невзирая на чины и звания. Всем хотелось начать новый день с победы. Случались и падения, оканчивающиеся легкими травмами руководителей. Однажды утром прихожу

Захаренков Александр Дмитриевич

в кабинет одного из замов Александра Дмитриевича за визой на письмо. С криком «И он еще думает, что я поставлю визу!» тот выскочил из-за стола и начал поднимать брючину. Задрал ее до колена, начал демонстрировать царапины, замазанные зеленкой. Я действительно с ним столкнулся утром в борьбе за мяч. Только подумал: «Вот, попал!», как все рассмеялись. Зная, что я с утра зайду к нему, присутствующие договорились разыграть меня.

Когда я в своей книге «Апостолы атомного века» цитировал Е. Н. Аврорина: «...вообще-то на руководителей Челябинску-70 повезло. У нас не было высокопарных людей, руководители жили в коллективе. Много внимания уделялось образованию, воспитанию сотрудников — атмосфера работы творческая, интересная...», то всей душой соглашался с ним, имея для себя в виду прежде всего Александра Дмитриевича, так как непосредственно с ним работал два года. Был свидетелем внедряемой им философии: творчество, надежность, безопасность. Если использовать терминологию «апостолов», Александр Дмитриевич, несомненно, является равноапостольским чином.

*Ф. К. Щёлкин
(из книги «Они были первыми». ВНИИТФ, 2007)*

Зырянов Семен Алексеевич

26.02.1909—03.03.1991

Первый главный бухгалтер института;
участник Великой Отечественной войны;
член ВКП(б) с 1944 года.

- 1928 — рядовой колхозник в колхозе им. Свердлова, дер. Баксказык.
- 1930 — счетовод-бухгалтер, старший бухгалтер главпочтамта,
г. Свердловск.
- 1931 — окончил курсы счетоводов, там же.
- 1932 — окончил три курса рабфака связи, там же.
- 1933 — слушатель подготовительных курсов
Финансово-экономического института, там же.
- 1934 — старший бухгалтер горкомхоза, там же.
- 1937 — окончил курсы бухгалтеров, там же.
- 1938 — главный бухгалтер областного отдела здравоохранения, там же.
- 1941 — окончил четырехгодичные курсы главных бухгалтеров при ЦСУ
г. Свердловска.
- 1941 — служба в действующей армии на фронтах Великой
Отечественной войны.
- 1945 — главный бухгалтер райпромкомбината городского управления
местной промышленности, г. Свердловск.
- 1951 — главный бухгалтер Уральского химзавода, г. Свердловск-45.
- 1954 — заместитель главного бухгалтера завода «Электрохимприбор»,
там же.
- 1955 — главный бухгалтер НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1985 — пенсионер.

Награжден орденами: «Знак Почета» (1969), Трудового Красного Знамени (1981), Отечественной войны 2-й степени (1985); медалями: «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За трудовую доблесть» (1962), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1975), многими юбилейными медалями. Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

— Ну вот теперь виновата будешь ты. Зачем кричала?

— Семен Алексеевич! Да ведь это он начал: вбежал в кабинет, кричит...

— Вот если бы ты не встряла, он бы выкричался, ушел, и потом ему стыдно было бы за этот крик, а теперь виновата ты.

Это диалог Семена Алексеевича Зырянова с его подчиненной. Он преподавал ей урок, запомнившийся на всю жизнь. С тех пор она ни разу ни на кого не повысила голос...

Семен Алексеевич корит ее за несдержанность. Он говорит тихо, спокойно, ярко выраженным уральским говором, словно кружево плетет. Сам он светлосолосый, крупный, широкий в плечах. Смотрит на собеседницу небольшими внимательными и добрыми глазами и как бы улыбается. Он сидит в кресле. Его большие руки покоятся на подлокотниках. На рабочем столе порядок, всё необходимое — под руками: справочники, документы. Он — главный бухгалтер нашего института со дня его основания, с 10 марта 1955 года. Работал в этой должности до самого ухода на пенсию 30 декабря 1985 года.

Родом Семен Алексеевич из Зауралья (деревня Баксказык Уксянского района Курганской области). Родился 26 февраля 1909 года в семье крестьянина. Родной отец Семена Алексеевича рано умер, и воспитывали племянника брат отца с женой. Вот их он тоже почитал за родителей. Старожилы города помнят, как жила у него в семье старушка, которую все уважали, умерла она в глубокой старости, в возрасте 87 лет. Это была вторая его мать, та, что вырастила Семена.

Он жил и работал в деревне до восемнадцати лет. Потом женился на односельчанке Анисье Емельяновне. В это же время колхоз откомандировал их в Свердловск, где Семен Алексеевич обучился бухгалтерскому делу и работал на предприятиях связи, в горкомхозе и облземуправлении счетоводом, бухгалтером. Одновременно учился на рабфаке связи (окончил три курса), на подготовительных курсах в институт, а в 1941 году, перед войной, окончил четырехгодичные курсы главных бухгалтеров.

Началась Великая Отечественная война. Этот сугубо штатский человек с первого дня войны оказался на фронте, в действующей армии. Он служил в авиации на Западном, Калининском и Первом Украинском фронтах. Много раз был

Зырянов Семен Алексеевич

ранен, контужен. Получил две боевые награды — медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

На фронт Семен Алексеевич ушел, оставив в Свердловске жену с тремя маленькими детьми. Эта неграмотная женщина сделала все, чтобы дети не голодали, учились в школе, были обуты, одеты. На зиму делала заготовки: грибы, ягоды из леса. Сажали картошку. В общем — выжили. Семен Алексеевич вернулся с фронта только в ноябре 1945-го. И всю жизнь он помнил эту страшную войну, она ему часто снилась.

После войны работал главным бухгалтером Свердловского городского управления местной промышленности. В 1947 году произошло прибавление в семье Зыряновых — родился сын Леонид.

В апреле 1951 года по решению Свердловского обкома КПСС Семен Алексеевич был направлен на работу в систему Министерства среднего машиностроения в Свердловск-45 (ныне г. Лесной). Там, будучи главным бухгалтером, он познакомился с Дмитрием Ефимовичем Васильевым, директором предприятия. Дмитрий Ефимович, переходя на новую работу в наш институт, позвал с собой и Зырянова. Он знал, что с таким главбухом ему будет надежно. Оговорюсь сразу: все директора нашего института безоговорочно доверяли Зырянову.

Так Семен Алексеевич приехал в будущий Снежинск. Он с первых дней принимал непосредственное и активное участие в становлении института и городских служб. Приходилось искать деньги, заботиться об их эффективном использовании, чтобы и институт нормально развивался, и были бы обеспечены всем необ-

С. А. Зырянов и руководитель материальной группы Н. П. Москаленко

ходимым детские сады, школы, жилищно-коммунальные службы, больницы... Он понимал, что город и институт — это единое целое, и поэтому делал всё, чтобы можно было держать город на плечах института.

Семен Алексеевич был новатором в работе. Сознавая, что наш институт необычный, со сложной структурой, где сосредоточены и научные, и конструкторские, и экспериментальные подразделения, и производство, он с первых дней закладывал основы финансовой деятельности, учета (и не только драгметаллов и спецпродукции), использовал передовой опыт и новейшие методы. А еще Семена Алексеевича по праву можно назвать отцом механизации в бухгалтерии, потому что он с первых дней начал развивать вычислительную базу, понимая, что такой огромный и сложный механизм не может существовать без информационно-вычислительного бухгалтерского центра. В бухгалтерию института постоянно поступала новейшая техника, её изучали и осваивали работники бухгалтерии. Через короткое время в составе бухгалтерии уже действовала машинно-счетная станция (МСС).

Под началом Семена Алексеевича коллектив работал в постоянном поиске новых методов учета и его автоматизации, непрерывно совершенствуя вычислительный процесс. Он стремился к тому, чтобы работники МСС и бухгалтерии понимали друг друга и взаимодействовали, поэтому и бухгалтеры изучали машины, их возможности. Под его руководством были разработаны инструкции, по которым бухгалтерия ВНИИТФ работала долгое время. Так он создал централизованную бухгалтерию и сделал всё для того, чтобы его служба работала четко, без ошибок, помогала другим подразделениям.

В Министерстве его уважали. Он был членом методического совета Министерства по бухгалтерскому учету, внес большой личный вклад в совершенствование организации бухгалтерского учета, его методологии в отрасли. Наша бухгалтерия считалась в отрасли лучшей.

У Семена Алексеевича был непререкаемый авторитет — не по должности, а по праву. К нему шли за советом все руководители института, с его мнением считались. Со всеми службами института он жил в мире. Очень много вопросов решал сообща с плановым отделом. Любил говорить: «Главный бухгалтер — это государственный контролер». И сам был именно таким: берег государственную копейку, потому что для него государственное было народным.

Он был бухгалтером от Бога. Бухгалтер настолько высокой квалификации, что в цифрах отчетов он буквально чувствовал ошибки и быстро находил их. Ошибки своих подчиненных воспринимал с улыбкой. Огорчался, конечно, а работнику, допустившему оплошность, становилось стыдно. В таких случаях Зырянов говаривал: «Вот... хорошо... ошибку в отчете сделала... Теперь пешком пойдешь в Москву исправлять...».

К подчиненным Семен Алексеевич был требователен, но и защищал их. Особенно когда руководители подразделений пытались оказывать давление на

ревизоров бухгалтерии. Он как бы прикрывал их своей широкой спиной. Правда, справки своих ревизоров читал внимательно, дотошно выясняя всё до мелочей. Иногда говорил ревизору: «Ты уж... так уж... постарайся не обижать».

Семен Алексеевич был хорошим психологом: терпеливый, никогда не кричал, даже голос не повышал. У него всегда был ровный тон. Надо отметить, что руководил он коллективом, где работали преимущественно женщины. Иногда и пошумят. А он в таких случаях говорил: «Вот пойдешь, подумай, а потом придешь». И успокаивались, и стыдно было, и потом уже не шумели. Зырянов играл большую роль в создании нормального психологического климата в коллективе. Если начинали возмущаться, что в других отделах работы меньше, неизменно отвечал: «Ты не знаешь, что они делают. А ничего не делать еще тяжелее».

А какую мудрость он проявлял при обсуждении вопросов! Свою точку зрения оставлял на конец. Все мнения терпеливо выслушивал, даже абсурдные. Потом ненавязчиво предлагал решение. И оно было, как правило, единственно верным. Бывали случаи, когда он ошибался, но ошибки свои признавал всегда. Бухгалтеры, работавшие с ним, считают его своим учителем не только в профессии, но и в жизни. Он учил их профессиональной этике бухгалтера. Он воспитал целую плеяду специалистов высокого класса. Это его заслуга, что подчиненные любили свою работу.

У Семена Алексеевича не было часов приема посетителей. К нему можно было прийти в любое время. Его подчиненные шли к нему и по производственным вопросам, и по личным. Он никому не отказывал и, если имел возможность, помогал. Он уважал людей независимо от ранга и положения.

Зырянов был широко образованным человеком. Много читал, особенно книги по философии. И если его поражала какая-либо мысль, он не знал покоя, обсуждая ее, удивляясь.

В семье заправляла его жена Анисья Емельяновна. В квартире у них была простая мебель. В день восьмидесятилетия Семена Алексеевича сотрудники бухгалтерии шли к нему домой с поздравлениями. Их приходу он был очень рад. Активно интересовался, как дела на работе. Просил их спеть, с удовольствием подхватывал песню. И в этом возрасте у него сохранялся живой ум, свежая память.

За большой вклад в обеспечение четкой работы института, в выполнение важнейших задач правительства Семен Алексеевич Зырянов удостоен высоких государственных наград. Его портрет неоднократно оказывался на Доске почета института, в книгу «Заслуженные ветераны города» занесено его имя. Он много занимался общественной деятельностью. Избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся, где, используя свой опыт, внес большой вклад в социально-экономическое развитие города.

О Семене Алексеевиче Зырянове мне рассказали Нинель Александровна Андришина, Нина Григорьевна Ахлюстина, Анастасия Александровна Костырева, Галина Наумовна Лифанова, Светлана Владимировна Таширова, Василий Георгиевич Щекалёв. Все они говорили о нём с теплотой и уважением.

Много интересного о Семене Алексеевиче и его семье рассказала Ирина Евгеньевна, вдова младшего его сына Леонида. Рассказала, что Семен Алексеевич в 1977 году перенес инфаркт. И еще о том, как на него после его ухода на пенсию свалились все болезни сразу. Стал быстро сдавать и через три с лишним года ушел из жизни. Случилось это 3 марта 1991 года.

Еще рассказала Ирина Евгеньевна, что Семен Алексеевич был предан своей семье, вырастил детей, поддерживал внуков. Уважал жену, не обижал, ценил ее труд. Величал ее по имени и отчеству. А жена его была мудрой женщиной. Вела все хозяйство, в доме всегда были достаток, чистота и порядок. Мужа она звала Сёмой. «Я своего Сёму и зимой кормлю свежими помидорами», — говорила она, показывая на помидорный куст, что рос на окне зимой. Вместе они вырастили четверых детей, вынянчили шестерых внуков.

Семен Алексеевич был честным, порядочным человеком. Коммунистом с большой буквы. Он наивно удивлялся людской подлости, непорядочности. И в 80 лет не мог смириться и привыкнуть к этому.

Очень скромный, не требующий внимания к своей персоне, он и жил скромно. У него не было сада, не было машины. Не было роскошной мебели, дорогой одежды. Даже зарплата у него была скромная, и только за семь месяцев до увольнения (в связи с уходом на пенсию) Министерство установило ему достойную его должности зарплату. Но у него есть дети, внуки, ученики, которые помнят и любят его. И все, кто когда-либо с ним общался, вспоминают Семена Алексеевича с уважением.

Воистину — большое видится на расстоянии. И в сравнении.

Э. В. Каюрова

Из воспоминаний

С Семеном Алексеевичем Зыряновым меня связывают долгие годы совместной работы. Наше знакомство состоялось практически в первые дни его появления в институте (тогда говорили «на объекте») в марте 1955 года. Он приехал из Свердловска-45, а я был переведен в институт из расформированной Лаборатории «Б», в которой занимался бухгалтерским учетом с 1949 года. И до 1980-го, пока я не ушел на пенсию, он был моим бессменным руководителем. Да и жилье мы получили в одном доме. Смело могу сказать, что повезло мне и с начальником, и с соседом.

Доброжелательный, спокойный, он никогда ни на кого не повышал голоса, даже если обнаруживал ошибки, неточности в документах. Укажет на оплошность, даст время на исправление, а если нужно, и сам поможет разобраться. Никогда, как говорится, не стоял над душой, не понукал, а сроки отчетности

Зырянов Семен Алексеевич

не нарушались, все задания выполнялись вовремя. Особой строгости за ним не водилось, но порядок во всем был у нас в бухгалтерии образцовый.

Был у него любимый конек — механизация и автоматизация бухгалтерского учета. Своими новаторскими идеями он сумел заразить и руководство института, и работников бухгалтерии. В результате Зырянову удалось организовать в составе бухгалтерии машиносчетную станцию. А это была большая работа по приобретению необходимой техники, по её освоению и внедрению.

Семен Алексеевич много читал, постоянно интересовался новинками технической литературы по своей специальности и все новое старался применять на практике. Дома он собрал большую личную библиотеку. Как-то предложил мне выбрать что-нибудь почитать, но мне пришлось отказаться. «Что так?» — удивился он. Несколько смутившись, я попытался оправдаться: «Я люблю художественную, а здесь одна философия...» — «Великие люди. Их надо знать», — сказал он с улыбкой.

По-соседски могу сказать, что Семен Алексеевич был замечательным семьянином. Очень он любил свою Анисью Емельяновну. Везде и всегда вместе — хоть в кино, хоть в театр... А то сядут в автобус (своей машины у него никогда не было), доедут до последней остановки на улице Морской и в лес — за грибами. Поговорить любил о сельском хозяйстве, сказывались деревенские корни, иногда вспоминал войну — мы оба с ним фронтовики. Удивительной скромности был человек — орденов и медалей, даже боевых, не носил, служебной машиной, положенной ему по штату, пользовался в исключительных случаях. Именно за такие качества, как скромность, честность, порядочность, обстоятельность, доскональное знание своего дела, уважали его и подчиненные, и руководство. На этих качествах и держался его авторитет».

В. Г. Щекалёв

В бухгалтерский отдел управления института я пришла в 1959 году ученицей оператора МСС. Коллектив был в основе своей молодой. Семен Алексеевич Зырянов, человек не равнодушный по своей природе, к нам относился по-отечески: заботился, интересовался нашими проблемами, настроениями, когда надо, пожурит, уму-разуму поучит. Собирал нас у себя в кабинете, делился планами дальнейшей механизации учетных работ. В результате нас, молодых операторов, распределили по группам бухгалтерии, где мы изучали бухгалтерские документы, чтобы обрабатывать их на машинах не просто автоматически, а реально представляя, понимая суть обрабатываемой информации. Так как механизация бухгалтерского учета постоянно совершенствовалась, внедрялись современные машины, требовался более грамотный персонал. Семен Алексеевич настраивал нас на учебу, и мы, благодаря ему, почти все пошли учиться — кто в техникумы, кто в институты. Он был прав, в жизни нам всё это очень пригодилось.

Г. А. Саламатова

В 2007 году исполнилось 50 лет со времени создания МСС бухгалтерии, ставшей основой ИВЦ управления института. За этот период сменилось четыре поколения счетных машин: со счетно-текстовых через перфорационные и электронные перешли на персональные компьютеры. Под руководством С. А. Зырянова приобретали новую технику, осваивали и внедряли на предприятии решение многих экономических задач. В этих целях велась постоянная работа по обучению коллектива отдела. Ездили на учебу в Свердловск, Москву, Ленинград, Вильнюс, а также за опытом на крупные заводы Свердловска и Челябинска. Коллективы бухгалтерии и МСС были в постоянном поиске новых технологий, улучшающих обработку экономической информации. Результат такой работы — первое место в соревновании по образцовой постановке бухгалтерского учета среди предприятий главка в течение восьми лет.

При решении ключевых вопросов учета Семен Алексеевич выслушивал мнение подчиненных (вызывал для обсуждения человек пять), потом принимал свое решение, отличное от других. При этом, если оказывался неправ, то не боялся признать свои ошибки.

Он имел пытливым ум. Приведу такой пример. Изначально первичные данные для бухгалтерского учета переносились с документов на машинные носители информации централизованно на МСС. Зырянов предложил перенос информации выполнять на рабочих местах самими бухгалтерами. Для этого каждая бухгалтерская группа была оснащена одним-двумя перфораторами. Оказалось, что отсутствие нужного опыта у сотрудников, недостаток технических средств усложнили и удлиннили процесс подготовки машинной информации. Опыт в то время, можно сказать, не удался, но он стал прообразом теперешней организации автоматизированного рабочего места бухгалтера, работающего на ПК.

Следует сказать, что Семен Алексеевич не был догматиком. Как-то на совещании по учетным работам в Обнинске (вел его А. Д. Захаренков) начальник лаборатории вычислительной техники министерства А. И. Чистяков в ходе доклада выдвинул лозунг «Выжмем всё от перфорационной техники!». Раздались одобрительные аплодисменты. Аплодировал и Зырянов. Вскоре объявили перерыв на обед, в течение которого я вела «воспитательную работу» со своим начальником: «До каких пор мы будем маяться с ненадежной техникой? Нам надо электронную!»

После перерыва доклад делал Зырянов. Закончил он его такими словами: «Даешь бухгалтерскому учету современную быстродействующую вычислительную технику!» Зал аплодировал стоя.

А еще Семен Алексеевич постоянно заботился о работниках отдела, об их обустроенности в быту. Говорил: «Мы с комбатом на фронте поклялись помогать детям погибших фронтовиков». По нашему мнению, он свое обещание выполнил.

А. А. Костырева

Зысин Юрий Аронович

05.01.1917–25.10.1978

Специалист в области ядерной физики; кандидат технических наук (защита состоялась в 1944, звание присвоено в 1946), доктор физико-математических наук (1956), профессор (1958); лауреат Сталинской (1953) и Ленинской (1963) премий; участник Великой Отечественной войны.

1934 — студент Ленинградского государственного университета.

1939 — служба в Красной Армии, затем аспирант Института химической физики АН СССР, г. Ленинград.

1941 — служба в Красной Армии.

1943 — старший инженер НИИ-160, г. Москва.

1946 — старший научный сотрудник лаборатории № 2 АН СССР (ныне ИАЭ им. Курчатова), там же.

1949 — старший научный сотрудник Лаборатории измерительных приборов АН СССР, там же.

1950 — старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, заместитель начальника сектора, заведующий лабораторией, начальник отдела КБ-11, г. Арзамас-16.

1960 — заместитель научного руководителя — начальник сектора НИИ-1011, г. Челябинск-70.

Награжден орденами: Ленина (1954), Трудового Красного Знамени (1956, 1971), «Знак Почета» (1962); медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1967), «За доблестный труд.

В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970),
«30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975).
С 1998 лучшие работы молодых сотрудников РФЯЦ – ВНИИТФ
в области экспериментальной физики отмечаются премией
им. Ю. А. Зысина.

Первое, что бросалось в глаза при знакомстве с Ю. А. Зысиным, это природная воспитанность, вежливость и деликатность в обращении с людьми. И это не случайно, отец его, Арон Григорьевич, происходил из среды петроградской интеллигенции, был образованным и высококультурным человеком. До революции служил помощником присяжного поверенного, позднее заведовал юридическим отделом в Ленинградском Дворце труда. Мать, Екатерина Захаровна, по национальности болгарка, происходила из крестьян. Ряд лет она преподавала в школах для взрослых, впоследствии не работала, всю себя отдавая воспитанию детей и внуков. Юрий Аронович очень любил свою маму, всегда с нежностью и теплотой о ней отзывался, и говорил, что именно она помогла ему выбрать дорогу в жизни.

Родился и вырос Юрий Аронович в г. Петрограде (ныне г. Санкт-Петербург). Здесь же он после окончания 9 классов школы в 1934 году поступил на физический факультет Ленинградского государственного университета. Его выбор, возможно, определили ядерные семинары, которые он периодически посещал, будучи школьником старших классов. Эти семинары проводились в Ленинградском физико-техническом институте под руководством И. В. Курчатова.

Выполняя дипломную работу в Ленинградском радиовом институте, которая была посвящена измерению гамма спектра ThC-методом совпадений, Юрий Аронович ближе познакомился с И. В. Курчатовым, который проводил исследования на созданном под его руководством первом советском циклотроне.

После окончания университета и вплоть до 1945 года жизнь Юрия Ароновича протекала как в калейдоскопе. В 1939 году он был призван в армию и участвовал в действиях по воссоединению Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР в качестве командира взвода зенитного дивизиона. Звание младшего лейтенанта он получил, пройдя военную подготовку в университете. После демобилизации, через полгода, он поступил в аспирантуру при Институте химической физики АН СССР, где работал вместе с Я. Б. Зельдовичем и опубликовал совместно с ним свою первую статью «К теории развала ядер».

Началась Великая Отечественная война. Уже в конце июня 1941 года Юрий Аронович был в действующей армии. В качестве командира взвода, позднее командира зенитной батареи участвовал в боях под Ригой, Псковом, Старой Руссой, за Бологое. Зенитные батареи в начале войны били не только по самолетам, чаще — по пехоте и танкам противника, так что приходилось очень туго. В январе

Зысин Юрий Аронович

1943 года Юрий Аронович был отозван из армии как научный работник и работал в Москве на военном заводе по созданию первых советских радиолокационных станций для артиллерийских систем. В 1944 году защитил кандидатскую диссертацию.

В конце 1945 года Ю. А. Зысин встретился с И. В. Курчатовым, который его узнал, расспросил о делах и предложил принять участие в работе над новой проблемой. Юрий Аронович с готовностью согласился и в ноябре 1945 года был принят в Лабораторию № 2 (ЛИПАН, ныне ИАЭ им. Курчатова).

В апреле 1950 года он был переведен в КБ-11, где вскоре возглавил научную группу молодых физиков-экспериментаторов. Здесь раскрылись способности Юрия Ароновича как талантливого изобретательного ученого и хорошего организатора научной работы. Сказалось, что к этому времени Юрий Аронович прошел большой и сложный жизненный путь, хотя ему было только 33 года. Зысинская группа занималась ядерно-физическими исследованиями, связанными с разработкой первого термоядерного заряда, так называемой «сахаровской слойки». Изучалась кинетика нейтронных процессов на специальных сферических сборках, моделировавших состав и геометрию термоядерного заряда, изучались процессы на легких ядрах, а также радиохимические методы определения мощности термоядерного заряда при взрыве. В это время Юрию Ароновичу приходилось часто контактировать с А. Д. Сахаровым, по заданиям которого работала эта группа и которому крайне нужна была экспериментальная информация, в результате у них сложились хорошие деловые и личные отношения. Их семьи общались между собой.

Юрий Аронович был очень общительным человеком, его дом был всегда открыт для друзей и знакомых, для тех, кто хотел обсудить какую-либо проблему или просто посоветоваться. Обстановка всегда была непринужденной, гостей обязательно приглашали к столу. Иногда беседа шла у мольберта, где хозяин работал над очередной картиной. После этого играли обязательно две-три партии в шахматы.

Как известно, этот ответственный и напряженный период работы для многих групп исследователей, конструкторов, испытателей и рабочих завершился успешным испытанием 12 августа 1953 года первой советской водородной бомбы РДС-6. Многие были награждены высокими правительственными наградами.

Группа Зысина внесла большой вклад в эту работу. Результаты исследований Юрий Аронович изложил в своей докторской диссертации и успешно защитил её в 1956 году. Через два года ему было присвоено звание профессора. В 1953 году Юрий Аронович стал лауреатом Сталинской премии СССР, в 1954 году он был награжден орденом Ленина.

В период написания диссертации и после её защиты Юрий Аронович продолжал интенсивно работать над совершенствованием и созданием новых физических методик. В частности, им совместно с О. К. Сурским было обнаружено явление дисперсии нейтронов в плотной плазме ядерного взрыва и на этой основе разра-

ботана методика регистрации температуры горения газа (РТГ) в термоядерных зарядах.

Начиная с 1954 года Юрий Аронович совместно с А. И. Павловским занимался разработкой безжелезного бетатрона, не имевшего аналогов в мировой практике, с повышенной интенсивностью излучения. За эту работу Ю. А. Зысину, А. И. Павловскому и другим товарищам в 1963 году была присуждена Ленинская премия. В это же время в соавторстве с А. А. Лбовым и Л. И. Сельченковым им была написана книга, посвященная выходам осколков деления и их распределению по массам, которая в 1964 году была переиздана в США.

В сентябре 1960 года Ю. А. Зысин был переведен в уральский институт-полюс на должность заместителя научного руководителя института и начальника физического сектора. В РФЯЦ – ВНИИЭФ остались его ученики, многие из которых впоследствии стали крупными учеными-ядерщиками, организаторами новых научных направлений. Это, прежде всего, А. И. Павловский – начальник физического сектора РФЯЦ – ВНИИЭФ и заместитель научного руководителя института (впоследствии академик), А. А. Лбов, О. К. Сурский, Г. Антропов, Л. И. Сельченков и другие.

Период руководства Ю. А. Зысина физическим сектором отмечен интенсивным развитием подразделения как в территориальном, материальном так и научном направлениях. Значительно возросла роль сектора в основной тематике института. Одним из основных начинаний Юрия Ароновича стало создание физико-экспериментальной базы, состоящей из новых физических установок, моделирующих излучение и процессы в ядерном взрыве, средств регистрации и зданий для их размещения. Велика роль Юрия Ароновича в создании физико-экспериментальной базы.

С именем Ю. А. Зысина связано развитие новых научных направлений:

- создание импульсных ядерных реакторов;
- разработка методик измерения параметров ядерного взрыва;
- создание на основе взрывающихся проводников мощных импульсных ускорителей электронов (ИГУР) – установок нового класса, способных генерировать мощные электронные пучки и тормозное излучение в мегаэлектронной области энергии гамма-квантов;
- развитие исследований электровзрывающихся фольг (ЭКАП) для моделирования ядерных взрывов с выбросом породы, а впоследствии изучения гравитационного турбулентного перемешивания различных жидкостей с неустойчивой границей раздела;
- развитие мощных лазерных установок на неодимовом стекле и проведение на них экспериментов по сжатию микросфер с ДТ-газом.

По-видимому, благодаря широкой эрудиции и научной интуиции Юрия Ароновича почти все направления исследований, начатые при нём, сохранили до настоящего времени свою актуальность и получили дальнейшее развитие.

Зысин Юрий Аронович

Юрий Аронович не забыл, какую роль в его жизни сыграл И. В. Курчатов. По его инициативе, при активном участии Г. П. Ломинского в 1975 году в честь 20-летия ядерного центра на Урале на 20-й площадке был установлен монумент всемирно известному ученому-физику, научному руководителю Советского атомного проекта академику И. В. Курчатову, выполненный уральским скульптором А. С. Гилёвым. (Подобные памятники воздвигнуты в Озёрске и на Семипалатинском полигоне.)

Помимо основных обязанностей в секторе Юрий Аронович вел большую научно-организаторскую и общественную работу: он руководил институтской аспирантурой, число аспирантов в которой год от года росло и требовало постоянного к ним внимания, да и сам Юрий Аронович всегда имел нескольких аспирантов. Под его непосредственным руководством были защищены более 30 докторских и кандидатских диссертаций.

Юрий Аронович неоднократно читал лекции по отдельным проблемам физики в вечернем отделении МИФИ-6 и являлся профессором кафедры физики этого института, выступал с лекциями по линии общества «Знание». Возможно некоторые помнят его последнюю лекцию в ДК «Октябрь» о становлении советской физики и выдающихся физиках нашего времени.

Много внимания уделял Юрий Аронович проведению семинаров в секторе. Однако он считал, что основными должны быть отдельные и лабораторские семинары по специфическим частным вопросам, а секторские семинары следует проводить эпизодически с тщательным выбором тематики при высокой квалификации докладчика и хорошей его подготовке, чтобы доклад был одинаково интересен и специалисту, и человеку, мало знакомому с излагаемой темой. Многим памятен его последний семинар о перестраиваемых лазерах, который он проводил, когда болезнь его немного отпустила, и который вызвал живейший интерес у слушателей.

Не все, наверное, знают, что помимо многих своих положительных качеств, Юрий Аронович был еще самобытным художником, хотя никогда и нигде не учился живописи. Его картинная галерея насчитывает около двух десятков картин на разнообразные темы, и, как ни странно, основной темой картин является одиночество. Это: «Один в ночном лесу», «Фигура под фонарем», «60 лет», «Победитель». Одна из картин посвящена А. Д. Сахарову, с которым, как я говорил, их связывала дружба. Почти всю картину занимает яркий взрыв и его творец, стоящий раскинув руки, пораженный случившимся.

324 К 1975 году состояние здоровья Юрия Ароновича резко ухудшилось. Один раз его пришлось увезти на «скорой» прямо с работы — обострилась ишемическая болезнь сердца. Сказались очень напряженная и ответственная работа, частые командировки, в том числе и на полигоны, и то, что Юрий Аронович не следил за своим здоровьем, очень часто забывая об обеде, задерживаясь на рабочем месте допоздна. Но главное — он был очень эмоциональным и чувствительным человеком, до болезненного остро реагировал на неординарные события, а их

в последние годы было у него немало: смерть матери и отца, гибель В. Н. Коннова и Ю. П. Милованова в результате аварии на ФКБН и другие.

В конце октября 1978 года он выехал в командировку в Москву, где в ФИАН 25 октября состоялось очень долгое и утомительное совещание по лазерной проблеме, хотя врачи ему не советовали. После его окончания, уже вечером, Юрий Аронович поехал на такси домой. По дороге у него случился сильный сердечный приступ, и он скончался, не доехав до больницы.

Похоронен был Юрий Аронович 30 октября 1978 года на Ново-Кунцевском кладбище в Москве. Там же похоронены многие его соратники по РФЯЦ — ВНИИЭФ и РФЯЦ — ВНИИТФ: Б. Г. Музруков, С. Б. Кормер, В. А. Давиденко, В. И. Карякин, Г. П. Ломинский, А. Д. Захаренков. Там же в 1986 году была похоронена и его жена Ирина Ивановна.

Юрий Аронович прожил немного, в день смерти ему шел только 62-й год. Жизнь его была не простой, яркой, полноценной, буквально насыщенной историческими событиями.

В здании, недалеко от кабинета, где Юрий Аронович проработал много лет, установлен его бюст, созданный его другом, известным уральским скульптором А. С. Гилёвым. В г. Снежинске по ул. Гречишникава на доме № 5 установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1965 по 1978 год жил видный ученый, лауреат Ленинской и Государственной премий Ю. А. Зысин. 1917–1978 гг.». В РФЯЦ — ВНИИТФ им. акад. Е. И. Забабахина учреждена премия имени Ю. А. Зысина. Она ежегодно присуждается молодым авторам за лучшую работу по экспериментальной физике.

И. С. Погребов

Из воспоминаний

Мое знакомство с Юрием Ароновичем Зысиным началось еще в Сарове, но эту дату я точно не помню. Было несколько возможностей нам познакомиться. Во-первых, я дружил с Сашей Павловским со дней моего приезда в Саров. Павловский работал в отделе Зысина. Наверняка, и я бывал здесь и мог познакомиться с Юрием Ароновичем. Во-вторых, я был аспирантом заочной аспирантуры, и мне предстояло сдавать экзамен по диалектическому и историческому материализму. Этот же экзамен собралось сдавать несколько аспирантов и соискателей, и среди них была Ирина Ивановна Наумова, жена Юрия Ароновича. Это была вторая возможность для знакомства с ним. В-третьих, Юрий Аронович собирался переезжать на новый объект, на Урал и в связи с этим он обратился к директору вечернего отделения МИФИ с просьбой подобрать лектора вместо него. Юрий Аронович лекции читал блестяще. Он знал и любил физику. Он же посоветовал директору пригласить прочитать курс лекций Павловского. Но ему предстояло

Зысин Юрий Аронович

возглавить отдел, из которого уезжал Зысин, и совмещать две должности: лектора и начальника отдела — было трудно. Не помню, как до меня дошла просьба директора. Мне читать лекции, и особенно после Юрия Ароновича, очень не хотелось...

В 1961 году и меня перевели в НИИ-1011. В зданиях и коттеджах площадки 21 (пос. Сунгуль) располагалась основная часть сотрудников физического сектора, которым руководил Юрий Аронович. В коттеджах в то время жили Забабахины и Зысины.

Юрий Аронович, кроме общего руководства физическим сектором, совместно с Юрием Александровичем Романовым и Львом Петровичем Феоктистовым интенсивно занимался проблемами действия излучений ядерного взрыва на материалы и элементы конструкций. В 1961 году в нашем институте началась подготовка к физическому опыту, в котором предполагалось изучить действие жесткого рентгеновского излучения на различные вещества. Такой опыт был проведен под землей в штольне в феврале 1962 года. Результаты полностью подтвердили эффективность разрушающего действия жесткого рентгеновского излучения. За эту работу Юрий Аронович Зысин был удостоен Ленинской премии.

Следом опять же в нашем институте в конце 1962 года была начата подготовка к проведению следующего физического опыта. В это же время между тремя державами СССР, США и Великобританией начались переговоры о запрещении ядерных взрывов в трех средах, которые закончились в 1963 году подписанием московского договора. В этот год никаких ядерных испытаний ни в одной из стран не проводилось.

Планируемый физический опыт был проведен в марте 1964 года в штольне. Научное руководство им осуществляли Зысин и Романов. Значение этого опыта тоже было отмечено присуждением Ленинской премии В. З. Нечаю, А. С. Ганееву, И. М. Израилеву, К. К. Крупникову, Б. А. Предеину и А. В. Лучинскому.

В конце 1964 — начале 1965 года. Забабахины и Зысины переехали жить в коттеджи. Наша семья тоже переселилась в половину коттеджа на ул. Гречишниковой, в доме № 7. В другой половине рядом с нами стали жить Санины.

Семья Зысиных состояла из шести человек: Юрия Ароновича, его жены Ирины Ивановны, матери Юрия Ароновича и их детей Ирины, Ярослава и Наташи. Жить в новом доме, как говорил Юрий Аронович, было удобно, за исключением того, что и ему, и Ирине Ивановне пришлось ездить работать на 21-ю площадку.

В 1964 году началась подготовка к разработке совершенно нового типа физического опыта, предложенного Львом Петровичем Феоктистовым. Целью была проверка возможности и последствий возбуждения термоядерных реакций в дейтерии и тритии. Мишенями для этих опытов должны были явиться металлические шары, заполненные тритием и дейтерием. Работы по изготовлению таких шаров проводились в физическом секторе на 21-й площадке. В них активное участие принял Юрий Аронович Зысин. Эта сложная работа сблизила нас. Мы и наши сотрудники: С. В. Хлебцев, А. С. Красавин, Е. Н. Аврорин, А. К. Хлебников и дру-

гие, работали в те дни помногу, задерживаясь иногда до глубокой ночи и возвращаясь домой в моем переполненном нашими сотрудниками автомобиле. Обо всем этом когда-нибудь будет свой рассказ. Скажу только, что опыт прошел в феврале 1965 года успешно и стал началом разработки и военных и промышленных изделий. В создании их Юрий Аронович Зысин участвовал творчески и результативно.

В 1972 году с 21-й площадки начался переезд во вновь строящиеся здания 20-й площадки физического сектора. Для Зысина наступили особо горячие дни. Дня не проходило, чтобы ему не надо было решать сотни разных вопросов, начиная с дебатов со строителями и кончая физическими пусками новых установок. Но это были приятные хлопоты: на глазах сотрудников физического сектора росла и совершенствовалась 20-я площадка. Летом 1975 года здесь был сооружен памятник Игорю Васильевичу Курчатову, творение скульптура Александра Семеновича Гилёва, созданное по инициативе Ломинского и Зысина. Каждый из них вложил в этот прекрасный памятник частицу своей души. Он стал неотъемлемой частью 20-й площадки, на которой было решено много сложных и важных проблем при обязательном участии Юрия Ароновича в исследовательской, партийной и воспитательной работе.

Мой рассказ был бы неполным, если я бы ничего не написал о художественном таланте Юрия Ароновича Зысина. Он говорил мне, что карандашные зарисовки он делал еще на фронте. В это время он находился в болотах под Тихвином, командуя батареей 76-миллиметровых пушек. Иногда Юрий Аронович рассказывал о том времени, о тяжелых боях в 1941—1942 гг., где фашисты пытались развить наступление на Ленинград. Со временем карандашные зарисовки Юрия Ароновича превратились в его картины маслом, сохранившие эмоциональность и правдоподобность происходивших событий военных лет. Некоторые из этих картин произвели на меня сильное впечатление. Они были написаны, в основном, в мрачных тонах, словно их автор старался сохранить настроения того времени.

В творчестве Юрия Ароновича нашли отражение ужасные картины ядерных испытаний. Ему довелось участвовать в ядерном испытании РДС-6с, первом термоядерном взрыве 12 августа 1953 года. Это испытание поразило не только Зысина, но и Андрея Дмитриевича Сахарова. Одна из картин Юрия Ароновича изображала Сахарова с высоко поднятыми руками на фоне ядерного взрыва. Андрей Дмитриевич нарисован спиной к зрителю, но вся его фигура, словно, кричит и проклинает это адское творение. Юрий Аронович хотел, чтобы эта картина всем напоминала о недопустимости мировой ядерной войны.

Третьим направлением творчества Юрия Ароновича была тема одиночества. Чаще всего он рисовал бредущего ночью под дождем человека, низко опустившего голову, с глубоко засунутыми в карманы пальто руками и поднятым воротником. Над ним горит единственный фонарь. Человек один. Дождь, пустота и тоска одиночества. Такую картину Юрий Аронович подарил мне в 1976 году. Мне кажется, что такое настроение возникало у него нередко.

Дома с друзьями за дружеским столом это был интересный и яркий собеседник, отзывчивый на шутки и розыгрыши. Как-то к нему пришел Александр Сергеевич Козырев. Ему довелось приехать в наш город, и он не мог пропустить возможности встретиться с другом. Они и меня пригласили на ужин. Ирина Ивановна накрыла стол, и мы сели вокруг него. Козырев достал из портфеля три бутылки коньяка с разными этикетками. Попробовав из каждой бутылки, Юрий Аронович стал горячо расхваливать армянский коньяк, но после двух-трех рюмок Козырев объявил, что перед тем, как идти к другу, он смешал все три коньяка. Смеялись все: и Зысин, и мы. Дружеская шутка обиды не вызывает.

Не могу не рассказать об отношении Зысина к своему автомобилю. Он был одним из первых автолюбителей Сарова. В отпуске он с Ириной Ивановной любил съездить куда-нибудь, поближе к обжитым местам. Но к автомобилю Юрий Аронович относился как к вещи, которая его обслуживает, а не он её. В нашем городе, как и во всех других, всегда находились мастера, способные хорошо отремонтировать любой автомобиль. Не знаю, как получилось так, что некто Михалыч приходил к Зысину и говорил, что автомобиль нуждается в ремонте. Иногда в этом была необходимость, а иногда была необходимость выпить Михалычу. Естественно на деньги Зысина. Тот не выяснял, исправна или нет автомашина, а платил столько, сколько называл Михалыч. Я думаю, что Юрий Аронович догадывался о слабости мастера и потакал ей.

Однажды мне пришлось привозить на буксире его автомашину. Юрий Аронович о её поломке догадался лишь после того, как от какой-то рытвины мотор сдвинулся с подушек и вентилятором прорезал радиатор. Юрий Аронович на попутной машине добрался до меня и попросил оказать ему помощь. Я привез на буксире автомашину Юрия Ароновича. Что тут скажешь? Не повезло.

Летом 1977 года физический сектор устраивал свою местную спартакиаду. В ней активно участвовал Юрий Аронович. В январе ему исполнилось 60 лет, и он стал жаловаться на недомогания. Его чем-то лечили, и после этого он почувствовал себя в добром здравии. На спартакиадах, да еще местных, все хотят друг перед другом отличиться. Юрий Аронович сказал, что он будет участвовать в забеге на 100 метров. Когда-то он увлекался спринтерским бегом и показывал неплохие результаты. В этот раз его забег был неудачным: пробежав метров шестьдесят, он вдруг упал, как подкошенный, лицом вниз. К нему бросились, подняли. Он еле держался на ногах, лицо и колени оказались сильно ободранными. Вскоре появилась скорая помощь, и Юрия Ароновича увезли в больницу. Я к нему заходил несколько раз и узнал, что сердце его стало работать не так, как прежде. Осенью Юрий Аронович с Ириной Ивановной поехали в крымский санаторий «Горный», куда приехал и я. Зысины нашей встрече очень обрадовались, и мы очень хорошо отдохнули. Разве знаешь, кому и сколько остается жить? Жить же Юрию Ароновичу оставалось около года.

22 или 23 октября 1978 года Юрий Аронович возвращался с какого-то московского научного собрания. Как потом выяснилось, оно затянулось. В помещении

было сильно накурено, душно и, как часто бывает на продолжительных собраниях, очень утомительно. Юрий Аронович сказал кому-то, что пойдет пешком до ближайшей станции метро. Он не дошел до нее: его нашли без сознания на улице. Скорая помощь привезла его в 1-ю Градскую больницу. Тут же позвонили Ирине Ивановне. Она приехала, но вскоре Юрий Аронович скончался. Врачи были уже бессильны.

Последнее прощание с Юрием Ароновичем состоялось в Доме ученых Курчатова института. Собралось много знакомых и незнакомых, чтобы проститься с ним. Я тоже был там. В зале прощания я заметил Георгия Александровича Цыркова и подошел к нему. Через некоторое время кто-то стал пробираться к гробу. Это был Андрей Дмитриевич Сахаров, с которым был дружен покойный. Это было время перед горьковской ссылкой Сахарова. Цырков, увидев пробирающегося к гробу Сахарова, стал прятаться за спинами других людей, говоря при этом, что ему не хочется здороваться с Сахаровым. А тот и не думал вступать в объяснения. Прошел к Ирине Ивановне с родственниками, присел рядом с ней, тихо сказал ей слова соболезнования. Сахаров поехал и на кладбище, где сказал теплые слова о хорошем человеке Юрии Ароновиче Зысине. Говорил какие-то слова и Цырков: начальник не мог не сказать прощального слова. Так выявляется, кто есть кто.

После похорон Ирина Ивановна с детьми переехала жить в Москву, где у Зысиных была квартира. Ирина Ивановна стала работать в Курчатовском институте. Выросли дети. Не стало и Ирины Ивановны. Но многие помнят о Юрии Ароновиче Зысине — ученом, физике, художнике и прекрасном человеке.

Б. В. Литвинов

С приходом Юрия Ароновича жизнь сектора закипела: начались разработки ядерных реакторов БАРС, ИГРИК, ЭБР, в подземных испытаниях ядерных зарядов коллектив занимал ведущее место, развернулись работы в радиохимическом комплексе по изучению свойств делящихся материалов, разрабатывались мощные ускорители электронов для получения рентгеновского излучения. Но он уже в то время смотрел далеко в будущее.

Когда в конце 1960-х годов в мире появилась идея ЛТС — лазерного термоядерного синтеза, Ю. А. Зысин решил подключиться к этой проблеме. В первых оценках лазерное излучение с энергией 1 кДж, обжимая термоядерное горючее, приводило к появлению термоядерной реакции. Была построена установка лазерного микровзрыва — ЛМВ-1, а затем — ЛМВ-2. Однако первоначальный оптимизм быстро исчез. Энергия вспышки неуклонно росла, достигала десятков мегаджоулей, но термояда не было. Юрий Аронович к концу жизни разочаровался в ЛТС, по крайней мере понял, что ЛТС, как, впрочем, и широко разрекламированные токамаки, не решает проблемы глобальной энергетики в той степени, как это спекулятивно представляют его авторы.

Зысин Юрий Аронович

Физико-экспериментальное отделение при Ю. А. Зысине в своей деятельности достигло наибольших успехов. Выполнялись на высоком научном уровне все заказы, связанные с испытаниями зарядов, проводились исследования по их радиационной стойкости, разрабатывались лазеры с ядерной накачкой, изучалось гравитационное турбулентное перемешивание и еще многое-многое другое. Кроме того, отделение взрастило целую когорту кандидатов и докторов наук, появились лауреаты Ленинской и Государственной премий. А вот термояд, к сожалению, Юрию Ароновичу получить так и не удалось, эта его мечта так и не осуществилась.

Как память о Юрии Ароновиче Зысине храню его картину «Нелетная погода» — аэропорт, многолюдная площадь перед зданием аэровокзала, дождь. Есть в ней что-то символическое, может быть, надежда по продолжение полета.

А. С. Ганеев

Руководителем нашей группы¹ был замечательный человек и талантливый ученый Ю. А. Зысин, с которым в последующие годы меня связывала дружба. Это был изобретательный человек, имевший склонность к научной фантастике, что, по-моему, импонировало Андрею Дмитриевичу [Сахарову]. У него с Юрием Ароновичем сложились не только деловые, но и личные отношения. Общались они и семьями. Неоднократно я встречался с Андреем Дмитриевичем и Клавдией Алексеевной в гостеприимном доме Зысиных, где собирались Я. Б. Зельдович, В. Ю. Гаврилов, Ю. А. Романов, Б. Д. Сциборский и другие. Обстановка была непринужденная — скромное застолье, дискуссии, игра в шахматы...

Как говорят, «каков поп, таков и приход», и, действительно, в нашей группе собрались очень хорошие, способные ребята, с которыми у Андрея Дмитриевича быстро установились рабочий контакт и товарищеские отношения.

Андрей Дмитриевич тепло вспоминал о нашей группе: «Сотрудники Зысина работали посменно, но, зная о моем приезде, они все собирались, и мы, не спеша, в очень дружеской и спокойной обстановке обсуждали результаты экспериментов. Уезжал я от них обычно в 9 часов вечера...»

В то напряженное время очень важно было создать спокойную, непринужденную обстановку обсуждений. Такие качества Андрея Дмитриевича, как умение слушать собеседника, с уважением относиться к мнению других и не навязывать своего мнения, способствовали этому, а его спокойный характер уравновешивал повышенную эмоциональность Юрия Ароновича. Обычно встреча начиналась с обсуждения результатов измерений и программы ближайших экспериментов и заканчивалась, как говорил Андрей Дмитриевич, «трепом на общие темы...»

¹ Небольшая группа экспериментаторов, в которой я работал в период 1951–1953 гг., состоявшая в основном из молодых специалистов (самому старшему — ее руководителю было 33 года), занималась ядерно-физическими исследованиями, связанными с разработкой первого термоядерного заряда.

Сегодня трудно себе представить, как смогла сравнительно небольшая группа молодых людей, только пришедших со студенческой скамьи, справиться со столь большим объемом измерений, выполненных в течение примерно двух лет. При этом следует иметь в виду, что параллельно с измерениями велась очень большая работа по созданию экспериментальной базы исследований. По сегодняшним меркам, этой работы хватило бы коллективу отделения и не на один год. Программа работ нашей группы включала измерения констант элементарных частиц ядерных процессов, проведение экспериментов по изучению кинетики нейтронных процессов в специальных сборках, моделирующих структуру и геометрию термоядерного заряда, изучение процессов на легких ядрах и ряд других вопросов, а также развитие радиохимического метода определения мощности термоядерного взрыва. Выполнение этой программы потребовало громадных усилий. Повседневный, самоотверженный труд в те годы был смыслом существования участников работы.

Существенную роль играл психологический фактор — мы были убеждены в важности и жизненной необходимости того дела, которым занимались. Эту убежденность разделял и поддерживал Андрей Дмитриевич. Обычно он забирал с собой результаты измерений, и они сразу использовались в расчетах, о чем он нам сообщал при следующей встрече. За ходом работ существовал строгий контроль, так что приходилось отчитываться за каждую константу. Ну и конечно, трудно переоценить роль Юрия Ароновича и Андрея Дмитриевича в том, что в короткий срок им удалось превратить нашу группу в творческий коллектив, способный решать сложные задачи. Это была великолепная школа, в которой, проводя конкретные исследования, мы учились правильной постановке и решению физических задач, приобретали опыт экспериментальной работы.

А. И. Павловский

*(по материалам статьи «Воспоминания разных лет».
Журнал УФН, 1991, май. Т. 161, № 5)*

С самим Зысиным у меня возникли и чисто личные отношения. Наши коттеджи были расположены рядом, и мы дружили семьями — и взрослые и дети. Старший сын Зысина был ровесником моей второй дочери Любы. Для Клавы, оказавшейся на объекте в некотором вакууме, это общение было в особенности важно. Мы часто вместе катались на лыжах. В марте и апреле Юра во время этих прогулок раздевался до пояса и скоро сильно загорал (сохранилась фотография, где мы все, старшие и младшие, только что приехали из леса; Клава и Ирина, жена Юры, со смехом набирают снег для снежков). Юрий Аронович иногда рассказывал о довоенных годах, о войне (он был ее участником) и о первых послевоенных годах в ЛИПАНе.

Однажды он выступил на семинаре в ЛИПАНе с докладом, в котором обосновывался принцип «жесткой фокусировки» при конструировании ускорителей.

К сожалению, специалисты в этой области тогда не оценили его предложения и «доказали», что такого не может быть, потому что не может быть. Сейчас, как известно, строительство больших ускорителей немислимо без использования принципа жесткой фокусировки, во много раз уменьшающего сечение вакуумной камеры, а значит — вес магнита и стоимость (при нынешних масштабах речь идет о многих десятках миллионов рублей, если не много больше).

Я написал (к сожалению, не оставив себе черновика) записку Н. С. Хрущёву и передал ее по рядам. В записке, насколько я могу восстановить ее содержание по памяти через 20 лет, было написано:

«Товарищу Н. С. Хрущёву. Я убежден, что возобновление испытаний сейчас нецелесообразно с точки зрения сравнительного усиления СССР и США. Сейчас, после наших спутников, они могут воспользоваться испытаниями для того, чтобы их изделия соответствовали бы более высоким требованиям. Они раньше нас недооценивали, а мы исходили из реальной ситуации. [Далее следовала фраза, которую я должен опустить по соображениям секретности.]

Не считаете ли Вы, что возобновление испытаний нанесет трудно исправимый ущерб переговорам о прекращении испытаний, всему делу разоружения и обеспечения мира во всем мире?»

Я поставил подпись — А. Сахаров.

Никита Сергеевич прочел записку, бросил на меня взгляд и, сложив вдоль и поперек, засунул ее в верхний наружный карман костюма. Когда кончились выступления, Хрущёв встал и произнес несколько слов благодарности «всем выступавшим», а потом прибавил: «Теперь мы все можем отдохнуть, а через час я приглашаю от имени Президиума ЦК наших дорогих гостей отобедать вместе с нами в соседнем зале, там пока готовят что надо».

Через час мы все вошли в зал, где был накрыт большой парадный стол человек на 60... Члены Президиума вошли в зал последними, после того как ученые расселись по указанным им местам. Хрущёв, не садясь, выждал, когда все затихли, и взял в руки бокал с вином, как бы собираясь произнести тост. Но он тут же поставил бокал и стал говорить о моей записке — сначала спокойно, но потом все более и более возбуждаясь; лицо его покраснело, и он временами переходил почти на крик. Речь его продолжалась не менее получаса. Я постараюсь воспроизвести ее здесь по памяти, но, конечно, спустя 20 лет возможны большие неточности.

«Я получил записку от академика Сахарова, вот она. [Показывает.] Сахаров пишет, что испытания нам не нужны. Но вот у меня справка — сколько испытаний произвели мы и сколько американцы. Неужели Сахаров может нам доказать, что, имея меньше испытаний, мы получили больше ценных сведений, чем американцы? Что они — глупее нас? Не знаю и не могу знать всякие технические тонкости. Но число испытаний — это важнее всего, без испытаний никакая техника невозможна. Разве не так? [Полностью мою записку Хрущёв не зачитал, так что слушателям моя аргументация не была понятна.] Но Сахаров идет дальше. От техники он переходит к политике. Тут он лезет не в свое дело... Сахаров, не пытайтесь дик-

Зысин Юрий Аронович

товать нам, политикам, что нам делать, как себя держать. Я был бы последний слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров!»

На самой резкой ноте Хрущёв оборвал себя, сказав: «Может, на сегодня хватит...»

...Никто не смотрел в мою сторону. Во время речи Хрущёва все сидели неподвижно и молча. Кто — потупив лицо, кто — с каменным выражением. Микоян наклонил свое лицо низко над тарелкой с салатом, пряча скользкую усмешку, иссиня-черная шевелюра его почти касалась стола...

Лишь один человек после совещания подошел ко мне и выразил солидарность с моей точкой зрения. Это был Юрий Аронович Зысин, ныне уже покойный.

*А. Д. Сахаров
(Воспоминания. В 2 т. М.: Права человека, 1996)*

Иванов Геннадий Алексеевич

25.05.1935–25.05.2003

Специалист в области разработки ядерного оружия; младший научный сотрудник (1963), кандидат физико-математических наук (1972), старший научный сотрудник (1975), доктор физико-математических наук (1988); лауреат Государственной премии СССР (1983); член КПСС с 1981 г.

1954 — студент Московского инженерно-физического института.

1961 — инженер физического сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.

1964 — старший инженер, там же.

1969 — руководитель группы, там же.

1972 — старший научный сотрудник, там же.

1977 — начальник лаборатории, там же.

1996 — начальник научно-испытательного отдела — начальник лаборатории, по совместительству заведующий спецкафедрой экспериментальной ядерной физики Снежинской государственной физико-технической академии.

2002 — главный научный сотрудник.

Награжден нагрудными знаками: «Изобретатель СССР» (1985, 1986), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999).

Геннадий Алексеевич родился 25 мая 1935 года в Ленинграде. Отец его, Иванов Алексей Федорович, оканчивал военное отделение ветеринарного института, и вскоре после рождения сына был направлен к месту службы на границу с Эстонией в Струги Красные, за которыми последовали села Медведь, Боровичи. Затем вместе с воинской частью, где служил Алексей Федорович, семья жила на

территории Финляндии, позже переехали в г. Михайлов Рязанской области, откуда отец ушел на фронт. Мать, Иванова Зинаида Александровна, учительница по образованию, вместе с Геннадием и младшей сестрой Галиной эвакуировалась в г. Новоказалинск Казахской ССР. Там в 1943 году Геннадий Алексеевич пошел в школу. Осенью 1945 года семья переехала к месту службы отца в Литовскую ССР, где в 1954 году Гена окончил Клайпедскую среднюю школу № 2.

Геннадий Алексеевич считал, что основу знаний и интерес к физике «заложили» в нём школьные учителя, такие как Петр Ефремович Смоленчук, преподававший физику, математику и астрономию.

Окончив в 1961 году Московский инженерно-физический институт по специальности «экспериментальная ядерная физика», Геннадий Алексеевич уже 4 апреля был принят в НИИ-1011, и в этом же году он стал участником воздушных испытаний ядерного заряда. В первом в СССР подземном ядерном взрыве Геннадий Алексеевич участвовал в качестве руководителя методики физических измерений.

Далее последовало участие в экспериментах по изучению физики высоких плотностей энергии при ядерных взрывах 1962 и 1964 годов. Тогда же ему удалось доказать полезность метода исследования, получившего в дальнейшем название метода гамма-нейтронных изображений (ГНИ), первые оценки по которому им были сделаны еще во время преддипломной практики в Курчатовском институте.

В дальнейшем под руководством Геннадия Алексеевича было разработано несколько вариантов этого метода, оказавшегося наиболее эффективным при изучении термоядерного горения. Регистрируя изображения узлов ядерно-взрывных устройств (ЯВУ) в термоядерных нейтронах, можно было определять, в каком состоянии находится термоядерное горючее, какая часть его горит, какова степень развития неустойчивостей.

В качестве заместителя председателя госкомиссии по физизмерениям Геннадий Алексеевич принял участие в диагностике при испытаниях многих боеприпасов и в специальных физических опытах. В частности, им была предложена и реализована система диагностики работы большого количества термоядерных мишеней, содержащих малое количество термоядерного горючего. Около десятка его технических решений, устройств, способов диагностики признаны изобретениями, некоторые результаты в области интроскопии опубликованы в открытой печати.

По работам, связанным с применениями метода ГНИ, Г. А. Иванов защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Коллективу руководимых им сотрудников ВНИИП была присуждена Государственная премия СССР за 1983 год. Под его руководством было защищено три кандидатских диссертации. С 1996 года Геннадий Алексеевич по совместительству заведовал кафедрой экспериментальной ядерной физики отделения № 6 МИФИ (ныне Снежинская государственная физико-техническая академия).

В условиях моратория на ядерные испытания Г. А. Иванов руководил работами по ряду тем оружейного и конверсионного направлений. Наибольшую

известность получили работы Геннадия Алексеевича по обоснованию возможности и острой необходимости создания взрывной дейтериевой энергетики (ВДЭ). Суть предлагаемого выхода из глобального энергетического кризиса состоит в использовании полномасштабных (десятки тысяч тонн тротилового эквивалента) взрывов дейтерия, инициируемых небольшим количеством энергии урана-233. Последний вырабатывается из природного тория, расход которого мал, а человечество окажется обеспеченным энергией на сотни тысяч лет. Энергия взрыва «укрощается» в большом железобетонном котле взрывного сгорания (КВС). Материалоемкость КВС, благодаря разработанной сотрудниками РФЯЦ – ВНИИТФ по предложению Геннадия Алексеевича защитной стенке, в десятки раз меньше, чем в ранее предлагавшихся конструкциях аналогичного назначения. Более того, материалоемкость КВС ниже в несколько раз, чем у ГЭС аналогичной мощности.

Ориентируясь на применение дейтериевых ЯВУ, разработанных ранее в РФЯЦ – ВНИИТФ под руководством Е. И. Забабахина, Е. Н. Аврорина, Б. В. Литвинова, удается (в оценках) добиться высокой экономичности ВДЭ и практической невозможности использования их для военных или террористических целей. Более того, на основе экспериментов с термоядерным горением Г. А. Иванов утверждал, что иным способом в обозримое время человечество вряд ли сможет управлять термоядерным синтезом. В этом ему удалось убедить, прежде всего, многих коллег в РФЯЦ – ВНИИТФ, написавших книгу «Взрывная дейтериевая энергетика» (Снежинск: Изд-во РФЯЦ – ВНИИТФ, 2004). С этим согласны и многие специалисты, знакомые с многочисленными статьями и докладами, представленными при активном участии Геннадия Алексеевича в научных изданиях и СМИ.

В 2001 году разработке «ВДЭ» была присуждена золотая медаль 1-го симпозиума «Инноваций и инвестиций» (медаль ВДНХ). Это вызвало серию положительных откликов во многих научно-популярных изданиях.

Ориентируясь на снижение энергозатрат, «верхние» оценки запасов топлива и возможные новые технические решения, сторонники традиционных направлений утверждают, что успеют предотвратить катастрофу, обеспечат планету энергией на сотни лет. Разбору этих споров, «с цифрами в руках» посвящена значительная часть публикаций Геннадия Алексеевича.

Обладая ярко выраженными чертами лидера с сильным характером, однажды составив о чём-то или о ком-то мнение, Геннадий Алексеевич его редко менял. Он генерировал идеи и сам много делал для их осуществления, при этом крайне редко ошибался, что было, безусловно, результатом высокой образованности, интуиции и большой, не видимой со стороны работы.

Когда его сотрудники ошибались, он не делал выговоров, не высказывал упреков, просто вместе с ними старался исправить ситуацию. Если уже было поздно что-либо исправлять, делал всё возможное, чтобы уменьшить ущерб от ошибки, в том числе и моральный. Все его действия были направлены на получение успешного результата и сохранение престижа коллектива.

Геннадий Алексеевич всегда был доступен для сотрудников. С ним было интересно обсуждать самые разные вопросы, и не только производственные. Суждения его всегда были убедительными и оригинальными. Так же выступал он и при обсуждении докладов на конференциях. Он вдруг врывается в сонную атмосферу монотонного доклада неожиданным вопросом или оригинальным замечанием.

Начальником отдела Геннадий Алексеевич стал с 19 января 1996 года. В условиях того времени он пытался, но мало что мог изменить в организации работы отдела. Тогда всю свою энергию он направил на разработку идеи взрывной дейтериевой энергетики, но эта идея оказалась роковой для Геннадия Алексеевича. Он слишком много работал, уже будучи очень больным, несмотря на предостережения коллег: сохранив себя, он мог бы сделать значительно больше.

В заявлении от 25 января 2001 года на имя директора РФЯЦ – ВНИИТФ Г. Н. Рыкованова Геннадий Алексеевич просил перевести его с должности начальника отдела и лаборатории на должность главного научного сотрудника «в связи с неизбежным уменьшением лимита оставшегося времени».

Геннадий Алексеевич Иванов скончался 25 мая 2003 года, так и не осуществив до конца своих идей. После его смерти тема, в рамках которой можно было разрабатывать идею ВДЭ, была закрыта. Лидера, способного продолжить его дело, не нашлось.

А. И. Свалухин

Из воспоминаний

Геннадий Алексеевич Иванов делал дипломную работу в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова по теме электронно-оптических преобразователей. Его оставляли в аспирантуре, но он отказался — хотелось простора для научной деятельности. Не хватало ему простора и в первые годы на Урале, но он нашел свое место в работах по испытаниям ЯЗ: стал вникать в существо вопроса уже на стадии постановки задачи, а не после получения нами, испытателями, технического задания от теоретиков, сам участвовал в написании ТЗ. Он не полностью доверял расчетам теоретиков, поэтому разработал методику гамма-нейтронных изображений. В первом же опыте им было получено изображение, приведшее теоретиков, в том числе Е. И. Забабахина и Л. П. Феоктистова, в шок. Возражая Г. А. Иванову, многие пытались найти недостатки методики, доказать её ошибочность, но он выстоял: методика ГНИ стала стандартной и применялась почти во всех подземных испытаниях.

Г. А. Иванов постоянно думал о возможности использования ядерных взрывов для получения энергии. Когда начались работы по ЛТС, он, как и многие ученые, заинтересовался вопросом: а какая минимальная энергия лазерного излучения необходима для зажигания малых количеств термоядерного горючего? Он был

одним из инициаторов и главным исполнителем опыта, в котором энергия ядерного взрыва на несколько порядков была большей, чем энергия самых мощных лазерных установок мира. Она использовалась для получения горения термоядерных мишеней, предназначенных для ЛТС. Результат был полностью отрицательным: малые количества термоядерного горючего не хотели выдавать термояд даже при неограниченно большой энергии облучения. На этом можно было бы закрыть проблему УТС — управляемого термоядерного синтеза (так начали называть все работы, включая ЛТС, в которых делались попытки получить термояд практически в лабораторных условиях) как неразрешимую.

Однако к этому времени уже был разработан «чистый» заряд для мирных целей, в котором основная энергия взрыва получается на основе термоядерной реакции при горении чистого дейтерия. Для зажигания дейтерия использовался ядерный заряд (запал) малой мощности с плутонием. Сразу же после первых испытаний были предприняты попытки использовать атомный взрыв для получения энергии. Большой объем работы в этом направлении проделали ВНИИЭФовцы и американцы. Но до реальных проектов дело не дошло.

«Чистый» заряд, разработанный под руководством Е. Н. Аврорина, несколько раз испытывался, был использован для прокладки канала Печора — Волга. Таким образом, была полностью решена проблема зажигания дейтерия (именно дейтерия!), количество которого в составе обыкновенной воды неограниченно, а не дейтерий-тритиевой смеси, как это предполагается во всех программах УТС. Но она была решена взрывным (и только взрывным!) способом, с использованием в качестве запала ядерного заряда.

Человечество давно и пока безуспешно занимается поисками альтернативных видов энергии, взамен исчезающих нефти и газа. Многими учеными, и нами в том числе, подсчитано, что такие виды энергии, как солнечная, гидравлическая, ветровая, могут покрыть лишь малую часть потребности всё растущего населения Земли. Единственной альтернативой традиционным источникам энергии, по мнению Геннадия Алексеевича, является взрывная дейтериевая энергетика. Он первым высказал эту идею и начал действовать. Появилось понятие КВС — камера взрывного сгорания, в которой взрывались дейтериевые заряды мощностью несколько десятков килотонн. Он организовал инициативную группу, в состав которой вошли Н. П. Волошин, А. С. Ганеев, Ф. П. Крупин, С. А. Кузьминых, Б. В. Литвинов, А. И. Свалухин и Л. И. Шибаршов. В 1996 году была выпущена книга (на правах рукописи) указанных авторов «Взрывная дейтериевая энергетика», а в 2004 году — ее официальное переработанное издание.

338 В течение последних 10–15 лет Г. А. Иванов ездил по всей стране, включая Государственную Думу, многие институты и предприятия, устраивал семинары, в том числе с участием иностранцев, везде разъяснял, агитировал, находил единомышленников. Но дело пока стоит на месте. Необходимо политическое решение, а когда оно будет, и будет ли?

Чтобы лучше понять масштабность замысла ученого, еще раз привлечь внимание к предложенной им идее, считаю возможным коротко изложить здесь её суть.

На рисунке показана схема и параметры топливного цикла КВС-10 — камеры взрывного сгорания для зарядов мощностью 10 кт. Камера имеет коническую форму, диаметр нижней части 120 м, высота 250 м. Толщина стенок из стали и железобетона равна 25 м. В момент взрыва вокруг ядерного заряда образуется стена из жидкого натрия, служащая защитной стенкой и теплоносителем. Для этого по всей высоте корпуса КВС расположены накопительные емкости кольцевой формы с натрием при температуре 150°C. Перед взрывом открываются клапаны накопительных колец, под силой тяжести жидкий натрий движется сначала вниз, а затем, выходя в камеру КВС под необходимыми углами, образует фонтаны, которые должны обеспечить суммарную толщину натрия не менее 2 м в любом направлении от точки взрыва. Таким способом образуется защита корпуса от прямого воздействия нейтронов и гамма-квантов. Через несколько минут энергия взрыва полностью передается натрию, его температура по всему объему повышается до 500°C.

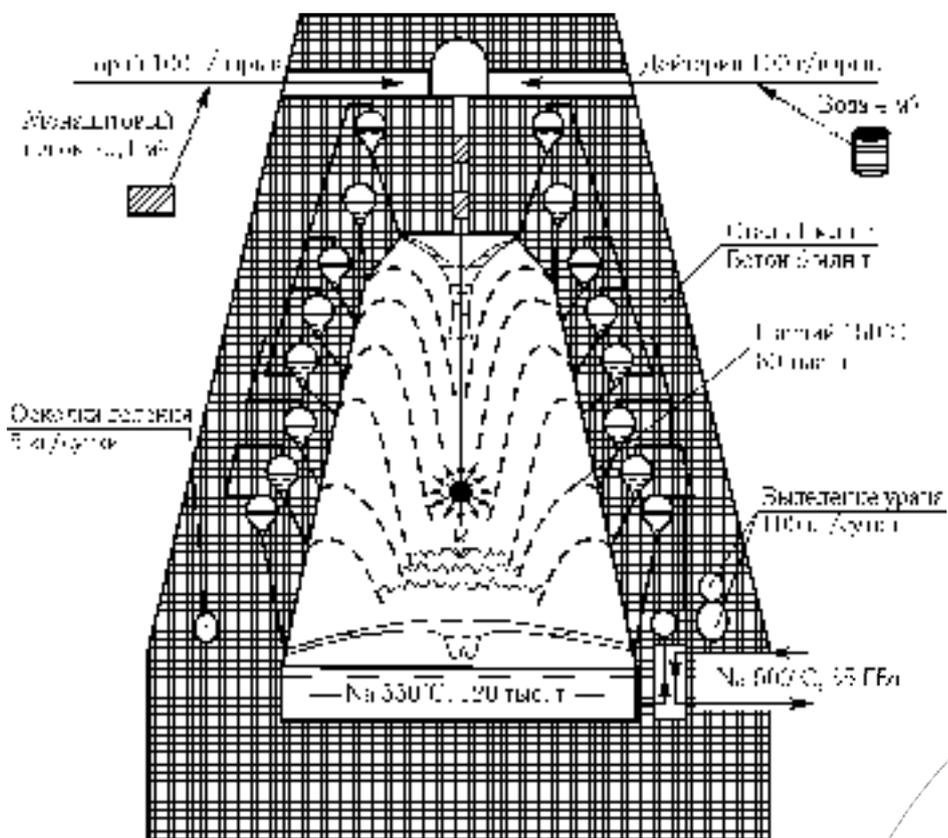

Схема и параметры топливного цикла КВС-10

При взрыве зарядов каждые полчаса мощность КВС-10 равна 30 ГВт. Эта энергия через теплообменники передается обычным паровым турбинам обычных электростанций, вырабатывающих электроэнергию и тепло.

Атомные заряды собираются прямо на месте внутри камеры через шлюзы. До этого момента они полностью безопасны. При взрыве дейтериевого узла выделяется много нейтронов, которые могут быть использованы для облучения ториевого (Th-232) блока с дальнейшей наработкой делящегося материала (U-233). Полученного таким способом делящегося материала не только хватает компенсировать израсходованную его часть при каждом взрыве запала, но и наработать дополнительные его количества для снабжения вторичных ядерных электростанций. Таким образом, в КВС осуществляется замкнутый цикл. Для строительства и эксплуатации КВС нет дефицитных материалов, поэтому получаемая энергия баснословно дешева.

К сожалению, 25 мая 2003 года Геннадий Алексеевич ушел из жизни. Великолепная работа, мечта его последних лет жизни, осталась сиротой. Потеря для нас, оставшихся в живых, невозполнима.

А. С. Ганеев

Вспоминая сейчас годы общения и работы под руководством Геннадия Алексеевича, особенно четко осознаешь замечательные черты его личности. Конечно, в первую очередь, это — выдающиеся черты незаурядного физика, которые составляли, кажется, самую его суть. Даже в вопросах, далеких от науки, проявлялся «физический» стиль его мышления.

Идеи Геннадия Алексеевича, как правило, сначала воспринимались довольно скептически, поскольку всегда были оригинальны и основывались на глубоких знаниях и таланте, которые не многим даны. Однако время подтверждало его правоту. Так, в частности, было с идеей методики исследований физических процессов при работе узлов зарядов, которая в дальнейшем была отмечена Государственной премией СССР. Трудности постановки этой методики на полигоне казались непреодолимыми, сложные аппаратные разработки — ненадежными и капризными. Проблематичными выглядели сохранение информации после опыта и доставка её из штольни. Однако убежденность Геннадия Алексеевича в своей правоте, оригинальные постановочные решения позволили преодолеть все препятствия и получить много уникальной информации.

Возможно, признание ожидает и взрывную дейтериевую энергетику, обоснованию и пропаганде которой Геннадий Алексеевич посвятил последние годы жизни и к адекватному восприятию которой общество пока не готово.

Работать с Геннадием Алексеевичем было большой удачей, было очень интересно. Он никогда не подчеркивал своего превосходства в опыте и знаниях, на высказанную глупость мог снисходительно промолчать. Его методом руководства были убеждение, анализ проблемы, совместные поиски путей решения. Он ни-

когда не допускал «начальственных» указаний, которые в науке, на мой взгляд, крайне неэффективны.

Многолетняя напряженная работа не могла не отразиться на здоровье Геннадия Алексеевича. К большому сожалению, он слишком рано ушел из жизни.

Я могу только поблагодарить судьбу за многие эпизоды полигонной жизни, за общение с Геннадием Алексеевичем вне работы, которые останутся в памяти навсегда.

А. В. Домбровский

Г. А. Иванов — изобретатель.

У нас, молодых специалистов, пришедших на предприятие в период его расцвета — в конце 1960-х — в начале 1970-х годов — и занимавшихся экспериментальными научными исследованиями, под влиянием старших товарищей складывалось стойкое убеждение, что итогом «настоящей» научной работы является научный отчет, статья в научном журнале, доклад на конференции, диссертация. Технические решения, разрабатываемые для достижения поставленной цели исследований, считались рутинным этапом работы. Отношение к изобретательству в научных кругах можно было оценить как прохладное, поскольку технические разработки представлялись творчеством более низкого уровня. Этот своеобразный снобизм проявлялся, например, в том, что степень кандидата физико-математических наук представлялась гораздо более престижной, чем степень кандидата технических наук.

Такое отношение к изобретательской деятельности в полной мере разделял и Геннадий Алексеевич приблизительно до середины 1970-х годов. Именно в это время в планах появился пункт о проведении патентно-технических исследований по тематике его лаборатории. Можно с уверенностью сказать, что эти исследования, сопровождавшиеся изучением «кухни» технического творчества, знакомством с огромным количеством патентов и авторских свидетельств, помогли Г. А. Иванову изменить взгляды.

Представляется, что Геннадий Алексеевич стал одним из первых среди видных ученых ВНИИТФ, кто в полной мере осознал важность изобретения, как средства вычленив личный вклад каждого автора в разработку, одновременно утвердив мировой приоритет и (что популярно в настоящее время) авторские права.

Г. А. Иванов — автор 9 изобретений, обеспечивающих оригинальное и эффективное решение конкретных проблем исследований. При этом он никогда не занимался изобретательством ради получения очередного авторского свидетельства, но в то же время во все последующие годы, обсуждая с сотрудниками пути решения тех или иных задач, он всегда оценивал возникающие идеи с точки зрения их патентоспособности.

В. М. Попов

Израилев Исаак Моисеевич

20.02.1927–25.07.2005

Физик-экспериментатор, специалист в области создания ядерного оружия, кандидат физико-математических наук (1966), старший научный сотрудник (1971), лауреат Сталинской (1953) и Ленинской премий (1964).

- 1943 – студент Новосибирского инженерно-строительного института.
- 1946 – студент Ленинградского политехнического института.
- 1950 – инженер, старший инженер, младший научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 – научный сотрудник физического сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1963 – руководитель группы отдела электрофизических установок и рентгеновских измерений, там же.
- 1967 – старший научный сотрудник, там же.
- 1970 – заместитель начальника отдела, там же.
- 1973 – начальник лаборатории рентгеновских измерений, там же.
- 1988 – ведущий научный сотрудник отдела рентгеновских и лазерных исследований, там же.
- 2001 – пенсионер.

Награжден медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1985); нагрудными знаками: «Изобретатель СССР» (1983), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999). Его имя занесено в Книгу трудовой славы города (1964) и в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Израилов Исаак Моисеевич родился 20 февраля 1927 года в городе Ишиме Тюменской области в семье врачей. После окончания в 1943 году средней школы г. Новосибирска Исаак Моисеевич учился в Новосибирском инженерно-строительном институте. Однако подлинным его призванием была физика, и после окончания Великой Отечественной войны он перевелся на третий курс физико-механического факультета Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина на кафедру общей и технической физики. Дипломную работу Исаак Моисеевич выполнил в Радиовом институте Академии наук под руководством К. А. Петржака. Темой диплома стало исследование спектра нейтронов Ra-Be-источника с помощью пороговых индикаторов.

После окончания института, получив профессию инженера-физика, в сентябре 1950 года И. М. Израилов был направлен на работу в КБ-11 (Арзамас-16). Здесь он работал под руководством Георгия Николаевича Флёрова, Героя Социалистического Труда, будущего академика АН СССР. К этому времени в СССР уже был испытан в 1949 году первый советский ядерный заряд мощностью около 20 кт, и началась разработка новой, более мощной бомбы с использованием энергии термоядерных реакций. С 1952 года в составе большой группы экспериментаторов во главе с Ю. А. Зысиным Исаак Моисеевич занимался экспериментальной отработкой первой советской термоядерной бомбы. Ему, тогда еще совсем молодому специалисту, было поручено исследование свойств изотопа лития ${}^6\text{Li}$, который рассматривался как перспективный материал термоядерной бомбы, предназначенный для наработки трития (идея В. Л. Гинзбурга). В распоряжении Исаака Моисеевича был кусок ${}^6\text{Li}$ весом около 1 кг, единственный в СССР. Охранялся он офицерским постом.

Во время этой работы у И. М. Израилова состоялись две встречи с И. В. Курчатовым, научным руководителем всего атомного проекта, о которых он вспоминал так: «У меня и Г. П. Антропова были схожие методики измерений. И вот как-то приехали посмотреть на ход работы со «слоистой» И. В. Курчатов с М. Г. Мещеряковым. Мы с Антроповым сидим за регистраторами и устанавливаем детекторы последовательно в разные слои. Курчатов стоит за нашими спинами, смотрит на показания регистраторов и сообщает их Мещерякову: «Миша, левый столько-то, правый столько-то». Мещеряков делит эти две цифры на логарифмической линейке и сообщает результат. Так Курчатов проверял пропорциональность результатов наших измерений в разных местах модели. Следующая встреча была, когда все измерения окончились. Одну и ту же величину для надежности измеряли пять человек пятью методами. Все собрались в кабинете Ю. Б. Харитона, научного руководителя ВНИИЭФ. Присутствовали Курчатов, Харитон, другое научное начальство, и мы (не руководители!) по очереди докладывали о своих методиках и полученных результатах. Игорь Васильевич задавал вопросы по методикам, живо интересовался деталями. Результаты были близкими, в пределах ошибок совпадали, так что всё было хорошо».

Израилев Исаак Моисеевич

По результатам успешных испытаний в августе 1953 года первой модели советского термоядерного заряда РДС-6 (или Сахаровской «слойки») И. М. Израилев получил Сталинскую премию 3-й степени.

В 1955 году правительством СССР было принято решение об организации второго ядерного центра — на Урале. Многие молодые сотрудники КБ-11, увидев перспективы роста на новом месте, решились на переезд. В их числе был и И. М. Израилев. 6 сентября 1955 года он вместе с женой и двумя детьми первым эшелонам прибыл на Урал в поселок Сокол, где уже начинал работать второй ядерный центр — НИИ-1011.

В 1957 году у теоретиков ядерного центра появилась идея использования рентгеновского излучения ядерного взрыва для уничтожения ракет противника. И. М. Израилев стал одним из ведущих физиков-экспериментаторов этого направления работ. Несмотря на то, что рентгеновское излучение было открыто уже более 50 лет (1895 г.), надежных экспериментальных данных по сечениям его взаимодействия с веществом было крайне мало. В отделении экспериментальной физики НИИ-1011, которым руководил тогда Ю. А. Зысин, были организованы широкомасштабные лабораторные исследования взаимодействия рентгеновского излучения с веществом. Были созданы оригинальные рентгеновские установки, детекторы, разработаны методики измерений параметров рентгеновского излучения ядерного взрыва.

В 1962 и 1964 годах в СССР были проведены успешные физические опыты (ФО-10, ФО-14) по измерению спектра рентгеновского излучения ядерного взрыва и его воздействию на материалы ракет и боеголовок. После проведения этих опытов восемь ведущих участников, в том числе и И. М. Израилев, были удостоены Ленинской премии. Результаты научных исследований, полученные при подготовке и проведении этих опытов, легли в основу кандидатской диссертации И. М. Израилева.

Исаак Моисеевич был разносторонним ученым, обладавшим уникальной эрудицией во многих областях физики, химии, техники. Кроме работ, непосредственно связанных с испытаниями ядерных зарядов, он активно занимался исследованиями по проблеме лазерного термоядерного синтеза на мощных лазерных установках СОКОЛ, ПРОГРЕСС, руководил работами по рентгеноструктурным исследованиям интерметаллических соединений урана. По материалам этих работ сотрудниками его лаборатории были защищены кандидатские диссертации. И. М. Израилев — автор многочисленных научных и научно-популярных статей, опубликованных в ведущих физических журналах СССР: «Квантовая электроника», «Журнал экспериментальной и теоретической физики», «Журнал технической физики», «Журнал научной и прикладной фотографии и кинематографии», «Приборы и техника эксперимента», «Наука и жизнь», «История науки и техники», в газетах «Известия», «Наука Урала» и ряде других изданий. Среди научных работ И. М. Израилева есть уникальные статьи, единственные в мире, содержащие экспериментальные данные по взаимодействию рентгеновского излучения

с литием, ураном, торием. Он является соавтором весьма актуального в 1970-е годы прошлого века справочника «Коэффициенты ослабления рентгеновского излучения».

И. М. Израилев был широко эрудированным, с разносторонними интересами человеком. Большой любитель путешествий, он объехал практически весь Советский Союз. Побывал во всех Прибалтийских республиках, в Белоруссии, на Украине, включая Закарпатье. Объехал на машине «Золотое кольцо России» (Суздаль, Владимир и другие города), пушкинские места в Псковской области, летал в Узбекистан (Ташкент, Бухара, Самарканд, Фергана) и Алма-Ату, на теплоходе плавал по Енисею и Волге. С сыном и внуком на машине проехал по Северному Кавказу, Армении, Грузии. Одним из самых интересных путешествий была поездка на Памир. Там автостопом на КАМАЗе он проехал около 2500 км. На пароходе проплыл по всему Байкалу, за минералами ездил на Кольский полуостров, в Восточную Сибирь, в горы Киргизии, бродил по Новой Земле. И, конечно, исходил-исколесил весь Урал.

Главным хобби И. М. Израилева было коллекционирование минералов. Его коллекция включала 330 минеральных видов (всего около 600 образцов). Были очень редкие минералы, даже уникальные, в том числе и полученные по обмену из-за рубежа. Некоторые минералы из его коллекции стоят в витринах Московского минералогического музея им. Ферсмана, в музеях Санкт-Петербурга, Красноярска, Иркутска, Екатеринбурга. В музее Ильменского заповедника (г. Миасс Челябинской области) есть его персональная витрина. Основную часть систематизированной коллекции минералов Исаак Моисеевич подарил геологическому факультету Миасского филиала Челябинского университета. В течение ряда лет он вел для школьников г. Снежинска минералогический кружок. В 2003 году Издательством РФЯЦ – ВНИИТФ (г. Снежинск) была издана его книга «Кристаллы в мире минералов».

И. М. Израилев был высококультурным и образованным человеком. Любил и хорошо знал литературу, живопись, музыку. Игра на рояле была одним из любимых его времяпрепровождений. Богатая домашняя библиотека позволяла ему, уже пенсионеру, с большим удовольствием проводить время за чтением интересных книг.

Н. П. Волошин

Из воспоминаний

Приехал Исаак Моисеевич в том же первом эшелоне в 1955 году, где были и дубненцы, и арзамасцы. Оказалось, что мы в разных местах занимались одним и тем же делом: измеряли сечение деления плутония нейтронами. За эту работу он получил Сталинскую премию в размере 20 тысяч рублей («Победа» тогда стоила

Израилев Исаак Моисеевич

16 тысяч рублей), а я — премию директора в размере 1500 рублей. Сразу после приезда он купил рояль «Steinway», за которым проводил большую часть свободного времени.

Из нас с ним, двух инженеров, была создана группа, в которой первой скрипкой заслуженно стал Исаак Моисеевич. Он обладал широкими познаниями не только в физике, но и во многих других областях науки. Он был подлинно моим учителем. Тематика наших работ была свободная. Сначала мы занимались разработкой методик для нейтронных и гамма-измерений, а потом переключились на изучение мягкого рентгеновского излучения. Напечатали несколько статей в «Журнале технической физики». Одна работа оказалась уникальной: измеренные нами сечения поглощения рентгеновского излучения литием включены во все справочники мира.

После этого мы обратились к зарядной тематике. Совместно с теоретиками была разработана схема опыта для измерения температуры одного из узлов заряда. Для этого предполагалось измерить спектр рентгеновского излучения. Исаак Моисеевич проявил большую активность для включения в план испытаний зарядов опыта ФО-7. Опыт был совместным с ВНИИЭФ. И. М. Израилев встречался с Я. Б. Зельдовичем, получил его «добро», но опыт не состоялся — его сочли неактуальным.

В начале 1960-х годов в нашей жизни произошли большие изменения. Сектор возглавил Ю. А. Зысин. Он приехал из Арзамаса-16 с большими планами. Появились подземные испытания, в которых роль физико-экспериментального сектора вышла на первое место в работах института. Началась эпоха рентгеновской ПРО, что требовало изучения взаимодействия рентгеновского излучения с веществом. Сектору было поручено провести ФО-10, в котором было необходимо измерить спектр рентгеновского излучения и механический импульс, создаваемый этим излучением.

Естественно, Ю. А. Зысин хотел, чтобы эту работу возглавил Исаак Моисеевич, но тот отказался, так как после провала работ с ФО-7 считал, что необходимо заниматься более фундаментальной задачей. Он мечтал иметь свое БОЛЬШОЕ ДЕЛО. К сожалению, до этого дело не дошло. Зысин рискнул поручить руководство работой мне.

Мы с Израилевым сидели в одной комнате, я занимался проблемами ФО-10, он был в курсе моих дел. А дела шли очень тяжело — прежде всего, не хватало исполнителей. В этой обстановке через некоторое время он предложил свою помощь, а потом стал членом группы, где начальником был я. Вот таким образом произошла эта несправедливая рокировка, которая сохранилась и в дальнейшем. Тем не менее Исаак Моисеевич активно участвовал в разработке всех методик измерений для ФО-10, которые мы провели в начале 1962 года, а уже в октябре того же года мы провели рентгеноспектральные измерения при испытании зарядов в космосе (операции КЗ и К4). И. М. Израилев стал начальником лаборатории рентгеноспектральных измерений и возглавлял её в течение долгих лет. Его вклад

Израилев Исаак Моисеевич

во всех наших работах огромен. В 1964 году Исаак Моисеевич стал лауреатом Ленинской премии вместе с В. З. Нечаем, А. В. Лучинским, Б. А. Предеиным, К. К. Крупниковым и А. С. Ганеевым. В 1966 году, разделив наши совместные научные достижения пополам, мы с Исааком Моисеевичем в один день защитили кандидатские диссертации.

Он был разносторонним человеком. Большой любитель музыки, особенно классической. Всех восхищала его коллекция минералов, которую он собирал практически всю жизнь. В 1997 году часть своей коллекции он подарил музею Ильменского государственного заповедника. В помощь коллекционерам самоцветов написал очень полезную книгу «Кристаллы в мире минералов».

Он был и остается моим учителем.

А. С. Ганеев

Каргин Константин Александрович

31.10.1907–02.02.1960

Инженер-строитель; один из первых руководителей уральского ядерного центра; член ВКП(б) с 1944 г. В годы войны житель блокадного Ленинграда.

- 1924 — по окончании 9 классов курсант летной школы, г. Кача.
- 1927 — студент вечернего факультета Ленинградского института промышленного строительства (окончил в 1932).
- 1929 — техник, а затем прораб Управления благоустройства г. Ленинграда, позднее начальник отдела специнспекции Ленсовета по благоустройству.
- 1938 — начальник отдела капитального строительства биологической станции им. И. П. Павлова, пос. Колтуши Ленинградской обл.
- 1941 (1940) — главный инженер строительства электростанций, чуть позже главный инженер треста, во время блокады управляющий и главный инженер (одновременно) треста «Севэнергострой», г. Ленинград.
- 1942 — начальник строительства Средне-Уральской гидроэлектростанции, г. Свердловск.
- 1943 — главный инженер СМУ-1 Наркомата боеприпасов, г. Киров.
- 1944 — заместитель директора института «Ленгипрострой».
- 1948 — заместитель директора завода «Электрохимприбор» по капитальному строительству, Свердловск-45.
- 1955 — заместитель директора НИИ-1011 по капитальному строительству, начальник УКСа, г. Снежинск.

Награжден орденом Красной Звезды; медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Имя К. А. Каргина занесено в Книгу трудовой славы Снежинска (посмертно, 1962).

Константин Александрович Каргин — один из первых руководителей созданного на Урале НИИ-1011, впоследствии ставшего Российским федеральным ядерным центром.

Анкетных данных Константина Александровича в архивах института практически не сохранилось. Поэтому биографические детали, сведения о его жизненном пути и трудовой деятельности представлены, в основном, по письмам его дочери Татьяны Константиновны Журбенко (Каргиной), проживающей в г. Ленинграде.

Родился Константин Александрович 31 октября 1907 года в деревне Чуприяново Ярославской губернии в крестьянской семье. До школы пел в церковном хоре на клиросе, ему это очень нравилось. Как старший приглядывал за младшей сестренкой Надей. Играя с мальчишками в футбол, накрывал малышку корзиной, чтобы та далеко не уползла. Веселый, проворный, находчивый, он уже в детстве отличался самостоятельностью, ответственностью.

Возможность учиться появилась у него только после Октябрьской революции. Начальную школу он успешно прошел в своей деревне, а потом его как способного ученика отправили в сельскую школу-интернат, расположенную в доме политкаторжанина Н. А. Морозова. В 1924 году, окончив 9 классов, он один, без поддержки, отправился в Ленинград. Тогда очень модной была профессия летчика. Здоровье у Константина было отменным, и он поступил в летную школу в Каче. (Там проходили обучение многие известные летчики.)

Учебу закончить не довелось: несчастный случай на летной практике сделал невозможным дальнейшее пребывание в школе.

Вернувшись в Ленинград, не тратил время зря и в 1927 году поступил на вечерний факультет Ленинградского института промышленного строительства. С 1929 года совмещал учебу с работой — сначала в должности техника, а затем прораба в Управлении благоустройства г. Ленинграда. Позднее Константин Александрович был назначен начальником отдела вновь созданной специнспекции Ленсовета по благоустройству города и занимался контролем соблюдения норм и правил работ по наружным коммуникациям, благоустройству и очистке Ленинграда. Ему даже довелось участвовать в перестройке сцены Александринки (это было еще до войны). Тогда он познакомился со многими замечательными артистами — Николаем Симоновым, Корчагиной-Александровской и другими.

С 1938 года К. А. Каргин работал начальником отдела капитального строительства биологической станции имени академика И. П. Павлова в Колтушах (под Ленинградом). Руководителем станции в то время был Л. А. Орбели¹.

Перед самой войной К. А. Каргин работал в системе треста «Севэнергострой» главным инженером строительства электростанций, а чуть позже — главным инженером треста.

¹ Орбели Леон Абгарович — советский физиолог, академик (1935), вице-президент АН СССР (1942–1946), Герой Социалистического Труда (1945), генерал-полковник медицинской службы (1944).

Каргин Константин Александрович

В конце августа 1941 года вся семья эвакуировалась из Ленинграда под Свердловск. Константин Александрович остался в осажденном городе. В период блокады он был одновременно управляющим и главным инженером треста «Севэнергострой». Кроме этого, будучи начальником восстановительной энергетической службы МПВО Ленинграда, по решению бюро горкома ВКП(б) и указанию члена военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова он непосредственно руководил работами на объекте специального назначения (электростанции). Тогда Константин Александрович находился круглосуточно на казарменном положении. Как много пришлось пережить в это страшное время! Он не был еще коммунистом, просто считал своим долгом сделать всё, что в его силах.

После окончания работ, в 1942 году, К. А. Каргин вместе с трестом был эвакуирован из Ленинграда по Дороге жизни в город Свердловск, где приступил в должности начальника строительства к расширению и реконструкции Средне-Уральской гидроэлектростанции (СУГРЭС).

С 1943 года Константин Александрович работал в СМУ-1 Наркомата боеприпасов в городе Кирове в качестве главного инженера. В июне 1944 года он вступил в ряды ВКП(б). В этом же году состоялось возвращение в Ленинград и назначение его заместителем директора «Ленгипростроя». Именно этому Ленинградскому институту была поручена советским правительством разработка проекта будущего НИИ-1011 (ВНИИТФ).

В 1948 году судьба свела К. А. Каргина с Д. Е. Васильевым на уральском заводе «Электрохимприбор» (г. Свердловск-45), куда Константин Александрович был назначен заместителем директора (Д. Е. Васильева) по капитальному строительству. Возможно, это знакомство сыграло определенную роль в том, что в апреле 1955 года К. А. Каргин был назначен заместителем директора нового предприятия по капитальному строительству и одновременно начальником УКСа, позднее преобразованного в ОКС — отдел капитального строительства.

Новая работа для Константина Александровича началась с выбора площадки для строительства объекта. В решении вопроса о месте будущего НИИ и города принимали участие директор предприятия Дмитрий Ефимович Васильев, представители Министерства среднего машиностроения и представители строительной организации.

Особое значение К. А. Каргин придавал комплектованию ОКСа кадрами ИТР. В основном это были выпускники строительных вузов и техникумов, заканчивающие обучение в 1955 году. Он лично беседовал с каждым кандидатом, оценивая его профессиональные и личные качества.

350 Уже к лету 1955 года Константин Александрович прибыл на место новостройки, где началось освоение площадки № 21 и строительство первоочередных объектов на основной площадке будущего города. Срочно требовалось многое: жилье для военных строителей — в то время основной рабочей силы, завод железобетонных изделий, деревообрабатывающий комбинат, автохозяйство, подъездные автодороги и железнодорожная ветка от станции Маук, энергетические объекты — линии

электропередач, водозаборные сооружения, сеть связи и т. д. На площадке № 21 предстояло построить здание «казармы» для временного размещения подразделений основного производства, два производственных здания, три котельных, водозаборные и очистные сооружения, два 24-квартирных и около 40 щитовых домов.

Константину Александровичу Каргину можно смело присвоить титул «Первый строитель города». Соратник и товарищ Дмитрия Ефимовича Васильева и Кирилла Ивановича Щёлкина, он был личностью яркой и запоминающейся. И не случайно коллеги по работе, знавшие его в те годы, тепло и с уважением отзываются о Константине Александровиче.

Главный инженер УКСа (в те годы) Юрий Николаевич Артамонов вспоминал: «Первая встреча с Каргиным в Главном управлении министерства в 1955 году оставила у меня очень хорошее впечатление. Это был, как мне запомнилось, энергичный и волевой человек, грамотный и высокоэрудированный специалист».

Коллектив УКСа был очень малочисленным, а работы на стройках велись широким фронтом. Кроме строительства первоочередных объектов началось возведение основных производственных зданий на площадках № 9 и 10, освоение площадки № 3 и основной площадки города на берегу озера Синара.

Строительство объектов производилось по отдельным проектам, выдаваемым на месте выездной бригадой проектировщиков. Только к концу 1955 года начали поступать комплексные проекты планомерного строительства объектов института и города. Коллективу УКСа пришлось столкнуться с новыми аспектами работы: в очень сжатые сроки рассмотреть проект, подготовить заключение по нему с оформлением замечаний и предложений и представить проект на утверждение в экспертную комиссию Министерства. Забыв про отдых в вечернее время и выходные дни, Константин Александрович сумел организовать своевременное выполнение этой сложной и объемной работы и в установленные сроки отчитаться перед министерством. Только к 1956 году стало возможным упорядоченное строительство города и промышленных площадок института. Объем работ возрастал стремительно, опережая рост численности строителей, и превосходил, казалось, все человеческие возможности. Коллектив УКСа работал, не считаясь со временем и не щадя своих сил.

Неожиданная скоростная смерть Константина Александровича 2 февраля 1960 года от инфаркта миокарда оказалась жестокой расплатой за беспощадность к себе в постоянном неутолимом желании созидать. Город обязан К. А. Каргину своим рождением, своим притягательным уютом. Ветеран ВНИИТФ и города Павел Яковлевич Усиков рассказал, что как раз Константин Александрович и предложил Д. Е. Васильеву назвать наш город Снежинском. Почему именно так? Видимо, потому, что зимы 1955–1957 гг. были в этих уральских местах особенно суровыми, снежными.

Этому городу Константин Александрович Каргин отдал самое дорогое — жизнь — и остался в нём навсегда.

Ю. Б. Зубрина

Из воспоминаний

Первым из руководителей предприятия прибыл к нам Константин Александрович Каргин, который тогда был наделен большими полномочиями...

Его одутловатое лицо и грузное тело никак не вязались с импульсивным, а временами просто взрывным характером. Говорил он запальчиво, быстро, скороговоркой, стремясь скорее выговориться, словно боялся, что собеседнику может что-то помешать выслушать его до конца.

Болезненную рыхлость своей тучной фигуры он относил к недобрым последствиям пережитой блокады в осажденном Ленинграде в годы войны. О блокаде всегда вспоминал с ужасом...

Работал он много, часто задерживался на рабочем месте допоздна. Несмотря на слабое здоровье и дефицит свободного времени в силу большой служебной занятости, он живо интересовался вопросами быта трудящихся, общественной жизнью, спортом и немало сделал для его развития в нашем городе.

В. Г. Лазарев

Строительству К. А. Каргин уделял много внимания: решал вопросы очередности возведения объектов, принимал меры по своевременному обеспечению их проектной документацией, лично занимался проблемами комплектования строящихся объектов оборудованием и материалами. Он неусыпно следил за ходом всех строительных дел, активно вмешивался в разрешение возникавших трудностей, принимал меры по устранению задержек в производстве работ, оперативно решал вопросы финансирования.

Константин Александрович глубоко переживал все неудачи и задержки, случившиеся при строительстве объектов. Он был беззаветно предан своему делу и служил примером для всех работников возглавляемой им службы, для всех строителей, для всего коллектива института.

Ю. Н. Артамонов

Дмитрий Ефимович и Кирилл Иванович работали очень дружно. Они хорошо дополняли друг друга. Константин Александрович был под стать им...

В его кабинете, открытом для всех, было всегда полно народу. Сюда можно было идти с любым вопросом. Сколько он сделал для нас, для вычислительного центра! Думаю, что без него, без его помощи, нам было бы очень трудно...

352

...Больной человек... Человек, которому уже тогда было трудно передвигаться, трудно работать. Но нужно было видеть его молодой задор! Это был комсомолец 1920-х годов!

Его можно было увидеть на строительной площадке в любое время. Он не думал о своем здоровье. Он сгорел на работе. Просто сгорел...

Каргин Константин Александрович

Помню, когда умер Константин Александрович, ставился вопрос о переименовании одной из улиц нашего города в улицу его имени. Но ведь нет такой улицы. Нет почему-то... Я не вижу человека более достойного, именем которого должна быть названа одна из улиц города...

В. А. Дорофеев

Папа награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Он был знающим строителем, очень энергичным и трудолюбивым в служебных делах. А в свободное время любил читать — собрал хорошую библиотеку. Любил спорт, особенно футбол. Еще он был веселым и гостеприимным. Я всегда помню наших гостей — Бунатяна, Феоктистова, Романова...

В семье всегда были добрые дружеские отношения. К нам, детям, папа относился прекрасно. Я всегда считала, что счастлива тем, что мне даны такие родители.

Т. К. Журбенко (дочь)

Константин Александрович Каргин. Это имя помнят все, кому было дано судьбой встретить его на своем пути, работать под его руководством. Конец октября — очередной день рождения Константина Александровича, ему исполнилось бы 90 лет, но уже более 37 лет прошло с того дня, когда его не стало.

Тогда нам, коллективу, которым он руководил и в котором преобладала молодежь до 30 лет, он казался человеком весьма солидного возраста, хотя Каргин не дожил до 53 лет. По теперешним понятиям, возраст этот не так солиден, и многое у человека могло быть впереди. К сожалению, в фактической жизни часто бывает иначе и многие дела остаются незавершенными.

Константин Александрович был первым человеком, который встретил нас по прибытии на Урал в июле 1955 года. Тогда в формирующемся институте было еще совсем мало сотрудников, и каждого вновь прибывающего человека принимал директор института Дмитрий Ефимович Васильев. Наш приезд (мой и моего мужа Юрия Николаевича Артамонова) совпал с отсутствием директора, а вторым человеком в период его отсутствия был К. А. Каргин.

В нашем молодежном коллективе Константин Александрович был высшим авторитетом и высшей инстанцией в решении вопросов, касающихся строительства. Он и по своему возрасту, и по опыту работы намного превосходил всех нас, ведь большую часть коллектива составляли молодые специалисты, вчерашние выпускники вузов. Но не только в разнице в возрасте было его преимущество. Очень скоро мы убедились в его высоком профессионализме и огромном опыте. Мы учились у него, впитывая знания, необходимые для работы. Жаль, что продолжалось это менее пяти лет.

В тот период был не ОКС, а УКС, и Константин Александрович исполнял обязанности заместителя директора по капитальному строительству и начальника УКСа. В УКСе были должности: главного инженера, на которую назначили моего мужа, и руководителей групп — кураторов, геодезистов, сметчиков.

Масштабы строительства ни в какое сравнение не шли с настоящими, вопросов разных возникла масса. Но за нашими еще не окрепшими спинами мы постоянно чувствовали силу и опыт Константина Александровича и были уверены, что все вопросы строительства будут решены правильно и в срок. Хотя работать было непросто, ибо ни о каких комплексных проектах мы и не мечтали, работа шла «с листа»...

По характеру Константин Александрович был человеком очень требовательным, иногда даже суровым. Но таким же он был и по отношению к себе, к своему делу. Был в УКСе такой случай, когда у одного нашего куратора умер отец, и Константин Александрович не разрешил ему отлучиться, так как был период месячной приемки-сдачи работ. И когда я выразила по этому поводу удивление в разговоре с его женой Ириной Владимировной, она ответила, что таково его отношение к работе, и он сам поступил бы так же в подобной ситуации — не поехал бы. Вопрос этот все же был разрешен благополучно силами самого коллектива.

Константину Александровичу всё прощалось за его отношение к делам, за его опыт работы, с учетом характера и возраста.

Того, что теперь называют хобби, у него не было. Иногда в выходные дни он ездил на футбол в Касли, но не думаю, что эти поездки доставляли ему удовольствие, — класс игры был не тот.

Константин Александрович был человеком весьма эмоциональным, горячим и в силу этого не всегда следовал требованиям хорошего тона. Он мог позволить себе резкость, сдобрить речь не совсем приемлемыми словами, но тут же бросить быстро: «Прошу прощения, Ольга Сергеевна». Возможно, что в присутствии мужской половины извинения не требовались. Всё, что он говорил, он пропускал через свое сердце, он никогда не был равнодушен и переживал болезненно любое неприятное событие.

Об этом очень ярко свидетельствуют и последние минуты жизни, о которых мне поведала его жена Ирина Владимировна. Они были в кино (в клубе «Химик» на 21-й площадке), смотрели фильм «Война и мир» — его американскую версию. Константин Александрович, патриот до мозга костей, был возмущен фильмом, в котором, по его мнению, было всё американское и ничего русского. Очень резко высказался и, очевидно, разволновался, ему стало очень плохо. Была вызвана «скорая помощь», но всё так быстро произошло, что предотвратить трагический конец не смогли.

Отменным здоровьем он не отличался — сердце его беспокоило частенько. К тому же он был человеком полным, ходить ему было трудно, и последние годы в руках постоянно была трость.

Каргин Константин Александрович

Коллектив тяжело пережил эту потерю, хоть Константин Александрович не был человеком мягким, всегда держал дистанцию, но все мы считали такое положение естественным в силу его авторитета и возраста.

Коллектив проводил его в последний путь. Тогда еще не существовало службы ритуальных услуг, и эту роль полностью выполнил коллектив: женщины обшивали и украшали гроб, мужчины обмыли, одели и уложили в последнее убежище.

А память о Константине Александровиче жива у всех, кто с ним работал. Жаль, что многих уже нет.

*По материалам статьи О. С. Артамоновой
(«Наша газета», 1997, 6 октября)*

Карих Николай Васильевич

09.01.1928–19.11.2003

Специалист в области разработки и испытаний ядерных боеприпасов; младший научный сотрудник (1963); лауреат Государственной премии СССР (1971), лауреат Ленинской премии (1989); член КПСС с 1963; депутат городского Совета депутатов трудящихся четырех созывов (с 1969).

- 1942 — токарь паровозного депо ст. Кочетовка Московско-Рязанской (ныне Южно-Восточной) железной дороги.
- 1945 — учащийся индустриального техникума, ст. Лобня Московской обл.
- 1949 — лаборант, техник, старший техник КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1951 — студент вечернего отделения МИФИ-4, там же.
- 1955 — исполняющий обязанности инженера в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1957 — старший инженер, там же.
- 1959 — руководитель группы, там же.
- 1961 — начальник отдела, там же.
- 1964 — исполняющий обязанности заместителя начальника сектора, там же.
- 1965 — заместитель начальника сектора, там же.
- 1967 — заместитель главного конструктора — начальник сектора, там же.
- 1972 — первый заместитель главного конструктора, там же.
- 1994 — заместитель главного конструктора, там же.
- 1997 — пенсионер.

Награжден орденами: Ленина (1969, 1983), Октябрьской Революции (1976); медалями: «За трудовую доблесть» (1953), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «300 лет Российскому флоту» (1996). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Николай Васильевич Карих — первый заместитель главного конструктора ВНИИТФ по разработке ядерных боеприпасов в период с июня 1972 по март 1994 года. Один из ведущих специалистов института, внесший значительный творческий вклад в разработку ядерных боеприпасов ВНИИТФ, в дело укрепления обороноспособности нашей Родины.

Н. В. Карих родился 9 января 1928 года в селе Топки Троекуровского района Рязанской области в крестьянской семье. По окончании 7 классов средней школы в 1942 году работал токарем в паровозном депо станции Кочетовка Тамбовской области. В октябре 1945 года поступил в Лобненский индустриальный техникум (Московская область), который с отличием закончил в 1949 году, получив квалификацию техника-электрика, и был направлен на работу по специальности в КБ-11 будущего МСМ.

Здесь он был назначен на должность техника в отдел разработки контрольно-измерительной аппаратуры (КИА), в группу В. И. Карякина (будущего главного инженера 5-го ГУ МСМ). Как и другие разработчики КИА, участвовал в проведении летных (в т. ч. натурных) испытаний ядерных боеприпасов. В 1951 году начал учебу на вечернем отделении 4-го филиала МИФИ по специальности «автоматика и электроника». В июне 1955 года был переведен на «новый объект» — НИИ-1011, размещавшийся пока там же, на территории старого объекта (КБ-11), в сектор внешних испытаний, возглавляемый Л. Ф. Клоповым. Назначен на должность исполняющего обязанности инженера в отдел Ф. И. Ерохина, разрабатывавший приборы радиоэлектронной аппаратуры системы специального контроля (СК). Эта аппаратура предназначалась для приема-передачи по радиоканалу параметров срабатывания блока автоматики ЯБП.

В то время одной из актуальных задач была разработка прибора, обеспечивающего с высокой точностью и надежностью измерение величины разновременности срабатывания электродетонаторов (ЭД). К разработке способа и средств измерения разновременности был подключен Н. В. Карих. Незаурядные способности, природная смекалка, врожденная склонность его к изобретательству и приобретенные в институте знания способствовали тому, что он предложил наиболее удачный, оригинальный способ измерения. В процессе работы над технической реализацией своего способа измерения Н. В. Карих на «отлично» защитил в 1957 году дипломный проект в МИФИ-4 и на предложенные технические решения получил авторское свидетельство на изобретение (лично, без соавторов).

Им также разработана электрическая схема бортового прибора, обеспечившего контроль разновременности срабатывания ЭД с фиксацией несрабатывания хотя бы одного из них. Предложенный Н. В. Карихом способ контроля был одобрен руководством института.

Нужно сказать, что технология измерения разновременности срабатывания ЭД существовала и до создания телеметрической системы контроля, но эта технология была чрезвычайно тяжела и неудобна, особенно при летных испытаниях. Состояла она в том, что на специальную металлическую плиту укладывались шашки из ВВ, от ЭД эти шашки подрывались, и на плите оставались риски, образованные детонационной волной. По положению рисок и определялась разновременность. Но при летных испытаниях надо было найти место падения изделия, из-под земли, с глубины 10–15 м, выкопать эту плиту, очистить ее, а уж потом производить измерения. Так что на получение результата уходило много времени и труда. Значимость разработки, выполненной Н. В. Карихом, этим иллюстрируется более чем убедительно.

Вспоминает В. Д. Кучеренко, который в те годы работал с Н. В. Карихом: «Однажды по поручению начальника отдела 94 Ф. И. Ерохина мне пришлось докладывать главному конструктору института К. И. Щёлкину (в это время Н. В. Карих был в командировке) о сути методики контроля ЭД, которая могла быть применена при экспериментальной отработке специзделий. Кирилл Иванович проявил живейший интерес к предложенной методике. Вникнув в технические подробности и принцип действия аппаратуры, он одобрил предложенные решения и рекомендовал использовать ее при испытаниях первых создававшихся в НИИ-1011 специзделий».

После защиты дипломного проекта Н. В. Карих был переведен на должность старшего инженера в том же отделе 94, а после переезда в 1958 году института на Урал — на должность руководителя группы.

Это был период бурного роста института, его численности и объема работ. Отдел пополнялся молодыми специалистами — выпускниками лучших вузов страны. Группе Н. В. Кариха была поручена разработка одного из важных и сложных приборов приемно-регистрирующей аппаратуры — устройств регистрации телеметрической информации. Тогда еще не было унифицированных приборов контрольной аппаратуры. КБ-11 и НИИ-1011 разрабатывали их самостоятельно — каждый с учетом специфики своих изделий.

Вспоминает В. П. Сидоров (заместитель начальника НКО-8), прибывший в НИИ-1011 с большой группой молодых специалистов в августе 1960 года и поступивший в отдел 94 в группу Н. В. Кариха: «Здесь мне была поручена разработка варианта растровой развертки осциллографического регистратора, одним из авторов которого являлся Карих. В группе работали: старший инженер Ю. Л. Дмитраков, инженер В. Д. Кучеренко, техники З. Ф. Екимова, Ю. А. Манахов и другие. В отделе проводился полный цикл работ: разработка электрических схем и конструкции, монтаж, сборка и настройка приборов СК. Испытательные

бригады формировались также из разработчиков, которые выезжали с созданной ими аппаратурой на полигоны МО для обеспечения испытаний специзделий НИИ-1011. Работали с энтузиазмом, при необходимости сверхурочно, с «ночевкой» в цехах. Н. В. Карих для нас, молодых специалистов, был непререкаемым авторитетом. Он никогда не «давил», давая полную свободу инициативе подчиненных, доверяя им, интересуясь конкретными результатами, не проявляя мелочной опеки».

Спроектированная в группе Николая Васильевича аппаратура была использована при первых летных испытаниях первой разработанной институтом головной части в декабре 1959 года. Испытывался один из телеметрических вариантов изделия на полигоне Капустин Яр. Испытательную бригаду возглавлял Г. П. Ломинский, будущий директор ВНИИТФ. Н. В. Карих, М. Ф. Фёдоров, Ю. Л. Дмитраков, М. Е. Попугаев обеспечивали прием и регистрацию сигналов на боевом поле.

После структурного преобразования института в 1961 году и образования КБ-1 и КБ-2 Н. В. Карих был назначен начальником реорганизованного исследовательского отдела 96 (вместо переведенного на должность начальника сектора 9 Д. Ф. Вовченко), куда вошли специалисты-разработчики радиоэлектронной аппаратуры контроля из бывших отделов 94 (аппаратура СК) и 96 (аппаратура физизмерений). Отдел занимался созданием всей номенклатуры контрольной аппаратуры. Разработанный в отделе 96 радиопередатчик, которому Николай Васильевич отдал много сил, был настолько удачным, что в течение почти 20 лет обеспечивал надежное получение телеметрической информации при проведении летных испытаний специзделий не только нашего института, но и ВНИИА.

Деловые качества Николая Васильевича не остались незамеченными руководством института: в 1965 году он был назначен заместителем начальника сектора 9 по научной работе, в 1967 году — заместителем главного конструктора по внешним испытаниям, в 1970 году — заместителем главного конструктора и начальником сектора 9, в 1972 году — первым заместителем главного конструктора.

Из аттестации, подписанной директором института Г. П. Ломинским, секретарем горкома КПСС В. Д. Тарасовым, председателем ОЗК-24 В. В. Недякиным:

«...За весь период работы в институте зарекомендовал себя технически грамотным инженером, высококвалифицированным специалистом, умелым организатором. Под его руководством и при его личном участии был выполнен ряд важных и сложных разработок. Принимал активное участие в испытаниях новой техники в смежных организациях [на полигонах МО].

Проводит большую воспитательную работу в коллективе КБ-2. Много работает над повышением своего технического и идейно-политического уровня...

Член парткома КБ-2, депутат и член исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

В коллективе пользуется уважением и заслуженным деловым авторитетом».

Занимая высокие должности, Николай Васильевич постоянно принимал творческое участие в решении технических вопросов по созданию приборов

Карих Николай Васильевич

и комплексов контрольной аппаратуры. Именно его слово оказалось решающим при выборе принципа построения не имевшей аналогов специальной телеметрической системы «Малахит» для стрельбовых испытаний боевых частей нового типа, разрабатывавшихся только во ВНИИТФ.

Он активно участвовал и в разработке новых приборов системы автоматики изделий. Возникавшие при этом проблемы и спорные вопросы рассматривались чаще всего на технических совещаниях у Н. В. Кариха. Эта часть деятельности руководства КБ-2 традиционно была закреплена за первым заместителем главного конструктора.

Высокие должности не изменили характер Николая Васильевича, не повлияли на его отношение к подчиненным. Когда выявлялись какие-либо недоработки, упущения в работе возглавляемого им коллектива, он всегда без колебаний принимал решение по их устранению, не пытаясь переложить ответственность на кого-либо, отвести её от себя. И так было всегда, касалось ли это вопросов, связанных с летными испытаниями специзделий или с разработкой приборов и контрольной аппаратуры. В то же время он был достаточно жестким, принципиальным, требовательным руководителем, а вовсе не «мягким», как это иногда звучит в высказываниях о нём.

Ответственную работу на руководящих постах Н. В. Карих совмещал с активной общественно-политической деятельностью, он избирался членом парткома КБ, депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

Николай Васильевич неоднократно получал благодарности министра, руководства 5-го Главного управления, директора института. Он автор нескольких изобретений. Его жизнь достойно увековечена не только его делами, но и учениками, воплотившими его идеи в конкретные разработки.

Л. М. Захаренко

Из воспоминаний

Лично у меня о Николае Васильевиче как о человеке, руководителе, личности сложилось впечатление, что его истинным призванием было техническое творчество, которое его всегда увлекало, вне зависимости от того, какой бы он пост не занимал. Мне кажется, что он был прирожденным изобретателем, человеком, творчески подходящим к решению любой технической проблемы. В нём всегда чувствовалась нацеленность на то, чтобы найти нетривиальное, оригинальное решение технической проблемы, удовлетворяющее условиям поставленной задачи.

В неформальной обстановке Николай Васильевич был общительным, интересным собеседником, с удовольствием участвовал в вечерах отдыха, проводившихся в его родном отделе 9б, мог наизусть прочесть всего «Василия Тёркина».

В. Д. Кучеренко

Доверие и уважение к подчиненным Н. В. Карих сохранял, находясь на всех постах своей трудовой деятельности в КБ-2. Вызов к нему в кабинет никогда не сопровождался у подчиненных эмоциональным напряжением, дрожью в коленках, обсуждения носили деловой характер, все могли свободно высказываться по вопросам производственной деятельности сектора, КБ. Он постоянно следил за новинками научно-технической литературы, часто звонил по телефону и советовал ознакомиться с интересной статьей в том или ином журнале по радиоэлектронике, сообщал о возникавших у него идеях и схемно-технических решениях, которые мы могли бы применить при разработке контрольной аппаратуры.

В. П. Сидоров

При разработке одного из изделий возникла необходимость измерения сил, действующих на него при приземлении (приводнении или приледнении — в зависимости от того, куда оно попадет).

Весь процесс внедрения занимает от 2—3 до 15—20 тысячных долей секунды в зависимости от плотности и прочности той среды, в которую происходит внедрение. При этом возникает сила сопротивления среды, которая действует на конструкцию изделия. Отношение этой силы к весу конструкции, называемое перегрузкой, составляет сотни—тысячи единиц. Но знать эти перегрузки надо точно, а не приблизительно. Если эта перегрузка окажется выше, чем предел прочности конструкции, то произойдет разрушение конструкции.

Очевидная необходимость изучения процесса внедрения и точного измерения возникающих при этом перегрузок побудила к поискам средств измерения. Особенно важным являлось обеспечение измерений перегрузок при летных испытаниях.

Различного типа датчики перегрузок существовали; в частности, так называемые крешерные. (Крешер — это металлический столбик, который сминается под действием перегрузки. При этом величина деформации столбика соответствует значению действующей перегрузки.) Но такие датчики регистрируют только максимум перегрузки, а не процесс её развития. К тому же до крешеров нужно было еще добраться, что при летных испытаниях оказывалось возможным не всегда.

Известно было, что в некоторых институтах ведутся работы по созданию телеметрических датчиков перегрузки, но где именно и с какими результатами, было неизвестно.

Разработанная Николаем Васильевичем Карихом система измерения разновременности срабатывания электродетонаторов — это, по сути, радиотелеметрическая система регистрации быстропротекающих процессов. Она способна регистрировать значения измеряемых параметров с разрешающей способностью (интервалом между измерениями) порядка миллионной доли секунды. И она уже есть, уже производится и эксплуатируется.

Карих Николай Васильевич

И возникла идея — опять-таки у Николая Васильевича — применить эту аппаратуру для регистрации действующих при внедрении перегрузок при летных испытаниях изделия, о котором идет речь. Система имеет несколько каналов, так что можно было регистрировать перегрузки одновременно в нескольких наиболее важных точках изделия; при этом результат измерения получался мгновенно.

Идея была реализована и дала прекрасные результаты, следствием чего стало успешное завершение разработки.

О. И. Чудесников

Кириллов Вадим Иванович

13.07.1924–15.12.1985

Организатор здравоохранения высшей категории (1968); кандидат медицинских наук (1970); заслуженный врач РСФСР (1970); участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1948.

- 1942–1943 – курсант Московского пулеметно-минометного военного училища, затем командир минометного взвода 1041-го стрелкового полка 223-й стрелковой дивизии 46-й армии в составе Степного, 2-го и 3-го Украинских фронтов.
- 1944 – демобилизован по инвалидности, работал помощником механика цеха 4-го Государственного ордена Ленина подшипникового завода, затем комсоргом ЦК ВЛКСМ завода № 13, г. Куйбышев.
- 1945 – студент лечебного факультета Ивановского государственного медицинского института.
- 1950 – врач-гематолог, заведующий объединенной лабораторией клинического отдела, заместитель главного врача, главный врач больнично-поликлинического объединения в МСО № 71, г. Челябинск-40 (ныне Озёрск).
- 1955 – начальник МСЧ-15, г. Снежинск.
- 1964 – главный врач Днепропетровской больницы, затем некоторое время работал главным врачом подмосковного санатория «Ерино», г. Подольск.
- 1965 – начальник ЦМСЧ № 66, г. Протвино Московской обл.

Кириллов Вадим Иванович

Награжден орденами: Ленина (1981), Октябрьской Революции (1971), Отечественной войны 1-й степени (1985), Трудового Красного Знамени (1962), Красной Звезды (1944); медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За трудовую доблесть» (1961) и др.; знаком «Отличник здравоохранения» (1961). Избирался депутатом Совета депутатов трудящихся и членом исполкома городов Челябинск-40 (1954) и Челябинск-50 (1957, 1960), Серпуховского районного Совета депутатов (1967), был депутатом и членом исполкома Совета депутатов г. Протвино (1969–1985).

Из автобиографии В. И. Кириллова, написанной им в марте 1957 года:

«Родился 13 июля 1924 года в селе Козлово Гаврилово-Посадского района Ивановской области. Родители до Октябрьской социалистической революции занимались крестьянством. После революции отец был председателем сельского Совета, затем перешел на финансовую работу...»

Вадим Кириллов воспитывался в многодетной семье. Кроме него у родителей были еще сын и шестеро дочерей.

Вадим закончил десятилетку в г. Юрьев-Польский Владимирской области в военном 1942 году. В сентябре этого же года был призван в Красную Армию и до апреля 1943-го проходил обучение на курсах Московского пулеметно-минометного военного училища. Затем молодой курсант был направлен на Степной фронт командиром минометного взвода стрелкового полка 223-й стрелковой дивизии 46-й армии.

Во время боев на Степном, а затем и на 2-м Украинском фронтах был дважды тяжело ранен. Провел в госпиталях несколько месяцев. В мае 1944 года В. И. Кириллов был демобилизован как инвалид Отечественной войны. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды, а после Победы и медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мирную жизнь Вадим Иванович начал в должности помощника механика одного из цехов 4-го Государственного ордена Ленина подшипникового завода в г. Куйбышеве.

В. И. Кириллов мечтал стать хирургом. Однако ранение, полученное в боях, привело к выраженному дефекту правой руки — не было большого пальца. Казалось, что от мечты нужно отказаться. Но любовь к медицине привела его в 1945 году в Ивановский государственный медицинский институт на лечебный факультет. Вадим Иванович закончил его в 1950 году, получив диплом с отличием.

По распределению выпускник мединститута Вадим Иванович Кириллов оказался в г. Челябинске-40 (Озёрске), где был назначен заведующим специализированной лабораторией медико-санитарного отдела № 71 (МСО-71). В этом же 1950 году он прошел специализацию на курсах по гематологии — науке, изу-

чающей состав и свойства крови — в институте биофизики Академии медицинских наук СССР в Москве и получил диплом терапевта-гематолога. Уже через три года В. И. Кириллов становится главным врачом поликлиники № 1 МСО-71, а в 1954 году — заведующим горздравотделом. После ликвидации этого отдела Вадим Иванович возглавил медико-санитарную часть № 2, входившую в состав МСО-71.

За период работы в МСО-71 В. И. Кириллов неоднократно поощрялся и был занесен в Книгу почета МСО. В течение ряда лет являлся заместителем секретаря партийной организации отдела. (В партию Вадим Иванович вступил, будучи еще студентом, в 1948 году.) Избирался депутатом Озёрского городского Совета депутатов трудящихся и членом горисполкома.

В ноябре 1955 года приказом по 3-му Главному управлению Минздрава СССР В. И. Кириллов назначается начальником МСЧ-15, работу которой предстояло развернуть на территории вновь строящегося города Челябинска-50 — будущего Снежинска.

На новом месте работы Вадиму Ивановичу пришлось всё начинать с нуля: подбор кадров, обеспечение жильем медицинских работников, строительство больниц и госпиталя, создание материально-технической базы медицинского и хозяйственного оборудования. Для достижения цели использовалось всё возможное, а порой и непозволительное: Вадим Иванович переписывался с Главным управлением Минздрава, обивал пороги руководства предприятия, управления строительства, советских, партийных и профсоюзных органов. Просил, требовал, настаивал, «выбивал», доказывал... Он не давал покоя никому. Когда были решены первоочередные задачи, В. И. Кириллов поставил вопрос об отделении МСЧ-15 от МСО-71, основной базой которого был Челябинск-40. И в 1957 году МСЧ-15 официально получила статус самостоятельной. Работы заметно прибавилось. Кроме руководства подразделениями МСЧ-15 пришлось заниматься медицинскими службами военно-строительных отрядов, уделять внимание службе санитарного надзора, так как любые упущения в условиях нового строительства, а это — и временное водоснабжение, и плохо оборудованные пищеблоки, бани, пекарни, и примитивные очистные сооружения, могли стать причиной массовых заболеваний.

В быту Вадим Иванович был простым и интересным человеком. Любил музыку, сам играл на мандолине. В выходные дни обязательно выезжал с семьей на природу, играл в бадминтон, ловил рыбу. По праздникам приглашал гостей, был радушным и хлебосольным хозяином.

Был он хозяином и в МСЧ-15. Вадиму Ивановичу удалось решить многие сложные вопросы организационного периода. При нем были построены: главный корпус больницы, инфекционный корпус, хозяйственный блок с гаражом и прачечной, роддом, два здания СЭС, заложен фундамент детской больницы с поликлиникой.

Кириллов Вадим Иванович

В работе было всё: успехи и неудачи, находки и потери, жалобы и благодарности. Не раз В. И. Кириллову было трудно, так как его мнение не всегда было последним, но созданный им коллектив МСЧ был сильным не только профессионально.

За успехи в труде в МСЧ-15 Вадим Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

В 1964 году В. И. Кириллов получил предложение от 3-го ГУ Минздрава СССР переехать в г. Днепропетровск и стать главным врачом больницы на 1000 мест. Но на Украине Вадим Иванович проработал недолго и вскоре был временно назначен главным врачом подмосковного санатория «Ерино», а затем — начальником МСЧ в г. Протвино Московской области.

И вновь Вадим Иванович подтвердил свои способности организатора и высокий профессионализм, превратив МСЧ в учреждение, способное решать многие и сложные задачи медицинского обслуживания населения. Об этом говорят и его высокие награды: орден Октябрьской революции и орден Ленина. Работая в г. Протвино, Вадим Иванович защитил кандидатскую диссертацию по клинической медицине. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР».

В. И. Кириллов неоднократно приглашался на работу в Главк Минздрава СССР на должность начальника лечебного отдела, но Вадим Иванович каждый раз отказывался от этого предложения и продолжал работать в МСЧ г. Протвино.

15 декабря 1985 года из жизни ушел волевой и умелый руководитель, настойчивый и сильный человек, настоящий врач — Кириллов Вадим Иванович.

З. М. Семёнова

Из воспоминаний

В конце 1955 года я передал МСЧ-15 Кириллову Вадиму Ивановичу. Приемка прошла быстро: за полдня он просмотрел документы, обошел всё хозяйство и подписал акт приема-передачи...

Приехал он без семьи, поэтому на выходные дни уезжал к жене и детям... Дети впоследствии окончили десятилетку уже в нашем городе — сын Витя с золотой медалью, а дочь Оля с серебряной... Оба окончили и музыкальную школу.

Вскоре я убедился, что Вадим Иванович прекрасно знает организацию здравоохранения и большинство нормативных документов. Работал очень много — его рабочий день продолжался до позднего вечера.

366

Семья приехала в 1956 году. Его жена Нонна Петровна возглавила бактериологическую лабораторию санэпидстанции (СЭС). Она была прекрасным человеком: скромным, трудолюбивым... Пользовалась любовью и уважением сотрудников. Коллектив СЭС стал первым коллективом в МСЧ-15, которому было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда».

Кириллов Вадим Иванович

В. И. Кириллов был требователен при подборе и расстановке кадров. Принадлежал к сторонникам волевого метода руководства. Беспощадно наказывал и перемещал врачей, не выполняющих свой долг, привлекал для этого партийные и профсоюзные организации, медицинский совет МСЧ. В любом конфликте между врачом и больным он винил только врача.

Часто делал обходы медицинских подразделений, беседовал с больными. Посетителей принимал быстро, откладывая все бумажные дела...

Выступления на совещаниях готовил основательно, привлекая специалистов и используя нормативные документы. Нетерпимо относился к тем, кто выполнял работу небрежно. Не раз заставлял переписывать отчеты или какие-нибудь другие документы.

Защищал коллектив МСЧ-15 от любых вмешательств извне. Делал всё основательно и продуманно, ничего не делал с наскока.

Вадим Иванович прекрасно разбирался в партийной, профсоюзной и общественной работе. Всегда был подтянутым, организованным, строгим...

И. П. Шелепов

Клименко Иван Илларионович

03.05.1912–11.12.1987

Потомственный земледелец; директор совхоза «Береговой»; участник Великой Отечественной войны; член ВКП(б) с 1942 года.

- 1929 — слесарь-механик совхоза Подовинное, Октябрьский р-н Челябинской обл.
- 1932 — учащийся техникума автотракторных механиков, г. Троицк Челябинской обл.
- 1934 — призван для прохождения срочной службы в армии.
- 1937 — заведующий спецчастью Каракульского райисполкома.
- 1938 — начальник второй части Каракульского райвоенкомата.
- 1942 — слушатель военно-политического училища, г. Москва.
- 1944 — заместитель командира танкового батальона по политической части 162-й танковой бригады 1-го Украинского фронта.
Вследствие тяжелого ранения признан негодным к военной службе.
- 1945 — заместитель председателя Каракульского райисполкома.
- 1950 — слушатель Челябинской областной двухгодичной партийной школы.
- 1952 — председатель Буринского райисполкома.
- 1955 — директор совхоза «Багаряк».
- 1960 — директор объединенного совхоза «Береговой»,
в состав которого вошли совхозы «Береговой» и «Багаряк».
- 1965 — пенсионер.

Награжден орденами: Отечественной войны 2-й степени (1944); медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), золотой медалью ВДНХ и др.

Среди миллионов крестьян есть люди, в масштабах государства не очень известные, хотя всей плотью своей и мыслями преданные земле, труду на ней и Отечеству. Иван Илларионович один из них. Родился он 3 мая 1912 года в селе Копыченское ныне Федоровского района Кустанайской области в многодетной бедняцкой крестьянской семье. Рос любознательным и трудолюбивым. Примером для него были мать и отец, работавшие от зари до зари. Окончив местную сельскую школу, Иван Илларионович в 1929 году начал свою трудовую деятельность в совхозе Подовинное слесарем-механиком. В 1932 году поступил в сельскохозяйственный техникум в городе Троицке Челябинской области. После окончания техникума с дипломом механика, он в 1934 году был призван в Красную Армию и направлен для прохождения службы в Приморский край в 8-й отдельный автототряд. В 1937 году демобилизовался и приехал в Каракульский район Челябинской области, где райкомом ВЛКСМ был рекомендован на должность заведующего спецчастью Каракульского райисполкома. В октябре 1938 года с образованием Каракульского райвоенкомата И. И. Клименко возглавил вторую часть, где занимался подготовкой призывников.

В 1942 году Иван Илларионович приказом Челябинского облвоенкомата был направлен на переподготовку в Московское военно-политическое училище и в апреле 1944 года в звании техника-лейтенанта оказался на 1-м Украинском фронте в 162-й танковой бригаде заместителем командира танкового батальона по политической части.

В сентябре 1944 года в кровопролитных боях под Львовом был тяжело ранен в ноги. Восемь месяцев врачи боролись за его здоровье в госпиталях Львова, Киева, Кутаиси. Жизнь удалось спасти, но на фронт молодой лейтенант не вернулся — был признан негодным к военной службе и списан «вчистую». С боевыми наградами на груди — орденом Отечественной войны и медалями — 33-летний инвалид I группы И. И. Клименко вернулся домой на костылях. В селе — одни женщины и дети...

Мирную жизнь Иван Илларионович начал с двух должностей: работал заместителем председателя Каракульского райисполкома и по совместительству — заведующим отделом райторга. Работал много и настойчиво, сил не жалел, здоровья не щадил. Но собой был недоволен — понял, что знаний недостает. В августе 1950 года поехал в Челябинск в Высшую партийную школу, по окончании которой (в 1952 году) решением Челябинского обкома КПСС был направлен на работу председателем Буринского райисполкома.

В 1953—1954 гг. в Челябинской области были упразднены четыре района, в том числе и Буринский. И. И. Клименко был вызван в обком партии для решения вопроса о трудоустройстве. Ивану Илларионовичу, коммунисту с 1942 года, были предложены на выбор две должности: председатель райисполкома вновь созданного района или председатель совхоза «Багаряк», в состав которого в 1960 году вошел совхоз «Береговой». Объединенное совхозное хозяйство получило

название «Береговой». На раздумье времени не было. Да и не нужно было оно Ивану Илларионовичу. Не любил он кабинетную работу, тянуло в поле...

Наследство от прежних семи председателей досталось неказистое. Вместо домов юрты да землянки, хозяйственных построек никаких. Из живности: 164 лошади, 120 коров, 430 свиней. Разбитая техника: 4 комбайна, 7 тракторов и 14 машин. Семеноводство и растениеводство не развиты. Специалистов сельского хозяйства почти нет, а которые были — практики без образования.

Задачу перед совхозом поставили огромную: обеспечить строящийся секретный город атомщиков первосортной сельскохозяйственной продукцией. Совхоз к тому времени стал подсобным хозяйством нового предприятия. Чтобы выполнить эту задачу, предстояло поднять животноводство, птицеводство, картофелеводство, овощеводство, растениеводство... Позаботиться о селянах, создать им нормальные условия для труда, жизни и отдыха.

Вышел однажды вечером Иван Илларионович на улицу. Вроде бы еще не поздно, а вокруг полная тишина и ни одного огонька. Как в песне: «Снова замерло всё до рассвета». Только гармошки той, что в песне, не слышно...

И понял председатель — начинать надо с электричества. Добился разрешения на порубку леса для столбов, а зимой 1959 года организовал народ — в основном это были женщины — и поехал с ними в зимнюю стужу долбить промерзшую землю под электроопоры. Потом построили свою подстанцию, и через несколько месяцев в совхозе вспыхнул свет.

Теперь необходимо было заняться строительством. Заметил Иван Илларионович у молодого селянина Василия Белоусова интерес к строительному делу и поставил его руководить стройучастком.

Доверил парнишке ответственное дело и не ошибся. За короткое время Василий стал Василием Прокопьевичем — хорошим и ответственным руководителем.

Возводили хозяйственные постройки, строили клуб, жилье. До сих пор служат людям двухэтажные добротные домики, которые стоят по улицам Ленина и Суворова. Их так и называют — «дома Клименко». Еще построили школу, ферму, ремонтные мастерские, гараж...

Иван Илларионович не просто был полон новыми идеями улучшения сельского хозяйства и заботами о тружениках совхоза, он настойчиво воплощал их в жизнь, делал реальностью то, что многим казалось немислимым, невыполнимым. И всё это по-деловому, без показной шумихи.

Уделив особое внимание кормовым культурам, добился повышения надоев молока до 3000–3300 кг на корову. Небывалые для того времени надои! Поголовье крупного рогатого скота увеличилось со 120 до 1400, урожайность зерновых составила 46 центнеров с гектара!

В 1960 году за достигнутые успехи совхозу было присуждено почетное второе место в социалистическом соревновании среди подсобных хозяйств предприятий Главного управления Министерства среднего машиностроения. А директор совхоза «Береговой» И. И. Клименко награжден золотой медалью ВДНХ.

Доброжелательный и требовательный, Иван Илларионович знал силу личного примера. Научился косить и копнить. В страдную пору сенокоса он вместе с семьей выходил на покос, задавая тон в работе, вселяя в души людей бодрость и дух соревнования.

Помнил Иван Илларионович и о совхозных кадрах. Убеждал молодежь не уезжать из родного села, направлял ребят на учебу за счет совхоза. Сам ходил в школу, рассказывал о земле, о хлеботорбах, о перспективах развития совхоза... И добился своего — появились в совхозе родные доморощенные (в хорошем понимании этого слова) специалисты.

Приехал Иван Илларионович в совхоз в кожаной фронтальной куртке и проходил в ней многие годы. В кирзовых сапогах и с планшеткой на плече он походил на комиссара. С кем бы не встречался — разговор на равных. Спал по 5 часов в сутки, боялся куда-то не успеть и что-то не доделать, как будто знал, что сердце подведет. И оно не выдержало — в 1965 году Иван Илларионович перенес тяжелый инфаркт. Врачи запретили работать... 11 декабря 1987 года его не стало.

Я познакомилась с Иваном Илларионовичем у него дома в 1986 году, когда ему было 74 года. Несмотря на болезнь, выглядел он молодо, рубашка плотно облегалась не по годам крепко сбитое тело.

По первому впечатлению строг, но только коснется губ легкая улыбка — ничего начальственного нет, в глазах озорство мальчишеское.

Иван Илларионович рассказывал о совхозе, о людях, о руководителях института, а я сидела и спешила записать услышанное:

«Была у меня мечта развести племенное стадо. Поделился я мыслями с Дмитрием Ефимовичем Васильевым. Он одобрил эту идею и посоветовал съездить в совхоз «Бородулинский», что в Свердловской области.

Забрал я с собой специалистов, и поехали мы в «Бородулинский». У нас кормов было много, а в «Бородулинском» плохо с кормами. Вот мы и договорились: они нам 8 племенных бычков и 50 телочек, а мы их на всю зиму кормами обеспечим. Так у нас в совхозе был положен почин племенному стаду. А с «Бородулинским» крепкая дружба завязалась и взаимовыручка...»

Я спрашивала Ивана Илларионовича о том, как же всё-таки удалось поднять хозяйство практически из ничего, убедить в своей правоте разувверившихся в председателях людей, кто ему помогал, в ком он находил поддержку и опору.

«Очень помогал мне первый директор института Дмитрий Ефимович Васильев. Он был в курсе всех моих трудностей и замыслов. Мы вместе с ним почти ежедневно ездили по полям и фермам, дважды в год — в Москву на совещания с отчетами...

Еще опирался на специалистов, которых подбирали сам. Стал я приглядываться к немцам, жившим в совхозе. Они — переселенцы из Поволжья. Особенно грамотным был Герберт Мартынович Фильберт. Он так любил землю, что прямо чувствовал её. Я его и назначил агрономом.

Клименко Иван Илларионович

И. И. Клименко с женой Зоей Васильевной

Много сил вложил в организацию гаража Андрей Андреевич Гергерт, который проработал заведующим этого хозяйства с 1955 по 1984 год. Электромеханик-самоучка, но какие чудеса творил! Вот такие люди были моим активом.

И ещё помогало честолюбие: хотел сидеть по праздникам в президиуме и честно смотреть людям в глаза... А без моей верной помощницы — жены Зои Васильевны, которая проработала в совхозной больнице 18 лет, не состоялся бы директор Иван Клименко».

Иван Илларионович был хорошим хозяином. Это он ввел ночные дежурства главных специалистов. По два раза в месяц каждый из них обязан был отдежурить на ферме, в поле... Проверяли ночных сторожей — не спят ли? Нет ли хищений на полях? Не забывал директор и похвалить, поощрить отличившихся в работе.

И пропагандистом он был хорошим. Занятия в политкружке, которым он руководил, проходили интересно. Материал излагал живо и доступно, с примерами из жизни совхоза.

Иван Илларионович был для всех в совхозе примером. Не любил он разболтанности, расхлябанности... Его по праву можно считать основателем совхоза «Береговой».

372 Человек оставляет в памяти людей свои дела, тепло своей души. А если он руководитель, то общение с ним хранится в их сердцах и душах всю жизнь, накладывает отпечаток на характеры, взгляды, а порой и на судьбы. Наверное, это и есть тот след в жизни, который оставляет Человек, такой след оставил и Иван Илларионович Клименко.

И. В. Большева

Из воспоминаний

Из всех директоров И. И. Клименко — лучший организатор сельского хозяйства, знал он его в совершенстве. Нравилось в нём то, что он умел считать народные деньги, в нём чувствовалась крепкая крестьянская жилка...

Прочитал где-то Иван Илларионович о том, что в одной деревне в Свердловской области выращивают вику — сортовое зерно на семена. Поехал туда сам и привез семян, посеяли и впервые получили высокий урожай. Когда сдали на хлебоприемный пункт, сразу получили денежный резерв на совхозный счет в Госбанке. А если бы сдали несортное зерно, получили бы гораздо меньше...

Был очень требовательным, но справедливым. Себя не щадил. Совершенно не считался со временем: мог ночью встать и поехать на ферму или в поле. Дисциплина при нём была крепкая. К нему можно было запросто зайти в любое время домой или в кабинет.

Д. А. Блинов

Запомнился мне Клименко своей требовательностью и неутомимостью. Бывало рано утром придут бригадиры на разрядку, а Иван Илларионович к тому времени уже объедет все хозяйство и каждому конкретно скажет, как и что нужно сделать, какие недостатки исправить.

Иван Илларионович болел душой за совхоз. Однажды были мы с ним в Москве на ВДНХ, и увидел он там высокоурожайные бобы. Пошел к руководству ВДНХ и не успокоился, пока не добился, чтобы нам эти бобы прямо с выставки дали. Приехали домой, посадили бобы и до сих пор собираем высокие урожаи...

Г. Н. Бобин

Помню, ехали мы с Иваном Илларионовичем через поле. А на поле стоял какой-то агрегат. Клименко осмотрел его, разобрал и пока не отремонтировал его, с поля не уехал.

Много он брал на себя. Порой не мог положиться на специалистов, не потому что не доверял, а потому что знал, кто на что способен. Ведь у многих из них знаний не хватало.

Еще один случай вспоминается. Совхоз выращивал много моркови — незаменимый витаминный корм. Морковь собирали грязную, такую скармливать скоту нельзя. А мыть и чистить её вручную не по силам. Тогда Иван Илларионович нашёл какую-то трубу, загнул её как надо, сделал ёмкость для воды, установил мотор, и стало это устройство мыть и чистить морковь тоннами. Народ прозвал сей агрегат «пушкой Клименко».

По характеру человек он был веселый и жизнерадостный, любил песни петь. Помню, для прополки определил он каждому специалисту норму в 15 соток.

Клименко Иван Илларионович

Ровно их отмерил и таблички поставил с фамилиями. Первой стояла его фамилия. А я думаю: «Встанем с женой пораньше утром, часа в четыре, и обгоним мы с ней Клименко». Приходим на поле, а там Иван Илларионович со своей Зоей Васильевной уже половину нормы сделали и песни поют.

Собрался я в 1957 году уезжать из совхоза на Алтай, в родные края. Клименко меня три месяца убеждал не уезжать. Говорил: «Ты здесь специалист, перспектива есть, а что там? Ведь всё с нуля будешь начинать». Но я уехал, а через полтора года вернулся назад. Во всём прав оказался Иван Илларионович.

С. Н. Бусов

Крупников Константин Константинович

21.01.1922–28.01.2006

Ученый-исследователь, ветеран атомной отрасли, участник разработки первой советской атомной бомбы, кандидат физико-математических наук (1961), старший научный сотрудник по специальности газодинамика (1962); член ВКП(б) с 1945 года; лауреат Сталинских (1949, 1953) и Ленинской (1964) премий, почетный гражданин г. Снежинска (1999).

1939 — студент МВТУ им. Баумана.

1945 — младший научный сотрудник Института машиноведения АН СССР, г. Москва.

1947 — младший научный сотрудник, научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.

1955 — заместитель начальника газодинамического сектора НИИ-1011, г. Снежинск.

1960 — начальник отдела, там же.

1990 — ведущий научный сотрудник там же.

Награжден орденами: Ленина (1949), Почета (1999); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1979), юбилейными медалями; нагрудными знаками: «Изобретатель СССР» (1978), «50 лет атомной отрасли» (1995), «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1998). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Крупников Константин Константинович

Один из старейших сотрудников атомной отрасли Константин Константинович Крупников целиком посвятил свою жизнь решению теоретических и прикладных задач, связанных с разработкой ядерных и термоядерных зарядов, изучению поведения веществ в области сверхвысоких мегабарных давлений, исследованию физики ударных волн и высокотемпературных явлений.

Из автобиографии, написанной 09.02.1953 года:

«Окончил полную среднюю школу № 59 в г. Воронеже, в этом же году поступил на первый курс танкового факультета Московского высшего технического училища им. Баумана. В начале Отечественной войны был направлен на ремонтный завод под Нарофоминском, где работал слесарем два месяца (июль—август 1941 года). В конце августа был отозван на учебу. В октябре 1941 года вместе с училищем был эвакуирован в г. Ижевск Удмуртской АССР. Здесь я продолжал занятия в МВТУ.

С ноября 1941 года по июль 1942 года работал на заводе 524 сначала слесарем, а затем технологом, совмещая работу с учебой в училище. В марте 1943 года вместе с училищем был эвакуирован в Москву.

В июле 1945 года закончил Московское высшее техническое училище по специальности «танкостроение» с присвоением квалификации инженера-механика. По окончании училища был направлен на работу в Институт машиноведения АН СССР. Здесь я работал с августа 1945 года по июнь 1947 года в лаборатории трения в качестве младшего научного сотрудника. В июле 1947 года был переведен на объект т. Александрова, где работаю по настоящее время.

В 1937 году в г. Смоленске был принят в комсомол. Членом ВЛКСМ состоял до июня 1945 года. Из членов ВЛКСМ выбыл в связи с уходом с руководящей комсомольской работы.

С мая 1945 года являюсь членом ВКП(б). В члены ВКП(б) принят парторганизацией МВТУ (г. Москва).

В период учебы в МВТУ был членом бюро, заместителем секретаря бюро, секретарем бюро ВЛКСМ танкового факультета. В 1946—1947 гг. был заместителем парторга Института машиноведения АН СССР. В 1948—1949 гг. являлся парторгом отдела 30. В 1951—1952 гг. — заместитель секретаря парторганизации № 4.

В настоящее время работаю агитатором среди населения.

В 1949 году за выполнение задания правительства награжден орденом Ленина и присвоено звание лауреата Сталинской премии 2-й степени.

Мои родители: мать, Крупникова Галина Алексеевна, умерла в 1925 году, отец, Крупников Константин Андреевич, оставил семью до моего рождения, умер в 1930 (31) году».

Константин Константинович Крупников является одним из первопроходцев, начинавших в 1947 году практическую работу по осуществлению проекта создания ядерного оружия в СССР. Этому способствовали не только хорошие знания и желание молодого ученого, но и ряд счастливо сложившихся обстоятельств.

В июле 1945 года после окончания МВТУ им. Баумана он начал работать в лаборатории трения Института машиноведения АН СССР. Там же рядом находилась рентгеновская лаборатория Вениамина Ароновича Цукермана. К. К. Крупников общался с сотрудниками этой лаборатории, и в неофициальном разговоре в начале 1947 года Цукерман предложил ему заняться новой интересной работой, предупредив, что для этого надо будет уехать из Москвы. Крупников согласился, сказав из осторожности, что не уверен, сможет ли он что-нибудь понять в новом деле. Цукерман ответил, что в этом деле еще никто ничего не понимает. С того времени научные интересы от проблем трения навсегда перешли в область физики сверхвысоких давлений.

Приехав на «объект» — теперь это Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (г. Саров Нижегородской области), — в лаборатории В. А. Цукермана Константин Константинович начал заниматься изучением поведения веществ при высоких давлениях, возникающих при детонации взрывчатки. Эта проблема исследовалась одновременно в трех лабораториях: В. А. Цукермана, Л. В. Альтшулера и Е. К. Завойского. Прежде всего надо было определить параметры детонации взрывчатых веществ — скорость детонации, массовую скорость продуктов взрыва, их плотность и показатель адиабаты. Эти параметры определяют уравнение состояния продуктов взрыва, от которого зависит поведение металлов, нагруженных давлением детонации взрывчатого вещества. В то время создание методов исследований и изучение свойств веществ осуществлялись одновременно. В упомянутых трех лабораториях родились известные рентгенографический, электроконтактный и электромагнитный методы, которые и в настоящее время применяются для изучения уравнений состояния веществ.

На этапе создания первого атомного заряда очень важно было знать точные параметры детонации ВВ и, в частности, истинную величину массовой скорости продуктов взрыва. В итоге, тремя независимыми методами она была точно определена, и полученным результатом оправдалось предвидение Я. Б. Зельдовича о справедливости концепции Ландау — Станюковича для описания уравнений состояния продуктов взрыва конденсированных взрывчатых веществ. Важность этой задачи подтверждает и тот факт, что в её решении принимал личное участие Ю. Б. Харитон.

Так блестяще начиналась научная карьера талантливого ученого, экспериментатора-газодинамика Крупникова Константина Константиновича. Ему посчастливилось оказаться с самого начала в центре научных исследований, которые заложили основу создания ядерного оружия. Его работа началась в условиях тесного контакта с известными в стране и за рубежом учеными: Я. Б. Зельдовичем, Ю. Б. Харитоном, К. И. Щёлкиным, Л. В. Альтшулером, В. А. Цукерманом. Тесное научное общение с ними помогло ему сформировать собственные принципы подхода к результатам научных исследований, к оценке физических явлений. Именно в этот период раскрылся его талант. Так, еще до первого ядерного испытания

в августе 1949 года, проведенного с зарядом, копировавшим американскую схему, Л. В. Альтшулер, К. К. Крупников, Е. И. Забабахин, Я. Б. Зельдович предложили другую схему заряда, обеспечивающую больший отбор энергии ВВ для сжатия делящегося материала. Во втором и третьем испытаниях эта схема подтвердила правильность расчетов: испытанные заряды оказались вдвое мощнее и экономичнее первого.

В этот период подход К. К. Крупникова к исследовательской работе формировался под влиянием взглядов Ю. Б. Харитона. Он навсегда усвоил его «железный» принцип: мелочи могут оказаться причиной провала всего дела. Он следовал его заповедям: «предусмотреть и исключить такую возможность обязан каждый исполнитель, чтобы руководитель мог на него положиться»; «о явлении надо знать на порядок больше, чем этого требуется непосредственно для практического его использования».

За свою продолжительную жизнь ученого, посвятившего себя исследованию поведения веществ при сильных и слабых ударных воздействиях, им досконально изучены многие явления. Опубликовано большое количество работ в стране и за рубежом, которые известны как первопроходческие. Проблематика публикаций К. К. Крупникова показывает широту его научных интересов, многообразие исследовательских направлений, среди которых:

- особенности динамической сжимаемости кварца;
- динамическая сжимаемость и уравнения состояния железа при высоких давлениях;
- расчет взрывов в средах с полиморфными фазовыми переходами;
- исследование откольных явлений в свинце при ударном разогреве до и выше температуры плавления;
- электропроводность полифторэтилена при нагружении ударными волнами и разгрузке;
- исследование кинетики превращений природного цейлонского графита в ударных волнах;
- исследование динамической сжимаемости плутония;
- исследование особенностей сжимаемости пористых материалов в ударно-волновых процессах;
- фазовые превращения кварца в ударных волнах подземных ядерных взрывов;
- индукционный метод непрерывной регистрации скорости конденсированной среды в ударно-волновых процессах;
- особенности структуры фронта пластической волны в кварце;
- взрывные лабораторные устройства для исследования сжатия веществ в ударных волнах;
- динамическая сжимаемость металлов при давлениях от четырехсот тысяч до четырех миллионов атмосфер.

Ряд работ увидели свет годами позже выполненных исследований, а некоторые до сих пор не опубликованы, что связано с интересами обороны государства.

Константин Константинович успел написать ряд очерков о наиболее ярких моментах своей жизни, о соратниках, с которыми вместе работал: «Атомный богатырь» (воспоминания о И. В. Курчатове), «Заповеди Ю. Б. Харитона», «Открытый для открытий» (воспоминания о Я. Б. Зельдовиче), «От атомного заряда к термоядерному оружию», «Начало физики мегабарных давлений», «Друзей прекрасные черты», «Становление советской атомной индустрии», «Нас хранила судьба».

Нечасто встречаются супружеские пары ученых, посвятивших свои жизни служению одной научной области. Но именно такой оказалась чета Крупниковых. Константин Константинович и Валентина Петровна, познакомившись в 1943 году, будучи студентами МВТУ им. Баумана, поженились в 1949-м и с 1950 года, работая в отделе Льва Владимировича Альтшулера, вместе занимались проблемами физики ударных волн. В своих воспоминаниях Константин Константинович пишет: «...самые большие ценности, полученные тогда, — мои товарищи по работе и жена, с которой мы прошли полвека рука об руку. Валя не дожила одного месяца до нашей золотой свадьбы».

Константина Константиновича Крупникова не стало 28 января 2006 года. В своей нравственной позиции он всегда оставался человеком принципиальным, высоко ценившим честность и порядочность. Замечательный ученый, убежденный коммунист, он оставался верным общечеловеческим принципам добра и справедливости. За активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи он был награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, которым очень гордился.

Коллектив сектора высоко ценил опыт, знания и эрудицию К. К. Крупникова. Его жизнь — яркий пример для молодых ученых, решивших посвятить себя науке. Уход Константина Константиновича из жизни для всех нас, его сотрудников-соратников был тем более неожиданным, что он не болел и за несколько дней до своей кончины обсуждал с коллегами нерешенные научные проблемы. Научная деятельность К. К. Крупникова стала хорошей школой для ученых — продолжателей начатого им дела.

Л. Л. Лебедев

Из воспоминаний

Родился Константин Константинович 21 января 1922 года в Воронеже. Окончив десятилетку, он поступил в МВТУ им. Баумана. Учился блестяще, был сталинским стипендиатом (на всю страну назначалось всего сто таких стипендий).

С первых дней войны их курс работал на ремонтном заводе, куда поступали еще горячие, не остывшие после боя, пахнущие гарью, с пробитыми насквозь корпусами танки. Зимой 1941-го студентов эвакуировали в Ижевск. Там в лютые

морозы они практически демонтировали завод мотоциклов и наладили производство вооружения.

Много позже, в 1980-е годы, во время отпуска семья Крупниковых по пути в Прибалтику проезжала мимо Вязьмы. Остановились у памятника погибшим в 1941 году. Здесь сражались ополченцы Бауманского района. В их составе был почти весь курс бауманского института, на год моложе курса Константина Константиновича. Практически все ополченцы погибли. Его курс тогда не взяли в ополчение — такая вот счастливая случайность.

Преддипломную практику Константин Константинович проходил на Челябинском танковом заводе, которым тогда руководил Н. Л. Духов. После окончания института его как одного из лучших студентов направили работать в Институт машиноведения АН СССР на должность младшего научного сотрудника. Он начал работу над тормозами для будущих поколений самолетов (теперь мы знаем — реактивных). Там он познакомился с В. А. Цукерманом, который работал в соседней лаборатории. Началась работа над первой атомной бомбой: вначале у В. А. Цукермана, дружба с которым продолжалась всю жизнь, а вскоре в лаборатории Л. В. Альтшулера.

С июля 1947 года Константин Константинович (его кандидатура была предложена В. А. Цукерманом) приступил к работе в Сарове. На вопрос: «Какой была обстановка в то время?» — Константин Константинович ответил, что никакого страха они тогда не испытывали, режим над ними не тяготел, было ощущение свободы, состояние постоянного поиска, так как новым было всё. Результаты исследований обсуждали, помогали друг другу, на критику не обижались. Работали ответственно, были одержимы работой и заканчивали ее за полночь.

Состояние техники безопасности — одной из главных составляющих в работе с взрывчатыми веществами — соответствовало уровню развития науки на тот период. Случалось разное, иногда и с риском для жизни.

«Соблюдение техники безопасности считалось само собой разумеющимся в нашей работе, — рассказывал Константин Константинович, — хотя срывы бывали. Как-то мы с Борисом Николаевичем Леденёвым работали на внутреннем полигоне во втором каземате. Казематов не хватало, поэтому разные работы совмещали в одном. Он занимался своим делом, я — своим...»

Крупников включил тумблер на трансформаторе с надписью «Накал», а нить накала не реагирует. Попытался с помощью вольтметра выяснить, в чем дело, и оказался под напряжением в 30 тысяч вольт.

380 «Тут я увидел вспышку и больше ничего не мог делать — ни говорить, ни двигаться. Сознания я не терял, но сколько времени так прошло — не представляю. Помню, как меня за плечо оторвали от трансформатора... Оказалось, что Борис Николаевич случайно обернулся и, поняв ситуацию, оторвав меня от трансформатора, спас мне жизнь.

Много случаев можно вспомнить — и курьезных, и драматических. Это отдельная тема для разговора».

Дело продвигалось быстро. Поиски, исследования принесли положительные результаты. В августе 1949 года в СССР была испытана первая атомная бомба. В создание ее большой вклад внес молодой ученый К. К. Крупников. Он участвовал в разработке электроконтактного метода измерения скоростей движущегося под действием взрыва металла; в экспериментальном исследовании и определении параметров нормальной, а также сходящейся сферической детонации; в разработке и реализации экспериментальных методов исследования уравнений состояния конденсированных веществ при высоких давлениях, позволяющих определять термодинамические параметры вещества; в экспериментальном исследовании уравнений состояния металлов при высоких давлениях, создаваемых взрывом.

Для урана были получены данные о динамической сжимаемости в диапазоне давления от нескольких сотен тысяч до пяти миллионов атмосфер. Получить наиболее высокие давления и провести соответствующие измерения удалось за счет применения специально разработанных зарядов, в которых давление в исследуемом образце металла создавалось ударом полый металлической оболочки, разгоняемой до высоких скоростей (10 км/с) продуктами взрыва сходящейся сферической детонации. Полученные экспериментальные данные явились надежной основой для расчетно-теоретического обоснования величины сжатия активного вещества в атомном заряде и, в конечном счете, для обоснования работоспособности разрабатываемого атомного заряда.

За участие в разработке первого советского атомного заряда К. К. Крупников, в числе других участников этих работ, Постановлением СМ СССР от 29 октября 1949 года был награжден орденом Ленина, ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии 2-й степени. Именно в те незабываемые годы Крупников формируется как ученый, как серьезный исследователь, а в 1953 году Константину Константиновичу присвоено еще одно звание лауреата Сталинской премии 2-й степени.

С 1955 года (с момента создания института) и до конца дней своих Крупников работал во ВНИИТФ (НИИ-1011), внося большой вклад в развитие науки. На Урал, который он знал еще с преддипломной практики, вместе с семьей приехал летом 1958 года.

В 1961 году Константин Константинович защитил кандидатскую диссертацию, а в 1962 году решением Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего и среднего образования СССР был утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности газодинамика.

Беседуя, Константин Константинович рассказывает больше о других, чем о себе, вспоминает, как интересно было работать. Постоянные опыты, исследования, а потом обсуждение результатов. «Семинары развивали нас, — говорит он, — обстановка была непринужденная, с руководителями общались как с равными, могли возражать, если считали позицию руководителя неверной».

Много говорит он о шепетильности ученых. Не дай бог, было присвоить чужую идею! Когда-то Цукерман предложил ученому Крагельскому использовать

Крупников Константин Константинович

для опыта по исследованию поверхности соприкосновения двух трущихся тел в качестве одного из них хлористое серебро (прозрачное твердое вещество). Через три года Игорь Викторович Крагельский написал Вениамину Ароновичу Цукерману письмо с просьбой разрешить опубликовать результаты этих исследований со ссылкой на его предложение. Цукерман успел забыть об этом, а Крагельский не забыл!

Константин Константинович и сам был крайне щепетилен. Так, составляя список научных работ, записал только те, где он был автором или соавтором, с обязательным указанием фамилий членов авторских коллективов. В нескольких отчетах соавтором была его жена Валентина Петровна.

С особой теплотой вспоминал Крупников работу с Ю. А. Романовым и Ю. А. Зысиным в 1960-е годы, тогда было проведено много физических опытов. А в 1964 году Константин Константинович стал лауреатом Ленинской премии. Но к званиям, наградам он был равнодушен. Самой большой наградой считал интересную работу и был счастлив, если добивался нужных результатов.

Он — один из пионеров динамического направления физики высоких давлений, автор более ста научных отчетов. Он обладал широкой научной эрудицией, глубокими знаниями специальных предметов, тонким искусством эксперимента, умел тщательно анализировать результаты. Его характеристики отмечают «глубокий и принципиальный подход к выполнению научных и практических задач, безупречное качество их решения» и подчеркивают: «Его характеризует творческое отношение к решению всех научных задач, независимо от их масштабов, исключительно строгое отношение к результатам исследований, их глубокий анализ». Многие его результаты используются в математических программах, в теоретических работах и экспериментах при отработке изделий и определении их параметров.

Константин Константинович как-то сказал, что ему всегда везло, как будто кто-то вел его за руку по жизни. Он и не догадывался, что еще больше повезло тем, кто находился рядом с ним. Это он сам создавал вокруг себя ауру добра. Интеллигентный, с внимательными добрыми глазами, когда он рассказывал о себе, о соратниках, о том, в каких условиях работали в сороковые годы, некоторые эпизоды вспоминал с улыбкой. А улыбка эта детская, обезоруживающая. Константин Константинович открытый, добродушный, какой-то незащищенный, влюбленный в людей.

Свойства его характера гармонично сочетались с его деловыми качествами. Он всегда и везде был самим собой. Ему не надо было переключаться, его мозг постоянно вел исследовательскую работу. Всё, что попадало в поле его зрения, он изучал. Как-то, чтобы починить дверной звонок в доме, он провел целое исследование и решил, что в момент починки по схеме может быть подано высокое напряжение, а это опасно в плане техники безопасности.

Он был великим оптимистом. Спокойно объяснял даже негативные явления. Когда в восемьдесят лет ему пришлось прибегнуть к слуховому аппарату и силь-

ным очкам, он очень ровно, не без юмора, заметил: «Мои человеческие датчики отказывают».

Его сын Константин, определяя главные качества отца, назвал порядочность и доброжелательность. На перечисление других свойств характера: терпеливость, внимательность, добросовестность, желание дойти до сути явления, тщательность в выполнении работы, позитивное восприятие окружающего — Константин ответил, что все они поглощаются названными им двумя. Например, добросовестное, ответственное отношение к делу — это и есть порядочность.

Константин Константинович трепетно любил свою семью. Жена его, Валентина Петровна, была для него всем: любимой женщиной, соратником по работе, ангелом-хранителем. Они учились в одном институте, на одном факультете, только она двумя годами позже. Познакомились они в 1943 году. В деканате она обратилась к нему с просьбой помочь ей по сопромату. Он был поражен ее красотой: ярко-рыжие вьющиеся волосы, нежный цвет лица, пухлые губы и распахнутые зеленые глаза...

Поженились они в 1950 году. Всю жизнь работали вместе. Константин Константинович ценил ее как исследователя, считал, что она внесла значительный вклад в развитие науки, и всегда утверждал, что вместо него лауреатом Ленинской премии 1964 года должна была быть Валентина Петровна — за ее научную интуицию, глубокое понимание исследуемого процесса и проведение сложной серии опытов.

Она ушла из жизни в 2000 году. Константин Константинович прожил эти пять лет без нее так, как будто она всегда была рядом с ним. В доме все вещи находились на тех же местах, что и при ней. Всюду висели, лежали, стояли на шкафах ее фотографии. На кухне он пользовался полотенцами, утварью, которые хранили тепло ее рук. А на холодильнике висел прозрачный пакет, в котором лежало несколько ее фотографий, и каждый день он менял их по какому-то ему одному известному правилу.

Летом 2005 года, возвращаясь из командировки, он обнаружил на крыльце своего дома котенка — рыжего, зеленоглазого. Он взял его домой, назвал Люшей (от имени Валюша). Люше он позволял всё. Любил наблюдать за ним. И делал «серьезные» умозаключения. Он рассказывал, как кот любит смотреть на струю воды в ванной и трогать ее лапой. Значит, поскольку кот не может по учебникам изучать гидравлику, он действует экспериментально. У него кот и гравитацию «изучал»: сбрасывая со стола предметы, наблюдал, как они падают, потом прыгивал на пол и пытался эти предметы подбросить.

Константин Константинович считал, что из-за загруженности на работе он мало внимания уделяет сыну Косте. Поэтому он использовал любую возможность для общения с ним. Так, приходя с работы домой, когда сына уже укладывали спать, он пристраивался рядом с ним на подушку и читал ему сказки. Костя тоже смотрел в книжку и просил отца перечитывать каждую страницу по нескольку раз. Отец подчинялся и перечитывал столько, сколько он просил. Но было непонятно, для

чего ребенку это нужно. Родители даже боялись, что сын не усваивает прочитанное. Но вот однажды, когда мама гуляла с Костиком в парке, мальчик подбежал к чужой тете, которая, сидя на скамейке, читала толстую книжку, заглянул через ее плечо и произнес: «Страница 347». Тетя спросила: «А можешь прочитать, что здесь написано?» Костик начал вслух читать роман. Тут подошла Валентина Петровна. Женщина обратилась к ней: «Сколько лет мальчику?». — «Скоро три года». — «Давно ли он научился читать?..» Так родители узнали, что их сын умеет читать. Какую же сложную работу проводил их малыш, запоминая буквы, слова, когда папа перечитывал страницы книги!

При огромном дефиците свободного времени Константин Константинович сумел привязать к себе сына так, что тот буквально чувствовал отца. Они понимали друг друга с полуслова. И если обсуждали что-нибудь, то не спорили, умели слушать и дополнять друг друга. Сын помогал отцу писать воспоминания «Друзей прекрасные черты», в которых Крупников рассказал о коллегах, трудностях и радости творческого труда, о победах. Эту работу он посвятил своей незабвенной супруге.

У сына, кстати, великолепное чутье и знание языка, он умеет исключительно четко, точно дать определение. Все эти способности достались ему от отца. Всегда интересно было наблюдать, как Константин Константинович восторженно смотрит на сына. Он гордился им. А сын боготворит своего отца.

И во внуках своих Константин Константинович души не чаял. И каждое свое общение с ними он использовал для того, чтобы развивать их и учить. Например, делал им кораблики с парусами и объяснял, почему кораблик на парусах может идти против ветра. Он делал им ходули, учил ездить на велосипеде, на своей старенькой «Волге». Внукам всю жизнь казалось, что дедушка только ими и занимается, изредка уходя на работу. И только на похоронах они услышали, сколь огромны его научные достижения.

При всей грандиозности творимых им дел Константин Константинович был удивительно домашний, он был привязан к старым вещам, книгам, газетам. Много читал. Любил поэзию. Обожал стихи Юлии Друниной и Андрея Дементьева. Отдыхал, слушая симфоническую музыку. Любимым телевизионным каналом его был канал «Культура». За несколько дней до своей кончины он посмотрел цикл передач, посвященных Игорю Моисееву. Звонил сыну в Москву и делился впечатлениями. Константин Константинович с молодых лет увлекался хорошей музыкой, театром, литературой, музеями. После войны они с Валентиной Петровной ночами стояли в очереди за билетами в театр, пересмотрели весь репертуар, бегали по музеям.

Он был предан своей семье и друзьям. Своих убеждений не менял. Остался верен идеалам социальной справедливости, оставаясь в рядах Коммунистической партии. Он награжден знаком «50 лет в рядах Коммунистической партии», медалью ЦК КПРФ «60 лет Победы в Великой Отечественной войне». Получив эту награду, он сказал: «Я был, есть и буду до последнего вздоха коммунистом».

Крупников Константин Константинович

Константин Константинович до конца жизни сохранил светлый ум и уникальную память. В минуты отдыха, например, любил решать задачи из вузовских учебников. На последних Забабахинских научных чтениях поставил перед мировым сообществом газодинамиков-экспериментаторов проблему регистрации возможного уменьшения температуры с повышением давления за фронтом ударной волны при фазовом переходе в некоторых веществах. Нужен талант ученого, чтобы обратить внимание и понять, что это явление требует изучения.

За несколько дней до кончины он обратил внимание сотрудников сектора на нюансы одной из газодинамических задач. В последние дни жизни готовил цикл лекций по газодинамике для молодых специалистов. Он был одним из самых активных членов комиссии по открытым публикациям.

Светлым человеком был Константин Константинович. И память о нём останется светлая.

*По материалам статей Э. В. Каюровой
«В ауре добра» и «Живая легенда»
(«Наша газета», 2006, 9 февраля; 2002, 30 января)*

В 1950–1960-х годах бесспорна огромная роль Константина Константиновича Крупникова и его супруги Валентины Петровны в привнесении в созданный на Урале институт газодинамической школы, уже сложившейся к тому времени в Сарове в отделе Л. В. Альтшулера.

Константин Константинович был строгим судьей в обсуждениях подготавливаемых в отделе научных материалов и одновременно учителем, подсказывая, куда и как двигаться.

Валентина Петровна, работавшая в отделе К. К. Крупникова руководителем группы, — это экспансивный романтик взрывного эксперимента. Она буквально накачивала молодых сотрудников историями о том, как то или иное делалось в Сарове, какие ошибки, случайно не приведшие к трагедиям, допускались. Она столько рассказывала о «столпах» газодинамики: Я. Б. Зельдовиче, С. Б. Кормере, Л. В. Альтшулере, В. А. Цукермане, А. А. Брише, Д. М. Тарасове и других, что казалось, ты с ними знаком лично. В итоге, в 1970–1980-х годах отдел, возглавлявшийся К. К. Крупниковым, стал высокопрофессиональным коллективом, с честью решившим многие научно-технические проблемы.

В. И. Таржанов

В 1972 году отдел был молодым, и Крупников был первым, у которого наступил юбилей. Это событие было в новинку (теперь юбилеи следуют один за другим и стали привычными), и все принимали участие в его подготовке, точнее, в изготовлении подарка (кто идеями, а кто руками).

Решили подарить камень — зеленую яшму, у которого были полированы только две поверхности. На одной — напылен штриховой портрет К. К. Крупникова

Крупников Константин Константинович

и две его даты: 25 лет работы в атомной промышленности и 50 лет со дня рождения. На другой стороне — символы некоторых научных достижений Константина Константиновича:

- ударные адиабаты пористого вольфрама, которые демонстрируют нетривиальный факт, что с некоторого значения начальной плотности вещество в ударной волне не дожимается до его монолитной плотности;
- полученная на двухкаскадном сферическом заряде рекордная точка ударной сжимаемости железа ($P = 9,4$ Мбар, $\sigma = \rho/\rho_0 = 1,99$);
- баллистический маятник для определения импульса рентгеновского удара;
- полукольцевая выработка для размещения измерительного оборудования методики грунтового шара;
- сконструированное им аналитическое уравнение состояния кварца с учетом фазового перехода α -кварца в стишовит.

Из-за ограниченности места на камне отражены не все разработанные с его участием методы экспериментальной газодинамики и методики измерений.

Константин Константинович обычно не отмечал свой день рождения, поскольку его дата совпадала с датой смерти В. И. Ленина, поэтому Валентина Петровна предупредила нас, чтобы мы ни в коем случае не говорили Крупникову, что придем его поздравлять, иначе он куда-нибудь сбежит, и сама она никаких приготовлений дома не делала. Уловка удалась: когда мы всем отделом пришли к ним домой, Константин Константинович принимал ванну и уже никуда не мог исчезнуть. Работа по подготовке праздника закипела.

Когда Николай Иванович Шишкин произносил поздравительную речь, он от сильного волнения вертел и тер наш каменный подарок. Я очень беспокоился, что он сотрет нанесенные на камне изображения, но напыление оказалось прочным и выдержало «издевательства» Шишкина. Этот сувенир сохранился до сих пор.

М. М. Горшков

В середине апреля 1971 года я прибыл по направлению в газодинамический отдел исследования ударной сжимаемости материалов. Константин Константинович Крупников был его начальником. В первый же день моего появления на рабочем месте я был приглашен к нему в кабинет. К этому времени информация, в известных пределах, об институте с его задачами, о высоком научно-техническом уровне специалистов была получена мною от сверстников — сотрудников газодинамического сектора, гордых своей причастностью к ним.

386 Первое впечатление о трех «К» (потом эти три «К» перешли от Константина Константиновича к его сыну, а от него и к старшему внуку) сложилось двояким. С одной стороны — живой классик, работы которого можно встретить на страницах многих научно-технических журналов, учебников, справочников и даже в иностранных изданиях, а с другой — это был обыкновенный человек, далеко не внушительных размеров, весьма скромно одетый, простой и доступный себе-

седник. Даже сидел-то он не в отдельном кабинете, а вместе с научным сотрудником Борисом Николаевичем Семёновым.

Так вот про беседу. Скорее, просто как более опытный в житейских вопросах человек, а не строгий начальник отдела, Константин Константинович выпросил буквально про всё: где родился, где учился, кто остался дома в Горьковской области, как здесь устроился, наклонности, увлечения, чем хотел бы заниматься на работе. Прошло столько лет, а тот разговор, с его деликатным интересом к человеку, у меня до сих пор в памяти, и я пытаюсь строить свои отношения с людьми таким же образом.

Личная скромность этого человека проявлялась во многих мелочах. Например, с большим трудом, по секрету от него сотрудникам отдела удавалось устраивать 50- и 60-летние юбилеи Константина Константиновича. Чтобы избежать своего чествования, он специально уходил в эти дни в отпуск. Поэтому приходилось всё готовить в большом секрете у него дома (благодаря большой активности Валентины Петровны Крупниковой — замечательной, очень общительной и активной женщины) и за его пределами. Юбиляр ставился в безвыходное положение появлением в доме большого количества гостей — близких сотрудников и друзей, которых не пустить на порог он в силу своей интеллигентности, конечно же, не мог.

Е. В. Абакишин

Высокий уровень экспериментальных исследований ударно-волновых процессов в различных материалах и конструкциях ядерных зарядов сложился в РФЯЦ — ВНИИТФ не сам по себе. Этот уровень был достигнут благодаря эффективной работе неформального коллектива экспериментаторов, теоретиков и математиков сначала в Сарове, а потом и в Снежинске. Основы этой школы были заложены К. И. Щёлкиным, Я. Б. Зельдовичем, Е. И. Забахиным, Л. В. Альшутлером, Д. М. Тарасовым и другими. К. К. Крупников был одним из первых, так сказать, её выпускников. В своей работе он всегда следовал правилу: при постановке и проведении эксперимента нет мелочей. Такой подход обеспечивал полноту экспериментальной информации и сильно облегчал дальнейшее воспроизведение экспериментальных результатов с помощью расчетов на ЭВМ.

Расчеты «изделий» на ЭВМ начались в РФЯЦ — ВНИИТФ в 1956 году. До этого они проводились вручную методом характеристик и были весьма трудоемкими. В них использовались простейшие уравнения состояния продуктов взрыва и конструкционных материалов. Математические модели содержали эмпирические параметры, которые калибровались с помощью экспериментальных данных. Таким образом, газодинамический эксперимент всегда был важной составной частью технологии разработки новых образцов ядерного оружия.

Необходимость описывать эксперимент с помощью расчетов породила ряд направлений развития физических и математических моделей: уравнения состояния продуктов взрыва, моделирование пористости и прочности, включая и откольные

явления разрушения, уравнения состояния с фазовыми переходами, расщепление ударных волн и ряд других.

Мне довелось сотрудничать с К. К. Крупниковым по некоторым важным направлениям работ. Исторически первой такой работой было изучение свойств материалов под действием ударных волн и волн разрежения. Ударные волны создавались с помощью облучения образцов рентгеновским излучением ядерного взрыва. Образцы размещались на различных расстояниях от центра взрыва, что обеспечивало разные уровни воздействий. Под руководством К. К. Крупникова была разработана система баллистических маятников, позволяющая регистрировать не только параметры ударной волны, выходящей на тыльную поверхность образца, но и величину импульса давления на лицевой поверхности маятника. Перед каждым физическим опытом проводились многочисленные расчеты поведения нескольких сотен образцов с целью определения характеристик баллистических маятников. После проведения физического опыта все образцы обсчитывались заново. При этом полученные экспериментальные данные делились на две части — информационную и контрольную. Данные первой группы сообщались теоретикам и математикам и использовались для оптимизации физико-математической модели, в том числе и модели откольного разрушения. Результаты измерений образцов, отнесенных ко второй группе, математикам не сообщались. Сопоставление результатов расчетов и экспериментов проводилось, как правило, на совещаниях у Е. И. Забахина, который интересовался практически всеми работами основной тематики института. В этой работе обычно участвовал Константин Константинович. Нужно сказать, что и методики измерений, и методики расчетов, и физические модели были далеки от совершенства. Поэтому бывало, что результаты не совпадали. В этих случаях приходилось искать причины различий. Математики искали их в нечеткой постановке измерений, экспериментаторы — в примитивности физических и математических моделей. К. К. Крупников упорно защищал верность экспериментов. И хотя, это всегда было поводом для совершенствования моделей, возникало чувство раздраженности от его неуступчивости.

Второй работой, где мне пришлось тесно взаимодействовать с Константином Константиновичем, было исследование условий получения искусственных алмазов. Впервые в мире искусственные мелкодисперсные алмазы были получены при проведении взрывов тротила в замкнутом объеме сотрудниками отдела К. К. Крупникова (К. В. Волков, В. В. Даниленко и другие). Я помню, как меня вызвал мой начальник Н. Н. Яненко (тогда он еще не был академиком) и сказал, что газодинамики научились с помощью взрыва получать искусственные алмазы. Моя задача — срочно создать уравнение состояния, описывающее фазовый переход графит — алмаз, и научиться с помощью расчетов прогнозировать такой путь уменьшения давления и температуры в продуктах взрыва, чтобы выход алмазов был максимальным. Наши представления об искусственных алмазах в то время были очень простыми. Я представил себе такую картину. Сидят несколько парней экспериментаторов, перед ними гора бриллиантов, и они не знают, что с ними

делать. Нужно сказать, что в 1960-е годы расчеты на ЭВМ доставались большим трудом. Они велись круглосуточно, днем и ночью, как правило, женщинами. И я понял, что нужно каждой из сотрудниц математического сектора к 8 Марта подарить по бриллианту. С такой идеей я и пошел в газодинамический сектор на первую встречу с автором бриллиантов. Каково же было мое разочарование, когда мне показали пробирку с черным порошком и сказали, что это и есть искусственные алмазы. Работа по получению искусственных алмазов была настолько многообещающей, что, не дожидаясь уравнения состояния углерода, в одном из подземных ядерных взрывов «на выброс» были установлены контейнеры с графитом. Однако объем выброшенной из воронки породы был настолько велик, что отыскать контейнеры с алмазами, в которые превратился графит, так и не удалось. Работа эта не была доведена до реальных промышленных результатов. Вскоре, несмотря на огромный интерес Е. И. Забабахина к этой первой конверсионной работе, она была прекращена по решению руководства Министерства среднего машиностроения СССР. А уравнение состояния углерода было создано позднее сотрудниками математического отдела одномерной газодинамики. От экспериментаторов в ней участвовал А. Н. Аверин.

Третья работа, в которой тесно сотрудничали экспериментаторы из отдела К. К. Крупникова и математики из вышеупомянутого отдела, была посвящена созданию метода грунтового шара (МГШ) для измерения мощности ядерных зарядов при подземных взрывах. Работа завершилась созданием «Атласа МГШ», где были приведены калибровочные кривые метода для нескольких десятков горных пород и грунтов. При проведении этой работы возникла необходимость в создании уравнения состояния, описывающего фазовый переход от рыхлой фазы α -кварца в плотную фазу — стишовит. Это положило начало учету полиморфных фазовых переходов в горных породах, поскольку переход из рыхлой в плотную фазу характерен практически для всех силикатных пород. При проведении этой работы ярко проявились противоречия в интересах теоретиков и экспериментаторов. Причина заключалась в стремлении газодинамиков не только проводить измерения, но и создавать теоретические модели изучаемых физических процессов. И здесь была ловушка, поскольку авторам модели трудно согласиться, что другая модель в чем-то лучше. Как-то на конференции Л. В. Альтшулер, который хорошо знал К. К. Крупникова, сказал мне примерно следующее: «Константин Константинович получает прекрасные экспериментальные результаты, но не публикует их. Просто у него «не выработался секрет писучести». Поскольку вы с ним тесно сотрудничаете, возьмите на себя работу по подготовке публикаций по схеме эксперимент — модель — расчет — статья». Мне это понравилось. Однако дальше одной статьи в ДАН СССР по уравнению состояния кварца дело не пошло. Наше умение строить такие уравнения состояния пригодилось потом при проведении совместного советско-американского эксперимента (СЭК), позволившего сравнить советские и американские методы измерения мощности подземных ядерных взрывов.

Крупников Константин Константинович

Эрудиция К. К. Крупникова была высоко оценена Е. И. Забабахиным, который включил его в состав комиссии по приему кандидатских экзаменов по специальности «химическая физика, в том числе физика горения и взрыва». Комиссию возглавлял сам Евгений Иванович. Кроме Константина Константиновича в нее входили Ю. С. Вахрамеев от теоретиков и В. Ф. Куропатенко от математиков. Экзамен по этой специальности сдали многие сотрудники НИО-3 и НИО-4. Несмотря на то, что каждому сдающему Е. И. Забабахин давал вопросы накануне экзамена, иногда во время ответа возникали заминки. И вот тут К. К. Крупников открылся нам с неожиданной стороны. Несмотря на свой строгий вид, он задавал наводящие вопросы, облегчающие сдающему выкарабкаться из затруднительной ситуации. Он был интеллигентно-требовательным экзаменатором, и аспиранты гордились оценками своих знаний, полученными у К. К. Крупникова.

Константин Константинович был тверд в своих взглядах на жизнь, его отличала высокая порядочность как в вопросах науки, так и в вопросах экономики и политики. Он сохранил партийный билет и до конца своих дней был членом Снежинской городской организации Коммунистической партии Российской Федерации.

В. Ф. Куропатенко

Крупнов Виктор Николаевич

23.05.1931–01.01.1988

Инженер-технолог по производству взрывчатых веществ; крупный организатор производства; член КПСС с 1967 года, член ГК КПСС г. Снежинска (1971, 1973, 1975, 1978).

- 1948 – студент Казанского химико-технологического института им. С. М. Кирова, г. Казань.
- 1953 – мастер, инженер, старший инженер на заводе им. Свердлова, г. Дзержинск Горьковской обл.
- 1956 – старший инженер-технолог в цехе изготовления деталей из гидрида лития завода № 2 НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 – заместитель начальника цеха, там же.
- 1965 – начальник ОТК завода, там же.
- 1970 – директор завода № 2, там же.
- 1987 – пенсионер.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1971), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почетной Ленинской грамотой, его имя занесено в Ленинскую книгу почета, в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982). За многолетний добросовестный труд и по случаю выхода на пенсию приказом министра среднего машиностроения награжден именными часами.

Крупнов Виктор Николаевич

Виктор Николаевич Крупнов родился 23 мая 1931 года в селе Инсар Инсаровского района Марийской автономной республики в семье служащих. Отец работал агрономом, мать — учительницей. В 1939 году семья переехала в село Старое Синдрово Краснослободского района Мордовской АССР, куда был направлен на работу отец.

После окончания школы в 1948 году Виктор поступил на первый курс Казанского химико-технологического института, который окончил в 1953 году по специальности «химическая технология производства взрывчатых веществ». После института он получил направление на должность мастера на предприятие п/я 5 в городе Дзержинске Горьковской области. Работая мастером в цехе, Виктор проявил способности к ведению исследовательских работ и был переведен инженером в опытную мастерскую.

В январе 1956 года по рекомендации руководства предприятия п/я 5 он был переведен на предприятие НИИ-1011, где работал инженером, старшим инженером, а с 1959 года заместителем начальника цеха на заводе № 2. Виктор Николаевич проявил себя на работе технически грамотным специалистом, обладающим хорошими организаторскими способностями. Ветераны завода помнят, как в 1958 году зарождался цех. Это было время, когда в одном лице Виктору Николаевичу приходилось быть прессовщиком, технологом и заместителем начальника цеха.

Начало работы Виктора Николаевича в должности старшего инженера связано с изготовлением в цехе первых деталей, которые после прессования дорабатывались вручную в примитивном боксе. Никто из рабочих обрабатывать детали не умел, поэтому в большинстве случаев это приходилось делать Виктору Николаевичу.

В 1960 году состоялся переезд в новое здание, где фронт работ расширился. Были организованы прессовый, сборочный, слесарный участки, участок по обработке деталей на станке. Работа была тяжелой, условия для нее — неудовлетворительными, но благодаря усилиям Виктора Николаевича, искусно руководившего процессом производства, цех успешно решал поставленные перед ним задачи. Одновременно готовился пуск еще одного здания: шел монтаж прессов, станков, завозилось нестандартное оборудование, были организованы химическая и физическая лаборатории, укреплялись служба механика и электроприборная группа.

В апреле 1962 года здание было сдано строителями, а уже в июне началось выполнение ответственного правительственного задания по изготовлению деталей. Цех перешел на круглосуточную работу. В то время прессование заготовок для деталей велось «горячим» методом: пресс-формы с продуктом нагревались в печи при температуре 600°C. Чтобы избежать пожара, в печь закачивали аргон. Однажды одна из печей перегрелась, и заготовка детали начала гореть. Опасность удалось ликвидировать только с помощью закачки большого количества аргона. В дальнейшем, во избежание подобных случаев, была внедрена технология прессования «холодным» методом.

Работая заместителем начальника цеха, В. Н. Крупнов много сил, знаний и энергии вложил в организацию и становление цеха, оснащение его оборудованием, освоение и внедрение в производство сложнейших технологических процессов. Много времени уделял подготовке и воспитанию молодых рабочих и инженерных кадров, прибывающих в цех. Это было время создания первых изделий, время незабываемых успехов и творческих радостей.

Быстро развивались структурные подразделения завода, возглавляемые опытными, уже «обросшими» практикой специалистами.

Руководство завода, оценив высокую техническую грамотность, деловые качества и самоотверженный труд Виктора Николаевича, в 1965 году назначило его на должность начальника отдела технического контроля завода, а в 1970 году В. Н. Крупнов стал директором завода.

В должности директора завода В. Н. Крупнов проработал 17 лет. Он был опытным, эрудированным специалистом, технически грамотным инженером и умелым организатором производства, умеющим поднять весь коллектив заводчан на выполнение поставленных задач. Он внес большой вклад в организацию успешной работы завода по выполнению производственных заданий по изготовлению образцов новой техники.

Виктор Николаевич принимал активное участие в общественной жизни коллектива — с 1968 года он постоянно избирался членом партийного бюро завода и неоднократно членом городского комитета КПСС г. Снежинска (1971, 1973, 1975, 1978 годы).

Двери его кабинета были открыты для сотрудников завода всегда и в любое время, все вопросы здесь решались оперативно. Принципиальность, исполнительность, дисциплинированность, спокойствие, выдержка, обходительность, отсутствие в отношениях с людьми высокомерия — все это создавало решающие предпосылки для нормальной работы исполнителей всех рангов. Многие черты его характера, и как человека, и как руководителя — являются в настоящее время дефицитными для многих людей.

В аттестационной характеристике в 1982 году руководством института, горкома КПСС и ОЗК-24 было отмечено: «Являясь руководителем подразделения, Крупнов В. Н. много внимания уделяет мобилизации коллектива на досрочное выполнение производственных заданий, повышение качества выпускаемой продукции и эффективности производства. По итогам работы за I и III кварталы в 1982 году заводу присуждено I место. Ведет постоянно воспитательную работу в коллективе, выступает с беседами и лекциями, является постоянным членом партбюро завода и горкома КПСС. В обращении тактичен, отзывчив к нуждам трудящихся. Пользуется авторитетом».

За успешное выполнение заданий восьмой пятилетки в 1971 году Виктор Николаевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Из наградного листа: «Прошел путь от молодого специалиста — инженера до директора завода. Обладает большими знаниями и опытом организаторской

работы. Много сил и энергии вложил в освоение проектных мощностей завода. В период выполнения пятилетнего плана внес значительный вклад во внедрение в производство сложнейших технологических процессов по изготовлению образцов новой техники и освоение новых материалов».

В свободное от работы время Виктор Николаевич любил заниматься рыбной ловлей, шахматами, садом и особенно «тихой охотой» — сбором грибов. Грибник он был отменный и всегда набирал корзину грибов там, где другие грибники ничего не находили.

В 1987 году Виктор Николаевич вышел на пенсию. Все товарищи по работе с благодарностью вспоминают совместную работу, отмечая при этом взаимопонимание и большое взаимоуважение. Министр среднего машиностроения за многолетний добросовестный труд и по случаю выхода на пенсию своим приказом наградил Виктора Николаевича именными часами.

В. С. Жуйков

Из воспоминаний

Наше знакомство с Виктором Николаевичем Крупновым состоялось в 1973 году. Как-то после оперативки у Г. П. Ломинского, где я присутствовал как руководитель группы планово-производственного отдела управления института, я, В. Н. Крупнов, П. А. Рыбалкин (начальник ПДО завода № 2) вышли в коридор, закурили. Беседа, продолжившая обмен мнениями по какому-то из вопросов совещания, вдруг перешла в неожиданное русло — мне предложили перейти на 2-й завод заместителем начальника ПДО. Так я оказался в команде Крупнова. Это был знающий «технар»-взрывчатник» с хорошей практикой. Любой производственный вопрос решал со знанием дела. Как хороший организатор, он во главе каждого направления на заводе имел ответственного, владея необходимой информацией, умело руководил коллективом.

Учитывая особенности производства нашего завода, Виктор Николаевич особое внимание уделял вопросам техники безопасности. Соблюдение технологической дисциплины, требований охраны труда — считал он — главное, главное и еще раз главное! При малейшем нарушении, отступлении, несоответствии мог остановить любые работы до создания нормальных условий. Возможно, его требовательность и категоричность в отношении ТБ стали следствием курьеза, произошедшего в период его работы еще в должности заместителя начальника цеха.

394

В цехе пострадал парень: при разборке пресс-формы раздробил палец. Начали разбираться, как это могло произойти. Крупнов взялся собственноручно проделать всю операцию. Горячась и повторяя: «Ну как так? Тут всё предусмотрено!», — в последний момент получил тот же результат — травму. История продолжения не получила, но необходимые выводы были сделаны.

Крупнов Виктор Николаевич

Несмотря на представительность, к которой обязывала должность и способствовала его стать — Виктор Николаевич был выше среднего роста, плотный, как говорят, крепко сбитый, с ним было легко общаться. Бывало, конечно, вспылит, наталкиваясь на неоправданное упрямство или серьезные нарушения.

Был случай. В прилегающем к заводской территории лесу водилась тьма зайцев. Работник завода В. Алексеев, заядлый охотник, обнаружил расставленные охотничьи петли, собрал их и принес директору на стол. Оказалось, что молодые ребята, работавшие в третью смену, таким образом использовали свой обеденный перерыв. Крупнов был разъярен, обещал уволить горе-добытчиков, если... Но больше ничего подобного не случилось.

В целом Виктор Николаевич оставался достаточно мягким человеком, старался быть ненавязчивым, в душу не лез, при необходимости готов был прийти на помощь. Простой, самый обычный человек, он наравне со всеми ездил в подшефный совхоз в уборочную. Вместе с женой Евдокией Петровной возделывал свой садовый участок. Причем машины у Крупновых не было, и в сад им приходилось добираться на автобусе.

Что касается увлечений, как теперь говорят, хобби, особых пристрастий за ним не наблюдалось, но вот шахматист он был заядлый. Недостатков у него было два: много курил — «Беломор» — и не любил обращаться к врачам. Умудрялся избегать даже обязательных регулярных медосмотров.

Что-то заболело внутри. Решил, что рак, и никуда обращаться не стал. Оказалась банальная пресловутая язва. Произошло прободение, и не спасли.

А ведь могло всё быть иначе...

Г. К. Пинегин

Легоньков Владимир Иванович

11.10.1933–24.10.1997

Специалист в области вычислительной математики, программирования, кандидат физико-математических наук (1971), старший научный сотрудник (1976), лауреат Ленинской премии (1980), член КПСС в 1965–1991 гг.

- 1951 – студент механико-математического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по специальности «вычислительная математика».
- 1956 – старший лаборант отдела программирования НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1957 – инженер, там же
- 1959 – старший инженер, там же.
- 1961 – младший научный сотрудник, там же.
- 1963 – начальник отдела программирования, там же.
- 1990 – начальник отдела – заместитель начальника математического отделения, там же.
- 1996 – заместитель начальника НИО-570 (НИО-3), там же.

Награжден орденом «Знак Почета» (1971). Его имя занесено в Книгу Почета города (1977), в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982). В течение длительного периода был секретарем первичной парторганизации.

Владимир Иванович родился 11 октября 1933 года в Москве в семье Ивана Георгиевича и Нины Васильевны Легоньковых. Видимо, в детстве, когда закладывается стержень характера, Владимир унаследовал от родителей такие черты, как добросовестное отношение к работе, отсутствие суеты.

Когда началась война, семья была эвакуирована на Урал, где Володя пошел в начальную школу. В Москву Легоньковы вернулись в 1943 году, а в 1951-м Владимир закончил школу с золотой медалью.

В том же году он поступил на механико-математический факультет МГУ. Как позже признавался друзьям Владимир Иванович, у него было минутное желание идти в консерваторию (он хорошо пел), но выбрал МГУ и стал учиться по специальности «вычислительная математика».

В 1956 году, после окончания учебы в университете, В. И. Легоньков получил распределение в НИИ-1011. После недолгой стажировки в Москве приехал в Челябинск-70. Здесь он и проработал в одной организации всю свою жизнь. С первых же дней Владимир Иванович проявил себя как одаренный математик и инициативный работник. Он специализировался в области программирования, которым занимался увлеченно, с энтузиазмом и полной отдачей.

За время своей работы в институте Владимир Иванович занимал должности старшего лаборанта, инженера, старшего инженера, а в феврале 1963 года был назначен начальником отдела программирования. Этим отделом В. И. Легоньков руководил в течение тридцати трех лет — до самой своей смерти.

Особое внимание Владимир Иванович уделял подбору кадров для отдела. Много лет он приезжал в УрГУ, знакомился с личными карточками студентов, кого-то приглашал на беседу. Сколько прекрасных специалистов выросло из отобранных им когда-то студентов! Один из таких людей, Н. И. Шулепов, позже защитивший кандидатскую диссертацию под научным руководством В. И. Легонькова, отмечал основное качество Владимира Ивановича: «Он был прирожденным руководителем, как говорится, руководителем от бога». Владимир Иванович умел принимать компромиссные, взвешенные решения, которые учитывали тактические, перспективные, политические и многие другие аспекты решаемой проблемы. Это умение он старался передать своим ученикам.

В 1965 году В. И. Легоньков вступил в ряды КПСС, затем много лет работал в составе партбюро цеховой организации, в течение двух лет (1983—1984) избирался секретарем партийной организации отделения. Владимир Иванович проявил себя авторитетным партийным лидером, умеющим ярко и убедительно выступать, увлекать людей.

С 1966 года он начал читать лекции в МИФИ-6.

В 1971 году В. И. Легоньков был награжден орденом «Знак Почета» и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную обобщению его исследований и практических работ по вопросам программирования для двумерных нестационарных задач математической физики, в частности, по вопросам сегментации данных.

В 1970-е годы Владимир Иванович непосредственно руководил работами, темами которых были: выдача и обработка результатов при счете задач математической физики; разработка системы оперативной компиляции модульных объектов в прикладных программах; модульная организация программ уравнений состояния в задачах математической физики; автоматизированная система информационного обеспечения.

В апреле 1980 года В. И. Легонькову была присуждена Ленинская премия. Это была первая Ленинская премия, полученная программистом.

Владимир Иванович много внимания уделял процессу программирования и в начале 1980-х годов предложил три системы: систему обеспечения программирования (СОП), систему обеспечения модульного программирования (СОМ), систему обеспечения комплексов (СОК), которые ускорили программирование практических задач.

В. И. Легоньков был автором более 40 публикаций, часто выступал с докладами на Всесоюзных конференциях и семинарах, проявлял большую заботу о научном росте сотрудников своего отдела (под его руководством были защищены четыре диссертации). Люди, которым довелось работать с Владимиром Ивановичем, на всю жизнь оставались под впечатлением от общения с ним. Он умел работать в коллективе. Что значит это качество для руководителя? Абсолютное неприятие интриг, закулисных разговоров. Если Владимиру Ивановичу что-то не нравилось в позиции, поступках руководителей или подчиненных, то он говорил об этом открыто, в лицо. Вспоминают, что в отношениях, основанных на служебной иерархии, он бывал порой тверд и безапелляционно категоричен. Это было необходимо для успешной работы. В. И. Легоньков пользовался высоким авторитетом как среди сотрудников института, так и среди ведущих специалистов страны по программированию.

В неформальных же ситуациях как-то естественно и сразу проявлялось его яркое чувство юмора, жизнелюбие и множество талантов. Друзья любили его за открытость и простоту, находчивость, остроумие, неординарность, выдающийся интеллект, блестящую эрудицию.

Владимир Иванович любил и умел хорошо петь. К юбилеям друзей он часто готовил сценарии шуточных постановок, писал стихи и целые поэмы. Кроме того, любил природу, спорт, отлично плавал, был хорошим автомобилистом и удачливым рыбаком.

Владимир Иванович неизменно становился душой дружеской компании. Он ценил своих друзей, никогда не проявляя по отношению к кому-либо ни малейшего чувства превосходства. Он очень любил своих домашних, трепетно заботился о матери Нине Васильевне и старался всем, чем мог, помогать детям, Володе и Наташе.

В 1980–1990-е годы В. И. Легоньков участвовал в работе семинаров Н. Н. Яненко и А. А. Самарского по вычислительному эксперименту в задачах математической физики. Он содействовал тому, чтобы активно использова-

лись передовые программные продукты, системы, в том числе разработанные и в других организациях, чтобы новые разработки становились достоянием всего сектора.

В 1990 году Владимир Иванович был назначен заместителем начальника математического сектора, при этом он остался начальником отдела программирования.

Владимир Иванович всегда уделял мало внимания своему здоровью, даже несмотря на плохое самочувствие в последнее время.

Он умер на работе, упал в коридоре. Рассказывают, что, когда к нему подбежали, он на миг открыл глаза, и последние его слова были: «Я сейчас встану».

И не встал — острый инфаркт. Это было 24 октября 1997 года.

Уйдя в мир иной, Владимир Иванович оставил о себе память. Но тем, кого он покинул так внезапно, всегда будет не хватать его живой человеческой энергии, тепла общения с ним.

В. П. Соколов, Н. Н. Соколова

Из воспоминаний

Я попал в поле притяжения личности Владимира Ивановича в период рождения программного проекта СОЮЗ, и в течение продолжительного времени находился под всё возрастающим его влиянием. Больше всего меня восхищала способность Владимира Ивановича находить решения в очень запутанных ситуациях. Одно проведенное под его председательством совещание давало иногда результат, равный иным десяти. Он двигался в интуитивно выбранном направлении, и повернуть его в другую сторону было невозможно. Поиск решения продолжался до тех пор, пока не сходились концы с концами в его мощном логическом методе размышлений, и не вырисовывалась математически стройная концепция.

Подход Владимира Ивановича к решению проблем заключался в четком системном анализе задачи, выделении главных её частей и формализации задачи с применением аппарата математической логики. При этом ни одна сколько-нибудь существенная деталь от него не ускользала.

Под руководством Владимира Ивановича мне довелось проработать довольно долго, и в разных должностях. Когда нас разделяло несколько ступенек служебной иерархии, отношение его было иногда, по моему мнению, чуть жестче, чем того требовала ситуация. Как я сейчас понимаю, это полезно для закалки характера. Причем эта повышенная требовательность проявлялась только в чисто служебной обстановке.

Несколько раз мне приходилось бывать с Владимиром Ивановичем в командировках. Во внешних организациях к нему относились с большим почтением и уважением, и было приятно ощущать себя членом его команды. Не говоря уже

о том, насколько было интересно присутствовать на неформальных встречах его с друзьями и коллегами после официальных заседаний.

Чем меньше ступенек служебной лестницы нас разделяло, тем неформальнее становился стиль нашего общения. Владимир Иванович сыграл определяющую роль, когда отдел программирования создавался в новом качестве. Он придумал окончательное название отдела, сформулировал его темы и задачи. В последнее время он делился секретами своего мастерства, подсказывал, какие последствия может иметь тот или иной шаг. Особенно интересно было слушать, как он анализировал психологию человеческих поступков в конкретных ситуациях. Вот этому бы еще у него поучиться, хотя бы годика два. Да, к сожалению, не пришлось.

В. В. Комоско

Время берет свое. Начинает редеть поколение первых молодых специалистов математического подразделения. Вот не стало с нами Владимира Ивановича Легонькова. Мы понесли тяжелую утрату и, надо признать, преждевременную. Володя еще был полон творческих сил и планов.

Свою судьбу, жизнь Владимир Иванович связал с программированием — этим новым для человечества видом деятельности, появившимся только во второй половине XX века. Занимался он им увлеченно, с энтузиазмом, с высокой отдачей. Под его руководством сложился большой и дружный коллектив отдела программирования. Вспоминая о работе Владимира Ивановича, неминуемо приходится говорить о достижениях всего отдела, направления работ которого во многом определялись именно Легоньковым. Дух творчества, увлеченности, сотрудничества с другими коллективами сектора исходил от Владимира Ивановича и сознательно поддерживался им. Такой настрой, стиль работы стал достойной уважения традицией отдела программирования.

Не буду останавливаться на личных достижениях Владимира Ивановича, они значительны, известны, отражены в многочисленных отчетах и публикациях. Мне бы хотелось сказать о тех работах, в которых он официально не являлся соавтором.

Прежде всего надо сказать о поддержке системщиков. Без его активной позиции не была бы создана операционная система для БЭСМ-6, и не состоялся бы ее выход за пределы института. Созданная в недрах отдела программирования система получила признание и распространение в СССР.

400 Мне нравилась позиция Владимира Ивановича относительно использования программных продуктов, систем, разработанных в других организациях. Он не видел ничего зазорного в освоении и внедрении передовых программных продуктов, созданных в других организациях. Активно содействовал тому, чтобы они стали достоянием всего сектора. Яркий пример — внедрение системы ДУБНА.

Владимир Иванович умел работать в коллективе. Ему было чуждо интриганство, подсиживание. Если ему что-то не нравилось в позиции, поступках руково-

дителей или подчиненных, то он говорил об этом открыто, в лицо, не вел закулисных разговоров.

Владимир Иванович был приятен в общении — и на работе, и вне её. С ним было интересно. Вокруг него всегда формировалась достойная компания, в которой он был душой. Всегда было приятно побывать в этой компании.

Уверен, что добрую память о Владимире Ивановиче сохранят те, кто жил и трудился рядом с ним.

В. Н. Огибин

Я познакомился с Владимиром Ивановичем Легоньковым, когда его привлекли к чтению лекций в МИФИ-6, где начиналась моя трудовая жизнь. Слышал я о нём и раньше, как о талантливом специалисте и умном, эрудированном человеке. Наше очное знакомство, как мне казалось тогда, вряд ли могло привести к более близким, а тем более товарищеским отношениям. Я сразу почувствовал интеллект, которого до этого мне не доводилось встречать. Даже подумал, что не могу представлять для него особого интереса. Тем не менее как-то незаметно мы стали вместе с нашими общими знакомыми довольно регулярно встречаться. Наше сближение произошло не на основе каких-то профессиональных интересов (они были слишком далекими друг от друга), а на почве простого человеческого общения «в свободное от работы время».

Володя был очень интересен своей открытостью и простотой, жизнелюбием и неординарностью. Он был прекрасно образован, эрудиция его ощущалась в самых различных сферах науки и культуры. Особенно поражала его исключительная память: нам, его друзьям, казалось, что он знает от начала до конца все основные теноровые арии из опер и весь песенный репертуар Л. Лещенко, А. Вертинского, Л. Утесова, Б. Окуджавы и других известных исполнителей. Он очень любил компании, всегда был остроумен и находчив. Сколько мы провели с ним интересных вечеров в гостях друг у друга, на природе!

Кажется, мы все знали о его возможностях как тамады (а Володя практически всегда избирался на эту почетную «должность»), но очень часто он вдруг проявлял себя с неожиданной стороны, раскрывая новые грани своего таланта. Володя любил и умел хорошо петь, изумительно декламировал поэтические произведения, хотя делал это и нечасто. К юбилейным датам своих друзей он готовил обычно сценарии шуточных постановок, писал стихи и целые поэмы. Насколько я знаю, на подобные сочинения он никогда не затрачивал много времени, не «высиживал» их долгими часами, они рождались у него как бы между прочим, непринужденно. Довольно регулярно он смотрел такие телепередачи, как «Поле чудес» и «Угадай мелодию» и находил правильные ответы на большинство звучавших в них вопросов. Очень быстро решал большинство кроссвордов. Одним из характерных его качеств было яркое чувство юмора, которое проявлялось очень естественно в самых разных ситуациях.

Но мы уважали Володю не только за его талантливость и эрудицию. Он ценил своих друзей! Он мог очень откровенно делиться с нами своими личными проблемами и переживаниями, которых в последние годы у него было, к сожалению, немало. Зная о его неважном здоровье, я как-то спросил Володю, не думает ли он об уходе на пенсию. Он ответил: «Как я могу это сделать? Ведь Наталье нужно еще несколько лет, чтобы окончить институт, — вот тогда и уйду...».

Когда Владимир Иванович прошел тщательное обследование в московском кардиоцентре, врачи сказали, что у него не всё в порядке с сосудами, питающими сердце, и, по-видимому, придется делать операцию шунтирования.

В последнее время Володя жаловался на плохое самочувствие, практически каждый день употреблял нитроглицерин, но считал, что идти на операцию уже поздно. Он вообще мало времени уделял своему здоровью, жил как жилось, надеясь, что его очередь еще не пришла. Мы даже мысли не допускали о столь скорой развязке...

Б. М. Емельянов

С Владимиром Ивановичем я впервые встретился зимой 1964 года в Уральском государственном университете при наборе молодых специалистов на предприятие. В течение последующих 33 лет мы работали вместе, причем 24 года из них я работал под его непосредственным руководством. Всё было за это время — и ссоры, и примирения, и многочисленные совещания, и отдельные вечера, и встречи в его семейном кругу, и многое другое. Я хотел бы отметить только одно его качество — он был прирожденным руководителем, или, как еще обычно говорят, был руководителем от бога. Владимир Иванович любил повторять, что «любое руководство обязательно связано с принуждением, и умение управлять заключается в том, чтобы инициативный исполнитель как можно меньше ощущал его воздействие и воспринимал бы указание как исходящее в результате его инициативы».

Мне всегда было очень жаль, что существовавшая политическая система не позволила занять Владимиру Ивановичу соответствующее место в иерархии управления института и тем самым лишила его возможности реализовать полностью свой творческий потенциал.

Н. И. Шулепов

Я познакомился с Владимиром Ивановичем Легоньковым в начале 1960-х годов на конференции Ассоциации БЭСМ-6, и с тех пор мы оставались не просто хорошими знакомыми, но и друзьями. Володя был замечательным человеком, открытым, жизнерадостным, темпераментным, оптимистичным, добрым. Он был всесторонне развитым, талантливым математиком, настоящим профессионалом в области компьютерной проблематики и вычислительного дела. Кстати, я был

оппонентом на защите его замечательной диссертации. С ним было легко и приятно дружить. Такие люди не забываются, память о нём навсегда останется светлой.

И. И. Ерёмин

Время своей дружбы с Владимиром Ивановичем Легоньковым я отсчитываю с кратковременного знакомства в 1957/58 учебном году, когда в Уральском государственном университете начал читать программирование Ю. И. Морозов. В один из зимних дней он привез в университет четырех своих молодых сотрудников: Ю. И. Вантрусова, Л. Х. Вязалова, В. И. Легонькова, А. А. Петрова — руководителей будущих дипломных работ первого выпуска «вычислителей» УрГУ.

Промежуточные встречи почему-то забылись, а вспоминается то, как мы отмечали отличную защиту дипломных работ весной 1959 года в ресторане «Большой Урал». С этого времени наше общение с В. И. Легоньковым не прерывалось до последних его дней, хотя и было не слишком частым.

Руководителем дипломной работы Володи был Андрей Петрович Ершов. Кажется, он был у него первым дипломником (А. П. закончил МГУ на год или два раньше Володи). Тема, если я не ошибаюсь, была «матричная прогонка», которую только-только опубликовал М. В. Келдыш. В 1956 году я стажировался в МГУ и знаю, что своей ЭВМ в МГУ не было. Так что Володе пришлось работать в отделе прикладной математики ИМ АН, который потом стал ИПМ. У Володи с Ершовым были очень хорошие отношения. Приезжая в Новосибирск, он всегда заходил к своему руководителю. Об одной из таких встреч, свидетелем которой я был, расскажу дальше.

Распределившись во ВНИИП, после небольшой стажировки в Москве с группой таких же молодых сотрудников, Володя переехал на постоянное место жительства в Челябинск-70, где и проработал в одной организации всю свою жизнь. Там он встретил Галину Семеновну Кришталь, в 1958 году у них родился сын, Вова-маленький. Один из немногих счастливых периодов в жизни Вовы-большого. Он мне всегда с улыбкой рассказывал об отпусках, которые они провели в Одессе у Галиных родственников. Одно из воспоминаний: «Послали меня в овощной киоск за кабачками. Подхожу к киоску. На киоске записка: «Кабачков нет и неизвестно». Возвращаюсь домой с улыбкой. Спрашивают: «А где кабачки?» Отвечаю: «Неизвестно».

Один из дней 1969 года. Звонок в дверь. Смотрю на часы — 6 утра. Володин голос — открываю дверь. Входит Володя, на нём лица нет: «Дамир, только не ругайся! Только не ругайся! Мы с Галей расходимся». Я посадил его на кухне (как водится). Напоил кофе. Он молчал. Я не расспрашивал... Он часа полтора полежал на диване и поехал обратно. Я думаю езда на машине была использована как успокаивающее средство. Я до сих пор уверен, что решение о разводе приняла Галя. Потому что знаю, как он её уважал и ценил.

Галина Семеновна и Владимир Иванович расстались, но сохранили уважение друг к другу и долгие годы продолжали работать в одном отделе. Вова-маленький окончил физфак МГУ в 1981 году, вернулся домой и работает в Снежинске.

От второго брака с Ниной Петровной Пьянковой у Владимира Ивановича в 1971 году родилась дочь Наталья. Она закончила Свердловское медицинское училище с красным дипломом, поступила в медицинский институт, после окончания учебы работает в Москве.

И только в последние годы у Владимира Ивановича получилась тихая семейная гавань с Жанной Васильевной Легоньковой...

В 1962 году я получил возможность приехать во ВНИИП, и те несколько месяцев, которые я работал в одной комнате в компании выпускников ЛГУ Л. Вязалова, Ю. Вантрусова, А. Петрова и выпускника МГУ В. Легонькова, дали мне больше, чем лекции по программированию в МГУ, которые я слушал в 1956 году.

Одно время Владимир Иванович часто приезжал в Свердловск, где я преподавал в университете программирование, и, конечно, мы постоянно обсуждали с ним проблемы, как программировать и как обучать. Доходило до ссор: «Ты не так преподаешь!», «Ты не так программируешь!» В результате этих споров он уговорил меня прочитать спецкурс «Организация больших программ». Это был, кажется, осенний семестр 1970 года. А когда в 1971 году Н. Н. Яненко собрал в Новосибирске совещание по проблемам решения больших задач на ЭЦВМ, Владимир Иванович заставил меня выступить с программой этого курса, что вызвало оживление в аудитории: «Мы обсуждаем, а они уже спецкурсы читают!»

Об одной стороне деятельности В. И. Легонькова необходимо сказать особо. В 1972 году в Подмосковье (академический дом отдыха «Мозжинка») Н. Н. Яненко созвал совещание «Комплексы программ математической физики», в результате которого было решено создать рабочую комиссию при ГКНТ в составе нескольких рабочих групп, в том числе рабочей группы по документированию, куда вошли В. И. Легоньков и автор этих воспоминаний. В следующем году состоялся семинар на Байкале (бухта Песчаная), после чего рабочие группы реорганизовались в комитеты, одним из которых руководил Владимир Иванович. Год или два этот комитет называли комитетом стандартизации и документирования. При начальном формировании там оказалось много «мертвых душ». Тогда Владимир Иванович придумал удачный термин «рабочая группа комитета», и в одно из первых извещений о заседании группы была включена фраза: «Просим командировать не абстрактных руководителей, а конкретных исполнителей». Создалась группа действительно творчески работающих людей. Стоит только перечислить организации, которые они представляли: университеты (Ленинградский, Московский, Уральский, Новосибирский), ВЦ АН (Москва, Новосибирск, Иркутск), ИПМ (Москва), МФТИ (Долгопрудный), СЭИ (Иркутск), Арзамас-16, Челябинск-70 и другие. Как много искр было рассыпано на этих заседаниях! Сколько огоньков зажглось! С некоторых пор заседания начинались сообщением: «Защищена диссертация...»

Тот же 1972 год — завершение в отделе работы над операционной системой ДИСПАК для БЭСМ-6 (В. Тюрин с группой сотрудников). Именно об этой ОС был разговор Ершова с В. И. Легоньковым, свидетелем которого я был. Ершов выслушал рассказ Владимира и со смехом сказал: «Пока две большие собаки дрались, молодой щенок утащил кость». Имелось в виду, что на ОС для БЭСМ-6 претендовали ИПМ и ИТМ, и ВТ, а результат оказался у ВНИИП. Для многих программистов страны стало ясно, что монополия Москвы на большие программные системы кончилась. Хотя, может быть, и нет: В. Тюрин переехал в Москву. Но не прошло и года, ВНИИП предложил новую ОС ДИАПАК лучше прежней (Н. Шулепов и Ю. Озорнин). Таков был потенциал отдела!

После того, как рухнула экономика Советского Союза и России, прекратились и семинары, и заседания рабочих групп. Однако начиная с 1993 года мы с Владимиром Ивановичем начали думать о том, как собраться, чтобы решить вопрос, что происходит с программированием. Вроде, персоналок много, сети работают, множество народа пишет программы, но программы лучше, быстрее и полезнее не становятся, а цены на них растут. Несколько раз назначались даты встреч, но всё отменялось. А теперь им уже не состояться...

Володя — москвич, и ходить с ним по Москве было гораздо труднее, чем по бездорожью. Через любую толпу он проскакивал как иголка через мешковину, глядь, а ты уже человек на пять от него отстал, и он негодующе на тебя оглядывается.

Одним из первых в городе он приобрел машину. Как-то он вез нашу семью на Иткуль (несколько лет мы отдыхали в тех краях «почти» совместно). Километрах в 20—25-ти вдруг забарахлили тормоза, так В. И. довез нас до места, а оттуда вернулся домой, пользуясь только газом, и без ДТП.

Владимир Иванович был и хороший спортсмен, играл в пинг-понг, в футбол, прекрасно плавал. Как-то во время прогулки по берегу он предложил доплыть до Шайтана. Я согласился, но через пару минут он оказался впереди меня метров на 50. С пивом в животе плыть было трудно, и я лег на спину. Буквально через несколько секунд он оказался рядом со мной и сказал: «Пошли пешком». Я гордо отказался, а он продолжал плескаться около меня, пока мы не доплыли. После этого он никогда не предлагал мне совместного плавания — знал, на что я годен.

Меломан, он своими знаниями удивлял профессионалов. Я помню, как он был рад, когда ему удалось в Свердловске купить долгоиграющую пластинку с записью оперы «Норма» Беллини с каким-то редким составом исполнителей. Он прекрасно пел, знал уйму песен и арий, поэтому любое застолье с его участием всегда кончалось коллективным пением. Особенно он любил песни Б. Окуджавы. Как-то я спросил у него: как удается запомнить столько слов и мелодий. Он сказал (дословно): «Я не запоминаю — я вижу».

Владимир Иванович любил рыбалку и был в ней удачлив. Несколько раз накануне отлета в Москву он специально ловил чебаков и окуньков и отвозил маме, Нине Васильевне.

Легоньков Владимир Иванович

О рыбалке, наверно, надо сказать особо. Мы не сидели с удочками, но рыба всегда была — голавли, иногда крупные. Донки (кажется 4) были Легонькова, за лягушек отвечал я, а Скутельников отвечал за электроды (электроды сварочные были взяты для замены срезанных шпонок на лодочном моторе). Они вбивались в бревна, донки привязывались к верхнему концу. Это, как мы убедились, было важно, срывов почти не было — видимо, упругость электрода была достаточно хороша. Так как элемент новизны налицо, то мы наш метод назвали «ловля на электроды».

Как-то нам удалось провести вместе два отпуска. Мы сплавлились по Уфе втроем: Владимир Иванович Легоньков, Владимир Иванович Скутельников и я. Встречались в Нязепетровске и на «казанке» с мотором сплавлились до начала судоходства на Уфе — около 500 км. У Нязепетровска Уфа мелкая, и в придачу межень — у мотора летят шпонки чуть не через 5—10 метров. Поэтому первые 100 км шли на веслах. Вернее, нас вез Легоньков — никому не отдавал весел, греб по 6—8 часов в день. Когда река стала глубже, за дело взялся Скутельников — никому не отдавал рукоятку мотора. Ну, а мне оставались завтрак и вечерний костер — я никому не отдавал котелки и топор.

Сколько было забавных историй, сколько вечерних концертов! Но почему-то в памяти всплывает последний вечер второго похода. Ужин закончен, палатка стоит рядом, «казанка» вытащена на берег (в ней будет спать Скутельников — для сохранности лодки). Мы сидим на бревнах и держим в руках кружки с остатками антипростудного лекарства. От реки ползет туман, вот уже «казанку» не видно. Туман густеет, поднимается выше — почти исчезла палатка, она белая. Остается маленький круг у костра, а со всех сторон белая мгла и Володин голос: «Постелите мне степь... Занавесьте мне окна туманом...

Д. Я. Шараев

Легенёв Борис Николаевич

18.10.1919—30.06.1969

Кандидат технических наук (1955), старший научный сотрудник в области газодинамических исследований (1963), лауреат Сталинских премий 2-ой степени (1949, 1953), лауреат Ленинской премии (1962); участник Великой Отечественной войны, член ВКП(б) с 1944 года.

- 1937 — студент МВТУ им. Баумана
- 1941 — рядовой взвода боепитания народного ополчения.
- 1941 — технолог, токарь-автоматчик, бригадир-наладчик, старший технолог, начальник технологического бюро, заместитель начальника цеха на заводе № 10 им. Дзержинского, г. Пермь.
- 1945 — вновь студент МВТУ им. Баумана.
- 1947 — инженер-исследователь КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1948 — научный сотрудник, там же.
- 1953 — заместитель начальника лаборатории, там же.
- 1954 — заместитель начальника сектора, там же.
- 1955 — начальник газодинамического отделения, там же.
- 1958 — технический советник в Китайской народной республике.
- 1960 — главный конструктор НИИ-1011, г. Челябинск-70.
- 1961 — директор НИИ-1011, там же.
- 1964 — заместитель научного руководителя предприятия, там же.
- 1965 — вновь сотрудник газодинамического отделения КБ-11, г. Арзамас-16.

Награжден орденами: Ленина (1949, 1956); медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Китайско-Советская Дружба» (1960), объявлена благодарность Министерства машиностроения КНР (1960).

Леденёв Борис Николаевич

Избирался депутатом городского совета г. Арзамаса-16, г. Челябинска-70 (1961–1965), членом Снежинского горкома КПСС (1960–1964), членом промышленного совета Челябинского обкома КПСС (1961–1964), был делегатом XXII съезда КПСС (1961). Его имя занесено в Книгу трудовой славы г. Снежинска (1962), в Книгу трудовой славы г. Арзамаса-16.

Леденёв Борис Николаевич родился 18 октября 1919 года в станице Урюпинской Войска Донского Волгоградской области, в семье красноармейца. После окончания на Урале, в Свердловске, средней школы поступил в Московское высшее техническое училище им. Баумана на факультет «боеприпасы».

В первые дни Великой Отечественной войны Б. Н. Леденёв ушел добровольцем в ряды народного ополчения. Но вскоре телефонограммой Государственного Комитета Оборона вместе со всеми студентами последних курсов московских вузов был отозван и направлен на работу по специальности — в оборонную промышленность. Всю войну Б. Н. Леденёв работал на военном заводе им. Дзержинского в г. Перми. Памятью о том суровом времени стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1947 году, по окончании МВТУ, молодой специалист в составе одной из первых групп выпускников был направлен в КБ-11. Свою деятельность здесь он начал инженером в лаборатории В. А. Цукермана. Его коллега А. А. Бриш вспоминает: «Как мы начинали? С учебы. Все вместе мы осваивали новое. Вначале нас учил Вениамин Аронович, затем стали регулярными семинары с выступлениями сотрудников лаборатории, и уже в октябре 1947 года мы свободно общались друг с другом, освоив основы газодинамики и методики исследования процессов взрыва...»

С января 1948 года Б. Н. Леденёв — в отделе Л. В. Альтшулера. Конкретной областью его работы было исследование сжимаемости вещества при сверхвысоких давлениях. Он принимал самое непосредственное участие в уникальных экспериментах, проявляя при этом необыкновенную изобретательность и находчивость в организации и проведении опытов.

С 1953 года Б. Н. Леденёв — на руководящей работе в отделении, разрабатывавшем ядерный заряд для артиллерийских снарядов. В 1955 году он возглавил газодинамическое отделение ядерного центра, в этом же году он стал кандидатом технических наук.

Два года (1958–1960) Борис Николаевич работал в Китайской Народной Республике в качестве технического советника, получив за это благодарность Министерства машиностроения КНР и медаль «Китайско-Советская Дружба». По возвращении он был назначен главным конструктором, а в 1961 году — директором НИИ-1011. Под его руководством институт внес фундаментальный вклад

в разработку ядерного оружия СССР: в 1962 году было испытано 30 ядерных зарядов и ядерных взрывных устройств.

В 1963 году Б. Н. Леденёву было присвоено звание старшего научного сотрудника по газодинамическим исследованиям, а с ноября 1964 года он стал заместителем научного руководителя института по испытаниям ядерных зарядов. Под его руководством был проведен выдающийся опыт, который положил начало многим идеям конструирования ядерных зарядов с уникальными характеристиками. Ему принадлежит 40 научных работ.

В 1965 году Борис Николаевич вернулся в Арзамас-16, в КБ-11, в «родное» газодинамическое отделение.

По воспоминаниям коллег, Борис Николаевич был грамотным инженером, талантливым научным работником, упрямым в разрешении каких-либо проблем. На первый взгляд он производил впечатление необщительного и замкнутого человека. На самом же деле он был очень контактным. Внешне медлительный, он вместе с тем обладал умением и исключительной способностью принимать верные и точные решения в самых сложных и экстремальных ситуациях.

Борис Николаевич Леденёв ушел из жизни на пятидесятом году — 30 июня 1969 года, но история хранит его имя — участника советского атомного проекта.

В. В. Пензина.

*По материалам книги «Советский атомный проект»
(Нижний Новгород — Арзамас-16, 1995)*

Из воспоминаний

Советник китайских ядерщиков — так можно было бы всерьез назвать Бориса Николаевича Леденёва. Ему пришлось больше года проработать в Китае и всё же вернуться не в Саров, а на Урал...

Борис Николаевич всегда отличался основательностью изучения явлений и материалов, невозмутимостью и весьма доброжелательным характером. Эти качества послужили основанием для его назначения в 1955 году начальником газодинамического сектора КБ-11 вместо отбывшего на работу в 5-е Главное управление Василия Константиновича Боболева. Возглавив газодинамический сектор, Борис Николаевич ничего не стал менять ни в руководстве сектором, ни в тематике. Тем не менее работа не стала менее интенсивной, но стала организованней и спокойней. Я хорошо помню то время, когда, будучи старшим инженером, руководил большой исследовательской группой, и мы начали новую интересную работу. Её особенностью было то, что физики-теоретики при тогдашних возможностях счетной техники не могли рассчитывать те процессы, которые мы изучали экспериментально. Борис Николаевич, став начальником сектора, пригласил моего начальника отдела Диодора Михайловича Тарасова и меня и попросил поподробней

рассказать нам о проводившейся моей группой работе. Диодор Михайлович сказал несколько вступительных слов и передал слово мне. Я тоже попытался свести свой доклад к краткому сообщению. Но я тогда еще плохо знал Бориса Николаевича: не в его характере было заниматься чем-нибудь поверхностно. Методически и терпеливо он задавал вопрос, выслушивал ответ и задавал следующий. Я думал отделаться за полчаса, а просидел больше двух часов. Когда мы вышли от Леденёва, Диодор Михайлович мне сказал: «Да, Борис Николаевич не меняется при перемене мест и остается таким же педантом, каким и приехал». Я несколько удивился и спросил: «А вы, что, этого раньше не знали?» Диодор Михайлович засмеялся и сказал: «Конечно, знал, но я думал, что, став начальником сектора, он будет пошустрее и не будет копать до дна. Но Леденёв не меняется».

Борис Николаевич проработал начальником сектора немногим больше года и осенью 1958-го был направлен в Китайскую Народную Республику в качестве советника по китайской ядерно-оружейной программе. Это назначение состоялось после поездки Евгения Аркадьевича Негина и Виктора Юлиановича Гаврилова, бывшего в то время начальником физического сектора НИИ-1011. Когда ему предложили ехать работать в Китай, Гаврилов открутился и порекомендовал Крупникова. Валентина Петровна Крупникова вспоминает, что Константин Константинович Крупников не мог по семейным обстоятельствам ехать в неведомые края и предложил кандидатуру Леденёва. Тот согласился.

Позже, уже в наши дни, стало достоверно известно из доклада Е. А. Негина и Ю. Н. Смирнова «Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами?» (Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50 годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1997.), что в Китай ездили Е. А. Негин (глава делегации, главный конструктор КБ-11), Н. Г. Маслов (главный конструктор серийного завода) и физик В. Ю. Гаврилов, хорошо знавший работу Семипалатинского полигона. Эта группа прилетела в Пекин 18 июня и, пробыв в командировке полтора месяца, 2 августа 1958 года вернулась домой. Предполагалось, что Гаврилов останется еще в качестве советника Китая, но он был заменен Б. Н. Леденёвым, который был направлен осенью 1958 года в Китайскую Народную Республику в качестве советника китайско-советской ядерно-оружейной программы.

Борис Николаевич выехал в Китай с женой Людмилой Анатольевной и двумя детьми. В чем заключалась его работа в качестве советского советника, Борис Николаевич мало кому рассказывал. Обычно, в ответ на расспросы, что он делал в Китае, шутливо, но весьма кратко отвечал: «Смотрел страну». Подробнее о том, что увидел в изучаемой стране, Леденёв рассказывал немногим.

Главным городом его пребывания стал Пекин, но были поездки и в провинции Сычуань и Синьцзян, в города Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Нанкин, Харбин. Поездок у него по Китаю было много, иногда его сопровождала жена, иногда вся семья отправлялась за советником. Борис Николаевич интересно рассказывал об этих поездках, об обычаях китайцев и, особенно, об их великолепной кухне.

Он как-то рассказал, что в одном китайском монастыре их угостили уткой, а когда её с удовольствием съели, монахи сказали, что в «утке» никакого мяса не было: она вся была сделана из побегов бамбука.

Рассказывал он и о том, что во время их пребывания в Китае, там не знали, что такое воровство. И это при невиданной бедности и нищете. В то же время в Шанхае он встретился с весьма любопытным способом не выполнять свои обязательства. Борис Николаевич с Людмилой Анатольевной купили отрез красивой синей ткани на костюм. Когда они спросили, сколько времени займет шитье костюма, главный закройщик пообещал выполнить эту работу за неделю. Через три дня, как и обещал мастер, они пришли на примерку. Бдительная Людмила Анатольевна углядела, что костюм раскроен плохо и требует доработки. Кланяясь, улыбаясь и извиняясь, мастера пообещали всё исправить. Еще через три дня ничего не было исправлено, а костюм был почти готов. Снова замечания заказчиков о некачественной работе и опять со стороны исполнителей извинения, поклоны, улыбки, а еще через три дня стало очевидным, что костюм сшит отвратительно. На следующий день надо было возвращаться в Пекин, но, придя в мастерскую, увидели, что всё сделано по-старому. Вещь взяли и уехали.

После недавно закончившейся войны в Корее, в которой на северокорейской стороне участвовали китайские добровольцы, стало необходимым поддержание в стране жесточайших санитарных норм. Диктовалось это боязнью применения американцами бактериологического оружия. Это оружие так и не было применено, но результат жестких санитарных требований проявился в привычке населения к чистоте. Борис Николаевич был свидетелем начала китайской «культурной революции», сопровождавшейся раскаяниями и самобичеванием видных ученых и инженеров на многочисленных собраниях, эпопеей уничтожения мух, клопов, тараканов, мышей и воробьев. «В обеденный перерыв, — рассказывал Борис Николаевич, — сотни сотрудников разных предприятий, в том числе и научных организаций, наскоро перекусив, начинали гонять несчастных воробьев до того, что обессиленные птицы или падали бездыханными, или их добивали палками. Частыми были групповые читки вслух цитат или стихов Мао Дзе Дуна».

Насмотрелся Борис Николаевич на результаты «великого скачка». Видел он деревенские домны, в которых выплавлялось якобы железо. Из этого неизвестного материала нельзя было ничего сделать, но не это было важным: важен был своевременный отчет о проделанной работе. К 1960 году отношения между Хрущёвым и Мао Дзе Дуном окончательно испортились, и весной этого года семья Леденёвых покинула Китай, в котором пробыла полтора года. Когда я был в Китае в марте 1993 года, поинтересовался, помнят ли сотрудники Китайской инженерно-физической академии (так официально называется китайская организация, создающая китайское ядерное оружие) Леденёва, Негина и других наших товарищей, приезжавших в 1957—1959 гг. в Китай. Оказалось, что многие не только помнят фамилии Леденёва, Негина, Гаврилова, Маслова, но и могут рассказать о той большой помощи, которую оказали им наши советники. Леденёв запомнился

им неторопливостью, обстоятельностью и редкостной добросовестностью, что особенно импонировало китайцам. Если Леденёв что-нибудь обещал, он непременно делал и обещаний, которые не был в состоянии выполнить, никогда не давал. Таким его помнили везде и всегда.

К 1960 году стало очевидным, что дальнейшее сотрудничество с китайскими атомщиками ничего полезного не принесет обеим сторонам, несмотря на хорошее отношение китайцев к Леденёву. Надо было возвращаться домой.

Здесь произошли серьезные изменения. Перешел на работу в Институт химической физики научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011 Кирилл Иванович Щёлкин. После этого уральский институт был реформирован по типу Саровского. В 1960 году Борис Николаевич был назначен первым главным конструктором 1-го направления (создание ядерных зарядов) в НИИ-1011. В марте 1961 года, весной, не стало Дмитрия Ефимовича Васильева, и на должность директора был назначен Борис Николаевич.

При переводе Леденёва на должность директора он порекомендовал на должность главного конструктора две кандидатуры: Самуила Борисовича Кормера и меня. Я спрашивал позже Бориса Николаевича, как ему пришла в голову такая нелепая мысль? В ответ я услышал, что он этого объяснить не может. Просто ему давно было ясно, что у меня есть необходимые данные для работы главным конструктором. Почему в ЦК КПСС остановили выбор на мне, я так и не смог узнать. В августе 1960 года я приехал познакомиться с обстановкой в институте, но Борис Николаевич встретил меня словами: «Что-то вы долго ехали, я устал ждать, когда же вам передать дела». На это я ответил, что не дал согласия на свой перевод. Борис Николаевич вздохнул тяжело и добавил: «А кто нашего согласия спрашивает?» — «Ну, вы-то человек партийный и должны подчиняться партийной дисциплине, а я — беспартийный», — не сдавался я. Борис Николаевич еще раз вздохнул и сказал твердо: «Хватит обсуждать этот вопрос, Борис Васильевич, приступайте к работе. Не то время, чтобы кокетничать!» Я что-то еще хотел сказать, но мой собеседник встал, протянул мне руку и сказал: «До свидания. Завтра вы мне скажите, что вами сделано в КБ». Да, Борис Николаевич, когда нужно было, мог быть твердым и неуступчивым.

Все годы, пока Леденёв был директором (до осени 1964 года), он доказывал начальству, что не хочет им быть. При этом он добросовестно и честно исполнял свои директорские обязанности, потому что был человеком редкостной добросовестности и упорства. В конце концов он переупрямил начальство, и оно согласилось освободить его от директорства. Пока же Борису Николаевичу пришлось сразу с 1 сентября 1961 года впрягаться в тяжёлый гуж руководства объектом, где главными были две проблемы: как ускорить строительство и как наладить ритмичную работу производства? Дмитрий Ефимович [Васильев] успешно справлялся с обеими, потому что уже имел огромный опыт руководства созданием новых организаций, освоением новой продукции и строительством, хотя порой и его некоторые пассажи строителей и заводчан озадачивали. Борис Николаевич сосре-

доточил основное внимание на обеспечении ритмичной работы заводов. Уже было известно, что с сентября 1961 года возобновятся ядерные испытания, к которым институт приготовил много новинок, но реализовать которые можно было только при налаженной работе заводов института. С обычной своей методичностью Борис Николаевич принялся за новое для себя дело. С началом ядерных испытаний ему много раз приходилось бывать на Семипалатинском ядерном полигоне, где он возглавлял испытания изделий, разработанных в институте.

Как известно, год 1962-й был закончен нашим институтом блестяще, и в этом была заслуга и Бориса Николаевича. Действительно, в 1961–1962 гг. Борис Николаевич не только руководил институтом, но и с удовольствием руководил ядерными испытаниями НИИ-1011 на Семипалатинском полигоне. Это была сложная, но увлекательная и знакомая ему работа. Конечно, ему приходилось время от времени возвращаться с полигона и решать директорские проблемы, имея за своей спиной надежного помощника в лице его первого заместителя — очень опытного и знающего специалиста Валентина Викентьевича Дубицкого. До перевода его на Урал он работал директором первого серийного завода в г. Сарове и хорошо зарекомендовал себя. Поэтому длительные отсутствия директора на объекте практически не отражались на работе института. В 1963 году ядерных испытаний не было, и пришлось Борису Николаевичу погрузиться в атмосферу срочной подготовки к освоению испытанных ядерных зарядов перед передачей в серийное производство.

Для этого надо было испытать большое количество макетов ядерных зарядов натуральных размеров в лабораториях, условий для чего практически в то время не было. Испытатели Николенко Гордей Иванович, Борковский Роберт Иосифович и Кошутин Михаил Парфентьевич написали на мое имя служебную записку. Я подумал и, посоветовавшись со своим первым заместителем Павлом Алексеевичем Есиным, написал письмо начальнику нашего Главка Николаю Ивановичу Павлову, в котором потребовал незамедлительного оснащения нашего института необходимым испытательным оборудованием. Мое письмо возмутило Павлова, и он потребовал от Бориса Николаевича отозвать мое письмо. Борис Николаевич собрал совещание, на которое пригласил Забабахина, Захаренкова, бывшего в то время главным конструктором 2-го направления, меня, Есина и Курунтяева — научного секретаря НТС института. По результатам совещания Борис Николаевич принял такое мудрое решение: «Ваше письмо я отзываю, но в своем письме я повторю все ваши доводы в пользу приобретения необходимого для лабораторных испытаний оборудования в связи со слабостью нашей испытательной базы». Борис Николаевич написал такое письмо, чем внес существенный вклад в оснащение будущего НИИКа.

Вскоре после этого Борис Николаевич добился-таки своей отставки с поста директора института и попросил Евгения Ивановича назначить его заместителем научного руководителя ядерными испытаниями. В 1964 году ядерные испытания возобновились под землей, и Борис Николаевич с присущим ему трудолюбием

Леденёв Борис Николаевич

и добросовестностью включается в эту многогранную и сложную работу. Она была сродни той исследовательской работе, с которой началась его исследовательская, творческая жизнь в сверхсекретном городе на саровской земле.

Организации и проведению подземных ядерных испытаний Борис Николаевич отдался целиком, и под его руководством был проведен выдающийся физический опыт, положивший начало многим плодотворным идеям конструирования уникальных ядерных зарядов.

Однако руководству института пришлось решать альтернативную задачу: нужно ли иметь и заместителя научного руководителя по ядерным испытаниям, и заместителя главного конструктора тоже по ядерным испытаниям? Борис Николаевич решил эту задачу по-своему. Он попросил перевести его опять в КБ-11. Ему хотелось работать в составе небольшой группы экспериментаторов-газодинамиков, ездить с ней, как в былое время, на площадку, ставить опыты, обрабатывать их, придумывать новые и жить жизнью простой и непритязательной. Он вернулся в свой старый сектор, но дважды в одно и то же место в текущую реку войти невозможно: начальство сочло, что негоже бывшему советнику, главному конструктору, директору, быть руководителем группы, и поставило его заместителем начальника газодинамического сектора. Его жизнь оборвалась внезапно и трагически: он умер в автобусе от тромбоза сердца, направляясь на работу. Так закончил свой жизненный путь прекрасный человек Борис Николаевич Леденёв, да будет ему земля пухом!

Б. В. Литвинов

(из книги «Грани прошедшего», Москва: ИздАТ, 2006)

В 1960 году мне посчастливилось многократно встречаться и сотрудничать с Борисом Николаевичем Леденёвым — директором нашего предприятия в 1961—1964 гг.

В период с 9 марта по август 1961 года в соответствии с приказом министра МСМ обязанности директора НИИ-1011 исполнял Валентин Викентьевич Дубицкий. В это самое время Б. Н. Леденёв был отозван из Китая (после осложнения отношений Н. С. Хрущёва и Мао Дзе Дуна) и назначен главным конструктором по разработке ядерных зарядов. В Китае Борис Николаевич был техническим советником по передаче опыта СССР при создании ядерно-оружейного комплекса Китайской Народной Республики и при отъезде получил благодарность китайского правительства.

Б. Н. Леденёв весьма заинтересованно отнесся к идее создания технологического сектора. Как часто бывает в жизни, этому благоприятствовал и личностный фактор: близкое знакомство по совместной работе с заместителем главного инженера института П. Ф. Чистяковым — во время войны на оборонном заводе в Перми, а затем в КБ-11. Петр Флегонтович, с 1959 года занимаясь комплектова-

Леденёв Борис Николаевич

нием будущего сектора кадрами, в 1962 году стал заместителем начальника нового подразделения.

В середине и конце 1960 года Борис Николаевич бывал у нас очень часто, иногда по несколько раз в неделю. Б. Н. Леденёв был очень приятным собеседником.

Сектору 11 очень повезло, что в его судьбе принимал участие такой знающий и авторитетный в системе Минсредмаша человек. Первое положение о технологическом секторе было написано с его участием. Более того, то, что сектор первоначально с февраля 1961 года примерно в течение двух лет находился организационно в составе КБ-1, является, по-видимому, непосредственной заслугой Б. Н. Леденёва. Это обстоятельство самым благоприятным образом сказалось на становлении и всей дальнейшей творческой судьбе коллектива сектора 11, так как в КБ-1 всегда были очень высокие требования к глубине и качеству проводимых разработок. И поныне, спустя 40 с лишним лет, с сотрудниками КБ-1 у нас отличное взаимопонимание, как говорят, с первого слова.

Б. Н. Леденёв был весьма скромным, и я бы даже сказал, застенчивым человеком в вопросах, касающихся лично его. Одним из свидетельств этого является заявление в городскую автомобильную комиссию с просьбой предоставить ему возможность приобрести автомобиль. Председателем этой комиссии я тогда являлся. Комиссия после детального обсуждения в порядке исключения предоставила Б. Н. Леденеву возможность приобрести в 1961 году автомобиль «Волга». Следует заметить, что Борис Николаевич долго не решался обратиться с таким заявлением.

После смерти Д. Е. Васильева (8 марта 1961 года), в августе этого же года по настоянию руководства Министерства и с согласия оборонного отдела ЦК КПСС Б. Н. Леденёв был назначен и в течение трех лет (до 8 августа 1964 года) являлся директором нашего предприятия. Занять эту должность Б. Н. Леденёв долгое время отказывался, полагая, что он больше пользы принесет в должности главного конструктора 1-го направления работ.

Вклад Б. Н. Леденёва в дело создания уральского ядерного центра весом, и имя его нельзя предавать забвению. Светлая ему память.

Д. И. Шестаков

Ломинский Георгий Павлович

23.04.1918—17.06.1988

Генерал-лейтенант-инженер (1977), участник создания ядерно-оружейного комплекса СССР; лауреат Сталинской 2-й степени (1951), Ленинской (1962), Государственной (1979) премий; почетный гражданин города Челябинск-70 (1975).

- 1935 — студент машиностроительного факультета Киевского индустриального института.
- 1938 — слушатель Артиллерийской ордена Ленина военной академии им. Ф. Э. Дзержинского, г. Москва.
- 1941 — инженер-испытатель Научно-исследовательского ордена Красной Звезды полигона стрелкового и минометного вооружения Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил СССР, г. Щурово Московской обл.
- 1944 — начальник отделения гранат и пиротехники, там же.
- 1947 — заместитель начальника по НИР (боеприпасов), там же.
- 1948 — старший инженер, научный сотрудник, начальник полигона, заместитель начальника сектора, помощник начальника объекта по технике безопасности КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — заместитель начальника предприятия по общим вопросам НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1956 — заместитель директора предприятия по производству, там же.
- 1958 — заместитель главного конструктора, там же.
- 1959 — заместитель главного конструктора, исполняющий обязанности первого заместителя директора и главного инженера, главный инженер, там же.
- 1964 — директор предприятия, там же.

Награжден орденами: Красной Звезды (1944, 1954), Ленина (1950, 1966), Трудового Красного Знамени (1951, 1953, 1961), Октябрьской Революции (1971); медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За боевые заслуги» (1959), «За безупречную службу» I степени (1959), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), многими юбилейными медалями, а также дипломом Почета Челябинского обкома КПСС (1978). Избирался депутатом городского Совета депутатов трудящихся (с 1959), членом Горкома КПСС (с 1961) и его бюро (с 1971), кандидатом в члены Челябинского обкома КПСС (с 1974), членом обкома. Его именем названа одна из улиц Снежинска и загородный детский оздоровительный лагерь «Орлёнок». На зданиях, где работал и жил Г. П. Ломинский, установлены памятные доски. За время его руководства коллектив института был награжден орденами Ленина (1966) и Октябрьской Революции (1980). Похоронен в Москве.

В истории ВНИИТФ была черная полоса, когда в течение нескольких лет полностью сменилось всё руководство института. Умер в возрасте 41 года талантливый главный конструктор В. Ф. Гречишников. Ушел из института К. И. Щёлкин. Внезапно умер Д. Е. Васильев. Заменить директора оказалось труднее всего... В ноябре 1964 года директором института был назначен Георгий Павлович Ломинский, бывший в ту пору главным инженером института.

Детские и юношеские годы Г. П. Ломинского прошли на Украине. Родился он в городе Казатине Винницкой области. В Киевском индустриальном институте поступил на машиностроительный факультет. На военной кафедре их готовили в танкисты. Кстати, в эти годы он был в одном экипаже с Д. А. Фишманом, с которым потом судьба сведет его в Арзамас-16. Но в 1938 году в Киеве конкурсная комиссия по отбору лучших студентов в военные академии направляет его, с его согласия, в Москву, в Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского.

В мае 1941 года состоялся последний предвоенный выпуск около 700 офицеров, среди которых были и сын И. В. Сталина Яков, и старший техник-лейтенант Ломинский. Военные годы Георгий Павлович провел на научно-исследовательском полигоне стрелкового и минометного вооружения. Испытывал новые виды оружия, сам разработал новый гранатомет. Был ранен, ведь испытания новой техники не всегда безопасны.

В 1948 году капитан Ломинский был переведен в Арзамас-16 на должность начальника отдела полигонов. На внутренних полигонах — площадках для проведения взрывных работ — в это время проводились отработки отдельных узлов первой бомбы. Объем работ нарастал, а производственная база, технология

Г. П. Ломинский

проведения работ, да и дисциплина исследователей были явно в неудовлетворительном состоянии. Было просто необходимо создание службы, которая устранила бы хаос в проведении взрывных работ.

Георгий Павлович к преобразованиям приступил решительно, но тактично и доброжелательно, уважая ученых, занятых своими исследованиями. Начальниками площадок были назначены офицеры инженерных войск, что помогло установить там железную дисциплину. И надо сказать, что исследователи не обижались на него. Они видели от молодого капитана реальную помощь, заботу об их делах, видели, что работа пошла быстрее.

«У Ломинского, — вспоминал Г. А. Цырков, — было очень удачное сочетание: он

был требовательным и в то же время умел показать, разъяснить человеку на примерах, почему это нужно делать так и к чему может привести отступление от правил. У физиков, теоретиков он пользовался не только авторитетом, но, можно сказать, и любовью, хотя иногда эти ученые могли быть очень занозистыми, обижаться, что какой-то капитан учит их, как нужно делать эксперименты».

Стремление воспитать в сотрудниках культуру эксперимента у ГП, как его называли в институте, сохранялось все годы и на всех должностях. И это очень помогало добиваться прочных успехов в работе.

При испытании первой атомной бомбы Ломинскому была доверена важная операция: снаряжение заряда капсулями-детонаторами. Кстати, управлял лифтом, на котором заряд поднимали на башню, сам Ломинский, окончивший для этого специальные курсы и получивший удостоверение на право управления лифтами.

Говорят, что после первого испытания шутники приставали к Щёлкину с вопросом, куда он дел бомбу? «Ты же расписался в её получении, а где она?» Предусмотрительный Ломинский с первого испытания прихватил ключ от башни. А после испытания 12 августа 1953 года первой термоядерной бомбы, которую он снаряжал вместе с А. Д. Захаренковым, он стал владельцем ключа еще от одной башни. Теперь эти ключи хранятся среди экспонатов в музее ядерного оружия ВНИИТФ.

В 1950 году в Арзамасе-16 создается отдел техники безопасности, и по предложению Щёлкина его начальником был назначен Ломинский, двумя годами позже он становится помощником директора предприятия по технике безопасности. Какое значение руководство КБ-11 придавало этой службе, видно из того, что

инструкция по работе с электродетонаторами была разработана лично Ю. Б. Харитоном.

И много позже, уже директор ВНИИП, генерал-лейтенант Ломинский во время выполнения особо опасных работ по разборке изделий на опытном производстве обязательно лично руководил операцией, стоя рядом с исполнителем и самим своим присутствием внушая уверенность в том, что операция пройдет нормально.

В 1955 году, когда организовался будущий ВНИИТФ, Георгий Павлович был назначен заместителем директора, но оставался в Арзамасе-16, организовывая работу оставшихся там подразделений. Фактически весь новый институт, называвшийся тогда НИИ-1011, еще долго оставался на старом месте, поскольку на новый объект уехали только теоретики и математики. Постепенно, по мере строительства, эшелоны с людьми и оборудованием уходили на Урал. Ломинский переехал туда окончательно только в 1958 году.

Начался новый, самый важный этап его жизни. Работая главным инженером НИИ-1011, он сделал очень много для развития производственных мощностей, подбора и воспитания квалифицированных кадров. И это потом позволяло быстро и качественно изготавливать на своих заводах почти всё, что нужно для испытаний зарядов, готовить оснастку для передачи зарядов в серийное производство.

Став во главе института, Ломинский старался обеспечить баланс трех его главных составных частей — науки, производства и вспомогательных служб. И это ему удалось в полной мере. Он очень четко понимал свое место в институте, не лез «в огород» научного руководителя Е. И. Забабахина, к которому относился не просто с уважением, но даже с почтением. А вот производство и вспомогательные службы — его епархия. «Я директор, я должен обеспечивать, чтобы всё крутилось, вертелось».

В отличие от К. И. Щёлкина, Забабахин очень редко бывал в Москве, а в последние годы вообще никуда не выезжал. И вся тяжесть взаимодействия с внешними организациями, со всей системой, которая постепенно, даже в Средмаше, становилась все более формальной и бюрократической, ложилась на плечи Ломинского. Справлялся с этим он просто великолепно.

Он обладал врожденным чувством юмора, был блестящим рассказчиком, знал невероятное количество анекдотов и всегда умел найти подходящий для данного случая. Очень хорошо понимал психологию людей и умел обойти препятствия, а не тратить силы на лобовую атаку.

Вот один пример. Нужно было построить новые емкости для хранения бензина. А для этого на площадке, где уже были емкости с топливом, нужно было провести взрывы, чтобы выровнять скальный грунт. Площадка огромная, вся обнесена колючей проволокой. Все емкости находятся в одном конце, новые будут строиться в другом. По всем оценкам, взрывы можно проводить без опасения повредить имеющиеся емкости. Приехала комиссия, которая должна была дать разрешение на проведение работ и наотрез отказалась это сделать: «Взрывы

на площадке, где находятся горюче-смазочные материалы, проводить нельзя». Никакие научные доводы на них не действовали. Ломинский молча смотрел, как его сотрудники пытаются убедить комиссию, а потом сказал: «На сегодня всё. До свидания». И уехал.

Наутро комиссию, к большому их удивлению, снова привезли на то же место, но уже на другую площадку: вечером забор из колючей проволоки отгородил цистерны. Ломинский спокойно объяснил: «Мы находимся на площадке, где должны быть сооружены емкости для хранения топлива. Для этого нужно провести несколько взрывов. Рядом другая площадка с ГСМ, но емкости находятся на безопасном расстоянии. Комиссия единодушно дала разрешение на взрывы.

Бывали ситуации, когда ему приходилось принимать решения не только сложные с технической точки зрения, но и связанные с риском для жизни. Как вспоминает Л. Ф. Клопов, однажды при транспортировке одно из изделий института при разгрузке упало и получило внешние повреждения. Что произошло внутри — можно было только гадать. Ломинский прибыл на место происшествия, осмотрел бомбу и, обращаясь к группе слесарей-сборщиков, сказал, что ввиду отсутствия подъемных средств придется использовать рычаги Архимеда. Хорошо зная конструкцию бомбы, он мелом обозначил центр тяжести и место, на которое можно опираться при наклоне и подъеме бомбы. Далее, хорошо зная свойства взрывчатых веществ, он доходчиво привел одно сравнение и вытекающие из него меры. «Когда человек получает ушиб, то врач, как правило, говорит: “Старайтесь до больного места не дотрагиваться”. Когда мы будем поднимать или переворачивать бомбу, старайтесь к поврежденному месту не прикасаться. Там, внутри находится взрывчатка». Как позже показало «вскрытие» бомбы, предложенные Георгием Павловичем меры были единственно правильными и предотвратили возможные неприятности.

Ломинский был заботливым хозяином не только в институте, но и в городе. Он очень многое сделал, чтобы город стал лучше, красивее, удобнее для жизни.

На 21-й площадке (ныне это поселок Сокол) был сооружен пионерский лагерь. Стараниями Ломинского на радость детворе в лагере была установлена военная техника: боевые самолеты, танки, орудия. А на озере появился настоящий военный катер, доставленный с берегов Тихого океана.

Георгий Павлович очень много помогал медикам (новое оборудование, лекарства, квартиры для врачей и новая больница).

Его любимым детищем был наш совхоз. Там строили жилье, провели туда газопровод, построили хорошие мастерские. И это благотворно отражалось потом на прилавках магазинов города.

Весной 1988 года у Ломинского случился инфаркт. Лежать в больнице он не хотел, и его выписали на 9 мая, а 13 мая родные увезли его в Москву, в «шестерку». Он и оттуда выпросился домой — не хотел, не умел лежать, болеть... Чувство юмора не оставляло его до последнего дня. Ему ставили бесконечные капельницы, а он говорил медикам: «Вы только не забывайте, что у меня всего две руки».

«Он понимал, в каком он состоянии, но — никакого паникерства, никаких прощаний. Просто заболел человек. Когда ему стало совсем плохо, он не решил маме звонить в больницу. Я говорю: “Папа, ты понимаешь, что происходит? Ты же можешь просто умереть!” Он ответил: “Ну что же...” Когда приехала “скорая помощь”, Гоша, еще совсем маленький, испугался немного новых людей. И когда я потом пришла к отцу в больницу, он сказал: “Вот жаль только — малого испугали”» (*Э. Г. Ломинская — дочь*).

Георгий Павлович ушел из жизни в трудное для института, как и для всей страны, время. Но тот запас прочности, который был создан усилиями первых руководителей, помог тогда и помогает сейчас институту выстоять, удержаться и начать новый цикл восхождения.

Разными они были — первые руководители института. Но было в них то общее, что их объединяло и то, что до сих пор вызывает наше уважение и светлую память о них: талант, честность, личное мужество и беззаветная преданность своему делу.

*По материалам доклада А. П. Васильева и Л. П. Феоктистова
на конференции HISAP-99*

Из воспоминаний

Вспоминать о хороших людях и приятно, и грустно. Приятно вспомнить о том, какими они были жизнелюбивыми, погруженными в заботы жизни, работы, друзей и недругов. Грустно оттого, что, провожая их на вечный покой, никакие слова ничего не изменят. Хорошим ли был умерший человек — великолепным, непревзойденным в чём-то и оставившим память о себе на долгие годы, остается этот человек только в памяти нашей таким, каким он был. Издавна повелось, что о мертвых можно говорить или только хорошее, или молчать. Но как можно сохранить истинный облик человека, его характер, привычки и прочее, если писать недостоверное, отчасти вымышленное, сильно приукрашенное, словом искаженный навеки образ ушедшего человека? Думаю, что надо писать всё, как было...

Написаны эти слова как предисловие, чтобы было объяснение тому, что о Георгии Павловиче Ломинском мои воспоминания покажутся кому-то недостаточно хвалебными. Но был он человек не простой, и его можно было увидеть с разных ракурсов, с разных восприятий. Скажу сразу, что Георгий Павлович, как и многим, мне очень нравился, импонировал. Разве забудешь его облик? Шутливые и меткие слова? Неподдельную участливость к человеку, пришедшему к нему за помощью? До сих пор помнят, как Георгий Павлович вел приемы трудящихся. Как сказал один из просителей: «Он отказал, но с уважением!» Это искусство — отказать в просьбе с уважением к человеку, подчас и очень важной для него, — вырабатывается не сразу и не у всех. Для этого надо было иметь большое

Ломинский Георгий Павлович

и доброе сердце и недюжинный ум. Всё это было у Георгия Павловича, и, может быть, даже с избытком.

Я вспоминаю лето 1952 года, когда ему было поручено прочитать нашей группе дипломников курс лекций об основах выполнения взрывных работ и обращения со взрывчатыми веществами. Таких лекций было немного, мне трудно вспомнить дословно их содержание, но мы запомнили существо слов лектора, и оно словно врезалось в нашу память. В сентябре мы сдали экзамен на право самостоятельно проводить взрывные работы и работы с ВВ. Всё это воспринималось легко, с улыбкой и прибаутками, но мы поняли серьезность и ответственность этих работ. Всё это свидетельствовало о высоких качествах Ломинского как учителя. Можно сказать и по-другому: Георгий Павлович научил нас обращению с ВВ основательно. После защиты дипломных работ мы продолжали работать в нашем газодинамическом секторе КБ-11 и вроде бы и не имели отношения к Георгию Павловичу, но он продолжал развивать и совершенствовать службу обеспечения безопасности...

В 1955–1958 годах Георгию Павловичу, который хотя и был переведен на работу в НИИ-1011 на должность заместителя директора по технике безопасности, было поручено организовывать и договариваться с директором КБ-11 Б. Г. Музруковым об изготовлении испытуемых ядерных зарядов в КБ-11 по чертежам конструкторов НИИ-1011. Музруков с пониманием отнесся к этой дополнительной нагрузке на производство КБ-11, но потребовал, чтобы изготовление деталей и сборочных единиц выполнялось для НИИ-1011 с минимальными потерями. И Музрукову, и Ломинскому нередко приходилось решать эту непростую проблему, поскольку по ходу дел то и дело возникали вопросы изменения размеров и материалов в конструкциях, которые разрабатывали на Урале. Для Музрукова эта работа была знакома еще со времени работы директором Уралмаша. Георгию Павловичу приходилось этому учиться заново. К счастью, учитель и ученик оказались людьми понятливыми и очень желали найти общий язык.

В начале 1958 года Георгий Павлович с семьей приехал на постоянное место жительства и работы в г. Челябинск-70. Здесь Георгий Павлович сразу попал в сложную обстановку, которую можно назвать «смутным временем 1958–1963 годов в НИИ-1011». Дело в том, что 31 декабря 1957 года у директора НИИ-1011 Дмитрия Ефимовича Васильева внезапно случился инфаркт. 11 января 1958 года заместитель министра по кадрам Л. Мезенцев подписал приказ о том, что на время болезни Д. Е. Васильева Г. П. Ломинский назначается исполняющим обязанности директора НИИ-1011, а Н. А. Смирнов назначается исполняющим обязанности заместителя директора по производству и главным инженером. Так было восстановлено руководство институтом.

422

В МСМ четко работала кадровая служба. Регулярно появлялись приказы Славского и других руководителей, которые свидетельствовали, что забота о руководстве НИИ-1011 проявлялась. Так, 21 марта 1958 года Славский приказом назначил Дубицкого Валентина Викентьевича первым заместителем директора НИИ-1011, освободив его от должности директора завода № 551.

25 апреля 1958 года выходит приказ Л. Мезенцева о назначении на время болезни Д. Е. Васильева первым заместителем директора НИИ-1011 В. В. Дубицкого. Ломинский и Смирнов приступают к исполнению своих прямых обязанностей. Мы не знаем, как к этому приказу отнеслись Ломинский и Смирнов, но несомненно, что эти перетасовки воспринимались спокойно.

31 июля 1958 года Васильев приступает к обязанностям директора. Он подписывает приказы, ездит на производственную площадку, словом, занимается директорской работой. Только 20 сентября 1958 года выходит приказ Славского о назначениях: 1. Назначить В. В. Дубицкого главным инженером и первым заместителем директора НИИ-1011. 2. Назначить Г. А. Цыркова первым заместителем научного руководителя и главного конструктора НИИ-1011. 3. Назначить Г. П. Ломинского заместителем главного конструктора НИИ-1011, освободив его от должности заместителя директора НИИ-1011 по опытному производству. Однако это практически не уменьшило участия Г. П. Ломинского в основной работе НИИ-1011...

Он много времени уделяет производству, тем более что начавшиеся с 1 сентября 1961 года воздушные ядерные испытания требовали постоянного внимания со стороны всего института...

2 февраля 1961 года в КБ-1 НИИ-1011 создается сектор 12 для организации и проведения ядерных испытаний на обоих ядерных полигонах. Во главе этого сектора был поставлен заместителем главного конструктора и его начальником Г. П. Ломинский. Я плохо помню начало 1961 года, но я хорошо помню, что Георгий Павлович не приходил ко мне, как и не решал со мною вопросы, связанные с работой сектора 12. Другими словами, я не ощущал нашего взаимодействия. Поднятый в руководстве разными службами Ломинский, конечно же, не нуждался в моих руководящих указаниях, но его поведение не соответствовало отношениям главного конструктора и заместителя неизвестно какого КБ. [К этому времени приказом министра МСМ Е. П. Славского были разделены функции научного руководителя и главного конструктора, было введено разделение функций главного конструктора по двум направлениям: КБ-1 — по ядерным зарядам и КБ-2 — по ядерным боеприпасам. Это я сейчас понимаю, но в то время я был далек от вопросов субординации и взаимоотношений начальников разных уровней. Меня это просто мало волновало. Я входил в курс дел.

С 1 сентября 1962 года снова начались воздушные ядерные испытания. Дни того периода помчались неудержимо, и кроме этих испытаний, от их подготовки до обсуждений результатов, я ничем другим заниматься не мог. Темп и размах работ того времени были очень высокими и впечатляющими.

В 1963 году подготовка к ядерным испытаниям сменилась обсуждением проблем перехода к запрету воздушных, подводных и космических ядерных испытаний, которое закончилось подписанием трехстороннего запрета на эти виды ядерных испытаний. Появилось время на решение личных проблем. Леденёв [Б. Н. Леденёв был назначен директором НИИ-1011 в 1961 году] не уставал

просить об освобождении его от должности директора. Дубицкий уехал в Ленинград. Остались два кандидата на директорское место — Салтыков и Ломинский. Как-то, приехав в 5-е Главное управление и зайдя к Павлову [Н. И. Павлов — тогда начальник 5-го ГУ], я был огорошен вопросом: «Как ты думаешь, кто больше годен быть директором института — Ломинский или Салтыков?» Я, не задумываясь, сказал: «Ломинский». Павлов покачал головой и сказал, что я ничего в руководстве институтом не понимаю. По его мнению, только Салтыков может стать настоящим директором. Я сказал, что, наверное, не дорос до понимания, какими качествами должен обладать настоящий директор. Павлов махнул на меня рукой, и мы перешли к обсуждению более простых дел. В нашем институте большинство было за назначение директором Ломинского. 20 ноября 1964 года он и был назначен директором НИИ-1011. С присущим Ломинскому юмором, первое, что он сказал, придя в кабинет директора: «Долго в цепях нас держали!» Наконец-то полковник Ломинский стал на путь генерала-директора. Многие считают, что должность директора научно-производственного ядерного института ему самим богом была уготована.

В книге «Человек. Генерал. Директор. Воспоминания о Г. П. Ломинском» (Автор-составитель Т. Г. Новикова, Снежинск, 1998) вы можете прочитать панегирик о Ломинском. Жаль. Можно было бы написать и о других его качествах, от этого не убавилось бы уважения к этому неординарному и уважаемому человеку. Всё познается в сравнении. Ломинский несомненно был Человеком и Генералом, что же касается его директорских качеств, то некоторые директора ядерного оружейного комплекса, по-моему, превосходили его, например, П. М. Зернов, Б. Г. Музруков, Г. А. Мальский, А. Г. Потапов. Этих людей я сам знал. Они были более разносторонними и масштабными. Они занимались всеми сторонами директорской деятельности. Когда Георгию Павловичу указывали на слабые стороны его директорской деятельности, он вроде бы находил этому оправдание. Когда говорили о достижениях других директоров в строительстве, Ломинский считал это проявлением расточительства. Но разве можно было этим объяснить убогость «хрущёвок»? Да, большинство проектов застройки Снежинска создавалось в соответствии с указаниями партии и правительства. Никто не мог бросить в Ломинского камень за строгое исполнение указаний руководства Министерства и 5-го Главка. Всё соответствовало этим указаниям, только нельзя забыть, что четырехэтажные дома 1970-х годов не только малогабаритны, но и плохо спроектированы. Таких домов нет ни в Сарове, ни в Лесном, ни в Пензе-9, ни тем более в Трёхгорном. Георгий Павлович объяснял это тем, что серийным предприятиям выделяют больше финансов, чем ВНИИП, или тем, что директора этих предприятий нарушают указания свыше. Да, Георгий Павлович был образцовым директором, но он никогда бы не взял на себя ответственность за строительство плавательного бассейна в Снежинске, воздвигнутого при жизни Васильева и Щёлкина, Дома культуры «Прометей» в Трёхгорном, новых районов и Дома ученых в Сарове, за широкое и красивое строительство Пензы-9 и многих других зданий

и сооружений в ядерно-оружейном комплексе, построенных с «нарушениями». Как сказал кто-то из директоров, кажется Александр Георгиевич Потапов: «Что выговоры и укоры? Всё это пройдет, но навсегда останутся хорошие здания. Конечно, они оставляют в моём сердце на всю жизнь раны. Без этого ничего нельзя было бы сделать».

Жизнь, конечно, не баловала Георгия Павловича, и на его сердце остались раны. Нельзя жить без таких ран, когда делаешь большие дела. Надо помнить и о том, что Георгий Павлович был хорошо знаком со многими людьми и в нашем городе, и в других городах, и на полигонах. Всюду он оставался верен себе, своим принципам, своим убеждениям. Его можно критиковать, с чем-то из сказанного или сделанного им не соглашаться, но в своем городе Георгий Павлович Ломинский оставил после себя добрую и долгую память. Сейчас, спустя 17 лет, невозможно отделить жизнь Ломинского от его дел. Да и зачем разделять его жизнь на плохое и хорошее. Может, это и сохраняется в куче пожелтевших документов, но в жизни многие и многие помнят Георгия Павловича Ломинского как человека выдающегося. Смерть всё нивелирует, сглаживает и оставляет только крупное и существенное. Именно это навсегда останется в памяти людей о Генерале-Директоре ВНИИТФ.

Помянем же светлую память Георгия Павловича Ломинского и передадим эстафету памяти о нём людям, знавшим его, людям, которым надо знать о нём.

Б. В. Литвинов

(из книги «Грани прошедшего», Москва: ИздАТ, 2006)

Директором института в то время [1961 год] работал Борис Николаевич Леденёв, согласившийся занять эту должность после долгих уговоров. Испытывая тяготение к научно-конструкторской работе, он старался уделять административным делам как можно меньше времени, переложив их на плечи своих заместителей. Традиционно первым заместителем директора считался главный инженер предприятия, — именно этот пост занимал Ломинский. Но в начале 1960-х годов в силу различных обстоятельств соотношение сил в институте изменилось. Первым заместителем директора становится Н. В. Салтыков, а должность главного инженера сводится к третьестепенной. Соответствующим было и отношение к производству. Как же повел себя Георгий Павлович в этой сложной для него, как человека и специалиста, ситуации? Смирился? Стал «качать права»? Послушаем очевидца: «Найти свое единственно верное место в структуре уникального научно-исследовательского института — дело далеко не простое. Особенно в обстоятельствах, которые складывались конкретно с учетом личностей директора, его первого заместителя, научного руководства, главных конструкторов. Но Георгий Павлович нашел такое решение в непростой ситуации. Он замкнул на себя не только проблемы развития опытных заводов, но и производство как таковое с его бесконечными заботами от материально-технического обеспечения до

Ломинский Георгий Павлович

сроков выпуска опытных образцов изделий. Подбирая специалистов, строя цеха опытных заводов, Ломинский настойчиво наращивал мощности этого главного для него в то время направления. Более того, как неплохой психолог, он понимал, что мало построить здания, поставить оборудование, набрать людей, надо прежде всего создать коллективы, сцементировать их единой задачей и дать им почувствовать вкус успеха. Выполняются планы производства, платятся премии, уходит чувство ущербности. И наконец рухнул «комплекс неполноценности», и это не у отдельных личностей, а в тысячных коллективах. Служить в его команде становится престижно. Одним словом, «гадкие утята» стали превращаться в «лебедей», и уже не страшен ни черт, ни его «малютки». Такое отношение к опытному производству и его специалистам пронес Георгий Павлович через все последующие годы, снискав тем самым у заводчан доверие и преданность» [Б. И. Беляев, работал во ВНИИТФ с 1956 по 1990 год начальником цеха, главным технологом, главным инженером, директором экспериментального завода, главным инженером ВНИИТФ, лауреат Ленинской премии].

20 ноября 1964 года Г. П. Ломинский становится директором института. Начинается новый этап его жизни. Но без преувеличения можно сказать, что и для института это было началом нового периода развития.

Георгий Павлович Ломинский был директором уральского ядерного центра без малого четверть века — с ноября 1964 по июнь 1988 года. Это были годы наиболее стабильного развития института, период его расцвета. И одним из важных факторов, способствовавших этому расцвету, безусловно было то, что во главе предприятия стоял Ломинский...

Достоинство Ломинского как директора как раз и состояло в том, что он не лез в «чужой огород», в данном случае — в «огород» научного руководителя, просто из желания оставить за собой последнее слово. Он очень четко понимал свое место в институте, особых научных достижений за собой не числил и, будучи человеком трезвомыслящим, к ученым степеням, получаемым иными руководителями «honoris causa», не стремился.

Особенно много внимания Ломинский уделял вспомогательным службам. Раньше так назывались энергетики, снабженцы, железнодорожники, автомобилисты...

426 «Мне как первому руководителю подразделения института, занимающегося железнодорожными спецперевозками, пришлось сдавать сложные экзамены в комиссии института по ядерной безопасности, технике безопасности и организации работ. Председателем комиссии был главный инженер Г. П. Ломинский. Он задавал такие специфичные вопросы — о креплении изделий, особенностях их транспортировки, что я понял, наше железнодорожное дело председатель знает досконально. Насколько мне стало известно, в довоенное время он сам работал помощником машиниста паровоза» [Ф. С. Калачиков, начальник цеха

железнодорожного транспорта, работал во ВНИИТФ с 1963 года]. Сын железнодорожника, Георгий Павлович в какой-то мере ощущал и свою причастность к этой профессии. В 1977 году при его активной поддержке была создана новая технология организации работ в железнодорожном цехе, причем экономическая эффективность была столь велика, что авторы этой разработки (6 человек) получили звание лауреатов премии Советских профсоюзов и дипломы, подписанные министром Е. П. Славским.

Георгий Павлович обладал качеством, очень важным для руководимого им коллектива. Ломинский знал, в чём состоят интересы возглавляемого им института, и знал, как их защитить. Можно сказать, что ГП действовал по принципу, известному из песни: «...чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Такая решительность сочеталась с незаурядным дипломатическим искусством, что позволяло ему не только добиваться своей цели, но и сохранять добрые отношения с партнерами. «При разработке артиллерийских спецбоеприпасов, — рассказывает О. Н. Тиханэ [главный конструктор ВНИИТФ с 1972 по 1981 год, лауреат Ленинской и Государственной премий], — возникли серьезные разногласия в оценке того, кто из организаций является головным разработчиком. При встрече, когда надежда договориться была уже почти утрачена, Георгий Павлович задал вопрос:

— Что вы делаете для спецснаряда? Корпус! Вот и хорошо. Так и подытожим: снаряд наш, а весь выстрел ваш!

Это прозвучало так убедительно и доходчиво, что на том и договорились. Этот принцип лежит в основе наших взаимоотношений с другими разработчиками комплексов вооружения и признается всеми...»

Ломинский был не из тех руководителей, которые, покидая кабинет в конце рабочего дня, оставляют там нерешенные дела. «В 1960-х годах, — рассказывает А. В. Минько [работал во ВНИИТФ с 1959 по 1997 год инженером-технологом, начальником цеха, начальником отдела, заместителем директора ВНИИТФ], — в институте складывалась очень напряженная обстановка по изготовлению изделий для натуральных испытаний. Георгий Павлович, не считаясь со своим личным временем, и в вечернее, и в ночное время приезжал на площадки, где велись срочные сборочные работы. Вот как проходил один из таких визитов. Однажды наши специалисты работали на 3-й площадке. Он не поленился съездить туда и посмотреть, чем же занимается народ. Было это часов в 10–11 вечера. Сотрудники собирали изделия, что-то забыли, отправили автобус на площадку, чтобы то, что нужно, привезти. А сами в картишки перебрасывались. На площадке, если идет посторонний, часовой дает предупреждающий звонок и пропускает. А тут генерал идет. Часовой — под козырек и пропустил. Ломинский тихонечко подошел и...

— Ага, вот так вот!

Звонит мне:

— Ты знаешь, чем твой народ занимается?

Ломинский Георгий Павлович

— Как чем? Работает.

— Приезжай, посмотри...

Я приехал, дал там разгон, конечно. На следующий день мы с ним встретились, поговорили. Я объяснил ситуацию.

— Да ладно! И тебя поднял, и народ испугал».

«Деловой, принципиальный, серьезный, требующий безусловной дисциплины, он в то же время был очень человеческим, мог выслушать любого работника предприятия, вникнуть в суть вопроса, принять участие в судьбе человека. Жульничества, обмана не терпел. Но за ошибки, если они были допущены не по злому умыслу, никогда не преследовал. Проводя кадровую политику, козней никому не строил. Успешной же его карьере способствовали острый ум и трезвая расчетливость» [А. А. Мигунов, работал во ВНИИТФ с 1961 по 1992 год инженером, начальником отдела, заместителем директора ВНИИТФ].

«Это был простой человек и в то же время — огромная глыба. Он был тем ядром, вокруг которого мы совершали положительные вращения — и в рабочих вопросах, и в человеческом смысле. Говорят — на дураках свет держится. Так вот в хорошем смысле слова Георгий Павлович был одним из тех «дураков». А мы учились у него, как быть «дураком». Он никогда не старался показать своим поведением, что он важная птица, а мы должны вокруг него крутиться. Это было исключено. Он был человек интуиции и душой и сердцем всегда оказывал нам содействие. Если ГП сказал, что это будет сделано, значит, это будет сделано. Это был человек слова даже в мелочах, и не только по отношению к вышестоящим» [А. А. Марков, проходил службу в институте по проблемам Военно-морского флота и видам Вооруженных Сил, капитан первого ранга, кандидат технических наук].

«В конце 1970-х годов перед приездом Георгия Павловича на Семипалатинский полигон местное военное начальство решило не ударить лицом в грязь перед генералом и приказало постелить ковровые дорожки на первом этаже гостиницы в поселке «Г». Мы, работавшие в это время в штольне массива Дегелен, немало были этим удивлены — такого раньше никогда не бывало. Нам объяснили: «Это ваш генерал приезжает проверить, как вы живете, вот мы и постарались». Дня через два приехал Ломинский. Это было днем, мы были на штольне. Но свидетели нам вечером рассказали, как было дело. Заходит Георгий Павлович в гостиницу, несколько секунд изумленно смотрит на ковровые дорожки, потом принявшись спрашивает у сопровождавших представителей полигона:

— А душистых дорожек для туалетов не нашлось?

Он и сам знал, и от нас неоднократно слышал, что в поселке «Г» всегда пелобой с водой: то с холодной, то с горячей, то с обеими одновременно. На этот раз не было холодной. Так местные хозяйственники додумались пустить горячую

воду в сливные бачки. Представляете, какой был аромат в гостинице! На второй этаж Георгий Павлович и подниматься не стал — пошел на свежий воздух» [Н. П. Волошин, работал во ВНИИТФ с 1962 по 1996 год, затем в Минатоме начальником департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов, с 2004 года заместитель директора ВНИИТФ по связям с общественностью].

Разумеется, Ломинский был на полигонах не только с такими вот инспекционными визитами. Работа на внешних полигонах была для него так же привычна и естественна, как и в кабинете управления. Просто чуть меньше комфорта... В смежных организациях генерала хорошо знали и принимали всегда очень тепло. «Энергичный, очень подвижный, располагающий к себе человек, очень по-доброму относящийся к людям, которые находились в экспедиции. Всегда поражало его высокое человеколюбие, его доброе отношение к собеседнику, к специалисту, с которым он работает» [Г. Е. Золотухин, с 1958 по 1994 год проходил службу в ВМФ МО, с 1994 года заместитель начальника департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов в Минатоме, вице-адмирал в отставке, лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РФ]. «Он был очень легок на подъем. Как только поступало сообщение о том, что с его изделием что-то неладно, Ломинский тут же вылетал на место происшествия. Если испытания производились на взрывной площадке, то Георгий Павлович хотел лично видеть момент воздействия на изделие и результаты этого воздействия. Порой его приходилось даже останавливать» [А. И. Ветютнев, главный инспектор Госатомнадзора, с 1957 года проходил службу в аппарате 12-го Главного управления МО, с 1982 по 1993 год директор Института по проблемам Военно-морского флота и видам Вооруженных Сил, с 1993 года в Госатомнадзоре, контр-адмирал в отставке].

Авторитетом Георгий Павлович пользовался в отрасли высочайшим. И это был не тот случай, когда почет оказывался руководящему креслу, а уж заодно и сидящему в нём человеку.

«Георгий Павлович — это целая эпоха в развитии новой техники, науки, решении сложнейших технологических проблем нашего Отечества. В его служебной деятельности были заложены и такие деловые принципы при решении взаимных вопросов, как личное общение с руководством, специалистами организаций, учреждений, воинских частей, независимо от их географического расположения. Георгий Павлович в течение года, как правило, два-три раза посещал основные взаимодействующие с Челябинском-70 организации и воинские части» [А. И. Ветютнев].

Говорят, к хорошему привыкаешь быстро. Может быть, и снежинцы за годы директорства Ломинского привыкли к тому, что за городом присматривает строгий хозяйский глаз. А вот впечатления наших гостей: «Снежинск всегда приятно поражал нас ухоженностью, порядком и хорошим снабжением. В этом городе, по сравнению с Арзамасом-16, люди быстрее получали квартиры и ставили

Ломинский Георгий Павлович

телефоны, четко работал городской и служебный автотранспорт, своевременно чистились от снега дороги и тротуары, прекрасно работал отдел рабочего снабжения. Во всем этом несомненная заслуга Г. П. Ломинского, который фактически был полновластным хозяином города» [Л. Ф. Беловодский, заместитель начальника отделения, работал во внииэф с 1967 года, доктор технических наук, академик МАНЭБ]. Такие слова, да еще от вечных друзей-конкурентов, нельзя отнести на счет простой вежливости.

Георгий Павлович не просто занимался городским хозяйством в силу служебной необходимости — он был болен своим городом. В выходные часто можно было видеть, как генерал медленно, неспеша обходит свои владения. Если прогулка была в компании иногороднего знакомого, Ломинский выступал в роли экскурсовода: «Вот здесь мы построили детский сад, здесь будет музыкальная школа...» — и говорил о том, что удалось сделать, и о планах на будущее с такой искренней заинтересованностью, с таким увлечением, что гость не оставался равнодушным. Заботиться о городе для него было не необходимостью — потребностью души. Это был ЕГО город, его детище. Сам Ломинский любил смотреть на город сверху, с самолета. Такая возможность у него появлялась, когда комиссия проверяла информативность работ на газодинамической площадке путем отбора проб на самолете. «ГП с большим удовольствием летал на этом самолете, а иногда даже сидел на левом кресле — вторым пилотом. Он с большим удовольствием использовал самолет, чтобы посмотреть, где у него непорядок», — говорил Г. А. Кауров [начальник отдела Министерства РФ по атомной энергии с 1992 года, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР].

Говорят, будто в одной из своих передач радиостанция «Голос Америки» объявила, что «в хозяйстве Ломинского функционирует военизированный детский лагерь». Действительно, пионерский лагерь «Орлёнок» было нетрудно заметить даже за железным занавесом. Это был тот самый объект, для которого Георгий Павлович, никогда не забывавший «считать государственную копеечку», без всяких вопросов и напоминаний выделял финансирование в первую очередь. Но одними деньгами такой лагерь не построить. Он был создан сердцами и душами, и в первую очередь — его сердцем и душой.

Лагерь строился по индивидуальному проекту, и весь новый комплекс был построен под непосредственным наблюдением генерала. Вот что рассказывает о строительстве второй очереди лагеря Е. А. Дедов [работал во ВНИИТФ с 1958 по 1980 год инженером, заместителем начальника цеха, начальником цеха, секретарем парткома завода № 1, председателем ОЗК-24, с 1980 по 1988 год председатель исполкома городского Совета народных депутатов], в то время председатель горисполкома: «Для строителей объект был малоинтересным, невыгодным из-за большого объема отделочных и благоустроительных, то есть дешевых работ. Строители возвели коробки спальных корпусов, «сняли сливки», как гово-

рится, и работы встали, выделенные деньги ЦК профсоюза недоосваивались. Все попытки сдвинуть дело с мертвой точки через уговоры, требования, угрозы к положительным результатам не приводили. На президиуме ОЗК-24 было принято решение объявить строительство пионерлагеря общегородской стройкой. За каждым коллективом предприятия и города был закреплен определенный конкретный объект, и каждый житель города должен был отработать не менее 4 часов на строительстве пионерского лагеря. Естественно, эта идея вначале была согласована с Г. П. Ломинским. Он в свою очередь провел совещание с руководителями подразделений института. Дал указание транспортникам выделить необходимое количество автобусов. В коллективах были созданы бригады, которые постоянно работали на стройке. Ломинский еженедельно один, а иногда и с целой группой строителей и руководителей шефствующих коллективов появлялся в лагере, и строительство пошло полным ходом. Четырежды пришлось выходить в ЦК профсоюза с просьбой о дополнительном финансировании и повышении сметной стоимости проекта. К нам присылали проверяющих, мы их убеждали в необходимости дополнительного финансирования, и в конечном итоге такие деньги находились. В результате был создан лучший во всем Уральском регионе пионерский лагерь «Орлёнок». Но просто строительством новых корпусов директор не ограничился. По его указанию специально для лагеря из подмосковного питомника НИИ лесного хозяйства были привезены саженцы голубых и канадских елей и другие саженцы. А поскольку Ломинский был человек военный, к тому же с высоким званием генерала, то и в оборудовании лагеря это нашло

Г. П. Ломинский (слева), Д. А. Гранин, П. Я. Усиков в п/л «Орлёнок»

свое отражение. Количество военной техники, размещенной на территории лагеря, вызывает нескрываемый интерес всех его посетителей. Даже взрослые редко преодолевают искушение сфотографироваться около танка, пушки или самолета. Что уж говорить о детях, отдыхающих там... «Где он всё это доставал, — вспоминает В. И. Никитин [помощник директора ВНИИТФ, работает в институте с 1959 года], — и не упомнишь. Морские орудия, пушки, танки, самоходки... Он собирался поставить еще ракету СС-20, но не успел. Вот говорят — милитаризованный у вас пионерлагерь, а пацанам — одно удовольствие. Там стоит танк Т-34, у которого башня крутится до сих пор. У танка заклепаны ходовые части, пушка, а башня — нет, вот пацаны лазают и вращают ее. Три самолета в лагере. Надо сказать — раньше было как-то меньше варварства со стороны ребят. Играли, конечно, но не громили, и поддерживалось всё это в исправном состоянии. А вот приспособленные под глобусы два корпуса от наших изделий сломать не удалось — круглые и крепкие, так что до сих пор крутятся». Такие оригинальные «сувениры» прибывали со всех концов страны, благо контакты с военными у генерал-лейтенанта Ломинского были обширные. Вот короткая история только одного экспоната этого своеобразного музея под открытым небом: во время одной из командировок к морякам Георгий Павлович договорился с командованием Тихоокеанского флота, и ему подарили списанный тральщик — боевой корабль. Подарить-то подарили, но доставить его с Дальнего Востока на Урал было не то что непросто — почти невозможно. Размеры тральщика внушительные, по МПСовским габаритам он не проходил — слишком нестандартный груз. Еле-еле уместился на трех железнодорожных платформах. Катер провезли через всю страну, спустили здесь на воду, обиходили, отремонтировали, назначили туда моториста, капитана, и несколько лет он регулярно возил ребят по озеру несколько раз в день. Технику эту генерал ставил не просто для развлечения, а с дальним прицелом. В его понимании, это и было военно-патриотическое воспитание. Он не раз говорил, что школьник, находясь в кабине самолета, лучше познает и самолет, и себя. А может быть, привозя всё это в лагерь, он вспоминал далекие годы службы на подмосковном полигоне. Там тоже стояли всевозможные танки, пушки, среди которых с удовольствием играли дети офицеров полигона, в том числе и его старшая дочь Элла.

Но и на этом заботы ГП о лагере не закончились. Каждый год, задолго до открытия сезона директор собирал в своем кабинете совещание и тщательно отрабатывал все вопросы работы лагеря — вплоть до того, какими фруктами будут кормить детей. И конечно, Георгий Павлович не только присутствовал на открытии и закрытии «Орлёнка», но и старался не пропустить ни одной смены. И никогда ни приезжал с пустыми руками — обязательно с подарком от предприятия.

432 Излишне говорить, что дети встречали своего генерала очень тепло.

При его поддержке начиная с 1973 года был организован обмен группами детей из нашего города и города Чкаловска в период летних каникул. До 200 ребят ежегодно на протяжении многих лет выезжали в Среднюю Азию, в пионерский лагерь «Кайраккум».

Георгий Павлович умел делать праздники для горожан — и с присущим ему размахом! Юбилеи института, дни города, проводы русской зимы... Но один праздник ему, как человеку военному, был особенно дорог.

«Военный парад в нашем городе в честь юбилейного дня Победы останется в моей памяти очень надолго, если не на всю жизнь. Чем это объяснить? Сам парад ни в какое сравнение с парадом, скажем в Москве, не идет. В нашем гарнизоне было много строительных частей, которые не блещут строевой подготовкой. Но тем не менее в Челябинске-70 был организован парад со всеми его атрибутами — построением, докладом командующего гарнизоном командующему парадом, прохождением строем, с оркестром. И была колонна ветеранов при всех своих орденах. Был прекрасный солнечный день, было хорошее настроение, командовал парадом командир части, а принимал парад Георгий Павлович Ломинский. Кто более или менее его знал или видел, понимали, что он и строевиком никогда не был, и фигура не была у него такой видной — и рост, и полнота. Но в тот день... Блестящий, с кортиком, в своей генеральской форме и с той ответственностью, которую он чувствовал за собой, и с сознанием торжественности и значимости этого дня, и с пониманием самого факта, что он смог для жителей города сделать этот праздник — всё это его поднимало в его собственных глазах. Он как-то казался и выше ростом, и стройнее, и настолько он четко и с достоинством выполнял весь этот ритуал, что у ветеранов и плечи расправились, и грудь, и мы за ним прошли след в след с таким чувством гордости и за себя, и за него, и за страну, что это осталось в душе очень надолго. А вечером он вместе со специалистами газодинамического отделения во главе с Ю. П. Захаровым и Н. С. Повышевым организовал такой колоссальный фейерверк в нашем городе, какого, наверное, в округе никогда и не видели и, может, больше не увидят» [Н. Н. Криулькин, работал во ВНИИТФ с 1965 по 1975 год, заместитель начальника 5-го ГУ МСМ с 1975 по 1989 год].

Перечислять всё, что директор сделал для города, почти безнадежно — нельзя же вспомнить всё, что было за три с лишним десятка лет. Но свою задачу ГП коротко сформулировал сам. «Однажды, где-то в середине 1970-х годов, мы с В. Гришмановским, хорошо знавшим Георгия Павловича по совместной работе во ВНИИЭФ, встретили Г. П. Ломинского на улице Челябинска-70 и разговорились. Вспомнили общих знакомых, затем Гришмановский сказал: «Нравится нам у вас, Георгий Павлович, в городе чистота, порядок». На что директор ответил: «А как же, ходим, смотрим, гоняем!» В этой короткой фразе был весь Ломинский» [Л. Ф. Беловодский].

Множество самых разных людей, знавших Георгия Павловича Ломинского, относились к нему с подлинным уважением, симпатией, даже любовью. Конечно, были и такие, кому Ломинский не нравился — в какой-то момент или постоянно. И это тоже нормально. Нельзя угодить всем и не потерять при этом самого себя.

Ломинский Георгий Павлович

Как и все люди, Георгий Павлович был разным в разных ситуациях. Для семьи — любящий и заботливый муж, отец и дед. Для института — требовательный директор и рачительный хозяин. Для города — что-то вроде волшебной палочки, к помощи которой всегда можно обратиться в трудном случае. Несмотря на всю свою открытость самым разным делам и людям, он не был тем, кого называют «душа нараспашку». Но и загадочным, недоступным, непонятым, чужим — не был. Наверное, это очень трудно — найти такой хрупкий баланс и, став руководителем, остаться человеком. Почему-то не у всех это получается. У Ломинского получилось.

*Из книги «Человек. Генерал. Директор. Воспоминания о Г. П. Ломинском».
Автор-составитель Т. Г. Новикова. Снежинск, 1998*

Мацкевич Анатолий Николаевич

02.01.1932—08.10.1994

Инженер-строитель;
член КПСС с 1964 года.

1947 — учащийся Курского строительного техникума, г. Рыльск
Курской обл.

1951 — преподаватель в школе мастеров-строителей (г. Канск
Красноярского края), в этом же году призван в ряды
Советской Армии.

1953 — уволен в запас в звании младшего лейтенанта.

1954 — студент Уральского политехнического института, г. Свердловск.

1959 — инженер отдела ГО НИИ-1011, г. Челябинск-70.

1960 — инженер ОКСа, там же.

1961 — исполняющий обязанности начальника отдела, там же.

1962 — старший инженер, там же.

1963 — начальник отдела, там же.

1966 — руководитель группы, там же.

1967 — главный инженер ОКСа, там же.

1970 — начальник ОКСа, там же.

1987 — заместитель директора ВНИИП по капитальному
строительству, там же.

Награжден орденом «Знак Почета» (1981); медалями: «За доблестный
труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970),
«Ветеран труда» (1984); нагрудным знаком «Отличник гражданской
обороны СССР» (1979).

Люди, избравшие в своей жизни профессию строителя, в основном, достаточно скоро убеждаются в том, что строительство становится не просто местом работы, а делом, которое заполняет всю жизнь без остатка. (Это, безусловно, относится не ко всем, кому присвоена по окончании вуза квалификация инженера-строителя.) К процессу строительного производства невозможно относиться равнодушно и формально независимо от того, в какой структуре вы работаете: проектном институте, подрядной организации или в службе заказчика-застройщика.

В этой профессии присутствует элемент романтики и реальное ощущение вашего участия в созидании объектов и конечных результатах очень непростого и ответственного труда. И если вам доставляет удовольствие заниматься многочисленными вопросами, связанными со строительством любого объекта, начиная от принятия решения о выборе участка и заканчивая вводом его в эксплуатацию, значит, вы сделали правильный выбор в жизни. Всё это в полной мере относится к Анатолию Николаевичу Мацкевичу, уроженцу города Рыльска Курской области.

Анатолий Николаевич по окончании Курского строительного техникума (г. Рыльск) в 1951 году был направлен на работу преподавателем в Канский техникум Красноярского края, а затем призван на службу в армию. По окончании службы Анатолий Николаевич поступил в Уральский политехнический институт на специальность «промышленное и гражданское строительство».

В 1959 году А. Н. Мацкевич начал работать в нашем институте инженером-строителем. В то время осуществлялось строительство сразу же множества промышленных объектов: создавалась производственная и экспериментальная база предприятия, возводились объекты энергетики и городского хозяйства, материально-технического снабжения города и совхоза «Береговой».

Анатолий Николаевич, благодаря своим знаниям и ответственности, достаточно быстро освоил порученные ему участки работы и в 1967 году был назначен главным инженером отдела капитального строительства, а через три года начальником этого отдела.

В становлении Анатолия Николаевича как специалиста и руководителя огромную роль сыграл, безусловно, его непосредственный руководитель и учитель — заместитель директора по строительству Юрий Николаевич Артамонов. В 1987 году А. Н. Мацкевич стал заместителем директора по капитальному строительству.

Из рассказа Анатолия Николаевича Мацкевича (1988 год):

«В ноябре 1960 года был разработан перспективный план строительства и развития института на период до 1980 года.

Долгосрочным планом на 20 лет предусматривалось строительство комплекса сооружений установки Л-25 (ПТ-500) для сектора 10, двух зданий теоретических секторов по типу здания 125, четырех конструкторских зданий по типу здания 121, нового здания центральной заводской лаборатории, макетного зала, цеха-лаборатории новой технологии, двух зданий ремонтно-механического цеха,

трех испытательных площадок с четырьмя казематами на каждой, площадки испытания артснарядов, аэродинамической трубы, нескольких складов. Выделялись средства на строительство охранных сооружений, реконструкцию инженерных сетей, расширение нескольких промышленных зданий.

Из общеплощадочных объектов планировалось строительство ТЭЦ, аэродрома, комплекса сооружений по организации троллейбусного движения между городом и промышленными площадками, стоянок автомобилей.

Объем жилищного строительства был определен с учетом увеличения жилой площади на одного жителя с 8 до 10 квадратных метров.

В перечень объектов соцкультбыта были внесены театр, дом отдыха, гостиницы, танцевальный павильон, спортивный комплекс, индивидуальные гаражи.

Были разговоры и о метро. Прорабатывались вопросы о месте его строительства. В конце 1960-х годов я консультировался с главным инженером Ленинградского метростроя и уточнял стоимость строительства одного километра метро. В то время это оценивалось в 18–20 миллионов рублей. Одна нитка метро в 2–4 км экономически не оправдывает себя со всех точек зрения.

Общий объем капитальных вложений на строительство в период с 1961 по 1980 год был определен в 2940 миллионов рублей.

Планы были огромны. Они вселяли уверенность в прочности начатого дела. Перспективы будущего вызывали энтузиазм и желание работать с полной отдачей сил. И сегодня уже не имеет значения то, что не всё запланированное вчера удалось построить и создать. Время доказало жизнеспособность института. Его развитие, деятельность и успехи — убедительное тому подтверждение».

При таких объемах строительно-монтажных работ и жестких сроках по вводу объектов в эксплуатацию необходимо было обеспечить взаимодействие всех участников строительного процесса в решении вопросов проектирования, производства подрядных работ, поставки и монтажа оборудования, проведения наладочных работ.

Анатолия Николаевича во всех ситуациях отличала исключительная добропорядочность и скромность, профессионализм и ответственность в решении технических вопросов, активная жизненная позиция и чуткое уважительное отношение к своему коллективу.

Особо необходимо отметить, что очень большую роль в решении многочисленных и очень важных вопросов, таких, как принятие решения о строительстве, планирование и финансирование, а также множества других, играло взаимодействие и тесное сотрудничество с заместителем руководителя 5-го Главного управления Аркадием Александровичем Колеговым и сотрудниками управления, самыми главными «капитальщиками» Эдуардом Аветисовичем Амбарцумовым и Юрием Ивановичем Ковалёвым.

За период работы Анатолий Николаевич Мацкевич был награжден орденом «Знак Почета», медалями. Его труд отмечен многочисленными благодарностями Министерства среднего машиностроения, 5-го Главного управления, института

и города. Анатолия Николаевича неоднократно избирали в общественные организации института и города.

К огромному сожалению, так устроен мир, даже очень сильные личности не всегда могут противостоять бедам. После тяжелой болезни в 1994 году Анатолий Николаевич Мацкевич, большой и доброй души человек, прекрасный специалист и руководитель ушел из жизни.

Е. Р. Сковпень

Из воспоминаний

В 1954 году я поступил в Уральский политехнический институт на строительный факультет, выбрав специальность «промышленное и гражданское строительство». Наш курс состоял из пяти групп (я оказался в четвертой). Пятая выделялась среди всех тем, что ребята в ней подобрались видные, рослые, спортивные. Особенно заметен был Толя Мацкевич. Он был постарше остальных, успел отслужить срочную — служил в Китае, с удовольствием и даже с гордостью вспоминал об этом. Был красив, активен, играл на пианино и аккордеоне, что очень ценилось на студенческих вечерах. Как-то само собой получилось, что он стал лидером группы.

В 1959 году, когда учеба была закончена и началось распределение, в УПИ появился Ю. Я. Самойлов, тогда инженер группы комплектования, а позднее начальник отдела кадров НИИ-1011. Ему были нужны два молодых специалиста. Выбрали нас с Мацкевичем. Толя согласился приехать первым и был назначен инженером в отдел ГО.

Вскоре, вместо выбывшего В. Г. Даровского, А. Н. Мацкевич возглавил проектный отдел, а в 1967 году Ю. Н. Артамонов, заместитель директора по капитальному строительству, пригласил его главным инженером ОКСа вместо уехавшего В. Н. Миледина. Всякая лестница ведет в двух направлениях, так вот служебная лестница А. Н. Мацкевича с этого момента была ориентирована только на подъем, на служебный рост. По-другому и быть не могло: очень грамотный специалист, он душой болел за производство, вникал в любые проблемы исполнителей. Постоянно занятый производственными заботами (кроме всего прочего он был членом городского художественного совета по архитектуре, начальником штаба службы убежищ и укрытий в системе ГО при ОКСе), он порой казался угрюмым, неприступным, мог не дослушать до конца, довольно резко прервать разговор.

И всё-таки человек он был участливый, добрый, как говорится, скорее мягкий, чем жесткий. Как руководитель, по сравнению с Ю. Н. Артамоновым, А. Н. Мацкевич был мягче. Не любил конфликты. Благодаря своей интеллигентности, корректности, он сохранял ровные отношения с товарищами, легко находил контакт с руководством и взаимопонимание со строителями.

Мацкевич Анатолий Николаевич

Было у Анатолия Николаевича увлечение. Он был влюблен в свой «Москвич», мог разобрать его до винтика и собрать. Постоянно модернизировал его, усовершенствовал, в шутку называл его домашним конструктором.

Иногда вспоминал о военном детстве, рассказывал, как с мальчишками находили снаряды, бросали в костер...

Беда, как и всякая беда, подкралась незаметно, пришла неожиданно. То ли не знал, то ли не хотел верить в болезнь... Он продолжал активно интересоваться делами. Никогда не жаловался. Даже получив инвалидность, продолжал дома работать с документами, которые ему привозили каждый день. Без работы не жил — она его поддерживала.

Ю. Д. Байнов

Так уж сложилось, что с Анатолием Николаевичем мы и работали вместе: он — начальник проектной группы, потом начальник ОКСа, я руководил производственно-технической группой, потом стал его заместителем, и жили рядом, на одной лестничной площадке в доме 8 на бульваре Циолковского. Дружили семьями.

По-соседски выручали друг друга то делом, то советом, вместе справляли праздники. Он хорошо играл на аккордеоне, сопровождая наш самодеятельный застольный хор, но сам песен не пел. Всегда, даже в дружеской компании, оставался очень серьезным. В любой ситуации сдержанный и немногословный,

Мацкевич Анатолий Николаевич

Анатолий Николаевич очень скупно рассказывал про войну, как почти два года жили в землянке, оказавшись на оккупированной немцами территории. Слишком тяжелое было это время, поэтому, может быть, он и не любил вспоминать... Чаше и с бoльшим удовольствием говорил про свою службу в рядах Советской Армии в Китайской Народной Республике. Особенно запомнился и удивил такой момент: по дороге в Китай он заболел, прямо в вагоне потерял сознание. Придя в себя, не растерялся, сумел в короткое время восстановить здоровье с помощью подручных народных средств; справился, чтобы не отстать от своих. Так и в работе без лишних слов и суеты решал он сложные проблемы, находил выход в трудных ситуациях. Не раз приходилось мне с Анатолием Николаевичем (я был уже его заместителем) выезжать в командировки для приема на работу молодых специалистов. Получалось у него распознать хорошего работника. В коллективе к нему относились с большим уважением за отзывчивость, за умение считаться с мнением других. Был он нетщеславен, но и рубахой-парнем не был.

Хорошим был человеком Анатолий Николаевич Мацкевич.

А. Н. Корнев

Минько Аркадий Викентьевич

01.05.1936–28.06.2002

Инженер-механик, специалист по планированию разработок и организации производства опытных образцов ядерного оружия; член КПСС с 1969 г.

- 1950 – учащийся Могилевского машиностроительного техникума.
- 1954 – студент Киевского политехнического института.
- 1959 – инженер-технолог Государственного опытного завода № 1 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1962 – старший инженер цеха 105, там же.
- 1965 – заместитель начальника того же цеха.
- 1967 – исполняющий обязанности начальника того же цеха, там же.
- 1970 – начальник цеха 105, там же.
- 1977 – исполняющий обязанности, затем начальник планово-производственного отдела управления ВНИИП, там же.
- 1987 – заместитель директора ВНИИП по экономическим вопросам – начальник планово-производственного отдела, там же.
- 1991 – заместитель директора ВНИИТФ по экономическим вопросам (главный экономист).
- 1993 – первый заместитель директора ВНИИТФ – главный экономист, там же.
- 1997 – пенсионер.

Награжден орденами: Ленина (1971), Трудового Красного Знамени (1981); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1986); юбилейным знаком «50 лет атомной отрасли» (1995); присвоены звания: «Заслуженный работник завода» (1975), «Почетный ветеран

Минько Аркадий Викентьевич

труда ВНИИП» (1986). Его имя занесено в городскую «Ленинскую книгу трудовой доблести» (1970). За многолетний добросовестный труд в системе МСМ в честь 40-летия РФЯЦ – ВНИИИТФ отмечен почетной грамотой министра МСМ.

Атомная отрасль. С момента создания она развивалась по своим весьма специфическим законам, позволившим очень быстро получить желаемые результаты. Был создан отечественный ядерный щит, накоплен мощный интеллектуальный потенциал, начала развиваться атомная энергетика. Безусловно, этому способствовало множество факторов: особое внимание со стороны правительства, применение передовых достижений отечественной науки и техники... Но главным в решении поставленных задач были люди – труженики отрасли, отдававшие все свои силы, знания, умение и опыт новому и такому важному для страны делу. Среди них Аркадий Викентьевич Минько – с 1993 по 1997 год первый заместитель директора – главный экономист ВНИИ технической физики.

Родился Аркадий Викентьевич 1 мая 1936 года в г. Дзержинске Минской области в Белоруссии. Отец, Викентий Викентьевич Минько, работал в районном отделе народного образования. Мать, Станислава Брониславовна, преподавала в школе. В 1937 году семья переехала в Бельничичи Могилевской области. Когда началась война, эвакуироваться не смогли из-за болезни отца – обострился туберкулез. Так и бедствовали на временно оккупированной немцами территории, а в 1944 году Викентий Викентьевич умер. Станислава Брониславовна одна поднимала сыновей – Аркадия и Эдуарда.

Окончив семь классов Бельничичской русской средней школы, Аркадий поступил в Могилевский машиностроительный техникум. Учился старательно, потому диплом получил с отличием и без труда поступил в 1954 году в Киевский ордена Ленина политехнический институт на механический факультет. К слову сказать, и младший брат в учебе не отстал – окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения, аспирантуру, работал доцентом, а затем заведующим кафедрой в этом же институте.

В 1959 году дипломированный специалист А. В. Минько получил назначение в НИИ-1011, где начал свой трудовой путь инженером-технологом на опытном заводе № 1. Прекрасная теоретическая подготовка в сочетании с настойчивостью и целеустремленностью помогли ему быстро преодолеть начальные ступени производственной карьеры, и в 1965 году Аркадий Викентьевич был назначен заместителем начальника ответственного на заводе цеха – сборочного.

442

Через два года А. В. Минько возглавил этот выпускной цех, обеспечивавший сборку и отправку на испытательные полигоны под Семипалатинском и на Новой Земле опытных образцов ядерного оружия, а также ядерных устройств народнохозяйственного назначения в места их применения. Практически все опытные ядер-

ные заряды и устройства, разработанные институтом с 1961 по 1977 год принятые на вооружение российской армии и нашедшие применение в народном хозяйстве, были собраны при непосредственном участии и под руководством А. В. Минько.

В характеристике «на начальника сборочного цеха Всесоюзного научно-исследовательского института приборостроения» от декабря 1970 года, утвержденной первым секретарем Челябинского обкома КПСС М. Воропаевым, сказано: «Тов. Минько А. В. обладает высокой эрудицией, знаниями, опытом, которые постоянно совершенствует, изучая новое и передовое отечественной науки и техники. В выполнении ответственных заданий по выпуску образцов изделий новой техники зарекомендовал себя хорошим организатором производства. Много сил и энергии отдает повышению производственной мощности цеха, подбору, расстановке и воспитанию кадров. Коллектив цеха, возглавляемый тов. Минько А. В., досрочно к I/XII 1970 года рапортовал о выполнении принятых на пятилетку социалистических обязательств, несколько раз завоевывал первые места среди коллективов цехов завода. Тов. Минько А. В. является активным проводником новейших достижений техники, технологии и организации производства в сочетании с высокой культурой. Под его непосредственным руководством в истекшей пятилетке осуществлена полная реконструкция сборочного цеха на основе передовых технологических принципов». Заслуги Аркадия Викентьевича в 1971 году были отмечены высокой наградой — орденом Ленина. В этом же году А. В. Минько был направлен на десятимесячные курсы факультета организаторов промышленного производства при Ленинградском экономическом институте им. П. Тольятти.

С 1977 по 1997 год Аркадий Викентьевич последовательно занимал должности начальника планово-производственного отдела института, заместителя директора института по экономическим вопросам, первого заместителя директора института — главного экономиста. В эти годы им лично проделана большая работа по совершенствованию планирования и управления в институте: он являлся непосредственным руководителем рабочей группы по разработке, внедрению и совершенствованию подсистемы АСУ НИОКР, инициировал работы по комплексным сетевым графикам, в результате чего по КСГ стали вестись все опытно-конструкторские разработки. Прделанная работа способствовала успешному выполнению и перевыполнению тематических и производственных планов института, оптимизировала использование бюджетных ассигнований.

Будучи первым заместителем директора в годы перестройки российской экономики, практически при отсутствии финансирования Аркадию Викентьевичу пришлось приложить немало усилий для сохранения института и перевода отдельных его подразделений на конверсионную тематику.

В процессе всей трудовой деятельности А. В. Минько вел большую общественную работу, неоднократно избирался членом парткома, поощрялся благодарностями по институту и Министерству среднего машиностроения, был награжден орденами и медалями.

По материалам личного дела А. В. Минько

Из воспоминаний

Мне посчастливилось работать под непосредственным руководством Аркадия Викентьевича Минько более пяти лет — с 1991 по 1996 год. Это были самые тяжелые годы в его трудовой биографии. В то время, как никогда, чувствовалась роль руководителя такого уровня, каким был Аркадий Викентьевич.

Я прекрасно помню условия, в которых тогда работал институт. Это было время повальной приватизации, дележа собственности, бесконечных реформ, полного отсутствия перспектив достойного бюджетного финансирования и хронических задержек зарплаты. Институт просто был брошен на произвол судьбы. Несмотря на все эти обстоятельства А. В. Минько решительно выступал за сохранение научно-технического персонала и производственной базы института, он был категорически против сокращения численности института. Это сейчас на фоне общего благополучия кажется, что не всё было сделано, чтобы быстро и без потерь вывести институт из кризиса.

Аркадий Викентьевич выступал на предзабастовочных митингах трудовых коллективов института (в то время подобные митинги были не редкостью), призывая к выдержке и терпению, к пониманию текущего момента и с оптимизмом убеждая трудящихся, что найдутся «светлые» головы, которые не дадут умереть ядерно-оружейному комплексу. Он отрицательно относился к непопулярным решениям и был в этом всегда категоричен.

Меня поражало его умение работать с людьми. Он никогда не диктовал свои условия, прислушивался к мнению исполнителей. Жульничества и обмана не терпел, но ошибки, если они были допущены не по злему умыслу, умел прощать. С ним было интересно и приятно работать. Это был настоящий интеллигент. Он обладал широким кругозором и замечательным чувством юмора. Одет был всегда, что называется, с иголочки, чисто выбрит. Его манера общения, коммуникабельность, спокойствие и рассудительность всегда являлись примером для подражания.

В. С. Пылков

С Аркадием Викентьевичем мы (я и Ю. Л. Заньков), выпускники Новочеркасского политехнического института, впервые встретились и познакомились в начале сентября 1959 года в Москве, куда А. В. Минько и А. А. Нагорный — выпускники Киевского политеха, как и мы, приехали получать назначение на предприятия Министерства среднего машиностроения. Всех нас определили в «хозяйство Васильева», а там приняли на завод № 1 в отдел главного технолога.

В город Минько и Нагорный приехали на день раньше нас, поэтому, пока мы проходили медицинскую комиссию, они уже морщили лбы над какими-то чертежами, знакомились с технологиями изготовления каких-то деталей. Аркадий Викентьевич с огромным желанием и большой настойчивостью осваивал новое дело,

стремясь быстрее приступить к работе. Первоначально он разрабатывал техпроцессы изготовления деталей по тематике цеха 101. Большое трудолюбие и хорошая теоретическая подготовка позволили ему быстро войти в курс производственных задач, что, естественно, не осталось незамеченным руководством ОГТ, и вскоре уже старший инженер-технолог А. В. Минько вел тематику сборочного цеха 105.

Сначала все мы, инженеры-технологи, работали в здании 101. По мере специализации нас стали переводить непосредственно в цеха, хотя мы и числились в составе ОГТ завода. Позднее в цехах стали создаваться технологические группы и бюро, куда переводились и технологи ОГТ. Так А. В. Минько стал инженером-технологом цеха 105. И хотя нам пришлось работать в разных цехах и встречи на производстве стали реже, в свободное от работы время мы по-прежнему поддерживали дружеские отношения, вместе проводили досуг, тем более что жили в одной комнате общежития. Чтобы реализовать свою молодецкую удачу, играли в волейбол, в футбол. Зимой даже выходили на синарский лед погонять мяч. Правда, Аркадий не был большим любителем таких игр. Он весь ушел в производство, пропадая там чуть ли не сутками.

С 1964 года я начал работать в цехе 105 вместе с Аркадием Викентьевичем. В это время начальник цеха Р. Е. Пушкарёв затеял реорганизацию. До этого существовал один производственный участок, который возглавлял старший мастер И. А. Дашко, теперь создавались три участка, состоявшие из бригады слесарей-сборщиков (бригадир и 7–10 слесарей) и руководителя сборки, который не только разрабатывал техпроцесс, но и непосредственно руководил процессом сборки (позднее каждому руководителю сборки был придан инженер-технолог). Один из этих участков возглавлял А. В. Минько, второй — И. А. Дашко, третий достался мне. У каждого из участков были свои конкретные задачи. Как показало время, такая реорганизация оказалась весьма эффективной. Мне как новичку первое время приходилось довольно сложно, тогда как Минько и Дашко, уже имеющим опыт работы в цехе, было, конечно же, легче, и они оба не оставляли меня без поддержки, особенно Аркадий. Мы были ровесниками и друзьями, поэтому любой вопрос, любую проблему обсудить с ним мне было легче. Он откликнулся сразу, вникал в суть моих трудностей, помогал и делом, и советом. Надо сказать, что готовность помочь, подсказать, поделиться опытом, знаниями была неотъемлемой чертой его характера.

В 1965 году цеху снова пришлось пережить реорганизацию. По предложению бывшего тогда главным инженером предприятия А. Л. Коптелова был создан сборочно-испытательный комплекс, состоящий из военно-сборочной бригады, сектора 12 и цеха 105. При этом цех был выведен из состава завода № 1. Возглавил комплекс полковник Е. И. Парфёнов, цех — подполковник С. А. Мирвода, его заместителями стали майор И. А. Юртаев и А. В. Минько. Как тогда говорили, Аркадий Викентьевич был замом по взаимоотношениям между военными и гражданскими. Несмотря на то, что в целом производственники с представителями военной приемки жили дружно, случались моменты, когда для достижения

взаимопонимания требовался особый подход. В таких случаях выручало умение Аркадия Викентьевича обосновать то или иное решение, убедить в его необходимости. Умел он ладить с людьми, завоевывать сторонников, единомышленников.

Так вот, как бывает на практике, не всякая реорганизация приносит пользу. Если при Пушкарёве все вопросы решались непосредственно между цехом 105 и другими подразделениями завода, то теперь, с созданием комплекса, — только через руководство завода, что, конечно, не способствовало оперативности в работе. Созданный комплекс оказался малоэффективным, и года через полтора цех вновь был включен в состав завода. А. В. Минько был назначен вначале исполняющим обязанности начальника цеха, а затем и начальником.

К 1969 году во всех основных цехах завода была проведена реконструкция, и лишь здание 105 оставалось в первобытном состоянии, хотя вопрос о его реконструкции назрел давно. Только к 1970 году здание цеха было реконструировано — последним из заводских цехов. Надо отдать должное: это событие во многом стало заслугой А. В. Минько.

Согласно специфике цеха, работы выполнялись не только на 9-й, но и на других производственных площадках предприятия, куда приходилось везти не только изделие, но и всю необходимую технологическую оснастку, расходные материалы и т. д. При этом неизбежно возникали неувязки и промахи. Учитывая сложность решаемых задач и сжатые сроки выпуска продукции, приходилось работать иной раз сутками. А тут еще и реконструкция, когда надо продумать всё до мелочей. Я тогда был заместителем начальника цеха, и мы вместе с ним рисовали планировку, определяли потребности в оборудовании, решали, как в условиях ремонта организовать непрерывную работу производственных участков. А сколько времени требовало решение различных организационных вопросов, согласования!.. И на всё это у Минько хватало энергии, идей, которые он порой черпал из бесед с рабочими. Так родилась задумка оснастить цех специальными верстаками. В заводском КБ выполнили чертежи, на заводе же изготовили. Получилось замечательно! Эти верстаки используются и сейчас.

А еще, несмотря на все производственные заботы, А. В. Минько вел большую общественную работу: ряд лет был членом партийного комитета завода, некоторое время замещал секретаря парткома.

В начале 1970-х Аркадий Викентьевич прошел годичное экономическое обучение в Ленинграде и с 1977 года сменил амплу заводчанина-производственника, став специалистом по планово-экономическим вопросам. Но и в новом качестве ему удалось достичь значительных успехов. Должность заместителя директора института по экономическим вопросам о многом говорит. Заряд целеустремленности и настойчивости молодого специалиста, глубокое знание техники и экономики, богатейший производственный опыт — это те «три кита» на которых вырос умелый, думающий, авторитетный руководитель А. В. Минько.

А. В. Ермолов

Нечай Владимир Зиновьевич

05.05.1936—30.10.1996

Специалист в области ядерного зарядостроения. Доктор физико-математических наук (1973), профессор (1987); член Нью-Йоркской академии наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ); лауреат Ленинской (1964) и Государственной (1975) премий.

1959 — по окончании Московского инженерно-физического института по специальности «теоретическая ядерная физика» инженер НИИ-1011, г. Снежинск.

1962 — старший инженер, там же.

1965 — руководитель группы научно-теоретического отделения, там же.

1967 — начальник отдела научно-теоретического отделения, там же.

1985 — заместитель научного руководителя института — начальник научно-теоретического отделения, там же.

1987 — первый заместитель директора института по научной работе, там же.

1988 — директор РФЯЦ — ВНИИТФ им. академика Е. И. Забабахина, там же.

Награжден орденом Дружбы народов (1984), присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации» (1995).

Меня давно преследовало желание описать события, связанные с рождением идеи проведения облучательного физического опыта ФО-42 и последовавшими за ним экспериментами. Я обсуждал эту тему с непосредственными участниками событий, в первую очередь с Владимиром Зиновьевичем Нечаем, который сказал: «Попробуй. Почитаем, покритикуем, может, получится. Хотя сомневаюсь, что это будет интересно молодым». В. З. Нечая с нами нет, и я не услышу его саркастической критики. Но я решил в память о нём описать те события, главным образом потому, что роль В. З. Нечая в их осуществлении была решающей.

Мы познакомились с Володей летом 1958 года на танцплощадке — пятачке перед клубом «Химик» на 21-й площадке, доставшейся новому предприятию в наследство от радиобиологической лаборатории Тимофеева-Ресовского.

Володя неплохо танцевал, но больше любил смотреть на хорошо танцующие пары. Выяснили друг о друге, что он дипломник МИФИ, а я вечерник с 4-го курса МИФИ. Несколько раз встречались в молодежных компаниях, где Володя держался исключительно скромно, почти не вступал в разговор.

Наше сотрудничество началось в 1965 году. Первый совместный отчет утвердил Ю. А. Романов [физик-теоретик, заместитель научного руководителя ВНИИТФ, а с 1967 года — ВНИИЭФ, доктор физико-математических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий]¹.

С этого времени общение из знакомства перешло к постоянным контактам, обсуждениям действия излучений ядерного взрыва на конструкцию и аппаратуру боеголовок. Отмечу, что данным направлением работ в институте тогда руководил Ю. А. Романов. Володя работал под его руководством и в 1964 году был удостоен в составе творческого коллектива Ленинской премии за исследования поражающего действия мягкого рентгеновского излучения ядерного взрыва. Он стал первым в СССР лауреатом столь престижной премии в комсомольском возрасте. Я в 1965 году был назначен исполняющим обязанности начальника нового отдела исследований факторов ПРО в секторе 8 КБ-2.

Нашему сближению способствовали следующие обстоятельства. Юрий Александрович Романов предложил Володе Нечаю, Саше Хлебникову [физик-теоретик, лауреат Ленинской и Государственной премий] и мне последовать за ним в Арзамас-16. Видимо, предложение уже обсуждалось с руководством Главка. При очередной командировке в Москву Георгий Александрович Цырков [начальник Главного управления опытных конструкций Минсредмаша, газодинамик, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий] посоветовал нам с Нечаем съездить в Арзамас-16 и на месте решить все вопросы перехода. В Арзамасе Юрий Александрович показал кабинет с табличкой «В. З. Нечай» и комнату, где мне предстояло работать. Фамилия Нечай уже была внесена в телефонный справочник Арзамаса-16.

¹ Данные здесь и далее соответствуют периоду описываемых событий.

На обратном пути, между рейсами в Москве у нас было несколько часов. Володя поехал к отцу, а я пошел купить кое-что детям. Очень сожалею, что не воспользовался тогда его приглашением и не познакомился с его отцом.

Встретились мы в аэропорту Внуково и услышали, что наш ночной рейс откладывается часа на четыре. Коротать время пошли в ресторан аэропорта, он работал круглосуточно. Там, в ресторане, по существу родилась редакция опыта ФО-42. Мы на салфетке попытались оценить время, необходимое для проведения измерений действия механического импульса рентгеновского излучения на масштабных образцах техники, допустимое время на перекрытие канала вывода излучения и другие параметры.

По возвращении на Урал, Нечай собрал у себя в кабинете А. В. Лучинского [физик-экспериментатор, доктор технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий], А. С. Ганеева [физик-экспериментатор, доктор технических наук, лауреат Ленинской премии] и меня. Мы разрисовали на миллиметровке облучаемые позиции и договорились о распределении площадей «в свету» [площадь поверхности, облучаемой мгновенным излучением заряда-облучателя] под программу и методики измерений. Наряду с измерениями механического импульса и спектральными измерениями, которыми руководили Лучинский и Ганеев соответственно, в опыте появились совершенно новые объекты исследований и методики измерений. Определили место для размещения внутри вакуумной системы на подвеске макета боеголовки и вывод излучений на три сохраняемых контейнера, которые устанавливались за быстродействующими затворами, выдерживающими давление продуктов взрыва более 100 атм.

В конце марта 1969 года в кабинете Ю. А. Зысина [физик-экспериментатор, начальник физического отделения ВНИИТФ, доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий] на 21-й площадке состоялось выездное заседание НТС института, на котором обсуждалась редакция ФО-42. Первые слова Е. И. Забабахина [генерал-лейтенант авиации, научный руководитель ВНИИТФ, доктор физико-математических наук, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий] после сообщений авторов были: «Я не вижу препятствий, которые мешали бы нам провести этот опыт». Поддержка опыта Е. И. Забабахиным сняла с повестки наш переезд в Арзамас, поскольку реализовать идею можно было только в коллективе опытных единомышленников и соратников, уже проводивших три облучательных опыта.

Обстоятельства сложились так, что Владимир Зиновьевич был вынужден поставить в заряд-облучатель опыта, в интересах других работ института, модифицированный узел, в надежности которого возникли сомнения. Этот узел и подвел. Перед опытом ФО-42-1, в середине января 1971 года, Нечай прилетел на полигон страшно удрученным и в первый же вечер сказал мне один на один: «Саня, нас ждет баранка» (то есть отказ). Как я его ни уговаривал успокоиться, что эти его сомнения — обычные перед ответственным опытом, он продолжал повторять,

что отказ неизбежен. Но на людях держался стойко, хотя ближайшее окружение и Ю. А. Зысин (руководитель испытаний) обратили внимание на его настроение.

В результате ФО-42-1 пришлось повторить. Отмечу, что на следующий день после неудачи Е. И. Забабахин позвонил по ВЧ, пригласил к телефону Нечая и сказал, что уже отдал распоряжение: всем службам начать подготовку ФО-42-2, плюс провести автономную проверку облучателя.

В июне 1972 года был успешно испытан облучатель, а 16 августа проведен ФО-42-2. После лабораторного исследования контейнеров с облученными в опыте образцами снаряжения и аппаратурой боеголовок подтвердились все предсказанные эффекты. При комплектовании контейнеров перед опытом, на одной половине «в свету» устанавливалась защита в соответствии с критериями, а другая подвергалась действию рентгеновского спектра без ослабления. Зрительно эффекты воздействия в незащищенной части проявились весьма ярко. Было ясно, что решение, как построить защиту боеголовок, найдено.

После возвращения из Москвы с НТС, где докладывались результаты ФО-42-2, Е. И. Забабахин предложил Володе срочно подготовить к защите докторскую диссертацию. Нечай подготовил и сдал в совет работу менее чем за месяц. На товарищеском вечере по случаю защиты Евгений Иванович сказал: «Володя, я вас ценю за независимость мнения и желаю вам новых больших успехов».

Напряженная работа в тот период отразилась на здоровье Нечая. Он попал в больницу, диагноз был непростой. В дальнейшем ему пришлось следить за диетой, что в полигонных условиях всегда было проблемой.

Результат ФО-42-2 был столь впечатляющим, что НТС института выдвинул работу на соискание Государственной премии. Однако тема не прошла, поскольку не была поддержана Арзамасом. Там готовили два физических опыта с облучателем Нечая и, естественно, не собирались отдавать первенство (и большее число мест в авторском коллективе) Уралу.

Сохранение и извлечение контейнеров с испытуемыми образцами в ФО-42-2 явилось иницирующей ступенью для реализации идеи сохранить и извлечь из вакуумной системы более представительные образцы техники, например, полномасштабные боеголовки. В тот период мы уже понимали, что можем предложить провести генеральную проверку облученной боеголовки с ее подрывом через короткий промежуток времени (до прихода сейсмической волны от заряда-облучателя).

Программа облучательных опытов серии ФО-42 после обсуждения с Л. П. Феоктистовым [физик-теоретик, заместитель научного руководителя ВНИИТФ, доктор физико-математических наук, академик РАН, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий] и Б. В. Литвиновым [физик-экспериментатор, газодинамик, главный конструктор ВНИИТФ, доктор технических наук, академик РАН, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии] была представлена Е. И. Забабахину. Предложение провести зачетное испытание боеголовки с подрывом активно поддержали Лев Петрович и Борис Васильевич. В тот период шла жесткая борьба между двумя новыми

зарядами, разрабатывавшимися на конкурсной основе в Челябинске-70 и в Арзамасе-16. Лев Петрович полагал, что последним аргументом в принятии решения в пользу заряда нашего института может явиться его успешное испытание в условиях, максимально приближенных к модели противоракетной обороны.

Редакция опыта ФО-42-3 определилась. Требовалось подвергнуть комплексному воздействию поражающих факторов высотного ядерного взрыва боеголовку и проверить работоспособность ее бортовой аппаратуры через весьма короткое время после действия заданных потоков излучений. Для этого нужно было защитить боеголовку, находящуюся внутри вакуумной системы, от действия испаренных продуктов взрыва (ПВ) и сейсмической волны, а затем извлечь ее из штольни и провести детальный анализ дефектов в лабораторных условиях.

Для реализации этого сценария необходимо было в первую очередь абсолютно надежно перекрыть вакуумную физическую установку большого диаметра от продуктов взрыва, поскольку даже незначительное их воздействие на испытуемый объект приводило к его потере из-за недопустимого радиационного загрязнения и появления дополнительных дефектов, трудно отличимых от механического импульса рентгеновского излучения.

В. З. Нечай с молодым теоретиком Сергеем Рогожиным [физик-теоретик, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии] прорабатывали идею перехвата ПВ совершенно неожиданным способом. К проведению расчетов Нечай подключил еще одного молодого теоретика Сергея Ващинкина [физик-теоретик, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии]. Опыта использования подобных конструкций не было, как и не существовало их вообще в то время. Конструкцию заказали, исходя из результатов расчетной оптимизации. После окончательного выбора материалов и геометрических размеров Нечай заявил, что новый затвор существенно воспрепятствует проникновению струи ПВ в физиустановку, но имеет смысл подстраховаться быстродействующим взрыв-клапаном большого диаметра, конструкцию которого отработывал М. М. Русаков [физик-экспериментатор, газодинамик, доктор технических наук].

В дальнейшем в отделе В. З. Нечая было предложено еще одно устройство перехвата ПВ в ближней зоне взрыва, так называемый глушитель. По существу, родилась надежная инженерная система, позволяющая проводить исследования образцов военно-космической техники в условиях имитирующих действие высотного термоядерного взрыва.

Еще одним новшеством, примененным в опыте ФО-42-3, было введение гелиевой оболочки для снижения потерь излучения. Это техническое решение в дальнейшем получило развитие и многократно применялось в различных облучательных опытах, а специалисты Арзамаса-16 разработали и создали комплекс мобильных гелиевых станций для заполнения многокубовых оболочек.

Опыт состоялся в сентябре 1974 года. Интересная деталь — перед уходом из концевой бокса с установленным в нём зарядом-облучателем В. З. Нечай вдруг потребовал обшить одну из стенок бокса досками. Недоумевающие генералы из

руководства полигона приказали бригаде монтажников срочно выполнить просьбу. После приема сообщений от руководителей методик, что облучатель сработал в расчетном режиме и разгерметизация физустановки произошла плавно, без признаков затекания ПВ, генерал Шмаков Михаил Лифантьевич, поздравляя Владимира Зиновьевича, пошутил: «Доски сработали», на что Нечай ответил: «И доски тоже».

Речка Шумилиха, которую мы преодолевали по пути из поселка на штольню, разлилась так, что понтонерам приходилось каждый день восстанавливать понтонный мост. День и ночь были одинаковы, солнце не опускалось, и мы научились определять время суток по положению солнца с большой точностью.

В первый день по прибытии на место испытаний к нам с Нечаем зашел Борис Васильевич Литвинов. Наши комнаты были соседними в бараке, который занимала экспедиция. Борис Васильевич спросил: «Вы читали записку Ю. Б. Харитона министру по ФО-42-4?» Мы ответили, что не читали, но информированы о ней. «Прочитайте. От нас требуется официальный ответ председателю Государственной комиссии по испытаниям В. И. Карякину [кандидат технических наук, заместитель начальника Главного управления Минсредмаша, лауреат Ленинской и Государственной премий], который прибудет через пару дней».

Суть записки Ю. Б. Харитона заключалась в том, что специалисты Арзамаса-16 выразили сомнение в надежности срабатывания облучаемого боевого блока в ФО-42-4 от внешней команды, синхронизированной по времени с подрывом других зарядов. Юлий Борисович в очень вежливой форме писал, что если испытуемый боевой блок сработает от наведенного гамма-излучением сигнала немедленно после действия потоков излучений заряда-облучателя, то это будет катастрофой для всей программы, поскольку мощная сейсмическая волна подойдет к большинству последовательно подрываемых зарядов раньше, чем команда задействия от системы синхронизации. Предлагалось государственной комиссии непосредственно на месте испытаний принять окончательное решение о судьбе ФО-42-4.

«В Москве, в министерстве, я встречался с А. Д. Захаренковым [заместитель министра среднего машиностроения, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий], там очень обеспокоены ситуацией, — сказал нам Борис Васильевич. — Так что готовьтесь к объяснению перед комиссией». А далее в шутливой форме добавил, что будет прикрывать нас — «мальчишек» — своей широкой грудью.

452 Дело в том, что редакция схемы подрыва испытуемой боеголовки была полностью проверена в опыте ФО-42-3. Мы не афишировали этот факт, поскольку рассматривали альтернативные решения. Руководители института были информированы о положительных результатах проверки схемы. Разработчики автоматики подрыва и системы синхронизации команд под руководством А. А. Бриша [главный конструктор НИИ авиационной автоматики, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, ныне

почетный научный руководитель] также имели полную информацию и согласовали принятую схему подрыва.

Специалисты Арзамаса-16 о комплексной проверке системы подрыва в ФО-42-3 практически не знали. Ответную записку государственной комиссии мы с В. З. Нечаем подписали совместно с Д. М. Чистовым [заместитель главного конструктора НИИ авиационной автоматики, кандидат технических наук, лауреат Ленинской премии] и Г. И. Крашенинниковым [начальник лаборатории НИИ авиационной автоматики, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии] — представителями А. А. Бриша на полигоне. Б. В. Литвинов утвердил документ. Государственную комиссию наш ответ специалистам ВНИИЭФ удовлетворил.

Состоялся разговор с Юрием Александровичем Романовым, который упрекнул нас в поспешности с проведением ФО-42-4. Он также сомневался в успехе опыта. Такая атмосфера ожидания очень давила. Нечай практически не спал. Просил завесить окно одеялом, чтобы не было ни щелочки света, иначе не мог заснуть. Тяжелых мыслей хватало. В редакции физической установки и в испытываемой боеголовке были очень интересные новшества. Малейшая неточность или техническая неисправность могли погубить идею зачетного испытания или дать повод для серьезных сомнений.

Спасением от тяжелых мыслей были наши многочасовые прогулки вдоль пролива. Чтобы отвлечь Володю, я заводил разговор на различные темы от истории казака Нечая до теории большого взрыва и разлета Вселенной. Своими ответами Нечай демонстрировал глубокие, по сути, энциклопедические знания. На вопрос: «Откуда узнал?» — отвечал, что действительно очень много почерпнул из чтения энциклопедии.

Однажды, когда мы были вдали от поселка, нам показалось, что на проплывающей по проливу огромной льдине находится белый медведь. Бежать и прятаться было некуда. Но оказалось, что это была снежная глыба, очень похожая на мишку. Когда мы по возвращении рассказали о пережитом страхе Виктору Никитовичу Михайлову [главный конструктор НИИ импульсной техники, доктор физико-математических наук, академик РАН, с 1992 по 1998 год министр МАЭ РФ, лауреат Ленинской и Государственной премий], он нам встречно рассказал о прошлогоднем событии, когда медведь повадился ходить на площадку аппаратных фургонов доедать остатки сгущенки из консервных банок и фактически парализовал работу на площадке. Разрешение на его отстрел долго согласовывали и не исполняли, надеялись, что медведь сам уйдет.

В середине августа вместе с вице-адмиралом Евгением Александровичем Шитиковым, начальником управления спецвооружения ВМФ, прилетели Лев Петрович Феокистов и Армен Айкович Бунатян [доктор технических наук, начальник математического отделения ВНИИТФ, лауреат Ленинской премии]. Для А. А. Бунатяна это было первое и единственное пребывание на Новой Земле. Уже в то время у него болели ноги, но желание побывать на испытаниях на севере победило.

Завершалась подготовка испытаний. В один из последних дней Нечай попросил Сергея Ващинкина договориться с руководителем группы военных, которые измеряли мощность взрыва по сейсмике, чтобы они перед отлетом с площадки, при посадке в вертолет, сообщили две цифры, два временных интервала. Иначе, сказал, не выдержит ожидания. Сергей, очень контактный человек, договорился с офицерами о минимуме информации, но просил выдать ее с двух фургонов, для надежности.

По оценкам сейсмическая волна на командном пункте ожидалась достаточно интенсивной, и комиссия приняла решение поднять вертолеты эвакуации в воздух до испытания. Во время генеральной репетиции опыта проверили выполнимость посадки в зависшие на метровой высоте вертолеты, на что отводилось всего две минуты.

Интересная деталь — поведение собак, проживавших с нами в бараках. Во время генеральной репетиции, которая выполнялась по полной программе основной работы, ни один пес не бросился на посадку к вертолетам. Собаки продолжали спокойно лежать на солнышке и наблюдали, как все присутствующие на командном пункте побежали к вертолетам и забирались в дверные проемы зависших над землей «стрекоз» кто как умел, в зависимости от возраста и спортивной подготовки. Когда же состоялась настоящая работа, псы помчались на посадку первыми (не знаю, как они между собой распределили, кто в какой машине летит).

Несколько дней томительно ждали погоду. Последние дни Нечай совсем извелся. Наконец наступил день 23 августа. Раннее утро. Основная часть экспедиции на большом десантном корабле покинула поселок. После заключительных операций на многоместных вертолетах улетела вторая партия. Остались члены государственной комиссии, руководители испытаний от предприятий, минимум измеренцев и вышеупомянутые псы. К моменту испытаний облачность поднялась. Выход ударной волны вызвал кольцевую корону в облаках. Сильно заходила земля под ногами. Я видел, что наш знакомый офицер что-то сказал и передал бумажку Сергею Ващинкину. По реакции мне показалось, что Сергей расстроился. Но ничего узнать больше было невозможно, поскольку мы с А. А. Бунатяном улетали в другом вертолете.

Во время перелета настроение было очень подавленное. На аэродроме вертолеты долго «обнюхивал» дозиметрический бронетранспортер. Наконец разрешили выйти. Первые слова, которыми меня встретил Нечай, были: «Саня, поздравляю тебя, ты доктор, ты это понимаешь?!» Но я не понимал. Дело в том, что только сейчас из уст Карякина я слышал, что у нас результат неважный. И вдруг такой восторг Нечая. Как позже оказалось, Карякину доложили о «подсадке» у Романо-

ва, а он ее интерпретировал как нашу. Изучение фотопленок регистрации подтвердило, что у нас все благополучно. Бремя тяжелого ожидания было столь сильным, что я никак не мог поверить, что все завершилось в лучшем виде. В гостинице в Белушке Лев Петрович сказал, что будет готовить шифровку министру Е. П. Славскому с изложением результата.

Пришли нас поздравить Юрий Александрович Романов и Виктор Никитович Михайлов. На заседании госкомиссии нас поздравили В. И. Карякин, вице-адмиралы Е. А. Шитиков и С. П. Кострицкий, командир части полигона Новая Земля. Обсуждался вопрос, как быстро мы можем подготовить экспресс-отчет по опыту. Мы с Нечаем ответили, что за три дня. Борис Васильевич тут же «попросил» отпустить его на пару дней на рыбалку, «чтобы не мешать нам писать». Вернулся он с хорошим уловом, который по-братски разделил. А я, пользуясь давним знакомством с Е. А. Шитиковым, попросил организовать нам посещение военных кораблей, находившихся у причала в Белушке.

30 августа Б. В. Литвинов, В. З. Нечай и я улетели через Архангельск в Свердловск. Я попросил Бориса Васильевича взять меня на этот рейс, поскольку пообещал младшему сыну, что 1 сентября пойду с ним в школу, в 1-й класс. Л. П. Феоктистов с А. А. Бунатяном улетели в Москву. Через несколько дней Лев Петрович рассказал нам, что шифровка-доклад министру уже за подписью Е. П. Славского направлена в ЦК КПСС. Мы же с В. З. Нечаем получили указание Е. И. Забабахина срочно готовить доклад для НТС-2 министерства и отчет по опыту.

Каков же главный итог ФО-42-4 и всей серии опытов? Самым убедительным образом было показано, что достигнут определенный уровень стойкости конкретного вида боеголовки к воздействию поражающих факторов высотного ядерного взрыва средств ПРО, который обеспечен комплексом технических мероприятий, позволяющих гарантировать его сохранение в боевой (не дай бог!) обстановке во всем периоде жизненного цикла оружия. И второй вывод: продемонстрирована методическая возможность проверить стойкость ядерного оружия посредством реализованной редакции опытов ФО-42-3 и ФО-42-4.

Характерно, что при обсуждении результатов ФО-42-4 на НТС в Москве Л. П. Феоктистов сказал, что теперь при рассмотрении конкурирующих разработок оружия может быть использован самый объективный метод проверки — подрыв боеголовки после действия потоков излучений с заданными параметрами.

5 ноября 1975 года поступила телеграмма от Е. П. Славского с поздравлением институту и коллективу авторов в связи с присуждением Государственной премии СССР «за комплекс специальных физико-технических исследований». Так была названа работа в официальных документах. От института лауреатами по теме стали: теоретики В. З. Нечай и В. Е. Севастьянов, математик А. С. Мельниченко, от физиков-экспериментаторов В. С. Диянков, от конструкторов Б. В. Белоусов и от испытателей А. Н. Щербина.

Остается добавить, что заряд, который успешно прошел проверку в составе боеголовки в ФО-42-4 (где были подтверждены ранее полученные параметры заряда при его автономных испытаниях), был поставлен на вооружение в знаменитый ракетный комплекс СС-20. Судьба комплекса известна. Он был широко развернут на последнем этапе противостояния Западу, а затем ликвидирован по договору с США вместе с ракетами «Першинг».

На одном из заседаний НТС института в конце 1975 года мне была утверждена тема докторской диссертации. Евгений Иванович Забабахин сказал после обсуждения плана диссертации: «...не тяните, много не пишите, у вас уже все написано в отчетах». Но быстро не получилось. Готовились несколько интересных опытов. (Позволю напомнить, что пятилетка 1976–1980 годов была названа Юлием Борисовичем Харитоновым пятилеткой облучательных опытов.) Обстоятельства складывались так, что пару лет в ту пятилетку я вообще остался без отпуска. Но работа была столь увлекательной, что отпуска переносились и накапливались. Нечай в те годы также накопил отпусков, тем более что докторский отпуск (48 дней) я не помню, чтобы он хотя бы раз в жизни отгулял полностью.

Закончить это повествование хочу следующим эпизодом. После вручения нам лауреатских знаков и дипломов в Кремле в феврале 1976 года и положенного «обмыва» в ресторане гостиницы «Россия», на следующий день моя жена Ирина привела нас с В. З. Нечаем в Исторический музей на выставку рисунков декабриста Бестужева. Затем мы зашли пообедать в ресторан. Там Владимир Зиновьевич обратился к мастеру, который ремонтировал угол керамической плиткой. Дело в том, что в кооперативной «хрущевке» Нечая в Москве на кухне обвалилась вся плитка. Володя договорился с мастером, взял отпуск на неделю и занялся ремонтом, был при мастере подсобником. Через неделю мастер предложил ему возглавить «дело». Сказал, что у Владимира Зиновьевича золотые руки и «соображение» есть, а денежных клиентов в Москве, кто интересуется ремонтом, хватает. Если бы он знал, что перед ним доктор наук, физик-ядерщик, элитный ученый!

Талант В. З. Нечая проявлялся в различных областях. Достаточно вспомнить, что он отремонтировал дома цветной телевизор (правда, при этом «сжег» мой осциллограф). Когда не существовало станций техобслуживания автомобилей, он сам выполнял довольно сложный ремонт старой «Волги». Ему по душе было разобратся в чем-то новом, незнакомом. Но ни одно из домашних занятий, кроме чтения, не стало его хобби. Главным увлечением была ядерная физика, основная работа. И сейчас многие его научные достижения и созданные конструкции продолжают служить обороне России.

А. Н. Щербина

Из воспоминаний

Благодарю судьбу и всех моих друзей,
Что помогли, за встречу в ней с неординарным человеком.
Мне не забыть моих счастливых дней...

Володя Нечай родился 5 мая 1936 года в Алма-Ате, куда направили на работу его родителей после окончания Московского института народного хозяйства имени Плеханова. Его отец, Зиновий Степанович, был родом из семьи кубанского

казака в станице Краснодарского края. Тяга к учебе привела его в Москву, где он поступил в Плехановку. Его мама, Евгения Николаевна Дьяконова (девичья фамилия), в школу не ходила, жила с мамой Еленой Михайловной, которая была домработницей в зажиточной семье. Грамоте Женя научилась рядом с хозяйской дочкой и потом читала запоем всё подряд, что попадалось под руку. В 9-летнем возрасте она заболела стригущим лишаем, и Елена Михайловна долго водила ее на лечение к врачу. Он всегда подолгу беседовал с девочкой, и после окончания курса лечения денег не взял и сказал матери: «Берегите свою девочку, она необычайно талантлива, вы будете счастливая мать». Женя поступила в школу рабочей молодежи, закончила ее с отличием. Способная ученица была замечена и направлена на дальнейшую учебу в Москву. Она поступила в Плехановский институт, где и встретила со своим будущим мужем.

Молодых специалистов направили на работу в Алма-Ату: отца Володи — сразу в Министерство торговли, а маму — инженером на крупный мясокомбинат. Через год она была уже главным инженером комбината, через 2 года — его директором, а через 3 года после окончания института была заместителем министра мясомолочной промышленности Казахстана.

28 декабря 1941 года Евгения Николаевна летела с группой ответственных руководителей в Москву, но самолет потерпел аварию, и все погибли. Она была единственной женщиной в составе делегации. При входе на алма-атинское кладбище стоит стела с их именами и здесь всегда живые цветы...

...После катастрофы и гибели супруги отца Володи перевели в Москву, откуда он ушел на фронт, а Володя остался с бабушкой в Алма-Ате. Ему было 5 лет. Летом 1942 года Володю сбила машина, и он трое суток был без сознания. Врачи боролись за его жизнь, и на память остался едва заметный послеоперационный рубец через всю брюшную полость.

Окончив школу с медалью, Володя уехал в Москву к отцу и поступил в МИФИ на теоретический факультет, жил с отцом. Отец Володи занимал довольно крупный пост в министерстве, был хорошим организатором, писал научные статьи, увлекался пешими переходами в предгорьях Кавказа, больше так и не женился, умер на 72-м году жизни.

Володя отлично учился в институте, увлекался туризмом, горными лыжами, был в Карпатах, плавал на байдарке по Телецкому озеру на Алтае. В 1957 году четверо друзей: Володя, Виталий Мужичкий, Юра Кузнецов и Гена Чекалин — решили поехать на диплом, на Урал, чтобы посмотреть новые места. Природа Урала навсегда покорила его сердце.

Я же родилась 26 июля 1937 года в г. Смоленске и попала в Казахстан во время эвакуации. В августе 1945 года отец приехал из госпиталя с тяжелым ранением. Из Смоленска сообщили, что дом наш разбомбили, возвращаться было некуда, так и остались в Алма-Ате. В семье были еще две сестры — старшая и младшая. Родители устроились на работу на молочный комбинат, жили трудно, но дружно.

Вспоминали с Володей курьезный случай. От мясомолочной промышленности был пионерский лагерь, куда нас, детей, ежегодно отправляли отдыхать. Однажды у меня из палатки двое хулиганов-мальчишек утащили платье, и один из них надел его, а я гонялась за ним весь день. Этими хулиганами оказались два друга — Стасик и Володя. Он-то и одет был в мое платье. Мы так смеялись тогда, вспоминая этот эпизод...

Окончив школу с отличием, я сдала экзамены в мединститут и поступила на лечебный факультет. Оказалась в одной группе с Володиным другом Станиславом Вовнянко. Они жили на одной площадке, ходили в одну школу, дружили. Отец Стаса стал директором мясокомбината после перевода в министерство Володиной мамы. Я была очень застенчивой девушкой, с головой поглощена учебой, занималась в студенческом научном обществе, даже написала две работы. Стас опекал меня, занимал место в аудитории, пользовался конспектами, был хорошим другом. На 4-м курсе он женился первым из нашей группы, и с Леной мы до сих пор встречаемся и в настоящее время живем недалеко друг от друга. Стас часто рассказывал о своем друге, говорил, что мы очень похожи характерами, и нас надо обязательно познакомиться.

Во время учебы в Москве Володя дважды приезжал на каникулы к бабушке, но нам не удавалось встретиться, то я была на целине, нас студентов каждый год туда отправляли, то на врачебной практике.

Я заканчивала 6-й курс, а Стас сказал, что Володя уже работает в каком-то «ящике» на Урале и там очень трудно с отпусками. Они с Володей постоянно переписывались. На предварительном распределении я сказала, что собираюсь поступать в аспирантуру, но поскольку в тот год набора не было, мне предложили поработать год врачом-микробиологом противочумной станции в г. Чимкент с последующим поступлением. Я согласилась, тем более что в Чимкенте уже работала моя старшая сестра после окончания института.

26 апреля на неделю к бабушке прилетел Володя, и они со Стасом приехали к нам в гости. Мы впервые увидели друг друга. Володя очень смущался, краснел, бледнел, а моя младшая сестра потом все спрашивала Стаса: «Твой друг разговаривает или нет? За всё время мы услышали от него два слова — да и нет». На следующий день мы встретились с ним вдвоем, и потом все ночи напролет бродили по городу и говорили, говорили...

Была весна, все цвело, Алма-Ата — вообще город-сад, а та весна была особенная. Мы говорили о музыке, о поэзии, науке, спорили и смеялись... Пожалуй, так много потом мы и не говорили. 3 мая он улетал на Урал и попросил меня не уезжать после экзаменов по назначению. 25 июня я сдала последний госэкзамен, получила диплом с отличием, а 26 июня прилетел Володя, с трудом выбив себе отпуск. За это время накопилась большая стопка писем, где мы продолжали свои споры о жизни, литературе, обо всём. Эти письма — мои и Володины — сохранились до сих пор, и я читаю их иногда, когда тяжело на душе.

5 июля мы подали заявление в ЗАГС, 7 июля нас расписали, 10 июля сыграли скромную свадьбу и улетели в Краснодар, где в это время был его отец. Провели две недели медового месяца в Анапе, и Володя улетел на Урал, а я стала ждать разрешения на въезд в «почтовый ящик».

Оно пришло 10 октября 1960 года, и я приехала на Урал в город Снежинск, как его сейчас называют, а тогда — Челябинск-50. Так две недели нашего знакомства вылились в 36 лет счастливой супружеской жизни...

..Через год после замужества у нас родился сын Жора. Родился он в Алма-Ате, так как Володя полгода находился на полигоне в Семипалатинске, при малейшей возможности звонил или прилетал на один-два дня. Так было всегда, когда он находился в командировке, старался подать весточку — позвонить или передать письмо. С пятимесячным сыном мы вернулись в город.

Володя был хорошим мужем — внимательным, заботливым, ласковым, но стеснялся всегда открыто проявлять свои чувства. В доме он умел делать всё — от починки часов до обивки мебели. У него были золотые руки, и это передалось сыновьям.

Не скажу, что у него был легкий характер. Нет, это был волевой, знающий себе цену человек, но вместе с тем очень добрый и ранимый. Он мог строго отчитать и даже наказывать детей, особенно за вранье, а потом сам долго переживал за свою несдержанность. Чаще доставалось младшему — Диме. Учил их держать

В. З. Нечай (в центре) с супругой Лилией Викторовной (слева)

слово и обещание — если дал, держи, чего бы это ни стоило. Сам это демонстрировал личным примером.

В молодости он очень много курил, но когда я, будучи в положении, сказала, что не могу переносить запах табака, вытащил из кармана пачку сигарет, смял ее и бросил в мусорное ведро, и с тех пор ни разу не прикоснулся к сигарете. Я могла положиться на него во всём.

Когда Жоре было 3 года, мне пришла путевка на специализацию по педиатрии в г. Харьков на 5 месяцев. Володя один остался с ребенком, работал, водил его в детский сад и обходился без посторонней помощи. И в дальнейшем оставался с двумя детьми, когда я уезжала на курсы на полтора-два месяца. Мои мужчины справлялись сами.

Семья и работа были для него основными ценностями. Работа всегда была ему в радость. Мы никогда не использовали полностью отпуск, недаром их накопилось на полтора года. Никакого стремления сделать карьеру у него не было.

Помню, мы собирались с детьми в отпуск, а он пришел и сказал, что Ю. А. Романов не подписал заявление на отпуск, пока я не положу на стол кандидатскую диссертацию. Через неделю мы сложили чемоданы.

Также быстро, в течение месяца, он написал докторскую диссертацию после поездки в Москву и разговора с отцом. Я это поняла по нечаянно оброненной фразе, что он не думал, какое удовольствие этим доставил отцу, и что можно было сделать это раньше. Он никогда не кичился своими достижениями, хотя был лауреатом Ленинской и Государственной премий, спокойно переносил и неудачи при экспериментах. Только говорил, что «надо разобраться, где мы напортачили».

Безмятежно и спокойно протекала моя счастливая семейная жизнь, подрастали дети. Зиновий Степанович несколько раз приезжал в гости на Урал, но не оставлял своей надежды перетянуть нас в Москву. Он даже уговорил построить в Москве кооперативную квартиру, которая долгие годы стояла пустая и закрытая, пока Жора не окончил школу и не поехал в МИФИ учиться. Переезд не состоялся.

Ю. А. Романов, Володин шеф, настойчиво звал его переехать к нему в Саров и говорил, что был готов уже кабинет с прибитой дощечкой с его фамилией, но к великой радости моей и детей тоже переезд не состоялся. Здесь было всё родное и ничего не хотелось менять.

Воспоминания наплывают одно за другим, и как хочется обо всем написать.

Незабываемы были наши путешествия на машинах с друзьями в Казахстан, на Ахтубу, юг, в Пушкинское, Михайловское и по всей Прибалтике. Было так весело и интересно! Сколько было приключений! Володя очень любил природу и тонко чувствовал ее. Когда в лесах начались пожары, и выезд на природу был запрещен, мы в одночасье с помощью соседей купили маленький садик — три соточки со старым покосившимся дощатым домиком. На следующий день мы не могли найти свою «фазенду» в лабиринте таких же построек. Позже мы домик снесли и построили чуть получше.

Ну вот, я и подошла к описанию самого сложного периода в нашей жизни.

Предложение стать директором института Володя воспринял с большим удивлением и даже растерянностью. Надо было видеть его лицо, когда вечером он сообщил об этом мне. Он был расстроенным, грустным и очень озабоченным. Я знаю, как его уговаривали и убеждали занять эту должность. Но какую внутреннюю душевную борьбу ему пришлось преодолеть со своими комплексами застенчивости! Он понимал, какой груз взваливает на свои плечи. Его порадовало и даже ободрило только то, как он говорил, что он не был просто назначенцем, а его единогласно выбрали в коллективе. И еще. На одном из семинаров для директоров НИИ предложили кому-нибудь провести сложное тестирование на соответствие занимаемой должности. Единственным желающим стал Володя и с блеском выдержал испытание. Он по-мальчишески радовался и смеялся, показывая листы с данными обследования. Говорил, что его «препарировали», как в анатомичке.

Самыми яркими чертами его характера оказались: аналитический склад ума, способность быстро находить правильное решение в длинной логической цепочке, решительность в сложных ситуациях, даже некоторая авантюризм и риск, твердая воля. И много еще такого, о чем и сам не подозревал.

Трудности обрушились на институт с развалом страны. Они накрыли его как лавина, и нужно было выбирать самим, кто как мог. Нужно было сохранить огромный научный потенциал и дать людям возможность выжить, именно выжить в этой ситуации. А из Москвы шли указания закрывать, сокращать, увольнять. Финансирования нет, заказов нет, на конверсию денег тоже нет. Я думаю, именно в этот самый тяжелый период проявились его незаурядные способности. Если бы не он, институт бы закрыли.

Так уже чуть и не случилось, когда с визитом в Саров приехал Б. Н. Ельцин, и решалась судьба двух закрытых институтов. Именно Володя тогда выступил и аргументировано доказал, что должно быть два института. По возвращении он говорил: «Как хорошо, что я поехал в Саров, иначе бы нас закрыли». Обстановка тогда действительно была критической. Зарплату не платили, нужно было на что-то жить, работы не было, и найти ее возможности у сотрудников тоже не было, ведь город закрытый. Так было и по всей стране, но это особенно тяжело ощущалось у нас. Начались митинги, протесты, волнения. Володя понимал, как и все, что это не его личная вина в сложившемся хаосе, но, как равнодушный человек, с обостренным чувством долга, глубоко переживал всё. Особенно угнетало его равнодушие и бессилие московских чиновников.

Приезжал из Москвы уставший, измотанный и говорил: «Словно бьешься головой в глухую непробиваемую стену. Что же нужно сделать, чтобы всколыхнуть это болото? Или это непреодолимая тупость, или идет сознательное целенаправленное разрушение и уничтожение главной отрасли в обороне страны».

Такая работа в состоянии постоянного стресса и перенапряжения не могла не отразиться на его здоровье. Появились раздражительность, усталость. Но самое страшное и тяжелое — пришла бессонница. Сначала она развивалась постепенно.

Было достаточно одной таблетки транквилизатора, снотворного или небольшой дозы алкоголя. Но потом бессонница стала абсолютной; он выпивал за ночь по целой упаковке сильных снотворных, но на перевозбужденный мозг это не действовало. Сна не было. Утром принимал холодный душ, чашку крепкого кофе и шел на работу. Иногда просил проводить до управления, потому что не держали ноги. Однажды утром, встав с постели, с грохотом упал, думал, что отнялись ноги. Я просила его лечь в стационар, но он говорил, что не время, надо держаться. До сих пор не могу простить, что не настояла. Кажется, в июне 1996 года он сказал, что мы преодолели свой кризис и уже пока миллиметровыми шагами, но вытираемся из него. «Но я хочу, чтобы это поняли и почувствовали все, и тогда я со спокойной душой уйду», — сказал он.

Стало немного полегче. Институту стали выдавать мизерные деньги на зарплату, продвигалась конверсия. Но в октябре сообщили, что Челябинский пенсионный фонд подал жалобу на институт за то, что он не перечисляет полностью деньги, и по приказу Черномырдина таких директоров вызывают на ковер. Володя возмутился: «Меня, как мальчишку, будут отчитывать за то, чего не делают сами!!! Как можно отчислять полностью в фонд, если полностью сами не перечисляют зарплату? Как же я устал от всего этого. Пойду в управление, напишу заявление об уходе, больше нет сил!» Это были его последние слова.

Сейчас, в настоящее время, когда я вспоминаю об этом, мне кажется всё это таким несущественным, незначительным в нашей сегодняшней жизни. Но тогда всё это явилось, наверное, последней каплей в его измученной, уставшей душе. Да, обидно и горько об этом вспоминать сегодня... 26.01.2006 г.

Л. В. Нечай

Владимир Зиновьевич Нечай многое сделал в жизни, почти сорок лет он работал в РФЯЦ — ВНИИТФ, прошел в нём путь от рядового сотрудника до директора.

Много лет он работал в теоретическом отделении, участвуя и в фундаментальных научных исследованиях, и в конкретных разработках российского ядерного оружия.

Его идеи, его труд, его талант вложены в большую часть ядерного арсенала России, являющегося в настоящее время основой обороноспособности страны. В этих работах он был лидером на всех этапах: от компьютерных расчетов до испытания на ядерных полигонах. Его «фирменным знаком» было глубокое научное обоснование предлагаемых технических решений, которое обеспечивает надежность и безопасность ядерных зарядов в широком диапазоне условий их эксплуатации.

Им задуманы и проведены крупнейшие физические опыты с использованием ядерного взрыва, в которых изучались свойства веществ в экстремальных условиях: при высоких давлениях и температурах, при воздействии мощных потоков

излучений. На его долю выпала тяжелая задача по ликвидации на Семипалатинском полигоне разработанного им ядерного устройства, предназначенного для интереснейшего эксперимента, который оказалось невозможным провести из-за амбициозных политических решений.

В. З. Нечай стоял у истоков сотрудничества российских и американских ядерных оружейных центров, он был руководителем уникальной работы по контролю американского ядерного испытания на Невадском полигоне. Его хорошо знали и высоко ценили ученые США, Франции, Китая.

Он был директором нашего института в самый трудный период его истории, делая всё, чтобы сохранить его научный потенциал, чтобы продолжить и развить работы по поддержанию российского ядерного оружия, он настойчиво искал новые научные и технологические направления деятельности, новые организационные формы.

Его имя навсегда останется в истории России, в истории науки.

Е. Н. Аврорин

Я знал Владимира Зиновьевича с начала 1959 года, когда мы были оба молодыми специалистами. Долгие годы наши встречи носили чисто эпизодический характер, а вот в 1988 году наши судьбы тесно переплелись. В это время встал вопрос о подготовке замены директору Георгию Павловичу Ломинскому (приближалось его 70-летие), ведущие ученые и конструкторы нашего института предложили кандидатуру Владимира Зиновьевича Нечая, начальника теоретического отделения института. В первый момент и у Георгия Павловича, и у меня (я был его заместителем по кадрам) возникли сомнения в правильности такого предложения: В. З. Нечай — блестящий теоретик, видный ученый, далекий от хозяйственных проблем — и вдруг директор?!

Конечно, Нечай уже несколько лет руководил одним из важнейших подразделений института — теоретическим отделением, но это всего несколько десятков человек, а тут махина в 16 тысяч и масса проблем, далеких от собственно науки. Я сформулировал около десятка вопросов, вызывающих наибольшие сомнения, и поехал к Владимиру Зиновьевичу. Мы совершенно откровенно поговорили (не будь за спиной 30 лет знакомства, я не решился бы на такой разговор), и, к моему удивлению, и, конечно, глубокому удовлетворению, по всем вопросам В. З. Нечай оказался не только в курсе дел, но и рассказал, как он мыслит действовать.

В начале 1988 года В. З. Нечай стал первым заместителем директора. У Г. П. Ломинского была целая программа подготовки Владимира Зиновьевича к нелегкой должности директора, но уже в марте 1988 года, в результате тяжелой болезни Георгия Павловича, Нечая пришлось брать бразды правления в свои руки. Он начал свою деятельность в роли директора столь успешно, что уже во второй половине 1988 года, после преждевременной кончины Г. П. Ломинского, единогласно был выбран трудовым коллективом института на должность директора.

В. З. Нечая отличали стремление и способность глубоко вникать во все стоящие и встающие проблемы в жизнедеятельности института. Человек по природе своей застенчивый, он быстро научился выступать перед коллективом трудящихся института. Глубокое знание задач, великолепная память и умение теоретика анализировать ситуацию и прогнозировать ее развитие, отличали В. З. Нечая. Он никогда не выступал по бумажке, всё у него было в голове, а скорее, в душе.

Нелегкое время перестройки изменило все сложившиеся каноны, и, наверное, только такой человек, как В. З. Нечай, смог соответствовать требованиям времени. Чутко откликаясь на всё новое, он одним из первых в отрасли не только заговорил о конверсии, но и предпринял конкретные шаги в этом направлении: волоконно-оптические линии связи, ультра дисперсные алмазы, перфораторы для интенсификации добычи нефти и многое, многое другое — это все дела В. З. Нечая. Не всё получалось, не выдерживались сроки, т. к. финансирование работ не только было нестабильным, но зачастую просто отсутствовало. Всё это осложняло жизнь директора, но не сбивало его с генеральной линии. А он был очень ранимым человеком. Несправедливые упреки, особенно со стороны профкома, его очень обижали. Особенно остро он переживал затеянную осенью того [1996] года кампанию по коллективному трудовому спору. Мы пытались ему говорить, что лично против него никто не выступает, что эта кампания достаточно формальна. В. З. Нечай возражал, что директор-то именно он и несет личную ответственность за все происходящее в институте. Это чувство личной ответственности за всё было органически присуще Владимиру Зиновьевичу. На первом месте у него были социальные проблемы. Он всегда старался помочь конкретным людям, обращавшимся к нему с самыми различными проблемами. Несмотря на тяжелейшее экономическое положение, он старался и сохранил основной интеллектуальный потенциал института, регулярно добивался повышения заработной платы трудящимся, и не его вина, что в том году эту зарплату не перечисляли нам по 3–4 месяца. Огромные трудности, практически тупиковые ситуации в экономическом положении института, особенно в 1996 году, выпали на долю Владимира Зиновьевича.

Непосильная ноша! Трагический уход из жизни В. З. Нечая всех нас буквально потряс, особенно тех, кто проработал с ним долгие годы. Роль В. З. Нечая в истории института огромна, да и не только института, а в истории создания и развития ядерного щита нашей Родины.

В. И. Никитин

Ушел из жизни Владимир Зиновьевич Нечай. Ушел сам, прервав свою жизнь выстрелом из пистолета. Каковы были подлинные мотивы этого страшного поступка, мы никогда не узнаем, да и надо ли их знать? Такой поступок и не подсушен, и не похвален, но чтобы совершить его, надо быть человеком мужественным. Нечай именно таким и был.

Я не раз бывал с ним на ядерных испытаниях, где человек открывается сразу, до подлинной своей глубины, и видел, как глубоко переживал он, ожидая сначала взрыва, а потом результатов обработки измерений. Я сам испытал тяжесть этих томительных минут, когда время, кажется, останавливается, и нет сил ждать. Но я не был непосредственным автором тех теорий и тех расчетов, суд над которыми вершил ядерный эксперимент. Каково же было Нечаю, автору многих физических расчетов взаимодействия мощных потоков рентгеновского излучения ядерного взрыва с веществом, ожидать приговора этого суда? В день «Ч» он метался и не находил себе места, а увидев, что результаты эксперимента совпадают с предсказаниями его расчетов, бурно радовался, не скрывая своего восторга. Радость успехов, а я не помню, чтобы расчеты Нечая были неудачны, не кружила ему голову.

Прекрасно понимая силу и прогностическую ценность расчетов, Нечай никогда не отвергал возможности экспериментальных проверок сложных явлений. Так было, когда остро встал вопрос о реакции биологических тканей на мощные дозы нейтронов. Он вопреки мнению Е. И. Забабахина активно поддержал предложение директора Института биофизики Л. А. Ильина об экспериментальной проверке такого воздействия, много и полезно участвовал в обсуждениях постановки и результатов экспериментов.

Позже он принял активное участие в создании ядерных зарядов, и здесь группой физиков-теоретиков под его руководством был внесен заметный вклад в это дело. Талантливому человеку любое дело по плечу, а В. З. Нечай, конечно же, был талантлив. Поэтому никто не удивился, когда он стал руководителем отделения теоретиков, а потом и директором нашего института. Последний крест был тяжел непомерно, потому что Нечаю пришлось его нести через годы бездумной конверсии, бестолковых мораториев на ядерные испытания, полнейшего непонимания роли и места ядерного оружия в безопасности России и, наконец, вопиющего пренебрежения к создателям и творцам этого оружия на фоне разгула безответственных требований и демагогии. Почти десять лет активно проработал Владимир Зиновьевич Нечай на посту директора нашего федерального ядерного центра, сохранив его коллектив, его умение работать и выживать. Это был подвиг!

Я уверен, что светлая память о В. З. Нечае навсегда сохранится в наших благодарных сердцах! Да будет ему земля пухом!

Б. В. Литвинов

Ушел из жизни Владимир Зиновьевич Нечай, директор Российского федерального ядерного центра в городе Снежинске, известном миру, как закрытый Челябинск-70.

Нет сил поверить, что этот сильный характером человек-камень не выдержал. Даже в роковой день, даже в последний час, никто из близких не почувствовал возможности трагического решения...

...Летом 1958 года в составе группы, отобранной начальником теоретического отделения доктором Ю. А. Романовым, дипломник МИФИ В. З. Нечай приезжает на Урал. Он быстро входит в число ведущих теоретиков. После возвращения с первого подземного ядерного взрыва, на котором В. З. Нечай присутствовал по инициативе академика Е. И. Забабахина как эксперт, вся его деятельность связана с созданием образцов новой техники и проведением натуральных испытаний.

В начале творческого пути он выбрал совершенно новое направление исследований действия поражающих факторов ядерного взрыва и отработки средств защиты. Его работы в области изучения действия рентгеновских спектров носили пионерский характер, а достижения были отмечены присуждением Ленинской премии (1964) и Государственной премии (1975). Ленинскую премию он получил первым в СССР в комсомольском возрасте.

В. З. Нечаем были предложены и реализованы в конструкциях разработки института принципиальные решения, позволившие добиться исключительной малогабаритности ядерных зарядов при высоких удельных характеристиках.

Велика роль В. З. Нечая в разработке методических вопросов, связанных с проведением облучательных физических опытов — наиболее сложного вида ядерных испытаний. В этом направлении ему удалось создать конструкцию ядерного устройства — облучателя — с энерговыделением в 300 тонн тротила, обладающего спектральными параметрами мегатонных зарядов. Здесь упоминается лишь об одном из достижений В. З. Нечая, которое просочилось в прессу, а сколько осталось достижений, которые представляют огромный научный задел для будущих исследований в области физики высоких энергий...

...Переход В. З. Нечая на административную работу всеми, кто его знал, был воспринят как большая удача для института. Его исключительно хорошо принял и готовил как смену генерал-лейтенант Г. П. Ломинский. В 1988 году В. З. Нечай возглавил институт, будучи единогласно избранным на пост директора собранием трудового коллектива. Самые трудные годы достались ему. Разгар так называемой перестройки, прекращение стабильного финансирования, тезис М. С. Горбачева: оборонка — зарабатывайте сами. В. З. Нечай активно ищет конверсионную тематику: оптическое волокно, взрывные технологии, ультрадисперсные алмазы, работы по безопасности ядерной энергетики. Все эти и многие другие начинания тем не менее требуют значительного стартового финансирования. Но кто, кроме государства, рискнет финансировать работы, отдачу от которых можно ожидать через три—пять и более лет? А государство не оплачивает даже скромный оборонный заказ.

466 В. З. Нечай много сделал для установления взаимопонимания между учеными-оружейниками. Он принимал непосредственное участие в совместных экспериментах на Невадском и Семипалатинском полигонах по калибровке методов контроля ядерных испытаний. В октябре 1993 года по его приглашению в Снежинске побывал и принял участие в научной конференции Эдвард Теллер. Последние годы ученые из Снежинска активно сотрудничают со специалистами из оружей-

ных лабораторий США по вопросам безопасности, контроля, транспарентности. В каждом из направлений присутствовал интеллект В. З. Нечая.

В телеграммах, поступивших в связи с кончиной В. З. Нечая от научных и конструкторских коллективов, промышленных предприятий, командования родов войск, отдела внешних церковных сношений Московской патриархии, депутатов Государственной Думы, атамана Союза казаков, российских и зарубежных ученых, частных лиц сказано много добрых слов о Владимире Зиновьевиче, слов, увы, запоздавших. Остается только удивляться, что руководство страны не сочло возможным выразить соболезнование семье ученого с мировым именем.

На посту директора В. З. Нечай оставался доступным человеком для каждого из многотысячного коллектива. Будучи по натуре очень скромным, он собирался, как и ранее, избежать поздравлений 5 мая, в день шестидесятилетия. Ветераны ядерных испытаний пригласили его накануне в баню, на «конференцию», посвященную 35-летию его участия в подземных опытах. По словам Лилии Викторовны, супруги В. З. Нечая, он давно не был в таком приподнятом настроении, как тогда. Бесхитростные подарки, много фотографий — памятки лет совместной работы на полигонах, стихи друзей. Кто бы мог тогда представить, что уход из жизни Владимира Зиновьевича столь близок?

У Владимира Зиновьевича отличная семья: жена Лилия Викторовна — детский врач, два сына, внучка и внук. Старший сын Георгий пошел по стопам отца: окончил МИФИ, работает в Москве в известном Институте химической физики, подготовил диссертацию. Младший, Дмитрий, после службы в военно-морском флоте избрал рабочую стезю. У семьи Нечаев есть в Москве кооперативная квартира «хрущевка», построенная 28 лет назад, в ней живет старший сын с семьей. В Снежинске — квартира, в которой семья живет более 30 лет, автомашина «Волга», гараж и сад — три сотки, купленный 15 лет тому назад. У кого из детей процветающий мебельный салон в Москве — пусть останется на совести корреспондентки Ольги Абрамович. Со словами соболезнований хочу пожелать семье мужества при чтении подобных небылиц в прессе.

Отмечу, что слухи распространялись и ранее, например, что директор с женой отдыхает на Канарских островах, в то время, когда он на Семипалатинском полигоне принимает решение о судьбе ядерного устройства. Мало кому известно, что у директора накопилась масса неиспользованных отпусков. Социальная напряженность в обществе — отличная среда для слухов.

Однажды на полигоне Новая Земля я был свидетелем такого случая. На наших глазах офицер из ружья выстрелил по паре бакланов, и одна птица рухнула на землю. Вторая осталась кружить и жалобно кричать. Володя изменился лице, подскочил к вооруженному офицеру, схватил его и, задыхаясь, прокричал: «Не смей губить живую природу!» Тот офицер стал обходить В. З. Нечая при каждой встрече, видимо, осознав свой поступок. Не укладывается в сознании, что Владимир Зиновьевич так распорядится своей судьбой.

А. Н. Щербина

С Владимиром Зиновьевичем я познакомился заочно. Во время работы над дипломом одной из задач было написание обзора по имеющимся публикациям и отчетам. Читая диссертацию Л. П. Феоктистова, я обратил внимание на одну из ее глав, в которой изящно решалась сложная квантово-механическая задача. Восхищенный я заглянул в соседнюю комнату, где узнал, что постановка задачи, действительно, принадлежит Льву Петровичу, а решал ее, будучи на дипломе, Володя Нечай. В этой же комнате мне разъяснили, что таких светлых голов, как у Нечая, среди теоретиков мало, что талант молодого теоретика был замечен самим Е. И. Забабахиным (во время работы важной экспертной комиссии В. Нечай сумел увидеть ТАКОЕ..., а потом ЭТО подтвердилось...), после чего инженер В. Нечай стал самым молодым начальником отдела у теоретиков.

17 лет я проработал с Владимиром Зиновьевичем в коллективе теоретиков, и всегда его работу сопровождало ощущение изящества и непринужденности. Язык его публикаций и отчетов был лаконичен и доходчив. На теоретических семинарах он поражал ясностью изложения и четкостью логических построений. Он всегда был убедителен. Помню защиту им докторской диссертации. Какую волну возражений поднял высокий профессионал и известный в наших кругах словесный дуэлянт Е. М. Рабинович. И как эта волна разбилась об утес уверенного в своей правоте В. З. Нечая. Зал аплодировал, Е. М. Рабинович только развел руками, а самый молодой доктор в РФЯЦ — ВНИИТФ (этот рекорд остался пока непревзойденным) застенчиво улыбался. Помню краткую, в стиле Владимира Зиновьевича, строку в адресе теоретиков по случаю защиты: «Знаешь, как никто другой, ты ПРО это и ПРО то». К сожалению, широкая научная общественность не скоро сможет познакомиться с научными результатами исследований Владимира Зиновьевича.

Он мыслил широко и нестандартно. Это позволяло ему находить неожиданные решения в областях, которые, казалось, исхожены вдоль и поперек. Приученный беречь народную копейку, он тщательно оптимизировал постановку сложных физических опытов, в которых проверялись принципиальные вопросы создания ядерного оружия и его воздействия.

В 1985 году Владимир Зиновьевич стал начальником теоретического отделения. «Волевой, энергичный, целеустремленный, склонный к стратегическому мышлению...» — вот далеко не полный перечень эпитетов произнесенных Е. Н. Аврориным на общем собрании теоретиков при вступлении В. З. Нечая в должность. Он был требовательным начальником, его побаивались. Однако я не помню жалоб на необъективность или несправедливость со стороны испытывших тяжесть нечаевского гнева.

Он не забывал отметить интересную научную работу. Все сотрудники его отдела защитили кандидатские диссертации. Они были разные по направлениям исследований, но стиль изложения у них был одинаков — стиль Нечая: четкий, лаконичный, без лишнего наукообразия. Стали лауреатами Государственной премии и четверо его учеников. Он получил высшие в стране лауреатские звания,

будучи совсем молодым. Его острый критический ум, бескомпромиссность в деле, которому он отдал всю жизнь, позволили разработкам РФЯЦ – ВНИИТФ не раз побеждать в условиях жесткой конкурентной борьбы.

Годы его директорства пришлось на сложное время в истории института: мораторий на проведение испытаний, сокращение военных программ, проблемы конверсии, притока молодых кадров, финансовые – всего не перечислить. Авторитет Владимира Зиновьевича, его воля, ум, дальновидность уберегли РФЯЦ – ВНИИТФ от двух бед, перед которыми кажутся мелкими все остальные: развала института и массовых увольнений. Это поняли все: проститься с Директором пришел весь Снежинск.

Владимир Зиновьевич был не из числа тех, о ком принято говорить: душа нараспашку, каждый из нас знал черту (поближе или подальше), за которую не следовало переступать. Далее следовал эфир, состоящий из стального блеска глаз, бронзовой тяжести лица и рычания льва. Но я-то знаю, что за этим эфиром была ранимая, чуткая душа романтика. Как он любовался пейзажами Новой Земли, как рассматривал понравившиеся картины! Как он тонко анализировал литературные новинки! Как он радовался нечастым в наше время институтским успехам: золотой медали на выставке, мировому качеству вытянутой нитки оптоволокна, появившейся возможности спутниковой связи! Как он готовился к выступлениям, как принимал многочисленных гостей института.

Я часто вспоминаю то страшное утро, когда в штаб-квартире МАГАТЭ в Вене нам сообщили: «У вас в институте большая БЕДА».

Б. К. Водолага

Меня всегда восхищала одна особенность Владимира Зиновьевича Нечая: в течение дня он умел мгновенно и многократно переключаться с простых вопросов на сложные проблемы, при этом он одинаково хорошо (да к тому же очень эмоционально!) мог представить словесный портрет, как простого явления, так и сложного,

Скажем, обычный рабочий день его начинался с решения сугубо хозяйственных проблем электро- и теплоснабжения института и города, а через полтора – два часа он поднимался на трибуну, чтобы открыть Международную конференцию по борьбе с опасными космическими объектами и обозначить наиболее актуальные вопросы в данной области международного научно-технического сотрудничества,

Я также имел возможность восхищаться такой особенностью Владимира Зиновьевича и весной 1995 года во время проведения нашим институтом последней работы на бывшем Семипалатинском полигоне по ликвидации ядерного устройства в штольне 108К.

Один из рабочих дней В. З. Нечая на заключительном этапе работ выглядел примерно следующим образом: ранний подъем, общение с многочисленными специалистами, экспертами и журналистами, участие в заседании

Нечай Владимир Зиновьевич

межправительственной координационной группы, переезд к месту производства работ с ядерным устройством (приблизительно 150 км), участие в осмотре ядерного устройства, выступление на заседании координационной группы от имени государственной комиссии с обоснованием необходимости ликвидации устройства, а поздним вечером — встреча с участниками экспедиции института, которые осуществляли эти работы.

И во всех ситуациях столь напряженного рабочего дня Владимир Зиновьевич демонстрировал высочайший класс понимания, интерпретации и решения возникших проблем.

Б. А. Андрусенко

Моя первая встреча с В. З. Нечаем произошла в марте 1967 года, когда я приехал на преддипломную практику. Выслушав за несколько минут мои биографические данные, он коротко сказал: «Если хочешь работать у теоретиков со мной, то оформляйся». Так судьба связала меня с Володией на протяжении всей моей работы в нашем институте.

Трудно в нескольких словах рассказать о человеке, каким он был. Мне кажется, что наиболее яркими чертами характера Владимира Зиновьевича являлись честность, высокая требовательность к себе и окружающим, способность переступить через собственное я, если он понимал, что его оппонент прав, удивительная скромность.

О том, как Володя любил то дело, которому он посвятил свою жизнь, напомнил мне недавний просмотр видеofilьма, снятого на Семипалатинском полигоне. Директор приехал принять решение о судьбе ядерного устройства в штольне 108К. В ходе работ по демонтажу физической установки было принято решение о проверке работоспособности взрыв-затвора, одного из необходимых элементов схемы защитных средств. Нечай пожелал принять личное участие в подрыве и проверке работы взрыв-затвора, хотя этого от него, как директора, не требовалось. Он первым направился в штольню, чтобы убедиться в результате эксперимента. Перелезая в темноте через искореженные взрывом металлоконструкции, он с увлечением обсуждал с нами эффективность взрыв-затвора в случае проведения натурального облучательного опыта, хотя в душе понимал, что подобное в сложившейся ситуации фактически невозможно.

В ту поездку на полигон Володя как бы преобразился. Непомерный груз повседневных забот, казалось, был на время отодвинут на второй план, и я увидел того Владимира Нечая, с которым проработал много лет: энергичного, волевого, способного принять нестандартное решение, строгого, но справедливого.

С. А. Ващинкин

В середине 1970-х годов по инициативе Л. П. Феоктистова и В. З. Нечая во ВНИИТФ началась разработка облучателя малой мощности для натуральных физических опытов по изучению комплексного воздействия факторов ядерного взрыва. Владимир Зиновьевич поручил мне заняться оптимизацией предложенной им принципиальной схемы устройства, выбрать вариант для экспериментальной проверки и рассчитать его характеристики. Сложность задачи усугублялась тем, что параметры одного из узлов конструкции были известны с большой неопределенностью, а от них зависела надежность реализации в опыте расчетных характеристик всего устройства.

Те, кому довелось работать под руководством Владимира Зиновьевича, знают его умение предельно ясно поставить задачу, находить нестандартные решения, его удивительную интуицию. В процессе работы над облучателем Владимир Зиновьевич держал под контролем не только расчетные исследования, но и конструкторские проработки, вплоть до допусков на детали. Испытал я на себе и железный пресс его воли, когда дело касалось соблюдения плановых сроков основных этапов работы.

Экспериментами 1982 и 1987 годов были подтверждены расчетные характеристики облучателя и редакция системы защитных сооружений. Насколько мне известно, в мире не создано инструмента для исследований комплексного воздействия факторов ядерного взрыва по величине тротилового эквивалента, равного созданному В. З. Нечаем.

Обстоятельства сложились так, что уникальное устройство было уничтожено под руководством его создателя. В мае 1995 года я не присутствовал при этом «характере» в штольне 108К бывшего Семипалатинского полигона. Но, зная Владимира Зиновьевича, я чувствую, как это было тяжело для него — руководителя и вдохновителя работ по интереснейшему научному эксперименту.

Непроведенный ФО-100 вошел в историю Семипалатинского полигона, как и первый советско-американский эксперимент по контролю, в котором использовался заряд, разработанный также под руководством В. З. Нечая.

В. С. Любимов

В отдел В. З. Нечая я попал по рекомендации профессора И. В. Санина, в начале 1970-х годов, вскоре после окончания МИФИ. В. З. Нечай в ту пору был уже весьма заслуженным и известным в «оружейных кругах» физиком-теоретиком, лауреатом Ленинской премии. Я сразу окунулся в напряженную, чрезвычайно ответственную работу, качество которой проверялось в полигонных испытаниях.

Владимир Зиновьевич был настоящим Учителем. Особенность его школы — высочайшее чувство ответственности, полная самоотдача. Мягкий, доброжелательный по натуре, он не терпел «легкого» отношения к работе. В том, что касалось разрабатываемых «изделий», для него не существовало мелочей. Он вникал во все детали проекта, требовал максимальной ясности.

Вспоминается характерный пример. На завершающей стадии разработки изделия оригинальной, не имеющей аналогов конструкции, встал вопрос о точности изготовления опытной детали. Теоретик В. З. Нечай, взяв с собой меня, присутствовал при токарной обработке, и токарь — виртуоз высочайшей квалификации — превзошел все возможности своего не очень современного станка («Красный пролетарий» выпуска 1950-х годов). Изделие, как у нас говорят, «сработало» успешно.

Конфликт В. З. Нечая с нынешней реальностью был неизбежен. Там, где успех дела определялся его умом, талантом организатора, умением самоотверженно с полной отдачей работать, были победы. Не случайно проекты, которыми он руководил, доводились до сдачи на вооружение при минимальном числе полигонных опытов.

Владимир Зиновьевич очень любил ходить пешком. Запомнились многокилометровые прогулки с ним по Новоземельской тундре, Семипалатинскому полигону, довелось побывать вместе и на полигоне в Неваде.

С. А. Рогожин

С Владимиром Нечаем я был знаком с 1961 года. Первый мой отчет в институте выпущен вместе с ним. В последние годы мы встречались достаточно часто. Его интересовала новая для института тема — безопасность ядерной энергетики, которой мы начали заниматься, и он старался помочь, чем мог. Но сейчас я хочу рассказать только об одном эпизоде из его жизни. Мне кажется, что в нём отразились важнейшие качества Владимира Зиновьевича — честность и требовательность к себе.

Но сначала немного истории. В 1977 году Владимир решил уйти в Москву, в НИИТ, где главным конструктором был тогда нынешний министр В. Н. Михайлов. Лев Феокистов, сам собиравшийся уехать в Москву (он и уехал в конце 1977 года), подписал его заявление. Но Евгений Иванович Забабахин сумел остановить Нечая. Они договорились, что Владимир займется зарядами, которые разрабатывались на основе схемы, предложенной Л. П. Феокистовым. Их появление привело к существенному улучшению характеристик ядерного оружия. Казалось, что всё в них физически ясно. Но в последних испытаниях явно обозначились расхождения между результатами расчетов и экспериментов. Нечаю предстояло разобрататься в причинах этого и разработать новые заряды.

Работа была долгая и непростая. И вот — первое испытание. По традиции сразу после возвращения с полигона теоретик, автор заряда, рассказывает о результатах испытания. Предварительные расчеты основных параметров всегда имеют некоторый разброс, результаты измерений тоже. И можно понять, когда при не очень удачных результатах автор начинает «натягивать»: сравнивает нижние расчетные значения с верхними экспериментальными.

Не так повел себя Нечай. В первом опыте произошел «завал» приблизительно на 20%. Все погрешности опыта он трактовал в худшую для себя сторону, даже завышая разницу между расчетом и измерениями. Я смотрел на газодинамиков, отработывавших этот заряд, и видел, с каким удивлением и уважением смотрит на него И. В. Санин, слышавший много докладов после полигонных опытов. Владимир четко сформулировал возможную причину и тут же предложил меры для улучшения характеристик заряда. Позднее он предложил еще более радикальные изменения в его конструкции, и опыты подтвердили его правоту.

У него было много критиков, особенно в последние годы. В том числе и потому, что он не любил непродуманных обещаний и пустых речей. Он был честен и требователен. И в первую очередь к самому себе.

А. П. Васильев

Решение нашей студенческой группы поехать на диплом на Урал пришло после беседы с Юрием Александровичем Романовым скорее из-за желания познакомиться с природой Урала, поскольку кроме слов, что там есть интересная для нас работа, он ничего не сказал. Володя Нечай был отобран в группу теоретиков на втором курсе института. В студенческие годы увлекался лыжами, имел первый разряд по стрельбе. Он жил с отцом в одной комнате в коммунальной квартире в районе Тимирязевской академии. От дома до института добирался более часа.

Отец Володи, Зиновий Степанович, был убежденным коммунистом, работал главным контролером Министерства торговли, о его честности и порядочности можно долго рассказывать. Внешне Володя очень похож на отца и, видимо, унаследовал от отца пристрастие к чтению и к пешим прогулкам. (По словам Нечая, его отец прошел пешком весь регион Северного Кавказа. Каждый год, уже в солидном возрасте, отец ездил в отпуск и проходил очередной заранее намеченный маршрут.)

Много лет на работу и с работы Нечай ходил пешком с Михаилом Петровичем Шумаевым, известным и заслуженным физиком-теоретиком. Иногда к ним присоединялись другие, и на лесной тропе проходили 40-минутные дискуссии по научным и житейским проблемам. Привычке совершать пешие прогулки Нечай не изменял и на полигонах. На Новой Земле, в долгий полярный день, во время забивочных работ он ходил по паре десятков километров в сутки.

Когда В. З. Нечай стал директором, он не имел возможности ходить пешком. Его рабочий день начинался в 7.30 утра с чтения документов. Не любил, если ему в это время мешали, если только сам не назначал встречу на раннее утро.

Мог ли я с женой предположить, что, поздоровавшись и раскланявшись в 7 часов вечера в подъезде, с Володей мы виделись последний раз.

Ю. И. Кузнецов

В тот последний трагичный день

Это был обычный серый холодный день поздней осени. С утра навалились проблемы, без которых не обходился ни один день последних лет. Денег на счету института копейки, а областной пенсионный фонд, хотя с ним вроде договорились о частичном и постепенном погашении долгов, грозил снять со счета все поступившие из Москвы средства.

— Да не расстраивайтесь вы так, — успокаивал один из заместителей своего директора.

— Главбух и помощник поехали утром в область, думаю — договорятся: нельзя же столько людей оставлять без куска хлеба!

Владимира Зиновьевича уже несколько недель мучила жесточайшая бессонница. Он и раньше спал очень мало, а последние две недели не удавалось ночью заснуть хоть на час. Пробовал вздремнуть, по обстоятельствам, перед или после обеденного перерыва. В этот день было много почты и директор задержался с обедом. По словам супруги, пришел очень расстроенным после прочтения письма с изложением интервью Нижегородского губернатора о неприятии тем смены директора в Арзамасе-16. Губернатор настаивал на назначении, которое должно быть согласовано с ним, скорее на своей кандидатуре. Поспать директору удалось не более часа. Очень ожидал возвращения из области помощника и главбуха. Засобирился на работу, но супруга уговорила его хоть немного прогуляться. Рабочий день уже закончился, но Владимир Зиновьевич сказал жене, что нужно поработать со срочными документами.

Помощник директора по экономике Михаил Евгеньевич Железнов [из передачи Снежинского радио]:

— В последнее время директор сам рассматривал заявления сотрудников института на выделение помощи в экстренных ситуациях. К этому его принудили обстоятельства. Когда в кассе от 10 до 20 миллионов, а заявлений масса и в каждом крик о помощи, — печальное событие, просто отчаяние, пытаться разделить «крохи» по справедливости — трудно и очень горько. Доведенные до крайнего состояния люди пытались попасть к директору на прием, верили, что только он может помочь, оставляли заявления у секретаря. Нечай — очень чувствительный человек. Я помню, в каком состоянии он был после приемов по личным вопросам. Каждого человека он внимательно выслушивал, и его боль пропускал через себя. После приема трудящихся бывал очень удрученным. Тяжело переживал, что институт приходит в упадок.

Конечно, какая-то вера в лучшее оставалась в его сердце, но такие трудные они были, эти последние месяцы...

М. Васильева: На столе у Нечая остался рабочий блокнот, где его четким почерком были расписаны все финансовые поступления и долги института на каждый день.

Нечай Владимир Зиновьевич

М. Е. Железнов: Да, он эту информацию четко отслеживал. Бухгалтерия, плановая, финансовая службы постоянно готовили ему подробные справки. Сотрудники знали, что подготовить ему «сырую» информацию нельзя, он быстро «подсечет», где и что не стыкуется. В финансовых делах он разобрался досконально.

М. В.: Было ли какое-то событие, известие, которое бы сильно взволновало директора и послужило «последней каплей»?

М. Е. Ж.: Мне трудно что-то об этом сказать. Но мне кажется, что просто накопилась боль за то, что происходит ежедневно, за то, в каком состоянии оказалась наша отрасль, институт, да и страна в целом. Если по четыре-пять месяцев люди не получают зарплату — свои заработанные деньги, если предприятие не может оплатить материалы, рассчитаться с долгами, — это же невыносимо! Конечно, директор очень остро переживал всё это. И думаю, что боль накопилась. И вот такой трагичный исход.

Вечером, уже после окончания рабочего дня, Нечай снова появился в своем кабинете. В секретарской сидел ночной дежурный, он видел, как директор прошел к себе. В соседних кабинетах перестали раздаваться даже запоздалые звонки, и стало тихо-тихо. Прошел час, другой, третий. Дежурный забеспокоился. Не имея права самому заходить в кабинет директора, он позвонил секретарю. Старый «вальтер» времен Великой Отечественной — подарок предшественника, генерала Ломинского — сработал точно.

Проводить своего директора пришел весь город. Он завещал, чтобы прощание было кратким. Прошло два часа, а люди всё шли и шли... Они будут помнить этот стылый пасмурный день и свою бесконечную печаль.

*М. Васильева,
редактор городского радио,
заслуженный работник культуры России*

Николаев Василий Петрович

23.04.1913—03.1970

Специалист в области аэродинамики; кандидат технических наук (1958); старший научный сотрудник (1960); лауреат Сталинских (1951, 1953) и Государственной (1967) премий; автор четырех печатных работ; член ВКП(б) с 1942 года.

1929 — ученик слесаря в мастерской школы II ступени № 1, г. Вологда.

1931 — чернорабочий, слесарь паровозовагоноремонтного завода, там же.

1932 — студент Московского авиационного института.

1933 — ответственный секретарь редакции районной газеты «Ударная бригада», пос. Чебсара Вологодской обл.

1933 — студент Московского авиационного института.

1938 — инженер, затем старший инженер, начальник отдела, начальник аэродинамической лаборатории ЦАГИ им. Жуковского, г. Москва.

1949 — старший инженер КБ-11, г. Арзамас-16.

1953 — руководитель группы, там же.

1955 — начальник отдела, заместитель начальника сектора НИИ-1011, г. Снежинск.

1968 — персональный пенсионер республиканского значения, г. Жуковский Московской обл.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1951), медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1947).

Василий Петрович Николаев родился в деревне Шеломово Вологодского района Вологодской области в семье крестьянина-бедняка Николаева Петра Федоровича. В семье было девять человек, земли всей три десятины, лошади не было. Еще подростком Василию пришлось разделить со старшими тяготы крестьянского труда: узнал он, и что такое поденщина, и каково быть подпаском. Только в 1923 году приступил Вася Николаев к учебе. За три года сдал полный курс начальной 4-летней школы и в 1926-м был принят в школу-семилетку № 3 в Вологде. После окончания семилетки он поступил в школу II ступени № 1 (г. Вологда), где учебу в 8-м и 9-м классах пришлось совмещать с работой в школьных мастерских. По окончании школы пришел на Вологодский паровозовагоноремонтный завод. Начал трудиться разнорабочим, а вскоре стал слесарем, одновременно учился на 4-м курсе вечернего рабфака.

Осенью 1932-го Василий Николаев становится студентом Московского авиационного института, но в январе 1933 года учебу пришлось приостановить: приказом по институту был «уволен в отпуск до 01.09.1933 в связи с сокращением контингента учащихся». Во время этого вынужденного отпуска он работал ответственным секретарем редакции газеты «Ударная бригада» в поселке Чебсара Вологодской области. С 1 сентября 1933 года его учеба в МАИ возобновилась, и в 1939 году, получив диплом с отличием, молодой специалист Николаев с квалификацией инженера-механика по самолетостроению приступил к работе в ЦАГИ, куда был направлен еще до окончания института (в августе 1938 года) в качестве инженера-аэродинамика.

1939 год отмечен еще одним важным событием в жизни Василия Петровича: он женился. В 1943 году у Николаевых родился первенец — Валерий, а в 1946 году жена Ирина Михайловна подарила мужу второго сына — Михаила.

В ЦАГИ В. П. Николаев проработал в должностях старшего инженера, начальника отдела, начальника аэродинамической лаборатории до августа 1949 года. Постановлением Совета Министров СССР он был переведен на работу в КБ-11, а в 1955 году — в НИИ-1011.

Начав свой трудовой путь в системе среднего машиностроения (МСМ) в Приволжской конторе Главгорстроя (КБ-11 МСМ), В. П. Николаев стал участником создания первой советской атомной бомбы РДС-1.

Атомная авиабомба — это баллистический объект, она должна правильно лететь в цель и взорваться на заданной высоте (около 600 м) над целью. Для этого система автоматики (СА) авиабомбы должна была на заданной высоте выдать исполнительную, «критическую» команду, а за некоторое время до этого — предварительную, пусковую, для взведения соответствующих устройств. Кроме того, СА должна была иметь в своем составе предохранительное устройство (ступень предохранения), исключающее преждевременное, или, как говорится, несанкционированное взведение СА при наземной подготовке авиабомбы и ее транспортировке к точке сброса самолетом-носителем.

Специалистами-аэродинамиками КБ-11, в их числе и В. П. Николаевым, было предложено для снятия ступени предохранения применить манометрический прибор — датчик скоростного напора, действующего на авиабомбу только на траектории падения, после ее отрыва от самолета-носителя (в иных условиях скоростного напора просто физически нет), а для формирования пусковой и критической команд — барометрические датчики высоты.

Для того, чтобы эти датчики работали правильно, т. е. реагировали на нужные физические факторы, требовалось изобрести и разработать соответствующие конструктивные устройства — системы приема скоростного напора и атмосферного (статического, по терминологии аэродинамиков) давления. Изобрести, потому что прототипов подобных систем не существовало. Правильные конструктивные решения были найдены, аэродинамическая компоновка корпуса авиабомбы, обеспечивающая правильный полет ее и прием скоростного напора и статического давления, была разработана.

После этого для определения аэродинамических характеристик, необходимых в баллистических расчетах, и характеристик систем приема давления требовалось проведение аэродинамических испытаний авиабомбы (точнее, ее уменьшенной модели) в ЦАГИ, в аэродинамической трубе. В. П. Николаев — выходец из ЦАГИ, имевший там и авторитет и важные связи, — сыграл существенную роль в организации и проведении этих испытаний. Причем в крайне сжатые сроки.

Проектно-конструкторские работы по созданию РДС-1 были успешно завершены, авиабомба была изготовлена и успешно испытана, что потрясло всё мировое сообщество, не ожидавшее, что Советский Союз так быстро догонит Соединенные Штаты в этом деле. Следом за РДС-1 были разработаны и испытаны еще несколько атомных авиабомб. Их активные разработчики и испытатели получили заслуженные правительственные награды. В их числе В. П. Николаев был дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии.

При создании НИИ-1011 Василий Петрович был в числе первых переведен в штат нового института и назначен заместителем начальника проектно-конструкторского сектора по научной части с одновременным исполнением обязанностей начальника отделов аэродинамики и прочности.

Согласно своему служебному положению В. П. Николаев принимал участие в разработке всех «объектов», которые создавались в НИИ-1011, и авиабомб, и ББ. Это участие было активным и творческим. Оно состояло в выборе аэродинамических форм авиабомб, соответствующих их конкретному назначению, разработке систем приема давления, совершенствовании методов баллистических расчетов, а также в участии в летных испытаниях. Так, для сверхзвуковой тактической авиабомбы под его руководством была разработана удлиненная, обтекаемая форма, благодаря которой подвешенная под самолет авиабомба не портила его летных характеристик, для морской авиабомбы был изобретен кавитирующий насадок, обеспечивающий устойчивость движения в воде и т. д. По-прежнему, важную роль играли его деловые отношения со специалистами ЦАГИ. К нему

в ЦАГИ прислушивались, с его соображениями считались и непосредственные исполнители работ, с которыми Василий Петрович поддерживал старую дружбу, и руководители ЦАГИ. Благодаря этому все работы для НИИ-1011 выполнялись очень оперативно, если в конструкцию модели или в программу испытаний требовалось внести изменения или доработки, то это делалось буквально «на ходу».

В таком же ключе была отработана аэродинамическая компоновка целого ряда спецавиабомб, создававшихся в НИИ-1011, начиная с изделия 202, той самой большой в мире авиабомбы. В этом ряду — тактическая малогабаритная авиабомба, макет которой стоит в музее ВНИИТФ рядом с макетом изделия 202, авиабомбы противолодочного назначения и др.

В процессе разработки изделия 202 остро встал вопрос об оценке воздействия поражающих факторов ядерного взрыва (ПФЯВ) на самолет-носитель и об обеспечении его безопасности.

Методики для расчета воздействия ПФЯВ на самолет в то время не было, ее требовалось создать. Эта работа была проведена совместно специалистами ЦАГИ и НИИ-1011. В качестве ответственных исполнителей методика была подписана академиком А. А. Дородницыным, членом-корреспондентом АН СССР Л. А. Галиным и В. П. Николаевым. По этой методике и были проведены необходимые расчеты безопасной дистанции между самолетом и точкой взрыва и необходимых для ее обеспечения параметров парашютной системы.

А применительно к ББ ракет дальнего действия требовалось разработать методику и программу расчета траектории движения ББ в плотных слоях атмосферы, ее параметров и их рассеивания, а также методику аэродинамического нагрева корпуса ББ и его снаряжения.

За цикл работ по созданию «спецбоеприпасов» в НИИ-1011 В. П. Николаев был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР, награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени. В 1958 году ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата технических наук, а в 1960 году Высшая аттестационная комиссия решила: «Утвердить Николаева Василия Петровича в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «аэродинамика».

Из характеристики от 27 декабря 1962 года, подписанной первым заместителем директора института Н. В. Салтыковым и секретарем горкома КПСС Б. М. Морковкиным:

«Тов. Николаев В. П. является опытным специалистом, им проделана большая работа по созданию изделий, много труда и энергии было отдано на разрешение совершенно новых вопросов, возникающих в процессе разработки изделий.

Тов. Николаев В. П. является требовательным руководителем и добросовестным исполнителем, пользуется заслуженным авторитетом среди сотрудников сектора. Политически грамотен, систематически повышает свой технический и идеологический уровень. Как высококвалифицированный специалист он может руководить аспирантами».

Николаев Василий Петрович

Высоким был авторитет Николаева не только в НИИ-1011, но и в кругу «казачиков» — в 6-м ГУ ВВС и на испытательном полигоне. О нем с уважением отзывались и начальник 6-го ГУ генерал Н. И. Сажин, и его заместитель генерал Г. Ш. Татевян, и командир полигона генерал В. А. Чернорез, и его заместитель по научной части генерал В. И. Киселёв.

В момент образования НИИ-1011 в штате отдела аэродинамики было четыре человека: два инженера и два лаборанта. Этот штат сразу же стал пополняться специалистами, переводившимися из других организаций и вузов страны.

Один из молодых тогда сотрудников, С. А. Самарин, прибывший из Томского государственного университета, свое вступление в штат отдела вспоминает так: «С Василием Петровичем я познакомился в ноябре 1956 года, когда прибыл на работу в отделение предприятия п/я 0215, располагавшегося тогда на базе Приволжской конторы Главгорстроя (ныне РФЯЦ — ВНИИЭФ).

После моего представления начальнику сектора 7И. В. Богословскому он пригласил к себе начальника отдела аэродинамики и баллистики В. П. Николаева. Вошел коренастый среднего роста «дедушка» (а было ему тогда всего 43 года). Василий Петрович сразу мне сказал, что в практической аэродинамике мало что считается, и все характеристики изделий определяются экспериментально, сначала на моделях в аэродинамических трубах и методом стрельб из артиллерийского орудия, а потом уточняются при летных испытаниях опытных натуральных образцов».

Более опытный в вопросах аэродинамики, более компетентный в конкретной тематике, в вопросах проектирования спецавиабомб, Василий Петрович учил, наставлял, вовлекал в активную проектно-конструкторскую и научно-исследовательскую работу всех своих сотрудников.

Под его руководством и не без организующего «нажима» с его стороны ряд сотрудников руководимого им отдела защитили кандидатские диссертации. В отношениях с сотрудниками, принимая и оценивая выполненную работу, Николаев был взыскателен, можно сказать, привередлив, но при этом был неизменно ровен и доброжелателен; даже если поругивал (заслуженно), бывало и такое, то как-то мягко, необидно.

Он не только ставил задачу, но и активно обсуждал с исполнителем ход ее решения, разумные инициативные предложения поддерживал, в трудных ситуациях помогал найти верное решение и при этом умел разрядить напряженность обсуждения веселой шуткой.

Когда-то кто-то при нём посетовал, что очередная денежная премия оказалась маленькой. Он тут же утешил горюна: «Не унывай, даже самая маленькая премия лучше самого большого налога».

Случилось так, что при летных испытаниях изделия 202 из-за сильного ветра бомбу отнесло далеко в сторону, и она упала в Азовское море, метрах в ста от берега. Бомба громадная, море мелкое — бомба уткнулась в дно, а хвост ее торчал из воды. Василий Петрович вслух забеспокоился: «Как там рыбы-то, не испугались

ли? Надо сплавать, посмотреть». Разделся и сплавал. И напряженность ситуации — вышло-то не по сценарию, и как поступить с этой бомбой, еще неясно, — как-то сгладилась после его доклада, что «рыбам ничего».

Когда отрабатывалась авиабомба морского назначения, в процессе ее испытаний понадобилось выйти в море на «опытовом» судне. На борт судна участники этого рейда поднимались с пирса по длинным узким сходням без перил. Один из сотрудников нечаянно оступился и рухнул в воду. Василий Петрович, стоявший у перил на борту судна, не растерялся и первым крикнул: «Человек за бортом!» — а потом ровным голосом, без паники посоветовал этому человеку: «Котомку свою не бросай, держи над водой: там наши завтраки».

Где-то Николаев вычитал, что вода, насыщенная ионами серебра, — панацея чуть ли не от всех болезней. Раздобыл серебряные электроды, соорудил ионизатор и стал делать «серебряную» воду. Пользовался сам и другим рекомендовал. А когда у одного из сотрудников дети заболели ангиной, Василий Петрович зазвал его к себе домой, вручил банку с этой водой и сказал: «Делай ребятам ингаляции». В самом деле помогло.

Василий Петрович был не только руководителем, но и добрым товарищем, старшим и более опытным, с которым можно было и посоветоваться, и просто поговорить «за жизнь».

И радостей земных Василий Петрович не чуждался: любил музыку, сам играл на многих музыкальных инструментах, под гармошку пел частушки собственного сочинения, любил поэзию, выразительно декламировал, писал стихи. Будучи в делах сугубым прагматиком, на досуге он любил и на отвлеченные темы пофилософствовать. Он был общителен, приветлив, и квартира его всегда была открыта для друзей.

В Снежинске В. П. Николаев жил один — его жена и сыновья не захотели переезжать на далекий Урал и предпочли вернуться в г. Жуковский, где за Василием Петровичем была сохранена квартира, в которой он жил, когда работал в ЦАГИ.

В конце 1960-х здоровье у Василия Петровича стало пошаливать, стали сильно болеть ноги, ему стало трудно ходить. И в 1968 году, когда ему исполнилось 55 лет, он решил уйти на пенсию. Его уговаривали не уходить, поработать еще. Е. И. Забабахин, будучи председателем ученого совета института, предлагал ему остаться освобожденным секретарем ученого совета, обещал даже выделить персональную машину. Но Василий Петрович настоял на своем. Может быть, определенную роль в этом сыграло и отсутствие близкой семейной поддержки. Но вот беда случилась: при оформлении пенсии ему неожиданно заявили, что у него нет права на льготную пенсию в 55 лет. А ведь он много лет участвовал в летных испытаниях изделий, вплоть до «горячих», т. е. с воздушным ядерным взрывом. Только благодаря вмешательству заместителя министра А. Д. Захаренкова льготная пенсия В. П. Николаеву была назначена, и в конце ноября 1968 года он уехал в Жуковский. Бывая в Москве в командировках, тем более

Николаев Василий Петрович

в ЦАГИ, вспоминают работавшие с Василием Петровичем сотрудники отдела, они старались выкроить время и навестить его, чему он всегда был очень рад.

Но в Жуковском Василий Петрович прожил недолго — в 1970 году к глубокому прискорбию тех, кто знал его, в Снежинск пришло известие о его кончине.

О. И. Чудесников

Из воспоминаний

Приглашает к себе В. П. Николаев молодого специалиста по поводу рукописи технического отчета и начинает его хвалить: «Прочитал я ваш отчет. Вижу, вы такой умный, высокообразованный...» Тот сидит, улыбается — доволен. И тут Василий Петрович несколько неожиданно продолжает: «Так вот как же вы могли допустить такую, мягко скажем, ерунду необоснованную?» И следуют конкретные и убедительные замечания и комментарии к рукописи...

...Приезжает молодой специалист из командировки, является к В. П. Николаеву для отчета. Василий Петрович ему предлагает: «Ну, докладывай». Тот начинает рассказывать. Василий Петрович перебивает: «Что ты мне все на словах одних, ты результаты покажи». Специалист достает из-за пазухи миллиметровку с результатами обработки экспериментов, проведенных им в смежном институте, во ВНИИЭФ, и начинает их комментировать... Василий Петрович внимательно рассматривает графики, слушает пояснения, а потом назидательным тоном говорит: «Эти материалы из-за пазухи очень наглядны, но при этом они кое-чем грозят и пахивают. Чтобы я больше такого не видел!»

Василий Петрович, сам научный работник, естественно, очень уважал науку. Но не наукообразие. Он говорил: «Всякая наука должна приносить плоды!» И дополнял это изречением из Козьмы Пруткова: «Сидя на берегу и бросая камни в воду, следи за расходящимися кругами, иначе это занятие превратится в пустое времяпровождение».

При всем уважении к теоретикам больше любил инженеров и изобретателей. Цитировал прочитанное: «Если бы человечество начало свой путь к цивилизации с исследования дубины в теоретическом аспекте, то оно до сих пор бы ползало на карачках».

Н. В. Жгилёв

Николенко Горге́й Иванович

05.02.1923–27.06.1995

Инженер-исследователь, специалист в области динамических и статических испытаний образцов военной техники; кандидат технических наук (1954), старший научный сотрудник (1962); лауреат Государственной премии СССР (1979); участник Великой Отечественной войны (1943–1945), член ВКП(б) с 1948 года.

- 1939 — студент инженерно-физического факультета Ленинградского индустриального института.
- 1941 — курсант Ленинградского артиллерийско-технического училища зенитной артиллерии.
- 1943 — начальник оружейно-пулеметного отделения артиллерийских мастерских 29-й зенитной дивизии, затем начальник артиллерийских мастерских полка, начальник артиллерийского снабжения полка.
- 1947 — вновь студент Ленинградского политехнического института (бывшего индустриального).
- 1951 — аспирант Института машиноведения АН СССР, г. Москва.
- 1952 — младший научный сотрудник лаборатории прочности и вибраций деталей машин (по совместительству), там же.
- 1955 — ассистент кафедры теоретической механики Московского авиационного технологического института (по совместительству).
- 1956 — начальник отдела разработки испытательного оборудования в конструкторском отделении НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 — начальник отдела экспериментальной отработки конструкций ЯЗ в конструкторском отделении НИИ-1011, там же.
- 1964 — старший научный сотрудник отдела расчетов на прочность и стойкость ЯЗ, там же.

Николенко Гордей Иванович

- 1965 — начальник того же отдела.
- 1967 — начальник отдела ударных испытаний НИИКа, там же.
- 1973 — начальник расчетно-методической лаборатории, там же.
- 1980 — старший научный сотрудник, там же.
- 1982 — уволен по собственному желанию.

Награжден орденами: Красной Звезды (1944), Отечественной войны 2-й степени (1945); медалями: «За освобождение Праги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «Ветеран труда» (1979); нагрудным знаком «Изобретатель СССР» (1979).

Невысокий, русоволосый, голубоглазый, он пришел в конструкторский сектор института деятельным, мобильным, целеустремленным, сразу же возглавив работы по экспериментальной прочности, и именно на этой стезе сумел внести наибольший вклад в общее дело. Ему принадлежит основная заслуга в создании экспериментальной базы для прочностной отработки спецзарядов в институте.

Родился Гордей Иванович в 1923 году в городе Екатеринославе (ныне г. Днепропетровск) Украинской ССР. Из автобиографии: «Отец мой, Николенко Иван Харитонович, вырос в крестьянской семье. Лишь одному ему из всей семьи удалось до революции получить среднее образование — окончил низшее сельскохозяйственное училище. После революции (в 1930-х годах) отец окончил Институт народного образования и с тех пор работал преподавателем. С первых дней Великой Отечественной войны принимал в ней участие. После тяжелого ранения он работал преподавателем в Омском авиационном училище. Затем демобилизовался из рядов армии. Последние годы работал преподавателем в Боярском пчеловодческом техникуме под Киевом. Там в 1949 году умер.

Мать моя, Белая Марина Ксенофонтовна, из рабочей семьи, уроженка г. Екатеринослава. После революции получила среднее, а затем высшее сельскохозяйственное образование. Работала зоотехником МТС под Киевом. Во время оккупации Днепропетровской и Запорожской областей была на оккупированной территории.

484 Я окончил среднюю школу в г. Днепропетровске в 1939 году. В том же году был принят студентом в Ленинградский индустриальный институт на инженерно-физический факультет. Обучение прервал, окончив два курса, в связи с началом войны и уходом в армию».

С 1943 года, пройдя полный курс Ленинградского артиллерийско-технического училища зенитной артиллерии, Гордей Николенко воевал на фронтах Великой Отечественной войны: на 1-м Украинском, Степном и Воронежском, побывал

в Чехословакии, Австрии. К родным языкам — русскому и украинскому — добавилось знание немецкого.

Демобилизовавшись в 1947 году, Г. И. Николенко вернулся на студенческую скамью. В 1951-м с отличием окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «динамика и прочность машин». Будучи студентом 4-го и 5-го курсов работал в Ленинградском институте «Механобр», который тогда имел вибрационную лабораторию, где конструировались специальные вибрационные машины.

Следующей ступенью в образовательном процессе стала аспирантура Института машиноведения АН СССР, куда Николенко поступил, проработав несколько месяцев младшим научным сотрудником кафедры «Динамика машин» в Ленинградском политехе. Являясь аспирантом и младшим научным сотрудником лаборатории прочности и вибраций деталей машин в Институте машиноведения, как и прежде, в студенческие годы, он успешно совмещает учебу с работой. Хорошим подспорьем теоретическим знаниям стало его участие в вибрационных испытаниях крупных турбогенераторов и проведенная им научно-исследовательская работа по динамике вибрационных мельниц. В этот период Г. И. Николенко опубликованы научные работы по теории колебаний механических систем. Защитив в 1954 году диссертацию и получив степень кандидата технических наук, молодой ученый к основной работе в Институте машиноведения добавил в 1955 году работу в Московском авиационном технологическом институте в качестве ассистента кафедры теоретической механики.

В 1956 году, когда Гордею Ивановичу исполнилось 33 года, кажется, самой судьбой ему предоставилась возможность реализовать свои знания, умение в новой, совсем молодой отрасли — атомной. В нумерологии ключевыми понятиями для числа 33 являются творчество, вдохновение, лидерство. Генерация идей, умение вдохновлять и мотивировать — эти качества, определяющие для успешного человека, он смог проявить, став сотрудником НИИ-1011. Высокая образованность, немалый жизненный, а также и производственный опыт, огромная работоспособность и завидная энергия способствовали успеху его работы как руководителя — начальника отделов, лаборатории.

Самое пристальное внимание Г. И. Николенко уделял вопросам подбора, расстановки и учебы кадров и делал это мастерски. Помимо заботы о росте квалификации своих сотрудников на службе, он самым настойчивым образом побуждал их продолжать общее образование, в результате чего в его отделе очень многие учились и окончили вечернюю школу, техникум, институт.

Необходимо отметить талант Гордея Ивановича в умении определять перспективные работы и ставить задачи, указывать пути их решения, его искусство находить лучших исполнителей. Он являлся замечательным организатором, чему способствовали его коммуникабельность, сила убеждения, находчивость. Умело добивался необходимых условий для проведения работ.

Особые его заслуги в создании испытательных комплексов на площадках 3 и 8 — внутренних полигонах РФЯЦ — ВНИИТФ, что предопределило возможности проведения экспериментальных работ в институте на долгое время. Тогда же им было задумано и организовано проектирование ряда уникальных установок, среди которых гордость института — большая центробежная установка Р65-М1.

У Г. И. Николенко был четкий порядок организации работы коллектива — утром он проводил оперативное совещание, на котором определял задачи на день, а затем поочередно старался уделять время каждому своему сотруднику в отдельности, устремляя его усилия в нужном направлении, подсказывая решения, помогая в приобретении необходимых знаний. Очень большое внимание уделялось в отделе коллективной учебе в форме весьма частых семинарских занятий.

Гордей Иванович был по-особому доброжелателен к людям, стремился во всем помочь им как на работе, так и в быту. К примеру, он не столько сам ездил на своей автомашине, сколько ею пользовались его сотрудники и, хотя от этого машина часто оказывалась «не на ходу» в самый неподходящий для ее владельца момент, он не менял своего поведения, отличаясь широтой натуры и человеколюбием. Гордей Иванович был удивительным жизнелюбом, всегда был готов выручить другого в беде, взять на себя всю полноту ответственности, когда случались неудачи.

Несколько иное отношение было у Г. И. Николенко к начальству. Тут он порою не мог удержаться от иронии, от пренебрежения излишними, как он считал, указаниями. В чем-то он определенно перебарщивал, например, не читая, расписывался на большинстве адресованных ему документов, будучи уверенным, что если что-то от него действительно необходимо, то последует напоминание. Уверял, что таким образом он отмечает три четверти ненужной работы.

В 1961—1962 годах его отдел по производственной необходимости был разделен на несколько, один из которых оставался в его ведении. Несколько лет Гордей Иванович работал в отделе расчетов на прочность и стойкость ЯЗ, в том числе его начальником, одновременно заведовал кафедрой динамики и прочности в МИФИ-6 (эту работу он выполнял 7 лет). В дальнейшем он вернулся к экспериментаторам, привнес еще много полезной инициативы и изобретательства, за что был награжден знаком «Изобретатель СССР». Успешно руководил научной работой соискателей ученых степеней.

В научно-исследовательском испытательном комплексе в 1973 году Гордею Ивановичу была поручена организация и в дальнейшем руководство научно-исследовательской расчетно-методической лабораторией. С большим энтузиазмом и присущим ему подъемом он взялся за дело и, как всегда, справился блестяще. Первоначальный подбор кадров оказался настолько успешным, что основная часть сотрудников вот уже в течение 30 лет плодотворно трудятся в составе лаборатории. А другая часть, в основном старшекурсники вечернего отделения МИФИ, пройдя школу лаборатории, успешно работают в других отделах НИИКа. Уже при организации лаборатории Гордей Иванович сумел заинтересовать мо-

лодых специалистов (а такими были практически 100% начального состава) в научно-исследовательской работе, и на протяжении многих лет этот интерес не угас. Многие поступали в аспирантуру, оканчивали ее, защищали диссертации.

В 1979 году за создание комплекса испытательных методик и установок для прочностной отработки образцов новой техники ему была присуждена Государственная премия СССР — высшее признание его заслуг в Российском федеральном ядерном центре — Всероссийском научно-исследовательском институте технической физики.

С. Г. Субботин

Из воспоминаний

В 1956 году на уральский объект, НИИ-1011, прибыла группа специалистов из Московского института машиноведения АН СССР. Тогда-то я и познакомился с Г. И. Николенко. Он руководил работами по прочностной отработке изделий, был начальником отдела, где мне пришлось работать. Знакомился Гордей Иванович с сотрудниками таким образом: вызывал каждого на собеседование, при этом интересовался и бытовой стороной, и проблемами, которые возникают при работе.

При появлении Г. И. Николенко жизнь в отделе изменилась. С первых дней он стал посещать рабочие места и проводить ежедневные оперативки, что было для сотрудников новшеством и не очень им нравилось, так как приходилось регулярно отчитываться о проделанной работе. На одной из оперативок я посетовал, что мы много времени тратим на разбирательство вопросов, которые возникли в работе отдельных сотрудников и других не касаются, а поэтому не всем интересны. Гордей Иванович в ответ только попросил остаться после оперативки. Когда мы остались вдвоем, он заметил, что мой вопрос можно было задать и после оперативки, не отрывая время у других, затем спокойно пояснил, что при обсуждении частных моментов мы учимся на примере друг друга. Я стал возражать, но он не поддержал дискуссию, сказав: «Вы никогда не будете руководителем», извинился и вышел из кабинета. Я почувствовал неловкость, будто допустил бестактность. В дальнейшем стало очевидно, что такие оперативки очень полезны и для руководителей, и для рядовых сотрудников, поскольку они учили анализировать различные ситуации, определять причины их возникновения, находить пути разрешения проблем, дисциплинировали, воспитывали ответственность за порученное дело.

С первых дней совместной работы стало понятно, что Гордей Иванович — одаренный человек и грамотный ищущий специалист. Он старался применять все новые приемы при испытаниях изделий на прочность, даже организовал для нескольких сотрудников (я был в их числе) поездку в ЦАГИ, где в течение месяца мы изучали тензометрию. По возвращении, на техническом семинаре в отделе, мы подробно рассказывали о применении методов тензометрии при измерении

деформаций, возникающих в зарядах под действием различных сил. Подобные семинары Гордей Иванович, поборник образования и просветительства, проводил часто, и все сотрудники признавали полезность такой учебы. После поездки в ЦАГИ в отделе был разработан и смонтирован тензоусилитель, своими силами стали изготавливать тензодатчики. При подготовке и проведении испытаний методическую часть и измерения приходилось выполнять самим, а оборудование использовали из КБ-11.

На новом месте, на Урале, когда переехали, испытательной базы практически не было. Гордей Иванович занялся организацией испытательного комплекса на площадке № 3. Это были временные сооружения, построенные в короткий срок, но они сыграли большую роль в отработке изделий.

На Урале мы с Гордеем Ивановичем оказались соседями по подъезду. Он иногда заходил к нам, и я бывал у него. В то время в его однокомнатной квартире можно было увидеть Н. Н. Яненко, у них были дружеские отношения. Гордей Иванович был гостеприимным хозяином, хотя стол бывал накрыт по-мужски, но главным было не застолье, а общение. Он был немногословен, но умел изложить мысль четко и доходчиво.

У нас говорили: чтобы узнать человека, нужно с ним побывать в командировке. Мне с Гордеем Ивановичем в этом повезло не однажды. В одной из командировок в Москву в Институт машиноведения и Институт физики Земли мы должны были открыть заказы на высокочастотные шлейфы к осциллографам. Их могли разработать только в этих институтах.

В какую бы лабораторию Гордей Иванович ни входил, его везде встречали с объятиями, как хорошего друга. В Институте физики Земли нас встретил директор института Садовский, пригласил в кабинет и предложил «фронтные 100 грамм», беседа продолжалась долго. Гордей Иванович очень много курил, а мне, некурящему, дым был в тягость. Когда все вопросы были решены, мы пошли прогуляться по набережной Москвы-реки, он и тут не расставался с сигаретой. Уже в номере гостиницы, когда он вновь закурил, я достаточно резко высказал ему о своем недовольстве. На что он ответил: «Эта — последняя». Слово свое он держал и до последних дней, насколько я знаю, не курил.

Я с благодарностью вспоминаю, как при моем поступлении в МИФИ Гордей Иванович заинтересованно спросил, какую специальность я выбрал. На мой ответ: «Разработка электронных приборов», — подумав, сказал: «Я бы вам советовал получить специальность механика». После недолгого обсуждения мне пришлось согласиться с его доводами, что к имеющимся у меня знаниям по электронике я таким образом добавлю знания по механике, и это значительно повысит мою профессиональную подготовленность. Время показало, насколько он был прав.

Гордей Иванович щедро делился своими знаниями, опытом с сотрудниками подразделения. Думаю, многие и сегодня хранят признательность за его участие в их судьбе.

А. М. Ульянов

В 1961 году молодым специалистом я пришел работать в отдел 67 — отдел экспериментальной отработки конструкций ЯЗ в конструкторском отделении НИИ-1011, которым руководил Гордей Иванович Николенко. Спокойный и рассудительный, он умел ладить с людьми. А вот бюрократию не жаловал, часто повторял: «Сначала — шумиха, потом — неразбериха, награждение непричастных, наказание невиновных». Очень характерной чертой его была скромность. Участник войны, боевые награды он надевал в исключительных случаях, о войне рассказывать не любил, если и вспоминал, то какие-то смешные случаи.

В отделе занимались вибрационными, статическими, тепловыми, ударными испытаниями. По сути, можно сказать, что это был мини-НИИК. По мере того, как расширялась тематика работ в институте, необходимо было наращивать и совершенствовать экспериментальную базу. Гордей Иванович с большим энтузиазмом и инициативой занимался этим вопросом. Создание научно-испытательного комплекса стало его мечтой. Без преувеличения можно сказать, что он вложил в это дело душу. Многим казалось, что именно Г. И. Николенко возглавит испытательное подразделение, но этого не произошло: он был назначен начальником отдела ударных испытаний. Думаю, что ему пришлось пережить большое разочарование. Может быть, поэтому его отношение к работе несколько изменилось, огонька не стало...

Г. К. Румянцев

Я, как и Гордей Иванович Николенко, окончил ЛПИ. По его инициативе я оказался на Урале, в нашем институте. Мы вместе работали, и личные отношения у нас складывались по-доброму.

Гордей Иванович был безбоязненным, жизнерадостным и веселым человеком. Даже свои фронтовые будни он, как никто другой, озвучивал чаще всего как выпавшую на его долю веселую прогулку. После войны, когда он вернулся в Ленинградский политехнический институт, его задорная активность помогала ему успешно сочетать учебу с руководством факультетской комсомольской организацией. Всё ему давалось легко, без надрыва — диплом с отличием, учеба в аспирантуре, защита кандидатской диссертации...

Свою любовь к экспериментированию Гордей Иванович проявлял не только на работе. Например, для того, чтобы проверить действенность лечебного голодания, он пять недель к ряду не принимал никакой пищи, доведя себя до крайнего истощения. Прodelывал он над собой и иные сомнительные процедуры. Верх брала любознательность.

Большой книголюб, Гордей Иванович имел весьма солидную домашнюю библиотеку, которая полностью, от пола до потолка, занимала две стены. Пара стеллажей была отведена для технической литературы, всё остальное занимала художественная. А в то время, надо сказать, собрать хорошую библиотеку было совсем не просто. Страсть библиофила Гордей Иванович передал своим детям.

Безусловно, это помогло им стать теми, кем они стали: старший, Павел, — профессиональный журналист, много лет работал редактором телевизионных программ; Иван — историк, окончил МГУ, владеет пятью языками; дочь Татьяна после мехмата МГУ и Института иностранных языков им. Мориса Тореза работает менеджером крупной финансовой компании.

Именно Николенко, проводив в последний путь своего учителя Георгия Юстиновича Джанелидзе, профессора, сына известного хирурга, — свою прощальную речь у могилы закончил словами: «Прощай, наш Джан», сумел инициировать и организовать приобретение личной технической библиотеки ученого нашим институтом. К сожалению, чтобы сберечь от уничтожения малочитабельные (был такой показатель у библиотекарей) книги, — а ведь среди них были уникальные издания! — по решению главного инженера института В. А. Верниковского они были переданы в Свердловское отделение Математического института АН СССР им. Стеклова. Получив поистине бесценный дар, свердловчане приблизительно так выразили свою благодарность: спасибо, но мы вас не поняли...

Натура Гордея Ивановича была деятельной и многогранной. Он неплохо разбирался в живописи. В его библиотеке кроме книг имелись альбомы с репродукциями картин разных художников. Он любил и ценил каслинское литье. Домашняя коллекция была не слишком большой, зато в ней были редкие высокохудожественные изделия: «Тройка зимой», полуметровые фигуры «Мефистофель» и «Дон Кихот». Такой же «Дон Кихот», отправленный по предложению Николенко в ЛПИ группой его выпускников, на долгие годы «прижился» на столе у завкафедры. Вообще, Гордей Иванович с большим почтением относился к своим институтским учителям. В 1969 году, когда отмечалось 50-летие нашего факультета, он организовал подготовку поздравительного адреса, обратился за помощью к Г. П. Ломинскому, и наш адрес, единственный на том торжестве, был изготовлен типографским способом.

Во ВНИИТФ (тогда НИИ-1011), базировавшийся еще на территории Арзамаса-16, Николенко был направлен уже кандидатом технических наук. Именно Гордею Ивановичу принадлежит основная заслуга в создании экспериментальной базы нашего института для отработки прочности специзделий. Многие справедливо считают его отцом НИИКа. Под его руководством было создано много уникального испытательного оборудования, предназначенного для отработки специзделий на всевозможные механические и климатические воздействия. Одновременно был создан большой комплекс необходимых управляющих и измерительных средств, в том числе для дистанционных работ.

490 Со временем отдел Николенко по причине его численного роста разделился на несколько частей и образовал самостоятельный сектор экспериментальной прочности № 15. Казалось бы, кому еще, как ни Николенко, надлежало возглавить его? Однако те, от кого зависело это назначение, судили иначе. Не всем нравился слишком большой авторитет его, самостоятельность и неугодливые поведение, а также, быть может, чрезмерная ироничность и манкирование указаниями

Николенко Гордей Иванович

начальства, которые казались ему излишними. Он слишком отличался от большинства людей, и оттого его назначение на более высокую должность не состоялось. Огромный потенциал Г. И. Николенко как руководителя, надо сказать, был использован далеко не полностью. Но большое дело, осуществленное им в первые годы становления ВНИИТФ, продолжало развиваться, и в 1979 году вместе с Г. П. Ломинским, А. П. Белозёровым, В. А. Полуяновым, И. М. Чернышевым и другими «за создание комплекса испытательных методик и установок для отработки образцов новой техники» ему была присуждена Государственная премия СССР.

В 1982 году по возрасту и нездоровью Гордей Иванович вышел на пенсию. Его работа в институте закончилась, но своими мудрыми советами он продолжал помогать многим людям, пока только мог это делать. Умер он после тяжелой болезни 27 июня 1995 года. Могила его на старом кладбище Снежинска. Семья Гордея Ивановича после его смерти переехала в Москву. В Снежинске же Гордей Иванович оставил о себе самую добрую память. Его дела, воплощенные в испытательных методиках и оборудовании НИИКа, а также в знаниях его учеников, живут и служат нашему народу, ядерной защищенности России.

Р. И. Борковский

Петров Евгений Николаевич

15.04.1951–22.09.2006

Конструктор, разработчик ЯБП, доктор технических наук (1997), профессор (2000), действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (2000) и Российской академии естественных наук (2001); лауреат областной молодежной премии «Орлёнок» (1985); член КПСС с 1978 г.

- 1968 — студент Челябинского политехнического института.
- 1974 — инженер-конструктор отдела 75 сектора 7 ВНИИП, г. Снежинск.
- 1982 — старший инженер-конструктор отдела 71, там же.
- 1985 — старший научный сотрудник, там же.
- 1989 — начальник научно-конструкторского отделения 7, там же.
- 1992 — начальник отделения — заместитель главного конструктора, там же.
- 2003 — главный научный сотрудник, там же.
Педагогическая работа по совместительству:
- 1975 — старший преподаватель кафедры «Общетехнические дисциплины», отделение № 6 МИФИ, г. Снежинск.
- 1976 — старший преподаватель кафедры «Технология машиностроения», там же.
- 1983 — старший преподаватель факультета повышения квалификации при отделении № 6 МИФИ, там же.
- 1997 — заведующий выпускающей кафедрой «Спецприборостроение» Снежинского физико-технического института (бывшее отделение № 6 МИФИ), там же.
- 1999 — профессор кафедры № 42 Пермского военного института ракетных войск им. Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова.

Награжден знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999). Неоднократно был признан лучшим изобретателем предприятия и Минатома РФ, удостоен почетного звания «Изобретатель СССР» (1985). Его биография включена в сборник Outstanding Scientists of the 21st Century (2000), изданный «International Biographical Centre, Cambridge, CB2 3QP, England».

Евгений Николаевич Петров, участник разработки, испытаний, серийного освоения, постановки на вооружение ядерных боеприпасов различного назначения, родился 15 апреля 1951 года в поселке Труд Гафурийского района Башкирской АССР в семье ремесленника. Семья была большая — шесть сыновей. Евгений Николаевич — самый младший. В детстве много времени приходилось заниматься домашним хозяйством, помогать родителям. Достаток в семье был небольшой. Но, несмотря на бытовые трудности, Евгений успешно окончил среднюю школу и поехал в Челябинск поступать в политехнический институт. Сомнений, какую выбрать специальность, у него не было. Решение было принято еще в восьмом классе средней школы: только создание военной техники. Большое влияние на выбор профессии оказал старший брат Иван, летчик, а потом главный инженер Уфимского аэропорта.

Общительный, инициативный, энергичный, в институте Евгений сразу же включился в общественную студенческую жизнь: секретарь бюро комсомола факультета, член институтской редколлегии, главный редактор литературно-сатирической газеты им. В. В. Маяковского «Баня». Находил время для занятий боксом в спортивном клубе ЧПИ у тренера Разумова. В 1971 году в составе делегации он побывал в Болгарии (Машинно-электротехнический институт, София) по обмену опытом общественной работы студентов. За годы учебы в институте пять раз был бойцом студенческих строительных отрядов — покорял целину. На четвертом курсе у него появилось новое увлечение — научно-исследовательская работа на кафедре машиностроения автомато-механического факультета, которое стало определяющим в его дальнейшей деятельности.

После защиты дипломного проекта встал вопрос распределения на работу. С этим, как рассказывал сам Евгений Николаевич, ему помог Г. С. Цыганков. В апреле 1974 года молодой инженер-механик, специалист по производству корпусов боеприпасов, приехал в Челябинск-70, где его приняли на работу в конструкторский сектор 7. Полученная в институте теоретическая подготовка позволила ему быстро приступить к выполнению самостоятельных работ. Уже в ноябре того года он подал рационализаторское предложение. А в следующем году он начал преподавать в отделении № 6 МИФИ (по совместительству).

И потекли трудовые будни: днем — работа, научная деятельность, вечером Евгений Николаевич преподает в МИФИ-6 и занимается изобретательством,

которое для него стало и работой, и хобби, и образом жизни. Не изобретать он не мог. В результате, в его арсенале — более 160 авторских свидетельств. В 1985 году ему было присвоено звание «Изобретатель СССР». Он автор более 400 научных работ, в том числе монографий.

В течение первого года своей трудовой деятельности Е. Н. Петров окончил курсы английского языка и философский факультет ВУМЛа, сдал экзамены в объеме кандидатского минимума и приступил к диссертации. Работа продвигалась тяжело. Несколько раз он почти бросал начатое дело. Но опять помог случай. Судьба свела его с А. С. Стоцким и Н. П. Волошиным, которые стали «крестными отцами» его научной работы. 30 мая 1997 года решением Высшего аттестационного комитета Российской Федерации ему была присуждена ученая степень доктора технических наук, минуя кандидатский уровень.

1989 год был самым знаменательным годом его жизни. В мае были объявлены выборы начальника отделения. Старший научный сотрудник Петров не остался в стороне. Он подал документы и... победил! В мае того же года в возрасте 38 лет он был назначен на должность начальника научно-конструкторского отделения 7. Начался новый этап жизни...

Евгений Николаевич Петров относится к разработчикам-ядерщикам второго поколения. Им было, с одной стороны, легче работать, чем разработчикам первого поколения, так как многое было уже сделано и им не приходилось осваивать «целину», а с другой стороны, намного труднее. В 1990-х годах в стране началась перестройка, финансирование ядерно-оружейного комплекса почти прекратилось. Директор РФЯЦ — ВНИИТФ В. З. Нечай обратился к руководителям и работникам института с просьбой помочь в поисках конверсионных работ. Е. Н. Петров откликнулся одним из первых. В отделении 7 был создан новый отдел — по конверсионным разработкам. Совместно с Институтом сверхпластичности металлов (г. Уфа) новый отдел начал разработку станка по раскатке дисков автомобильных колес. Технология изготовления дисков основана на новых ресурсосберегающих методах обработки металла. Здесь в полной мере раскрылись организаторские способности Е. Н. Петрова. Он был одним из первых руководителей в институте, которые ввели в практику «командный» метод работы. Евгений Николаевич собрал вокруг себя команду активных, энергичных и знающих специалистов. Практика показала высокую эффективность подобного стиля работы, его прогрессивность. Команда Петрова практически без изменений переходила от одной работы к другой, одна из первых начала сотрудничать с иностранными партнерами.

494 Будучи начальником отделения, заместителем главного конструктора, он тем не менее много времени уделял вопросам разоружения и безопасности. В 1994 году в составе делегации посетил Калифорнийский и Стенфордский университеты, Ливерморскую национальную лабораторию им. Лоуренса по обмену опытом конверсии. В 1996 году участвовал в семинаре по сверхпластичности в Сорбонском университете и корпорации «Снекма» в Париже. В 1997 году участвовал в работе секции по демонтажу ядерного оружия в Университете Нью-Мексико (Санта-Фе,

США). В 1998 году был участником совещания по оценке безопасности ядерного оружия (Вашингтонский университет, Министерство обороны — Пентагон, США).

Евгений Николаевич был очень жизнелюбивым человеком. Он любил жизнь во всех её проявлениях. Приехав в Челябинск-70, сразу же начал изучать окрестности. Сначала пешком, потом на автомобиле обошел и объездил всё, что можно было обойти и объехать. Любил охоту. Но, будучи первоклассным стрелком (в 2006 году в санатории «Увильды» занял первое место в соревновании любителей-стрелков), почти всегда приходил с охоты без добычи. Жалко ему было бить зверье. Любил живопись, сам неплохо рисовал. Любил детей, много времени отдавал работе с молодежью, был научным руководителем физико-математической школы № 125 г. Снежинска, членом попечительского совета Центра дополнительного образования г. Снежинска.

О. В. Ремезова

Из воспоминаний

Я узнал Евгения Николаевича, когда двадцать лет назад, в 1988 году, попал на курсы молодых специалистов, организованные при МИФИ-6. Он читал лекции по изобретательству. И делал это эмоционально, красиво, талантливо! Увлеченный сам, он буквально подчинял слушателей своему харизматическому влиянию. И на работе он настойчиво боролся за развитие изобретательства, считая, что за такое творчество не грех и доплачивать.

Официальное оформление изобретений — как правило, длительная и скучная процедура, но в этом вопросе он всегда был непреклонен — заставлял этим заниматься. Только благодаря его упорству, мы оформили-таки патент на одно из изобретений.

У меня хранится болт с двойной разношаговой резьбой. При одновременном навинчивании гайки, соответственно, проходят и разные расстояния. Это одно из последних изобретений Евгения Николаевича, к сожалению, пока не состоявшееся, пока не нашедшее применения. Но будем надеяться, что только пока...

Руководить отделением Е. Н. Петрову пришлось в тяжелое время, когда пресловутая конверсия оставила людей без работы и без зарплаты. Вот тут и проявился его «мятежный дух исканий». Чтобы дать людям заработать, он организовывал мозговые штурмы, обращался в сторонние организации, для выполнения их заказов создавал творческие коллективы. Так, мне довелось участвовать в группе, которая занималась проблемами сверхпластичности. В течение года эта работа оставалась единственным источником нашего дохода. Понимая, что в сложившейся ситуации нужны новые методы организации работы, Евгений Николаевич послал меня на семинар для менеджеров, организованный по проекту МНТЦ. Полученная там информация оказалась очень полезной и своевременной.

Петров Евгений Николаевич

И еще. Человек общительный, с великолепным чувством юмора, большой оригинал, он из многочисленных своих поездок привозил в качестве своеобразных сувениров камни. Обычные придорожные, с морского берега камни, которые привлекли его внимание либо формой, либо окраской. Два таких камушка есть и у меня. Гладкие, размером с куриное яйцо, они как-то уютно умещаются в ладони. Осталась память...

В. В. Вдовин

В середине 1980-х годов, тогда еще Женя работал инженером-конструктором в отделе 71, мне довелось встречаться с ним на даче его брата под Уфой. Женя был очень гостеприимным и компанейским парнем. Увидев знакомую машину с челябинскими номерами, он бросал свою работу, быстро затапливал баню, бежал ловить огромных раков, в дубраве успевал заготовить свежие веники.

Как-то, приехав, я не застал его дома, спросил у соседа, не знает ли, где хозяин. Тот махнул рукой в сторону дубравы. Женя, взобравшись на дуб, резал ветки для веников. Работал он красиво: азартно, спорно, ловко. Гостям разрешал только смотреть на его работу.

После бани за столом Женя был остроумным собеседником, блистая интеллектом, многогранностью эрудиции, на каждый случай жизни у него была своя философия...

Н. К. Кутырев

В 2004 году я решил поступить в аспирантуру РФЯЦ – ВНИИТФ. По совету начальника моей группы, ныне покойного В. В. Родионова, я обратился к Евгению Николаевичу Петрову с просьбой быть моим научным руководителем. Он согласился, и начался процесс работы над диссертацией. Быть учеником Е. Н. Петрова было нелегко. Он постоянно требовал движения в работе, постоянно искал возможность что-то улучшить. Не зря он был автором более сотни изобретений! Часто работу приходилось переделывать по нескольку раз. Эта черта – стремление улучшить, усовершенствовать, найти что-то новое – была, на мой взгляд, определяющей в его характере.

Как-то Евгений Николаевич попросил меня помочь в подготовке презентации результатов работ, выполненных по проекту МНТЦ, для аудита. Недели за две до приезда зарубежных гостей он пригласил меня в свой кабинет, показал черновик презентации на бумаге. За два дня я создал электронную версию и принес её Е. Н. Петрову на проверку. Он посмотрел, сказал, что всё хорошо, но нужно немного поправить. Мы составили список исправлений. Практически каждый слайд был изменен, кроме того, он попросил дополнить слайды видами природы и снежинских городских пейзажей для оживления скучных научных выкладок.

Через день я принес второй вариант презентации, за которым последовал третий, четвертый... Последняя, как мне казалось, наша встреча состоялась в пятницу, а уже в понедельник мы ждали гостей.

Евгений Николаевич, посмотрев работу, остался доволен, но в субботу утром у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил Е. Н. Петров и просил прийти к нему домой, так как он придумал, как интереснее, ярче представить информацию, и ему нужна техническая помощь в работе с компьютером. Часа за два мы реализовали его задумки.

В понедельник, готовясь к показу, я скопировал принесенный Е. Н. Петровым вариант презентации на компьютер. Открыв файл, я сразу даже не узнал, казалось, до последнего штриха знакомый материал, так он отличался от того, что мы подготовили в субботу.

Я не смог скрыть удивления, на что Евгений Николаевич сказал, что в воскресенье он придумал еще несколько решений, как лучше представить результаты работы, и вместе с Ольгой Викторовной Ремезовой часам к двум ночи они воплотили эти решения, кардинально изменив файл.

Гостям доклад очень понравился, они внимательно слушали, много задавали вопросов и в итоге остались довольны проделанной работой.

Уже вечером я спросил Евгения Николаевича, доволен ли он докладом и презентацией? Его ответ меня не удивил. Он сказал, что, если бы делать доклад снова, он уже видит, как можно сделать проще и лучше.

Д. Г. Малиновский

...В 1990-х годах в стране началась перестройка, финансирование ядерно-оружейного комплекса почти прекратилось. Прекратился и приток молодых специалистов в РФЯЦ — ВНИИТФ. Началась подготовительная работа по организации ряда специальных кафедр в Снежинском физико-техническом институте. Были созданы три спецкафедры. В 1997 году четвертой стала кафедра специального приборостроения, ориентированная на подготовку конструкторских кадров для ВНИИТФ. Инициатором и основным организатором её был Е. Н. Петров. Почти всё ему приходилось делать самому. Для изучения опыта работы ведущих вузов страны он побывал в Ленинградском военмехе, МВТУ им. Баумана, Уральском политехническом университете, ЮУрГУ. Из каждой поездки он возвращался с полным чемоданом методических пособий, литературы.

В 1997 году согласно приказу № 138 Петров Евгений Николаевич, доктор технических наук, профессор, с 1 мая был назначен на должность заведующего оборонной выпускающей спецкафедрой «Спецприборостроение». Ему предписывалось для выполнения работ по спецкафедре (создания учебного плана, рабочих программ и т. д.) осуществить набор сотрудников на должности заместителя заведующего кафедрой, профессора (им стал П. И. Коблов) и доцента (А. В. Абрамов)...

Петров Евгений Николаевич

В 1997 году в СФТИ был произведен набор первой группы студентов дневного обучения специальности «Газодинамические импульсные устройства» (впоследствии название выпускающей специальности было изменено на «Средства поражения и боеприпасы»). В период становления кафедры необходимо было, наряду с контролем учебного процесса групп студентов младших курсов, осуществлять подготовку учебных программ для всего периода обучения, формировать группу совместителей из числа ведущих специалистов РФЯЦ – ВНИИТФ для преподавания спецдисциплин, вести с каждым преподавателем работу по подготовке и выпуску методических материалов и т. д. Данный этап был завершен лицензированием Снежинского физико-технического института по специальности 171400 «Газодинамические импульсные устройства». Успешная работа кафедры стала возможной благодаря, в первую очередь, её заведующему – Петрову Евгению Николаевичу.

Однако просто обучать вчерашних школьников конструировать ядерные боеприпасы ему было мало. Студенты должны заниматься научной деятельностью. Евгений Николаевич буквально заставлял студентов участвовать в студенческих конференциях.

В 2004 году Е. Н. Петров в составе делегации студентов и молодых ученых СГФТА принял участие в VII Международной студенческой конференции «Полярное сияние». Необычные темы докладов: «Особенности ядерного терроризма», «Актуальность режима ядерного нераспространения...» – сначала были встречены с недоумением. Но через два дня после выступления студентов в Москве прогремело два взрыва на станциях Московского метрополитена. В следующем 2005 году на конференции «Полярное сияние» уже работала новая секция по ядерному нераспространению...

*Из истории кафедры «Спецприборостроение»
Снежинской государственной физико-технической академии*

Погребов Игорь Сергеевич

15.06.1922—15.06.2007

Ученый, физик-экспериментатор, кандидат физико-математических наук (1965), доктор технических наук (1988), лауреат Государственных премий СССР (1953, 1978), участник Великой Отечественной войны, член ВКП(б) с 1944 г.

- 1940 — студент Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) им. Ленина.
- 1941 — рядовой 3-й дивизии народного ополчения г. Ленинграда добровольческой дружины Петроградского района.
- 1942 — сержант 37-го отдельного дорожно-эвакуационного батальона 42-й армии 2-го Прибалтийского фронта.
- 1945 — студент ЛЭТИ им. Ленина.
- 1950 — инженер-электрофизик Гидротехнической лаборатории Академии наук СССР, г. Дубна.
- 1955 — начальник группы модельных измерений в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 — начальник лаборатории модельных измерений, там же.
- 1959 — исполняющий обязанности начальника сектора экспериментальной физики, там же.
- 1963 — заместитель начальника сектора — начальник отдела импульсных ядерных реакторов, там же.
- 1979 — начальник сектора экспериментальной физики ВНИИП, там же.
- 1988 — ведущий научный сотрудник, там же.
- 2002 — ведущий эксперт-консультант РФЯЦ — ВНИИТФ.
- 2006 — пенсионер.

Погребов Игорь Сергеевич

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1984), Отечественной войны 1-й степени; медалями: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и др.

Игорь Сергеевич Погребов — замечательный ученый-физик — родился 15 июня 1922 года в городе Старая Русса Новгородской области в семье служащего. Его отец, Погребов Сергей Андреевич, работал бухгалтером старорусского бальнеогрязевого курорта. Мать, Александра Яковлевна, была домохозяйкой. В 1927 году, в связи с переходом отца на другую работу, вся семья переехала в г. Ленинград.

В 1940 году после окончания школы Игорь поступил на первый курс Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) на электрофизический факультет, но учеба в институте была прервана: началась Великая Отечественная война. Уже в июле 1941 года студент Погребов добровольно вступил в Ленинградскую армию народного ополчения, а в октябре 1941 года был ранен под Ленинградом у Невской Дубровки, на плацдарме, известном как Невский пяточок.

И. С. Погребов. 1941 г.

После излечения И. С. Погребов был направлен в 37-й отдельный дорожно-эвакуационный батальон (ОДЭБ), который охранял и обслуживал ладожскую Дорогу жизни. Она связывала блокадный Ленинград со страной. По ней в город доставляли оружие, боеприпасы, продовольствие, обратно везли эвакуированных. И. С. Погребов в звании сержанта был назначен командиром отделения регулировщиков. Здесь он встретил будущую свою супругу Антонину Дмитриевну, которая стала его верным спутником и помощником на всю жизнь.

С прорывом блокады Ленинграда и её окончательной ликвидацией И. С. Погребов в составе 37-го ОДЭБ 42-й армии участвовал в освобождении Ленинградской и Новгородской областей, а затем Прибалтики, принимал участие в ликвидации Курлянд-

ской группировки немецко-фашистских войск. Там он встретил День Победы — 9 Мая 1945 года. За боевые заслуги он награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945 году после демобилизации Игорь Сергеевич продолжил учебу в электротехническом институте (ЛЭТИ им. В. И. Ленина). Однако популярная в те годы ядерная физика завладела его умом, став эпицентром его научных интересов. И после успешного окончания в 1950 году института он был направлен на работу в знаменитую Дубну, где в группе, созданной по указанию И. В. Курчатова, начался его творческий путь инженера-исследователя в области нейтронной физики.

В Дубне в 1950–1953 годах И. С. Погребов провел серию уникальных физических экспериментов по изучению термоядерных реакций и модельных измерений с материалами, вошедшими в конструкцию первой водородной бомбы. После успешного испытания термоядерного заряда в августе 1953 года Игорь Сергеевич первый раз был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

В нашем институте И. С. Погребов работал с первых дней его образования. Многого достиг он с тех сентябрьских дней 1955 года, когда с первым эшелонам приехал на уральскую землю. Вся его жизнь в дальнейшем была связана с экспериментальной ядерной физикой, техникой физического эксперимента и организацией работ по специальным научным направлениям. Он прошел путь от научного сотрудника до руководителя крупного сектора — отделения экспериментальной физики.

Начало работы Игоря Сергеевича в НИИ-1011 было связано с одной из главных задач института: определением на генераторе НГ-150, привезенном из Дубны, экспериментальных нейтронно-физических констант материалов, входящих в состав ядерных зарядов.

Круг задач, решаемых И. С. Погребовым, был весьма широк. Наряду с нейтронно-физическими исследованиями он много работал над созданием и развитием экспериментально-физической базы института.

Игорь Сергеевич понимал, что получить в лабораторных условиях качественные результаты по исследованию влияния излучения ядерного взрыва на узлы автоматики и электроники, а также на ядерный заряд в целом, невозможно без хорошей экспериментальной базы. Поэтому необходимо было не только построить здания и сооружения на новой площадке, но и одновременно разработать и изготовить уникальные ядерно-физические и электрофизические установки, имитирующие излучение ядерного взрыва.

В 1960 году техническое задание на создание физического комплекса в институте было утверждено министром среднего машиностроения. Но проектирование велось медленно, начало строительства по разным причинам затягивалось. Тем не менее, благодаря усилиям И. С. Погребова, к концу 1970-х годов на новой площадке было построено несколько зданий для ядерно-физических установок, которые в то время работали на 21-й площадке в поселке Сунгуль.

Погребов Игорь Сергеевич

В марте 1961 года, после того, как НТС-1 Министерства среднего машиностроения, проходивший на нашем предприятии, одобрил предложение Ю. А. Зысина о создании в физическом секторе импульсных реакторов, И. С. Погребов начал комплектовать лабораторию импульсных реакторов и стал впоследствии её первым начальником, а затем и начальником отдела. 9 марта 1962 года Игорь Сергеевич на НТС-1 министерства доложил и успешно защитил эскизный проект БАРС-1 — первого в СССР импульсного реактора с металлической активной зоной.

Работа по созданию БАРС-1 шла интенсивно, в короткие сроки была создана система управления реактором, стенд реактора, а 28 апреля 1964 года был получен первый, мощный по тем временам импульс делений. В августе 1964 года БАРС-1 был введен в постоянную эксплуатацию, а затем переведен на площадку физического комплекса.

Игорь Сергеевич совместно с сотрудниками вновь созданной лаборатории испытал не только все трудности строительства и переезда реактора БАРС на новую площадку, но познал и радость первых пусков этой установки. В 1965 году, защитив диссертацию по материалам, связанным с разработкой БАРС-1, он стал кандидатом физико-математических наук.

Под руководством И. С. Погребова были созданы три уникальных реактора с металлической активной зоной — БАРС-1, -2, -3, которые впоследствии были переданы и введены в эксплуатацию в других институтах нашей страны (БАРС-1 — в ЦНИИ-12, БАРС-2, -3 — в НИИ приборов в г. Лыткарино).

В 1979 году, после назначения Игоря Сергеевича руководителем сектора, экспериментальная база получила дальнейшее развитие. Наряду с действующими реакторами ЭБР-200М, РУС-В в эксплуатацию были введены новые — ЭБР-Л, БАРС-5, ЯГУАР, а на основе реактора ИГРИК был создан испытательный комплекс с вибрационным и ударным стендами. Началось проектирование комплексных физических установок КВАЗАР, ТИГР и реактора для работы в карьере по добыче золота — СТАР, но, к сожалению, эти проекты не были реализованы.

По инициативе И. С. Погребова для решения проблемы радиационных испытаний протяженных объектов в относительно однородных нейтронных полях были начаты работы по исследованию связанных в нейтронном отношении импульсных реакторов и по созданию первого в мире двухзонного импульсного реактора БАРС-4, который в 1980 году был успешно введен в эксплуатацию в НИИ приборов.

Заслугой И. С. Погребова стала организация массовых испытаний радиоэлектронной аппаратуры в лабораторных условиях. Он же предложил метод испытания спецузлов на нейтронную стойкость в лабораторных условиях на импульсных реакторах, был руководителем испытаний стойкости спецзарядов к ПФЯВ в полигонных опытах НЦР-ТОР и нескольких опытах ФО (420-2, -3, «Комплект»). За образцовое выполнение специальных заданий И. С. Погребов получил второй раз звание лауреата Государственной премии СССР, а в 1988 году защитил докторскую диссертацию.

С 1991 года Игорь Сергеевич трудился в должности ведущего научного сотрудника. При его непосредственном участии велась разработка установки ЛИРА — мощного лазера с накачкой от импульсных ядерных реакторов. К сожалению, из-за недостатка финансирования разработка была прекращена на этапе выпуска КД. Игорь Сергеевич внес большой вклад в разработку импульсно-периодического ядерного реактора, разработка которого продолжается и по сей день.

В 2006 году И. С. Погребов ушел на заслуженный отдых. Человек разносторонних интересов, он всегда живо интересовался политикой, достижениями науки и техники, проблемами народонаселения и экологии, хорошо разбирался в практической медицине, как и прежде был готов поделиться своими знаниями и советами. Особое увлечение Игоря Сергеевича — изучение аномальных явлений и НЛО. Из различных источников он собирал информацию об этих загадках природы, вел обширную переписку, читал лекции.

Игоря Сергеевича всегда отличали собранность и аккуратность, он терпеть не мог недобросовестности и формализма во всём. Он любил жизнь, активно занимался спортом, был постоянным участником всех лыжных соревнований.

Будучи добрым и заботливым отцом, а позже дедом, нежным и любящим мужем, вместе с Антониной Дмитриевной он вырастил и воспитал двоих детей — Лену и Толю, очень любил своих внуков.

Руководитель крупных и важных научных тем, начальник отдела, большого физического сектора, дважды лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, Игорь Сергеевич оставался скромным человеком, убежденным и принципиальным коммунистом, отличался простотой и ответственностью в обращении с людьми, обладал неистощимой энергией, умел принимать оптимальные решения в сложных ситуациях.

Его роковой день наступил 15 июня 2007 года — в день его рождения, отмерив ровно 85 лет замечательной жизни.

А. А. Снопков, А. И. Погребов

Из воспоминаний

О первых месяцах войны

...Наиболее памятными для меня являются первые месяцы войны. Мне пришлось повстречаться с немцами на подступах к Ленинграду и в его пригородах.

Первые бои, в которых я участвовал, были в окопах под Лигово и Дачным, в тех местах, куда мы до войны выезжали отдыхать, ходили зимой на лыжах. К этому времени фронт здесь относительно стабилизировался. Однако, не взяв Ленинград с ходу, в сентябре месяце немецкие войска начали его окружение и захватили почти весь левый берег реки Невы от Усть-Ижоры до Шлиссельбурга. Наши войска удерживали небольшие плацдармы у Марьино, у Московской Дубровки,

у железнодорожного моста в районе деревни Кузьминка. В двадцатых числах сентября наш батальон сняли с позиций у Лигово, погрузили на автомашины и через весь Ленинград привезли под Н. Дубровку. Нас разместили в лесу и стали готовить к переправе на левый берег. Выдали по две противотанковые гранаты, добавили патронов к нашим канадским винтовкам и дали «сухой» паек.

В ночь с 29 на 30 сентября мы переправились на понтонах на левый берег и окопались. Переправа прошла успешно, немцы нас не заметили, и никто из строя не вышел. Ночь прошла относительно спокойно.

Утром мы начали наступать, вышли из-под берега и поползли вперед. С немецкой стороны начался страшный обстрел из минометов и автоматов. Появилось около двадцати бомбардировщиков. Атака захлебнулась, и мы окопались на новом месте, метрах в пятидесяти от берега. Так продолжалось каждый день. 3 октября, рано утром, при очередной атаке осколком от разорвавшейся в нескольких метрах мины я был ранен, переправлен на правый берег Невы, а затем эвакуирован в госпиталь, который находился в бывшем Дворце культуры им. С. М. Кирова. Однако выбить наши войска с Невского пятачка немцам так и не удалось, и он сыграл немалую роль в освобождении Ленинграда от блокады...

О зарождении ядерного центра

...Колыбелью ВНИИ технической физики является небольшой поселок Сунгуль на Южном Урале. На его территории в 1955 году зародился, рос и набирал силу ядерный центр, пока в 25 км от него строился и город, и производственные площадки. Здесь проводились первые расчетно-теоретические и экспериментальные исследования и были получены первые научные результаты...

...В августе 1953 года в поселок Сунгуль прибыла большая группа (около 50 человек) молодых специалистов — химиков, биологов, физиков — в основном мужчин, из институтов и университетов Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, чтобы перенять опыт иностранных ученых, а также пополнить мужской контингент, так как среди жителей поселка преобладали женщины. После приезда этой группы молодых людей жизнь в поселке существенно оживилась, устраивались спортивные состязания, турпоходы, игры, появилась художественная самодеятельность. Вдохновителями этих мероприятий были А. М. Зудихин, Г. В. Безденежных, Е. Н. Кузовкин и другие...

Из личных воспоминаний И. С. Погребова

Игорь Сергеевич навсегда останется в моей памяти. Есть люди, причем разных должностей, любящие позу, вольно или невольно показывающие кто они. Игорь Сергеевич, по моему убеждению, был начисто лишен этого. Возможно, для достаточно крупного руководителя это не плюс, но подкупало, делало взаимодействие с ним более естественным и простым.

Игорь Сергеевич прошел войну, видел, испытал то, что испытали, знали только фронтовики. Они на себе ощутили близость границы жизнь — смерть. Видимо, поэтому я не замечал, чтобы Игорь Сергеевич боялся вышестоящего начальства, переживал за должность. Он был из тех руководителей, кто не топал ногами, не кричал, но последовательно проводил в жизнь то, что считал нужным. У него не было любимчиков, хотя любимые сотрудники, наверняка, были. Он не «давил» потенциальных соперников и излишних говорунов, активно продвигал молодых и перспективных сотрудников (в их числе В. Г. Рукавишников, В. Б. Крюченков, В. В. Воленко и другие), в деловых отношениях был ровен, интеллигентен.

Игорь Сергеевич работал без «помпы», но сделал, по-моему, как начальник отделения достаточно много. Именно при нём и, насколько я знаю, по его инициативе были созданы отделы 53, 54, да и в целом структурный облик отделения (кроме отдела 57), который сохранился до наших дней.

Оглядываясь назад, хочу заметить, что отделению экспериментальной физики, на мой взгляд, везло и везет с руководителями, и Игорь Сергеевич Погребов занимает среди них достойное место.

Б. М. Нестеренко

В начале восьмидесятых годов в секторе шло интенсивное внедрение цифровых приборов и систем в научные исследования, особенно в область измерений параметров однократных быстропротекающих процессов, характерных для ядерных исследований. В то время основным инструментом для измерений являлись электронно-лучевые осциллографы с установленными на них фотоаппаратами и фотоприставками (информация запоминалась и хранилась на фотопленке). Однако таким приборам, осуществляющим запись электрических сигналов в аналоговом виде, присущи принципиальные ограничения диапазона регистрации, точности измерения, кроме того, существовала опасность потери (стирания) информации в случае радиационного воздействия на фотопленку.

Цифровой метод регистрации формы электрических сигналов, основанный на дискретизации исследуемого процесса способом быстрых выборок с запоминанием мгновенных значений сигнала, с последующим аналого-цифровым преобразованием и хранением полученных данных в цифровом виде, практически не ограничивал точность измерений, обеспечивал высокую надежность получения и сохранности информации, а также возможность автоматической обработки результатов измерений.

Несмотря на преимущества цифровых измерительных приборов перед осциллографами, внедрение их в практику измерений проходило непросто. Особенно возражали и «упирались» те инженеры-испытатели, которые уже достаточно долго работали с осциллографами и просто привыкли к ним. Что-то менять в устоявшихся, традиционных понятиях и привычках всегда не просто, тем более,

когда речь идет об ответственной в важной для сектора и института области физических измерений при испытании ядерных зарядов на полигонах.

В это время научно-производственное объединение «Вента» в Вильнюсе — один из отечественных флагманов по производству микросхем большой степени интеграции — приступило к выпуску аналого-цифровых преобразователей (АЦП), которые могли быть применены для регистрации быстрых сигналов длительностью в десятки микросекунд. Там согласились изготовить нужное нам количество АЦП в обмен на изготовление и поставку им пресс-форм для корпусов микросхем по их документации. Надо сказать, что каждая пресс-форма — это уникальная конструкция весом в несколько сот килограммов, с большим количеством прецизионных размеров, весьма сложная в изготовлении. Только несколько заводов в СССР могли выполнить такую работу.

У Игоря Сергеевича состоялось короткое обсуждение. Оценив преимущества будущего цифрового прибора, основу которого должны составлять монолитные чипы АЦП, он сразу же связался с главным инженером института Б. И. Беляевым.

На встречу с Б. И. Беляевым мы поехали втроем: И. С. Погребов, Н. П. Волошин и я. Игорь Сергеевич горячо убеждал Бориса Иосафовича в необходимости заключения договора с НПО «Вента» на их условиях, т. е. изготовление и поставка пресс-форм в обмен на поставку нужных нам микросхем. Я продемонстрировал две микросхемы, привезенные из Вильнюса, каждая размером с половину спичечного коробка, и объяснил, что это — фактически осциллограф, но с лучшими характеристиками. Б. И. Беляев принял условия «Венты», и вскоре началась работа по изготовлению пресс-форм для НПО.

Получив таким образом несколько сот уникальных для того времени микросхем АЦП, мы создали несколько цифровых регистраторов для нужд нашего отделения и института. Это была серия приборов, известных под маркой КАИС-1, каждый из которых мог заменить 80 осциллографов. В дальнейшем КАИС-1 успешно применялся в физических облучательных опытах, в которых проводились исследования поражающего действия ядерного взрыва на различные объекты военного назначения (материалы, радиоэлементы и т. д.) с целью выработки рекомендаций по их защите.

Во всей этой истории Игорь Сергеевич сыграл важнейшую роль, решительно поддержав наше предложение по созданию цифровых приборов для ядерных исследований. Он оказывал и практическую помощь на всех этапах этой работы, способствуя ее успешному выполнению.

Он поверил нам, молодым, «зеленым» спецам, поверил в то, что будущие горизонты измерительной техники принадлежат цифровым методам.

Порецкий Лев Борисович

25.05.1923—04.04.1983

Физик-экспериментатор, специалист в области экспериментальной ядерной физики, участник создания первых отечественных образцов ядерного и термоядерного оружия, кандидат физико-математических наук (1956), старший научный сотрудник по специальности «экспериментальная физика» (1960); участник Великой Отечественной войны; лауреат Государственной премии СССР (1953).

1939 — студент Ленинградского политехнического института.

1941 — призван в ряды Красной Армии.

1945 — вновь студент Ленинградского политехнического института.

1949 — окончил Ленинградский политехнический институт с квалификацией инженера-исследователя в области технической физики.

1950 — инженер, затем старший инженер, младший научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.

1955 — начальник лаборатории критмассовых измерений и ядерной безопасности в НИИ-1011, г. Снежинск.

Награжден орденами: «Знак Почета» (1954), Трудового Красного Знамени (1979); медалями: «За отвагу» (1943, 1945), «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейными медалями. Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Порецкий Лев Борисович

Лев Борисович Порецкий родился 25 мая 1923 года в г. Черкассы Киевской губернии. Его детство прошло в г. Харькове, здесь же в 1930 году он пошел в первый класс. В 1933 году семья Порецких переехала в Ленинград. Окончив в 1939 году школу, Л. Б. Порецкий поступил в Ленинградский политехнический институт. Учебу прервала Великая Отечественная война. В 1941 году, едва завершив второй курс, Порецкий был призван на действительную военную службу. В должности связиста в составе 63-й гвардейской стрелковой дивизии он участвовал в боях на Ленинградском фронте. В 1943 году получил боевое ранение. Его участие в Великой Отечественной войне отмечено медалями «За отвагу» (дважды), «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Демобилизовавшись в 1945 году, Л. Б. Порецкий вернулся на студенческую скамью в родной политех, одновременно поступил на физико-математический факультет заочного отделения Ленинградского педагогического института им. Герцена. В 1947 году Л. Б. Порецкий стал дипломированным педагогом, а в 1949-м с отличием окончил Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина по специальности «техническая физика».

С квалификацией инженера-исследователя в должности инженера в 1950 году Л. Б. Порецкий приступает к работе в КБ-11 (г. Арзамас-16) в отделе Г. Н. Флёрова, его научные интересы связаны с экспериментальными исследованиями на нейтронном генераторе. По мнению Г. Н. Флёрова, молодой инженер «быстро освоился с новой тематикой и самостоятельно выполнил ценную работу, решив при этом ряд разнообразных экспериментальных задач. Хорошее «чутье» позволило тов. Порецкому Л. Б. найти правильное решение сложной экспериментальной задачи. Два доклада, сделанных Порецким на семинарах отдела, показали его умение разбираться в сложных научных вопросах».

Из характеристики «на старшего инженера отдела № 29 Порецкого Льва Борисовича»: «...За время работы в отделе тов. Порецкий проявил себя как высококвалифицированный инженер, имеющий практические навыки и обладающий большими способностями к экспериментальной работе.

Тов. Порецкий, являясь инициативным работником, проявляет, в случае необходимости, большую настойчивость и упорство, обладая хорошими организаторскими способностями. Под руководством тов. Порецкого в 1951 году в отделе была сконструирована, изготовлена и отлажена большая сложная установка, на которой тов. Порецкий выполнил ряд научных исследований, результаты которых оформлены в виде отчетов. В трех выполненных тов. Порецким работах были получены весьма важные научные результаты...»

Научная деятельность в малоисследованной области техники стала главенствующей в жизни ученого. В общественно-политической характеристике от 1 ноября 1952 года его даже упрекают в том, что «первый период его работы в отделе характеризуется стремлением уйти от общественной жизни в сторону личных успехов в производственной работе». Впрочем, та же характеристика отмечает, что

«под воздействием критики со стороны представителей общественных организаций изменил свое отношение к общественным делам».

В 1953 году Л. Б. Порецкий стал лауреатом Государственной премии СССР, а в 1954-м — кавалером ордена «Знак Почета».

В июне 1955 года в составе первого эшелона Л. Б. Порецкий прибыл из Арзамаса-16 на Урал для работы в НИИ-1011, а уже 3 апреля 1956 года успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальной тематике. Работая в должности начальника лаборатории критмассовых измерений, Лев Борисович скоро стал одним из ведущих сотрудников физического сектора. Основными вехами его научной деятельности стали:

- руководство разработкой, физическим пуском и эксплуатацией стенда для критмассовых измерений ФКБН на площадке 21 (1955—1959 гг.);
- предложение и осуществление форсированного режима работы этой установки мощностью 1—2 кВт и в импульсном режиме (1961—1964 гг.),
- получение первых в России мощных управляемых импульсов делений (январь 1964 г.);
- идея и руководство разработкой и созданием импульсно-статического реактора с большой полостью ЭБР-200 (1965 г.);
- начало работ по изучению противорадиационной защиты объектов бронетанковой техники в полевых условиях, руководство разработкой реакторов ПРИЗ и РУС (1967 г.);
- постановка и развитие во ВНИИТФ работы по обоснованию ядерной безопасности изготовления, испытаний и эксплуатации ядерных зарядов (1960—1983 гг.);
- нейтронно-физические исследования на стенде для критмассовых измерений ФКБН, на реакторах ЭБР-200, РУС (1960—1983 гг.).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.10.1979 года за большой личный вклад в отработку изделий Л. Б. Порецкий награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сорокалетний Лев Борисович производил впечатление очень солидного, пожилого, заслуженного мэтра, знающего истинную цену и себе и всем окружающим. Он был всегда спокоен, вежлив, улыбчив, со всеми на «Вы», его негромкий голос звучал твердо, уверенно и властно. Он заслуженно пользовался авторитетом и всеобщим уважением. Зная его аналитический ум, мгновенную реакцию, окружающие опасались его острого слова. В обсуждении самых разнообразных проблем Лев Борисович умел выделить суть вопроса, помочь собеседнику уточнить мысль, завершив беседу ярким обобщением. Его отличала острая нацеленность на конечный результат. На различных экзаменах все боялись его «простых» вопросов, на которые он сам зачастую готовых ответов не имел.

Он любил вести философские беседы, но только не о политике. Был очень осторожен в высказываниях. Наиболее острое: «Я — за Советскую власть, но против советской торговли». Был неимоверно экономным. «Нельзя быть экономным

Порецкий Лев Борисович

в чём-то, но только во всём». Так оно и было, начиная с экономии урана в предлагаемых конструкциях ядерных реакторов, экономии сил и средств при строительстве «каземата» и канала вывода излучения в основном силами сотрудников лаборатории критмассовых измерений, начальником которой был Порецкий, экономии государственных средств при заказе материалов и оборудования для научных исследований и заканчивая экономией собственных средств в быту.

Любил учить жизни молодых, но мелочной опекой не докучал. «Главное, чтобы начальник не мешал работать», «Если вы не хотите работать — заставить я не могу» — его наиболее типичные высказывания. Обладая высокой эрудицией, часто использовал образные литературные сравнения, ярко отражающие различные жизненные ситуации.

Строго следил за соблюдением техники безопасности, дисциплины, режима, порядка в целом, понимая, что общая культура поведения сильно влияет на качество работы вообще и тем более на особо опасных участках.

По прибытии в край озер, он поначалу определил рыбалку как «повод для пьянства», но вскоре сам стал заядлым рыбаком — для здоровья, удовольствия, да и «пища в дом». Его спортивные пристрастия составляли коньки (у него были беговые) и велосипед.

Лев Борисович любил жизнь, обладал богатым воображением, в его глазах сразу вспыхивал азартный блеск при решении текущих творческих задач, при обсуждении интересующих его вопросов, актуальных планов.

К служебной карьере он не выказывал видимого стремления, хотя к наградам относился со вниманием и уважением.

Лев Борисович Порецкий — одна из наиболее значительных и весомых личностей физико-экспериментального отделения РФЯЦ — ВНИИТФ. Его участие во многом способствовало успешному развитию такого важного направления экспериментальных исследований, как критмассовые измерения на установке ФКБН, ставшей одним из основных инструментов, использовавшихся на первом этапе разработки ядерных зарядов.

В. А. Терёхин

Из воспоминаний

510 В период отсутствия В. Ю. Гаврилова в ранге исполняющего обязанности начальника физико-экспериментального отделения бывали Л. Б. Порецкий, В. И. Петров, М. В. Дмитриев.

Порецкий «командовал парадом» недолго. Его обвинили в том, что слишком уж сильно «гребет под себя», то есть наибольшее внимание уделяет работе лаборатории критмассовых измерений, которой он руководил и где разрабатывалась установка ФКБН.

Порецкий Лев Борисович

Лев Борисович приехал к нам уже сложившимся ученым, вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. Красавец мужчина, покоритель женских сердец, у него даже прозвище было — Джага, по имени героя популярного в те времена индийского фильма «Бродяга». Он приехал к нам уже без жены. Но через некоторое время заявил, что не прочь жениться. И женился, хотя своей избраннице поначалу казался «стариком» — ему было 33 года. Её звали Эльвира. В семье Порецких появилось двое детей. Теперь они живут в Израиле.

Порецкий был настоящим физиком. Очень остроумно критиковал глупцов в науке. Его плодовитость на новые идеи удивляла, он успешно воплощал их в своей установке. Применение одной из его новаций привело к такому усовершенствованию ФКБН, которое определило появление реакторов типа БАРС. При всём при том он не вникал во всякие «мелочи» в работе, что послужило одной из причин аварии 1968 года. Два опытных инженера: Ю. Милованов и В. Коннов — довели установку до сверхкритмассового состояния, получили летальные дозы облучения. После этого случая рабочая активность Льва Борисовича заметно снизилась.

А. С. Ганеев

Потеряев Владимир Дмитриевич

07.01.1932—03.12.1999

Специалист в области аэромеханики и баллистического проектирования специзделий; младший научный сотрудник (1959); лауреат Государственной премии СССР (1967), премии им. Макеева (1999); член КПСС с 1960 г.

- 1949 — студент механико-математического факультета МГУ им. Ломоносова.
- 1954 — младший научный сотрудник Института химической физики Академии наук СССР, г. Москва.
- 1956 — младший научный сотрудник, затем руководитель группы в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 — заместитель начальника отдела аэродинамики и баллистики, там же.
- 1961 — начальник того же отдела.
- 1969 — заместитель начальника конструкторского сектора по научной части, там же.
- 1970 — заместитель начальника расчетно-аналитического сектора по научной работе, там же.
- 1971 — начальник этого же сектора.
- 1975 — заместитель главного конструктора — начальник НИО-14, там же.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1974, 1981), Ленина (1987); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1991), «300 лет Российскому флоту» (1996); нагрудным знаком «Изобретатель СССР» (1989). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Владимир Дмитриевич Потеряев родился 7 января 1932 года в г. Камбарка Удмуртской АССР. В семье рабочего Камбарского машиностроительного завода Потеряева Дмитрия Степановича было трое детей: два сына и дочь. Володя – старший. Мать, Потеряева Апполинария Григорьевна, была домохозяйкой, но, когда проводила мужа на фронт, пошла рыбачкой на Камбарский рыбзавод. Младшей, Валентине, в 1941-м исполнился 1 год, а в 1942-м пришло известие о гибели отца.

В 1949 году Владимир поступил в Московский государственный университет им. Ломоносова на механико-математический факультет и в 1954 году окончил его с отличием по специальности «механика». Согласно распределению приступил к работе в должности младшего научного сотрудника в Институте химической физики Академии наук СССР, а с 9 февраля 1956 года и до конца своих дней Владимир Дмитриевич – сотрудник нашего института. Начав работать в НИИ-1011 младшим научным сотрудником отдела аэродинамики и баллистики, уже в мае 1956 года он стал руководителем группы, а через 5 лет был назначен начальником отдела. В 1966 году за успехи в работе Владимир Дмитриевич был награжден Почетной грамотой руководства Министерства среднего машиностроения и ЦК профсоюза.

Благодаря глубокому знанию математики, механики, теории теплопередачи и умению применять эти знания при решении технических задач, он быстро освоился со спецификой решаемых в институте проблем, связанных с проектированием образцов ядерных боеприпасов, зачастую не имевших аналогов (разрабатывались новые образцы оружия ВВС, ВМФ, сухопутных войск, ПВО и ПРО), с энтузиазмом включился в решение конкретных научных и инженерных задач. Этому способствовали его природная одаренность, целеустремленность, чувство ответственности.

В 1971 году Владимир Дмитриевич возглавил вновь образованный научно-исследовательский сектор 14, а с введением в 1975 году должности заместителя главного конструктора получил новое назначение: заместитель главного конструктора – начальник сектора 14.

1970-е годы – годы стремительного развития ракетной техники, атомных подводных лодок. В 1974 году на вооружение ВМФ была сдана первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета для подводных лодок с моноблочной головной частью нового класса. В 1975 году модернизированная ракета была оснащена моноблочной головной частью с наведением на подвижные цели по их радиолокационному излучению.

В этот период под руководством В. Д. Потеряева практически полностью сформировался коллектив и структура НИО-14 со специализированными отделами и лабораториями. Научный потенциал позволил специалистам отделения успешно участвовать в разработке ряда еще более совершенных боевых блоков модернизированных ракет, которые имели на тот период наивысший показатель энергетического совершенства среди отечественных и зарубежных межконтинентальных

ракет. Были разработаны высокоточные системы подрыва гиперзвуковых боевых блоков на заданных высотах и при встрече с любой преградой. Созданы алгоритмы построения уникальных инерционных приборов, позволяющих вырабатывать своевременные команды при движении боевых блоков на траектории с точностью до десятых долей секунды.

В характеристике В. Д. Потеряева этого периода говорится: «...Как научно-технического руководителя тов. Потеряева В. Д. положительно характеризует умение быстро разбираться в поставленных задачах, умение видеть каждую задачу всесторонне, выделяя из множества возникающих вопросов главные, ключевые, разработка которых обеспечивает решение задачи, умение концентрировать внимание исполнителей на решение именно этих вопросов в первую очередь. Как организатор тов. Потеряев В. Д. характеризуется умением точно поставить задачу, подобрать для ее решения оптимальный состав исполнителей и добиться точного и своевременного исполнения поручения... В отношениях с сотрудниками принципиален, требователен, справедлив».

При решении технических вопросов он любил подкрепить свои слова примерами соответствующих прецедентов, историческими параллелями. Большим его увлечением были книги. Читал он много и разное, в том числе общественно-политические публикации, философские произведения. Хорошо знал биографии выдающихся людей, связанных с оружейным комплексом промышленности, армией и флотом.

Когда с 1986 года пошла полоса надуманных пресловутых выборов технических руководителей трудовыми коллективами, Владимира Дмитриевича на альтернативной основе избрали на уже занимаемую им должность. Обладая достаточно колоритной внешностью, он не без лукавства запустил новое для коллектива словечко «харизма». Шутливо сопоставив его с не слишком литературным синонимом слову «физиономия», намекал, что эта самая харизма такой и должна быть у хорошего руководителя.

По поводу современных руководителей Потеряев шутил так: «Поколение руководителей видоизменяется. Раньше командир приказывал: делай как я, а теперь зачастую: делай, как я говорю».

Владимир Дмитриевич никогда не имел автомобиля. Ходил пешком или ездил в автобусе. Будучи крупным руководителем — заместителем главного конструктора, он мог сослаться на информацию «из автобуса» о том, что завтра будет зарплата (лихие 90-е годы XX века!). В то же время глубина понимания ситуации в институтских делах была поразительной. Когда стали в те же 1990-е прорабатываться конверсионные направления, резко воспротивился уходу специалистов в конверсионные структуры. Считал, что специалисты-расчетчики, оставаясь на основной тематике, лучше помогут конверсионным направлениям.

Конечно, Владимир Дмитриевич был человеком своего времени, однозначно воспринимал как безусловно необходимые все обстоятельства, связанные с закрытостью и секретностью института и города. Когда работники института, в том

числе и его подчиненные, обратились с письмом к руководству с предложением об ослаблении пропускного режима в город для близких родственников и совершеннолетних детей, эта инициатива наделала много шума (1980-е годы). Владимир Дмитриевич, искренне возмущенный таким посягательством на установленный порядок, вызывал и отчитывал сотрудников.

Владимир Дмитриевич много внимания уделял воспитанию и подготовке молодых специалистов, передавая им свой опыт. По совместительству читал лекции студентам по специальным дисциплинам в снежинском филиале Московского инженерно-физического института (ныне Снежинская государственная физико-техническая академия), будучи председателем секции городского общества «Знание», часто выступал с лекциями как на технические темы, так и философские: о взаимоотношениях человека и общества, о человеке как социальной личности. Даже написал большой трактат «О преимуществах социализма». В 1970–1980-х годах Владимира Дмитриевича избирали членом парткома КБ-2. За активную общественную работу в 1982 году его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города».

Обладея активным, общительным характером, великолепным чувством юмора, Владимир Дмитриевич умел шуткой разрядить сложную обстановку. Влюбленный в жизнь, преданный делу, он до конца оставался на вверенном ему посту. Последней в личном деле Владимира Дмитриевича Потеряева стала запись от 3 декабря 1999 года: «Уволен в связи со смертью».

А. В. Кудрявцев

Из воспоминаний

Владимир Дмитриевич был незаурядной личностью. В нём удивительным образом сочетались серьезность и строгость с живым юмором. Причем с юмором тонким, интеллектуальным. Его эрудиция была универсальной, как в области точных наук, так и в области гуманитарной. Основным его хобби были книги. По образованию он был механиком, математиком, и тем не менее ему была свойственна какая-то врожденная инженерная хватка, практический подход к решению научных задач, круг которых был весьма широк (в соответствии с разнообразием направлений разработок предприятия). Это — задачи баллистического проектирования, аэро- и гидродинамики, теплофизики, надежности, безопасности, проблем наземных и летных испытаний, эксплуатации. Практически он был соавтором большого комплекса методик, стандартов для отработки специзделий, который интенсивно создавался в то время, когда он был руководителем НИО-14. В последние годы своей работы он много сил отдавал проблемам обеспечения безопасности ЯБП, которые всегда требовали высокой ответственности, и особенно после чернобыльских событий. Его вклад в повышение безопасности специзделий

Потеряев Владимир Дмитриевич

имеется во многих конструкторских решениях, реализованных в последних разработках института.

Для Владимира Дмитриевича был характерен демократический принцип управления, однако, когда это было необходимо, он становился тверд и неотступен в своих требованиях к подчиненным. Общительный, коллективист, можно уверенно утверждать, что он был формальным и неформальным лидером в коллективе. Его имя было хорошо известно руководителям Минатома, на предприятиях, занимающихся эксплуатацией ЯБП, на авиационных и морских полигонах, в научно-исследовательских организациях Минобороны, на предприятиях смежных отраслей, занимающихся разработкой авиационной и ракетной техники.

В. М. Правдин

Ратников Владимир Петрович

29.03.1930–21.09.2001

Инженер-физик, специалист в области прикладной газодинамики и разработки ядерных зарядов; кандидат технических наук (1963), доктор технических наук (1975), профессор по специальности «химическая физика», в том числе «физика горения и взрыва» (1987); лауреат Государственной (1969) и Ленинской (1984) премий, заслуженный деятель науки Российской Федерации (2002, звание присвоено посмертно).

- 1947 — студент Московского механического института (ныне МИФИ).
- 1953 — инженер, затем научный сотрудник, заместитель начальника отдела КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — старший инженер газодинамического сектора НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 — научный сотрудник, там же.
- 1960 — руководитель группы, там же.
- 1963 — старший научный сотрудник, затем заместитель начальника отдела, там же.
- 1964 — начальник того же отдела.
- 1965 — исполняющий обязанности заместителя, затем заместитель начальника газодинамического отделения по научно-исследовательской работе, там же.
- 1989 — главный научный сотрудник, там же.

Ратников Владимир Петрович

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1978); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1981); знаком трудового отличия «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1999).

В. П. Ратников родился 29 марта 1930 года в селе Хилково Ладского района Мордовской АССР в семье учителей. В 1947 году окончил 10 классов мужской средней школы в г. Саранске и поступил на первый курс Московского механического института. Летом 1951 года он в составе группы студентов инженерно-физического факультета, направленной по инициативе И. В. Курчатова в «Сороковку», проходил курсовую практику на химкомбинате № 817 (ныне производственное объединение «Маяк», г. Озёрск).

Летом 1952 года после окончания 5-го курса института группа из пяти студентов инженерно-физического факультета: Б. В. Литвинов, В. К. Орлов, Ф. В. Григорьев, Ю. Н. Косаганов и В. П. Ратников — была направлена на преддипломную практику и дипломное проектирование в КБ-11. Это был первый «де-сант» студентов-дипломников ММИ (позднее МИФИ) на атомный объект в Арзамас-16. Все они попали в газодинамический сектор. Однако был момент в биографии В. П. Ратникова, когда он мог и не стать газодинамиком. Б. В. Литвинов в своей книге «Атомная энергия не только для военных целей» (Екатеринбург, 2002) рассказывает, что, попав в газодинамический сектор, дипломники почувствовали себя не совсем уютно. Специальность у них была экспериментальная ядерная физика, занимались изучением ядерных процессов, проходили практику на химкомбинате «Маяк», а тут — достаточно примитивная техника во взрывных экспериментах. И вот Б. В. Литвинов и В. П. Ратников пришли к Ю. Б. Харитону и сказали: «Юлий Борисович, мы не хотим быть газодинамиками. Мы ядерщики, верните нас ради бога в ядерное подразделение, тем более что здесь физики есть, и пошлите нас туда делать диплом».

Но всё оказалось не так просто. Юлий Борисович позвонил в отдел кадров и получил ответ, что о переходе не может быть и речи, существует строгая разрядка, это государственное распределение. Тогда Ю. Б. Харитон предложил защитить дипломы и, если тяга к переходу останется, он поспособствует, чтобы они вернулись к своей любимой ядерной физике, к регистрации ядерных процессов.

Но этому не суждено было случиться. Все приехавшие дипломники сделали работы в газодинамическом секторе, да там и остались, войдя во вкус. В. П. Ратников сделал прекрасную работу у В. М. Некруткина по малогабаритным зарядам. Это направление тогда только начинало развиваться, и в дальнейшем большая часть научной деятельности Владимира Петровича, уже после перевода на Урал, была связана с разработкой малогабаритных зарядов.

В 1955 году в НИИ-1011 В. П. Ратников приступил к работе в одной из лабораторий газодинамического сектора старшим инженером. Вскоре его назначили руководителем группы, а с образованием в 1963 году на базе лаборатории отдела 42 — заместителем начальника отдела и с конца 1963 года — начальником этого отдела. С 1965 по 1989 год он — бессменный заместитель начальника газодинамического отделения по НИР.

Владимир Петрович Ратников стал одним из крупных ученых-исследователей, занимавшихся изучением поведения материалов конструкций на газодинамической стадии работы ядерных зарядов, непосредственно предшествующей ядерному взрыву. Он принимал участие во всех этапах этой работы, начиная с разработки моделей и макетов ядерных зарядов, в определении постановки и проведении взрывных экспериментов на внутренних испытательных полигонах, неоднократно участвовал в натурных испытаниях ядерных зарядов на внешних полигонах.

Работы В. П. Ратникова всегда были на острие новых разработок, способствовали созданию совершенных ядерных зарядов для артиллерии и военно-морского флота, ядерных зарядов мирного назначения: для перекрытия аварийных газовых скважин, создания подземных полостей для хранения вредных отходов, интенсификации нефтяных месторождений, для сейсмического зондирования Земли в геологоразведочных целях.

В 1956 году В. П. Ратников поступил в вечернюю аспирантуру и в 1963 году защитил кандидатскую диссертацию на очень актуальную тему, посвященную разработке ядерных зарядов предельно малого калибра, в основном для артиллерийских снарядов. Снарядная тематика с конца 1950-х годов была сосредоточена на Урале.

При непосредственном участии В. П. Ратникова выполнен широкий спектр работ по разработке различных типов зарядов. Под его непосредственным руководством сотрудниками отдела 42 проведена научно-исследовательская работа, которая показала возможность создания ядерного заряда оригинальной конструкции, намного более экономичного по сравнению с традиционными. За работу, выполненную в 1966—1969 годах, он удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Но всё же основной вклад В. П. Ратниковым был внесен в разработку удлиненных ядерных зарядов для артснарядов. Наряду с этими зарядами, работающими на принципе сжатия (имплозии), под руководством В. П. Ратникова разработан ядерный заряд для артснаряда на принципе сближения. Модификации такого заряда успешно использовались в качестве промышленных при подземных ядерных взрывах. Наиболее значимой, фундаментальной работой, посвященной газодинамическим исследованиям, которая подвела итог первоначальному этапу разработки малогабаритных удлиненных зарядов для артснарядов и снарядов промышленного использования в глубоких скважинах, следует считать докторскую диссертацию В. П. Ратникова, защищенную в 1975 году. За разработки, проведенные в этом направлении в более поздние годы, В. П. Ратников в числе

Ратников Владимир Петрович

сотрудников РФЯЦ – ВНИИТФ в 1984 году был удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Обладая большой эрудицией, Владимир Петрович охотно делился своими знаниями с молодыми сотрудниками. Под его руководством были подготовлены и успешно защищены одиннадцать кандидатских диссертаций, в том числе он был научным руководителем и у автора этих строк, сохранившего о том времени самые хорошие воспоминания. Благодарность учителю за проявленное внимание и помощь в подготовке диссертационных работ хранят и другие соискатели ученых степеней в газодинамическом отделении. В 1987 году В. П. Ратникову было присвоено ученое звание профессора.

С переходом в 1989 году Владимира Петровича на должность главного научного сотрудника основным направлением его деятельности стала специальная безопасность разработок 1-го направления РФЯЦ – ВНИИТФ. И здесь он внес большой вклад в исследования и разработку методов повышения безопасности ядерного оружия при аварийных воздействиях на всех этапах его жизненного цикла и ликвидации последствий возможных аварий. Своим исключительно добросовестным отношением к делу, большим практическим и научным опытом и знаниями, внимательным и тактичным отношением к окружающим его людям он заслужил авторитет и уважение как у сотрудников газодинамического отделения, так и у всех тех, кто его знал вне работы.

Целеустремленный и решительный в науке, в обычной жизни Владимир Петрович был удивительно скромным человеком. Он никогда не имел личного автомобиля, любил природу, с удовольствием неспешно работал на своем небольшом садовом участке. Он много читал, любил классическую литературу и детективы, стихи Омара Хайяма, был большим ценителем творчества В. С. Высоцкого. В семье он был заботливым мужем и отцом.

Пришло время, когда в связи со здоровьем Владимир Петрович неоднократно собирался уйти на заслуженный отдых, но его отговаривали и просили еще поработать. В 1996 году он всё же уволился, но, видимо, пенсионный покой был не для его деятельной натуры, и он через полгода вернулся на прежнюю работу. В 2001 году здоровье резко ухудшилось. Жизнь Владимира Петровича Ратникова оборвалась неожиданно, так и не дав ему побыть по-настоящему неработающим пенсионером. В 2002 году, уже посмертно, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Замечательный ученый, щедрой души человек, посвятивший жизнь служению науке, людям, Отечеству, он достоин доброй и долгой памяти.

В. А. Сибилёв

Из воспоминаний

Папа родился в селе Хилково Мордовской АССР. Его отец, Петр Дмитриевич Ратников, происходил из купеческого рода, мать, урожденная Королёва Нина Яковлевна, — из мелкопоместных дворян. Оба работали сельскими учителями. Папа и его старшая сестра Галя учились в деревенской школе, но вскоре семья переехала в столицу Мордовии — г. Саранск. Несмотря на значительную разницу в школьных программах, папа окончил школу в Саранске с золотой медалью. Этому способствовали и природный ум, и воспитанное трудолюбие, и высокий профессиональный уровень его родителей: позже Нине Яковлевне было присвоено звание «Заслуженный учитель Мордовской АССР», а Петр Дмитриевич работал в правительстве Мордовии в сфере образования.

После окончания школы папа продолжил учебу в Московском механическом институте (позднее МИФИ). Время было послевоенное, голодное, занятия в институте длились по 8—10 часов, ездить на лекции зачастую приходилось через всю Москву, однако свои студенческие годы он считал очень счастливыми. Всегда тепло вспоминал преподавателей, многие из которых были известными учеными.

Основной чертой его характера была ответственность. Чем бы он ни занимался, он всё делал с полной самоотдачей. Это качество проявлялось и в главном деле его жизни — его работе, и в его досуговых занятиях.

В молодые годы папа увлекался фотографией, участвовал в городских фото-выставках, проходивших в кинотеатре «Космос». Занимался и цветной фотографией, что в 1960-е годы было делом непростым. На смену этому пришло увлечение творчеством советских бардов: Визбора, Кима, Кукина, Высоцкого. Слушание магнитофонных записей их песен длилось допоздна, кассетам не было числа.

После приобретения сада папа и садоводством занимался увлеченно. В саду выращивались новейшие сорта клубники, созревали тучные помидоры, буйно цвели и сейчас еще редкие клематисы и привезенные с юга розы.

Юг, Черное море — вот непреходящая его любовь. На море он ездил каждый год, очень хорошо плавал, ходил в походы по Крыму. Отдых на море давал ему силы, заряжал энергией для последующего периода напряженной работы».

Л. В. Соколова

Рукавишников Валентин Григорьевич

20.04.1934–27.11.1993

Специалист в области экспериментальной ядерной физики; кандидат физико-математических наук (1972), старший научный сотрудник (1976); лауреат Государственной премии СССР (1989).

- 1949 – учащийся Касимовского индустриального техникума.
- 1953 – студент МИФИ.
- 1959 – старший техник, затем инженер отдела нейтронно-физических и модельных методов измерений в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1964 – старший инженер в том же отделе.
- 1965 – заместитель начальника научно-исследовательского отдела нейтронных измерений, там же.
- 1966 – исполняющий обязанности начальника этого отдела.
- 1970 – начальник того же отдела.
- 1973 – начальник лаборатории специального материаловедения, там же.
- 1979 – начальник отдела радиохимических исследований специальных материалов – заместитель начальника отделения экспериментальной физики (1984) по спецтехнологии, там же.
- 1990 – главный инженер – первый заместитель директора ВНИИТФ, там же.

Награжден орденом «Знак Почета» (1976), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), нагрудным знаком «Изобретатель СССР» (1983). Почетный ветеран труда ВНИИП (1990).

Валентин Григорьевич Рукавишников родился в 1934 году в г. Касимове Рязанской области. Его отец, Рукавишников Григорий Алексеевич, погиб в Великую Отечественную, мать, Глафира Ивановна, оставшись с двумя детьми (младшая Надя родилась в 1941 году), работала заведующей производством в Касимовском торге.

В первый класс касимовской семилетней школы № 4 Валя пошел в 1942 году. Потом был Касимовский индустриальный техникум, который Валентин окончил с отличием, освоив специальность «механическая обработка древесины», и в 1953 году поступил в Московский инженерно-физический институт. По окончании вуза в 1959 году согласно распределению оказался на Урале в НИИ-1011, в научно-исследовательском секторе экспериментальной физики. Начав работать старшим техником в отделе нейтронно-физических и модельных методов измерений, он быстро стал одним из ведущих сотрудников. Уже в 1966 году в качестве исполняющего обязанности начальника В. Г. Рукавишников возглавил отдел нейтронных измерений, обеспечивавший определение основных характеристик ядерных зарядов ВНИИТФ во время натурных испытаний на полигонах МО.

Начало 1970-х годов было переломным периодом в научной деятельности Валентина Григорьевича и возглавляемого им отдела. В 1972 году В. Г. Рукавишников защитил кандидатскую диссертацию, а в 1976-м ему было присвоено звание старшего научного сотрудника. Постоянный поиск новых принципов физических измерений привел к созданию новой методики определения характеристик нейтронного излучения и, соответственно, характеристик изделий при их испытаниях на полигонах. Новые принципы измерений, положенные в основу методики, позволили создать под его руководством новый детектор нейтронов. Примечательно, что детекторы этого типа были переданы на полигон, а методика получила статус стандартной методики испытаний.

В середине 1970-х годов отдел В. Г. Рукавишникова перешел на другую тематику — исследование свойств делящихся материалов и характеристик основных узлов изделий при их испытаниях на импульсных ядерных реакторах института и на полигонах МО. В этот же период Рукавишникову было поручено создание нового отдела, объединившего три ранее самостоятельных: отдел нейтронных измерений, которым руководил он сам, технологический отдел, обеспечивавший создание узлов специальных изделий, под руководством А. М. Зудихина и радиохимический отдел В. С. Безденежных. Высокая эрудиция, развитое чувство ответственности за порученное дело позволили В. Г. Рукавишникову создать единый коллектив, который и по настоящее время, решает поставленные задачи в интересах отделения и ВНИИТФ в целом.

С большим энтузиазмом и присущей ему настойчивостью В. Г. Рукавишников стал обустривать уникальный радиохимический лабораторный комплекс на промплощадке физического отделения. Аналогов этому комплексу в России до сих пор нет.

Рукавишников Валентин Григорьевич

В последующие годы усилия В. Г. Рукавишникова и его сотрудников были направлены, главным образом, на создание полигонных методик, разработку и применение твердых носителей изотопов водорода — тритиевых мишеней, на обеспечение проверки теоретических и технических решений по созданию перспективных изделий, на исследование свойств делящихся и других материалов. В числе наиболее значимых работ следует отметить:

- создание нового детектора и организацию производства его пятнадцати модификаций;
- развитие и применение радиохимических методов исследования;
- разработку технологии изготовления автономных изделий с газонаполненными ампулами высокого давления и на основе твердотельных носителей тяжелых изотопов водорода;
- создание участка для отработки и изготовления различных типов нейтронных запалов для новых образцов изделий;
- разработку и внедрение ряда методик по изучению физико-механических, теплофизических, структурных свойств и фазовых превращений делящихся материалов;
- разработку технологии нанесения электролитических покрытий на детали активных зон импульсных ядерных реакторов ВНИИТФ, ФЭИ, Центра радиационных исследований.

Валентин Григорьевич неоднократно назначался руководителем физических измерений при проведении натурных испытаний изделий института на полигонах Министерства обороны. Под его руководством создана экспериментальная база для исследования физико-механических и теплоизоляционных свойств делящихся материалов, для лабораторной отработки деталей и узлов изделий.

Высокий профессионализм, знание направлений деятельности ВНИИТФ и организаторские способности В. Г. Рукавишникова были по достоинству оценены руководством института и Министерства среднего машиностроения. В 1990 году он был назначен главным инженером — первым заместителем директора ВНИИТФ. Проявив организаторский талант, реализуя накопленный научно-технический опыт, он внес весомый вклад в осуществление технической политики института по объединению научно-исследовательских и практических работ, организации производства, налаживанию деловых контактов между сотрудниками конструкторских, теоретических и технологических отделений. При его решающем участии были налажены производственные и научные связи с сотрудниками основных предприятий Минатома: ВНИИЭФ, ВНИИНМ, ПО «Маяк», СХК и др.

524 Какую бы работу Рукавишников ни выполнял, на какой бы должности ни находился, его отношение к делу всегда характеризовалось высоким чувством ответственности, глубоким вдумчивым подходом, творческой инициативой. В научном наследии Валентина Григорьевича более 300 научно-технических отчетов, 40 публикаций, 9 изобретений, кроме того, он был руководителем трех аспирантов и соискателей ученой степени.

Была поразительной готовность Валентина Григорьевича помогать людям в решении их проблем. Он стал главным инженером — первым заместителем директора института. Забот — выше головы! Тем не менее... Раздается телефонный звонок. Кто-то из сотрудников задает вопрос по какому-то рядовому делу. Валентин Григорьевич вместо того, чтобы переадресовать его к кому-либо из специалистов, полчаса растолковывает проблему по телефону. Я на правах давнего друга (мы с ним дружили со дня приезда до его безвременного ухода из жизни) ему говорю, что его время в несколько раз дороже, а Валентин отвечает, что не может оставить без ответа никакой вопрос. Но надо сказать, что за исполнение дела он мог и спросить очень строго.

В 1993 году в институт приезжал известный журналист и писатель Владимир Степанович Губарев, а в 1995-м — в Москве в Издательстве по атомной технике вышла его книга «Ядерный век. Бомба», в основу которой легли его интервью с ведущими учеными ядерной отрасли, в том числе и с сотрудниками нашего института. Приведенные ниже фрагменты беседы В. С. Губарева с В. Г. Рукавишниковым позволяют лучше понять и оценить гражданскую позицию Валентина Григорьевича, его патриотизм, преданность избранному делу, масштаб его личности в целом.

Г. В. С.: ...Вы сколько лет здесь работаете?

Р. В. Г.: Сорок...

Г. В. С.: Как вы сюда попали?

Р. В. Г.: Очень просто — молодой парень окончил институт, пришел на распределение. Естественно, был задан вопрос: «Куда ты хочешь?» В те годы мы не рассуждали, куда я хочу, а потому ответил: «Туда, где нужен». Так появился Челябинск-70...

Г. В. С.: XX век прожит нами. Как вы считаете, обязательно должно было в нем появиться ядерное оружие?

Р. В. Г.: Если всмотреться в середину столетия, то станет понятным — был найден самый легкий выход из сложившегося положения. Для США тот «монстр», который назывался Советский Союз, был настолько страшен, что предохраниться от него с помощью обычного оружия они не могли. Сначала — опасность Третьего рейха, она определила сам факт рождения ядерного оружия, а затем противостояние с нами. Кстати, нас американский «монстр» пугал не меньше... Важно понять, кто-то сказал «а» — и тут мы не должны забывать о фашизме, о Второй мировой войне. Ядерное оружие помогло сохранить мир во второй половине XX века, и это тоже объективная реальность.

Г. В. С.: Вы не жалеете, что стали физиком?

Р. В. Г.: О личном всегда трудно говорить... Тут много особенностей. Во-первых, решались те задачи, которые были необходимы. Пусть сейчас спорят — нужно ли это или нет, но те проблемы, поставленные перед молодым специалистом, были решены! И он, молодой специалист, был частичкой огромного коллектива, где был нужен и полезен. Это был коллектив высоких профессионалов, добрых товарищей и близких людей. Они щедро делились своим жизненным опытом, не жалели

сил, чтобы воспитать молодого пацана и превратить его в нормального человека. Такого состояния коллектива я больше нигде не видел. Если вы спросите любого сотрудника института, он вам скажет примерно то же самое.

Г. В. С.: Весьма странная ситуация. Собирается группа талантливых людей, им создаются условия для работы, огораживают их колючей проволокой и ставят перед ними почти невыполнимую задачу. Они работают и убеждают, что им очень хорошо. Не правда ли, странно?

Р. В. Г.: В то время, когда вы говорите «у вас всё есть!» — для нас была невероятно трудная работа. Простой пример: мы не бывали в семье по полгода, а это — молодой мужчина, у него молодая жена, маленькие дети. Разве это легко?.. Или колючая проволока? Она не волновала, как и наличие колбасы в магазинах или шмоток. Мы на это не обращали внимания, потому что было дело. И наша жизненная позиция формировалась не внешней атрибутикой, а смыслом своей работы, ее необходимостью для страны, для народа...

Г. В. С.: Вы обронили фразу, что на молодых очень сильно воздействовал первый ядерный взрыв. Вы это почувствовали?

Р. В. Г.: Для нас шла обычная работа. Спешка и огромная нагрузка при подготовке. Осталось двадцать минут... десять... пять... Казалось бы, напряжение должно нарастать, а у тебя напротив — падает, ведь до этого было так трудно!.. Напряжение скрадывало эффект вспышки, происходящего... А потом надо было снять показания аппаратуры, которая находилась в специальных укрытиях... Когда ехали по степи, поразило, что она абсолютно голая — ведь накануне еще были ковыли, зелень... Это была последняя воздушная «сессия»... На рубеже находимся, одеты как положено в комбинезонах, халатах... Взрыв прошел, поднялось облако... И вдруг летят журавли, клин входит в облако и исчезает... Это впечатление на всю жизнь!..

Г. В. С.: Я с удовольствием приехал к вам, такое же ощущение у меня было в Арзамасе. Везде люди нашего поколения плачутся, сетуют, мол, и это плохо, и то, мол, жизнь не удалась... А в федеральных ядерных центрах я встречаю огромное количество людей, которые гордятся своей жизнью — прошлой и настоящей. Почему так?

Р. В. Г.: Если бы мне пришлось начать жизнь заново, я начал бы точно так же... И готов повторять каждый раз. Мне не нужно было ломать себя, врать, делать что-то против своей совести. Всю свою сознательную жизнь я работаю среди честных, порядочных людей, каждый из которых сделал свою судьбу собственными руками, своим трудом.

526 Валентина Григорьевича Рукавишникова отличали не только глубокие знания научно-технических проблем, но и чисто человеческие прекрасные качества. Он любил свою семью, детей, и надо сказать, что дети — и его с Ниной Григорьевной, и дети его друзей — просто обожали дядю Валу. Валентин Григорьевич прекрасно воспитал сына и дочь, которые, продолжая главное дело жизни отца, работают у нас в институте.

Я уже говорил о большой скромности Валентина Григорьевича и в подтверждение хочу рассказать вот о чём. Мы с Валентином много лет ходили в баню каждую неделю. Это стало для нас священным ритуалом. Не было случая, чтобы мы нарушили традицию. Но вдруг Валентин стал пропускать баню, объясняя свои «прогулы» то заботами семейными, то делами срочными. Так продолжалось года три — четыре, до 1993 года.

В 1993 году он обратился в больницу: беспокоило сердце. Прошел обследование. Внешне казалось, ничего серьезного. Осенью я слег в больницу с инфарктом, и Валентин практически каждый день после работы навещал меня. Посидим минут двадцать, поговорим по-дружески о делах, о жизни...

И вот в ноябре, это была пятница, он, как обычно, после работы заехал ко мне, поговорили, пошутили. Всё было как всегда, ничто не предвещало ничего дурного. Валентин поехал домой, я остался в больнице. А в субботу утром он умер.

Никогда никоим образом Валентин не показывал своего недомогания, не говорил о своем нездоровье. Никто не знал, что у него уже настолько больное сердце, что так близок был этот трагический финал. Как жил он скромно, так совершенно неожиданно и скромно ушел из жизни. Конечно, это была невосполнимая потеря прежде всего для семьи, для Нины, для детей — Гриши и Ольги, для нас, ближайших друзей, особенно для меня. Я даже представить себе не мог свою жизнь без участия в ней Валентина Григорьевича, почти 35 лет мы были с ним бок о бок на всех этапах нашей жизни. Прекрасный он был человек.

Что же касается заслуг В. Г. Рукавишникова в развитии института, в создании ядерного щита нашей страны, — они безусловны, о чем свидетельствуют государственные награды, многочисленные благодарности, звание лауреата Государственной премии СССР.

В. И. Никитин

Из воспоминаний

Свои воспоминания и впечатления о Валентине Григорьевиче Рукавишникове мне хотелось бы разделить на две части.

Первое знакомство произошло в 1990 году, когда Валентина Григорьевича назначили главным инженером института, а я был молодым новоиспеченным главным инженером подразделения. Каждый понедельник в его кабинете проходили оперативки главных инженеров подразделений, на которых можно было наблюдать за шефом. Запомнилась его мягкая, спокойная, располагающая манера общения. Значительно позже я видел его и другим, а тогдашнюю манеру держаться, пожалуй, можно объяснить процессом вхождения его в новую должность. Было заметно, что некоторые, как им казалось, маститые главные инженеры подразделений пытались порой «поддеть» Валентина Григорьевича, но только до

определенного времени. Мне впоследствии приходилось видеть, как интеллигентно, без истерик он ставил их на место, давая ощутить им всю тяжесть его административного ресурса. Но такое бывало крайне редко, по необходимости.

Ближе я узнал Валентина Григорьевича в 1992 году, когда у меня не совсем адекватно складывались отношения с моим непосредственным начальником. Я решил по этому поводу посоветоваться с заместителем директора института по кадрам Владиславом Ивановичем Никитиным. На что получил ответ, мол, ты устал, сходи в отпуск, а после отпуска заходи. Что я и сделал. При очередной встрече В. И. Никитин сказал: «Рукавишников болеет, но ты сходи к нему домой. Он тебе все скажет». На мои сомнения — удобно ли? — услышал: «Иди».

В домашней обстановке Валентин Григорьевич расспросил меня о моем жизненном пути, о семье, о работе и неожиданно для меня сказал: «Принято решение — вы будете работать моим заместителем». Я к такому повороту событий был совершенно не готов и задал дурацкий вопрос: «С Нечаем это согласовано?» Рукавишников ответил утвердительно. Так началась «вторая серия» наших взаимоотношений с Валентином Григорьевичем.

Мы встречались почти ежедневно. День зачастую начинался в его кабинете с утренней сигареты и обсуждения самых разных вопросов. Работалось с ним легко, мне была предоставлена относительная свобода действий. Перестройка была в разгаре, требовалось искать дополнительные объемы работ. В этой связи шеф всегда положительно откликнулся на мои просьбы о поездках на различные заводы и в организации. Но и требовал результата.

К сожалению, Валентин Григорьевич слишком рано ушел, и мне не довелось много узнать у него, о многом расспросить. Но то недолгое время совместной работы и неформальных встреч оставило в памяти образ незаурядного человека, любящего семьянина, надежного друга.

В. В. Дроздов

С Валентином Григорьевичем меня связывало многое: совместная работа, земляческое сходство характеров, добрые дружеские отношения. Уважение вызывали многие его качества. Удивляла широта кругозора. Он очень много читал как научной (в том числе и на английском языке), так и художественной литературы. Хорошо разбирался в радиоэлектронике, химии, математике, не говоря уже о физике, которая была его специальностью. Коммуникабельность, глубокие профессиональные знания позволяли ему легко устанавливать деловые контакты с сотрудниками института и научных центров страны.

Трудолюбие и работоспособность порой заставляли окружающих задавать себе вопрос: откуда у этого человека столько сил, энергии; как он на всё находит время? С первых же руководящих ступеней служебной карьеры в нём проявился вдумчивый руководитель. Он не просто знал, чем занимается каждый из его подчиненных, а глубоко вникал в суть работ, возникающих сложностей,

активно помогал в их преодолении. Став начальником отдела, он взял за правило ежедневно встречаться с руководителями групп. Выслушивал каждого и никогда не сводил своей роли до формального контроля состояния дел, а всячески старался помочь советом, идеей, административными мерами, двигал работу вперед. Дверь его кабинета всегда была открыта для любого сотрудника. Люди ценили в нём справедливость и честность. Он всегда имел мужество признать свою неправоту, не стеснялся обратиться за советом. Если кто-то попадал в сложную жизненную ситуацию, он по мере своих сил и возможностей оказывал помощь и поддержку.

Валентин Григорьевич — сам с Оки, а я — с Волги. Это обстоятельство, а также влюбленность в красоты природы средней полосы России сблизили нас, определили наше увлечение рыбалкой. Вечерами в летнее время после работы мы частенько выходили на Силач, Сунгуль в районе площадки 21, бывало, и с острогой. Его рекорд — пять щук за один удар! Любили посидеть у костра, вспомнить родные края, как рыбачили на Волге и ее притоках. Но даже в такие минуты он не был многословным.

Человеку, мало знакомому с Валентином Григорьевичем, он мог показаться не слишком приветливым, не слишком общительным, но мы, его друзья, знали, что за присущей ему сдержанностью кроется щедрая душа и доброе сердце.

Ю. А. Кулинич

Мой дед, Григорий Алексеевич Рукавишников, закончил рабфак и прошел путь от рабочего до начальника производства, избирался председателем профкома и секретарем парткома. В 1941 году он не воспользовался имеющейся у него бронью. Считая защиту Родины и семьи своим долгом, ушел добровольцем на фронт. В 1943 году Григорий Алексеевич пропал без вести. Все попытки отыскать его следы закончились безрезультатно.

Глафира Ивановна, бабушка, родилась в многодетной семье. Чтобы нянчить младших братишек и сестричку, ей пришлось оставить школу, едва окончив три класса. В 16 лет она уже работала сетевязальщицей и до замужества была одной из лучших работниц фабрики — стахановкой. Выйдя замуж, по настоянию мужа она оставила работу и занималась семьей.

Папины родители любили друг друга, жили очень дружно, обожали своего первенца. Маленький Валя рос непоседой. Но при всей бесшабашности и вспыльчивости он был очень ответственным, отзывчивым и ранимым мальчиком, любил книги, много и хорошо рисовал, играл в шахматы. Счастливое, безоблачное детство...

Всё рухнуло в одночасье. Война отняла отца. Мама вынуждена была работать, чтобы растить двух детишек — сестра Надя родилась в первые дни войны. Чтобы не умереть с голоду, держали козу, сажали огород. Семилетний мальчик стал первым помощником, маминой опорой — главой семьи. Ему приходилось поливать

огород, пасти козу, водить в садик сестренку. Однажды мама и соседка пошли за продуктами. Они меняли одежду и ценные вещи на картошку и хлеб. Вернулись уже ночью. Была поздняя осень, холодно, шел мокрый снег. Бабушка без сил упала на кровать, а папа всю ночь маленьким ведерком перетаскивал принесенную картошку в погреб.

Послевоенное детство не стало легче, ведь отец не вернулся с фронта. Валя ждал отца, каждый день бегал на пристань и встречал все пароходы, прибывавшие с военными, с надеждой вглядываясь в лицо каждого, но, увы...

Через всю свою жизнь папа пронес горечь этой безвременной утраты. И День Победы 9 мая он отмечал всегда как день памяти отца. Всегда накрывался стол. С другом, Владиславом Ивановичем Никитиным, они вспоминали погибших на войне отцов. Для нас, детей, знавших о войне лишь по фильмам и рассказам, минута молчания была священна. Мы вместе с взрослыми отдавали дань памяти погибшим дедам.

В послевоенные годы мальчишки, предоставленные сами себе, сбивались в компании, озорничали, пропадали вечерами, играя на деньги в карты. Для многих из тогдашних папиных друзей «безотцовщина» закончилась плачевно. Валентина спасла мама. Возвращаясь усталая с работы, она шла искать сына, вела домой, приговаривая: «Вот будешь инженером, как папа, делай что хочешь». Позже эти слова он вспоминал при каждой встрече с мамой, приезжая в отпуск, и каждый раз говорил ей спасибо.

В школе папа учился хорошо, учеба давалась ему легко, он был заводилой в ребячьих играх. После школы поступил в Касимовский индустриальный техникум, где, как и в школе, учился без проблем, с удовольствием ездил на практику, на сельхозработы. И все так же оставался хозяином в доме, маминым главным помощником.

У него было много друзей, с которыми он поддерживал отношения многие-многие годы: друзья детства и юности, друзья-одноклассники, друзья-однокурсники.

Каждое лето, приезжая в отпуск в Касимов, папа шел в гости обязательно к другу-тезке — Ваганову Валентину Григорьевичу. Они подружились в техникуме. Ваганов пришел учиться, уже пройдя фронт, имея жену и дочку и будучи старше своих одноклассников на семь лет. Они звали его «Старик». Сказать, что учеба давалась ему с трудом — значит не сказать ничего. Много позже, когда он стал директором Касимовского завода «Зооветоборудование», Валентин Григорьевич сказал мне, что учиться и окончить техникум ему помог мой папа. Он один не насмеялся над его ошибками и всегда был готов прийти на помощь. Оба Валентина на всю жизнь сохранили дружеские отношения, встречались при всякой возможности, с теплотой вспоминали студенческие годы.

Техникум папа окончил с отличием. Он рассказывал, что случайно наткнулся на объявление о наборе в МИФИ, когда по окончании техникума поехал в Москву. В то время у него совершенно не было планов поступать в институт, тем не менее

Рукавишников Валентин Григорьевич

что-то заставило его подать документы. Папа рассказывал, что когда он, худенький, бедно одетый провинциальный мальчик пришел на экзамены и увидел других абитуриентов — красивых и модных, судорожно повторяющих учебники, то вдруг разволновался и испугался своей самоуверенности. Но документы были поданы, и папа пошел на собеседование. Вопросы в основном были качественные, на сообразительность. Папа выдержал испытание и был зачислен. Никого из тех, кого видел тогда на приемных испытаниях, он больше в институте не встретил.

В 1953 году папа уехал учиться в Москву, но каждое лето он приезжал домой на каникулы и старался порадовать свою маму, помогая ей во всём.

Время учебы в институте он вспоминал как счастливое и светлое, несмотря на большие материальные трудности. Жил в общежитии. Больше года нелегально ночевал в их комнате тогда еще никому неизвестный начинающий композитор Микаэл Таривердиев. Он приобщил физиков к авторской музыке, опере, к концертам в филармонии.

В Москве папа встретил прекрасную девушку Нину, полюбил ее, женился и привез на Урал.

Моего папу отличали исключительная добросовестность, честность, обязательность. Любое дело, за которое брался, он всегда доводил до конца, притом наилучшим из возможных способов.

Я вспоминаю папу как веселого, общительного и бесконечно обаятельного человека, очень любящего детей. И дети его просто обожали. Он мог собрать во дворе всю соседскую детвору и вместе с нами мастерить воздушного змея. Помню, как мы запускали этого змея с Сокола. У него на всё хватало времени. В нашем классе он вел математический кружок. Папа хорошо плавал. Любил рыбалку, лес. Любил собирать ягоды и, особенно, грибы. Он знал все грибные места в Касимове, Тарусе и в окрестностях Снежинска. Зимой мы с ним катались на лыжах. Никогда не забуду, с каким восторгом неслись мы с Сокола на лыжах, какие выражения выписывали вокруг вешек. У нас была своеобразная игра, забавлявшая нас обоих: я вставала под сосенку, одетую в снежную шубу, а он, ударяя по ней лыжной палкой, сбрасывал этот сугроб на меня...

О. В. Кедрова

Рыгин Борис Дмитриевич

02.05.1909¹

Инженер-экономист; сотрудник органов государственной безопасности с 1939 года, подполковник (1949); член ВКП(б) с 1939 года.

- 1926 — практикант-журналист Туркменского совета профессиональных союзов, г. Ашхабад.
- 1927 — секретарь бюро инженерно-технической секции ЦК Союза работников землеустройства и лесов, там же.
- 1929 — секретарь Управления землеустройства Наркомзема, там же.
- 1930 — студент Ленинградской лесотехнической академии.
- 1932 — студент экономического факультета Московского нефтяного института.
- 1936 — плановик совхоза Болшевской трудкоммуны № 1 НКВД, станция Болшево Северной железной дороги Московской обл.
- 1938 — начальник отдела рабочих кадров и зарплаты деревообделочной фабрики Болшевского спортивного комбината, там же.
- 1939 — начальник Ново-Петровского районного отделения Управления НКВД по Московской области.
- 1940 — помощник директора по найму и увольнению рабочей силы завода № 219 Народного комиссариата авиационной промышленности, г. Балашиха Московской обл..
- 1943 — помощник директора по найму и увольнению рабочей силы завода № 28 Главного управления по кислороду при СНК СССР, г. Москва.
- 1946 — помощник директора по найму и увольнению ВНИИ кислородного машиностроения при СМ СССР, там же.
- 1947 — помощник директора по найму и увольнению НИИ № 9 1-го Главного управления при СМ СССР, там же.

¹ Дату смерти установить не удалось.

- 1955 — заместитель директора НИИ-1011 по кадрам, г. Снежинск.
1956 — в звании подполковника уволен из органов КГБ по сокращению штатов в запас.
1957 — уволен с предприятия согласно личной просьбе.

Награжден орденами: «Знак Почета» (1945), Трудового Красного Знамени (1951); медалями: «За боевые заслуги» (1950), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «XXX лет Советской Армии и Флота» (1948).

Когда в стране стала создаваться разветвленная сеть научно-исследовательских институтов и опытных заводов, призванных решать проблемы новой отрасли народного хозяйства, к этой работе были подключены и кадровые службы. Они принимали самое активное и непосредственное участие в подборе и расстановке научных, инженерно-технических и рабочих кадров на объектах новой отрасли. Кроме этого, они занимались воспитанием кадров, повышением их квалификации, переподготовкой для решения новых научных и производственных задач.

На нашем предприятии первым заместителем директора по кадрам стал подполковник госбезопасности Борис Дмитриевич Рыгин — опытный кадровик и ответственный работник. На эту должность он был назначен в апреле 1955 года приказом министра среднего машиностроения.

Борис Дмитриевич родился 2 мая 1909 года в городе Самара. Отец, Дмитрий Андреевич, работавший слесарем, умер в 1919 году. Мать, Мария Андреевна, была портнихой. Из-за безработицы еще до революции семья Рыгиных переехала в г. Ташкент. После смерти мужа Мария Андреевна вновь вышла замуж — за портного, и в 1921 году у Бориса появилась сестра Маргарита. В 1923 году — новый переезд — в Самарканд, а оттуда в Ашхабад. Здесь в 1926 году родилась еще одна сестричка — Марта. В этом же году отчим развелся с матерью Бориса, и больше о нём семья не слышала. Семнадцатилетним юношей Борис Рыгин, оставшись единственным мужчиной в доме, начал свою трудовую деятельность в качестве практиканта-журналиста в Туркменском совете профессиональных союзов. Осенью того же года горкомом комсомола он был командирован на учебу на вечернее отделение рабфака, который окончил в 1930 году. В период с 1927 по 1930 год Борис Дмитриевич работал секретарем бюро инженерно-технической службы ЦК Союза работников землеустройства и лесов в г. Ашхабаде.

По решению центральной отборочной комиссии в 1930 году Б. Д. Рыгин был направлен на учебу в Ленинградскую лесотехническую академию. Но в 1932 году

Рыгин Борис Дмитриевич

по состоянию здоровья был переведен в Москву, где стал студентом Московского нефтяного института. В 1936 году с дипломом инженера-экономиста молодой специалист был направлен на работу в совхоз Болшевской трудовой коммуны № 1 НКВД (станция Болшево Северной железной дороги Московской области), где и проработал плановиком до 1938 года.

В период с 1938 по 1939 год Б. Д. Рыгин работал начальником отдела рабочих кадров и заработной платы деревообделочной фабрики Болшевского спортивного комбината. В 1939 году он был призван на службу в органы госбезопасности в качестве начальника районного отдела НКВД в селе Ново-Петровском Московской области. В этом же году Борис Дмитриевич стал членом ВКП(б).

С 1940 по 1947 год лейтенант государственной безопасности, а с 1944 года майор Б. Д. Рыгин служил в качестве помощника директора по кадрам завода № 219 Министерства авиационной промышленности в городе Балашихе Московской области, затем занимался кадрами на заводе № 28, в научно-исследовательском и конструкторском институте машиностроения Главного управления кислородной промышленности в Москве. В 1949 году ему было присвоено звание подполковника.

К середине 1950-х годов Б. Д. Рыгин стал уже весьма опытным и знающим работником по кадрам. Это и явилось основным поводом для его назначения заместителем директора по кадрам вновь создаваемого НИИ-1011.

Прибыв на объект, Б. Д. Рыгин сразу же зарекомендовал себя энергичным и деловым специалистом. Он настойчиво выполнял большую работу по комплектованию подразделений института не только научно-техническими и рабочими кадрами, но и хозяйственными.

В 1956 году Б. Д. Рыгин был уволен в запас КГБ при СМ СССР, но продолжал работу в институте в качестве вольнонаемного.

Из служебной характеристики (1955 год): «Б. Д. Рыгин проявил себя энергичным и опытным руководителем... Требователен к себе и к своим подчиненным. Политически развит, систематически работает над повышением своего идейно-политического уровня, был пропагандистом. Принимал активное участие в общественной жизни...»

Бориса Дмитриевича лично знал секретарь партийного комитета предприятия Б. П. Токарев. Он характеризовал Б. Д. Рыгина как человека жесткого, порой даже грубоватого. Б. П. Токарев отметил и то, что Борис Дмитриевич часто выезжал в длительные командировки и участия в общественной жизни почти не принимал. Об этом же говорил и работник цеха № 305 В. И. Сарычев: «Борис Дмитриевич был опытным кадровиком, но в силу того, что он часто находился в длительных командировках, его обязанности на месте, в основном, выполнял С. В. Клоков».

Выписка из приказа начальника Управления КГБ по Челябинской области от 1957 года: «Исключить с воинского учета офицера запаса КГБ [Б. Д. Рыгина] по личной просьбе с передачей на общевоинский учет Советской Армии».

Борис Дмитриевич Рыгин в ноябре 1957 года уволился с предприятия по собственному желанию и вернулся в Москву. К сожалению, сведений о его дальнейшем жизненном пути найти не удалось.

Т. В. Зиновьева

Из воспоминаний

Я видел Бориса Дмитриевича дважды. Первая встреча состоялась в Свердловском обкоме партии, куда я был приглашен на беседу о моем переводе на новое место работы. Тогда я работал начальником отдела кадров Свердловского подшипникового завода.

За столом сидел человек с крупными чертами лица, в гражданской одежде. Поздоровавшись со мной, Борис Дмитриевич предложил мне перейти на работу на вновь создаваемое предприятие, сказав, что он уже беседовал обо мне в райкоме и обкоме партии.

А вторая встреча была на 21-й площадке, где тогда размещалось управление института. Это было в ноябре 1957 года, когда я прибыл на объект.

Борис Дмитриевич сказал о том, что он скоро уезжает на новое место работы в Москву, и пожелал мне успехов в работе в институте.

Эти встречи и совместная, пусть недолгая, работа с ним позволили мне понять, что Б. Д. Рыгин очень опытный кадровик с твердым характером.

Ю. Я. Самойлов

У него никакой тяги сюда, никакого желания оставаться на Урале не было. Он говорил: «Сформирую объект и уеду». Может, это и сказалось, что при таком массовом комплектовании к нам просочилось хоть и немного людей, не совсем подходящих для нас.

Но работал он с большим пылом, мотался и по Уралу, и в Москву, и в Подмосковье. Доставал людей, комплектовал нас иногда с большим пылом, чем требовалось.

Он выполнил свою задачу и ушел...

Г. П. Ломинский

Я работала с Б. Д. Рыгиным весь срок его работы в институте с апреля 1955 года по ноябрь 1957 года. Борис Дмитриевич очень хорошо знал свою работу. Обладал прекрасной памятью. Был требователен и справедлив.

Помнится такой случай. В 1956 году управление кадров министерства направило к нам на работу 300 молодых специалистов, в основном инженеров. Дмитрий

Рыгин Борис Дмитриевич

Ефимович Васильев предложил Б. Д. Рыгину отказаться от этих специалистов, так как негде было работать — производственных зданий еще не было. Но Борис Дмитриевич сказал: «Отказываться не будем. Через год-полтора они нам будут очень нужны, а взять их будет негде».

И он выехал в командировку в разные города и договорился с директорами заводов о приеме наших специалистов «на стажировку». И они были определены на Уралмаш, Уралхиммаш, завод № 500 и ЧТЗ в Челябинске, на заводы в Нижнем Тагиле, Сухуми, Москве.

Борис Дмитриевич знал каждого специалиста, помнил, что и когда он окончил... А когда специалист становился нужен предприятию, Б. Д. Рыгин заходил к нам и говорил: «Отзовите такого-то специалиста с такого-то завода». И мы писали письма об отзыве. За полтора-два года все наши специалисты переехали для работы на своем предприятии.

С Борисом Дмитриевичем было легко работать. Он ценил своих работников, был внимателен к каждому.

А. Ф. Каширина

Салтыков Николай Владимирович

25.01.1925–28.11.1982

Партийный и хозяйственный руководитель;
член ВКП(б) с 1951 г.

- 1941 — матрос Западно-Сибирского речного пароходства, затем
электромонтер завода № 171 им. ОГПУ, г. Новосибирск.
- 1943 — студент Новосибирского военного института железнодорожного
транспорта.
- 1944 — курсант Омского танкового училища.
- 1945 — студент Новосибирского автодорожного института.
- 1950 — инженер-конструктор, затем заместитель начальника,
начальник механосборочного цеха на заводе
дорожно-строительных машин им. Колющенко, г. Челябинск.
- 1953 — секретарь (выборная должность) парткома завода, там же.
- 1955 — первый секретарь Кировского райкома партии, там же.
- 1956 — заведующий промышленно-транспортным отделом горкома
КПСС, там же.
- 1958 — первый секретарь горкома партии, г. Челябинск-50.
- 1961 — первый заместитель директора НИИ-1011, там же.
- 1965 — директор Государственного завода № 1, там же.
- 1968 — заместитель директора НИИ импульсной техники
по материально-техническому снабжению, капитальному
строительству, финансированию и общим вопросам, г. Москва.
- 1971 — заместитель директора Института атомной энергии
им. И. В. Курчатова по аналогичным вопросам, там же.

Салтыков Николай Владимирович

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1962, 1975), «Знак Почета» (1966); медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За освоение целинных земель» (1956), «За трудовое отличие» (1957), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Участник ВДНХ» (1956).

Салтыков Николай Владимирович родился 25 января 1925 года в деревне Агафониха Легостаевского района Новосибирской области. Отец, Салтыков Владимир Иванович, из крестьян-бедняков, до 1938 года работал в колхозе, затем столяром на строительстве. В 1941 году он ушел на фронт, а в 1943 пришла похоронка. Матери, Салтыковой Екатерине Ивановне, пришлось одной поднимать четверых сыновей. Николай был старшим. В июле 1941 года Октябрьский районный комитет ВЛКСМ г. Новосибирска направил его на работу матросом в Западно-Сибирское речное пароходство, а после окончания навигации — электромонтером на завод № 171 им. ОГПУ. В 1943 году Николай поступил в Новосибирский военный институт железнодорожного транспорта, но в следующем году был переведен в Омское танковое училище.

1945 год. Демобилизованный в связи с окончанием войны курсант Салтыков стал студентом механического факультета инженерно-строительного института в Новосибирске. Однако в 1948 году этот факультет постановлением правительства был переведен в Сибирский автодорожный институт им. В. В. Куйбышева в г. Омске.

В июле 1950 года дипломированный инженер-механик, специалист по подъемно-транспортным, строительным и дорожным машинам, Н. В. Салтыков начал работать на Челябинском заводе дорожно-строительных машин им. Колющенко сначала заместителем начальника, затем начальником механосборочного цеха, а в 1953–1955 гг. — на выборной должности секретаря парткома завода. В 1955–1956 гг. он — первый секретарь Кировского райкома КПСС г. Челябинска, затем заведующий промышленно-транспортным отделом Челябинского горкома партии. В 1958 году, по рекомендации бюро Челябинского обкома КПСС, его избрали первым секретарем горкома партии в г. Челябинске-50.

В 1961 году Николай Владимирович был назначен первым заместителем директора НИИ-1011 по общим вопросам. За время работы на этой должности Н. В. Салтыков проявил себя как выдающийся организатор. По его инициативе в институте впервые начали составляться долгосрочные планы капитального и текущего ремонта производственных и лабораторных корпусов, жилищного фонда института, благоустройства его территории.

С 25 декабря 1965 года по 2 января 1968 года Н. В. Салтыков возглавлял Государственный завод № 1. Под его руководством и при непосредственном участии было много сделано в области организации производства, внедрены сменные задания. Большое значение он придавал благоустройству территории завода, улучшению условий труда работников, культуре производства и производственной эстетике.

Николай Владимирович, являясь опытным партийным работником, бывшим секретарем горкома партии, сумел внести свежую струю в работу партийного комитета завода и повысить его роль во всех направлениях многогранной деятельности.

Первая заводская база отдыха — это его личная заслуга (выбор места, начало строительства). Он находил время и для художественной самодеятельности: привлек к участию многих руководителей цехов, отделов и сам участвовал в хоре.

Умный, с твердым характером, хорошими ораторскими данными, с богатым опытом организатора и руководителя, Салтыков особое внимание уделял работе с людьми, воспитанию кадров. По его инициативе на заводе был создан Совет мастеров.

В январе 1968 года Николай Владимирович переехал в Москву, где в течение трех лет работал заместителем директора НИИ импульсной техники по материально-техническому снабжению, капитальному строительству, финансированию и общим вопросам, а с 1971 по 1982 год — заместителем директора Института атомной энергии им. И. В. Курчатова (ныне Государственное предприятие — Российский научный центр «Курчатовский институт») по аналогичным вопросам.

Он внес большой вклад в сооружение крупнейшей экспериментальной термоядерной установки Токамак-10, обеспечив своевременную поставку уникального оборудования и строительство специального корпуса, за что в 1975 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Участие в выборных органах управления на протяжении многих лет стало еще одной значимой стороной деятельности Николая Владимировича. В 1953 году он был избран депутатом Кировского районного и городского Совета депутатов трудящихся г. Челябинска. Кроме того, до 1958 года он являлся членом райкома, бюро райкома, горкома КПСС и кандидатом в члены Челябинского обкома КПСС. В период жизни и работы в г. Челябинске-50 (1958—1968) Салтыков — депутат горсовета, член горкома и член бюро ГК КПСС. В Москве с 1971 года он вновь на депутатской работе в составе Ворошиловского райсовета, член исполкома райсовета народных депутатов, а также член парткома ИАЭ им. И. В. Курчатова.

Умер Николай Владимирович в Москве в ноябре 1982 года.

Е. П. Клименко

Из воспоминаний

Мало кто сейчас представляет истинные мотивы кадровых перемещений и назначений, имевших место на предприятиях Министерства среднего машиностроения. Наше ведомство в период его образования и развития благодаря грандиозности, а самое главное, ответственности за судьбу страны, было ареной бескомпромиссной борьбы между руководителями ведомства и чиновничьей партийной элитой как московской, так и региональной — областной, на территории которой находилось предприятие МСМ.

Н. В. Салтыков был направлен в наш город партийным руководством области с далеко идущими перспективами. Эти перспективы начали вскоре активно реализовываться, после ухода из жизни нашего первого директора предприятия Д. Е. Васильева, мощной атакой Н. В. Салтыкова на исполняющего обязанности директора предприятия В. В. Дубицкого, которая закончилась полным торжеством идеи вывода Н. В. Салтыкова в число фактических хозяйственных руководителей предприятия. Директором был назначен Б. Н. Леденёв, а его первым заместителем с широчайшими возможностями — Н. В. Салтыков. Возможные претенденты на должность директора подвергались обструкции. Структура предприятия деформировалась насильно в угоду интересам поставленной задачи. Так, главный инженер предприятия Георгий Павлович Ломинский был низведен до третьестепенного руководителя, мало что решающего в жизни и развитии предприятия и города. Надо сказать, что Б. Н. Леденёв дал согласие на свое назначение крайне неохотно и постоянно принимал меры к освобождению от этой не нужной ему должности. Однако после ожидаемого ухода Б. Н. Леденёва фортуна сделала неожиданный поворот, и директором предприятия был назначен Г. П. Ломинский, а главным инженером — А. Л. Коптелов, надежный ставленник руководства МСМ, показавший себя жестким и амбициозным руководителем даже на серийном предприятии, каким являлся Свердловск-45. На этом лидерство Н. В. Салтыкова в области производственной и хозяйственной жизни предприятия и города практически закончилось. Николаю Владимировичу ничего не оставалось делать, как согласиться на рокировку с Н. А. Голиковым, директором 1-го завода, который очень не ладил с А. Л. Коптеловым, и уйти из прямого подчинения Г. П. Ломинского под крыло главного инженера, который отвечал и фактически руководил первым производством. Одним словом, Н. А. Голиков стал заместителем директора по общим вопросам, а Н. В. Салтыков — директором завода № 1. Н. В. Салтыков понимал, что у него осталась еще одна возможность не выпасть из обоймы номенклатурных работников МСМ. Стоит только перевести Государственный завод № 1 из состояния упрекаемого, в состояние, во многом определяющее возможности предприятия по изготовлению опытных образцов оружия. И с этой задачей Николай Владимирович блестяще справился. И в этом его заслуга — пожалуй, главная.

Салтыков Николай Владимирович

В ряду первых руководителей завода — его директоров — Н. В. Салтыков занимает необычное место. Не особое, а именно необычное.

Безусловно, являясь талантливым руководителем с широчайшим арсеналом воздействия на умы и настроения больших производственных коллективов, Николай Владимирович относился к тому типу руководителей, которые не всегда всё знают, и более того, многое не знают, но понимают всё о людях, мотивах их поступков, их возможностях. По большому жизненному опыту, где было много всякого и много разного, что создало хороший жизненный фундамент, многократно усиленный настоящей партийной работой, Николай Владимирович был признанным и безоговорочным лидером и трибуном. Энергичный, иногда дерзкий в постановке целей и задач, он блестяще умел находить исполнителей, а затем мощно их поддерживал. Очень сильным свойством натуры Николая Владимировича была верность своему слову и верность и открытость тем, кого он считал своими друзьями и товарищами по делу. Это свойство его души не ржавело ни с годами, ни с расстояниями. Салтыков сумел создать коллектив единомышленников (вместе с парткомом) и мобилизовал его на выполнение планов производства.

Он проявлял постоянную заботу о развитии производственной базы. В те годы и было утверждено задание на проектирование здания заводоуправления (130), заготовительного цеха (170), комплекса спецпроизводства (здания 742, 743).

Одним словом, два года директорства Николая Владимировича были хорошими годами в жизни завода: как-то «повеселее» стали работать цеха, стабильно выполнялся план производства, более интересной стала социально-культурная жизнь заводского коллектива.

Но было понимание, что работа в провинциальном городе, да еще не на первых ролях, не давала возможности раскрыться в полной мере всему тому, на что он был способен. Кадровое руководство МСМ, зная и ценя способности Николая Владимировича, сделало ему предложение — переехать в Москву, на что он охотно согласился.

Б. И. Беляев

Самылов Сергей Васильевич

15.08.1932–12.10.2002

Специалист в области физики
высоких плотностей энергии, кандидат
физико-математических наук (1977);
член КПСС с 1962 г.

- 1950 — студент Московского инженерно-физического института.
- 1955 — препаратор-практикант КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1956 — инженер, там же.
- 1958 — старший инженер, там же.
- 1963 — руководитель группы в газодинамическом секторе НИИ-1011, г. Челябинск-70.
- 1965 — начальник отдела исследований экстремальных состояний вещества, там же.
- 1976 — заместитель начальника газодинамического сектора по ОКР, там же.
- 1989 — начальник газодинамического сектора — заместитель главного конструктора (1992), там же.
- 1995 — советник администрации газодинамического отделения, там же.
- 2001 — уволен в связи с уходом на пенсию.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1976), Почета (1996); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1984).

Наш институт, РФЯЦ — ВНИИТФ, богат на многогранные, талантливые личности. Ярким примером из их числа является Самылов Сергей Васильевич. Выдающийся руководитель демократического стиля, плодовитый генератор идей, идеолог многих нестандартных подходов к решению научных и технических проблем, поэт, спортсмен и просто замечательный человек.

С. В. Самылов родился 15 августа 1932 года в совхозе Суйда Красногвардейского района Ленинградской области — бывшее семейное владение Ганнибалов, а затем Пушкиных. Родители Сергея Васильевича были из крестьян. Отец, Самылов Василий Ионович (1906—1987), учился в ФЗУ, затем окончил Институт народного хозяйства по специальности «молочная промышленность и сыроварение». Мать, Самылова Наталия Александровна (1905—1988), после школы-восьмилетки и ФЗУ работала нормировщицей.

Семья часто переезжала, это было связано с работой отца: Оренбург (до 1941 г.), Махачкала (1941—1954 гг.), Йошкар-Ола (1954—1972 гг.), Снежинск (с 1971 г.). В итоге Сергей и его брат Владимир побывали во многих районах страны, что, безусловно, во многом определило широту их кругозора.

Детство Сергея Васильевича прошло в г. Оренбурге, школьные годы — в Махачкале. Сережа рос любознательным, жизнерадостным, общительным мальчиком. Возглавлял комсомольскую организацию махачкалинской мужской гимназии № 1. Очень любил спорт: увлекался баскетболом, футболом, шахматами.

Окончив в 1950 году гимназию с серебряной медалью, он поступил в Московский инженерно-физический институт, в котором получил углубленные знания по физике. Дипломную работу он выполнял во ВНИИЭФ, затем работал инженером, старшим инженером в отделе В. А. Цукермана. В 1963 году был переведен во ВНИИТФ, где работал руководителем группы, с 1965 года — начальником отдела, с 1976 года — заместителем начальника газодинамического отделения по ОКР, а в 1989 году стал начальником этого отделения.

Сергей Васильевич обладал блестящим талантом и высочайшей квалификацией физика-исследователя широкого профиля. Его отличали широта, всесторонность подхода к исследуемой проблеме, стремление найти и постичь фундаментальные основополагающие и простые закономерности, управляющие исследуемым физическим явлением. У него постоянно рождались новые идеи, проекты, решения различных проблем, больших и маленьких, возникающих либо в работе, либо в какой-нибудь другой отрасли знаний, которая на первый взгляд никак не пересекалась с его профессиональной деятельностью. Например, он мог одновременно предлагать новый принцип работы ядерных зарядов и объяснять природу загадочных серебристых облаков, возникающих на огромной высоте.

Творческая увлеченность новыми идеями и проблемами в каком-то смысле мешала ему в росте как выдающегося ученого. Проблема, которую он решил для себя, теряла для него интерес, поскольку его увлекала новая. Так, даже диссертацию кандидата физико-математических наук он защитил только в 1977 году под большим нажимом руководства. И несмотря на это, его ценили и с его мнением во

многих вопросах считались не только доктора наук, но и академики. Его авторитет был признан не только в институте, но и в министерстве.

Основные научные увлечения Сергея Васильевича связаны с работой в федеральных ядерных центрах: газодинамика, кумуляция энергии, ВВ, ядерная физика, физические основы и техника измерений, фундаментальные основы мироздания, а пространственные масштабы — от микромира до космоса. О самых сложных вещах он мог рассказать просто и доходчиво.

Он всегда придерживался сугубо демократического стиля руководства. К нему с любой идеей или вопросом мог зайти и начальник, и лаборант. Он с вниманием мог выслушать всех и сразу найти в сказанном либо ценное зерно, либо неоспоримые аргументы «против». В его кабинете обычно решалось сразу несколько вопросов. Группа людей с одним вопросом могла соседствовать с группой, решающей другой вопрос, и тут же собиралась группа с третьим вопросом. Такое соседство часто порождало совершенно неожиданные, эвристические решения проблемы. И вообще, Сергей Васильевич зачастую использовал метод мозгового штурма для решения различных сложных проблем.

С коллективом, который он возглавлял, у него всегда были прекрасные отношения. Он был увлеченным человеком, и заражал этой увлеченностью других. Аувлекался он и уральской природой, и спортом, и стихами. Был редактором стенной газеты, часто занимающей первые места в конкурсе стенных газет, и яростным болельщиком, организующим соревнования по правильности прогнозов.

В. А. Огарков

Из воспоминаний

Я много лет дружил с ним, наши семьи дружили домами, и у меня всегда оставалось впечатление о нём, как о светлом человеке. От рождения он был светлым не только потому, что был кудрявым блондином, но и потому, что всегда светился светлой улыбкой, своим интеллектом, разносторонним и глубоким, своими глубокими знаниями и любознательностью...

...Учился он с интересом. Многочисленные науки, которые преподавали в этом институте [МИФИ], давались ему без труда. Вместе с еще тремя дипломниками — Олегом Федоровским, Сашей Фунтиковым и Игорем Воронцовым — Сережа Самылов приехал в КБ-11... продолжать путь в науку. 12 марта 1956 года дипломы были защищены...

544

После моего перевода из КБ-11 в НИИ-1011 в 1961 году Федоровский и Самылов направили заявления об их переводе в наш институт. Просьба была удовлетворена.

В 1963 году они вместе с семьями переехали в Челябинск-70...

...За сухими данными — когда учился, когда женился, кем и сколько проработал и в какой должности — не просто даты и перечень должностей человека, за этим — непрерывный рост его мастерства и умения работать в большом и ответственном научно-инженерном коллективе...

...Я хочу отметить, что стиль работы свободного художника не мешал Сергею Васильевичу добросовестно и на высоком профессиональном уровне выполнять плановые работы. В то же время он умудрялся, выполняя свои личные научные изыскания, заниматься и спортом, и популярной игрой с такими же фанатами, как и он, в угадывание результатов будущих футбольных матчей. Эта азартная игра велась на деньги, но в умеренных количествах. Сергей Васильевич считал, что это придает игре большую остроту.

У меня никогда не было тяги к азарту, к игре на деньги, к заключению пари. По-видимому, есть что-то общее с непрерывным поиском нового в науке с достижениями в спорте и соревнованиях. Иногда мы — я и Сергей Васильевич — разговаривали и спорили по этому поводу. Я считал, что у каждого из научных работников должна быть самодисциплина, ранжирующая наши желания с необходимостью заниматься неинтересными проблемами. Сергей Васильевич выражал понимание значения важного чувства самодисциплины, но говорил об этом, как о чем-то абстрактном, не имеющем отношения к практике. Когда я начинал с ним разговаривать о необходимости работы над его же кандидатской диссертацией, он находил множество причин и объяснений, почему это нельзя делать сейчас. В конце концов, Сергея Васильевича заставили написать и защитить кандидатскую диссертацию. По-моему, он выполнял эту работу с отвращением. Во всяком случае, он не загорался так, как при обсуждении проблем, не имеющих отношения к его диссертации. Мне так и не удалось додавить его до защиты докторской диссертации...

...Наши беседы на подобные темы, по-моему, не мешали нам — мне и Сереже, как я часто называл его еще со времени его работы в Сарове, — общаться как старым добрым друзьям. Мы встречались и в домашней обстановке, и на работе (здесь я называл его Сергеем Васильевичем), и в лесу, и в санаториях. Вспоминаю обо всём этом, и сердце начинает щемить от чувства невозвратной потери. Не могу забыть, как в дни рождений наших друзей Сережа всегда приходил со стихами. В них был неуловимый горский акцент Расула Гамзатова, за что друзья называли его «нашим Расулом». Стихи, сочиненные им, были просты, часто шутивы, но всегда мудры, словно дух гор жил в Сереже. Возможно, что его многолетняя жизнь с родителями в Махачкале способствовала его таланту поэта. В этом южном городе он пошел учиться в школу, там ее и окончил, там же повстречал Люсю Якименко, ставшую Самыловой и подарившую ему двух очаровательных дочек. Сережа при всех его многочисленных увлечениях никогда не забывал о них, заботился о них. Любил с ними гулять и разговаривать на самые различные темы. Но жизнь Самыловых рано омрачила неожиданная смерть Люси в возрасте 47 лет. Для нас всех это было потрясением. Сережа и Люся являли собой великолепную пару...

...Все, кто знал ее, помнят и вспоминают, как нередко в июле, когда появлялись грибы, взяв с собой кого-нибудь из домочадцев, мы на двух машинах — я на «Волге-21», Сережа на «Жигулях» — ездили собирать их (я эту грибную охоту называю «грибалкой»). Она не всегда бывала удачной, как и любая другая охота, но бывало и наоборот: и солили, и мариновали, и сушили, и просто жарили в таких количествах, словно хотели мы наестся грибами до конца нашей жизни... Кроме «грибалки» я любил ловить рыбу, особенно зимой. Но эти поездки Сереже не нравились. Даже в хороший летний день он, посидев недолго с удочкой, решал, что рыбы уже достаточно. Его характер не переносил долгого и неподвижного сидения при рыбной ловле.

Кроме таких целенаправленных поездок мы нередко совершали своего рода «кругосветки». Они были не длиннее 200–300 километров. Например, выехав за зону нашего города, мы ехали к Нижнему Уфалею, проезжали его и поворачивали на юг, иногда по наезженной дороге, иногда по колдобинам, когда можно ехать не быстрее 10–20 км/час. Места эти были полупустынные, но изумительно красивые. На Урале, особенно в окрестностях нашего города, а также Озёрска, Трёхгорного, Кыштыма, приятно было просто ехать, наматывая километры на колеса и наслаждаясь небыстрой ездой... Это был настоящий отдых, без суеты и спешки. Такие неторопливые поездки Сережа тоже очень любил.

Дважды мы с Сережей ездили отдыхать вдали от дома...

...Рассказывая о Сереге Самылове, я невольно вспоминаю и свою жизнь, вспоминаю, каким светлым и добрым человеком он был. Вспомнить о таком человеке, словно глоток родниковой воды испить...

Б. В. Литвинов

(из книги «Грани прошедшего», М.: ИздАТ, 2006)

Уральская школа молодых газодинамиков

Газодинамика взрыва, физика высоких плотностей энергии определяют базовый профиль нашего института. В течение многих лет кузницей газодинамических кадров для ядерных центров служил Московский инженерно-физический институт (который, кстати, окончил и Сергей Васильевич Самылов). Но в 1990-е годы — годы крутых социальных и политических перемен, подготовка специалистов целевого назначения учебными заведениями крупных городов страны резко сократилась. Везде и во всём ощущался дефицит — в кадрах, оборудовании, зарплате. Положение с кадрами становилось угрожающим. В это время, не самое благоприятное для науки, Государственный ракетный центр организовал конференцию по механике сплошных сред. С докладом о динамике вихревых течений в стратифицированной атмосфере выступил проректор Челябинского государственного университета, заведующий кафедрой прикладной газовой динамики профессор Ковалёв Юрий Михайлович. Естественно, что Сергей Васильевич Самылов не мог не высказать своего мнения по обсуждаемой теме. Обсуждение продолжилось

в кулуарах, переросло в знакомство и дальнейшее многолетнее тесное общение. В этот круг были вовлечены Борис Васильевич Литвинов, Валентин Федорович Куропатенко и я. Обсуждались разные темы, в том числе и кадровые трудности. Все единодушно сошлись во мнении, что в сложившейся обстановке будет иметь существенное значение фундаментальное образование, которое может преодолеть уральский регион. С этой целью была создана и успешно функционирует система, объединяющая Челябинский госуниверситет и ядерный центр. Университет дает фундаментальные знания по физико-математическим дисциплинам и специализацию по кафедре прикладной газовой динамики. Во ВНИИТФ изучаются специальные дисциплины, проводится научно-производственная практика, подготовка и защита дипломных работ, стажировка. Таким образом, университетское образование оптимально сочетается с научно-технической базой ядерного центра. Координирующим звеном в этой системе стал филиал кафедры прикладной газовой динамики университета при ВНИИТФ. Положение о филиале утвердили директор ВНИИТФ В. З. Нечай и ректор университета В. Д. Батухтин. Честь организовать работу и заведовать филиалом была оказана мне. В преподавательский состав филиала входили академик Б. В. Литвинов, профессора В. Ф. Куропатенко и А. Д. Зубов, доцент С. В. Самылов.

Постепенно острота кадровой проблемы в институте была снята. За прошедшие годы газодинамическое отделение пополнилось более чем двумя десятками газодинамиков. Из них выросли начальники лабораторий, аспиранты, лауреаты премий имени выдающихся ученых, работавших в институте. Сергей Васильевич очень ответственно относился к университетской деятельности. Даже будучи серьезно больным, он проводил занятия со студентами, беседовал с ними на разные темы — от бытовых до общефизических. К 25-летию университета в 2002 году нам вручили красивые юбилейные часы (карманные, на цепочке). И до последних дней Сергей Васильевич не расставался с ними: подолгу рассматривал, любовался и, наверняка, вспоминал о том, как начиналось это большое полезное дело, инициатором которого был он сам.

Антимагические числа и таблица Менделеева

Сергею Васильевичу было свойственно не только выдвижение новых идей, но и критическое отношение к устоявшимся понятиям. В своей статье «Антимагические числа в моделях ядра» (журнал «Атом», 1995, № 1) он пояснял это так: «В познании мира и природы, в установлении различных фундаментальных законов и соотношений, описывающих структуру и поведение как всего мира, так и составляющих этот мир компонентов (химических элементов, планет, звезд, галактики т. д.), их движение и эволюцию, важно подметить, найти и разгадать «выбранные» природой варианты существования материи. Возможности выбора у природы огромны. Это, другими словами, означает, что выбранные закономерности и соотношения

достаточно «продуманы», перепробованы природой и ею выбраны действительно выгодные и удобные.

Для понимания любого явления не менее важно знать и те варианты, которые природа обошла, которыми почему-то пренебрегла, тем самым намекнув на существование каких-то установленных ею законов, запрещающих реализацию этих соотношений. Знание, а тем более понимание причин таких запрещенных явлений, состояний и соотношений может дать ключ к открытию еще не установленных законов природы».

В одном из своих изысканий в таком ключе Сергей Васильевич добрался до таблицы Менделеева, вернее, до ее квантово-механических основ. Известно, что максимальной устойчивостью обладают ядра, содержащие не произвольное, а совершенно конкретное число протонов (и нейтронов). Эти числа названы магическими. Сергей Васильевич обратил внимание на случаи, когда для нескольких чисел протонов стабильные изотопы не существуют ни при каких количествах нейтронов в ядре. Их он назвал антимагическими и сделал заключение, что не всякий «коллектив» из протонов и нейтронов жизнеспособен. Причем более терпимы в «коллективе» протоны.

Первоначально я услышал этот материал в устной интерпретации и попробовал уговорить Сергея Васильевича на письменное изложение. Это было непросто. Сначала появились отрывочные записи, соединяемые только ему самому известной логикой. Но дальнейшая работа с автором привела к появлению добротной статьи в научно-популярном журнале «Атом» (в этом и был мой интерес как заместителя главного редактора).

На основе своих идей Сергей Васильевич собирался построить таблицу элементов (подобную менделеевской) с опорой на свойства ядер: сечения захвата нейтронов, энергии связи на нуклон и тому подобное, обратив особое внимание на удивительное свойство нейтронов обладать антимагическими сочетаниями. Но на это уже не оставалось времени...

А. К. Музыря

С. В. Самылов был старше меня, поэтому наши отношения складывались, как отношения «учитель — ученик». Учитель оказался удивительно демократичным и интеллигентным ученым с необычайно богатой научной фантазией. Если бы еще вдобавок у него была страсть к перу, то он мог бы состязаться с самим Жюлем Верном. К сожалению, административные дела у него шли не столь блестяще. Я говорил ему прямо, что администрирование — не его стезя, но он по непонятным для меня причинам продолжал этим заниматься, чем, возможно, преждевременно подорвал свое здоровье.

Вспоминать удобнее на конкретных примерах или уроках.

Урок 1. Как-то я подготовил толстый отчет, в котором изложил ряд идей. Этот отчет я делал утомительно долго, так что самому становилось противно от

этой работы. Учитель, ознакомившись с ним, посоветовал ради экономии времени автора и читателей впредь готовить тонкие отчеты, в которых содержалось бы не более одной идеи. Этот совет абсолютно верен. Я об этом помню всегда.

Урок 2. Дело было на Семипалатинском полигоне. Учитель был руководителем испытаний, а его ученик — заместителем по физическим измерениям. Параллельно с нами работала группа из ВНИИЭФ во главе с известным теоретиком Ю. А. Романовым. По окончании работы состоялось совместное совещание по подведению итогов. На этом ответственном совещании учитель уполномочил меня делать доклад, хотя мог бы это сделать сам или поручить С. Н. Наумову как теоретику. В этом я усмотрел доверие ученику и попытку всячески помочь перспективному сотруднику, который находился с точки зрения служебного роста на «восходящей ветви».

Прошло время. Сейчас у меня самого есть ученики. Стараюсь своих учеников выдвигать на передний край и не экранировать их.

Урок 3. По окончании полигонных испытаний готовился экспресс-отчет. В исследовании аварийного режима работы изделия была зарегистрирована некоторая зависимость. Площадь под кривой оказалась равной S . Чем меньше эта цифра, тем лучше. Однако учитель предложил в отчет поместить цифру на единицу больше, чем я был крайне удивлен. Его соображения были следующие. Межведомственная комиссия обязательно будет проверять площадь под кривой с учетом всяких занижающих факторов и всё равно получит меньше той, что мы привели. В этом случае комиссия оставит нас в покое. В работе комиссии я не участвовал, но думаю, что так оно и было. Это — урок мудрости.

Антиурок или урок, преподанный учителю его учеником. Бывали в истории случаи, что и великие ошибались. В 1972–1975 годах я был еще молодой и горячий сотрудник, короче говоря, состоял весь из углов, причем из острых. После успешного проведения тонких исследований электромагнитных эффектов в детонирующей взрывчатке «в награду» я был приставлен к газодинамической обработке изделий. Познакомившись с предметом, я пришел к выводу, что специфику опытов надо менять коренным образом. Так, благодаря моим усилиям и усилиям активно мне помогавших А. П. Покаташкина, Ю. П. Лысенко, А. Г. Чернова появился знаменитый экваториальный блок 227. Он рождался в великих муках: надо было обеспечить конкретные требования к неразгруженной области за счет оптимизации габаритов и ориентации измерительного ввода, доказать безопасность изготовления блока и подтвердить надежность и достоверность получаемых результатов. Это была настоящая битва идей.

Учитель не поверил в благополучный исход этого направления, что созвучно было с известной поговоркой: в своем отечестве пророков нет. И, находясь на очень важном посту заместителя начальника отделения по ОКР, письменно поклялся, что блок этого типа никогда не будет востребован. Я был свидетелем этого клятвоприношения и должен сказать, что немая сцена оказалась гораздо более напряженной, чем гоголевская — «к нам едет ревизор».

Спустя годы этот блок остается основным в газодинамической отработке. Пытаюсь переосмыслить сложившуюся тогда ситуацию, виню себя в том, что был недостаточно терпелив к иным суждениям, недостаточно пропагандировал свои идеи. Со временем возникшая тогда напряженность сгладилась, инцидент приобрел философское звучание и наши отношения «учитель — ученик» сохранились.

Всего лишь один из многих учеников мудрого учителя, я абсолютно уверен, что каждый из нас может рассказать свою сагу о нём.

В. Н. Смирнов

Мне посчастливилось очень долго работать под непосредственным руководством Сергея Васильевича, практически 15 лет. Самое яркое впечатление — уникальная способность Самылова создавать и поддерживать в руководимом коллективе поразительную творческую атмосферу, способствующую научному познанию сложных физических явлений. Причем научные интересы Сергея Васильевича имели очень широкий диапазон — от микромира до космоса, и он пытался зажечь такой же интерес в умах своих сотрудников. Обычно это происходило путем предложения рассмотреть некоторую физическую задачу в приложении к процессам, происходящим при работе штатных узлов или при газодинамических испытаниях их макетов. Таких задач возникало множество, так как довольно часто экспериментальные результаты, мягко говоря, не совсем соответствовали расчетно-теоретическим. Даже если начальная гипотеза была ошибочной, Сергей Васильевич ждал от сотрудника физического обоснования. Практически все молодые специалисты отдела имели такие задания. Это был своеобразный способ зондирования заинтересованности и способностей начинающих научных сотрудников решать сложные физические задачи в практическом приложении. Если, получив задание, специалист надолго пропадавал, не приходил обсуждать ход решения задачи, для Самылова становилось ясно, что человек не проявил должного стремления и желания, и в дальнейшем не имело смысла привлекать его к этой работе. Но подобные примеры были редкостью, обычно своеобразные идеи Самылова, казавшиеся иногда фантастическими, находили отклик в пытливых умах. Таким образом родились многие направления научных исследований в отделе 47, например:

- экспериментальное подтверждение возможности регистрации двойной фокусировки ударной волны;
- определение гармонического состава асимметрии ударной волны;
- работы по газодинамическому термоядерному синтезу;
- развитие методик регистрации импульсных излучений и многие другие.

550

После ухода Сергея Васильевича те, кто с ним близко общался, очень остро ощутили дефицит творческого отношения к научно-исследовательской работе.

В. И. Котко

В конце 1970-х годов я был еще молодым специалистом. Как раз в это время в институте шли очень интенсивные работы по многим направлениям. Требовалось проводить много взрывных экспериментов на внутреннем полигоне. А для этого требовалась так называемая материальная часть, которая изготавливалась в цехах завода № 1, завода № 2 и в экспериментальном цехе КБ-1.

Планы у всех были напряженные, нормочасы изготовителей материальной части строго регламентировались по темам между отделами сектора 4 (так он тогда назывался).

Но надо было делать много опытов. Старшие товарищи меня учили, да я и сам это понял, что под лежащий камень вода не течет. Надо не ждать, когда тебе что-то сделают согласно планам работ, сроки выполнения которых все время «ползут», а самому ходить по цехам к начальству, плановикам, технологам, мастерам, вплоть до рабочих на станках и клянуть о необходимости быстрого выполнения твоих заказов, привирая о чрезвычайной важности работ или придумывая что-нибудь другое, что я и делал довольно успешно. Иногда приходилось ходить и звонить по несколько раз, т. е. брать измором.

Один раз я попал в интересную ситуацию. Сидел в кабинете у С. В. Самылова с какими-то бумагами на подпись. Было много людей, и они всё прибывали и прибывали. По стечению обстоятельств большинство из них жаловалось на то, что заводы и экспериментальный цех КБ-1 не выполняют их заказы. Сергей Васильевич был очень тактичный и внимательный человек, всех выслушивал, обещая разобраться. И тут черт меня дернул за язык:

— Зачем жаловаться, надо самим ходить по цехам и аргументировать необходимость выполнения твоих заказов. Вот я это делаю, и мне все идут навстречу. Волка ноги кормят.

Сергей Васильевич среагировал на мое замечание неожиданно:

— Это что еще за волк у нас нашелся? Это как так, тебе делают вне плана, а им не делают по планам! Это ты их нормочасы забираешь! Да тут мне еще про пресс-форму твою для завода 2 рассказали! Где это видано, чтобы заводы фактически вне всяких планов изготовили пресс-форму, это какие же трудозатраты! Ну, вот что, Сибилёв, я с тобой буду разбираться!

Я приутих, проклиная себя за то, что неудачно встрял в разговор. После этого случая я всё ждал, когда Сергей Васильевич будет со мной разбираться. Время шло, а разборки не было. Напротив, он очень внимательно следил за моей работой, интересовался результатами, иногда, лукаво улыбаясь, подтрунивал:

— Ну что, Данила-мастер, не получается твоя телега?

Но результаты мои были всё же очень интересные, и я защитил кандидатскую диссертацию к окончанию аспирантуры. По прошествии времени я понял, что Сергей Васильевич и не собирался со мной разбираться, пошутил просто.

Самылов Сергей Васильевич

Умение мыслить масштабно отличало Сергея Васильевича. Давно уверовав в ошибочность выбора плутония в качестве основного оружейного материала, он принял, казалось бы, все меры, чтобы изменить ситуацию. Выпустил отчеты, докладывал на конференциях и научных советах. Его понимали везде, ему везде верили — и в верхах, и в низах. Но понимали также и то, что изменить технологический цикл получения ядерного материала, который дался трудами миллионов наших соотечественников, оплачен их жизнями, невозможно.

Лучше других понимал это Сергей Васильевич, но настойчиво продолжал накапливать аргументы, привлекая на свою сторону молодых сотрудников. Оружие будет всегда, и, значит, авария с ним рано или поздно может произойти. Чем раньше уйдем от плутония, тем дальше отодвинемся от возможной экологической катастрофы. Это же так ясно!

Но нет пророка в своем отечестве. Эта истина еще раз подтвердилась в связи с плутониевой проблемой. Приехавший в наш город с американской делегацией отец водородной бомбы Эдвард Теллер, выступая перед институтской общественностью, вдруг заявляет, что ему не удалось осуществить свою давнюю мечту — перевести ядерное оружие с плутония на изотоп урана. Сидящий рядом Б. В. Литвинов встал и через переводчика обратился к Теллеру: «В зале присутствует ваш единомышленник. Это Сергей Васильевич Самылов. Пожмите друг другу руки!»

Многие в этот момент почувствовали гордость за своего коллегу и учителя. Признание правоты, в какой бы форме оно ни приходило, как долго бы ни задержалось в пути, греет душу. Метко замечено: «Жизнь мудрее нас, живущих и мудрствующих. Сильных она заставляет усомниться, а тех, кто не добился признания при жизни, но прожил ее честно, она успокаивает».

И. А. Мелёхин

Санин Игорь Васильевич

30.11.1926–30.08.1996

Крупный ученый в области исследования быстропротекающих газодинамических и физических процессов; старший научный сотрудник (1961), доктор физико-математических наук (1968), профессор (1975); лауреат Сталинской (1955) и Ленинской премий (1966).

1944 — студент Харьковского авиационного института.

1948 — студент физико-технического факультета Харьковского государственного университета.

1951 — старший лаборант, затем инженер в КБ-11, г. Арзамас-16.

1953 — научный сотрудник, там же.

1955 — начальник лаборатории газодинамического сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.

1958 — начальник рентгенографического отдела, там же.

1960 — заместитель начальника сектора, там же.

1963 — заместитель главного конструктора — начальник газодинамического сектора, там же.

1989 — главный научный сотрудник, там же.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1962), Октябрьской Революции (1976), Ленина (1986); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1979). Его имя занесено в книгу «Заслуженные ветераны города» (1982).

Игорь Васильевич Санин один из восьми ученых, воздавая дань заслугам которых, РФЯЦ – ВНИИТФ учредил в их честь премии за выдающиеся научные работы в области ядерного зарядостроения. С 1998 года премией имени И. В. Санина ежегодно награждаются молодые ученые РФЯЦ – ВНИИТФ, достигшие наибольших успехов в экспериментальных исследованиях газодинамических процессов и баллистике. К сожалению, сегодня мы говорим о нём «был». И чем дальше уходят годы со дня его кончины, тем отчетливее представляются его заслуги как руководителя газодинамического отделения института и как ученого, чей научный потенциал, вся творческая жизнь отданы сложнейшему делу – созданию ядерного оружия.

Чем же он заслужил столь высокую оценку своей деятельности? Что отличало его от большинства научных сотрудников?..

Игорь Васильевич родился 30 ноября 1926 года в поселке шахты № 10 Алчевского района Донецкой области Украинской ССР. Малой родиной его стал небольшой рабочий поселок при шахте № 10 им. Артема. С самого детства судьба, казалось, испытывала его на прочность. Ему довелось пережить бедственное военное время. В 1941 году семья Саниных эвакуировалась в г. Кокчетав Казахской ССР. Потом были Прокопьевск, Актюбинск, Каттакурман в Узбекистане. Рано Игорь Васильевич познал высокую цену физическому здоровью: школьником, он серьезно травмировал ногу, результат – хромота на всю жизнь. Мальчишка, практически прикованный к постели, лишенный возможности посещать школу, не сломался, не поддавался унынию. Он почти самостоятельно с недетским упорством осваивал школьную программу. И первый успех пришел – он сдал выпускные экзамены экстерном на отлично! Высшее образование Игорь Васильевич получил в Харьковском государственном университете. Это тоже было не просто: молодой парень, студент, он мог передвигаться только на костылях. Но характер есть характер... Не желая мириться с инвалидностью, Игорь Васильевич стойко перенес массу операций по коррекции ноги, последняя, свидетелем которой стал автор этих строк, была в институте Г. А. Илизарова в 1978 году. Она проводилась многоступенчато и... без наркоза. Из операционной его вывозили на каталке бледного, как лист бумаги, но без единого стога, без жалоб. Решимость довести задуманное до полного успеха, мужество Игоря Васильевича достойны преклонения.

В жизни человека случаются обстоятельства, мало от него зависящие, но определяющие его творческую судьбу, научную карьеру. Так случилось и с Игорем Васильевичем. По окончании спецкафедры физико-технического факультета Харьковского государственного университета по специальности «физика» он был направлен в КБ-11 (г. Арзамас-16) и 15 февраля 1951 года зачислен в лабораторию В. А. Цукермана. Годы работы в этом коллективе определили становление молодого специалиста как ученого, организатора и руководителя. Его первыми учителями были В. А. Цукерман, Д. М. Тарасов и А. Д. Захаренков, а сам Игорь Васильевич оказался способным учеником.

Служебная и научная карьера И. В. Санина была стремительной. После нескольких месяцев работы старшим лаборантом он был переведен на должность

инженера, а в 1953 году стал научным сотрудником. К 1955 году он был автором шести научных отчетов. О значимости выполненных во ВНИИЭФ работ говорит Сталинская премия 2-й степени, присужденная Игорю Васильевичу в 1955 году. С переводом в том же году в числе перспективных специалистов во вновь создаваемый институт (НИИ-1011) на должность начальника лаборатории начался второй и главный этап научной деятельности И. В. Санина.

В 1958 году Игорь Васильевич защитил кандидатскую диссертацию, в 1959-м — был назначен начальником рентгенографического отдела, а в 1960-м — стал заместителем начальника газодинамического сектора по НИР. С 1963 года Игорь Васильевич — заместитель главного конструктора и начальник газодинамического сектора, который к этому времени уже состоял из семи отделов. Под его руководством и при его непосредственном участии проведена газодинамическая отработка большого числа ядерных зарядов.

В 1968 году И. В. Санин защитил диссертацию на соискание степени доктора физико-математических наук, а за большую педагогическую работу по воспитанию молодых научных кадров ему было присвоено ученое звание профессора.

Академик Е. И. Забабахин считал Игоря Васильевича газодинамиком № 1, о подготовке его учеников, о работах сотрудников с одобрением говорил: «Школа Санина». И это было справедливо. Отработка и испытание ядерных зарядов, анализ экспериментов, обобщение и выводы газодинамиком служили теоретикам и конструкторам научным основанием для создания и совершенствования могучего оружия для нашей армии. Под руководством Игоря Васильевича было завершено большое число разработок, переданных в серийное производство. Этим успехам способствовали не только высокий уровень знаний, организаторский талант и богатый практический опыт Санина, но и заслуженный в коллективе авторитет, который помогал сосредоточивать общие усилия на главных задачах, стоящих перед сектором.

Авторитет И. В. Санина был признан не только руководством институтов-побратимов, но и в Министерстве среднего машиностроения. Свидетельством тому избрание Игоря Васильевича членом ученых советов ВНИИТФ и ВНИИЭФ, а также членом научно-технического совета министерства.

В своей работе Игорь Васильевич на первый план всегда ставил интересы института. Иногда эти интересы расходились с тактическими планами НИР в секторе, что, естественно, вызывало у исполнителей реакцию несогласия и приводило к взаимному неудовольствию. Как ученый, обладающий даром научного предвидения, он понимал, что такие исследования в будущем могли бы дать соответствующую отдачу. Однако как руководитель, способный мыслить в государственных масштабах, делал выбор в пользу работ первоначально необходимых с точки зрения государственных интересов. Неизбежность такого выбора обуславливалась, прежде всего, ограниченностью средств, отпускаемых министерством. Поэтому финансирование НИРовских работ очень часто осуществлялось по остаточному принципу. Как обычно в таких случаях, консенсус не достигался, и приходилось

Игорию Васильевичу волевым решением отодвигать ряд научно-исследовательских работ на «потом», которое тем не менее наступало. И сегодня, по прошествии многих лет, в условиях новых отношений ядерных держав, когда нет полномасштабных ядерных испытаний, громадный задел разработок, созданных в тот период, остается востребованным.

Много внимания уделял Игорь Васильевич научному росту сотрудников. Он был председателем комиссии по подготовке аспирантов. Обсуждение тем диссертационных работ всегда проводилось при его участии. Под его научным руководством пятнадцать аспирантов успешно защитили диссертации.

Около трехсот научно-исследовательских работ, выполненных И. В. Саниным в соавторстве, стали весомым вкладом в науку. Проводимые под его руководством и при его непосредственном участии исследования быстропротекающих газодинамических и физических процессов, происходящих в различных конструкциях ядерных зарядов, легли в основу практически всех разработок РФЯЦ – ВНИИТФ.

Большой вклад внесен им в создание перспективных взрывчатых составов с требуемыми свойствами, изучение явлений кумуляции энергии во взрывных процессах и использование полученных результатов в исследовании поведения материалов при экстремально высоких динамических нагрузках. С этой целью была создана уникальная экспериментальная база, открыты новые возможности в исследовании веществ и получении новых материалов с уникальным комплексом свойств. Не без поддержки Игоря Васильевича была создана лаборатория по исследованию и получению методом взрыва ультрадисперсных алмазов.

Игорь Васильевич Санин прошел большой и славный творческий путь экспериментатора-исследователя. Талантливый руководитель и большой ученый, он оставил после себя учеников, труды, зрелый коллектив газодинамического отделения, который живет и трудится по сей день над проблемами создания новых более совершенных образцов вооружений в обеспечение безопасности России.

Л. Л. Лебедев

Из воспоминаний

Игорь Васильевич был человеком редчайшей отзывчивости и доброты.

556

Однажды мне надо было встретить в Кольцово прилетавшую из Ленинграда жену с маленькой внучкой. Своей машины я никогда не имел, а расписание движения автобуса было неподходящим. Случайно я узнал, что из Москвы после командировки возвращается Игорь Васильевич, и его самолет прибывает в Кольцово всего на пять минут раньше ленинградского, на котором прилетает моя жена. Зная, что Санина будет встречать машина, я, будучи в ту предпенсионную пору

одним из его третьестепенных сотрудников, попросил Игоря Васильевича, как мне казалось, о небольшом одолжении — «прихватить» из аэропорта мою супругу с внучкой. И что же вышло?!

Самолет из Ленинграда задержался с вылетом настолько, что когда Игорь Васильевич прилетел в Кольцово, тот даже не начал свой рейс.

Мне думается, что на месте И. В. Санина любой другой, да и я сам, наверное, тоже, ничего не дожидаясь, приехал бы в Снежинск и сообщил о сложившейся ситуации. Что предпринять дальше, было бы сугубо моим личным делом. Но не таков был Игорь Васильевич!

Не меньше четырех часов, а может и того больше, он провел в аэропорту в ожидании ленинградского самолета. Дождался-таки его, встретил мою жену и привез домой.

Я был просто потрясен столь великодушным поступком Игоря Васильевича. Благодаря его, не преминул сказать, что вряд ли кто-либо еще поступил бы так, как он. На это Игорь Васильевич лишь развел руками: «А я бы и до утра ее дождался: разве можно оставить в затруднительном положении женщину, да еще с ребенком!» Благороднейший он был человек!

Низкий поклон и светлая память ему.

Р. И. Борковский

... От него исходила какая-то удивительная аура. Эта аура распространялась и на его сотрудников, и на всех, кто был рядом. В секторе, который он возглавлял, существовала особая атмосфера — отношения в коллективе были чистосердечные, дружеские, уважительные. Кто общался с Игорем Васильевичем, помнит его обаятельную улыбку, внимательные глаза и всегда доброжелательный тон. При разговоре он слегка заикался, и только когда волновался, этот дефект становился особенно заметен. Он всю жизнь страдал от болезни, которую получил в результате травмы ноги.

Далекое счастливое детство. Оно оборвалось как-то сразу...

Родился Игорь Васильевич в прекрасной семье 30 ноября 1926 года в шахтерском поселке Донецкой области. Отец его, горный инженер, был сыном своего времени — работая на руководящих должностях, не жалел ни сил, ни здоровья. Мать — врач по профессии, но диплома не имела — за три дня до защиты родила первого ребенка. Потом так и не собралась защитить диплом: одно за другим несчастья ложились на ее плечи. Она всю жизнь работала медсестрой. Родители любили друг друга. В их семье был особый уклад, порядок, уважение и великая любовь к детям.

Игорь рос живым, здоровым, подвижным. Каждое лето семья отдыхала в деревне. И вот однажды, когда мальчику было 10 лет, Игорь прыгнул с крыши сарая. И — неудачно. Повредил ногу с переломом тазобедренного сустава...

Перелом оказался очень серьезным. В школу он ходить не мог. Войну встретил на двух костылях и в корсете.

Во время войны семья жила в Актюбинске, где отец работал в тресте «Молотов-уголь» в должности заместителя управляющего трестом. В 1943 году он умер от рака желудка, фактически голодной смертью. Чувствуя ее приближение, он попросил жену пригласить друзей, чтобы попрощаться с ними. Жена приготовила обед. Друзья сидели за столом, отец смотрел на них и вспоминал те счастливые дни, когда он был здоров и мог сидеть рядом. Так мужественно он простился со всеми.

Осталась мать одна с больным сыном на руках. Игорь был способным мальчиком, практически самостоятельно изучал школьную программу и в 1944 году, сдав экстерном экзамены на все пятерки, получил аттестат зрелости.

Друзья отца в память о нём вначале устроили Игоря в Московский горный институт. Но вскоре по настоянию мамы и дяди, который заменил ему отца, Игорь поступил в Харьковский авиационный институт на факультет моторостроения. А после четырех курсов его перевели на физико-технический факультет Харьковского госуниверситета для учебы на спецкафедре. Тогда не спрашивали желаний — выбирали с учетом анкетных данных лучших по успеваемости студентов. Игорь Васильевич и в институте учился отлично. Экзамены всегда сдавал досрочно и ехал в Крым лечить ногу. Все годы занятий он ходил с помощью костылей, только в конце учебы стал ходить с тростью.

Удивительные бывают в жизни случаи! Игорь Васильевич и его будущая жена Сталина Ефимовна учились в Харьковском университете в одно и то же время, только на разных факультетах. Сталина Ефимовна — на спецкафедре химического факультета. Друг друга они не знали, несмотря на то, что лекции по общественным наукам слушали вместе в одной аудитории. И только на выпускном вечере познакомились. Случилась, что называется, любовь с первого взгляда. Потом уже никогда не расставались — Сталина Ефимовна была первой и единственной любовью Игоря Васильевича.

После окончания университета всех молодых специалистов со спецкафедр направили в Москву на распределение. Сталину Ефимовну крайне удивило, что весь ее курс направили в Новосибирск, а ее вместе с Игорем Васильевичем и другими молодыми специалистами в Арзамас-16. Только потом он признался ей, что это произошло по его просьбе. К работе приступили 15 февраля 1951 года, а 28 августа они поженились. 31 мая 1952 года у них родился сын Сергей.

558 Игорь Васильевич самозабвенно любил сына — он для него был богом. Сын отвечал ему тем же. И, как говорит Сталина Ефимовна, 45 лет семья была за Игорем Васильевичем как за каменной стеной.

Большая ответственность была у него и перед работой, перед страной. Сталина Ефимовна вспоминает: «Мы все, дети войны, были патриотами. Работали так, что не было стыдно ни перед собой, ни перед делом, которое выполняли. Люди — что ни человек, то личность; не все пока еще оценены по достоинству, к сожалению...»

В Арзамасе-16 Игорь Васильевич был зачислен в лабораторию В. А. Цукермана. Несколько месяцев работал старшим лаборантом, потом, до января 1953 года, инженером, с января 1953 года — научным сотрудником. Сталина Ефимовна вспоминает: «Коллектив лаборатории работал с огромным энтузиазмом, с пониманием жизненной важности для страны того дела, которым занимались. Эта работа была связана с проведением огромного комплекса исследований и взрывных экспериментов на площадках. 8...10...11 часов вечера — мужчины еще на работе, женщины дома, с детьми. И это было нормально. Жили и работали очень интересно, народ был веселый и умный, главное — молодой...»

К ним часто приезжал Игорь Васильевич Курчатov и обязательно знакомился с новыми сотрудниками, молодыми специалистами. Обычно каждому подавал руку, тот в ответ называл себя. Подошла очередь Санина. Он решил пошутить. Представился: «Игорь Васильевич». Выдержал небольшую паузу. Все замерли, что будет дальше? А он продолжает: «Санин». Раздался взрыв смеха. Курчатov, сам мастер различных розыгрышей, шутку понял и принял.

«Игорю Васильевичу повезло, что он сразу после студенческой скамьи попал в хороший работоспособный коллектив. Именно там у него была возможность проявить свои незаурядные способности. У него были хорошие учителя, и становление его как ученого, организатора и руководителя пришлось на эти годы. И потом, всю свою жизнь, Игорь Васильевич с глубоким уважением и сердечной благодарностью относился к своим учителям: В. А. Цукерману, Д. М. Тарасову, А. Д. Захаренкову. Имена Ю. Б. Харитона, К. И. Щёлкина, Е. И. Забабахина были для него священны», — вспоминает Сталина Ефимовна.

В 1955 году его перевели во ВНИИТФ на должность начальника лаборатории НИО-4. Его трудолюбие, настойчивость, чрезвычайно ответственное отношение к делу и оптимизм помогли добиться больших успехов. Именно здесь, во ВНИИТФ, в городе Снежинске, в полной мере раскрылся его могучий интеллект, талант ученого, руководителя.

Кроме исключительных творческих и организаторских способностей, Игорь Васильевич обладал прекрасной памятью. Такая «сбалансированность» очень помогала ему. Под его руководством и при непосредственном участии был выполнен целый ряд важных разработок, некоторые — по его предложениям.

Игорь Васильевич исключительно добросовестно и ответственно относился к работе. При крайне критической самооценке он обладал большим чувством собственного достоинства. Он всегда считал, что должен заниматься реально полезным делом. Так, когда его назначили на должность заместителя руководителя НИО-4, фактически повысили, он, почувствовав, что эта должность лишняя, написал заявление с просьбой об освобождении.

С 1963 года Санин — заместитель главного конструктора и руководитель газодинамического отделения, в котором ведется разнообразная научная и конструкторская работа. Много сил он вложил в оснащение сектора уникальной импульсной техникой. Поставленные с его участием опыты позволили реализовать

смелый вариант конструкции, казавшийся вначале невыполнимым, а впоследствии ставший распространенным. Другие его эксперименты открыли дорогу новому направлению научных работ в области, где всё опиралось только на смелый эксперимент. Теоретические расчеты с точным подтверждением задуманного были получены позднее. Он внес большой личный вклад в разработку некоторых миниатюрных систем, на основе которых было сделано несколько удачных изобретений. За достигнутые успехи ему была присуждена Ленинская премия.

Наступил 1971 год. Ничего особенного он не сулил. Обычная работа, сопряженная с активным поиском новых, более совершенных материалов, конструкций, повышающих эффективность нашего оружия. А это связано с испытаниями, проведением опытов. И вот — взрыв на 3-й площадке. Он больно откликнулся в сердцах жителей города. На месте тогда погибло шесть сотрудников НИО-4, седьмой в тяжелейшем состоянии был доставлен в больницу. Над ним колдовали наши замечательные хирурги Бевзенко и Квашнин. Человек был спасен. А что же всё-таки случилось? Если ответить очень коротко, то у людей, постоянно занимавшихся смертельно опасным делом, не сработало чувство самосохранения. Они нарушили целый ряд элементарных, но обязательных требований техники безопасности. Недаром говорят: на беду и вилы стреляют.

Игорь Васильевич тяжело пережил этот случай, было плохо с сердцем. Для него взрыв оказался тяжелым ударом. Санин помогал семьям погибших, устраивая их детей на работу.

Однако жизнь продолжалась. В день его пятидесятилетия в приветственном письме руководство предприятия отзывается об Игоре Васильевиче так: «За прошедшие годы Вы внесли большой вклад в дело развития специального приборостроения в нашей стране и стали одним из тех людей, которые определяют лицо института».

А вот что вспоминает о нем Б. Г. Лобойко, познакомившийся с Саниным в 1958 году, еще учась на пятом курсе МИФИ, и работавший с ним до самого ухода Игоря Васильевича из жизни: «Помню один из его советов — если хочешь сделать что-то заметное, не ограничивайся 8-часовым рабочим днем, научный работник должен работать всегда... Мне постоянно приходилось взаимодействовать с ним. Не скажу, что это было легко и просто. Игорь Васильевич был сильной личностью, с такими всегда не просто. Он легко схватывал проблему, знал практически всё, что касалось работы НИО-4 и смежников, у него была великолепная память. Всё это было хорошо, когда твое решение совпадало с его мнением. А если нет?

560 Тогда бывали и споры, и взаимные неудовольствия... Правоту оппонента признавал, как правило, через несколько дней — видимо, анализировал, оценивал... Самое главное, признавал почти всегда. Но бывали прямо противоположные мнения, и прав был он. И вот здесь проявлялась его мудрость как руководителя. Он не только не мешал оппоненту, а максимально помогал постичь истину. И. В. Санин был волевым руководителем, который умело вел корабль НИО-4 в правильном направлении, принимая на себя основной груз зачастую нелегких решений.

При нём была заложена и сформирована научная школа газодинамиков-экспериментаторов, которая должна носить имя Санина...

Некоторые считали Санина суровым человеком. Это было далеко от истины. Достаточно вспомнить, скольким сотрудникам он помог получить квартиру, сколько он лично занимался судьбой пьющих, семейными неурядицами и так далее. Всё это не было показным, забота о коллегах была искренней».

О Санине-человеке Б. Н. Болтнева отметила: «У него было чуткое отношение к людям. Даже к тем, кто допустил ошибки или какие-либо проступки. Он давал им возможность исправиться, не спешил наказывать...»

Игорь Васильевич в самом расцвете сил, полон энергии, строит планы на будущее. Его потенциал еще далеко не исчерпан, он еще сильный организатор и руководитель. Но наступил 1989 год — год, когда в нашем институте решили провести эксперимент: избирать руководителей крупных научных подразделений общим голосованием. В НИО-4 тоже провели выборы. И один из претендентов «покатил перед собою рубль», то есть наобещал, что всем значительно повысит зарплату, должности... И никому в голову не пришло, что такие деньги просто неоткуда взять. А Санин ничего не обещал, потому что был честен и не хотел обманывать людей. Он и так, без посулов, заботился о подчиненных, старался и зарплату повысить, и поощрить за хорошую работу. Всё забыли люди, поверили обещаниям, избрали конкурента. Это потрясло весь институт. Сотрудники, видевшие Игоря Васильевича в момент, когда ему сообщили итоги голосования, говорили: «Он побледнел, стал белее бумаги». Иначе среагировать не мог. Ведь НИО-4 был его детищем, его жизнью. Лучшие свои годы Санин отдал развитию НИО-4. И вот результат...

Последнее в своей жизни заявление Санин пишет в феврале 1989 года: «В связи с неизбранием меня по конкурсу на занимаемую мною должность, прошу Вашего решения о переводе меня на должность главного научного сотрудника».

Последние события стали причиной сильнейшей стенокардии. Чтобы как-то успокоиться, он уехал на три недели в Москву к сыну.

Его поддержали и друзья, и близкие. Семья для него была хорошим тылом и как могла поддерживала его в трагический момент жизни. А еще ему помог его величайший оптимизм, который спас его от неминуемой катастрофы. Спас, но ненадолго, жить ему оставалось всего шесть лет. Б. Г. Лобойко в своих воспоминаниях отмечает: «Несомненно, Игорь Васильевич — человек редкого мужества. Дефект ноги обусловил непрерывную боль, которую он достойно сносил, никогда никому не жалуясь. В середине 1970-х годов он решился на коррекцию ноги в клинике Г. Илизарова. Первая операция прошла нормально. А вторую пришлось делать экстренно, без наркоза. И он выдержал. Потом рассказывал об этом без пафоса, с оттенком юмора». Дефект ноги, дефект речи мешали ему жить полноценной жизнью, мешали, но этого никто не знал. Он никогда не считал себя инвалидом. Он считал себя вполне здоровым человеком. И требования к себе предъявлял, как к здоровому человеку. И окружающие воспринимали его так, как он вел себя.

Санин Игорь Васильевич

Но 17 декабря 1990 года ВТЭК ЦМСЧ-15 приняла решение установить Игорю Васильевичу III группу инвалидности. Всё как-то сразу навалилось...

Жена его, Сталина Ефимовна, вспоминает: «Игорь Васильевич был легко-возбудимый. Эмоционально воспринимал жизнь, очень увлекался фотографией. У нас очень много его фотографий. Все они сделаны мастерски и просто великолепно. У нас много семейных альбомов. Молодые мы были очень общительными. В выходные дни редко обедали своей семьей — любили приготовить повкуснее и побольше и угостить как следует гостей. Праздники, как правило, встречали дома, готовились к ним старательно, накрывали красивый стол с разнообразными вкусными домашними блюдами, пирогами, тортами...

Игорь Васильевич умер 30 августа 1996 года, не дожив двух месяцев до своего семидесятилетия. Имея около пяти месяцев неиспользованных отпусков, он не работал только последние три недели, из которых две провел уже в больнице. Вот так относилось к своему делу наше поколение».

Сын их, Сергей, многое перенял от родителей. Был могучим, крепким парнем под два метра ростом. Занимался спортом. Школу Сергей окончил на все пятерки. В 23 года окончил физический факультет МГУ. В 26 лет защитил диссертацию. Женился. У него родилась дочь Елена. А через полгода после смерти Игоря Васильевича 7 января 1997 года его не стало. Он настолько любил отца, так переживал его смерть, что сердце его не выдержало — сын прожил всего-то 45 лет.

Игорь Васильевич и Сергей Игоревич Санины похоронены в Москве.

*По материалам статьи Э. В. Каюровой «Забывать его невозможно»
(«Наша газета», 2000, 30 августа)*

Сенькин Александр Николаевич

25.12.1945–09.12.2001

Разработчик ядерных боеприпасов; лауреат премии Правительства РФ (2002, посмертно); член КПСС с 1975; член Петровской академии наук и искусств (1997).

- 1963 — студент Пензенского политехнического института.
- 1968 — лаборант, техник, инженер-конструктор в отделе электромеханических приборов ВНИИП, г. Снежинск.
- 1977 — старший инженер-конструктор, там же.
- 1979 — начальник конструкторской группы в отделе пиротехнических приборов, там же.
- 1984 — заместитель начальника того же отдела.
- 1988 — заместитель начальника НКО-8 по ОКР, там же.
- 1989 — начальник НКО-8, первый заместитель главного конструктора, затем главный конструктор ВНИИТФ, там же.

Награжден орденом Дружбы народов (2002, посмертно), медалью «300 лет Российскому Флоту» (1996), нагрудными знаками: «Ветеран атомной энергетики и промышленности» (1998), «Заслуженный конструктор РФ» (1996).

Александр Николаевич Сенькин с 1989 по 2001 год, в течение двенадцати лет, был главным конструктором ядерных боеприпасов РФЯЦ — ВНИИТФ. В эти годы приоритетной задачей государственной важности стало качественное обновление ядерно-оружейного арсенала страны, дальнейшее повышение безопасности ЯБП. Он не только руководил, но и принимал непосредственное участие в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в разработке

конкретных конструкций, таких, как дополнительная (специальная) ступень предохранения в цепях иницирования ЯЗ, нашедшая широкое применение в боеприпасах последнего поколения. Ряд предложенных им технических решений защищен авторскими свидетельствами на изобретение. Значимость выполненных Александром Николаевичем работ отразили правительственные награды, почетные звания — свидетельства признания его заслуг перед Отечеством.

Александр Николаевич родился 25 декабря 1945 года в г. Пензе. Тяжелые послевоенные годы, на которые пришлось его детство, во многом определили его характер, отношение к делу, к жизни, да и саму жизнь. Отец, Николай Иванович, работал столяром на авторемонтном заводе. Мать, Елена Илларионовна, была домохозяйкой — в семье росли три сына и дочь. Окончив девять классов, Саша пошел работать грузчиком на кондитерскую фабрику, а учебу продолжил в вечерней школе. В 1963 году, поступив на вечернее отделение Пензенского политехнического института, он некоторое время, до перевода на дневное отделение, работал на трикотажной фабрике в качестве ученика слесаря.

Диплом об окончании института по специальности «приборные устройства» он получил в 1968 году. С квалификацией инженера-электромеханика молодой специалист был направлен во ВНИИП, где до того проходил преддипломную практику в качестве лаборанта, а потом техника. Работать инженером-конструктором Александр Николаевич начал в старейшем, образованном в год основания института отделе электромеханических приборов сектора 8. Первые годы работы Александра Николаевича в КБ — это время более глубокого познания специальности, поиски приложения приобретенных знаний. Он внимательно знакомился со спецификой работы, тщательно изучал специальную литературу, совершенствовал свои знания, накапливал опыт, и год за годом все более плодотворно работал рядовым конструктором. Ему была поручена разработка нового прибора точной механики со сложной логикой работы. Благодаря хорошей теоретической и конструкторской подготовке, он прекрасно справился с задачей, проявив при этом незаурядные качества исследователя и талант конструктора.

В 1970-х годах одно из центральных мест в работе института стала занимать разработка спецбоеприпасов для артиллерии. Потребовалось создание новых приборов, использующих физические факторы артвыстрела. Поэтому решением руководства института и НКО-8 в отделе 88, куда А. Н. Сенькин перешел в 1979 году, была создана специальная конструкторская группа, руководителем которой был назначен Александр Николаевич. Работы проводились в очень напряженном темпе. Конструкторам и лично А. Н. Сенькину отводилась особая роль. Фактически он руководил коллективом конструкторов и технологов завода № 1 и технологического сектора. Благодаря творческой энергии и огромным усилиям Александра Николаевича работы по созданию приборов для одной из первых ядерных артиллерийских боевых частей были успешно завершены. Однако высокий темп работы, огромная ответственность и большая психологическая нагрузка серьезно подорвали здоровье Александра Николаевича: потребовалась срочная операция на сердце.

Начальник отдела НКО-8 З. А. Горелик, один из первых руководителей А. Н. Сенькина, о тех событиях сказал так: «Вспоминая Александра Николаевича, невольно задаешься вопросом, где предел человеческих возможностей? Конечно, он прекрасно знал как свой предел, так и мнение врачей. Но его решение было таким: сколько богом отпущено, столько нужно жить и работать с полной самоотдачей, преодолевая физические недуги. И он это делал».

В конце 1970-х — начале 1980-х годов дела в группе Александра Николаевича и у него лично шли успешно. Он становился победителем в профессиональных конкурсах, был удостоен звания «Лучший конструктор КБ-2». Ему объявляли благодарности за хорошие показатели в работе, вручали знаки победителя соревнований и диплом «Лучший руководитель КБ-2». В этот период он подал несколько заявок на изобретения.

Во второй половине 1980-х годов послужной список Александра Николаевича пополнился: заместитель начальника отдела, начальник конструкторской бригады, заместитель начальника отделения по опытно-конструкторской работе. Работа над созданием сложных электромеханических приборов и устройств принесла Александру Николаевичу новые успехи, дав возможность проявить самостоятельность, трудолюбие и незаурядные способности конструктора.

Профессиональные знания, приобретенный опыт, а главное, творческое начало во всех делах, товарищеские отношения с сотрудниками и организаторские способности создали Александру Николаевичу деловой авторитет в коллективе. Выборы руководителей в конце 1980-х подтвердили его назначение, состоявшееся ранее по решению руководства института. Теперь он стал уже избранным начальником 8-го научно-конструкторского отделения (сроком на 3 года, как значится в официальном документе).

Успешная работа коллектива отделения под руководством Александра Николаевича в очередной раз показала его как высококвалифицированного специалиста и толкового энергичного руководителя. Компетентность Александра Николаевича, его эрудиция позволили ему с одинаково успешным результатом деятельно участвовать в решении принципиально новых проблем по созданию ядерных боеприпасов для различных родов войск, и прежде всего для Военно-воздушных сил и Военно-морского флота.

Через три месяца Александр Николаевич был назначен первым заместителем главного конструктора (с освобождением от обязанностей начальника 8-го отделения), а через полгода — главным конструктором ядерных боеприпасов.

Это произошло в октябре 1989 года, незадолго до начала всевозможных перестроечных реформ, повлекших за собой всестороннюю нестабильность, непродуманную конверсию, катастрофическое сокращение финансирования оборонных и других государственных заказов. Несмотря на эти сложные условия, когда фактически происходила деструкция военно-промышленного комплекса, в КБ под руководством А. Н. Сенькина продолжались разработки боеприпасов для новых систем оружия. В ту пору не все считали, что это надо делать. И, как он сам

говорил, ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы обеспечить теоретическую и конструкторскую загрузку личного состава. Александр Николаевич сумел, достойно переживая сложные моменты, сохранить лучшие кадры КБ. Как отмечалось руководством института и представителем заказчика, под руководством Александра Николаевича и при его непосредственном участии был разработан, модернизирован, передан в серийное производство и поставлен на вооружение целый ряд образцов ядерных боеприпасов.

Александр Николаевич порой сожалел о затянувшемся периоде своего служебного роста. Назначения всегда отставали от результатов его работы. В ту пору, когда он был молодым специалистом, его окружали конструкторы-асы и вырваться из круга или войти в круг заслуженных и признанных молодому человеку было непросто. Они, умелые, сильные, знающие себе цену, еще и выбирали, кому из молодых помочь. Надо было обладать недюжинным талантом, чтобы тебя заметили, одобрили, доверили.

«Вот почему, став руководителем и, особенно, главным, — сказал З. А. Горелик, — усвоив этот урок, Александр Николаевич сам охотнее общался с молодыми специалистами, поручал им достаточно серьезные задачи, помогал и, пристально присматриваясь, добивался на местах более внимательного отношения к ним руководителей. И результат не заставил себя ждать. Многие, справившись с поставленными задачами и поверив в себя, остались благодарны ему за свое становление без лишних мытарств».

Человек целеустремленный, не лишенный тщеславия, он никогда не стремился выдвинуться на первый план. Он просто знал и делал свое дело зачастую лучше других. И, как отметил начальник главка Н. П. Волошин: «Александр Николаевич внес большой вклад в обеспечение обороноспособности нашей страны на много лет вперед».

Конечно, более чем за 30 лет работы на конструкторских должностях Александр Николаевич успел сделать много. В течение этих бурных и плодотворных трех десятилетий, у него появилось столько новых идей и проектов, что, будь в запасе еще две-три жизни, он всё равно не успел бы всё завершить.

Известие о безвременной кончине Александра Николаевича Сенькина поразило всех. Талантливый конструктор, умелый руководитель и организатор, он был самым молодым главным конструктором не только в институте, но и во всей отрасли.

В некрологе, подписанном руководством ВНИИТФ и КБ-2, было сказано: «Мы потеряли крупнейшего специалиста и организатора в области создания ядерных боеприпасов, заслуженного конструктора Российской Федерации, который был широко известен в Минатоме, Министерстве обороны и на многих предприятиях оборонного комплекса страны».

Из воспоминаний

Мне довелось работать в одном отделе с Александром Николаевичем в самом начале его трудового пути. У него были очень хорошие учителя. Отдел возглавлял Юрий Михайлович Бянов, а начальником группы был Вадим Иванович Чадаев. Несмотря на разницу лет, все трое были похожи — самоотверженные, разносторонне талантливые, самолюбивые, умеющие отстаивать свою позицию. Поэтому Александр Николаевич как-то сразу вписался в коллектив.

Я плохо помню его как молодого специалиста, он очень быстро стал самостоятельным, уверенным в себе конструктором и уже через несколько лет начал работать над принципиально новым прибором, открывшим очень эффективное направление в построении автоматики наших изделий...

Позже мы общались редко, и в памяти сохранились лишь отдельные эпизоды. Помню нашу длинную прогулку по городу, когда Александра Николаевича выписали из больницы после первой операции, и его неожиданное для молодого человека философское отношение к болезни, жизни и работе.

Вспоминаются выборы начальника приборного отделения, Сенькина тогда поддержало большинство сотрудников. Вскорости (октябрь 1989 г.) он по представлению В. З. Нечая и Е. Н. Аврорина был назначен главным конструктором

А. Н. Сенькин (слева) и Н. В. Карих

института. Первое время ему было особенно тяжело, несколько раз даже жаловался при встречах. Я понял, насколько он перегружен, когда зашел как-то после окончания рабочего дня за своим документом, а Александр Николаевич достал из сейфа несколько толстенных папок с бумагами: «Вот, не успеваю смотреть».

Ему пришлось отложить завершение диссертации, материала для которой было более чем достаточно. Мы с Юрием Павловичем Фоминым предложили ему помочь — собрать материалы и пр., но получили твердый ответ: «Диссертация — это самостоятельный труд автора», — Александр Николаевич так же честно относился к науке, как к своей основной работе — работе главного конструктора.

Он сумел подобрать прекрасных помощников — Гелия Дмитриевича Зеленикина и других, но основная ответственность и основная тяжесть работ ложилась, конечно, на главного конструктора. Эта работа требовала постоянного напряжения всех сил, она под силу далеко не каждому здоровому человеку. А Александр Николаевич был серьезно болен, он быстро уставал и часто работал на каких-то непознанных внутренних резервах, как в войну. Несмотря на это, он успевал решить все необходимые вопросы и не просто решить, а найти оптимальные решения. Его нельзя было не уважать. Он требовал такой же самоотверженности от подчиненных, и он имел на это полное право.

Больные люди обычно очень следят за своим здоровьем, вовремя отдыхают, вовремя лечатся, стараются не нервничать и не перегружаться. Александр Николаевич был сильным человеком, и он сознательно выбрал другой путь — он работал до последнего, преодолевая болезни. Даже когда ему стало совсем плохо, и его положили в больницу, а затем отправили в санаторий, он пытался руководить работами по мобильному телефону. У него не оставалось времени долго болеть.

Э. Н. Кузьмин

Первой серьезной разработкой будущего главного конструктора нашего предприятия А. Н. Сенькина была система задействия (РСЗ) для одного из изделий. Это небольшое устройство, величиной с пальчиковую батарейку, со сложной механикой, использующей нагрузки выстрела и вращения на траектории, со специальной начинкой, было создано, испытано и прекрасно работало. Но производство серийный завод так и не смог освоить, настолько тонкая и чистая должна быть технология. Для серии эти приборы выпускал наш завод 1.

В. С. Берендаков

Одна из черт А. Н. Сенькина, известная всем, кто с ним сталкивался по работе, но почти не упоминаемая в печатных изданиях, — это его смелость, настойчивость, решительность. Он не робел ни перед трудностями, ни перед лицами. Для примера могу привести свидетельства участников спора с ВНИИЭФ за право разработки боеголовки по теме «Булава» (С. А. Деев и др.). Вопрос рассматривался

на совещании в Москве у заместителя министра Л. Д. Рябева в 2000 году. Тогда А. Н. Сенькин, как всегда, проявил свои настоящие бойцовские качества, которые в сочетании с убедительной аргументацией «по технике» не могли не повлиять на мнение председателя совещания. В конечном итоге им было принято мудрое соломоново решение: работы по созданию боеголовки в целом закрепить за ВНИИТФ, а разработку одной из подсистем ее системы автоматики поручить ВНИИЭФ.

Особо следует отметить тот факт, что годы руководства А. Н. Сенькина работами института по ядерно-боеприпасной тематике — 12 лет, три президентских срока! — совпали с переломным для страны периодом перехода от плановой социалистической экономики к рыночной, когда были нарушены сложившиеся десятилетиями производственные связи, резко обострилась социальная обстановка — немыслимые задержки с выплатой зарплаты, митинги, демонстрации протеста, сокращение госзаказа, конверсия... С таким букетом проблем не сталкивался ни один из главных на этом посту ни до, ни после него.

При таких обстоятельствах, с тяжелым грузом ответственности и за порученное дело, и за судьбу руководимого коллектива нетрудно было и сломиться. Но А. Н. Сенькин выдержал, выстоял, с честью справился с выдвинутой самой жизнью задачей реорганизации самой технологии ядерно-оружейных разработок, потребовавшей выработки и внедрения качественно новой системы организации работ в новых условиях. И в этом, может быть, не меньшая впечатляющих достижений в технике заслуга Александра Николаевича, не отмеченная — за исключением десятка благодарностей — какими-либо особыми наградами. Да и один запоздалый орден с почетными званиями не отражают тот большой творческий вклад его в непосредственную работу по совершенствованию конструкций ЯБП, который хорошо известен разработчикам ядерного оружия.

Таковы были времена, порушившие все стороны жизни в стране, в том числе и наградную систему. Но история помнит своих подвижников не по наградам!

Л. М. Захаренко

Трудно говорить в прошедшем времени о человеке, у которого было столько планов на будущее. Тем более, что я был членом его команды, ответственным за инженерно-техническое обеспечение работ КБ. По службе он был для меня вышестоящим руководителем, командиром. А по жизни, как человек, он мне просто нравился — своим жизнелюбием, своей открытостью. Что ему нравилось или не нравилось — всем было известно. Никаких задних мыслей. И я горжусь тем, что нас не без основания считали друзьями. Но на производственных отношениях это никак не сказывалось. Выговор за какое-то упущение в работе я мог получить так же, как и другие — без всяких скидок на дружбу. Зато и похвалить он не стеснялся, если был для этого серьезный повод.

Продолжая тему о его смелом, решительном характере, нужно сказать, что А. Н. Сенькин умел отстаивать позицию КБ и перед кадровиками, экономистами

Сенькин Александр Николаевич

и перед другими службами института, если был уверен в своей правоте. Этому есть много примеров, но я хочу здесь привести один, можно сказать, анекдотический случай, когда заместитель директора по экономике А. В. Минько возвратил заявку на командировку А. Н. Сенькина в Москву приблизительно с такой резолюцией: для экономии денег в командировки нужно не самолетом летать, а поездом. На что Александр Николаевич на заявке написал и передал по телефону директору института В. З. Нечаю: «Главные конструкторы на паровозах не летают!» С чем Владимир Зиновьевич, человек широкой натуры, да к тому же не лишенный чувства юмора, не мог не согласиться.

Чаще же А. Н. Сенькину приходилось осаживать своих — тех, кто не зная или не считаясь с общеинститутскими проблемами, выдвигал необоснованные претензии к работникам управления. И здесь он выступал как главный конструктор института, а не КБ-2, подчеркивая свою долю ответственности и за общеинститутские дела.

В. В. Гурьев

Сидоров Анатолий Федорович

30.03.1933—31.03.1999

Специалист в области математических методов механики сплошной среды, кандидат физико-математических наук (1963), доктор физико-математических наук (1969), профессор (1971), член-корреспондент АН СССР (1987), академик РАН (1991); лауреат Государственной премии РФ (1999, посмертно).

1950 — студент математико-механического факультета Ленинградского государственного университета.

1955 — сотрудник теоретического отдела математического отделения НИИ-1011, г. Снежинск.

1961 — начальник отдела по расчету критических параметров и энерговыделения ядерных сборок, там же.

1963 — научный сотрудник, затем заведующий отделом прикладных задач Свердловского отделения Математического института АН СССР (ныне ИММ УрО РАН).

1993 — директор Института математики и механики Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1975), медалями.

Анатолий Федорович Сидоров родился 30 марта 1933 года в Ленинграде в семье работников оборонного завода им. Козицкого. Его отец, Федор Иванович, работал начальником отдела комплектации, а мать, Нина Ефремовна, была старшим бухгалтером. Летом 1941 года вся семья была эвакуирована в г. Омск и вернулась в Ленинград в 1947 году.

В 1950 году после окончания школы с серебряной медалью А. Ф. Сидоров поступил на математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Будучи студентом, он много и настойчиво занимался самостоятельно, успешно руководил работой школьного математического кружка. Большое влияние на формирование мировоззрения будущего ученого, на его отношение к науке оказали выдающиеся ученые, которые в то время работали в Ленинградском университете: А. Д. Александров, С. В. Валландер, Л. В. Канторович, Ю. В. Линник, А. А. Марков, С. Г. Михлин, И. П. Натансон, В. И. Смирнов, Д. К. Фадеев, Г. М. Фихтенгольц. Особенно часто Анатолий Федорович вспоминал В. И. Смирнова.

В 1955 году А. Ф. Сидоров, с отличием окончив Ленинградский государственный университет по специальности «математика», в составе группы выпускников был направлен в г. Арзамас-16, в КБ-11. Такое распределение в уникальный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт, занимавшийся практической разработкой ядерного оружия, было престижным для молодого специалиста.

Это время совпало с созданием на Урале второго ядерного центра — НИИ-1011. Этот центр создавался под руководством и при непосредственном участии ведущих ученых атомной отрасли: К. И. Щёлкина, Ю. Б. Харитона, А. Д. Сахарова и других. Естественно, что наряду с крупными учеными — организаторами и руководителями — новый НИИ нуждался и в молодых перспективных кадрах, поэтому целая группа молодых способных математиков — сотрудников КБ-11 — в сентябре 1955 года была направлена для работы в этом центре. В их числе оказался и только приехавший в Арзамас-16 А. Ф. Сидоров. С тех пор его судьба была связана с Уралом.

Перед началом работы в новом институте эта группа молодых математиков прошла короткую подготовку — стажировку в Отделе прикладной математики МИАН (ныне ИПМ им. М. В. Келдыша). Руководителем стажировки был будущий академик Н. Н. Яненко, сыгравший в дальнейшем значительную роль в научной судьбе и в жизни А. Ф. Сидорова. Их свяжут не только отношения ученика и учителя, но и просто дружеские человеческие отношения.

Научным руководителем НИИ-1011 был выдающийся физик-теоретик К. И. Щёлкин. В теоретических отделах института работали известные ученые Е. И. Забабахин, Ю. А. Романов, Л. П. Феокистов, М. П. Шумаев, А. А. Бунатян, Н. Н. Яненко. Институт был молодым и бурно развивающимся. Естественно, что в нём стремились работать многие способные ученые, в основном, выпускники ЛГУ, МГУ и МИФИ. Для молодых ученых это было благодатное время: они занимались важным делом, были нужны своей стране, имели возможность общаться с выдающимися учеными и учиться у них. Так, например, первая работа А. Ф. Сидорова в журнале «Доклады Академии наук» была представлена академиком А. Д. Сахаровым.

В 1961 году А. Ф. Сидоров возглавил один из ведущих математических отделов — отдел по расчету критических параметров и энерговыделения ядерных сборок, ему тогда было всего 28 лет. К этому времени относится начало его работы по созданию эффективных вариационных методов построения оптимальных криволинейных сеток, к которой он неоднократно возвращался впоследствии при решении самых различных прикладных задач. Оценивая результаты, полученные на этом направлении в самом начале научной карьеры, достаточно лишь заметить, что методика и соответствующая программа, автоматизирующие процесс выбора расчетной сетки, разработанные А. Ф. Сидоровым тогда (в конце 1950-х годов), до сих пор являются частью комплексов программ при расчете задач энерговыделения как в РФЯЦ — ВНИИТФ (г. Снежинск), так и в РФЯЦ — ВНИИЭФ (г. Саров).

Интенсивную и плодотворную деятельность в области прикладной математики А. Ф. Сидоров успешно сочетает в то время и с чисто аналитической деятельностью. Его научным руководителем становится Н. Н. Яненко.

В 1963 году Анатолий Федорович защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые точные решения нестационарных многомерных задач газовой динамики», и эта тематика (в разных ее аспектах) стала в дальнейшем одной из основных составляющих его многогранной научной деятельности. В широких научных кругах А. Ф. Сидоров становится известен как специалист, внесший значительный вклад в развитие аналитических методов исследования краевых задач в газовой динамике и гидродинамике. Через шесть лет, в 1969 году, состоялась успешная защита его докторской диссертации «О некоторых плоских и пространственных задачах газовой динамики». В 1987 году А. Ф. Сидоров был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1991-м — действительным членом РАН.

С весны 1963 года всю свою дальнейшую жизнь А. Ф. Сидоров проработал в Институте математики и механики УрО РАН, являвшемся ранее (до 1970 года) Свердловским отделением Математического института имени В. А. Стеклова (СОМИ). Пришел он в этот, недавно созданный, институт на должность научного сотрудника и вскоре стал заведующим одним из основных отделов — отдела подготовки задач, переименованного позднее в отдел прикладных задач. В декабре 1993 года А. Ф. Сидоров возглавил Институт математики и механики УрО РАН, став его директором.

Анатолий Федорович обладал тонкой математической интуицией: даже в вопросах, казалось бы, далеких от его научных интересов, он четко определял важность полученного результата и его место в ряду других. Это качество проявлялось и в том, что среди его работ очень многие были по существу пионерскими.

А. Ф. Сидоров стал одним из инициаторов развития в России нового перспективного направления суперкомпьютеров МВС-100—МВС-1000, включающего создание вычислителя, программных средств его функционирования и разработку математических алгоритмов параллельного действия для решения задач, требующих больших вычислительных мощностей. В ИММ УрО РАН на базе МВС-100

создан современный информационно-вычислительный центр. Под руководством А. Ф. Сидорова в Уральском регионе была развернута деятельность по телекоммуникационному обеспечению УрО РАН и выходу в Интернет.

Большую научную работу Анатолий Федорович сочетал с педагогической деятельностью, с 1971 года он был профессором Уральского университета. На протяжении многих лет он читал спецкурсы по аналитическим и численным методам решения задач механики сплошной среды и проводил большую работу по подготовке высококвалифицированных кадров. Он являлся организатором и заведующим кафедрой параллельных компьютерных технологий УрГУ при ИММ УрО РАН.

А. Ф. Сидоров был высокоавторитетным организатором науки. Он являлся председателем объединенного ученого совета по математике, механике и информатике УрО РАН, членом Президиума УрО РАН, председателем специализированного совета по защитах диссертаций при ИММ УрО РАН. В 1983 году он был избран членом Национального комитета по теоретической и прикладной механике, являлся членом совета Российского фонда фундаментальных исследований, входил в состав редколлегий ряда математических журналов: «Моделирование в механике», «Численные методы механики сплошной среды», «Журнал вычислительной математики и математической физики», «Вопросы атомной науки и техники», «Вычислительные технологии», «Theoretical and Applied Mechanics», «Russian Journal of Numerical Analysis and Mathematical Modeling». Возглавляемые им Всероссийская школа-семинар «Аналитические методы и оптимизация процессов в механике жидкости и газа» и Всероссийское совещание по проблемам построения сеток для численного решения задач математической физики широко известны среди специалистов как в нашей стране, так и за рубежом.

Анатолий Федорович был очень эмоциональным и ранимым человеком, прощал ошибки, но не прощал предательства. Был открытым и доступным в общении для любого, независимо от положения человека. Любил жизнь и красоту во всех ее проявлениях. Любил поэзию, живопись, музыку. Был любопытным в хорошем смысле, стремился всюду узнавать новое. Очень дорожил дружескими отношениями, добрыми отношениями с коллегами, был щедрым, веселым, неунывающим человеком. Интересовался общественной жизнью, имел активную жизненную позицию. Любил свою страну и болел за нее. Анатолий Федорович был азартным человеком: в науке, в спорте, во всем. Он не любил проигрывать, никогда не смирялся с поражением и часто даже из очень трудных, казалось бы, безвыходных ситуаций выходил победителем. Даже те виды спорта, которые ему нравились, хорошо отражают его сущность: увлекался он большим и настольным теннисом, шахматами, лыжами. Нельзя забыть и его страсть к грибной охоте, его любовь к природе. Эту любовь к родной природе он прививал и своим детям, часто ездил с ними в походы.

Анатолий Федорович очень бережно и внимательно относился к коллективу не только своего отдела, но и всего института. Старался помогать сотрудникам

и их семьям в трудные для них времена. Внимательно и неформально относился к ветеранам, участникам войны.

25 марта 1999 года Анатолий Федорович был переизбран на новый срок директором Института математики и механики УрО РАН. 30 марта он собирался отметить свой шестьдесят шестой день рождения, и накануне, 29 марта, пригласил на него сотрудников и друзей. Но 30 марта пришлось встретиться в больнице, а 31 марта его не стало. Он умер так же стремительно, как и жил. Смерть оборвала его жизнь в расцвете творческих сил, когда много важных дел было начато и еще больше — задумано...

Осталась незавершенной новая монография, посвященная изложению аналитических методов газовой динамики и вопросам безударного сжатия, которыми он активно и успешно занимался в последние годы; осталось недостроенным здание Института математики и механики, остался неотмеченным последний день рождения, осталось много-много других важных и неотложных дел.

Но остались друзья, коллеги, ученики, научные результаты, которые неразрывно будут связаны с его именем. Остались родные и близкие, осталось трое детей и трое внуков. Светлая память об Анатолии Федоровиче Сидорове, большом ученом, замечательном, добром, щедром, веселом человеке, навсегда сохранится в сердцах его родных, друзей, коллег и учеников.

*Ю. С. Осипов, Н. Н. Красовский, Л. В. Овсянников,
А. М. Ильин, Е. Ф. Леликова, О. Н. Ульянов, О. Б. Хайруллина*

Из воспоминаний

Чтобы проверить алгеброй гармонию, не хватает средств

П. Т.: Анатолий Федорович, прошел довольно-таки большой срок с момента основания института. Какие изменения научного плана в нем произошли? Сохранились ли те направления исследований, ради которых он создавался, или сейчас вы решаете другие задачи?

С. А. Ф.: Основные направления научных исследований, заложенные с самого начала существования института, сохранились. Конечно, они претерпели некоторую эволюцию, значительно расширились, преломились в свете требований времени, дали новые ветви. Это развитие некоторых актуальных направлений фундаментальной математики, алгебры, топологии, теории приближения функций, дифференциальных уравнений, уравнений в частных производных, теории некорректных задач, методов решения задач математического программирования, приложения этих задач в экономике. Направление номер один — развитие математической теории процессов управления. Основатель этого направления в институте — академик Н. Н. Красовский, среди его учеников — академик Ю. С. Осипов,

президент РАН и директор Математического института им. В. А. Стеклова; академик А. Б. Куржанский, зав. кафедрой МГУ; член-корреспондент РАН А. И. Субботин и еще множество докторов наук, часть которых работает в нашем институте. В рамках этой темы родилось новое направление научных исследований — теория дифференциальных игр. Четверо ведущих ученых этого направления стали лауреатами Ленинской премии, ряд ученых отмечен государственными премиями.

Чуть позднее появилось направление «математические методы механики сплошной среды». Наконец, очень важное направление — развитие методов вычислительной математики и создание мощной вычислительной базы, чем всегда славился наш институт. И, несмотря на тяжелое финансовое положение, мы в прошлом году начали, а в этом завершаем полное переоснащение института вычислительной техникой. У нас установлен мощный вычислитель, который в настоящий момент уступает только одному, имеющемуся в Москве. Даже с учетом отраслевых НИИ в нашей стране ему нет равных. На этой неделе его мощность увеличена еще вдвое. Его производительность превысит миллиард операций в секунду. А ведь первые машины делали около ста операции в секунду — и тогда это было прогрессом. Установленный вычислитель несоизмерим по мощности с персональными компьютерами, получающими сегодня широкое распространение, даже с последними их образцами.

П. Т.: Честно говоря, персональный компьютер мне кажется верхом совершенства. Но, на мой взгляд, вычислительные возможности и самых примитивных его моделей не полностью используются основной массой пользователей. Для чего нужен такой мощный вычислитель?

С. А. Ф.: Для специалистов, да и для рядового инженера, важность развития вычислительной техники очевидна. А для неспециалистов можно пояснить: основное назначение вычислителя — моделирование очень широкой гаммы процессов механики, физики, экономики. В прежние времена для нашего института это было особенно актуальным, так как он был тесно связан с мощными организациями военно-промышленного комплекса, крупными промышленными предприятиями Уральского региона в части экономических исследований.

П. Т.: Во время недавнего выездного заседания президиума РАН в Екатеринбурге вице-президент РАН академик А. Ф. Андреев, курирующий физику и математику, побывав в Институте математики и механики, заинтересовался вашими методами решения некорректных задач.

С. А. Ф.: Исследования в области некорректных задач и обобщенных функций — тоже одно из основных направлений института. Его развивал лауреат Ленинской премии, член-корреспондент РАН В. К. Иванов. В последнее время эти работы продолжил член-корреспондент РАН В. В. Васин. Он занимается решением некорректных задач, используя физические допущения, которые можно вложить в алгоритмы с самого начала с учетом всех ограничений, и на этом пути построил ряд любопытных процедур, привлечших внимание академика Андреева.

П. Т.: Из-за конверсии вы, должно быть, потеряли богатых военных заказчиков?

С. А. Ф.: Да. И это довольно болезненный процесс, отражающийся на материальном положении института. Некоторые исследования нашли применение в мирных целях. Для решения этой проблемы существуют международные центры научно-технического сотрудничества. Части наших сотрудников, бывших разработчиков оружия, американцы платят за то, что они переключились на новые темы, согласованные с ними.

П. Т.: То есть платят, чтобы они не разрабатывали оружие. А наше правительство не хочет платить таким ценным специалистам за то, чтобы они делали что-то нужное для страны. В любом разговоре о науке сейчас невозможно обойти тему ее финансового положения...

С. А. Ф.: В мае—июне финансирование РАН урезано почти в два раза даже по сравнению с последними месяцами прошлого года. Сейчас мы получаем около 50% от того, что было в IV квартале 1994 года и I квартале 1995 года. И это несмотря на все прозвучавшие обещания, массу документов об увеличении финансирования, индексации, в том числе и документ, подписанный В. С. Черномырдиным в апреле, о выплате академии всех долгов за прошлый год, когда РАН получила около 70% от обещанного бюджетного финансирования. Так что наш юбилей — это почти «пир во время чумы», хотя мы надеемся на лучшее.

П. Т.: Как вы относитесь к тому, что вообще происходит с наукой сегодня?

С. А. Ф.: По моему глубокому убеждению, идет, может быть, неосознанное, но последовательное разрушение организационных основ науки, прежде всего академической. Это происходит отчасти от недопонимания роли науки, недостаточного уровня образованности представителей наших властных структур, отчасти — целенаправленно...

С. А. Ф.: Наука — это один из корней, который пока еще не позволяет делать нашу нацию второстепенной. Я только что вернулся с международной конференции из Санкт-Петербурга и уверенно могу сказать, что уровень наших работ по математике, механике, информатике ничуть не уступает мировому. Кроме, может быть, демонстрации расчетов на суперкомпьютерах, для создания которых требуются громадные материальные средства. С приборной базой у нас беда. Даже установленный вычислитель, в 100 раз превышающий мощности прошлого года, не догоняет Запад, а проигрывает ему более чем в 10 раз.

П. Т.: Какова сейчас зарплата младшего научного сотрудника?

С. А. Ф.: Чуть больше 100 тысяч рублей. Это то, что обеспечивается бюджетом. Институт делает всё возможное, чтобы ее увеличить. У нас достаточно много грантов Российского фонда фундаментальных исследований — около двадцати. Сотрудники участвуют в шести больших проектах Сороса, трех других международных проектах, выполняют прикладные исследования для заказчиков. Всё это

Сидоров Анатолий Федорович

позволило удержать среднюю зарплату по институту в первом квартале текущего года на уровне около 300 тысяч рублей.

П. Т.: Много ли сотрудников покинуло институт в период ухудшения его материальных условий?

С. А. Ф.: Небольшая часть молодых и среднего возраста кандидатов и докторов наук действительно ушли в коммерческие структуры или уехали за границу. Но основной состав сохранился на 90%. Более того, научный потенциал института даже возрос, в последнее время наблюдается устойчивый рост числа докторов наук и ученых высшей квалификации.

П. Т.: А молодежь в институте есть?

С. А. Ф.: В 1992–1993 годах с молодежью было совершенно катастрофическое положение. Тогда на работу к нам после окончания вузов распределялись восемь-девять способных молодых людей, а через два месяца в институте не оставалось ни одного. В 1994 году наметился перелом, в аспирантуру пришли перспективные молодые люди. Несколько талантливых студентов работает сейчас в ИММ на полставки. После окончания университета некоторые из них приступят к работе в институте в качестве полноценных научных сотрудников уже в этом году. Надеемся, что смена у нас будет.

*Из интервью Т. Плотниковой с А. Ф. Сидоровым
по случаю 25-летнего юбилея Института математики и механики
как самостоятельного учреждения («Наука Урала», 1996, № 9)*

Смирнов Николай Александрович

23.11.1913–19.07.1992

Специалист в области технологий переработки взрывчатых материалов, организатор производства; лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1963) премий; член ВКП(б) с 1945 г.; персональный пенсионер союзного значения (1969).

- 1932 — студент Ивановского химико-технологического института.
- 1936 — студент химико-технологического факультета Ленинградского технологического института имени Ленсовета.
- 1938 — технолог, затем старший инженер ОГТ на заводе № 15 Наркомата боеприпасов (позднее завод № 503 Министерства сельхозмашиностроения), г. Чапаевск Куйбышевской обл.
- 1943 — аттестован в звании капитана артиллерийской службы.
- 1946 — находился в командировке в советской зоне оккупации Германии в качестве технического сотрудника комиссии министерства.
- 1948 — сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1952 — главный технолог завода по производству деталей и сборочных единиц ядерных боеприпасов, там же.
- 1955 — директор завода № 2 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1970 — старший инженер-технолог, там же.
- 1971 — переехал в пос. Селятино Московской обл.

Награжден орденами: Ленина (1962), Трудового Красного Знамени (1949, 1951, 1954); медалями.

Смирнов Николай Александрович

Николай Александрович Смирнов был назначен директором завода № 2 НИИ-1011 в апреле 1955 года. В том же году он приехал на площадку № 21, где началось создание нового института, будущего ядерного центра.

Родился Николай Александрович 23 ноября 1913 года в селе Владычное (ныне г. Заволжск) Кинешемского района Ивановской области. Отец его работал в Кинешме кочегаром. Он умер от туберкулеза, когда Николаю было шесть лет. Мать, с четырнадцати лет работавшая ткачихой, в 1931 году вынуждена была уйти на пенсию по инвалидности. Жизнь научила Николая серьезному отношению к любому делу.

Его биография во многом была обычной для того времени. После школы он окончил в городе Кинешме рабфак и в 1932 году поступил в Ивановский химико-технологический институт, но заканчивал учебу уже в Ленинградском химико-технологическом институте (позднее Ленинградский технологический институт им. Ленсовета). Как хорошо успевающего студента его откомандировали туда на специальный факультет с четвертого курса, чтобы подготовить подающего надежды молодого специалиста для работы в оборонной промышленности.

Ещё в Ивановском химико-технологическом институте Н. А. Смирнов прошел вневоинскую подготовку и получил воинское звание младшего лейтенанта запаса, а в 1943 году был аттестован в звании капитана артиллерийской службы, но в Советской Армии не служил. Не участвовал он и в Великой Отечественной войне, так как был специалистом предприятия важного оборонного значения.

В 1938 году Николай Смирнов с дипломом ленинградского вуза приехал в город Чапаевск Куйбышевской области. Согласно квалификации инженера-технолога по снаряжению боеприпасов начал работать на заводе № 15 Наркомата боеприпасов (позднее завод № 503 Министерства сельхозмашиностроения) технологом, а вскоре был назначен старшим инженером отдела главного технолога. В 1944–1945 годах Николай Александрович был руководителем агитколлектива завода, а позднее — пропагандистом. В 1945 году он вступил в ВКП(б). В совокупности с напряженной производственной работой участие в общественной жизни стало для Николая Александровича хорошей школой, позволило приобрести опыт работы с людьми, который невозможно почерпнуть ни из каких учебников. На 1946 год пришлась его полугодовая командировка в г. Потсдам в качестве члена технической комиссии министерства.

В 1955 году в числе первой группы сотрудников НИИ-1011 Н. А. Смирнов приехал на Урал и был назначен директором завода № 2 в новом институте. Он имел уже большой жизненный и производственный опыт, приобретенный в Арзамасе-16 на аналогичном заводе, где с 1948 года прошел путь от технолога до главного технолога завода по производству деталей и сборочных единиц ядерных боеприпасов. К этому времени за успешное выполнение спецзаданий Николай Александрович был удостоен звания лауреата Сталинской премии и награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть».

Жена Н. А. Смирнова, Мария Александровна, по специальности инженер-химик, работала начальником лаборатории на том же заводе. В семье Смирновых было двое детей: сын Юрий и дочь Марина.

Николай Александрович обладал незаурядными организаторскими способностями, которые проявились особенно ярко в период строительства завода на Урале и налаживания в чрезвычайно сжатые сроки многопрофильного специального производства. Этот период его жизни был насыщен бесконечной чередой неотложных забот и немалых нервных нагрузок. Буквально с нуля, вместе с работниками ОКСа и строителями, он решал наиболее важные вопросы организации будущего производства, добивался устранения проектных упущений, а порой и неоправданных издержек. Уже к концу 1950-х годов в строй здания основных и вспомогательных цехов, лабораторий и складских помещений. Лично контролировал Н. А. Смирнов своевременность и качество поставляемого оборудования, особое внимание уделял обеспечению завода квалифицированными инженерами и рабочими. Он понимал, что именно эти люди будут определять будущее завода, его вклад в решение сложнейших производственных заданий.

Он смело опирался на молодежь, давая ей возможность проявить себя, предоставляя большую самостоятельность в действии, но не выпуская из-под контроля. Николай Александрович, когда этого требовала обстановка, мог быть жестко требовательным, так что все понимали необходимость выполнять свою работу добросовестно, не ссылаясь на объективные трудности. Он никогда никого при этом не оскорблял, но каждый получал в таких случаях настоящий урок на будущее. Николай Александрович с большим уважением относился к сотрудникам, даже к молодым специалистам всегда обращался, называя их по имени и отчеству. Человек требовательный, не терпящий фальши и нечестности, он завоевал уважение сотрудников завода и большой авторитет у руководства института. Неоднократно его избирали депутатом городского Совета депутатов трудящихся, членом Снежинского горкома КПСС.

Глубокие инженерные знания позволяли ему чутко улавливать перспективные технические замыслы. Его постоянной заботой было поддержание творческой активности заводчан. Он мог увлечь людей свежими идеями, направленными на выполнение сложных задач. Умение работать с людьми, бережное отношение к кадрам, проникновенные, зажигательные речи на собраниях, оказание конкретной помощи в необходимых случаях — все эти качества Николая Александровича позволили создать на заводе хорошую деловую атмосферу. Человек, по натуре преданный большому и ответственному делу, искренне уважающий окружающих его людей, Н. А. Смирнов, так же, как и любой другой, конечно, мог ошибаться и в людях, и в своих решениях, мог порой кого-то ненароком обидеть. Но, по большому счету, он был добр и никогда не был добреньким и всепрощающим.

В неофициальной обстановке Николай Александрович был всегда весел, неудержим во всевозможных выдумках, был душой компании, заводилой. При нём на заводе были сильнейшие в городе хоккейная и футбольная команды.

Смирнов Николай Александрович

Поддерживая спортивный дух заводчан, Николай Александрович посещал почти каждый хоккейный матч, собирал всю команду перед игрой, настраивал игроков на победу. Приходил он поболеть за своих на футбол и волейбол, бывал на туристических слетах на озере Ташкуль, любил посмотреть, как отдыхает молодежь.

Неожиданно для многих он в 1970 году оставил пост директора завода, став персональным пенсионером. Еще год Николай Александрович проработал старшим инженером-технологом в управлении завода, без оглядки на свои былые заслуги, удивляя простотой и скромностью. В 1971 году он вместе с Марией Александровной уехал в Подмоскowie.

Умер Николай Александрович Смирнов 19 июля 1992 года, но осталось главное дело его жизни, исполненное его умом и сердцем, огромное дело — завод № 2, сплоченный коллектив, успешно решавший в течение 15 лет его директорства и решающий сегодня многообразные и ответственные задачи. Остались заложенные им традиции и добрая память.

В. С. Жуйков

Из воспоминаний

Я знаю Николая Александровича с 1950 года по Арзамасу-16. Он был начальником цеха, а я мастером бюро технического контроля. Это был трудолюбивый человек. Когда он нам сказал, что на Урале образуется новый объект и надо ехать поднимать новое дело, мы пошли за ним. Николай Александрович подбирал людей так, чтобы учесть интересы и мужей и жен. Сам он приехал на Урал раньше и лично нас встречал на железнодорожной станции.

Мы всегда ощущали его внимание к производству и к людям. С ним мы были, как за каменной стеной. Помню такой случай, в конце 1960 годов, работы было очень много, нас постоянно поджимали сроки, порой не успевали как следует подготовить производство и провести отработку технологии. Изделия шли одно за другим. Еще нет нужной пресс-формы, а уже требуют продукцию. И вот как-то мы получили, наконец, пресс-форму, это было вечером. В спешке забыли положить прокладку и изделие раздавили. Н. А. Смирнов всех нас собрал, ругал, требовал назвать виновного.

Мы молчим, всегда новая пресс-форма опробовалась на инертном материале, а тут — сразу на боевом. И вдруг звонок в цех сверху. Николай Александрович, весь бледный, объясняет что у нас ЧП и детали не будет. Начальство стало настаивать, чтобы он назвал виновного, а он говорит: «Меня наказывайте, я дал команду сразу прессовать деталь, без опробования пресс-формы на инертном материале, а это нарушение технологии, я не могу никого винить». После этого все обошлось, никого не наказали.

Л. Н. Шоврина

Смирнов Николай Александрович

Николай Александрович был в работе искушенным человеком, с большим опытом. Когда мы работали еще в Арзамасе-16 (нас перевели туда из Чапаевска Куйбышевской области), он, будучи главным технологом завода, сам работал на котлах, где плавил продукт для отливки. А изделия были тогда очень крупные, и на каждое требовалось для заливки несколько котлов. Знал он и умел многое. Он и в быту был простым.

М. А. Ильина

Идея создания на 2-м заводе научно-исследовательской лаборатории принадлежала К. И. Щёлкину, и Николай Александрович очень активно помогал в ее создании.

В душе он был исследователем, и первые эксперименты мы проводили с ним вместе, хотя у него было много других забот. Он каждую неделю приходил ко мне, и мы обсуждали с ним все исследовательские дела.

П. К. Панов

Смирнов постоянно бывал на производстве, в цехах и отлично знал людей, в том числе и рабочих. Я с ним работал и, будучи секретарем партийной организации, видел, как он заботится о чести завода, о людях. Считаю, что благодаря ему завод имел тогда большой вес на предприятии, очень ценился руководством.

Я знаю, что Николая Александровича как-то вызвали в ЦК КПСС на собеседование, его кандидатура рассматривалась на должность главного инженера предприятия.

А. И. Сидоров

Мы прибыли вместе с А. И. Сидоровым в августе 1958 года молодыми специалистами. Александру Ивановичу предложили работу технолога в цехе 202, а меня направили в цех 209 мастером. Это было время становления завода: шло строительство зданий, монтировалось оборудование, работы было очень много. Мне пришлось участвовать в монтаже привода пресса усилием 5000 тонн, и что-то тогда не получалось с трансформатором. Н. А. Смирнов собрал на совещание всех специалистов, занимавшихся монтажом, был там и я. Этот пресс был уникальным не только на нашем предприятии, но и в отрасли в целом, и его надо было запустить в сжатые сроки. На вопрос Смирнова: «Когда будет готов к работе пресс?» — М. И. Слись (в то время главный механик завода) ответил: «Не знаю. Я всю ночь мучился и видел даже во сне, как вы меня ругаете за это, но ничего не получается». В ответ Николай Александрович сказал: «Я вас не ругаю, я только прошу принять все меры».

После совещания мы все вместе собрались в цехе 209, пришел и Смирнов, разложили чертежи, посидели, подумали, нашли решение и через два дня запустили

Смирнов Николай Александрович

пресс. Потом, на очередном совещании, директор поблагодарил нас за работу. Вот такое его внимание к производству нас всегда воодушевляло.

Потом, когда я перешел в планово-производственный отдел завода, мне приходилось вместе с директором бывать на оперативках у главного инженера предприятия. Я хорошо помню, что слово Николая Александровича всегда было весомым, авторитетным, его мнение очень ценилось.

Надо сказать и о том, что он был очень общительным в неофициальной обстановке. Помню, было сорокалетие одного из руководителей завода. Я видел, какая там была дружная, теплая атмосфера. Были песни, шутки, танцы. Очень просто, непринужденно вел себя Николай Александрович, любивший и умевший петь. Меня поразило тогда, как он исполнил «Вечерний звон», — у него был очень приятный баритон.

Ю. Н. Мартьянов

Действительно, в неофициальной обстановке Николай Александрович был всегда веселым, большим выдумщиком — душой компании. Помню, на 60-летию Григория Самсоновича Ильина он вдруг куда-то исчез, а потом появился в полушубке и с козьей головой и лихо исполнил «Жил-был у бабушки серенький козлик»...

Мне пришлось быть ведущим на праздновании 10-летия завода.

Перед началом ко мне подошла жена Николая Александровича, Мария Александровна, и попросила: «Сделайте так, чтобы мой муж и Н. Н. Криулькин (начальник сектора 6) сидели как можно дальше друг от друга, иначе будет... черте-что!» Дело в том, что Николай Николаевич, очень веселый и остроумный человек, тоже любил петь, и, когда они сходились, остановить их было невозможно.

Я еще хочу сказать о доступности Н. А. Смирнова как руководителя. На одном из совещаний он обратился ко всем: «После 17 часов двери моего кабинета открыты, хочешь покурить или возник вопрос — приходи!» Тогда мы работали до 18 часов и действительно в этот час свободно приходили к директору. Он поговорит, задаст какой-нибудь вопрос (обычно по производству), выслушает, а потом на очередной оперативке выдает решение — очень продуманное и взвешенное.

Н. С. Козлов

Я пришла на завод молоденькой, мне было 20 лет, и, когда увидела нашего директора, я сказала себе: «Боже мой! Это бог и царь!» Такое он произвел на меня впечатление. Я занималась организацией заводского здравпункта и директору, по сути, не подчинялась, но с любым вопросом шла к нему. Он и сам часто заходил в здравпункт, расположенный тогда на втором этаже заводоуправления, где находился и кабинет директора, интересовался, как идут дела и как я живу. Однажды Николай Александрович вызвал меня и спросил: «Куда это ты с автобуса по до-

роге с работы выходишь?» А я тогда жила в 3-м поселке, нам с мужем дали там «четвертинку», и я ходила с автобуса раньше и лесочком шла в поселок. После моего рассказа он вызвал А. И. Бажёва и поручил ему найти нам комнату в городе. Так решилась наша проблема с жильем. Он и мужа моего перевел из 101-го цеха на 2-й завод. Он помогал людям, но умел и спросить, особенно с руководителей. Я порой и начальников цехов пугала им, когда выходило из строя отопление или сантехника, и они моментально всё исправляли.

Однажды в здравпункте перестали греть батареи. А в это время шел медосмотр и было холодно, поэтому врачи отказывались проводить медосмотр на заводе. Я пошла к Николаю Александровичу. Он говорит: «Вызывай на медосмотр Е. Г. Хлебникова (главного механика завода), раздень догола и пусть сидит». Мы так и сделали: пригласили Хлебникова, А. М. Квашнина (невропатолог) его раздела до трусов, обследует, а у него мурашки по коже пошли, зуб на зуб не попадает. Она его спрашивает: «Что, Евгений Георгиевич, холодно?» Он говорит: «Да, очень холодно!». Уехали мы с работы, а Е. Г. Хлебников оставил рабочих, и утром в здравпункте было тепло. Вот такой был случай.

Р. А. Сеницына

Я начала работать в 1954 году в Арзамасе-16 мастером отдела технического контроля и мне запомнился такой случай. Работали мы на участке заливки огромных деталей из взрывчатого материала, продукта требовалось очень много, и надо было расплав хорошо перемешивать. Пришел как-то в цех Смирнов, подошел ко мне и спрашивает: «А ты умеешь это делать? Приходилось ли мешать продукт?» Я ответила, что нет, ведь я работаю в ОТК. Он говорит: «Значит, ты только требовать умеешь, а ведь надо и понимать, что и как делается». И он сам начал учить меня мешать продукт. После этого я решила, что мне действительно надо многому научиться. Освоив инструмент, технологию, я стала лучше понимать, почему идут отклонения или брак, какие могут быть причины. Это мне очень помогало в работе.

Л. Н. Воронкова

Мы приехали из училища в 1958 году. Н. А. Смирнов нас отобрал, наверное, человек 25, для завода и сразу распределил по цехам. Я попал в цех 202 — основной цех. Работа была напряженная, приходилось работать и ночью. Нередко бывало, что где-то после 22 часов Николай Александрович звонил и спрашивал: ужинали ли мы? Если мы отвечали, что нет, он присылал с машиной хлеб, колбасу. На следующее утро обязательно заходил в цех, интересовался, как выполнена работа и как мы себя чувствуем.

Помог он мне и с квартирой. Я хотел завезти мать, но мне не разрешали, так как мала жилплощадь. А в ЖКО говорят: квартиру получишь тогда, когда мать

Смирнов Николай Александрович

привезешь. Замкнутый круг. Пошел я к Смирнову. Он выслушал меня и тут же предложил мне квартиру. Через четыре месяца я в нее въехал.

Он много нам хорошего сделал, и вспоминаем мы его добрым словом и как директора, и как человека.

А. Г. Чусовитин

Когда мы, выпускники свердловских технических училищ сюда приехали, Николай Александрович с нами встретился, рассказал о будущей работе в таких ярких красках, что мы сразу поняли, как нас ждали. Он нас назвал «механиками», хотя мы получили специальность — слесарей-ремонтников, обещал, что работать мы будем в белых халатах. Так оно в сборочном цехе и было. Он с самого начала интересовался не только тем, как мы работаем, но и как вообще живем. Однажды, когда я был у директора, чтобы подписать заявку на пропуск для поездки в Свердловск, он вдруг спросил: «Я вчера был на футболе и видел, как ты играл, зачем ты вышел на поле?» Я сначала не сообразил, в чем дело, но потом всё понял. Я недавно перенес серьезную операцию и, конечно, играл слабовато. А Николай Александрович, зная об этом и считая, что я слишком рано возобновил занятия футболом, беспокоился обо мне.

Н. А. Смирнов всегда проявлял повышенный интерес к цеху 202 и контролировал нас, регулярно бывал в цехе. В 1963 году меня назначили мастером, и так получилось, что я как-то остался за руководителя в цехе. И Николай Александрович постоянно интересовался, как у меня идут дела. Часто приходил и в обед, когда я был один. Пройдет по всему зданию и укажет на недостатки, на то, что ему не нравится. А после этого звонит и спрашивает, как эти недочеты устранены. Самое главное — он никогда нас не наказывал за упущения, а вовремя подсказывал.

В. С. Жуйков

Я приехал на объект в феврале 1965 года, после института, и сначала меня принял главный инженер завода Юрий Петрович Захаров, но потом мы пошли к директору. Мне, молодому, еще ничего не знающему, Н. А. Смирнов понравился с первого же взгляда: крупный, доброжелательный, говорил спокойно и сразу располагал к себе. Всё расспросил: где я учился, есть ли семья и так далее, потом обратился к Ю. П. Захарову: «Ты предлагал ему место работы?» Тот говорит: «Да, предлагал снаряжать распределители, а он ответил, что не для того учился, отказался идти рабочим». Н. А. Смирнов спросил меня: «А технологом пойдешь?» Я согласился. Так и договорились.

Что касается общественных дел, могу подтвердить, что никаких проблем у заводской молодежи при Н. А. Смирнове не было: всё, что мы задумывали, он поддерживал и, чем мог, помогал.

Еще об одном хочу сказать, Николай Александрович очень, видимо, не любил, если кто-то уходил с завода. Когда я решил перейти в научное подразделение, пришлось три раза писать заявление, пока он согласился. Но с ним можно было свободно разговаривать даже молодому специалисту, хотя он был руководителем маститым, с большим авторитетом. И можно было не бояться каких-то там последствий, если ты высказывал свое мнение. В чем-то он убеждал тебя, в чем-то соглашался, главное — он умел слушать собеседника.

И. В. Кондаков

Мне довелось знать Николая Александровича и общаться с ним с 1963 по 1971 год, до его отъезда из города. Я хорошо помню, что Николай Александрович, когда это требовала обстановка, мог так жестко спросить с подчиненного, что у всех присутствующих надолго укоренилось желание делать всё и всегда на совесть, не уповая на так называемые объективные трудности. Это, безусловно, был талантливый руководитель, которому по плечу была бы и более высокая должность. Г. П. Ломинский очень ценил Н. А. Смирнова, хотел видеть его своей «правой рукой» — главным инженером предприятия. Уверен, что с этой работой Николай Александрович справился бы. Будучи еще молодым (по возрасту он годился мне в отцы), я порой испытывал к нему особо теплые чувства, восхищался его умом, искренним уважением к людям. Может быть, поэтому я остро воспринимал такие его поступки, которые как-то «размывали» сложившееся у меня практически идеальное представление о нём.

Николай Александрович, как оказалось, мог иногда проявить и определенную слабость. Помню, как неприятно удивил меня один случай. Меня избрали секретарем партийного бюро завода, и я договорился с Н. А. Смирновым, что буду иногда присутствовать у него на приемах трудящихся по личным вопросам. Заходит в кабинет один из рабочих, чтобы узнать, почему он, стоящий в очереди на жилье под первым номером, квартиру не получил, получил ее тот, кто стоит в списке заметно ниже. Николай Александрович стал что-то объяснять, но, понимая, что посетитель неудовлетворен, немного смущаясь, сказал, что этот человек одолел его своими постоянными обращениями, а вот ты, мол, не проявлял активности, поэтому я и поступил так. Рабочий-первоочередник был весьма скромным человеком, и после заверения директора, что в следующий раз его вопрос будет обязательно решен, вышел из кабинета. Я спросил Николая Александровича: «Как же так, ведь получается, что первым оказался просто тот, кто понахальнее, а человек порядочный может теперь подумать, что его качества мало что значат?» Я видел, Николай Александрович всё прекрасно понимает и жалеет о произошедшем.

Стоцкий Анатолий Семенович

26.02.1927–18.03.2000

Инженер-электрик, специалист в области разработки и исследования приборов автоматики ядерных боеприпасов, доктор технических наук (1977), профессор (1979); лауреат Государственной премии СССР (1967); член КПСС с 1952 г.

- 1942 – лаборант на Белорецком металлургическом комбинате и учащийся вечерней школы.
- 1944 – студент Московского энергетического института.
- 1950 – инженер специального конструкторского бюро на комбинате «Электрохимприбор», г. Свердловск-45.
- 1951 – старший инженер, там же.
- 1956 – руководитель группы, там же.
- 1957 – заместитель начальника цеха, затем заместитель главного конструктора, там же.
- 1960 – заместитель главного конструктора и начальник отделения по разработке приборов и систем автоматики боевых частей в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1988 – главный научный сотрудник, исполняющий обязанности заместителя главного конструктора по НИР, там же.
- 1992 – главный научный сотрудник с исполнением обязанностей главного специалиста по томографии, там же.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1956, 1960), Ленина (1975); медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970).

Анатолий Семенович Стоцкий, ученый, инициатор и активный участник создания новых направлений в повышении надежности систем автоматики ядерных боеприпасов, родился в 1927 году в городе Луганске на Украине. Отец и дед Анатолия Семеновича были металлургами, мама преподавала музыку, дома часто звучал рояль. Мальчиком, он довольно успешно учился игре на скрипке. В военные годы семья была эвакуирована на Урал, в город Белорецк, куда на металлургический комбинат направили работать его отца. Один год Анатолий Семенович тоже вынужден был трудиться на этом металлургическом комбинате. Но у него было очень большое желание учиться. В семье сохранилась легенда о том, как он поделился мечтой со своей бабушкой, которая, кстати, была одноклассницей Клина Ворошилова: «Я тут с вами не останусь, поеду учиться в центр, поближе к Сталину».

Первую свою научную работу Анатолий Семенович сделал, когда был еще подростком. Об этом он рассказал в 2000 году во время записи его воспоминаний на видеокамеру: «Я попал в экспресс-лабораторию металлургического комбината, где занимались отбраковкой сортов стали. Для этих целей использовали специальное оборудование, рекомендованное в свое время академиком Патоном. Процедура анализа позволяла отбраковывать сырье, чтобы оно не попадало затем в готовую продукцию. Заместитель начальника прокатного цеха обратил мое внимание на тот факт, что разные сорта стали дают различное искрение под наждаком. Я проверил это экспериментально, описал, и в результате на комбинате начали отбраковывать образцы стали по «искровому методу». Это была первая настоящая исследовательская работа. Конечно, я очень гордился тем, что научился лучше всех различать цвет и яркость искрения образца под наждаком и на глаз определять сортность стали».

В 1950 году А. С. Стоцкий окончил с отличием Московский энергетический институт, и ему в составе группы из десяти выпускников было предложено продолжить образование еще в течение четырех месяцев. Об этом он рассказал следующее: «Мы не знали, чему нас могли еще обучать, но никто не отказался. Оказалось, что в течение всего курса этой дополнительной подготовки нам читали лекции видные специалисты. Например, ядерную физику читал профессор Векслер, экспериментальную физику — профессор Черенков, ускорители — Комар, прикладную электронику — Ю. П. Степаненко (один из преподавателей МИФИ). После завершения курса все выпускники были вызваны на Солянку в дом без вывесок. Каждому было объявлено, куда он поедет после положенного отпуска. У меня в распределении было записано: «На Северо-Уральский склад Главгорстроя». Второе название «База-9». Так А. С. Стоцкий оказался на комбинате «Электрхимприбор» в г. Свердловске-45 (ныне г. Лесной).

Это были годы становления атомной отрасли и начала серийного изготовления первых ядерных боеприпасов, принятых на вооружение. Необходимость решения постоянно возникающих новых проблем, общение с видными учеными, принимавшими участие в атомном проекте, работа в государственных и межведомственных

комиссиях, в том числе по проведению контрольно-серийных испытаний, — всё это позволило молодому, талантливому и энергичному инженеру приобрести полезный опыт и заслуженный авторитет. Менее чем за десять лет он прошел путь от инженера до заместителя главного конструктора серийного конструкторского бюро комбината, защитил кандидатскую диссертацию. Именно там, в Свердловске-45, он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Вот как он сам вспоминал об этом времени: «Когда я приехал в Свердловск-45, то узнал, что директором комбината там был Дмитрий Ефимович Васильев. В то время шла настройка оборудования. Я стал вникать в суть дел. И здесь мне пригодился опыт работы на кафедре во время учебы в МЭИ. У многих вызывало удивление то, что молодой, только приехавший специалист по прошествии двух-трех недель задает вопросы типа: а почему именно так, а не эдак? а, может быть, так было бы лучше? а может, попробовать так?.. Почти сразу я стал членом бюро комсомольской организации комбината. Вскоре мне предложили стать секретарем. Поскольку 90% сотрудников на комбинате были в возрасте до 35 лет (крупные начальники — 40–50 лет), то, конечно, молодежи было очень много, и поэтому должность секретаря комсомольской организации комбината была освобожденной. Я согласился на эту должность только на условии совмещения общественной работы с основной деятельностью. Сразу после перевыборного собрания Д. Е. Васильев подошел ко мне, поздравил и сказал: «Теперь приходи на каждую оперативку». Это обстоятельство сразу поставило меня в ситуацию понимания всех процессов, происходящих на комбинате. Таким образом, я много видел и знал... встречался с такими людьми, как Б. Л. Ванников, И. В. Курчатов, Е. П. Славский, В. И. Мостовой, Н. И. Павлов и другие... С 1952 года на ЭХП начало развиваться другое направление деятельности — серийный завод по производству ЯБП. Для этого на комбинат приехал А. Я. Мальский. Это очень энергичный и взыскательный человек. Когда появились блоки автоматики с нейтронами, Мальский забил тревогу: «Кто разбирается в нейтронах?» Ему тут же подсказали: «А вон, лохматый» (так меня по-дружески называли). Так и произошло мое перемещение в сектор ядерного оружия. К 1955 году Д. Е. Васильев уже перебрался в Челябинск-50».

В 1960 году Анатолий Семенович был переведен в НИИ-1011 на должность начальника сектора 8 — разработки приборов и систем автоматики ЯБП — с одновременным исполнением обязанностей заместителя главного конструктора по тематике КБ-2. Он руководил этим сектором в общей сложности 18 лет.

Несомненной заслугой возглавляемого А. С. Стоцким коллектива было создание целого семейства малогабаритных приборов для головных частей ракет и спецавиабомб.

Анатолий Семенович внес большой творческий вклад в организацию и выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ по созданию приборов предохранения и взведения систем автоматики ядерных боевых частей артиллерийских снарядов. Для этих целей по его указанию была создана

специальная лаборатория и конструкторская бригада, благодаря чему за короткий срок был разработан ряд принципиально новых приборов.

Естественно, разработка десятков новых приборов и устройств не может полностью исключать случаи отказов, если конструкция не имеет достаточно больших запасов надежности по функциональным показателям, которые, как правило, достигаются с ущербом для габаритно-весовых характеристик. К отказу может привести и недостаточный, из-за срочности работ, объем испытаний и ограниченные возможности испытательного оборудования, характерные для первых 15–20 лет становления института. Возможен отказ и в результате каких-то упущений в организации работ. Так или иначе, в середине 1960-х годов уже в серийном производстве при тепловых испытаниях программно-временного устройства была обнаружена неисправность. В результате проведенного анализа техническая причина была найдена и устранена. Однако в результате разбирательств специально назначенной комиссии выявился и отрицательный фактор организационного характера — недостаточно четкое распределение обязанностей и ответственности между двумя заместителями начальника сектора: по НИР (В. П. Семикопенко) и ОКР (Н. Ф. Булатов). Последовали «оргмеры», последствия которых, прежде всего, отразились на начальнике сектора. В результате за Анатолием Семеновичем на время была оставлена лишь одна из двух выполнявшихся им функций — заместитель главного конструктора. В этом качестве он занимался, в основном, летными испытаниями боеголовок для ракетных комплексов РВСН. Спустя два года он возвратился в родной сектор на ту же, ранее занимаемую должность.

Практически до конца 1980-х годов Анатолий Семенович активно участвовал в летных испытаниях ракетных комплексов разработки генерального конструктора В. Н. Челомея.

После защиты в 1977 году докторской диссертации А. С. Стоцкий активно участвует в подготовке научных кадров, осуществляя руководство аспирантами и соискателями, а в 1979 году получает звание профессора. Долгое время он являлся членом специализированного совета института по защите диссертаций. Более пяти лет Анатолий Семенович возглавлял кафедру автоматики и информационных систем в отделении № 6 МИФИ (ныне Снежинская государственная физико-техническая академия). По воспоминаниям сотрудников, он всегда учился сам и прививал другим потребность в научном осмыслении выполняемых работ.

В 1996 году А. С. Стоцкий был назначен научным руководителем работ по созданию рентгеновского медицинского томографа — одного из конверсионных направлений в деятельности института.

Анатолий Семенович был прост в общении, имел терпение выслушать собеседника, умел сочувствовать. К нему часто шли сотрудники КБ за советом, за помощью или просто поговорить «за жизнь».

Анатолий Семенович был страстным книголюбом, о чем свидетельствует собранная им домашняя библиотека. Он много читал, любил рассказывать

Стоцкий Анатолий Семенович

о прочитанном, о запомнившихся ему встречах с интересными людьми, выдающимися личностями, работавшими в ядерно-оружейной области. По воспоминаниям родственников Анатолия Семеновича, он очень любил серию «Жизнь замечательных людей» и фантастику. Он даже Евгения Ивановича Забабахина «заразил» страстью к книгам братьев Стругацких. Собеседник он был великолепный, понимал и любил юмор, ценил остроумный анекдот, легко откликался на шутку, розыгрыш.

По своему творческому вкладу в постановку и развитие работ по ядерно-оружейной тематике Анатолий Семенович Стоцкий занимает одно из почетных мест в истории РФЯЦ – ВНИИТФ.

Л. М. Захаренко

Из воспоминаний

Анатолий Семенович быстро освоился с тематическим многообразием сектора, нашел понимание и поддержку коллектива. Стилю его работы как руководителя было свойственно быстро вникать в суть вопроса. Его отличало уважительное отношение к подчиненным, чувство нового, умение понять и оценить перспектив-

А. С. Стоцкий

ность предлагаемых идей. Так, при его поддержке в секторе появились такие новые тематические направления, как пиротехнические приборы разового действия и тепловые приборы, использующие аэродинамический нагрев. Применение этих приборов стало отличительной особенностью большого ряда ядерных боеголовок для комплексов РВСН и ВМФ.

Участвуя в работе госкомиссий по испытаниям специзделий, он проявлял себя решительным человеком, умеющим брать ответственность на себя и оперативно решать сложные вопросы технического и организационного характера. Он пользовался уважением всех участников экспедиций, обеспечивавших подготовку изделий и оперативный анализ результатов испытаний. За творческий вклад в разработку и сдачу на вооружение перво-

го поколения ЯБП для комплекса УР-100 ему, в составе коллектива сотрудников института и смежных организаций, в 1967 году была присуждена Государственная премия СССР.

Г. Л. Сегал

Я работал под руководством Анатолия Семеновича Стоцкого около 30 лет. Помню первую встречу с ним в 1960 году. Он был очень серьезен, сосредоточен — мне показалось, что я снова на экзамене у маститого профессора. А ведь ему было тогда едва 30! Уже много позже я узнал, каким остроумным, веселым, музыкальным он был в неслужебной обстановке. Анатолий Семенович остался в моей памяти как образец руководителя. Он не терпел длительных, затянутых заседаний, умел предельно быстро выявить главное в проблеме и организовать ее решение... В результате все мы чувствовали себя участниками общей работы. Авторитет Анатолия Семеновича был непререкаем, ни у кого и мысли не возникало, что можно слегка схалтурить, сдвинуть сроки и т. д. Высшей наградой была его похвала, а хвалил он нечасто и действительно за дело.

Э. Н. Кузьмин

А. С. Стоцкий принимал самое непосредственное участие в организации и становлении службы надежности КБ-2 во главе с первым начальником отдела Леонидом Степановичем Зажигаяевым. Он активно участвовал и в решении научно-методических вопросов, но особенно ценной была его помощь в налаживании взаимодействия отдела со смежными службами КБ и предприятия. В то же время, используя свои знания и опыт, он помог установить деловые производственные связи отдела и с другими предприятиями отрасли и организациями заказчика.

В 1963 году была организована межотраслевая комиссия по надежности спецбоеприпасов при секции № 1 НТС-2 МСМ. Возглавил ее заместитель главного конструктора ВНИИЭФ Владимир Иванович Карякин, заместителем которого стал А. С. Стоцкий.

В 1965 году в связи с повышением актуальности работ по надежности приказом по МСМ состав комиссии был существенно расширен. Ее председателем, после ухода В. И. Карякина на должность главного инженера в 5-е Главное управление, был назначен А. С. Стоцкий. Он возглавлял ее бессменно около полутора десятков лет.

Пожалуй, этот период работы комиссии можно считать самым плодотворным. Поскольку надежность в то время была молодой, еще только развивающейся подотраслью науки, то потребовалась разработка большого количества методических и организационных документов по терминологии, методам расчета, испытаниям и т. д. Особенности ЯБП и общее состояние теории надежности в то время

Стоцкий Анатолий Семенович

не позволяли в полном объеме заимствовать имевшиеся в литературе методы количественной оценки надежности и ее экспериментального подтверждения. Поэтому развитие известных методов потребовало комплекса специальных работ. В комиссию входили представители более 20 организаций, поэтому роль и ответственность председателя были весьма велики. С этой ролью, по общему признанию, Анатолий Семенович полностью справился. Его выступления отличались краткостью, аргументированностью и касались существа вопроса. Он умел находить оптимальные, зачастую компромиссные решения и четко их формулировал.

В. А. Страшель

...Я очень любил встречи и беседы в его гостеприимном доме... Наши дружеские отношения еще более укрепились после того, как он спас мою дочь Ирину, которая тонула у самого берега на Марь-Яре (наша база отдыха). Она была еще маленькой и очень испугалась, оказавшись в воде и не умея плавать. Семеныч, увидев эту сцену, среагировал мгновенно, прыгнув с кручи не раздеваясь, прямо в костюме. Я узнал об этом значительно позже, а в то время еще удивился, увидев его дрожащим (он уже во что-то переоделся), еще спросил его, что это он так дрожит? Он только отшутился.

Н. З. Тремасов
(из книги «Назначение отменяется, позвоните по телефону...».
Н. Новгород, 2000)

Тиханэ Олег Николаевич

14.02.1930–12.06.1999

Специалист в области разработки ядерного оружия; лауреат Государственной (1967) и Ленинской (1974) премий.

- 1948 — студент Ленинградского военно-механического института.
- 1953 — инженер-конструктор специального конструкторского бюро завода им. С. Орджоникидзе, г. Челябинск.
- 1954 — заместитель начальника СКБ, там же.
- 1956 — старший инженер-конструктор сектора 7 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1957 — начальник группы, там же.
- 1958 — исполняющий обязанности начальника отдела, там же.
- 1960 — начальник одного из ведущих отделов по основной тематике института, там же.
- 1965 — заместитель начальника сектора, там же.
- 1971 — первый заместитель главного конструктора, там же.
- 1972 — главный конструктор, там же.
- 1981 — ведущий специалист тематического направления, там же.

Награжден орденом Ленина (1978), орденом «Знак Почета» (1966), многими медалями, в том числе: имени академика В. Н. Челомея (1988), имени академика В. П. Макеева (1992), «300 лет Российскому флоту» (1996).

Более 40 лет — с 1956 по 1999 год — проработал О. Н. Тиханэ на инженерных должностях в РФЯЦ — ВНИИТФ, в том числе с 1972 по 1981 год — главным конструктором института по ядерно-боеприпасной тематике. Известный в отрасли специалист, он внес большой творческий вклад в создание и совершенствование ядерных вооружений нескольких поколений.

Родился О. Н. Тиханэ в 1930 году в старинном русском городе Остров Псковской области в семье военнослужащего. Отец у него эстонец, и фамилия в переводе с эстонского значит «синица»; мать русская. После начала Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Казахстан, где пережила тяжелые годы. В эвакуации Олегу впервые довелось увидеть Урал. Неизгладимые впечатления оставили в душе одиннадцатилетнего мальчика красота и богатство озер, лесов, причудливость горных хребтов, необъятность простора и манящие дали сурового края.

После войны Олег продолжал учебу в Пскове, затем в Таллине. Учился Олег легко, школу окончил с одной четверкой — по русскому языку. Высшее образование получил в Ленинградском военно-механическом институте, который окончил с отличием. Первая запись в его трудовой книжке гласит: «19 мая 1953 года принят на Челябинский завод им. Орджоникидзе на должность инженера-конструктора». С самого начала трудовой деятельности Тиханэ зарекомендовал себя инициативным, грамотным инженером, способным самостоятельно решать сложнейшие технические вопросы. Через год, в марте 1954 года, он был назначен на должность заместителя начальника специального конструкторского бюро.

Олег Николаевич прекрасно проявил себя и по общественной линии: был избран секретарем комсомольской организации СКБ. По свидетельству знавших его в тот период, он не только занимался комсомольскими делами, но и активно защищал перед администрацией права молодых специалистов, в том числе на жилье, особенно для молодоженов.

Когда в 1956 году на Урал прибыл представитель Министерства среднего машиностроения для набора специалистов на предприятия отрасли, в числе двух лучших от завода им. Орджоникидзе была рекомендована согласованная с Челябинским обкомом КПСС кандидатура Олега Николаевича Тиханэ. Так он стал сотрудником НИИ-1011 (часть института находилась тогда в Арзамасе-16), куда 23 апреля 1956 года был принят на должность старшего инженера-конструктора сектора 7. А с мая 1957 года он был уже руководителем группы.

596 Летом 1958 года наступило время перебазирования подразделений НИИ-1011 на Урал. На новом месте О. Н. Тиханэ был назначен на должность начальника отдела, основной задачей которого являлась разработка конструкций ядерных боевых частей для размещаемых на подводных лодках баллистических ракет ВМФ. Как раз в это время совместно с КБ В. П. Макеева (тогда оно называлось СКБ-385) велись интенсивные работы по созданию головных частей ракеты Р-13.

С апреля 1965 года Олег Николаевич работал заместителем начальника сектора 7. В июне 1971 года его назначили первым заместителем главного конструктора.

Слева направо: Е. В. Бушмин, О. Н. Тиханэ, Е. А. Шитиков. 12 марта 1961 г.

тора. Меньше чем через год, в мае 1972-го, он вступил в должность главного конструктора ВНИИП.

Один из близких друзей Олега Николаевича Ю. М. Воротилов, бывший инженер-исследователь I категории РФЯЦ – ВНИИТФ, вспоминает, как об этом назначении рассказывал сам Тиханэ: «Большую роль в его выдвижении на освободившийся в 1972 году пост главного конструктора, после ухода Л. Ф. Клопова, назначенного заместителем начальника 5-го ГУ, сыграл сам Леонид Федорович. Они (вместе с Г. А. Цырковым) обосновали свое предложение и окончательно убедили уже склонявшегося в пользу О. Н. Тиханэ заместителя министра Александра Дмитриевича Захаренкова. Совместно подготовленное представление рассматривал лично министр МСМ Ефим Павлович Славский. Он-то и принял окончательное решение».

На посту главного конструктора Олег Николаевич был до октября 1981 года. За эти годы было сделано очень много. Вот что об этом говорил Л. В. Малеваный, который в то время занимал должность помощника главного конструктора: «Работа в те годы была очень и очень напряженной. В серийное производство сдавали до двух изделий в год. И в разработке одновременно находилось на разных стадиях от 5 до 10 изделий. Это требовало слаженной напряженной работы коллектива КБ-2, других подразделений и всего предприятия в целом. Главному конструктору удалось сплотить мощную целенаправленную команду руководителей и специалистов, которые трудились с максимальной отдачей».

Олег Николаевич Тиханэ задолго до своего назначения на пост главного конструктора института обращал на себя внимание рядом качеств, за которыми

нетрудно было увидеть будущего руководителя значительно большего масштаба, чем та должность, которую он занимал. Поэтому те, кто его знал, не удивлялись его быстрому продвижению по службе в начале 1970-х годов, когда он стал первым заместителем главного конструктора, а менее чем через год — и главным.

Среди тех, кто его хорошо знал, был заместитель министра среднего машиностроения А. Д. Захаренков, бывший главный конструктор того направления, которое по его представлению в 1972 году и возглавил О. Н. Тиханэ. Олег Николаевич многому учился у Александра Дмитриевича, многое перенимал. Как пример можно вспомнить об одном из приездов заместителя министра во ВНИИТФ, когда, узнав из сообщения О. Н. Тиханэ о какой-то неувязке с серийным предприятием, он тут же позвонил директору (это был Л. И. Надпорожский), и вопрос был решен в течение 5—10 минут. Олег Николаевич поблагодарил за преподанный урок и в дальнейшем ни сам не затевал переписки, когда можно было обойтись телефоном, ни позволял этого своим подчиненным.

Вторым человеком, оказавшим наибольшее влияние на «почерк» Олега Николаевича Тиханэ как главного конструктора, был генеральный конструктор КБМ Виктор Петрович Макеев, ставший академиком, имя которого сейчас носит Государственный ракетный центр в г. Миассе. Географическая близость ядерного и ракетного центров, насыщенность программы совместных работ по ядерному оснащению баллистических ракет подводных лодок, взаимопонимание и взаимопомощь, сложившиеся между Е. И. Забабахиным, Б. В. Литвиновым и В. П. Макеевым, создали благоприятную атмосферу, в которой конструкторский талант О. Н. Тиханэ раскрылся в полной мере. Учитывая предыдущие заслуги, уже через два года после своего назначения он был удостоен Ленинской премии за творческий вклад в разработку головной части для первой морской ракеты с межконтинентальной дальностью стрельбы. Решение о включении Тиханэ в состав авторского коллектива выдвинутой КБМ на соискание государственной награды работы по созданию важнейшего для страны ракетно-ядерного комплекса было принято научно-техническим советом ВНИИП с учетом положительного во всех отношениях мнения Виктора Петровича Макеева.

Всего за период руководства О. Н. Тиханэ ядерно-оружейными разработками института по 2-му тематическому направлению на вооружение было передано 7 морских боеголовок.

598 Заслуживают особого упоминания регулярные встречи руководителей КБМ и ВНИИП, в которых принимали участие и их ближайшие помощники. На них, проходивших в большинстве случаев в неофициальной обстановке (как бы сейчас сказали — «без галстуков»), кроме текущих конкретных вопросов, рассматривались и актуальные проблемы общего, концептуального характера, например, вызывавшие межведомственные споры требования по стойкости, по отношению к которым была выработана совместная и, как показало время, правильная позиция. Другой пример — переход к технологии системного (совместного) проектирования боеголовок на основе специально разрабатываемых для них основных

составных частей, включая заряд. Такой подход явился необходимым условием для достижения нового качества за счет оптимизации конструкции боеприпаса в целом. До этого одна общая работа делилась на две, относительно самостоятельные: разработка корпуса боевой части — КБМ и разработка системы автоматики и размещение спецзаряда в боевой части носителя — ВНИИП. (Это была вынужденная мера, обусловленная широкой номенклатурой вновь создаваемых ЯБП, намного превышавшей возможности синхронной разработки новых ЯЗ. Для морских баллистических ракет, за исключением Р-13, приходилось довольствоваться существовавшими зарядами, разработанными в стране в 1950—1960-е годы).

Разумеется, такой переход мог быть и был осуществлен лишь тогда, когда задача по созданию новых зарядов в сжатые сроки разработки ракетных комплексов стала реально выполнимой. И в этом заслуга КБ-1 во главе с Борисом Васильевичем Литвиновым. Это признавал и ярый приверженец совместного проектирования О. Н. Тиханэ, который все достижения в работах по морской тематике по-братски делил на троих: КБ-1, КБ-2, КБМ.

Никогда и нигде не стеснялся Олег Николаевич учиться тому, что считал полезным. Иногда копировал даже манеру поведения. Как-то в кабинете В. П. Макеева разыгралась такая сцена. В результате испытаний ракеты обнаружилась необходимость изменения конструкции какой-то системы. Обсудили и согласились с новым вариантом. И тут кто-то из участников заметил: «Виктор Петрович, а ведь мы вам именно этот вариант в самом начале и предлагали». На что Макеев весело, с хитринкой в глазах заявил приблизительно следующее: «Видимо, плохо предлагали. Почему не убедили? Вы трое убеждали одного и не убедили. Значит, вы и виноваты. Теперь исправляйте свою ошибку».

В разработках, особенно на ранних стадиях, нередко приходится что-то менять. И если это касалось решений, принятых Олегом Николаевичем лично, он не боялся признать и свою долю вины. При этом, естественно, доставалось и коллегам с некоторых пор в редакции, близкой к макеевской. Чего он и не скрывал.

Как известно, до конца 1980-х годов в институте было два научно-технических совета, один из которых — по 2-му тематическому направлению — возглавлял главный конструктор ЯБП. В этом качестве Олег Николаевич также проявил себя с лучшей стороны. Он рассматривал НТС как полезный инструмент не только для выработки научно-технической политики, но и как удобный форум для немедленного доведения «смысла и буквы» принятых решений до всех заинтересованных без посредников (это были не только члены совета, но и «приглашенные», список которых составлялся с особым тщанием). Он поощрял проработку и обсуждение альтернативных вариантов, поручал проведение экспертиз подготовленных к заседаниям материалов достаточно независимым («зубастым») специалистам. Каждый год проводилось не менее семи-восьми заседаний, половина из которых посвящалась ОКР, а половина НИР. Не случайно в конце 1970-х годов работа НТС-2 рассматривалась на бюро горкома КПСС (беспрецедентный случай), где получила

единогласное одобрение. Высокая оценка основывалась не столько на полагающихся в таких случаях бумагах (доклад О. Н. Тиханэ, экспертное заключение А. А. Бунатяна, И. В. Санина, Я. Н. Андреева), сколько на знании фактической стороны дела, известной в первую очередь члену бюро (в то время будущему академику РАН) Борису Васильевичу Литвинову, активно участвовавшему в заседаниях совета.

Еще одной примечательной чертой характера Тиханэ было умение устанавливать и поддерживать доверительные, дружеские отношения с руководителями и специалистами как внутри института, так и за его пределами. Это помогало работе, создавало благоприятные условия для функционирования многоуровневой самонастраивающейся системы взаимодействия, которая в идеале требует вмешательства руководителей высокого ранга лишь в исключительных случаях. К этому и приучал Тиханэ, нередко спрашивая любителей переложить ответственность на чужие плечи: «Почему не можете разобраться на своем уровне? Что и кто вам мешает?» Такой подход к делу не только дисциплинировал одних, но и поощрял проявление инициативы и самостоятельности другими, не боящимися последствий принятых решений в пределах своей компетенции.

Вспоминает Ю. М. Воротилов: «С первого знакомства с Олегом Николаевичем на праздничной демонстрации «нового объекта» в Приволжье в 1956 году до его безвременной кончины прошло больше четырех десятилетий, а возникшая с годами дружба не прерывалась. И что характерно — по натуре он не менялся, оставаясь деятельным, доброжелательным в общении, веселым человеком. Не знаю случая, чтобы он когда-либо кого-нибудь оскорбил, унизил, изругал (хотя иной раз и было за что). Однако он не терпел и, похоже, не прощал грязных закулисных интриг и предательства — особенно со стороны тех, кому доверял. В сложные периоды он при любых невзгодах не терял самообладания, не озлоблялся, оптимистично, а порой и наивно, веря в лучшее.

Хотелось бы рассказать эпизод, когда проявилась деловая решительность Олега Николаевича и его интуитивная уверенность в конечном успехе. Только недавно назначенный главным конструктором (это было в начале 1970-х годов) он «круто переложил руль» в процессе выполнения одной из актуальнейших работ. Речь идет о создании малогабаритного ЯБП (ББ) для стратегического ракетного комплекса, размещаемого на подводных лодках ВМФ. Одним махом были перечеркнуты результаты трехлетней напряженной работы ведущего отдела сектора 7 и его совместных с КБМ конструкторско-технических наработок. Вместо «линейного» отдела ведущим по разработке ЯБП на стадии технического предложения решением главного была назначена сравнительно молодая служба КБ (номинально входящая в сектор 14) — самостоятельная лаборатория тактико-технических исследований (начальник Л. М. Захаренко), практически не имевшая никакого опыта подобных работ. Правда, в ее составе имелись отдельные сотрудники, до перехода в нее принимавшие участие в разработке аван- и эскизных проектов изделий различных классов.

Особенно сокрушался по поводу принятого решения начальник сектора 7 Ростислав Николаевич Огнев. Много позднее он говорил мне: «Может быть, и правильно поступил тогда Тиханэ, что поручил разработку вам (т. е. лаборатории), но так резко, словно усомнившись в компетентности, проигнорировать сектор 7, из которого он сам вышел... Было обидно...»

Назначенная ведущей лаборатория тактико-технических исследований отныне должна была выполнять организующую и координирующую роль при ведении работ по этой теме, открывать НИР, составлять и согласовывать планы совместных работ как внутри КБ-2, так и с основными соразработчиками: КБ-1, КБМ, ВНИИА, НИИИС. Одновременно она должна была разрабатывать компоновку ЯБП и материалы основной части технического предложения. А «за душой» лаборатории в тот период, кроме разговоров о желаемых характеристиках автоматики, некоторых требующих проработки идей, да нескольких набросков (от руки на обороте старой миллиметровки) вариантов общей компоновки ничего не было. Предстояло в сжатые сроки полностью обновить приборную базу системы автоматики — разработать новое поколение малогабаритных приборов и узлов, в том числе уникальных, с высокими техническими характеристиками, причем весовая становилась одной из основных. К проектированию изделия и его частей требовался явно нетрадиционный подход. При этом имеющийся опыт подлежал кардинальной переоценке. Созрела настоятельная необходимость в поиске новых, оригинальных технических и компоновочно-конструкторских решений, выборе наиболее перспективных из них, но еще даже не опробованных, для реализации в конструкции изделия. Олег Николаевич, как никто другой, понимал проблемы и трудности, стоящие перед разработчиками. Он не только верил в успех, но и делал все необходимое для практической реализации проекта, тщательно отслеживал создание изделия на всех этапах и стадиях разработки (впрочем, отнюдь не забывая и о многих разрабатываемых изделиях других классов). В конечном счете созданный ЯБП явился «первой ласточкой» в ряду аналогичных, принятых впоследствии на вооружение ВМФ (в составе соответствующих ракетных комплексов).

Многое удавалось Олегу Николаевичу благодаря его личному обаянию, здоровому чувству юмора. Нередко можно слышать, что он «питал слабость» к морякам. Она была взаимной! У него сложились прекрасные отношения как с адмиралами — командирами воинских частей (Е. А. Шитиковым, Ю. С. Яковлевым, А. И. Ветютневым), так и с их полпредами (А. Г. Мокеровым, Б. С. Калининым, Б. Н. Жердиным, А. А. Марковым и др.).

Авторитет Олега Николаевича оценивался высоко — и как главного конструктора, и как компетентного «технократа», и как приятного собеседника в любой компании.

После того, как Олег Николаевич оставил пост главного конструктора, он продолжал трудиться в КБ-2 ведущим и главным специалистом по основной тематике в НКО-7. С 1995 года был ведущим нескольких конверсионных направлений.

К годовщине ухода из жизни Олега Николаевича Тиханэ был подготовлен фильм под названием «На этой земле он был человек...». Фрагменты воспоминаний из этого фильма уместно привести и здесь: они подтвердят и дополнят уже сказанное о нём.

Помощник главного конструктора КБ-2 В. И. Степанов: «Мне хочется отметить способность Тиханэ быстро ориентироваться в незнакомой обстановке. Он часто заходил в конструкторские отделы и обычно выбирал такой момент, когда чертеж уже близился к завершению, смотрел и говорил: «Смотрю на чертеж и вижу изделие». Он был демократичен, проявлял лояльность к неординарному подходу при решении конструкторских и производственных задач. А как администратор проявлял суровость к нерадивым сотрудникам. В то время было много работ, которые сопутствовали производственной деятельности, например, общественная работа, которая всегда была на высоте. Он требовал, чтобы каждый занимался общественной работой. И это очень сильно дисциплинировало коллектив. Он очень любил спортивные мероприятия. Сам непосредственно участвовал в спортивных соревнованиях, бегал в эстафете, играл в волейбол, баскетбол, был заводилой».

По словам Л. Д. Никифорова, начальника отдела разработки конструкций артиллерийских ЯБЧ с 1983 по 1989 год: «Олег Николаевич Тиханэ обладал хорошей теоретической подготовкой. Занимая должность главного конструктора, при согласовании ТТЗ на разработку изделия он умел находить ту грань, при которой максимально выполнялись требования заказчика, учитывались технические возможности производства и состояние науки в данное время. При этом предельно точно устанавливались сроки сдачи изделий в серийное производство. Главный конструктор понимал техническую политику и увязывал ее со сроками разработки изделия. Он умел находить общий язык с представителем заказчика, со смежными организациями, умел прислушиваться, выслушивая каждого руководителя и специалиста, подмечал самое главное, изюминку».

Начальник отдела НИО-14 О. И. Чудесников: «В вопросах конструирования он разбирался хорошо, знал работу конструкторских и компоновочных отделов, был знатоком функциональной схемы изделия. В делах исследовательских и расчетных доверял В. Д. Потеряеву и В. М. Правдину. Работу главного конструктора знал. Дело, которое полагалось, делал добросовестно, успешно, в мелкие детали не вникал — “не царское это дело”».

Начальник отдела НКО-7 Ю. А. Задворнов: «Он быстро вошел в контакт с коллективом не только в техническом смысле, но и в дружеском. С ним было легко работать. Он был не злопамятным».

602

Сам Олег Николаевич говорил, что «тот человек, который не воспринимается коллективом, никогда успехов в этом коллективе не достигнет». Отношение к людям было одной из составляющих его успешного руководства КБ-2.

Олег Николаевич был разносторонним человеком. *Один из его друзей А. В. Воробей вспоминает о пристрастии его к охоте:* «Олег Николаевич

занимался охотой с сентября по декабрь. Охоту он предпочитал только ходовую: осенью — на боровую дичь (больше всего любил охотиться на рябчиков) с манком, а зимой — на зайца с гончими собаками. В житейском плане был неприхотлив. За день он мог пройти 30–40 км (это по горам и долам, по бурелому и траве в человеческий рост). За свою жизнь им были исхожены охотничьи угодья от деревни Куватал (район горы Юрма) до деревни Кенчурка (Полевской район Свердловской области).

В 1970–1980-х годах в городе была организована дружина по охране природы. Олег Николаевич оказывал этой дружине посильную помощь (решал вопросы с руководством города и института). Благодаря этой помощи в зоне было много дичи, а в озере много рыбы».

О последних днях Олега Николаевича рассказал Ю. М. Воротилов: «В начале мая, когда приехала его сестра Диана Николаевна, Жанна Федоровна позвонила мне и пригласила «навестить Николаича». Собрались и вместе с внуками и их матерью пошли в больницу. Там сфотографировались, сравнительно долго общались с Олегом, пока ему не подошло время процедур. Это оказалась последняя наша встреча (чего я совершенно не ожидал, так как надеялся на лучшее — на его хоть не полное, но выздоровление). Состояние здоровья его быстро ухудшалось, Жанна Федоровна категорически запретила всякие визиты. Мне оставалось только подчиниться... 12 июня 1999 года Олега не стало... Осталась память и горечь утраты одного из лучших друзей».

Безусловно, в короткие воспоминания об Олеге Николаевиче Тиханэ невозможно вписать целиком его многогранную и колоритную личность. О том интересном и непростом времени для страны и предприятия, о людях, которые создавали ядерное оружие в обстановке высокой требовательности, ответственности, строжайшей секретности и о многом другом историки и исследователи еще многое смогут написать, а значит, и его имя не будет забыто.

Л. М. Захаренко

Из воспоминаний

Среди многочисленных тематических структур КБ ведущую роль играли конструкторские коллективы сектора 7 во главе с начальниками отделов. Среди них заметно выделялся О. Н. Тиханэ. Внушительный рост, респектабельная внешность, обширная техническая эрудиция, уверенность и смелость в принятии деловых решений вызывали у меня доверительность и уважение к его личности. Мне приходилось общаться со многими сотрудниками КБ по совместным конструкторским разработкам, и всегда я убеждался, что такого же мнения о Тиханэ придерживаются многие другие коллеги, в том числе и главный конструктор А. Д. Захаренков.

Многие годы под руководством О. Н. Тиханэ замечательный коллектив КБ-2 успешно разрабатывал ядерные боеприпасы для различных носителей. Запомнилось успешно проведенная совместно с Тиханэ работа по созданию малогабаритного артиллерийского боеприпаса. Работа велась по двум вариантам конструкции. Первый вариант создавался на основе ядерного заряда с традиционным усилителем мощности, входящим в общую конструкцию боеприпаса. Предполагалось, что усилитель разработают в КБ-11. Этот вариант был предпочтительным. Но ограничения по весу боеприпаса и жесткие баллистические характеристики его полета не позволяли быть полностью уверенными в положительном исходе работы. Вследствие этого нами был предусмотрен альтернативный вариант, предполагающий размещение усилителя вне боеприпаса, но с сохранением возможности выполнения его функционального назначения перед выстрелом. Конструкторская задача была проблемной, ее решение не имело аналогов. Коллективом, в составе которого работал и я, было разработано несколько первых модификаций варианта конструкции. Все они были проблемными. Но Тиханэ это не смущало, он вдохновлял на поиск новых конструкторских решений и своим участием помогал процессу творческих поисков. В результате общего труда было найдено оптимальное решение. О. Н. Тиханэ доложил о нём заместителю министра МСМ А. Д. Захаренкову и получил одобрение. Позже эскизный проект и макет конструкции были представлены на рассмотрение межведомственной комиссии и получили положительную оценку. В этой работе настойчивость и решительность О. Н. Тиханэ обеспечили победу конструкторской мысли. Найденное конструкторское решение являлось уникальным и перспективным.

Л. Д. Ивановский

Олега Николаевича я знал с апреля 1974 года, когда пришел молодым специалистом по распределению в КБ-2. В те времена холодной войны он для нас был огромным авторитетом. В КБ-2 было много работы. Ядерные боеприпасы ежегодно осваивались в серии и принимались на вооружение. Хорошо помню, как много внимания он уделял молодежи — работе Совета молодых специалистов, комсомольской организации. Его любимым лозунгом было: «Кадры в машиностроении решают всё!» В эти годы проводились конкурсы на лучшего молодого специалиста, конструктора, изобретателя КБ-2 и предприятия, а победителям конкурса повышали должности и оклады. Причем наш главный конструктор поощрения давал обязательно, невзирая на мнения наших непосредственных начальников. В лучшем смысле слова Олег Николаевич соблюдал принцип единоначалия в принятии решений, но при необходимости учитывал мнения широкого круга специалистов. Был последователен и настойчив в достижении поставленных целей, повышая уровень требований, добивался неукоснительного их выполнения.

Необходимо отметить и то, что в последние годы жизни Олег Николаевич, работая главным специалистом по одной из важнейших и интереснейших оборон-

ных тем, практически не изменил свой деловой стиль. Он тщательно прорабатывал и согласовывал организационные и технические вопросы, был объективным и самокритичным. Поэтому подготовленные им взвешенные решения практически с первого захода принимались и утверждались высшим руководством КБ-2, предприятия и гензаказчиком, где у него сохранился большой авторитет.

Из всех родов войск, он особенно выделял ВМФ, в частности, подводный флот и всегда носил на лацкане пиджака подаренный ему гвардейский знак «За дальний поход», который прикреплял даже выше орденов.

Олег Николаевич увлекался подводной охотой, за что получил кличку «субмарина».

Личность Олега Николаевича можно назвать стратегической, он ясно видел цель, был непреклонен в ее достижении. И, самое главное, он любил дело, которому служил всю жизнь.

Е. Н. Петров

Он весь — это цельность, преданность и любовь.

Я приехала в Арзамас-16 из Москвы после окончания в 1955 году курсов программистов при институте математики им. Стеклова РАН. Мы, математики, работали вместе с физиками-теоретиками в тесном контакте. Очень хорошо помню Юрия Алексеевича Трутнева, Юрия Сергеевича Вахрамеева, Ольгу Павловну

Олег Николаевич и Жанна Федоровна

Рыбалкину. Вечерами я занималась спортом. Когда начались соревнования, пронесся слух, что появился новый игрок за «новый объект». Меня уговорили сходить посмотреть, как он играет. И это стоило того. Мало сказать, что это был высокий, красивый молодой человек с темно-каштановыми вьющимися волосами. У него была необычная манера игры, которой до этого ни у кого не было. Он просто приковывал взгляд каждым своим отточенным движением. В тот вечер мы столкнулись на выходе из спортзала, и получилось так, что нас представили друг другу. Через несколько дней после этого меня пригласили на заводской вечер. Олег Николаевич тоже оказался там. Мы танцевали вместе и потом уже не расставались.

Многое в его характере было заложено в семье. Дядя Олега Николаевича, Анатолий Георгиевич, был Министром финансов Эстонии. Это был необыкновенно добрый и внимательный человек. Самые теплые отношения у меня сложились именно с ним. Отец и мать Олега Николаевича были достаточно строгими, немногословными людьми. Отец Олега Николаевича был военным, полковником, начальником КГБ города Таллина. Мать была домохозяйкой.

Он был во всем талантлив. Конструирование для него было не просто специальностью, это было его страстью. Свою первую машину он отремонтировал и собрал сам, когда был еще студентом Ленинградского военно-механического института. Это была BMW, трофейная немецкая машина — кабриолет с огромными крыльями и фарами. Потом у него были мотоциклы и другие машины, но той, первой он гордился больше всего.

Олег Николаевич очень любил природу Урала. Мы много путешествовали, рыбачили на озерах. Рыбачить Олег Николаевич умел и любил еще с детства. Во время эвакуации семье пришлось жить в Казахстане рядом с озером Карасу. Олегу тогда было только 11 лет. Он каждый день ходил на рыбалку и приносил домой столько рыбы, что это было настоящим подспорьем двум семьям: матери с сестрой и жене его дяди с двумя дочерьми. А вот охотой Олег Николаевич занялся только в Челябинске-50. Друзья подшучивали над его грузностью, которая начала появляться, и стали иногда брать его с собой на охоту. Постепенно он так увлекся, что это стало еще одной его страстью. Мне тоже нравилось ездить с ним. С трех лет мы начали брать с собой сына Колю. Про охоту можно рассказывать много. Интересно, что Олег Николаевич каждый раз находил в охоте что-то необычное и давал ей кодовое название «Операция ...». Потом в разговорах у костра или дома во время застолья достаточно было кому-то произнести то название охоты, которое метко дал когда-то Олег Николаевич, и все уже дружно смеялись, припоминая детали.

606 Для Олега Николаевича очень много значила его семья. Ни с чем несравнимая радость вошла в жизнь Олега Николаевича, когда у него появился внук — второй Олег Николаевич Тиханэ. Своим внукам Анечке и Олежке Олег Николаевич посвящал очень много своего свободного времени — учил кататься на велосипеде, играл с ними в шашки и шахматы, следил за учебой в школе и даже сам ходил на школьные собрания.

Тиханэ Олег Николаевич

Друзей у Олега Николаевича всегда было много. Многие знали о его дружбе с Анатолием Семеновичем Стоцким и Владимиром Дмитриевичем Потеряевым. Они все трое были умницами, с юмором, и очень любили подшучивать друг над другом. Они часто бывали вместе – в центре большой Олег Николаевич, по левую руку от него крепкий Владимир Дмитриевич, по правую руку интеллигентный с лукавым прищуром Стоцкий. Так их и прозвали во время одной из поездок на полигон – наши «три богатыря».

Олег Николаевич прожил плодотворную жизнь. Очень важно, что наш сын и племянники выбрали в жизни то дело, которое унаследовали от него. Сын Николай закончил Военно-морское училище в Севастополе, и более 10 лет служил на Новой Земле, был начальником пусковых установок, в которых испытывали изделия, разработанные в КБ-2. Старший племянник Андрей Ольгертович Воложинский, контр-адмирал, заместитель начальника штаба Северного Флота. Младший племянник Михаил, капитан третьего ранга, временно оставил службу на подводной лодке для продолжения обучения в Военно-морской академии в Санкт-Петербурге.

17 марта 1999 года Андрей Ольгертович приезжал в Снежинск. У нас в альбоме сохранилась фотография Олега Николаевича с сыном Николаем и Андреем Воложинским в Музее ядерного оружия.

Ж. Ф. Тиханэ

Тренёв Владимир Петрович

03.07.1909¹

Механик по счетным аппаратам;
сотрудник органов государственной
безопасности с 1932 года, полковник;
член ВКП(б) с 1943 г.

- 1926 — ученик слесаря чернильной фабрики, г. Москва.
- 1927 — слесарь карандашной фабрики, там же.
- 1929 — слесарь завода им. Авиахима, там же.
- 1930 — механик Наркомзема РСФСР, там же.
- 1932 — младший начсостав войск ОГПУ, г. Тула, Реутово, Смоленск.
- 1934 — инспектор УНКВД Московской области.
- 1935 — сотрудник для поручений ГУЛАГа ОГПУ СССР, г. Москва.
- 1936 — сотрудник для особых поручений, помощник начальника секретариата, начальник секретариата заместителя наркома НКВД СССР, там же.
- 1941 — начальник строительства ГУАДС НКВД СССР, г. Рига;
начальник строительства УАДС УНКВД Московской области,
г. Волоколамск; начальник строительства ГУЛЖДС НКВД
СССР, г. Казань.
- 1943 — секретарь заместителя наркома НКВД СССР, г. Москва.
- 1946 — управляющий делами и начальник хозуправления ПГУ
при Совете Министров СССР, там же.
- 1949 — заместитель директора КБ-11 по режиму, г. Арзамас-16.
- 1955 — заместитель директора НИИ-1011 по режиму, г. Снежинск.
- 1958 — уволен по болезни, вернулся в Москву.
- 1960 — заместитель главного врача подмосковного санатория «Ерино».

¹ Дату смерти установить не удалось.

1964 — начальник материально-технического отдела, заместитель
директора Института медико-биологических проблем
Минздрава СССР по общим вопросам, г. Москва.
1967 — пенсионер.

Награжден орденами: Красного Знамени (1954), Отечественной войны
2-й степени (дата награждения не установлена), Красной Звезды (дважды:
1943, дата награждения не установлена), «Знак Почета» (1954);
медалями: «За боевые заслуги» (1944), «За трудовую доблесть» (1942),
«За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой
Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия
Москвы» (1947), «30 лет Советской Армии и Флота» (1948).

В свои сорок восемь лет Владимир Петрович Тренёв был признан инвалидом 3-й группы. Из медицинского заключения Центральной врачебно-экспертной комиссии Министерства внутренних дел СССР (ЦВЭК МВД СССР) от 17 мая 1957 года: «... ввиду наличия выраженных функциональных нарушений, препятствующих продолжению оперативной работы большого объема, связанной с нервными и психическими напряжениями».

А несколько позже, в личном деле полковника запаса МВД СССР, заместителя директора объекта по режиму появилась последняя строчка: «Уволен по болезни с 01 февраля 1958 года».

Уроженец Петрограда (г. Санкт-Петербург), Владимир Петрович Тренёв большую часть своей жизни провел в Москве. После окончания в 1926 году московской средней школы, он не сразу определился в выборе профессии. Первым самостоятельным шагом во взрослую жизнь было поступление на одну из фабрик Москвы учеником слесаря. В последующие четыре года Владимир Тренёв еще дважды менял место работы, но с той же профессией слесаря.

Желание учиться привело его в 1930 году в школу механиков при Народном комиссариате земледелия (Наркомземе) РСФСР. Через год Владимир Тренёв закончил её и получил специальность механика по счетным аппаратам.

В 1932 году двадцатитрехлетнего В. П. Тренёва призвали в Красную Армию и направили на учебу в специальную школу войск Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР, по окончании которой он служил в должности младшего начальствующего состава до 1934 года. Два года службы в войсках ОГПУ стали определяющей вехой в еще скромной биографии В. П. Тренёва, так как с этого времени вся его дальнейшая жизнь будет связана с системой ОГПУ — НКВД — МВД СССР.

Тренёв Владимир Петрович

Деловые качества — исполнительность, оперативность, принципиальность — позволили Тренёву за короткое время с 1935 по 1941 год пройти путь от инспектора Управления НКВД Московской области, сотрудника для особых поручений НКВД СССР до начальника секретариата заместителя наркома НКВД СССР. Вступив в ряды ВЛКСМ еще в 1934 году, он возглавлял комсомольскую организацию секретариата с 1937 по 1939 год.

В период Великой Отечественной войны В. П. Тренёв в боевых операциях на фронте участия не принимал. В 1941 году он был назначен начальником строительства в городах Рига, Волоколамск, Казань. А в 1942 году вернулся в Москву, где в должности секретаря заместителя наркома НКВД СССР работал до 1946 года. В 1943 году был принят в члены ВКП(б). За работу в НКВД СССР в военное время В. П. Тренёв отмечен правительственными наградами.

Из анкеты, заполненной В. П. Тренёвым 25 апреля 1949 года:

1. Орден Отечественной войны 2-й степени за успешное выполнение задания по работе режима лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. (Главного управления исправительно-трудовых лагерей — *Примеч. авт.*)

2. Орден Красной Звезды за успешное строительство железной дороги Свияжск — Ульяновск.

3. Медаль «За трудовую доблесть», медаль «За боевые заслуги», медаль «За оборону Москвы», медаль «За победу над Германией».

С 1946 по 1949 год Владимир Петрович работает в качестве управляющего делами и начальника хозяйственного управления ПГУ (Первого главного управления — *Примеч. авт.*) при Совете Министров СССР.

В июле 1949 года В. П. Тренёв был направлен на еще строящийся, но уже созданный объект П. М. Зернова — п/я 975 (КБ-11) на должность заместителя начальника объекта по режиму и охране. Из служебной характеристики В. П. Тренёва, подписанной начальником объекта А. С. Александровым, сменившим П. М. Зернова:

«...к исполнению своих служебных обязанностей относится добросовестно, энергичен и оперативен, хорошо знает свой участок работы, много сделал для укрепления охраны и режима, в обращении с народом корректен, вежлив и, наряду с этим, принципиален. В общественной жизни принимает активное участие, систематически занимается повышением своих политических знаний.

Занимаемой должности заместителя начальника объекта по режиму и охране вполне соответствует».

Новым этапом жизни Владимира Петровича стал его перевод из КБ-11 на работу в НИИ-1011 на Урал в ноябре 1955 года.

В обязанности заместителя директора НИИ-1011 по режиму и охране входило обеспечение режима секретности работ, проводимых на вновь создаваемом объекте особой важности. Необходимо было организовать сохранность секретных документов и специальной продукции, охрану промышленных площадок, «легендирование» проводимых работ и решить многие другие вопросы в нескончаемом

перечне задач. Для выполнения достаточно большого объема работ требовались личные инициатива, смекалка, а порой и изобретательность.

Случались и ошибки. Например, для транспортировки спецпродукции начали использовать только новые железнодорожные вагоны. Все считали, что это правильное решение. Но вагоны горели в буквальном смысле этого слова. А причина была в необкатанных вагонных брусках — источнике загорания. В дальнейшем стали использоваться только обкатанные вагоны. И в решении подобных вопросов обязательно принимал участие Владимир Петрович Тренёв.

Характер работы требовал от заместителя директора по режиму и охране частого присутствия на местах, постоянного знания оперативной обстановки. В. П. Тренёв лично проверял состояние дел на складах, на участках 1-го отдела, высказывая замечания, предложения и рекомендации.

В те годы требования по обеспечению режима секретности работ были значительно строже. Например, на исследовательскую установку разрешалось идти только вдвоем, печатывать сейфы с секретными документами или продукцией только двумя печатями, на постах охраны были только офицеры.

Отстаивая интересы режима, Тренёву приходилось спорить и с директором института Дмитрием Ефимовичем Васильевым. И вновь один пример: проезд через контрольно-пропускной пункт (КПП). Инструкция предусматривала выход всех пассажиров из салона автобуса и проход через пост дежурного с предъявлением пропуска. Дмитрию Ефимовичу так и не удалось убедить своего заместителя упростить этот порядок.

В. П. Тренёв занимался и вопросами, которые не относились непосредственно к его работе. Он один из активных участников создания типографии предприятия и городской музыкальной школы.

В свободное время Владимир Петрович увлекался охотой и рыбалкой. Семья его была достаточно большой: жена Юлия Дмитриевна и четверо детей — сын и три дочери.

В феврале 1958 года Владимир Петрович уволился с предприятия по состоянию здоровья и вернулся в Москву.

О его дальнейшей судьбе стало известно из переписки (1995 год) между женой В. П. Тренёва Юлией Дмитриевной и старейшиной режимных органов института Николаем Дмитриевичем Пыреговым.

В 1960 году В. П. Тренёв продолжил трудовую деятельность, устроившись заместителем (видимо по хозяйственной части — *Примеч. авт.*) главного врача подмосковного санатория «Ерино». В 1964 году он, в порядке перевода, перешел на работу в организацию п/я 3452, которая в 1966 году была переименована в Институт медико-биологических проблем Минздрава СССР. Сначала занимал должность начальника материально-технического отдела, а затем — заместителя директора института по общим вопросам.

В 1967 году Владимир Петрович оставил работу и окончательно вышел на пенсию.

Тренёв Владимир Петрович

Высокая оценка безупречной службы и работы в органах ОГПУ — НКВД — МВД СССР В. П. Тренёва нашла отражение в правительственных наградах. В декабре 1956 года руководством института Владимир Петрович был представлен к ордену Ленина. Но с награждением что-то не получилось...

В. В. Власов

Из воспоминаний

Глубокие залысины в редющей шевелюре светлых волос, бледность кожи лица и рук, неторопливые движения и легкое утробное покашливание, казалось, говорили о какой-то скрытой болезни в этом человеке. Но ясный, пронизывающий взгляд быстро бегающих, как бы обшаривающих собеседника, острых глаз говорили совсем об обратном.

Владимир Петрович Тренёв принадлежал к когорте чекистов 1930—1950-х годов. Его еле заметно сутуловатую фигуру ладно облегал хорошего пошива военный мундир с полковничьими погонами. Гражданских костюмов он не носил и, скорее всего, не потому, что имел к ним какую-то неприязнь. Погоны полковника придавали их владельцу внушительную солидность и вызвали уважение не только у близких сослуживцев, но и у всех жителей поселка Сокол.

На работе он обычно не суетился, почти не проявлял эмоций и, как нам тогда казалось, всегда стремился к положительному разрешению многих зависящих от него вопросов.

В знакомствах Владимир Петрович был сдержан, компаний не заводил и, видимо, не стремился к ним. Его окружение было исключительно узким.

Увлекался охотой, проявляя к ней большую страсть, хотя первостатейным стрелком он никогда не был. Природу знал и любил. При коллективных выездах на охоту по боровой и водоплавающей дичи вынужден был общаться с различной категорией сотрудников. Вел себя, в общем-то, просто и не заносчиво, хотя всегда держался с видимым достоинством.

Некоторые его боялись, многие уважали, а в общем и целом он не был обделен расположением окружавших его людей.

В. Г. Лазарев

Для включения очерка о жизни и деятельности В. Н. Тренёва в настоящую книгу был необходим его портрет. В личном деле Владимира Петровича фотографии не оказалось. К её поискам были подключены работники режимных служб,

Тренёв Владимир Петрович

которые знали В. П. Тренёва в лицо. Просмотр нескольких сотен фотографий из архивов местных фотографов нужного результата не дал.

Перелистывая в очередной раз личное дело В. П. Тренёва, я обратил внимание на указанный в анкете точный адрес проживания жены, Юлии Дмитриевны: «Москва, Садово-Кудринская улица, дом № 7, кв. 36». Других адресов в документах личного дела не было.

Анкета заполнена В. П. Тренёвым в сентябре 1949 года, а шел уже 1989-й. Значит, указанный адрес 40-летней давности! За 40 лет многое могло измениться.

Я обратился за помощью к бывшему начальнику 1-го отдела завода № 1 Николаю Дмитриевичу Пырегову, знавшему В. П. Тренёва лично. Передал ему адрес Юлии Дмитриевны и попросил написать письмо Владимиру Петровичу с просьбой прислать его фотографию.

В чудеса я не верю, но чудо всё же произошло! Николай Дмитриевич получил ответ и фотографию!

Из письма Владимира Петровича Тренёва (апрель 1989 года): «Николай Дмитриевич! Сердечно благодарю Вас за чуткое отношение к старику, ведь мне в июле стукнет ровно 80. Очевидно, придется справить юбилей (если позволит здоровье).

Приношу благодарность и молодежи — «знатокам». Молодцы! Не забывают старых работников.

Вы просите фотографию в форме полковника. Одну такую нашел и Вам высылаю...

Николай Дмитриевич! Очень часто вспоминаю Урал, его природу, озера и охоту. Здесь этого нет. Ловим летом малюток карасей и плотвичку. А выехать куда-то километров за 200–300 возможности нет, да и здоровье не позволяет. Перенес три глазных операции, а в мае будет четвертая. Надеюсь на лучшее.

В семье всё нормально. Юлия Дмитриевна шлет Вам большой привет и наилучшие пожелания...

Ещё раз благодарю за внимание, крепко жму руку, желаю крепкого здоровья и успехов во всей твоей деятельности...»

От имени Центральной редакционной комиссии по созданию истории предприятия были подготовлены и отправлены Владимиру Петровичу Тренёву благодарность за ответ на наше письмо и присланную фотографию и, конечно, поздравление с наилучшими пожеланиями по случаю его 80-летия.

Ю. М. Плахов

Феоктистов Лев Петрович

14.02.1928– 14.02.2002

Специалист в области ядерной физики и техники, кандидат физико-математических наук (1961), старший научный сотрудник (1963), доктор физико-математических наук (1964), член-корреспондент Академии наук СССР (1966), действительный член РАН (2000), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской (1958) и Государственной (1978) премий; почетный академик Европейской Академии наук, искусств и литературы (1992); почетный гражданин г. Снежинска (1977), член КПСС с 1956 по 1991 г.

- 1945 — студент физического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- 1951 — научный сотрудник теоретического сектора КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — исполняющий обязанности начальника отдела 12 теоретического сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1963 — начальник этого же отдела.
- 1967 — начальник теоретического отделения и первый заместитель научного руководителя ВНИИП, там же.
- 1977 — начальник расчетно-теоретического отдела в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова, г. Москва.
- 1980 — заместитель директора по науке, там же.
- 1988 — заведующий лабораторией, начальник отдела лазерного термоядерного синтеза, главный научный сотрудник в Физическом институте им. П. Н. Лебедева.

Награжден орденами: Трудового Красного Знамени (1956, 1975), Ленина (1961, 1966), Октябрьской Революции (1971), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (1998). Одной из звезд в созвездии Водолея присвоено имя Академик Лев Феоктистов, а в г. Снежинске есть улица Феоктистова.

14 февраля 2002 года скоропостижно скончался заведующий отделом лазерного термоядерного синтеза Отделения квантовой радиофизики Физического института им. П. Н. Лебедева РАН академик Лев Петрович Феоктистов — выдающийся русский ученый, один из создателей российского ядерного и термоядерного оружия.

Лев Петрович Феоктистов родился 14 февраля 1928 года в Москве в семье служащих. После окончания в 1951 году физического факультета МГУ он был направлен на работу во Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Арзамас-16); с 1955 года его трудовая деятельность продолжилась во Всероссийском научно-исследовательском институте технической физики (Челябинск-70). В этих научных учреждениях Министерства среднего машиностроения он в течение 27 лет работал над теоретическими и практическими проблемами ядерных и термоядерных вооружений.

Уже первые работы Льва Петровича внесли существенный вклад в создание первой водородной бомбы современного типа, которая в 1957 году была испытана и передана на вооружение Советской Армии. Его дальнейшие теоретические исследования были направлены на совершенствование и миниатюризацию ядерных и термоядерных зарядов, что в конечном итоге позволило создать принятые на вооружение системы с разделяющимися головными частями и достигнуть ядерного паритета с США. Исследования Л. П. Феоктистова позволили также создать малогабаритные артиллерийские ядерные заряды большой мощности. Впоследствии такого рода заряды эффективно использовались для тушения мощных пожаров на нефтяных скважинах.

Во время работы во ВНИИЭФ Л. П. Феоктистову удалось раскрыть природу мощного электромагнитного импульса, который наблюдается при воздушных испытаниях ядерного оружия.

В начале своей деятельности он под руководством Я. Б. Зельдовича и Д. А. Франк-Каменецкого активно участвовал в исследованиях термоядерной детонации. Используя то обстоятельство, что энергия ядерных реакций (в отличие от химических) позволяет существенно, в десятки и сотни раз, сжать вещество перед фронтом горения, Л. П. Феоктистов нашел новые конструктивные схемы детонации. Результаты его теоретических исследований позволили создать новые типы ядерных зарядов, в которых была радикально снижена радиоактивность продуктов деления и которые были пригодны для использования в мирных целях.

Феоктистов Лев Петрович

Особое внимание Льва Петровича привлекало использование энергии ядерных взрывов для научных исследований. Он был инициатором и участником ряда физических опытов по изучению свойств вещества в экстремальных условиях, по воздействию излучений ядерного взрыва на материалы и по исследованиям термоядерного горения и термоядерной детонации.

В целом результаты работы Льва Петровича Феоктистова во ВНИИЭФ и ВНИИТФ внесли решающий вклад в создание «ядерного щита», который и в те, уже далекие времена, и особенно сейчас обеспечивал и обеспечивает саму возможность существования нашей Родины.

В конце 1970-х годов Лев Петрович Феоктистов по личному убеждению оставил разработки в области военного атома. В 1977 году он становится сотрудником Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, где им были начаты работы по теоретическому обоснованию и созданию химического лазера высокой мощности принципиально нового типа. В этом лазере генерируемый световой поток сам инициирует химическую реакцию, обеспечивающую накачку активных атомов. В 2000 году уже в ФИАН Л. П. Феоктистовым с сотрудниками был осуществлен физический пуск химического лазера на основе эффекта самоинициирования.

Другим важнейшим теоретическим результатом, полученным Л. П. Феоктистовым в Курчатовском институте, является открытие стационарной нейтронно-делительной волны, которую теперь называют волной Феоктистова.

В 1986 году Лев Петрович был неформальным руководителем научного штаба по исследованию причин и разработке мер по ликвидации Чернобыльской аварии.

С 1988 года и до конца жизни Л. П. Феоктистов заведовал отделом лазерного термоядерного синтеза Отделения квантовой радиофизики Физического института им. П. Н. Лебедева. Здесь Лев Петрович совместно с Н. Г. Басовым продолжил исследования различных вариантов ядерных и термоядерных реакторов, начатые им ещё во время работы во ВНИИТФ. Благодаря этим исследованиям появилась концепция гибридного реактора, в котором подкритический реактор подсвечивается термоядерными нейтронами, получаемыми в результате лазерного синтеза. В частности, Л. П. Феоктистовым был предложен двухкаскадный вариант реактора, сочетающий в себе быстрый маломощный реактор-усилитель с энергетическим тепловым, в котором можно ожидать коэффициента усиления термоядерной энергии до 5000 раз.

616 Еще одним важным направлением его научных интересов в последние годы стало исследование электромагнитного излучения, которое возникает при быстрых переходах в системах, обладающих внешними электрическими и магнитными полями (ферромагнетики, сегнетоэлектрики, сверхпроводники с током и др.). На основании этих исследований разработан новый мощный источник импульсного электромагнитного излучения.

Через всю научную деятельность Льва Петровича красной нитью проходило желание снизить риски, связанные с ядерной энергетикой, создать ядерный реак-

Феоктистов Лев Петрович

тор, который был бы безопасен по физическим соображениям, и в этом направлении ему удалось далеко продвинуться, предложив несколько концепций безопасного реактора. Кроме того, им был предложен ряд подходов, позволяющих существенно снизить экологическое загрязнение, обусловленное функционированием атомных электростанций. В последние годы он также активно работал над проблемой создания ядерной энергетики, не позволяющей распространяться ядерному оружию.

Несмотря на сильную вовлеченность в исследования военного атома, Л. П. Феоктистов всегда выступал за радикальное сокращение атомного оружия вплоть до полной его ликвидации. Этим он постоянно занимался, будучи членом правления Российского комитета Пагуошского движения ученых.

Обширной и многогранной была научно-организационная деятельность Л. П. Феоктистова. Он был председателем экспертного совета ВАК СССР, заместителем председателя правления Всесоюзного общества «Знание», членом редколлегии журнала «Квантовая электроника».

Л. П. Феоктистов был создателем научной школы по физике высоких плотностей энергии, вел большую работу по подготовке научных кадров высокой квалификации для научно-исследовательских центров страны. До последних дней он заведовал кафедрой Московского инженерно-физического института.

Заслуги Л. П. Феоктистова перед Отечеством получили высокую оценку. Он Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской (1958) и Государственной (1978) премий, награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции и орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. В 1966 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 2000 году — действительным членом Российской академии наук. Лев Петрович являлся также почетным гражданином г. Снежинска (бывший Челябинск-70) и членом ряда иностранных академий.

Лев Петрович был удивительно разносторонним человеком. Он любил литературу и сам писал книги. Его скромность, деликатность, чувство юмора притягивали к нему людей. Общение с ним всегда доставляло радость.

Имя Льва Петровича Феоктистова, великого ученого великой страны, навсегда останется вписанным в историю России.

Е. Н. Аврорин, О. Н. Крохин

По книге «Лев и атом. Академик Л. П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний»

(составители: А. Ф. Емельяненко, С. К. Ковалёва,

при участии А. И. Феоктистовой, А. Л. Феоктистова, И. Л. Цветковой.

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье», «Российская газета», 2003)

Из воспоминаний

Он родился 14 февраля 1928 года в семье служащих. Его отец, Петр Васильевич Феоктистов (1897–1965), окончил церковно-приходскую школу, был активным общественником – 25-тысячником, одним из руководителей Центральных кооперативных курсов женщин – выдвиженок Центросоюза. Благодаря огромной тяге к знаниям и самообразованию Петр Васильевич «дорос» до директора Химико-технологического института мясной промышленности, которым руководил с 1933 по 1940 год. Позднее его перевели в лекторскую группу Московского горкома партии (МГК КПСС), где он читал курсы лекций по экономике социализма и капитализма. Много готовился к лекциям, имел большую библиотеку по этим разделам.

Мать Льва Петровича, Екатерина Ивановна Феоктистова (1897–1975), окончила 7 классов школы и медицинское училище и всю жизнь проработала фармацевтом в одной и той же аптеке.

Членом семьи была бабушка, Евдокия Филипповна Горонкова – мать Екатерины Ивановны, которая очень помогла Екатерине Ивановне и Петру Васильевичу вырастить двух сыновей – Геннадия и Льва, особенно в тяжелые военные годы.

Геннадий Петрович (1926–1990) окончил среднюю школу, Московский горный институт, работал в Воркуте и на строительстве Ассуанской ГЭС в Египте.

Усилиями родителей была собрана большая библиотека. В ней были, конечно, полные собрания сочинений В. И. Ленина, И. В. Сталина, работы К. Маркса и Ф. Энгельса, книги по экономике, общественному устройству, Большая Советская энциклопедия (51 том), литературные классики – Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Д. Лондон, Голсуорси, интересные и полезные книги других авторов.

В трудолюбивой, дружной семье среди множества книг прошли школьные и студенческие годы Левы.

Жила семья Феоктистовых на Большой Серпуховской улице – в Замоскворечье. Школа была недалеко от дома, на Дровяной площади (старое название), позади Шаболовской (а тогда – Шуховской) телебашни. В 1935 году Лева поступил в школу и окончил ее в 1945-м. Он активно участвовал в комсомольской работе, проявил незаурядный актерский талант, исполнял главные роли в пьесах школьного драмкружка: «Горе от ума», «Чайка» и др. Так как школа была мужская, на женские роли приглашали девочек из соседней школы.

618 В октябре 1941-го семья Феоктистовых эвакуировалась в Дзержинск, под Горьким. Там родители с трудом устроились на работу, сыновья учились. Школьников часто посылали на заготовку леса. Лева вспоминал, что у него с братом была норма напилить 10 кубометров леса, потом 15 кубометров – что давалось с трудом: зима, холод, одежда худая, да и питание плохое. Но ничего, выдержали – и в учебе не потеряли ни года. Хорошо сохранилась фотография 9-го класса, сде-

ланная в мае 1944 года. Ребята сфотографированы вместе с учителями на фоне стены с газетами под такими заголовками: «XXVI лет Красной Армии», «Гимн Советского Союза», «Комсомол в Отечественной войне», «В. И. Ленин», «Боевой листок». Вот чем жили школьники тех военных лет!

В 1945 году, успешно окончив школу, Лева поступил на физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. На 3-м курсе он выбрал специальность «ядерная физика».

В 1949-м началось строительство нового здания МГУ на Воробьевых горах. Студенты активно привлекались в помощь строителям, и получилось так, что Лева строил здания МГУ, где впоследствии учились наши дети: дочь Ирина — на факультете ВМК (вычислительной математики и кибернетики) и сын Саша — на физическом факультете, как и отец.

Студенческие годы Льва Петровича пришлось на трудное послевоенное время, но оставили в его памяти светлые воспоминания: не голодали, так как стипендии были неплохие; увлекались наукой, встречались с девушками, ездили в студенческий спортлагерь, много читали, активно участвовали в комсомольских делах. В театрах пересмотрели все спектакли — ведь тогда билет на галерку в Большой театр стоил всего один рубль, а в другие театры и того меньше. Студенты воспитывались тогда в патриотическом духе, были романтиками, и при распределении Лева не выбирал выгодного назначения, а поехал, как и все тогда, даже не представляя себе, куда именно! Оказалось, что его ждет работа в секретном ядерном центре Арзамас-16.

А. И. Феоктистова

...Одним из самых ярких теоретиков был Лев Петрович Феоктистов. Что его особенно выделяло среди остальных ученых и специалистов, кроме выдающегося таланта физика-теоретика, так это необыкновенная артистичность во всём. Прежде всего в поведении. Он очень хорошо, красиво говорил. Мимика, жестикуляция — всё было очень артистично. И в работе — тот же элемент артистичности, то есть стремление выполнить работу не просто хорошо, но красиво.

У него было очень глубокое понимание физики. Сейчас, к сожалению, очень много физиков, которые знают формулы, умеют ими пользоваться, получают положительные научные результаты с помощью, прежде всего, вычислений. У Льва Петровича в высшей степени было развито то, что мы называем научной интуицией. Он чувствовал результат, умел его потом обосновать с помощью строгих теоретических выкладок. Особенно было развито умение предугадать результат с помощью простых оценок. Было просто эстетическим удовольствием наблюдать Льва Петровича у доски... У него всегда было много идей, и он их излагал в очень яркой, увлекательной форме. Во время выступлений за ним часто было трудно уследить, настолько быстро развивалась его мысль...

Е. Н. Аврорин

Феоктистов Лев Петрович

Когда я прибыл на преддипломную практику, это был март 1961 года, в институте из теоретического руководства никого не оказалось, кроме Льва Петровича Феоктистова. Кадровые службы послали меня к нему как к старшему, хотя судьба моя была заранее predetermined — я был направлен в сектор Евгения Ивановича Забабахина, а Лев был начальником отдела в секторе Романова (теоретики тогда были разделены на два сектора, как это было и в Сарове, где соответствующими секторами руководили Я. Б. Зельдович и А. Д. Сахаров). Немного побеседовав со мной, он как-то просто сказал: «Ну, с тобой всё ясно. Сиди и жди...»

Впечатление от этой краткой встречи было приятным. Первый человек с моей будущей работы, наверное высокого уровня, был подкупающе открыт и казался доступным, будто мы уже встречались. В дальнейшем судьба не часто сводила нас напрямую. Я был под плотной опекой Забабахина. Дел было много, и времени на стороннее общение фактически не оставалось. Но Лев был неиссякаемым источником новых идей, которые время от времени будоражили наше теоретическое сообщество, и я невольно вовлекался в оценки и анализ некоторых из них, не сразу понимая, откуда они исходят. Полновесное восприятие Льва у меня складывалось постепенно, становясь с годами всё четче и четче.

В чём это проявлялось?

Для иллюстрации приведу, кажется, самый ранний пример такого влияния. Тему моей дипломной работы Евгений Иванович Забабахин определил в области своих фундаментальных научных интересов, охватывающей исследования кумулятивных явлений. Теперь она воспринимается как одна из классических задач теории — влияние нелинейной теплопроводности на кумуляцию энергии при фокусировке ударной волны. Работа была непростой, но у меня она пошла неплохо. А теоретиков было мало, и поэтому еще во время диплома Евгений Иванович поручил мне разобраться в важной прикладной задаче.

В то время американцы всю готовили технологию подземных ядерных испытаний, проводили важные натурные эксперименты. Наши возможности были существенно скромнее, а усилия, в основном, сосредоточились на теоретическом изучении новой технологии. Ключевым был вопрос измерения параметров испытываемых систем при подземных взрывах, и в первую очередь — измерение энергии взрыва.

Здесь я впервые открыл для себя соперничество двух институтов. Группа «приволжан» (так мы называли тогда — впрочем, часто и сейчас — коллег из Сарова) во главе с Зельдовичем и Сахаровым предложила некий способ определения энергии. Моя задача заключалась в том, чтобы разобраться в нём и проверить основные положения (уже в то время существовала практика взаимной экспертизы важных работ). Параллельно я стал смотреть, что делалось у нас.

Там, в Сарове, Зельдович, Сахаров, Цукерман и еще несколько корифеев представили краткое предложение на две-три страницы... А здесь передо мной

лежала недавно написанная кандидатская диссертация Феоктистова, в которой целая глава была посвящена детальному изучению одной из возможностей. Вы слышали о его кандидатской диссертации?

Как о факте — что такая была...

К сожалению, не многие сейчас вспомнят её содержание. А она включала в себя три очень ярких задачи. Уже это было удивительным. Как правило, соискатели идут к защите по пути наименьшего сопротивления — лишь бы поскорее защититься. Часто диссертации оставляют ощущение вымученности. А кандидатская диссертация Льва состояла из трех красивых самостоятельных задач, к тому же изложенных с блеском, каждая из которых могла лечь в основу самостоятельной диссертации. Расточительная щедрость! При этом они лежали в стороне от его основной работы по созданию новых зарядов, в которой он участвовал очень результативно, о чём свидетельствовало награждение его в 1958 году Ленинской премией в составе группы ведущих специалистов института.

Одна из задач — электромагнитный импульс ядерного взрыва. Первую работу на эту тему опубликовал А. С. Компанеев. В значительной степени она определила направление исследований. Лев существенно продвинул эти исследования (замечу, что лет 20 спустя я тоже приложил руку к этой проблеме, отчасти под влиянием работы Льва). Второй была именно та задача, которая непосредственно привлекла мое внимание. А в третьей — совершенно оригинальной — рассматривалось рождение электронно-позитронных пар при взрыве. Если первые две как-то вытекали из работ предшественников, то третья была прямым открытием Льва, сделанным «на кончике пера», хотя теперь эти результаты представляются естественными. Но ведь до него их не видели!

Представьте, я еще на дипломе. Только начинаю работать и... знакомлюсь с такой насыщенной физическим содержанием диссертацией! На меня она произвела глубокое впечатление. К тому же рядом лежали еще две хорошие диссертации — Михаила Петровича Шумаева и Евгения Николаевича Аврорина. Последний в дальнейшем стал научным руководителем института, академиком. Они защищались на одном заседании совета.

Это все были кандидатские диссертации?

Да. Я присутствовал на их защитах, хотя по всем режимным канонам (сегодняшним и тем более того времени) на такие защиты дипломники не допускались. Но и у таких правил бывают исключения. В этих работах с двух позиций рассматривалась важнейшая по тем временам проблема, и тебе, еще не состоявшемуся молодому специалисту, предоставляют возможность с ней познакомиться в самом полном объеме... Это я вспоминаю для того, чтобы передать атмосферу увлеченности, которая окружала и влекла меня.

Но вернемся к проблеме определения энергии... На защите Льва я не был. Возможно, он защищался до моего приезда. Передо мной была поставлена важная практическая задача. И тут же, в диссертации Льва, я увидел пример её

возможного решения. Не могу говорить о деталях проблемы, но смысл её заключался в следующем. Главный метод определения энергии при испытаниях в атмосфере основывался на самоподобии ударной волны, идущей по воздуху. Фронт такой сильной волны в воздухе светится. Поэтому регистрация её осуществлялась с помощью скоростной фотосъемки расширяющегося огненного шара. Это нашло отражение в названии метода — метод огненного шара. Под землей таких больших масс воздуха нет. Наши коллеги предлагали сразу отказаться от самоподобия, взять какую-либо среду, исследовать её, откалиброваться в ней и далее работать, стремясь соблюсти близкие условия. А Лев, напротив, предлагал сохранить автомодельность.

Теоретически это выглядело очень здорово. Идея подкупала. Феоктистов рассмотрел некоторую технологию, которая в принципе позволяла использовать ранее проверенный подход. Но она была очень дорогой. Наверное, именно поэтому Евгений Иванович решил вовлечь меня в эту проблему. Тут я немного похвастаюсь. Когда я стал вникать в тонкости проблемы, то, подкованный результатами Льва, понял, что предлагаемый им подход может быть осуществлен с помощью другой, более простой возможности. Правда, это было не совсем то, что предлагал Лев. Несколько хуже. Но он ведь тоже рассматривал идеализированную схему, реальность должна быть сложнее. Зато мой вариант был гораздо дешевле и технологичнее, а главное — существенно лучше того, что предлагали приволжане. В дальнейшем именно такой подход долгое время использовался в наших работах...

Выходит, вы с Феоктистовым соавторы? С молодых ногтей?

Точнее так: со Львом у меня нет совместных работ, даже отчетов (с Забахиным есть), но, как понимаю теперь, с первых шагов испытывал на себе его влияние. Да и внедрение обсуждаемого метода осуществлялось, когда Лев стал начальником тогда уже единственного теоретического сектора. Он оказал существенную поддержку.

В моих личных отношениях со Львом я всегда сознавал разницу в возрасте (все-таки одиннадцать лет) и, наверное, еще нечто большее. Он обращался ко мне на «ты», но мне никогда не хотелось отвечать ему тем же, хотя такое обращение было принято, кажется, всеми моими сверстниками.

А как его называли между собой?

Лев! Лев по определению. Влияние его личности было огромным. Его незаурядный интеллект ощущался всегда. Он был очень обаятельным, мягким в обращении, интеллигентным. И всё же несколько противоречивым. Ну, например, Евгений Иванович никогда не мог позволить себе выматериться. Лев иногда прибегал к этому — с каким-то детским выражением на лице, и неотразимой улыбкой... У него, мне кажется, не было врагов. Никто на него никогда не обижался. Он никогда никого не вычислял... Всегда открыто, аргументированно и четко излагал свою позицию. При необходимости защищал её твердо и без компромиссов,

Л. П. Феоктистов и Ю. С. Вахрамеев

что нередко случалось, например, на советах перед испытаниями. Он был хорошим оратором, умел и любил «увлечь публику». Так как обычно по ряду основных вопросов Забабахин готовил решения самостоятельно (конечно, во взаимодействии с ведущими специалистами), то иногда возникали ситуации, когда мнения Евгения Ивановича и Льва расходились публично. Тогда Лев выступал. Наверное, такие выступления не доставляли удовольствия Забабахину, но я не помню случаев открытых конфликтов.

Такие расхождения стали приобретать крупные масштабы, когда Забабахин избрал линию скромного развития исследований по использованию мощных лазеров для инерциального термоядерного синтеза (ЛТС) в нашем институте. Лев настаивал на более интенсивной программе. Я не уверен, что он тогда верил в реальность такой возможности. Лично я и в то время был пессимистом в отношении ЛТС. Возможно, его увлекала новая физика взаимодействия мощных лазерных пучков с веществом, новые возможности для рассмотрения необычных условий термоядерного воспламенения и горения, необычные схемы потенциальных применений таких микровзрывов.

Много позже, в 2001 году, во время своего последнего приезда в Снежинск за четыре месяца до кончины, в своем пленарном докладе на Забабахинских чтениях, он весьма пессимистично оценивал перспективы ЛТС в начавшемся столетии, возможно, основываясь в том числе и на личных результатах исследований прошедших десятилетий. Но тогда, тридцать лет назад, Лев принял решение уйти, и уходил он очень твердо, несмотря на естественные предложения остаться со стороны высшего руководства, включая директора института Г. П. Ломицкого и министра Е. П. Славского.

Вообще говоря, Лев начинал свою деятельность в научной школе Зельдовича. Но, как мне кажется, он не поддерживал с Яковом Борисовичем научных контактов после приезда на Урал. Он выработал свой почерк в науке. При всей своей широте работы Зельдовича и его школы характеризуются более строгой формализацией, чем работы Льва. Лев был виртуозом физических оценок и упрощенных теорий. Он их непрерывно делал у нас, и, как мне известно, продолжал делать в Москве вплоть до своих последних дней. Но в одной проблеме он был как будто зомбирован. По-видимому, с нее он начинал работу в группе Зельдовича и оставался верен ей всё время. Дело в том, что на заре ядерно-оружейной эры группа Зельдовича, в числе других важнейших проблем, занималась разработкой термоядерной детонационной «трубы». Эта «труба» должна была составить основу так называемой «супербомбы», которую еще в первой половине 1940-х начал разрабатывать Теллер со своими сотрудниками. Наверное, именно оттуда она пришла к нам. Мол, давайте подожжем «трубу» с дейтерием, он загорится, и выделенная энергия будет определяться только длиной «трубы». Режим такого последовательного горения называется термоядерной детонацией. Вот и разжигали они эту «трубу». Сначала американцы, а потом наши — конечно, на бумаге, более десяти лет. И все безуспешно.

Интересная деталь: эту работу по термоядерной детонации Лев продолжал до конца. Он единственный, кто больше, чем сам Теллер и Зельдович, оказался верен этой идее. Он пошел дальше них. В конце концов он и его сотрудники в нашем институте воплотили экспериментально эту идею, но не в том виде, в каком видели её начинатели.

Мне представляется это следующим образом. Истоки этой идеи действительно принадлежат Теллеру. К нам она пришла от американцев. А первый наш отечественный термоядерный заряд — «слойка» Сахарова — возник как своеобразная форма протеста (говоря современным языком, виртуальный анти-Теллер) — мол, зачем повторять Зельдовича. Об этом говорил сам Сахаров. Яков Борисович, поскольку идея была не его, совершенно спокойно от нее отошел, когда открылись новые перспективы. Лев же включился в эту проблему молодым. Ему было не важно, кто ее поставил. Перед ним был вызов природы. Можно ли вообще осуществить термоядерную детонацию на Земле? И он всё время искал решение. Он не хотел, скорее — не мог отступить. Он не только не отказался — он фактически единственный в мире, кто эту идею осуществил, точнее — внес существенный вклад, позволивший ее осуществить вместе со своими коллегами. Оказалось, что наш институт — единственный среди всех ядерных лабораторий мира, где идея термоядерной детонации была реализована, причем в нескольких видах...

624

Увлеченность работой — видимо, еще одна черта, которая роднит вас с Феоктистовым?

По-видимому, это общая черта тех, кто действительно занимается наукой. Она по-разному проявляется у разных людей. В науке невозможно оставаться равнодушным. Научную увлеченность Льва невозможно было не заметить.

Наверное, имеется корреляция между степенью увлеченности и отдачей ученого... Но и ему, как каждому из нас, были свойственны заблуждения, некоторая противоречивость. Это естественные качества творческой природы. И всё же я хочу подчеркнуть еще раз, он был Лев по определению. Есть Андрей Дмитриевич Сахаров, Яков Борисович Зельдович... Были и другие талантливые люди, яркие личности в нашем деле. И только один Лев на нашу ядерную подотрасль, а возможно, на всю ядерную отрасль Советского Союза.

Есть еще Рябев Лев Дмитриевич...

Никто его Львом не назовет. Он — Лев Дмитриевич. Он не Лев. А Лев один, несмотря на то, что он был моложе Андрея Дмитриевича, Якова Борисовича, и многих других корифеев... По-видимому, основным достоинством Льва было незаурядное физическое воображение. Он проигрывал различные варианты. И в этом плане он многим давал фору. Я хорошо знаком с Теллером — может быть, лучше, чем кто-либо здесь. Отчасти потому, что еще с первых шагов в нашем деле очень внимательно следил за его работами, прочел все доступные мне книги о нём и лично его, неплохо знаю некоторых его учеников. По моему приглашению (конечно, одобренному всеми инстанциями) он приезжал к нам в Снежинск, я с ним раз пять встречался в Америке.

Так вот, по обилию идей, мне кажется, можно провести параллель между Львом и Теллером. В эмоциональном плане, в поведении это совершенно разные люди. Хотя их сближает глубокое понимание сути явлений, яркая аргументация речи, желание увлечь и искусство увлекать аудиторию. Но есть еще одно существенное различие: как физик Лев более взвешенно выдвигал и более критично исследовал свои идеи. Мне представляется, что в идеях Теллера эмоциональный план был более доминирующим. Иногда он брал чужие идеи, продвигал их через высокие инстанции, и тогда они становились его (так было с программой «Плаушер»).

В его окружении должны были быть люди, которые более критично и трезво оценивали и разрабатывали его идеи. Как видно сегодня из многочисленных мемуаров, во время ранних работ над супербомбой роль стороннего критика частично исполнял Бете. А Лев, как я его помню, уже успевал сделать принципиальные количественные оценки прежде, чем выносил очередную идею на обсуждение. Он был очень критичен по отношению к своим идеям.

У Теллера идей, наверное, было больше, но некоторые из них так и остались неразработанными (например, схема термоядерного заряда Alagm, аналог «слойки» Сахарова, или термоядерная детонация), а другие, как правило, разрабатывались его коллегами. Иногда молва присваивала ему идеи, авторство которых даже трудно определить, — на том основании, что он более горячо их отстаивал (так было с использованием ядерных зарядов для разрушения астероидов). Лев же в значительной степени продвигал свои идеи сам, конечно при поддержке коллег, когда речь шла о реальных экспериментах. Поэтому, когда я утверждаю: Лев — один, то имею в виду его уникальность как источника идей, существенная

Феоктистов Лев Петрович

часть которых уже реализована, а некоторые еще ждут своей очереди. Его влияние на нашу основную тематику трудно переоценить. По сути дела, то, на чём основываются разработки нашего института, в значительной степени опирается на «Львиные» идеи.

И в этом плане, если говорить о персональном влиянии, скажем, Сахарова или Зельдовича на создание ядерного оружия Советского Союза и России — не по времени, а по воплощенным идеям, — я бы впереди поставил именно Льва. Мне кажется, что ему принадлежит исключительная позиция. Поэтому когда в нашем кругу говорят «Лев есть Лев», подчеркивают прежде всего то, что он как специалист сделал в своей области. И обычно не привлекают сомнительные, а порой просто раздутые пропагандой побочные заслуги защитника диссидентов, гуманиста или борца за мир и разоружение...

В нашей стране могут раскрутить и раскручивают кого угодно — по заказу. И мучеников, и изгоев... А тут без всякого преувеличения: значение персонально выданных идей. Поэтому я и защищаю тезис, что Лев — единственный. Так это понимают у нас в институте, и, полагаю, такое понимание разделяют многие из старшего поколения в Сарове. Наверное, следующее поколение ядерщиков, которое сейчас приходит, не будет этого знать, если оно не прислушается к нашему мнению. Но в глазах моего поколения он занимает исключительное место в кругу столпов отечественной ядерной отрасли, не бедной на таланты...

В. А. Симоненко (из беседы с А. Ф. Емельянковым)

Еще студентом я понял одну простую вещь: не каждый, даже очень талантливый человек обладает даром о сложных вещах рассказывать предельно просто. А у нас был такой преподаватель — Лев Андреевич Арцимович, благодаря ему мы все тогда влюбились в атомную физику.

Среди тех, с кем потом сводила судьба, этим удивительным талантом обладал Зельдович. У Евгения Николаевича Аврорина есть этот дар, и у Льва Феоктистова он был — о сложных вещах рассказать, грубо говоря, на пальцах. Зельдович, например, мог на одном дыхании прочитать лекцию о кварках — люди, которые его слушали, сидели как замороженные. Но самое главное — из зала они выходили с пониманием, как сложен мир и как странно он устроен. Это счастье, когда имешь возможность с такими людьми знакомиться.

Своя особенность, излюбленная метода была и у Евгения Ивановича Забабахина — он предпочитал излагать мысли у доски. Видимо, считал, что так нагляднее и доходчивей. И коллег к этому стремился приучить. У него даже в доме, в мастерской на втором этаже, где мы частенько собирались, была доска. А на работе, в его служебном кабинете, она была устроена так, что поднималась и занимала всю стену. И он нас заставлял учиться, как правильно писать. Сам он делал это с исключительной аккуратностью — писал маленькими буквами, но совершенно четко.

На что Лев Петрович, когда подходил к доске, говорил: «Я буду писать как умею, и вы, Евгений Иванович, ко мне не придирайтесь». Но он, в общем-то, писал хорошо.

Сильно отличался в этом плане Михаил Шумаев — он писал как попало и в разных местах, хотя вполне понятно и доходчиво. Мишка был неподражаем: огромная доска — а у него тут немного написано, там немного, и всё в разных местах... В довершение он всякий раз клал мел на мокрую тряпку. Это выводило из себя уравновешенного Забабахина: «Ну Михаил Петрович! Неужто нельзя простую вещь запомнить? Он же не пишет! Сколько я мела должен выдать, чтобы вы смогли закончить и те, кто после вас...»

Шумаев был легендарной личностью. И частым объектом для дружеских розыгрышей и подначек. Поводы для этого находили самые разные. Поздней осенью 1962-го мы с большой группой теоретиков оказались на Кольском полуострове, неподалеку от Оленегорска. Оттуда самолеты с нашими бомбами летали на Новую Землю. Были там Евгений Иванович, Лев Петрович, Михаил Петрович и Бунатян. А если Феоктистов и Шумаев вместе — обязательно жди какой-нибудь хохмы. Лев Петрович просто обожал разыгрывать Шумаева, потому что тот очень доверчивый был человек, разыграть его ничего не стоило. И в тот раз Лев отыскал повод, да еще какой!

Испытания наших изделий были организованы так: самолет с бомбой поднимался, улетал, и с этого момента вся информация поступала в закрытом режиме. Чтобы узнать, как всё прошло «там», надо было пойти в штаб, получить разрешение руководителя испытаний Николая Ивановича Павлова — довольно долгая и нудная процедура.

А узнать-то нетерпелось...

Ну конечно! Лев этим и воспользовался. Подзывает Шумаева: «Миш, я сейчас ребят спросил, которые туда летали, они говорят, что твоя «машина» — того... Едва пшикнула. Ты бы уж пошел извинился — чего людей зря гоняли...» А до этого у нас действительно были неудачи. И Шумаев принимает всё за чистую монету, в самом деле собирается идти извиняться. Точно не помню, кто — Бунатян или Забабахин — оказался рядом, остановил...

Иногда Лев бывал непредсказуем. И если что возьмет в голову, его уже не остановить. Один такой эпизод приключился в Миассе, кажется, в 1975 году, когда отмечали двадцатилетие КБМ — теперь это известное на всю страну конструкторское бюро имени Макеева. Тут создавались морские ракеты, в том числе стратегические с подводным стартом.

А вы для них конструировали головные части?

Не только, но и ядерные заряды. Так вот, по случаю юбилея съехались в Миасс гости. И от нас была делегация. Как водится, сначала торжественная часть, потом банкет. За столом мы оказались рядом с Феоктистовым. Он послушал-послушал первые тосты, да и сам поднимается: «Вот непонятно мне, почему все слова только в адрес одного человека? Вы, Виктор Петрович, — обращается к Макееву, —

Феоктистов Лев Петрович

конечно, сделали много. Но ведь еще и коллектив работал — большой коллектив! Так рождается культ личности! Лично я бы со стыда сгорел...» Льва стали дергать за полу, на ногу под столом наступали, а он отмахивался: не мешайте, знаю, что говорю. Бедняга Макеев смутился, начал было оправдываться, а Лев всё не унимался: «Нет этому оправдания! Я принципиально пью за КБМ — за тех, кого здесь нет!»

Б. В. Литвинов (из беседы с А. Ф. Емельянковым)

В нашем институте талантливых людей много, и в значительной части это были «звездные мальчики». Их с первых классов, особенно в провинции, тащили, они были всегда на виду, на подъеме. Это формировало их характер. И многие всерьез считали, что если сделал что-то в одной отрасли, так уже вправе судить о чем угодно: об искусстве, о медицине, об архитектуре.

Лев Феоктистов не такой. Хотя это был безумно талантливый человек. Но талант у него оказался очень приятный. Возможно, причиной тому — его типично московский характер. Его, в моем понимании, отличает общительность, а если человек умен, то и большая самоирония. Вот это в нём всегда просматривалось. Поэтому общаться с ним было очень интересно, и я всегда шел на это с большим удовольствием: в совместных поездках, по работе, так просто — в городе. Он был открытый человек и, знаете, не оракул. Мы с ним о многих вещах говорили, особенно в командировках, — о теории Чижевского, о жизни, о судьбе. И он был, несмотря на талант, который в себе ощущал, на равных. Это всегда вызывало ответную реакцию откровенности и доверия...

Б. И. Беляев

Он был страшно храбрый человек. Это проявилось, еще когда он был начальником отдела. Когда приезжал Алфёров, и нас ругали за провал испытания.

Владимир Иванович Алфёров после смерти Зернова стал замминистра по спецбоеприпасам. И приехал нас ругать за провал программы. Ругать он умел. Ругал классно. Собрал всех на уровне начальников отделов и давай распекать. Первым поднялся Лев и в популярной форме ему объяснил: это не провалы.

А что?

А подтверждение одного из возможных вариантов. Эксперимент на то и эксперимент...

Отрицательный результат в науке тоже результат?

628

Вот именно. «Мы же, говорил Лев, институт научный, мы же пытаемся по максимуму...» Разложил, как говорится, всё по полкам.

Алфёров приезжал к нам и по другим поводам. Был такой нюанс — Забабихин, Романов и Феоктистов написали бумагу в ЦК о нецелесообразности создания противоракетной обороны. При появлении касетных боеголовок это только пус-

кание денег на ветер, писали наши корифеи, по сути — разорение страны. Словом, нужно договариваться о каком-то паритете...

И Алфёров снова приехал вести воспитательную работу. Я был на том НТС, и словами это не передать. Полежит-полежит на старом продавленном диване, потом вскакивает: да как вы смели — в обход министерства, напрямую в ЦК?! Ну а чем дело кончилось? Был подписан договор по ПРО. Правда, Алфёрова уже как замминистра не было. Словом, Лев Петрович — храбрый человек...

А. Н. Щербина (из беседы с А. Ф. Емельянковым)

...Лев Феоктистов всегда выделялся среди всех нас и как ученый, и как личность. Особенно хочу подчеркнуть его человеческие качества. Как нежно он любил свою Шулочку — Александру Ивановну! Обожал своих детей — Ирину, Сашу, позднее — внуков. Его отношение к окружающим, особенно друзьям, всегда было в высшей степени доброжелательным.

Лев Петрович обладал незаурядным литературным даром. Он создал замечательные портреты своих учителей и друзей — они превосходно отражены в его воспоминаниях о Ю. Б. Харитоне, Е. И. Забабахине, Г. П. Ломинском и В. З. Нечае. Он также издал две замечательные книги — «Из прошлого в будущее» и «Оружие, которое себя исчерпало»...

...Вспоминая сейчас все мои встречи с Л. П. Феоктистовым, годы моей работы с ним, я без преувеличения могу сказать, что он был одним из лидеров «второго поколения» ученых, принявших эстафету великих учителей и достойно исполнивших эту ответственную перед человечеством миссию...

Д. Г. Ломинадзе

...В нашем институте Феоктистову поручили вести ряд научных тем, в том числе исследования, имеющие мирную и одновременно военную направленность. В его ведение было передано несколько подразделений, в том числе и отдел, которым я руководил. Уже первая встреча произвела на меня самые благоприятные впечатления. Со Львом Петровичем всегда было интересно. Когда к нему ни придешь, он увлеченно работал — письменный стол буквально устлан листами бумаги, а на них — формулы, формулы... Видно было, что он в глубоком поиске решения очередной задачи, что-то «наклеивается», он сосредоточен, держит в поле зрения сразу несколько листов и боится потерять нить мысли. В таких случаях получаю нужную мне подпись и стараюсь побыстрее исчезнуть, удовлетворившись тем, что Лев Петрович объявляет, не отрывая глаз от бумаги: «Что-то интересное получается с химическим лазером».

Думаю, что физика была для него обыденным инструментом, когда все события в материальном мире с помощью формул и уравнений можно понять, описать и предложить что-то новое...

Феоктистов Лев Петрович

...Надо сказать, что Лев Петрович был на редкость легким человеком в общении. Он не был перегружен ни манией величия, ни снобизмом, ни завистливостью, ни карьеризмом. Ничто не выбивало его из колеи доброжелательности и особого, веселого отношения к миру и происходящему вокруг.

Лев Петрович был глубоко социализированным, общественным, государственным человеком, участвующим в жизни общества, города, трудового коллектива. Он всегда понимал, что нельзя построить благополучие только своей личной жизни или своей семьи без учета благополучия общества. Он жил с людьми, любил их, и они платили ему тем же...

Н. Д. Бондарев

...Работать с Феоктистовым было исключительно интересно. То, что он был начальником, никогда не ощущалось. Я понимал, что он выдающийся физик. Он никогда ничего не приказывал, всегда было какое-то обсуждение, он умел слушать...

...В сложной экономической ситуации начала 1990-х годов Л. П. Феоктистов подстегивал нас не как начальник, а как физик. Он всё время говорил: «Нужны серьезные задачи!» Тут на науку вообще денег не отпускают, а он говорит: «Нужно сформулировать задачу». Дадут, не дадут денег — не важно, всё равно надо ставить серьезные научные задачи. Ему всегда нужна была физика. Он всегда добивался своего. Например, он хотел, чтобы в лаборатории был свой действующий лазер. Будучи теоретиком, он физики без эксперимента не представлял. С большим трудом, но лазер был создан. Вернее, реконструирован из старого железа. Трудностей было дикое количество: нет приборов, нет на них денег. Тем не менее деньги где-то доставались, Феоктистов договаривался в Минатоме, дело продвигалось. Но еще до того, как этот лазер был создан, он говорил: «Нужно придумать задачи под этот лазер».

Лев Петрович инициировал работы по нескольким очень важным задачам и сам принимал в них участие...

С. В. Гуськов

...Мы работали с ним в самых разных направлениях. Первые наши совместные работы были посвящены новым источникам электромагнитного излучения. Другим, еще более важным направлением в деятельности Льва Петровича было исследование возможности построения новых, абсолютно безопасных ядерных реакторов...

630

Третье направление, которое интересовало Л. П. Феоктистова, как и всех великих физиков, это фундаментальные вопросы квантовой механики...

Но главным для Льва Петровича всегда оставались проблемы ядерного оружия и разоружения. В своем отношении к ядерному оружию он прошел, на мой взгляд, четыре фазы. Сначала — фаза энтузиазма, когда вся страна работала над

созданием ядерного оружия — и эта работа приносила большое удовлетворение. Вторая фаза началась, когда тема стала себя исчерпывать и обнаружились физические и другие ограничения дальнейшего увеличения мощности и уменьшения размеров ядерного оружия. В связи с этим началось снижение научного интереса Л. П. Феоктистова к этим проблемам. Кроме того, для него стало очевидным, что накоплено такое количество оружия, что его достаточно для многократного уничтожения всего человечества. Всё это привело ученого к идее о необходимости сокращения и ликвидации ядерного оружия во всём мире.

Третья фаза началась ближе к перестройке, когда у Льва Петровича стало появляться чувство вины перед человечеством. По-видимому, этому способствовало общественное мнение того времени. Он считал, что мы столько лет угрожали всему миру, что надо взять на себя моральную ответственность и в каком-то смысле покаяться. Надо предпринять какие-то решительные шаги, чтобы весь мир увидел нашу открытость и доброжелательность. Этот период продолжался у Льва Петровича примерно до конца 1990-х годов. В течение этого времени он ждал, когда же наше разоружение, наша полная открытость и явная неопасность для окружающих приведут к обратной реакции, к тому, что Европа и Америка перестанут нас бояться и начнут принимать как равных.

К сожалению, этого не происходило, и у него возникало всё больше недоуменных вопросов: почему Америка не разоружается, почему не подписывает договор о полном и всеобщем запрещении ядерного оружия? С точки зрения Льва Петровича, США как единственная реальная сверхдержава с помощью обычных средств вооружения может уничтожить вооруженные силы любого противника — без использования ядерного оружия и других средств массового поражения. А с пропагандистской точки зрения отказ от ядерного вооружения был бы весьма полезен для самого имиджа Америки. Но этого не происходило, и у Льва Петровича стали возникать сомнения: а правильно ли мы делаем, что разоружаемся в одностороннем порядке?

Существенные изменения в позиции Льва Петровича произошли после войны в Югославии, когда американцы и их союзники бомбили, как хотели, мирное население страны. Бомбили и вакуумными бомбами, и графитовыми, и электромагнитными. Новые системы оружия были опробованы на мирных людях. Кроме того, в Югославии были применены боеприпасы, в которых был использован слаборадиоактивный уран как материал большой плотности. Это ядовитое вещество привело к отравлению мирных жителей Югославии и загрязнению территории.

Эти и другие факты постепенно привели Льва Петровича к точке зрения, близкой к той, которая была в 1950–1960-е годы: наши ядерные программы были всего лишь адекватным ответом потенциальной агрессии Запада. Это было необходимо для самого существования нашего государства. Сейчас единственное, что спасает нашу страну, это то, что Лев Петрович и его коллеги заложили в те годы по созданию ядерного оружия...

Феоктистова Екатерина Алексеевна

18.03.1915—05.01.1987

Ученый-исследователь в области взрывчатых веществ, кандидат технических наук (1949), доктор технических наук (1970), лауреат премии СМ СССР (1950), Сталинских (1951, 1953) и Государственной (1970) премий; почетный гражданин г. Снежинска (1975); персональный пенсионер республиканского значения (1979).

- 1933 — техник-химик текстильной фабрики «Красная нить», г. Харьков.
- 1934 — студентка Харьковского государственного университета.
- 1935 — студентка Киевского индустриального института.
- 1937 — студентка Ленинградского химико-технологического института им. Ленсовета.
- 1940 — научный сотрудник и аспирант Ленинградского химико-технологического института им. Ленсовета.
- 1941 — инженер-технолог Уральского отделения научного горного общества, г. Свердловск.
- 1942 — старший инженер завода № 46, там же.
- 1943 — начальник лаборатории ОКБ, г. Кунцево Московской обл.
- 1945 — аспирант, затем научный сотрудник, старший научный сотрудник Ленинградского химико-технологического института им. Ленсовета.
- 1948 — старший научный сотрудник, затем заведующий лабораторией в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — начальник лаборатории в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1959 — начальник отдела, старший научный сотрудник, там же.

Награждена орденами: Трудового Красного Знамени (1951), Ленина (1956); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1978).

Екатерина Алексеевна Феоктистова — человек яркий и многогранный, талантливый и трудолюбивый, внесший значительный вклад в создание ядерного щита нашей Родины. Эта красивая, привлекательная во всех отношениях женщина, высокообразованная, интеллигентная, могла бы стать незаурядным художником или поэтом. Но судьба распорядилась иначе...

Ее трудовая деятельность была связана с разработкой ядерных зарядов и созданием взрывчатых материалов для них. Не умаляя заслуг Екатерины Алексеевны в создании конкретных конструкций ядерных зарядов, можно утверждать, что в наибольшей степени ее талант как ученого и организатора проявился в работах, связанных с разработкой, исследованием и внедрением в серийное производство взрывчатых материалов для ядерных зарядов — одной из самых сложных проблем в создании ядерного оружия.

Екатерина Алексеевна Феоктистова родилась в Петрограде (г. Санкт-Петербург) 18 марта 1915 года. Родители ее были из знатных семей. Отец — из мелкопоместных дворян, мать — из купеческого сословия. К тому времени отец был профессором филологии, мать преподавала на Бестужевских курсах. Через два года в семье родилась еще одна дочь — Татьяна. Совместная жизнь родителей не сложилась, они расстались, когда Кате было 14 лет.

Детство и юность сестер прошли в бедности. Возможно, это обстоятельство способствовало формированию характера Екатерины Алексеевны с целым рядом привлекательных черт, таких, как доброта, целеустремленность, неприятие роскоши... Уже в юности у нее обнаружилась тяга к знаниям, и она всю жизнь училась. А начиналось это так: семилетка, техникум, два курса Харьковского университета, два курса Киевского индустриального института. Здесь, в Киевском индустриальном, Екатерина Алексеевна познакомилась с Георгием Павловичем Ломинским, который учился на том же курсе, но на другом факультете. Позднее она так рассказывала о нём: «Я тогда еще обратила на него внимание как на человека, который в каждой студенческой компании, даже собравшейся случайно, становился душой этой компании». Этому студенческому знакомству, когда они вместе занимались в парашютном кружке, суждено было продолжиться более чем через десять лет и на долгие годы. Сначала в Арзамасе-16, а потом на Урале они делали общее очень важное для страны дело.

В 1937 году произошло событие, которое в значительной мере определило ее дальнейшую жизнь: как одну из лучших студенток ее по спецнабору перевели на специальный факультет Ленинградского химико-технологического института (впоследствии ЛТИ им. Ленсовета). Здесь под руководством выдающегося

Феоктистова Екатерина Алексеевна

советского ученого, специалиста в области синтеза и исследования взрывчатых материалов Л. И. Багала Екатерина Алексеевна получила блестящее образование, окончив институт в 1939 году с красным дипломом. Уже во время учебы в ЛТИ Екатерина Алексеевна увлеклась научной работой. Одно из ее исследований того периода — исследование явления «мертвой запрессовки» (потеря некоторыми взрывчатыми материалами способности детонировать под влиянием теплового импульса при повышении их плотности до определенного предела) считается классическим и цитируется в научной литературе. По-видимому, эти первые исследования и общение с учениками школы Л. И. Багала окончательно сформировали любовь Екатерины Алексеевны к науке. Там же она «привязалась» к взрывчатым материалам — веществам необычным, противоречивым, играющим огромную роль в науке и технике, в оборонном деле и промышленности. Этой любви и привязанности она оставалась верна всю жизнь: любая ее работа имела исследовательский оттенок, а предметом исследований являлись взрывчатые материалы и явление взрыва.

После окончания ЛТИ Екатерина Алексеевна два года училась в аспирантуре того же института. Завершению учебы в аспирантуре помешала война; последовала эвакуация в г. Свердловск. А там работа: сначала в Уралвзрывпроме, а затем на заводе № 46 Министерства вооружения. В 1943 году Е. А. Феоктистова была переведена в Подмоскowie в ОКБ № 44 того же министерства на должность начальника лаборатории. В 1945 году по вызову ЛТИ она вернулась в Ленинград для продолжения учебы в аспирантуре. В 1947 году после окончания аспирантуры блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Там же начала работать старшим научным сотрудником, но...

Через полгода (в декабре 1947 года) ее направили на работу в КБ-11 (г. Арзамас-16). Здесь Екатерина Алексеевна попала в лабораторию А. Ф. Беляева отдела В. К. Боболева. Это обстоятельство стало определенным везением для молодого ученого, потому что они были крупными специалистами в области взрывчатых материалов и физики взрыва, у них было чему поучиться. Везением было и то, что Екатерине Алексеевне довелось заниматься и исследованиями, и отрабатывать один из основных узлов ЯЗ (назовем его узлом А), в конструкции которого главными компонентами были детали из взрывчатых материалов. Она была одним из основных исследователей наиболее мощного в конце 1940-х годов взрывчатого состава тротил/гексоген, с использованием которого были разработаны первые отечественные ядерные заряды. Вместе с В. М. Некруткиным Е. А. Феоктистова разработала взрывчатый состав с низкой скоростью детонации, который тоже нашел применение в первых отечественных ЯЗ.

Следующим шагом Екатерины Алексеевны (уже в ранге начальника лаборатории с 1952 года) было исследование взрывчатого состава из гексогена и тротил-коллоксилиновой связки — состава более мощного и обладающего лучшими эксплуатационными свойствами. Исследования касались в основном газодинамических характеристик, знание которых было необходимо в первую очередь

для отработки узла А, разработанного в двух вариантах для ряда ЯЗ при ее активном участии. Эти ее работы были отмечены Государственными премиями (1951, 1953) и орденом Трудового Красного Знамени.

С 1955 года Екатерина Алексеевна – сотрудник вновь организованного НИИ-1011, хотя до 1958 года продолжала работать на арзамасской земле. За время работы в Арзамасе-16 ею был выполнен ряд чрезвычайно интересных исследований, которые в какой-то мере выходили за рамки ее традиционных работ. Следует отметить два из них: исследования магнитной кумуляции и влияния излучения атомного реактора на взрывчатые материалы. Но основные усилия Екатерины Алексеевны в арзамасский период жизни были направлены на совершенствование конструкции ЯЗ, в первую очередь уже упоминавшегося узла А; исследования в области взрывчатых материалов и физики взрыва были всё же на втором месте. В первые годы после переезда на Урал такое соотношение объемов работ в возглавляемом Феоктистовой отделе в этих смежных областях сохранялось. В это время при ее активном участии была произведена принципиальная модернизация узла А, за отработку которого она долгое время отвечала. Эта модернизация позволила улучшить габаритно-массовые характеристики ЯЗ.

Оценивая вклад Е. А. Феоктистовой в ядерное зарядостроение, можно сказать, что она участвовала в разработке большого количества ЯЗ, от самых первых до современных, находящихся на вооружении армии до сих пор.

В начале 1960-х годов соотношение объемов работ по указанным выше направлениям в отделе Е. А. Феоктистовой стало меняться в пользу взрывчатых материалов. А затем отдел был полностью переориентирован на создание и исследование новых взрывчатых составов для ЯЗ. Эти работы в институте Екатерина Алексеевна возглавила не случайно. Она хорошо разбиралась в химии, физике, газодинамике, материаловедении, технологии производства взрывчатых материалов и других дисциплинах.

Тенденции развития ядерного зарядостроения в это время требовали создания взрывчатого состава, превосходящего имеющиеся по метательной способности. Это было необходимо для улучшения габаритно-массовых и экономических характеристик ЯЗ. Как уже было сказано, первые взрывчатые составы, которые применялись в ЯЗ, в качестве мощного компонента содержали гексоген. Мощность гексогена и процентное содержание его в составе определяли метательную способность последнего. Необходимо было в первую очередь найти индивидуальное взрывчатое вещество, превосходящее по этому показателю гексоген. При активном участии Екатерины Алексеевны в качестве такого вещества был выбран октоген, который дополнительно обладал целым рядом привлекательных свойств. Для того, чтобы сделать этот выбор, пришлось определять основные характеристики более десяти индивидуальных взрывчатых веществ. На основе октогена и тротил-коллоксилиновой связки был создан состав, который значительно превзошел имевшиеся по метательной способности и обладал рядом других достоинств. Авторский коллектив ученых под руководством Е. А. Феоктистовой

Феоктистова Екатерина Алексеевна

в 1970 году был удостоен Государственной премии СССР. Это был первый отечественный взрывчатый состав, созданный специально для применения в ЯЗ.

Затем Екатерина Алексеевна с сотрудниками работала над созданием состава с повышенной термостойкостью и стабильностью. И такой взрывчатый состав был создан усилиями ученых и инженеров РФЯЦ – ВНИИЭФ, РФЯЦ – ВНИИТФ и других организаций. Эта работа тоже была отмечена Государственной премией СССР (1983). Но на этот раз Екатерины Алексеевны не было в составе авторского коллектива. Она сама отвела свою кандидатуру, мотивировав это тем, что ее труд уже достаточно оценен Родиной.

Одновременно с разработкой этого «всепогодного» состава шла работа по созданию на основе триаминотринитробензола состава с уникально высокими показателями безопасности. Он был получен, но Екатерины Алексеевны уже не было с нами – она умерла в январе 1987 года.

Заслуга Екатерины Алексеевны и в том, что при ее активном участии разработаны и созданы:

- пластичный взрывчатый состав на основе гексогена, применение которого значительно повысило технологичность изготовления ряда ЯЗ, а также ряд других составов, которые, хотя и не нашли практического применения, заложили основу для дальнейшего совершенствования этих материалов. Работы в этом направлении ведутся сейчас в РФЯЦ – ВНИИТФ;

- методология разработки взрывчатых составов с заранее заданным уровнем целевых характеристик;

- комплекс лабораторных методов для исследования основных, практически важных характеристик взрывчатых составов;

- школа квалифицированных исследователей, которые успешно продолжают и развивают направления работ, у истоков которых она стояла.

Такие успехи не могли быть достигнуты без постоянной учебы, работы над собой. Екатерина Алексеевна всегда училась, повышала свой профессиональный уровень. В 1969 году она защитила диссертацию на соискание степени доктора технических наук (в нашем институте она была единственной женщиной доктором технических наук).

В чем же секрет, причины успехов Екатерины Алексеевны? Возможно, были две основные причины. Во-первых, еще в юности сформировались такие черты ее характера, как любознательность, целеустремленность и работоспособность. У нее был волевой характер, аналитический склад ума. Такой фундамент позволял ей напряженно работать и, как следствие, успешно решать сложные задачи. Мозг ее непрерывно работал. Часто она, приходя на работу, говорила: «Сегодня ночью пришла к выводу, что желательнее было бы сделать это следующим образом...». При обсуждении научных вопросов на совещаниях всегда вникала в тонкости процессов, задавала много вопросов (иногда такая скрупулезность даже вызывала у некоторых раздражение). Во-вторых, Екатерина Алексеевна была необычайно талантливым человеком. Она легко «схватывала» суть прежде неведомой ей

проблемы и, спустя небольшой отрезок времени, начинала легко в ней ориентироваться.

Впрочем, была и третья, на первый взгляд не имеющая отношения к делу, причина. Это ее необычайное обаяние. Да, это была красивая обаятельная женщина с приятным открытым лицом, всегда излучающая доброжелательность и оптимизм. Она по-доброму, с участием относилась к людям, и они платили ей тем же, что очень помогало в работе.

Будучи начальником отдела, Екатерина Алексеевна занималась организацией не только сложных, иногда опасных исследований, но и взаимодействия с привлеченными к проблеме подразделениями института и предприятиями-смежниками. Приходилось решать не только научные, технические и организационные задачи, но и снабженческие вопросы. Здесь добрую службу сослужили и знания, и такт, и терпимость. Никто из работавших с ней не может припомнить, чтобы она повышала голос даже в самых сложных ситуациях. Интересен был стиль ее руководства: деликатно указывать подчиненному правильное направление работ, не мешать в его реализации, помочь во взаимодействии с руководством и с сотрудниками.

Высокая квалификация и богатый производственный опыт Екатерины Алексеевны были востребованы на министерском и институтском уровнях: она была членом комиссии по взрывчатым материалам министерства, членом НТС РФЯЦ — ВНИИТФ, членом диссертационного совета по присуждению докторских степеней. И ее голос в этих высоких инстанциях всегда звучал авторитетно.

Возвращаясь к талантам Екатерины Алексеевны, отметим, что природа в отношении ее не поспешила. Как уже упоминалось, она хорошо рисовала, писала стихи. В молодости водила летательные аппараты, прыгала с парашютом. А как тонко она чувствовала русский язык и бережно относилась к нему! Ее речь была построена изысканно, без вульгаризмов и вычурности. Екатерина Алексеевна никогда не замыкалась в науке, в производстве. Она всегда занималась общественной работой: была членом ЦК отраслевого профсоюза, депутатом горсовета, ректором Университета культуры. Отдых ее всегда был активным. Любознательность и здесь сказывалась. Бывала она в дальних туристических поездках, например, на теплоходе по Амуру. А всю ближайшую округу объездила вдоль и поперек...

Что касается личной жизни Екатерины Алексеевны, здесь, не по ее вине, не всё было просто и легко, но всегда благородно и достойно. Она вырастила двоих детей... одна.

О Екатерине Алексеевне можно написать много, но всё равно образ ее будет неполным. Что же в ней было самым-самым? Думается, что интеллект и порядочность.

Екатерина Алексеевна прожила яркую, интересную жизнь. Ей пришлось сотрудничать с такими корифеями, как А. Д. Сахаров, Ю. Б. Харитон, Е. И. Забабахин, К. И. Щёлкин... Ее научные и производственные свершения отмечены орденами, в том числе высшим орденом СССР — орденом Ленина, лауреатскими

Феоктистова Екатерина Алексеевна

званиями, учеными степенями. Но, пожалуй, наивысшей оценкой личности Екатерины Алексеевны Феоктистовой является добрая и светлая память о ней, которая живет в каждом, кто когда-либо соприкасался с ней.

Б. Г. Лобойко

Из воспоминаний

Екатерина Алексеевна Феоктистова в 1952 году была назначена научным руководителем дипломной работы моего друга Юрия Николаевича Косаганова. Он изредка рассказывал мне об отделе, руководимом Екатериной Алексеевной. Из этих рассказов я понял, что эта женщина, при всём её миловидном облике и мягкости взаимодействия с подчиненными, имеет вполне мужской характер: она была требовательным, весьма организованным и предусмотрительным руководителем. Никакого панибратства. Всё в рамках установленных взаимоотношений. Узнав поближе Екатерину Алексеевну, Косаганову очень захотелось после защиты диплома перейти на работу в другой отдел. Но постепенно Юркино отношение к Феоктистовой менялось. К защите дипломной работы между ними установились нормальные рабочие отношения. Екатерина Алексеевна даже спросила, не думает ли Юрий Николаевич после защиты перейти работать в другой отдел? Тот ответил, что у него такого желания нет. Действительно, начав работать в отделе Феоктистовой, Косаганов загорелся и принял самое активное участие в разработке деталей для фокусирующей системы из пенопласта. Это была очень важная работа, в которой надо было не только создать пенопластовые детали, но и создать методику отбора партий пенопласта. Этот материал оказался капризным и требовавшим и внимания, и его тщательного изучения, чтобы понять, как добиться нужных и стабильных результатов. Екатерина Алексеевна показала себя с лучшей стороны: она придумывала новые методики контроля коварного материала, искала и находила остроумные технологические решения, вдумчиво изучала противоречивые результаты, — и всё это очень помогало быстро двигаться к получению нужного результата.

В 1955 году, когда началась организация нового объекта, Екатерина Алексеевна предложила Косаганову перейти в отдел, который она будет возглавлять. Косаганов спросил, чем он будет заниматься на новом объекте. Екатерина Алексеевна сказала ему, что в её отделе будут развиваться, в основном, два направления: магнитная кумуляция, предложенная А. Д. Сахаровым, и второе — исследование взрывчатых материалов. При этом К. И. Щёлкин предложил заняться изучением стойкости взрывчатых веществ к воздействию различных доз различных излучений. Эти работы будут связаны с созданием крылатой ракеты с двигателями с ядерным реактором. Предполагается также, что эти исследования будут выполняться в Институте атомной энергии. Подумав, мой Юрий Николаевич дал

согласие переехать на новый объект. Новая работа показалась ему весьма привлекательной, особенно то, что исследования можно будет начать в Москве не мешкая. Единственное, в чём он ошибся, — в оценке времени начала работ в Институте атомной энергии. Оказалось, что прежде живой работы ему пришлось сочинить много новых и совершенно ему неизвестных инструкций. Юрка трудился, как вол, но без Екатерины Алексеевны успехов бы не было. Впервые Косаганов увидел её умение организовывать совершенно неизвестную ей работу, её настойчивость и великолепное знание взрывчатых веществ. Она несколько раз приезжала в Москву с Косагановым и утрясала, требовала или, наоборот, упрашивала ускорить работы, предлагала новые решения возникавших проблем. Всякий раз Косаганов, встретившись со мной в Сарове, восхищался её многогранностью, волей и ясностью мышления. При этом она оставалась милой и симпатичной женщиной.

В 1958 году последние представители НИИ-1011 переехали в Снежинск из Сарова. Приехала и Екатерина Алексеевна. До моего перевода в этот же НИИ в августе 1961 года сведения о жизни и работе «нового» объекта приходили скудные. Да, откровенно говоря, дела там меня мало интересовали. Мой приезд на новое место и новая должность обязывала меня вникать во все вопросы, связанные с разработкой ядерных зарядов. Как известно, в этой работе важную роль всегда играли взрывчатые вещества. Поэтому с работой Екатерины Алексеевны Феоктистовой я познакомился в числе первых. Её работа была мне знакома, но хотелось узнать о её конкретном содержании здесь, на новом для меня месте. По моей просьбе, Екатерина Алексеевна рассказала всё это сжато, ничего не упустив, словно заранее составила конспект своего выступления.

Вскоре я познакомился с директором завода взрывчатых веществ Николаем Александровичем Смирновым. Ему, как и Феоктистовой, предложили перейти на работу в НИИ-1011 и заняться организацией производства взрывчатых веществ. Этот крупный, спокойный мужчина вскоре проявил себя как прекрасный организатор, хорошо знавший и взрывчатые вещества, и различные технологии их обработки, и организацию всех этих работ. И он, и Екатерина Алексеевна Феоктистова хорошо понимали важность организации работы с новыми изделиями из взрывчатых материалов на новом месте. Тандем Феоктистовой и Смирнова сработался превосходно. Особенно это проявилось при освоении новых взрывчаток, их исследованиях и внедрении в новые ядерные заряды.

Это направление создания нового взрывчатого вещества началось в 1963 году. В марте—апреле этого года приехал из командировки Евгений Иванович Забабахин и сразу пригласил к себе меня, Феоктистову и Смирнова. Он был возбужден, восторженно рассказывая о том, что Альфреду Яновичу Апину, который в то время работал в Институте химической физики, удалось получить большой и совершенно чистый кристалл октогена с характеристиками, превосходящими по метательному действию гексоген. К тому же октоген имел более высокую температуру химического разложения, чем у гексогена и литой смеси гексогена с тротилом, которая в то время широко применялась в производстве деталей для ядерных

Феоктистова Екатерина Алексеевна

зарядов. Евгений Иванович рассказывал нам, что он сразу же в самолете начал продумывать, как использовать для этих зарядов октоген. В заключение своего сообщения он предложил срочно начать исследования чудо-взрывчатки. Мы все четверо стали тут же набрасывать план работ. Было решено немедленно послать Екатерину Алексеевну к Апинову и Льву Ильичу Багалу, заведовавшему кафедрой нитросоединений Ленинградского технологического института имени Ленсовета (ЛТИ). У Льва Ильича Екатерина Алексеевна училась в ЛТИ еще до войны и, конечно же, прекрасно знала своего учителя. Поездка Екатерины Алексеевны была очень результативной. Она дотошно расспросила Апинова о технологии выращивания чистых кристаллов октогена, договорилась с Багалом о том, чтобы он взялся за крупносерийное производство октогена и начал искать способы создания взрывчатых составов для получения наиболее подходящих для изготовления и использования деталей.

21 октября 1968 года был испытан новый малогабаритный ядерный заряд, в котором был использован взрывчатый состав на основе октогена, заметно увеличивший энерговыделение нового заряда. Этот взрывчатый состав был разработан в ЛТИ им. Ленсовета под руководством Льва Ильича Багала. Это был существенный прорыв в создании новых мощных ВВ. В это был вложен огромный труд Екатерины Алексеевны Феоктистовой.

В 1969 году она защитила докторскую диссертацию, став доктором технических наук, и была включена в научный совет по обсуждению диссертаций. Екатерина Алексеевна, всегда тяготевавшая к науке, уделяла этой работе присущую ей серьезность.

В то же время она оставалась обаятельной, разносторонне развитой. Разговаривать с ней было всегда интересно на любые темы. В молодости она увлекалась авиацией. Летала на самолетах, прыгала с парашютом и до пожилых лет водила автомобиль. Попадала в автомобильные аварии, одна из которых была для нее весьма серьезной. Восстанавливать здоровье ей пришлось долго, но восстановилась. Ездить она не перестала, но стала водить автомобиль заметно осторожнее. Довелось проплыть ей и на пароходе от Благовещенска до Комсомольска-на-Амуре и обратно. Вот такой любознательной и разносторонней была Екатерина Алексеевна Феоктистова, память о которой с благодарностью будут хранить все её знавшие или слышавшие о ней. Для меня она навсегда останется живым и интересным во всех отношениях Человеком. Никогда не забуду, как в день её 60-летия Евгений Иванович Забабахин торжественно вручил Екатерине Алексеевне маленькую пробирку с золотым песком, которого было не больше 2 граммов. Его Евгений Иванович сам намыл близ Вишнёвой горы, затратив на это немало дней. Вручая свой подарок Екатерине Алексеевне, он сказал, что дороже любого золота её золотой характер. Эта высокая оценка, конечно же, заслуженна. Это отметили все пришедшие поздравить Екатерину Алексеевну Феоктистову с юбилеем.

Б. В. Литвинов

(из книги «Грани прошедшего». Москва, ИздАТ, 2006)

Хисамутдинов Вильям Ризатдинович

21.10.1930–27.09.1999

Специалист в области автоматизации информационных процессов; кандидат физико-математических наук (1972), старший научный сотрудник (1981), действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995); член КПСС с 1963 г.

- 1948 — студент физического факультета Московского государственного университета.
 - 1954 — младший научный сотрудник Института химической физики АН СССР, г. Москва.
 - 1956 — младший научный сотрудник газодинамического сектора в НИИ-1011, г. Снежинск.
 - 1958 — начальник отдела научно-технической информации и исполняющий обязанности директора МИФИ-6 (по совместительству до 1960 года), там же.
 - 1974 — заведующий лабораторией автоматизации информационных процессов в Научно-исследовательском вычислительном центре АН СССР, г. Пущино Московской обл.
 - 1975 — заведующий сектором математического обеспечения в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, г. Москва.
 - 1976 — заведующий отделом исследований и разработки информационных систем, там же.
 - 1991 — заместитель директора института по научной работе, там же.
 - 1999 — главный научный сотрудник, там же.
- Работа по совместительству:
- 1975 — старший преподаватель кафедры автоматизации систем вычислительных комплексов факультета ВМК МГУ, г. Москва.
 - 1992 — член информационно-библиотечного совета РАН.
 - 1998 — член ученого совета РАН.

Хисамутдинов Вильям Ризатдинович

Награжден орденом «Знак Почета» (1986); медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За трудовое отличие» (1981), Золотой медалью ВДНХ (1981, 1988), медалью Жукова (1996), «В память 850-летия Москвы» (1997); почетной грамотой ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ (1987).

Весной 1958 года группа научно-технической информации (НТИ) с очередным эшеленом сотрудников недавно созданного института переехала с территории КБ-11 (г. Арзамас-16) на основную площадку НИИ-1011 — на Урал.

Объем информационных потребностей специалистов нового института с каждым годом увеличивался. Для их удовлетворения нужны были новые формы и методы информационного обеспечения. Важнейшими задачами стали поиск, анализ, синтез, обобщение и интерпретирование научно-технической информации. Стремительное расширение круга задач явилось причиной для преобразования группы НТИ в отдел научно-технической информации (ОНТИ). В августе 1958 года приказом по институту такой отдел был создан. Его руководителем был назначен Вильям Ризатдинович Хисамутдинов, уроженец города Томска, который, окончив в 1954 году физический факультет МГУ, работал младшим научным сотрудником в Институте химической физики АН СССР, а с 1956 года — в НИИ-1011 младшим научным сотрудником газодинамического сектора.

Одним из видов информационного обеспечения является участие специалистов института в конференциях, совещаниях, симпозиумах, съездах, проводимых научно-техническими обществами, министерствами и различными ведомствами.

Для упорядочения этой работы приказом по институту от 29 июля 1960 года предписывалось сосредоточить в ОНТИ всю работу по оформлению специалистов для участия в мероприятиях научно-технической пропаганды. По возвращении из командировки участник конференции или другого мероприятия обязан был в двухдневный срок представить в ОНТИ отчет и рекомендации по использованию в институте полученной информации и материалов конференции.

В обязанности отдела научно-технической информации входила организация семинаров с докладами сотрудников института, вернувшихся из творческих командировок. На семинары приглашались все заинтересованные специалисты подразделений предприятия.

В целях пропаганды новейших достижений науки и техники было принято решение об издании в институте с октября 1960 года «Научно-технического бюллетеня», главным редактором которого стал В. В. Дубицкий, а его заместителем — В. Р. Хисамутдинов. В бюллетене печатались оригинальные статьи, описание технологических процессов, новых установок и изобретений сотрудников института, материалы научно-технических конференций и совещаний по отчетам их участников.

Важнейшей задачей в работе отдела являлось выполнение научно-технических переводов иностранной литературы и документации. Эти вопросы решались с первых дней создания отдела. На первом этапе пришлось столкнуться с большими сложностями. Не было самого элементарного – технических словарей. Все переводчики имели гуманитарное образование, и тематика института была им незнакома. Тем более ценным оказалось хорошее знание Вильямом Ризатдиновичем английского языка, который он выучил, когда в 1945 году вместе с матерью уехал в США к отцу, командированному туда еще в 1943-м.

Его отец, Хисамутдинов Ризатдин Хисамутдинович, был тогда заместителем директора Кузнецкого металлургического комбината, а мать, Гельнафис Мухаметовна, – там же инженером. В США они работали в правительственной закупочной комиссии. Вильям учился в советской школе при посольстве. В январе 1947 года семья вернулась в Новокузнецк. Приобретенные за границей знания и опыт очень пригодились Вильяму Ризатдиновичу в жизни, в основной работе, и, позднее, в организации экзаменов по приему в аспирантуру.

К началу 1961 года задачи ОНТИ стали существенно расширяться: необходимо было вести работу по пропаганде новейших достижений науки и техники, подготовке различных обзоров технической литературы, участию специалистов в различных выставках. Для этого в ОНТИ были начаты работы по организации оперативного копирования документов. В 1962 году был приобретен электрографический аппарат «ЭРА», что положило начало существованию в отделе печатно-множительной лаборатории.

Расширение связей с подразделениями и спектра информационных потребностей, необходимость обработки накапливающихся массивов информации потребовали и расширения состава отдела, в котором активно шел сбор и анализ информации по тематическим направлениям. Тогда же в планах ОНТИ появились работы по поиску необходимых для патентной службы института первоисточников.

В 1966–1967 годах по инициативе начальника отдела В. Р. Хисамутдинова были начаты работы по использованию электронных вычислительных машин для накопления, хранения и сортировки текстовой научно-технической информации. Были сформированы технические требования, которым должна была отвечать информационно-поисковая система. Поскольку аналогов таких систем в нашей стране в те годы не имелось, решение задачи по созданию специальных программ было предложено математическому отделению института.

Разработка математического и программного обеспечения системы велась под научным руководством начальника отдела В. И. Легонькова инженерами В. С. Авраменко, Л. М. Зуевой и другими. Одновременно в ОНТИ была создана группа автоматизированной системы информационного обеспечения разработок (АСИОР), в задачи которой входило освоение вновь создаваемых программ, подбор и ввод реферативной информации, распределение ее между сотрудниками института. В это же время формировался круг пользователей системы, сбор запросов, списки научно-технических журналов для будущего ввода информации.

Уже в начале 1967 года была внедрена система с использованием языка «Кристалл», проиндексировано более 800 документов.

Параллельно велась разработка алгоритмов и программ ввода документов в электронно-цифровые вычислительные машины, подготавливались экспериментальные массивы для отладки всех этапов ввода, поиска и распределения информации. Это были совершенно новые и непростые задачи. Система базировалась на ЭВМ БЭСМ-6 и БЭСМ-4. В конце 1968 года она получила официальное название АСИОР, а практическая эксплуатация началась в январе 1969 года. АСИОР открывала возможности избирательного распределения информации, ретроспективного и фактографического поиска, автоматизации составления библиографических указателей.

В 1972 году первая очередь АСИОР вошла в структуру автоматизированной системы управления, что послужило началом следующих этапов ее развития — распространению по предприятиям и НИИ Министерства среднего машиностроения, созданию кооперации пользователей из более 30 организаций Москвы, Ленинграда, Горького, Новосибирска и других городов. Это позволило существенно увеличить объем базы данных и обеспечить обмен информацией с использованием магнитных лент.

Опыт практической работы позволил разработчикам системы создать новое математическое обеспечение диалоговой информационной системы (МОДИС), которое существенно расширило ее возможности использовать запросы как на русском, так и английском языках.

Дальнейшим этапом развития АСИОР стал ее перевод в Единую систему ЭВМ и обеспечение обмена информацией между предприятиями в международном коммуникативном формате.

Внедрение и развитие в нашем институте АСИОР явилось пионерской работой по созданию таких систем в СССР, и во многом состоялось благодаря инициативе и творческой активности В. Р. Хисамутдинова.

Роль Вильяма Ризатдиновича как первого руководителя и организатора отдела научно-технической информации института, который он возглавлял с 1958 по 1974 год, оказалась весьма значимой, а его деятельность — плодотворной. За это время он успел создать сплоченный коллектив, наладить работу, что, собственно, и обеспечило ему авторитет как у сотрудников, так и среди руководства института.

За время работы он вложил много сил, знаний и энергии в организацию службы ОНТИ, разработку информационно-поисковых систем, активно участвовал в организации работы по подготовке аспирантов и соискателей. А когда было принято решение об организации в городе филиала Московского инженерно-физического института, ему было поручено начать это большое дело, и в период с июля 1958 года до апреля 1960 года он по совместительству с основной работой исполнял обязанности директора филиала. Умный и грамотный руководитель, прекрасный организатор, В. Р. Хисамутдинов сразу же после назначения горячо взялся за новое дело.

Вначале это был филиал вечернего отделения № 4 МИФИ. Только спустя девять лет он был реорганизован в самостоятельное вечернее отделение № 6. Филиалу были выделены пять классных комнат в школе № 124 (сейчас в этом здании находится филиал Южно-Уральского государственного университета). Три из них стали учебными аудиториями, в остальных разместились учебная часть, преподавательская и бухгалтерия. В ноябре 1958 года удалось добиться еще одной комнатки в 9 квадратных метров под библиотеку. В подвальном помещении школы оборудовали небольшую станочную мастерскую. Уже в октябре 1959 года были организованы лаборатории электроники, электрических и магнитных измерений, электротехники. Немало трудностей было и с комплектованием филиала штатными работниками. Сначала штатных преподавателей было только четверо, и для чтения лекций, проведения лабораторных работ чаще всего привлекались специалисты НИИ-1011. К 1960 году преподавательский штат увеличился до одиннадцати человек. Благодаря собственной энергии и настойчивости В. Р. Хисамутдинову удалось получить для студентов (начиная с 3-го курса) разрешение директора НИИ-1011 выполнять курсовые проекты на производственные темы в рабочее время и на рабочих местах. (Здесь следует пояснить, что студенческий контингент первых лет составляли исключительно сотрудники НИИ со среднетехническим образованием.) Хорошим подспорьем в работе филиала стала возможность проводить лабораторные работы в Уральском политехническом институте. И это тоже заслуга Вильяма Ризатдиновича.

Широкая эрудиция, разносторонние интересы — от шахмат (он был капитаном сборной физфака МГУ) до подводного плавания, коммуникабельность и внимание к людям, наконец, замечательное чувство юмора существенно помогали ему в любой работе, но главной пока оставалась работа в ядерном центре, в отделе научно-технической информации. В 1972 году по системе АСИОР он защитил диссертацию на соискание степени кандидата физико-математических наук.

В. Р. Хисамутдинов стремился сделать отдел сильной самостоятельной структурой. В определенной степени ему, по-видимому, было даже немного тесно в существующей структуре.

В 1974 году он был избран по конкурсу на должность начальника отдела научно-технической информации и патентных исследований ВНИИЭФ. Несмотря на официальный запрос из Арзамаса-16 о его переводе, директор института Г. П. Ломинский не дал на это своего согласия. Чуть позднее, в июле 1974 года, В. Р. Хисамутдинов был избран на должность заведующего лабораторией автоматизации информационных процессов в Научно-исследовательском вычислительном центре АН СССР в г. Пущино. На этот раз Г. П. Ломинский не препятствовал, и 1 августа 1974 года Вильям Ризатдинович перешел на другую работу.

В 1976 году он переехал из г. Пущино в Москву и в качестве заведующего сектором и отделом исследований и разработки информационных систем возглавил работы по автоматизации информационных процессов в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР) — крупнейшем

Соревнования по шахматам

в России информационном центре. Через пять лет В. Р. Хисамутдинов получил аттестат старшего научного сотрудника по специальности «математическое обеспечение вычислительных машин и систем», а в 1991 году он был назначен на должность заместителя директора института по научной работе, оставаясь на этом посту практически до своей кончины 27 сентября 1999 года. Под его руководством была создана и передана в промышленную эксплуатацию в 1985 году система АИСОИ (автоматизированная информационная система по общественным наукам), на которой до настоящего времени ведется обработка всей литературы, поступающей в библиотеку ИНИОН, готовятся печатные издания института.

Вильям Ризатдинович был руководителем ряда больших проектов, выполняемых совместно с академиями наук Финляндии и Эстонии (1987–1993 гг.), с Research Libraries Group (США) по размещению баз данных ИНИОН в компьютерных сетях США (с 1993 г.) и многих других. В географии его служебных командировок были Болгария и Венгрия, Польша и Германия, Чехословакия и Вьетнам. Он стал автором и соавтором шестнадцати научных публикаций, посвященных проблемам создания автоматизированных информационных систем.

646 Он ушел из жизни на излете XX века, внося весомый вклад в развитие науки и образования. Результаты его деятельности, его идеи в области автоматизации информационных процессов открыли широкие перспективы для развития библиотечного дела и в XXI веке. Вильям Ризатдинович Хисамутдинов остался в памяти своих коллег и в Снежинске, и в Москве прекрасным руководителем, умным и обаятельным человеком.

В. Н. Ананийчук

Из воспоминаний

Хочу поделиться воспоминаниями об одной встрече, на которой одновременно были Вильям Ризатдинович Хисамутдинов и Владимир Иванович Легоньков.

Было это в июле 1969 года. В то время я работал секретарем Снежинского горкома комсомола, а в 1967 году у нас в городе был построен прекрасный Дворец пионеров. Ему было присвоено имя космонавта В. М. Комарова, трагически погибшего при спуске корабля «Союз-1» 27 апреля 1967 года.

По инициативе директора дворца Валентины Арсентьевны Торховой в июле 1969 года в город была приглашена вдова космонавта Валентина Яковлевна с дочерью Ириной. Директор института Г. П. Ломинский поручил мне заняться организацией их пребывания в городе. Было множество встреч с детьми в пионерском лагере, школах и т. д.

А в один из дней Вильям Ризатдинович Хисамутдинов (мы жили с ним в одном доме) неожиданно предложил организовать выезд на озеро с ночевкой, пообещав, что он всё сделает с друзьями наилучшим образом.

В назначенное время мы приехали на берег озера Ташкуль, где уже был разбит лагерь: стояли палатки, горел костер. Вечер получился необыкновенный: с рыбалкой, шашлыком и удивительными песнями в исполнении Владимира Ивановича Легонькова и Геннадия Константиновича Школы, которые поразили всех нас своим певческим мастерством.

Была какая-то удивительная атмосфера простоты общения, хотя многие встретились здесь впервые.

Через день или два поздно вечером я провожал Валентину Яковлевну и Ирину до вокзала в Челябинске. Мы спешили, было очень темно, разразилась сильнейшая гроза, на всём нашем пути перед машиной стояла сплошная стена дождя. А по радио шел прямой репортаж, который мы слушали сквозь сильные грозовые помехи с необычайным волнением, о возвращении на Землю американских космонавтов Олдрина и Армстронга — человека, первым ступившего на Луну 21 июля 1969 года.

В. Н. Ананийчук

Фундаментальная библиотека по общественным наукам Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) недавно отметила свое 80-летие. Это крупнейшая библиотека в мире в области социальных и гуманитарных наук. Фонды (со всеми отделениями в гуманитарных институтах) составляют более 13 миллионов единиц хранения. Гордость библиотеки — коллекция книг на славянских языках, самая большая в России, коллекция русской дореволюционной литературы по обществоведению, а также ряд журналов, представленных за сто и более лет. В конце 1997 года библиотека получила восемь томов бюллетеней экономического кабинета профессора

С. Н. Прокоповича, министра Временного правительства, проживавшего в Берлине и Праге, за 1924–1938 гг. По мнению специалистов, бюллетени содержат уникальные сведения о социально-экономических преобразованиях того периода России. О нынешнем положении библиотеки рассказывает заместитель директора ИНИОНа Вильям Ризатдинович Хисамутдинов:

«Действительно, фонды у нас интересные, есть и уникальные вещи — например, парламентские отчеты США с 1789 года, Англии — с 1803 года или Италии — с 1897-го, собрания документов Лиги Наций, международных организаций: ООН, ЮНЕСКО, МОТ. Во время Чернобыльской катастрофы мы подготовили около тысячи документов по авариям на атомных реакторах (в основном это были слушания Конгресса США, а также различных международных организаций). Когда мы представили их в Институт атомной энергии, там не поверили, что такие документы могли находиться в нашей стране.

С 1976-го занимаемся автоматизацией информационных процессов, а базы данных комплектуются с 1979 года. Сегодня у нас около 2,5 миллиона записей. Такой базы данных нет ни в одной библиотеке страны. К 1986 году с нами работали около 130 организаций, в том числе 36 зарубежных.

Мы стали инициаторами создания международных информационных систем. Однако после развала СССР все имевшиеся связи с Болгарией, Германией, Венгрией, Кубой, Вьетнамом, Монголией и другими социалистическими странами рухнули, хотя сейчас многие готовы возобновить отношения.

К сожалению, цены растут, а с ними сокращаются и объемы закупок. Но страшно не это, а то, что финансирование в целом катастрофически снизилось. Конечно, мы получаем от государства деньги, но их хватает только на то, чтобы выплачивать мизерные зарплаты сотрудникам, часть которых уже для нас потеряна. В 1985-м, например, мы закупали литературы на 700–800 тыс. долларов, сейчас для нас это непозволительная роскошь. В таких условиях мы вынуждены заниматься международным книгообменом. Около 50% входного потока составляют книги, полученные благодаря обмену. Но и здесь мы сталкиваемся с материальными трудностями — порой стоимость пересылки равна, а иногда и превышает стоимость того, что мы отправляем. Кроме того, сейчас нам достаточно трудно покупать даже ту литературу, в обмен на которую мы получаем книги. Двести экземпляров одной книги, например, — задачка непосильная.

Для того, чтобы как-то выжить, мы выпускаем компакт-диски с описаниями документов, которые имеем и которые к нам поступают. Их можно использовать на любом персональном компьютере в любой точке Земли. Это достаточно дорогая услуга — один диск стоит от 400 до 900 долларов, но что интересно — их покупают даже региональные библиотеки. Также мы входим в некоторые объединения, занимающиеся созданием каталогов и обеспечением доступа в эти каталоги через сеть Интернет.

В этом году мы предоставляем бесплатный доступ к 1 млн 300 тыс. библиографических записей. Ни одна библиотека страны не может позволить себе это-

Хисамутдинов Вильям Ризатдинович

го — мы их накопили за двадцать лет. Многие работы стали возможными благодаря дополнительному финансированию Министерства науки и грантам Российского фонда фундаментальных исследований. Мы, по сути, фабрика производства информации.

Разрабатывается проект создания цифровых библиотек.

Наконец, мы предлагаем новейшую в нашей стране услугу (к тому же достаточно дешевую) — заказ копий по каналам связи. Любой может обратиться к нам с просьбой переслать копию определенной статьи и быть уверенным в том, что в течение 48 часов доставка по электронной почте будет обеспечена.

Сейчас мы создаем базу данных научно-аналитических работ нашего института: всё, что выпущено институтом с момента его создания (в прошлом году ему исполнилось двадцать пять лет), будет переведено в электронную форму, а вырученные средства пойдут на развитие библиотеки.

Н. Ростова

*«Фабрика по производству информации. Библиотеке ИНИОНа — 80 лет»
(газета «Культура», 1998, № 21 от 11–17 июня)*

Цырков Георгий Александрович

28.11.1921–20.06.2001

Специалист в области прикладной газодинамики, разработки и испытаний ядерных зарядов и боеприпасов, кандидат технических наук (1955), доктор технических наук (1962), профессор (1962); Герой Социалистического Труда (1976), лауреат Ленинской премии (1962), лауреат Сталинских премий (1951, 1953); действительный член Международной академии информатизации, почетный член Российской академии естественных наук. Почетный гражданин г. Снежинска (1982).

- 1939 — студент Московского высшего технического училища им. Баумана.
- 1945 — инструктор отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, г. Москва.
- 1946 — младший научный сотрудник НИИ Главного инженерного управления Министерства Вооруженных Сил СССР, г. Нахабино Московской обл.
- 1948 — младший научный сотрудник, затем научный сотрудник, заместитель начальника отдела, ученый секретарь КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — первый заместитель научного руководителя по газодинамическим вопросам в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — заместитель начальника — главный инженер 5-го Главного управления МСМ, г. Москва.
- 1965 — начальник 5-го Главного управления по разработке и испытаниям ядерных боеприпасов, там же.
- 1996 — экономический советник департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов, там же.

Цырков Георгий Александрович

Награжден орденами: Ленина (1961, 1976), орденом Октябрьской Революции (1971), Трудового Красного Знамени (1951, 1954, 1956, 1966); многочисленными медалями.

Георгий Александрович Цырков родился 28 ноября 1921 года в Москве. В 1939 году поступил в Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Н. Э. Баумана на факультет «Боеприпасы».

Когда началась Великая Отечественная война, студенты этого факультета по личному указанию наркома вооружения Д. Ф. Устинова получили бронь. И уже 4 июля 1941 года студент Георгий Цырков стал наладчиком автоматов на оборонном заводе в Москве.

В сентябре институт был эвакуирован в город Ижевск. Здесь студенты перешли на «двухсменку»: днем учились, а ночью работали на оружейном заводе № 74, где директором был В. Н. Новиков — будущий заместитель председателя Совета Министров СССР.

На заводе Георгий Цырков работал токарем, точил стволы для противотанковых ружей. Стволы длинные — почти два метра, резец передвигался в один конец полчаса. А в цехе холод, и чтобы согреться, Георгий энергично отплясывал чечетку около станка.

Весной 1943 года институт вместе со студентами вернулся в Москву. Георгий Цырков продолжал учебу и активно занимался комсомольской работой. Эта активность не прошла незамеченной. После защиты дипломов в марте 1945 года несколько комсомольских активистов были направлены в распоряжение ЦК ВЛКСМ. Так бывший секретарь факультетского бюро ВЛКСМ Георгий Цырков стал в ЦК инструктором отдела рабочей молодежи.

В послевоенные годы на освобожденных и вновь присоединенных к СССР территориях создавались новые комсомольские организации, подбирались и готовились кадры молодежных вожakov. Больше всего Георгию Цыркову запомнилось создание комсомольской организации в Кенигсбергской области, где он в 1946 году проводил первый пленум обкома комсомола.

Работа с людьми нравилась Г. Цыркову. Но постоянно тянуло к технике, хотелось работать по специальности. В конце концов он не выдержал и пошел к секретарю партийной организации, в те годы общей для ЦК комсомола и ЦК партии: «Прошу отпустить ... Люблю технику, хочу работать инженером... Чувствую, что теряю квалификацию». Георгия Александровича поняли и просьбу его удовлетворили. И с декабря 1946 года Г. А. Цырков стал младшим научным сотрудником НИИ инженерных войск в подмосковном Нахабино. Почти два года занимался исследованием взрывных устройств, а летом 1948 года товарищ по работе, взрывник, старший лейтенант В. Ф. Докучаев, порекомендовал молодого специалиста Г. А. Цыркова на вновь создаваемое в Арзамасе-16 предприятие КБ-11, ставшее

Цырков Георгий Александрович

впоследствии Всесоюзным научно-исследовательским институтом экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Уговаривать Георгия не пришлось: в новом институте были хорошие условия для интересной научной работы...

В августе 1948 года в одном из НИСов — научно-исследовательском секторе КБ-11 появился младший научный сотрудник Г. А. Цырков. Вскоре он был назначен заместителем начальника лаборатории, которой руководила Е. А. Феоктистова. Здесь Георгий Александрович занимался оптическими исследованиями взрывных процессов.

Из характеристики Г. А. Цыркова, датированной декабрем 1959 года:

«Тов. Цырков с августа 1948 года по апрель 1955 года работал на предприятии п/я 975 (КБ-11) в качестве научного сотрудника и заместителя начальника исследовательского отдела...

Тов. Цырков Г. А., работая на предприятии п/я 975... непосредственно участвовал в разработке изделий... принимал самое активное участие в проведении их испытаний.

Тов. Цырков Г. А. умело сочетает основную производственную деятельность с повышением теоретических знаний. Без отрыва от производства в 1955 году окончил аспирантуру и защитил диссертацию на ученую степень кандидата технических наук».

В период подготовки первого испытания в 1949 году, Г. А. Цырков возглавлял оперативную группу при руководителе испытания Игоре Васильевиче Курчатове. Эта группа разрабатывала планы всех мероприятий, связанных с проведением опыта. Одновременно Георгий Александрович вместе с Виктором Ивановичем Жучихиным работал и в группе по управлению подрывом у Кирилла Ивановича Щёлкина.

На работу Георгия Александровича в этом испытании обратил внимание Игорь Васильевич Курчатов, который предложил отметить Г. А. Цыркова Сталинской премией 2-й степени, вместо премии 3-й степени, предложенной вначале.

О первом испытании атомного заряда уже написано много. Есть и серьезные статьи, и научные работы. Георгий Александрович — человек с юмором, и время от времени вспоминал какую-нибудь занимательную и поучительную историю тех дней. Как-то рассказал о лифте, на котором должны были поднимать первый заряд на тридцатисемиметровую башню. (Кстати, тогда же Георгий Павлович Ломинский — будущий директор НИИ-1011, прошел обучение на специальных курсах лифтеров, получил права на управление лифтом и поднимал заряд на башню). Когда заливали бетонное основание, то не учли, что в нем нужно углубление под лифт. Из-за этого он не сядет на место. В то время рабочих к башне не подпускали. И углубление под лифт в этом бетоне долбили ломом несколько... полковников в штатском.

В 1955 году в жизни Г. А. Цыркова начался новый период. Он был назначен заместителем научного руководителя Кирилла Ивановича Щёлкина на новом предприятии НИИ-1011 на Урале. Этот НИИ позднее стал Всесоюзным научно-

исследовательским институтом приборостроения (ВНИИП), а еще позднее Российским федеральным ядерным центром — Всероссийским научно-исследовательским институтом технической физики имени академика Е. И. Забабахина (РФЯЦ — ВНИИТФ).

Из отзыва о научных работах Г. А. Цыркова, подписанного 3 февраля 1962 года научным руководителем НИИ-1011 Евгением Ивановичем Забабахиним:

«В области атомного вооружения Г. А. Цырков работает 14 лет... В период с 1955 по 1960 год работа Цыркова Г. А. связана с научно-техническим руководством и непосредственным участием в разработках новых зарядов и боевых частей.

Успешное завершение работ в НИИ-1011 в 1955—1960 годах по зарядам и боевым частям связано с научно-технической деятельностью Цыркова Г. А. и с его участием в руководстве институтом...

Успешное участие Цыркова Г. А. в перечисленных работах говорит о том, что он является разносторонним и высококвалифицированным специалистом в области ядерного вооружения».

Из производственной характеристики на заместителя научного руководителя и первого заместителя главного конструктора НИИ-1011 Г. А. Цыркова, подписанной директором института Д. Е. Васильевым, научным руководителем и главным конструктором К. И. Щёлкиным и секретарем парткома Г. А. Карлыхановым (1959 год):

«На протяжении всей своей работы в системе министерства тов. Цырков Г. А. зарекомендовал себя настойчивым, способным организатором, инициативным и высококвалифицированным конструктором, а также специалистом по газодинамике высоких давлений. За время работы в НИИ-1011 Цырков Г. А. принимал непосредственное участие в разработке всех изделий...

Среди коллектива работников института пользуется заслуженным авторитетом. Принимает активное участие в общественной жизни... В 1957—1958 годах избирался членом пленума городского комитета КПСС и является депутатом городского Совета...»

Уральский период жизни Г. А. Цыркова длился с 1955 по 1960 год. К этому году в послужном списке Георгия Александровича было более 40 научных работ, из которых 19 выполнены в НИИ-1011.

За 14 лет успешной работы в области исследования и проектирования специальных зарядов и боевых частей Г. А. Цырков был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени (1951, 1954, 1956) и дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии (1951, 1953).

В марте 1960 года Г. А. Цырков был назначен главным инженером, а затем — начальником 5-го Главного управления Министерства среднего машиностроения.

О жизни и деятельности Георгия Александровича в Москве рассказывать трудно, так как сведения об этом у автора, живущего и работающего на Урале, весьма скромные. Но хорошо известно, что за плечами Г. А. Цыркова участие

Цырков Георгий Александрович

во многих испытаниях, около ста взрывов в мирных целях, большое количество сданных на вооружение более совершенных зарядов.

Об успехах в руководстве разработкой образцов новой техники и заслугах начальника 5-го Главного управления МСМ говорят его награды, почетные звания, среди которых высшее — Герой Социалистического Труда, присвоенное в 1976 году.

Кроме этого, доктор технических наук Георгий Александрович Цырков является действительным членом Международной академии информатизации и почетным членом Российской академии естественных наук.

Более 35 лет Георгий Александрович возглавлял 5-е Главное управление Министерства среднего машиностроения. В одном из интервью он сказал: «Я счастлив, что мне удалось попасть в эту отрасль науки. Я всегда был «оружейником», мне было интересно, и, наконец, каждый из нас должен чувствовать себя защитником Отечества. Если хотите, это и есть настоящий патриотизм...»

А. П. Васильев

Из воспоминаний

Судьба распорядилась так, что Георгию Александровичу в учителя и коллеги достались выдающиеся люди ядерно-оружейного комплекса и атомной энергетики: И. В. Курчатов, Е. П. Славский, Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович, Е. И. Забабахин, Б. Г. Музруков, Д. Е. Васильев, Е. А. Негин, Н. И. Павлов, В. И. Алфёров, А. Д. Захаренков и многие другие ученые, высококлассные специалисты и организаторы научных исследований и разработок в области ядерного оружия. Многие из них дружили с Цырковыми семьями, вместе трудились, вместе отдыхали и отмечали праздничные даты. В их компании любили не только настольные игры — от шахмат до преферанса, но и активные виды спорта, например, футбол.

Георгий Александрович любил принимать гостей и всегда следил, чтобы стол был богатым и красочно убраным. Частенько критиковал домашних словами: «Что это у вас на столе ничего нет?!» Супруга Валерия Григорьевна, дочери Наташа и Оля, внуки Андрей и Алексей очень любили мужа, отца и деда, относились к нему с большим уважением.

В среде знакомых говорили о большой щепетильности Георгия Александровича в материальных вопросах. При переводе из Арзамаса-16 в Челябинск-70 сотрудницам была сохранена прежняя высокая зарплата. Он не согласился с таким подходом в отношении своей супруги и говорил, что зарплата его жены не может быть больше, чем у начальника отдела, где ей предстоит работать.

654

Валерия Григорьевна рассказала нам о последних днях жизни Георгия Александровича, когда он уже был в ЦКБ. Находясь в полузабытьи, Георгий Александрович представлял себя в экспедиции на Новоземельском полигоне и настойчиво уговаривал Валерию Григорьевну позвонить большому морскому

начальнику и попросить оформить ей пропуск на Новую Землю. Из его шепота можно было понять, что говорил он о вице-адмирале Г. Е. Золотухине. При этом Георгий Александрович добавлял, что ей помогут и самой прилететь, и вещи с собой привезти.

С Новой Землей у Георгия Александровича были связаны радости и горести многих испытаний. По-видимому, эти чувства были настолько глубокими, что в последние дни жизни воспоминания об этом полигоне, о важной государственной работе полностью охватили его, причудливо объединившись с мыслями о семье, о близких и родных людях. Наверное, он давно мечтал о том, чтобы показать своим эту частичку нашей большой страны, с которой было связано едва ли не полвека его жизни и работы.

После моего назначения руководителем департамента в октябре 1996 года Георгий Александрович был переведен в советники министерства и проработал в этой должности до конца своих дней. Всё это время я считал естественным и необходимым его участие в заседаниях НТС-2, специального экспертного совета ВАК, конференциях и совещаниях отраслевого масштаба, а также во встречах ветеранов и праздничных мероприятиях департамента и наших предприятий. Вся его многолетняя работа в главке, его опыт и знания помогали нам адаптироваться к новым условиям жизни страны. Поэтому, когда меня спрашивали, зачем Георгия Александровича приглашать на то или иное мероприятие, у меня был один ответ: «И полезно, и справедливо!» И я рад, что такого же мнения придерживалось руководство министерства, директора наших предприятий и многие коллеги, которые знали и уважали Г. А. Цыркова.

Георгий Александрович скончался 20 июня 2001 года, всего 5 месяцев не дожив до своего 80-летия. Еще 7 мая он был на работе, вечером позвонил мне домой, чтобы напомнить, что 10 мая он ожидает машину для поездки на работу, но утром 10 мая почувствовал головокружение, и родственники отвезли его в ЦКБ. Через 40 дней Г. А. Цыркова не стало.

Похороны состоялись 22 июня, в День памяти и скорби, в день 60-летия начала Великой Отечественной войны. Хоронили Георгия Александровича на Троекуровском кладбище. Среди провожавших были представители министерства, военных организаций, многих предприятий Москвы и других городов. Со словами памяти и уважения к Георгию Александровичу выступили первый заместитель министра В. Г. Виноградов, академик Ю. А. Трутнев (ВНИИЭФ), главный конструктор ВНИИТФ А. Н. Аверин, директор ВНИИА Ю. Н. Бармаков, руководитель Департамента промышленности ЯБП Е. К. Дудочкин, советник Департамента ЯТЦ Е. И. Микерин, директор НПО «Элерон» Е. Т. Мишин, член-корреспондент РАН Б. В. Замышляев, главный конструктор ВНИИЭФ С. Н. Воронин, академик Л. П. Феоктистов и другие. Дни идут, пройдут и годы. Но, пока мы живы, в нашей памяти, в наших сердцах будет жив Георгий Александрович Цырков.

Н. П. Волошин

Чистяков Петр Флегонтович

21.08.1917–25.03.2002

Организатор производства,
член ВКП(б) с 1946 г.

- 1932 — учащийся фабрично-заводского училища при паровозоремонтном заводе, г. Вологда.
- 1934 — помощник инструктора в том же училище.
- 1935 — учащийся вечернего рабфака.
- 1937 — студент механического факультета Ленинградского текстильного института.
- 1939 — студент факультета «Боеприпасы» Ленинградского военно-механического института.
- 1941 — студент-практикант в должности старшего контрольного мастера на заводе № 77 НКБ, в октябре командирован на 1-ю табачную фабрику им. М. С. Урицкого для организации технического контроля специального производства, там же.
- 1942 — старший мастер военного завода № 10 НКБ, г. Молотов (ныне г. Пермь).
- 1944 — по окончании Ленинградского военно-механического института начальник технологического бюро одного из цехов, там же.
- 1948 — руководитель специального конструкторского бюро по разработке моторов для садово-огородных тракторов, там же.
- 1949 — инженер-технолог, затем старший инженер-технолог, заместитель начальника отдела технического контроля, начальник цеха сборки центральных частей изделий в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — директор завода № 1 НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 — заместитель начальника объекта по общим вопросам, там же.

- 1959 — заместитель начальника технологического сектора, там же.
1961 — заместитель главного инженера института — начальник
технического отдела, в этом же году вновь заместитель
начальника технологического сектора, там же.
1984 — пенсионер.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями:
«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,
«30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
с надписью «Участнику трудового фронта», «За доблестный труд.
В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970),
«Ветеран труда».

Начало нового века. Россия переживает последствия разрушительных реформ 90-х годов XX столетия. С ними ушли в небытие небольшие города, поселки, некоторые зажиточные деревни, хутора, заимки. И кто знает, жива ли сегодня деревня Высочка на Вологодщине? Вряд ли. Сколько вокруг разрушено домов, поселений, где веками до перестройки люди разводили скот, сеяли рожь, пшеницу. В начале того века жили в Высочке большими семьями. У Флегонта Андреевича Чистякова и его жены Ольги Дмитриевны, к примеру, было девять детей.

Только выросли те ребяташки и покинули родительский дом, улицу, где летом бегали босиком по траве-мураве. Разлетелись кто куда. В деревне никто из них не остался. Уехал и сын Петр. Так началась его самостоятельная жизнь. А родился он летом 21 августа 1917 года перед самой революцией. В семье уже подросло шестеро малышей, старшие нянчили младших. Чистяковы не бедствовали. Крестьянское хозяйство Флегонта Андреевича числилось в середняках. Родители с утра заняты по хозяйству, дети в школе. Семилетку Петр закончил в Вологде.

В те времена, когда многие вместо росписи ставили крестик по неграмотности, подросток с неполным средним образованием считался человеком в меру образованным, его охотно брали на работу. Но Петр в 1932 году поступил в фабрично-заводское училище при Вологодском паровозоремонтном заводе и освоил профессию помощника машиниста. Ему предложили остаться в училище помощником инструктора, и Петр согласился. Возможно, эта работа и подтолкнула его учиться дальше. В 1935 году юноша поступил на вечерний рабфак, а в 1937 году стал студентом механического факультета Ленинградского текстильного института. Учился старательно и успешно, может быть, поэтому в 1939 году по специальному набору его зачислили в Военно-механический институт на факультет «Боеприпасы». Июнь 1941-го застает Петра в Ленинграде на производственной практике, где в качестве старшего контрольного мастера он

работает на заводе № 77 Народного комиссариата боеприпасов (НКБ). Вот так для Петра началась Великая Отечественная война, а затем и блокада Ленинграда.

И поскольку Чистяков уже имел производственный опыт, в октябре его командировали на 1-ю табачную фабрику им. М. С. Урицкого для организации технического контроля специального производства. К этому времени часть заводов из Ленинграда были эвакуированы в города российской глубинки, остальные переводились на «военные рельсы». И на табачной фабрике вместо папирос и фасованного табака в условиях голода, холода, под бомбежками вблизи линии фронта стали выпускать снаряды. Петр с ребятами-студентами дружили с военными моряками. И каждый раз при встрече моряки старались подкормить парнишек с завода, хитрость которых не могла не вызвать жалости: в чем только душа держалась!.. Но молодость есть молодость, и, несмотря ни на что, Петр с друзьями не теряли оптимизма и верили в Победу.

В феврале 1942 года его вызвали в деканат и дали направление, подписанное в военкомате. Студентов-преддипломников было решено эвакуировать на Урал в город Молотов (ныне Пермь), где параллельно с учебой им предстояло работать на военных заводах. Когда эвакуированных вывезли за блокадное кольцо, Петра уже ждал Флегонт Андреевич, приехавший за сыном на лошади.

Дома в деревне родители травами, баней быстро поставили парня на ноги. До Молотова добрался с трудом, так как все эшелоны — платформы с военной техникой, солдатские теплушки, санитарные поезда — шли на запад. И вот он в большом уральском городе на Каме-реке, с дымящими трубами заводов и пароходов, с невысокими домами, двумя вокзалами и речным портом. Здесь на заводе № 10 НКБ П. Чистяков приступил к выполнению обязанностей мастера, затем перешел в технологическую службу, возглавил технологическое бюро. В 1944 году он на «отлично» защитил диплом инженера-механика по специальности «боеприпасы». Ленинградский военно-механический институт был окончен.

В это время на личном фронте у Петра Чистякова случились значительные перемены. Как-то в кинотеатре заметил он стройную высокую девушку с царственной осанкой, копной пышных красивых волос. Познакомились. Лиза оказалась студенткой стоматологического института (впоследствии факультет медицинского), в Молотов на учебу приехала из Кировской области в том же 1942 году. Стали дружить. Девушка оказалась строгих правил. Поженились, когда закончилась война — в 1945-м. И только после того, как Елизавета получила диплом врача-стоматолога, у них родился первенец Василий. Это событие было настолько значимым для Петра, таким долгожданным, что он настоял на том, чтобы жена оставила работу ради маленького сына. С яслями и детскими садами было туго, Петр с утра до ночи на работе. После войны их завод перешел в подчинение Министерства сельскохозяйственного машиностроения. В мае 1948 года Чистяков Петр Флегонтович был назначен руководителем вновь созданного специального конструкторского бюро по разработке моторов для садово-огородных тракторов, а затем руководил группой испытаний выпускаемой продукции.

Летом 1949 года на работе особых перемен не предвиделось, в семье же Чистяковы ожидали пополнения. Неожиданно их устоявшаяся жизнь круто изменилась. Петра Флегонтовича вызвали в обком партии и вручили путевку на работу на секретный объект — КБ-11. Жилье предложили сразу — для начала финский домик без удобств. И в июле П. Ф. Чистяков приступил к своим обязанностям на новом месте. А в августе у них с Елизаветой Дмитриевной родилась дочь Татьяна.

В Сарове или, как до сих пор старожилы называют свой город, Приволжске Петр Флегонтович сначала работал на 1-м заводе инженером-технологом производственно-технологического отдела, затем старшим инженером-технологом, заместителем начальника отдела технического контроля, после чего возглавил цех сборки центральных частей.

У Чистяковых появилась новая небольшая квартира в двухэтажном доме с водопроводом и паровым отоплением, хотя без ванны. Зато не надо было ведрами издалека носить воду и топить печь, как раньше, обогревая тонкостенный щитовой дом, в котором зимой под утро в кружке замерзала вода и маленькую Танечку упаковывали на ночь в теплую шаль и пуховое одеяло. У мужа хорошая зарплата, с продуктами в магазинах проблем нет, Елизавета Дмитриевна занимается воспитанием детей, как, впрочем, большинство замужних женщин в ту пору.

Наступила весна 1955 года. В институте поговаривали о создании нового аналогичного исследовательского центра на Урале. Однако Петра Флегонтовича больше интересовали проблемы местного значения. К этому времени за участие в выполнении одного из правительственных заданий П. Ф. Чистякова наградили орденом Трудового Красного Знамени. Ситуации на работе возникали разные: от курьезных до весьма проблематичных. Как раз весной 1955 года сложилась неприятная ситуация со сборкой полусфер. После обработки их повело, и в «Сороковке» (ныне г. Озёрск) соединить детали в единое целое не смогли. Срывались сроки сборки изделий. Из-за этих неприятностей ряд руководителей могли потерять занимаемые должности. Петр Флегонтович высказал предложение, каким образом можно исправить дефект и уложиться в заданные сроки. Предложение было принято, и П. Чистяков с одним из лучших слесарей завода специальным вагоном срочно выехали на Урал. Здесь их совместная работа закончилась положительным результатом. Незадолго до Первомайских праздников они вернулись домой, где неожиданно для себя Петр Флегонтович узнал о своем назначении на Урал директором 1-го завода, существующего пока только на бумаге. Чуть раньше этого назначения Чистякова приглашали на работу в Москву. Петр Флегонтович согласия не дал. На этот раз посоветовались с Елизаветой Дмитриевной, подумали и решили ехать. Отказались от новой трехкомнатной благоустроенной квартиры, которую так ждали и которую выделили Чистяковым перед самым отъездом, собрали чемоданы и 7 июля 1956 года эшеленом прибыли на маленькую станцию Лесная возле города Касли.

Вот как обо всём этом вспоминал сам Петр Флегонтович: «...15 марта 1955 года решением Совета Министров меня назначили директором завода на вновь создающемся на Урале предприятии. Мне тогда было 37 лет.

Временной базой размещения стал поселок Сунгуль, или 21-я площадка. Директором предприятия был назначен Васильев Дмитрий Ефимович.

Особенно запомнился первый приезд, в который меня пригласил Дмитрий Ефимович. Поездка состоялась в апреле 1955 года. В ней приняли участие: Н. И. Павлов — начальник главка министерства, Д. Е. Васильев, К. А. Каргин — заместитель директора по строительству и другие.

За этот период нами были осмотрены места под строительство города и производственных площадок. Основное внимание мы уделили составлению плана строительства первой очереди города и производственных площадок строительной организацией предприятия Челябинск-40.

По заводу № 1 было принято решение строить в первую очередь корпус 101 и «литейку» — цех 153. В корпусе 101 поначалу должны были разместиться на время службы первой очереди цехов 101, 103, 104, 105, 151. А бытовки здания 101 пока предназначались для заводоуправления.

До июля 1956 года на основном предприятии в Арзамасе-16 я со своими помощниками занимался отбором и комплектованием будущих кадров завода.

1 июля 1956 года мы выехали специальным поездом на Урал с первой группой сотрудников завода № 1 и завода № 2 во главе с директором этого завода Н. А. Смирновым. Среди сотрудников первого завода были супруги Соколовы, Г. А. Видинеев, Г. П. Ситников, В. И. Пестов, Ю. А. Лебедев и многие другие.

7 июля 1956 года мы прибыли на станцию Лесная. Вокруг лес, птицы щебечут. Дети землянику собирают. Природа как в сказке! До поселка доехали быстро. Нас разместили в двух новых домах. Квартирой остались довольны. Сам поселок утопал в зелени, рядом магазин, почта, клуб, столовая и... лес. Мы с женой очень любили собирать грибы. Собирали, как правило, после работы возле дома. Особую прелесть 21-й площадке придавали озера Сунгуль и Силач. Здесь мы прожили до мая 1958 года.

Руководство предприятия выделило здание казармы для размещения приборного цеха 106. Первым начальником цеха стал А. А. Соколов. Для пуска завода мною совместно с начальником отдела кадров С. В. Клоковым были отобраны 50 молодых специалистов, оканчивающих институты в 1956–1957 годах. Из-за отсутствия производственных площадей было принято решение направить их на работу мастерами, технологами на предприятия Свердловска и Челябинска. Это позволило молодым специалистам получить производственный опыт и закрепить знания, полученные в институте. Большинство из них в дальнейшем стали руководящими кадрами завода и института. Это — В. И. Волков, Ю. И. Любченко, И. М. Зерчанинов, И. А. Валиков, Б. И. Беляев, В. Л. Шубин, А. Р. Антропов, Е. Г. Вахрушев, В. И. Войкин, И. Н. Воротынцев, Г. А. Елисеев и многие другие. Огромная работа была проделана по размещению и монтажу оборудования

в здании 101. В 1958 году завод уже работал и выдавал опытные образцы новой техники. В 1959 году я был направлен на организацию технологического сектора № 11 и эстафету передал Соколову Александру Аркадьевичу — новому директору завода».

Поручение организовать технологический сектор Петр Флегонтович Чистяков получил в июне 1959 года на первой партийно-технической конференции предприятия в зале кинотеатра «Космос».

Первый начальник 5-го Главного управления Минсредмаша Николай Иванович Павлов сказал буквально следующее: «Петр Флегонтович, вам поручается заняться организацией технологического сектора. Вы уж постарайтесь. Там будет много работы».

С первых же дней июня 1959 года Петр Флегонтович активнейшим образом включился в работу по созданию материальной базы сектора и подбору первых сотрудников. «Штаб» по созданию сектора располагался в комнате 120 (площадь 18 кв. м) здания 122 (фюзеляж первого этажа). Буквально за полгода благодаря личным усилиям П. Ф. Чистякова с помощью ОКСа НИИ-1011 и института «Ленгипрострой» проект здания 157 площадки 9 был перепрофилирован под предполагаемые лаборатории сектора. Здание из 3-этажного стало 2-этажным, но длиннее на 12 метров. Вместо 3-го этажа на чердаке здания было расположено восемь вентиляционных вытяжных систем. Всю эту хлопотную работу от сектора П. Ф. Чистяков выполнял один, поскольку второй действующий сотрудник (Д. И. Шестаков) появился только в феврале 1960 года.

В то время закладывался фундамент здания 157, которое было построено за один год. В начале апреля 1961 года в здание уже въезжали сотрудники сектора 11.

Вот такие в те годы были темпы строительства, вот таким образом претворялась в жизнь плодотворная идея создания второго российского ядерного центра, как тогда говорили, — «нового объекта».

Весь 1960 год у П. Ф. Чистякова и его помощников ушел на уточнение состава будущих лабораторий сектора, заказ и приобретение оборудования и приборов, решение многочисленных вопросов по строительству «дома» для сектора — здания 157, которое и по сей день верно служит ему. Одновременно решались и непростые кадровые вопросы. К концу 1960 года в составе сектора было 12 человек. Это — П. Ф. Чистяков, Д. И. Шестаков, Т. П. Тимофеева, Т. М. Иванюк, А. Ф. Марков, В. В. Савицкий, Л. Д. Романова, Н. В. Трапезникова, А. В. Крылов, М. П. Коростелева, Л. С. Павлова, Ю. Д. Смирнов.

В январе—феврале 1961 года в сектор пришла большая группа сотрудников (примерно, 40 человек) из сектора 6, с завода № 1, молодые специалисты. Тогда же пришел Ф. К. Якубов — первый начальник сектора.

Всего к концу 1961 года в составе сектора 11 было уже 70 сотрудников.

Успешному решению всех задач по созданию сектора в полной мере способствовали организаторские способности и предыдущий инженерный и жизненный опыт Петра Флегонтовича Чистякова.

Чистяков Петр Флегонтович

Постоянную помощь в создании сектора оказывали главный инженер предприятия В. В. Дубицкий, директор Д. Е. Васильев, вновь назначенный главный конструктор первого направления работ Б. Н. Леденёв и многие другие. К идее создания технологического сектора творчески отнеслись многие руководители и сотрудники предприятия и помогли делом и добрым словом. Особую и полезную роль в судьбе сектора сыграл Б. Н. Леденёв, который был лично знаком с П. Ф. Чистяковым по прежней работе в г. Перми. В 1960 году Борис Николаевич часто бывал в секторе. С его помощью было написано первое положение о секторе, и благодаря его участию сектор первые полтора года своей жизни находился в составе КБ-1, что самым положительным образом сказалось на дальнейшей творческой судьбе сектора.

И в этом была огромная заслуга перед сектором и предприятием П. Ф. Чистякова.

Научный коллектив — не простое дело, но Петр Флегонтович нашел свое достойное место в коллективе сектора 11 и в течение 25 лет (с 1959 по 1984 год) оставался заместителем начальника сектора. Это был добрый и отзывчивый на чужую беду и радость руководитель. Люди относились к нему с уважением.

Он страстно «болел» за советский футбол. Его любимой командой был «Спартак». Радовался ее успехам и огорчался, когда команда проигрывала. В этих случаях он говорил: «Знамена приспущены». Активно участвовал во всех мероприятиях коллектива сектора. В возрасте 67 лет Петр Флегонтович ушел на пенсию. Сотрудники регулярно посещали его дом, а по праздникам всегда ему звонили и поздравляли.

Трудовой путь Петра Флегонтовича не всегда был усыпан розами. Посудите сами, как можно было срывать с «насиженных» мест людей на пустое, где ни квартиры, ни рабочего места, ничего нет — всё только на бумаге. Бывало, руки опускались: специалистов нет, а работу требуют. Петр Флегонтович обманывать людей не умел, тем более обещать то, чего нет. И всё-таки его большая заслуга — в подборе первых кадров, и неплохих кадров. Бесспорно, быть первопроходцем непросто, потому труд Петра Флегонтовича отмечен правительственными наградами. Он принимал участие в изготовлении первой водородной бомбы, в решении многих сложных производственных задач, о которых не всегда и не везде можно говорить. Вместе с этим он был прекрасным семьянином, любящим мужем и заботливым отцом и дедом троих внуков.

Петр Флегонтович любил природу Урала. С женой Елизаветой Дмитриевной они часто путешествовали, навещали сестер Петра Флегонтовича, о чем свидетельствуют семейные фотографии. Есть в семейном альбоме и другие фото: именитых ученых, с которыми Петру Флегонтовичу довелось работать и дружить.

662

Добрые дружеские отношения связывали Петра Флегонтовича с Александром Васильевичем Бородулиным. Оба большие любители русской бани, они где-то в конце 1970-х начале 1980-х годов регулярно ездили в баню жилпоселка. Эти два мудрых достаточно пожилых человека приезжали туда каждую неделю то на ма-

шине Чистякова, то на бородулинской, соответственно и за рулем сидели по очереди. Ходили они только в общее отделение, не признавая никаких люксов, любили попариться, пива попить, как водится, посидеть, поговорить. В такой простой житейской обстановке стирались границы, разделяющие сотрудников института на руководителей и подчиненных, общение становилось доверительным, неприкрытым. Умел Чистяков дружить с большими людьми нашего института, но и к рядовым сотрудникам относился с уважением и вниманием.

Он прожил долгую, интересную жизнь. Благодаря своему богатому инженерному и жизненному опыту, благодаря своей творческой интуиции и прекрасным человеческим качествам, он умел правильно решать все возникающие проблемы.

З. М. Семёнова, Д. И. Шестаков

Из воспоминаний

Первая моя встреча с Петром Флегонтовичем Чистяковым, первым директором завода № 1, состоялась в конце августа 1958 года, когда мы, трое выпускников Горьковского политехнического института — В. А. Калабанов, А. С. Голубцов и я, вошли в его кабинет, располагавшийся на втором этаже здания 101 на 9-й площадке. Здание недавно было сдано в эксплуатацию, и в нём располагалось сразу несколько цехов, в том числе и цех 105.

Доброжелательно расспросив нас, как мы устроились, что заканчивали, Петр Флегонтович окликнул проходившего мимо открытой двери кабинета начальника цеха 105 Пушкарева Рудольфа Евгеньевича и передал нас ему, что называется, из рук в руки, определив всех троих в его цех. Я стал технологом цеха, Калабанов — мастером планово-распределительного бюро, а Голубцов — мастером участка.

Те годы: конец 1950-х и начало 1960-х — были нелегкими, но очень продуктивными. Большое количество изделий готовилось к испытаниям. Наш молодой институт как будто сдавал экзамен на самостоятельность, доказывал способность создать достойную конкуренцию своему родителю — КБ-11. Так что задачи, стоявшие перед заводчанами, были сложнейшими, а нагрузка у директора завода — огромной. Завод, по сути дела, еще только создавался: строилось здание 102, накануне сдачи были здания 151 и 106, закладывались фундаменты зданий 103 и 156. Необходимо было комплектовать цеха и заводские службы кадрами, оснащать оборудованием, новой техникой, технологиями. В этих условиях потребовались организаторские способности П. Ф. Чистякова.

Когда в институте назрела необходимость в создании специального технологического сектора, который бы адаптировал имеющиеся и новые технологии для заводского производства, Петр Флегонтович стал одним из организаторов этого

Чистяков Петр Флегонтович

сектора. Он курировал строительство здания для технологического сектора и оснащение его необходимым оборудованием.

В должности заместителя главного инженера он занимался вопросами новой техники в масштабах института, к тому же большое внимание приходилось уделять обеспечению оборудованием и новой техникой подшефного совхоза «Береговой». Накопленный опыт, знание организации производства, его потребностей позволили П. Ф. Чистякову успешно справляться с многочисленными заботами.

Немалой заслугой Петра Флегонтовича, назначенного заместителем начальника технологического сектора, явилось создание станции высокого давления, сыгравшей огромную роль в организации испытаний изделий, в том числе применяемых в мирных целях. Аналогов этой станции в Росатоме до сих пор нет, а по уровню достигнутого испытательного давления в 10 000 атмосфер в условиях промышленного производства — нет и в России.

При работе с такими уровнями давления, таящими серьезную опасность, случались и нештатные ситуации, в которых Петр Флегонтович занимал принципиальную позицию. Вспоминается такой случай. В только что отремонтированном здании одной из площадок проводилось испытание крупногабаритного сферического узла, предназначенного для отправки на промышленное использование. Неожиданно в процессе испытаний произошло разрушение этого узла, взрывом сорвало крышу здания, осколки узла, силовой крышки контейнера полетели на 50–70 метров в сторону комиссии, принимавшей испытание...

Случай расследовала специальная комиссия, но благодаря позиции Петра Флегонтовича: «На то и испытания, при которых всё может быть...» — никто из сотрудников не пострадал. А результаты этого испытания легли в основу расчета толщины стенки бетонных испытательных камер здания станции высокого давления на площадке 20.

Последующий анализ случившегося дал результаты, ставшие очень полезными при проведении подобных опытов в дальнейшем, и не только у нас в институте.

Петр Флегонтович прошел большой и тернистый жизненный путь. При этом, вне зависимости от занимаемых должностей, он оставался очень человечным, доброжелательным. С ним можно было запросто поговорить на любые житейские темы. Он постоянно опирался на специалистов, прислушивался к их мнению, советам. Уважение, с которым к нему относились секторяне, работники завода, предприятия, вполне заслуженно, поэтому имя Петра Флегонтовича Чистякова — первого директора завода № 1 — должно по праву войти в историю нашего института».

В. П. Буланов

Шоврин Юрий Иванович

02.08.1931–11.12.1997

Специалист в области сборки ядерных зарядов, организатор производства.
Член КПСС с 1964 г.

- 1948 — учащийся Горьковского авиационного техникума.
- 1949 — учащийся Дзержинского химико-технологического техникума по специальности «химическая технология».
- 1952 — мастер сборочного производства в КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — исполняющий обязанности сменного инженера, затем старший мастер, начальник участка завода № 2 в НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — начальник цеха 202, там же.
- 1987 — инженер-технолог цеха 200, затем руководитель бюро технической документации отдела главного технолога завода, инженер по подготовке производства планово-диспетчерского отдела завода, там же.
- 1992 — пенсионер.

Награжден орденом Ленина (1966); медалями: «За трудовое отличие» (1956), «За трудовую доблесть» (1961), «Ветеран труда» (1983).
Заслуженный ветеран г. Снежинска (1982).

Родился Юрий Иванович 2 августа 1931 года в селе Гари Ватского района Яблонского сельсовета Нижегородской области в семье рабочих. После окончания средней школы в 1948 году поступил в Горьковский авиационный техникум, а в сентябре 1949-го перевелся в Дзержинский химический имени Красной

Шоврин Юрий Иванович

Армии техникум Министерства сельхозмашиностроения СССР, который окончил в 1952 году, получив специальность техника-технолога. По окончании техникума был направлен на работу мастером в сборочный цех по изготовлению зарядов в КБ-11 (г. Арзамас-16).

В 1955 году в связи с организацией НИИ-1011 Ю. И. Шоврин зачислен на завод № 2 на должность исполняющего обязанности сменного инженера. В это время на территории КБ-11 работниками нового института производилась отработка конструкции зарядов. За разработку одного из зарядов в 1956 году Юрий Иванович был награжден медалью «За трудовое отличие».

В апреле 1958 года из Арзамаса-16 на новое место работы, на Урал, первым эшеленом прибыла основная масса сотрудников завода № 2. С ними был и Юрий Иванович Шоврин.

В это время на площадке 10 строители готовили к сдаче в эксплуатацию первую очередь производственных зданий, среди них здание 207 для цеха 202, а руководители цехов начали работу по комплектованию рабочих кадров. В июле одной из первых на завод была принята группа выпускников Свердловского технического училища. Надо отдать должное интуиции (уже в то время!) Юрия Ивановича как руководителя: из тридцати человек для работы в цехе он отобрал пятерых, которые стали основной силой цеха, квалифицированными, трудолюбивыми, добросовестными специалистами.

В начале августа 1958 года специальным эшеленом прибыло подкрепление с родственного предприятия: сборщики, оклейщики, работники ОТК. Это были специалисты высокой квалификации, ранее отобранные для организации работы на новом месте и зачисленные в состав цеха, люди с активной жизненной позицией, честные труженики, веселые и добрые.

Так «старички» и «молодежь» составили основной костяк коллектива цеха, который приступил к завершению строительства промышленного здания. Работали строителями, монтажниками, лесорубами, грузчиками. Все хотели как можно быстрее окунуться в производственный процесс, поэтому строительство здания 207, благоустройство прилегающей территории шли в высоком темпе.

Здесь проявились незаурядные организаторские способности Юрия Ивановича. Он с неутомимой фантазией и настойчивостью, чтобы избежать расхолаживающих простоев, искал и всегда находил работу. Началась заготовка метел, дерна на обваловку здания, строительство волейбольной площадки возле цеха, городошной площадки у здания заводоуправления, строительство сарая для хозяйственного инвентаря. Появились кусты рябины, боярышника, клена, посаженные руками рабочих.

666 Шовринский девиз «На работе работать без простоев!» выполнялся неукоснительно. Юрий Иванович сумел объединить людей общей целью, создать дружный коллектив, способный выполнять срочные и важные дела.

Одно время на заводе не было столовой, и молодежь питалась кое-как, бутербродами. Видя это, Юрий Иванович предложил ребятам закупать продукты,

привозить их в цех, а Антонину Ивановну Шульгину попросил заняться приготовлением обедов. Так была решена проблема питания на работе.

Но вот строительство здания было закончено, государственная комиссия приняла в эксплуатацию здание 207. В спешном порядке завозилось оборудование, приспособления, стеллажи, мебель, материалы. В конце августа 1958 года цех приступил к сборке первых изделий. Это были заряды из сборочных единиц, поступающих со стороны, в основном, из Арзамаса-16, так как не все производственные мощности завода были пущены. Молодежь к самостоятельной работе пока не допускалась и была на подхвате у старших. И вот собрано первое изделие! Юрий Иванович, вспоминая это событие, отметил: «Когда вышло из цеха первое изделие, на лицах молодых парней и девчат появились радостные улыбки, ведь в изготовление изделия был вложен и их труд».

Так началась трудовая биография цеха 202.

С вводом в строй производственных мощностей завода заработал цех 201, который стал изготавливать детали для зарядов институтской разработки, отличавшихся от конструкций, разрабатываемых КБ-11.

Объем работы в цехе резко возрос. Совершенствовалась конструкция зарядов, шло оснащение цеха новыми необходимыми приспособлениями. Большого внимания требовали вопросы организационного характера как в системе учета и хранения деталей, узлов, готовых изделий, так и в системе контроля за соблюдением правил безопасности. Всё это не могло не заботить Юрия Ивановича. К этому времени на заводе заканчивалось строительство здания 216. Оно было просторным, высоким, светлым. После приемки в апреле 1960 года в него перебазировался сборочный цех.

В октябре этого года Юрия Ивановича назначили начальником цеха.

Начался период интенсивной производственной деятельности. Номенклатура выпускаемых изделий резко увеличилась. Конструкция изделий становилась более сложной, появились дополнительные операции по проверкам электрических параметров изделий, по проверке газовых систем. Значительный объем занимали работы по переборке изделий после разного рода испытаний. Это потребовало внедрения в производство нового оборудования, комплектования цеха новыми людьми, обучения работников.

Рабочих цеха отличало творческое отношение к своему делу. От них поступало немало предложений по усовершенствованию технологий. Коллектив цеха был молодой, горел желанием трудиться и работал, не считаясь со временем. Люди иногда сутками не выходили из цеха, выполняя срочные важные задания. Деловой настрой передавался коллективу от начальника цеха Ю. И. Шоврина.

Это не осталось незамеченным. 25 октября 1961 года коллективу цеха, одному из первых на заводе, было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда», а начальник цеха за успешное выполнение специального задания правительства получил медаль «За трудовую доблесть». В 1966 году Юрий Иванович был награжден орденом Ленина.

Шоврин Юрий Иванович

Коллектив цеха стал одним из лучших на заводе, многие считали за честь оказаться в нём. В народе цех называли «шовринским», «цехом Шоврина».

С увеличением объема работ и ростом номенклатуры собираемых изделий цеху снова стало не хватать производственных площадей, поэтому руководство института приняло решение о передаче цеху 202 здания 220.

В 1974 году цех без остановки производства перебазировался в здание 220. Задача эта требовала от всего коллектива высокой организованности и большой хозяйственной сметки. Душой и инициатором в этот трудный и ответственный период стал начальник цеха Юрий Иванович Шоврин. Значительная площадь здания позволила организовать отдельные участки для проведения работ. Рабочие места были оснащены современным оборудованием, что значительно улучшило условия работы. Появились просторные помещения для технологов, ОТК, руководства цеха, гардеробные для женщин и мужчин, актовый зал.

В 1979 году за проведенную работу цеху было присвоено звание «Подразделение образцовое по научной организации труда и управлению производством», а затем звание «Подразделение образцового противопожарного состояния». Многие работники цеха получали правительственные награды.

За производственные успехи Юрий Иванович был награжден знаками «Победитель социалистического соревнования» (1973, 1974, 1978), «Отличник социалистического соревнования Министерства», «Отличник социалистического соревнования XI пятилетки», ему было присвоено звание «Ветеран труда ВНИИП», «Заслуженный ветеран города», он неоднократно заносился на Доску почета завода и института.

Неугомонный характер и активная жизненная позиция Юрия Ивановича проявлялись и вне производственной деятельности. В молодые годы он активно занимался спортом: играл в футбол, любил легкую атлетику, городки, но сердцу ближе были лыжи. Выступая за команды цеха, завода, Ю. И. Шоврин занимал призовые места в лыжных эстафетах, соревнованиях по легкой атлетике. Он был активным организатором спортивных мероприятий, прививал любовь к спорту молодежи завода. Сам Юрий Иванович, один из немногих в то время, на работу ездил на велосипеде. Под его началом около цеха была построена волейбольная площадка. Не без его участия была скомплектована команда завода по городкам. На берегу озера, на построенной у входа в парк городошной площадке, длительное время проходили острые баталии по городкам, особенно между заводом № 2 и заводом № 1.

Но особенной страстью Юрия Ивановича стал хоккей с шайбой. С 1959 года в городе это был спорт № 1, поэтому на заводе появилась сильная хоккейная команда «Зенит», которая на долгие годы стала лучшей в городе. В комплектовании команды, обеспечении ее формой (одно время форма шилась в цехе) и всем необходимым непосредственно участвовал Шоврин. Немало хоккеистов и футболистов работало в цехе. И кадры в свой цех Ю. И. Шоврин подбирал преимущест-

венно из спортивной молодежи. В цехе работали мастер спорта по штанге, мастер спорта по городкам, туристы, альпинисты.

Не отставал цех и в культурных мероприятиях. Конкурсы, «Веселые старты», поездки на заводскую базу отдыха «Озерки», зимние вылазки в лес на лыжах, даже поездки на уборочную в совхоз «Береговой» с горячими завтраками и обедами в поле — во всём чувствовалась рука Юрия Ивановича.

Любил он рыбалку, охоту, поездки за грибами, позже увлекся садоводством.

Под стать Юрию Ивановичу была его жена Людмила Николаевна — с таким же неугомонным характером. Она всегда была его единомышленником, помощницей, а детям — заботливой матерью. Шоврины воспитали двух сыновей — Михаила и Константина.

Тяжелая болезнь не позволила Юрию Ивановичу оставаться на должности начальника цеха. В 1987 году он был переведен в заводоуправление, где работал инженером-технологом, потом руководителем бюро технической документации, инженером по подготовке производства планово-диспетчерского отдела завода.

В 1992 году Юрий Иванович уволился с завода в связи с уходом на пенсию. Находясь на пенсии, перенес тяжелую операцию, но старался сохранять бодрость духа. Огромную помощь и поддержку в этом ему оказывала Людмила Николаевна.

Умер Юрий Иванович 11 декабря 1997 года. В коллективе цеха часто вспоминают Юрия Ивановича как жизнерадостного, беспокойного, заботливого, хозяйственного руководителя.

В. С. Жуйков

Из воспоминаний

Я пришел на завод в 1971 году, а в цех 202 попал так. Юрий Иванович имел обыкновение знакомиться с личными делами поступающих на работу. Узнав из моего личного дела, что я кандидат в мастера по городошному спорту, сразу сказал: «Этого давайте нам».

Коллектив цеха оказался очень дружным, сплоченным. Конечно, это была заслуга Юрия Ивановича. Доброжелательный, активный, отличный организатор, он не просто увлекал всех каким-либо делом. Он создал коллектив, для которого любое дело было общим, важным, и в каждом деле главное — успех, победа. Он любил побеждать и любил победителей.

Безусловно, на первом месте была работа. За работу Юрий Иванович болел душой. Он ценил рабочего человека, берег, защищал, отстаивал его интересы. Первый спрос у него был всегда с мастера. Мог и пошуметь, но всегда справедливо.

К молодежи у него было особое отношение — заботливое. Он был внимателен к каждому — поговорит, расспросит о делах житейских; если надо, даст совет, поможет. У меня тогда не было ни семьи, ни жилья. Пришло время, и благодаря

Шоврин Юрий Иванович

Юрию Ивановичу у меня появилась квартира. Когда умер мой отец, первый, к кому я пришел со своим горем, был Юрий Иванович. Я думаю, многие помнят его отзывчивость, участливость, сердечность.

Был Юрий Иванович большим приверженцем спорта. Рассуждал, примерно, так: кто занимается спортом, тот не болеет, а кто не болеет, тот хорошо и работает. С его легкой руки в цехе были футболисты, хоккеисты, баскетболисты, городошники, лыжники, штангисты. На соревнованиях наши цеховые спортсмены, команды всегда были в числе первых. Да и могло ли быть иначе, когда Шоврин — главный вдохновитель — не только настраивал всех на победу, но и по возможности создавал все условия для тренировок, для участия в соревнованиях. Он и сам был неплохим футболистом и лыжником, а уж болельщик — профессиональный, азартный.

О таких, как Юрий Иванович, говорят: человек кристальной души. Простой и веселый, он мог и в домино с рабочими постучать, и разговор про житье-бытье поддержать. За праздничным столом, с картошечкой, капусткой и огурчиком, любил затянуть «Рябину кудрявую», а потом лихо закружить вальс. Как начальника его не боялись, но уважали и старались не подводить. Потому и неприятности по работе в цехе случались очень редко. Цех всегда был на хорошем счету, а значит, и перед руководством института был у Юрия Ивановича авторитет.

До сих пор мы с женой храним хрустальную вазу, что подарил нам на свадьбу Юрий Иванович, мой второй отец, таковым я его считаю.

Н. И. Панасюк

Юрий Иванович Шоврин был очень энергичным и по-хорошему честолюбивым человеком. Он всё делал для того, чтобы его цех 202 был впереди по всем показателям в производстве, спорте — во всех общественно полезных делах. Под его руководством цех всегда перевыполнял план, а спортсмены, как теперь кажется, занимали только первые места. Даже художественная самодеятельность, в которой Юрий Иванович особой активности не проявлял, процветала. И всё потому, что сумел он создать в цехе такой настрой, когда весь коллектив в любом деле стремился добиться успеха — быть первыми! Дружный, сплоченный был коллектив. До сих пор вспоминаем лыжные походы с кострами, с блинами, которые заранее в изобилии пекли дома и, укутав, чтоб не остыли, на санках привозили к месту отдыха. А как работали на уборке урожая!.. С песнями, с шутками. И всё это было заслугой Шоврина. Был он замечательным организатором, умело подбирал кадры, потому и дело спорилось, и жили весело...

670

А. Н. Климова

Юрий Иванович Шоврин — человек, создавший в отдельно взятом цехе завода № 2 атмосферу, в которой царили доброжелательность, взаимопонимание,

взаимоуважение. Период его руководства цехом стал для коллектива маленьким «золотым веком». На работу приятно было ходить. Не было вражды, зависти. Люди относились друг к другу с пониманием, были готовы помочь в любой ситуации.

Юрий Иванович был небольшого роста, но, как говорят, крепко скроен. Спокойный, уверенный, надежный. Он был настоящим патриотом страны, завода, цеха. Очень любил свой цех и людей в нём. В работу уходил с головой, был строг и требователен в первую очередь к себе. Распоряжения отдавал четко и ясно. Он создал потрясающий коллектив, как единый механизм, единую семью, коллектив, который понимал своего начальника с полуслова. Люди старались работать так, чтобы не подвести своего руководителя. И Юрий Иванович был уверен в каждом из своих рабочих.

Несмотря на кажущуюся суровость, к людям Юрий Иванович относился добросердечно. К нему можно было всегда обратиться за помощью или советом. Он всем старался помочь, даже если для этого нужно было ходатайствовать перед руководством завода.

Работы было много, а графики сжаты до предела, приходилось работать, не считаясь со временем и усталостью. Юрий Иванович понимал это и старался создать условия для отдыха. Он поддерживал все культурные и спортивные мероприятия, в которых нередко принимал участие и сам, а уж болельщик был самый лучший.

Строгий, серьезный в производственных делах, Юрий Иванович на отдыхе становился совсем другим человеком: романтиком, балагуром. Заражал всех своим энтузиазмом, подбадривал, поднимал настроение. Поэтому наш коллектив и был всегда в числе призеров. Шоврин этим очень гордился.

Я пришла на завод № 2 дозиметристом, а так как основным объектом для меня как специалиста был цех, то и мое рабочее место находилось там же. Наслушавшись не очень лестных отзывов об отношении к дозиметрии со стороны руководства завода и цеха, я немного побаивалась. Думала, что если уж мужчины, мои предшественники, не могли там сработать, то что делать мне — женщине? Но во время первой же беседы с Юрием Ивановичем мы достигли полного взаимопонимания. Шоврин дал слово, что будет выполнять все мои рекомендации, и всегда держал его. Бывало, даже вступал в жаркие баталии с теми, кто считал мои требования по дозиметрии излишними, таким образом поддерживая меня и мою репутацию. Случались в работе неожиданные ситуации, когда казалось, что выхода нет, но Юрию Ивановичу всегда удавалось найти компромиссное решение проблемы.

Вот таким мне и запомнился начальник цеха 202 завода № 2 Юрий Иванович Шоврин: с виду — монолитная твердость, а душой — сама сердечность. В его жизни не было мелочей, всё было важно: работа, отдых, люди и сама жизнь.

Р. Н. Комарова

Шумаев Михаил Петрович

22.04.1924—05.02.1995

Физик-теоретик, разработчик ядерного оружия, кандидат физико-математических наук (1961), доктор физико-математических наук (1968); лауреат Сталинской (1953) и Ленинской (1958) премий, Герой Социалистического Труда (1971), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1984), заслуженный ветеран города (1982).

- 1942 — рядовой 682-го полка 212-й стрелковой дивизии.
- 1943 — уволен из Красной Армии по ранению,
- 1944 — студент Ивановского химико-технологического института.
- 1945 — студент физического факультета Московского государственного университета.
- 1950 — старший лаборант, затем инженер, старший инженер, научный сотрудник КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — начальник отдела в теоретическом отделении НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1990 — главный научный сотрудник теоретического отделения, там же.
- 1991 — пенсионер, переехал в г. Обнинск.

Награжден орденами: Ленина (1956, 1971, 1981), Октябрьской Революции (1976), Отечественной войны 2-й степени (1985); медалями: «За победу над Германией» (1945), «За трудовую доблесть» (1954), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1965), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970).

Михаил Петрович Шумаев родился 22 апреля 1924 года в селе Большие Алабухи Грибановского района Воронежской области. В 1941 году, окончив среднюю школу, он работал в колхозе. С марта 1942 года по 25 февраля 1943 года М. П. Шумаев — рядовой 682-го полка 212-й стрелковой дивизии, откуда был демобилизован вследствие ранения на Сталинградском фронте.

В 1944 году бывший фронтовик М. П. Шумаев поступил в Ивановский химико-технологический институт, а в 1945-м — перевелся на физический факультет МГУ. Окончил университет с отличием и в 1950 году был направлен в КБ-11 (ныне ВНИИЭФ, г. Саров). Начав работать старшим лаборантом, он вскоре стал инженером, затем старшим инженером в группе И. Е. Тамма, которая занималась проблемами, связанными с созданием водородной бомбы. За эту работу в 1953 году М. П. Шумаеву было присвоено звание лауреата Сталинской премии 3-й степени, а в 1954 году он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 1955 году Михаил Петрович был переведен в НИИ-1011 (ныне ВНИИТФ, г. Снежинск), где до 1990 года был начальником отдела в теоретическом отделении. Затем до августа 1991 года работал главным научным сотрудником в этом же отделении.

Михаил Петрович был участником многочисленных работ по созданию ядерного оружия. За время работы он проявил себя не только как одаренный физик-теоретик, но и как талантливый руководитель, умеющий объединить усилия многих людей. Проявлял изобретательность и настойчивость при решении сложных научно-технических задач. В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1968-м — докторскую. Он является автором учебного пособия для соискателей. Большое внимание уделял подготовке научных кадров. Был заместителем председателя комиссии по приему экзаменов кандидатского минимума, членом ученых советов ВНИИТФ по присуждению кандидатских и докторских степеней, а также членом докторского совета ВНИИЭФ. Работал в Комитете по присуждению Ленинских и Государственных премий СССР, в межведомственной комиссии по аттестации разрабатываемых во ВНИИТФ и ВНИИЭФ изделий, в течение ряда лет был членом специализированной Высшей аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней и званий.

За выдающиеся научные и производственные достижения М. П. Шумаев удостоен высших государственных наград. Он Герой Социалистического Труда (указ от 26 апреля 1971 года), лауреат Сталинской и Ленинской премий, награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, заслуженный деятель науки.

М. П. Шумаев активно участвовал в общественной жизни: был секретарем партийной организации теоретического отделения, избирался в областной Совет народных депутатов. Пользовался большим авторитетом и уважением среди коллег.

В августе 1991 года Михаил Петрович Шумаев ушел на заслуженный отдых.

*По материалам книги «Герои атомного проекта».
Москва — Саров, 2005.*

Из воспоминаний

Разбирая фотографии, я нашел фотографию Михаила Петровича Шумаева, подаренную им с такой надписью: «Главному конструктору Литвинову Борису Васильевичу на память о плодотворной работе от Шумаева Михаила Петровича! Обнинск». Вскоре я нашел еще одну фотографию: на площади у памятника Ленину группами стояли люди и внимательно смотрели куда-то перед собой. В одной из этих групп стоял Шумаев, со всеми своими регалиями, рядом с ним стояли председатель городского исполнительного комитета Торхов, Дедов, я с сыном Володей и Артамонов, заместитель директора по строительству. Они, как и все стоящие на площади, смотрели, как замороженные, перед собой. Очень живая фотография! Она была сделана 9 мая 1975 года в 30-летие Победы. В 2005 году мы будем отмечать 60-летие этого великого праздника. Из всех, кто сфотографирован на этом снимке, еще живы Дедов, наш Володя и я — свидетель того праздника, пишущий эти строки.

Глядя на эти фотографии, поневоле думается о жизни Михаила Петровича. Его путь был удивителен и знаменателен. Паренек, родившийся в апреле 1924 года, с гордостью любил говорить о том, что он родился в день рождения и в год смерти Ленина — 22 апреля и в 1924 году. У него было немало других поводов гордиться собой. Жизнь его началась в деревне Алабухи Грибановского района Воронежской области. Эту деревню небольшая речка делила на две неравные части. Кто-то неизвестный нарек меньшую часть деревни, в которой жили Шумаевы, неблагозвучным названием — Засранка. В России было много названий и похуже этого, но что поделаешь, если пришлось тебе родиться и жить в деревне или в части города с обидным названием. Это прилипчивей фамилии, под которой волей или неволей вынужден жить человек. Главное, чтобы был лад между соседями. Однако в детстве частенько приходилось отстаивать свою независимость потасовками, лихими налетами на чужие сады и огороды. Михаил Петрович не раз рассказывал о своей деревне и её жизни.

В страшном 1941 году ему исполнилось 17 лет. В августе 1942 года он был призван в армию рядовым. Короткая пора обучения нехитрым военным умениям, благодаря которым человек в военное время или выживает, или погибает, или остается калекой. В самом начале 1943 года воинская часть, в которой служил Шумаев, была направлена в Сталинград по левому берегу Волги. В марте 1943 года в сильной бомбежке он был тяжело ранен. Война для него кончилась. Почти полгода провел он в госпиталях и был демобилизован. Радуйся солдат, что живой пришел, а раны зарастут. Русские люди живучи и терпеливы.

Я не знаю, как возникло у Михаила Петровича желание учиться, но он поступает в Ивановский химико-технологический институт. Проучившись здесь полтора года, он переводится в МГУ учиться на физика. Здесь судьба его свела с Львом Петровичем Феоктистовым и Юрием Николаевичем Бабаевым. Из университета троицу молодых физиков направляют в начале 1952 года на работу в почтовый

ящик № 975. Короткие собеседования с еще неизвестными наставниками, и они оказываются в теоретических отделах, узнавая постепенно о том месте, куда забросила их судьба.

Начало для Михаила Петровича было весьма успешным: в начале 1953 года ему и группе сотрудников, участвующих в создании ядерного заряда, была присуждена Сталинская премия 2-й степени. В 1955 году Михаила Петровича и Феоктистова переводят на новый объект и включают в теоретическую группу, руководимую Евгением Ивановичем Забабахиным.

Вскоре эту группу направили на бывшую лабораторию «Б» у озера Сунгуль, где вместо исследований действия радиоактивных излучений на флору и фауну физики-теоретики и физики-экспериментаторы начали работать над созданием ядерного оружия. Это было удивительное время. До 1958 года физики жили и работали на Урале, а другие исследователи и производственники оставались пока в Сарове. Конечно, так организованный научно-исследовательский институт был неудобен, но работал, и работал успешно. В 1958 году части института соединились в г. Снежинске, который для конспирации назывался Челябинском-70. В 1958 году был испытан ядерный заряд, и его стали готовить для передачи в серийное производство. За эту работу, в которой активное участие принял Михаил Петрович, группе сотрудников НИИ-1011 была присуждена Ленинская премия. В параллель с этим Михаил Петрович начал расчеты большой бомбы под № 202, энерговыделение которой должно было достигнуть 50 мегатонн тротилового эквивалента, то есть её взрыв был бы эквивалентен взрыву 50 миллионов тонн тротила. По его расчетам конструкторы разработали чертежную документацию, и было начато изготовление ядерного заряда для ядерного испытания супербомбы. Однако этот взрыв не состоялся из-за опасения сильного загрязнения радиоактивными продуктами ядерного взрыва, и к тому же не было уверенности в безопасности самолета-носителя. Работы были прекращены. Несколько корпусов большой бомбы остались в НИИ-1011. То, что успели сделать для ядерного заряда, все разобрали, и позже, словно и не было 202-го изделия, в 1961 году была изготовлена супербомба эквивалентная 100 миллионам тонн тротила. Это задание было выдано самим Н. С. Хрущёвым самому Сахарову. 31 октября 1961 года это чудовище было взорвано с вдвое меньшим тротиловым эквивалентом, но в полном соответствии с расчетами Сахарова и его сотрудников. Все ликовали, словно никто не видел, что с военной точки зрения это было демонстрацией возможностей бомбы, чтобы уязвить американцев, что, якобы, удалось. Эта была большая политика, от которой лучше держаться подальше.

В начале 1962 года группа теоретиков в НИИ-1011, в их числе Забабахин, Феоктистов, Шумаев и Аврорин, разработали несколько больших ядерных бомб с энерговыделениями от 10 и до 100 миллионов тонн тротила. К этому времени Михаил Петрович Шумаев стал одним из ведущих физиков-теоретиков. Многие из того, что было разработано при его активном участии, было принято на вооружение. Мне довелось проработать с Михаилом Петровичем очень долго —

Шумаев Михаил Петрович

с августа 1961 года по август 1991 года, то есть тридцать лет! Сделано было много и успешно, так вкратце можно охарактеризовать нашу работу. В этом самое активное участие принимали многие теоретики, математики, конструкторы, производственники, газодинамики, испытатели на полигонах и в научно-испытательном комплексе и много других, кто порой и не знал о содержании своей работы. Важно, что наш институт мог и создавал много лет грозную силу, удерживающую любителей попробовать её. Эта сила осталась и сейчас, но при этом трудно сказать, кому она служит.

Приятно вспомнить, хотя бы кратко, о жите-бытье Михаила Петровича Шумаева, его семье и его друзьях. На Сунгуль он приехал с женой Татьяной и дочерью. В 1958 году они переехали жить в один из первых домов нового города. В этом же доме поселились его друзья и товарищи по работе. Это давало возможность обсуждать свои проблемы даже дома. Но все были молоды и энергично занимались спортом, выезжали за город на природу, где ловили рыбу, собирали ягоды и грибы, выезжали даже в Свердловск и Челябинск и посещали театры и концерты. Все это делало жизнь яркой и облегчало решение различных житейских проблем. У кого их не бывает? Как говорится, скопом и батьку сподручней бить.

В 1970-х годах Шумаев и его товарищ Стаханов начали ходить пешком от города до основной промышленной площадки и обратно. Это было довольно далеко, но группа любителей пешей ходьбы росла. Было очень интересно обсудить по дороге на работу многие темы, от международных до житейских. Постепенно

676

В первом ряду (слева направо): М. П. Шумаев, Б. М. Мурашкин,
Ю. Я. Погодин, Ю. С. Вахрамеев

выделилось наиболее активное ядро группы. Это были Шумаев, Стаханов, Чуриков, Диков. Другие сотрудники теоретических и математических отделов ходили на работу пешком не всегда. К такой группе изредка присоединялся и я. Главным препятствием для моих пеших переходов было несовпадение времени прихода на работу. Теоретики шли на работу к 10 часам, я же ходил к 8.

Это не мешало чувствовать себя коллективом единомышленников. Евгений Иванович Забабахин собирал нас — теоретиков, конструкторов и газодинамиков — для обсуждения планов подготовки к ядерным испытаниям, а позже — результатов этих испытаний. Это была очень полезная практика, помогавшая сплотить коллектив. Лидерами в нём, несомненно, были Лев Феокистов, Михаил Шумаев, Юрий Вахрамеев, Евгений Аврорин. Это было незабываемое время, когда нам многое удавалось. И это было прекрасно!

Со временем все кончается. В августе 1991 года Шумаевы, став пенсионерами, переехали жить в г. Обнинск. 5 февраля 1995 года Михаила Петровича не стало. Светлой его памяти посвящен мой краткий очерк.

*Б. В. Литвинов
(из книги «Грани прошедшего». М.: ИздАТ, 2006)*

Передо мной лежит фотография человека, с которым я проработал в институте в теоретическом отделении 26 лет — с 1965 по 1991 год. Это фотография Михаила Петровича Шумаева, которую он прислал мне в 1992 году, через полгода после выхода на пенсию и отъезда из Снежинска в Обнинск. Я вижу человека с умными добрыми глазами и с большим количеством наград, которыми страна отметила его вклад в становление и укрепление ядерного щита Советского Союза. Память возвращает меня в ту, теперь уже далекую пору, когда мы были молодыми, увлеченно и преданно работали в одной из секретнейших и престижных областей ядерной физики — разрабатывали ядерное и термоядерное оружие.

На обратной стороне фотографии надпись (привожу ее, как она есть): «Юре Чурикову от Шумаева Михаила Петровича! На память! Сколько за все время оговорено, исхожено по тропе, сколько сделано совместно с отличным результатом! г. Обнинск, январь 1992 г.».

С Михаилом Петровичем Шумаевым я впервые встретился в 1965 году, когда приехал на работу в наш институт. Затем были долгие годы вплоть до его отъезда в Обнинск, в течение которых мы практически каждый день ходили пешком на работу, а затем уже на работе по многу раз на дню что-либо обсуждали. Именно все это вспоминал, я думаю, Михаил Петрович, когда с ностальгией подписывал фотографию. В Челябинске-70 прошла звездная часть его жизни, родились, выросли и разлетелись по стране три дочери. Здесь он испытывал мгновения славы и горечь случавшихся неудач. Да, время-время...

Я не стану описывать научно-технические достижения Михаила Петровича. Скажу лишь, что больше всего сданных на вооружение Советской Армии

термоядерных зарядов было у Шумаева и его сотрудников. Многие из них и сейчас продолжают крепить обороноспособность России, отстаивать ее неприкосновенность. Помню, он любил, придя ко мне в комнату, выписывать на доске, какие заряды нашего института стоят на вооружении и какие из них «его». Поскольку он знал результат, то это доставляло ему огромное удовольствие. Особенно, если в комнате было побольше народу. Награды и слава, как мне кажется, были его слабостью. А многие ли из нас бросят в него камень?

Хочу написать про Шумаева-человека, каким я его знал, каким он мне открывался. Мне кажется, что он со мной во многом был откровенен, особенно в последние годы нашей совместной работы, когда я, смею думать, заслужил его доверие и как человек, и как профессионал. Несмотря на разницу в возрасте (17 лет), у нас было много общего. Мы оба из крестьян, у нас было одинаково трудное голодное детство. Нас никто не проталкивал по служебной и научной лестнице. Наши взгляды на жизнь, на историю страны, на многие философские проблемы, мне кажется, были близкими. Что было характерной чертой Шумая (так мы — теоретики и коллеги — называли его и в глаза, и за глаза), или, как сейчас говорят, идентификационным признаком? Это, безусловно, феноменальная память на цифры, события, людей и прочее. Не раз бывало, я в запале настаивал, что параметры X-заряда такие-то. И, если что-то не так (а это бывало), Шумай говорил: «Не сочиняй, Чуриков». «Не сочиняй...» — была одна из коронных его фраз. Вообще, использовать слова в необщепринятом смысле было его характерной чертой, можно сказать, его маркой, брендом. Ну, например: «Зысин (а Юрий Аронович был в ту пору начальником отделения экспериментальной физики) устроил дебош». Спрашиваем: «Что такое? Что он натворил?» — «Потребовал для своего отделения самую большую долю премии!» Подобные высказывания вошли в нашу историю, в историю теоретиков, как «шумаизмы», и мы до сих пор, хитро поглядывая друг на друга, говорим, например: «Ну этот и ловелас...», имея в виду не амурные похождения какого-то персонажа, а перл, выданный Шумаем по случаю, когда теоретик из Арзамаса Б. Д. Бондаренко (кстати, ровесник Михаила Петровича) ловко пролез в комнату в гостинице на Семипалатинском полигоне вместе с живым бараном, а затем зарезал там его. «Бондаренко — ловелас», — высказался по этому случаю Шумаев.

Пожалуй, не было среди теоретиков другого такого человека, над кем бы подтрунивали так часто и охотно. Человек открытый, незлобивый, но вместе с тем самобытный, он был обречен на роль народного персонажа. Ну, кто мог подойти к нашей секретарше (Ренате Громовой), расстегнуть рубашку и похлопать себя по огромному животу со словами «Аполлон!»?

Вообще, все неординарные высказывания и поступки Шумаева нашли отражение в стихах теоретиков-поэтов. О! Это надо читать. Правда, непосвященному человеку не всё там будет понятно. Например, фраза из стихотворения одного из главных поэтов-шумаистов Б. П. Мордвинова: «Приволжане-ловеласы режут бомбы, как колбасы...» кажется нелепой, но мы-то знаем, что Шумай имел в виду.

В ту пору арзамасцы испытали термоядерный заряд такой физической схемы, что его мощность можно было, по их мнению, изменять «отрезая» по частям от главного энерговыделяющего узла. «Умники, что предлагают: резать бомбу, как колбасу», — отреагировал Шумаев.

Не всё из стихов доходило до Михаила Петровича, но кое-что доходило. Были и не безобидные, связанные с его пристрастием к «Агдаму» (это распространенное в ту пору дешевое вино), к бане и, страшно сказать, к некоторым математичкам. Обидно, конечно. И вот Шумай приходит к Мордвинову и говорит: «Боб, говорят, это ты про меня пишешь всякие стихи. Прекрати, иначе морду набью». Последняя фраза была скорее ритуальной, так по-русски требовалось сказать по условиям жанра. Ясно, что Шумаев не такой человек, который способен набить морду. Но на другой день Мордвинов читал всем, кого встречал в коридоре:

У нас свободы нет поэтам,
Герой мне повелел молчать,
Прощайте, я канаю в Лету,
И на устах моих печать.

Хочу привести еще одно четверостишие, но уже в совершенно другом ключе. Было время, когда события сотрудников института (защиты диссертаций, награждения, присуждения премий и т. д.) праздновались на банкетах. И вот в честь присвоения Шумаеву Михаилу Петровичу звания Героя Социалистического Труда наша единственная и неповторимая физик-теоретик Н. В. Птицына выдала:

Всем известно, что порой
Пыль клубится над горой.
Потому-то наш Шумаев
Стал и доктор, и герой.

Имейте в виду, что открытым текстом, как сейчас, про испытания ядерных зарядов в ту пору нельзя было и заикнуться.

Пусть не сложится впечатление, что Шумаев достиг всего, чего он достиг, легко и непринужденно шагая по жизни. Ю. Н. Диков, один из соратников Шумаева, рассказывал, как схлестнулись друзья (и однокурсники, и коллеги, и домами) Л. П. Феокистов и М. П. Шумаев по поводу одной из новых физических схем, над которой работали Шумаев, Диков, Чуриков. Мы верили в схему, Лев сомневался. Выражения были не для слабонервных. Шумаев отстаивал право на продолжение разработки. И оказался прав — заряд был успешно испытан, сдан на вооружение (и до сих пор является одной из серьезнейших единиц вооружения), а большой коллектив разработчиков был удостоен звания лауреатов Государственной премии СССР.

Вспоминаю, как М. П. Шумаев и В. З. Нечай в кабинете Е. И. Забабахина доказывали, что «цифры», которые называет ему один из теоретиков по новой разработке, не соответствуют действительности, приукрашены. «Но у него

Шумаев Михаил Петрович

расчеты», — не соглашается научный руководитель. «Не верьте этим расчетам, мы проверили, наша схема лучше». Евгений Иванович остался при своем мнении, а Шумаев в качестве последнего аргумента, покидая кабинет, хлопнул дверью...

Всякое было. Мне нет охоты об этом вспоминать, но было и такое. Когда я «созрел» как разработчик изделий, то предложил физическую схему заряда, которая шла вразрез с той, которую Шумаев уже обсчитывал с другими сотрудниками. Вызывает он меня и говорит: «Юра, ты не возникай с этой схемой. Мы поставленную задачу решаем другим способом». Я — в шоке. Во-первых, амбиции, во-вторых, я такие надежды возлагал на эту разработку. Пошел жаловаться Е. Н. Аврорину: «Евгений Николаевич, так и так, у нас ведь никогда в административном порядке не запрещали проводить поисковые исследования». — «Хорошо, разберусь», — резюмировал Аврорин. Как проходил у них разговор, я не знаю, только звонит мне вечером домой Михаил Петрович и примирительным тоном говорит: «Юра, я сейчас зайду к тебе, поговорить надо». Ну, зашел, выпили немного. «Извини, — говорит, — сам не пойму, почему так вышло». После этого мы много лет, до его отъезда, работали вместе над этим проектом.

Еще случай. Получили мы (в том числе Шумаев и я) ордена за одну из разработок: исполнители — поменьше, начальники — покрупнее. Всё как положено. Через пару лет заканчиваем новую разработку. За нее тоже положены награды. Я опять радуюсь — один из основных исполнителей, уж мне-то что-нибудь перепадет. Приходит Шумаев, говорит: «Ничего не получится с твоей наградой», — «Почему?» — «На тебе клеймо». (Еще одно крылатое выражение Шумая.) «Что за клеймо?» — «Правило такое, повторную награду можно получить не ранее, как через пять лет». Ну ладно, клеймо так клеймо. Хотя обидно, конечно. Через какое-то время узнаем, Шумаев получил за эту разработку большой орден! «А как же клеймо?» — спрашиваю. «Понимаешь, оказывается, есть исключение для лиц, внесших...» и т. д.

Обычно в статьях о выдающихся людях не принято писать об их недостатках, об отрицательных моментах в их биографии. Мне же кажется, полный набор характеристик помогает лучше понять человека. Ведь все мы люди, все грешны.

И заключая свой рассказ о моем наставнике, учителе, друге, я хотел бы упомянуть еще об одном его качестве, которое давало ему преимущество перед другими не менее грамотными специалистами. Это необыкновенное чутье. Он всегда чувствовал, какая разработка сейчас наиболее актуальна, что больше всего нужно военным. И любил повторять, что не надо выжимать из заряда всё до последней капли. Надо оставлять запас по параметрам, так как наши расчеты несовершенны. И это помогало ему и его коллегам избегать, как мы говорим, отказов.

Ю. И. Чуриков

Щёлкин Кирилл Иванович

17.05.1911—08.11.1968

Специалист в области горения и детонации в приложении к ядерному взрыву, кандидат физико-математических наук (1938), доктор физико-математических наук (1946), профессор, член-корреспондент АН СССР (1953), Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1953), лауреат Сталинских (1949, 1951, 1953) и Ленинской (1958) премий. Почетный гражданин г. Снежинска (1967).

- 1928 — студент Крымского педагогического института, г. Симферополь.
- 1932 — лаборант, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, заведующий группой, заведующий лабораторией Института химической физики АН СССР, г. Ленинград.
- 1941 — рядовой разведки артиллерийской батареи 64-й стрелковой дивизии.
- 1942 — отозван из армии для продолжения научной работы в Институте химической физики, там же.
- 1947 — заместитель главного конструктора КБ-11, г. Арзамас-16.
- 1955 — научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1960 — пенсионер.

Награжден орденами: Красной Звезды, Ленина (1949, 1955, 1956), Трудового Красного Знамени (1953); медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Щёлкин Кирилл Иванович

Две фразы из некролога, опубликованного газетой «Правда» 12 ноября 1968 года: «...работы К. И. Щёлкина в области горения и взрыва получили мировое признание. Вместе с тем, он был одним из пионеров и руководителей создания советской атомной техники».

До появления некролога имя Щёлкина широко не упоминалось из-за закрытого характера его работы. О своих великих соотечественниках и их делах, имеющих огромное значение для обороны страны, люди чаще всего узнают только после их смерти.

В нашем городе именем Щёлкина назван проспект, на доме, где он жил, установлена мемориальная доска. Но это только внешние признаки признания его заслуг. Гораздо важнее понять и уяснить, почему такие люди, как К. И. Щёлкин, становятся личностями огромного масштаба, почему им удается так много сделать для своей страны и ее науки...

Роль руководителей больших предприятий всегда важна. Но особенно велика она в период их формирования и становления, когда закладываются их основы. Городу Снежинску, который долгие годы был известен как Челябинск-70, и Российскому федеральному ядерному центру — ВНИИТФ повезло с руководителями.

Первая большая группа специалистов — ядро будущего научного центра — прибыла спецэшеленом на Урал в сентябре 1955 года. Это были в основном молодые (25—30 лет) физики и математики из Арзамаса-16, мечтавшие вести собственные разработки и соревноваться с «отцами», оставшимися в КБ-11.

Научным руководителем нового института был назначен Кирилл Иванович Щёлкин, работавший в Арзамасе-16 заместителем Ю. Б. Харитона. Кирилл Иванович был одним из инициаторов и главным автором проекта нового института.

По словам Е. И. Забабахина, сильной стороной Щёлкина было стремление проявлять в делах размах и при этом почти не ошибаться. Некий гигантизм проекта нового института впоследствии себя оправдал. За неполные пять лет, проведенные Щёлкиным на Урале, он успел заложить основы научной и производственной базы такого масштаба, что это позволило институту успешно развиваться еще несколько десятилетий.

А начинал Кирилл Иванович свою научную деятельность в Ленинграде, в Институте химической физики Н. Н. Семёнова, создателя теории цепных химических реакций. В поисках молодых научных сил представители ИХФ объездили много городов страны. В поле их зрения попал и студент физико-технического отделения Крымского педагогического института Кирилл Щёлкин.

682 В ИХФ, по окончании в 1932 году крымского вуза, он оказался в среде талантливой, увлеченной наукой молодежи. Директор института Н. Н. Семёнов решил, что Щёлкин будет работать в лаборатории А. С. Соколика. Основной темой стало исследование горения и детонации в газах.

Спустя много лет К. И. Щёлкин написал: «В Институте химической физики я обнаружил, что мое образование имеет серьезные пробелы. Для уменьшения

этих пробелов я три года — с 1932-го по 1935-й — посещал лекции по математике и механике на инженерно-физическом факультете Ленинградского политехнического института и слушал курсы, читавшиеся для аспирантов».

За этим словом «обнаружил» стоят долгие часы раздумий и поисков. Однако, пожалуй, именно тогдашние раздумья и были началом увлечения наукой, которое похоже на одержимость. Об этом говорят тогда, когда налицо истинная страсть к познанию, к большому делу, свободная от помыслов о собственной выгоде. Несомненные признаки этой неудержимой страсти к познанию и проявились у Кирилла Щёлкина.

Молодой учёный обнаружил большое экспериментаторское мастерство, совершенствуя аппаратуру, методики измерений, выдвинул весьма оригинальную и хорошо обоснованную новую теорию возникновения детонации в углеводородно-воздушных смесях. Работа имела практическое значение для двигателей внутреннего сгорания и предотвращения взрывов метана в шахтах.

В мае 1934 года Щёлкин опубликовал в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» (ЖЭТФ) статью «Попытка расчета частоты детонационного спина», которая сразу привлекла к молодому ученому внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что ему удалось объяснить причины винтового движения пламени в газе несимметричностью давления, плотности и скорости газа перед началом детонации. Естественным итогом напряженного труда явилась кандидатская диссертация Кирилла Ивановича «Экспериментальные исследования условий возникновения детонации в газовых смесях», которую он блестяще защитил 19 октября 1938 года.

В своем отзыве на эту работу Н. Н. Семёнов писал: «...К. И. Щёлкин ведет с 1932 года исследовательскую работу в области сгорания и детонации газовых смесей. За это время выполнил пять экспериментальных и одну теоретическую работу... в результате чего создан безупречный метод объективной регистрации быстротекущих взрывных процессов».

А в постановлении ученого совета значилось: «Работа К. И. Щёлкина является крупным шагом вперед в науке о горении и показывает, что диссертант обнаружил не только высокую квалификацию в области горения и большое экспериментаторское мастерство, но и, выдвинув оригинальную и весьма обоснованную новую теорию возникновения детонации, показал себя сформировавшимся самостоятельным ученым.

На основании изложенного Совет института единогласно постановляет: присудить Щёлкину К. И. ученую степень кандидата физико-математических наук.

В связи с интересом, который представляет диссертация Щёлкина К. И. для промышленности, имеющей дело с горением и детонацией, Совет института просит Наркомат тяжелой промышленности напечатать диссертацию».

Ходатайство было удовлетворено, и при содействии наркомата работа была опубликована.

Щёлкин Кирилл Иванович

Семь «научных» лет (1932–1938 гг.) характеризуют Кирилла Ивановича прежде всего как ученого, всецело поглощенного наукой и только ею. Было ли у него свободное от науки время? Как он жил в обыденной повседневной жизни?

Молодой семье долго не удавалось найти в Ленинграде угол, и Кирилл Иванович вместе с женой Любовью Михайловной обитали в лаборатории. Это была, пожалуй, единственная в Ленинграде «лабораторная» семья.

Днем помещение гудело от пламени, здесь скрежетал металл, щелкали фоторезисторы. Ночью на лабораторном столе расстилалась шуба — не сразу удалось разжиться матрасом. Позже, когда родился Феликс, институт выделил Щёлкиным комнату на окраине — в Сосновке, на Приютской улице. «Приютская, приют!» — шутил Кирилл Иванович, направляясь домой.

«Приют» был не из лучших: комната маленькая, без водопровода и отопления. Здесь они прожили полтора года, пока институт не построил жилой дом на Ольгинской улице. Профком выделил Кириллу Ивановичу две комнаты в трехкомнатной квартире.

В день переезда на новую квартиру Щёлкин отправился на работу пораньше. Однако в их лаборатории уже горел свет. Осторожно приоткрыв дверь, он увидел знакомую картину: недавно принятый на работу препарат убрал со стола одеяло... После работы, дожидаясь машины для переезда, Кирилл Иванович робко сказал жене: «Знаешь, у нас есть чудесный препарат, молодой парень. Ночует в лаборатории. Сама знаешь, заниматься там нельзя, а ведь ему надо сдавать экзамены. Вот я и думаю, пусть пару недель поживет во второй нашей комнате». «Чудесный препарат» вселился, и... через две недели к нему приехала жена и мать. Вместе прожили семь лет, сблизились, сдружились. Позднее Кирилл Иванович частенько восклицал: «Ну вот, не пригласи я препаратера, каких бы друзей лишились!»

Откуда такое бескорыстие и душевная щедрость, такая доброта? Видимо, недаром говорят, что все мы родом из детства. В нем и надо искать истоки наших душевных качеств...

Из рассказа Веры Алексеевны Щёлкиной, матери Кирилла Ивановича:
«...Отец мой работал в досоветские годы на табачной фабрике Бозарджица. Приносил он скудный заработок. А в семье семь едаков, из них пятеро детей. Поэтому мне пришлось уже с пятого класса гимназии подрабатывать уроками. Несколько полегчало, когда старшая сестра Лидия вышла замуж за Николая Самсоновича Джапаридзе, а брат Александр женился на Нине Левановне Цилосани. Вслед за ними вышла замуж и я — за Ивана Ефимовича Щёлкина. Он получил диплом землемера и приехал в Тбилиси (тогда это был Тифлис). А вскоре появился у нас и Кирюша.

684

Мой муж только зиму проводил в Тбилиси. А в остальное время был в горных селеньях. И меня с сыном нередко забирал с собой. Так еще в детстве Кирилл объездил всю Грузию и Армению, затем проделал длинный путь от Кавказа до Смоленщины, а в двадцатых годах, в связи с болезнью мужа, мы обосновались в Карасубазаре, что в Крыму (теперь это город Белогорск)».

Вспоминая школьные годы Кирилла, Вера Алексеевна приводила один за другим эпизоды, словно это было совсем недавно. Кира — вожатый, Кира — заядлый футболист, Кира — ведущий в самодеятельности, в школьных спектаклях, организатор туристических походов. Познавая край, в котором он жил, Кира с друзьями исходил почти всё побережье Крыма. Эту страсть к походам, да и вообще к спорту Кирилл Иванович пронес через всю свою жизнь.

«Первое тяжелое горе постигло нас в связи со смертью мужа, — продолжила свой рассказ Вера Алексеевна. — То была трудная пора. Моего заработка на двух детей и себя явно не хватало. И часть забот взял на себя Кирилл. Он брался за любую работу: зимой пилил и колол дрова, летом трудился в совхозе.

Кирилл всегда отличался особой добротой и щедростью ко всем окружающим. Помню, однажды мы купили ему теплую куртку и радовались, что он, наконец-то, перестанет мерзнуть. Но прошел день, другой, и он вернулся без нее. Спрашиваю: «Ты что, потерял куртку?» А он отвечает: «Нет, мама, другу дал поносить, совсем замерзает».

Из рассказа Любови Михайловны, жены Кирилла Ивановича: «В Ленинградском институте химической физики за высокую активность в научной работе Кириллу Ивановичу решили увеличить аспирантскую стипендию. Он поинтересовался: «Всем аспирантам увеличивают или только мне?» Ему ответили: «Всем не можем». «Тогда и мне не надо», — сказал Кирилл Иванович... Таким он оставался всю свою жизнь».

После защиты кандидатской диссертации Щёлкин продолжал работать еще интенсивнее, постепенно приближаясь к разгадке тайны возникновения детонации.

В 1939 году состоялось и первое экспериментальное открытие — доказательство того, что скорость распространения горения, равная в гладкой трубе несколькими метрам в секунду, может быть увеличена в сотни раз. Кирилл Иванович соорудил оригинальную и простую установку — ввел искусственную шероховатость в виде проволочной спирали в гладкую трубу, в которой исследовалось горение газа и его переход в детонацию. Это позволило получить экспериментальные данные, необходимые для создания теории возникновения детонации.

Зимой 1940 года свой эксперимент со спиралью, которая буквально взвизгивала горение до детонации, Щёлкин показал физикам и химикам Ленинграда. Впечатление было поразительным...

Академик Н. Н. Семёнов: «Ясный, глубокий по смыслу эксперимент Щёлкина — высокий образец экспериментального искусства».

Академик Ю. Б. Харитон: «Меня до сих пор поражают его первые работы, необычайно прозрачные и классически строгие. Введение проволочной спирали в трубу — простейший прием, показывающий необычайную глубину мысли ученого».

Академик Я. Б. Зельдович: «Мы много спорили с Кириллом Ивановичем. Я разрабатывал теорию горения, подходя к ней со стороны химической кинетики, осложненной выделением тепла, он акцентировал внимание на влияние

Щёлкин Кирилл Иванович

газодинамики. И в этом нашел правильный ответ на вопрос о переходе медленного горения в детонацию. Опыт с шероховатостью трубы показал: у Щёлкина была настоящая научная смелость, которая необходима, чтобы двигаться вперед, получать выдающиеся результаты».

Н. Н. Семёнов посоветовал Щёлкину взяться за докторскую диссертацию. Кирилл Иванович спланировал подготовку диссертации на три года:

1940—1941 гг. — «Влияние шероховатости на возникновение детонации»;

1942 год — «Спиновая детонация и переход к опытам в производственных условиях»;

1943 год — «Развитие теории возникновения детонации и теория моделирования взрывов».

Но в эти планы свои суровые коррективы внесла война... 3 июля 1941 года Кирилл Иванович ушел добровольцем на фронт. Он оказался в знаменитой 64-й (позднее 7-й гвардейской) стрелковой дивизии, вступившей в бой с врагом еще в Белоруссии. Эта дивизия в самое трудное время держала оборону сначала на Минском направлении, затем под Смоленском, потеряла почти половину личного состава, но ни разу не была отброшена немцами.

Кирилл Иванович был назначен вычислителем-разведчиком батареи начальника артиллерии дивизии. В суровый армейский быт он втянулся очень быстро. Еще в мирные дни, ставя свои опыты, не раз кончавшиеся взрывами, Щёлкин привык к опасности. Да и физически он был вынослив — помогли занятия спортом: планеризмом, греблей, плаванием, стрельбой.

Начались трудные фронтовые будни. Бои у Днепра, под Вязьмой, схватки с фашистами у Серпухова, на самом близком к Москве участке фронта у Солнечногорска. Москва оказалась не по зубам врагу. И вскоре прозвучал призыв: «Вперед на запад!» Артиллерийский разведчик Щёлкин вместе с другими советскими воинами начал гнать фашистов от Москвы. В начале 1942 года в разгар сражений его отозвали с фронта. В демобилизационном удостоверении значилось: «Выдано настоящее бывшему красноармейцу 7-й гвардейской стрелковой дивизии Щёлкину Кириллу Ивановичу в том, что он следует в г. Казань для продолжения научной работы при Институте химической физики Академии наук СССР... Основание: шифротелеграмма зам. наркома обороны т. Щаденко».

В Казани он занялся вопросами горения в реактивных двигателях. Фронту требовались самолеты с более высокими скоростями полета. Сердце реактивного двигателя — камера сгорания. От рабочего процесса в ней зависит надежность и эффективность силовой установки. Кириллу Ивановичу удалось установить, что давление, под которым газы вытекают из камеры сгорания, зависит от скорости сгорания. Таким образом, зная закон изменения давления и время сгорания, стало возможным рассчитать характеристики, которые обычно интересуют конструкторов. Исследуя процесс горения в реактивном двигателе, он окончательно сформулировал то, что впоследствии получило название модели турбулентного горения.

Еще перед войной Щёлкин увидел в турбулентности ускоритель детонации. Теперь же он делал упор на другую особенность турбулентности, открыв, что интенсивное разветвление пламени, перемешивание сгоревшего и свежего газа помогают сжигать большие количества горючих смесей в малых объемах.

Часть его работы «Горение в прямоточном ВРД» (воздушно-реактивном двигателе) увидела свет в 1943 году в статье «Сгорание в турбулентном потоке». Очень скоро эта напечатанная в «Журнале технической физики» статья стала известна во всем мире.

После переезда Института химической физики осенью 1943 года в Москву, назначенный заведующим лабораторией К. И. Щёлкин вернулся к работе над докторской диссертацией. А осенью 1946 года, как тогда было принято, газета «Вечерняя Москва» известила:

«12 ноября в Институте химической физики состоится публичная защита диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук Щёлкиным К. И.

Тема: «Быстрое горение и спиновая детонация газов».

Оппоненты: академики С. А. Христианович, Б. С. Стечкин, Л. Д. Ландау».

Присутствовал на защите и Игорь Васильевич Курчатов. Защита прошла блестяще. Кириллу Ивановичу единогласно была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук, а затем и звание профессора.

Вскоре после защиты Щёлкина вызвали в президиум Академии наук. В кабинете С. И. Вавилова сидели представители разных направлений науки. Президент (С. И. Вавилов) предложил Щёлкину перейти работать заместителем директора Института физических проблем. Предложение было более чем заманчивым. Но Щёлкин, поблагодарив за доверие, решительно отказался, мотивируя свой отказ желанием полностью посвятить себя только научной деятельности, не отвлекаясь на административную работу.

Были на Кирилла Ивановича и другие виды... С ведома и одобрения И. В. Курчатова, который хорошо знал Щёлкина по Ленинграду еще с довоенной поры, Кирилл Иванович был «призван» на атомный фронт. С этого момента начался новый, наиболее яркий период его биографии.

Для того чтобы лучше понять, почему именно Щёлкин был нужен атомной проблеме, необходимо сделать небольшой экскурс в события, так или иначе связанные с созданием ядерного оружия.

Еще с апреля 1942 года в Государственный Комитет Обороны (ГКО) стали поступать сведения, наводившие на мысль о том, что в Германии ведутся работы по созданию нового, очень мощного оружия — ядерного. Стало также известно, что в США ведутся подобные работы.

В апреле 1942 года советский физик Г. Н. Флёрв в письме на имя Сталина выразил беспокойство о возможном ведении работ по созданию атомного оружия за рубежом и настаивал на возобновлении в нашей стране работ по делению урана.

Осенью 1942 года в ГКО были вызваны из эвакуации академики А. Ф. Иоффе, В. И. Вернадский, В. Г. Хлопин и П. Л. Капица. Им предстояло ответить на вопрос о необходимости немедленного возобновления работ по делению урана.

Непросто и нелегко было ответить на этот вопрос в самый разгар войны, когда враг был еще силен и очевидного перелома в лучшую сторону для нас еще не наступило.

Ученые высказались за начало работ. В середине сентября 1942 года заместитель председателя Совнаркома М. Г. Первухин обратился к находившемуся в то время в Москве А. Ф. Иоффе и по его совету вызвал из Казани И. В. Курчатова.

В октябре—ноябре, по предложению правительства, Курчатov готовит записку о возобновлении работ по ядерной физике. После ее рассмотрения в ГКО, Игорю Васильевичу и другим ученым, в числе которых были Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, И. К. Кикоин, А. И. Алиханян, Г. Н. Флёрв, вместе с М. Г. Первухиным поручили представить мероприятия, необходимые для начала этих работ.

Советские войска перешли в наступление под Сталинградом, и 11 февраля 1943 года ГКО принял специальное решение об организации научно-исследовательских работ по «атомному проекту». 10 марта руководителем этих работ был назначен И. В. Курчатov. Естественно, что вначале работам по использованию атомной энергии придавалось военно-стратегическое значение и основной задачей было изготовление ядерного оружия.

Игорь Васильевич Курчатov с уже упоминавшейся небольшой группой физиков развил план решения задачи. Кратчайшим путем было признано создание уран-графитового реактора для производства плутония в качестве материала для заряда атомной бомбы. Этим работам сопутствовали исследования и эксперименты по разделению изотопов урана. По поручению правительства Курчатov подготовил записку о возможностях и сроках создания первой атомной бомбы.

12 апреля 1943 года родился первый научный центр Советского Союза — Лаборатория № 2, руководителем которой стал Игорь Васильевич Курчатov (позднее эта лаборатория получила новое название ЛИПАН — лаборатория измерительных приборов АН СССР, а потом и ИАЭ — Институт атомной энергии им. Курчатова).

Осенью 1945 года для руководства всеми работами был образован специальный Научно-технический совет, в состав которого вошли ведущие ученые-физики, математики, химики, выдающиеся инженеры — руководители некоторых отраслей промышленности. Председателем совета был назначен нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, его заместителями стали И. В. Курчатov и М. Г. Первухин. При Совнаркоме правительство создало 1-е Главное управление под руководством Б. Л. Ванникова и его заместителя А. П. Завенягина, а с 1947 года и М. Г. Первухина. Вот из этого управления и родилось позднее Министерство среднего машиностроения.

К работам привлекались академические, отраслевые и военные институты, конструкторские бюро и строительные организации. Стали возводиться безмянные для внешнего мира новые города...

Вот в такой город, тогда единственный и уникальный, и был приглашен на работу Кирилл Иванович Щёлкин. Город-объект получил название КБ-11, хотя у него и было старинное название Саров. Новый город еще только строился, а под первые административные и производственные подразделения КБ-11 использовались старинные монастырские здания знаменитой на всю Россию Саровской обители... Признанный авторитет в области горения и взрыва К. И. Щёлкин стал одним из ведущих специалистов, руководителем научно-исследовательского сектора, а затем и заместителем научного руководителя, которым был Юлий Борисович Харитон.

Харитон, Зельдович, Щёлкин — именно им принадлежало решающее слово при выборе варианта первой советской атомной бомбы. Еще не было нужного количества плутония, еще строились установки для выделения урана-235 нужной чистоты, а Щёлкин уже руководил многочисленными опытами на макетах, отработывая весь процесс детонации ВВ и характер распространения сходящихся детонационных волн. Основанное на явлении имплозии направленного внутрь взрыва, сжатие активного вещества бомбы требовало прецизионной обработки технологических деталей, точности высшего класса при изготовлении фокусирующих систем, создания новых капсулей-детонаторов. Щёлкин вникал во все, добиваясь надежной работы всего комплекса подрывной автоматики.

В декабре 1946 года в Лаборатории № 2 И. В. Курчатова запустил первый советский реактор Ф-1. Этот реактор был еще только экспериментальным, но уже в 1948 году на Урале в Челябинске-40 (ныне г. Озёрск) началась эксплуатация промышленного реактора, на котором и были получены первые килограммы оружейного плутония.

Все работы по снаряжению первого советского атомного заряда возглавил Кирилл Иванович Щёлкин. В его «команду» входили тогда еще молодые Георгий Павлович Ломинский — будущий директор нашего института, и Георгий Александрович Цырков — будущий начальник 5-го Главного управления Министерства среднего машиностроения.

Ранним утром 29 августа 1949 года на ядерном полигоне в районе Семипалатинска первый советский атомный заряд, установленный на почти десятиметровую вышку из стальных конструкций, был взорван. По всем параметрам испытание прошло успешно. Так завершился многолетний труд тысяч советских людей — ученых, конструкторов, экспериментаторов, рабочих...

Хотя первая атомная бомба, как теперь стало известно, создавалась с использованием американских чертежей, добытых советской разведкой, ее создание было совсем непростым делом. Взять хотя бы обеспечение симметричного обжатия плутониевой сферы сходящейся детонационной волной. Уже первые опыты на модельных сборках шарового заряда показали, что асинхронность подрыва капсулей-детонаторов создает детонационную волну с неудовлетворительной симметрией. И алюминиевый шар, имитирующий плутониевую сферу, разрушается, превращаясь в бесформенное тело.

Отработка конструкции первой атомной бомбы — результат труда большого коллектива. Роль Кирилла Ивановича как начальника отдела газодинамических исследований на натурном заряде была очень велика. Об этом написал Виктор Иванович Жучихин в своей книге «Первая атомная». Приведем здесь один небольшой эпизод заключительной стадии отработки заряда.

«В конце 1948 года, когда были отработаны элементы и технология сборки заряда, был снова поставлен натурный эксперимент с использованием цельнометаллического керна. После взрыва заряда поверхность керна оставалась гладкой, на ней уже отсутствовали местные вмятины и разломы. Хотя форма его представляла собой сплюснутый шар, все свидетельствовало о том, что заряд отработан хорошо, а несферичность фронта детонационной волны имеет другую причину. Повторение эксперимента в той же редакции дало тот же результат. В чем дело? Какие силы разрушают керн? По идее, он должен оставаться целым и не терять первоначальную сферическую форму. В ходе размышлений Кириллом Ивановичем было высказано соображение: не нарушилась ли сферическая форма керна из-за близости земли? И тут же предложил поднять заряд на постамент высотой примерно 1 метр. Проведенный эксперимент... дал обнадеживающий результат: керн хоть и был сплюснут, но не разрушился... После этого решено было поднять помост еще выше, и в следующем эксперименте центр заряда располагался на высоте 3,5 метра. К всеобщему удовлетворению после очередного эксперимента на месте взрыва мы увидели кругленький шарик...»

Во время подготовки испытания первой атомной бомбы Щёлкин был назначен заместителем руководителя испытания Ю. Б. Харитона и руководителем рабочей группы по подготовке системы автоматики управления подрывом заряда. Он руководил последней завершающей операцией на башне — снаряжением заряда капсулями-детонаторами — и сам вставил первую полюсную пробку с КД. С башни он спускался последним.

В октябре 1949 года за выдающийся вклад в создание первого образца советского ядерного оружия Кириллу Ивановичу Щёлкину было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Сталинская премия 1-й степени.

Первое удачное испытание окрылило всех — от простых рабочих до ведущих ученых. Теперь, когда стало ясно, что путь выбран правильный, теоретики, экспериментаторы, конструкторы, производственники — весь коллектив еще энергичнее стал работать над созданием новых конструкций. Искались способы повышения мощности, увеличения надежности, простоты эксплуатации и, конечно, удешевления. Заказы от военных посыпались как из рога изобилия. Роль Щёлкина во всех этих исследованиях была очень заметной.

Несмотря на колоссальную загруженность, Кирилл Иванович умел находить время и для чисто теоретических (как тогда казалось) исследований, не изменяя своим давним пристрастиям к теории турбулентного горения и детонации в газах. Идеи многих его последующих работ были сформулированы именно в это напряженнейшее время.

В те годы не было современных электронно-вычислительных машин с их огромным быстродействием. Проверка любых идей и технических решений чаще всего проводилась на макетах, моделях, и только некоторые параметры удавалось оценить с помощью тогдашней вычислительной техники — арифмометров, «Мерседесов» или «Рейнметаллов». И становится совершенно очевидным, что в решении многих научных проблем огромную роль играли чутье и интуиция, основанные на четком понимании физической сути явлений, на ясности и оригинальности мышления. А эти качества всегда были сильной стороной Щёлкина-ученого.

Ведущие физики — Курчатов, Харитон, Зельдович и молодой, выдвигающийся в первые ряды Сахаров, хорошо понимали, что атомное оружие, основанное на явлении деления урана или плутония — только начало. Им было ясно, что на очереди — создание оружия, использующего термоядерные реакции — оружия водородного, имеющего практически неограниченную мощность. И оно было создано в рекордно короткий срок — всего через четыре года после первого испытания атомного заряда.

12 сентября 1953 года первый советский водородный заряд был успешно испытан. Этот взрыв произвел колоссальное впечатление во всем мире. Монополия США на ядерное оружие кончилась бесповоротно. За работы по созданию новых образцов ядерного оружия Кирилл Иванович Щёлкин (к концу 1953 года) стал одним из немногих в стране трижды Героем Социалистического Труда. В этом же году его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Начавшаяся гонка вооружений и все более обострявшаяся международная обстановка заставили правительство СССР принять дополнительные меры для обеспечения безопасности государства. В 1955 году было принято официальное решение о создании на Урале второго объекта по разработке ядерного оружия — НИИ-1011 — дублера КБ-11. Когда встал вопрос о научном руководителе нового института, то в числе первых кандидатов был назван К. И. Щёлкин. Он и был утвержден в этой должности.

К моменту нового назначения в 1955 году за его плечами уже был бесценный опыт восьми лет интенсивной и эффективной работы в новой сложнейшей отрасли науки и техники. За такой короткий период был пройден трудный путь, включивший: рождение и проверку первых идей, создание новых методов и технологий экспериментальных исследований, разработку и внедрение новых материалов и производственных технологий. Важнейшими вехами на этом пути были испытания первого советского ядерного заряда, первого термоядерного заряда, первой советской супербомбы — каскадного термоядерного заряда. На всех этапах этого пути вклад Кирилла Ивановича был значительным.

Щёлкин полагал, что создаваемый на Урале новый институт должен стать центром научных исследований на Урале, координируя и поддерживая работу академических институтов в Свердловске, Челябинске и других городах. И это были не только пожелания. По его инициативе в Челябинск-70 переехал из Москвы замечательный научный коллектив под руководством Б. К. Шембея.

Им предстояло завершить разработку сильноточного линейного ускорителя протонов, который нужен для развертывания исследований по термояду. Для них был построен уникальный по техническому оснащению корпус. А в Свердловске для академического института математики и механики за счет НИИ-1011 было построено новое здание.

Институт быстро рос. Из лучших университетов и вузов страны отбирались молодые специалисты. Расширялась тематика работ. Молодой институт достойно конкурировал с более опытным и солидным своим родителем. И не случайно первый серийный термоядерный заряд был создан в 1957 году именно в НИИ-1011.

Кирилл Иванович был решителен и смел, не боялся идти на риск, если понимал, что он прав. Вот один пример. Во время подготовки в 1954 году учений в условиях ядерного взрыва на Тоцком артиллерийском полигоне он получил телеграмму о том, что мощность заряда может быть больше расчетной, поэтому этот опыт опасен. Он оценил эту телеграмму, как перестраховку, никому о ней не сказал, т. е. взял на себя двойную ответственность. Щёлкин оказался прав. Опыт удался, и потом на банкете Кирилл Иванович с гордостью показывал эту телеграмму и своим коллегам, и руководству.

Середина 1950-х годов, время «оттепели» в России, время надежд на улучшение ситуации в мире и в стране. Арестован и расстрелян Берия — талантливый руководитель, много сделавший для успеха атомного проекта, и страшный человек, немилость которого в любой момент могла настичь каждого из участников грандиозного начинания. А были они талантливы, энергичны и молоды. Щёлкину еще только сорок с небольшим, да и Курчатову только-только за пятьдесят. И любили они пошутить, устроить розыгрыш. Об одном таком случае рассказала жена Щёлкина, Любовь Михайловна, подарив фотографию, на которой запечатлена финальная сцена розыгрыша. Перед сессией Верховного Совета СССР Курчатов сказал Ванникову: «Давай Кирилла разыграем. Одевай завтра все награды». Наутро Кирилл Иванович, придя в скромном костюме, на котором был только депутатский значок, увидел Курчатова и Ванникова в полном параде: на груди по три Звезды Героя Социалистического Труда и лауреатские медали. Курчатов на него напустился: «Ты что же, Кирилл, зазнался? Правительство тебя наградило, а ты этим пренебрегаешь, награды не носишь. Или скромнее нас себя считаешь?! Нехорошо!» Кирилл Иванович смутился, а Курчатов сказал Ванникову: «Завтра приходим как обычно, а Кирилл принарядится!» И пошел предупредить фотографа.

Назавтра Щёлкин надел свои три звезды Героя и лауреатские медали. Они встретили его с укором: «Ну, Кирилл, ты совсем зазнался. Люди не меньше тебя наград имеют и не щеголяют ими. Нескромно себя ведешь!» И хохочут оба радостно, а Кирилл Иванович смущенно разводит руками. Такими и остались они на фотографии, сделанной кремлевским фотографом.

Сейчас трудно сказать, соглашался ли Кирилл Иванович с тем, чтобы вновь созданный объект стал просто дублером, какими бы высшими соображениями

это не диктовалось. Он не оставил воспоминаний об этом. Но вся его предыдущая деятельность, а дальнейшая работа в особенности убеждают, что с такой ролью института он не согласился. Это быстро поняли все, кто работал под его руководством. Такая позиция не всегда понималась в высоких сферах и порой не находила там поддержки. Это стоило Щёлкину многих лишних усилий, нервов и здоровья. Но время показало, что он был полностью прав.

И хотя планами НИИ-1011 на первую пятилетку его деятельности (1956—1960 гг.) предусматривались задачи, так или иначе повторявшие тематику работ КБ-11, Кирилл Иванович, не боясь ответственности, значительно расширил эти планы. При этом он нашел надежных союзников в лице первого директора предприятия Д. Е. Васильева, своего заместителя Е. И. Забабахина, среди физиков-теоретиков, экспериментаторов, конструкторов, математиков, производственников...

Кирилл Иванович вникал во все — от первоочередных научных и производственных вопросов до самых обыденных бытовых мелочей. Он очень хорошо понимал, как важны забота и внимание для людей, работавших в условиях тогдашней оторванности от большого мира, неустроенности и бытовых неудобств.

С вопросами об улучшении условий труда и быта он не боялся обращаться в самые высокие инстанции, вплоть до ЦК КПСС и правительства. Наступательный характер его натуры проявлялся во всем. Если он видел, что какая-то идея или техническое предложение, не важно от кого исходящие, могут быть плодотворны, он их всячески поддерживал и продвигал, добиваясь скорейшей реализации, даже ломая, если надо, уже утвержденные на самом «верху» планы.

Кирилл Иванович был научным руководителем института недолго, всего около пяти лет. Но за эти годы институт стал самостоятельным, авторитетным и продуктивным центром по оснащению наших Вооруженных Сил новейшим ядерным оружием. Многие из разработанных в те годы в НИИ-1011 образцов для различных родов войск были сданы в серийное производство и поступили на вооружение; были заложены основы многих разработок, которые воплощаются в реальные конструкции только сейчас. Уже в 1958 году группа ученых НИИ-1011, среди которых был и К. И. Щёлкин, стали лауреатами Ленинской премии.

Но и будучи чрезвычайно загруженным работой, Кирилл Иванович не перестал заниматься сугубо научной деятельностью. В 1957 году в «Известиях АН СССР» появилась написанная совместно с Я. К. Трошиным статья «О спине у пределов газовой детонации», в 1959 году в ЖЭТФ — статья о неустойчивости горения, в 1960-м в «Вестнике АН СССР» — обзорная статья «Детонационные процессы».

Подорванное неимоверной нагрузкой здоровье Кирилла Ивановича начало сдавать. Все чаще приходилось ложиться на больничную койку. К тому же произошел конфликт с министром МСМ Е. П. Славским. Возможно, сказался и объявленный мораторий на ядерные взрывы. Как рассказывал его сын, Феликс Щёлкин, в это тяжелое время Курчатов предложил Кириллу Ивановичу перейти в Москву,

Щёлкин Кирилл Иванович

подлечиться и заняться проблемой мирного термояда. В 1960 году затянувшаяся болезнь вынудила его уйти на пенсию (а было ему всего 48 лет). Он лег в больницу, и там его настигло известие, что Курчатов, который вечером приходил к нему в палату поговорить о будущей работе, на следующий день неожиданно умер. Удар был настолько тяжелым, что его самого еле спасли от смерти.

Уход К. И. Щёлкина с поста научного руководителя стал для института огромной потерей. Немного утешало то, что начатое им дело продолжил крепкий и дружный коллектив его единомышленников, способный быстро и качественно решать самые сложные задачи.

Немногие из руководителей, оставив свой высокий пост, смогли вернуться к творческой работе. А Щёлкин смог. Он вернулся в Институт химической физики и, в перерывах между больницами, продолжал прежние исследования горения. Он установил и экспериментально доказал новый тип неустойчивости газовой детонации, как бы кипение ее фронта. Он написал очень интересную научно-популярную книгу «Физика микромира», выдержавшую несколько изданий. В 1963 году вышла написанная в соавторстве с Я. К. Трошиным монография «Газодинамика горения». Кирилл Иванович продолжал работать. Прекрасный популяризатор науки, энтузиаст общества «Знание», активный сотрудник журнала «Природа», руководитель кафедры горения в Московском физико-техническом институте — это далеко не полный перечень его нагрузок, работ, должностей в пенсионный период.

Но болезнь наступала, и 8 ноября 1968 года Кирилл Иванович Щёлкин скончался. Только после смерти его имя и фотография впервые были опубликованы в газете «Правда». На его могиле на Новодевичьем кладбище высечены слова: «Ученый, труженик, солдат», в Снежинске сотрудники ВНИИТФ ездят на работу по проспекту имени Щёлкина, а в Тбилиси, городе, в котором родился Кирилл Иванович, в 1982 году ему был поставлен памятник.

*По материалам доклада А. П. Васильева и Л. П. Феоктистова
на конференции HISAP-99 и очерка Ю. Я. Погодина*

Из воспоминаний

К. И. Щёлкин умел быстро и точно оценивать людей. Иногда он удивлял нас неожиданно жесткой оценкой, казалось бы, милых людей... И был прав!

694

Всегда предпочитал скромных умельцев людям с внешним блеском. Он ценил мастерство во всяком его проявлении и с одинаковым удовольствием рассказывал про чудо-лаборанта, монтирующего микронные провода, и про дегустатора, непостижимо различающего брак среди уже упакованных яблок в Крымских садах.

Зазнайство и бахвальство считал недопустимым. Однажды он отстранил от работы симпатичного и ловкого паренька, заметив, что тот во время опасной операции работает «на зрителя».

Он был смел. Получив перед крупным опытом паническую телеграмму о том, что опыт опасен, он оценил это как перестраховку, никому о телеграмме не сказал, фактически взяв на себя тяжелую двойную ответственность. Опыт удался. Щёлкин был прав!

Он был очень созвучен своему времени, завиральные идеи клеймил модным тогда ругательством «вейсманнизм-морганизм-менделизм»... Позволял себе не отвечать на запросы, если не считал их важными — если надо, напомнят. Все это делал с максимальной пользой...

Уйдя по болезни с руководящей работы, он совершил редкий подвиг — сумел вернуться к личному творчеству. Ему посчастливилось установить неожиданный новый факт неустойчивости газовой детонации — своеобразного кипения ее фронта.

Но самым крупным делом жизни Кирилла Ивановича Щёлкина останется создание нашего института.

Е. И. Забабахин

Всем успехам в становлении института, в создании его материальной базы и в решении научно-исследовательских и конструкторских проблем мы во многом обязаны первому научному руководителю НИИ-1011 Кириллу Ивановичу Щёлкину.

Своим юношеским задором, верой в немногочисленный коллектив научных работников, неисчерпаемым потоком идей, верой в успех начатого дела Кирилл Иванович зажигал энтузиазмом на свершение, казалось бы, невозможного. Своей колоссальной работоспособностью он невольно вселял силы в каждого сотрудника.

Доброжелательная, спокойная при всей напряженности работы обстановка, давала весьма ощутимые результаты. Каждый чувствовал локоть своего вожака, знал, куда обратиться в трудную минуту, чтобы получить дельный совет и реальную помощь.

Кирилл Иванович не был отделен от коллектива приемной своего кабинета и секретарем. Он был частым гостем многих подразделений института, постоянным участником обсуждения стоявших проблем...

Наряду с доброжелательностью и действенным участием в делах больших и малых, Кирилл Иванович был неумолимо строг к негативным проявлениям — неисполнительности, лени, неопрятности в работе, склонности оправдывать безделье объективными причинами.

Он часто говорил, что всякие ЧП и неудачи происходят из-за упущений в мелочах, так как человеку свойственно сосредоточивать внимание на главном,

упуская из виду мелочи. Но в нашем деле это строжайше недопустимо. И практика не раз подтверждала эту мысль...

Кирилл Иванович утверждал, что сложную конструкцию создать проще, чем простую, так как при создании простой конструкции возникает множество вопросов, ответы на которые нужно искать в сложных и объемных экспериментах, времени и средств на которые порой не отпущено. И еще — все новое, особенно простое решение, всегда рождается в поисках с множеством неудач... И жизнь подтвердила мудрость этих утверждений.

При всей серьезности в делах Кирилл Иванович не лишен был и юмора. Неудачи в делах никогда не омрачались переживаниями, а тем более разносами. Наоборот, они смягчались уместной шуткой или анекдотом Кирилла Ивановича. Но причины неудач обязательно выявлялись до конца.

Кирилл Иванович был привержен эксперименту. Каким бы совершенным ни был расчет той или иной конструкции или процесса, он не может быть принят за истину, если не подтвержден экспериментом. Поэтому, видимо, Кирилл Иванович придавал очень большое внимание развитию нашего экспериментального сектора № 4.

Возникавшие проблемы у нас никогда не решались узким кругом, а тем более волевыми приказами руководителей. Эти проблемы всегда подвергались всестороннему обсуждению широким кругом специалистов. Для Кирилла Ивановича всегда было очень важным мнение рядового исполнителя — исследователя и конструктора...

С большим вниманием Кирилл Иванович следил за тем, с каким настроением научный работник появляется на работе. В те годы было не принято рассказывать о своих бытовых трудностях, обращаться с просьбами личного характера... Но мы всегда чувствовали заботу руководства о нас. Причем, забота Кирилла Ивановича о своих подопечных никогда не рекламировалась, но ощущалась всегда.

Кирилл Иванович был весьма чуток к просьбам (если они и случались) подчиненных ему сотрудников. Всякий необоснованный отказ или невнимательное отношение к просьбе он считал самым постыдным поступком руководителя. Таким было кредо Кирилла Ивановича.

Он был скуп на похвалу, но на его лице всегда светилась радость, когда он был доволен результатом работы или самим работником. Неудовольствие сотрудником или неисполнительностью Кирилл Иванович обычно выражал словами: «А я-то на вас надеялся. А вы меня так подвели». Это воспринималось значительно острее, чем разнос или самое строгое взыскание.

696 Кирилл Иванович замечал способных и целеустремленных научных работников, направлял их деятельность, составляя для них индивидуальные планы, порой не имевшие прямого отношения к основной тематике работ. Так действовала школа К. И. Щёлкина по подготовке высококвалифицированных научных кадров...

В конце 1950-х годов, когда он уже был тяжело болен и все реже появлялся на работе, связь с ним не прерывалась. Текущие дела института всегда были извест-

ны Кириллу Ивановичу. Он продолжал трудиться дома, выдвигая все новые идеи. Специалисты института были частыми его гостями...

Дела и мысли Кирилла Ивановича на протяжении многих лет служили и продолжают служить мерилom в деятельности большого числа специалистов нашего института.

В. И. Жучихин

Васильев А. П.: Тосковал ли ваш отец по начатому в нашем институте делу, когда вынужден был оставить работу? Как он перенес такой резкий переход в своей жизни?

Щёлкин Ф. К.: Насколько я знаю, отец не ушел бы из института (хотя и болел очень часто), если бы И. В. Курчатов не предложил ему возглавить мирный термояд. Игорь Васильевич говорил отцу: «Там тебе полегче будет, отдохнешь некоторое время — придешь в себя, а потом станешь главным в Москве по термоядерной проблеме». И они договорились.

А когда отец лежал в больнице после ухода на пенсию, И. В. Курчатов умер. Это очень сильно повлияло на отца...

Он много болел. Раза три в году по один-два месяца лежал в больнице. У него была гипертония в сильной степени и два инфаркта. Умер он от третьего. Давление, очень плохой сон, головные боли. И все это из-за большой перегрузки — работал в полную силу. Чувствовал, что если останется в институте, то погибнет скоро...

Но без работы отец не мог. Стал работать над научно-популярной литературой, руководил лабораторией в Химфизике (по старой специальности), возглавил кафедру в Физтехе, лекции читал, имел аспирантов, интересовался плазмой...

Поражала его работоспособность. Я говорил ему: «Отдыхай, гуляй в парке, играй в домино...» А он практически никуда не ходил, ничем для отдыха не занимался. Сидел целыми днями в кабинете, работал и по субботам, и по воскресеньям... Так 8 лет на пенсии прожил.

Был редактором сборника «Советская атомная наука». Жалел, что за него взялся... Была масса товарищей, которые хотели в этот сборник попасть. Было и давление на отца, чтобы, как он считал, исказить историю... Но он старался поместить в книгу не тех людей, которые в то время имели власть и должности, а тех, кто действительно сделал много для развития атомной науки... На это он много здоровья отдал. Говорил: «Не те силы, чтобы все это вынести...» Большинство статей писал сам. Редактировал, подбирая состав авторов... Сборник вышел в 1967 году под его редакцией...

В. А. П.: Писал ли Кирилл Иванович воспоминания?

Щ. Ф. К.: Воспоминаний он не писал, это точно. Когда долго болел, пробовал писать рассказы, популярную литературу. Его книга «Физика микромира»

выдержала много изданий... Подсчитал, что когда работал над книгой, то зарабатывал по полтиннику в день. Часто шутил: «На такой заработок не проживешь».

В. А. П.: Когда он работал в послевоенные годы, вы его видели? Бывал ли он в семье? Занимался ли с вами?

Щ. Ф. К.: Когда он работал на старом месте (КБ-11), то дома почти не бывал. А когда и был дома, то около дома очень часто дежурила машина. Приезжал поздно вечером, часто уезжал ночью... Шли какие-то эксперименты. Как получают результат — звонят ему... Работал практически без отпусков. Попадал в отпуск только из больницы... отправляли в санаторий.

В. А. П.: Как же получилось, что врачи ничего не могли сделать?

Щ. Ф. К.: Это от перегрузки большой, нервной. Меняются все сосуды... Врачи его только подлечивали. Из больницы со скандалом выходил. Врачи не отпускали... А отец говорил: «Все равно мне тут только хуже...»

В. А. П.: Есть ли у вас фотографии, письма отца? Бережете ли все это?

Щ. Ф. К.: Есть, бережем... Есть все работы, которые в течение его жизни печатались, оттиски статей... Хранится его архив, черновики, записи... Что касается писем, то они есть у мамы и моей бабушки — матери отца. Но мать и отец все время жили вместе, поэтому писем очень мало.

В. А. П.: Из детских воспоминаний что-нибудь помните?

Щ. Ф. К.: Помню хорошо, что он воспитывал простое и естественное отношение к жизни. Те, кто знал, что он какой-то начальник, награжденный, удивлялись его простоте...

Если меня во дворе били или я кого-то бил, то отец к этому относился легко и спокойно, никогда даже не вмешивался.

В. А. П.: Чем ваш отец увлекался в свободное время? Каким видом спорта занимался?

Щ. Ф. К.: В молодости многими видами спорта занимался довольно серьезно. Греблей занимался. Несколько лет их команда второе место в Ленинграде занимала... Планерным спортом...

Какое-то время пытался заниматься боксом, но быстро бросил. Попал на тренировках на партнера, хорошо владевшего боксом, и два раза приходил после нокаута...

Одно время стал полнеть. Начал бегом заниматься. По многу километров бежал в спортивном костюме. По воскресеньям ходил на лыжах, но не часто...

Одно время даже играл в русский хоккей — защитником. Это там, в Приволжске (КБ-11)... Говорил: «Меня ставят в защиту потому, что по моему краю никто не пытается прорваться — боятся ненароком меня задеть». Помню, ему вручали коньки и клюшку за победу их команды.

В свободное время читал. Очень любил всякие новые литературные вещи... журналы новые, художественную литературу. Очень много выписывал. Получал каталог и отмечал галочками то, что выписывать. Библиотека у него большая была.

В. А. П.: Какие отношения были у Кирилла Ивановича с Ю. Б. Харитоном?

Щ. Ф. К.: Насколько я помню, отец всегда с уважением отзывался о нем. Когда отец уже был на пенсии, Ю. Б. Харитон несколько раз привлекал его на разовые совещания в министерстве, которые проводил... Отец был этим доволен...

После смерти отца Ю. Б. Харитон много сделал для подготовки некролога... А позднее — статьи для «Правды». Хотели опубликовать к 60-летию отца... Статью писали Н. Н. Семёнов и Ю. Б. Харитон. Но шла она за подписью одного Семёнова, Харитона сразу убрали... Нам позвонили и сказали: «В завтрашнем номере читайте». Но статью так и не опубликовали по указанию с самого верха: «Рано пока еще. Много может открыться...»

В. А. П.: А как вы жили в Казани?

Щ. Ф. К.: В Казани нам дали в общежитии одну пятнадцатиметровую комнату на две семьи. Нас 4 человека и другая семья 4 человека... Комната перегораживалась простыней на веревке, одна семья в одной половине, другая — в другой...

Летом 1943 года вернулись в Москву. В Москве жили в институте. Коридор досками перегородили на отсеки по 2 метра шириной. Сотрудники и жили в этих деревянных загончиках.

В Казань мы попали с отцом. Он вернулся с фронта, приехал за нами в деревню и увез...

И в Казани, и в Москве сажали картошку... После работы вскапывали землю, а по воскресеньям сажали... У отца один из лучших урожаев был. Он всегда очень активно за всякое дело брался... Помню, он даже мыло варил. Из чего не помню... Но мать этим мылом стирала...

В. А. П.: А у Вас дети есть?

Щ. Ф. К.: Дочка, уже 17 лет. С ней отец мало имел дела, поскольку много работал...

Помню один случай. Дочь еще маленькой была. Как-то отец стал ей читать сказку. А она на него удивленно смотрит: «Ты что на меня так удивленно смотришь, Лена?» — «Дедушка, ты, оказывается, тоже умеешь читать?»

Она была уверена в том, что он не читает ей потому, что не умеет читать. Потом отец стал ей читать чаще. Его поразила эта наивная детская логика...

Любимов В. С.: Феликс, ты как-то рассказывал мне о строительстве бассейна в нашем городе. Расскажи, как это было?

Щ. Ф. К.: Несколько раз отец и Дмитрий Ефимович Васильев просили по очереди у министра разрешение построить плавательный бассейн. А министр всегда отвечал: «На других объектах тоже нет, никакого разрешения не будет и вам!»

Но отец и Васильев настаивали. Они работали по идее о бассейне в паре. Однажды они даже разозлили министра. Он сказал Васильеву: «Если еще раз услышу о бассейне, то плохо тебе будет!»

А тут как-то отец был у председателя Совета Министров РСФСР. Решил какой-то вопрос, а потом попросил разрешения построить бассейн. Председатель

Щёлкин Кирилл Иванович

спросил: «А деньги у вас есть?» Отец сразу же ответил: «Да, деньги есть, стройматериалы есть, всё есть! Разрешения нет!» Тот и разрешил.

А между Васильевым и отцом уже была договоренность о том, что по сигналу нужно остановить все строительные работы и по жилью, и по промышленным зданиям, чтобы за сутки сделать основные работы по бассейну. Отец позвонил на объект, и там сразу начали... В пятницу это было.

А в понедельник министр узнал о том, что отец выпросил разрешение, и сразу же вызвал и Васильева, и отца к себе. Дмитрий Ефимович уже в Москву прилетел...

Министр начал возмущаться: «Я вас предупреждал, я вам запрещаю строить!» А отец и Васильев в один голос: «Так все уже построено! Теперь команду давайте, чем сносить — бульдозером или как?»

Министр не поверил — ведь только в пятницу дано разрешение. Позвонил на объект и попросил доложить о состоянии строительства бассейна. Ему сказали, что уже крышу подвели, заканчивают выкладывать ванну. Министр засмеялся: «Все-таки вы меня обвели вокруг пальца...»

Этот бассейн был первым на Урале, да и в городах нашего министерства первым... Хотя объект был самым молодым.

Отец хотел, чтобы люди в городе жили с удовольствием, чтобы он стал их постоянным местом жительства...

Из беседы А. П. Васильева и В. С. Любимова с Ф. К. Щёлкиным. Апрель 1975 г.

В армии у нас с ним [К. И. Щёлкиным] интересы были общие. Поэтому он был мне близким фронтовым другом и, пожалуй, за всю войну таким единственным душевно близким товарищем.

Шесть месяцев мы были вместе, рядом спали. Он был политбойцом, как и я. Оба — вычислителями-разведчиками... Его с фронта отозвала Академия наук. Он знал об отзыве и раньше, ему писала жена. По-разному люди, конечно, реагировали на это, но я понимал.

Занимались артиллерийской разведкой. Это — наблюдение, корректировка огня, составление карт. На карты наносили расположение огневых, боевых и прочих точек противника. Составленные карты отвозили в штаб Рокоссовского. Ежедневно: то он, то я — по очереди. При этом приходилось проскакивать на машине простреливаемую зону. Каждый раз противник, завидев нас, открывал огонь. Но обходилось благополучно...

700 Кирилл Иванович был со мной и под Москвой... Направили нас, пять человек, в разведку: Парамонова, Морозова, Щёлкина, меня и еще кого-то, сейчас уже не помню. Взяли мы в вещмешки по три лимонки, по четыре диска к автомату... Подъехали на машине к деревне Черные Грязи, примерно 40 километров от Москвы. Тут бомбежка, мы выбежали из машины. Один налет, другой. Мы сидели в это время под горушкой.

По-видимому, немцы бомбили деревню на всякий случай, чтобы сделать через нее рывок в район Химок. За деревней справа был лесок. Там стоял в засаде наш танк. Но мы этого не знали.

Перебрались в свежую воронку. Вдруг видим — идут на нас шесть немецких танков. А нас-то пятеро. Что делать? Парамонов с кем-то, кажется с Морозовым, побежал к брошенному нашими артиллеристами орудью. Он знал, как из него стрелять.

Сделал несколько выстрелов. Видим один танк, за ним другой — загораются! А у третьего башня подбита! Слишком здорово! А оказалось, что это работа нашего Т-34 из засады.

За танками шла немецкая пехота. Немцы стреляли трассирующими пулями, наверное, для устрашения. Ну, мы тоже открыли автоматный огонь. И вдруг немцы повернули назад... А ведь они могли тогда прорваться к Химкам, за нами никого не было.

Этот случай был описан в «Правде» от 5 декабря 1941 года в заметке «Героический экипаж». Там о нас ничего не сказано. Вернее, говорится, но не так, как было в действительности... Танкисты все получили награды. Мы ничего не получили...

Еще был один случай под Москвой. По поручению командования мне и Кириллу Ивановичу пришлось отвести пленного немца в штаб дивизии.

Кирилл Иванович владел английским языком. Он и разговаривал по-английски с немецким офицером. Тот оказался сыном обер-бургомистра какого-то города. Кирилл Иванович спросил его, является ли он фашистом. Тот ответил, что отец его числится в фашистской партии, но не отъявленный фашист. А сам немец сдался в плен добровольно.

По дороге немцы все же нас обнаружили и открыли огонь из минометов. Мины ложились близко. Пришлось подгонять немца, чтобы побыстрее уйти из-под огня. Немца мы довели и сдали в разведотдел.

Кирилл Иванович, будучи на фронте, находил прямо в жизни научные проблемы. Было очень обидно смотреть, как легко загорались наши самолеты от немецких очередей. Все дело, считал Кирилл Иванович, в октановом числе. Надо было найти способ повышения температуры возгорания горючего. Решил ли он эту задачу, не знаю...

*Ф. С. Свинчевский, однополчанин К. И. Щёлкина
(записал Л. И. Шибаршов 30 марта 1976 г.)*

Рядового Щёлкина разыскали на артиллерийских позициях. В выдавшей виды шинели, ботинках с обмотками и обгорелой шапке-ушанке Кирилл Иванович выглядел бывалым фронтовиком.

— Щёлкина к командиру дивизии! — громко выкрикнул запыхавшийся связной командира батареи.

Щёлкин Кирилл Иванович

Артиллеристы, любившие своего разведчика, перестали копаться у пушек, как-никак вызывал командир дивизии. По колее, проложенной танками, Щёлкин шагал в указанном связным направлении.

Полгода Кирилл Иванович на фронте. Таких, как он, в части осталось немного. Позади труднейшие кровопролитные бои, оборона Москвы.

Доброволец первых дней войны, он оказался в знаменитой 64-й (позднее 7-й гвардейской) стрелковой дивизии...

Вместе с ним с пополнением в разные подразделения дивизии прибыло несколько сот добровольцев из Москвы и Ленинграда. Щёлкин был назначен вычислителем-разведчиком батареи начальника артиллерии дивизии. Начальник артиллерии, старший лейтенант Сидоркин, никогда не был полностью доволен полученными данными. После любого доклада старался что-то уточнить, узнать о противнике еще больше. Недаром разведчики между собой называли его «И больше ничего?».

А потом началось. Бои у Днепра, где дивизия впервые заставила противника отступить. Ошеломил тогда фашистов точно нацеленный огонь дивизионных пушек. А чего стоила разведчикам эта точность. Памятна и тяжелая оборона у Серпухова, у южных ворот Москвы. Здесь сюрпризом для гитлеровцев стали колющие орудия, не дававшие им передышки даже ночью.

И все же главное испытание ждало гвардейцев на самом близком к Москве участке фронта, у Солнечногорска, куда их спешно перебросили в конце октября...

...На полях вокруг Москвы белел снег, зима наступила рано. Припушенные снегом железнодорожные составы, везшие дивизию от Серпухова к Солнечногорску, остановились в Химках, поблизости от столицы. Отсюда подразделения со своим оружием отправлялись на Ленинградское шоссе, в район поселка Большие Ржевки.

Немцы уже заняли Крюково и рвались к Москве. Гвардейцы оседлали перекресток шоссе и стали стеной. В критические моменты бойцы кидались с гранатами под танки, не раз поднимались в рукопашную. Смело действовали артиллеристы, в рядах которых сражался Щёлкин...

В конце ноября по заданию командира К. К. Рокоссовского группа гвардейцев во главе с офицером провела удачную вылазку в тыл немцев и захватила в плен фашистского офицера, одетого в парадную форму.

Щёлкин с удивлением разглядывал пышно разодетого гитлеровца, комиссар рассказал, что фюрер приказал офицерам частей, близко подошедшим к Москве, быть в парадной форме, чтобы 1 декабря торжественно вступить на Красную площадь.

702

Но эта задача оказалась им не по зубам. Наши бойцы не пустили их дальше. На подмогу защитникам столицы прибывали свежие силы, близился час расплаты. И вот впервые по цепи пронеслась весть: «Немцы попятись! Вперед на запад!» Кажется, слов, более радостных, Кирилл Иванович за всю свою жизнь не слышал...

«Что же это за задание такое, — раздумывал Щёлкин, — которое будет давать сам комдив?» Поправив шапку и ремень на шинели, он открыл дверь в подвал и в свете керосиновой лампы увидел сидящего в полушубке седовласого, с молодым широким лицом комдива. Афанасий Сергеевич Грязнов, которому в декабре было присвоено звание генерала, поднялся со стула, поздоровался за руку, внимательно оглядел бойца. Потом взял со стола какую-то бумагу. Пригласил:

— Садитесь. Кем работали до войны?

— Старшим научным сотрудником в Институте химической физики в Ленинграде, — ответил Щёлкин.

— Есть труды?

— Так точно.

— Кандидат наук?

— Так точно.

— Что же молчали об этом?

— Ученая степень, товарищ генерал, не мешала мне бить фашистов.

— Это мне известно, — улыбнулся комдив. — Но вы нужны не здесь. Пришел приказ товарища Щаденко откомандировать вас к месту прежней работы. В Казань, — поправился генерал. — Работа ваша теперь там. В двадцать четыре часа чтобы отправились. Вы что, не рады?

— Я доброволец, товарищ генерал.

— Приказ есть приказ. Завтра получите документы.

Утром старшина сурово оглядел Кирилла Ивановича. «Ну куда в таком виде ехать, — заворчал он, — подберем что-нибудь посвежее». Сборы были быстры: один предложил новые бриджи, другой — гимнастерку, третий дал свой котелок. Собрали в дорогу несколько селедок, хлеб и консервы...

Так уезжал Кирилл Иванович с военного фронта на фронт научный. Сдвояким чувством покидал Кирилл Иванович родное подразделение. Недаром, видно, говорят: бой славен мужеством, а красен дружеством. В то же время он чувствовал, как соскучился по институту, по научной работе, темы которой мысленно производил с ласкою: детонация, спин, турбулентность... Все это будило воспоминания о мирном Ленинграде, о товарищах, о семье...

Проделав долгий путь по железной дороге, Кирилл Иванович появился в институте в кирзовых сапогах, с вещевым мешком за спиной и позвякивавшим у пояса котелком...

В эти трудные годы, создавая боевое оружие для фронта, конструкторы самолетов уже заглядывали в будущее, веря, что только реактивная техника обеспечит большие скорости полета. Раньше реактивные двигатели появлялись на летательных аппаратах эпизодически. Теперь же речь шла о самолете с воздушно-реактивным двигателем (ВРД).

Продолжая исследование горения в реактивном двигателе, Щёлкин окончательно сформулировал то, что впоследствии получило название турбулентного горения.

Щёлкин Кирилл Иванович

Зарождение новой отрасли техники — реактивного двигателестроения — потребовало усилий многих коллективов ученых и конструкторов.

Осенью 1943 года институт переехал в Москву...

П. Т. Асташенков

(отрывок из книги «Пламя и взрыв».

М.: Изд-во «Политическая литература», 1974)

Кирилл Иванович Щёлкин по праву занимает одно из ведущих мест в славной когорте выдающихся советских ученых, внесших огромный вклад в развитие отечественной атомной науки и реактивной техники. Уже один тот факт, что он трижды удостоивался высокого звания Героя Социалистического Труда, был лауреатом Ленинской и трех Государственных премий, говорит о том, что Кирилл Иванович не раз совершал выдающиеся подвиги в науке. Это к нему и его коллегам обращены слова поэта Роберта Рождественского:

Говорят о вас просто — «атомники»,
Именуют скромно: «ракетчики».
Дорогие наши товарищи,
Лишь известностью не обеспеченные.
Вам даются награды негласно.
Рядом с нами вы и не с нами.
Мы фамилий ваших не знаем.
Только вы на это согласны...

Он был еще молод — всего 57 лет. Он мог бы совершить еще множество важных научных открытий, но тяжкий недуг вырвал его из жизни: в ночь на 8 ноября 1968 года Кирилл Иванович скончался от паралича сердца.

Пригородная электричка увозит нас из Москвы в город Электросталь, где живет мать героя Вера Алексеевна Щёлкина. Это её письмо позвало меня в дальнюю дорогу, чтобы узнать, а затем и рассказать о творческом пути корифея советской науки, чья жизнь будет служить примером для многих поколений.

«Мой сын, — писала она в письме, — родился и сделал первые шаги в доме по Курскому переулку, неподалеку от Московской улицы в Тбилиси. Поэтому понятно то волнение, которое испытываю я, узнав о решении воздвигнуть ему памятник в Тбилиси. Ведь и я родилась в этом городе...»

...Час езды, и мы в Электростали. Город большой, красивый, повсюду огромные здания. Но воздвигнуты они строго по плану, и найти дом на Южном проспекте, в котором проживает Вера Алексеевна, не представляло особого труда...

Вера Алексеевна достает письмо Кирилла Ивановича, датированное 20 октября 1968 года.

«Дорогая мама! — писал он. — Отвечаю сразу на два твоих письма. Относительно своего здоровья пока ничего сказать не могу... После больницы я понемно-

Щёлкин Кирилл Иванович

гу хожу около дома и в парке. Буду очень рад твоему приезду... Пишу, но не очень твердо чувствую себя на ногах. И ты, видимо, тоже. Я понимаю, но быть может, все же приедешь? Хорошо, если приедешь с Ирой [сестрой Кирилла Ивановича]... Целую тебя крепко. Кирилл.»

Это было последнее письмо Кирилла Ивановича, адресованное матери.

Он верил, что настанет пора, когда ученые всего мира будут общими усилиями решать проблемы мирного использования атома, поставят его на службу человеку. Его захватывали все новые и новые идеи. Он по-прежнему горел на работе, засиживался в своей лаборатории до позднего вечера. Однако напряженнейший труд в течение многих лет начал давать о себе знать: все чаще побаливало сердце, подпрыгивало невзначай кровяное давление.

В 1960 году затянувшаяся болезнь вынудила Кирилла Ивановича оставить руководящую работу в большом коллективе. Но неутомимый подвижник науки продолжал исследования, писал книги, статьи, заведовал кафедрой горения в Московском физико-техническом институте, преподавал студентам, консультировал научных сотрудников. Горячий пыл своего неуемного сердца, глубокие знания и эрудицию он проявил, будучи главным редактором книги «Советская атомная наука и техника», которая вышла в свет к 50-летию Великого Октября.

«Его жизнь была прямой и стремительной, духовно богатой и красивой, — говорил мне профессор Яков Кириллович Трошин. — Он щедро отдавал свой талант людям, заботливо растил молодежь. Он учил своих соратников при решении сложнейших проблем прежде всего стараться теоретически прогнозировать возможные решения, отбрасывая в изучаемом явлении второстепенные вопросы и выделяя главное. Он был противником проведения многочисленных и дорогостоящих экспериментов без предварительной проработки главных линий, на которых может лежать искомое решение». И в подтверждение своих слов Яков Кириллович приводил один за другим эпизоды, которые раскрывали сверкающие грани таланта первопроходца в науке, замечательные черты характера организатора и руководителя большого коллектива ученых...

В. Харазов

(отрывок из очерка «Жизнь яркая, как пламя». Газета «Вечерний Тбилиси», 1975, 2–3 апреля)

Яненко Николай Николаевич

22.05.1921–16.01.1984

Ученый-математик и механик с мировым именем, создатель научной математической школы на Урале (Снежинск, Екатеринбург) и в Сибири, кандидат физико-математических наук (1949), доктор физико-математических наук (1954), профессор (1961), член-корреспондент Академии наук СССР (1966), академик АН СССР (1970), Герой Социалистического Труда (1981), лауреат Государственных премий СССР (1953, 1972, 1985 – посмертно); участник Великой Отечественной войны.

- 1939 – студент физико-математического факультета Томского государственного университета.
- 1942 – рядовой 376-й стрелковой дивизии, затем младший лейтенант и переводчик в разведоте.
- 1946 – аспирант НИИ математики и механики МГУ.
- 1948 – младший, а затем старший научный сотрудник Геофизического института АН СССР, г. Москва.
- 1953 – старший научный сотрудник и одновременно ученый секретарь Отделения прикладной математики МИАН СССР, там же.
- 1955 – начальник отдела, затем начальник математического отделения НИИ-1011, г. Снежинск.
- 1958 – научный руководитель математического отделения, там же.
- 1963 – заведующий лабораторией, заведующий отделом численных методов механики сплошных сред ВЦ СО АН СССР; по совместительству ассистент, старший преподаватель, профессор Московского и Новосибирского университетов.
- 1976 – директор Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР, г. Новосибирск.

Награжден орденами: Красной Звезды, Трудового Красного Знамени (1953, 1955, 1971), Октябрьской Революции (1975), Ленина (1981); медалями: «За отвагу», «За оборону Ленинграда», именной медалью «Коллеж де Франс» (1975).

Биография Николая Николаевича Яненко, Героя Социалистического Труда, действительного члена Академии наук СССР, трижды лауреата Государственной премии СССР, кавалера орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени типична и исключительна одновременно. О судьбе этого Человека, Ученого, Гражданина можно написать не одну книгу.

Николай Николаевич проработал в нашем институте всего восемь лет, но сумел заложить такой фундамент для развития его математического отделения, что имя Н. Н. Яненко должно быть вписано золотыми буквами в летопись РФЯЦ – ВНИИТФ.

Николай Николаевич Яненко родился 22 мая 1921 года в г. Каинске (ныне Куйбышев Новосибирской области). Отец его, Яненко Николай Павлович, был бухгалтером, мать, Наталья Борисовна, — домохозяйкой. В 1923 году семья Яненко переехала в Новосибирск. В семье росли пятеро детей, из них трое от первого брака матери. Николай Павлович не делал различия между своими и приемными детьми, и в доме всегда была атмосфера заботы и дружбы. В 1927 году отца перевели на работу в Семипалатинск, где он вскоре умер от тифа, и все заботы о детях легли на плечи матери.

Коля был самым младшим в семье, его рано проявившиеся способности были замечены всеми. В школу он пошел в 1929 году. В этом же году его перевели во второй класс, который он окончил с похвальной грамотой. Коля охотно помогал отстающим одноклассникам. Некоторые из них были из состоятельных семей. За уроки Коле разрешали брать книги из семейных библиотек и читать их дома. Так он основательно познакомился с русской и иностранной классикой. У старших братьев он научился играть в шахматы, любил мальчишеские игры, особенно футбол. Здесь открылась его новая черта — азартность, с которой он вел игру, заражая других. Эта неистовая азартность осталась в нем навсегда.

После 7-го класса Николай Яненко вместе с другими школьниками побывал в Москве. Эта поездка была премией за отличную учебу. Класс оказался очень сильным (10 человек окончили школу с медалями), но даже на этом фоне Николай Яненко выделялся своими редкими способностями, сочетавшимися с удивительным трудолюбием. Он отлично занимался по всем предметам: глубоко знал историю, удивлял всех успехами в немецком языке, любил литературу. Постепенно математика стала его главным увлечением.

В 1939 году Николай Яненко поступил на физико-математический факультет Томского государственного университета им. Куйбышева. Он обогнал в учебе всех

своих товарищей и летом 1942 года с отличием окончил университет. Три недолгих студенческих года — три года сосредоточенной, напряженной работы, сурового, почти отшельнического образа жизни. В трудных условиях голодного и холодного тыла он сам добавил себе фантастическую нагрузку, выучив английский и французский языки, расширив для себя многие университетские программы.

После окончания университета Н. Н. Яненко получил назначение в школу села Северное Новосибирской области учителем математики, а через два дня, уже находясь в Северном, — повестку военкомата. После коротких месяцев обучения, в октябре 1942 года он выехал на фронт..

Спустя более 40 лет, в феврале 1983 года, на встрече с ветеранами Николай Николаевич рассказывал: «После призыва в армию в 1942 году, я проходил обучение в г. Бердске, а затем в г. Бийске, где и был зачислен рядовым в одну из рот 376-й стрелковой дивизии. 17 ноября мы прибыли в район ст. Войбокало под блокадным Ленинградом. Население города гибло от бомбежек, артобстрелов и недоедания. Нужно было прорвать блокаду и наладить снабжение Ленинграда важными грузами и продуктами по железной дороге. В январе 1943 года части Красной Армии готовились к прорыву блокады ударами Волховского и Ленинградского фронтов. Вторая ударная армия в это время находилась в тылу на переформировании. Для её пополнения стали прибывать сибирские части. 12 января немцам был нанесен мощный удар, начавшийся более чем двухчасовой артподготовкой. На всей передовой стоял сплошной гром и гул, работали все калибры артиллерии и «катюши». Я впервые в своей жизни был свидетелем такой артподготовки. Очень ожесточенными были бои за высоту Синявино, окруженную болотами. Высота много раз переходила из рук в руки. Семь дней шла битва, а на восьмой день блокада была прорвана, положение временно стабилизировалось. Это позволило, наряду с боевыми сражениями, наладить идеологическое наступление. При штабе армии начал действовать отдел, занимавшийся пропагандой среди войск противника. Пропагандист, знавший немецкий язык, заучивал наизусть текст, проникал в нейтральную зону и при помощи простого рупора передавал информацию. Со своим рупором я использовал передовую во многих местах Волховского фронта, в районе рабочих поселков, на знаменитой Синявинской высоте. К этой работе меня привлек Абрам Эвадьевич Лорман — старший лейтенант из штаба армии».

708 *Из воспоминаний А. Э. Лормана, капитана в отставке, учителя:* «Забравшись в воронку или траншею, а иногда и на чистой местности, на расстоянии 50—75 метров от немецких траншей, мы начинали передачу. Мне казалось, что после первого выхода Николай Яненко, увидев, какая опасность нам грозит, откажется от дальнейшей работы, и был обрадован, когда он предложил повторить передачу, так как из-за стрельбы не все было слышно. В ту же ночь мы перешли на другой участок обороны, и передача прозвучала вновь. Мне было приятно работать с Николаем Николаевичем, так как он все делал не по принуждению».

Сугубо штатский человек с самой мирной профессией учителя, Н. Н. Яненко мужал в боях. Ему пришлось участвовать в ряде боевых операций. Об одной из

них, в газете «Атака» от 5 марта 1944 года рассказывалось, как благодаря четким и умелым распоряжениям младшего лейтенанта Н. Н. Яненко руководимое им подразделение захватило опорный населенный пункт и полностью уничтожило гарнизон противника. За эту боевую операцию, а также за работу рупористом младший лейтенант Н. Н. Яненко был награжден медалью «За отвагу». Первая награда на всю жизнь стала для него самой дорогой. А потом была медаль «За оборону Ленинграда», орден Красной Звезды...

Война опалила молодого Яненко, но не убила в нем желание учиться и посвятить себя науке, это желание крепло в нем все военные годы.

Сохранились фронтовые письма Н. Н. Яненко профессору Московского университета П. К. Рашевскому. Будучи в эвакуации, Рашевский читал в Томском университете курс геометрии и, заметив редкую одаренность студента Николая Яненко, рекомендовал ему поступить в аспирантуру. Мечта стать ученым-геометром не оставляла Николая Николаевича в суровых условиях военных сражений. Ему не хотелось терять ни одного года на пути к осуществлению этой цели.

В 1944 году Николай Николаевич писал П. К. Рашевскому: «...слишком резок и неожидан был переход из ограниченного мирка Томска к действительности в самой жесткой её форме, и слишком много выветрилось из памяти за эти два года. Конечно, они оказались не без пользы для определения моего характера, но для меня, как для математика, эти два года — громадный минус... Жалко только одно, что постепенно грубеешь не только в чувствах, но и в мыслях, и после войны придется восстанавливать (если только придется) не только знания, но и способность мыслить, которая на добрую половину утрачена...

...Повторяю мою просьбу прислать мне условия и характер приема в аспирантуру. Нельзя ли уже сейчас, находясь в армии, предпринять некоторые подготовительные меры для убыстрения этого дела?»

Читая эти письма, с трудом веришь, что писал их молодой человек 23-х лет, так они глубоки, серьезны и полны философской мудрости.

В письме к П. К. Рашевскому от 1 мая 1945 года есть такие строки: «...Я выписал из дома книги, но за это время продвинулся очень недалеко. В условиях наступательного боя и даже обороны занятия по математике — трудная вещь, так как для этого требуется не только время (его можно найти), но и внутренняя сосредоточенность, что совершенно невозможно и, по правде сказать, неуместно. Ни война, ни математика не терпят подобного разделения внимания».

Главное, что беспокоит молодого воина в этой подготовке к будущей мирной жизни, это вопрос — способен ли он и впредь успешно заниматься наукой, не безнадежно ли он отстал. И он с радостью пишет учителю: «...Эти занятия убедили меня в одном: могу и в малый срок восстановить свои знания и, возможно, даже тонус математической мысли».

Верный своему принципу не давать себе ни малейшей скидки, Николай Яненко пишет: «Скоро перейдем на казарменные условия — уже в России — и, возможно, создадутся условия для учебы... Для меня ясно, что все дело во мне и упорной

работе над собой, и я не намерен более делать каких-либо ссылок на объективные трудности».

Вот с такими мыслями, с таким настроением не искать легких путей и не давать себе никаких скидок вышел из боев Великой Отечественной войны 24-летний Николай Николаевич Яненко. Много лет спустя, в 1975 году, в радиоинтервью он скажет: «Чем дальше от войны, тем больше я вспоминаю и оцениваю её значение... Я все время отсчитываю свои оценки происходящего по той, военной шкале».

Демобилизовавшись из армии в феврале 1946 года, Н. Н. Яненко поступил в аспирантуру Московского государственного университета. Аспиранты почти все были из фронтовиков. Николай Николаевич даже среди этой компании отличался своим трудолюбием. Раньше всех приходил на занятия в библиотеку и позже всех уходил, прихватывая иногда и ночь для работы над трудной научной статьей.

Кандидатская диссертация Н. Н. Яненко была посвящена признакам изгибаемости поверхностей в n -мерном евклидовом пространстве. Эта сложная и малоизвестная даже специалистам проблема рассматривалась ранее Картаном. Николай Николаевич овладел в совершенстве его методом, а затем начал свои разработки по этой теме и довел их до завершенного состояния. В 1949 году диссертация была защищена.

Несколько раньше, в августе 1948 года, Николай Николаевич начал работать сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником в Геофизическом институте АН СССР. В 1953 году он был переведен в Отделение прикладной математики Математического института им. В. А. Стеклова Академии наук СССР. Он переключился на совершенно новые для него проблемы. Занимаясь различными методами и задачами газовой динамики, он не оставлял дифференциальной геометрии и защитил по геометрическим исследованиям докторскую диссертацию в 1954 году.

Работа в отделе А. Н. Тихонова была началом работы Николая Николаевича для новой отрасли — Министерства среднего машиностроения. Именно здесь было впервые рассчитано энерговыделение сферической системы. Н. Н. Яненко при этом исследовал асимптотические свойства уравнений состояния в модели Томаса — Ферми. Эти исследования легли в основу построения интерполяционных формул для уравнений состояния в широком диапазоне давлений и температур. За эти работы в 1953 году Николай Николаевич был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

710 Академик А. А. Самарский, вспоминая о совместной с Н. Н. Яненко работе в эти годы, пишет: «Его уже тогда отличала одна очень важная черта — стремление все делать на самом высоком теоретическом уровне, разрабатывать теоретические обоснования численных методов даже в рамках конкретных задач»; а доктор физико-математических наук Б. Л. Рождественский подчеркивает: «Это очень редкий случай, чтобы абстрактный математик, геометр, мог так профессионально, так быстро войти в чуждую ему тогда область науки и добиться в ней значительных результатов».

Может быть, именно эта способность Н. Н. Яненко определила его назначение руководителем математического подразделения вновь создаваемого института по предложению Д. Е. Васильева и К. И. Щёлкина.

Распоряжением № 11/7-68966 от 27.09.55 г. по Министерству среднего машиностроения Н. Н. Яненко был назначен на должность начальника отдела первой группы первой категории НИИ-1011. Начальником математического сектора предприятия ранее был назначен Е. С. Кузнецов, однако он вскоре отказался от этой должности, фактически не приступая к работе. Приказом № 737 от 30.09.55 г. по Министерству среднего машиностроения начальником математического сектора НИИ-1011 был назначен Н. Н. Яненко.

В сентябре 1955 года группа математиков из состава КБ-11 во главе с А. А. Бунатяном прибыла на Урал и приступила к работе вместе с физиками-теоретиками и физиками-экспериментаторами. Николай Николаевич в этот период находился в Москве.

Часть расчетов, необходимых физикам-теоретикам, делалась на машинах «Мерседес». Особо важные задания на расчеты отправлялись в Москву в Отделение прикладной математики, где уже использовалась ЭВМ «Стрела».

В конце 1956-го — начале 1957 года математики небольшими группами прибывали на Урал. В секторе были сформированы четыре отдела: теоретический во главе с Н. Н. Яненко, производственного счета во главе с А. А. Бунатяном, вычислительной техники во главе с В. А. Дорофеевым и отдел программирования под руководством Ю. И. Морозова. В марте 1957 года была сдана в эксплуатацию «Стрела».

Для расчета работы узлов изделий использовались программы, привезенные из ОПМ и освоенные там нашими математиками во время стажировки. Сразу же в секторе начали создаваться и новые программы. При обсуждении вновь создаваемых программ контакты теоретиков и математиков шли через Н. Н. Яненко, а анализ конкретных расчетов и обсуждение полученных результатов велись, в основном, через А. А. Бунатяна.

Н. Н. Яненко, прозорливо предвидя мощное развитие вычислительной математики, считал, что нужно сразу, немедленно готовиться к будущим работам.

Несмотря на то, что было еще очень много нерешенных проблем в одномерных расчетах, Н. Н. Яненко широким фронтом развернул работу по созданию методик для двумерных задач, привлекая к этому наиболее сильных математиков. Он считал, что создание научного задела для расчетов завтрашнего дня столь же важно, как и счет производственных задач для запросов сегодняшних. Физики-теоретики не разделяли этих взглядов Яненко. Среди теоретиков ширилось мнение, что Яненко слишком абстрактно мыслит в вычислительной математике и мало занимается практическими расчетами. В этом смысле взаимопонимание у теоретиков с Бунатяном было гораздо лучшим, чем с Яненко.

Научным руководителем НИИ-1011 К. И. Щёлкиным было проведено совещание представителей подразделений института для обсуждения создавшейся

ситуации. После совещания К. И. Щёлкин принял решение о переводе Н. Н. Яненко с должности начальника сектора на вновь созданную должность научного руководителя, хотя статус этой должности определен не был, права научного руководителя четко не сформулированы. Тем же приказом начальником сектора был назначен А. А. Бунатян.

Жизнь показала, что в Н. Н. Яненко счастливо сочетались талант ученого с педагогическим талантом, сила абстрактного мышления с рациональным мышлением организатора, отрешенность исследователя с пониманием необходимости реальных приложений научных достижений. Особенно ярко это проявилось позже, в Сибири, когда он стал директором Института прикладной и теоретической механики и за короткий срок сумел вывести работы института на мировой уровень.

Конечно, тогда, в 1958 году, эта многогранность Н. Н. Яненко как ученого-руководителя была не так очевидна. Когда он начал свою деятельность на посту начальника сектора, его научный авторитет был уже очень высок, администратор же он был начинающий и в этом он уступал А. А. Бунатяну.

В результате производственных перемещений А. А. Бунатян получил всю полноту власти, а у Н. Н. Яненко они существенно ослабили связи с теоретиками по производственным расчетам. Он потерял возможность активного влияния на кадровую политику, на решение структурных вопросов в подразделении. Затруднительным стало даже внедрение вновь разработанных методик в производственные программы, так как Бунатян выдвинул тезис: «Каждый начальник отдела решает сам, по каким методикам ведется счет в отделе».

Несмотря на свое осложнившееся после перемещений положение в секторе, Яненко активно продолжал работы по исследованию свойств систем дифференциальных уравнений механики сплошной среды, по построению аналитических решений, созданию новых разностных методов. О многочисленных важных и разнообразных исследованиях, которые были проведены в те годы и доказали позже свою перспективность и умение Н. Н. Яненко видеть главные направления на много лет вперед, рассказывают ученики Николая Николаевича.

Доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии, сотрудник ВНИИТФ В. Ф. Куропатенко: «В течение нескольких лет были получены многие важные автомодельные решения о движении газов в одномерной постановке, которые затем были широко использованы для проверки и обоснования точности математических методов, реализованных в прикладных программах. Был сформулирован и опробован метод продольно-поперечной прогонки, явившийся трамплином к созданию метода расщепления, позволяющего сводить решение двумерной задачи к последовательному решению ряда одномерных задач. Впоследствии метод расщепления стал всемирно известным и вошел в ряд монографий.

Необходимость более точного учета особенностей конструкций при расчетах изделий потребовала создания экономичных и надежных двумерных методик

и программ. Это была стратегическая задача. Именно для решения таких задач и создавался теоретический отдел, в котором были сосредоточены основные разработки двумерных методов».

Кандидат физико-математических наук, лауреат Ленинской премии, сотрудник ВНИИТФ В. А. Сучков: «Научная смелость Николая Николаевича проявлялась в том, что он брался за очень трудные работы и всегда получал новые научные результаты. Так, в 1958 году мы начали под его руководством заниматься двумерными расчетами задачи, где ожидалось большие деформации. Проблема эта тогда не была решена из-за малого быстродействия «Стрелы», нехватки оперативной памяти. Один шаг считался 15 минут! Фактически к решению таких задач подошли только через 25 лет! Нужно было большое мужество, чтобы заниматься такой задачей в те времена! Конкретная задача не была решена, но Яненко создал и обосновал метод мелких шагов, который продвинул математиков на пути решения многомерных задач».

Доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии, сотрудник ВНИИТФ В. Е. Неуважаев: «Николай Николаевич интенсивно занимался численными методами решения задач газовой динамики с теплопроводностью, широким кругом проблем вычислительной математики, применением вычислительной техники к решению прикладных задач. Разработанные на основе его методов алгоритмы стали эффективным средством математического моделирования сложных физических процессов и легли в основу эксплуатируемых сейчас программ...»

Н. Н. Яненко придавал личному примеру руководителя особое, определяющее значение. С огромным уважением Николай Николаевич отзывался о тех, кто нес на своих плечах основную груз большой ответственности за дело государственной важности: «...необходимо сказать о наших руководителях — Дмитрие Ефимовиче Васильеве и Кирилле Ивановиче Щёлкине... Дмитрий Ефимович действительно любил всех. Сердце у него было щедрое. В каких бы тяжелых условиях мы не находились, Дмитрий Ефимович никогда не позволял унывать. Веселая улыбка всегда была на его лице, он умел разжечь в нас энтузиазм. При этом он был чрезвычайно внимателен к людям, ко всем без исключения, от руководителя до самого рядового сотрудника, со всеми живо и заинтересованно беседовал.

Кирилл Иванович Щёлкин производил очень большое впечатление глубиной своего интеллекта. Он был сдержан, но обаятелен, с тонким чувством юмора. В области науки он был очень прозорлив. Именно ему принадлежит идея создания Института математики и механики Уральского научного центра. Сначала он назывался СОМИ — Свердловское отделение Математического института АН СССР. Добиваясь координации прикладных и фундаментальных исследований в Уральском регионе, Кирилл Иванович выступил как патриот и гражданин своего края. В области своих научных узкоспециальных разработок он является автором многих перспективных идей, подтверждающих его прозорливость... Кирилл Иванович в свои 44 года был трижды Героем Социалистического Труда.

Несмотря на это, он снова взялся за новое и очень трудное дело, за работу в тяжелых условиях. Это был исключительно смелый человек, исключительно дальновидный... Мы с огромным уважением смотрим на него и на его соратников. Это были титаны. Много теплых слов я бы мог сказать и о других руководящих деятелях, но Д. Е. Васильев и К. И. Щёлкин были центральными фигурами процесса становления нового предприятия...»

В 1960 году приказом директора института Д. Е. Васильева в секторе № 3 был создан научно-технический совет (НТС-3) с секциями вычислительной математики и вычислительной техники. Председателем НТС сектора и секции вычислительной математики был назначен Н. Н. Яненко. На первых же заседаниях были рассмотрены вопросы состояния научной и производственной работы в секторе по всем направлениям расчетов основного цикла, обсуждены перспективы развития методик по этим направлениям. Отдельно был рассмотрен вопрос об автоматизации программирования в секторе.

Принимаемые решения были конкретны. В течение года было рассмотрено состояние дел в области расчета одномерных задач газодинамики и газодинамики с теплопроводностью, нейтронных задач и задач с энерговыделением, двумерных газодинамических задач и двумерных задач с теплопроводностью. В частности, в одном из решений было записано: «Методики основного цикла, внедряемые в производство, должны обсуждаться и утверждаться на НТС с предварительным оформлением методического отчета и решением контрольных задач».

Это означало, что достоинства методики должны быть определены и продемонстрированы на стадии проектирования, чтобы избежать ненужных затрат труда. Увы, эта прекрасная традиция была утрачена с уходом Н. Н. Яненко.

В 1961–1962 годах на заседаниях НТС дважды в год рассматривался ход выполнения научно-методических разработок, ведущихся в секторе. Все эти мероприятия, проводимые по инициативе и под руководством Н. Н. Яненко, способствовали росту научного уровня работ и повышению квалификации сотрудников. С 1957 года Н. Н. Яненко являлся членом НТС института, а в 1960 году был введен в состав вновь созданного ученого совета НИИ-1011 по защитах диссертаций. Выступая в 1960 году оппонентом по диссертации М. Н. Нечаева и отмечая заслуги диссертанта, Николай Николаевич особо отметил аналитический характер исследований, позволивший точно и до конца решить ряд важных практических задач. Оценивая работу в целом, он выделил её части, имеющие общий методический характер. И в будущем в любой работе, даже имеющей гриф секретности, Яненко умел найти результаты, которые могли быть опубликованы в открытой печати.

714 В 1961 году Николаю Николаевичу Яненко было присвоено ученое звание профессора. В автореферате научных работ, представленных ученому совету, рассматривались работы по многомерной дифференциальной геометрии, по уравнениям состояния и взаимодействию сильных разрывов в идеальных газах, алгоритмы получения точных решений для уравнений газовой динамики. В одной из работ Н. Н. Яненко был указан разностный метод, позволивший получить моно-

тонность при расчете обжатия легкого слоя в изделиях, тогда как другие методы приводили к осцилляции.

Широта научного кругозора Яненко проявлялась в том, что он высказывал ценные идеи в областях, не столь уж ему близких. На заре эры вычислительных машин он угадал перспективу развития новой отрасли знания. Такие направления, как «машинная диагностика», «системное программирование», оформились много позже. Аспирант Николая Николаевича Ю. И. Вантрусев работал тогда на стыке вычислительной техники и математики. Яненко посоветовал ему посмотреть первые публикации по работе сетей. А впоследствии это вылилось для Ю. И. Вантрусева в целое направление: теория графов, сетевые модели, АСУ.

Николай Николаевич высоко оценил и всячески поощрял разработку магнитных барабанов с плавающими головками. Увидев перспективу этого направления, он убеждал Л. Я. Павликова, ведущего эти работы, заняться исследованием аэродинамических процессов, возникающих в воздушном зазоре между головкой и носителем, считая, что это может дать практические результаты. Яненко предлагал свою помощь и научное руководство. После отъезда из города он продолжал проявлять интерес к этой работе.

Подводя итоги работы теоретического отдела сектора за период с 1957 года по октябрь 1963 года, Н. Н. Яненко выделил следующие основные направления научных исследований:

- разностные методы расчета одномерных и двумерных задач гидродинамики,
- метод больших молекул,
- одномерное кинетическое уравнение,
- краевые задачи упругости и теплопроводности,
- аналитические исследования,
- разные задачи.

В результате проведенных работ по всем направлениям было достигнуто значительное повышение точности расчетов ядерных зарядов. По первому направлению были разработаны методы последовательной и отдельной прогонки, итерационный метод релаксации по нелинейности уравнений, метод сильной аппроксимации. Был предложен метод отдельного счета волн сжатия и разрежения, точный счет ударных волн, учет прочности и т. д. По многим параметрам эти методики оказались точнее, экономичнее, чем аналогичные, разработанные до этого в ОПМ.

Для двумерных задач гидродинамики Николаем Николаевичем в 1959 году была предложена неявная схема расщепления, устойчивая, удовлетворяющая принципу максимума и более экономичная, чем продольно-поперечная прогонка. Метод расщепления для уравнения теплопроводности позволил провести двумерные расчеты для теплопроводящего газа, показавшие реальную возможность расчетов производственных задач. На основе метода «канальных течений» или «полного расщепления» началось создание программы ТИГР для расчета в двумерной постановке задач газодинамики с теплопроводностью.

С 1960 года под руководством Н. Н. Яненко разрабатывался метод больших молекул для расчета пространственного заряда в электромагнитном поле и двумерных газодинамических течений с большой несимметрией.

На основе метода Г. И. Марчука была разработана схема и программа РС (рентгеновский спектр) для расчета стационарного распределения фотонов.

Аналитические исследования велись по двум направлениям:

— оценка устойчивости, точности и сходимости разрабатываемых и применяемых методик;

— получение точных решений, которые могут служить эталонами для испытания точности разностных методик, что особенно важно для двумерных задач.

Аналитические исследования, проведенные Н. Н. Яненко и его учениками в эти годы, составили более 30 работ. Кроме того, были разработаны и реализованы в программах методы расчета нейтронной плотности в реакторе цилиндрической формы, схемы решения первой, второй и третьей краевых задач теории упругости. Уровень перечисленных разработок был так высок, что длительное время определял место математических работ сектора на самых передовых рубежах вычислительной математики в масштабах страны. Многие из этих разработок живут в программах сектора и сегодня.

В 1972 году работы математиков ВНИИТФ, ВНИИЭФ и ИПМ АН СССР по созданию методик и программ расчета в двумерной постановке процессов, происходящих в изделиях, были удостоены Государственной премии СССР. Звания лауреатов были присвоены Н. Н. Яненко и четырем его ученикам. Это было заслуженным признанием большого личного вклада Н. Н. Яненко в дело создания новых образцов ядерного оружия.

Годы работы Н. Н. Яненко в институте еще раз подтверждают, что настоящий большой ученый не может быть кабинетным затворником, ограничивающимся решением узкого круга научных задач. Несмотря на сложные условия становления закрытого молодого института, каким был НИИ-1011, Николай Николаевич много сил и личного времени отдавал развитию науки на Урале. Он сам вел курсы лекций в Свердловском университете, привлек к этому своих учеников, способствовал созданию Свердловского отделения Математического института (позднее ИММ УНЦ АН СССР — Институт математики и механики Уральского научного центра Академии наук СССР).

Фактически Николай Николаевич исполнял обязанности заведующего еще не существующей официально кафедры математики вновь создаваемого в нашем городе вечернего отделения № 6 Московского инженерно-физического института (МИФИ-6), когда подбирал преподавателей и составлял учебные программы по математике и механике.

Прошло много лет, и те, кто когда-то начинал свой путь в науке, да и в жизни под руководством Николая Николаевича, говорят о нем как о человеке, во многом определившем их судьбы.

Кандидат технических наук, бывший сотрудник ВНИИТФ А. Д. Шалфеев:
«Николай Николаевич не просто интересовался, но и активно способствовал развитию вычислительной техники в стране. Он активизировал и поддерживал работы по реализации параллельных вычислений на вновь разрабатываемом векторном процессоре. В последней нашей беседе (ноябрь 1983 года) Николай Николаевич убедительно доказывал необходимость учета особенностей расчета конкретного класса задач при разработке вычислительных систем высокой производительности. Практически речь шла о создании системы типа «Вычислительная среда» с проблемной ориентацией».

Вспоминая в 1975 году свою работу с коллективом, который стал основой «школы академика Яненко», Николай Николаевич сказал: «Когда собирается молодежь, когда она начинает решать неизвестные задачи в новой малоосвоенной области, тогда неизбежно возникает это замечательное состояние энтузиазма, и молодые люди, преодолевая все трудности, успешно справляются с этими задачами, хотя еще и не обладают всеми необходимыми знаниями. Такой романтический период существует в жизни каждого создаваемого коллектива. Со своими первыми сотрудниками я прошел все его фазы, а в Сибири в 1963 году встретился уже с проявлениями, можно сказать, научной зрелости. Но энтузиазм господствовал в то время и там.

Я твердо стою на той точке зрения, что наука неделима. Механика сплошной среды есть единая дисциплина, вычислительная математика — также, поэтому, преодолевая рамки специфики, мне в методическом плане удавалось продолжать контакты со всеми своими учениками. Благодаря этому удалось создать цепь, а точнее — плотную сеть семинаров, которые пролагают связи между многими институтами страны, разрабатывающими передовые методы вычислений.

С первым коллективом связи особенно прочные. Здесь родился метод мелких шагов. В его создании принимали участие В. А. Сучков, Ю. Я. Погодин, Н. Н. Анучина и ряд других сотрудников. Здесь появились новые схемы интегрирования уравнений газовой динамики. Это схемы В. Ф. Куропатенко, В. Е. Неуважаева, В. Д. Фролова...

Сейчас этот коллектив успешно продолжает работу в своей области. Люди, которые пришли в науку, еще не зная толком численных методов, стали авторами научных оригинальных трудов, знатоками, экспертами, более того — авторитетами. Их работы широко известны у нас в стране и за рубежом. Я имел возможность беседовать со многими иностранными учеными, они прекрасно знают наши схемы. Например, М. Уилкинс — математик и механик, работающий в Ливерморе, неоднократно ссылался на наши разностные схемы, в частности на схему В. Ф. Куропатенко.

Так что можно сказать, что мы не просто учились, а творили и создавали новую вычислительную математику».

24 октября 1963 года Н. Н. Яненко вместе с семьей выехал в Новосибирск на работу в Вычислительном центре СО АН СССР. Как вспоминал академик

Е. И. Шемякин, Николай Николаевич пришел в ВЦ «полковником без армии». Тем не менее Н. Н. Яненко очень быстро создал дружный и творчески работающий коллектив сотрудников. В 1966 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1970 году — действительным членом Академии наук СССР.

Николай Николаевич продвинул свои теоретические разработки в области разностных методов, стал признанным авторитетом в этой области не только в стране, но и в мировой науке, поэтому, когда в Сибирском отделении встал вопрос о назначении нового директора Института теоретической и прикладной механики (ИТПМ), выбор пал на него.

К приходу Н. Н. Яненко в ИТПМ там сложилась весьма непростая обстановка. Стать настоящим лидером в таком сложном коллективе мог только крупный, сложившийся ученый широкого диапазона, человек незаурядной творческой смелости, обладающий авторитетом и высоким личным научным потенциалом. Николай Николаевич Яненко и стал таким руководителем.

Вот как оценил Г. И. Марчук деятельность Н. Н. Яненко: «...поистине титаническую работу проделал новый директор, несмотря на перегрузки, болезнь. За неполные восемь лет Николай Николаевич сумел повернуть институт на такой путь, движение по которому принесло ему всесоюзную и мировую славу».

Отвечая на вопрос о методах работы Н. Н. Яненко с коллективом, сотрудники института утверждали, что в успехах коллектива института решающую роль сыграли личные качества Николая Николаевича. Он сумел убедить людей в необходимости открытых дискуссий по существу дела. Разбирая технические и научные споры, он выяснял у всех участников суть проблемы, определял степень её изученности (знакомство с литературой, работами смежных коллективов), и это сразу отсеивало неподготовленных. Ставя перед компетентными сотрудниками общие задачи, Н. Н. Яненко уводил их от личностного конфликта к вечному спору между знанием и незнанием, и конфликт, как правило, прекращался.

Сотрудники института видели и ощущали, что за Николаем Николаевичем стоит целый комплекс научных направлений, что при знакомстве с каждым сотрудником он смотрит не на его статус, а на его труд, что он оценивает работу по сути, независимо от звания представившего её сотрудника.

И еще одну черту Н. Н. Яненко как ученого нового типа подчеркивают все, кто общался с ним по различным научным вопросам. Это — его постоянное стремление сочетать фундаментальные научные исследования с решением конкретных народнохозяйственных задач, доводить научную идею до числа, а число внедрять в практику народного хозяйства. Примером такого комплексного подхода к решению научных и прикладных задач является кольцо всесоюзных семинаров, руководителем которых был Н. Н. Яненко

Всего работало шесть семинаров с периодичностью один раз в два года. В проведении семинаров прослеживается четкая организационная стратегия. Хозяева, то есть ученые того города, где проходило заседание семинара, имели льготы, особенно научная молодежь. Сам Николай Николаевич обычно приезжал

на семинары заранее: читал лекции в местных организациях, знакомился с состоянием развития вычислительной математики в регионе и намечал пути помощи местным ученым. В результате семинаров значительно возрос уровень вычислительной математики в организациях, занимающихся расчетами реальных прикладных задач.

Следует особо остановиться на обширных научных контактах Николая Николаевича Яненко с учеными других стран. Он использовал научные поездки за границу для установления непосредственных личных контактов с видными учеными разных стран, для налаживания деловых связей между организациями, а также для пропаганды достижений советской науки и повышения её роли и авторитета на мировой арене.

Николай Николаевич побывал в 12 странах: Англии, Австрии, Болгарии, Голландии, ГДР, Канаде, Польше, США, ФРГ, Франции, Чехословакии и Швеции. Знание нескольких иностранных языков позволяло ему в зарубежных поездках легко общаться с коллегами на их языке.

В 1975 году Николаю Николаевичу Яненко была вручена именная медаль «Коллеж де Франс». Зарубежные ученые, общаясь с Николаем Николаевичем, единодушно отмечали его необычайную эрудицию, умение сочетать фундаментальные исследования с решением важнейших прикладных задач, «пионерский, опережающий время» характер многих его работ, его очень высокую общую культуру. Он был настоящим полпредом нашей страны в мировой науке.

16 января 1984 года на Урал пришла скорбная весть о кончине Николая Николаевича Яненко.

22 мая 1984 года, в день рождения Николая Николаевича, в нашем городе были открыты две мемориальные доски — на здании № 125 математического сектора, в котором с 1956 по 1963 год работал Н. Н. Яненко, и на доме № 18/2 по улице 40 лет Октября, где он жил.

Выступая на митинге при открытии мемориальной доски на здании № 125, один из первых учеников Николая Николаевича академик А. Ф. Сидоров сказал: «В каждой нации есть группа людей, являющаяся опорной. Именно благодаря этим людям в трудные, критические моменты истории нация сохраняет устойчивость, традиции и преодолевает все внешние и внутренние трудности. Именно они являются инициаторами новых прогрессивных перемен и идей во всех сферах развития общества — будь то наука, культура, производство или что-либо другое. Они подобны опорным камням в часовом механизме. Благодаря им нация выдерживает удары и потрясения, выходит с честью из испытаний и развивается, преодолевая препятствия. Большое горе для всех, когда мы теряем таких людей, Граждан отечества с большой буквы.

Именно таким человеком, настоящим Гражданином своей страны был Николай Николаевич Яненко».

Э. С. Куропатенко

Из воспоминаний

Чему научила меня совместная работа с Николаем Николаевичем? Я бы сказал, прежде всего, самостоятельности. Общение с Н. Н. Яненко помогло мне найти свой стиль в работе. Николай Николаевич был требователен к себе до крайности, много работал. Того же требовал и от других. Задачи, которые он ставил, были сложны. Решение их требовало полной самоотдачи.

В. Е. Неуважаев

Моя встреча с Николаем Николаевичем произошла почти 30 лет назад. Нас, несколько студентов 4-го курса мехмата МГУ, пригласил заведующий кафедрой академик С. Л. Соболев и сказал, что с нами хочет побеседовать о нашей будущей работе один товарищ, имеющий отношение к вычислительной математике.

Беседа с Яненко мне запомнилась с тех пор надолго, если не навсегда. Николай Николаевич буквально за несколько минут сумел простыми словами показать нам и важность, и интересность нашей будущей деятельности. И главное — значение честности и добросовестности и в учении, и в работе. Важно не только много знать, но и уметь. Главное — уметь.

Позднее я понял, почему он говорил об этом. В первые годы совместной работы многим он казался чересчур требовательным и строгим. Нас, естественно, волновали бытовые вопросы, а у него на первом плане была работа. Спустя много лет он сам признался, что поступал так сознательно, так как всегда считал, что слишком хорошие условия сразу, когда человек их еще не заслужил, приносят мало пользы.

Он научил нас работать, показав на своем примере, что такое широта — научная широта. Минимум заимствований (только в случае крайней необходимости), и скорее создавать свое. Для этого учиться и учиться. И творить. И пусть чаще ошибаться, но думать и думать.

Ю. Я. Погodin

Николай Николаевич проработал в нашем институте всего восемь лет, но за эти годы были сформулированы многие проблемы, открытия, направления, получены важные результаты и заложен фундамент многих научных и производственных успехов нашего коллектива. Все это создавалось людьми, сознававшими необходимость и важность того, что они делали и что им предстояло сделать. Однако бурный рост научного потенциала сектора во многом определялся личными качествами его научного руководителя Николая Николаевича Яненко. Его усилия и желание вывести отечественную прикладную математику на уровень, превосходящий лучшие мировые достижения, высоко гражданственны и патриотичны. Как руководитель, он не уходил от принятия решений и не боялся брать

ответственность на себя. Он был чужд конъюнктурности, реально оценивал имеющиеся возможности и полностью их использовал.

Он всегда был нашим учителем, мы всегда были его учениками. Он воспитывал в нас стремление к активной жизненной позиции и приучал нас не бояться противоречий. «Противоречия в жизни явление нормальное», — говорил он. В человеческом обществе идет непрерывная борьба идей, мнений, взглядов, позиций. Материальными выразителями этих идей являются люди и, к сожалению, нередко борьба идей перерастает в борьбу людей. В своей «школе» Николай Николаевич допускал борьбу до того уровня, когда разрешение противоречий являлось стимулом движения вперед. Когда же оно грозило стать тормозом или появлялись признаки неуважения идейного противника, он достаточно жестко прекращал дискуссии и выяснения позиций. И мы постепенно понимали, что природа отпустила человеку очень мало времени для активной жизни и тратить его на пустяки — непозволительная роскошь...

Вклад Н. Н. Яненко в советскую и мировую науку велик, но не менее важно и то, что он вырастил и воспитал несколько поколений советских математиков и механиков, которые трудятся во многих академических и отраслевых институтах.

В. Ф. Куропатенко

Была между Николаем Николаевичем и нами такая дистанция, которая заставляла тебя подтягиваться до лучшего уровня, а не осаживала в начале пути. Я теперь часто думаю, разве так мы относимся к своим молодым коллегам? Сохранили ли мы эту простоту отношений, которая лучше всяких специальных мер учит и воспитывает? Она у него по отношению к нам была и оставалась вне зависимости от времени, каких-то внешних обстоятельств, его и наших успехов.

Р. А. Жилина

Ко всяким житейским неурядицам он относился с большой простотой. Все переживал вместе с нами и часто проще нас. Вспоминая наши многочисленные деловые разъезды — по-всякому приходилось. И он ничем себя от нас не отделял. А мог бы.

В. И. Легоньков

Николая Николаевича отличало чувство долга и в большом и в малом, высокая ответственность. Многие помнят, как в первый год работы нередко застревал в грязи автобус на пути от жилпоселка № 2 до 9-й площадки и как по этой грязи мы пешком пробивались на работу с Николаем Николаевичем впереди...

Яненко Николай Николаевич

Яненко сохранял молодость души, интерес ко всему окружающему, к людям. К любому собеседнику — маститому ученому или студенту — он относился с уважением, вниманием. Стремился понять взгляды, позицию. У него была удивительная терпимость к людям, он в каждом человеке отыскивал хорошие черты. Был очень азартным в играх, страстно отстаивал свою точку зрения в научных спорах, в обсуждении различных сторон жизни. Но умел и признавать свои ошибки. В беседах никогда не уходил от самых острых вопросов. Был патриотом. Тяжело переживал недостатки, которые есть у нас в разных областях. И в последних беседах осенью 1983 года выразил свое беспокойство по поводу отставания нашей страны в развитии вычислительной техники.

Н. Н. Анучина

Послесловие

Книга воспоминаний — дань памяти людям, которые создавали институт, делали все для его становления и развития.

История института, как и любого предприятия, — это, прежде всего, история людей, чьим самоотверженным трудом и знаниями совершались открытия, создавались новые конструкции, технологии, методики испытаний разрабатываемой техники, которые проводились порой в самых экстремальных условиях.

Круг научных интересов РФЯЦ — ВНИИТФ необычайно широк, роль института в создании ядерного щита Родины первостепенна. И институт, и многие-многие его сотрудники заслуженно отмечены государственными наградами. Даже просто перечислить всех, кто внес значимый вклад в общее дело, — трудная задача. В книге, к сожалению, рассказывается далеко не о всех, кто этого достоин. Здесь собраны имена первых руководителей — основателей института, ученых и специалистов, внесших определяющий вклад в научные достижения и развитие производства в институте, сделавших его таким, каким он стал сегодня.

Первые попытки воссоздать историю уральского ядерного центра были предприняты в начале 1980-х годов, когда министр МСМ Е. П. Славский своим приказом поддержал инициативу написания истории создания и развития атомной отрасли. Пименом закрытой истории закрытого города (так назвал его Б. В. Литвинов) стал Юрий Михайлович Плахов (1935–2001). «Человеком он был скромным и не претендовавшим на громкую известность. Его страстью был театр. <...> Его жизнь началась в г. Чите в семье военного. В 1954 году он окончил Московский машиностроительный техникум по специальности «техник-технолог» и был направлен на 1-й завод КБ-11. Среда города этого предприятия была творческой, театральной и тем весьма привлекательной. В 1956 году он с женой Аллой Александровной Плаховой, талантливой профессиональной пианисткой, уезжает в Челябинск-70. В 1983 году он — заместитель начальника отдела технического контроля завода № 1 переходит в Управление института и становится историком, отдавшись этой работе с присущей ему аккуратностью, ответственностью и педантизмом. Он словно был рожден для работы историка-исследователя, но началась неизлечимая болезнь...» [Б. В. Литвинов. Грани прошедшего. — Москва: ИздАТ, 2006]. И все-таки многое ему удалось сделать: было издано тринадцать книг, охвативших период 1955–1970 гг., и три приложения. Материалы последнего, посвященного видным деятелям РФЯЦ — ВНИИТФ, легли в основу очерков о Д. Е. Васильеве, Е. М. Голикове, В. А. Дорофееве, В. В. Дубицком, К. А. Каргине, В. И. Кириллове, И. И. Клименко, Б. Д. Рыгине, В. П. Тренёве.

Необратим бег времени, превращающего живое, пульсирующее победами и неудачами, радостью и печалью СЕГОДНЯ в ПРОШЛОЕ. Время питает историю, унося безвозвратно события и жизни. Как ни прискорбно сознавать, но мемориальный перечень имен пополняется. За период подготовки книги к изданию из жизни ушли:

Вантрусев Юрий Иванович (1933–2008) — кандидат физико-математических наук, сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2003 г., заместитель начальника отделения 250 — начальник отдела в 1985–1989 гг.;

Иванов Василий Михайлович (1937–2009) — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., в 1980–1988 гг. начальник отдела 162 НИИКа, с 1988 г. ведущий инженер НИИКа, затем НИО-11, подразделения 260, с 1998 г. — подразделения 590;

Колесников Дмитрий Прокопьевич (1924–2008) – полковник запаса, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов и медалей, сотрудник ВНИИТФ с 1967 по 1988 г. начальник отдела 2;

Магда Эдуард Павлович (1942–2008) – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, сотрудник ВНИИТФ с 1966 г., начальник отделения экспериментальной физики в 1996–2008 гг.;

Мазурин Юрий Николаевич (1935–2004) – младший научный сотрудник по специальности математическое и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов, систем и сетей, лауреат Государственной премии СССР, сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., заместитель начальника НИО-3 по вопросам вычислительной техники в 1986–2004 гг.;

Морозов Игорь Павлович (1939–2007) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., заместитель главного инженера в 1983–1989 гг.;

Огибин Вячеслав Николаевич (1937–2003) – кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР, сотрудник ВНИИТФ с 1959 г., начальник математического сектора в 1979–1989 гг.;

Смотров Николай Викторович (1946–2008) – сотрудник ВНИИТФ с 1965 г., главный инженер – первый заместитель директора РФЯЦ – ВНИИТФ в 1993–1999 гг.;

Стаханов Владимир Анатольевич (1925–2008) – участник Великой Отечественной войны, неоднократно награжденный орденами и медалями за боевые заслуги, кандидат физико-математических наук, лауреат Ленинской премии, сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., ведущий научный сотрудник НТО-1 с 1998 г.;

Ступичев Иван Арсентьевич (1936–2008) – сотрудник ВНИИТФ с 1979 г., заместитель начальника ООТ и завода № 1, председатель профкома завода № 1 с 1989 г.

Светлая им память, и пусть она хранится в сердцах живущих – продолжателей дела, которому эти люди посвятили жизнь.

Воспоминания о своих учителях, коллегах, соратниках писали сотрудники института, друзья, родные, писали так, как они запомнили те далекие годы, дела и события. Большую помощь в подготовке материалов оказали сотрудники отдела кадров и архива РФЯЦ – ВНИИТФ. Уточнить отдельные факты, найти редкие фотографии удалось благодаря доброжелательному отклику сотрудников Музея истории города Снежинска.

Огромная благодарность всем, кто принял участие в создании этой книги.

*В. И. Никитин,
помощник директора,
председатель Совета ветеранов РФЯЦ – ВНИИТФ*

Перечень сокращений и условных обозначений

АЗС – автозаправочная станция
АН – Академия наук
Арзамас-16 – ныне г. Саров Нижегородской области
АСУ – автоматизированная система управления
ББ – боевой блок
БИП – бездефектное изготовление продукции
БЧ – боевая часть
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВВ – взрывчатое вещество
ВВА – Военно-воздушная академия
ВВИА – Военно-воздушная инженерная академия
ВВС – Военно-Воздушные Силы
ВГТ – выплавление и гранулирование тротила
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ВДЭ – взрывная дейтериевая энергетика
ВМФ – Военно-Морской Флот
ВНИИА – Всесоюзный НИИ автоматики
ВНИИНМ – Всесоюзный НИИ неорганических материалов им. акад. А. А. Бочвара
ВНИИП – Всесоюзный НИИ приборостроения (название РФЯЦ – ВНИИТФ им. акад. Е. И. Забабахина в 1966–1990 гг.)
ВНИИТФ – Всесоюзный НИИ технической физики (название РФЯЦ – ВНИИТФ им. акад. Е. И. Забабахина в 1990–1993 гг.)
ВНИИЭФ – Всероссийский НИИ экспериментальной физики (ныне РФЯЦ – ВНИИЭФ)
ВНИКИМАШ – Всесоюзный научно-исследовательский и конструкторский институт машиностроения
ВНИПИпромтехнологий – Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт промышленных технологий
ВУМЛ – вечерний университет марксизма-ленинизма
ВЦ – вычислительный центр
ГВЦ – Главный вычислительный центр
ГКНТ – Государственный комитет по науке и технике
ГКО – Государственный Комитет Обороны
ГНИ – гамма-нейтронное изображение
ГО – гражданская оборона
ГПЗ – Государственный подшипниковый завод
ГПТУ – городское профессионально-техническое училище
ГСМ – горюче-смазочный материал
ГУ – Главное управление
ГЭС – гидроэлектростанция
ДАН – Доклады Академии наук

ДК – Дворец культуры
ДОК – деревообрабатывающий комбинат
ДСО – добровольное спортивное общество
ЖКУ – жилищно-коммунальное управление
ЖЭК – жилищно-эксплуатационная контора
ИАЭ – Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова
ИММ – Институт математики и механики
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
ИПМ – Институт прикладной математики
ИТМ – Институт теоретической механики
ИТР – инженерно-технический работник
ИФВЭ – Институт физики высоких энергий
ИХФ – Институт химической физики
КБ – конструкторское бюро
КБ АТО – КБ автотранспортного оборудования
КБ-11 – ныне РФЯЦ – ВНИИЭФ
КБМ – КБ машиностроения им. В. П. Макеева
КВС – котел взрывного сгорания
КД – капсуль-детонатор
КИА – контрольно-измерительная аппаратура
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИПАН – Лаборатория измерительных приборов АН
ЛКО – лабораторно-конструкторская обработка
ЛОМИ – Ленинградское отделение Математического института им. В. А. Стеклова
ЛПИ – Ленинградский политехнический институт
ЛТС – лазерный термоядерный синтез
МАНЭБ – Международная академия наук, экологии и жизнедеятельности
МАП – Министерство авиационной промышленности
МВТУ – Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИАН – Математический институт АН им. В. А. Стеклова
МИФИ – Московский инженерно-физический институт
МНТЦ – Международный научно-технический центр
МО – Министерство обороны
МОЗУ – магнитное оперативное запоминающее устройство
МПВО – местная противовоздушная оборона
МСМ – Министерство среднего машиностроения
МСО – медико-санитарный отдел
МСС – машиносчетная станция
МСЧ – медико-санитарная часть
МФТИ – Московский физико-технический институт
МЭИ – Московский энергетический институт
НИИ – научно-исследовательский институт

НИИ-1011 – см. РФЯЦ – ВНИИТФ
НИИИС – НИИ измерительных систем им. Ю. Е. Седакова
НИИК – научно-исследовательский испытательный комплекс
НИК – научно-испытательный комплекс
НИО – научно-исследовательское отделение
НИОКР – научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа
НИР – научно-исследовательская работа
НКБ – Народный комиссариат боеприпасов
НКО – научно-конструкторское отделение
НМБ – накопитель на магнитном барабане
НМЛ – накопитель на магнитной ленте
НОТ – научная организация труда
НПОА – Научно-производственное объединение автоматики
НТЖ – научно-технический журнал
НТС – научно-технический совет
НТЦ – научно-технический центр
ОГТ – отдел главного технолога
ОЗК – объединенный заводской комитет
ОИЯИ – Объединенный институт ядерных исследований
ОКБ – особое КБ
ОКР – опытно-конструкторская работа
ОКС – отдел капитального строительства
ОПМ – Отделение прикладной математики Математического института им. В. А. Стеклова
ОРС – отдел рабочего снабжения
ОС – операционная система
п/я 0215 – см. РФЯЦ – ВНИИТФ
п/я 150 – см. РФЯЦ – ВНИИТФ
п/я 975 – ныне РФЯЦ – ВНИИЭФ
ПВ – продукты взрыва
ПДО – планово-диспетчерский отдел
ПК – персональный компьютер
ПРО – противоракетная оборона
ПРТБ – передвижная ремонтно-техническая база
ПТО – производственно-технический отдел
ПФЯВ – поражающий фактор ядерного взрыва
РАН – Российская академия наук
РВСН – Ракетные войска стратегического назначения
РНЦ – Российский научный центр
РОНО – районный отдел народного образования
РФЯЦ – ВНИИТФ – Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский НИИ технической физики. (в 1955–1959 гг. НИИ-1011 МСМ, п/я 0215; в 1959–1966 гг.

НИИ-1011, п/я 150; в 1966–1990 гг. ВНИИП, п/я 2827; в 1990–1993 гг. ВНИИТФ;
с 1993 РФЯЦ – ВНИИТФ, в 1999 присвоено имя академика Е. И. Забабахина)
РФЯЦ – ВНИИЭФ – Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский
НИИ экспериментальной физики
СА – система автоматики
САМ – счетно-аналитическая машина
СК – специальный контейнер
СМИ – средства массовой информации
СУ – система управления
СФТИ – Снежинский физико-технический институт (ныне Снежинская
государственная физико-техническая академия – СГФТА)
СХК – Северский химический комбинат
СЭИ – Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева
ТАКР – тяжелый авианесущий крейсер
ТЗ – техническое задание
ТТЗ – тактико-техническое задание
ТТХ – тактико-техническая характеристика
ТЭЦ – теплоэлектроцентраль
УКС – управление капитального строительства
УрГУ – Уральский государственный университет
УТС – управляемый термоядерный синтез
ФЗУ – фабрично-заводское училище
ФИАН – Физический институт им. П. Н. Лебедева АН
ФКБН – физический котел быстрых нейтронов
ФО – физический опыт
ФЭИ – Физико-энергетический институт
ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт
ЦИПК – Центральный институт повышения квалификации
ЦМСЧ – центральная медико-санитарная часть
Челябинск-50, Челябинск-70 – ныне г. Снежинск
ЭВМ – электронно-вычислительная машина
ЭД – электродетонатор
ЭМЗ – Электро-механический завод
ЭХП – комбинат «Электрохимприбор»
ЭЦВМ – электронно-цифровая вычислительная машина
ЯБП – ядерный боеприпас
ЯВУ – ядерное взрывное устройство
ЯЗ – ядерный заряд
ЯЗУ – ядерное зарядное устройство

Об авторах воспоминаний

А

Абакшин Евгений Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., с 2000 г. главный инженер газодинамического отделения.

Аврорин Евгений Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., с 1985 г. научный руководитель, в 1996—1998 гг. директор РФЯЦ — ВНИИТФ — научный руководитель, с 2007 г. почетный научный руководитель РФЯЦ — ВНИИТФ, доктор физико-математических наук, академик РАН, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

Акамсин Александр Дмитриевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 1984 г., в 1974—1984 гг. начальник группы в НИО-5.

Андреев Вадим Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1965 г., с 1991 по 2007 г. заместитель начальника отделения 12.

Ананийчук Владимир Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1962 г., с 1985 г. начальник ОНТИ.

Анучина Нина Николаевна — сотрудник ВНИИТФ с 1957 г., с 1996 г. главный специалист НИО-2, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник.

Арадушкина Лариса Дмитриевна — сотрудник ВНИИТФ с 1957 по 2007 г., с 1995 г. ведущий инженер по кадрам в НИО-5.

Артамонова Ольга Сергеевна — сотрудник института с 1961 по 1987 г., с 1976 г. начальник планово-сметной группы ОКСа.

Афанасьева Майя Ивановна — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1993 г., с 1988 г. инженер-математик второй категории НИО-3.

Б

Байнов Юрий Дмитриевич — сотрудник ВНИИТФ с 1959 г., в 1967—1998 гг. начальник проектного отдела управления РФЯЦ — ВНИИТФ — главный инженер проекта.

Баламутин Анатолий Иванович — сотрудник института с 1956 по 2006 г., с 1978 г. заместитель начальника НКО-6, с 1996 г. главный специалист, лауреат Ленинской премии, заслуженный конструктор России.

Беляев Борис Иосафович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1990 г., в 1968—1981 гг. директор Государственного опытного завода № 1, в 1981—1990 гг. главный инженер — первый заместитель директора РФЯЦ — ВНИИТФ, лауреат Ленинской премии.

Берендаков Владимир Сергеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1961 по 2003 г., с 1973 г. старший научный сотрудник НИО-14.

Бибикин Анатолий Александрович — сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 2005 г., с 1966 г. инженер-исследователь специзделий НИО-9.

Биктимирова Люция Гашимовна — сотрудник ВНИИТФ с 1957 по 1970 г., в 1961—1970 гг. начальник отдела разработки и исследования полимерных материалов НИО-11.

Блинов Дмитрий Андреевич — бывший главный бухгалтер совхоза «Береговой».

Блюм Валерий Абрамович – сотрудник ВНИИТФ с 1961 по 2006 г., с 1992 г. заместитель начальника НИО-12.

Бобин Георгий Николаевич – бывший нормировщик совхоза «Береговой», ставший позднее управляющим второго отделения совхоза.

Большева Ираида Васильевна – сотрудник ОРСа с 1975 по 1992 г.

Бондарев Николай Денисович – директор РНЦ «Курчатовский институт» по проблемам безопасности.

Бородулина Татьяна Матвеевна – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 1979 г., с 1969 г. старший инспектор отдела кадров РФЯЦ – ВНИИТФ, жена А. В. Бородулина.

Бровкина Татьяна Федоровна – сотрудник ВНИИТФ с 1991 г., инженер-программист КБ-2.

Борковский Роберт Иосифович – сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 1988 г., в 1962–1979 гг. начальник отдела в НИО-6, в 1979–1986 гг. старший научный сотрудник в НИО-4.

Буланов Владимир Петрович – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2004 г., с 1989 г. заместитель главного технолога института – заместитель начальника НИО-11 по НИР, лауреат Государственной премии СССР.

Бусов Сергей Николаевич – бывший старший зоотехник, с 1968 по 1985 г. директор совхоза «Береговой».

В

Вантрусев Юрий Иванович – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2003 г., в 1985–1989 гг. заместитель начальника отделения 250 – начальник отдела, кандидат физико-математических наук.

Васильев Альберт Петрович – директор Международного центра экологической безопасности Минатома РФ, кандидат физико-математических наук, начальник Центра по проблемам безопасности ядерных реакторов, лауреат Государственной премии СССР.

Васильева Татьяна Михайловна – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 1996 г., с 1991 г. инженер-исследователь специзделий НИИКа, жена А. Ф. Васильева.

Вахрамеев Юрий Сергеевич – сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., с 1959 г. начальник отдела в НТО-1, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной и Ленинской премий.

Ващинкин Сергей Александрович – сотрудник ВНИИТФ с 1967 г., с 1986 г. ведущий научный сотрудник НТО-1, кандидат технических наук.

Вдовин Владимир Владимирович – сотрудник ВНИИТФ с 1988 г., с 2004 г. заместитель начальника конструкторского отдела в НКО-7.

Веселков Леонид Петрович – сотрудник института с 1969 г., с 1999 г. начальник конструкторского отдела в КБ-2, лауреат премии Правительства РФ.

730

Власов Вячеслав Владимирович – сотрудник ВНИИТФ с 1962 по 1995 г., с 1994 г. начальник 1-го отдела подразделения 280.

Водолага Борис Константинович – сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., с 1997 г. заместитель директора РФЯЦ – ВНИИТФ по международному сотрудничеству, доктор физико-математических наук.

Волошин Николай Павлович — сотрудник ВНИИТФ с 1962 г., в 1994—1996 гг. начальник НИО-5, в 1996—2004 гг. начальник управления Росатома, с 2004 г. заместитель директора ВНИИТФ по связям с общественностью, доктор технических наук, старший научный сотрудник, профессор, лауреат Государственной премии СССР.

Воронкова Лидия Наумовна — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1987 г., инженер-технолог цеха 201 завода № 2.

Г

Гавриловский Леонид Петрович — сотрудник ВНИИТФ с 1953 по 1998 г., в 1970—1989 гг. начальник отдела радиационной безопасности РФЯЦ — ВНИИТФ.

Ганеев Ахат Сайтович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 2007 г., в 1964—1989 гг. начальник отдела в НИО-5, с 1989 г. главный научный сотрудник, доктор технических наук, лауреат Ленинской премии.

Гольцова Тамара Линовна — бывший начальник сектора кадров ОРСа.

Горшков Михаил Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1964 г., в 1990—1997 гг. начальник лаборатории в НИО-4, с 1997 г. главный специалист по направлению, лауреат премии Правительства РФ.

Горячев Евгений Анатольевич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2001 г., в 1983—1989 гг. начальник НИИКа, лауреат Государственной премии СССР.

Гузанов Юрий Кузьмич — сотрудник ВНИИТФ с 1964 по 1987 г., в 1973—1985 гг. помощник начальника НИИКа.

Гурьев Виктор Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., в 1998—2002 гг. заместитель главного конструктора РФЯЦ — ВНИИТФ — начальник экспериментального производства КБ-2 (по настоящее время).

Гуськов Сергей Викторович — главный научный сотрудник Отделения квантовой радиофизики Физического института им. П. Н. Лебедева РАН.

Д

Дедик Анатолий Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1969 г., с 2003 г. заместитель начальника НКО-6 по ОКР.

Дедов Евгений Александрович — в 1980—1988 гг. председатель городского исполнительного комитета.

Дёмкин Лев Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2007 г., с 1981 г. начальник конструкторского отдела в КБ-1, с 2001 г. главный специалист, лауреат премии Правительства РФ.

Домбровская Екатерина Васильевна — сотрудник ВНИИТФ с 1957 по 1983 г., в 1963—1982 гг. инспектор 1-го отдела завода № 1.

Домбровский Анатолий Валентинович — сотрудник ВНИИТФ с 1966 по 2001 г., с 1994 г. начальник научно-исследовательского сектора в НИО-5, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Дроздов Валерий Владимирович — сотрудник ВНИИТФ с 1980 по 1997 г., с 1992 г. заместитель главного инженера РФЯЦ — ВНИИТФ, с 1997 г. начальник управления разработки и испытаний ядерных боеприпасов Федерального агентства по атомной энергии.

Дьяконова Галина Николаевна – сотрудник ВНИИТФ с 1964 г., с 1983 г. начальник группы научно-технических, диссертационных советов и аспирантуры.

Е

Емельянов Борис Михайлович – сотрудник ВНИИТФ с 1978 по 1995 г., в 1988–1995 гг. заместитель директора РФЯЦ – ВНИИТФ по социальному развитию и быту – начальник отдела, с 1996 по 2007 г. директор Музея истории г. Снежинска.

Ерёмин Иван Иванович – академик РАН.

Ермаков Сергей Михайлович – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2003 г., в 1989–2003 гг. начальник отдела надежности в НКО-6.

Ермолов Анатолий Васильевич – сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 2003 г., с 1968 по 1986 гг. заместитель начальника цеха 105 завода № 1.

Ефимова (Артамонова) Татьяна Юрьевна – дочь Ю. Н. Артамонова, майор милиции в отставке, с 1998 г. начальник отдела социальных программ Комитета по управлению имуществом Администрации г. Снежинска.

Ж

Жариков Анатолий Серафимович – сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 2007 г., в 1996–2003 гг. начальник лаборатории в НИО-12, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Жгилёв Николай Васильевич – сотрудник ВНИИТФ с 1959 г., с 1988 г. начальник группы отдела аэродинамики НИО-14.

Желобанова Ленина Александровна – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1989 г., инженер-конструктор 1-й категории в КБ-2.

Жилина Розетта Андреевна – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2003 г., в 1969–1996 гг. начальник лаборатории в НИО-3, с 1996 г. главный специалист НИО-3, с 1999 г. – НТО-2.

Жуйков Владимир Семенович – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2005 г., с 1988 г. заместитель начальника цеха 202 завода № 2.

З

Забабахина Вера Михайловна – жена Е. И. Забабахина.

Забелина Ася Моисеевна – бывшая заведующий столовой ОРСа.

Задворнов Юрий Анатольевич – сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., в 1990–1996 гг. начальник отдела разработки конструкций спецавиабомб, лауреат Государственной премии СССР.

Захаренко Леонид Михайлович – сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., с 1971 по 1998 г. руководитель отдела перспективных проектно-конструкторских разработок по ядерно-оружейной тематике, лауреат Государственной премии СССР.

Зиновьева Тамара Васильевна – сотрудник отдела кадров РФЯЦ – ВНИИТФ с 1964 по 1991 г.

Зубрина Юлия Борисовна – сотрудник ВНИИТФ с 1986 г., монтажник радиоаппаратуры завода № 1, с 1999 г. инженер по нормированию труда.

И

Иванов Василий Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., в 1980—1988 гг. начальник конструкторского отдела НИИКа.

Ивановский Леонид Дмитриевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 2004 г., с 1966 по 1990 г. начальник конструкторского отдела по разработке специальной техники в технологическом отделении, заслуженный конструктор РФ.

Ильин Арлен Михайлович — доктор физико-математических наук, академик РАН (Челябинский государственный университет).

Ильина Мария Андрияновна — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1970 г., старший инженер завода № 2.

Иснюк Николай Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1972 г., с 1987 г. начальник отдела 69.

Исупов Аркадий Аркадьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2007 г., с 1976 г. начальник отдела в НКО-6, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

К

Калинин Владимир Дмитриевич — сотрудник ВНИИТФ с 1966 по 2007 г., с 1974 г. начальника отдела 124 в НИО-12, лауреат Государственной премии СССР.

Каменских Иван Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1970 по 2000 г., в 1999—2000 гг. главный инженер РФЯЦ — ВНИИТФ, с 2000 г. заместитель руководителя Росатома.

Капустин Николай Никитьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2005 г., в 1965—1998 гг. начальник испытательного отдела НИО-12, лауреат Государственной премии СССР.

Каширина Александра Федоровна — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1983 г., инспектор отдела кадров РФЯЦ — ВНИИТФ.

Каюрова Эмма Васильевна — сотрудник ВНИИТФ с 1962 по 1996 г., в 1970—1993 гг. начальник отдела фондов, член общественного совета Музея истории г. Снежинска.

Кедрова Ольга Валентиновна — сотрудник ВНИИТФ с 1983 г., инженер-программист, дочь В. Г. Рукавишника.

Кирюшкин Виктор Дмитриевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., в 1960—1995 гг. начальник отдела по разработке артиллерийских ядерных зарядов в НКО-6.

Клименко Елена Павловна — сотрудник ВНИИТФ с 1979 г., с 2008 г. начальник цеха 106 завода № 1.

Климов Василий Васильевич — ведущий научный сотрудник Физического института им. П. Н. Лебедева РАН, доктор физико-математических наук.

Климова Антонина Николаевна — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 1980 г., контролер снаряжательных работ БТК цеха 202 завода № 2.

Клопов Леонид Федорович — доктор технических наук, генерал-майор ВВС в отставке, с 1972 по 1989 г. заместитель начальника 5-го Главного управления Министерства среднего машиностроения, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Коблов Петр Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., с 1968 г. заместитель главного конструктора, доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской премии.

Козлов Николай Сергеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2001 г., в 1979—1987 гг. начальник технологического бюро цеха 201 завода № 2.

Козодой Станислав Андреевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2008 г., с 1990 г. начальник отделения 25, с 1996 г. ведущий научный сотрудник, кандидат технических наук.

Комарова Руфина Николаевна — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1981 г., в 1971—1980 гг. дозиметрист отдела радиационной безопасности.

Комиссаров Леонид Павлович — личный шофер Д. Е. Васильева.

Комоско Владимир Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1979 по 2008 г., с 1997 г. начальник отдела программных систем хранения информации в НИО-3, кандидат физико-математических наук.

Кондаков Игорь Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1965 по 2005 г., с 1995 г. заместитель главного инженера НИО-4.

Коптелов Анатолий Логинович — сотрудник ВНИИТФ с 1965 по 1975 г., в 1965—1971 гг. главный инженер института, кандидат технических наук.

Корнев Александр Нестерович — сотрудник ВНИИТФ с 1962 по 1989 г., в 1978—1988 гг. заместитель начальника ОКСа — начальник производственно-технической группы.

Костырева Анастасия Александровна — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 1988 г., в 1971—1988 гг. начальник машиносчетной станции — заместитель главного бухгалтера.

Котко Владимир Игоревич — сотрудник ВНИИТФ с 1976 г., с 1995 г. начальник лаборатории газодинамического отделения, кандидат технических наук.

Красавин Анатолий Сергеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2003 г., в 1970—1990 гг. начальник отдела в КБ-1, кандидат технических наук, лауреат Ленинской премии.

Красовский Николай Николаевич — академик РАН, с 1969 по 1977 г. директор Института математики и механики Уральского научного центра АН СССР (г. Свердловск), с 1977 г. главный научный сотрудник этого института, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Крохин Олег Николаевич — директор Физического института им. П. Н. Лебедева РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН, лауреат Ленинской премии.

Круглов Валентин Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 2001 г., инженер 1-й категории по надзору за строительством.

Крылов Сергей Вячеславович — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2005 г., инженер-конструктор КБ-1.

Кудрявцев Александр Викторович — сотрудник ВНИИТФ с 1973 г., с 1969 г. заместитель начальника НИО-14, с 2008 г. начальник НИО-14, кандидат технических наук, старший научный сотрудник.

Кузнецов Юрий Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2000 г., с 1989 г. заместитель научного руководителя РФЯЦ — ВНИИТФ, кандидат физико-математических наук, лауреат премии Правительства РФ.

Кузьмин Эдуард Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., с 1992 г. начальник отдела в НКО-8, с 2007 г. главный научный сотрудник, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Кулинич Юрий Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2007 г., инженер НИО-5.

Куропатенко Валентин Федорович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., в 1989—1996 гг. начальник НИО-3, с 1996 г. главный научный сотрудник научно-теоретического отделения, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР.

Куропатенко Эвелина Степановна — сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., в 1979—1989 гг. начальник лаборатории в НИО-3, с 1996 г. ведущий научный сотрудник НТО-2, кандидат физико-математических наук.

Кутырев Николай Константинович — сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., с 1997 г. заместитель начальника отдела 71.

Кучеренко Виктор Данилович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2006 г., в 1976—1996 гг. начальник отдела разработки телеметрических приборов и систем, лауреат Государственной премии СССР.

Л

Лазарев Василий Георгиевич — сотрудник ВНИИТФ с 1973 по 1998 г., в 1982—1998 гг. рабочий внутреннего полигона.

Лебедев Лев Леонидович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., в 1970—1990 гг. начальник отдела в НИО-4, ведущий научный сотрудник НИО-4, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Леликова Елена Федоровна — доктор физико-математических наук (ИММ УрО РАН).

Литвинов Борис Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., в 1961—1965 и 1968—1978 гг. главный конструктор РФЯЦ — ВНИИТФ, с 1978 г. главный конструктор и первый заместитель научного руководителя института, с 1997 г. заместитель научного руководителя — начальник научно-исследовательской лаборатории по анализу и систематизации материалов разработки ЯЗ, профессор, академик РАН, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

Лобойко Борис Григорьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., с 1999 г. заместитель главного конструктора РФЯЦ — ВНИИТФ, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственных премий СССР и РФ, заслуженный деятель науки РФ.

Ломинадзе Джумбер Георгиевич — доктор физико-математических наук, академик-секретарь отделения математики и физики Грузинской академии наук, директор Абастуманской астрофизической обсерватории АН Грузии.

Любимов Валериан Сергеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2004 г., с 1986 г. ведущий научный сотрудник теоретического отделения, кандидат физико-математических наук.

М

Малиновский Дмитрий Геннадьевич — сотрудник ВНИИТФ с 2002 г., с 2007 г. начальник группы отдела в КБ-2.

Мартьянов Юрий Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 г., в 1973–2008 гг. начальник ОТ и ТБ.

Матвеев Николай Степанович — сотрудник ВНИИТФ с 1957 г., с 1988 г. руководитель группы отдела главного технолога завода № 1.

Матишов Александр Григорьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1969 г., с 1990 г. начальник планово-производственного отдела НИИКа.

Мелехин Игорь Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1975 г., в 2000–2006 гг. заместитель начальника НИО-4, лауреат Государственной премии РФ.

Мещерякова Мария Ивановна — сотрудник ВНИИТФ с 1962 по 1995 г., секретарь Ю. Н. Артамонова.

Музыря Александр Кириллович — сотрудник ВНИИТФ с 1964 г., с 2003 г. заместитель начальника газодинамического отделения по НИР, кандидат технических наук, доцент Челябинского государственного университета, лауреат премии Правительства РФ, стипендиат Государственной научной стипендии для ученых по отделению «Ядерная физика».

Н

Наумов Сергей Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1974 г., в 1995–2002 гг. начальник отдела, с 2002 г. главный научный сотрудник НТО-1.

Неводничий Николай Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1988 г., с 1968 г. начальник лаборатории в НИО-5, кандидат физико-математических наук.

Немков Николай Лукич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2003 г., с 1983 г. начальник технологического бюро одного из цехов завода № 1.

Нестеренко Борис Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1968 г., с 1979 г. начальник планово-производственного отдела НИО-5.

Неуважаев Владимир Емельянович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., в 1969–1989 гг. заместитель начальника НИО-3 по научной работе, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Нечай Лилия Викторовна — жена В. З. Нечая.

Никитин Владислав Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1959 г., с 1983 г. заместитель директора, с 1999 г. помощник директора РФЯЦ — ВНИИТФ.

Никифоров Владимир Владимирович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1997 г., в 1979–1989 гг. начальник лаборатории в НИО-6.

Новоторцев Николай Васильевич — первый заместитель военного представительства МО до 2006 г.

О

Овсянников Лев Васильевич — доктор физико-математических наук, академик РАН, в 1976–1986 гг. директор Института гидродинамики СО АН, лауреат Ленинской премии.

Огарков Валерий Александрович — сотрудник ВНИИТФ с 1963 г., с 1970 г. начальник группы в НИО-4.

Огибин Вячеслав Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 2003 г., в 1979—1989 гг. начальник математического сектора, с 1989 г. ведущий научный сотрудник НТО-1, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Онищук Новомир Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1998 г., инженер-электроник НИО-3.

Орда Евгений Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 г., инженер-геодезист, в 1995—1998 гг. начальник группы отдела капитального строительства.

Осипов Юрий Сергеевич — доктор физико-математических наук, академик РАН, с 1991 г. Президент Российской академии наук, лауреат Ленинской и Государственной премий.

П

Павликов Лев Яковлевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., в 1969—1998 гг. начальник отдела, с 1998 г. главный специалист НИО-3, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Павлова Нина Алексеевна — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1997 г., инженер-математик НИО-3.

Павловский Александр Иванович — ученик Ю. А. Зысина, впоследствии начальник физического сектора и заместитель научного руководителя РФЯЦ — ВНИИЭФ, академик РАН.

Панасюк Николай Ильич — сотрудник ВНИИТФ с 1971 по 2007 г., с 1972 г. сборщик-снаряжальщик цеха 202 завода № 2, мастер спорта СССР по городошному спорту (1973 г.), бронзовый призер Спартакиады народов РСФСР (1985 г.).

Панов Петр Кузьмич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1999 г., в 1989—1992 гг. начальник цеха 206 завода № 2.

Пензина Валентина Викторовна — сотрудник ВНИИТФ с 1982 г., с 1995 г. заместитель начальника отдела 281.

Перминова Лариса Петровна — методист детского санатория «Соколёнок» до 2001 г.

Пильщиков Сергей Николаевич — заведующий магазином ОРСа.

Пинегин Геннадий Кузьмич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2005 г., с 1989 по 1999 г. директор Государственного опытного завода № 2.

Плахов Юрий Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2001 г., с 1970 г. заместитель начальника ОТК завода № 1, с 1983 г. заместитель начальника лаборатории качества в управлении РФЯЦ — ВНИИТФ.

Погребов Анатолий Игоревич — сотрудник ВНИИТФ с 1969 г., в 1997—2004 гг. начальник исследовательской группы в НИО-4.

Погодин Юрий Яковлевич — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1996 г., с 1969 г. старший научный сотрудник НИО-3, кандидат физико-математических наук.

Попов Вениамин Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1969 г., с 1997 г. старший научный сотрудник НИО-5.

Постников Борис Владимирович – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1987 г., в 1959–1960 гг. начальник цеха 106 завода № 1.

Потапкин Борис Кондратьевич – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1991 г., в 1970–1985 гг. начальник группы в НИО-3.

Правдин Владимир Михайлович – сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 2006 г., в 1969–1989 гг. начальник отдела в КБ-2, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии СССР.

Пылков Валерий Семенович – сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., в 1984–2001 гг. начальник ППО РФЯЦ – ВНИИТФ.

Пырегов Николай Дмитриевич – сотрудник ВНИИТФ с 1957 по 1990 г., ветеран режимно-секретной службы завода № 1, почетный ветеран института, заслуженный ветеран города.

Р

Ремезова Ольга Викторовна – сотрудник ВНИИТФ с 1978 г., с 1994 г. ведущий инженер-экономист НКО-7.

Рогожин Сергей Александрович – сотрудник ВНИИТФ с 1968 г., с 2003 г. заместитель начальника НТО-1, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Розальева Наталья Леонидовна – жена В. Ф. Гречишникова.

Румянцев Георгий Кузьмич – сотрудник ВНИИТФ с 1961 по 2002 г., с 1986 г. начальник отдела в НИИКе, лауреат премии Правительства РФ.

Рябов Анатолий Андреевич – сотрудник ВНИИТФ с 1971 по 2001 г., в 1989–2001 гг. директор Государственного опытного завода № 1, в 2001–2005 гг. председатель Снежинского городского Совета депутатов.

С

Саламатова Галина Александровна – сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 1994 г., в 1987–1994 гг. руководитель производственного бюро бухгалтерии управления института.

Самойлов Юрий Яковлевич – сотрудник ВНИИТФ с 1957 по 1987 г., в 1961–1963 гг. начальник цеха 102 завода № 1, в 1968–1983 начальник отдела кадров РФЯЦ – ВНИИТФ.

Свалов Геннадий Федорович – сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2005 г., с 1992 г. начальник отдела в НИИКе.

Свалухин Анатолий Иосифович – сотрудник ВНИИТФ с 1965 г., с 1990 г. ведущий научный сотрудник НИО-5, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Сегал Геннадий Лазарович – сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., в 1989–1996 гг. начальник отдела, с 1996 г. ведущий инженер НИО-14.

738 **Семёнов** Борис Николаевич – сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., с 2001 г. главный специалист НКО-6, лауреат Ленинской премии.

Семёнова Зинаида Михайловна – сотрудник ВНИИТФ с 1966 г., с 1996 г. инженер-технолог 1-й категории цеха 106 завода № 1.

Сибилёв Владимир Афанасьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., в 2000—2004 гг. начальник исследовательского отдела в газодинамическом отделении, доктор технических наук.

Сидоров Александр Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2001 г., в 1972—2000 гг. заместитель главного инженера РФЯЦ — ВНИИТФ по ТБ и дозиметрическому контролю.

Сидоров Виктор Петрович — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2008 г., в 1989—2005 гг. заместитель начальника НКО-8 по НИР и ОКР — руководитель группы отделов телеметрического направления.

Силкина Ирина Львовна — сотрудник института с 1961 по 1993 г., научный сотрудник НИО-4.

Симоненко Вадим Александрович — сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., с 1995 г. заместитель научного руководителя РФЯЦ — ВНИИТФ.

Синицына Раиса Александровна — с 1959 г. заведующий медицинским пунктом завода № 2.

Сирота Борис Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1968 г., с 1989 г. начальник конструкторского отдела.

Сирота Иосиф Самуилович — однокурсник Ю. Н. Артамонова в довоенный период.

Сковпень Екатерина Рустемовна — сотрудник института с 1968 г., с 1997 г. заместитель директора по строительству, с 2005 г. помощник директора РФЯЦ — ВНИИТФ.

Смирнов Вадим Геннадьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1981 г., с 2007 г. начальник НИО-690, кандидат технических наук, лауреат премии Правительства РФ.

Смирнов Вячеслав Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., в 1989—1997 гг. начальник лаборатории в НИО-4, кандидат технических наук.

Снопков Альберт Александрович — сотрудник ВНИИТФ с 1961 г., с 2007 г. главный научный сотрудник НИО-5, доктор технических наук.

Соколов Вячеслав Петрович — сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., с 2001 г. начальник лаборатории в НИО-3.

Соколова (Ратникова) Людмила Владимировна — сотрудник ВНИИТФ с 1973 г., с 1998 г. инженер-исследователь специзделий НИО-12, дочь В. П. Ратникова.

Соколова Нина Николаевна — сотрудник ВНИИТФ с 1971 г., с 1996 г. начальник группы в НИО-3.

Сорокин Вячеслав Леонтьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1962 г., в 1978—2007 гг. начальник лаборатории по разработке измерительных систем, доктор технических наук.

Старостин Михаил Степанович — сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 2007 г., первый заместитель начальника НИО-3, с 1998 г. ведущий эксперт-консультант, лауреат Государственной премии СССР.

Страшель Вячеслав Алоизович — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., с 1963 г. начальник научно-исследовательской лаборатории отдела надежности КБ-2, кандидат технических наук, лауреат премии Правительства РФ.

Стребков Сергей Васильевич — сотрудник ВНИИТФ с 1980 г., с 2000 г. ведущий инженер-конструктор НКО-6.

Строцева Лидия Петровна — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1994 г., с 1988 г. начальник сектора 310 в НИО-3, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Студеникина Алла Ивановна — сотрудник ВНИИТФ с 1965 по 1996 г., с 1990 г. старший научный сотрудник НИО-11.

Ступичев Иван Арсентьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1979 г., заместитель начальника ООТ и 3 завода № 1, с 1989 г. председатель профкома завода № 1.

Субботин Сергей Григорьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1968 г., с 1998 г. заместитель начальника НИИКа по НИР — начальник научно-исследовательской лаборатории, доктор технических наук, лауреат премии Правительства РФ.

Т

Таржанов Владислав Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1963 г., с 1982 г. начальник лаборатории в НИО-4, кандидат физико-математических наук.

Терёхин Владимир Александрович — сотрудник ВНИИТФ с 1983 г., главный специалист по ЯБ НИО-5, доктор технических наук.

Титаренко Юрий Феодосиевич — сотрудник ВНИИТФ с 1961 по 2007 г., в 1990—1992 гг. начальник конструкторского отдела в КБ-2.

Тиханэ Жанна Федоровна — жена О. Н. Тиханэ.

Токарев Юрий Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1959 по 1995 г., с 1983 г. инженер цеха 156 завода № 1.

Токарева Маргарита Владимировна — бывший инспектор отдела кадров ОРСа.

Тремасов Николай Захарович — главный конструктор НИИИС с 1966 по 1995 г.

У

Ульянов Альберт Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1995 г., в 1968—1973 гг. начальник отдела сектора внешних испытаний, в 1973—1988 гг. заместитель начальника НИИКа.

Ульянов Олег Николаевич — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИММ УрО РАН.

Усиков Павел Яковлевич — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1989 г., в 1962—1986 гг. начальник отдела материально-технического обеспечения РФЯЦ — ВНИИТФ.

Ф

Фамбулов Александр Николаевич — сотрудник ВНИИТФ с 1970 г., с 1999 г. начальник отдела в НИИКе.

Федорин Владимир Викторович — сотрудник ВНИИТФ с 1966 г., с 1998 г. начальник лаборатории отдела тепловых испытаний НИИКа.

Феодоритов Вячеслав Петрович — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИЭФ, лауреат трех Государственных премий СССР.

Феоктистова Александра Ивановна — жена Л. П. Феоктистова.

Х

Хайруллина Ольга Борисовна — кандидат физико-математических наук (ИММ УрО РАН).

Ч

Черноволюк Борис Танасьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1972 г., с 2002 г. начальник научно-испытательного отделения 12, кандидат технических наук, лауреат премии Правительства РФ.

Чечёткина Светлана Васильевна — сотрудник ВНИИТФ с 1973 г., инженер-конструктор НКО-6.

Чернышев Юрий Кириллович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1991 г., с 1963 г. начальник отдела в НИО-6, в 1970—1987 гг. начальник отдела в НИО-10, кандидат технических наук.

Чиндяев Анатолий Михайлович — сотрудник ВНИИТФ с 1968 по 1998 г., в 1986—1990 гг. начальник отдела в НИО-3.

Чудесников Олег Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 2003 г., в 1972—1996 гг. начальник отдела аэродинамики и баллистики спецавиабомб, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Чуриков Юрий Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1965 г., с 1999 г. начальник НТЦ по системам физической защиты, учета и контроля ядерных материалов, доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник, лауреат Государственной премии СССР.

Чусовитин Александр Григорьевич — сотрудник ВНИИТФ с 1958 по 2005 г., сборщик-снаряжальщик цеха 202 завода № 2.

Ш

Шараев Дамир Ямалутдинович — первый начальник (1959—1961 гг.) вычислительного центра Специализированного учебно-научного центра при Уральском государственном университете, с 1995 г. заведует кафедрой информатики.

Шелепов Игорь Петрович — начальник МСЧ-15 в 1954—1956 гг.

Шестаков Дмитрий Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1960 г., с 1994 г. ведущий научный сотрудник НИО-11, кандидат технических наук.

Шибаршов Леонид Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 г., с 1986 г. начальник сектора в НТО-1, с 1994 г. главный научный сотрудник НТО-1, с 1996 г. начальник отдела в НТО-2, доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник, лауреат Ленинской премии.

Шишкин Николай Иванович — сотрудник ВНИИТФ с 1956 по 1996 г., в 1970—1990 гг. начальник лаборатории в НИО-4, доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник.

Шишкина Галина Александровна — сотрудник ВНИИТФ с 1974 по 1994 г., инженер-математик НИО-3.

Шлейтанов Герман Алексеевич — сотрудник ВНИИТФ с 1960 по 2007 г., в 1994—2007 гг. начальник цеха 208 завода № 2.

Шоврина Людмила Николаевна – сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1980 г., в 1961–1980 гг. начальник БТК завода № 2.

Шулепов Николай Иванович – сотрудник ВНИИТФ с 1964 г., с 1990 г. начальник отдела 37, кандидат физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Щ

Щекалёв Василий Георгиевич – сотрудник ВНИИТФ с 1955 по 1985 г., руководитель производственного бюро бухгалтерии управления института до 1980 г.

Щёлкин Феликс Кириллович – в 1960–1962 гг. инженер-конструктор сектора 7.

Щербина Александр Николаевич – сотрудник ВНИИТФ с 1955 г., с 1997 г. начальник Центра проблем безопасности ядерной энергетики, доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР и премии Правительства РФ.

Содержание

Предисловие	3
Андрусенко Борис Александрович	4
Артамонов Юрий Николаевич.....	18
Бибикин Михаил Александрович.....	32
Биктимиров Рамиль Сабирович.....	40
Бородулин Александр Васильевич	49
Бронников Николай Васильевич	66
Бунатян Армен Айкович.....	72
Васильев Александр Федорович.....	91
Васильев Дмитрий Ефимович.....	105
Верниковский Владислав Антонович.....	133
Вовченко Дмитрий Филиппович.....	146
Воробьев Сергей Степанович.....	157
Гаврилов Виктор Юлианович.....	165
Голиков Евгений Мефодьевич.....	172
Голиков Николай Андреевич	179
Гречишников Владимир Федорович.....	194
Дмитриев Михаил Васильевич.....	207
Дорофеев Вениамин Арсеньевич	217
Дубицкий Валентин Викентьевич.....	227
Есин Павел Алексеевич	233
Желобанов Феликс Федорович	241
Жуков Анатолий Иванович.....	248
Жучихин Виктор Иванович.....	260
Забабахин Евгений Иванович	273
Захаренков Александр Дмитриевич	296
Зырянов Семен Алексеевич	312
Зысин Юрий Аронович	320
Иванов Геннадий Алексеевич	334
Израилев Исаак Моисеевич.....	342
Каргин Константин Александрович	348
Карих Николай Васильевич	356
Кириллов Вадим Иванович.....	363
Клименко Иван Илларионович.....	368
Крупников Константин Константинович	375
Крупнов Виктор Николаевич	391
Легоньков Владимир Иванович.....	396
Леденев Борис Николаевич	407
Ломинский Георгий Павлович.....	416

Мацкевич Анатолий Николаевич.....	435
Минько Аркадий Викентьевич.....	441
Нечай Владимир Зиновьевич.....	447
Николаев Василий Петрович.....	476
Николенко Гордей Иванович.....	483
Петров Евгений Николаевич.....	492
Погребов Игорь Сергеевич.....	499
Порецкий Лев Борисович.....	507
Потеряев Владимир Дмитриевич.....	512
Ратников Владимир Петрович.....	517
Рукавишников Валентин Григорьевич.....	522
Рыгин Борис Дмитриевич.....	532
Салтыков Николай Владимирович.....	537
Самылов Сергей Васильевич.....	542
Санин Игорь Васильевич.....	553
Сенькин Александр Николаевич.....	563
Сидоров Анатолий Федорович.....	571
Смирнов Николай Александрович.....	579
Стоцкий Анатолий Семенович.....	588
Тиханэ Олег Николаевич.....	595
Тренёв Владимир Петрович.....	608
Феоктистов Лев Петрович.....	614
Феоктистова Екатерина Алексеевна.....	632
Хисамутдинов Вильям Ризатдинович.....	641
Цырков Георгий Александрович.....	650
Чистяков Петр Флегонтович.....	656
Шоврин Юрий Иванович.....	665
Шумаев Михаил Петрович.....	672
Щёлкин Кирилл Иванович.....	681
Яненко Николай Николаевич.....	706
Послесловие.....	723
Перечень сокращений и условных обозначений.....	725
Об авторах воспоминаний.....	729